

Библиотека
Восточной
Религиозно-мистической
Философии

ЛЕГЕНДЫ О КРИШНЕ

Жизнь и Учение

Издательство «НИК»

Издательство

“ОДИССЕЙ”
Москва 1995

ББК 86.39
К82

Научный редактор издательства, лауреат Государственной премии Кыргызстана, проф. В.А. Шериев

К82 ЛЕГЕНДЫ О КРИШНЕ. (Жизнь и Учение). Эдуард Шюре, Рама, Кришна/ Пер. с франц. Е. П. Писаревой. Лаллу джи Лал, Прем Сагар/ Пер. с хинди А. П. Баранникова. Махабхарата. (Философские тексты). Бхагавадгита, Анугита и Санатсуджатапарван/ Пер. с санскр. Б. Л. Смирнова; Сост. В. А. Шериев — М.: ООО «НИК», «Одиссей», 1995.—800 с.

ISBN 5—86745—003—1

Предлагаемый выпуск является третьей книгой “Библиотеки восточной религиозно-мистической философии” и представляет собой первое, столь полное издание в нашем Отечестве оригинальных текстов о Кришне. В одной из самых популярных и любимых в Индии книг Лаллу джи Лала “Прем Сагар”, переведённой с хинди и прокомментированной академиком А. П. Баранниковым, приводится наиболее полный свод легенд о Кришне. В книгах знаменитого французского теософа Эдуарда Шюре “Рама” и “Кришна”, переведённых с французского русской теософкой Е. П. Писаревой, кратко излагается жизнь и учение Бога Кришны. В трёх книгах: “Бхагавадгита”, “Анугита” и “Санатсуджатапарван”, — переведённых с санскрита и прокомментированных академиком Б. Л. Смирновым, приводятся все философские тексты “Махабхараты” с изложением Учения Кришны. Выпуск адресован почитателям одного из величайших Учителей человечества — Бога Кришны, а также всем поклонникам восточной религиозно-мистической философии.

К 0403000000

ББК 86.39

ISBN 5—86745—003—1

© Издательство “Одиссей”, 1995

© ПИФ “НИК”, 1995

© КФМЦ “ТКИСО”, 1995

Эдуард ШЮРЕ

РАМА

(Арийский цикл)

Глава I. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РАСЫ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЕЛИГИЙ

Небо — Мой отец, он зачал меня. Все небесное население — семья моя. Моя Мать — великая Земля. Самая возвышенная часть ее поверхности — лоно ее; там отец оплодотворяет недра той, которая одновременно и супруга и дочь его."

Вот что четыре или пять тысяч лет назад пел ведический поэт перед жертвенником, на котором пылал огонь из сжигаемых сухих трав. Глубочайшей интуицией, величавым сознанием дышат эти странные слова. В них тайна двойного происхождения человечества. Предшествует Земле и превосходит Землю божественный тип человека; его душа — небесного происхождения. Но тело его происходит из земных элементов, оплодотворенных космической Сущностью. Объятия Урана и великой Матери означают на языке Мистерий — сонм души или духовных Молад, которые появляются, чтобы оплодотворить земные зародыши; они — организующие начала, без которых материя оставалась бы бездейственной и распадающейся массой. Наиболее возвышенной частью земной поверхности, которую ведический поэт называет ее лоном, являются континенты и горы, колыбели человеческих рас. Что же касается Неба, *Варуна* (Уран греков), оно являет собой невидимый сверхфизический строй, вечный и разумный, и оно обнимает собой всю бесконечность Пространства и Времени.

В этой главе мы будем рассматривать лишь земное происхождение человечества, следуя эзотерическим традициям, подтвержденным антропологической и этнологической наукой нашего времени.

Четыре расы, которые разделили между собой весь земной шар: возникли в различных странах земли.

Постепенно создавшиеся, медленно перерабатывавшиеся космическим творчеством континенты поднимались из глу-

бины морей, на расстояния огромных промежутков времени, которые древние жрецы Индии называли междумиллионическими циклами.

На протяжении тысячелетий каждый континент развивал свою флору и фауну и свое человечество с различным цветом кожи. Южный континент, поглощенный последним великим потопом, был колыбелью первобытной красной расы; индейцы Америки лишь остатки тех троглодитов¹, которые поднялись на вершины гор перед тем, как обрушился их континент. Африка — мать черной расы, называемая греками эфиопской. Азия произвела желтую расу, которая удерживается в китайской народности.

Последний пришелец — белая раса, вышел из лесов Европы, простиравшихся между бурным Атлантическим океаном и улыбающимся Средиземным морем. Все разновидности человеческого рода происходят из смешения, вырождения и подбора этих четырех великих рас.

В предыдущих циклах господствовали поочередно красная и черная раса и они обладали могучими цивилизациями, оставившими следы в циклопических постройках и в архитектуре Мексики. В храмах Индии и Египта имелись относительно этих угасших цивилизаций краткие указания в тайных письменах и иероглифах.

В настоящем цикле господствует белая раса, и если измерить вероятную древность Индии и Египта, начало ее господства следует отнести за семь или восемь тысяч лет назад².

По браманическим традициям, цивилизация началась на нашей земле пятьдесят тысяч лет тому назад на южном континенте, где обитала красная раса тогда, когда вся Европа и часть Азии находились еще под водою. Мифологии упоминают также о предшествующей расе гигантов. В пещерах Тибета были найдены гигантские человеческие скелеты, построение которых походит более на обезьяну, чем на человека. Их относят к первобытному человечеству, посредствующему, еще близкому к животному состоянию, не владевшему еще ни членораздельной речью, ни общественной организацией, ни религией.

1 Между двумя всемирными потоками.

2 Пещерные люди, которые, по определению современной науки, принадлежали, главным образом, к четвертичной геологической эпохе.

3 Это разделение человечества на четыре последовательные первоначальные расы признавалось и древними жрецами Египта. Они представлены в живописных изображениях на гробнице фараона Сети I в Фивах под видом четырех фигур с различной окраской кожи. Красная раса носит имя Рот, азиатская раса с желтой кожей — имя Аму; африканская черная называется Галасиу (Halasica); европейская белая раса с белокурыми волосами — Тамхму (Tamaheu) Lenormant "Histoire des peuples d'orient" I.

Ибо эти три вещи возникают всегда одновременно; и в этом скрытый смысл триады бардов, который выражается так: "Три вещи сосуществовали изначала: Бог, Свет и Свобода". С первым возникновением речи родится общественность и неясное туманное сознание о божественном порядке. Это — дыхание Иеговы в уста Адама, глагол Гермеса, закон первого Ману, огонь Прометея, Бог, содрогающийся в человеческой животности.

Красная раса, как мы уже сказали, занимала континент, погрузившийся на дно океана, называемый Платоном по египетским традициям — Атлантидой. (По эзотерическим учениям древней Мудрости Атлантида находилась между западным побережьем теперешней Европы и Африки и обеими Америками. В незапамятные времена обширный материк этот погрузился на дно океана, а оторвавшаяся от него часть, в виде большого острова, которому Платон дал название Poseidonis, существовала еще долго после катастрофы; она погрузилась в воду около 9500 лет до Р. Х. Атлантида считается родиной четвертой расы, именуемой в оккультизме Kusha. Ее третьей подрасой были Толтеки, от которых и произошла красная раса.) Великий катаклизм природы уничтожил его и раздробил на части. Несколько полинезийских рас, а также индейцы Северной Америки и ацтеки, которых Фр. Писарро встретил в Мексике, вот все остатки древней красной расы, которая обладала когда-то цивилизацией, имевшей свои дни славы и величия. Все эти отсталые представители погибшего прошлого несут в своей душе неизлечимую меланхолию древних рас, вымирающих без надежды на будущее.

После красной расы на Земле господствовала черная раса¹. Высший тип этой расы нужно искать не среди негров, а среди абиссинцев и нубийцев, у которых сохранился характер эпохи ее расцвета, когда она достигла наивысшей точки развития.

Черные наводняли юг Европы в доисторические времена, но были в свое время вытеснены оттуда белыми, и самое воспоминание о них совершенно исчезло из народных преданий. Но два неизгладимых следа все же оставлены ими в верованиях народов: страх перед драконом, который был эмблемой их королей, и уверенность, что дьявол черного цвета. Черные отплатили белым за это оскорбление и сделали своего дьявола белым.

Во времена господства черные имели религиозные центры в Верхнем Египте и в Индии. Их циклопические города

¹ По тем же учениям, черная раса произошла от существовавшей на южном материке, который погиб ранее Атлантиды, третьей коренной расы Лемурийской. — Красная раса произошла от второй коренной расы, от Атлантов.

увенчивали зубами горные кряжи Африки и центральной Азии. Их общественный строй представлял собою абсолютную теократию. На верху — жрецы, которых боялись, как богов; внизу — кишашие, как в муравейнике, племена, даже без признанного семейного начала, с женщинами-рабынями.

Их жрецы обладали глубокими познаниями, они признавали божественное единство мироздания и владели звездным культом, который под именем сабеизма, проник и к белым народностям.

Но между наукой черных жрецов и грубым идолопоклонством народных масс не было посредствующих звеньев, не было идеализма в искусстве, не было доступной мифологии, хотя уже существовала промышленность, в особенности строительное искусство, умение строить из колоссальных камней и производство из металлов в гигантских горнах, где выливались металлы с помощью военнопленных.

У этой расы, могучей по своей физической выдержке, по страстной энергии и способности привязываться, религия являлась царством силы, которое поддерживалось страхом. Природа и Бог являлись сознанию этих младенческих народов не иначе как под видом дракона, страшного допотопного зверя, нарисованное изображение которого красовалось и на королевских знаменах и вырезалось жрецами над дверями их храмов.

Если черная раса созрела под палящим солнцем Африки, расцвет белой расы совершался под ледяным дуновением северного полюса. Греческая мифология называет белых гиперборейцами. Эти люди, рыжеволосые, голубоглазые, шли с Севера через леса, освещаемые северным сиянием, в сопровождении собак и оленей, ведомые смелыми предводителями, понуждаемые даром ясновидения своих женщин. Золото волос и лазурь глаз — цвета предопределенные. Этой расе назначено было создать солнечный культ священного огня и внести в мир тоску по небесной родине. Позднее белая раса попеременно то восставала мятежно против Неба, до желания взять его приступом, то простиралась ниц перед его славой в безграничном обожании.

Белая раса, подобно остальным расам, должна была пройти через все ступени развития, прежде чем овладеть самопознанием. Ее отличительные признаки — потребность индивидуальной свободы, чувствительность, которая создает силу симпатии, и потребление интеллекта, придающего воображению идеальное и символическое направление. Способность

1 Это утверждается и арабскими историками, например, Абуль-Гази, в генеалогической истории татар и персидским историком Магомед-Моисен. См. книгу William Jones: "Asiatic Researches. I. Рассуждение о татарах и персах".

страстно чувствовать вызвала у мужчины привязанность к одной определенной женщине — отсюда наклонность этой расы к единоженству, к брачному началу и семье. Потребность в индивидуальной свободе, соединенная с общественностью, создала клан с его избирательным началом. Идеальное воображение вызвало культ предков, который составляет корень и центр религии у народов белой расы.

Начало социальное и политическое зарождается в тот день, когда толпа полудиких людей, теснимая враждебным племенем, собирается вместе и выбирает самого сильного и самого разумного из своей среды, чтобы он защищал их от врага и повелевал ими. Подобный добровольно избранный предводитель — прообраз будущего короля; его товарищи — будущее высшее сословие; старцы, отличающиеся разумностью, но потерявшие физическую бодрость, образуют уже нечто в роде сената или собрания старейших.

Как же объяснить возникновение религии? По объяснению материалистической науки, религия возникла вследствие страха первобытного человека перед силами природы. Но страх не имеет ничего общего с уважением и любовью. Страх не связывает факта с идеей, видимое с невидимым, человека с Богом. Пока человек только дрожал перед природой, он еще не был человеком. Он сделался человеком тогда, когда уловил связь, которая соединяет его с прошедшим и будущим и с тем высшим благом Началом, которое оставалось для него таинственным Неизведанным, которое он все же чувствовал и, чувствуя, испытывал потребность преклоняться перед Ним. Но как началось это преклонение?

Фабр Д'Оливе дает в высшей степени удачную и убедительную гипотезу, каким образом возник впервые культ предков у белой расы¹. В воинственном клане, между двумя соперничающими воинами, возникает ссора. Рассвирепев, они собираются броситься друг на друга; нападение уже началось; в эту минуту женщина из их клана, с распущенными волосами, бросается между ними и разделяет их. Это — сестра одного и жена другого. Глаза ее мечут молнии, голос ее звучит властно. Она восклицает — и слова ее бьют как молот, — что видела в лесу предка племени, победоносного воина прежних времен, явившегося перед ней глашатаем. Он не хочет, чтобы два воина-брата бились, но желает, чтобы они соединились против общего врага. "Тень великого предка, его дух говорил со мной!" восклицает женщина в порыве пламенного вдохновения. — "Он говорил со мной! Я видела его!"

Она говорит и сама горячо верит в правду своих слов. Убежденная, она убеждает. Вздвигнутые, удивленные и как бы пораженные невидимой силой, примеренные против-

¹ "Histoire philosophique du genre humain". Том I.

ники подают друг другу руки и смотрят на вдохновенную женщину, как на нечто высшее, божественное.

Подобные вдохновения, сопровождавшиеся последствиями вроде описанного, должны были происходить нередко, и при том при самых разнообразных обстоятельствах, в доисторической жизни белой расы. У варварских племен женщина, одаренная большой нервной чуткостью, ранее других предчувствует оккультное и утверждает невидимое.

Попробуем представить себе все неожиданные последствия, которые могли последовать за чудесным происшествием, в роде вышеизложенного. Внутри клана и во всем племени только и говорят, что о совершившемся чуде. Дуб, под которым вдохновенная женщина видела тень предка, делается священным деревом. Ее снова приводят к нему; и там, под магнетическим влиянием Луны, погружающим в состояние духовидения, она продолжает пророчествовать именем великого предка. Еще позднее, эта женщина и ей подобная, став в величественной позе на возвышении посреди лесной поляны, при шуме ветра и рокочущего вдали океана, вызывает души предков перед трепещущей толпой, которая видит их или воображает, что видит, как они, привлеченные магическими заклинаниями, появляются в бледном тумане, волшебным клубящемся в призрачном сиянии Луны. Так последний из великих кельтов, Оссиан, вызывал Фингала и его товарищей из ступившихся облаков.

Таким образом в самом начале общественной жизни, культ предков водворился у белой расы. Великий предок стал Божеством народности. Вот начало религии.

Но это не все. Вокруг пророчицы собираются старцы, которые наблюдают за ней во время ее ясновидящих снов, ее пророческих экстазов. Они изучают различные ее состояния, проверяют ее откровения, толкуют ее предсказания. Они замечают, что когда она пророчествует в состоянии духовидения, ее лицо преобразается, ее речь делается ритмической и голос ее крепнет, когда она произносит свои предсказания величественным и торжественным напевом. (Все, кто видел настоящую сомнамбулу, поражаются странным расширением сознания, которое происходит во время ясновидящего сна. Для тех кто не был свидетелем подобных явлений и кто усомнился бы в сказанном, мы приведем отрывок из Давида Штрауса, которого нельзя заподозрить в суеверии. Он увидел у своего друга, Юстина Кернера, знаменитую "Превостскую ясновидящую" и описал ее в следующих выражениях: "вскоре ясновидящая впала в

1 Мифический отец Оссиана, герой шотландских народных песен, живший по преданию в III веке по Р. Хр

магнетический сон и я в первый раз увидел это чудесное зрелище и притом в его наиболее чистом и прескрасном проявлении. Лицо ее приняло выражение страдающее, но возвышенное и нежное и как бы залитое небесным сиянием; речь ее раздавалась чистая, размеренная, торжественная и музыкальная, нечто вроде речитатива; изобилие ее чувств как бы изливалось подобно облачным образованиям, то светящимся, то темным, скользящим поверх души; или же, еще лучше сравнить их с дуновениями, меланхолическими и ясными, проносившимися по струнам чудной золотой арфы. (Trad R. Lindau, Biographie, art. Kerner)).

Отсюда возникли и строфы, и поэзия, и музыка, происхождение которых считается божественным у всех народов арийской расы. Идея откровения могла создаться у человечества лишь на почве подобных фактов. И здесь мы видим, как из одного и того же источника вытекают и религия, и культ, и жречество, и поэзия.

В Азии, в Иране и в Индии, где народы белой расы основали первые арийские цивилизации, смешавшись с народами других цветов, мужчины взяли верх над женщинами в деле религиозного вдохновения. Здесь мы постоянно слышим о Мудрецах, Rishis, Пророках. Изгнанная, подчиненная женщина остается жрицей одного только семейного очага. Но в Европе следы преобладания женщины встречаются у народов белой расы, оставшихся варварами в течение тысячелетий. Роль эта проглядывает в скандинавской волшебнице, в Волюспе Эдды, в кельтической друидессе, в женщинах-вещуньях, сопровождавших германские армии и решавших день битвы, вплоть до фракийских вакханок, которые появляются в легенде об Орфее. Доисторическая пророчица преобразуется в дельфийскую Пифию.

Первобытные прорицательницы белой расы образовали коллегию друидесс, под наблюдением ученых старцев или друидов, "Людей дуба". Вначале они были благотворительным явлением. Своей интуицией, свои пророческим даром, своим энтузиазмом они дали сильный толчок той расе, которая в это время начинала свою многовековую борьбу с черными. Но быстрая порча и ужасающие излишества этих учреждений были неизбежны. Чувствуя себя духовными распорядителями народов, друидессы захотели во что бы то ни стало подчинить их и в смысле земном. Когда они лишились вдохновения, они попробовали господствовать посредством страха. Они потребовали человеческих жертв и сделали их необходимыми элементами своего культа. В этом им помогали героические инстинкты их рас. Белые были храбры; их воины

1 Последняя битва между Ариовистом и Цезарем в комментариях Цезаря.

презирали смерть; при первом зове друидессы, они шли добровольно и, чтобы отличаться, бросались под ножи своих кровожадных жриц.

Целыми человеческими гекатомбами посылались живые к мертвым в качестве вестников, в надежде обрести благосклонность предков. Эта постоянная угроза, исходившая из уст пророчиц и друидов и витавшая над головами первых народных предводителей, сделалась страшным средством их владычества.

Факт этот является замечательным примером, как неизбежно подвергаются порче самые благородные инстинкты человеческой природы, когда они не подчинены авторитету, направленному сверхличным сознанием к добру. Предоставленное случайному честолюбию и личным страстям, вдохновение вырождается в суеверие, мужество в зверство, высокая идея самопожертвования в средство для тирании, в коварную и жестокую эксплуатацию.

Но белая раса была жестокой и безумной только в продолжении своего детства. Страстная в сфере душевной, она должна была пройти через много других еще более кровавых кризисов. Она была только-что разбужена нападениями черной расы, которая начинала обступать ее с юга Европы. Борьба была неравная с самого начала. Белые, наполовину дикие, выходя из своих лесных жилищ, не имели других средств обороны, кроме топоров, пик и стрел с каменными наконечниками. Черные имели железное оружие, медное вооружение, все средства цивилизации и свои циклопические города.

Раздавленные при первом же столкновении и уведенные в плен, белые сделались, в общем, рабами черных, заставлявших их обрабатывать камень и носить руду для плавления в их печах. Между тем, убсжавшие пленные приносили в свою страну обычаи, искусство и обрывки знаний своих победителей. Они вынесли от черных два важных искусства: плавление металлов и священное письмо, т. е. искусство запечатлевать определенные идеи таинственными иероглифическими знаками на коже животных, на камнях, или на коре ясеня; отсюда — кельтические руны.

Расплавленный и выкованный металл сделался оружием для войны; священные письмены дали начало науке и религиозным традициям. Борьба между белой расой и черной продолжалась в течение долгих веков; она передвигалась, разгораясь то между Перинсеями и Кавказом, то между Кавказом и Гималаями. Спасение белых было в лесах, где они могли прятаться как дикие звери, чтобы вновь появляться внезапно, в благоприятные минуты. Осмелев, привыкнув к войне, вооруженные с каждым веком все лучше и лучше,

они наконец взяли верх, разгромили города черных, прогнали их с берегов Европы и завладели в свою очередь севером Африки и центральной Азией, которая в те времена была занята смешанными народностями.

Смещение обеих рас происходило двумя способами: или посредством колонизаций, или путем воинственных завоеваний. Фабр д'Оливе, этот удивительный провидец доисторического прошлого, бросает яркий свет на происхождение семитических народностей и народов арийской расы.

Там, где белые колонисты подчинились чернокожим народам, признав их владычество и получив от их священников религиозное посвящение, там — по мнению Фабра д'Оливе — образовались народы семитические, как египтяне (до Менеса), арабы, финикийцы, халдеи и евреи. Наоборот, другие арийские цивилизации как иранская, индусская, греческая и этруская возникали там, где белые покорили черных путем завоеваний. Прибавим, что к числу арийских племен мы причисляем также все белые народы, оставшиеся в древности в состоянии бродячем и варварском, как, например, скифы, готы, сарматы, кельты и поздние германцы.

Этим и объясняется различие религий, а также и письменности у народов семитического и арийского происхождения. У семитов, подпавших под интеллектуальное влияние черной расы, замечается поверх народного идолопоклонства склонность к единобожию, к началу единого Бога, невидимого, абсолютного и не имеющего формы, что было одним из главнейших догматов жрецов черной расы и их тайного посвящения. У белых, как смешавшихся с побежденными, так и сохранившихся в чистом виде, замечается обратная склонность к многобожию, к мифологии, к олицетворению Божества, что истекает из их любви к природе и их страстного почитания предков.

Главную разницу между способом письма у семитов и у арийцев ф. д'Оливе объясняет той же причиной. Почему все семиты пишут справа налево, а все арийцы — слева направо? Объяснение, которое дает ф. д'Оливе, и любопытно, и оригинально. Он вызывает перед нашими глазами настоящие видения затерянного прошлого. Все знают, что в доисторические времена совсем не было общедоступного письма. Оно распространилось только с появлением фонетического письма или искусства изображать посредством букв самые звуки слов. Что ж касается иероглифического письма или искусства изображать вещи посредством знаков, то оно столь же древнее, как и сама человеческая цивилизация. Но в эти первобытные времена, когда письмо было исключительной принадлежностью священнослужителей, на него смотрели как на место священное, как на религиозную деятельность, а в

самом начале как на божественное вдохновение. Когда в южном полушарии жрецы черной расы чертили на коже животных или на каменных столах свои таинственные знаки, они имели обыкновение поворачиваться лицом к южному полюсу, рука же их направлялась к Востоку — источнику света. Вот почему они писали справа налево.

Священники белой расы или северной расы научились писать от черных жрецов и вначале писали так же, как и эти последние. Но когда у них стало развиваться сознание своего происхождения, национальное чувство и расовая гордость, они изображали свои собственные знаки, и вместо того, чтобы обращаться к Югу, к стране черных, они стали оборачиваться к Северу, к стране предков, продолжая во время письма направлять руку к Востоку. Отсюда и направленность их букв слева направо. Отсюда и способность начертания кельтических рун, зендского, санскритского, греческого, латинского письма и всех начертаний арийской расы. Они стремятся к Солнцу, к источнику земной жизни, но смотрят они на Север, в страну предков, в таинственный источник небесных зорь.

Течение семитическое и течение арийское — вот два потока, которые принесли нам все наши идеи, все предания и религии, все искусства, науки и философии. Каждое из этих течений несет в себе противоположные понятия о жизни, и только из примирения и гармонического сочетания этих противоположностей получится истина.

Семитическое течение содержит высшие абсолютные истины; идея Единства и Всемирности во имя Верховного начала, в осуществлении своем, ведет к соединению человечества в одну семью. Арийское течение включает в себе идею восходящей эволюции во всех земных и сверхземных царствах и ведет в своем применении к бесконечному разнообразию, выражающему все богатство природы и всю сложность стремлений души. Семитический гений спускается от Бога к человеку; арийский гений восходит от человека к Богу. Первый символизируется карающим Архангелом, который спускается на Землю, вооруженный мечом и молнией; второй — Прометеем, держащим в руках похищенный с Неба Огонь и гордым взором измеряющим Олимп.

Оба эти гения мы носим внутри себя. Мы думаем и действуем поочередно под влиянием то одного, то другого. Они переплетены, но не оплачены в нашем разуме. Они противостоят друг другу и борются в глубине наших чувств и в тончайших изгибах наших мыслей, так же как и в нашей общественной жизни и в наших учреждениях. Скрытые под сложными формами, которые можно обозначить неприимным и непреодолимым, а между тем истинный прогресс

человечества и его спасение — от примирения и слияния обоих начал в едином синтезе.

Вот почему мы стремимся в нашей книге проникнуть до источника обоих течений, до появления в мир обоих гениев. Минувя споры между историческими системами, борьбу различных культов, противоречия священных текстов, мы проникаем в самое сознание тех основателей и пророков, которые дали религиям их первоначальный толчок. Они обладали глубокой интуицией и вдохновением свыше, которые проливают потоки света и в то же время побуждают к плодотворному действию.

Да, тот синтез, в котором так нуждается современное человечество, предсуществовал в них. Божественный свет побледнел и затемнился со временем, но свет этот появляется вновь, он снова сияет каждый раз, когда на протяжении исторической драмы пророк, герой или ясновидящий поднимает сознание людей к Первоисточнику. Ибо только из точки отправления возможно увидеть цель; из центрального Солнца можно видеть направление бегущих планет.

Таково откровение в мировой истории, непрестанное, постепенно раскрывающееся, многообразное как сама природа, но исходящее из одного центрального источника, единое как сама истина, неизменное как Бог.

Исследуя семитическое течение, мы приходим — через Моисея — в Египет, в храмах которого (по Манефону) хранились предания, древность которых исчисляется в тридцать тысяч лет. Поднимаясь по арийскому течению, мы проникаем в Индию, где развернулась первая великая цивилизация, явившаяся результатом победы белой расы.

Индия и Египет, эти две Матери религий, обладали тайнами Великого Посвящения. Мы проникаем в их святилища.

Но предания их поведут нас еще глубже, в эпоху еще более отдаленную, когда оба различные гения, о которых была речь, являются перед нами соединенные в чудную гармонию. Это — первобытная арийская эпоха. Благодаря превосходным работам современной науки, благодаря филологии, мифологии и сравнительной этнологии мы в состоянии различить очертания этой эпохи. Она вырисовывается на фоне ведических гимнов, которые являлись лишь ее отражением, отличаются величавой простотой и чудной чистотой линий. Это был век зрелости, совсем не напоминающий золотой век детства, о котором мечтают поэты; и хотя страдания и борьба не отсутствуют и в нем, все же в людях того века чувствуется такая полнота веры, силы и ясности, вернуть которую человечество уже не могло с тех пор.

В Индии мысль углубляется, и чувства уточняются. В Греции страсти и идеи одеваются в чары искусства, в

магические покровы красоты. Но никакая поэзия не в состоянии превзойти некоторые ведические гимны по нравственной возвышенности, по всеобъемлющей ширине мысли. Они проникнуты чувством божественности всей природы; они объятые тем невидимым, что окружает проявленный мир, они настроены тем Великим Единством, которое соединяет все в единую гармонию.

Каким образом возникла подобная цивилизация? Как могла развиваться такая высокая интеллектуальность среди постоянных войн с природой? Здесь останавливается исследование современной науки, но религиозные предания народов, истолкованные в их эзотерическом смысле, идут гораздо дальше и позволяют нам отгадать, что первое средоточие ядра арийской расы в Иране произошло благодаря определенному подбору, произведенному в недрах самой белой расы под руководством победителя и законодателя, который дал своему народу религию и законы, соответствующие гению белой расы.

И в самом деле, священная книга персов Зенд-Авеста упоминает об этом древнем законодателе, называя его имя Йима (Yima), а Зороастр, основывая новую религию, ссылается на него, как на своего предшественника, как на первого человека, с которым говорил Ормузд, живой Бог, точно так же как Иисус Христос ссылается на Моисея. Персидский поэт Фирдоуси называет этого законодателя Джэм, Завоеватель черных.

В индусской эпопеи Рамаяна он появляется под именем Рамы, облеченный в достоинство индусского короля, окруженный блеском великой цивилизации; но при этом он ясно сохраняет обе свои характеристики: завоевателя, создающего новую общественность, и Посвященного. В египетских преданиях эпоха Рамы обозначается как царство Озириса, Владыки света, которое предшествовало царству Изиды, царицы мистерий.

Наконец, в Греции древний герой и полубог почитался под именем Диониса, которое происходит от санскритского Deva Nahousha, — Божественный Преобразователь. Орфей давал то же имя божественному Разуму, а поэт Ноннус, следуя элевзинским преданиям, воспевал покорение Индии Дионисом.

Как лучи одного и того же круга, все эти предания указывают на один общий центр; следуя по направлению тех лучей, можно убедиться, что все они исходят из него. Итак, минуя Индию Вед, минуя Иран Зороастра, мы увидим — при сумрачном рассвете белой расы — первого Создателя арийской религии, выступающим из лесов древней Скифии в двойной тиаре завоевателя и Посвященного, несущим в

руке мистический Огонь, тот священный Огонь, от которого загорится духовный свет для всех арийских народов.

Фабру д'Оливе обязаны мы указаниями на этот таинственный и величавый образ¹; он проложил святую тропу, следуя по которой попробую и я вызвать его перед читателями.

Глава II. МИССИЯ РАМЫ

Четыре или пять тысяч лет до нашей эры, непроходимые леса покрывали древнюю Скифию, которая простиралась от Атлантического океана до полярных морей. Черные называли этот континент, на их глазах, остров за островом, всплывавший со дна океана: "Землею, рожденной из волн". Сильно отличалась она от их земли, побелевшей под лучами жгучего солнца, своими зелеными берегами, своими влажными заливами, задумчивыми реками, глубокими озерами и вечно нависшими на ее горных скатах туманами. На покрытых травой равнинах, еще не тронутых культурой, необозримых как пампасы, не раздавалось иных звуков, кроме криков хищных зверей, рева буйволов и неукротимого топота диких коней, мчавшихся большими табунами с развевающимися гривами.

Белый человек, обитавший в лесах, перестал быть пещерным человеком. Он мог уже считать себя хозяином Земли; он изобрел кремневые ножи и топоры, лук и стрелы, пращу и синок. И, кроме того, он приобрел двух товарищей для борьбы, двух превосходных друзей, переданных до смерти: собаку и лошадь. Домашняя собака, ставшая верным стражем его деревянной хижины, обеспечивая ему безопасность его очага. Покорив своей властью лошадь, он в то же время завоевал и Землю, и подчинил себе других животных. Он стал царем пространства. Верхом, на диких конях, эти первобытные люди носились по равнинам как ветер. Они убивали медведей, волков, бизонов, и приводили в ужас пантер и львов, населявших в те времена европейские леса.

Начало цивилизации было положено; первобытная семья, клан, поселок, были вызваны к существованию. Скифы, сыны Гиперборейцев, всюду воздвигали своим предкам чудовищные жертвенные камни².

Когда умирал предводитель, с ним вместе погребалось его оружие и его конь для того, чтобы воин мог совершать

¹ Histoire philosophique du genre humain. Том I.

² Menhir, высокий камень в виде колонны, употреблявшийся друидами при богослужении древних Галлов.

объезд по небесным равнинам и охотиться на том свете за огненным драконом; отсюда обычаем приносить в жертву коня, который играет такую большую роль в Ведах и у Скандинавов. Таким образом, в основу религии был положен культ предков.

Семиты нашли единого Бога, мировой Дух в пустыне, на вершине гор, в необъятности пространств. Скифы и Кельты нашли многих богов, многочисленных духов в глубине своих лесов. Там раздавались для них голоса из невидимых миров, там являлись им видения, там они испытывали первый трепет перед Неизведанным. И навсегда остались леса, с их жуткой таинственностью и очарованием, дороги для белой расы.

Привлеченные шумом деревьев и магией лунного света, белые люди испытывают неодолимую тягу к своим лесам, они возвращаются к ним снова и снова, как к источнику молодости, как к храму великой Матери Герты. Там спят их боги, их воспоминания, их затерянные мистерии.

С незапамятных времен, ясновидящие женщины пророчествовали под сенью деревьев. Каждое племя имело свою великую пророчицу наподобие Волюспы у Скандинавов с ее коллегией друидесс. Но эти женщины, действовавшие в начале под благородным вдохновением, сделались впоследствии честолюбивыми и жестокими. Они основали человеческие жертвоприношения, и кровь текла безостановочно на дольменах при зловещем пении жрецов, при иступленных восклицаниях диких Скифов.

Среди этих жрецов находился молодой человек в цвете лет, по имени Рам, который также готовился к священослужению; но его глубокая душа и ясный ум возмущались при виде этого кровавого культа. Молодой друид был нрава кроткого и серьезного, он выказывал с ранних лет необычайную способность к распознаванию целсных и ядовитых свойств растений, к приготовлению их соков, а также к распознаванию Звезд и их влияния на человеческую судьбу. Он был способен угадывать и видеть самые отдаленные вещи; отсюда его влияние даже на старейших друидов.

Доброжелательство и величие исходило из его речей и из всего его существа. Его мудрость составляла поразительный контраст с безумием друидесс, с мрачными проклятиями, которые изрекали их оракулы в своем иступленном бреду.

Друиды называли его: "тот, который знает", народ же прозвал его "свыше вдохновенным миротворцем". Рам, стремившийся к духовным познаниям, странствовал по всей Скифии, а также и в полуденных странах. Очарованные его личными познаниями и его скромностью, жрецы Черных поведали ему часть своих оккультных знаний.

Вернувшись на Север, Рама был потрясен при виде культа человеческих жертв, свирепствовавших среди его расы. Он видел в этом признак ее гибели; но как побороть этот страшный обычай, распространившийся благодаря властолюбию друидесс, корысти жрецов и суеверию народа? В это время новый бич был ниспослан на белых, и Рам увидел в этом наказание свыше за кощунственный культ.

Благодаря своим вторжениям в южные страны и соприкосновению с Черными, Белые принесли в свою страну страшную болезнь, род чумы. Она заражала человека через кровь, через самые источники жизни. Все тело покрывалось черными пятнами, дыхание становилось зараженным, распухшие и разъеденные нарывами члены искривлялись, и больной умирал в страшных мучениях. Дыхание живых и смрад от мертвых распространялся заразу. Обезумевшие Белые падали тысячами в предсмертной агонии в глубине своих лесов, покинутых даже хищными птицами. Огорченный Рам тщетно искал средства к спасению.

Он имел обыкновение предаваться молитвенному размышлению под дубом, на лесной поляне. Однажды вечером, он долго размышлял над страданиями своей расы; он заснул у подножия дерева. Во сне услышал, как сильный голос звал его по имени, и ему показалось, что он проснулся. Он увидел перед собой величественного человека, одетого в такие же белые одежды друида, какие были и на нем. Он держал жезл, вокруг которого обвивалась змея. Удивленный Рам намеревался спросить у незнакомца, что это значит. Но незнакомец взял его за руку, поднял его, и, показав ему на том самом дереве, под которым он спал, прекрасную ветку омелы, сказал: "О Рам! средство, которое ты ищешь, здесь, перед тобой". Затем он достал из своих одежд маленький золотой серп, отрезал ветку и подал ему. Он произнес еще несколько слов о том, как готовить омелу, и исчез.

Тогда Рам проснулся совсем и почувствовал себя сильно облегченным. Внутренний голос сказал ему, что он нашел спасение, и он приготовил омелу по совету неземного друга с золотым серпом, и дал выпить этот напиток больному, и больной выздоровел. Чудесные исцеления, которые затем производил Рам, доставили ему большую известность во всей Скифии. Всюду призывали его для излечения заболевших. Спокоенный друидами своего племени, он доверил им свое открытие, выражая желание, чтобы оно осталось тайной жреческой касты, дабы обеспечить ее авторитет.

Учеников Рамы, переходивших с места на место по всей Скифии с ветками омелы в руках, считали божественными вестниками, а самого Раму — полубогом.

Это событие стало основой нового культа. Омела стала с тех пор священным растением. В память события, Рам учредил праздник Рождества, или нового спасения, который он поместил в начало года и который называл *Ночь-Мать* (нового Солнца), или *великое Обновление*.

Что касается таинственного существа, которое указало Раме на омелу, его называли в эзотерическом предании *Aesc-beyl-bora*, что означает: "надежда спасения скрывается в лесу". Грски сделали из этого имени Эскулапа, гения врачебного искусства, держащего в руках магический жезл — кадуцей.

Но Рам, "свыше вдохновенный миротворец", видел перед собой более обширные цели. Он решил излечить свой народ от нравственной язвы, более печальной, чем физическая зараза. Избранный начальником жрецов своего племени, он отдал приказание всем коллегиям друидов и друидесс положить конец человеческим жертвоприношениям. Эта весть облетела все страны вплоть до океана и, вызвав великую радость в одних, возмутила других как святотатственное посягательство. Друидессы, угрожаемые в самой основе своей власти, подняли страшный ропот против дерзновенного, посылали ему проклятия и провозгласили его приговоренным к смерти. Многие друиды, видевшие в человеческих жертвах средство для своего господства, присоединились к ним. Рам, презносимый одними, был проклинаем другими. Но, полный решимости не отступать ни перед какой борьбой, он еще более оттенил эту борьбу, водрузив новый символ.

Каждое белое племя имело свой знак в образе животного, которое олицетворяло качества, наиболее ценимые племенем. Одни предводители прибавляли над крышей своего деревянного дворца головы журавлей, орлов или коршунов, другие — головы дикого вепря или буйвола; отсюда произошла геральдика. Любимым знаменем Скифов был бык, которого они называли Тор, олицетворение животной силы и жестокости. Рам, в противоположность быку, дал другой символ, овна, храброго и миролюбивого предводителя стада, и он стал условным знаком, соединившем всех приверженцев Рама. Это знамя, водруженное в центре Скифии, сделалось сигналом для всеобщего брожения и произвело революцию во всех умах. Белые народы разделились на два лагеря. В самой душе белой расы произошел раскол, благодаря стремлению отделаться от грубой животности и подняться на первую ступень невидимого святилища, которое ведет к богочеловечеству.

"Смерть Овну!" — Кричали сторонники Тора. "Война с Тором!" — кричали друзья Рама. Ужасная война была неизбежна.

Перед такой возможностью Рам поколебался. Допустив такую войну, не усилит ли он зло и не поведет ли свою расу к истреблению? В ответ на эту тревогу он имел новое сновидение.

Грозное небо было покрыто мрачными тучами, которые громоздились на горах и в стремительном беге задевали качающиеся вершины лесов. На высокой скале стояла женщина с распущенными волосами; она была готова нанести смертельный удар воину во цвете лет, лежавшему связанным у ее ног. "Во имя предков остановись!" — закричал Рам, бросаясь на женщину. Друидесса, угрожая противнику, бросила на него пронизывающий взгляд. В это время из низко нависших туч раздался раскат грома и, озаренный сверкнувшей молнией, появился ослепительный образ.

Весь лес осветился; друидесса упала как сраженная молнией, узы пленника распались, и он посмотрел на ослепительное видение со страхом. Рам не дрожал, ибо в представшем видении он узнал божественное существо, которое уже беседовало с ним под дубом. На этот раз оно показалось ему еще прекраснее. От его облика исходил свет.

И тогда Рам увидал, что он находится в открытом храме, поддерживаемом рядами колон. На месте жертвенного камня возвышался алтарь. Рядом с алтарем стоял воин, но глаза его все еще выражали предсмертный страх. Женщина, распростертая на плитах храма казалась мертвой, а божественный Вестник держал в правой руке факел, а в левой — чашу. Он посмотрел на Рама с благоговением и сказал: "Рама, я доволен тобою. Видишь ты эту чашу? Это — чаша Жизни и Любви. Дай факел мужчине, а чашу женщине". Рама исполнил повеление Вестника. Только что факел коснулся руки воина, а чаша — руки женщины, как огонь сам собою зажегся как алтаре, и оба стояли преображенные его светом.

В то же время храм раздвинулся; его колонны поднялись до Неба; его купол преобразился в звездное Небо. И тогда Рам, унесенный своим сновидением, увидел себя на вершине горы. Стоявший рядом с ним божественный Вестник объяснил ему смысл Созвездий и учил его читать в сияющих знаках зодиака судьбы человечества.

Кто ты, Дух мудрости? — спросил Рам и Вестник отвечал: Меня зовут Deva Nahousha, Божественный Разум. Ты будешь распространять мои лучи по земле, и я буду всегда приходить по твоему зову, а теперь иди по предначертанной тебе дороге". И божественный Вестник указал рукой на Восток.

Глава III. ИСХОД И ПОБЕДА

В этом видении Рама увидел, как бы освещенными молнией, свою миссию и великую судьбу своей расы. С этих пор он уже не колебался. Вместо того, чтобы зажечь братоубийственную войну между народностями Европы, он решил увести избранных из своей расы в самое сердце Азии.

Он известил своих, что намерен основать культ Священного Огня, который поведет к счастью; что человеческие жертвы уничтожаются навсегда; что вызывание предков будет совершаться не кровавыми жрицами на диких скалах, оскверненных человеческой кровью, но у каждого домашнего очага, перед очищающим Огнем, супругом и супругой, соединенными в одной и той же молитве, в одном гимне поклонения. Да, видимый Огонь алтаря, символ и проводник невидимого небесного Огня, соединит семью, клан, племя, и сделает их центром, в котором проявится дух Бога живого на Земле.

Но, чтобы собрать эту жатву, необходимо отделить хорошее зерно от плевелов; нужно, чтобы все смелые покинули Европу и завоевали новую землю, поселились на девственной почве. Там он издаст свой закон; там он положит основание культу обновляющего Огня.

Это предложение было встречено с энтузиазмом народом, находившимся в цвете юности, жаждавшим новых впечатлений. Огни, зажженные и поддерживаемые в течение нескольких месяцев, были сигналом для массового переселения всех, кто желал следовать за овном. Великое переселение, предводительствуемое Рамой, пришло в движение, медленно направляясь в центр Азии. Когда оно достигло Кавказа, предводителю пришлось взять с боя несколько циклопических крепостей, построенных Черными.

В память своих побед, белые колонисты высекали гигантские головы Овна на скалах Кавказа. Рама оказался достойным своей высокой миссии. Он устранял все препятствия, проникал в мысли окружающих, предвидел будущее, исцелял больных, умиротворял мятежников, зажигал мужество.

Таким образом небесные силы, которые мы называем Провидением, вели северную расу к господству над Землей, освещая, с помощью гения Рамы, яркими лучами ее путь. Эта раса уже имела своих второстепенных пророков, которые стремились вырвать ее из состояния дикости. Но в лице Рамы, который первый понял закон общности, как выражение закона Божия, ей был дан вдохновенный Пророк первой степени.

Он заключил дружественный союз с Туранами, скифскими племенами с примесью желтой расы, которые занимали

возвышенности Азии; он увлек их к завоеванию Ирана, откуда окончательно изгнал Черных, желая, чтобы чистая белая раса занимала центр Азии, и оттуда светила всем другим народам, как яркий светоч.

Он основал там город Вер, отличавшийся большим величием, по словам Зороастра. Он научил народы обрабатывать землю, он был отцом хлебных злаков и виноградной лозы. Он создал касты, соответствующие занятиям людей, и разделил народ на жрецов, воинов, земледельцев и ремесленников.

Вначале между кастами не было соперничества; наследственные привилегии, источник зависти и ненависти, возникли лишь впоследствии. Рама запрещал рабство так же, как и убийство, утверждая, что порабощение человека человеком есть источник всех зол. Что касается клана, этой первобытной формы общественности у белой расы, он сохранил его неприкосновенным и разрешил свободное избрание предводителей и судей.

Но венцом деятельности Рама, облагораживающим орудием, созданным им, была та новая роль, которую он дал женщине.

До тех пор мужчина знал женщину только в двух ролях: или несчастной рабыней в его хижине, и тогда он обращался с нею с грубой жестокостью, или же мятежной жрицей дуба и скалы, милости которой он искал; и тогда она властвовала над ним вопреки его воле, в роли волшебницы, очаровывающей и страшной, предсказания которой наводили на него трепет, перед которой дрожала его суеверная душа.

Человеческие жертвоприношения были со стороны женщины воздаянием мужчине, она мстила, когда вонзала нож в сердце своего жестокого тирана. Отменив этот ужасный культ и подняв женщину в глазах мужчины, в ее высоких обязанностях супруги и матери, Рама сделал из нее жрицу домашнего очага, охранительницу Священного Огня, равную супругу, призывающую вместе с ним души Предков.

Как все великие законодатели, Рама лишь оформил и развил высшие инстинкты своей расы. Чтобы украсить жизнь, Рама установил четыре больших праздника в году. Первый был праздник весны или плодородия. Он был посвящен любви супругов. Праздник лета или жатвы был установлен для сыновей и дочерей, которые подносили связанные снопы своим родителям. Праздник осени справляли отцы и матери: они предлагали плоды своим детям, как знак веселья.

Но наиболее святым и таинственным из праздников было Рождество или праздник великого Сева. Рама посвятил его одновременно и новорожденным детям, плодам любви, зачатым весной, и душам умерших, Предкам. Символ соприкосновения видимого с невидимым, это религиозное

торжество было одновременно и прощанием с вознесшимися душами и мистическим приветствием тем душам, которые возвращаются на Землю, чтобы, воплотившись в матерей, вновь возродиться в их детях. В эту святую ночь древние Арийцы соединялись в святилищах Airyana-Vaeia, как они соединялись когда-то в своих лесах. Огнями и песнопениями праздновали они возобновление земного и солнечного года, прозябание природы в недрах зимы, трепетание жизни в глубинах смерти. Они воспевали оживотворяющий поцелуй Неба, даваемый Земле, и торжествующее зачатие нового Солнца великой Матерью-Ночью.

Рама соединил таким образом человеческую жизнь с циклами времен года, с астрономическим годовым оборотом. И в то же время, он стремился выдвинуть божественный смысл человеческой жизни. Благодаря такой плодотворной деятельности, Зороастр называет его "предводителем народов, благословенным монархом", и на том же основании индусский поэт Вальмики, который переносит античного героя в эпоху гораздо более приближенную к нам, в роскошную раму более подвинувшейся цивилизации, сохраняет за ним черты высочайшего идеала. "Рама с очами голубого лотоса,— говорит Вальмики,— был Владыкой мира, господином своей души и предметом любви для человеков, отцом и матерью своих подданных. Он сумел соединить все существа в единой цепи любви".

Водворившись в Иране у преддверия Гималаев, блая раса не была еще господствующей на Земле. Нужно было, чтобы ее авангард углубился в Индию, где был главный центр Черных, древних победителей красной и желтой расы. Зенд-Авеста упоминает об этом движении Рамы в Индию. (Замечательно, что Зенд-Авеста, Священная книга Парсов, рассматривая Зороастра как высокое существо, вдохновенное Ормуздом, как Пророка закона Божия, делает его в то же время последователем Пророка, несравненно более древнего. Под прикрытием символизма древних храмов можно уловить нить великого откровения, которое связывает всех истинных Посвященных. Вот эти важные места:

1) Заратустра спросил Ахура-Мазду (Ормузд, Бог света): Ахура-Мазда, ты, святой и наисвященнейший создатель всех телесных и чистых существ;

2) Кто тот первый человек, с кем ты беседовал, ты, который есть Ахура-Мазда?

4) Тогда Ахура-Мазда ответил: "С прекрасным Ямой, с тем, который был во главе собрания, достойного похвал, о чистый Заратустра".

13) И я сказал ему: "Охраняй миры, которые принадлежат мне, в качестве их покровителя сделай их плодоносными".

17) И я принес ему орудия победы, я, который есть Ахура-Мазда;

18) Золотую пику, и золотой меч.

31) Тогда Яма поднялся до самых Звезд к полудню, по дороге, ведущей к Солнцу.

37) И он пошел по той Земле, которую сделал плодородной. И она стала на треть значительнее, чем была прежде.

43) И блистательный Яма соединил собрание человек, наиболее добродетельных, в знаменитом Airyana-Vaeja, сотворенном Чистыми. (Vendidad-Sade, 2-е Fargard.— Перевод Duregon.) Индусская эпика сделала из него одного из любимых героев. Рама был завоевателем Земли, которая заключала Химават, страну слонов, тигров и газелей. Он дал первый толчок той гигантской борьбе, в которой две расы соперничали бессознательно из-за мирового владычества.

Поэтическое предание Индии, обогащенное за счет оккультных традиций храмов, сделало из нее борьбу между белой расой и черной магией.

В своей войне с народами и королями страны Джамбуев, как ее называли тогда, Рама, как его прозвали на Востоке, проявил чудесные силы, ибо они превышают обыкновенные способности людей; но силами этими всегда владели великие Посвященные, знавшие скрытые силы природы, которые они и подчинили себе. Предание изображает Раму то вызывающим источник воды в пустыне, то находящим неожиданную помощь в манне, которую он учит употреблять в пищу, то прекращающим эпидемию с помощью растения *boon*, *apotos* Греков, *persea* Египтян, из которой он умел извлекать целебный сок. Это растение считалось священным между последователями и заменило омелу европейских кельтов.

Рама пускал в ход против врагов разнообразные чары. Жрецы Черных господствовали в те времена с помощью уже выродившегося культа. Они имели обыкновение кормить в своих храмах огромных змей и птеродактилей¹, редких потомков допотопных животных, которым они заставляли поклоняться как богам, и которые приводили в трепет толпу. Они заставляли этих змей поедать мясо военнопленных. Иногда Рама являлся незначай в такие храмы и при свете факелов выгонял, укрощал и приводил в трепет и змей, и жрецов. Иногда он показывался в лагере врагов безоружный, подвергая себя ударам тех, кто искал его смерти, и после этого возвращался назад целым и невредимым, ибо никто не смел дотронуться до него. Когда же спрашивали тех, которые допустили его удалиться невредимым, спрошенные отвечали, что его взгляд заставил их временно окаменеть;

¹ Pterodactyles.

или что, повинуясь слову его, целая гора из меди становилась между ними и им, и они переставали видеть его.

И наконец, как завершение его подвигов, Эпическое Предание Индии приписывает Рама завоевание Цейлона, этого последнего прибежища черного мага Раваны, на которого белый маг посылает огненный град, перебросив предварительно мост через один из рукавов моря и перебравшись по нему с армией обезьян, которые чрезвычайно напоминают первобытные племена дикарей, увлеченных и вдохновенных этим чародеем народов.

Глава IV. ЗАВЕЩАНИЕ ВЕЛИКОГО ПРЕДКА

По свидетельству священных книг Востока, Рама сделался распорядителем Индии и духовным царем Земли, благодаря своей духовной силе, гению и доброте. Жрецы, короли и народы преклонялись перед ним, как перед небесным благодетелем. Под знаменем Овна ученики его широко распространяли арийский закон, который провозглашал равенство побежденных и победителей, уничтожение человеческих жертв и рабства, уважение к женщине у домашнего очага, культ предков и учреждение священного Огня, как видимого символа невидимого Бога.

Рама состарился. Борода его побелела, но бодрость не покидала его тела, и величие истинного Первосвященника покоилось на его челе. Короли и посланники народов предлагали ему высочайшую власть. Он потребовал год на размышление и снова ему приснился сон; ибо гений, вдохновлявший его, говорил с ним во время сна.

Он увидел себя в лесах своей юности. Он снова стал молодым и носил льняные одежды друидов. Сиял лунный свет. Была Святая Ночь, когда народы ожидают возрождение Солнца и года. Рама шел под дубами, прислушиваясь, как он это делал в юности, к волшебным лесным голосам. Прекрасная женщина подошла к нему. На голове у нее была сияющая корона. Ее густые волосы были цвета золота. Кожа ее блистала белизною снега, а глаза светились глубиной лазури после грозы.

Она сказала ему: я была дикой друидессой; через тебя я стала светлой Супругой и зовусь я теперь Сита. Я — женщина, возвеличенная тобою, я — белая раса, я — твоя супруга. О, мой король и повелитель! Разве не для меня переплыл ты реки, не для меня овладел сердцами народов и победил земных королей? Вот — награда. Возьми эту корону из моей руки, надень ее на твою голову и царствуй

вместе со мной над миром. Она преклонила колени в смиренной позе, предлагая ему земную корону. Драгоценные камни сверкали тысячью огней, экстаз любви светился в глазах женщины, и душа великого Рама, пастыря народов, поддалась волнению.

Но поверх лесных вершин появился Deva Nahousha, его добрый гений, и сказал ему: "Если ты наденешь эту корону на свою голову, Божественный Разум покинет тебя; ты более не увидишь меня. Если ты заключишь эту женщину в свои объятия, твое счастье убьет ее. Но если ты откажешься от обладания ею, она будет жить счастливая и свободная на земле, и твой невидимый дух будет управлять ею. Выбирай: либо слушать ее, либо следовать за мною". Сита, все еще на коленях, смотрела на своего повелителя глазами полными любви и мольбы, ожидая его ответа. Рама молчал. Его взор, погруженный в глаза Ситы, измерял бездну, которая отделяет совершенное обладание от вечной разлуки. Но почувствовав, что высочайшая любовь есть в то же время и высочайшее отречение, он положил свою руку на лоб белой женщины, благословил ее и сказал: "Прощай! Оставайся свободной и не забывай меня!"

Немедленно женщина исчезла как лунный призрак. Молодая заря подняла свой магический жезл над старым лесом. Рама превратился снова в старца. Его белая борода была увлажнена слезами, а из глубины лесов грустный голос взывал: "Рама! Рама!".

После этого сна, который указал ему на завершение его миссии, Рама соединил всех королей и народных посланников и сказал им: "Я не хочу высшей власти, которую вы предлагаете мне. Сохраните ваши короны и соблюдайте мой закон. Моя задача кончена. Я удаляюсь навсегда с моими братьями, Посвященными, на гору Airuana-Vaeia. Оттуда я буду наблюдать за вами. Оберегайте священный Огонь! Если бы он погас, я появлюсь среди вас беспощадным судьей и страшным мстителем!" Вслед затем он удалился со своими приближенными учениками на гору Альбори между Балк и Баиан, в убежище, известное только Посвященным.

Там он поучал своих учеников относительно тайн Земли и Великого Существа. Ученики его понесли в Египет и до самой Окситании Священный Огонь, символ божественного единства вещей, и рога Овна, эмблему арийской религии. Эти рога сделались знаками Посвящения, а затем и священной и царственной власти. Издали Рама продолжал

¹ Рога овна изображаются на голове множества людей на египетских памятниках. Этот головной убор королей и первосвященников есть знак жреческого и царского Посвящения. Два рога папской Тиары происходят отсюда же.

следить за своими народами и за возлюбленной блдой расой. В последние годы своей жизни он был занят устройством календаря для Арийцев.

Ему мы обязаны знаками зодиака. Это было завещанием Патриарха Посвященных. Странная книга, написанная Звездами, сверкающими на небесном своде, бездонном и безграничном, была оставлена Древнейшим из нашей расы. Устанавливая двенадцать знаков зодиака, Рама придал им тройной смысл. Первый относился к влиянию Солнца на двенадцать месяцев года; второй передавал символически его собственную историю; третий указывал на оккультные средства, которыми он пользовался, когда достигал своей цели. Вот почему эти знаки, читаемые в обратном порядке, сделались позднее тайными эмблемами постепенного Посвящения. (Вот каким образом знаки зодиака изображают историю Рамы по Фабру Д.Оливе, который умел так гениально толковать символы прошлого по эзотерическому преданию.— 1. ОВЕН, бегущий с обращенной назад головой, означает Раму, покидающего свою Родину, со взором, обращенным на оставленную страну.— 2. РАССВИРЕПЕВШИЙ БЫК препятствует его движению, но половина его тела, погруженная в тину, мешает ему исполнить свое намерение; он падает на колена. Это — кельты, обозначенные их собственным символом, которые, несмотря на все свои усилия, кончают тем, что покоряются.— 3. БЛИЗНЕЦЫ выражают союз Рамы с Туранцами.— 4. РАК — его медитации и его углубление в самого себя.— 5. ЛЕВ — его сражение с врагами.— 6. КРЫЛАТАЯ ДЕВА — победу.— 7. ВЕСЫ означают равенство между победителями и побежденными.— 8. Скорпион — восстание и измену.— 9. СТРЕЛЕЦ — месть.— 10. КОЗЕРОГ. — 11. ВОДОЛЕЙ и 12. РЫБЫ относятся к внутренней стороне его истории. Можно находить это объяснение зодиака столько же смелым, сколько и странным, но до сих пор ни один астроном и ни один мифолог — даже отдаленным образом — не объяснил происхождение и смысл этих таинственных знаков небесной карты, принятых и почитаемых народами с самого начала нашего арийского цикла. Гипотеза Фабра Д.Оливе имеет по крайней мере то достоинство, что открывает уму новые и обширные перспективы.— Я сказал, что эти знаки, читаемые в обратном порядке, обозначали позднее на Востоке и в Греции различные ступени, которые следовало пройти, чтобы достигнуть высшего Посвящения. Напомним самые известные из этих эмблем: КРЫЛАТАЯ ДЕВА означала целомудрие, дающее победу; ЛЕВ — нравственную силу; БЛИЗНЕЦЫ — союз человека с Божественным Разумом, образующий вместе двух непреодолимых борцов; БЫК усмирленный — власть над

природой; ОВЕН — созвездие Огня или мирового Духа.) Он сделал распоряжение своим ученикам, чтобы они скрыли его смерть и продолжали дело его жизни, распространяя свое братство. В течение многих веков верили, что Рама, в тиаре с рогами Овна, продолжал жить на своей святой горе. В ведические времена Великий Предок превратился в Яму, судью мертвых, в индусского Гермеса.

Глава V. ВЕДИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

Благодаря своему организаторскому гению, великий основатель арийской культуры создал в центре Азии, в Иране, народ, общество, вихрь бытия, который должен был светить миру во всех смыслах. Колонии первобытных Арийцев распространились в Азии и в Европе, принося с собой свои нравы, свои культы и своих богов. Из всех этих колоний ветвь индусских Арийцев приближается больше всего к первобытным Арийцам.

Священные индусские книги Веды имеют для нас тройную цену. Прежде всего, они приводят нас к очагу античной арийской религии, блистающими лучами которой являются ведические гимны. Затем, они дают нам ключ к Индии. И, наконец, они дают нам первую кристаллизацию основных идей эзотерической доктрины, и, вместе с тем, всех арийских религий.

Сделаем краткий обзор содержания и ядра ведической религии.

Ничего не может быть проще и величавее этой религии, в которой глубокий натурализм сливается с трансцендентальной духовностью. Перед рассветом, глава семьи становится перед алтарем, воздвигнутым из земли, на котором горит огонь, зажженный посредством двух кусков сухого дерева. В этой деятельности глава семьи — в одно и то же время и Отец, и Священнослужитель, и Царь жертвоприношения. В то время — говорит ведический поэт, — когда заря восходит, подобно выкупавшейся и облекшейся в белоснежную одежду

¹ Браманы рассматривают Веды как священные книги, принадлежащие по преимуществу им. Они находят в них Науку всех наук. Слово "Веда" означает "знать". Европейские ученые видели в них сперва лишь патриархальную поэзию; позднее они открыли в них не только источник всех индо-европейских мифов и всех классических богов, но и искусно организованный культ, глубокую и метафизическую систему (Bergaigne. *La religion des Vedas*. — M. Auguste Barth, *Les religions de l'Inde*). Будущее готовит ученым еще одну неожиданность, когда откроется, что Веды заключают в себе определение оккультных сил природы, которые современная наука усиливается снова открывать.

женщине, глава семьи произносит молитву, обращаясь к Усьхе (зарю), к Савитри (Солнцу) и к Асурам (духам жизни). Мать и сыновья льют в это время приготовленную из растения асклепия жидкость (Сома) в огонь Агни, и поднимающееся пламя несет к невидимым Божествам очищенную молитву, слетающую с уст патриарха и главы семьи.

Настроение ведического поэта одинаково чуждо и эллинской чувственности (я говорю о народном греческом культе, а не об Учении греческих Посвященных), которая наделяет космические божества красивым человеческим телом, и европейскому монотеизму, который молится Вездесущему, Бесформенному, Предвечному.

Для ведического поэта природа — прозрачное покрывало, за которым живут неисповедимые Силы Божества. К этим Силам он обращается с молитвой; он олицетворяет их, но не забывает, что это не более как метафоры. Для него Савитри не столько Солнце, сколько Вивасват — творческая сила жизни, одухотворяющая солнечную систему. Индра, божественный воин, который в своей золотой колеснице проезжает по небу, извергая гром и молнию, олицетворяет могущество Солнца в атмосферной жизни, “в великой прозрачности воздушных пространств”.

Когда они обращаются к Варуне (Уран Греков), Богу бесконечного, всеобъемлющего, лучезарного Неба, ведические поэты поднимаются еще выше. Если Индра символизирует творческую и воинствующую жизнь Небес, то Варуна изображает неизменное величие Божества. Ничто не может сравниться с великолепиям его описания в гимнах Вед. Солнце — Его око, Небо — Его одежда, гроза — Его дыхание. На незыблемых основах построил Он Небо и Землю и содержит их врозь. Он все создал и все сохраняет. Ничто не может выразить неисповедимое творчество Варуны; никто не может проникнуть в Него, но Он, всеведущий, видит все, что есть и что будет. С вершин Небес, где Он обитает в своем стовратом дворце, Он различает полет птиц в воздухе и следы кораблей на волнах. Оттуда, с высоты золотого престола, он созерцает человеческие дела. Он поддерживает порядок в мире и в обществе; он карает виновного, он изливает свое милосердие на кающегося грешника. Крик истерзанной совести обращается к Нему; перед Его лицом грешник складывает бремя своих грехов.

В некоторых отношениях ведическая религия обильна ритуалами, в других — она высоко отвлечена. С Варуной она спускается в недра совести и раскрывает идею святости¹.

¹ A Barth, Les religions de l'Inde.

Прибавим, что она поднимает до чистого понимания Единого Бога, который проникает Великое Целое и управляет им.

Между тем, грандиозные образы, которые льются широкими потоками из строф ведических гимнов, представляют лишь внешнюю оболочку Вед. С идеей Агни, Божественного Огня, мы прикасаемся к самому ядру доктрины, к ее эзотерической и трансцендентальной основе. В действительности, Агни является Космической Силой, Всемирным Началом. Агни — не только Огонь земной молнии и Солнца; его истинная отчизна — невидимое мистическое Небо, обитель вечного Света и первообразов всех вещей. Рождения его бесконечны, сверкает ли он из куска дерева, в котором спит как зародыш в лоне матери, или же, как “Сын Волн” бросается с громовым шумом из небесных рек, где Асвины (небесные всадники) зачали его.

Он — *старейший между богами*, Первосвященник на Небе так же, как и на Земле, и он священнодействовал в обители Вивасват (Небо или Солнце) много ранее, чем Матарисва (молния) принесла его смертным, и чем Атарван и Ангирь, древние жертвоприношители, учредили его здесь, на Земле, как охранителя, хозяина и друга людей. Владыка и производитель жертвы, Агни сделался носителем всех мистических Учений о жертвоприношениях. Он зарождает богов, он устраивает мир, он производит и сохраняет Жизнь Вселенной, короче — *Агни есть космогоническая сила*.

Сома соответствует Агни. В действительности, это — напиток из перебродившего растения, которое возливается при жертвоприношениях богам. Но так же, как и Агни, он существует мистически. Его высшая обитель находится в глубинах третьего Неба, где Сурья (дочь Солнца) очистила его и где его нашел Пушан (бог питающий). Из этой обители Сокол, символ молнии, или даже сам Агни похитил его у небесного Стрельца, у Гандхарвы, его охранителя, и принес его людям.

Боги выпили его и сделались бессмертными; люди, в свою очередь, станут бессмертными, когда выпьют его у Ямы, в Обители блаженных. А до тех пор напиток дарует им здесь, на Земле, силу и долговечность; это — Амброзия и Вода обновления. Она питает, проникает в растение, оживотворяет семя животных, вдохновляет поэта и делает полет молитвы. *Душа неба и земли, Индры и Вишну, она составляет вместе с Агни неразделимую чету; чета эта зажгла солнце и звезды*¹.

Идея Агни и Сомы заключает в себе два основных Начала Вселенной; по Учению эзотерической доктрины и каждой живой философии, Агни есть *Вечно-мужественное*, творческий Разум, чистый Дух; Сома есть *Вечно-женственное*,

¹ Barth, les religions de l'Inde.

Душа мира, лоно всех миров, видимых и невидимых для телесных очей, сама природа или тонкая материя в своих бесконечных трансформациях¹. Совершенное соединение этих двух сущностей составляет величайшую Сущность, суть самого Бога.

Из этих двух главных идей вытекает третья, не менее плодотворная. Веды делают из *космогонического акта непрерывное жертвоприношение*. Чтобы произвести все существующее, Высочайшая Сущность приносит Себя в жертву. Она разделяется, чтобы выйти из своего единства. Эта жертва рассматривается как источник всех отправлений природы. Эта идея, поражающая с первого взгляда и чрезвычайно глубокая, когда вдуматься в нее, содержит в зачатке всю теософическую доктрину инволюции Бога в мире, эзотерический синтез многобожия и единобожия. Она вызывает к жизни Дионисианскую доктрину падения и искупления душ, расцвет которой мы найдем у Гермеса и у Орфея. Отсюда же истекает учение о божественном Глаголе, провозглашенном Кришной и завершенном Иисусом Христом.

Жертвоприношение огня со всеми его церемониями и молитвами, незыблемое средоточие ведического культа, делается таким образом олицетворением этого великого космогонического акта. Веды придают первостепенное значение молитве, формуле призыва, которая сопровождает жертвоприношение. Вот почему они делают из молитвы богиню *Браманаспати*. Вера в призывающую и созидающую силу человеческого слова, когда она сопровождается могучим движением души или сильным порывом воли, есть источник всех культов и смысл всей египетской и халдейской магии.

Для ведических и браманических жрецов, Асуры, невидимые духи, и Питрисы, или души предков, совершенно реально присутствуют при жертвоприношении, размещаются на траве кругом алтаря, привлеченные из своей невидимой обители Огнем, пением и молитвой. Наука, относящаяся до ЭТОЙ стороны культа, есть наука о иерархии невидимых духов.

Что касается бессмертия души, Веды утверждают его совершенно определенно и ясно: "В человеке есть бессмертная часть; ее-то, о Агни, нужно согревать Твоими лучами, воспламенять Твоим Огнем. О Йатаведас, в блистающем теле, созданном Тобою, принеси ее в обитель благочестивых!"

Ведические поэты не только указывают на судьбу души, они тревожно ищут ее происхождения. "Откуда рождается

¹ Что доказывает несомненно, что Сомы представляла собою начало абсолютно женственное, это — отождествление ее у браманов с Лунною. Луна же символизирует женское начало во всех античных религиях, как Солнце символизирует мужское начало.

душа? Души приходят к нам, уходят, снова возвращаются и снова уходят". Здесь в двух словах уже дается Учение о перевоплощении, которое будет играть впоследствии такую первостепенную роль в Браманизме и Буддизме, у египтян и у орфиков, в философии Пифагора и Платона, здесь намечается эта мистерия из мистерий, эта тайна из тайн.

Как после этого не признать в Ведах широкие основные линии органической религиозной системы, цельного философского понимания Вселенной?

В них заключается не только глубокая интуиция относительно мировых истин, превышающих наблюдения разума, в них — единство и ширина взгляда по отношению природы, проникновение в связи ее явлений, Как прекрасный горный кристалл, сознание ведического поэта отражает Солнце Вечной Истины и в его сверкающей призме уже играют и преломляются все лучи всемирной Теософии. Основы вечной доктрины выступают здесь даже яснее, чем в иных священных книгах Индии и в других семитических или арийских религиях, благодаря необычайной смелости ведических поэтов и благодаря прозрачности этой первобытной религии, столь чистой и высокой.

В эту эпоху различия между мистериями и народным культом еще не существовало, но, читая внимательно Веда, позади отца семейства или поэта, поющего священные гимны, уже можно различить другое лицо, более важное; Мудреца, Риши, Посвященного, от которого священнодействующий получал толкование Истины. Можно также убедиться, что эта Истина передавалась благодаря непрерывающейся традиции, которая восходит до самых источников арийской расы.

Таким образом мы видим, как арийский народ положил начало своей завоевательной и культурной миссии вдоль Инда и Ганга. Невидимый гений Рамы, божественный Разум, Deva Nahousha, управляет им. Агни, Священный Огонь, переливается в его жилах. Молодая заря освещает эти века юности, силы и мужества. Семья создана, женщина пользуется уважением. Она жрица очага, она создает священные гимны и сама поет их. "Да живет муж этой супруги сто осеней" — говорит поэт.

Тогда умели любить жизнь, но точно так же умели и верить в потустороннее существование. Царь жил во дворце, на холме, возвышавшемся над поселком. Во время войны он выезжал на блистательной колеснице, в сверкающем вооружении, увенчанный тиарой.

Позднее, когда браманы укрепили свой авторитет, рядом с великолепным дворцом *Махараджи* или великого царя, возникли каменные пагоды, откуда изошли искусства, поэзия

и драма богов, изображавшаяся мимикой и пением священных танцовщиц. В те времена существовали касты, но не было насилия и не было стеснительных преград. Воин был в то же время жрецом, и жрец — воином, оставаясь одновременно слугой царя и совершая богослужение.

Позднее появляется новое лицо, смиренное на вид, но имеющее великое будущее, с отпущенными волосами и бородой, полунагое, покрытое рубищем: это *муни*, отшельник, он живет близ священных озер в дикой пустыне, где и предается медитации и аскетизму. От времени до времени он является к предводителю или царю, чтобы усювестить его. Часто его отталкивают, не слушают, но в то же время его уважают и боятся. Он уже начинает проявлять страшную власть.

Между царем, красующимся на своей золотой колеснице, окруженным своими воинами, и этим *муни*, почти нагим, не имеющим иного оружия, кроме своей мысли, слова и взгляда, возникнет современная великая борьба. И торжествующим победителем будет не царь; победителем будет отшельник, оборванный, исхудалый нищий, потому что на его стороне будет знание и сильная воля.

История этой борьбы и есть история самого Браманизма, а позднее и Буддизма, и в ней сосредоточивается почти вся история Индии.

КРИШНА

(Индия и брахманическое Посвящение)

Глава I. ГЕРОИЧЕСКАЯ ИНДИЯ. СЫНЫ СОЛНЦА И СЫНЫ ЛУНЫ

Победа арийцев над Индией вызвала к жизни одну из самых блестящих цивилизаций, какие известны миру.

Ганг и его притоки были свидетелями появления великих царств и необъятных городов, таких как Айодхья, Хастинапура и Индрапешта. Эпические повествования Махабхараты и народная космогония Пуран, которые заключают в себе древнейшие предания Индии, передают в ослепительных чертах царственную роскошь, героическое величие и царский дух этих отдаленных веков. Нельзя себе представить более гордого и более благодарного образа, чем образ арийского царя Индии, стоящего на своей боевой колеснице и отдающего приказы целому войску слонов, конных и пеших воинов. Один ведический жрец посвящает своего царя перед собравшейся толпой такими словами: "Я привел тебя в нашу среду. Весь народ желает тебя. Небо непоколебимо, Земля непоколебима, и эти горы непоколебимы".

В одном из позднейших законодательств, в Манава Дхарма-Шастре, можно прочесть: "Эти владыки мира, пламенея во взаимной борьбе, раскрывая свою силу в битвах и никогда не отворачивая лица от опасности, восходят после смерти прямо на Небо". Действительно, они всдут свое происхождение от богов, соперничают с ними и готовятся стать богоподобными. Сыновнее послушание, воинская доблесть и вместе с тем великодушие относительно всех — вот древнеиндусский идеал человека.

Что касается женщин, индусская эпопея, бывшая послушной служгой брахманов, показывает нам ее только под видом верной супруги. Ни Греция, ни народы Севера никогда не достигали в своих поэмах образа супруги настолько нежного, настолько благородного и одухотворенного, как страстная Сита или нежная Дамаянти.

Но индусская эпопея не говорит нам ничего о глубоких тайнах смешения рас и медленного развития религиозных идей, которые привели к решительным изменениям в общественной организации ведической Индии.

Победители арийцы, отличавшиеся чистотой своей расы, встретились в Индии со смешанными, низшими расами, в которых желтый и красный типы скрещивались в самых разнообразных оттенках, имея своей основой черную расу. Таким образом, индусская цивилизация является перед нами подобно великой горе, имеющей в своем основании черную расу, по бокам — смешанные расы, а на вершине — чистых арийцев. Ввиду того, что разделение на касты не было строгим в первобытную эпоху, большое смешение происходило между всеми этими народами. Чистота расы победителей нарушалась все более и более с течением веков; но и до наших дней заметно преобладание арийского типа в высших кастах Индии, а в низших слоях — преобладание черной расы. Из самых же низших слоев индусского населения поднимались, подобно миазмам джунглей, смешанным с запахом диких зверей, жгучие испарения страстей, смесь сладострастия и жестокости.

Большая примесь черной крови придала индусам особую окраску. Она ослабила расу. Но, несмотря на эту примесь, главные идеи белой расы удерживались чудесным образом на вершине ее цивилизации, несмотря на все революции, через которые она проходила.

Таким образом, мы имеем этнографическую основу Индии, ясно определенную: с одной стороны — гений белой расы с его нравственным чувством и высшими метафизическими стремлениями; с другой стороны — гений черной расы с его страстными энергиями и с разрушительной силой.

Каким образом этот двойной гений отражается в древне-религиозной истории Индии? Древнейшие предания говорят о династии солнечной и о династии лунной. Цари из первой династии вели свое происхождение от Солнца; вторые называли себя сынами Луны. Но этот символический язык покрывал собою две противоположных религиозных идеи и означал, что эти две категории властителей принадлежат к двум религиозным культам.

Солнечный культ приписывал Богу вселенной мужское начало. Вокруг него соединялось все наиболее чистое из ведических преданий: наука священного огня и молитвы, эзотерическое понятие о верховном Боге, уважение к женщине и культ предков; в основе же царской власти лежало выборное и патриархальное начало.

Культ лунный приписывал божеству женское начало, под знаменем которого религии арийского цикла обоготворяли во

все века природу слепую, непостоянную, в ее наиболее бурных и страшных проявлениях. Этот культ склонялся к идолопоклонству и к черной магии. Он благоприятствовал многоженству и тирании, опирающейся на народные страсти.

Борьба между сынами Солнца и сынами Луны, между Пандавами и Кауравами, составляет предмет индусской эпоса "Махабхарата", которая представляет нечто вроде краткого перспективного изложения истории арийской Индии до учреждения брахманизма. Эта борьба изобилует ожесточенными битвами и странными бесконечными приключениями. Среди этой гигантской эпоса, Кауравы, цари лунного цикла, остаются победителями. Пандавы, благородные представители Солнца, хранители чистого культа, свергнуты с престола и изгнаны. Преследуемые, они бродят, прячась в лесах, находя приют у отшельников, одетые в древесную кору, с посохом странника вместо оружия.

Победят ли низшие инстинкты? Силы мрака, изображаемые в индусской эпосе в виде черных Ракшасов, одержат ли победу над светлыми Девами? Раздавит ли тирания под своей победной колесницей избранных и циклон мрачных страстей обратит ли в прах ведический алтарь, погасив священный огонь предков? Нет! Индия лишь в начале своей религиозной эволюции, она развернет свой метафизический и организующий гений в учреждении Брахманизма. Жрецы, которые служили царям и начальникам под именем *pourahitas* (приставленные к жертвенным огням), уже превратились в их советников и министров. Они обладали большими богатствами и значительным влиянием, но им не удалось бы придать своей касте высшую власть и неприкосновенное положение, превышавшее даже царскую власть, без помощи другого класса людей, который олицетворял собою разум Индии в его наиболее оригинальных и наиболее глубоких проявлениях. Мы говорим об отшельниках.

С незапамятных времен эти аскеты обитали в уединении, в глубине лесов, на берегу рек или в горах близ священных озер. Они жили в одиночестве или соединялись в братства, но оставались всегда в духовном единении. В них следует признать духовных вождей, истинных Учителей Индии. Наследники древних мудрецов, древних риши, они одни владели тайным толкованием Вед. В них жил гений подвижничества, оккультных знаний и оккультного могущества. Чтобы достигнуть таких знаний и такого могущества, они преодолевали все: холод, голод, жгучее солнце, ужасы джунглей. Беззащитные в своей деревянной хижине, они жили молитвой и медитацией. Голосом или взглядом они призывали или отгоняли ядовитых змей, укрощали львов и тигров.

Счастливы те, кто удостоится их благословения: все Девы станут его друзьями! Горе тем, кто дотронется до отшельников: их проклятие — говорят поэты — преследует виновного до третьего воплощения. Цари дрожат перед их угрозами, и, странная вещь, они внушают страх самим богам. В Рамаяне Вишвамित्रа, царь, ставший отшельником, приобретает такое могущество благодаря своему аскетизму и своим медитациям, что боги начинают дрожать за свое существование. Тогда Индра посылает ему самую очаровательную из *Апсар*, которая приходит выкупаться в озере перед хижиной святого. Нимфа соблазняет отшельника; от их союза родится герой, и — существование Вселенной обеспечено на несколько тысячелетий.

Под этими поэтическими вымыслами можно угадать высокую власть отшельников белой расы, которые, одаренные глубоким провидением и могучей волей, властвовали из глубины своих лесов над пламенной душой Индии.

Братства, состоявшие из подобных отшельников, дали толчок жреческому перевороту, который сделал из Индии могучую теократию. Победа духовной силы над силой мирской, отшельника над царем, из которой родилась власть брахманизма, произошла благодаря великому реформатору. Примирив обоих борющихся гениев, гения белой расы и гения черной расы, солнечного культа и лунного, этот богочеловек был истинным творцом национальной религии Индии. Кроме того, его могучий гений дал миру новую идею необъятного значения: идею божественного Глагола, или Бога, воплощенного и проявленного в человеке. Этот первый Мессия, этот старший из сыновей Божьих, был Кришна.

Сказание о нем имеет тот первостепенный интерес, что оно вкратце заключает в себе и драматизирует всю брахманическую доктрину; но сказание это остается как бы оторванным и витающим в воздухе, благодаря тому, что пластическая сила абсолютно отсутствует в индусском гении. Неясное мифическое повествование Вишну-Пуран содержит, тем не менее, исторические данные о Кришне, носящие черты яркости и индивидуальности. С другой стороны, Бхагават-Гита, этот удивительный отрывок, вставленный в великую поэму "Махабхарата", которую брахманы считают одной из наиболее священных своих книг, раскрывает во всей своей чистоте умения, приписываемые Кришне. Во время чтения именно этих двух книг образ великого религиозного Учителя Индии предстал передо мною как живой. Итак, я буду передавать историю Кришны, черпая из этих двух источников, из которых один (Вишну-Пурана) является народным преданием, а другой (Бхагават-Гита) — преданием посвященных.

Глава II. ЦАРЬ МАДУРЫ

В начале темного века Кали-Юга, около трех тысяч лет до нашей эры (по хронологии брахманов), жажда золота и власти овладела миром. В течение нескольких веков — говорят древние мудрецы — Агни, небесный огонь, образующий светлое тело Дев и очищающий душу людей, распространял по земле свои эфирные токи. Но жгучее дыхание Кали, богини желания и смерти, которое поднимается из бездны земли как воспаленное дыхание, пронеслось в те времена по всем человеческим сердцам.

Справедливость царствовала во времена благородных сынов Панду, царей солнечного цикла, которые внимали голосам мудрецов. Победители, они обращались с побежденными как с равными. Но с тех пор как сыны солнца были истреблены или смещены с своих престолов и их редкие потомки скрывались у отшельников, несправедливость, честолюбие и ненависть взяли верх.

Изменчивые и лживые, как ночное светило, которое они взяли своим символом, цари лунного цикла воевали между собою беспощадно. Одному из них удалось взять верх над всеми другими путем внушенного страха и волшебных чар.

На севере Индии, на берегу широкой реки, процветал могучий город. Он имел двенадцать пагод, десять дворцов и сто ворот, окаймленных башнями. Разноцветные знамена развевались на его высоких стенах, напоминая крылатых змей. Это была гордая Мадур, несокрушимая, как крепость Индры.

Там царствовал Канса, отличавшийся коварным сердцем и ненасытной душой. Он терпел вблизи себя одних лишь рабов и верил в прочное господство лишь над тем, что ему удавалось сломить, а то, чем он обладал, казалось ему ничтожным в сравнении с тем, к чему стремилось его ненасытное честолюбие. Все цари, признавшие лунный культ, преклонялись перед ним. Но Канса мечтал покорить всю Индию, от Ланки до Химавата. Чтобы выполнить это намерение, он соединился с Калайени, властителем гор Виндия, с могучим царем Яван.

Как приверженец богини Кали Калайени предавался мрачному искусству черной магии. Его называли другом Ракшасов, или блуждающих по ночам демонов, а также царем змей, потому что он пользовался этими животными, чтобы наводить ужас на свой народ и на своих врагов.

В глубине одного непроходимого леса, внутри горы, находился храм богини Кали; это была необъятная черная пещера, не имевшая конца, вход в которую охранялся колоссами с звериными головами, высеченными в скале. В

эту пещеру приводили тех, кто желал преклониться перед Калайени и получить от него тайную силу.

Он появлялся у входа в храм, окруженный множеством чудовищных змей, которые извивались вокруг его тела и поднимались по мановению жезла. Он заставлял своих данников падать ниц перед этими животными, головы которых, переплетаясь, поднимались над его головой. При этом он шептал таинственные формулы. Те, которые выполняли этот обряд и поклонялись змеям, получали великие милости и им давалось все, чего бы они ни пожелали. Но в то же время они попадали бесповоротно во власть Калайени. Вдали или вблизи, они оставались его рабами, и если кто-либо из них пытался ослушаться или скрыться от него, он немедленно видел перед собой страшного мага, окруженного своими пресмыкающимися, он видел около себя их шипящие головы и был парализован чарами их сверкающих глаз.

Вот этого Калайени Канса выбрал своим союзником. Царь Яванов обещал ему власть над землей с условием, чтобы он взял себе в жены его дочь.

Горда, как антилопа, и гибка, как змея, была дочь царя-мага, прекрасная Нисумба. Лицо ее напоминало темное облако, на котором играет голубой свет Луны. Глаза ее были как молнии; ее жадные уста походили на мякоть красного плода с белыми косточками; можно было подумать, что это — сама богиня желаний Кали. Вскоре она овладела сердцем Кансы и, разжигая все его страсти, превратила его сердце в пламенный костер. Канса имел дворец, наполненный женщинами всех цветов, но внимал он одной лишь Нисумбе.

“Даруй мне сына,— сказал он ей,— и я сделаю его своим наследником и стану владыкой Земли и не буду бояться никого”.

Но у Нисумбы не было сына, и сердце ее пламенело гневом. Она завидовала другим женам Кансы, любовь которых приносила плод. Она умножала жертвоприношения, приносимые ее отцом богине Кали, но ее чрево оставалось бесплодным, как песок жгучей пустыни. И тогда царь Мадурь приказал совершить перед всем городом великое жертвоприношение и вызвал всех Дев. Жены Кансы во всем великолепии и весь народ присутствовали при торжестве.

Распростертые перед огнем жрецы призывали своим пением великого Варуну, Индру, Асвинов и Марутов. Царица Нисумба приблизилась и, произнося магическую формулу на незнакомом языке, бросила в огонь горсть благовоний. Дым почернел, языки пламени закружились, и приведенные в ужас жрецы воскликнули:

— О, царица! То не Девы, то Ракшасы пронеслись над огнем. Твое лоно останется бесплодным.

Тогда Канса в свою очередь приблизился к огню и спросил жреца: "В таком случае скажи мне: от которой из моих жен родится владыка мира?"

В этот миг Деваки, сестра царя, приблизилась к огню. Это была девственница с сердцем ясным и чистым, которая провела свое детство за пряжей и за тканьем, словно во сне. Ее тело было на земле, душа же ее, казалось, пребывала в Небесах. Деваки преклонила смиренно колени, прося Дев дать сына ее брату и прекрасной Нисумбе. Жрец смотрел поочередно то на огонь, то на девственницу. Вдруг он воскликнул, исполненный изумления:

— О царь Мадур! Ни один из твоих сыновей не будет владыкой мира! Он родится из недр твоей сестры, которая присутствует здесь.

Велико было поражение Кансы и гнев Нисумбы при этих словах. Когда царица осталась наедине с царем, она сказала ему:

— Нужно, чтобы Деваки погибла немедленно.

— Каким образом, — возразил Канса, — смогу я погубить мою сестру? Если Девы покровительствуют ей, их месть падет на меня.

— В таком случае, — сказала Нисумба, полная ярости, — пусть царствует она на моем месте, и пусть родит она того, который приведет тебя к постыдной гибели. Я же не хочу более царствовать вместе с трусом, который боится Дев, я возвращаюсь к отцу моему Калайени!

Глаза Нисумбы метали молнии, золотые подвески ее трепетали на смуглой шее. Она бросилась на землю, и ее прекрасное тело извивалось, как разъяренная змея. Канса, страшась потерять ее и охваченный безумным порывом страсти, был одновременно и испуган и опален новым желанием.

— Хорошо! — воскликнул он, — Деваки погибнет, лишь не покидай меня!

Молния торжества сверкнула в глазах Нисумбы, волна горячей крови залила ее темное лицо. Она вскочила быстрым прыжком и обняла покоренного тирана своими гибкими руками. Прижимаясь к нему трепещущей грудью, от которой исходило одуряющее благоухание, прикасаясь своими жгучими устами к его устами, она проговорила тихим голосом:

— Мы принесем жертву Кали, богине желаний и смерти, и она даст нам сына, который будет владыкой мира!

В эту же ночь пурохит, начальник жертвоприношений, увидел в сновидении царя Кансу, закалывающим свою сестру Деваки. Тотчас же он отправился к Деваки, объявил ей, что смертельная опасность угрожает ее жизни и приказал ей бежать без промедления к отшельникам. Деваки, получив указание от жреца, переоделась в странницу, вышла из дворца Кансы и покинула город Мадuru, не встреченная никем.

Рано утром слуги царя искали Деваки, чтобы казнить ее, но нашли ее покои пустыми. Царь допрашивал городскую стражу. Стража отвечала, что ворота были закрыты всю ночь, но во сне все видели, как стены крепости распались, словно расколотые павшим с неба лучом света, и женщина вышла из города, следуя за этим лучом. С этих пор страх проник в его душу, и он возненавидел свою сестру смертельной ненавистью.

Глава III. ДЕВА ДЕВАКИ

Когда Деваки, одетая в одежду из древесной коры, скрывавшую ее красоту, вошла в дебри гигантских лесов, она пошатнулась, изнуренная усталостью и голодом. Но как только она почувствовала тень этих чудных лесов и, утолив свой голод плодами манго, вдохнула влажную свежесть лесного источника, она ожила, как оживает истомившийся цветок, освеженный пронесшимся ливнем. Отдохнув, она углубилась в лес под прохладные своды, образовавшиеся из великолепных стволов, ветви которых погружались в почву и, вновь поднимались, раскидывали во все стороны свои зеленые шатры.

Долго шла она, защищенная от солнца, словно в темной и прохладной пагоде, которой не видно было конца. Жужжание пчел, крики влюбленных павлинов, пение тысячи птиц влекли ее все далее и далее, и все огромное становилось деревья, лес все более темнел, и древесные ветви все теснее переплетались в непроницаемую сень. Стволы прижимались к стволам, зеленая чаша поднималась, подобно куполу, над ее головой, или же становилась стеной перед ней. Деваки приходилось то скользить по зеленым коридорам, куда солнце изредка бросало снопы своих лучей и где ей заграждали путь поваленные бурей деревья, то она останавливалась под сенью манго и осока, с которых ниспадали гирлянды лиан и целый дождь цветов. Олени и пантеры прыгали в чащах. Нередко там же хрустели ветви под ногами диких быков или же целое стадо обезьян пронеслось в листве деревьев, издавая громкие крики.

Так шла она целый день. К вечеру поверх бамбуковой чаши она увидела неподвижную голову мудрого слона. Он смотрел на Деваки с видом разумным и покровительственным и поднимал свой хобот, словно приветствуя ее. И тогда лес прояснился, и Деваки увидела картину, полную глубокого мира и небесной прелесть.

Перед ней расстиралось озеро, усыпанное лотосами и голубыми кувшинками: его лазурная грудь открылась среди глубины леса, как новое небо. Задумчивые аисты неподвижно мечтали на его берегах, и две газели пили, склонившись над водой. На противоположном берегу, под сенью пальм, виднелась обитель отшельников. Спокойный розовый свет разливался над озером, лесом и обителью святых риши. На горизонте возвышалась белая вершина горы Меру над океаном лесов. Дыхание невидимой реки оживляло растительность, и смягченный грохот дальнего водопада доносился вместе с ветерком, как ласка или как отдаленная мелодия.

На берегу озера Деваки увидела лодку. Рядом человек преклонных лет, отшельник, казалось, ожидал кого-то. Молча сделал он ей знак, чтобы она вошла в лодку, и взялся за весла. Когда лодка двинулась, задевая за водяные лилии, Деваки увидела самку лебедя, плавающую на голубых водах озера. Смелым полетом лебедь-самец, опускаясь из воздушных пространств, начал описывать большие круги вокруг нее и затем опустился около своей подруги, трепеща белоснежными крыльями. Деваки вздрогнула, сама не зная почему. Но лодка причалила к противоположному берегу, и дева с очами лотоса увидела перед собой царя отшельников Васиштху.

Сидя на шкуре газели и сам одетый в шкуру черной антилопы, он более походил на неземного жителя, чем на человека. В течение шестидесяти лет питался он одними дикими плодами. Его волосы и борода были белы, подобно вершинам Химавата, его кожа была прозрачна, а взгляд его таинственных глаз был обращен внутрь.

Увидя Деваки, он встал и приветствовал ее словами: "Деваки, сестра знаменитого Кансы, привет тебе от нас! Руководимая Махадевой, ты оставила мир скорби для мира радостей, ибо ты у святых риши, которые владеют своими чувствами, счастливы своей судьбой и ищут путь к Небу. Давно мы тебя ожидаем, как ночь ожидает зарю, ибо мы, живущие в глубине лесов, мы взираем очами Дев на этот мир. Люди нас не видят, но мы видим людей и следим за их деяниями. Темный век жадных желаний, крови и преступлений свирепствует на Земле. Тебя мы отметили для подвига освобождения, и через нас Девы избрали тебя. Ибо луч божественной красоты облекается в лоне женщины в человеческий образ".

В эту минуту святые выходили из своей обители для вечерней молитвы. Престарелый Васиштха приказал им поклониться до земли перед Деваки. Они преклонились, и Васиштха продолжал: "Она будет матерью всем нам, ибо от нее родится дух, который должен преобразить всех". И вслед за тем, обращаясь к ней: "Пойди, моя дочь, риши отведут

тебя к соседнему озеру, где живут сестры-отшельницы. Ты будешь жить среди них, и да сбудется божественная тайна”.

Деваки отправилась в монастырь, окруженный лианами, к благочестивым женщинам, которые кормили ручных газелей, предаваясь омовениям и молитвам. Деваки принимала участие в их жертвоприношениях. Престарелая отшельница давала ей тайные наставления. Остальным было приказано одевать ее, как царицу, в прекрасные душистые ткани и предоставлять ей бродить одной по всему лесу. Иногда она встречала отшельников, возвращавшихся с реки. Увидав ее, они преклоняли колени, а затем продолжали свой путь.

Однажды близ ручья, покрытого розовыми лотосами, увидела она молящегося молодого отшельника. Он поднялся при ее приближении, бросил на нее глубокий взгляд, полный грусти, и удалился в молчании. И величавый вид старцев, и образ двух лебедей, и взгляд молодого отшельника преследовали молодую девушку в ее мечтах.

Вблизи от источника стояло с незапамятных времен дерево, распростершее огромные ветви, которое святые риши называли “древом жизни”. Деваки любила сидеть под его тенью. Часто, сидя под ним, она засыпала, посещаемая странными видениями. Голоса пели в чаще листвы: “Слава тебе, Деваки! Оно придет, венчанное светом, это чистое излияние, исходящее из великой Души, и звезды побледнеют пред славой его. Оно придет, и жизнь бросит вызов смерти, и обновится им кровь всех существ. Оно придет слаще меда и амриты, чище агнца беспорочного и уст девственницы. И все сердца зажгутся любовью. Слава, слава, слава тебе, Деваки!”¹ Были ли то отшельники? Или Девы пели этот привет? Иногда ей казалось, что какое-то далекое влияние или таинственное присутствие, словно невидимая простертая над ней рука, заставляло ее засыпать. И тогда она впадала в глубокий сон, сладкий, неизъяснимый, из которого пробуждалась смущенная и взволнованная. Она оборачивалась кругом, как бы ища кого-то, но никого не было видно. Лишь изредка видела она розы, рассыпанные по ее зеленому ложу, или же находила венок из лотосов в своих руках.

Однажды Деваки погрузилась в глубокий экстаз. Она услышала небесную музыку, как бы оксан арф и божественных голосов. Внезапно небо разверзлось, раскрывая бездны света. Тысячи сияющих существ смотрели на нее и, в сверкании молниеносного луча, Солнце Солнц, сам Махадева, появился перед нею в человеческом образе. И тогда, чувствуя, что мировой Дух проник в нее, она потеряла сознание, и в

¹ Атхара—Веда.

забвении всего земного, отдавшись беспредельному восторгу, она зачала божественного младенца.

Когда семь лун описали свои магические круги вокруг священного леса, глава отшельников призвал к себе Деваки. "Воля Дев исполнилась", — сказал он. — "Ты зачала в чистоте сердца и в божественной любви. Дева и мать, мы преклоняемся перед тобою. От тебя родится сын, который будет Спасителем мира. Но твой брат, Канса, хочет погубить тебя и святой плод, который ты несешь в своем чреве. Нужно спастись от него. Братья отведут тебя к пастухам, которые живут у подножия горы Меру под благовоными кедрами в чистом воздухе Хямавата. Там ты родишь твоего божественного Сына, и ты назовешь его Кришна, священный. Но да будет для него неведомо твое и его происхождение; не говори о нем никогда. Иди без страха, ибо мы бодрствуем над тобой".

И Деваки удалилась к пастухам горы Меру.

Глава IV. ЮНОСТЬ КРИШНЫ

У подножия горы Меру расстилалась свежая долина, покрытая лугами и окаймленная обширными кедровыми лесами, по которой проносилось чистое дыхание Хямавата. В этой высокой долине обитало племя пастухов, которыми правил патриарх Нанда, друг отшельников. Здесь Деваки нашла защиту от преследований тирана Мадур; и именно здесь, в жилище Нанды, появился на свет ее сын Кришна. Кроме Нанды никто не знал, кто была чужеземка и от кого происходил ее сын. Женщины страны говорили одно: "Это сын Гандхарвов, ибо в любви этой женщины, которая подобна небесной нимфе Апсара, должны были участвовать музыканты самого Индры".

Чудное дитя неизвестной женщины выросло среди стад и пастухов, под наблюдением своей матери. Пастухи называли его "Лучезарным", ибо само его присутствие, его улыбка и его большие глаза имели дар распространять радость. Животные, дети, женщины, мужчины — все любили его, и он, казалось, любил всех, когда улыбался своей матери, играл с ягнятами и с детьми своего возраста или беседовал со старцами.

Дитя Кришна не знало страха, было полно смелости и необычайных проявлений. Иногда его встречали в лесу лежащим на земле, обнимающим молодых пантер, с рукой

1 Это — гении, которые во всей индусской поэзии считаются покровителями браков по любви.

в их раскрытой пасти, причем они не причиняли ему никакого вреда. Время от времени им овладевала внезапная неподвижность, глубокое изумление, странная грусть. Тогда он держался в одиночестве, и, задумчивый, поглощенный чем-то, смотрел, не отвечая на вопросы.

Но больше всего на свете Кришна обожал свою молодую мать, такую прекрасную, такую светлую, которая говорила с ним о небе и о Девах, о героических сражениях и о многих удивительных вещах, о которых она узнала от отшельников. А пастухи, провожавшие свои стада под кедровую гору Меру, говорили: "Кто эта мать и кто ее сын? Одежды ее такие же, как у наших женщин, а сама она походит на царицу. Чуждое дитя выросло среди нищих детей, а между тем оно совсем не похоже на них. Кто это? Дева? Может быть Бог? Кто бы это ни был, одно верно — дитя это принесет нам счастье".

Когда Кришне исполнилось пятнадцать лет, его мать была призвана главою отшельников. Она ушла, не простившись со своим сыном.

Кришна, не видя ее более, пошел, разыскал патриарха Нанду и спросил его:

— Где моя мать?

Нанда отвечал, склонив голову:

— Дитя мое, не спрашивай меня. Твоя мать отправилась в долгое странствие. Она возвратилась в страну, откуда пришла, и мне неизвестно, когда она вернется.

После этого Кришна впал в такую глубокую задумчивость, что все товарищи начали сторониться его, охваченные суеверным страхом.

Кришна покинул своих товарищей, пошел на гору Меру. Он бродил там несколько недель. Однажды утром он пришел на покрытую лесом вершину, откуда открывался вид на горную цепь Химавата. Внезапно он увидел около себя стоящего под огромными кедрами высокого старца в белой одежде отшельника, ярко освещенного утренней зарей. На вид ему было не менее ста лет. У него была снежно-белая борода, и на высоком его челе сияла печать величия. Юноша, полный жизни, и столетний старец долго глядели молча друг на друга. Взоры старца покоились с благоволением на Кришне. Но Кришна был так поражен, увидав его, что долго оставался в немом изумлении. Хотя он видел его в первый раз, ему казалось, что он знал его уже давно.

— Кого ищешь ты? — спросил после долгого молчания старец.

— Мою мать.

— Ее здесь больше нет.

— Где же я найду ее?

— У того, Кто не изменяется никогда.

— Но как найти Его?

— Ищи.

— А тебя я увижу?

— Да, когда дочь Змея толкнет сына Тора на преступление, тогда ты увидишь меня снова в огнистой заре. И тогда ты задушишь Тора и раздавишь главу змей. Сын Махадева, знай, что ты и я — мы составляем единое в Нем! Ищи, ищи, ищи всегда!

И старец простер руки в знак благословения. Затем он повернулся и прошел несколько шагов под высокими кедрами в направлении Химавата.

И тогда Кришне показалось, что его величественный образ стал прозрачным, задрожал и исчез, обдав искрами покрытые иглами ветви, словно растаял в волнистом сиянии¹.

Когда Кришна сошел с горы Меру, он казался преображенным. Новая энергия излучалась из всего его существа. Он собрал товарищей своих игр и сказал им: "Будем бороться против Тором и змей; будем защищать добрых и одолевать злых". Вооруженные луками и с мечами у пояса, Кришна и его товарищи, сыновья пастухов, превращенные в воинов, принялись сражаться в лесах с дикими зверями.

В глубине лесов начал раздаваться предсмертный вой гиен, шакалов и тигров и победные крики молодых людей перед сраженными зверями. Кришна побеждал и укрощал львов; он объявлял войну царям и освобождал угнетенные народы. Но великая грусть оставалась в глубине его сердца. Это сердце лелеяло одно глубокое желание, таинственное и безмолвное — разыскать свою мать и явившегося ему святого старца. Он постоянно вспоминал его слова: "Не обещал ли он мне, что я увижу его снова, когда раздавлю главу змей? Не сказал ли он мне, что я разыщу свою мать вблизи от Того, Кто не меняется никогда?" Но сколько он ни боролся, ни побеждал и ни убивал, он не видел ни светлого старца, ни свою прекрасную мать.

Однажды, услышав разговор о Калайени, царе змей, Кришна вызвался побороть самую страшную из его змей в присутствии самого черного мага. Рассказывали, что это животное, воспитанное самим Калайени, уже уничтожило сотни людей и что взгляд его леденил ужасом самых смелых героев.

В назначенный день, из глубины темного храма Кали, Кришна увидел выползающее по зову Калайени длинное пресмыкающееся зеленовато-голубого цвета. Змея медленно

¹ В Индии твердо верят, что великие аскеты могут появляться под видимой формой в то время, как их физическое тело погружено в каталепсический сон.

подняла свое туловище, надула свой красный гребень, и ее пронизывающие глаза зажглись мрачным пламенем под блестящей чешуей, как шлемом прикрывавшей ее чудовищную голову.

— Эта змея, — сказал Калайени, — знает много, много вещей. Это демон, исполненный могущества. Он откроет свои тайны только тому, кто убьет его, побежденных же он убивает сам. Он увидел тебя, он смотрит на тебя, ты в его власти. Тебе остается или поклониться ему, или погибнуть в безумной борьбе.

При этих словах душа Кришны загорелась праведным гневом, и он почувствовал, что сердце его стало подобно острию молнии.

Он взглянул смело на змею, бросился на нее и сдвинул ниже головы. И тогда человек и змея покатались по ступеням храма. Но, прежде чем пресмыкающееся успело охватить его своими кольцами, Кришна отрубил ему голову своим мечом, и, освободившись из-под тела, продолжавшего извиваться, молодой победитель поднял с видом торжества и потряс голову змеи. А между тем голова та была еще жива; она смотрела на Кришну и произносила: "Зачем убил ты меня, сын Махадева? Ты думаешь обрести истину, убивая живых? Безумец, ты найдешь ее лишь в своей предсмертной агонии. Смерть — в жизни, и жизнь — в смерти. Бойся женщину — дочь змеи, бойся пролитой крови. Берегись!" Вслед за тем змея испустила дух. Кришна выронил ее голову и удалился, полный ужаса. Но Калайени сказал: "Я не властен над этим человеком: одна богиня Кали могла бы своими чарами победить его".

После четырех недель, проведенных в омовениях и молитвах на берегу Ганга, очистившись в лучах Солнца и в мысли Махадева, Кришна вернулся в свою родную страну, к пастухам горы Меру.

Осенняя луна поднималась сияющим диском над кедровыми лесами, и ночью воздух наполнялся благоуханием диких лилий, в чашечках которых в течение дня, жужжа, собирали свой мед дикие пчелы. Сидя под большим кедром, у края лужайки, Кришна, утомленный тщетными земными войнами, устремил свои мысли к Небесным битвам и к бесконечности Неба. Чем больше он думал о своей светлой матери и о явившемся ему мудром старце, тем ничтожнее казались ему его детские подвиги и тем живее становилось в нем влечение к Небесному. Успокоительное очарование, воспоминание о чем-то божественном заливало все существо его. И тогда благодарный гимн Махадеву вырывался из его сердца, приняв форму чудной мелодии, поднявшейся к небесам.

Привлеченные этим волшебным пением, Гопи, жены и дочери пастухов, вышли из своих жилищ. Одни из них, встретив по дороге старцев из своего селения, возвращались назад, сделав вид, что срывают цветы. Другие подходили ближе, призывая: «Кришна! Кришна!», и затем устыдившись, убегали. Смелея все более, женщины начали окружать Кришну целыми группами, подобно пугливым и любопытным ланям, зачарованные его мелодиями. Но он, погруженный в божественные сновидения, не видел их. Возбуждаясь все более и более его пением, Гопи, не замечаемые Кришной, начали терять терпение. Никдали, дочь Нанды, упала на землю с закрытыми глазами в припадке экстаза. Сестра же ее, Сарасвати, более смелая, приблизилась к сыну Деваки и, приближаясь к нему, заговорила ласкающим и молящим голосом:

— О, Кришна! Разве не видишь ты, что мы слушаем тебя, и сон не слетает более в наши жилища? Твои песни зачаровали нас, о несравненный герой! Они приковали нас к твоему голосу, и мы уже не можем более жить без тебя.

— О, спой еще,— молила другая молодая девушка,— научи и нас владеть нашим голосом!

— Научи нас священному танцу,— просила третья женщина.

И Кришна, пробуждаясь от своих дум, взглянул на Гопи взглядом, исполненным благоволения. Он обратился к ним с тихими речами, посадив их на траву под шатер из больших кедров, которые затеняли их от блеска полной луны. И тогда начал он рассказывать о том, что пронеслось внутри него: историю богов и героев, священные войны Индры и подвиги божественного Рамы. Женщины и молодые девушки слушали его с восхищением. Рассказы эти длились до рассвета. Когда розовая заря поднялась из-за горы Меру и птицы начали щебетать в ветвях кедров, женщины и девушки возвратились украдкой в свои жилища.

Но на следующие дни, как только магическая луна показывалась из-за деревьев, они возвращались к большому кедру, еще более жаждающие. Кришна, видя, как женщин восхищали его рассказы, научил их мелодическому пению и изображению жестами высоких действий героев и богов. Одним он дал лютни, струны которых отзывались трепетно на каждое движение души, другим — звучные кимвалы, передающие дерзновенную отвагу воинов, третьим — барабаны, издающие перекаты, похожие на гром. И, выбирая наиболее прекрасных из женщин, он оживотворял их своими мыслями. Так, с простертыми руками, ритмически двигаясь, как в божественном сне, священные танцовщицы представляли то величие Варуны, то гнев Индры, убивающего дракона, то отчаяние покинутой Майи. Таким образом битвы

богов, которые Кришна созерцал внутри себя, оживали в этих женщинах, радостных и преображенных.

Однажды ранним утром Голи удалились в свои жилища. Отзвуки различных инструментов и их радостно поющих голосов замирали в отдалении. Кришна, оставшийся в одиночестве, увидел, как две дочери Нанды — Сарасвати и Никдали — повернули обратно и приближались к нему. Подойдя к нему, они опустились на землю рядом с ним. Сарасвати, обвивая шею Кришны своими руками, на которых звенели золотые подвески, сказала: "Научив нас священному пению и священным танцам, ты дал нам великое счастье, но нас ожидает такое же великое страдание, когда ты покинешь нас. Что станет с нами, когда мы более не увидим тебя? О, Кришна! Возьми нас в супруги, мою сестру и меня, мы будем твоими верными женами, и очи наши не будут страдать от разлуки с тобой". В то время, когда Сарасвати произносила эти слова, веки Никдали закрылись, словно она погружалась в экстаз.

— Никдали! Почему закрываешь ты глаза? — спросил Кришна.

— Она ревнует, — смеясь ответила Сарасвати, — она не хочет видеть, как мои руки обвивают твою шею.

— Нет, — ответила Никдали краснея, — я закрываю глаза, чтобы созерцать твой образ, который навеки запечатлелся в моей глубине, Кришна, ты можешь удалиться, я не потеряю тебя никогда.

Кришна глубоко задумался. С мягкой улыбкой освободил он себя из рук Сарасвати, страстно обхвативших его. Затем он пристально посмотрел поочередно на Сарасвати и Никдали и обнял их обеими руками сразу. Он запечатлел поцелуй сперва на устах Сарасвати, а потом на очах Никдали. В этих двух долгих поцелуях молодой Кришна, казалось, вкусил и измерил все страстные переживания Земли. Затем он сказал:

— Ты прекрасна, Сарасвати, уста твои благоухают более амбры и более всех цветов Земли; ты очаровательна, о Никдали, веки твои скрывают тайну твоих очей, и ты умеешь смотреть в свою собственную глубину. Я люблю вас обеих. Но как могу я взять вас в супруги, если сердце мое должно разделиться между вами?

— Ах, он не полюбит никогда, — сказала Сарасвати с горечью.

— Я могу любить лишь вечную любовью.

— Что же нужно, чтобы ты полюбил вечную любовью? — спросила Никдали с нежностью.

Кришна поднялся во весь рост, его глаза метали молнии.

— Чтобы полюбить любовью вечною, — сказал он, — нужно, чтобы дневной свет погас, чтобы небесная молния

упала в мое сердце и чтобы душа моя, вырвавшись из тела, вознеслась в самую глубину Небес!

В то время, как он это говорил, молодым девушкам казалось, что он вырастал на их глазах, и вдруг им стало страшно, и они, заливаясь слезами, пошли к себе домой. Кришна направился в одиночестве к горе Меру. На следующую ночь Гопи вновь собрались под кедрами, но тщетно ожидали они своего Учителя. Он исчез, оставив им, как воспоминание о себе, как благоухание своего существа, священные песни и священные танцы.

Глава V. ПОСВЯЩЕНИЕ

Между тем царь Канса, узнав, что его сестра Деваки нашла убежище у отшельников, которое он, несмотря на все усилия, отыскать не мог, разгневался на них и принялся преследовать их и выслеживать, как диких зверей. Они принуждены были прятаться в самой отдаленной и самой дикой части лесов. И тогда их глава, древний Васиштха, несмотря на свой столетний возраст, пустился в путь, чтобы увидаться с царем Мадурь. Дворцовая стража смотрела с удивлением на слепого старца, ведомого газелью, которую он держал на привязи, когда приближался к воротам дворца. Исполненная уважения к святому, стража пропустила его.

Васиштха приблизился к трону, на котором восседал Канса рядом с Нисумбой, и сказал ему: "Канса, царь Мадурь, горе тебе, сыну Тора, преследующему отшельников в священных лесах! Горе тебе, дочери змеи, отравляющей царя дыханием ненависти. День возмездия приближается. Знайте, что сын Деваки жив. Он придет, покрытый непроницаемыми доспехами, и прогонит тебя с царского трона в позорное одиночество. Отныне трепещите и живите в страхе, ибо Девы решили наказать вас".

Воины, стражи и слуги пали ниц перед святым старцем, который удалился, ведомый газелью, и никто не осмелился прикоснуться к нему. Но с этого дня Канса и Нисумба замыслили погубить главу отшельников. Деваки умерла, и никто кроме Васиштхи не знал, что Кришна был ее сыном. Но слава о его подвигах разнеслась широко и достигла царя. Канса подумал: "Я нуждаюсь в человеке сильном, который мог бы защитить меня. Тот, который убил большую змею Калайени, не почувствует страха и перед отшельником". Подумав так, Канса послал сказать патриарху Нанде: "Пришли мне молодого героя Кришну, я хочу сделать из него возничего моей колесницы и первого советника. (В древней Индии обе

эти обязанности соединялись часто в одном лице. Возникшие царской колесницы бывали в то же время значительными лицами и часто министрами монарха. Примеры такого соединения попадаются беспрестанно в индусской поэзии.) Нанда сообщил Кришне приказание царя, и Кришна отвечал: "Я пойду", а сам подумал: "Не окажется ли царь Мадурь тем, который не меняется никогда? Через него я узнаю, где моя мать".

Канса, увидав силу, ловкость и разум Кришны, почувствовал к нему благосклонность и поручил ему наблюдение за всем царством своим. Между тем Нисумба, увидав героя горы Меру, испытала трепет нечистого желания, и в ее коварном уме зародился темный замысел под влиянием преступной мечты. Без ведома царя она приказала позвать царского возникшего в своей опочивальне. Она владела волшебными чарами, благодаря которым могла мгновенно возвращать своему телу юность. Сын Деваки нашел Нисумбу почти без всяких покров на ложе из пурпура; золотые кольца сжимали ее ноги и руки, диадема из драгоценных камней сверкала на ее голове. У ног ее горела курильница, из которой поднимались облака опьяняющих благоуханий.

— Кришна, — сказала дочь волшебника, — твое чело более невозмутимо, чем снега Химавата, а сердце твое подобно острию молнии. В невинности своей ты блистаешь превыше всех царей земных. Здесь тебя никто не признал, и ты сам не знаешь себя. Я одна ведаю, кто ты; Девы поставили тебя господином над людьми, но лишь я одна могу сделать тебя господином мира сего. Хочешь?

— Если Махадева говорит твоими устами, — сказал Кришна, сохраняя серьезную сосредоточенность, — ты скажешь мне, где находится моя мать и где я найду святого старца, который говорил со мной под кедрами горы Меру.

— Твоя мать? — спросила Нисумба с презрительной улыбкой. — О ней ты узнаешь конечно не от меня! Что касается твоего старика, я не знаю его. Безумец, ты гоняешься за сновидениями и не видишь сокровищ земли, которые я предлагаю тебе. Бывают цари, несущие корону на голове и не обладающие царственной природой, и бывают сыны пастухов, царственная душа которых начертана на их челе и которые не подозревают своей силы. Ты силен, ты молод, ты прекрасен, все сердца принадлежат тебе. Убей царя, когда он заснет, и я возложу корону на твою голову, и ты будешь господином мира, ибо я люблю тебя, и ты предназначен для меня. Я хочу, я приказываю!

Произнеся эти слова, царица поднялась, повелительная, чарующая, сверкающая страшной красотой. Выпрямившись на своем ложе, она метала из черных глаз своих искры

такого мрачного пламени, что Кришна содрогнулся от ужаса. Перед ним в этом взгляде раскрылись недра самого ада. Он увидел преисподнюю храма богини Кали, богини желания и смерти, и множество змей, которые там извивались как бы в вечной агонии. И тогда глаза Кришны загорелись внезапным огнем и превратились в два пылающих меча. Они пронзили царицу насквозь, и герой горы Меру воскликнул:

— Я останусь верен царю, который отдался под мою защиту, ты же знай, что гибель ожидает тебя!

Нисумба испустила пронизывающий крик и упала на свое ложе, в ярости кусая пурпуровые покровы. Вся ее искусственная молодость исчезла; она снова стала старой и покрылась морщинами. Кришна, увидав ее в порыве безумного гнева, удалился.

Преследуемый днем и ночью словами отшельника, царь Мадурь сказал своему возничему: «С тех пор как враг вступил в мой дворец, я не нахожу себе более покоя. Ненавистный маг, по имени Васиштха, который живет в глубине лесов, явился сюда, чтобы бросить мне в лицо проклятие. С тех пор я не дышу спокойно. Старик отравил мои дни. Но с тобой, который не боится ничего, я не испытываю более страха. Пойдем со мной в проклятый лес. Вожатый, знающий все тропинки, приведет нас к нему. И в тот же миг, как ты его увидишь, бросайся на него и пронзи его прежде, чем он успеет произнести слово или взглянуть на тебя. Когда он будет смертельно ранен, спроси его, где сын моей сестры Деваки и как зовут его. Судьба моего царства зависит от этой тайны!

— Будь покоен, — ответил Кришна. — Я не побоялся Калайени и не побоялся змеи Кали. Что же могло бы заставить меня дрожать теперь? Как бы ни был могуществен этот человек, я узнаю его тайну.

Переодетые охотниками, царь и Кришна помчались на колеснице, запряженной стремительными конями. Проводник, хорошо знавший лес, стоял позади них. Начиналось дождливое время года. Реки вздулись, ползучие растения покрывали дороги, и длинная лента журавлей белела на темных облаках. Когда они приблизились к священному лесу, небо потемнело, солнце закрылось тучами, окрестности потонули в темном тумане. С хмуро-посиневшего неба на косматые верхушки леса нависли странные облака; некоторые из них напоминали охотничьи трубы.

— Почему, — спросил Кришна царя, — небо потемнело и почему лес стал совсем черным?

— Я вижу, — сказал царь Мадурь, — это злой отшельник Васиштха затемнил небо и ошетинил против меня проклятый лес. Но, Кришна, ведь ты не боишься?

— Пусть все небо переменит свой лик и земля изменит свой цвет, я все же не боюсь!

— Тогда... вперед!..

Кришна погнал коней, и колесница очутилась под темным сводом баобабов. Все страшнее и чудовищнее становился лес; молнии освещали его; гром гремел не переставая.

— Никогда, — произнес Кришна, — я не видел, чтобы Небо так чернело, а деревья так изгибались. Твой маг действительно могуществен!

— Кришна, победитель змей, герой горы Меру, неужели ты боишься?

— Пусть Земля дрожит, пусть Небо обрушивается, я не боюсь!

— Тогда спеши вперед!

Снова смелый возничий погнал лошадей, и колесница устремилась в глубь леса. И тогда гроза усилилась до таких ужасающих размеров, что гигантские деревья начали сгибаться. Потрясаемый лес стонал, словно от завывания тысячи демонов. Молния ударила около самой колесницы. Раздробленный баобаб загородил им дорогу; кони стали, дрожа, и Земля заколебалась.

— Не божественного ли происхождения твой враг, раз Индра покровительствует ему так явно? — спросил Кришна.

— Мы приближаемся к цели, — сказал проводник царя. — Посмотри на этот свод из зелени. В конце находится бедная хижина. Там и живет Васиштха, великий Муни, которого любят птицы и боятся дикие звери и которого водит газель. Но даже за целое царство я не сделаю ни шага далес!

При этих словах царь Мадуры побледнел: «Он здесь? В самом деле? За этими деревьями»? И, прижимаясь к Кришне, он заговорил взволнованным шепотом, дрожа всем телом:

— Васиштха! Васиштха, который замышляет мою гибель, он здесь... Он смотрит на меня из глубины своего убежища... Глаза его преследуют меня... Спаси меня от него!

— Клянусь Махадевой, — воскликнул Кришна, спустившись с колесницы и перепрыгнув через ствол баобаба, — я хочу увидеть того, кто заставляет тебя так дрожать?

Столетний Муни Васиштха жил в этой хижине, затерянной в самой глубине священного леса, в ожидании смерти. Но еще до смерти тела он был освобожден из телесной темницы. Его земное зрение уже погасло, но он видел помощью души. Его кожа уже не ощущала ни тепла, ни холода, но дух его жил в совершенном единстве с высшим духом. Он уже не видел явлений этого мира иначе, как в свете Брахмы, молясь, размышляя и созерцая непрерывно. Верный ученик приносил ему ежедневно из обители отшельников немного рису, который и составлял все его питание. Газель, щипавшая

траву около него, предупреждала его своим криком о приближении диких зверей. Тогда он произносил шепотом Мантру, протягивал свой бамбуковый посох о семи узлах, и дикие звери удалялись. Что касается людей, он видел приближение каждого внутренним зрением на расстоянии нескольких миль.

Кришна, пройдя под темным сводом, внезапно очутился лицом к лицу с Васиштхой.

Глава отшельников сидел, скрестив ноги, на циновке, прислонившись к стене своей хижины, в состоянии глубокого покоя. Из его слепых глаз светилось внутреннее сияние высокого ясновидения. Как только Кришна увидал его, он немедленно узнал в нем "святого старца". Он почувствовал радостное потрясение; восторг и благоговение наполнили его душу и, забывая царя, его колесницу и царство его, он склонил колени перед святым и поклонился ему.

Васиштха, казалось, увидал его, по телу его пробежала легкая дрожь, он протянул руки, чтобы благословить своего гостя, и уста его прошептали священное слово: АУМ¹.

Между тем царь Канса, не слыша ожидаемого крика и не видя своего возницу, проскользнул под сенью деревьев и остановился, как вкопанный, потрясенный при виде Кришны на коленях перед святым отшельником. Последний направил свои слепые глаза на царя и, подняв посох, сказал:

— О царь Мадур, ты пришел убить меня; приветствую тебя! Ибо ты освободишь меня от бедствий телесного существования. Ты хочешь знать, где находится сын твоей сестры Деваки, тот, который воссядет на твой престол? Вот он, склонившийся передо мною и перед Махадевой, Кришна, твой собственный возничий! Пойми, о царь, до чего дошло твое безумие, когда твой самый страшный враг есть тот, которого ты сам привел ко мне, дабы я мог открыть ему его великое предназначенье. Трепещи! Ты погибнешь, и твоя низкая душа станет добычей демонов.

Потрясенный Канса слушал. Он не смел смотреть в лицо старцу; бледный от ярости, видя Кришну все еще на коленях, он взял лук и натянул его изо всех сил, пустил стрелу в сына Деваки.

Но его рука дрогнула, и стрела пронзила грудь Васиштхи, который, скрестив руки на груди, казалось, ожидал удара в молитвенном экстазе.

Раздался крик, страшный крик, но не из груди отшельника, а из груди Кришны. Он слышал, как стрела пронеслась мимо его уха, как она вонзилась в тело святого. И ему

¹ В брахманическом посвящении слог этот означает: верховный Бог или Божественный Дух. Каждая из букв соответствует одному из божественных аспектов или одной из Ипостасей Св. Троицы.

казалось, что она впилась в его собственное тело, до такой степени его душа слилась в этот миг с душой Васиштхи. На острие этой стрелы все страдание мира проникло в душу Кришны и как бы рассекло ее до самых глубин.

Между тем Васиштха, с стрелой в груди, не меняя положения, продолжал еле слышно:

— Сын Махадева, зачем испускать этот крик? Убийство тщетно; стрела не достигла души, и жертва всегда побеждает убийцу. Торжествуй Кришна: судьба свершается, я возвращаюсь к Тому, который не меняется никогда. Да примет Брахма душу мою. Ты же, его избранник, спаситель мира, восстань!

И Кришна встал с мечом в руках, он повернулся к царю, но Кансы уже не было, он спасся бегством.

И тогда яркий свет прорезал черное небо, и Кришна упал, пораженный ослепительным светом. И в то время как тело его оставалось неподвижным, его душа, соединившаяся силою любви с душою старца, поднялась в горные пространства. Земля с своими реками, морями и материками исчезла, как темный шар, и оба поднялись до седьмого Неба Дев к Отцу всех сущих, к Солнцу Солнц, к Махадеве, божественному Разуму. Они погрузились в океан света, раскрывшегося перед ними. В центре этого света Кришна увидел Деваки, свою светлую мать, окруженную славой, которая с невыразимой любовью протягивала к нему руки, привлекая его на свою грудь. Тысячи Дев теснились вокруг, упиваясь сиянием Девы-Матери. И Кришна почувствовал себя поглощенным в лучах любви Деваки. И тогда из сияющего сердца матери начало излучаться его собственное существо. Он почувствовал, что он — Сын, божественная Душа всех существ, Слово жизни, творческий Глагол. Превышая мировую жизнь, он, тем не менее, проникал ее сущностью страданий, огнем молитвы и силой божественной жертвы. (Легенда Кришны указывает нам на самый источник идеи Девы-Матери, Бога-Человека и Св. Троицы. В Индии эта идея появляется в глубочайшей древности в прозрачных символах со всею глубиною присущего ей метафизического смысла. В книге V, главе II Вишну-Пураны, после рассказа о зачатии Кришны, находятся следующие слова: "Никто не мог глядеть на Деваки, благодаря яркому свету, окружавшему ее, и те, кто взирал на ее славу, испытывали великое смущение; невидимые смертным боги воздавали ей непрестанные хвалы с тех пор, как Вишну заключил себя в недра ее. Они говорили: "Ты — та Праkriti, бесконечная и тончайшая, которая несла Брахму в своих недрах; ты явилась затем богиней Слова, энергией Создателя Вселенной и матерью Всд. О, вечная Сущность, которая заключает в своей субстанции суть всех сотворенных вещей, ты была тождественна с мировым

творчеством, ты была жертвоприношением, из которого произошли все произведения Земли; ты — то дерево, которое трением производит огонь. Подобно Адити, ты — мать богов; подобно Дити, ты — мать Датиьев, их врагов, ты — свет, рождающий день, ты — смирение, рождающее истинную мудрость, ты — удовлетворение, из которого происходит отречение; ты — разум, создающий науки; ты — терпение, родящее отвагу. Весь небесный свод и все звезды — твои дети: от тебя происходит все существующее... Ты спустилась на землю для спасения мира. Имей к нам сострадание, о, богиня, и окажи твое благоговение миру, гордись тем, что несешь в себе Бога, который поддерживает Вселенную". Это место показывает, что брахманы отождествляли мать Кришны с мировой материей и с женским началом природы. Они сделали из нее вторую Ипостась божественной Троицы, первичной, непроявленной Триады: Отец, Нага (вечно-мужественное); мать, Nari (вечно-женственное) и Сын, Viradi (творческий глагол) — таковы божественные проявления. Иными словами их можно выразить так: начало разумное, начало пластическое и начало производительное. Все три составляют вместе natura-naturans, употребляя выражение Спинозы. Организованный мир, natura-naturala, есть продукт творческого Глагола, который, в свою очередь, проявляется под тремя видами: Брахма, Дух, соответствует миру божественному; Вишну, душа — миру человеческому, Шива, тело — миру природы. В этих трех мирах начало мужское и начало женское (сущность и субстанция) одинаково деятельны, и "вечно-женское" проявляется одновременно в природе земной, человеческой и божественной. Изиды — троица, Сибела — также. Из этого следует, что двойная троица Бога и Вселенной содержит в себе и начала, и очертание божественного плана и Космогонии. Справедливость требует признать, что эта идея, мать всех позднейших религиозных идей, исходит из Индии. Все древние храмы, все великие религии и многие распространенные философии приняли ее. Во времена апостолов, в первые века христианства, христианские посвященные почитали женское начало природы, видимой и невидимой, под именем Духа Святого, изображаемого голубем, который был знаком женской власти во всех храмах Азии и Европы. И хотя с тех пор церковь и потеряла ключ к своим мистериям, их смысл продолжает быть начертанным на церковных символах.)

Когда Кришна пришел в себя, гром еще гремел в небесах, тьма еще не прояснилась и потоки дождя продолжали обливаться хижину. Газель лизала кровь на теле пронзенного отшельника, от "божественного старца" остался труп, но Кришна встал с земли внутренне воскресший. Целая пропасть

разделяла его от мира и его обманчивых видимостей. Он пережил великую истину, он понял свою миссию.

В это время царь Канса, исполненный ужаса, спасался на своей колеснице, гонимый бурей, и кони его неслись, словно бичуемые демонами.

Глава VI. УЧЕНИЕ ПОСВЯЩЕННЫХ

Отшельники преклонились перед Кришной как перед ожидаемым и свыше назначенным преемником Васиштхи. В глубине священного леса была совершена *grada*, или погребальная церемония, над святым старцем, и сын Деваки получил знак верховной власти — посох о семи узлах, после того как было совершено жертвоприношение огня в присутствии старейших отшельников, тех, которые знали наизусть все три Веды. Затем Кришна удалился на гору Меру для размышления над своим учением и путями спасения людей. Его медитация и его аскетические упражнения длились семь лет. По окончании этого времени он почувствовал, что подчинил свою земную природу божественной и настолько отождествил себя с солнцем Махадевы, что получил право на имя Сына Божия. И тогда лишь призвал он к себе отшельников, молодых и старых, чтобы открыть им свое учение. Они нашли Кришну очищенным и обновленным; герой преобразился в святого, он не утратил своей львиной силы, но приобрел кротость голубки. Между теми, которые поспешили на призыв, находился и Арджуна, потомок царей солнечного цикла, один из Пандавов, лишенных престола Кауравами, представителями лунного цикла. Молодой Арджуна был полон огня, он легко поддавался разочарованию и впадал в сомнения. Он страстно привязался к Кришне.

Сидя под кедрами горы Меру, с лицом, обращенным к Химавату, Кришна начал проповедовать истины, недоступные для людей, живущих в рабстве у своей чувственной природы. Он поучал их бессмертную душу, ее возрождениям и ее мистическому соединению с Богом. "Тело, — говорил он, — внешний покров души, есть нечто конечное; но душа, пребывающая в нем, есть нечто невидимое, невесомое, недоступное тлению, вечное¹. Земной человек троичен, подобно Богу, которого он отражает в себе: у него есть разум, душа и тело. Если душа соединяется с разумом, она достигает Сатвы, т. е. мудрости и мира; если она колеблется

¹ Суть этого учения, принятого позднее Платоном, излагается в первой книге Бхагават-Гиты в форме диалога между Кришной и Арджуной.

между разумом и телом, она попадает под господство Раджаса, страсти, и вращается от предмета к предмету в роковом круге; если же она подчиняется телу, она отдается во власть Тамаса, безрассудству, неведению и временной смерти. Вот что может каждый человек наблюдать внутри себя и в окружающей среде".

— Но, — спросил Арджуна, — какова судьба души после смерти? Следует ли она все тому же закону, или она может избежать действия его?

— Она никогда не может избежать закона и всюду послушна ему, — отвечал Кришна. — В этом и заключается тайна возрождения. Глубины жизни освещаются светом этой истины. По распадении тела, когда победит Сатва (мудрость), душа поднимается в беспорочные области тех чистых Существ, которые приобрели ведение (Видью) Единого. По распадении тела, в котором господствует Раджас (страсть), душа возвращается вновь в среду тех, кто привязан ко всему земному. Точно так же, если распадается тело, в котором преобладает Тамас неведение (Авидья), душа, затемненная материей, снова привлекается в лоно неразумных существ.

— Это истинно, — сказал Арджуна, — но поведай нам теперь, чему подвергаются в течение веков те, кто следовал мудрости и кто после смерти переходит в божественные обители.

— Человек, застигнутый смертью во время молитвы, — ответил Кришна, — испытывает на небесах в течение долгого времени награду за свою праведность и затем возвратится на Землю, чтобы воплотиться в святом и почитаемом семействе. Но этот вид рождения достигается весьма трудно в земной жизни. Человек, возвращающийся на Землю, является с теми же способностями и тем же разумением, которые он имел в прежнем теле; и он начинает снова работать, чтобы усовершенствоваться.

— Итак, — сказал Арджуна, — добрые тоже принуждены рождаться и возобновлять телесную жизнь; но поведай нам, о Господи, может ли для того, кто следует по пути мудрости, настать конец воплощениям?

— Выслушайте, — сказал Кришна, — великую и глубокую тайну. Чтобы достичь совершенства, нужно овладеть Наукой Единства, которая выше мудрости; нужно подняться к божественной Сущности, которая выше души и даже выше разума. Божественная та сущность, верховный тот друг пребывает в каждом из нас, ибо Бог находится внутри каждого человека, но мало кто умеет найти его. Узнай же путь спасения. Познав совершенную сущность, которая выше мира и которая заключена в вас самих, вы решитесь покинуть врага, принимающего форму желания. Побеждайте ваши страсти. Наслаждение, доставляемое чувствами, подобно

недрам, рождающим страдание. Не только делайте добро, но и сами будьте добры. Достигайте того, чтобы побуждение заключалось в самом действии, а не в плодах его. Отрекийтесь от плодов ваших дел, чтобы каждое из ваших действий было как бы даром, приносимым Всевышнему. Человек, приносящий в жертву свои желания и свои дела Тому, от кого произошли начала всех вещей, кто создал Вселенную, достигает посредством этой жертвы совершенства.

В духовном единении с Ним человек приобретает духовную мудрость, превышающую все дары, и он испытывает божественное блаженство, ибо тот, кто находит в себе самом свое счастье, свою радость и в себе самом находит свет, тот в единении с Богом. Знайте же, что душа, которая нашла Бога, освобождается от рождения и смерти, от старости и от страданий и пьет воду Бессмертия.

Так излагал Кришна свое учение ученикам и путем внутреннего созерцания подготавливал их постепенно к восприятию высоких истин, раскрывшихся перед его духовным взором в минуту просветления. Когда он говорил о Махадеве, его голос изменялся и все черты его освещались внутренним светом.

Однажды Арджуна, в порыве смелости, сказал ему: "Дай нам узреть Махадеву в его божественной форме. Сможем ли мы лицезреть его?"

И тогда Кришна начал говорить с невыразимой силой о Существо, которое дышит во всякой твари, обладает стами тысячами форм с бесчисленными очами, с лицами, обращенными во все стороны, и которое в то же время превышает все сотворенное во всем объеме бесконечности, которое содержит в своем неподвижном теле всю движущуюся Вселенную со всеми мирами. "Если бы в Небесах зажглось одновременно сияние тьмы Солнц, — сказал Кришна, — оно не сравнилось бы с сиянием Единого Всемогущего".

Когда он говорил о Махадеве, зажегся в его глазах луч света такой могучей силы, что ученики не выдержали его блеска и пали ниц к его ногам. Волосы на голове Арджуны стали дыбом, и, покорно сложив руки и склоняясь, он сказал: "Господи, твои слова ужасают нас, мы не в состоянии смотреть на высокое существо, которое ты вызываешь перед нашими глазами. Его вид потрясает нас"¹.

Далее Кришна поучал:

— Многие рождения остались позади меня и позади тебя, о Арджуна! Я знаю их все, но ты не знаешь своих. И хотя я по природе моей не подлежу рождению и смерти и есть

¹ Преображение Кришны изложено в XI главе Бхагават-Гиты. Э. Шюре изменяет смысл текста, передавая всю сцену преобразования так, будто не слова, а вид преображенного Кришны потрясли Арджуну.

Творец всего сущего, тем не менее, повелевая своей природой, я проявляюсь собственной силой. И каждый раз, когда добродетель падает в мире, а порок и несправедливость преобладают, я делаюсь видимым, и таким образом я рождаюсь из века в век для спасения справедливого, для сокрушения злого и для восстановления праведного закона.

Тот, кто воистину знает Мою природу и Мое божественное творчество, тот, покинув тело, не вернется к новому рождению, тот придет ко Мне¹.

Говоря так, Кришна смотрел на своих учеников с кротостью и благоволением. Арджуна воскликнул:

— Господи, ты Сын Махадевы!! Меня убеждает в этом Твоя великая доброта, Твое невыразимое очарование еще более, чем Твой устрашающий блеск. Не столько в бесконечности ищут Тебя Девы и стремятся к Тебе, сколько под человеческим образом любят они Тебя и поклоняются Тебе. Ни послушание, ни милостыни, ни Веды, ни жертвоприношения не стоят единого из взглядов Твоих. Ты — истина. Веди нас к борьбе, к подвигам, к смерти. И куда бы ни повел Ты нас, мы последуем за Тобой!

В радости и восторге ученики теснились к Кришне, говоря: — Как могли мы не познать этого ранее? Сам Махадева говорит в Тебе.

Он ответил:

— Ваши глаза не были еще отверзты. Я поведал вам великую тайну. Сообщайте ее лишь тем, которые могут вместить ее. Вы — мои избранные; вы видите цель; толпа же видит лишь часть дороги. И потому идите со Мной проповедовать народу Путь спасения.

Глава VII. ТОРЖЕСТВО И СМЕРТЬ

Окончив обучение своих учеников на горе Меру, Кришна отправился вместе с ними на берега Джамны и Ганга, чтобы поучать народ. Он посещал хижины и останавливался в городах. По вечерам, на краю деревни, толпа окружала его. Он проповедовал народу прежде всего милосердие относительно ближних своих: «Боль, которую мы наносим своему ближнему, следует за нами так же, как тень следует за нашим телом. Дела, в основе которых лежит любовь к ближним, должны быть предметом искания для праведного, ибо такие дела весят на чаше божественных весов более всего. Если ты будешь искать общения с добрыми, твой

¹ Бхагават-Гита, гл. IV, 5—9.

пример не принесет пользы; не бойся жить среди злых и стремись обратить их к добру. Праведный человек подобен огромному дереву, благодетельная тень которого поддерживает в окружающих растениях свежесть жизни”.

Иногда Кришна, сердце которого переполнялось благоуханием любви, говорил об отречении и самопожертвовании голосом проникновенным, в образах обольстительных: “Подобно тому, как Земля питает тех, которые топчут ее ногами и, вспахивая ниву, разрывают ее грудь, так и мы должны отдавать добром за зло... Добрый человек должен погибать под ударами злых, подобно сандаловому дереву, которое, умирая, изливает свое благоухание и на срубающую его секиру”.

Когда неверующие, ученые или гордецы просили его объяснить природу Бога, он отвечал изречениями вроде следующих: “Ученость человека полна тщеславия; все добрые дела человека обманчивы, если он делает их не во имя Бога”; “Кто кроток сердцем и познал Бога, тот любим Богом; такой человек не нуждается более ни в чем. Бесконечное одно может понимать бесконечное; лишь Бог может понимать Бога”.

Учение Кришны восхищало и увлекало толпу, в особенности потому, что он говорил о Боге живом, о Вишну. Он учил, что Владыка вселенной воплощался уже не раз среди людей. Он появлялся последовательно в лице семи Риши, в Вьясе и в Васиштхе. И он появится вновь. Но Вишну, по словам Кришны, говорит иногда и устами смиренных. Он влагает свою мысль то в нищего, то в кающуюся женщину, то в малое дитя. Кришна рассказывал народу притчу о бедном рыболове Дурге, который встретил однажды маленькое дитя, умиравшее от голода под тамариновым деревом. Добрый Дурга, хотя и страдавший под тяжестью нищеты и обремененный многочисленной семьей, которую не знал как прокормить, проникся жалостью к маленькому дитяти и взял его с собой. И когда, после заката солнца, Луна взошла над Гангом и семья рыбака произнесла свою вечернюю молитву, спасенное дитя проговорило вполголоса: “Плод Катаки очищает воду; точно так же добрые дела очищают душу. Возьми свои сети, Дурга; лодка твоя плывет по Гангу”. Тогда Дурга пошел и закинул свои сети, и они едва выдержали великое множество попавшей рыбы.

Между тем спасенное дитя исчезло. Таким образом, говорил Кришна, Вишну являет себя человеку, забывающему свои собственные бедствия ради страдания других, и так приносит он счастье сердцу его. Такими примерами Кришна проповедовал поклонение Вишну. Все радовались и дивились,

находя Бога столь близким своему сердцу каждый раз, когда с ними говорил сын Деваки.

Слава пророка горы Меру распространилась по Индии. Пастухи, которые знали его с детства и присутствовали при его первых подвигах, не могли поверить, что этот святой был тот самый пылкий герой, которого они знали. Старого Нанды уже не было в живых, но две его дочери, Сарасвати и Никдали, которых Кришна любил, были еще живы. Различна была их судьба. Сарасвати, разгневанная удалением Кришны, искала забвения в браке. Она стала женою человека из высшей касты, взявшего ее за красоту, но впоследствии он развелся с нею и продал ее купцу. Сарасвати, презирая купившего ее, начала вести дурную жизнь. Однажды, с отчаянием в сердце, охваченная раскаянием и отвращением, она возвратилась в свою родную страну и тайно разыскала свою сестру Никдали. Последняя, не переставая думать о Кришне, как будто бы он всегда был перед ней, отказалась от замужества и жила с своим братом, прислуживая ему. Когда Сарасвати поведала ей свои несчастья и свой позор, Никдали сказала ей:

— Бедная сестра моя! Я тебя прощаю, но наш брат не простит тебя. Один Кришна мог бы спасти тебя.

— Кришна! — воскликнула она, — Что случилось с ним?

— Он сделался святым, великим пророком. Он проповедует на берегах Ганга.

— Пойдем искать его, — сказала Сарасвати, и обе сестры пустились в путь, одна, увядшая от страстей, другая, благоухающая невинностью, и обе — сжигаемые одной и той же любовью.

Кришна в это время готовился преподавать свое учение кшатриям (воинам). Ибо он обучал поочередно то брахманов, то людей из касты воинов, то народ. Брахманам он объяснял с сосредоточенным спокойствием зрелого возраста глубокие истины божественной мудрости; перед кшатриями он пояснял воинские и семейные добродетели в речах, исполненных молодого огня; к народу он обращался с простыми речами о самоотречении, милосердии и надежде.

Кришна находился за праздничным столом у одного из славных военачальников, когда две женщины стали просить доступа к нему. Их впустили благодаря монашеской одежде. Сарасвати и Никдали бросились к ногам Кришны. Сарасвати воскликнула, проливая потоки слез:

— С тех пор как ты покинул нас, я проводила жизнь в заблуждениях и грехах, но если ты захочешь, Кришна, ты можешь спасти меня!..

Никдали произнесла:

— О, Кришна, когда я увидела тебя в первый раз, я знала, что полюбила тебя навсегда; ныне же, увидав тебя в твоей славе, я узнала, что ты Сын Махадевы!

И обе прильнули к его ногам. Раджи, между тем, упрекали его:

— Почему, святой Риши, позволяешь ты этим женщинам из среды народа оскорблять тебя безумными речами?

Кришна отвечал им:

— Не мешайте раскрыться их сердцам; они стоят ближе к истине, чем вы. Ибо вот эта обладает верою, а та — любовью. Сарасвати спасена отныне, ибо она поверила в меня, а Никдали в своем безмолвии любила истину более, чем вы со всеми вашими речами. Знайте, что моя светлая мать, живущая в сиянии Махадевы, научит ее тайнам вечной любви, когда вы все еще будете погружены в темноту низших жизней.

С этого дня Сарасвати и Никдали всюду следовали за Кришной, сопровождая его вместе с учениками. Вдохновленные им, они проповедовали другим женщинам.

Между тем Канса все еще царствовал в Мадуре. Со дня смерти святого Васиштки царь не находил себе покоя.

Пророчество отшельника сбылось: сын Деваки был жив! Царь видел его и чувствовал, как таяла под влиянием взгляда святого старца его сила и его царственная власть. Он дрожал за свою жизнь и часто, несмотря на присутствие стражи, оборачивался внезапно, ожидая увидеть молодого героя, лучезарного и страшного, стоящего у двери. Со своей стороны и Нисумба среди всей роскоши царской опочивальни с горечью размышляла о своей утерянной власти. Когда она узнала, что Кришна, ставший пророком, проповедовал на берегах Ганга, она убедила царя послать против него отряд солдат и привести его во дворец связанным. Когда Кришна увидал солдат, он улыбнулся и сказал:

— Я знаю, кто вы и зачем пришли. Я готов следовать за вами к вашему царю; но прежде дайте мне сказать вам о небесном Царе, который также и мой Царь.

И он начал говорить о Махадеве, о Его славе и Его проявлениях. Когда он окончил, солдаты отдали свое оружие Кришне и сказали:

— Мы не поведем тебя пленником к нашему царю, мы последуем за тобой к твоему Царю.

И они остались при нем. Канса, узнав о том, был сильно испуган. Нисумба сказала ему:

— Пошли к нему первых людей государства.

Желание ее исполнилось. Первые люди Мадурь пошли в город, где проповедовал Кришна. Они обещали не слушать его речей. Но когда они увидали сияние его взгляда, величие

его облика и почитание, которым он был окружен, они не выдержали и стали слушать его. Кришна говорил им о внутреннем рабстве тех, кто делает зло, и о Нисбесной свободе тех, кто делает добро. Кшатрии исполнились радостью, изумлением и почувствовали себя как бы освобожденными от великой тяжести.

— Воистину ты великий чудотворец, — сказали они. — Ибо мы поклялись привести тебя к царю закованным в цепи; но мы не можем сделать этого, ибо ты освободил нас от наших цепей.

И они возвратились к Кансе и сказали ему:

— Мы не могли привести к тебе этого человека. Это — великий пророк, и тебе нечего бояться его.

Царь, видя, что все его попытки оказались бесполезными, устроил свою стражу и велел привесить железные цепи ко всем дверям своего дворца. Но однажды он услышал большой шум на улицах города, крики радости и торжества. Стража прибежала с известием:

— Это Кришна вступает в Мадуру. Народ ломится в двери, он разбивает железные цепи.

Канса хотел бежать, но стража принудила его оставаться во дворце.

И действительно, Кришна в сопровождении своих учеников и великого множества отшельников, вступал в Мадуру, расцвеченную яркими знаменами, пролагая свой путь среди огромного скопища людей, напоминавшего волнуемое ветром море. Он вступал в город, осыпанный дождем цветов и гирлянд. Все приветствовали его радостными восклицаниями.

Брахманы собрались группами под священными бананами, окружавшими храм, чтобы поклониться сыну Деваки, победителю змеи, герою горы Меру и пророку Вишны. Сопровождаемый блестящей свитой и приветствуемый как освободитель народом и кшатриями, Кришна предстал перед царем и царицею.

— Ты царствовал насилем и злом, и ты заслужил тысячу смертей, убив святого старца Васиштху. Но ты еще не умирешь. Я покажу миру, что надо одерживать победу над побежденным врагом не убивая его, но прощая ему.

— Злой чародей! — воскликнул Канса. — Ты украл мою корону и мое царство. Кончай и со мной.

— Ты говоришь, как безумец, — ответил Кришна. — И если бы ты умер в этом безумии ожесточения и преступности, ты бы погиб безвозвратно и в будущей жизни. Если ты поймешь свое безумие и раскаешься в нем, твоё наказание будет легче в той жизни, и, благодаря посредничеству чистых духов, Махадева спасет тебя в будущем.

Нисумба, наклонившись к уху царя, прошептала:

— Безумец, воспользуйся его сумасшедшей гордостью. Пока мы еще живы, остается надежда отомстить.

Кришна, не слышавший ее слов, догадался, что она сказала, и бросил на нее взгляд, исполненный проникновенного сострадания:

— Несчастная! Ты продолжаешь разливать свой яд. Совратительница и злая волшебница, твое сердце вмещает один лишь змеинный яд. Исторгни его, или я буду принужден раздавить твою голову. А теперь ты последуешь за царем в место покаяния, где будешь искупать свои преступления под наблюдением брахмана.

После этого события Кришна, с согласия представителей государства и народа, посвятил своего ученика Арджуну, славного потомка солнечной расы, в цари Мадур.

Он передал высшую власть брахманам, которые сделались наставниками царей. Сам же он остался главою отшельников, представлявших высший состав брахманов. Чтобы защитить этот совет от преследований, он выстроил для него сильную крепость посреди гор, защищенную высокой оградой и избранным населением. Крепость эта называлась Дваркой. В ее середине находился храм посвященных, наиболее важная часть которого была скрыта в подземельях¹.

Между тем, когда цари лунного культа узнали, что царь солнечного культа взойшел на трон Мадур и что браманы через его посредство будут господствовать в Индии, они заключили между собой могущественный союз, для того чтобы опрокинуть его власть. Арджуна, с своей стороны, соединил вокруг себя всех царей солнечного культа, принявших арийское ведическое предание. Из глубины храма, находящегося в крепости Дварка, Кришна следил за ними и направлял их; под конец обе армии сошлись лицом к лицу и решительная битва была неизбежна. Между тем Арджуна, не видя более около себя своего учителя, почувствовал, как

¹ Вишну-Пурана говорит в прозрачных выражениях об этом городе: "Кришна порешил построить крепость, в которой племя Яду могло бы найти верное убежище, и которая была бы так устроена, что даже две женщины могли бы защитить ее. Город Дварка был окружен высокой оградой, украшен садами и фонтанами, и был столь же блистателен, как Амаравати, город Индры". В этом городе Кришна посадил дерево Парижата, "благоухание которого наполняет воздух земли; все приближавшиеся к нему были в состоянии вспомнить свои предыдущие существования". Это дерево, очевидно, символ божественной мудрости и посвящения, — тот же, который мы снова находим в халдейском предании и который оттуда перешел в книгу Бытия евреев. После смерти Кришны город покрылся водой, дерево поднялось на небо, но храм сохранился. Если все это имеет какой-нибудь исторический смысл, для каждого, кто знаком с символическим утонченным языком индусов, это означает не что иное, как появление тирана, который уничтожил до основания город, после чего Посвящение становилось все более и более тайным.

смутился его разум и как ослабла его решимость. Однажды на рассвете Кришна появился перед палаткой царя и ученика своего.

— Почему,— сказал ему строго учитель,— не начинаешь ты битву, которая должна решить, будут ли сыны Солнца или сыны Луны царствовать на Земле?

— Без тебя я не могу решиться,— сказал Арджуна.— Посмотри на эти два огромных войска и на это множество людей, которые будут убивать друг друга.

С возвышения, на котором они находились, Кришна и царь Мадурь смотрели на две бесчисленные рати, расположенные в боевом порядке одна против другой. Видно было, как сверкали позолоченные латы начальников и как тысячи пехотинцев и воинов на конях и слонах ожидали лишь сигнала, чтобы начать битву. В эту минуту начальник вражеской армии, старейший из Кауравов, затрубил в свою морскую раковину, звук которой напоминал рыкание льва. В ответ на этот грозный призыв с обширного поля битвы понеслись ржання коней, крики слонов, звон оружия, шум барабанов и труб, и поднялась великая тревога. Арджуне оставалось только вскочить на свою боевую колесницу, влекомую белыми конями, и затрубить в свою боевую лазурную раковину, подавая знак битвы сынам Солнца; но, вместо того, великая жалость овладела сердцем царя, и он сказал, тоскуя:

— Видя людей моего племени, выстроенных в боевые ряды, о Кришна, и готовых вступить в бой,

Мои члены слабеют, уста высыхают, и тело мое дрожит, и волосы становятся дыбом.

Меч выпадает из руки моей, и кожа моя пылает, ноги мои подкашиваются, и мысли мои путаются.

И я вижу дурные предзнаменования, о Кешава! Не могу я признать пользы от убийства моих единоплеменников.

Ибо не желаю я ни победы, ни царства, ни радости; что могут представлять для нас, о Кришна, и царства, и радости, и даже сама жизнь?

Те самые, для которых мы желаем царства, блага и радости, стоят здесь на поле битвы, готовые отдать и жизнь, и богатства.

Учителя, отцы, сыновья, деды, дяди, внуки и другие родственники.

Не могу я желать убить их, хотя бы и сам я был убит, не могу даже ради власти над всеми тремя мирами; могу ли я решиться на это ради власти земной?

Какая мне радость убивать моих противников? Поражая предателей, я лишь навлеку грехи на нас! (Бхагават-Гита песнь I, 28—36)

Отвечал Кришна:

— Откуда это малодушие, одолевшее тебя в час опасности, малодушие неблагородное, бесславное, закрывающее вход в Небо, о Арджуна!

Не поддавайся бессилию, оно не приличествует тебе. Страхни с себя это недостойное малодушие. Восстань!

Ты оплакиваешь тех, которых не следует оплакивать, и в то же время произносишь слова мудрости. Но мудрые не оплакивают ни живых, ни мертвых.

Ибо воистину не было того времени, когда бы я или ты, или эти князья не существовали; и в будущем не будет того времени воистину, когда бы мы перестали существовать.

Как живущий в теле находит в нем детство, юность и старость, так же испытывает он их и в другом теле; мудрые не делают из этого предмета печали.

Прикосновения чувств дают ощущение холода и жара, наслаждения и страдания; непостоянные, они приходят и уходят; выдерживай их мужественно, о Бхарата!

Человек, над которым они не имеют власти, уравновешенный в страдании и радости, непоколебимый, такой человек заслуживает бессмертия.

Нереальное не имеет бытия; реальное никогда не перестает быть; эту истину провидели познавшие сущность вещей.

Узнай, что сущность эта, которая все проникает, неразрушима. И никто не в силах уничтожить ее.

Эти тела, в которых пребывает она, вечная, нерушимая, безграничная, подлежат разрушению; поэтому сражайся, Бхарата!

Думающий, что он убивает, и тот, кто думает, что его убили, оба проявляют неведение. Нельзя ни убить, ни быть убитым.

Как человек, сбрасывая изношенное платье, облекается в новое, так и живущий в теле сбрасывает изношенные тела и переходит в новые.

Оружие не может пронзить его, огонь не может сжечь его, вода не может залить его, и ветер не может иссушить его.

Для рожденного неизбежна смерть, а для умершего рождение; поэтому не печалься о неизбежном, Арджуна!

Глядя на свою собственную Дхарму, ты не должен дрожать; ибо ничто не должно быть столь желанным для кшатрия, как праведный бой.

Счастливы кшатрии, которым дается праведный бой, внезапно открывающий двери в Сваргу.

Но если ты не хочешь выдержать до конца праведный бой, тогда, отбросив свою собственную Дхарму (дом (по отношению к миру), закон души по отношению к себе) и

свою честь, ты вступишь в грех. (Бхагават-Гита, песнь II, 11—18, 22—24, 31—33)

При этих словах Учителя Арджуна устыдился и почувствовал, как его царственная кровь закипела отвагой. Он бросился к своей боевой колеснице и дал знак, по которому началась битва. И тогда Кришна простился со своим учеником и покинул поле битвы, уверенный, что победа останется за сыном Солнца.

В то же время Кришна знал, что побежденные примут его религию только в том случае, если он одержит победу над их душами, более трудную, чем победу оружием. Так же, как святой Васиштха умер, пронзенный стрелой, для того, чтобы открыть высшую истину Кришне, так же и Кришна должен был добровольно погибнуть под ударами своего смертельного врага для того, чтобы вселить в сердца своих противников веру, которую он проповедовал своим ученикам и миру. Он знал, что прежний царь Мадур, далекий от раскаяния, нашел себе убежище у своего тестя Калайени, владыки, заставившего его ненависть, постоянно возбуждаемая Нисумбой, заставляла его непрестанно подстергать Кришну в ожидании минуты, удобной для того, чтобы погубить его. Между тем Кришна чувствовал, что миссия его закончена и что она требовала только одного для своего завершения: печати добровольной жертвы. Тогда он перестал избегать своего врага и бороться с ним могуществом своей воли.

Он знал, что, перестав защищать себя внутренней силой, он навлечет на себя удар, который уже давно замыслился против него. Но сын Деваки хотел умереть вдаль от людей, в пустынях Химавата.

Там он будет ближе к своей светлой матери, к святому старцу и к Солнцу Махадевы.

Итак, Кришна отправился в пустыню, находившуюся в диком и печальном месте у подножия высоких вершин Химавата. Ни один из учеников не проник в его намерение, лишь Сарасвати и Никдали, с прозорливостью любящих женщин, прочли его в глазах Учителя. Когда Сарасвати поняла, что он желает умереть, она бросилась и воскликнула: "Учитель, не покидай нас!" Никдали взглянула на него и сказала просто: "Я знаю, куда ты идешь; если ты признаешь, что мы любим тебя, дозволей нам следовать за тобой".

Кришна отвечал:

— В моем Небе любовь всегда будет услышана, идите за мной!

После долгого пути пророк и святые женщины подошли к нескольким хижинам, расположенным вокруг большого кедра на площадке скалистой горы; с одной стороны —

огромные снеговые купола Химавата, с другой — целый лабиринт горных хребтов, вдаль — долина, и на ней раскинулась Индия, потонувшая, как греза, в золотом тумане. В этих кельях жило несколько отшельников; тела их, изъеденные грязью и пылью и высохшие под дыханием жгучих ветров и палящего солнца, не знали иного прикрытия, кроме древесной коры. Некоторые из них представляли собою страшный скелет, обтянутый кожей. Увидав это грустное место, Сарасвати воскликнула:

— Земля далеко, и Небо молчит. Господи, зачем привел ты нас в эту пустыню, покинутую Богом и людьми?

— Молись, если ты хочешь, чтобы Земля приблизилась и Небо заговорило с тобой, — отвечал Кришна.

— С тобой Небо всегда здесь, — сказала Никдали, — но почему оно хочет покинуть нас?

— Нужно, чтобы сын Махадевы умер, пронзенный стрелою, дабы мир уверовал в его слово.

— Объясни нам эту тайну.

— Вы поймете ее после моей смерти. Будем молиться.

В течение семи дней они свершали молитвы и омовения. Часто лицо Кришны преображалось и от него исходило сияние. На седьмой день, при закате солнца, обе женщины увидели стрелков, поднимающихся к кельям отшельников.

— Вот стрелки Кансы; они ищут тебя, учитель, защищая!

Кришна, коленопреклоненный под кедром, не прекращал своей молитвы. Стрелки приблизились. Они увидели женщин и отшельников. Это были суровые солдаты, с почерневшими от солнца лицами. Увидав преображенный лик святого, они остановились пораженные. Затем они пробовали нарушить его экстаз, задавая ему вопросы, оскорбляя его и даже бросая в него камни. Но ничто не могло нарушить его восторженной молитвы. Тогда они бросились на него и привязали его к стволу кедра. Кришна допустил это, оставаясь как бы во сне. Затем стрелки отступили и начали целиться в него, возбуждая один другого. Когда первая стрела пронзила его и брызнула кровь, Кришна воскликнул: "Васиштха! Сыны Солнца победили!" Когда вторая стрела, дрожа, вонзилась в его тело, он сказал: "Святая мать моя, даруй, чтобы любящие меня вступили вместе со мной в твой сияющий чертог".

При третьей стреле он произнес одно только слово "Махадева"! и затем, с именем Брахмы на устах, испустил дух.

Солнце зашло. Поднялась великая буря. Снеговой буран опустился с Химаваты на землю. Небо покрылось тучами. Черный вихрь пронесся над горами. Испугавшиеся своего

злодеяния убийцы бежали, а обе женщины, окаменевшие от ужаса, упали замертво.

Тело Кришны было сожжено его учениками в священном городе Дварка. Сарасвати и Никдали обе бросились в костер, чтобы не расставаться со своим Учителем, и толпе казалось, что сын Махадевы поднимается из пламени в просветленном теле, увлекая за собою обеих сестер.

После этого большая часть Индии приняла культ Вишну, который примирил солнечный и лунный культы в брахманизме.

Глава VIII. СИЯНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО ГЛАГОЛА

Такова легенда о Кришне, восстановленная во всей органической цельности и поставленная в исторической перспективе.

Она бросает яркий свет на происхождение брахманизма. Несомненно, нельзя установить документально, что за мифом о Кришне скрывается реальное историческое лицо. Тройной покров, наброшенный на происхождение всех восточных религий, в Индии еще более непроницаем, чем где бы то ни было. Ибо брахманы, истинные властелины индусской общественности, единственные хранители индусских традиций, много раз передавали и изменяли их в течении истекших веков. Но справедливость требует прибавить, что они сохранили неприкосновенными все главные черты брахманизма и, развивая в подробностях священное учение, никогда не перемещали его истинного ядра. Вот почему мы не можем, как большинство европейских ученых, принимать образ, подобный Кришне, за "детскую сказку на подкладке солнечного мифа, затканную философскими фантазиями".

Нет, не так создается религия, которая длится многие тысячелетия, которая вызвала к жизни чудную поэзию и несколько великих философских систем, устоявших перед могучим напором буддизма (величие Шакья-Муни заключается в его божественном милосердии, в преобразовании нравственных устоев и в той общественной революции, которую он вызвал уничтожением каст. Будда дал устаревшему брахманизму толчок, подобный тому, какой протестантизм дал триста лет тому назад католицизму, вызвав в нем потребность борьбы и возрождения. Но Шакья-Муни не прибавил ничего к эзотерическому учению брахманов, он лишь обнародовал некоторые части его. Его психология в сущности та же самая, хотя и направленная по иному пути. Если в нашей книге и нет Будды, то это не потому, что мы не признаем его места в цепи великих Посвященных.

Каждый из реформаторов и религиозных философов, выбранных нами, должен показать Учение мистерий с новой стороны и в новый период его эволюции. С этой точки зрения Будда соприкасается, с одной стороны, с Пифагором, с другой же стороны, он соприкасался с Иисусом Христом, который провозгласил как для Запада, так и для Востока всемирную братскую любовь), выдержала вторжение монголов, магометан, английское завоевание и сохранила до наших дней, даже в период глубокого упадка, сознание своего высокого происхождения.

Несомненно, что при основании каждого великого учреждения должен неизбежно находиться и великий человек. Рассматривая выдающуюся роль Кришны в эпическом религиозном предании, его человеческие черты, с одной стороны, и его постоянные отождествления с проявленным Богом (Вишну, второе лицо Св. Троицы), с другой стороны, мы принуждены заключить, что именно он был создателем культа Вишну, придавшего брахманизму его достоинство и его обаяние. Вполне логично допустить, что среди религиозного и общественного хаоса, вызванного в первобытной Индии победоносным нашествием естественных культов, появился великий преобразователь, который возродил чистую арийскую религию идей Троицы и божественного Глагола и дал таким образом Индии ее религиозную душу, ее национальный характер и ее окончательную организацию.

Значение Кришны предстает перед нами в еще больших размерах и окажется воистину Вселенским, если мы убедимся, что его Учение включает в себе две основные идеи, два руководящих принципа, лежащие в основе всех последующих религий и их эзотеризма.

Первый из них относится к бессмертию души и дает идею последовательных земных существований воплощающегося человека, а второй указывает на троичность Бога и человека, на природу божественного Глагола, раскрывающуюся в человеке. Выше я указал на великое философское значение этой центральной идеи, которую вдумчивый мыслитель найдет отраженной во всех областях науки, искусства и жизни. Здесь же я должен ограничиться лишь историческим замечанием.

Мысль, что в сознании человека Бог, Истина, Красота и Добро раскрываются путем любви и жертвы с такой великой силой, которая проникает до самых высших сфер духовного мира,— эта великая мысль появляется в первый раз у Кришны. Она возникает в тот самый момент, когда человечество, покончив со своей юностью, погружается все более и более в глубину материальности. Кришна открывает ему тайну божественного Глагола. Человечество не забудет

ее. Оно будет тем более жаждать Искупителей и Сынов Божьих, чем глубже будет чувствовать свое падение.

Под влиянием Кришны является могучее излучение этой идеи во всех храмах Азии, Африки и Европы. В Персии это — Митра, примиритель светлого Ормузда и темного Аримана; в Египте это — Горус, сын Озириса и Изиды; в Греции это — Аполлон, бог Солнца и лиры, это — Дионис, воскреситель душ. Всюду солнечный бог есть в то же время и бог-посредник, а свет является везде одновременно и словом жизни. Не из этой ли идеи происходит и понятие о Мессии? Как бы то ни было, Кришна внес эту идею в древний мир, а через Иисуса ее свет засиял по всей Земле.

Если рассматривать великие религии Индии, Египта, Греции и Иудеи лишь по внешним их проявлениям, мы не увидим ничего, кроме раздоров, суеверий и хаоса, но если углубиться в символы, если вопрошать мистерии, если разыскивать источник, из которого черпали основатели религий и пророки, тогда перед нами займется свет и восстановится гармония. Пути чрезвычайно различными и часто трудными мы подойдем к одной исходной точке.

Таким образом, проникнуть в тайну одной религии — значит проникнуть в тайны остальных. И тогда произойдет странное явление: постепенно, но расширяясь все более и более, начинает сиять в центре всех религий Учение Посвященных, подобно Солнцу, рассеивающему окружающие туманы. И тогда каждая религия предстанет перед нами как особая планета, отличающаяся своей атмосферой и своим особым направлением в небесных пространствах, но освещаемая тем же Солнцем, которое светит и другим планетам.

Индия, великая мечтательница, погружает нас в беспредельную мечту о Вечном. Величественный Египет, суровый, как его пирамиды, зовет нас к посмертному странствованию. Очаровательная Греция увлекает нас к магическому торжеству жизни, она придает своим мистериям все очарование своих форм, то прекрасных, то страшных, все обаяние своей безгранично страстной души. И, наконец, Пифагор придает эотерическому учению научную форму, дает ему выражение, наиболее совершенное из всех, дошедших до нас. Платон и Александрийцы лишь обнародовали его. Что касается его источника, мы только что прикасались к нему в джунглях Ганга и в пустынях Гималаев.

ЛАЛЛУ ДЖИ ЛАЛ

ПРЕМ САГАР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Литература в Индии развивается почти четыре тысячелетия. Однако известно немного крупных и ярких имен, к которым обращались авторы разных веков, классов и каст, писавшие на различных индийских языках. Из "вечных" героев индийских литератур наиболее излюбленными являются Кришна и Рама. Основные мифы и легенды, связанные с ними, широко известны всей Индии.

В предлагаемую книгу включен "Прем Сагар" Лаллу джи Лала — литературный памятник о Кришне, созданный на рубеже XVIII и XIX вв. Лалу джи Лал излагает важнейшие легенды о Кришне в краткой форме, и потому его произведение может служить своего рода введением в историческое изучение этого богатого сюжета. "Прем Сагар" является первым крупным произведением, переводимым с хинди на русский язык.

При переводе текста "Прем Сагар" сделана попытка не только точно передать смысл оригинала, но и в некоторой мере отобразить особенности стиля его автора. Ниже освещаются основные аспекты этого великого литературного памятника.

Академик А. П. БАРАННИКОВ

ВИШНУИЗМ. КРИШНА И РАМА

С конца прошлого века почти на всей территории Индии развивается общественное движение, которое, получает религиозную окраску. Это движение, имеющее древние корни, тесно связано с культом Вишну и потому называется вишнуизмом. Во всей Индии, в особенности же среди небрахманских каст, возникает учение о едином божестве Вишну, который пребывает на Небесах и живет в сердце каждого своего почитателя.

Подобно тому как на троне меняются императоры, Вишну перерождается и в годы народных бедствий является на Земле в образе героев, царей и святых. Как и земные цари Вишну требует преданности, почитания и любви и карает тех, кто отходит от него и почитает иных богов. Перед Вишну все равны, и личные заслуги каждого значат для него значительно больше, чем высокая каста или обширная генеалогия, которая восходит к мифическим героям и даже к самим Небесным божествам.

Из этих наиболее общих принципов, характерных для вишнуизма, легко понять, что поздний вишнуизм очень ярко отражает те социальные отношения, которые сложились в начальный период мусульманского владычества в Индии. Мусульмане не почитали каст и в связи с этим кастовый строй и его значение в общественной жизни ослабевают. Вишнуизм, очень редко боролся активно с кастовым строем, однако все лучшие его учителя полностью игнорировали касту, принимая в число своих последователей на равных основаниях представителей любой касты и даже тех, кто утратил касту, а также мусульман.

Такова первоначальная общественная и идеологическая основа позднего вишнуизма. Вишнунитское движение, имеющее корни в далеком прошлом, когда его идеи находили выражение в санскритской литературе, охватывает всю Индию, и литература, отражающая идеи вишнуизма, развивается на всех новоиндийских языках: хинди, бенгали, маратхи и т. д. Ранний вишнуизм на новоиндийских языках получил окончательное оформление как аспект идеологии в учении Рамананда (1400—1470).

Наиболее известным в истории из упомянутых является движение, которое привело к созданию общины сикхов, близких радикальным протестантам Европы. В религиозно-художественной литературе сикхов, равно как и в общественной жизни сикхской общины, сохранились в наиболее чистом виде принципы вишнуизма XV—XVI вв.

В дальнейшем, большей частью в городах, среди ремесленников и мелкой буржуазии распространяется и находит разнообразное отражение в литературе культ Рамы, одного из воплощений (Аватар) Вишну, с его идеями равноправия не только перед Богом, но и в социальной жизни. Это приводит к отрицанию каст и признанию приоритета личности, которая может спастись или поднять свое значение в обществе благодаря своим личным способностям, своей преданности и почитанию божества или его власти.

В деревнях, среди пастушеских и земледельческих каст вишнуизм приобретает формы, весьма отличные от рамаизма. В этих кругах распространяется культ Кришны, почитание которого имеет очень глубокие корни. О Кришне, как и о Раме, говорит еще древнеиндийская поэма "Махабхарата", где Кришна выступает как одна из наиболее важных фигур в борьбе за власть двух легендарных царских родов — пандавов и кауравов. Тот факт, что и в "Махабхарате" и в последующем кришнаитском движении Кришна изображается черным, по-видимому, свидетельствует о том, что Кришна является весьма древним божеством, возможно, еще доведического и доарийского происхождения.

В отдаленной древности, возможно еще до Буддизма, когда стал распространяться вишнуизм с его идеей единственного божества Вишну, который воплощается на Земле в периоды политического и морального упадка, было признано, что Кришна является воплощением Вишну. В этой разновидности вишнуизма на первый план выдвигается идея единого божества, а идея равенства несколько отодвигается на задний план. Равенство тут признается постольку, поскольку все бессильны перед силой божества. Особенно важным для последующего литературного развития элементом этого культа является призыв вернуться к природе, любовь к природе в ее разнообразных проявлениях, любовь, доходящая до экстаза: по свидетельству мифа, сам Кришна-пастух на некоторое время обращается в коров и телят.

Эта идея любви к природе, любви к животным и пастушескому, вообще сельскому труду, усложняется в кришнаизме еще идеей свободной любви. Кришна является не только образцом глубокой любви к природе во всех ее проявлениях, но и божественным любовником, богом любви, но любви не брачной, а свободной. В своей безудержности индийская фантазия приписывает Кришне любовь и к бесчисленному множеству пастушек и, сверх того, наделяет его в зрелые годы шестнадцатью тысячами ста восемью женами.

Меж тем как в древнеиндийских поэмах, созданных высшими кастами, Кришна выступает как искусный воин и мудрый политик, не пренебрегающий никакими средствами, позднейшие вишнунитские поэты, основываясь на древних народных легендах, создают образ Кришны-пастуха, изображают его детство и юность, его жизнь в деревне, в лесах и лугах с телятами и коровами, с пастухами и пастушками, описывают его разнообразные подвиги, совершаемые им для защиты пастухов от разных бед, и, наконец,

умерщвление им злобного царя Кансы, угнетавшего народ. Для всей последующей литературы мифы о Кришне имеют исключительное значение. Вся любовная лирика Индии в самых разнообразных ее проявлениях связана с мифом о Кришне.

Зародившийся в пастушеской среде миф о герое-пастухе получает новое толкование в брахманстве. В наиболее систематизированном виде идея кришнаизма и новое толкование мифа о Кришне встречаются у брахмана Валлабхачарьи (1479—1531). Он заявляет, что весь миф о Кришне нужно принимать только как символ. Согласно Валлабхачарье, любовь пастухек, чужих жен, есть только символ любви души, связанной с телом, к единственному возможному для нее любовнику — высочайшему богу Вишну, который явился на земле в образе Кришны.

Параллельно с философской и литературной обработкой мифа о Кришне в духе ортодоксального индуизма, брахманство, значительно укрепившее свое положение при моголах, направляет свое внимание на образ Рамы. В течение предшествующих нескольких столетий в среде небрахманских радикальных каст Рама представляется высочайшим божеством, перед которым все равны. Совершенно по иному трактуют образ Рамы брахманы. В новом образе Рамы синтезируются два образа: великий земной царь, каким он был в санскритской "Рамаяне", и воплощение высочайшего божества. Это очень усложняет образ Рамы как религиозное и художественное целое. Новый Рама, сохраняя все черты божества, далек от признания равенства каст. Он изображается в виде царя, окруженного аристократами, и низшие касты отступают на задний план.

ЛАЛЛУ ДЖИ ЛАЛ И ЕГО СКАЗАНИЕ "ПРЕМ САГАР"

В развитии современного прозаического языка совершенно исключительная роль принадлежит Лаллу джи Лалу, автору "Прем Сагара". О нем известно чрезвычайно мало. Он принадлежал к одному из гуджаратских брахманских родов и первоначально жил в Агре и Дели. Впоследствии, когда в Калькутте был основан колледж для обучения английских чиновников местным индийским языкам и были приглашены знатоки различных языков для составления текстов, необходимых для этих целей, Лаллу джи Лал был одним из наиболее видных специалистов этого рода. Он развил обширную деятельность и создал ряд книг, имеющих весьма большое значение для последующего развития языка и литературы хинди. Он родился около 1763 г. и в зрелом возрасте проживал в Муридабаде и Калькутте. Настоящее имя Лаллу джи Лала было Лаллу Лал, или Лал Чанд, или Лаллу джи; литературный псевдоним "Лал Кави". Его отец Чайнсух джи жил в большой бедности. Лаллу Лал изучил санскрит, персидский язык и брадж, но вследствие бедности и смерти отца его образование осталось незаконченным. После смерти отца Лаллу джи жил в крайней бедности и в поисках средств существования провел значительную часть жизни в скитаниях, часто, но безуспешно предлагая свои услуги поэта различным феодальным владетелям. Служба в Ост-Индской компании, в качестве преподавателя и автора книг на хинди, обеспечила ему относительно безбедное существование. Особенно улучшилось его положение после того, как он спас одного из чиновников компании, тонувшего в Ганге. В награду за свое спасение чиновник оказал Лаллу джи Лалу материальную поддержку и помог ему открыть типографию. Лаллу джи Лал ревностно принялся за печатное дело и стал издавать свои произведения. Исключительная тщательность изданий и чистота языка принесли его печатной фирме "Санскрит-Пресс" широкую известность. Даже в настоящее время эти издания "Прем Сагара" считаются лучшими.

Из всех произведений Лаллу джи Лала "Прем Сагар", несомненно, является наиболее значительным. Он написан просто и изящно и представляет собой первое крупное прозаическое произведение, с которого начинается непрерывная литературная традиция на хинди. Поэтому Лаллу джи Лал считается основоположником прозаического хинди.

Историческое значение "Прем Сагара" определяется не только особыми художественными достоинствами, но в значительной мере тем, что его простой язык был в дальнейшем положен в основу обучения в школах. Таким образом, язык "Прем Сагара" сделался эталоном, на котором воспиталось несколько поколений последующих литературных деятелей.

"Прем Сагар" написан прозаическим языком не полностью. Значительная его часть написана стихами. Поэтические элементы "Прем Сагара" в некоторых случаях заимствованы из произведений предшествующих поэтов, например, Сур Даса, Бихари Лала Чауби и др.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И "ПРЕМ САГАР"

"Прем Сагар" представляет собой повествование о жизни Кришны, легенды о котором в течение нескольких тысячелетий составляли в Индии предмет художественного творчества. Кришна выступает уже в одной из наиболее древних частей "Махабхараты", в поэме "Бхагавадгита", создание которой относится обычно к IV в. до н. э. Однако Кришна "Бхагавадгиты" в сильной мере отличен от Кришны "Прем Сагара", по крайней мере от Кришны-пастуха из первой части "Прем Сагара".

Легенды о Кришне нашли художественную обработку в последней книге "Махабхараты", носящей название "Хариванша", и в целом ряде других художественных произведений, из которых наиболее важным является "Бхагавата Пурана".

Пуранами называются эпические произведения, созданные на санскрите в послепбуддийский период между IV и XII вв. н. э. Пураны созданы различными сектами индуизма. В них нашло художественную обработку огромное количество легенд как известных уже из "Махабхараты" и "Рамаяны", так и не вошедших в них. Значительная часть этих легенд восходит к самой отдаленной древности. Помимо этого, в Пуранах даются в причудливом сплетении целый ряд философских и религиозных систем.

Из восемнадцати Пуран десять посвящено Вишну и его Аватарам. Из них наиболее важной и популярной является "Бхагавата Пурана", которая, до сих пор мало изучена. Традиция приписывает создание "Бхагаваты Пураны", равно как и других Пуран, Вьясе, автору "Махабхараты", однако в самой Индии давно был распространен взгляд, что автором ее является Гопалева, живший во второй половине XII в. н. э.

Центральной и наиболее популярной книгой "Бхагавата Пураны" является десятая, в которой описываются детство и юность Кришны-пастуха. Она наиболее популярна и часто переводилась. "Прем Сагар" является самой ее известной версией.

Сам Лаллу джи Лала в предисловии к изданию своего сказания о Кришне говорит: "Чатурбхудж Мишра перевел... на язык брадж Сказание десятой главы славной "Бхагаваты", сочиненной некогда Вьясадевой". Однако "Прем Сагар" не является переводом десятой книги "Бхагавата Пураны", хотя и следует основной нити рассказа последней.

"Прем Сагар" состоит из двух частей. В первую часть входит 50 глав; во вторую — 40 глав (с 51 по 90). Это разделение не является чисто конструктивным моментом: оно имеет под собой глубокую историческую и психологическую основу. В первой части изображается Кришна-пастух, во

второй же части появляется Кришна-домохозяин, воин и политик. Оба эти образа, по-видимому, созданы представителями разных каст и в разное время.

Из "Махабхараты" и из одиннадцатой книги "Бхагавата Пураны" мы знаем, что Кришна в великой войне Махабхарате принимал участие на стороне обеих враждующих партий: свою армию он отдал кауравам, а сам присоединился к пандавам и много способствовал всеобщей гибели. С другой стороны, все ядавы, оставшись без Кришны, стали предаваться постыдным излишествам, прирастали к вину, и в результате этого все погибли в пьяной резне. Баларам, брат Кришны, умер. Кришна в страшной тоске ушел в лес. Дикарь-охотник, издали приняв его за дичь, пустил в Кришну стрелу, стрела попала Кришне в ступню ноги, и он погиб.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕИ В "ПРЕМ САГАРЕ"

Почти вся индийская литература, связанная с легендами о Кришне, и, в частности, "Бхагавата Пурана" и возникшее на ее основе сказание "Прем Сагар" являются не только художественными произведениями, но и религиозными книгами, пользующимися великим уважением среди вишнуитов. Все основные высказывания Лаллу джи Лала по вопросам теологии восходят к "Бхагавата Пуране".

Как в "Бхагавата Пуране", так и в "Прем Сагаре" представлены все важнейшие фигуры ведийской мифологии, и все они пользуются большим или меньшим почитанием, несмотря на признание единого высочайшего существа, перед которым все они обращаются в ничто. Очевидно, система феодального строя, наличие единого монарха и сохранение различных феодальных владений разного масштаба в сильной мере поддерживали политеизм при ярко выраженной тенденции к монотеизму.

Кроме Сурьи, в "Прем Сагаре" выступают следующие представители ведического пантеона: Индра, Агни, Варуна, Яма, Рудра, Шива, Брахма, Вишну, Адити и масса безыменных божеств меньшего ранга: суры, деви, деви, нары, гандхарвы, киннары, чараны и т.д.

Во введении к Сказанию все эти божества сведены в стройное иерархическое целое и образуют своего рода многоступенчатую лестницу, на самой вершине которой находится Нараян. По ходу повествования весьма многие из богов без борьбы признают главенство воплощения Нараяна (Вишну) — Кришны. Очевидно, лишь те боги, культ которых в период создания Пураны не имел широкого распространения, просто и безоговорочно признают власть Кришны.

Так, Сурья дает в супруги Кришне дочь свою Калинди. Некогда могущественный, но теперь представленный голодным, Агни, бог огня, смиренно просит пищи у Кришны. Так же легко добывается Кришна признания и поклонения со стороны Варуны, владыки вод земных. Более мощные представители традиционного пантеона признают власть, силу и божественный приоритет Кришны только после более или менее суровой борьбы. Легче всего сдается Брахма, культ которого никогда не пользовался популярностью в небрахманских кастах, которому во всей современной Индии посвящен только один храм. Наиболее ожесточенной оказалась борьба Кришны с Шивой, культ которого пользовался широкой популярностью в период создания Пуран, подобно тому, как он весьма в сильной мере конкурировал с вишнуизмом в последующие века и продолжает соперничать с ним в настоящее время, увлекая главным образом представителей аристократических каст, меж тем как за вишнуизмом идут большие массы низших, небрахманских каст.

Во второй части сказания Шива помогает многим противникам Кришны и особенно же Банасуру, который угодил ему, играя на мриданге¹. Решив оказать помощь Банасуру, Шива выступил в поход против Кришны. Победенный в жестоком бою, Шива явился к Кришне с просьбой о мире и признал его высокую божественную природу: "Ты — наш Господь, незримый и непостижимый, бесконечный! Для блага верных в мир явился ты, Господь!"

В соответствии с тем, что в действительной жизни шиваизм, наряду со значительно менее популярным шактизмом, то есть почитанием женской энергии божества, является единственно реальной, крупной силой, противостоящей вишнуизму, в "Бхагавата Пуране" и "Прем Сагаре" Шива, хотя и побежденный, признается тождественным с самим Вишну. Кришна неслучайно, после победы над Шивой, говорит: "О Шива джи! Меж мною и тобою нет никаких различий! И кто различья здесь найдет, в великий ад тот попадет!" Различия же между Вишну и Шивой считаются чисто внешними. "При всем своем различьи, каждый — вышний Бог! И по велению сердца к ним твори любовь!"

Поскольку Кришна считается полным воплощением (Аватарой) Вишну и победил всех богов, то он признан величайшим из всех богов, что выражается в сказании многократно.

Таким образом, "Прем Сагар" шаг за шагом подводит читателя к монотеизму, но монотеизму специфически индийскому, монотеизму, развившемуся в условиях индийского феодализма. Хотя Кришна — он же Нараян, Вишну, Хари, Адипуруша, Васудева — единственное высочайшее божество, этим вовсе не устраняется существование других богов.

Препятствием к спасению, даруемому Кришной, является, согласно Сказанию, гордость: "Кто в мир придет и возгордится, не долго жизнью тот насладится!" Этот мотив повторяется многократно. Хотя наиболее верным путем к спасению является "бхакти" — любовь и преданность Кришне, т. е. путь, отличный от того, который признается ортодоксальным, но есть и окольные пути, существующие для тех, кто не сумел освободиться от пут Майи. И Нарада указывает на них самому отцу Кришны Васудеве: "Ведь в шастрах сказано: "Кто посещает сам места святые, раздает дары, творит молитвы, жертвы и обряды, тот человек, освободившийся от пут сансары, спасенье получает!"

ФИЛОСОФИЯ "ПРЕМ САГАРА"

Философия Пуран, в частности философия "Бхагавата Пураны" до настоящего времени мало изучена. Отдельные высказывания на философские темы рассеяны по всему Прем Сагару. Эти высказывания образуют своеобразный философский синкретизм, но ближе всего они стоят к системе Веданты, хотя заметно влияние систем Санкхьи, Йоги и др.

Основное философское положение Прем Сагара — божество есть чистый дух, незримый, непостижимый, и весь мир есть лишь частичное проявление, раскрытие его. Единое божество, чистый дух, оставаясь самим собой, в то же время раскрывается во множестве вещей. Это положение яснее всего выражено в речи Акрура, обращенной к Кришне: "Господь! Ты тот, кто все творит и разрушает. Ты проявляешься в неисчислимых образах, а боги, нары, мунни, все они — ничтожные твои частицы! Все из тебя выходят, погружаются в тебя опять, подобно водам, которые, из океана выйдя, вновь все вливаются в него. Ты существуешь вечно, чистый дух! Чистый дух,

¹ Вид барабана.

будучи источником всего, лишен всех качеств и одновременно обладает всей плотностью их!"

Весь мир не только возникает из божества — чистого духа, но и всегда вмещается, пребывает в нем. Весь мир, все материальное и духовное есть только формы проявления единого, подобно тому, как все, что сделано из золота, продолжает оставаться золотом. Видимость различий — есть действие божественной иллюзии, Майи.

Майя, являясь божественной иллюзией, причиной восприятия единого божества во множестве образов — материальных и духовных (ум, самосознание и т. д.) — вместе с тем является и творческой активной энергией, образуемой путем привнесения изменений в гуны, которые составляют ее сущность, т. е. саттва ("истинное существующее"), раджа ("движение") и тамас ("тьма, инертность"). Майя, приняв таких три образа, все порождает, охраняет, разрушает! Никто не мог постичь ее великой тайны и никто никогда и не постигнет.

Будучи порождением божества, остающегося бескачественным, неизменным и пассивным, создавая все, Майя в то же время является неизменной могучей преградой к познанию сущности божества, мира и души. Майя представляет весь мир. "Она лишает всех ума и памяти". Исключением не могут быть даже сами Аватары высшего божества. Сам Кришна говорит Нараде: "О, Нарада! Моя могуча Майя! Весь мир она объемлет. Она чарует самого меня! И кто ж другой способен спастись от рук ее? Как можно в мир прийти и от нее спастись?"

Все материальные и нематериальные тела состоят из пяти первоэлементов, пяти стихий, отличных от чистого духа и одновременно пронизанных им. Эти пять элементов: Земля, Вода, Огонь, Воздух и Эфир — остаются только в живом теле. Когда тело разрушается, элементы возвращаются к своим источникам. Так, когда Агни (Огонь) сжег тела павших в битве "и в пепел обратил, пять элементов вновь вернулись к источникам своим".

Все чувственные наслаждения и страдания призрачны, и переживать их мы можем лишь в силу действия Майи. Для тех, кто не смог освободиться от пут Майи, весь мир — океан страданий. Познавшие различие души и тела не знают ни радости ни скорби. Весь "этот мир есть океан страданий! Когда родишься, где искать здесь счастья? Но человек, подвластный Майе, сердцем различает здесь страдание и радость, добро и зло, победу — поражение, соединение — разлуку! Но в этом для живого нет ни радости, ни скорби. Кто обладает знанием, говорит: душа бессмертна, гибнет только тело!" Тело не только отличается от души, но никогда не может принадлежать нам: "Мы это тело можем охранять миллионами усилий, но никогда оно не станет нашим!"

Признание, что тело отлично от души и чуждо ей, ведет к призрачности всего живого, кровных и иных связей между людьми, земных благ. Обладаящие знанием знают, что все призрачно, что действует одна лишь воля божества, в руках которого человек подобен марионетке.

Джарасандх говорит Шишупалу: "Кто обладает знанием, о прошлом не горюет он: добро и зло творит для нас другой, и человек бессилен перед ним!.. Как кукла деревянная в руках фигляра пляшет, так пляшет человек в руках Творца. Он делает, что хочет. Поэтому ни в радости, ни в скорби не радуйся и не скорби! Все принймай за сон!"

Средство освобождения от призрачных страданий и радостей заключено в знании изначальной противоположности между телом и душой, духом и материей: "Кто знанием высоким обладает, меж смертью и жизнью различия не знает". Лишь человек, осененный знанием, сквозь завесу, созданную Майей между душой и телом и всем материальным миром, видит истину. Средство достичь истинного знания сущности всех вещей — созерцание:

«Никто не мог постичь ее (Майю) великой тайны, и никогда никто и не постигнет! А посему живому надлежит, оставив все желанья, стремиться погрузиться в созерцание тебя! Лишь в этом счастье каждого!»

Но преодолеть Майю и достигнуть истинного знания невозможно без помощи божества. Так Веды, родившиеся из дыхания Брахмы, говорят: «Без милости твоей никто не может подчинить ее (Майю)».

Высказывания о знании как верном и единственном средстве избавления от страданий принадлежат представителям высших каст, а также самому Кришне. Но у Кришны знание теряет свой абстрактно-философский характер, каким оно является у брахманов и состоит в знании божественной природы Кришны, в знании того, что Кришна есть высочайшее божество.

Термин «знание», употребленный представителями высших каст в своем абстрактном философском значении, свойственном системе Санхья, у Кришны, как и у северных последователей Рамануджи, понимается в смысле не только знания божественной природы Кришны, но и активного стремления к нему, в значении любви. Так, Кришна сам говорит: «В чьем сердце есть любовь ко мне, тот, нет сомнений, удостоится спасения!» Только любовь, пренебрегающая всем, жертвующая всем для него, ценна для Кришны. Таким образом, любовь, пренебрегающая всеми условностями, провозглашается высшим средством познания божества и высшим средством спасения.

Хотя Учение о любви-преданности-бхакти сложилось в вишнуизме в глубокой древности, но новое понимание этого термина привнесено своеобразным толкованием легенды о Кришне, в частности любви пастушек к Кришне. Как уже отмечалось выше, эта любовь, пропущенная сквозь призму брахманской философии, делается только символом. Этот символ был, однако, роковым для целых школ вишнуизма, делавших акцент на любви как средстве спасения и соединения с единым величайшим божеством.

О ПЕРЕВОДЕ «ПРЕМ САГАРА»

Выбор формы перевода Сказания о Кришне представил большие трудности.

Проза Лаллу джи Лала является в настоящее несколько архаичной. Некоторый налет архаичности характеризовал прозу Лаллу джи Лала уже в эпоху создания «Прем Сагара». Это потребовало и от переводчика некоторой архаизации словаря, применяемого в тексте перевода. К этому побуждал также и тот факт, что «Прем Сагар» — не просто художественное, но и религиозное произведение, пользующееся благодаря этому высокой популярностью.

Кроме того, в силу предшествующей исключительно стихотворной литературной традиции, а также вследствие особенностей самого синтаксиса хинди, проза Лаллу джи Лала в сильной мере насыщена элементом ритма, который особенно ярко выступает при устном чтении текста. Эта характерная особенность прозы оригинала заставила переводчика внести элемент простейшего и однообразного ритма в язык перевода.

Особенные трудности представлял перевод стихотворных элементов Сказания. Каждое полустихие подлинника передано особой строчкой, в которую привнесены ритм, весьма отдаленно напоминающий ритм оригинала, в некоторых же случаях употреблена и рифма.

В заключение выражаю надежду, что предлагаемый перевод, — первый перевод с хинди крупного художественного произведения новоиндийской литературы, исполненный непосредственно с оригинала, — послужит пробуждению интереса к индийским литературам, почти совершенно неизвестным в нашей стране.

ПОКЛОНЕНИЕ¹ ШРИ² ГАНЕШЕ!³

Препон рушитель, славою высокий, о Ганеша,
распустившийся слоновым ликом!
Подай мне дар: да возрастает мощно Вани,⁴ речь
святая, разума восторг великий!
Чету прекрасных созерцая ног, и день и ночь
весь мир тебе молитвы шепчет,
Мать мира, о Сарасвати,⁵ богиня слова, дай мне
память и искусность речи!

Далее следует начало сказания.

-
- 1 В соответствии с древней индийской традицией, каждое произведение на любом из индийских (точнее индуистских) языков начинается с обращения к божествам, которых автор призывает оказывать свою милость и помочь его работе. Чаще всего эти призывы бывают обращены к Ганеше и Сарасвати. Отступления от этой традиции наблюдаются только в последние десятилетия у авторов, воспитанных под европейским влиянием.
 - 2 Слово, выражающее почтение, уважение, преклонение и т.д., может быть переведено на русский язык словами "уважаемый", "почтенный", "святой" и т.д. В прошлом авторы варьировали число слов "шри" в зависимости от степени уважения к лицу, перед именем которого ставился этот знак: таким образом слово "шри" могло писаться от одного до ста и более раз. В своем буквальном значении слово "шри" означает "счастье, благо, богатство" и т.д., равным образом супругу Вишну, богиню счастья и богатства.
 - 3 Имя божества, изображаемого с человеческим телом и головой слона. У него четыре руки, один зуб, три глаза и на лбу ущербная луна. Ганеша считается сыном Шивы и главой его войск. Согласно старым индийским легендам, перед началом каждого доброго дела необходимо почтить Ганешу, который в этом случае устраняет все препятствия к его завершению, почему он и называется "рушителем препон". Ганеша признается также крупным писателем. Согласно легендам, именно он является создателем "Махабхараты".
 - 4 Речь, слово, звук; богиня речи, Сарасвати.
 - 5 Богиня слова, покровительница наук и искусств. В Пуранах Сарасвати считается дочерью и супругой Брахмы. Согласно легендам, Сарасвати находится в постоянной вражде с Лакшми, богиней богатства и счастья.

Глава I. ПОЧЕМУ ШРИ ШУКАДЕВА¹ ДЖИ РАССКАЗАЛ СКАЗАНИЕ ЦАРЮ ПАРИКШИТУ²

По окончанию Махабхараты (Великая война между двумя царскими родами — кауравов и пандавов, в которую, согласно легенде, были вовлечены все важнейшие племена Индии. Этим же термином обычно называется величайшая поэма древней Индии. В различных редакциях “Махабхараты” насчитывается от 80 до 110 тысяч шлок, т.е. двустийший. Первоначальные легенды, лежащие в основе “Махабхараты”, относятся к концу ведического периода; окончательная редакция ее предположительно относится к IV в. до хр. эры. Автором “Махабхараты” индийская традиция считает легендарного мудреца и поэта Вьясу. По некоторым сведениям первоначальным создателем Махабхараты является Ганеша.) когда преставился shri Кришна, то пандавы (Потомки Панду, брата Дхритараштры, царя Хастинапурского. Как пандавы, так и близкий им род кауравов считаются потомками Бхараты, потомка Пуру, родоначальника одной из ветвей лунного рода кшатриев, т.е. воинской касты, который противопоставлялся солнечному роду), великой скорби полные, вручили царство Хастинапура (Столица царства — Хастинапур, откуда и название его. Согласно “Махабхарате”, Хастинапур принадлежал кауравам, и из-за него произошла великая война между кауравами и родственными им пандавами. По преданию, город этот основан царем Хастином, откуда и название его “Хастинапур”, т.е. “город Хастина”. Развалины Хастинапура находятся близ старого русла Ганги, в 57 милях к северо-востоку от Дели. Согласно легендам, Хастинапур был смыт водами Ганги.) царю Парикшиту, а сами все отправились в Хималаи, в последний путь. И царь Парикшит, страну всю покорив, стал править царством справедливости.

Немного дней прошло. Однажды царь Парикшит вышел на охоту. И там увидел он: бегут к нему корова, бык; за ними шудра (название низшей из четырех индуcских каст; три высшие касты — брахманы, кшатрии и вайшьи) следует с дубинкою в руке и бьет их. Когда они к нему приблизились, то, шудру подзвав к себе, в великом гневе царь сказал: “Скажи, кто ты? Без промедленья назови себя! Зачем

-
- 1 Легендарный отшельник и мудрец, почитаемый величайшим знатоком Пуран. Он поведал царю Парикшиту все сказание о Кришне.
 - 2 Сын Абхиманью, внук Арджуны, одного из крупнейших героев Махабхараты. Согласно преданию, Парикшит еще во чреве матери был убит одним из кауравов — Ашваттхаманом, но возвращен к жизни Кришной. Когда царь Юдхиштира отрекся от мира, к нему перешел престол Хастинапурского царства.

умышленно ты бьешь корову и быка? Иль ты узнал, что Арджуна (Один из пандавов и крупнейший герой Махабхараты, прославленный за свою храбрость, мудрость, великодушие, благородство и красоту. Как в "Махабхарате", так и в Пуранах и в "Прем Сагаре" Арджуна изображается близким другом Кришны.) далеко, и потому не узнаешь ты лук его? Слушай, в роду пандавов ты не найдешь такого никого, кто б потерпел, как бедных мучат на глазах его!" Сказавши так, царь меч свой в руки взял. Увидев это, шудра, испугавшись, стал. Потом царь, подозвав к себе корову и быка, спросил: "Кто вы? Мне вразумительно скажите, боги ль вы, иль брахманы, и за какую же вину он гонит вас? Скажите это без боязни: пока я жив, никто здесь не посмеет зло вам причинить!"

Услышав это, бык, понунив голову, сказал: "Махарадж! Тот черный страшный образ, воплощение греха, что пред тобой стоит, то Калиюг,¹ и я бегу от приближения его. А в образе коровы, то — сама Земля; она, ты видишь, в бегство обратилась в страхе перед ним; меня ж зовут Закон. В век Калиюга у меня четыре лишь ноги: то подвиг, правда, милосердие и чистота. В Сатьяюг² двадцать ног всех было у меня, а в Третаюг³ уже шестнадцать, в Двапараюг⁴ лишь двенадцать, теперь же в Калиюге их осталось всего четыре. Поэтому в век Калиюги двигаться я не способен!" Земля сказала: "О воплощение закона! И я не в силах жить уж в эту югу: ведь шудры, сделавшись царями, беззакония великие на мне творить все будут; их бремя вынести я не смогу. От страха перед этим я бегу!" Услышав это, в гнев царь сказал так Калиюге: "Без промедленья я убью тебя!" Тот, испугавшись, упал к ногам царя, с мольбою так сказал: "Земли владыка! Теперь я обращаюсь за помощью к тебе: ты укажи мне место, где бы мог я жить: ведь никаким

1 Четвертый, современный век в развитии Вселенной — железный век по терминологии римлян; олицетворение этого периода (юги) — бог Калиюг, или Калиюга.

2 Золотой век. Согласно индусской системы летоисчисления, которая, правда, не находит практического применения и употребляется преимущественно в легендах, следует различать четыре века, или юги, а именно: 1) Сатья-Юга, или Крита-Юга; 2) Трета-Юга; 3) Двапара-Юга и 4) Кали-Юга. Продолжительность этих веков следующая: Сатья-Юга — 4800 лет, Трета-Юга — 3600 лет, Двапара-Юга — 2400 лет и Кали-Юга — 1200 лет. Продолжительность каждой юги выражена в годах богов, а так как год богов считается равным 360 земным годам, то длительность всех четырех юг, выраженная в земных годах, равна 4320000 лет. Четыре названных юги составляют "Великую Югу" — Махаюгу, или Манвантару.

3 Серебряный век.

4 Медный век

путем нельзя же уничтожить те три калпы (Сутки Брахмы, Творца Вселенной. Продолжительность калпы равна двум тысячам Махаюг, т.е. $4\,320\,000 \times 2000 = 8\,640\,000\,000$ земных лет.) и четыре юги, которые создал сам Брахма! (Первый член индусской триады, в которую входят Брахма, Шива и Вишну. Как созидательная сила он почитается Творцом Вселенной. Согласно одним легендам, Брахма явился из мирового яйца, положенного высочайшей первопричиной; по другим легендам, засвидетельствованным в "Махабхарате" и "Рамаяне", Брахма вышел из пупа, либо из лотоса, выросшего из пупа Вишну. Немедленно по своем рождении Брахма из своего дыхания создает Веды, весь мир, который остается неизменным в течение одного дня Брахмы, длительность которого определяется в $8\,640\,000\,000$ земных лет. По истечении одного дня Брахмы видимый мир гибнет от огня, остаются в живых только божественные мудрецы, боги. На другой день Брахма возобновляет свое творение, и этот процесс конечного созидания и разрушения длится 100 лет Брахмы. По истечении этого периода сам Брахма, все боги и мудрецы гибнут вместе со всей Вселенной, которая разлагается на свои основные элементы. Брахма изображается в виде седого старца с четырьмя ликами и четырьмя руками. Его супругой почитается Сарасвати, богиня слова, богиня наук. Брахма является божеством, мало популярным среди широкого круга последователей Индуизма, и во всей Индии имеется лишь один храм, посвященный специально Брахме.) Слова услышав эти, царь Парикшит молвил Калиюгу: "Ты можешь жить в таких местах: в притонах лжи, игры и пьянства, в домах продажных женщин и в убийстве, в краже, в золоте!" Услышав это, Калиюг отправился в свои владенья, царь в душу поместил Закон, Земля же приняла свой прежний образ. Потом царь возвратился в город, и стал он править царством справедливости.

Немного дней прошло. Однажды снова на охоту царь отправился. Шел, шел и захотел он пить. В короне же, на голове его жил Калиюг; использовал он этот случай и знания лишил царя. Томимый жаждой царь попал туда, где Шамикриши (легендарный мудрец или поэт) на седалище своем сидел с закрытыми глазами и, погруженный в созерцанье Хари (Хари — одно из имен бога Вишну, которое употребляется также для обозначения воплощений Вишну (например, Кришны), а иногда и других божеств), подвиг свой творил. Его увидев, царь Парикшит так сказал в душе: "Меня он видел, но, возгордяся подвигом своим, закрыл

глаза". Такой злой мысли место дав в душе, царь луком поднял подлую змею, что там лежала, и, взяв, на шею риши положил ее, потом отправился домой. Когда же снял корону царь и знание вернулось к нему, то в скорби он сказал: "Ведь в золоте же Калиюг живет, и у меня он был на голове, по этой именно причине злая мысль такая у меня явилась. Теперь уразумел я! Ведь тем, что я взял дохлую змею и положил ее на шею риши, Калиюг мне отомстил за все! Как мне теперь освободиться от этого великого греха? О, почему я не лишился касты и богатства, супруги и народа, царства своего? Теперь не знаю я, в каком рождении с меня сойдет сей грех, что брахмана я оскорбил!"

Здесь царь Парикшит утонул в таком бездонном море скорби, туда ж, где Шамик риши был, играя, забежало несколько ребят. Увидев дохлую змею на шее у него, все удивились и в страхе стали говорить друг другу: "Братец! Пускай кто сходит, скажет сыну, он с сыновьями риши ведь играет в роще там на берегу реки Каушики".¹ Один, едва услышав, побежал туда, где Шринги, риши молодой, игрою с юношами забавлялся, и сказал: "Что ж ты играешь здесь? Злодей какой-то черную там дохлую змею взял, твоему отцу на шею положил!" Когда услышал это Шринги риши, то кровью налились его глаза, заскрежетал зубами он и, задрожав всем телом, в гневе молвил: "Ну и цари пошли теперь в век Калиюги — надменны, гордецы! Богатством опьяненные злочинцы и слепцы! Я прокляну его теперь: его постигнет скоро смерть!" Сказавши так, он зачерпнул рукой воды из Каушики-реки и проклял тут Парикшита-царя: "Пусть эта самая ж змея тебя укусит на седьмой день, и да умрешь ты от укуса!"

Таким вот образом царя проклявши, Шринги риши к своему отцу пошел и, с шеи удалив змею, сказал: "Отец, приди в себя! Я проклял уж того, кто дохлую змею тебе на шею положил!" Услышав те слова, шри Шамик джи пришел в себя, открыл глаза, с проникновением глубоким в мысли углубившись, молвил: "О сын, что ты наделал? Зачем царя ты проклял? Ведь в царстве-то его мы все счастливы были; ни зверь, ни птица даже не тужили! Здесь было царство справедливости такое, что лев с коровой вместе проживали и меж собой вражды не знали. О сын! Из-за чего ж мы надсмеялись над тем, в чьей поселились стране? Зачем его ты проклял лишь за то, что положил он дохлую змею? За столь ничтожную вину проклятье ты изрек. Ты совершил великий грех! И ни о чем в душе ты не подумал:

1 Название реки, текущей из пределов Непала и впадающей в Гангу близ г. Чампарана.

о всех достоинствах его забыл, порок один держал ты в мыслях. Ведь садху¹ надлежит жить в благонравии и чистоте, и ничего он сам не должен говорить, других лишь слушать, он добродетель каждого обязан понимать, пороками пренебрегать!"

Сказавши так, немедля Шамик риши, позвав к себе ученика, сказал: "К царю Парикшиту ты отправляйся и уведоми его, скажи: "Тебя, царь, Шринги риши проклял!" То верно, люди станут порицать его, но он услышит, примет меры". И, повинуясь словам тем Гуру (учитель, наставник), ученик пошел, пришел туда, где царь сидел в великой скорби. Придя, сказал он: "Махарадж! (В буквальном переводе слово "Махарадж", или "Махараджа", означает "великий царь", в каком-то значении оно употребляется и в настоящее время в качестве титула. Однако при непосредственном обращении это слово давно утратило указанное значение и стало знаком почтительного обращения, подобно английскому sir...) Тебя, знай, Шринги риши проклял и змея тебя укусит на седьмой день! Теперь свое ты делай дело, дабы уйти из сети кармы. (Действие, дело; итог добрых и злых дел, предопределяющий последующую форму существования человека и других живых существ. Таким образом, карма в некоторой мере соответствует европейскому понятию судьбы, с тем, однако, весьма существенным различием, что эта "судьба" определяется исключительно предшествующими действиями носителя этой "судьбы", кармы. Свойственный почти всем религиозным и философским системам Индии догмат кармы обычно связывается и находит наиболее яркое проявление в догмате о так называемом перерождении, т.е. в признании бесконечности существования живого существа, в различных формах существования, причем каждая форма существования определяется кармой как итогом добрых и злых поступков, мыслей и т.д.) Услышал царь и с радостью встал; сложивши поднятые руки,² он сказал: "Великую мне риши милость оказал, что проклял: меж тем как я здесь утопал в безбрежном море скорби, ослепленный Майей (призрачность, иллюзия, сила, заставляющая созерцать лишь внешнюю обманчивую и призрачную видимость вещей, явлений и всего мира, и скрывающая от нас истинную сущность вещей), извлек меня он, вытащил на берег!" Призвал он сына Джанмеджая (Сын царя Парикшита, впоследствии, согласно легендам, могущественный император Индии. Мстя за смерть своего отца, умершего от укуса змеи, Джанмеджая принял решение

¹ Благородный, благочестивый; святой старец.

² Поднятие рук, сложенных ладонями, с древнейших времен является в Индии знаком покорности, смирения, преданности и почтения.

истребить всех змей. Лишь после усиленных просьб риши Астик убедил его оставить в живых змея Такшака, укусившего Парикшита.) и, передав ему трон царский, так сказал: "Мой сын! Оберегай корову (Корова с древнейших времен Индии вплоть до настоящего времени считается священным животным. Умерщвление коровы считается преступлением, более тяжким, чем убийство человека.), брахмана, счастливым сделай весь народ!" Сказавши так, пошел он во дворец цариц и видит — супруги все в великой скорби. Царя увидев, все царицы к его ногам упали и, рыдая, говорили так: "Махарадж! Мы женщины, мы слабые, не можем мы перенести с тобой разлуку, и если мы с тобой умрем, то будет благо!" Царь молвил: "Слушайте, жене приличествует делать то, что ей закон повелевает, и не должна она чинить препятствий в деле наивысшем!".

Сказав так, царь, покинув Майю царства и семьи, богатства и народа, свободный от всех обольщений, отправился и сел на берегу у Ганги для совершения Йоги.² И всяк, кто слышал о царе, скорбел о нем, жалел его, не мог без слез остаться. Когда же муни³ услышали весть о том, что царь Парикшит из-за проклятья Шринги риши отправился на берег Ганги умирать, то Вьяса,⁴ Васиштха и Бхарадваджа, Катаяяна, Парашара и Нарада (Один из великих риши. Нарада считается сыном Брахмы, он представляется изобретателем лютни и главой небесных музыкантов — гандхарвов. В вишнуитской литературе Нарада выступает в качестве поклонника и друга Кришны. В своем постоянном усердии послужить Кришне он часто бывает весьма неразборчивым в средствах.), Вишвамित्रа и Вамадева, Джамадагни и с ними восемьдесят восемь тысяч риши пришли и, постелив⁵ себе сиденья, уселись все рядами, и каждый, размышляя о своей науке — шастрах, поучал царя, давая наставления в своем законе. И вот, увидев веру крепкую царя, пришел туда сам Шукрадева джи (джи — знак почтения; ставится после имени лиц, к которым выражается почтение. В прошлом слово "джи" означало "победа" впоследствии оно получило значение "почтенный, уважаемый, святой" и т.д., например,

1 Туземное название величайшей реки Индии — Ганга. Наше обычное произношение "Ганг" объясняется заимствованием этого слова через посредство английского языка.

2 Соединение, единение; в частности, согласно индийской религиозной философии, соединение с божеством и пути к такого рода единению — подвиж, созерцание и т.д..

3 Мудрец, мудрый старец, отшельник, подвижник.

4 Вьяса и далее перечисленные риши (поэты, мудрецы) почитаются девятью величайшими риши; по ведийской традиции они являются творцами Вед.

5 Из трав

“Кришна джи” — “святой (или великий) Кришна”, “пандит джи”, — “почтенный пандит” (ученый брахман). Таким образом, “джи” по своему значению приближается к значению старорусского “су”, дореволюционного “-с” в выражениях “они-с”, “да-с” и т.д.), — под мышкой книга у него, одет он только воздухом. И муни все, которые собрались там, при виде риши Шukaдева встали, а царь Парикшит, сложивши поднятые руки, встав, смиренно так сказал: “О милосердия сосуд! Великую ты оказал мне милость, что в час такой ты вспомнил обо мне!” Когда он так сказал, то Шukaдева муни сел. И царь спросил у риши: “Махарадж! Ведь Шukaдева джи — сын Вьясы (Один из величайших риши. Он почитается редактором Вед, составителем “Махабхараты” и Пуран и основоположником философской системы веданты. Легенды считают Вьясу внебрачным сыном риши Парашары и царевны Сатьявати. Вьяса вел жизнь отшельника, но, в согласии с законом, он, по просьбе своей матери, взял себе в жены вдов своих братьев и от них родились Дхритараштра, отец кауравов, и Панду, отец пандавов, борьба между которыми составляет основную тему “Махабхараты”.) джи, Парашары джи внук, так почему же вы, о величайшие из муни, его увидев, встали? Необычайно это, объясните мне причину, дабы сомнение исчезло из души моей!” Тогда сказал Парашара джи муни: “Царь! Хотя все здесь великие собрались риши, однако же по знанию все мы уступаем Шukaдеву, поэтому мы все почтили Шukaдева. Ни от кого он не зависит, он сам спасенье и спаситель, по той причине, что со дня рождения своего отшельником он стал и жизнь свою в лесу проводит. О, царь! великая какая-то твоя заслуга проявилась в том, что Шukaдева джи пожаловал сюда! Из всех нас он лишь может объяснить закон высокий, которым ты спасешься от рождения и смерти и переправишься чрез море бытия!” Услышав это слово, царь Парикшит джи простерся перед Шukaдевом, потом спросил: “Махарадж! Ты вразуми, наставь меня в законе! Как освободиться мне из сети кармы? Но что я сделаю в семь дней? У беззакония ведь нет предела и перейти чрез океан существования как может быть моим уделом?”

Шри Шukaдев джи молвил: “Не думай, царь, что мало дней осталось! За час один лишь созерцания спасенья достигают, как Кхатвангу-царю (Пураны считают Кхатвангу принцем из солнечного рода кшатриев (воинов). Во время

1 Т.е. совершенно нагой.

2 Риши, отец Вьясы.

борьбы между богами и демонами Кхатванга оказал богам большую услугу. За это боги предложили ему награду. Кхатванга пожелал узнать, долго ли ему осталось жить, и получил ответ: "два часа (по другим легендам — один час). Кхатванга сошел на землю и, получив наставление от Нарады, так проникся идеями вишнуизма, что за короткий срок достиг соединения с Вишну.), ты вспомни, мунн Нарада дал знанье, и он лишь в два часа спасения достиг. И для тебя семь дней не мало! Когда с единой мыслью погрузишься в созерцанье, ты все постигнешь, осененный знаньем! Познаешь ты, что тело есть и кто в нем обитает, и кто себя в нем проявляет!" Услышав это, царь с великой радостью спросил: "Махарадж! Какой закон превыше всех законов? Скажи мне это, сделай милость!" Тогда шри Шукрадева джи молвил: "Царь! Как из законов всех закон вайшнавов¹ наивысший, так из Пуран (Пураны — древние сказания). Обширная область эпической литературы, до сих пор мало изученная, которая по своему характеру примыкает к эпическим поэмам "Махабхарате" и "Рамаяне". Пураны сложились в период между IV и XIV вв.; их создатели — различные секты, главным образом вишнуиты, т.е. поклонники Вишну, и шиваиты, т.е. поклонники Шивы. Пураны являются основными священными книгами современного индуизма и почитаются Ведами низших каст, так как чтение их разрешается низшим кастам. По определению санскритского лексикографа Амара Синха каждая Пурана должна заключать пять элементов повествования: 1) о сотворении мира, 2) о разрушении и воссоздании его, 3) генеалогию богов и патриархов, 4) царствования Ману, каждое из которых составляет период, называемый Манвантара и 5) историю солнечной и лунной династий царей.) славнейшая Пурана Бхагавата (т.е. "Бхагавата Пурана", главный сюжет которой составляет изображение жизни и подвигов Кришны. Создание ее относится (предположительно) к X в. хр. эры. Основное ядро Бхагаваты, как и ряда других Пуран, относится к весьма отдаленной древности.). Туда, где верные святому Хари будут сказание сие повествовать, туда придут святые все места и все законы. И сколько ни поведал Вьяса джи Пуран нам, но ни одной нет Бхагавате равной! И посему поведаю тебе двенадцать глав великой той Пураны, которым Вьяса мунн обучил меня! Ты с верою и радостью слушай, приложив вниманье..." Тогда-то царь Парикшит стал с

¹ Вишнуитский; закон вайшнавов — вишнуизм.

любовию внимать, а Шукрадева джи с благоговеньем стал повествовать.

Когда поведал мунни девять глав сказанья, то царь сказал: "О милосердный к бедным! Теперь ты сделай милость, поведай мне сказание об Аватаре (перерождение) Кришны: ведь он — помощник¹ наш; у нас в роду он чтится". Шри Шукрадева джи молвил: "Царь! Ты мне великую доставил радость, когда об этом ты сказании спросил. Так слушай же, я с радостью поведаю об этом.

Был некогда в роду Яду мифический родоначальник рода ядавов, в котором родился Кришна. Яду считается сыном царя Яяти. Яду отказал своему отцу в его просьбе отдать свою юность взамен старости отца. За это непослушание он был проклят своим отцом, и в силу этого проклятия его потомки не могли занимать царского трона. царь Бхаджаман, и у него сын Притху, у Притху — Видуратха, у него же — Сурасена, который покорил все девять стран земли и славу приобрел, его супруги имя — Мариша. И у нее родилось десять сыновей, пять дочерей; меж ними Васудев (сын Сурасены, отец Кришны, брат Кунти, матери пандавов, героев Махабхараты) был старший сын, и от его супруги, в восьмом зачатии, рождение принял сам шри Кришначандра джи. Когда родился Васудева², то боги в Сурапуре ("Град богов", небеса), городе богов, в восторге заиграли, поэтому-то у него другое имя есть — Анакдудумбхи — "Великий Барабан". У Сурасены же пять дочерей родилось, и старшая из всех них — Кунти (сестра Васудева, тетка Кришны, мать пандавов), которая вступила с Панду в брак, о чем и в "Махабхарате" упоминается. Сначала Васудев на Рохини женился, на дочке Рохана-царя; потом еще семнадцать раз женился он. Когда же восемнадцать жен законных было у него, тогда-то в Матхуре (в настоящее время город и дистрикт в провинции Агра. Ввиду того, что легенды связывают Матхуру (анг. Muthra) с подвигами Кришны, она является местом паломничества) женился он на Деваки — сестра то Кансы. Тогда с небес был слышен голос: "В восьмом зачатии от сей жены родится Кансы смерть". Услышав это, Канса заключил в дому сестру с ее супругом, и там-то именно шри Кришна джи свое рождение принял". Повествование услышав это, царь Парикшит молвил: "Махарадж! А как родился Кришна? И как потом попал он в Гокуль? (Буквально: "стадо коров, коровник". Название древней

¹ В "Махабхарате" Кришна изображается близким другом Арджуны и доброжелателем и всегдашним помощником пандавов.

² Индусские имена, употребляемые в "Шрем Сагаре", могут читаться либо по-санскритски, как например Васудева, Шукрадева, Сурасена и т.д., либо по-новиндийски, т.е. Васудев, Шукраев, Шуклев, Сурасен, Сурсен и т.д.

деревни, которая находилась недалеко от г. Матхуры, к юго-востоку от него на другом берегу Ямуны (совр. Джамна). В настоящее время носит название Махабан. Согласно легендам, Кришна провел свои детские годы в Гокуле. Ты Расскажи и объясни мне это!")

Шри Шукрадев джи молвил: "Был царь в Матхурапури,¹ по имени Ахук, и у него два сына было: Девак — имя одного, другого ж — Уграсена. Позднее Уграсена царем там стал, и у него была всего одна царица, по имени Паванарекха. Она была прекрасна и верна супругу; все восемь страж² она жила в повиновении супругу своему. Однажды, от супруга разрешение получив, с подругами, с подружками своими она, на колесницу сев, поехала в лес погулять. Там меж густых-густых деревьев цвели разнообразные цветы, и ветерок дул ароматный, легкий и прохладный, кукушки,³ горлицы, павлины, попугаи приятно, сладко распевали; там под горой Ямуна⁴ несла свои чудеснейшие волны. Увидев это все, царица сошла с прекрасной колесницы и пошла, и, углубившись в лес одна, она там заблудилась. Стучилось так, что оказался ракшас (Противники богов, падшие боги, демоны и злые духи. Потомки Брахмы, ракшасы, согласно легендам, вступили в борьбу с богами и были разбиты, с той поры они всеми силами стараются вредить богопочитанию и причиняют всяческие бедствия людям, почитающим богов.) там по имени Друмалик. Он, прелесть юности и красоты ее увидев, изумился и сказал себе в душе: "Я должен ею насладиться!" И вот, мгновенно приняв облик раджи⁵ Уграсены, он к рани⁶ подошел и молвил: "Сойдись со мной!" Царица молвила: "Махарадж! Не подобает днем любовною игрою заниматься, ведь из-за этого закон и добродетель гибнут! Да разве этого не знаешь ты, что мысль недобрая такая вдруг родилась у тебя".

Когда Паванарекха так сказала, тогда Друмалик вдруг царицу за руки схватил, к себе привлек, и что хотел, то сделал. Такою хитростью добившись наслаждения, он снова сделался таким, как был. Тогда-то рани в скорбь великую

1 Город Матхура.

2 Индийцы делят сутки на восемь страж-пахар: таким образом, каждая стража длится три часа. Различаются дневные стражи, которые начинаются в 6 часов утра, и ночные стражи, начинающиеся в 6 часов вечера.

3 В индийской поэзии кукушка играет такую же роль, как соловей в персидской и европейской поэзии.

4 Современное название реки Ямуны — Джамна, вместо которого в русском языке употребляется совершенно неправильное произношение Джумна (анг. Jumna). Самый большой приток Ганги.

5 Царь

6 Царица, супруга раджи.

пришла; страдая тяжело, закричала: "О незаконный! О злодей! Чандал! (Наиболее презренная каста и член этой касты; презренный, подлый. Согласно законов Ману, чандалы произошли от связи брахманки с шудрой, и поэтому считаются наиболее презренными. Они всегда должны жить за пределами деревни. Чандалы занимаются разведением собак, ослов и т.д., уборкой трупов и нечистот. Им запрещено показываться близ места, где приносят жертву или же совершают какие бы то ни было религиозные обряды; чандалы, наконец, не имеют права выходить из своего жилища с наступлением темноты, так как их случайное приближение может осквернить представителей высших каст. По этим причинам слово "чандал" является жестоким ругательством.) Какую мерзость здесь ты совершил! Ты чистоту мою навеки погубил! Проклятие отцу и матери твоим и Гуру, который дал тебе такой злой ум! О, почему бесплодной не осталась мать твоя, зачем тебе, такому злому сыну, она рождение дала? Злодей! Кто, приняв образ мужа, губит непорочность женщины, тот попадает в ад на многие рожденья!" Друмалик молвил: "Царица! Не проклинай меня! Тебе я отдал плод закона своего! Когда бесплодной я увидел здесь твою утробу, в моей душе была великая печаль, теперь она исчезла. Теперь явилась в твоей утробе сила и на десятом¹ месяце родишь ты сына! И силой тела моего твой сын здесь покорит все девять стран земли² и будет царствовать, с самим шри Кришной джи в борьбу он вступит! Ведь некогда меня Калнеми (согласно Пуранам, асур (противник богов, демон) Калнеми, или Каланеми, был внуком демона Хираньякашипу, которому Шива даровал власть над тремя мирами на миллион лет. Он преследовал своего сына Прахлада за поклонение Вишну, и за это Вишну убил его. Каланеми считается дядей ракшаса Равана, противника Рамы, героя Рамаяны.) звали. Тогда я с Вишну воевал. Когда теперь, рождение приняв, пришел я в мир опять, тогда Друмаликом меня здесь стали называть. Я сына дал тебе. Ты ни о чем не беспокойся больше!" Когда Друмалик, так сказав, исчез, царица, поразмыслив, успокоилась душой.

Что ждет кого из нас в грядущем,
 Меняет то всю нашу сущность:
 Займет всю душу то, что ждет,
 Другие мысли в ней убаёт.

¹ В Индии исчисление времени ведется лунными месяцами.

² Индусы различают девять реальных или легендарных частей или стран земли, а именно: Бхарат (Индия), Navrita, Kimpurusa, Bhadra, Ketumala, Hari, Hariya, Ramya и Kusa.

И в это время тут ее нашли: к ней подошли ее подруги и подружки. Увидев, что наряд царицы не в порядке, одна подружка закричала: "Где задержалась ты так долго, и что с тобой здесь приключилось?" Паванарекха молвила: "Послушайте, подружки, меня одну оставили в лесу вы, явилась обезьяна, она меня в конец измучила! От страха перед ней я все еще дрожу всем телом!" Услышав это, все они обеспокоились, царицу взяли, на колесницу посадили и привезли домой. Когда исполнилось десять месяцев, и дни исполнились, то у нее родился сын. В тот час такая страшная повсюду буря поднялась, что от нее земля заколебалась, настала тьма такая, и день преобразился в ночь; с небес срываясь, падать стали звезды, гром гремел и молния сверкала.

Так, в светлой половине (При обозначении даты индусы, до принятия европейского календаря, обязательно указывали половину месяца, в которой имело место то или иное событие. В каждой половине (светлой и темной) различается четырнадцать дней.) магха¹ месяца, в тринадцатый день Брихаспати — четверг, рождение принял Канса. Тогда царь Уграсена на радостях созвал всех музыкантов и певцов, что были в городе, велел устроить пир; затем послал он пригласить с великой честью и почетом брахманов, всех пандитов² и звездочетов. Сам царь с большим почтением сидения им предложил и усадил. Тогда астрологи, закончив вычисления³ и обсудив момент рождения, сказали: "Земли владыка! Младенец сей, Канса именем, в твоём роду родился; велик, могуч он будет; ракшасов он привлечет к себе и царством будет править; он будет угнетать богов и верных Хари, он царство у тебя отнимет и потом погибнет от руки святого Хари!"

Сказание поведав это, Шукадева мунни джи царю Парикшиту сказал: "О царь! Теперь поведаю сказанье я о брате Уграсене, Деваке, как было у него четыре сына и семь дочерей и как он семерых за Васудева выдал замуж. Из них седьмая Деваки была, рождение которой радость принесло богам.

У Уграсены было девять сыновей, и старше всех был Канса. Когда родился он, подрос, то стал творить различные бесчинства: пойдет он в город, там маленьких детей поймает, уведет, в пещере горной заключит, убьет, а тем, кто был

1 Название десятого индусского месяца; соответствует концу января и началу февраля европейского календаря.

2 Ученый брахман.

3 При рождении каждого правоверного индуса обязательно составление гороскопа.

побольше, взберется он на грудь, за горло схватит и задушит. Никто нигде не мог спастись от этого несчастья, своих детей все стали прятать. Народ сказал: "Злодей великий Канса! Не Уграсены сын, на горе нам откуда взялся он? Должно быть это грешник страшный здесь родился нам на горе, который погубил весь город!" Услышав это, Уграсена позвал его к себе и долго увещал, но все его слова не доходили до души. Тогда в великом горе и печали он сказал: "Зачем я породил такого сына! О, почему бездетным не остался я! Ведь говорят, "когда злой сын в дому рождается, тогда и слава и закон из дома удаляются!" Когда исполнилось Кансе восемь лет, то он пошел походом на страну Магадху.¹ А Джарасандх², царь тамошний, большой воитель был. С ним встретившись, он с ним вступил в единоборство. Увидел царь тот Кансы силу, признал себя он побежденным и выдал за него своих двух дочерей. И Канса с ним в Матхуру вернулся и पुше прежнего стал с Уграсеной враждовать. Однажды в гнев своему отцу он молвил: "Не смей произносить ты имя Рама (Легендарный герой древней Индии, впоследствии признанным воплощением высочайшего божества Вишну. Рама является героем эпической поэмы "Рамаяны", автором которой считается Вальмики. Окончательная редакция "Рамаяны" относится предположительно к IV в. до хр.эры.), молись же только Махадеву!"³ Царь сказал: "Но Рама — мой создатель, моих страданий врачеватель, и если я его не стану почитать, то, в беззаконье впад, как перейду я через океан существовать?" Услышав это, Канса в ярости схватил отца и отнял царство все его, а в городе под звуки барабана⁴ объявить велел он так: "Никто не смеет жертвы приносить, давать дары, закон и подвиги творить и имя Рама здесь произносить!" Тогда-то поднялось такое беззаконье, что страдания посылались на корову, брахмана и всех, кто Хари почитал; на землю бремя тяжкое легло. Когда же Канса у царей всех отнял царства, то с полчищем своим пошел походом на царя Небес, на Индру (Наиболее видный представитель ведического пантеона, почитаемый царем богов. Олицетворение бури и грома, Индра в ведический

¹ Древнее название южного Бихара (включая Патну, Гаю и т.д.).

² Царь страны Магадха, впоследствии противник Кришны, ведший с ним длительную войну и в конце концов заставивший Кришну оставить город Матхуру и переселиться в город Дварку, воздвигнутый на острове посреди океана. Впоследствии Джарасандх был убит Бхимой, одним из пандавов, героев Махабхараты.

³ Махадев — одно из имен бога Шивы, члена триады богов: Брахма, Шива, Вишну.

⁴ Ввиду ничтожного процента грамотности среди населения Индии (ок. 8%) даже в настоящее время распоряжения властей передаются населению деревень глашатаем под звуки барабана.

период почитался богом-воином. Индра считался также богом атмосферы, посылающим хорошую погоду и дождь. В послеведическую эпоху Индра снизился до положения божества второго ранга, уступив свое место Шиве или Вишну. Пураны и "Прем Сагар" изображают Индру надменным царем, не имеющим реальной силы; даже у себя в доме он находится в подчинении у своей супруги Индрани.). Тогда ему советник так сказал: "О Махарадж! Без совершенья подвигов не можешь овладеть ты тронem Индры, благоволи оставить гордость силою своей. Смотри, как гордость погубила Равана¹ и Кумбхакарну²: в роду их не осталось никого в живых!"

Сказанье это рассказав, шри Шукатова джи так сказал царю Парикшиту: "О царь! Когда настали на земле такие беззакония, тогда земля, в великом горе, в страхе, коровы образ приняв, с мычанием отправилась в мир богов, и, к Индре на совет придя, понунив голову, она поведала о всех своих страданиях: "О Махарадж! Асуры начали творить великие грехи повсюду в мире, от страха перед ними сам закон ушел! И если ты мне разрешишь, то я покину мир людей, отправлюсь в преисподнюю!" Услышав это, Индра, царь, со всеми божествами вместе пошел к святому Брахме. Услышав, Брахма, со всеми божествами вместе, отправился немедленно к Махадеву. Услышав, Махадев, со всеми божествами вместе, отправился туда, где спал Нараян³ в молочном море. Нараяна увидев спящим, Брахма, Рудра, Индра, со всеми божествами вместе, стали, сложили поднятые руки и смиренно все хваления стали возносить: "Великий царь царей! Кто может передать величие твое! Ты в виде рыбы (перечисление различных воплощений Вишну. Кроме названных воплощений Вишну, т.е. в виде рыбы, черепахи, вепря, карлика, брахмана Парашурама, Рамы и Кришны, некоторые легенды признают целый ряд других воплощений Вишну. Так, его воплощением считается иногда Капила, создатель философии Санкхья, Будда и др.) ведь извлек из моря Веды; ты, приняв образ черепахи, землю поднял на спине; и вепря образ приняв, ты землю удержал на бивнях; под видом карлика ты Бали (Согласно легендам, добродетельный царь дайтиев, т.е. титанов, внук Прахлада, правнук Хараньяка-

1 Ракшас, демон, мифический царь острова Цейлона, с которым воевал Рама, герой Рамаяны.

2 Брат Равана, царя Цейлона. По свидетельству "Рамаяны", он обладал чудовищным аппетитом, и потому спал шесть месяцев и бодрствовал один лишь день. Во время борьбы между Рамой и Раваном Рама убил Кумбхакарну.

3 Имя высочайшего божества. Нараян (или Нараяна) изображается обычно покоящимся на водах. Как в вишнуитской литературе вообще, так и в "Прем Сагаре", в частности, Нараян отождествлен с Вишну.

шпиу. В преданиях рассказывается, что Бали своим благо-
 честием и подвигами осилил Индру и завладел всеми тремя
 мирами. Обеспокоенные боги обратились за помощью к
 Вишну, и он, приняв воплощение в виде карлика, попросил
 у Бали три шага земли. Получив этот дар, карлик двумя
 шагами шагнул на землю и небеса; третьего шага он не
 сделал, и, таким образом, владычество над подземным миром
 сохранилось за Бали.) обманул; ты, приняв воплощение как
 Парашурам,¹ побил всех кшатриев и землю отдал мун
 Кашьяпе,² ты принял воплощение в виде Рамы и погубил
 великого злодея Равана! И всякий раз, как дайтии³ страдания
 причиняли поклонникам твоим, ты всякий раз являлся для
 защиты их. Владыка! Теперь от всех мучений, что Канса
 причиняет, в великое смятение пришла земля! Она к тебе
 взывает, не медли защитить ее! Побей асуров и радость
 садху дай!"

Так боги доблести его воспели. Тогда с небес раздался
 голос, и Брахма объяснил богам: "Тот голос, что раздался,
 вам повелевает так: все боги и богини пускай отправятся в
 Баджмандал (Согласно Пуранам, Бадж, или Баджмандал,
 — страна, находящаяся между Матхурой и Бриндабаном. В
 настоящее время дистрикт в провинции Агра. Место юноше-
 ских игр Кришны.), да примут все они рождение в Матхуре,
 а после Хари джи, четыре формы приняв, примет Аватару
 в доме Васудева, в утробе Деваки. Он, в детстве чудеса
 творя, даст счастье Нанде (Глава пастухов из рода Яду,
 приемный отец Кришны. Кришна прожил у Нанды все свои
 детские годы и раннюю юность.) и Яшодe".⁴ Таким-то
 образом все Брахма объяснил. Тогда все суры (божества
 низшего ранга, обитающие на небесах, часто слово "сура"
 употребляется в значении "бог"), мун, киннары (Мифиче-
 ские существа, представляемые в человеческом образе, но с
 лошадиными головами. Мифы считают киннаров искусными
 небесными певцами, а часто и музыкантами.) и гандхарвы
 с супругами своими рождение приняли, явились в Бадж-
 мандале, стали ядавами, пастухами называться. И вед всех
 четырех⁵ стихи по повелению Брахмы джи в пастушек
 обратились, явились в Бадже, и были названы пастушками.
 Когда в Матхурапури боги все пришли, тогда в молочном

1 Согласно "Махабхарате" и Пуранам, Парашурам был брахман, шестое
 воплощение Вишну, потомок ведического певца Бхригу, сына Брахмы.
 2 Ведический мудрец-поэт, почитаемый внуком Брахмы. Согласно легендам
 "Махабхараты" и Пуран, Кашьяпа был отцом Вивасвата, отца Ману,
 родоначальника человеческого рода.
 3 Полубоги, титаны.
 4 Пастушка, супруга Нанды-пастуха.
 5 Т.е. Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарведа.

море (Вишну в одной из своих форм, а именно, как Нараян, представляется покоящимся на водах или в молочном море) Хари мыслить стал: "Да будет прежде Лакшман (Сын царя Аудхского — Дашаратхи, брат Рамы. По свидетельству "Рамаяны", Лакшман последовал в изгнание за Рамой, в изгнании он оказал большую поддержку Раме и воевал с ним против демона Равана, царя Цейлона. Согласно Пуранам, Лакшман является частичным перерождением Вишну.) Бала-
рамом,¹ потом приму я имя Васудева", да будет Бхарата (Сын Дашаратхи, царя Аудхского, брат Рамы. По легендам, дающим в "Рамаяне", именно благодаря интригам Кайкеи, матери Бхараты, Рама был вынужден уйти в изгнание. Бхарата, однако, не захотел занять трон Аудха, принадлежащий по праву Раме, и сделался блюстителем его престола. Бхарата считается частичным воплощением Вишну.) Прадьюмной (сын Кришны и его супруги Рукмини, с именем его связано много легенд, которые приводятся в последующих главах "Прем Сагара"), Шатрагхну³ Анирадхой (сын Прадьюмны, внук Кришны), а Сита (Дочь Джанака, царя Видарбхского, супруга Рамы, героя "Махабхараты". "Рамаяна" повествует, что Сита была похищена у Рамы демоном Раваной, царем острова Цейлона. В последующей борьбе Рама, убив Равану, освободил Ситу.) примет воплощение в виде Рукмини (дочь Рукмы, царя Видарбхского, первая супруга Кришны)".

Так гласит первая глава — "Причина повествования" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу джи Лалом.

Глава II. КАНСА ХОЧЕТ УБИТЬ ДЕВАКУ

Поведав это сказание, шри Шукрадев сказал царю Парикшиту: "О Махарадж! С такой жестокостью в Матхуре правил царством Канса, а Уграсена тяжело там страдал. У Кансы дядя был царь Девака. Когда его дочь Деваки пригодна стала к браку, тогда пошел он к Кансе и сказал: "Кому отдать мне дочку?" Тот сказал: "Изволь отдать ее ты Васудеве, сыну Шурасены!" Услышав это, Девака брахмана призвал, определил счастливый день и к Шурасене в дом послал подарки свадебные. Тогда-то Шурасена с великой пышностью составил поезд свадебный, с собою взял царей

1 Брат Кришны и постоянный его помощник, участник его игр. Баларам считается частичным воплощением Вишну.

2 Васудев — одно из имен Кришны. Обычно это имя толкуется в смысле "сын Васудевы".

3 Сын Дашаратхи, царя Аудхского, брат Рамы, героя "Махабхараты". Шатрагхну считается частичным воплощением Вишну.

всех стран и прибыл в Матхуру, чтоб заключить брак Васудевы.

Когда приблизился тот поезд к городу, то, услышав об этом, Уграсена с Девакой и Канса со своею ратью вышли им навстречу и проводили в город. Потом с великой честью и почетом им прием устроили и отвели дома для жительства; приезжих всех прекрасно напоили, накормили, потом их привели и усадили под раскинутым навесом, и Канса, по ведийскому закону, отдал деву в жены Васудеве. В приданое за ней он дал коней пятнадцать тысяч, четыреста слонов и восемнадцать сотен колесниц, рабынь дал двести; посуды золотой, одежд и украшений и уборов, усыпанных камнями самоцветными, он дал несметное число; приезжих всех одел в роскошные одежды, и все отправились их проводить в дом жениха. Тогда раздался голос с неба: "О Канса! Восьмой сын той, которую ты провожать идешь, смерть принесет тебе, ты от руки его умрешь!"

Услышав это, Канса в страхе задрожал. Потом он в ярости схватил за косу Деваки, стащивши с колесницы, в руку меч взял и, скрежеща зубами так сказал: "Как может вырасти цветок или плод на дереве, которое мы с корнем вырвем из земли? Коль я теперь ее убью, без страха буду править царством!" Увидев это, Васудева в душе сказал: "Безумец этот в скорбь ввергает, добра и зла не различает! И ежели теперь я проявлю свой гнев, то дело будет худо; поэтому теперь сдержаться лучше! Ведь сказано:

Когда злодей извлек свой меч,
Тогда ему ты не перечь!
Поймет глупец, в себя придет:
Вода всегда огонь уймёт".

С такою мыслью Васудева немедленно к Кансе подошел; сложивши поднятые руки, смиренно молвил он: "Земли владыка, слушай! Сильней тебя нет в мире никого, и все живут под сению твоей! Такой могучий витязь, ты над женщиной заносишь меч! Не подобает это! Ведь в шастрах¹ сказано: "Да не убьет никто жену!" К тому ж убить сестру в день свадьбы — грех великий! Все ж мог бы человек здесь беззакония творить, когда бы знал, что никогда он не умрет! Но в мире этом — иной закон: сегодня мы родились, а завтра мы умрем. Мы это тело можем охранять миллионами усилий, свершая добрые дела или грехи, но никогда оно не станет нашим! И не поможет нам ни царство здесь, ни

¹ Книги закона. В последующее время слово "шастра" получает значение "научная дисциплина"; так обычно называются различные схоластические дисциплины средневековой Индии.

⁴ Легенды о Кришне

юность, ни богатство... Поэтому, молю, послушайся ты слов моих и отпусти свою покорную и слабую сестру!"

Услышав это, Канса-царь, о смерти вспомнив, испугался, душе разъярился, и Васудева подумал: "У этого злодея ум асура, и он упрямо на своем стоит; поэтому мне следует придумать средство, чтоб от руки его ее спасти". Подумав так, он сам себе сказал: "Теперь, чтоб Деваки спасти, я так ему скажу: "Я сына каждого, который у меня родится, отдам тебе!" Потом, кто знает, быть может, мальчик не родится или погибнет сам злочинец этот, и в этом надобность исчезнет; придет пора, удастся что-нибудь придумать!" В душе приняв решение такое, Васудева сказал так Кансе: "Махарадж! Ты не погибнешь от руки ее младенца по той причине, что решение я принял отдавать тебе всех мальчиков, которые у Деваки родятся; такое слово я даю тебе! "Когда слова такие Васудева сказал, тогда подумал Канса, согласился и, отпустивши Деваки, сказал: "О, Васудев, ты это хорошо придумал и спас меня от тяжкого греха такого!" Сказавши это, Канса с ним простился и отправился в свой дом.

Много ль, мало ль дней он в Матхурте там прожил... Когда у Деваки родился первый сын, то Васудев ребенка взял и к Кансе с ним пошел и плачущего сына положил пред ним. Увидев это, Канса так сказал: "О Васудев! Ты истинно правдивый человек! Сегодня это я узнал: меня не обманул ты! Свободный от всех обольщений, ты сына своего принес и отдал мне; поэтому не стало страха у меня: я отдаю назад тебе ребенка!" Услышав это, Васудева джи взял ребенка, простерся перед Кансой и отправился домой. А в это время муни Нарада явился к Кансе и сказал: "О царь! Что это сделал ты? Зачем ты мальчика отдал ему обратно? Да разве ты не знаешь, что для служенья Васудеву в Брадждж явились все боги и приняли рождение там? Ты знаешь, что в восьмой беременности Деваки примет рождение шри Кришны, который всех ракшасов убьет, с земли он снимет бремя!" Сказавши это, муни Нарада провел там восемь линий на земле, велел их сосчитать. И вот, когда все восемь линий Канса сосчитал, он испугался и послал за Васудевом джи с его ребенком. Наставив так его и вразумив, муни Нарада оттуда удалился, а Канса взял у Васудевы сына и убил его. Так было всякий раз: когда рождались сыновья, то Васудева их приносил, а Канса убивал. Когда таким вот образом убил он шестерых детей, тогда в седьмое чрево Деваки вошел господь и поселился, приняв образ Шеша (царь змей, повелитель подземного мира — Патала. В легендах изображается в виде тысячеголового змея, на котором покоится Вишну, спящий в промежутках между периодами творения мира. В конце каждой калпы (мирового периода) Шеша

изрыгает пламя, уничтожающее все живое. По народным верованиям и легендам, на Шеше покоится вся Вселенная, и малейшие движения этого змея вызывают землетрясения. Согласно "Махабхарате", когда боги захотели сбить молочный океан, то в качестве мутовки воспользовались горой Мандра, которую обвязали змеем Шеша, как веревкой. Согласно "Бхагавата Пуране", Баларам, брат Кришны, почитается воплощением змея Шеши). Услышав сказание это, царь Парикшит спросил у Шukaдева муни: "Махарадж! Зачем же муни Нарада джи заставил совершить такой великий грех! Скажи, открой мне тайну эту, дабы мое сомнение исчезло!" Шри Шukaдев джи молвил: "О царь! Муни Нарада джи доброе задумал! Чем больше он свершит грехов, тем скорее явится господь!"

Так гласит глава вторая — "Свадьба Деваки и убийство младенцев" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу джи Лалом.

Глава III. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЧРЕВА

Потом шри Шukaдева джи царю Парикшиту сказал: "О царь! Как Хари в чрево вошел и Брахма с другими богами хваленья вознес, как в Гокуль шри Баладева (одно из имен Баларама, брата Кришны) богиня Деви унесла — об этом я поведаю тебе. Однажды Канса-царь пришел и сел в своем совете; велел призвать всех демонов, которые ему служили, и сказал: "Слушайте! Все божества сошли на землю, приняли рождение здесь; среди них и Кришна примет Аватару ("Нисхождение, рождение, воплощение". Согласно Пуранам, принятие божеством тела человека или другого живого существа путем рождения. Особенно часто слово "Аватара" применяется к воплощениям Вишну. Пураны различают десять главных воплощений Вишну, а именно: а) рыба, б) черепаха, в) боров, г) человеко-лев, д) карлик, е) Парашурам, ж) Рама (герой "Рамаяны"), з) Кришна, и) Будда и к) Калки. а) Воплотившись в виде рыбы, Вишну был воспитан родоначальником человеческого рода Ману. Во время всемирного потопа рыба — Вишну — спасла Ману, увезя его на заранее построенном корабле. б) Воплотившись в виде черепахи, Вишну извлек из океана великие ценности, утраченные во время потопа. Когда боги решили сбить молочное море, то эта черепаха, поместившись на дно океана, послужила основанием мутовки, которою служила мифическая гора Мандра. в) Воплотившись в виде борава, Вишну поднял на своих бивнях землю из водных глубин. г) Приняв вид льва с головой человека, Вишну освободил мир от злодейств демона Хираньякашину. д) Приняв вид карлика,

Вишну обманул царя Бали, владевшего тремя мирами (небом, землею и подземным царством), попросив у Бали три шага земли. е) Родившись брахманом Парашурамом, Вишну освободил брахманов от насилий кшатриев. ж) Приняв воплощение в виде Рамы, героя "Рамаяны", Вишну погубил демона Равану. з) Жизни Кришны посвящен "Прем Сагар". и) Согласно традиции брахманской, Вишну принял воплощение в виде Будды для того, чтобы обнадежить демонов, презирующих веды и кастовый строй, и тем самым заставить их ускорить собственную гибель. к) Вишну должен воплотиться в виде Калки — "белого коня" — в конце Калиюги с тем, чтобы погубить злых и восстановить добродетель.). Мне эту тайну сообщил и объяснил все Муни Нарада, Поэтому нам надлежит так в тайне сделать: немедленно отправляйтесь и истребите ядавов всех, чтоб ни один из них в живых бы не остался!"

И получив такой приказ, они все перед ним простерлись и ушли. Пришли все в город, стали всех искать, хватать, ловить. Кто ел иль пил, стоял или сидел, иль спал, иль бодрствовал, иль шел куда, или гулял — кого ни находили, никого не отпускали. Согнали всех в одно там место, жгли огнем, водой топили, на землю их бросали и после всяческих мучений убивали всех. Таким вот образом они — большие, малые — все принимали разные ужасные личины, искали всюду, обыскивали города и села, улицы, дома и убивали всех, а ядавы (потомки Яду, члены рода, в котором принял воплощение Кришна) в великом горе, жизнь спасая, убегали, покидая ту страну!

И в это время все другие жены Васудевы совместно с Рохини¹ из Матхуры бежали в Гокуль, где проживал приятель близкий Васудевы, Нанда джи. С великою любовью поддержал он их и успокоил, и они спокойно стали жить. Когда злой Канса так богов стал мучить и стал творить великие грехи, то Вишну из очей своих сам Майю² породил. Она, сложивши поднятые руки, предстала перед ним. Он ей сказал: "Иди теперь ты в мир, и в Матхуре прими ты Аватару, где Канса злой преследует моих поклонников и держит в заключении Кашьяпу и Адити, ("Бесконечность". Супруга царя Кашьяпы, внука Брахмы. Почитается матерью семи Адитья, из которых наиболее известны Митра, Арьяман, Варуна и Индра. Ее воплощением почитается Деваки, мать Кришны.) которые, став Васудевом джи и Деваки, отправились в Браджд! Их шестерых детей убил уж Канса. Теперь

1 Одна из жен Васудевы, отца Кришны. Сыном Рохини является Баларам.
2 Творческая энергия божества, силою которой, по верованию индусов, совершается все в видимом мире, не имеющем реального существования.

в седьмом же чреве Лакшман джи; его ты из утробы Деваки возьми и в Гокуль отнеси и помести во чрево Рохини таким путем, чтоб никакой злодей не знал, чтоб все, кто там живет, твою воспели славу!"

Наставив Майю так, шри Нараян сказал: "Сначала отправляйся, сделай это дело, потом пойди, прими рождение в доме Нандры, потом прими ты Аватару в доме Васудевы, я ж сам приду в дом Нанды!" Услышав это, Майя встала и в Матхуру пришла и, приняв образ чаровницы, поселилась в доме Васудевы.

Она плод тайно извлекла
И в Рохини перенесла;
Все знали лишь про первый плод:
Был в чреве Рохини господь!

Так, в светлой половине в среду, в четырнадцатый день Шравана¹ шри Баладев джи в Гокуле рождение принял, А Майя к Васудеву с Деваки пошла и так сказала им во сне: "Я сына вашего из чрева извлекла и Рохини его дала; вы не печальтесь ни о чем!" Услышав это, Васудев и Деваки проснулись и так друг с другом гозорили: "Господь нам сделал благо. Но надлежит без промедленья Кансу известить, не то, кто знает, какие муки он потом на нас нашет!" Так обсудив, они сказали стражам. Отправились стражи, известили Кансу так: "Махарадж! У Деваки случился выкидыш, и мальчик вышел недоношенным!" Услышав это, Канса, испугавшись, молвил: "На этот раз вы проявите бдительность великую: ведь я боюсь восьмого пменно зачатъа, о котором мне небесный голос говорил!"

Сказание поведав это, шри Шукрадева джи молвил: "О царь! Таким-то образом родился Баладева джи. Когда ж шри Кришна джи во чрево Деваки вошел, то Майя к Нанде джи отправилась, вселилась в чрево добродетельной супруги Нанды джи, Яшоды. Так обе плод носили, и однажды так случилось, что Деваки пошла купаться на Ямуну, туда пришла и Яшода. И вот они делились меж собою горем, и, наконец, Яшода Деваки пообещала: "Я сына твоего спасу, а своего тебе отдам!" Такое обещанье дав, она вернулась домой, а та отправилась к себе. Потом, когда проведал Канса злой, что Деваки в восьмой раз зачала, то он пошел и окружил дом Васудевы; со всех сторон на стражу демонов поставил и, призвавши Васудеву, молвил: "Смотри, теперь не обмани меня и сына своего мне принеси: ведь я тогда твоим словам поверил!"

¹ Название четвертого месяца индусского календаря. Шраван соответствует июлю—августу европейского календаря, начинаясь с середины июля.

Сказавши так, он заключил в оковы, в цепи Васудеву с Деваки, их поместил в одной камерке, наложил замок, и, возвратившись во дворец свой, он от страха ничего не ел, уснул. Потом, едва заглясь заря, отправился туда, где были Васудев и Деваки. Увидев признаки плода, он молвил: "Вот здесь, в пещере Ямы (Согласно Ведам, сын Солнца, повелитель умерших. В эпосе Яма является царем подземного царства. Все умершие являются к нему, и регистратор Ямы, Читрагупта, зачитывает ему список добрых и злых дел умершего. В соответствии с приговором Ямы, душа умершего идет либо на Небеса, либо в один из двадцати одного Адов, либо снова возрождается на Земле в новой форме. Яма изображается в виде зеленого мужа в красном одеянии. Ездит на быке, вооружен дубиной и силком для извлечения душ.) смерть моя сидит! Убить тебя б теперь... но я боюсь бесчестья: ведь сильному не подобает женщин убивать! К тому ж убить непраздную достойно всяческого порицанья! Добро, я сына Деваки убью!" Сказавши так, он вышел и поставил там на страже всех воителей своих великих со слонами, львами, псами, и сам он постоянно приходил, за стражею следил, однако ж ни на миг спокойствия не находил. Куда он ни посмотрит, все восемь страж, все шестьдесят четыре¹ часа, смерть представляется ему, принявши образ Кришны! От страха перед ним он дни и ночи проводил в сомнениях!

Меж тем как Канса был в таком волнении, в темнице Васудева и Деваки все дни, в страданиях тяжких, молились шри Кришне. И вот Господь явился им во сне и удалил из их сердец заботу, так сказав им: "Я скоро уж рождение приму и устраню печаль всю вашу; не скорбите!" Когда, услышав это, Васудева и Деваки проснулись, то в это время Брахма, Рудра, (В Ведах Рудра ("ревущий, страшный") выступает в качестве бога бури, отца ветров (Марутов). В "Прем Сагаре", по примеру Пуран, Рудра означает Шиву, второго члена индуcской триады, бога разрушения. Согласно легендам Вишну-Пураны, Рудра является сыном Брахмы.) Индра и все другие божества, оставивши свои виманы² между небом и землей в эфире, пришли в дом Васудева в образах незримых. Когда они, сложивши поднятые руки, Веда распевая, свершали там благословение чрева, то их никто не видел, но звуки Вед все слышали. Увидев это чудо, стражи в изумление пришли, а Васудева и Деваки исполнились веры и сказали: "Уж скоро наш Господь освободит нас от страданий!"

1 Индусы делят сутки на тридцать две или на шестьдесят четыре равные части, и каждая из этих частей называется часом

2 Воздушная колесница богов. В современном языке слово "виман" иногда употребляется в значении аэроплана.....

Так гласит глава третья — “Благословенье чрева” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава IV. ВАСУДЕВА ДЖИ УНОСИТ В ГОКУЛЬ ШРИ КРИШНУ ДЖИ

Шри Шукадев джи молвил: “О царь! В тот час, когда шри Кришначандра стал рождение принимать, тогда у всех в душе такая радость родилась, что все забыли даже слово “горе”! В великой радости леса и рощи вдруг зазеленели, расцвели и принесли плоды; наполнились водой все реки и протоки, все пруды, озера; разнообразнейшие птицы там на них защебетали; по городам и селам и по всем домам настало торжество, и брахманы повсюду стали жертвы совершать, возрадовались все Дикпалы (согласно Пуранам, божества-хранители десяти стран света: страж востока — Индра, юга — Яма, севера — Кубера, бог богатства, запада — Вишну и т.д.), хранители всех стран; над Брадджмандалом облака кружили; все божества в свои виманы сели и пролили с небес обильный дождь цветов;¹ видьядхары (“Обладатели знания”. Разновидность божеств низшего ранга в индийской мифологии. Видьядхары представляются обитающими в пространствах между Небом и Землей. Часто в состав видьядхаров включаются гандхарвы, киннары и другие представители индийского пантеона.) и гандхарвы, и чараны (певцы-поэты, в особенности же небесные певцы, панегиристы богов) играть на лютнях, барабанах стали, воспевая гуны² Кришны. Меж тем как Урваши³ и с ней другие апсары (Небесные нимфы, куртизанки, танцовщицы. Упоминаются еще в Ведах. Согласно легендам “Рамаяны” и Пуран, родились из воды, откуда и их название (ар — “вода, зар” “тень”). Ни боги, ни демоны, несмотря на красоту апсар, не захотели сделаться их супругами, и потому апсары сделались небесными служительницами свободной любви, часто снисходя и до смертных.) свершали пляску, в это время, в среду, в восьмой день темной половины месяца Бхадона,⁴ в созвездье Рохини (Четвертое из двадцати семи созвездий, лежащих на пути луны. Рохини считается дочерью Дакши, сына Брахмы и любимой супругой Месяца.), в полночь, шри Кришна джи

1 Старинный прием индийской поэтики: божества низшего ранга выражают радость небес тем, что бросают с небес цветы.

2 Отличительное качество, свойство, достоинство.

3 Прекрасная небесная нимфа, упоминаемая еще в “Ригведе”. Любовь к ней царя Пуруравы составляет сюжет драмы, переведенной на русский язык (“Мужеством добытая Урваши”).

4 Пятый месяц индусского календаря, соответствующий периоду с середины августа до середины сентября европейского календаря.

явился и рождение принял. Облакоцветный, лунноликий, лотосоглазый, в желтом шелковом наряде, с короною на голове и в ожерелье вайджаянти (Ожерелье бога Вишну и его Аватар. Оно, согласно легендам, состоит из пяти драгоценных камней: рубина, смарагда, сапфира, алмаза и жемчуга.), в украшениях, осыпанных камнями самоцветными, свою четырехрукую¹ он принял форму и с шанкхой,² чакрой,³ гадой,⁴ падмой⁵ явился Васудеве с Деваки. Когда, его увидев, в изумление придя, они со знанием помыслили, и в нем узнали самого Адипурушу ("изначальный муж", всевышний, одно из имен Вишну), тогда, сложивши поднятые руки, с смиреннием сказали: "О, как счастлива доля наша, коль ты нам дал узреть себя и положил предел рождениям и смерти!"

Сказавши так, они поведали ему все, что случилось с ними прежде, как Канса мучил их. Тогда шри Кришначандра молвил: "Теперь вы не скорбите больше ни о чем! Ведь я рождение принял для того, чтоб устранить страдания ваши! Однако ж вы без промедления меня доставьте в Гокуль: там в эту же минуту у Яшоды родилась дочка, ее возьмите и вручите Кансе. Причину удаления своего я объясню вам: слушайте!"

Яшода с Нандой подвиг некогда свершили,
Давно ко мне всем сердцем оба обратились,
Они всем сердцем жаждут видеть сына лик,
Я им хочу явиться в виде сына их!
Потом убью я Кансу и явлюся к вам.
Храните твердость у себя в душе!"

Так успокоив Васудеву с Деваки, шри Кришна обратился вновь в младенца и заплакал и Майею своей окутал все. Когда исчезло истинное знание у Васудевы с Деваки, тогда они узнали, что у них родился сын. Уразумевши это, они в душе обет великий дали — пожертвовать коров десятки тысяч; младенца взявши на руки, они его к своей груди прижали, смотрели в личико ему, вздыхали тяжело и друг другу говорили: "О если б как-нибудь с младенцем убежать, чтоб он от рук злодея Кансы мог спастись!" Тут Васудева сказал:

- 1 Наиболее популярная форма Вишну, как бога-хранителя. В каждой из рук Вишну держит один из названных атрибутов.
- 2 Раковина, употребляемая как музыкальный инструмент; особенно часто она употреблялась как воинский музыкальный инструмент.
- 3 Диск, обычно металлический, с острыми краями. Это оружие, употреблявшееся в Индии с древнейших времен, считается специальным излюбленным оружием Вишну и его Аватары Кришны.
- 4 Железная дубина, старинное оружие, один из атрибутов Вишну.
- 5 Лотос, один из атрибутов Вишну.

“Не даст, помимо Брахмы, нам никто спасенья,
Не при дет буква кармы здесь во всей Вселенной!”
Но Деваки от мыслей вздрогнула вся вдруг:
“О нашем друге Нанде вспомни, мой супруг!
Яшода обещала в горе нам помочь,
И Рохини давно ведь в Гокуле живет.

Возьми и отнеси ты мальчика туда!”

Услышав это, Васудева взволнованный сказал: “Как понесу я, как освобожусь я от этих тяжких пут?” Едва успел сказать он это, как цепи и оковы вдруг упали с рук и ног его, все двери растворились, и стражи погрузились в глубокий сон. Тогда-то Васудева шри Кришну джи в корзинку положил, на голову ее поставил и отправился без промедленья в Гокулу.

С небес Индра пролил над ним дождь,
А сзади слышен львиный громкий, страшный рев,
Идет в печали тяжелой скорбный Васудева.
И вдруг пред ним открылась волн Ямуны мощь!

Остановившись на берегу реки, задумался шри Васудев: “Рыкает сзади лев, а предо мной течет бездонная Ямуна — что делать мне теперь?” Сказавши это, он с мыслию о господе вступил в Ямуну. Чем дальше подвигался он, тем глубже становилась река. Когда вода дошла до носа, то он пришел в великий страх. Увидев страх его, шри Кришна ногу протянул свою и произнес слог “хун”.¹ Едва воды коснулась нога, Ямуна обмелела, и Васудев без страха перешел ее. Когда он к дому Нанды подошел, то видит: дверь открыта. Вошел он в дом и видит: все лежат и спят. Богиня² совершила чудо: сама Яшода не заметила, что дочь родилась у нее! И Васудева шри Кришну джи спать близ Яшоды положил, а сам, взяв девочку, без промедленья отправился в обратный путь. Он перешел реку, пришел туда, где Деваки сидела, горевала. Когда же Васудев отдал младенца Деваки, сказав, что все благополучно, то Деваки, услышав это, просветлела и сказала: “Мой господин! Теперь пусть Канса убивает нас, нам ничего не страшно: из рук злодея сын наш спасся!”

Поведав сказание это, шри Шукадев сказал царю Парикшиту: “Как только Васудев пришел с младенцем — девочкой, то” двери сами захлопнулись, а Васудева и Деваки надели цепи и оковы. Вдруг девочка заплакала. Услышав звуки плача, стражи все проснулись, схватился каждый за

1 Знак подтверждения того, что слушают, знак согласия. Часто слову “хун” придается мистический смысл.

2 Т.е. Майя бога Вишну.

оружие свое, пришел в себя; из пушек¹ стали все палить. Услышав этот шум, слоны все завизжали, львы зарычали, залаяли собаки. Тогда, в глухую полночь, в дождь, один из стражей прибежал; сложивши поднятые руки, он Кансе так сказал: "Махарадж! Родился враг твой!" Услышав это, Канса без сознания упал".

Так гласит глава четвертая — "Рождение Кришны и похищение девочки" — в "Прем Сагара", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава V. ЖЕСТОКОЕ НЕИСТОВСТВО КАНСЫ

Услышав о рождении младенца, Канса в страхе задрожал, потом он встал и, меч свой в руки взяв, то падая, то спотыкаясь, побежал. С распущенными волосами, в поту весь утопая и от волнения задыхаясь, он прибежал к своей сестре. Когда он вырвал девочку из рук ее, она сложивши поднятые руки, молвила: "О брат! Ведь эта девочка — твоя племянница, не убивай ее! Она — последний мой ребенок! Ведь ты убил уж шестерых моих детей, и скорбь по ним меня снедает тяжко. Зачем без нужды девочку убьешь, грехи свои тем преумножишь!" Канса молвил: "Живою девочку я не отдам тебе, иначе тот меня убьет, кто женится на ней!" Промолвив так, он вышел. Когда хотел он, размахнувшись, о камень размозжить ее, тогда младенец, вырвавшись из рук его, на небеса взлетел и громко так сказал: "О Канса! Удалось тебе убить меня? Твой враг уже родился где-то, теперь ты не спасешься!"

Услышав это, Канса-царь с глубоким сожалением пришел туда, где были Васудева и Деваки. И, возвратясь, он снял с их рук и ног оковы, цепи и со смирением сказал: "Я грех великий совершил, всех ваших сыновей убил! Как смуть такой позор мне? В каком рожденьи что со мною будет? Все ваши боги — лживы! Они сказали, что в восьмом зачатии у Деваки родится мальчик! А вот не мальчик, девочка родилась! Но и она из рук моих ушла на небеса. Теперь ко мне вы проявите состраданье, мою вину в душе не сохраните; ведь то, что кармою написано, стереть никто не может! И тот, кто знанием высоким обладает, меж смертью и жизнью различия не знает! Лишь гордый различает здесь своих друзей, своих врагов, а вы — великие святые, правдолюбыв, вы принесли мне сыновей своих!"

Когда, сказавши это, Канса стал с мольбою простирать к ним руки, то Васудев джи молвил: "Махарадж! Ты истинно

¹ Анахронизм, привнесенный в древнюю легенду самим Лаллу джи Лалом, автором "Прем Сагара".

сказал, что в этом нет твоей вины! Творец предначертал все это в карме нашей!" Услышав это, Канса просветлел и Васудева с Деваки с великою любовью в свой дворец привез, велел им угощение приготовить, одел в роскошные одежды, потом с великою честью он доставил их обратно. Призвав советника, он молвил: "Богиня мне сказала: мой враг родился в мире, а посему теперь где бы вы ни встретили богов, всех убивайте. Они бессмысленную ложь сказали мне, когда вешали: враг де твой от Деваки в восьмом зачатии родится!" Советник молвил: "Да разве нам их трудно истребить! Они все по рожденью нищие! Когда изволишь ты прогневаться, они все разбегутся! Да разве в них есть сила противостоять тебе? Взять Брахму — восемь страж он погружен весь в созерцанье, в знание! А Махадев — тот курит коноплю¹ да ест дурман, а Индра — тот перед тобою на попятный. Остался Нараян, но он не понимает воинского дела, не разлучаясь с Лакшми (Богиня счастья и богатства, супруга Вишну, мать Камы, бога любви. Слово "Лакшми" встречается уже в "Ригведе" в значении "счастье". Согласно легендам "Рамаяны", прекрасная богиня Лакшми, подобно греческой Афродите, вышла из пены морской, когда боги и асуры сбивали океан в масло. Ее перерождением считается Рукмини, первая законная супруга Кришны.), вкушает радости он с нею!"

Канса сказал: "Скажи же мне, как мне добраться до Нараяна и как его мне победить?" Советник отвечал: "Махарадж! Коль Нараяна ты хочешь победить, то истребляй теперь всех тех, в чьем доме восемь страж Нараян обитает: всех брахманов и вайшнавов (последователь или почитатель Вишну), всех Йогов (йог, отшельник, отрекшийся от мира, равнодушный к его радостям и печалям), яти (победивший свои страсти, равнодушный к соблазнам мира и стремящийся достигнуть освобождения от перерождений), тапасви (подвижник), санньяси (отрекшийся от мира, отшельник, аскет), вайраги (освободившийся от страстей, отрекшийся от мира. Все упомянутые термины для обозначения отшельников, отрекшихся от мира, часто употребляются один вместо другого) и всех других, кто Хари почитает! Не оставляй в живых ни старика, ни одного младенца!" Услышав это, Канса молвил главному советнику: "Иди и истребляй их всех!" Советник, получив приказ, взял много раксасов с собою и отправился. А по прибытии в город стал он силою и хитростью искать и истреблять коров и брахманов, всех мальчиков и всех, кто верен Хари".

¹ Махадев, т.е. Шива, считается большим любителем гашиша и наркотиков вообще.

Так гласит пятая глава — “Неистовства Кансы” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава VI. ПРАЗДНИК РОЖДЕНИЯ ШРИ КРИШНЫ

Поведав это сказанье, шри Шуканде джи молвил: “О царь! В былое время Нанда и Яшода для получения сына великий совершили подвиг. Тогда явился шри Нараян им и дал великий дар, сказав: “От вас я некогда рождение приму!” Когда же в месяц Бхадон в восьмой день темной половины, в среду, в полуночное время, явился к ним шри Кришна, тогда Яшода, пробудившись, увидев сына лик, позвала Нанду. Они великое блаженство испытали и познали, что жизнь их не прошла бесплодно. Едва зажглась заря, как Нанда джи с постели встал, послал позвать он пандитов-астрологов: они пришли с своими книгами, с листами. Он предложил им всем сиденья и усадил их всех с великой честью и почетом. Они, согласно шастрам всем, установили год и месяц, день солнечный, день лунный, накшатру¹ и Йогу,² карану (промежуток времени, равный половине лунного дня, который, в свою очередь, составляет тридцатую часть лунного месяца. Индийская астрология различает одиннадцать каран, из которых четыре фиксированные и семь подвижных). Произведя все вычисления, определив счастливую минуту, молвили: “Махарадж! По указанью наших шастр выходит так: “младенец сей — второй Творец! Он истребит асуров всех, он снимет бремя с Браджа, будет называться Гопинатхом (буквально: “покровитель или владыка пастушек”, одно из имен Кришны), Владыкою Пастушек! Сего младенца славу воспоеет весь мир!” Услышав это, Нанда джи обет великий дал — пожертвовать коров прекрасных двести тысяч с рогами золотыми, серебряными копытами и с медными хребтами, покрывши каждую из них роскошной шелковой попоной. Потом он роздал множество даров и, брахманов всех одарив, благословенье получив от них, он отпустил их. Затем он пригласил всех музыкантов и певцов, что были в городе; они явились, и каждый стал свое искусство проявлять: играли музыканты, плясали плясуны, певцы все пели, и скоморохи с женами своими славу воспевали их. И вот все пастухи, что в Гокуле там жили, всех жен своих горшками с простоквашей нагрузили, на головы поставили кувшины с кислым молоком, оделись сами в разные наряды и с пляской, с пением явились Нанду джи поздравить! Когда приблизились

1 Каждое из двадцати семи созвездий, через которые проходит луна в течение лунного месяца.

2 Один из двадцати семи моментов, которые устанавливает индийская астрология, определяя взаимное положение Солнца и Луны.

к нему, друг друга стали кислым молоком все обливать, и Гокуль потонул весь в простокваше! Когда окончилось дадхикандо¹ — простоквашная игра, то Нанда джи всех накормил и напоил, всех одарил одеждами и, тилаки (Знак касты, субкасты или секты, который члены соответствующих общин изображают на лбу, на руках, на груди и т.д. Тилак рисуется сандалом, шафраном, простоквашей, рисом и т.д. Тилаки различаются не только материалом, которым они рисуются, но и цветом и формой, от простой прямой — вертикальной или горизонтальной линии — до весьма усложненных фигур. У вишнуитов тилак изображается в виде простой прямой вертикальной линии; различные секты вишнуизма весьма различно усложняют эту линию дугами у основания ее, черточками, точками и т.д. В кругах, придерживающихся ортодоксального индуизма, тилак является совершенно необходимой принадлежностью правоверного индуса.) всем сделав, бетель (Бетель — род перца (piper betel). Листья его сворачиваются в маленькие пакетики, причем внутренняя сторона их смазывается известью, смешанной с экстрактом из акации катеху, кусочками ореха арековой пальмы, семенами кориандра, кардамоном, кусочками мускатного ореха и корицы. При жевании во рту получается горьковато-вяжущий вкус, сильное отделение слюны, причем губы и десны окрашиваются в темно-красный цвет, зубы чернеют, дыхание приобретает приятный запах. Этим достигается, сверх того, некоторое возбуждение нервной системы. Бетель жуется обычно после еды и перед отходом ко сну, причем любители жуют до ста и более пакетиков. Бетель является необходимым завершением угощения даже в настоящее время, например, на приемах у индийских князей. Низшие касты употребляют бетель, приготовленный значительно более просто, чем то указано выше. И в настоящее время цена на простые виды бетеля незначительна — сто пакетиков на копейку; цена высушенных сортов — 6 штук на копейку (пайсу).) предложив, простился с ними.

Таким вот образом там много дней свершались поздравления. А после кто бы ни явился к Нанде джи, чего бы ни просил, все каждый получал. По окончании поздравлений Нанда джи призвал к себе всех пастухов и так сказал: "О братья! Вы слышали, что Канса мальчиков всех ловит, требует к себе. Подумайте, ведь и на нас какой-нибудь злодей поклеп-то может возвести. Поэтому нам надлежит всем вместе подарки отвезти ему и подати за целый год!"

¹ Обычай обливать друг друга кислым молоком в восьмой день праздника рождения Кришны соблюдается в индийской деревне вплоть до настоящего времени. Происхождение дадхикандо относится к глубокой древности.

Все согласились с этими словами. Каждый из дому доставил молока и простокваши, масла, денег; все нагрозили на телеги и с Нандой во главе отправились из Гокуля в Матхуру. Предстали перед Кансой, представили подарки и до последней каури (Мелкая морская раковина, с древнейших времен служащая в Индии самой мелкой разменной монетой. В пайсе (пайса — 1/64 рупии, цена которой 65 коп.) содержится 80 каури.) уплатили свой налог. Простившись с ним, отправились в обратный путь.

Едва они достигли берега Ямуны, как Васудева джи, получив известие об этом, там догнал их. Он к Нанде джи подъехал, с ним поздоровавшись, сказал: "Во всей Вселенной нет ни друга, ни родного у меня, подобного тебе! Когда меня постигло тяжкое несчастье, то я послал к тебе свою жену, беременную Рохини. Когда же сын родился у нее, ты воспитал, взрастил его... Но долго мне пришлось бы говорить о всех достоинствах твоих!" Сказавши это, снова он спросил: "Скажи, здоровы ль Рама,¹ Кришна и Яшода рани?" Нанада джи сказал: "Твоею милостью здоровы все, здоров и Баладев джи твой, моей всей жизни корень! Когда у нас родился он, то силою твоих заслуг великих и у нас родился сын! Но мы скорбим одной, твоею скорбью!" Васудева сказал: "Мой друг! Бессильны все мы супротив Творца и не сотрем, коль кармой предначертана черта! А посему, явившись в мир и муки претерпев, кто станет горевать?" Такое знание преподав, сказал:

"Немедля отправляйтесь все к себе домой,
Неистовствует Канса, враг наш общий злой!
Младенца ищет всюду, рыщет сей злодей;
Настала смерть для добрых праведных людей!
Ведь вы-то все сюда приехали,
А ракшасы повсюду рыщут и младенца ищут!
Как знать, не заберется ли какой злодей к вам в Гокуль,
Не натворит ли бед!"

Услышав это, Нанда джи обеспокоился, собрал всех пастухов и, полный мыслей, опасений, из Матхуры отправился он в Гокуль.

Так гласит глава шестая — "Праздник рождения шри Кришны" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава VII. ШРИ КРИШНА УБИВАЕТ ПУТНУ³

Шри Шужадев джи молвил: "О, царь! Советник Кансы взял с собою много ракшасов и с ними рыскал всюду, убивая

1 Сокращенная форма имени Баларама, брата Кришны, сына Рохини.

2 Одно из имен Баларама.

3 Имя женщины-ракшаса (демона), дочери царя Бали, впоследствии владыки подземного царства.

всех. А после Канса Путну-ракшаси призвал и ей сказал: "Ты отправляйся, истребляй у ядавов всех мальчиков, которых там найдешь". Услышав это, обрадовалась Путна, простерлась перед ним, пошла и думала дорогой так:

"Родился, слышно, где-то там у Нанды сын,
А в Гокуле случайно нет теперь мужчин;
Отправлюсь и застану женщину одну
Пастушкою прикинусь, всех их обману!"

Сказавши это, она надела на себя шестнадцать украшений, двенадцать драгоценностей, вложила в груди яд, и, дивный облик приняв, вводивший в заблуждение, лотоса цветок взяв в руку, украшенная с головы до ног, она пошла, прекрасная как Лакшми, когда она, украсившись, к супругу (т.е. к Вишну) своему идет. Явившись в Гокуль, она с улыбкою веселой к Нанде во дворец вошла. Увидевши ее, пастушки очарованы все были и в восхищение пришли. Она к Яшодe подошла и села, спросила о здоровье, благословение дала, сказав: "Сестра! Да здравствует твой Канха (Одно из имен Кришны. Этимологически слово "Канха", или "Канхай", является новоиндийской формой древнеиндийского Кришны.) много лет!" Когда она, так углубив к себе приязнь, из рук Яшоды джи взяла ребенка, к груди его прижала и грудью начала кормить, тогда шри Кришна, обеими руками грудь схватив и в рот свой потянув, стал с молоком высасывать и жизнь всю из нее. Тогда-то, испугавшись, Путна закричала: "Какой ребенок у тебя, Яшода! Не человек — посланец Ямы!" И далее сказала так: "Я думала, веревка — а вот змея в руках. Коли удастся мне из рук его спастись, то больше никогда не покажусь в Гокуле!" Подумав так, она пустилась бежать и выбежала за деревню. Но Кришна джи не отпустил ее и выпил из нее всю жизнь. И падая, обрушилась она, как будто бы с небес перун упал. Услышав этот страшный гул, Яшода с Рохини, рыдая, ударяя в грудь себя, немедля бросилась туда, где мертвая лежала Путна, на шесть кос¹ растянувшись; за ними вслед бегом пустилась вся деревня. Все видят: Кришна к ней на грудь взобрался и сосет! Не медля ни минуты, Яшода на руки его схватила, в личико поцеловала, прижала к сердцу своему и унесла домой. Потом призвала знахарок, велела заклинанья совершить. Меж тем пастушки с пастухами все стояли тут. На

¹ Мера длины, равная приблизительно двум английским милям. Размер косы в разных частях Индии не одинаков, но колебания незначительны.

Путны все смотрели и меж собою говорили так: “Сестрицы! Когда услышали мы гул ее паденья, то испугались так, что сердце до сих пор колотится! Кто знает, что с ребенком будет!” Меж тем из Матхуры приехал Нанда джи; и что ж он видит? Бездыханная ракшаси лежит, вокруг нее стоит толпа браджийцев. Он их спросил: “Что за беда тут приключилась?” Они сказали: “Махарадж! Сначала дивною красавицей она была, явилась в дом к тебе, благословение дала. Все жены Баджа, увидав ее, как зачарованные были. Она взяла из рук Яшоды Кришну, грудь ему дала. Что сделалось потом, не понимаем!” Услышав это, Нанда джи сказал: “Великое то счастье для нас, что мальчик жив остался! И счастье, что она упала не на Гокуль, не то никто бы не остался здесь в живых, она бы задавила всех!” Сказав так, Нанда джи отправился в свой дом, стал раздавать дары и добрые дела творить. А пастухи секирами, лопатами, мотыгами и топорами на части разрубили кости Путны, яму вырыли и закопали их, а мясо с кожей собрали и на огне сожгли. И от горения распространилось благовоние такое, которое наполнило весь мир благоуханьем”.

Сказание услышав это, царь Парикшит спросил шри Шукрадева джи: “Махарадж! Но эта ракшаси великая ведь грешница была, она вино пила и ела мясо,¹ так почему же из телес ее благоуханье вышло? О, сделай милость, объясни!” Муни молвил: “О царь! Шри Кришначандра тем, что грудь ее сосал, ей избавление (т. е. избавление от грехов и от перерождений) дал, и посему благоуханье вышло!”

Так гласит глава седьмая — “Путны убиенье” — в “Прем Сагаре, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава VIII. ЯШОДА РАНИ УГОЩАЕТ ЖИТЕЛЕЙ БРАДЖА

Шри Шукрадев муни сказал:

“Когда опять пришло созвездье,
В котором Мохан² родился,³
То весь обряд святой приветствий
Свершает радостная мать!

1 Употребление вина и мяса у вишнуитов почитается великим грехом и в настоящее время.

2 Одно из имен Кришны. Буквально слово “мохан” означает “чаровник, очаровывающий”.

3 Т. е. через месяц после рождения Кришны).

Когда исполнилось двадцать семь дней Хари, то Нанда джи всем брахманам и жителям всем Баджа приглашение послал. Они пришли. Он принял их с почетом, усадил. Потом он брахманам дал множество даров и отпустил их, а пастухов всех одарил одеждами и повелел им предложить роскошнейшее угощение. В то время угощала их Яшода рани, а Рохини прислуживала всем, и население Баджа весело всем угощалось; пастушки пели песни; все веселилось так, что позабыли и о Кришне. А Кришна в это время безмятежно спал там в люльке под большой телегой. Проголодавшись, он проснулся, и, взявши пальчик ножки в рот, он плакать стал, метаться и смотреть вокруг. Увидевши такой удобный случай, некий ракшас, пролетавший там, спустился вдруг к нему. Увидев Кришну одного, он так сказал себе в душе: "Да, он силачом большим родился, но я сегодня отомщу ему за Путну". Решив так, подлетел он и на телегу сел, отсюда и название его "Тележник-асур" или "ШакатСлово "шакат" значит "телега", часто так называется и асур, пытавшийся убить младенца Кришну, лежавшего под телегой. асур". Когда телега закрипела, покачнулась, шри Кришна с громким воплем вдруг нанес ему такой удар, что тот издох, телега же сломалась и рассыпалась, и вся посуда, что стояла с молоком и простоквашей, побилась на мелкие куски, и молоко рекою полилось. Когда сломалась телега и все горшки разбились, то все пастушки, пастухи, услышав этот шум, бежали туда. Яшода подбежала и Кришну на руки взяла, поцеловала в личико, к груди своей прижала. Увидев это чудо, все друг другу говорили: "Сегодня Брахма здесь великую нам милость оказал; телега вся сломалась, а мальчик жив остался!"

Поведав это сказанье, шри Шукрадев джи молвил: "О царь! Когда пять месяцев исполнилось Хари, отравил Канса Тринаварту (собственно "вихрь"; имя дайтьи-гитана, слуги Кансы), и он явился в Гокуль в виде вихря. Яшода, с Кришной на коленях, сидела во дворе, и вдруг Канхайя (т. е. Канха, Кришна) сделался таким тяжелым, что Яшода, из-за тяжести, спустила с рук его. И вот такая буря поднялась, что день в ночь обратился; деревья, вырванные с корнем, падали; с домов срывались крыши. Тогда, в большом испуге, Яшода джи шри Кришну стала поднимать, но не смогла его поднять. Когда ее рука от тела Кришны отделилась, то Тринаварта вдруг взлетел с ним в небеса и так в душе себе сказал: "Сегодня не уйдет он от меня живым!" Меж тем как он так размышлял, держа шри Кришну, Яшода джи, не в силах двинуться вперед, рыдала

горько и взывала: “Кришна, Кришна!” Услышав этот крик, все пастухи, пастушки прибежали и вместе с нею бросились на поиски его; бросались наобум туда, сюда и, натываясь друг на друга, падали.

Пастушки разбежались все по лесу Браджд
И поднимали с Яшодой скорбный, громкий плач!
Звучит клич Нанды громкий, словно гром небесный;
Пастушки, пастухи — все ищут безуспешно!

Когда шри Кришна увидал, что Нанда и Яшода, а с ними все браджийцы, в великом горе, тогда взметнул он Тринаварту вверх и, повернув на двор, на камень бросил. И в тот же миг его душа из тела вышла; буря прекратилась, засияло солнце. Вернулись все, кто заблудился, смотрят: лежит там мертвый ракшас, шри Кришна на его груди играет. Яшода подошла, его схватила, обняла и брахманам дары дала”.

Так гласит глава восьмая — “Шакат асур” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава IX. ШРИ КРИШНА ДЖИ ВОРУЕТ МАСЛО

Шри Шукрадев джи молвил: “Однажды Васудев призвал к себе шри Гаргу (Один из древних мудрецов; называется одним из наиболее ранних астрономов. Гарге приписываются труды по астрономии.) мунни, который был великим звездочетом и пурохитом (придворный или семейный жрец, обычно наследственный, в течение многих поколений связанный с определенным родом или двором. Пурохит исполняет все важнейшие религиозные обряды и приносит жертвы) в роду у ядавов, и так сказал ему: “Отправься в Гокуль и сыну моему дай имя!

Непраздной Рохини ушла,
Родился у нее там сын;
Взрос ли он, что ждет его
И как зовут его, скажи!

У Нанды джи родился сын, он тоже звал тебя!”

Услышав, Гарга мунни с радостью отправился и скоро подъезжал уж к Гокулю. В то время кто-то к Нанде побегал, сказал: “К нам едет Гарга мунни, пурохит ядавов”. Услышав это, Нанда джи со всеми пастухами с великой радостью гадарки взял и побегал навстречу Гарге. Шелковой материей устлали путь ему и с музыкой и пением ввели его в деревню. Исполнив пуджу, ему сиденье предложили и выпили все нектару от ног его. (Т. е. воды, в которой омыты ноги.

Обычай пить "нектар ног" брахмана утвердился со времени изгнания буддизма и подчинения брахманами своему влиянию вишнуитов. В деревнях Индии этот обычай сохраняется вплоть до настоящего времени и считается не только средством проявления уважения к брахману, но и весьма благословенным делом, которое очень помогает в осуществлении того или иного предприятия.) Потом все жены, мужи, сложивши руки, так сказали: "Махарадж! Высоко счастье наше, коль ты, нам милость оказав, явился и дом наш освятил своим приходом! Твоею силою у нас родилось два сына: один у Рохини, один у нас! Ты, сделай милость, дай им имена!" Гарга мунн молвил: "Так нарекать им имена не подобает, не то пойдет молва, что Гарга мунн прибыл в Гокуль, чтоб мальчику дать имя; услышит Канса, сразу догадается, что кто-то переправил сына Деваки сюда в деревню, к другу Васудевы, и потому поехал де пурохит Гарга. Поймет он это, схватит вас, потребует к себе, и не известно, какие бедствия на нас найдет! А посему не делайте огласки и дайте имена им тихо, тайно, в доме!" Нанда сказал: "О Гарга джи! Ты истинно сказал!" Сказавши так, он в дом его повел и посадил. Тогда-то Гарга мунн, спросив у Нанды джи часы рождения обоих, вычисленья произвел, определил им имена. И он сказал: "Теперь ты слушай, Нанда джи! У сына Рохини, супруги Васудевы, также будут имена: Санкаршан (Буквально: "пахота". Это имя весьма характерно для Баларама, так как указывает на несомненную связь Баларама, считаемого частичным воплощением Вишну, с земледельческим культом. На эту связь указывает и один из атрибутов Баларама — плуг, которым он пользуется в дальнейшем как своим оружием.), Реватираман (т. е. супруг Ревати, дочери царя Ревата. Согласно Пуранам, Ревати была столь прекрасна, что отец, считая, что на земле не найти жениха, достойного ее, обратился за советом к самому Брахме, и Брахма указал на Баларама, как на частичное воплощение Вишну), Баладау,¹ Баларама, Калиндибхедан (Буквально: "Разрывающий Калинди", т. е. Ямуну, так как одним из поэтических названий Ямуны является Калинди, потому что она течет с горы Калинд. Это имя Баларам получил потому, что, согласно легендам "Хариванши"

⁷ Выражение почтения, в особенности — при почитании богов. Иногда пуджа ограничивается лишь простым выражением внимания, чаще совершение пуджи сопровождается подношением воды, цветов, плодов, риса, благовоний, светильника и т.д. Форма пуджи в сильной мере определяется положением того, для кого она совершается.

¹ По-видимому, диалектный вариант имени Баладева. Баладау можно истолковать как "Бала старший брат", так как Баларам является старшим братом Кришны.

(последней книги “Махабхараты”) и Бхагавата Пураны”, фигурирующим также в “Прем Сагаре”, Баларам, рассердившись на реку Ямуну, зацепил ее своим плугом и притянул поближе к Бриндавану), Халадхар (буквально: “Держащий плуг”) и Балавир (муж силы, мужественный). А имена же Кришны, сына твоего, неисчислимы! Но некогда родился он от Васудевы, и посему был назван Васудевой.¹ По всем соображениям моим выходит, что оба эти мальчика всегда рождались вместе, когда рождались в четырех всех югах!” Нанда джи сказал: “Ты объясни его нам гуны”. Гарга муні отвечал: “Он есть второй создатель, и неисповедимы суть пути его! Но я одно лишь знаю, что, Кансу погубив, с земли он снимет бремя!” Сказав так, Гарга тайно выехал оттуда и, прибыв к Васудеве, поведал все, что видел и что сделал. И вот там в Гокуле далеко оба мальчика росли все с каждым днем и детскими своими играми давали радость Нанде и Яшодe. Одеты оба в синих, желтых рубашонках, в мелких локонах вся голова; на шее в лентах амулеты, заклинанья, украшения; в руках игрушки — так они играли во дворе и ползали повсюду, лепетали беспросветно. За ними следом Рохини с Яшодой, боясь, не испугались бы чего ребята, иль не споткнулись, не упали б. Когда они ручонками своими хватились за хвосты малюсеньких телят и на ножонки поднимались и падали потом, тогда Яшода с Рохини с любовью брали их, прижав к груди, кормили грудью и всячески ласкали. Когда подрос шри Кришна, он однажды пастухов детей собрал и с ними в Браджд пошел на кражу простокваши, масла.

Где дома никого нет, роется во всем,
Что в доме ни найдет, он тащит, раздает,
Где спящими всех в доме Кришна джи застигнет,
Там масло, простоквашу на пол опрокинет.

А где увидит, что съестное поставлено на полку, там ставит он скамейку, доску на нее кладет, на доску ставит ступу, на ступу из товарищей кого-нибудь поставит, взберется на него и все достанет; ну, часть съедят, а часть так разбросают. И так он постоянно в дома пастушек забирался, воровал. Однажды все пастушки сговорились, и Мохана впустили в дом. Как только он вошел, собрался приняться за кражу молока и масла, в тот миг пастушка подбежала и, схватив его, сказала: “Ты каждый день к нам забирался

¹ Имя Васудева буквально означает, или по крайней мере весьма часто этимологизруется, как “Сын Васудевы”. Ряд веских соображений заставляет Бхандаркара отказаться от этой этимологии.

на заре или ночью! Ну, как теперь ты убежишь, ай, масляный ты вор!" Когда она так закричала, все пастушки вместе Канхайю схватили и повели его к Яшодe проучить. Тогда шри Кришна совершил такую хитрость: вложил он в руки ей — ее же собственного сына руку, сам же убежал и присоединился к детям пастухов. Шли, шли они и вот пришли к Яшодe; упав к ее ногам, сказали: "Коль не сочтешь ты это за обиду, мы можем рассказать, каких бесчинств твой Кришна натворил!"

Нет масла, молока, нет простокваши:

Все Кришна подобрал твой начисто здесь в Брадже!

Он так ворует, что мы не уберемся:

То рано на заре, то ночью заберется!

Где ни поставь, как ни прикрой, найдет везде, возьмет и дерзко унесет! Добро бы съел, ведь больше разбросает! Коли кто скажет: "Ты вымазал лицо все простоквашей!", так он наперекор твердит: "Ты вымазала мне сама". И так вот, что ни день, приходит воровать! Сегодня мы его поймали и привели тебе вот показать!" Яшода молвила: "Сестрица! Ты чьего же мальчика поймала, привела? Да мой сыночек Канхай (имя Кришны — Канха, Кришна) со вчерашнего то дня не выходил и со двора! Вот как ты верно говоришь!" Услышав это и увидев, что держит собственного сына, пастушка засмеялась, застыдилась. Тогда Яшода джи позвала Кришну и сказала: "Сыночек! Смотри, не смей ты ни к кому ходить! Что ни захочешь, дома все бери и кушай!"

Услышав Канха это, шепчет ей в ответ:

"Не верь ты, мама, право, их словам, не верь!

Неправду все пастушки, лгуны, говорят!

Вишь, как ко мне пристали, липнут как смола!

Случается, теленочка поймать велют, не то в дому прислуживать заставят; не то меня посадят дом свой сторожить, а сами занимаются своей работой; ну а потом еще сюда приходят и на меня тебе напраслину возводят!"

Однажды Кришна с Баларамом и друзьями играли во дворе в песочек. Когда, случилось, Канха съел земли, один его приятель побежал и доложил Яшодe. Она разгневалась, схватила розгу, прибежала. Увидев, что подходит мзть в великом гневе, Кришна вытер личико, стоял в испуге. Яшода подошла и так сказала: "Ну говори, зачем ты землю ел?" В испуге Кришна задрожал и молвил: "Матушка! Да кто тебе сказал?" Она ответила: "Да твой приятель!" Тут Мохан в гневе обратился к другу: "Послушай ты! Когда ж я землю ел?" Тот испугался и сказал: "О братец! Да я-то ничего не знаю, что мне говорить?" Меж тем как Канха пререкался с

другом, Яшода подошла, его схватила. Тут Кришна так сказал: "О матушка, ты не сердись! Да разве могут люди землю есть?" Она сказала: "Да я не стану слушать глупостей твоих! Коль правду говоришь ты, покажи свой рот!" Когда шри Кришна рот открыл, пред ней предстали в нем три мира. Тогда Яшоду осенило знание, она в душе себе сказала: "Глупа я, что владыку трех миров своим считаю сыном!"

Поведав это сказанье, шри Шукрадев джи молвил так царю Парикшиту: "О царь! Когда ж супругу Нанды осенило это знание, то Хари снова все окутал Майей, ослепляющей весь мир, и вот Яшода Мохана взяла, к своей груди с любовью прижала и унесла домой".

Так гласит глава девятая — "Явление трех миров" — в "Прем Сагаре", сочиненном Лаллу Лалом.

Глава X. ЯШОДА ПРИВЯЗЫВАЕТ ШРИ КРИШНУ ДЖИ К СТУПЕ

Однажды, собираясь масло бить, супруга Нанды встала на заре и разбудила, созвала пастушек всех. Они пришли и чисто-начисто все в доме подмели, потом намазали навозом пол и, взявши маслобойки, стали масло бить. Тогда супруга Нанды новый огромный горшок взяла и на скамью поставила его; затем, потребовав веревку и мутовку, выбравши сама кувшин с отличной свежей сметаной, уселась масло пахтать тут для Рамы с Кришной. В тот час у Нанды в доме от пахтанья в нем масла такой поднялся гул, как будто гром гремел! Проснулся в это время Кришна; плакал, плакал, звал все: "Мама, мама!"... Когда же крик его никем услышан не был, тогда он сам к Яшодe подошел и, кулачками глазки протирая, недовольный, всхлипывая, лепеча, сказал: "О мама! Я много раз ведь звал тебя, но ты ко мне все ж не пришла и не дала мне кушать! Твоя работа все еще не кончена!" Сказавши так, упрямо выхватил мутовку из горшка и, принявшись обеими руками, хватать стал масло и бросать; весь в масле вымазался он и, топая ножонками, тащил мать за подол и плакал. Тогда супруга Нанды испугалась, рассердилась и сказала: "Сынок, что ж это ты затеял?"

Вставай, иди сюда! Завтрак дам тебе!"

Но Кришна крикнул, плача: "Не возьму теперь!"

О мама, почему ты раньше не давала?

Ты хоть теперь немножко Канху приласкала б!"

Тогда Яшода приласкала сына, нежное личико поцеловала, на руки его взяла, дала покушать простокваши, хлеба с

маслом; Хари улыбался, кушал; супруга Нанды же его кормила, закрыв своим подолом, чтоб никто не видел. И в это время прибежала вдруг одна пастушка и сказала ей: "Ты здесь сидишь, а там вон в печке-то все молоко сбежало!" Услышав это, Яшода сразу с рук спустила Кришну и побежала молоко спасать. А в это время Канха джи побил кувшины с простоквашей и сметаной, сломал мутовку, миску с маслом захватил, с детьми браздрийских пастухов бежать пустился. Там во дворе лежала перевернутая ступа; он разыскал ее, уселся и вокруг себя друзей всех усадил. Под общий смех стал Кришна наделывать, кормить всех маслом! Меж тем Яшода, снявши с печки молоко, пришла и смотрит: в сенях и во дворе месиво из сметаны с простоквашей! Тогда, подумавши, Яшода вышла с розгою в руках; искала по двору, искала и пришла туда, где пышное собрание устроил Кришна, ел масло сам и угощал других. Подкравшись к Хари сзади, она его схватила, и он, увидев мать, заплакал, завопил и так сказал: "О мама! Я не знаю, кто пролил молоко,пусти меня!" Услышавши его смиренный голос, рассмеявшись, бросила Яшода розгу и в радости, с притворным гневом к груди прижала Кришну, а затем хотела к ступе привязать. Тогда шри Кришна сделал так, что той веревки, которою она его хотела привязать, ей не хватило. Тогда Яшода джи велела все веревки принести из дома, и все ж их не хватило, чтоб привязать шри Кришну! Но, наконец, увидев мать печальной, он сам дал привязать себя. Супруга Нанды, привязав шри Кришну, пастушкам приказала не отвязывать его; сама же принялася снова за работу в доме.

Так гласит глава десятая — "Привязывание" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XI. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ПРОКЛЯТЯ ЯМАЛА И АРДЖУНЫ

Шри Шукрадева джи сказал: "О царь! Шри Кришначандра джи сидел привязанный и вспоминал все прежние свои рождения и, вспомнивши, как сыновей Куберы (Бог богатства, бог-хранитель севера. Кубера считается заведующим складами бога Индры и другом Шивы. Согласно "Рамаяне", Кубера был сыном риши Вишраваса и братом (от другой матери) Равана, противника Рамы. Согласно легенде, он при помощи архитектора богов Вишвакармы создал остров Цейлон и жил там, но был изгнан оттуда Раваном. В награду за последующие подвиги Брахма сделал его богом-хранителем севера и заведующим сокровищницами Индры. Кубера представляется в виде уроды — одноглазым, с тремя ногами

и восемью зубами.) Нарада джи проклял, он захотел спасти их". Услышав это, царь Парикшит спросил у шри Шukaдева джи: "Махарадж! За что же проклял сыновей Куберы мунн Нарада? Прошу, мне объясни!" Шри Шukaдев джи молвил: "Два сына славные Куберы, Наль и Кубар, жили на Кайлаше.¹ Они служили там у Шивы; разбогатели сильно. Однажды с женами своими они отправились в лес гулять. Придя туда, они хмельного выпили и опьянели. Тогда с царицами своими они разделись донага и начали купаться в Ганге и, обнимаясь с женами своими, по-всякому там стали забавляться. Как вдруг туда явился мунн Нарада. Увидевши его, царицы вышли из воды, оделись, а те, хмельные, в реке остались стоять. Увидев их в таком вот состоянии, Нарада святой в душе себе сказал: "Они все возгордились своим богатством; им опьяненные, они любовь и гнев за счастье почитают. У бедняка нет гордости; ну а богач-то разве различает, что закон, что беззаконье! К тому ж глупцы впадают в заблуждение, обольщаясь телом призрачным своим; впадают в заблуждение, видя и богатство и семью. Но добрые не допускают в душу опьянения богатством, благополучье и несчастье равными считают!" Сказавши это, мунн Нарада их проклял так: "За этот грех вы отправляйтесь в Гокуль, обратитесь в деревья! Когда шри Кришна примет Аватару, тогда он даст вам избавление!" Так мунн Нарада их проклял, а посему они явились в Гокуль, обратились в деревья и получили имена — Ямала и Арджуна!"

Сказанье это рассказав, шри Шukaдева молвил: "Махарадж! Припомнив это, шри Кришна, потащивши за собою ступу, дополз туда, где во дворе росли деревья — Ямала и Арджуна. Добравшись туда, он, поместивши ступу меж деревьев, так сильно дернул, что оба дерева те повалились, вырванные с корнем, и из деревьев вышли двое юношей прекрасных. Они, сложивши поднятые руки, стали прославлять шри Кришну: "О господин! Не будь тебя, кто вспомнил бы о нас, великих грешниках?" Шри Кришна молвил: "Слушайте! Великую вам милость сделал мунн Нарада, что в Гокуле вам даровал спасенье. Его лишь милостью вы удостоились меня увидеть! Теперь просите дар какой хотите!" Ямала и Арджуна так сказали: "О покровитель бедных! Да, это милость мунн Нарaды, что мы коснулись ног твоих, тебя узрели! Теперь у нас нет никаких желаний! Мы просим, дай же нам одно, чтобы всегда любовь к тебе жила у нас

¹ Одна из вершин в Хималайских горах. Согласно Пуранам, Кайлаш является местом жительства бога Шивы, там же находится рай Шивы. На Кайлаше же обитает друг Шивы — Кубера.

в сердцах!" Услышав это, даровав просимый дар и улыбнувшись, шри Кришначандра отпустил их".

Так гласит глава одиннадцатая — "Освобождение Ямала и Арджуны" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XII. УБИЙСТВО ВАТСАСУРА¹ И БАКАСУРА²

Шри Шукадева мунни молвил: "О царь! Когда упали те два дерева, то, услышав вдруг гул от их паденья, супруга Нанды, испугавшись, бросилась бежать туда, где привязала Кришну к ступе; за нею вслед бежали все пастушки, пастухи. Когда они там не нашли шри Кришну, тогда Яшода в страхе, в ужасе пошла вперед, крича, зовя: "Мохан, Мохан! Сестрицы, где он был привязан? не видел ли кто где-нибудь Канхай, моего сыночка?" В это время одна браджанка, ушедшая вперед, вернулась и сказала: "Вон там два дерева упали, и там Мурари ("Враг Мура", эпитет Вишну и Кришны. Согласно Пуранам, Мур был могучий дайтъя (титан). У Мура было семь тысяч сыновей и еще более могущественный союзник дайтъя Нарак; Вишну убил их всех и потому называется Мурари — "врагом Мура".) невредимый!" Услышав это, все бросились вперед и видят, правда: деревья, вырванные с корнем, повалились, меж ними же сидит спокойно Кришна, к ступе той привязанный. Супруга Нанды подбежала и, отвязав от ступы Канху, плача, обняла его, а все пастушки, думая, что он испуган, принялись развлекать его, щелкая все пальцами и хлопая в ладоши. А Нанда с Упанандом (брат пастуха Нанды, приемного отца Кришны) меж собою говорили так: "Деревья эти сотни лет росли! И как они могли быть вырванными с корнем? Такое чудо в голове не помещается, и тайну этого нам не постичь!" Услышав это, один из мальчиков подробно рассказал им, как оба дерева упали. Но все ж никто не мог поверить. Один сказал: "Да разве эти малые ребята могут уразуметь такую тайну?" Другой сказал: "Возможно, так и было... Разве может кто постичь путь Хари?" Так меж собой они различными догадками делились, потом же, взяв шри Кришну, с радостью вернулись в Гокуль, и Нанда джи всем роздал множество даров и много добрых дел свершил.

Прошло немного дней. Когда настал счастливый день рожденья Кришны, Яшода рани с радостью послала приглашение всей родне; устроив пир великий, отпраздновала день

¹ Ракшас в образе теленка, слуга Кансы, посланный им с целью погубить Кришну-отрока и убитый Кришной

² Демон в образе журавля, убитый в детстве Кришной.

рождения. Когда уселись все и приступили к трапезе, то Нанда джи сказал: "Братцы, слушайте! Как можно жить теперь нам в этом Гокуле? Ведь что ни день, то приключается несчастье великое! Отсюда нужно нам уйти куда-нибудь, где мы найдем покой, траву и воду". Упананда молвил: "Давайте все отправимся в Бриндабан, поселимся же там!" Услышав это слово, Нанда джи всех накормил и напоил и, бетель предложив, просил всех сесть. Немедленно послав за звездочетом, он спросил о дне отъезда. И после размышленья звездочет сказал: "Для отправления в эту сторону наилучшим завтрашний день будет. Вам слева¹ будет йогини (В своем обычном значении йогини — демон в женском образе. В астрологии, как мы имеем это в данном контексте, йогини есть женское божество, управляющее периодами счастья и несчастья.) и позади дишашул (Определенное сочетание созвездий, а также дни, соответствующие этим сочетаниям, в которые противопоказано отправляться в путешествие, иначе путешественника ожидают различные бедствия и даже смерть. Так, например, для отправления на запад дишашулом почитается пятница и воскресенье; для отправления на север дишашул — вторник и среда и т.д.), прямо ж — месяц. Вы без сомнений отправляйтесь на заре!" Услышав это, все пастухи с пастушками немедля разошлись по домам. Едва ж зажглась заря, все встали и на телеги погрузили все свое добро, посуду и вместе съехались. Тогда к ним присоединился Нанда со своей семьей.

Вот ехал, ехал Нанда джи и прибыл к вечеру на место. Почтив богиню Бриндабана, поселились там; и стали жить спокойно и счастливо.

Когда шри Кришне джи исполнилось пять лет, то матери своей он так сказал: "Матушка! Я пойду пасти телят. Скажи ты Баладау, чтоб он не оставлял бы одного меня в лесу!" Она сказала: "Сынок! Ведь для телят у нас есть много пастухов, твоих рабов; ни на минуту ты не удайся с глаз моих, о милый!" Канха молвил: "Коли пойду я в лес играть, то буду кушать, не то — не стану есть". Услышав это, мать Яшода позвала пастушков и, им вручая Кришну с Баларамом, молвила: "Телят пасти теперь вы не ходите далеко! Смотрите же, до сумерек с обоими все возвращайтесь домой! В лесу ж не оставляйте их одних и не спускайте с глаз своих; вы — их хранители!" Сказавши так, она дала для Рамы с Кришной завтрак и с пастухами отпустила их.

Они отправились и принялись телят пасти на берегу Ямуны и с пастухами там играть. А в это время в образе теленка явился демон Ватсасур, посланник Кансы. Увидевши

1 В Индии левая сторона почитается неблагоприятной.

его, телята в страхе разбежались. Тогда шри Кришна джи тихонько Баладеву джи дал знать, сказав: "О братец! Всюду приближается сюда какой-то ракшас!" Когда он, шипля травку, подошел, чтоб нанести удар, тогда шри Кришна джи схватил его за обе задние ноги, им размахнулся и так его швырнул, что жизнь его ушла из тела!

Услышавши о гибели Ватсасура, злой Канса-царь Бакасура послал; то демон в виде журавля. Он прилетел в Бриндабан и, выбравши удобную минуту, сел, возвышаясь, как гора, на берегу Ямуны. Увидев журавля, все пастухи в великом страхе так сказали Кришне джи: "О братец! Ведь это в виде журавля какой-то ракшас прилетел! Как нам спастись от него?" Меж тем как все они так Кришне говорили, Бакасур размышлял в душе: "Сегодня я живым его не выпущу из рук!" И вот, когда шри Кришна подошел к нему, то он, схватив его в свой клюв, зажал его. Все дети пастухов в великом страхе озирались, рыдали и кричали: "Ой! Ой! Здесь нет и Халадхара! Что ж скажем мы теперь Яшоде?" Увидев их в большой печали, шри Кришна сделался таким горячим, что Бакасур не мог его держать. Когда он изрыгнул его, шри Кришна вдруг схватил его за клюв, одной ногою наступил и разорвал. Потом, собрав телят, созвав друзей, с весельем, смехом он домой вернулся".

Так гласит глава двенадцатая — "Шри Кришна убивает Ватсасура и Бакасура" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XIII. ШРИ КРИШНА УБИВАЕТ АГХАСУРА¹

Шри Шукрадева муни так сказал: "Слушай, царь! Однажды на заре шри Кришна в лес отправился пасти телят. Все дети пастухов, из дому снесь с собою захватив, отправились в лес веселые с ним вместе. Придя на пастбище, они сложили завтраки свои, пустили всех телят своих пастись. Потом раскрасили себя все мелом, красной глиной, наделали различных украшений из цветов, плодов, украсили себя; потом, изобретая множество забав и игр, плясали все и пели, подражая крикам птиц и всех животных!

И в это время вдруг туда явился к ним Агхасур, ракшас, Кансой присланный. Он, приняв вид огромнейшего змея, с развернутою пастью сел поодаль. Играя весело с друзьями, шри Кришна подошел туда, где змее сидел и ждал с раскрытой пастью. Увидев издали его, все дети пастухов друг другу говорили: "Смотрите, братцы! Да здесь какая-то гора,

¹ Военачальник царя Кансы, принявший вид огромного змея с целью проглотить Кришну и его друзей пастухов. Кришна-пастух убивает его.

и в ней огромная пещера!" Поговоривши так, они с телятами приблизились к змею. Тогда один из мальчиков, взглянув в пасть ему, сказал: "Смотрите, братцы! Да здесь какая-то ужасная пещера! Не будем лучше мы входить, в нее и заглянуть-то страшно!" Потом один приятель Кришны, Тош, сказал: "Пойдем, давайте заберемся-ка в нее! Ведь с нами Кришна, чего же нам бояться? Пусть это даже какой-нибудь асур, что ж? Как Бакасур, убит он будет!"

Меж тем как все приятели шри Кришны стояли там, ведя такие речи, асур такой глубокий сделал вдох, что все телята вместе с пастухами попали в пасть его. Когда же их коснулось горячее и ядом напоенное его дыхание, то в ужасе телята замычали, друзья все закричали: "О, Кришна, милый! Скорей иди на помощь, не то мы все сторим!" Услышав их призыв, обеспокоенный шри Кришна джи сам кинулся в пасть змея! Асур, обрадованный, пасть свою закрыл. Тогда шри Кришна вдруг таким огромным сделал собственное тело, что лопнула утроба демона, и все телята с пастухами вышли из него. В тот час в великой радости все боги дождь из цветов и нектара там пролили и от жары освободили всех. Тогда все дети пастухов шри Кришне так сказали: "О братец! Сегодня ты, убив асура злого, избавил нас от смерти. Не будь тебя, мы все погибли бы!"

Так гласит глава тринадцатая — "Умортивление Агхасура" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XIV. БРАХМА ДЖИ КРАДЕТ ТЕЛЯТ

Шри Шукадева муни молвил: "О царь! Убивши так Агхасура, шри Кришначандра джи собрал телят, с собою взял друзей своих и двинулся вперед. Пройдя немного, остановился он в тени кадамбового дерева и, заигравши на свирели, созвав всех пастухов, сказал: "О братцы! Вот это славное местечко! Зачем нам покидать его, куда еще идти? Садитесь здесь и кушайте все завтраки свои!" Услышав это, они пустили всех своих телят пастись, сами же набрали листьев ака, дхака, даба, кадамба и лотоса, наделали себе из листьев плошек, чашек, все прибрали чисто и все уселись рядами вокруг шри Кришны. Потом все развернули завтраки свои, друг с другом поделились.

Когда они все разделили, тогда шри Кришначандра джи, став посредине в круге, пераый поднял свой кусок, велел всем кушать. Они к еде все приступили... Средь них — в короне из павлиньих перьев, с гирляндой из лесных цветов на шее, с палкой пастуха, слегка склонившись вперед всем телом, в желтом шелковом наряде, в желтом шелковом плаще, смеющийся, веселый — шри Кришначандра оделял

всех завтраком своим! У каждого с листа он брал, отведывал и говорил: "То кислое на вкус, то — жжет, то — горько". Он в их кругу был так прекрасен, как Луна среди звезд! В тот час все боги, с Брахмой во главе, сидели на своих виманах и с небес взирали на радость кучки пастухов. И вот великий Брахма вниз спустился и у Кришны всех телят украл, угнал. А дети пастухов все продолжали кушать. Обеспокоившись, все обратились к Кришне: "Братец! Мы беззаботно здесь сидим и кушаем, а ведь неведомо куда девались телята!"

Тогда Канхай веселый молвил пастухам:

"Да кушайте вы, братцы, это не беда!

Не беспокойтесь, братцы, не вставай никто.

Телят собрать? Я справлюсь, справлюсь как никто!"

И с этими словами немного углубился в лес Канхай. Узнав, что Брахма всех телят украл, угнал отсюда, он создал силою своей таких же самых и пригнал. Пришел и видит — похитил Брахма и увел и пастухов! Он создал силою своей таких же пастухов, какие были, и, видя, что настал уж вечер, собрал всех их, пошел в Бриндабан. И дети пастухов все разошлись по своим домам, но не постиг никто той тайны, не подумал: "Не наши это дети, не наши и телята!" Напротив, с каждым днем все больше возрастала новая любовь к ним!"

Поведав это сказанье, шри Шукладев джи молвил: "Махарадж! Так Брахма пастухов с телятами увел и заключил их в горную пещеру, ее ж отверстие он камнем завалил, да и забыл об этом. А здесь шри Кришначандра чудеса творил все новые и новые! Так целый год прошел. Тогда лишь Брахма вспомнил и сказал себе в душе: "Хоть для меня-то не прошло ни одного мгновенья, но для людей прошел уж целый год,¹ а посему теперь мне надлежит пойти и посмотреть, что делается в Бадже, где нет телят и пастухов?" Подумав так, он встал, пришел туда, где всех он заключил в пещере. Откинув камень, смотрит — все дети и телята лежат и спят глубоким сном. Уйдя оттуда, он пришел в Бриндабан и, увидев таких же самых всех — телят и мальчиков, — в великом удивлении сказал: "Каким же образом сюда попали пастухи с телятами? Иль Кришна новых создал?" Сказавши так, пошел он снова пещеру посмотреть. Пока оттуда он, удостоверившись, вернулся, за это время здесь шри Кришна такую Майю сотворил, что пастухи все и телята четверорукими вдруг стали и, сверх

¹ Согласно индийскому легендарному исчислению времени, сутки Брахмы равны калпе, т. е. 86 400 000 000 земных лет.

того, пред каждым пастухом стояли Брахма, Рудра, Индра, сложивши поднятые руки!

Увидел Брахма, — замер словно изваянье!
Лишился вмиг он чувств всех, знания, созерцанья,
Как будто шри Чавмукхи стала мертвым камнем,
Утратив поклоненье верных, почитанье!

И убоявшись, смежил очи, задрожал всем телом! Когда же проникающий в сердца шри Кришна джи постиг, что Брахма в столь великом страхе, он элементы всех в себя впитал и стал одним, как облака, рассеянные в небесах, сливаются в одно!"

Так гласит глава четырнадцатая — "Похищение телят Брахмой и сотворение Майи шри Кришной" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XV. БРАХМА ВОЗНОСИТ ХВАЛУ ШРИ КРИШНЕ

Шри Шукадев джи молвил: "О царь! Когда шри Кришна джи рассеял созданную Майю, тогда лишь Брахма джи пришел в себя. Глубоких мыслей полный, он к Господу приблизился, с смиренною мольбой упал к его ногам; потом, сложивши поднятые руки, встал и так сказал: "Владыка! Великую ты оказал мне милость, когда ты гордость удалил мою! Я жил ведь ослепленный ею! Да разве есть тот ум, чтоб мог без милости твоей познать твои дела? Твоя, владыка, Майя ослепила всех! А разве есть кто в мире, кто мог бы ослепить тебя? Ты — всех создатель! И в каждом волоске на теле у тебя покоится помногу Брахма, мне подобных! Которым же из них являюсь я? О милосердный к бедным! Теперь мне милость окажи, прости мою вину и в памяти не сохрани мой грех!"

Все это выслушав, шри Кришначандра улыбнулся, а Брахма пастухов с телятами всех спящих туда доставил, и, пристыженный, он вознес хвалу, затем отправился к себе. И вновь составилась здесь круг друзей, такой же самый, как и раньше был! Хоть целый год прошел, никто все ж не узнал того, что было. Когда рассеялся сон пастухов, шри Кришна всех телят пригнал. Тогда один из пастухов сказал: "Ну, братец! Да живо ж ты собрал телят, мы даже не успели и покушать!"

С улыбкою Бихари ¹ молвил им в ответ:
"За вас всех я боялся, больше страху нет!"

¹ Буквально: "игривый"; один из эпитетов Кришны

Они паслись все вместе; живо все нашлись!
Теперь — пора домой нам: мы с зарей ушли!"

С такими разговорами телят собирали, и все веселые, играя, пришли домой".

Так гласит глава пятнадцатая — "Восхваление шри Кришны Брахмой" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XVI. БАЛАДЕВ ДЖИ УБИВАЕТ АСУРА ДХЕНУКА¹

Шри Шukaдева молвил: "О Махарадж! Когда шри Кришне восемь лет исполнилось, тогда однажды он сказал Яшодe: "Матушка! Теперь уж я пойду коров пасти! Ты батюшку уговори, чтоб отпустил меня в лес с пастухами!" Услышав это, Яшода сообщила Нанде джи. И он, установив счастливый час, созвал всех пастухов и в месяц Картик,² в восьмой день светлой половины, велел шри Кришне с Рамой хлеву пуджу совершить, затем почтительно он обратился к пастухам: "Братцы! С сегодняшнего дня, когда вы отправляетесь коров пасти, с собой берите Раму с Кришной, но не спускайте с глаз своих, в лесу не оставляйте их одних!" Сказавши так, он Кришне с Баларамом из простокваши сделал тилак, завтрак дал и отпустил их с пастухами. Они в восторге с пастухами пригнали в лес коров. Там, увидав красу чудеснейшего девственного леса, шри Кришна молвил Балараму джи: "О, Дау! Какое чудное, прекраснейшее место! Смотри, как здесь склоняются деревья и как играют здесь различные животные и птицы!" Сказавши так, пошел он и, взобравшись на высокий холм, плащом своим размахивая, стал кричать: "Чернушечка, беляночка, желтенушка, светленушка, краснушенька, буренушка, серяночка!" Услышав голос Кришны, коровы вдруг с мычаньем громким, едва переводя дыханье, все бросились к нему. В тот час такая красота была, как будто кучи разноцветных облаков стекались в одно.

Потом шри Кришначандра джи погнал коров пастись и, скушав завтрак вместе с братом, уснул в тени кадамба; голова его покоилась у друга на коленях. Когда, спустя немного, он проснулся, то Балараму джи сказал: "Давай устроим мы игру такую: составим два отряда и будем драться!" Сказавши так, он разделил всех пополам — коров

¹ Кличка мифического осла, убитого Баларамом.

² Седьмой месяц индийского календаря, начинающийся, приблизительно, с середины октября.

и пастухов. Затем набрали все лесных цветов, лесных плодов, набили сумки ими и начали сражаться под звуки труб, свирелей и рожков, под звуки бубнов, тамбуринов, барабанов, под крики: "Бей их, бей!" Потом, вновь разделившись на отряды, пошли пасти коров.

И вот сказал один приятель Балараму джи: "Махарадж! Невдалеке отсюда пальмовая роща, и в ней растут плоды, подсебные амброзии: но там стоит на страже некий ракшас в образе осла". Услышав это, Баларам джи с пастухами двинулся в тот лес, и там все стали собирать плоды, сбивая их камнями, кирпичами, палками и комьями сухой земли. Услышав этот шум, со страшным резом прибежал туда осел тот Дхенук. Он, подбежавши, повернулся задом и в грудь лягнул вдруг Баладева джи, а Баладев его схватил и отшвырнул. Тот покатился, но снова встал, ногами роя землю, прижимая уши, отступил назад и вновь лягаться начал. Так они долго там боролись. Наконец, шри Баларам, схватив осла за обе задние ноги и размахнувшись, забросил на огромное дерево. Оттуда он упал и сразу же издох, и вместе с тем сломалось и дерево. От их падений пошел великий гул, во всем лесу том закачались деревья!

Тогда сказал Мурари, издали взглянув:

"Деревья закачались, слышен страшный гул".

Бегут тут пастухи к ним вдруг от Баладева,

Запыхавшись, кричат все: "Кришна! К нам, скорее!

Асур убит и там лежит!"

Услышав это, шри Кришна к Балараму джи пришел. Тогда-то ракшасы все, Дхенука друзья, набросились на них. Шри Кришначандра джи легко их истребил. Тогда все пастухи на радостях, без страха стали собирать плоды, наелись вдоволь, набили ими сумки. Потом, собрав коров, шри Кришна джи сказал так Баладеву: "Махарадж! Мы здесь уже давно, пора идти домой!" И после этих слов, с коровами своими оба брата, смеясь и забавляясь дорогой с пастухами, вечером пришли домой. А те плоды, что принесли с собой, все роздали в Бриндабане. Простившись со всеми, шри Кришна джи уснул. Едва ж зажглась заря, он встал, созвал всех пастухов и, угостив их завтраком, с коровами пошел вновь в лес. Там пастухи коров в Ямуне напоили и сами напились. Когда, напившись воды, они пошли оттуда, то пастухи все и коровы повалились на землю, отравленные ядом. Тогда шри Кришначандра джи, взглянув на них своим бессмертным взором, всех оживил".

Так гласит глава шестнадцатая — "Умерщвление Дхенука" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XVII. УКРОЩЕНИЕ КАЛИ¹

Шри Шukaдева джи молвил: "Махарадж! Таким-то образом спася их всех, шри Кришна с пастухами затеял в мяч играть. А там, где был змей Кали, вода Ямуны на четыре косы так кипела ядом, что туда не мог попасть ни зверь, ни птица, а если, заблудившись, попадали, то, опаленные великим зноем, падали в пучину Кали. На берегу том не росло ни деревца. Одно лишь дерево — нетленный кадамб там стоял, он был единственный!" Царь спросил: "Махарадж! Каким путем тот кадамб сохранился?" Муни молвил: "Однажды Гаруда (Мифическая птица, или, вернее, полуптица-получеловек. Изображается с человеческим телом, но его голова, крылья и нижняя часть ног — птичьи. Гаруда почитается сыном Кашьяпы, сына Брахмы и Винаты, дочери Dakshi. Он считается царем птиц и непримиримым врагом змей. Гаруда близко связан с Вишну, который ездит на нем. Согласно легендам "Махабхараты", Гаруда некогда украл у богов амброзию (или нектар), с тем чтобы выкупить свою мать Винату у Кадру, матери змея, однако Индра ополчился против Гаруды и с большими трудностями отнял у него нектар.) сидел на древе том, и в клюве был нектар. И из клюва капелька на дерево упала, и потому-то сохранилось то дерево!"

Поведав это сказание, шри Шukaдева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Решив в душе убить чудовищного змея Кали, шри Кришначандра джи, играя в мяч, взобрался на кадамб. Когда ж в него приятель запустил мячом, то мяч упал в Ямуну; за ним в Ямуну прыгнул и шри Кришна. И вот, услышав шум его прыжка, змей Кали начал извергать свой яд и, издавая громкое шипенье, как огонь, сказал: "Да кто же это? Кто все еще живет в моей пучине? Уж не сломался ль, не упал кадамб нетленный, жару моего, быть может, вынести не смог? Иль зверь какой-нибудь большой попал, иль птица, коль теперь еще в воде все слышен шум?"

Сказавши так, он тысячами пастей стал вдруг изрыгать свой яд. Меж тем шри Кришна там носился, плавал... В тот час его друзья, рыдая, кричали, руки простирали, звали. Коровы, рот раскрыв, мычали и ревели, носясь по берегу, а пастухи все издали кричали: "Шьяма (буквально: "черный", один из эпитетов Кришны), Шьяма! да выходи скорей! Не то, коль без тебя придем домой, какой ответ дадим?" Они в великом горе так здесь говорили. Меж тем один из пастухов в Бриндабан побежал и там сказал: "Шри Кришна прыгнул сам в пучину Кали!" Услышав это, Рохини, Яшода и Нанда

¹ Имя мифического змея, укрощенного Кришной.

с пастухами и пастушками с рыданиями и плачем все бросились туда, и все до одного, то падая, то спотыкаясь, прибежали к пучине Кали. Не видя там шри Кришны, вне себя от горя супруга Нанды побежала, хотела в воду кинуться сама. Тогда пастушки, путь ей преградив, ее схватили, а пастухи, удерживая Нанду, говорили:

“Покинув страшный лес, он кинулся сюда,
Немало дайтъям Кришна сделал уж вреда,
Легко он от асуров спасся, без беды!
Ну и теперь наш Хари выйдет из воды!”

А в это время сзади подоспел туда и Баладева джи и успокоил жителей всех Баджа, так сказав:

“Не бойтесь, выйдет Кришна, он ведь невредим,
Зачем печаль и страх так всех вас охватил?
Я не пошел сегодня вместе с ними в лес,
А без меня тут Кришна вдруг в Ямуну влез!”

Сказанье это рассказав, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: “Махарадж! Меж тем как Баларам джи утешал, шри Кришна плавал в речке. Когда ж подплыл он к Кали, то змей вдруг бросился и обвился вокруг тела Кришны. Тогда шри Кришна сделался таким огромным, что Кали спасся только тем, что выпустил его. Потом как ни шипел он, как ни направлял свою он пасть, шри Кришна все ж спасался от него. И наконец, увидев, что в великом горе жители все Баджа, шри Кришна сделал вдруг скачок и очутился вдруг на голове у змея!

И принял Кришна тяжесть трех миров вселенной,
Безмерно, страшно тяжким стал вдруг шри Мурари,
На голове у змея пляшет в упоенье
И в пляске стройной Кришна сам себе играет!

Тогда под тяжестью великой Кали начал издыхать. Раскрыв все пасти, Кали высунул все языки. Из них текли потоки крови. Когда же, потеряв весь яд и силу, он лишился гордости своей, тогда в душе постиг он: Адипуруша принял Аватару, не то, в ком может быть такая сила, чтоб спастись от яда моего! Уразумевши это и оставив все надежды на спасенье, он размяк, ослаб. Тогда явилась супруга змея, сложила поднятые руки, склонила голову и со смирением молила так шри Кришначандру: “Махарадж! Ты благо совершил, когда ты этого тщеславного злочинца гордости лишил! Теперь лишь пробудилось счастье его, когда он удостоился узреть тебя! Те ноги, о которых мыслит Брахма

и другие боги, творя молитвы, подвиги святые, покоятся те ноги здесь, на голове у Кали!"

Промолвив так, она сказала: "Махарадж! Ты окажи мне милость, отпусти его, не то ты с ним убьешь ведь и меня! Ведь для жены жить без супруга — лучше умереть! И если все понять, то никакой его вины здесь нет: его природа такова, он кормит грудью, а выходит яд!"

Услышав эти речи, из уст супруги змея, шри Кришначандра, сжалившись, сошел с него. Тогда, приветствовав его, сложивши поднятые руки, Кали молвил: "Владыка! Благоволи простить мою вину! Я по неведению на тебя направил пасть свою! Мы змеи — подлой все породы. Откуда быть у нас такому знанию, чтоб мы могли тебя узнать?" Шри Кришна молвил: "Добро! Забудем то, что было! Отныне ж не живи ты здесь. С семьей своею отправляйся ты на остров Рамнак (Легендарный остров, входящий в состав Джамбудвипы, одной из частей (материков и систем островов) света. Согласно Пуранам, вся земля разделяется на семь материков, и Джамбудвипа находится на самой середине земли. В систему этого материка входят Индия и остров Рамнак.), там живи!"

Услышав это, Кали, весь дрожа от страха, молвил: "Владыка милосердный! Коли пойду туда, то Гаруда пожрет меня. Из страха перед ним я убежал сюда!"

Шри Кришна молвил: "Теперь иди ты без боязни! Увидев у тебя на голове следы моей ноги, с тобою не посмеет говорить!" Промолвив так, шри Кришначандра джи в ту же самую минуту Гаруду призвал и удалил из сердца Кали всю его боязнь. Тогда змей Кали пуджу совершил, как надлежит, поднес ему светильник, благовония и снедь и, предложив шри Кришне множество даров, сложивши поднятые руки, удаляясь, смиренно молвил:

"На головах моих ты долго так плясал,
О, сохрани навеки всю свою приязнь!"

Сказавши так, простершись перед Кришной, Кали со своей семьей ушел на остров Рамнак. Тогда шри Кришначандра вышел из воды".

Так гласит глава семнадцатая — "Укрощение Кали" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XVIII. ШРИ КРИШНА ДЖИ СПАСАЕТ ОТ ЛЕСНОГО ПОЖАРА

Сказанье это выслушав, Парикшит-царь спросил шри Шукатье: "Махарадж! Ведь остров Рамнак — прекрасная страна! Так почему ж ушел оттуда Кали, зачем он поселился

здесь, в Ямуне? Ты объясни мне это и скажи, дабы сомнение ушло с души моей!" Шри Шукрадев джи молвил: "Царь! На острове Рамнаке проживает Гаруда, Хари вахана. (Вахана — то, на чем ездят; таким образом Гаруда Хари вахана значит: "Гаруда, на котором ездит Хари (т.е. Вишну)".) А Гаруда силен необычайно, и посему большие тамошние змеи признавали власть его и обещали каждый день давать ему змею на пропитанье. И каждый день носили, вешали на дерево змею. Он прилетал и пожирал. Однажды Кали, Кадру (согласно Пуранам, супруга Кашьяпы, сына Брахмы, прародительница могучих многоголовых змей, одной из которых является Кали) сын, ядом возгордившийся своим, пошел сожрать снесь Гаруды и в то же время прилетел туда и Гаруда. Тут между ними был великий бой. И вот, увидев поражение свое, змей Кали так в душе сказал: "Как мне спастись теперь из рук его, куда бежать?" Подумав так, он вспомнил: "Коли пойду в Бриндабан и поселюсь на берегу Ямуны, то спасусь: он не посмеет ведь туда явиться!" Подумав это, Кали-змея отправился к Ямуне". И снова царь Парикшит спросил шри Шукрадева муни: "Махарадж! Но почему же Гаруда не мог туда явиться? Открой мне эту тайну!" Шри Шукрадев джи молвил: "О царь! Когда то-там на берегу Ямуны жил риши Саубхари (согласно "Бхагавата Пуране", риши Саубхари был великий подвижник. Он жил на Ямуне. Однажды он увидел в Ямуне рыбу-самца, игравшего со множеством рыб-самок, и у него явилось желание. Саубхари отправился к царю Мандхате и просил в жены одну из его дочерей. Не смея обидеть великого подвижника, царь Мандхата поставил свое согласие на брак с ним в зависимости от желания своих дочерей, и с этой целью устроил так называемый "сваямвар", брачный пир, на котором невеста сама выбирает себе жениха из многих претендентов. Силою своих подвигов риши Саубхари преобразился в юношу дивной красоты, и все пятьдесят дочерей царя выбрали его себе в мужья. Риши создал пятьдесят прекрасных теремов по одному для каждой супруги, сам принял пятьдесят обликов и жил одновременно при каждой из своих супруг. Они родили ему пять тысяч сыновей. Впоследствии, раскаявшись в том, что он растрчивает свою дивную силу на чувственную жизнь, риши Саубхари оставил дворцы своим сыновьям, а сам с супругами удалился для новых подвигов и достиг спасенья не только для себя, но и для пятидесяти своих супруг) и подвиги свои творил. Случилось, туда однажды залетел и Гаруда, там рыбу он поймал и съел. Тогда тот риши в гневе проклял Гаруду,

сказав: "Коли ты прилетишь опять сюда, то не уйдешь живым!" По этой-то причине не мог он прилететь туда. И с той поры, как Кали поселился там, то место стало называться Калидахом".¹

Поведав это сказанье, шри Шукрадев джи молвил: "О царь! Когда шри Кришначандра вышел из воды, то Нанда и Яшода на радостях там много роздали даров и совершили много добрых дел. Увидев сына лик, порадовали очи. В душе у всех, кто в Брадже жил, явилась жизнь. Меж тем настал и вечер, и вот они друг другу так сказали: "За целый день мы так устали без еды и без питья; зачем домой идти? Давайте здесь все проведем сегодняшнюю ночь, а завтра на заре отправимся в Бриндабан!" Сказали так и все уснули.

Едва лишь полночь миновала,
Вдруг буря страшная настала!
Лесной пожар! Огонь со всех сторон,
Деревья, лес — все пожирает он!

Как только начался пожар, все вдруг вскочили и, в ужасе великом озираясь кругом и простирая руки, завопили: "О, Кришна, Кришна! Скорей спаси ты нас от этого огня, не то в одно мгновение он всех сожжет и в пепел обратит!" Когда так с Нандой и Яшодой возопили все браджийцы, тогда шри Кришначандра джи поднялся и вмиг огонь тот поглотил и устранил всеобщий страх. Едва зажглась заря, вернулись все в Бриндабан, и в каждом доме радость и веселие настало".

Так гласит глава восемнадцатая — "Спасение от лесного пожара" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XIX. БАЛАДЕВ ДЖИ УБИВАЕТ АСУРА ПРАЛАМБА²

Поведав это сказанье, шри Шукрадев джи молвил: "Махарадж! Теперь я опишу тебе все времена в году; скажу, какие чудеса творил шри Кришначандра в эти времена; ты прилагай вниманье, слушай! Жаркое время — первым пришло. Явившись, оно у всей Вселенной радость отняло, и Небеса и Землю накалив, в огонь их обратило! Но, силою шри Кришны джи, в Бриндабане всегда была весна! В глубоких зарослях на деревьях лианы расцветали; на них жужжали пчелы — рой за роем; на ветках манго-дерева кукушки распевали; в тени прохладной их павлины там плясали, и напоенный ароматом дул приятный сладкий

¹ "Пучина змея Кали".

² Имя демона, пособника Кансы.

ветерок; Ямуна, преграждая лес, блистала чудной красотой. Там Кришна с Баларамом покинули коров, с друзьями всеми вместе увлеклись чудною игрой. Вдруг в это время, под видом пастуха, туда явился ракшас, Кансой посланный Праламб. Увидевши его, шри Кришначандра незаметно Балараму джи сказал:

“Пожаловал не друг к нам, помни, Балавир,
Под видом пастуха нас асур посетил!
Придумай, как скорее нам его убить,
Но в образе пастушьем не посмей губить.
Когда асур предстанет в образе своем,
Тогда, мой брат, не медли, вмиг его убьешь!”

Уведомив так Баладева джи, шри Кришначандра, засмеявшись, поздравил к себе Праламба, за руку схватив, сказал:

“Твой облик краше всех, отменней,
Наш добрый друг нелицемерный”.

Сказавши так, он взял его с собой и, разделив всех пастухов на два отряда, взял себе один, другой же отдал Балараму. Потом двух мальчиков он посадил, те стали спрашивать и называть названия цветов. И, отвечая на вопросы, шри Кришна проиграл, а Баладев джи выиграл. Тогда-то пастухи отряда Кришны джи себе на плечи посадили всех товарищей шри Баладева джи и повезли. И вот Праламб взял Балараму джи и побежал с ним далеко вперед, и, прибежавши в лес, свое он тело увеличил. В тот час на черном ракшасе, горе подобном, Баларам джи так блистал, как дивная луна на черной туче; серьга его сверкала, словно молния, и пот лился, как дождь!” Сказанье это рассказав, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: “Махарадж! Когда, оставшись с ним наедине, Праламб хотел убить шри Балараму джи, то Баларам ударом кулака убил его”.

Так гласит глава девятнадцатая — “Умерщвление Праламба” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XX. ШРИ КРИШНА ВТОРИЧНО СПСАЕТ ПАСТУХОВ ОТ ЛЕСНОГО ПОЖАРА

Шри Шукадев джи молвил: “О царь! Когда, убив Праламба, Баларам отправился обратно, к нему навстречу подошел шри Шьяма вместе с их друзьями. И даже все те пастухи, которые в лесу пасли коров, услышав, что асур погиб, покинули коров и все сбегались посмотреть. Меж тем, пасясь, коровы двигались все дальше, из зарослей трав

дамбха-канса¹ они попали в заросли мунджа. Вернувшись, оба брата смотрят — не видно ни одной коровы.

Коровы разбрелися, нет и пастухов,
В лесу все заблудились в зарослях кустов.
Взобравшись на деревья, знаки подают:
Платками машут, громко Кришну джи зовут.

И вот один из пастухов к шри Кришне прибежал; сложивши поднятые руки, он сказал: "Махарадж! Коровы все забрались в лес из мунджа, за ними пастухи рассыпались, все ищут, бродят без пути!" Услышав эту весть, шри Кришна джи взобрался на кадамб. Когда он громко на свирели заиграл, то, услышав тот звук, все пастухи и все коровы, ломая лес, из мунджа так бросились к нему, как реки в саване² и бхадоне вливаются в глубокий океан, высокие рвут волны. И что ж они увидели? Со всех сторон пыласт с страшным треском лес! Увидев это, дети пастухов, его друзья, в глубоком страхе и боязни закричали: "О Кришна! Кришна! Скорей спаси от этого огня, не то в одно мгновение мы все сгорим!" Шри Кришна молвил: "Закройте все свои глаза!" Когда они глаза закрыли, шри Кришна джи, в одно мгновение погасив огонь, другую Майю сотворил: он перенес всех пастухов с коровами в лес из бхандир³ и молвил: "Теперь откройте все глаза".

Открыв глаза, взглянувши, пастухи сказали:
"Куда ж исчез ужасный тот огонь, Мурари?
И как перенеслись все мы в лес бхандир?"
Исполнен удивленья даже Балавир.

Сказавши так, они своих коров собрали и вместе с Кришною и Баларамом джи вернулись в Бриндабан. Все разошлись по домам, и каждый дома рассказал: "В лесу сегодня Баларама джи убил Праламба, ракшаса, потом в лесу из мунджа вдруг пожар случился, но был потушен силой Хари!"

Поведав это сказанье, шри Шukaдев джи молвил: "О царь! Услышав эти вести от пастухов, браджийцы побежали посмотреть. Но разгадать шри Кришначандры тайну не смогли они".

Так гласит глава двадцатая — "Спасение от лесного пожара" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

1 Название разных видов трав.

2 Саван — санскр. шраван — четвертый месяц индийского календаря, соответствующий июлю-августу европейского календаря.

3 Название растения.

Глава XXI. ОПИСАНИЕ ИГР В ПЕРИОД ДОЖДЕЙ И ОСЕНЬЮ

Шри Шукандеви джи молвил: "Махарадж! Увидевши великую жестокость лета, Павас,¹ царь облаков, исполнился негодования. Помысливши о благе птиц, зверей и твари всей земной, со всех сторон собрав отряды облаков, пошел сам в бой! В тот час не тучи громыхали, то гремели барабаны; разнообразнейших оттенков облака, которые стеклись туда — то храбрые воители-герои; не молния сверкала между них — то их оружие блистало; не стаи журавлей носились — развевались белые знамена, и не лягушки и павлины были там — сказители то славу воспевали; не крупные лились то капли, то сыпались тучи стрел! Увидев Паваса, идущего с такой грозой, покинувши поля, спасая жизнь свою, бежало лето. И облако, супруг Земли, пролившийся дождем, Земле давало радость! Она в разлуке со своим супругом томилась целых восемь месяцев,² теперь она слилась с ним, вкусила наслаждение, и груди-горы освежились; плод понесла она. Из чрева вышел плод — родилось восемнадцать сыновей; они, взяв в дар коренья и плоды, явились на поклон к родителю. В тот час земля в Бриндабане была прекрасна, как красавица в наряде пред свиданием. Водой наполнились повсюду реки, ручейки, пруды; их оживляли радостью своею лебеди и журавли. Качались ветки у деревьев высоких; на них сидели, щебетали, пели птицы: пики, чатаки и голуби, и попугаи... Повсюду пастухи, пастушки, в нарядах красных, как цветок кусумбха, качались на качелях, звонко распевали песни. Шри Кришна с Баларамом джи ходили от одних к другим и, с ними игры затевая, вносили много радости. Так, в радостном веселье протекло дождливое все время. Тогда шри Кришна пастухам сказал:

"О братья! Теперь настала осень благодатная.
Высокую я радость с вами испытал,
Я сладость ясной дружбы красоту узнал!
Блистают ночью ярко звезды в небесах,
Как будто Брахмы это вечные глаза!
Кто месяца четыре мирно дома жил —
Настала осень — каждый о любви забыл!
К труду спешит, к работе трудовой народ,
Цари в чужие земли все ушли в поход!"

Так гласит глава двадцать первая — "Описание времени дождей и осени" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

1 Олицетворение периода дождей.

2 Т.е. период, когда в Индии не бывает дождей.

Глава XXII. ГИМН ПАСТУШЕК СВИРЕЛИ

Шри Шукадев джи молвил: "О царь! Сказавши так, шри Кришначандра, вновь собравши пастухов, затеял игры. И всякий день, пока шри Кришна пас в лесу коров, до той поры пастушки дома все сидели и Хари славу воспевали. Вот заиграл в лесу однажды на свирели Кришна. Услышав звук свирели, пастушки Баджа все в волнение встали, побежали; собравшись вместе, на дороге сели и меж собою говорили так: "Тогда лишь очи наши удостоятся награды, когда мы сможем увидеть шри Кришну! Теперь с коровами в лесу там Канха бродит, пляшет и поет, а вечером сюда вернется, и нам удастся увидеть его!" Услышав это, одна пастушка так сказала:

"Сестрица, слушай! Слышишь звонкую свирель?
Той веточки бамбука столь высок удел.

И за какие же великие достоинства она в устах шри Кришны пребывает целый день и, упиваяся амброзией губ его, грешит в восторге, словно тучи при дожде. И неужель она ему милей чем мы, что день и ночь не расстается с ней Бихари.

Она воздвигла раньше крепость предо мной,
Теперь того ей мало: савт¹ пошла войной "

Когда ее шри Кришна желтым шелком вытрет, заиграет, тогда все суры,² муни, киннары и гандхарвы с супругами в виманы сядут и, полные желаний, прилетают слушать. Свирель услышав, все приходят в восхищение и тут же застывают как картины! Какие подвиги она свершила, что все подвластны ей?" Услышав это слово, одна пастушка ей в ответ сказала: "Она сначала родилась в роду бамбуков, о Хари помнила она! Затем она от зноя, холода, воды страдала, и, рассеченная в куски, была обожжена огнем, в конце же дым пила она!

Кто подвиг столь великий, тяжкий совершил,
Тот по своим заслугам плату получил!"

Услышав это, одна из браджских женщин молвила: "Владыка Баджа! О, почему не сделал нас свирелью, которая ни днем, ни ночью никогда не расстается с Хари!"

Поведав это сказанье, шри Шукадев джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Так всякий раз, пока шри Кришна,

¹ Сожена, одна из двух или нескольких жен одного и того же мужа.

² Божество низшего ранга, по-видимому солнечного происхождения.

погнавши в лес пасти коров, не возвращался, пастушки воспевали Хари".

Так гласит глава двадцать вторая — "Гимн пастушек свирели" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXIII. ШРИ КРИШНА ПОХИЩАЕТ ОДЕЖДЫ ПАСТУШЕК

Шри Шukaдева муни молвил: "Когда и осень миновала, пришла зима, надвинулася стужа, холод. В то время жены Баджа меж собою говорили так: "Послушайте, подружки! В награду за купание в агхане (девятый месяц индийского календаря, соответствует ноябрю-декабрю европейского календаря) уходят все грехи за множество рождений и исполняются сердечные надежды: так слышали мы некогда от старых!" Услышав это, каждая в душе решила: "Коль я буду в агхане купаться, то, нет сомнений, Кришна будет женихом моим!"

Подумав так, все встали на заре, надели платья, украшения и толпой пошли купаться на Ямуну. Там искупавшись, солнцу жертву принесли и, выйдя из воды, из глины Гаври¹ сделали и предложили ей сандал и рис, плоды, цветы. Поставив перед нею благовонья, светильник, снедь, свершили луджу. Потом, сложивши поднятые руки, головы склонивши, умолая Гаври, молвили: "О Дев! (Буквально: "богиня". Обычно так называют супругу бога Шивы, его шакти, т. е. женскую творческую энергию. Различаются две формы Девы: милостивая и жестокая, кровожадная. В своей милостивой форме Деви имеет несколько имен, из которых наиболее употребительны Парвати и Гаури. В своей жестокой форме Деви носит имена — Кали, Шьяма, Чанда, Дурга и т.д. Среди различных изуверских сект, особенно в Бенгалии, Кали или Дурга пользовались широкой популярностью.) Мы неотступно молим, дай нам дар: ты сделай, чтобы Кришна стал супругом нашим!" Так каждый день пастушки там купались и, соблюдая пост, по вечерам лишь простоквашу ели, рис и спали на земле в надежде, что обет их принесет им скорый плод.

Однажды юные баджанки целою толпой пошли купаться на безлюдный берег. Придя туда, они одежды сняли; сложивши их на берегу, вошли нагими в воду и, воспевая Хари, все плескались в воде. В тот час шри Кришна джи сидел в тени смоковницы и пас коров. Услышав пение пастушек, он тайком пришел туда и, спрятавшись, смотрел на них. Смотрел-смотрел и, наконец, задумал что-то; тогда

¹ Супруга Шивы, богиня Парвати.

он взял похитил все одежды, взобрался на кадамб и, связав одежды в узел, сложил их близ себя. Вот вышли из воды пастушки, смотрят: на берегу одежд их нет. Тогда они в испуге встали, озирались кругом и говорили: "Сейчас сюда не прилетела даже птица! О матушки, да кто ж унес одежды?" И вдруг одна пастушка увидела: с короною на голове и с посохом в руке, с шафранным тилаком на лбу, в гирлянде из лесных цветов, одетый в желтый шелк, храня молчание, взобравшись на кадамб и притаясь, сидит шри Кришна, связав одежды в узел! Увидевши его, она воскликнула: "Подружки, посмотрите! Вон на кадамбе сидит с узлом тот вор, который и сердца похитил наши". Услышав это и увидев Кришну, все девушки, стыдясь, вернулись в воду. Потом, сложивши поднятые руки и опустивши головы, с смиренною мольбой сказали:

"О милосердный к бедным, о губитель скорби!

Отдай покровы наши, милый Мохан, молим!"

Услышав их моления, Канхай сказал:

"О нет, клянуся Нандой, так я не отдам!

Коли поодиночке все вы подойдете,

То у меня из рук их каждая возьмете!"

Браджанки в гнев молвили: "Хорошему ж ты научился, коли велишь нам выходить нагими! Вот как пойдем к своим отцам да к братьям да расскажем, тогда они придут, тебя прославят вором, схватят! Ну, а потом пойдут, расскажут Нанде и Яшодe! Уж те тебя как следует проучат! Кого же нам стыдиться? Ты нас лишил стыда!"

Услышав эти речи и разгневавшись, шри Кришна джи сказал: "Теперь свои одежды вы получите тогда, когда сюда их приведете, не то их не получите совсем!" Услышав это, все пастушки в страхе молвили: "О милосердный к бедным! Ты — наш защитник, ты — хранитель нашей доброй славы! Кого мы станем звать сюда? Из-за тебя, обет свой соблюдая, мы купаемся в маргшире."¹ Шри Кришна молвил: "Но если вы с душою чистой для меня купаетесь в агхане, тогда оставьте стыд свой и притворство, идите и берите каждая свои одежды!" Когда шри Кришна так сказал, то все пастушки, слова те обсудив, сказали: "Пойдем, подружки! Исполним то, что Мохан нам велит! Ведь он все знает: души наши и тела! Чего ж его стыдиться?" Так меж собой решив и повинувшись словам шри Кришны, руками грудь и тело прикрывая, пастушки, выйдя из воды, склонили головы свои. Когда, на берег выйдя, все они остановились, шри Кришна,

¹ Девятый месяц индийского календаря, соответствующий ноябрю-декабрю европейского календаря. Другое название этого месяца — агхан.

засмеявшись, молвил: "Теперь, подняв, сложите руки, подходите, а я отдам одежды!" Пастушки молвили:

"Зачем ты лицемеришь с нами, Нанды сын!
Бесхитростны мы — девы Баджа, все просто,
Мы памяти лишились, хитрости отпали,
А ты игру такую выдумал, о Хари!
Собравшись с мужеством, мы свой забудем стыд;
Что делать нам, за нас всех все решаешь ты!"

Сказавши так, пастушки сложили поднятые руки. Тогда шри Кришначандра джи к ним подошел и, возвратив одежды, молвил: "Не огорчайтесь, я только проучил вас. В воде бог Варуна (Подобно Индре, образ Варуны претерпел весьма сложную эволюцию. В Ведах Варуна является одним из важнейших божеств, олицетворением неба, мудрым высочайшим стражем морали и справедливости. В последующее время, в эпический период и в период создания Пуран, Варуна снизился до божества среднего ранга и сделался богом вод, точнее богом морей, рек и озер. Как владыка вод Варуна представляется ездящим на рыбе. Таковым Варуна воспринимается в настоящее время.) ведь обитает, и каждый, кто нагим войдет в реку, теряет все свои заслуги. Я рад, что увидал у нас душевную привязанность к себе, поэтому открыл вам эту тайну. Теперь все возвращайтесь домой! А в месяц Картик приходите, будем вместе хоровод водить!"

Шри Шукадэва муни молвил: "Махарадж! Услышав это, все пастушки просветлели и с радостью вернулись домой. Шри Кришна же вернулся под смоковницу и с пастухами и друзьями — детьми пастухов — в лес углубился. В то время, наблюдая лес густой, он восхвалял деревья, говоря: "Смотрите! Они явились в мир и сколько бедствий переносят, а людям радости дают! Так благотельно явление в мир того, кто ближним делает добро!" Сказавши так, он продолжал свой путь и прибыл на берег Ямуны".

Так гласит глава двадцать третья — "Похищение одежд" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXIV. ШРИ КРИШНА ДЖИ ПРОСИТ ПИЩУ У БРАХМАНОВ

Шри Шукадэв джи молвил: "Когда шри Кришна прибыл на берег Ямуны, он там под деревом остановился, опершись на палку. Тогда все пастухи, его друзья, пришли к нему, сложивши поднятые руки, так сказали: "Махарадж! Сейчас нас мучит страшный голод. Мы съели все, что принесли с собою, но голода не утолили!" Кришна сказал: "Смотрите, вон виднеется дымок; там матхурцы тайком, бояся Кансы,

жертвы совершают. Пойдите к ним, назвав меня, им поклонитесь и станьте со сложенными просительно руками, скажите издали: "Дайте нам пищи!" Просите со смирением, как просит кроткий нищий!"

Услышав это, пастухи пошли, пришли туда, где матхурцы сидели, совершали жертву. Приблизившись, они им поклонились, и с великой кротостью, сложивши поднятые руки, молвили: "Махарадж! Передавая вам поклон свой через нас, шри Кришначандра джи велел сказать вам так: "Мы страшно голодны; вы окажите милость и пришлите пищи!" От пастухов услышав эти речи, матхурцы сказали в гневе: "Вы страшные глупцы, коль теперь такие речи говорите нам. До окончания жертвоприношенья мы никому не подадим! Слушайте, когда мы жертву совершим и что-нибудь останется, тогда разделим!" Но пастухи вновь со смирением просили, говорили: "Махараджи! Великая заслуга — накормить голодного, который к вам пришел!" Но матхурцы не вняли их словам и, отвернувшись от них, друг другу говорили:

"Ах, скотники все эти — жалкие глупцы!
Вишь, жертву прерывай да рису им неси!"

Тогда все пастухи, утративши надежду, с горечью ушли оттуда и, вернувшись к шри Кришне, так сказали: "Махарадж! Просили милостыню, потеряли честь и все же ничего не получили есть! Что делать нам теперь?" Шри Кришна джи сказал: "Теперь вы к женам их пойдите и просите; они все милостивы и благочестивы; вы испытайте их любовь и веру! Они с почтением и уважением дадут вам пищи". Услышав это, пастухи опять пошли туда, где брахманки сидели и готовили обед, и, подойдя к ним, молвили: "Шри Кришна джи в лесу пасет коров; он очень голоден, и потому послал нас к вам: коль есть съестное что-нибудь, то дайте!" Слова такие от пастухов услышав, брахманки все просветлели. На блюда золотые брахманки поставили роскошнейшие яства и побежали; кто их ни останавливал, не мог остановить. Когда же одну из них супруг там задержал, она в глубоком созерцании, покинув тело, первую пришла к нему, соединилась так с ним, как вода сливается с водою. Потом они пошли, пришли туда, где окруженный пастухами сам шри Кришначандра джи стоял в тени смоковицы, одной рукою опираясь на плечо товарища, немного наклонившись и лотоса цветок держа в руке. Приблизившись к нему, они поставили пред ним все блюда и, простершись перед ним, взирая на лик Хари, друг другу говорили: "Подружки! Это Нанды сын! Мы столько раз

слыхали имя Кришны и в памяти его держали! Теперь любуйтесь лунноликим, порауйте свои глаза, награду получите за рождение в мире!" Так говоря между собой, они, сложивши поднятые руки, с смирением великим молвили шри Кришначандре: "Владыка милосердный! Когда и кто без милости твоей мог лицеизреть тебя? На нас сегодня благодать сошла с небес, мы удостоились тебя узреть, освободились от грехов за множество рождений.

Как жалки и спесивы брахманы, глупцы,
Ослеплены богатством, знанием, скупцы!
Творца сочли, слепые, все за человека!
И как могли постигнуть те слепцы, калеки!
Кому приносят жертвы, подвиги, молитвы,
Того не угостили даже чистым рисом.

Махарадж! Лишь то благословенно, лишь то есть истинное благо, тело, стыд, что может, Господи, тебе на пользу быть. Лишь то молитва, подвиг, знание, куда войдет твое именованье". И выслушав такие речи, шри Кришначандра брахманок спросил об их здоровье и сказал:

"Я не достоин поклоненья с вашей стороны,
Я Шьяма, Кришна, Нанды-пастуха я сын!

Кто мнит себя достойным поклонения супруги брахмана, тот не достигнет никогда величья в мире. Вы оказали милость нам: узнав про голод наш, вы в лес пришли и проявили к нам заботу. Но разве здесь мы можем вас принять как надлежит!

Наш дом — Бриндабан; это очень далеко,
И проявить почтенье здесь к вам нелегко!

Когда бы вы пришли туда, мы предложили б вам цветов, плодов. Вы из-за нас трудились, в лес пришли, а здесь не можем мы ничем вам услужить, и это нам прискорбно!" С такой учтивостью к ним обратившись, он потом сказал: "Прошло уж много времени, как вы пришли сюда; теперь вам надлежит домой вернуться; брахманы вас ожидают; ведь без супруги жертвоприношение не принесет плоды!" Услышав это от шри Кришны, брахманки, сложивши поднятые руки, так сказали: "Махарадж! Мы к лотосам — твоим ногам — любовь лелея, освободились от Майи рода и семьи. И как теперь мы возвратимся к тем, чьих запрещений не послушали, ушли сюда? И где нам жить потом, когда они не пустят нас в свой дом? Поэтому нам лучше здесь остаться, под твоей защитой! О Господи! Одна жена желанье возымела лицеизреть тебя и шла совместно с нами; ее супруг остановил

ее и задержал, тогда она в печали душу отдала!" Услышав их слова, шри Кришначандра, улыбнувшись, показал им ту, которая пришла к нему, покинув тело, и сказал: "Внемлите! Не погибает тот, кто любит Хари, никогда! Она ко мне явилась раньше вас".

Поведав это сказанье, шри Шукладев джи молвил: "Махарадж! Увидевши ее, они сначала изумились; потом их осенило знание, и все они воспели славу Хари. Тогда шри Кришначандра, пища их вкусив, сказал: "Теперь вам надлежит отправиться домой! Супруги ваши вам не скажут ничего!" Когда шри Кришна джи их успокоил так, тогда они, простившись с ним, простерлись перед ним и возвратились в свои дома. А их супруги, после размышленья, раскаявшись говорили: "Мы слышали сказание в Пуранах, что некогда Яшода с Нандой будто великий совершили подвиг ради получения сына. Тогда господь явился, даровал им дар, сказав: "Я некогда приму в роду у Яду Аватару, тогда явлюсь у вас!" Поистине теперь он то рожденье принял и явился. Он присылал к нам пастухов просить еды... И что мы сделали? Адипуруше мы не дали пищи!

Предстать не захотели мы пред тем сегодня,
Кому установили жертвы и законы!
Сочли Адипурушу мы за человека,
Словам не захотели пастырей поверить!
О как глупы и злы мы, как мы все тщеславны,
Забыли все мы долг свой: Хари не узнали!

Проклятье нашему уму, проклятье жертвоприношенью! Они нам помешали господа узнать, ему служить! Супруги наши лучше нас! Они, не совершая подвигов, молитв и жертв, осмелились пойти, они шри Кришну джи узрели и сами предложили снедь ему". В таком раскаянии матхурцы пред супругами своими стали, сложивши поднятые руки, так сказали: "Благословенна ваша доля: вы Хари удостоились узреть, о не бесплодна ваша жизнь!"

Так гласит глава двадцать четвертая — "Моление брахманок" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXV. ПУДЖА ГОРЕ ГОВАРДХАНУ¹

Шри Шукладев джи молвил: "Махарадж! Теперь я расскажу сказание о том, как наш господь шри Кришначандра поднял гору Говардхан и гордость Индры посрамил. Ты прилагай внимание, слушай! Брахмийцы в темной половине карттика, в четырнадцатый день свершали ежегодно праздник годовой. Омывшись, искупавшись и посыпав все дворы шафраном и сандалом (древний обычай посыпать во время

¹ Гора в Бриндабане, которой Кришна совершил пуджу и которую впоследствии поднял на своем мизинце.

праздника цветным, по возможности ароматным, порошком вокруг дома сохраняется в Индии и в настоящее время), готовили различные печенья, сладости и, изготовив благовоения, светильники, свершали пуджу Индре. Обычай этот шел у них издревле. Однажды этот день пришел, и Нанда джи велел побольше наготовить снеди. Во всех домах брадхийцев готовилась также снедь. Тогда шри Кришна к матери пришел и так спросил ее: "Матушка! Во всех домах сегодня все готовят сладости, печенья! Скажи, зачем все это делается так? Мне непонятно, объясни, чтоб из души моей ушло недоуменье!" Яшода молвила: "Сынок! Сейчас мне некогда с тобой беседовать; пойди к отцу и у него спроси, он объяснит тебе!" Услышав это, шри Кришна джи пошел и обратился к Нанде с Упанандом: "Отец! Для почитания какого божества сегодня здесь идут столь пышные приготовления? И для кого во всех домах готовят сладости, печенья? Какую радость, избавление тот бог дает? Скажи мне имя бога и его достоинства, заслуги, чтоб из души моей ушло недоуменье!"

Вождь Нанда так сказал: "Мой сын! Ты не постиг до сей поры той тайны, что пуджа совершается владыке облаков, владыке всех богов. По милости его во всей Вселенной изобилие и процветание: лишь он дарует нам траву и воду, пищу! По милости его цветут, дают плоды леса и рощи и живут в довольстве все живые твари, звери, птицы! Обычай этот — Индру почитать — идет у нас от наших старых предков. Мы сами нового тут ничего не выдумали!"

От Нанды джи услышав это, шри Кришначандра так сказал: "Отец! Что наши предки, понимая иль не понимая, свершали пуджу Индре — то их дело! Но почему ж теперь, сознательно покинув путь закона, окольным ты путем идешь? Нам почитанье Индры ничего не даст! Не он податель благ и избавленья. Какое благо получил и кто от Индры? Скажи мне это. Кого и чем он наградил? О, да, одно лишь верно: когда-то, совершая подвиги и жертвы, боги создали на небе собственное царство и престол его вручили Индре; но средствами такими нельзя Всевышним стать! О, слушай! Ведь всякий раз, как от асуров он терпит поражение (так, "Рамаяна" рассказывает, что против Индры ополчился демон Раван, царь Цейлона, и Индра был не только разбит, но и взят в плен. Согласно Пуранам, Индра был разбит дайтиями (титанами) и, потеряв царство, обратился в нищего. "Бхагавата Пурана" и "Прем Сагар" также рассказывают, что асур Бхамасур победил Индру и отнял у него зонт, знак его царского достоинства), пускается он в бегство и, скрывшись где-нибудь, там коротает дни свои! Зачем вы

почитаєте такого труса? И почему вам не признать свой собственный закон? Ведь Индра ровно ничего не может сделать! Сверхается лишь то, что предназначено нам кармой! Довольство и богатство, супругу, брата, друга — все это получают все от кармы, от закона своего! И Солнце то же самое, что восемь месяцев повсюду иссушает воду, оно ж четыре месяца дает нам дождь, и на земле лишь от него являются трава, вода и пища! Когда сам Брахма сотворил четыре касты: брахманов, кшатриев вайшьев, и шудр, то каждому установил особую он карму: "Пусть брахман изучает Веды и науки, а кшатрий охраняет всех; пусть вайшья земледелием, торговлей занимаются, а шудры трем им служат!"

Отец! Мы — вайшья! Умножилось число коров, отсюда происходит Гокуль (название деревни, где Кришна провел свою раннюю юность. Буквально значит "стадо коров", или "коровник"), отсюда и название наше "гопа" — "хранитель коров". И наша карма в том, чтоб землю обрабатывать и торговать, служить корове, брахману. Ведь Веды всем повелевают нам не оставлять обычай рода своего. И тот, кто оставляет свой закон и начинает соблюдать чужой закон, подобен женщине, принадлежащей роду, но любящей мужчину из другого рода. Поэтому теперь нам надлежит оставить почитанье Индры, нам лес и горы нужно почитать! Ведь мы — лесные жители, и лес — нам царь! Не подобает нам забывать того, в чем царстве мы счастливо проживаем, почитать других! Поэтому все собирайте сладости, печенье, снедь и совершите луджу Говардхану!"

И выслушав слова шри Кришны, Нанда с Упанандом встали и пошли на площадь, где сидели старейшие из пастухов, и, подойдя к ним, рассказали все, что им сказал шри Кришна. Старейшины, все выслушав, сказали: "Да, Кришна правду говорит! Не отвергайте слов его лишь потому, что он так молод. Добро! Подумайте вы сами, кто такой наш Индра! За что нам почитать его? Он нас заставил позабыть о том, кто нас питает, охраняет!"

Какое всем нам дело до царя богов? Мы будем чтить царей рек, наших гор, лесов!"

Сказавши это, пастухи так продолжали:

"Прекраснейший дал Мохан нам теперь совет:
До всех богов нам дела никакого нет.
Великая гора здесь — славный Говардхан,
Ей будем поклоняться, будем почитать".

Услышав это слово, Нанда джи, обрадованный, повелел по всей деревне объявить под барабанный бой: "Все население Баджа завтра отправляется и пуджу Говардхану совершит! Кто заготовил у себя печенье, сладости для пуджи Индры, пусть каждый забирает все и завтра на заре пусть отправляется на Говардхан!" Услышав это, все браджийцы наутро встали, едва зажглась заря, свершили омовенье, созерцанье... Потом, наполнив яствами корзины, блюда, миски, кузовки, горшки, кувшины, все погрузили на телеги, коромысла и двинулись на Говардхан. Тогда и Нанда с Упанандом, также со своими семьями, собравши снедь, отправились вместе с ними. Дорогою все пели и играли и, наконец, пришли на Говардхан.

Приблизившись к горе, ее всю обмели, очистили со всех сторон и, окропив водою, все вынули: расставили на ней гхевар,¹ бавар, джалоби, ладду, кхурам, имрати, пхени, пера, барфи, кхаджа, гунджа, матхулия, сива, пури, качори, сев, папар, пакаира и многие другие сладости, печенья и разложили там разнообразнейшие яства, приправы и напитки. От снеди разной той самой горы не стало видно, а над горой развесили цветочные гирлянды и гору всю устлали шелком всех цветов.

Краса годины той не поддается описанию! Гора казалась такой прекрасной, как красавица в уборах и нарядах, украшенная с головы до ног. И Нанда джи, пурохита призвав, собрал всех пастухов. Потом поднес он роли,² рис, цветы и, приготовив благовония, светильники, снедь, поставив бетель, бетеля орехи и подарки, он пуджу совершил по предписанию Вед. Тогда шри Кришна им сказал: "Теперь вы с чистою душою погрузитесь в созерцанье Гирираджа ("Царь горы", или "царственная гора") — царственной горы, и он придет, виденье даст и яства скушает!"

Услышав это от шри Кришны, Нанда и Яшода, все пастухи, пастушки встали, сложили поднятые руки, закрыли очи и в созерцанье погрузились. А Нанды сын в тот час же принял вдруг другое — толстое, огромное тело, огромнейшие руки, ноги сотворил! Лотосоглазый, луннолицый, с короною на голове, с гирляндой из лесных цветов на шее, в желтом одеянье, надев убор, украшенный камнями самоцветными, открыв свои уста, из недр горы без звука вышел он! И в тот же час он сам, взирая на другой свой образ, воскликнул, обращая ко всем: "Смотрите! Гирирадж

1 Гхевар, бавар и т.д. — названия различных сладостей и печений.

2 Смесь из риса, желтого имбиря, квасцов и уксуса, употребляемая индусами для рисования на лбу и на руках тилака, т.е. знака касты, субкасты или секты.

явился! Вам дал виденье тот, кому вы пуджу совершили с чистою душой!"

Сказав слова такие, шри Кришначандра джи простерся перед Гирираджем. И следуя его примеру, все пастушки с пастухами, поклонившись горе, между собою говорили: "Когда являлся нам так Индра? Напрасно мы ему творили пуджу. И как понять, что наши предки, забыв такого видимого бога, Индру стали почитать? Совсем нам это не понятно!"

Так говорили все они, меж тем шри Кришна молвил: "Чего ж вы смотрите теперь? Берите и кормите бога снедью, которую с собою привезли!" Услышав это, пастухи с пастушками устали вкуснейшей пищей блюда и подносы, взяли их и стали богу подносить. А царь Говардхан протягивал к ним руки, брал и ел. И, наконец, он съел все яства, которые браджийцы привезли туда совместно с Нандой. Тогда тот образ слился вдруг с горой.

Свершивши дивное такое чудо, шри Кришначандра с пастухами вместе совершил торжественное обхождение (обхождение, в особенности обхождение справа налево, служит в Индии с древнейших времен знаком глубочайшего почета и уважения) вокруг горы. А на другой же день покинули Говардхан. Все, весело играя, возвратились в Бриндабан. В тот час там в каждом доме праздник был, веселье, и пастухи, раскрасив всех коров с телятами в различные цвета, на шею ленты повязали им с колокольчиками и бубенцами, в игры разные играли".

Так гласит глава двадцать пятая — "Пуджа Говардхану" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXVI. ШРИ КРИШНАЧАНДРА ДЖИ ДЕРЖИТ ГОРУ НА ОДНОМ МИЗИНЦЕ

Поведав это сказанье, шри Шувареда муни молвил: "Махарадж!

Пренебрегая пуджей в честь царя богов,

Говардхану свершили пуджу-поклоненье.

В великий гнев бог Индра, царь богов, пришел,

Послал богам подвластным всем он приглашенье!

Когда все божества явились к Индре, тогда он их спросил: "Прошу вас, мне скажите, кому вчера свершалась пуджа в Брадже?" В тот час туда пришел и Нарада джи. Он Индре так сказал: "Слушай, Махарадж! Тебя все почитают, одни браджийцы не желают почитать! Причина этому — сын Нанды: все делают, что он велит. То он ведь не позволил

им пуджу совершать тебе, вчера заставил всех он пуджу совершить горе". Услышав это, Индра в гневе молвил: "Изрядно выросли богатства у браджийцев, а потому и гордость в них вселилась такая!

О Брадж! Забыл молитвы, жертвы все и подвиг,
Накликал на себя ты голод, нищету!
Стал Кришну-человека богом почитать,
Одним веленьям Кришны стал теперь внимать,
Несвежда жалкий, глупый, столь смешной малец,
Но все ж большой злочинец, страшный он гордец!
От гордости теперь я скоро их избавлю,
Я отниму их скот весь, нищими оставлю!"
Он вне себя от гнева страшный вздор несет...
И царь богов царя всех облаков зовет!

Услышав зов его, царь облаков, дрожа от страха, подошел и стал пред ним, сложивши поднятые руки. И, увидав его, смягчился Индра и сказал: "Немедля собирай свои войска, пролей великий ливень и затопи ты гору Говардхан и Браджмандал! Смотри, чтоб от горы и знака не осталось и чтоб браджийцев не осталось и в помине!"

Вот, получив такой приказ, царь облаков, простершись перед Индрой, удалился. Вернувшись в свой удел, созвав большие облака, сказал: "Вниманье! Приказ великого царя гласит: "Не медля выступайте, пролейтея дождем и затопите Браджмандал!" И облака, тот выслушав приказ, собравши тучи — рать свою, последовали за владыкой облаков. Достигнув Браджмандала, он немедля обложил его и, громыхая громом, каплями огромными стал беспрерывно воду ливнем проливать и пальцем указал на гору!"

Поведав это сказание, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Когда со всех сторон так страшные густые облака спустились, стал страшный ливень лить, все пастушки и все пастухи с Яшодой и Нандой вместе, охваченные страхом и промокшие, дрожа всем телом, к шри Кришне прибежали и вздыхали: "О, Кришна! Как нам спастись от этого великого потопа? Ведь ты же упразднил здесь пуджу Индре, заставил пуджу совершить горе! Теперь скорее позови ее, пускай придет и нас спасет, не то в одно мгновение мы утонем все здесь с городом своим!" Услышав крик их, и видя всех в великом страхе, шри Кришначандра молвил: "Не допускайте страха никакого в души ваши! Сейчас придет Говардхан и спасет вас!" Сказавши так, он силою своею накалил Говардхан и сделал жарким, как огонь, и поднял весь Говардхан он на одном мизинце левой лишь руки! И вот браджийцы все с своим скотом пришли и под

горой расположились. Взирали все на Кришначандру, изумлялись и меж собою говорили так:

“Адипуруша это принял Аватару;
Прозрели мы и видим: бог богов Мурари!
О братцы, разве может Мохан смертным быть?
На пальце держит гору! Видим это мы!”

Поведав это сказанье, шри Шukaдева муні сказал царю Парикшиту: “Меж тем как повелитель облаков с своею ратью в ярости потоками лил воду, она, упавши на гору, с шипеньем испарялась, как капля на сковороде! И, получив об этом весть, сам Индра в гневе выступил и в бой пошел, и так он беспрерывно целых семь дней воду проливал, но силой Хари в Бадже не упало ни единой капли! Когда иссякла вся вода, то облака пришли, сложили поднятые руки и сказали: “Владыка! У нас воды такие же запасы были, как и во времена великого потопа; она ушла вся без остатка! Что ты велишь теперь нам делать?” Услышав это, Индра погрузился в созерцанье и познал: “Адипуруша принял Аватару! Иначе кто бы мог такую силой обладать, кто б гору мог поднять и Бадж спасти!” С такими мыслями, весь полный сожаленья, бог Индра с облаками ушел в свои владенья. Когда рассеялись тучи, появился свет! И все баджийцы, в радости, сказали так шри Кришне: “Махарадж! Теперь уж можно гору опустить, все облака ушли!” Услышав их слова, шри Кришна джи вновь гору водворил на старое же место”.

Так гласит глава двадцать шестая — “Спасенье Баджа” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXVII. ВОСХВАЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО ЧУДА ШРИ КРИШНЫ ДЖИ

Шри Шukaдева муні сказал: “Когда с руки снял Хари гору и на Землю ее поставил, тогда старейшие из пастухов все, увидав такое чудо, говорили так: “Как можно сыном Нанды называть того, кто спас сегодня Баджмандал от этого великого потопа? Да! Некогда, должно быть, Нанда и Яшода подвиги великие свершили, за это сам господь пришел и в доме их родился!” А дети пастухов к шри Кришне подходили, обнимали, спрашивали: “Братец? Как смог ты удержать на этой нежной, лотосоподобной ручке тяжесть страшную такой большой горы?” А Нанда и Яшода, с нежностью прижавши к сердцу сына, сжимая руки, пальцами хрустя,¹ все говорили:

¹ Один из способов выражения радости.

“Семь дней держал ты гору на руке! Болит, должно быть, ручка!” Последними пастушки подошли к Яшодде и, воспевая чудеса шри Кришны, сказали:

“Яшода, Нанда! Сын ваш — этот отрок вещей,
Спаситель Баджмандала, будет долговечным!
Пусть губит он асуров, данавов и дайтьев
И да спасет он всех, кто в Бадже обитает!
Все то, что Гарга риши, к нам придя, сказал,
Исполнилось, родные, все здесь на глазах!”

Так гласит глава двадцать седьмая — “Восхваление чуда шри Кришны” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXVIII. ИНДРА ВОЗНОСИТ ХВАЛУ ШРИ КРИШНЕ

Шри Шукадева муни сказал: “Махарадж! Едва зажглась заря, шри Кришна с Баларамом джи собрали всех коров и пастухов, набрали снели и в лес отправились пасти коров. Когда они, играя на свирели и звонко распевая песни, в лес пришли, то Индра, царь богов, сопровождаемый богами всеми, восседая на слоне Айравате (Согласно легендам, слон Айрават вышел из океана, когда боги и титаны сбивали океан в масло. По решению богов этот слон был передан во владение царю богов Индре и с той поры неизменно служит для Индры средством передвижения. Помимо этого, слон Айрават почитается также одним из стражей стран света (дикпалов), под его охраной находится Восток), предшествуемый Камадхену (легендарная корова, которая исполняет все желания. Согласно Пуранам и “Махабхарате”, она вышла из океана, когда боги и титаны сбивали океан в масло. Как и слон Айрават, Камадхену была передана богами Индре. По просьбе своих почитателей Индра иногда предоставляет Камадхену во временное пользование своим поклонникам), отправился из Суралока,¹ и, прибыв в Бриндабан, остановился на лесной дороге. Когда же он увидел издали шри Кришначандру, тогда, сойдя с слона, он босиком, с петлей на шее и дрожа всем телом, бросился ему навстречу. Упав к ногам шри Кришны, он, каясь, рыдал и говорил “Владыка Баджа, сжался надо мной!

Тщеславие и гордость здесь я проявил,
Порывы гнева, скорби в душу допустил!
Богатством опьяненный, счастьем ждал богатство,
Не мог постичь великой тайны жалкий раб твой,
Всевышний ты господь наш, бог всего живого!
В тебе владыку мира видим мы другого!

¹ “Мир богов”, Небеса.

Сам Брахма, Рудра, боги — дарители даров —
Живут и одаряют всех твоим добром!
Отец всего живого, ты явился в Ведах,
Тебе Камала служит, как рабыня, вечно!
Для блага добрых в мире ты приемлешь тело,
И всякий раз с Земли всей ты снимаешь бремя!
О, удали, молю я, гордость, заблужденья!
Я лишь глупец тщеславный, дай мне снисхождение!"

Когда с таким смиреньем Индра восхваленье произнес, тогда шри Кришначандра сжалился над ним и так сказал: "Теперь-то ты пришел ко мне с своею Камадхену, за это я простил твою вину! Но впредь ты не гордись! Ведь гордость знания лишает и от нее зломыслие растет, а из него — бесчестье".

Из уст шри Кришны услышав слова такие, Индра встал и пуджу совершил по предписанью Вед. Потом назвал его Говиндой¹, и, взявши нектару от ног его, он обхождение совершил. В тот час на Небесах высоких гандхарвы, играя на различных инструментах, шри Кришне славу воспевали, а божества, в виманы севши, с небес пролили дождь цветочный. Когда окончил Индра пуджу, он, сложивши поднятые руки, остановился пред шри Кришной. Тогда шри Кришна повелел ему: "Теперь бери-ка Камадхену и отправляйся в свой небесный град!" И, получив такое повеленье, Индра с ним простился, простерся перед ним, потом с своею Камадхену отправился в мир Индры.² Меж тем шри Кришначандра продолжал пасти коров. Когда же день склонился к вечеру, он пастухов созвал, и пастухи все возвратились в Биндабан. Они все видели. К себе домой вернувшись, все рассказали: "Сегодня силой Хари джи мы удостоились узреть в лесу владыку Индру!"

Поведав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! За слушанье иль за рассказ сказанья о Говинде, которое тебе я рассказал, все получают четыре блага (четыре блага, к которым стремится все живое и которые определяют все поведение и весь жизненный путь каждого существа, в особенности человека): Дхарму ("Закон" — добродетель, общественно полезное, пренебрежение собственными своекорыстными и чувственными желаниями в интересах общего блага), Артху ("Полезное" — материальные блага и стремление к их накоплению), Каму ("Желание, любовь" — чувственные наслаждения и все, что ведет к удовлетворению чувственных наслаждений), Мокшу" ("Осво-

1 "Отыскивающий коров". Весьма древний эпитет богов. В Ведах им часто обозначался Индра, но в Пуранах "Говинда" всегда является одним из имен Кришны.

2 Т.е. в Суралоку, на небеса.

бождение, спасение" — стремление к индивидуальному спасению, к освобождению от пут перерождений, выход из океана бытия).

Так гласит глава двадцать восьмая — "Славословие Индры" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXIX. ШРИ КРИШНА СПАСАЕТ НАНДУ ДЖИ ОТ ВАРУНЫ И ПОКАЗЫВАЕТ ПАСТУХАМ РАЙ ВАЙКУНТХУ¹

Шри Шукадева джи сказал: "Махарадж! Однажды Нанда джи, совершая покаянье, соблюдал обет поста экадаши.² Весь день он проводил в купанье, созерцанье, поклонении богам, в молитвах, в совершение пуджи, а ночь всю проводил во бдении. Когда ж настало шесть часов утра³ и наступил двенадцатый уж день, тогда он встал, очистил тело и, думая, что приближается заря, взял дхоти,⁴ полотенце и кувшин, пошел купаться на Ямуну. За ним последовало несколько почтенных пастухов. Когда они пришли на берег, то Нанда джи поклон там сделал и одежду снял. И вот, едва вошел он в воду, как слуги Варуны, которые в воде держали стражу, чтоб не посмел никто купаться ночью, явились к Варуне и так сказали: "Махарадж! Сейчас купается в Ямуне кто-то; что ты велишь нам делать?" Варуна сказал: "Немедленно схватить его, сюда доставить!" И получив такой приказ, те слуги Варуны опять пришли туда, где Нанда джи, свершивши омовение, стоял в воде, творя молитву. Приблизившись к нему, они вдруг бросили аркан и потащили Нанду к Варуне. Тогда же пастухи, которые пришли совместно с Нандой джи, пошли и так шри Кришне рассказали: "Махарадж! На берегу Ямуны слуги Варуны схватили Нанду рая (Современное, новоиндийское произношение древнеиндийского слова "рад-жа". В позиции после имени лица слово "рай" имеет значение "господин, почтенный". Ср. цыганское "рай" в значении

1 Рай Вишну. Согласно Пуранам, рай Вайкунтха находится либо на горе Меру (Сумеру), расположенной на самом пупе Земли (в Гималаях), либо в отдаленном северном океане.

2 Каждый одиннадцатый день светлой и темной половины лунного месяца. В году насчитывается, таким образом, двадцать четыре экадаши. Соблюдающий обет экадаши совершенно отказывается от пищи и даже от воды в эти дни. В более легкой форме обет экадаши состоит в отказе от вареной пищи, молока и т.д. и в питании только фруктами. Соблюдение обета экадаши связано с целым рядом религиозных обрядов, некоторые из которых указаны в тексте.

3 Начало первого пахара, т.е. первой стражи, начало новых суток.

4 Принадлежность мужского костюма — полоса материи, которая повязывается вокруг бедер, проходя между ног. Заменяет панталоны европейского костюма.

“барин, начальник”).) джи и поташили в царство Варуны!” Услышав их слова, Говинда в гневе встал и бросился туда; в одно мгновение он прибыл к Варуне. Увидевши его, сам Варуна мгновенно встал, сложивши поднятые руки, с смирением сказал:

“Теперь плодом прекрасным венчано рожденье:
Я удостоин счастья, Кришну лицеизрел я,
Прости, молю, владыка, грешного меня!
Из-за своих грехов лишь Нанду в плен взял я.
Тебя отцом всей жизни мир весь почитает,
Но кто отец твой, Кришна, мы того не знаем!

Увидев, что купается он ночью, лишь по неведению его схватила стража и привела сюда! То счастье! Благодаря такой ошибке, сподобился и я узреть тебя. Теперь, я умоляю, окажи мне милость, не сохрани в душе мою вину!” С таким смирением глубоким он доставил множество даров и положил их перед Нандой и шри Кришной. Когда же Варуна, сложивши поднятые руки и опустивши голову, пред ним остановился, шри Кришна взял дары и с Нандою оттуда удалился, в Бриндабан возвратился. Увидев их, навстречу вышли все браджийцы. И вот старейшие из пастухов спросили Нанду рая: “За что тебя схватили слуги Варуны?” Нанда сказал: “Послушайте! Едва они меня схватили и к Варуне доставили, как вслед за мной явился Кришна. Увидевши его, сам Варуна сошел со львиного престола,¹ упал к ногам его и со смирением великим так сказал: “Владыка! Благоволи простить мою вину: я по неведению свершил сей грех! Не сохрани его в душе!” Все выслушали, что сказал им Нанда. Потом все пастухи друг другу говорили: “Братья! Уже тогда, когда шри Кришначандра поднял на руке Говардхан и дал спасенье Браджу, мы познали, что к Нанде раю в дом с небес сошел Адипуруша и принял Аватару в нем!”

Поговорив так меж собою, все пастухи потом, сложивши поднятые руки, сказали так шри Кришначандре: “Махарадж! Ты много дней нас в заблужденье оставлял! Теперь мы тайну всю постигли! Ты сам — создатель мира, утоляющий печали, владыка трех миров! Даруй нам милость, покажи нам рай Вайкунтху!” Услышав их слова, шри Кришна джи в одно мгновенье создал Вайкунтху и показал его им в Брадже! Когда браджийцы увидели рай, их осенило Знание; сложивши поднятые руки, головы склонив, они сказали: “О господи! Твое величье беспредельно, мы ничего сказать не можем; но все ж по милости твоей сегодня мы постигли, что ты

¹ Царский трон, который обычно называется “львиным сиденьем”.

Нараян, что ты явился в мир и принял в нем рождение для того, чтоб бремя снять с земли!"

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Когда браджийцы так сказали, тогда шри Кришначандра джи вновь осенил их чарами своими и, устранив с их глаз Вайкунтху, которую он создал, своей их Майею покрыл. Тогда всем пастухам все это показалось сном, а Нанда джи, по воле Майи, вновь стал считать шри Кришначандру сыном".

Так гласит глава двадцать девятая — "Нисхождение в мир Варуны и создание Вайкунтхи" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXX. ШРИ КРИШНА ВОДИТ ХОРОВОД С ПАСТУШКАМИ

Поведав это сказание, шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж!

С пастушками как Хари водит хоровод,
По мере сил поведать сердце все влечет.

Когда шри Кришна джи унес одежды, то он такое слово дал пастушкам: "Я в картике со всеми вами буду веселый хоровод водить!" И с той поры пастушки, живя надеждою на хоровод, с печалью в сердце каждый день вставляли и почитали месяц картик. По их молениям осень благодатная пришла.

Когда прекрасный месяц картик наступил,
То страшный зной и холод он прогнал с земли.
Пруды все налилися чистою водой,
И лотосы цветут все, блещут красотой!
С чакорою кумуда словно милый с милдой,
Цветут, увидев ночью месяц над долиной,
Чакаи в горе вянут, лотосы поникли,
О друге-солнце память здесь хранят они лишь!"

Сказав так, Шukaдева джи молвил: "Земли владыка! Однажды ночью в полнолуние картика шри Кришначандра вышел из дому и видит: небеса безоблачны, по ним рассыпались звезды, и свет луны все десять направлений озаряет; прохладный, напоенный ароматом, дует легкий ветерок, а в стороне — густой прекрасный лес своей красою дополняет все. Когда он увидел такую ночь, в его душе явилась мысль: "Я слово дал пастушкам, обещал, что осенью я с ними буду хоровод водить; теперь мне нужно выполнить его!" Подумав так, шри Кришна в лес пошел и на свирели заиграл. Услышав звук свирели, все молодые девы, жены Браджа, страдая от разлуки, полные любви, пришли в

великое волнение. И, наконец, оставив Майю рода, отбросив честь семьи, покинув все домашние дела, в волнение кое-как накинувши одежды и наряды, бросились бежать! Одну пастушку, когда она собралась уйти от своего супруга, ее супруг поймал уж на дороге, и, остановив, вернул домой и не позволил ей уйти. Тогда она, помысливши о Хари и оставив тело, первую к нему пришла. Увидев чистую ее любовь, шри Кришначандра тут же дал ей избавленье" (т. е. избавление от перерождений).

И выслушав сказ этот, царь Парикшит спросил шри Шукатье джи: "Владыка милосердный! Пастушка эта ведь почитала так шри Кришну джи, не думая о том, что он господь; она к нему бежала, влекомая одним лишь чувственным желаньем, каким же образом она спасенье получила? Прошу, ты объясни мне это, дабы недоумение ушло с души моей!" Шри Шукатье мунни сказал: "Дхармаватар! Кто воспевает добродетель и величие шри Кришначандры, хотя бы даже знание его не осенило, он все же, без сомненья, спасение и благо получает. Ведь кто, не ведая об этом, выпьет нектару, и тот бессмертным станет; и если выпьет, ведая об этом, то действие получится такое ж. Ведь каждому известно, что качества и действие вещей по собственной природе не могут не воздействовать. И такова же сила поклоненья Хари. С какими б чувствами кто б ни почитил его, спасенье получает. Ведь сказано:

"Молитвы наши, четки, чхапа¹ или тилак
Не в силах принести нам пользы никакой.
Незрелые пусть пляшут,² тщетны их усилья,
Угодны Раме³ только чистые душой!"

И слушай: с каким бы чувством кто бы ни почитил шри Кришну, каждый получает спасенье: Яшода с Нандою его считали сыном; пастушки почитали за любовника, а Канса, убоявшись, почитил его; приятелем считали дети пастухов, а пандавы за друга почитали; почитил и Шишупал (двоюродный брат Кришны и непримиримый враг его. Шишупал был убит Кришной. Легенды о нем даются в дальнейшем повествовании "Прем Сагара"), врагом его считавший; все ядавы почитили,

¹ Буквально: "печать" или "отпечаток". Так называются знаки разных сект, которые делаются последователями их. В частности, у вишнуитов чхапой называются отпечатки раковины, диска и других атрибутов Вишну и Кришны, которые выжигаются их последователями при помощи раскаленных металлических печатей на руках, груди, плечах и т.д. Усердные последователи Вишну покрывают такими чхапа все тело, часто также и одежду.

² Религиозная пляска, один из видов подвигов.

³ Раме как частично воплощению Вишну, т. е. самому Вишну и его полному воплощению — Кришне.

сочтя его своим, а йоги, яти, муні Господом его считали: и все потом в награду спасенье получили. Какое ж чудо в том, что удостоилась спасения одна пастушка, которая помыслила о Господе?"

Услышав это, царь Парикшит сказал шри Шуккадеву муні: "Владыка милосердный! Сомнение исчезло из моей души! Теперь ты, сделай милость, продолжай сказание!"

Шри Шуккадева джи молвил: "Махарадж! В то время все пастушки, каждая с толпой своих подружек, прибсжали к свету мира, океану красоты — шри Кришначандре — так, как чистая вода сливается с водой. Красу его наряда, в котором он блистал в тот час, не мог бы описать и сам Бихари Лал.¹ Надев все украшения, в наряде плясуна, он был чарующе и обольстительно прекрасен! И девы Баджа, увидев Хари красоту, все изумились. А Мохан, поздоровавшийся с ними, сурово им сказал: "Скажите, зачем в волнении великом, покинув Майю рода, вы в этот страшный лес пришли — в ночное время, в час ужасных бхутов (Привидение, злой дух. Согласно легендам, бхуты живут на кладбищах, прячутся на деревьях, оживляют мертвых и чинят людям всяческие неприятности. Согласно Вишну-Пуране, они сотворены в момент гнева и потому являются жестокими духами, пожирателями мяса. Бхуты являются слугами Шивы, он их повелитель.), претов (Злые духи, тени мертвецов. Согласно Пуранам, люди, которые не приносят жертв, не посещают святых мест, не почитают Вишну, не дают даров, соблазняют чужих жен, говорят ложь, проявляют жестокость к людям и животным, пьют хмельное и т.д., обращаются в претов и страдают вечно. Преты живут в грязи, моче, в местах свалки нечистот, едят нечистое и разными способами причиняют зло людям. Как и бхуты, преты почитаются слугами Шивы.), прошли такую страшную дорожку, накинута кое-как одежды, украшения? Такую смелость проявлять не подобает женщинам! Ведь сказано жене: хотя бы трус, порочный иль жестокий, хотя бы лживый, безобразный, прокаженный иль кривой, слепой, хромой, калека; хотя бы нищий — кто б ни был твой супруг, но надлежит жене ему служить! Лишь в этом счастье ее и слава в мире! Закон жены, принадлежащей роду, преданной супругу — ни на мгновение не оставлять супруга. А если же супруга, оставив мужа своего, идет к иному мужу, она во множестве рождений будет обитать в аду!"² Сказавши так, он молвил дале:

1 Один из крупнейших поэтов литературы кинди, Бихари Лал Чауби (1603—1663), считается величайшим мастером стиха. Его стихи были настолько совершенны, что его патрон джайпурский раджа Джай Сингх будто бы давал ему по золотой ашрафи (около 16 золотых рупий) за каждый стих.

“Слушайте! Вот вы сюда пришли, полюбовались чистым лесом, чудесным лунным светом и красотой Ямуны... Теперь все отправляйтесь по домам и там служите вы прилежно своим мужьям. Ведь в этом ваше всяческое благо!” Из уст шри Кришны выслушав такую речь, пастушки все, сначала памяти лишившись, в море скорби погрузились. Потом

Все, взоры опустивши, выдавили вздох
И начали вдруг землю рыть ногтями ног.
У всех текут потоки слез из грустных глаз.
Как будто с жемчугами нить разорвалась.

И, наконец, страдая тяжело от печали, они с рыданиями сказали: “О Кришна! Жестокий ты обманщик! Сначала заиграл ты на своей свирели и сразу отнял знание у нас и мысли, душу, все, чем были мы богаты; потом, безжалостный, нас обманул и говоришь жестокие слова! Что ж хочешь нас и жизни ты лишить?” Промолвив так, они сказали:

“Оставили супругов, дом, родных, семью!
Забыли гордость, стыд свой, стыд перед людьми,
У нас нет никого здесь, кто мог бы защитить,
Нас под свою защиту, Кришна, ты прими!

Ведь кто живет у ног твоих, те не хотят богатства, тела, скромности и чести; ты сам во всех рожденьях их супруг! Ты — олицетворенье жизни, о Господь!

Когда б домой вернулись — как, кому служить?
Узлом любви к тебе лишь связана вся жизнь”.

Услышав их слова, шри Кришначандра, улыбнувшись, подозвал к себе пастушек всех и молвил: “Коли у вас ко мне сильна любовь, давайте хоровод водить со мной!” Услышав это слово, забыв печаль, пастушки с радостью вокруг него все стали и радовали очи, взирая на лик Хари,

Когда облакоцветный, темный стал меж ними,
Красавицы красою все вдруг заблистали,
Как будто под горою голубой вдали
Лоза прекрасная вдруг выросла золотая!

Потом шри Кришна джи дал повеленье Майе: “Мы будем хоровод водить, для этого создай прекрасную лужайку, сама же оставайся здесь; чего бы кто ни пожелал, ты все желания исполни!” Махарадж! Едва его слова услышала она, она отправилась на Ямуну и там на берегу вмиг создала большую круглую лужайку золотую, украсила ее алмазами и жемчугами, вокруг нее поставила колонны из живых бананов, по ним

7 Неточная цитация из законов Ману.

развесила гирлянды и венки из всех прекраснейших цветов, потом пришла к шри Кришначандре джи и доложила обо всем. Узнав об этом, радостный шри Кришна джи повел с собой на берег Ямуны женщин Баджа. Пришли туда и видят: своей красою хороводный круг в четыре раза превосходит круг луны. Вокруг него, как лунный свет, цветут пески; прохладный, напоенный ароматом, веет ветерок. А в стороне густой зеленый лес преумножает прелесть ясной ночи.

Увидев это, пастушки все пришли в восторг. Близ этой же поляны находилось озеро большое — Манас Саровар. (Знаменитое озеро в северных Гималаях, относительно которого легенды говорят, что его создал сам Брахма. Озеро отличается исключительной красотой, и легенды приписывают его водам различные благодетельные свойства. Древние риши считали, что небеса находятся близ этого озера. Легенды утверждают, что река Ганга вытекает из Манас Саровара, хотя в действительности, из него не вытекает ни одна река.) Пройдя туда на берег, они надели дивные изящные одежды и наряды и с головы до ног украсили себя; потом, сплетая звуки музыки прекрасной — лютен, барабанов и прочих инструментов, вернулись обратно и, опьяненные любовью, забыв все мысли и заботы, стали петь, играть, плясать с шри Кришной. В то время шри Говинда так блистал своею красотой в кругу пастушек, как блещет месяц молодой среди звезд.

Рассказав это сказание, шри Шукрадева джи молвил: “Внемли же, Махарадж! Когда пастушки, потеряв рассудок, знание в хороводе, в душе считали Хари чувственным своим супругом и думали, что он подвластен им, тогда шри Кришначандра джи в душе подумал так:

“Теперь они решили, что я совсем в их власти,
И чувственным супругом мнят меня все в явной страсти;
Лишились знания жены, свой утратив стыд,
И льнут все ближе, словно я любовник их!
В игре исчезло знание, мысли из души,
Я их покину, чтобы гордости лишить,

и посмотрю, что без меня в лесу они тут станут делать и что тут с ними будет!” Подумав так, шри Кришначандра со шри Радхикою (Радхика, или Радха, — пастушка, любовница Кришны, супруга пастуха Аянагохи. В старых произведениях, посвященных мифу о Кришне, Радха совершенно не упоминается. В “Прем Сагаре” она упоминается всего три-четыре раза. В позднейшем вишнуизме, особенно в Бенгалии, Радха вырастает в весьма крупную фигуру, и культ Радхи, которая почитается воплощением супруги Вишну, оттесняет на задний план культ самого Кришны.

При мистическом толковании мифа о Кришне Радха обращается в символ души или символ божественной любви) джи исчез."

Так гласит глава тридцатая, — "Начало хоровода" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXXI. НЕ ВИДЯ ШРИ КРИШНЫ, ПАСТУШКИ ИЩУТ ЕГО

Шри Шукрадева мунни молвил: "Махарадж! Когда пастушки вдруг заметили, что нет шри Кришначандры джи, у всех в глазах вдруг потемнело. От страшной боли все они пришли в великое смятение и метались, как мечется змея, свой жемчуг (согласно древним индийским легендам, жемчуг находится не только в раковинах, но и в слонах, змеях, рыбах и т.д.) потеряв. И вот одна пастушка так сказала:

"Подруженьки родные, где, скажите, Мохан,
Куда ушел внезапно, как покинул нас?
Совсем еще недавно обнял, был моим он,
И прижимал так крепко к сердцу он сейчас!

Ведь только что так дружно он со всеми нами хоровод водил и забавлялся, куда ж он вдруг исчез? Не видел ли кто-либо, как он вдруг исчез?" Услышав это, все пастушки, страдая от разлуки, в печали тяжелой, плача, говорили:

"Куда идти и что нам делать?
Кому сказать, кого позвать?
Где он, как нам теперь проведать?
Мурари как теперь искать?"

Так говорили все пастушки, любовью к Хари опьянясь. Искали всюду-всюду, воспевая качества его, рыдая, все зывали:

"Зачем покинул нас ты, о владыка Браджа?
Тебе пожертвовали всем мы безвозвратно!"

И не найдя его, пошли вперед и меж собою говорили: "Подруженьки! Здесь никого не видно, кого ж спросить, куда девался Хари?" Услышав это, одна пастушка сказала: "Послушайте, подружки! Мне в голову пришла такая мысль, что все те звери, птицы и дерсвья, которые находятся в лесу, все это — риши, мунни! Они все, воплощение приняв, пришли сюда, чтоб посмотреть на игры Кришны! Давайте спросим же у них: они стоят здесь, смотрят; они укажут нам, куда девался Хари". Услышав эти речи, все пастушки, в разлуке потеряв рассудок, стали спрашивать всех тех, кто обладает корнем или чувством:

“Могучий бар,¹ пипала, вы, пакаравира!
 За святость рост высокий все вы получили,
 На благо, пользу ближних в мир вы все явились,
 Деревьями здесь в мире все вы воплотились,
 Страдали вы от зноя, холода, дождя,
 Стояли здесь на благо ближних вы всегда!
 Цветы, плоды и корни, ветки все и кору —
 Другим вы отдаете, ближним все на корысть.
 Похитив достоянье, души, Нанда Лал²
 Куда ушел, скажите, кто его видал?
 О кадамба³ и амба, милый качанари,
 Не видел ли из вас кто, где скрылся Мурари?
 Ашока славный, нежный чампа, каравира,
 Какою здесь тропой шел наш Балавира?
 О туласи, ты Хари нежно так любима,
 Не прячешь ли его ты в зарослях где-либо?
 Ты распустилась, словно вышла на свиданье!
 Где он? Ужель не скажешь нам ты этой тайны?
 О джати,⁴ джухи, травка, малати родная!
 Не проходил ли мимо милый наш Канхай?”
 С мольбою к ланям, жены Баджа так зывали:
 “Не шел ли, не видали ль — дивный Банавари?””

Сказав слова такие, шри Шуктадев джи молвил: “Маха-
 радж! Так все пастушки спрашивали у зверей и птиц,
 деревьев и лиан и, полные любви к шри Кришне, стали
 представлять игрой все чудеса, которые свершил шри Кришна
 в детстве: Путны умерщвление, спасенье от пожара и другие,
 и продолжали все искать. Искали все, искали, наконец в
 лес углубились, смотрят: сияют на песке следы шри Кришны,
 лотосы лежат, ячмень, флажок и кнут. При виде их
 баджанки все простерлись перед прахом, которого так ищут
 боги, мун и герои, и, подняв головы, исполнившись надежды
 встретить Хари, пошли оттуда дальше: Смотрят, а близ следов
 тех виднеются следы ног женщины. Увидя их, все в удивление
 далее пошли и видят: в одном местечке, на подстилке из
 нежных листьев, зеркало прекрасное лежит в оправе
 драгоценной. Тут у него все стали спрашивать. Когда же и
 оно, томяся от разлуки, не дало ответа, тогда они друг
 дружку стали вопрошать: “Скажи, подружка! Что это
 означает?” Тогда одна из них, которая всех лучше знала
 душу милую и милой, так ответила: “Подружки! В тот час,
 как милый присел, чтоб локоны связать у милой и помешал

1 Бар и т.д. — названия различных деревьев.

2 “Любимец Нанды”, одно из имен Кришны.

3 Названия различных деревьев.

4 Названия разных трав.

тем любоваться своим прекрасным телом, в тот час красавица взяла вот это зеркало, поставила пред милым, и вот тогда туда попало отражение дивного лица!" Услышав это, пастушки не разгневались нисколько, напротив, говорили: "Она нашла прекрасный способ Шиву с Парвати почтить! Она великий подвиг совершила, коль так бесстрашно забавляется наедине с владыкой жизни!" Махарадж! Меж тем как все пастушки, опьяненные страданием от разлуки, так лепетали и искали всюду, в тот час шри Радхика джи, испытавши высочайшее блаженство с Хари и думая, что милый ею покорен, решила, что она возвысилась над всеми и, допустивши гордость в сердце, так сказала: "Мой милый, теперь не в силах я идти, возьми меня на плечи, понеси!" Услышав это, проникающий в сердца, губитель гордости шри Кришначандра джи, с улыбкою присев, сказал: "Иди, взлезай ко мне на плечи!" Едва она успела руки протянуть, чтоб влезть к нему на плечи, шри Кришна вдруг исчез. Как протянула руки Радхика, так и осталась стоять с простертыми руками! Так с тучей разлучается вдруг молния, коль туча возгордится; иль месяца сиянье, рассердяшись на него, от месяца отстанет и, ускользнув от блеска белого прекраснейшего тела, доходит до земли и создает такую красоту, что кажется, красавица стоит на золотой земле. Из глаз ее текли потоки слез; она была не в силах даже отогнать тех пчел, которые садились к ней на уста, обманутые ароматом их! Одна, в лесу, страдая от разлуки, она рыдала так печально, что, услышав звук ее рыданий, рыдали звери, птицы и деревья, и лианы! Она так говорила:

"Увы, мой благодетель царственный великий,
Бихари своевольный, как же мог уйти ты?
У ног твоих, рабыня, я ищу защиты:
Ты море милосердия! Разве мог забыть ты?"

И в это время все пастушки в поисках к ней подошли и обняли ее. Они все вместе испытали здесь такую радость, какую можно испытать, когда великое сокровище утратишь и вдруг найдешь его хоть половину. Потом пастушки все, увидевши ее в великом горе, ее с собою взяли и углубились в великий лес. И там в лесу до той поры, пока был виден свет луны, шри Кришну джи пастушки все искали. Когда в густом лесу во тьме они дороги больше не нашли, они, мужаясь и надеясь на встречу, все вернулись назад, пришли опять все на берег Ямуны и сели там, где много радости им дал шри Кришначандра".

Так гласит глава тридцать первая — "Пастушки в разлуке со шри Кришной" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXXII. ПАСТУШКИ ВОСПЕВАЮТ ЧУДЕСА ШРИ КРИШНЫ

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Усевшись на берегу Ямуны, пастушки, опьяненные любовью, стали воспевать все добродетели и чудеса все Хари: "Любимый! С тех пор как ты явился в Браджд, здесь проявлялись, нас всех осеняя, радости все новые и новые. Богиня Лакшми, в надежде быть у ног твоих, сюда явилась и устроила надолго жительство свое! Мы все пастушки и твои рабыни; скорее вспомни ты о нас и прояви к нам сострадание. С тех пор как твой прекрасный темный чудный образ увидали, рабынями некупленными мы твоими стали! Поражены сердца у нас все стрелами твоих очей, так почему ж, о милый, не приписаны мы к челяди твоей? Когда ты недоступен нашим взорам, от нас уходит наша жизнь. Благоволи теперь к нам милость проявить, оставь суровость и скорее к нам явись! А ежели тебе убить нас надлежало, зачем тогда от яда, от огня и от воды спасал нас? Зачем тогда не дал нам умереть? Мы знаем, ты не только сын Яшоды: тебя ведь Брахма, Рудра, Индра и все другие божества молениями своими привлекли сюда затем, чтоб мир спасти!

Владыка жизни! Одно лишь вызывает в нас большое изумление: ведь если нас ты будешь убивать, тогда кого же будешь ты спасать? Любимый! Ты проникаешь в тайны сердца! Но почему ж ты не избавишь нас от наших всех страданий и не исполнишь упований сердца? Иль ты победою над женщинами здесь на земле достигь геройства хочешь? О милый! Когда твой ласковый, проникнутый улыбкой легкой взгляд или изгиб бровей, иль шаловливый взгляд твоих очей, иль льнувшее движение шеи, иль блеск твоих речей к нам в души проникает, то разве не бывает мучительно нам больно? Когда ты уходил коров пасти в леса, тогда, при мысли о твоих прекрасных нежных ножках, лесные камни и шипы въедались в души наши! С зарей ты уходил и вечером вновь возвращался; но все ж для нас четыре стражи югами казались четырьмя. Когда перед тобою мы садились и дивный лик твой созерцали, тогда в душе мы размышляли: как глуп великий Брахма, что создал веки у очей, для них воздвиг преграду, не дал смотреть нам не мигая на тебя!"

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи молвил: "Махарадж! Таким вот образом пастушки, страдая от разлуки, до последних сил многообразно воспевали жизнь и чудеса шри Кришначандры. Но все ж Бихари не пришел. Тогда в отчаянье, в надежде на свиданье после смерти, оставив упования на жизнь и вне себя от тяжелой муки, они упали и с рыданиями вопили так, что, услышав их вопли,

в великую печаль пришло там все живое: как то, что двигаться способно, так и неподвижное”.

Так гласит глава тридцать вторая — “Пастушки в разлуке с шри Кришной” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Даллу Лалом.

Глава XXXIII. ПАСТУШКИ БЕСЕДУЮТ СО ШРИ КРИШНОЙ ДЖИ

Шри Шукрадева джи молвил “Махарадж! Когда шри Кришначандра, проникающий в сердца, постиг, что без него пастушки не останутся в живых,

Тогда среди них внезапно Нанды сын предстал;
Плясун так вдруг исчезнет, — вмиг уж на глазах.
Когда все увидали: к ним явился Хари,
К ним вмиг вернулись чувства, все поспешно встали.
Так в труп неживом вдруг явится дыханье,
Утраченные чувства снова пробуждает.
Пока не увидали, в душах их смятенье
Как будто змей Манматха жалом их задел всех!
Узнав их скорбь, любимый вдруг предстал среди них,
Пришел с лозой бессмертья, всех их оживил!
Как лотос ночью вянет в тяжелой, злой печали,
Поблекли жены Баджа, словно все завяли,
Красу сережки солнца тут увидев вдруг,
Огромные их очи ожили вокруг!”

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи молвил: “Махарадж! Увидев корень радости, шри Кришначандру, пастушки сразу выплыли из океана скорби. Приблизившись к нему, они обрадовались так, как радуется утопающий в бездонном море, когда достигнет мели. И окружив его со всех сторон, они вокруг него стояли. Тогда шри Кришна с ними вместе отправился туда, где раньше хоровод водил. Когда пришли туда, одна пастушка, снявши покрывало, постлала на земле его и предложила сесть шри Кришне. Когда он сел на нем, то несколько пастушек в гневе молвили: “Махарадж! Ты — плут большой! Умеешь у другого ты отнять и душу и добро, а сам совсем не уважаешь чувств другого!” Сказавши так, они друг другу говорили:

“Забыв достоинства все, знает лишь порок,
Обманом полонивши, в сердце он живет!
Смотрите же, подружки, будьте осторожны:
С таким обманщиком ведь жить нам невозможно!”

1 “Мутящий душу”; одно из имен Камалева, бога любви.

Услышав это, одна из них сказала: "Подружки, да уймись! От ваших слов не будет проку! Смотрите, я заставлю говорить вот Кришну самого!" Сказавши так, она с улыбкой обратилась к шри Кришне: "Махарадж! Один творит добро, не видя от других добра; другой лишь воздаст за то, что сделано ему; а третий за добро злом воздаст; четвертый и не замечает даже добра, что сделано другими. Кто лучше всех, кто хуже всех из этих четверых, ты объясни нам это!" Шри Кришна молвил: "Все слушайте, приложив внимание! Я объясню вам, кто всех лучше, кто всех хуже. Всех лучше будет тот, кто делает добро, не получивши от другого: отец так любит сына. Но если за добро добром же воздается, то в этом никакой заслуги нет: корова так за корм дает нам молоко. Кто за добро оплатит злом, того считайте вы врагом. Но хуже всех неблагодарный, который благом пренебрег!"

Пастушки, выслушав его ответ, переглянулись друг с другом и стали хохотать. Тогда шри Кришначандра в волнении сказал: "Послушайте меня! Я не вхожу в число тех четырех, как вы то думаете и смеетесь. Обычай мой иной: чего б ни захотел кто, исполню я его сердечное желанье. Пожалуй, вы мне скажете: "Но если это твой обычай, тогда зачем ты нас покинул так в лесу? Причиной этому лишь то, что этим любовь я вашу испытать хотел. За это не сердитесь на меня; поверьте, правда все, что я сказал!" Сказавши так, он снова молвил:

“Теперь я завершил все ваше испытанье:
Я был у вас всех в мыслях, жил в воспоминаньях.
Умножила разлука нежность во сто крат,
Как будто неимущий стал бы вдруг богат!
Пожертвовали всем вы, отдали за миг,
Забыли вы все Веды, стыд перед людьми!
Подвижникам подобно, дом оставив свой,
Питая только к Хари крепкую любовь.
Доколе буду вашу славу возносить;
Дано мне вами столько, что не отплатить!

Когда б мы жили сто лет Брахмы, то и тогда не смог бы я отдать вам все свои долги!"

Так гласит глава тридцать третья, — "Беседа пастушек с шри Кришной" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXXIV. ХОРОВОД

Шри Шукрадева муні сказал: "Царь! Когда шри Кришначандра произнес проникновенное слово, то пастушки, забыв свой гнев, все радостные встали, к Хари подошли и испытали дивное блаженство. Потом, исполненные радости, все стали игры совершать. В то время

Шри Кришна создал Майю множества частей;
Один, он разделился сам на много тел,
И каждой дал он радость, как она хотела:
В любви и чудесах ведь Кришне нет предела!

Махарадж! Шри Кришначандра принял столько тел прекрасных, сколько всех пастушек было, и повел их на готовый хороводный круг и снова начал хороводную игру.

Сплели пастушки руки с Кришною великим,
Меж каждых двух пастушек Кришна темноликий.
И каждая считала: Кришна близ нее;
Не видела, что Кришна с каждою вдвоем!
У каждой пальцы нежно с пальцами сплелись,
И расцвели все пары, все кружатся с Хари,
Меж каждых двух пастушек пляшет Нанды сын,
Как молния меж тучек, блещет он один,
Все жены Баджа белы, Кришна темноликий,
Сапфиры будто в четках с золотом сплелись!

Махарадж! Таким вот образом стояли все пастушки и шри Кришна. Потом, сплетая звуки разных инструментов и выводя труднейшие мелодии, под звуки музыки все стали петь; и, постепенно подбирая все более и более высокие тона, они под звуки разных песен все пустились в пляску. Восторгом опьянились так, что все забыли все: не только тело, но и душу. По временам то обнажалась грудь пастушки, то вдруг скользила диадема Кришны, то разрывались ожерелья и рассыпались жемчужины, то, разорвавшись, падали гирлянды из лесных цветов. На лбах у них, как нитки жемчуга, сверкали капли пота.

Вокруг белых нежных лиц пастушек локоны рассыпались черные, как будто молодые змеи, жажда амброзии, взлетели на Луну (согласно легендам, Луна наполнена нектаром, или амброзией) и к ней прильнули. Случалось, что пастушка трелями вдруг рассыпалась, следуя за трелями свирели Кришны, мелодия ж другой с ней не сливалась. Иная же пастушка нежным голосом так точно подражала всей мелодии свирели, что Хари приходил в восторг, как восторгается юнец, увидя в зеркале свое изображение.

Так пели все с шри Кришной и плясали; в любовных играх разных осыпали взглядами друг друга, друг друга одаряли радостью и радость получали. Так, радуя друг друга, смеясь, обнимаясь, они дарили украшения, одежды. В то время Брахма, Рудра, Индра и все другие божества и гандхарвы, с супругами своими сев в виманы, наблюдая тот веселый хороводный круг, в восторге пролили цветочный дождь. А их супруги, блаженство созерцая то, смеялись от восторга и в душе так говорили: "О, если б мы родились в Брахме, мы тоже бы водили с Хари хоровод!" Различные мелодии, различные тона сплетались в такой гармонии, что, услышав ее, все ветерки застыли, вода остановилась; с толпою звезд остановился месяц и лучами пролил дождь из нектара. От этого ночь удлинилась и продолжалась шесть месяцев, но никому не стало то известно, и с той поры та ночь названье получила: "Брахмы ночь".

Поведав это сказанье, шри Шukaдева джи молвил: "Владыка Земли! Когда шри Кришначандра хороводную игру водил, то в голове его явилась прихоть, и он с пастушками пошел на берег Ямуны. Они вошли все в воду, и весело играли все в воде. Прогнав усталость, вышли на берег, и он, исполнивши желанья всех пастушек, молвил: "Ночь близится к концу, теперь остался только час. Вы все идите по своим домам!" Услышав это, пастушки, опечалившись, сказали: "Владыка! Как мы пойдем, покинув лотосы прекрасных ног твоих? Не слушает велений наша жадная душа!" Шри Кришна молвил: "Слушайте! Как йоги в мыслях всякий час меня хранят, так вы меня храните в мыслях, и где б вы ни были, я буду вместе с вами!" Услышав это слово, они исполнились радости, простились с ним и разошлись по домам. Никто из их домашних не узнал сей тайны, не узнал, что дома не были они".

Сказанье это выслушав, царь Парикшит спросил шри Шukaдева муни: "О милосердный к бедным! Ты объясни мне, расскажи! Шри Кришначандра принял Аватару и явился в мир, чтоб погубить асуров, чтоб бремя снять с Земли, дать счастье всем благим и добрым и показать пути закона! Зачем же он устроил тут забаву хороводную с чужими женами? Ведь это действие прелюбодея,— с чужой супругой наслаждение вкушать!" Шри Шukaдева джи молвил:

"Внемли, о царь, коли ты тайны не постиг!
За человека, зрю я, господу ты мнишь!
И мысль о нем способна грех весь удалить,
Очистить тело, душу радостью облить,
Как все, что попадает в пламенный огонь,
Вмиг в пламени стораet; все святит огонь!

Чего не может сделать сильный? Ведь что б они ни совершили, силою своею карму убивают. Так Шива джи яд (Согласно "Махабхарате" и Пуранам, когда боги сбивали молочное море, то после того, как из него вышел нектар, напиток бессмертия, из него же явился и страшный яд калакут, запах которого наполнил все три мира. Он грозил погубить все живое. Брахма обратился с просьбой к Шиве, и Шива выпил этот яд. Яд не оказал вредного действия на Шиву, и единственным следствием было то, что шея Шивы потемнела, почему он получил имя Нилькантха, т.е. "синешей".) страшный принял, но, выпив яд, он этим лишь украсил шею; он вместо ожерелья носит черную змею!¹ Кто ведает его пути? Для самого себя он ничего не делает. Но тот, кто поклоняется ему и в памяти его хранит, тот может дар любой просить и все ему он даст.

Обычай у него такой: он представляется со всеми сходным, но, если со вниманьем посмотреть, то он окажется таким отличным от всего, как лотоса листок в воде. И сверх того, ведь я уж ранее сказал тебе, открыл происхождение всех пастушек: богини то и гимны Вед для лицемерья Хари в Брахм пришли и там родились. Таким же образом сама шри Радхика от Брахмы получила дар, на Землю снизошла и здесь родилась, дабы служить шри Кришначандре, и потому осталась в служенье господу!"

Сказавши это, шри Шукрадева молвил: "Махарадж! Сказано ведь:"Все веруйте душою в чудеса святые Хари, но подражать его делам не помышляйте. Кто Гопинатха² славу воспеваает, тот, истинно, великую награду получает. За воспевание хвалы шри Кришне такую же награду получают, какая достигается свершеньем омовений в шестидесяти восьми святых местах".

Так гласит глава тридцать четвертая "Хоровод" в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXXV. ОСВОБОЖДЕНИЕ ВИДЬЯДХАРА СУДАРШАНА. УМЕРЩВЛЕНИЕ ДЕМОНА ШАНКХАСУРА

Шри Шукрадева муни сказал: "Царь! Я поведу рассказ о том, как Кришна джи освободил видьядхара и как убил Шанкхасура. Ты прилагай вниманье, слушай. Однажды Нанда джи, созвав всех пастухов, сказал: "Братцы! Когда шри Кришна у меня родился, то Амбике (в ведийских гимнах

¹ Шива обычно изображается в виде мужа с тремя глазами (третий глаз у него на лбу), с прической в виде рога, с гирляндой из черепов и с ожерельем из ядовитых змей и с трезубцем в руках.

² "Покровитель пастушек" — одно из имен Кришны.

Амбика — сестра Рудры (Шивы), но впоследствии она была отождествлена с Парвати, супругой Шивы), богине рода нашего, я дал такой обет: в тот день, когда шри Кришне джи исполнится двенадцать лет, я с городом пойду под звуки музыки и пенья в храм богини и пуджу совершу. По милости се сегодня я увидел этот день! Теперь нам надлежит пойти и пуджу совершить”.

От Нанды джи из уст услышав это слово, все пастухи немедленно встали, побежали, и мигом каждый из дома принес все нужное для совершения пуджи. Тогда и Нанда рай, собравши все необходимое для пуджи, велел на коромысла и телеги погрузить все молоко, сметану всю и масло. Потом с семьей своей примкнул к ним и двинулся в путь. Вот ехали все, ехали они и прибыли на место, посвященное богине Амбике. Приехавши туда и искупавшись в реке Сарасвати, почтенный Нанда джи призвал пурохита, потом, собравши всех своих, отправился к богине в храм и совершил там пуджу пышную по предписанию шастр. Все то, что принесли богине в дар, пред нею положили, свершили обхожденье. Потом, сложивши поднятые руки, Нанда со смирением сказал: “О, мать! По милости твоей двенадцать лет исполнилось Канхе!”

Сказавши это, он простерся пред богиней и, из храма выйдя, он тысячу брахманов наплатил. На это много времени ушло, и Нанда джи с браджийцами своими, принявши обет паломничества, там же и заночевал. Когда он ночью спал, вдруг подползла змея большая, схватила Нанду рая за ногу и начала глотать его. При виде той змеи он испугался и в страхе стал вопить: “О Кришна! Скорей иди на помощь, не то змея меня проглотит!” Услышав крики Нанды, все браджийцы — мужчины все и женщины — проснулись и прибежали к Нанде джи. Зажгли огонь и видят: лежит огромная змея и в пасть схватила ногу Нанды джи. И в этот миг туда пришел шри Кришначандра. Едва он, на глазах у всех, хребта ее своей ногой коснулся, как она, змеиное покинув тело, обратилась в юношу прекрасного. И юноша, свершив поклон, перед шри Кришначандрой стал, сложивши поднятые руки. Тогда шри Кришна джи спросил его: “Кто ты и за какой великий грех ты обращен в змею? Скажи мне это!” Он, опустивши голову, смиренно молвил: “О проникающий в сердца! Ты знаешь все и ведаешь причину всю перерожденья моего! Видьядхар я, по имени Сударшан. Я в Сурапуре жил, в прекрасном городе богов. Но, возгордившись своею красотою и талантами, я никого не ставил ни во что!”

Однажды, сев в виман, я прогуляться вылетел. Случилось, пролетал я там, где риши Ангира (Один из семи великих риши и один из десяти Праджапати, т.е. прародителей человечества. В "Ригведе" Ангире приписывается много гимнов. По некоторым легендам, Ангира родился из уст Брахмы.) сидел и подвиги творил. Я пролетел над ним сто раз. Однажды он меня заметил и сказал: "Гордец! Ты обратишь в змею!"

Едва слова те вышли из уст его, я, обратившись в змею, упал на землю. В то время риши мне сказал: "Ты от руки шри Кришначандры джи спасение получишь!" По этой именно причине я приполз и Нанду за ногу схватил. Я жаждал, чтобы ты пришел и мне спасенье дал. Владыка милосердный! Ты явился и по милости своей мне дал спасенье!" Сказавши так, видьядхар совершил святое обхождение вокруг шри Кришны и, получив его соизволение, простерся перед ним, простерся и, сев в виман свой, полетел он в мир богов. Увидев это чудо, все браджийцы в изумление пришли. Потом, когда зажглась заря, все вместе посетили храм богини, затем вернулись в Бриндабан".

Поведав это сказанье, шри Шукадева муни молвил: "Владыка земли! Однажды лунной ночью Говинда с Халадхаром весело в лесу с пастушками своими песни распевали. В это время туда пришел слуга Куберы, якша¹ Шанкхасур. Он был могуч, и в голове его был камень драгоценный. Пришел он, смотрит: здесь играет вся толпа пастушек, а там шри Кришна с Баладевом джи поют в восторге, словно опьяненные. И в голове Шанкхасура явилась прихоть (якши вообще не считаются существами зловредными; они часто изображаются легкомысленными): согнал он браджских женщин и всех погнал перед собой. В то время все пастушки, испугавшись, закричали: "Владыка Браджа! Спаси ты нас!"

Едва из уст пастушек такие вопли вышли, услышав их, шри Кришна с Баларамом, братья, вырвали деревья с корнем, схватили их и бросились туда: так лев бросается на опьяненного слона! И, прибежав туда, сказали так пастушкам: "Не бойтесь ничего! Мы здесь!" Увидев их, подобных смерти, якша, испугавшись, покинул всех пастушек и бросился бежать, спасая жизнь свою. Тогда-то Нанда Лал, оставив близ пастушек Баларама джи, сам побегал за Шанкхасуром, схватил его за гриву, на землю швырнул, и, размахнувшись, голову ему отсек и вынул камень драгоценный из головы его; потом, вернувшись обратно, отдал камень Балараму джи".

¹ Легендарные божественные существа, служители Куберы, бога богатства. Якши считаются хранителями сокровищ.

Так гласит глава тридцать пятая — “Освобождение видьядхара. Умерщвление Шанкхасура” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

**Глава XXXVI. ШРИ КРИШНА ПАСЕТ В ЛЕСУ КОРОВ.
ПАСТУШКИ ЯВЛЯЮТСЯ К ЯШОДЕ И ПОЮТ,
ПРОСЛАВЛЯЯ ШРИ КРИШНУ**

Шри Шукадева муні сказал: “Царь! Пока в лесу коров пас Хари, все молодичи Брэджа пришли к супруге Нанды, сели и стали петь славу. Все чудеса, которые в лесу творил шри Кришна, пастушки, сидя дома, воспевали.

“Звучит, подружка, слушай, звонкая свирель!
Покой несет зверям, всем птицам эта трель!
Застыв в виманах, боги, всех богов супруги
Исполнены восторга, слыша эти звуки.
И падают браслеты, кольца с нежных рук;
Душою все близ Хари; тяжких полны мук.
Тогда одна брэджейка громко говорит:
“Вот тучка утомилась, больше не гремит!”
Поет в восторге Хари, пляшет он, кружась,
И пляшут брови, руки, щеки, напряжась!
Свирель услышав, с милым вдруг застыла лань,
Коров всех на Ямуне Кришна всех собрал.
В восторге облака все тень бросают там,
Как будто опахала держат все в руках.
То в заросли густые Хари убежит,
То снова под большую пальму уж спешит.
Коровье стадо стало бегать вслед за ним,
Он всех собрал, водою всех их напоил.
Настал и вечер. Хари повернул домой,
Мычат коровы звонко, как свирель порой”.

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: “Махарадж! Так каждый день пастушки воспевали Хари. Когда же приближался вечер, они навстречу выходили и, встретивши шри Кришну, корень радости, вкушали радость и возвращались домой. Тогда Яшода рани с любовью вытирала сыну личико, покрытое густою пылью и, прижимая к сердцу, испытывала радость”.

Так гласит глава тридцать шестая — “Песнь пастушек” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXXVII. УМЕРЩВЛЕНИЕ ВРИШАБХАСУРА¹

Шри Шукрадева джи молвил: "Махарадж! Однажды вечером шри Кришна с Баларамом с коровами из лесу шли домой. И в это время появился вдруг огромнейший асур: смешался он со стадом.

До неба он вздымает в высь громаду тела,
Хребет могучий твердым, словно камень, сделал.
Огромные прямые острые рога,
И кровью налитые в ярости глаза.
Подняв свой хвост, средь стада бегаёт, ревет
И с ревом извергает бык мочу, навоз.
Вздымая гордо плечи, он прыдет ушами.
Покинувши виманы, боги убежали.
Копытами изрыл он берег весь реки.
Хребтом вздымает горы, словно стебельки!
В тот час живых всех тварей объял страшный страх,
Трепещут стражи мира, в страхе стражи стран!
Земля заколебалась, Шеша задрожал,
У жен и у коров всех чрева плод пропал!

Увидевши его, рассыпались повсюду все коровы, и все браздийцы бросились туда, где сзади всех шли Кришна с Баларамом. Им поклонившись, они сказали: "Махарадж! Там впереди стоит огромный бык, спаси нас от него!" Услышав их слова, шри Кришначандра, проникающий в сердца, сказал: "Не бойтесь ничего! То подлый ракшас, приняв вид быка, пришел сюда; от нас своей он ищет смерти!" Сказав так, он пошел вперед и, увидав его, сказал Банвари²: "Ну, подходи ко мне, эй, переряженный! Зачем тебе пугать кого другого? Что ж прямо не идешь ко мне? Кого зовут — "Противник Льва", тот не бросается на лань! Смотри, вот — я, Говинда, смерть твоя! Таких, как ты, немало я убил и уничтожил!"

Сказавши так, рукою об руку ударил и воскликнул: "Иди, вступай со мною в бой!" Услышав это, асур с такою яростью вдруг налетел, как падает с небес перун владыки Индры. И всякий раз, как Хари джи его назад отбросит, он всякий раз оправится, и вновь он наступает. Когда же Хари раз швырнул его на землю, то, разъярившись, он встал и вдруг зажал между обоими рогами Хари. Тогда шри Кришна джи освободился вмиг и, вдруг зажав ногою ногу, схватил асура за рога и так его скрутил, как выжимают мокрую одежду. Тогда он повалился и упал, и испустил свой дук. В тот час все божества, в свои виманы сев, в восторге пролили

¹ Т. е. асура в образе быка.

² Одно из имен Кришны.

цветочный дождь; пастушки же и пастухи воспели славу Кришне! Шри Радхика тогда приблизилась к Хари и сказала: "Махарадж! Убив асура в образе быка, ты запятнал себя грехом. Поэтому теперь иди и омовенье соверши в священном месте; тогда лишь сможешь прикоснуться ты к другим!" Услышав это, господь сказал: "Я призову сюда, в Брадж, все священные места!" Сказав так, он отправился к Говардхану и повелел там вырыть два глубокие пруда. И все священные места, телесный образ приняв, пришли туда и, называя имена свои, наполнили своей водой пруды и удалились. Тогда шри Кришначандра искупался в них и, выйдя, роздал множество коров и, напивавши многих брахманов, стал чистым от греха!

С того-то дня прославились пруды те: пруд Кришны — Кришнакунд, пруд Радхи — Радхакунд".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: "Махарадж! Однажды Нарада джи муні Кансу посетил. Когда он для того, чтоб увеличить ярость Кансы, открыл ему всю тайну рожденья Баларама и рожденья Шьямы, сказал ему о появлении Майи и спасенье Кришны, тогда в великом гневе Канса молвил: "О Нарада джи! Ты правду говоришь!

Сначала он пришел ведь, сына мне отдал,
Доверье укрепив тем к близким и родным.
Когда ж обман задумал, что-то показал,
Похитил все мое, он сам живым бежал!"

Сказав так, Васудева джи призвал он, схватил его и заключил в оковы. Потом, держа в руке свой меч, он в бешенстве сказал:

"Обманщик злой! Теперь ты в руки мне попался!
Личиною святого ты здесь прикрывался!
Меж тем взял сына Кришну, к Нанде отослал,
А мне принес богиню, подлый, показал!
В душе одно, другое на устах твоих,
Теперь убью на месте, на глазах своих!
Я мнил тебя слугою, другом и родным,
Ты оказался подлым недругом моим.
На языке-то мед, вишь, в сердце страшный яд!
Тебе обман и подлость жизнь могли спасти;
Предательства, обмана полон гнусный взгляд!
И прета, демон страшный, лучше уж, чем ты!"

Прервав бессмысленную эту речь, вновь Канса обратился к Нараде джи и сказал: "Махарадж! Не разгадал я тайны, которая была на сердце у него! Родился мальчик — он девочку принес и показал. Другого же назвал он недоноском,

меж тем его он в Гокуль перенес!" Когда, промолвив это, он, кусая губы, поднял меч, чтоб Васудеву поразить, то муні Нарада джи, руку удержав его, сказал: "О царь! Сегодня пощади ты Васудеву и сделай так, чтоб Кришна с Баларамом джи пришли сюда!" Когда, уговорив так Кансу, муні Нарада оттуда удалился, то Канса заключил в каморку Васудеву с Деваки, а сам, объятый страхом, Кеши¹, ракшаса, призвал и так сказал:

"Могуч ты, Кеши славный, мой товарищ, друг!
Сомкнулся на тебе лишь чаяний всех круг!
Немедля собирайся, друг, несись-ка в Браджд,
Убей мне Раму, Кришну, смерти их предай!"

Услышав эти слова, Кеши, получив приказ, простился, простерся перед ним, потом отправился в Бриндабан. А Канса между тем велел созвать советников своих: Шала, Тошала, Чанура, Аришту, Вьомасура и всех других. Они явились. Он объяснил им все, затем сказал: "Мой недруг близко тут живет! Подумайте, раскиньте вы умом и вырвите стрелу, произвившую мне сердце!" Советники сказали: "Владыка земли! Велик ты и могуч, кого тебе бояться? Ну, велико ли дело нам убить каких-то Раму с Кришной! Ты не тревожься ни о чем! Уж мы придумаем такой совет, чтоб силою иль хитростью их заманить сюда. Сначала ты вели устроить здесь, как надлежит, прекрасную арену, чтоб, услышав о красоте ее, сюда бы устремился посмотреть ее весь люд из сел и городов. Затем вели ты совершить здесь жертву Махадеву. Для жертвы той потребуешь от подданных козлов и буйволов.

Услышав эти вести, браджийцы все с дарами явятся сюда, а с ними вместе придут и Рама с Кришной. Тогда какой-нибудь твой богатырь их поразит; не то другой какой силач убьет их у ворот". Услышав это,

Обдумав это все, царь Канса так сказал:
"Прекраснейший совет ты мне здесь преподал!"
Потом богатыря он в терем пригласил,
Его с почетом принял, бетель предложил.

Потом пришел он на совет и так сказал своим старейшим ракшасам: "Когда сюда племянники мои придут — Рама с Кришной, пусть кто-нибудь из вас убьет их, чтоб из души моей ушла забота!" Так объяснив им все, потом призвал маханту² и сказал: "Твой слон могучий самый дикий. Ты станешь с ним у городских ворот. Когда они вдвоем придут

¹ Тривастый; демон в виде коня с роскошной гривой.

² Вожак слона.

и станут в ворота входить, то ты их растопчи слоном. Смотри ж, чтоб им не удалось бежать. И коль убьешь ты их обоих, тогда, что бы ты ни стал просить, получишь все!" Так рассказав все, объяснив и дав всем указания, Канса в темной половине карттика, в четырнадцатый день устроил жертвоприношение Шиве, а вечером призвал к себе Акрура¹ и, милостиво встретив, во дворец его повел; там посадил его он на престоле львином близ себя, взял руку и с великой ласкою ему сказал: "В роду у ядавов ты самый мудрый, стойкий и благочестивый! За это знают все тебя и чтут. И не найдется никого, кто б не был счастлив увидеть тебя! А посему ты сослужи мне службу так, как некогда владыке Индре послужил премудрый Ваман²: пошел и хитростью отнял у Бали царство все, а самого царя-то Бали в ад послал! Немедля отправляйся ты в Бриндабан; как только можешь, силою иль хитростью, доставь сюда обоих сыновей злой Деваки. Ведь сказано: "Великие на благо ближним приемлют на себя труды!" В сем изречение говорится также о тебе. Весь стыд за это дело падет на одного меня. Зачем я буду дальше говорить? Как только можешь, приведи их, а здесь уж без труда расправимся мы с ними! Тут либо Чанур их убьет, иль слон Кубалья схватит, разорвет, не то я сам его убью, все дело сделаю своими же руками. С обоими покончивши, прикончу Уграсену за то, что он великий двоерушник, моей он жаждет смерти. А Деваку, отца злой Деваки, я на огне сожгу и утоплю в воде! Прикончу вместе с ним и Васудеву и с корнем вырву ересь Хари! Тогда я безмятежно буду править царством! Вступлю в союз тогда я с Джарасандхом; он мой великий друг, от страха перед ним дрожат все девять стран вселенной! Ему ведь служат Нараксур (Т.е. асур Нарак, или Бхувасур, сын земли. Его история будет рассказана в дальнейшем повествовании "Прем Сагара"), Банасур (Т.е. асур Бана, дайтъя (титан), сын Бали, который получил от Шивы тысячу рук.) и ракшасы другие, великие, могучие! Иди и приведи мне Раму с Кришной!"

Сказав такие речи, Канса вновь стал объяснять Акруру все: "В Бриндабан отправляйся и скажи так Нанде: "Готовится жертвоприношение Шиве в столице и состязания в стрельбе из лука, и будет много разных игр и состязаний!" Услышав это, Нанда, Упананда и пастухи все явятся сюда с дарами, козлов и буйволов пригонят. А вместе с ними посмотреть придут и Кришна с Баладевом. Вот я тебе здесь средство указал завлечь сюда их всех. А дальше — ты

1 Один из ядавов, дядя Кришны.

2 Буквально: "пигмей, карлик". Випину, воплотившийся в виде пигмея.

человек высокой мудрости! Какие сам придумаешь уловки, так поступай и действуй. Зачем я буду дальше вразумлять тебя? Ведь сказано:

“Послы различные бывают;
Их сила, ум проявятся в делах,
Отважно дело выполняют,
За это их доверием дарят”.

Услышав это все, Акрур сначала подумал так в своей душе: “Коль я теперь что-либо доброе скажу ему, он не послушает меня! Поэтому-то лучше сделать так: теперь скажу ему лишь то, что будет для него приятно и угодно. В другом ведь месте сказано еще: “Всегда ты должен говорить лишь то, что собеседнику приятно!” Подумав так, Акрур, сложивши поднятые руки и голову склонив, сказал: “Махарадж! Ты дал прекраснейший совет! С великою готовностью я выслушал его и принял к руководству. Грядущее не в нашей власти. Немало разных планов строит человек, гоняется за ними, но получает только то, что кармою назначено ему. Одно предполагают, осуществляется другое... Не исполняется ничье сердечное желанье. Связав грядущее, ты это все задумал, но неизвестно, как оно осуществится. Я соглашаюсь со всем, что ты сказал, и завтра на заре отправлюсь и приведу с собою Раму с Кришной!” Сказавши так, Акрур простился с Кансой и к себе домой вернулся”.

Так гласит глава тридцать седьмая,— “Беседа Кансы с Нарадой” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXXVIII. ШРИ КРИШНА УМЕРЩВЛЯЕТ ДЕМОНА КЕШИ

Шри Шукадева джи сказал: “Махарадж! Теперь я поведаю рассказ о том, как шри Кришначандра Кеши демона убил и мунд Нарада вознес ему хвалу, затем как Хари погубил Вьомасура¹. Ты прилагай внимание и повесть слушай о всех сих чудесах.

Однажды на заре пришел в Бриндабан демон Кеши, принявши вид высокого ужасного коня. От ярости великой кровью налились его глаза, он поднял хвост и гриву и стал копытами своими землю рыть и с громким ржанием, вздымая плечи, всех лягать. Увидевши его, все пастухи пришли в великий страх и, прибежавши к шри Кришне, рассказали. Он выслушал их и отправился туда, где Кеши бегал. Увидев Кеши, шри Кришначандра подтянул свой пояс для борьбы,

¹ Т. е. асур Вьома, слуга Кансы; он был убит Кришной.

рукою об руку ударил и, прогремев, как лев, сказал: "Эй ты... Коль ты, большой любимец Кансы, пришел сюда и принял вид коня, то что ж ты за другими бегаешь! Иди сюда, вступай со мною в бой, я посмотреть хочу, какая сила у тебя! Да долго ли еще носиться будешь, как моль вокруг светильника? Знай, смерть твоя близка!" Услышав это, Кеши в ярости сказал себе в душе: "Сегодня я померяюсь с ним силой! Схвачу его и разжую, как стебель сахарного тростника! Я выполню то дело, что Канса поручил мне".

Сказавши так, с раскрытой пастью он понесся так, как будто захотел сожрать весь мир. Когда он в первый раз приблизился и на шри Кришначандру пасть свою направил, шри Кришна вдруг толкнул его и осадил назад. Когда же он, оправившись от удара, в другой раз снова бросился с раскрытой пастью, тогда шри Кришна джи своей рукою в пасть ему залез и, сделав руку крепкой и могучей, как железная дубина, так вытянул ее, что преградил все десять выходов из тела! Тогда-то Кеши в ужасе сказал себе в душе: "Все тело разрывается! И как случилось это, что сам я взял в рот смерть свою? Как рыба проглотит крючок и погибает, так и я: сам погубил свою я жизнь!"

Сказавши так, он прилагал огромные усилия, чтоб руку удалить, однако же ему ничто не помогло. И, наконец, дыхание его остановилось, живот огромный лопнул, и он упал и распростерся. Тогда из тела Кеши кровь текла рекой. В то время прибежали дети пастухов и стали на него смотреть. Меж тем шри Кришначандра джи пошел вперед и встал в тени кадамба.

И в это время к нему приблизился шри мунни Нарада джи с лютнею в руке. Приветствовав его, он стал пред ним, под звуки лютни звонкой он, воспев все прошлые и будущие чудеса и подвиги шри Кришначандры, молвил: "Владыка милосердный! Пределов нет для дивных подвигов твоих! И кто способен рассказать о чудесах твоих? Но я, по милости твоей, я знаю только то, что ты, чтоб верным счастье дать, чтоб защитить всех добрых, чтоб погубить асуров злых, приемлешь воплощенья многократно и являешься в сем мире, чтоб бремя снять с земли!" И выслушав такую речь, Господь простился с мунни Нарадой; а Нарада, простершись перед ним, оттуда удалился. А он, собрав всех пастухов, друзей своих, уселся под смоковницей и стал играть в царя: того назначил он советником, другого главным, а третьего восначальником, а сам он сделался царем. Потом все занялись игрою в жмурки".

Сказанье это рассказав, шри Шукадева джи молвил: "Владыка Земли!

Когда убит был Кришной мощный демон Кеши,
Когда услышал Канса страшную ту весть,
Повел тогда такие к Вьомасуру речи,
От внутреннего страха сам дрожит он весь:
“Вьомасур мой могучий, ты — гроза врагов!
Гремит весь мир твоею славою благой.
Как дивный встра сын был вестником у Рамы,
Так ты, Вьомасур, ты — мой верный вестник Ямы.
Немедля понеси смерть сыну Васудевы,
Сегодня для меня ты сделай это дело!”

Услышав это, Вьомасур, сложивши поднятые руки, молвил: “Махарадж! Все, что посильно мне, я сделаю сегодня, вся жизнь моя тебе принадлежит. Лишь те, кто жизньнюю своею дорожат, лишь те стыдятся за господина жизнь свою отдать. Но для слуги иль для жены лишь в том и слава и закон, чтоб жизнь свою отдать за господина!” Сказавши так, Вьомасур принял бетель в знак согласия бороться с Кришной и с Баларамом, и, поклонившись Кансе, он отправился в Бриндабан. Когда он вышел на дорогу, он принял облик пастуха. Шел-шел он, наконец пришел туда, где Хари забавлялся, играя в жмурки с пастухами. Когда, придя туда, сложивши поднятые руки, он издали сказал шри Кришначандре: “Махарадж! Позволь и мне здесь с вами поиграть!”, то Хари, подозвав его к себе, сказал: “Оставь свое смущенье, играй здесь с нами в ту игру, в какую сам ты хочешь!” Услышав это, он, обрадовавшись, молвил: “Есть славная игра — волк и ягненок!” Шри Кришначандра улыбнулся и сказал: “Прекрасно! Ты будешь волком, а пастухами и ягнятами все будут”. Услышав это, Вьомасур от радости расцвел. И вот все пастухи тут обратились в ягнят и начали игру. Тогда асур по одному брал пастухов, садил их в горную пещеру, а выход из нее огромною скалою закрывал и возвращался. Когда он засадил туда всех пастухов, а здесь остался лишь один шри Кришна, тогда он грозно закричал: “Сегодня сослужу я службу Кансе, всех ядавов я истреблю!” Сказавши так, асур оставил облик пастуха и в волка подлинного обратился. Когда он бросился на Хари, то Хари вдруг схватил его за горло и так, ударив кулаком, швырнул, как при свершении жертвы жрец козленка убивает”.

Так гласит глава тридцать восьмая — “Умерщвление Вьомасура” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XXXIX. АКРУР ПРИБЫВАЕТ В БРИНДАБАН

Шри Шукарева муні молвил: "Махарадж! В двенадцатый день темной половины картіка убит был Кеши и Вьомасур. В тринадцатый же день, едва зажглась заря, Акрур явился к Кансе, простился с ним и, сев на колесницу, отправился в Бриндабан с такими мыслями в душе: "Какие подвиги, молитвы, жертвы, дары, паломничества иль обеты совершил я? За что я получу такую дивную награду! Ведь сколько знаю я, во всем рожденье этом я никогда не произнес и имени-то Хари! Я жил всегда в общенье с Кансой. Как мне постигнуть тайну столь высокой чести? Должно быть, я в своем рожденье прежнему свершил великое святое дело и силой святости его я удостоился такой награды, что Канса вдруг послал меня, чтоб я привел к нему шри Криначандру, корень радости и счастья! Теперь отправлюсь я, сподоблюсь лицезреть его и получу награду за свое рожденье!

Сложив смиренно руки, я к ногам паду,
Взложу пыль ног священных скоро на главу!
От всех грехов очистят всех нас эти ноги,
Ногам тем Брахма служит, с ним другие боги!
Плясали эти ноги в дивном хороводе!
С коровьими стадами ноги эти ходят:
Была от дивной пыли радость для Ахальи,
Из ног священных вышла вся святая Ганга.
Они, осилив Бали, Индре послужили:
Те ноги удостоюсь скоро я увидеть!
И добрый знак в пути мне бодрость придает:
Вон справа пробежало стадо антилоп!"

Махарадж! Подумав так, Акрур сказал себе в душе: "Но как бы он не счел меня посланцем Кансы!" Потом помыслил он: "Ведь тот, чье имя "Проникающий в сердца", всегда поймет сердечную любовь! Он узнает своих друзей, своих врагов, и никогда меня врагом он не сочтет. Напротив, увидав меня, прижмет меня к груди своей он крепко, на голову мою возложит руки, нежные, как лотос! Тогда я радость дам чакорам глаз своих, без усталости любясь красотой лунноликого, которого всегда в глубоких мыслях созерцают Брахма, Рудра и все другие божества!"

Поведав это сказанье, шри Шукарева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Меж тем как с мыслями и думами такими Акрур, пустив своих коней, от Кансы ехал, из леса вышли там с коровами своими шри Кришна, Баларам и пастухи. Их встреча состоялась у Бриндабана. Увидев издали сиянье Хари, Акрур сошел немедленно с колесницы и в волнении глубоком побежал ему навстречу, припав к его ногам, и

погрузился весь в такой восторг, что ничего не мог сказать устами: от радости великой он только проливал потоки слез. Тогда шри Кришна джи, подняв его, с великой лаской встретил и, взявши за руку, привел к себе домой. Там Нанда рай, увидевши Акрура, просветлев, пошел к нему навстречу и принял со вниманием великим и почетом. Омыв Акруру ноги, предложил ему сиденье он.

И слуги с благовонным маслом появились,
Натерли ароматной мазью и омыли.
Яшода принесла тут стол ему, сиденье,
На том столе роскошном было угощенье.

Когда, прополоскав свой рот, он начал кушать бетель, то Нанда джи, осведомившись о здоровье, молвил: "В роду у ядавов великий старец ты! Свое достоинство всегда ты сохранял. Скажи, как ты живешь там у злодея Кансы и как живут там люди! Открой мне эту тайну!" Акрур джи сказал:

"С тех пор, как в граде нашем царствовать стал Канса,
Он муками, бесчестьем там позорит нас всех.
Ты спросил о жизни бедственного града;
Народ страдает тяжко, жизни уж не рад он!
Пока в Матхуре Канса, сей злодей, царит,
Не может род наш Яду в ней спокойно жить.
Как для скота, овец, коз страшен злой мясник,
Так для народа Канса; люд главой поник!"

Сказав так, он прибавил: "Вы знаете нрав Кансы! К чему мне больше говорить?"

Так гласит глава тридцать девятая "Хождение Акрура в Бриндабан" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XL. ПОСЛЕ БЕСЕДЫ С НАНДОЙ АКРУР БЕСЕДУЕТ С КРИШНОЙ И БАЛАРАМОМ

Шри Шукрадева джи сказал: "Владыка земли! Когда окончилась беседа с Нандой джи, тогда шри Кришна с Баларамом, знаками Акрура подозревая, уединились с ним.

Почтив его, спросили в тайне о делах:

"Скажи нам, дядя, как там жизнь течет у вас,
Здорова ль Деваки мать, здоров ли Васудева,
И Канса, давний враг наш, все ль еще у дел?
Наш дядя Канса страшный грешник и наглец!
Весь Яду род, злодей, он губит ведь в конце!"

То пагуба великая родилась в роду у Яду. Она замучила всех ядавов. Сказать тебе по правде, то Деваки и Васудева страдают так все из-за нас! Ведь если бы они нас не скрывали, то им бы не пришлось страдать так тяжело!" Промолвив это, Кришна снова молвил:

"Сказали ль что родные, как ты уезжал?
Должник я неоплатный, раб их навсегда!
Они о нас, должно быть, память сохраняют,
Живут в нужде и тяжело ради нас страдают!"

Услышав это, Акрур джи молвил: "Владыка милосердный! Ты знаешь все! Что я могу сказать? Жестокость обуяла Кансу; в нем нет приязни ни к кому! Он беспрестанно думает о том, чтоб Васудеву с Уграсеной погубить. До сей поры, однако, волею судьбы, они остались невредимы. Но с той поры, как муни Нарада к нему явился и все подробно рассказал о том, как ты родился и живешь, он заключил в оковы, в цепи Васудеву джи и держит в тяжелой муке. А завтра состоится у него в Матхуре жертвоприношение Махадеву и состязанье по стрельбе из лука. Все соберутся посмотреть. Меня прислал он вас позвать и так сказал: "Ты отправляйся и возвращайся с Рамой, с Кришной, вели приехать Нанда раю с дарами для великой жертвы. И вот я прибыл вас забрать с собой!" Услышав это от Акрура, Рама с Кришною явились к Нанда раю и сказали:

"Послушай, батя, Канса всех зовет ведь нас!
Акрур привез от Кансы нам такой приказ.
Козла с собой бери ты, буйвола, ягнят,
Для жертвы лука все нам, все везти велят!
Мы выедем все вместе с этим всем добром,
Приказывает царь нам, все к нему пойдем!"

Когда shri Кришначандра джи так объяснил и рассказал все Нанде джи, то Нанда рай без промедленья позвал глашатая и повелел ему под звуки барабана обойти весь город и всюду объявить, что завтра на заре всем вместе надлежит отправиться в Матхуру; царь приглашает всех. Услышав это, все браджейцы на заре собрались и принесли свои дары. А Нанда джи взял молока, сметаны, масла, ягнят, козлов и буйволов, велел телеги снарядить и сам последовал за ними. А Кришна с Баларамом джи, с приятелями-пастухами вместе, на колесницы сели.

Шри Нанда с Упанандой едут впереди!
Говинда, Халадхара едут позади.

Шри Шukaдев джи молвил: "Владыка всей земли! Услышав вдруг о неожиданном отъезде Кришны, все браджские пастушки юные пришли в великое волнение и страх, покинули свои дома, поспешно бросились за ними. Все, причитая, сетуя и спотыкаясь в спешке и падая, все прибежали, наконец, туда, где находилась колесница Кришначандры джи. Приблизившись к колеснице, стали все вокруг нее, сложили поднятые руки и смиренно так молили: "О, на кого ты оставляешь нас, владыка Баджа? Мы для тебя пожертвовали всем. Ведь доброго любовь вовек не исчезает, как линия руки всегда и неизменно на руке, а глупого любовь непостоянна, как из песка стена! Чем провинились мы перед тобой, что ты к нам повернулся вдруг спиной?" Сказавши так шри Кришначандре, пастушки посмотрели на Акрура и сказали:

"Акруп жестоко, страшно всех ограбил нас,
Он не считался с нами, ввернул нас в печаль!
Того, кто каждый миг нам здесь защитой был,
Того увез с собою, взял, о нас забыл!
Обманщиком жестоким брахман оказался.
Зачем же лицемерно Акрупом назывался?
Ты не Акруп, жестокий, ты без сердца, злой!
Зачем ты мучишь женщин, преданных душой?"

Такие вот жестокие слова пастушки говорили... Забыв рассудок свой и стыд, они все ухватились за колесницу Хари и так друг другу говорили: "Матхурские красавицы легко доступны, в любви искусны и прекрасны! Ты их полюбишь, их красоте и чарам подчинишься и там останешься, Бихари! Тогда зачем тебе о нас и вспоминать? Как счастливы они, что будут жить с любимым! Чем провинились мы, когда творили подвиги свои, моления? За что шри Кришначандра покидает нас?" Так меж собою говорили все пастушки, потом вновь обратились к Хари: "Тебя зовут ведь все владыкою пастушек, Гопинатком, так почему ж с собою не возьмешь ты нас, пастушек?"

Как нам прожить одним здесь без тебя, о друг?
Едва сомкнутся веки, больно рвется грудь!
Любовью сыпал нас, что ж даришь разлуку?
В тебе нет сострадания; топишь всех нас в муке!"
Так ропшут все пастушки в страшном, тяжком горе,
Печальные все тонут в море тяжелой скорби,
Не оторвут от Хари скорбных нежных глаз,

¹ Слово "акруп" — имя мудреца Акрура — значит "не жестокий, милостивый".

Как от Луны чакора пойманная лань!
И скорбных слез потоки льются из очей их,
Рассыпались на лицах локонов их змеи!"

Шри Шукадева муни сказал: "О царь! Я рассказал тебе, в каком пастушки были состоянье. Меж тем Яшода джи с великою любовью прижимала к сердцу сына, с глубокой нежностью, рыдая, говорила: "Сынок! На сколько дней отсюда уезжаешь, на столько дней возьми с собой съестного. Туда приедешь, никого там не люби! Скорее возвращайся, дай себя скорей увидеть матушке своей!" Услышав эти речи, сошел шри Кришна с колесницы, всех успокоил и утешил, простился с матерью, простерся перед ней, благословенье взял он от нее и снова сел на колесницу и поехал. И вот Яшода джи с пастушками осталась здесь, с рыданиями кричала в страшном горе: "Кришна! Кришна!", а там шри Кришна встал на колеснице и громко им кричал в ответ: "Да возвращайтесь домой! Не беспокойтесь ни о чем! Мы там побудем лишь четыре дня иль пять, и все домой вернемся!" Так говорил шри Кришна, и все смотрели на него. Когда же колесница вперед ушла далеко, и пыль там поднялась тучею до неба, и в ней не стало видно даже флагов колесницы, тогда в отчаянье все вдруг лишились чувств, упали и дрожали, как рыбы, вынутые из воды. А через несколько минут пришли в себя и встали. И вот Яшода джи, вселив в сердца надежду на свиданье, своих пастушек успокоила, собрала их и возвратилась в Бриндабан. Меж тем с шри Кришначандрою все двигались вперед, приехали на берега Ямуны. Там пастухи все стали воду пить, а Хари джи поставил колесницу в тень смоковницы. Акрур, задумав искупаться, сошел здесь с колесницы. Тогда шри Кришначандра джи сказал так Нандра раю: "Вы с пастухами всеми отправляйтесь вперед. Когда же искупается наш дядюшка Акрур, то мы догоним вас!"

Услышав это, Нанда джи со всеми пастухами двинулся вперед. Меж тем Акрур свои одежды снял, омывши руки, ноги, совершил ачман (прихлебывание воды из правой руки; совершается перед приемом пищи или перед совершением какого-нибудь религиозного действия), пошел по берегу и погрузился в воду. Исполнив погружение, он пуджу совершил, исполнил возлияние, словесную и умную молитву. Когда ж опять свершил он погружение и, открыв глаза, вдруг в воду посмотрел, то в ней пред взорами его предстал шри Кришна с колесницей.

Главу горе он поднял, снова посмотрел:
Царь Яду неподвижно с братом там сидел.

Пришел он в изумление, в сердце размышлял:
“Шри Кришна на горе ведь, с ним и Баларам,
Под деревом далеко вон сидят вдвоем,
Его ж в воде я вижу тут перед собой!
Что вне и что во мне тут, мне не разгадать!
Какой же образ должно истинным назвать?”

Махарадж! Акрур джи видел там один и тот же образ далеко от себя и близ себя в воде и размышлял. Как вдруг шри Кришначандра джи четверорукий образ принял, в руках держал он шанкху, чакру, гаду, падму и, окруженный сурами и муні, киннарами, гандхарвами и другими верными ему, предстал в воде пред взорами Акрура. Потом предстал он в образе святого Вишну, покоящегося на змее Шеша. Увидев этот образ, Акрур джи изумился больше прежнего.

Так гласит глава сороковая — “Хождеие Акрура” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XLI. АКРУР ВОЗНОСИТ ХВАЛУ ШРИ КРИШНЕ ДЖИ

Шри Шукадева джи сказал: “Махарадж! Акрур стоял в воде и долго созерцал там господа и, наконец, он осенен был знаньем. Тогда, сложивши поднятые руки, поклонившись, он сказал: “Господи! Ты тот, кто все творит и разрушает, для блага верных ты явился в мир, ты проявляешься в неисчислимых образах, а суры, нары, муні — все ничтожные твои частицы! Все из тебя выходят и погружаются в тебя опять, подобно водам, которые, из океана выйдя, вновь все вливаются в него! Твое величье несравненно. Кто может описать его? Ты существуешь вечно, чистый дух! И Небеса — твоя глава, Земля же — ноги, чрево — океан, а небо — небо все, все облака и тучи — волосы твои, деревья — волоски на теле, огонь — твой рот, все десять стран — то уши, Луна и Солнце — очи, Индра — то рука твоя, а Брахма — разум, самосознание — Рудра, гром — то речь твоя, дыхание — ветер, вода — мужское семя, мигание ресниц твоих — то смена дня и ночи. В сем образе ты вечно пребываешь! Кто в состоянии познать тебя?” Произнеся такое славословье, Акрур джи, помыслив о стопах господних, молвил: “Владыка милосердный! Храни меня ты под своей защитой!”

Так гласит глава сорок первая — “Славословие Акрура” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XLII. АКРУР ЯВЛЯЕТСЯ НА СОВЕТ КАНСЫ

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Когда шри Кришначандра, подобно Майе плясуна и лицедею, сам показал себя во множестве чудесных образов в воде и снова отнял их, тогда Акрур джи вышел из воды на берег и поклонился Хари. А Нанда Лал тогда спросил Акрура джи: "Ах, дяденька! Зачем в холодную такую пору так долго ты сидел в воде? Мы здесь уж испугались за тебя и думали: "Что дядюшку заставило забыть, что время двигаться вперед? Уж не видал ли ты какого чуда там?" Ты вразуми нас, расскажи, чтоб из души у нас сомнение ушло".

Акрур, услышав, поднял руки, молвил так:
"Ты знаешь все, владыка Браджа, Браджа-натх!
Ты дал мне здесь виденье дивное в воде,
Но в действиях великих Кришны чуда нет.
Теперь я верю в Кришну, верю всей душой,
Направь стопы, владыка, в Матхуру со мной!
Теперь не медли боле, Господи, в пути,
Скорее отправляйся, всех спешి спасти".

Услышав это, Хари встал с земли и сел на колесницу, посадил с собой Акрура и двинулся вперед. А Нанда и другие пастухи, которые поехали вперед, подъехали меж тем к Матхуре и близ нее расположились в палатках. Потом все стали ожидать шри Кришну с Баларамом, смотрели на дорогу и в волнение говорили так в душе: "Как можно долго так купаться? И почему до сей поры не едет Хари?" Пока они так размышляли, к ним подъехал Кришначандра, корень радости. Тогда Акрур, сложивши поднятые руки, голову склонив, смиренно молвил: "Владыка Браджа! Теперь, молю тебя, ты посети мой дом и освяти его, дай радость верным, позволь им лицезреть себя!" Услышав это слово, Хари так сказал Акруру:

"Сначала, дядя, Кансе долг свой уплати,
Потом, когда вернешься, дом свой покажи!
Когда пойдешь, от всех нас всяческий привет!"
Уехал он, склонивши голову в ответ.

Он ехал, ехал и наконец туда приехал, где Канса на собрании сидел. Акрур сошел там с колесницы. Его увидев, Канса встал со львиного престола, подошел к нему, приветствовал его с большой любовью. Потом с великим уваженьем и почетом руку взял его, подвел к престолу и посадил с собою рядом. Осведомившись о здоровье, он сказал: "Поведай нам о том, как съездил ты!"

Акрур, услышав это, так сказал: "О, раджа!
Словами не опишешь все величье Браджа!
Не скоро кончил я бы Нанду восхвалять!
Исполнив порученье, я с тобой опять!
Со мной явились оба: Кришна джи и Рама,
И с ними все браджийцы прибыли с дарами.
Поставили шатры там близко у реки,
Сошли с телег и станом стали пастухи".

Услышав это, Канса просветлел и молвил: "Акрур джи!
Сегодня ты для нас великое исполнил дело, что Раму с
Кришною привез сюда! Теперь домой ты отправляйся,
отдохни!"

Сказание поведав это, шри Шукрадева джи сказал царю
Парикшиту: "Махарадж! Услышав повеленье Кансы, Акрур
отправился к себе домой и погрузился в размышленья. Меж
тем туда, где Нанда с Упанандою сидели, пришли Говинда
с Халадхаром и спросили: "Коль вы дадите разрешение, то
мы пойдем осмотрим город!" "Услышав это, Нанда рай
сначала вынул сладости и дал покушать им, и оба брата
сели и поели. Затем он им сказал: "Добро, идите, посмотрите,
но долго там не задержитесь!"

Когда такие добрые слова сошли с уст Нанды джи, то
оба брата с радостью созвали пастухов — своих друзей, и
все отправились город посмотреть. Прошли они немного,
смотрят: вокруг города со всех сторон стоят сады, леса и
рощи, покрытые цветами и плодами. В них на деревьях
птицы сидят повсюду, и на разные лады приятно все поют.
Огромные пруды наполнены кристально чистой водой, в них
лотосы цветут; над лотосами теми жужжат роями пчелы; на
берегу играют лебеди и журавли и разные другие птицы;
прохладный, напоенный ароматом, дует легкий ветерок;
повсюду у оград больших садов раскинулись заросли бетеля,
а между них на много кос пестреют гряды с разными цветами;
куда ни глянь, повсюду у колодцев вращаются колеса с ведрами;
садовники сады там поливают и звонко распевают песни.

Увидев эту красоту лесов и рощ, садов, в великой радости
Господь вошел в Матхуру с пастухами. А город-то какой!
Вокруг него со всех сторон воздвигнуты высокие из меди
башни. Он окружен широким ровом кирпичным, наполненным
водой, и четверо ворот в него ведут хрустальных, в них
двери из восьми металлов, окованные золотом червонным. А
в городе виднеются различнейшие храмы и дворцы: зеленые
и желтые, белые и красные, пяти-, шестиэтажные, высокие
такие, что с облаками в небесах ведут беседы: их золотые
купола, подобно молниям, сверкают в вышине. Повсюду
развешаются знамена, флаги. Из всех ажурных окон и окошек

клубами несется аромат. У каждого двора колонна из платана, со свежими ветвями, украшенного куполом золотом; меж ними тянутся плетенья из цветов, и с них спускаются гирлянды. Повсюду из домов несется музыка. И в отдаленье от домов стоят дворцы царя, блистая золотом, сверкая камнями самоцветными: их красоту нельзя словами описать! Таков прекрасный, дивный град Матхура, и посмотреть его пошли шри Кришна, Баладев и пастухи.

По городу Матхуре вдруг пронесся слух,
Что в город прибыл Кришна, дивный Нанды сын.
Все в городе узнали, к Кришне все бегут,
О всем своем домашнем деле позабыв.
В Матхуре много женщин... Жены и девицы
Все слушают: волненье, радость на их лицах!
Друг другу говорят все, снова повторяют:
"Приехал Балабхарда¹, брат с ними шри Мурари.
Акрур туда сегодня послан был за ним,
Идем, подружки, взглянем хоть глазком одним!"
Та от еды сбежала, та не искупалась,
Та заплетала косу, бросила, помчалась!
Любовные утехы все забыли, милых,
Накинули одежды, все уборы мигом.
Те, в чем сидели дома, выбежали девы
С одним лишь пожеланьем: "Кришну посмотреть бы".
Забыли жены скромность, женский стыд и страх,
У окон, на балконах стали на глазах!
Без устали та смотрит, стоя у ворот,
По улицам снует та, глаз не оторвет.
Куда ни глянь, повсюду женщины стоят,
Протягивают руки, всем сказать хотят:
"Тот в синем одеянье — белый Баралам,
А в желтом одеянье — черный Гханашьям².
Племянники вот Кансы, вот вдвоем идут,
От них пока не спасся ни один асур!
О подвигах их славных раньше все слыхали,
Теперь красой любуйтесь жадными очами!
Кто сотворил благое в прежних всех рожденьях,
Тот удостоен чуда видеть их явленье!"

Рассказав это сказанье, шри Шукадева мунн молвил:
"Махарадж! На разные лады так говорили меж собою все
жители Матхуры, так говорили женщины, мужчины: при
виде Кришны всех их охватил восторг. И по какой бы улице,

1 Одно из имен Баларама, брата Кришны.

2 "Совершенно черный", одно из имен Кришны.

дороге, площади ни шли шри Кришна, Баларам и их друзья, повсюду люди у своих домов стояли, их окропляли благовонным чоа¹ и сандалом и проливали в радости великой дождь цветов. А Кришна с Рамою, краскою города любуясь, так говорили пастухам: "Ну, братцы! Смотрите же, не заблудитесь! Кому ж случится заблудиться, пускай тот возвращается домой к шатрам!" Когда они немного углубились в город, смотрят: что такое? В город следуют преславно прачки² Кансы с огромными узлами стирального платья! Все пьяные, они идут и дружно распевают славу Кансе. При виде их шри Кришначандра джи сказал так Баладеву джи: "Эй братец! давай у них отнимем все одежды и сами приоденемся получше, и приоденем пастухов своих, а что останется, все раздадим народу!" Сказав так брату, Хари с пастухами поближе к прачкам подошел и так сказал:

"Почище одежонку дайте пастухам,
Мы сходим во дворец в ней, все вернем мы вам!
А если царь одежей нас всех наградит,
То от щедрот царевых вам мы уделим!"

Услышав речь такую Кришны, главный из тех прачек засмеялся и сказал:

"Повремените, дайте дома разложить!
К дворцу идите, только нужно поспешить!
Коров пасли, шатались вы по всем лесам.
Ахир! Да ты попоной тело прикрывал!
Пришел, вишь, нарядился, словно как фигляр,
Надеть наряд вдруг царский парень пожелал!
Собрались все вместе, прут к царю толпой
В надежде: наградит он щедрою рукой!
И так едва влачат, вишь, жалкую-то жизнь,
Теперь хотят, чтоб царь их смертью поразил".

Услышав эти издевательства от прачки, Хари снова, улыбнувшись, молвил: "Мы так, по простоте своей, к вам с просьбой обращаемся. Зачем ты извращаешь нашу просьбу? Ведь если дашь нам платье, сам ничем не пострадаешь, заслужишь только похвалу!" Услышав эту речь, стиральщик в гнев молвил: "С твоей ли рожей надевать наряды царские! Скорее прочь с моей дороги, не то сейчас убью!" Услышав этот окрик, шри Кришначандра в гнев размахнулся и так

¹ Ароматная жидкость, получаемая из сандалового дерева и различных цветов.

² Стиркой белья в Индии занимаются мужчины, принадлежащие к особой касте — прачек-дхоби.

ударил кулаком, что прачки голова, как колос кукурузы отлетела. Тогда его товарищи и слуги все узлы и свертки бросили и разбежались все до одного, спасая жизнь свою. Все к Кансе прибежали и стали все вопить. А здесь шри Кришна джи, собрав одежды, сам оделся, велел одеться брату, одел всех пастухов своих, а что осталось, бросил все на разграбление! Тогда все пастухи на радостях надели, как умели, те одежды.

Все на ноги надели живо пояски,
А на руки надели кое-как портки.
Не могут разобраться в платье городском!
В душе хохочет Кришна: "Это нелегко!"

Когда они проследовали дальше, к шри Кришне подошел портной, простерся перед ним и, вставши, сложивши поднятые руки, молвил: "Махарадж! По положенью своему я называюся слугою Кансы, но сердцем же всегда я воспеваю доблести твои! Ты сделай милость, прикажи, и я надену на тебя одежды, и за это твоим рабом я буду называться".

Когда из уст его слова такие вышли, шри Кришначандра, проникающий в сердца, признав его своим слугою, призвал его к себе и так сказал: "Ты в добрый час явился! Одень нас хорошенько!" Тогда он мигом расстегнул и снял одежды, где следовало врезал, где следует подшил, как следует пригнал и, выбрав нужные одежды, одел сначала Раму с Кришной, затем всех пастухов. Тогда шри Кришна веру даровал ему, с собою взял, и все пошли вперед.

Тогда садовник царский именем Судам
Почтил шри Кришначандру, всех в свой дом позвал,
Венками пышными украсил всех гостей,
И был в том доме праздник, радость для друзей!"

Так гласит глава сорок вторая — "Вступление в Матхуру" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XLIII. ШРИ КРИШНА ИСЦЕЛЯЕТ КУБДЖУ¹ И ЛОМАЕТ ЛУК ШИВЫ

Шри Шukaдева джи сказал: "Владыка земли! Увидев ревность веры этого садовника, шри Кришначандра просветил и даровал ему святую веры благодать. Когда оттуда далее пошли, шри Кришначандра видит: прямо перед ним на улице стоит горбунья и держит у себя в руках поднос,

¹ Буквально: "горбунья"; имя массажистки царя Кансы, впоследствии поклонницы Кришны.

а на подносе чашечки с шафраном и сандалом. И Хари спросил ее: "Кто ты? Куда ты это все несешь!" Она ответила: "О милосердный к бедным! Раба я Кансы, и Кубджою зовут меня. Всегда сандалом натираю Кансу, в душе же воспеваю добродетели твои! За это удостоилась сегодня я узреть тебя, и этим осветилась вся жизнь моя, глаза мои достойную награду получили. И у рабыни этой лишь одно желание теперь осталось, и если мне Господь велит, я поднесу ему сандал руками этими своими".

Увидев у нее святую ревность веры, Хари молвил: "Коль в этом ты находишь радость, то натри". Услышав это слово, Кубджа с великою любовью приложила все старанья! Когда она сандалом умастила тут шри Кришну джи и Баларама, тогда шри Кришна, увидав ее душевную любовь, ей милость оказал свою: ей на ноги своей ногою наступил, а пальцами двумя за подбородок взял и, подняв руку, выпрямил ее. Едва коснулась ее десница Хари, как она вдруг обратилась в чудесную красавицу. Тогда с великою любовью она сказала Хари: "Владыка милосердный! Ты даровал своей рабыне милость, ты выпрямил горбунье тело! Теперь, будь милосерден, приди в мой дом и освяти его, в нем отдохни и дай своей рабыне радость!" Услышав это, Хари руку взял ее и, улынувшись, так сказал:

"Ты нашу всю усталость, Кубджа, отогнала,
Пришла и умастила тело нам сандалом.
Когда прекрасно тело, сердце тож прекрасно,
Любовь ведь обитает только в сердце ясном,
Когда убью я Кансу, я приду в твой дом!"
Так молвив, шри Мурари шел своим путем.

А Кубджа возвратилась к себе домой. Посыпав перед домом у себя сандалом и шафраном и полная надежды на свиданье с Хари, устроила великий праздник.

Все женщины Матхуры, все туда спешат,
Все, видя Кубджу, смотрят, все ей говорят:
"Как счастлива, о Кубджа, вся твоя судьба,
Тебе великий Брахма счастье даровал!
Ты некогда суровый подвиг совершила,
За то от Гопинатха милость получила.
А мы все недостойны Хари увидеть!
Явился ей Мурари, нежно приласкал".
Так говорят все жены, девы меж собой.
Мурари по Матхуре шествует с толпой.

И вот, осматривая город, Господь со всеми пастухами прибыл к Дханушнауру, к воротам лука. Когда привратники

увидели, что он идет с толпой, влюбленной в него, как будто опьяненный, они сказали гневно: "Эй, деревенщина! Куда вы прете? Держись подальше, это царские ворота!" Услышав окрики привратников и притворившись, будто их не слышит, шри Кришна с пастухами медленно прошел воротами, пришел туда, где был положен лук огромный Махадева: длиною он равнялся трем огромным пальмам. Приблизившись к нему, он поднял лук свободно, без труда, и так вдруг натянул его, что без труда сломал, как слон ломает стебли сахарного тростника.

Тогда вся стража, поставленная Кансою у лука, набросилась на Кришну. Но господь побил и их. Тогда все горожане, увидев это чудо, подумав обо всем, от страха отрешились и стали говорить друг другу так: "Смотрите! Царь был дома и смерть к себе призвал домой. Теперь уж не спастись ему от рук суровых этих братьев". Когда был сломан лук, раздался страшный шум. Услышав гул ужасный, Канса испугался и спросил своих людей: "Откуда взялся этот страшный шум?" Тогда те слуги царские, которые стояли в отдаленье и смотрели, простоволосыми явились к Кансе, закричали: "Спаси нас, Махарадж! Явились в город Рама с Кришной и подняли великое смятенье! Лук Шивы сломан, вся стража перебита!"

Услышав это, Канса, призвавши множество воителей, сказал: "Немедля отправляйтесь к ним и силою иль хитростью убейте Кришну с Баладевом!" Едва сошел такой приказ с уст Кансы, они собрали все свое оружие, и все отправились туда, где были оба брата. Как только воины их вызвали на бой, шри Кришна подошел и перебил их всех. Когда увидел Хари, что из всех слуг Кансы никого в живых уж не осталось, тогда сказал он Балараму джи: "Братец, уж много времени прошло с тех пор, как мы сюда пришли, давай-ка повернем к шатрам. Отец наш Нанда ждет нас, должно быть, беспокоится". Сказавши так, Господь созвал всех пастухов и с Баларамом джи пришел туда, где все расположились в шатрах. Вернувшись к Нанде джи, шри Кришна так сказал: "Отец! Мы все по городу бродили и видели там множество диковинок!" и пастухам всем показали свои роскошные одежды.

Увидел Это Нанда, молвил так с укором:

"Ах, Канха, не унял ты даже тут свой норов!

Ведь не деревня наша, здесь не браджский лес:

Сынок, столица Кансы-государя здесь!

Не смей, сынок, здесь больше ссоры затевать,

И мой урок запомни, милый, навсегда!"

Когда окончил Нанда рай джи наставления свои, то Нанда Дал с великой ласкою сказал ему: "Отец! Проголодался я, дай мне полакомиться тем, что матушка с собою нам дала!" Услышав это, Нанда вынул все съестное, что привез с собою и дал ему. Шри Кришна с Баларамом взяли и скушали все с пастухами вместе".

Рассказав это сказанье, шри-Шукадева муни молвил: "Махарадж! Итак, придя к шатрам и с наслаждением покушав, все уснули. А Канса, между тем, услышав о делах шри Кришны, впал в страшное душевное волнение: стоял ли он, сидел,— не мог найти покоя. Он в глубине души своей жестоко тосковал и все ж не мог ни с кем своей печалью поделиться. Ведь сказано:

"Когда червь точит древо, сердце пожирает,
То дерева страданий мы не замечаем.
Когда запала в душу тяжкая кручина,
Слабеет ум и тело, тает наша сила".

В великом беспокойстве наконец пошел он во дворец и там на ложе лег. Однако же от страха уснуть не мог он.

Все три ночные стражи он не мог уснуть...
На миг один лишь веки сон ему сомкнул,
Тогда увидел Канса странный, страшный сон:
Без головы живая тень к нему идет,
Купается тот призрак голый весь в песке,
То едет на осле он, яд пьет вдруг в тоске!
На кладбище поедет, ездит средь бхутов!
То из цветов кровавых вдруг венки сплетет!
То видит он — деревья в пламени стоят,
На них юнцы и девы в муке все вопят.

Махарадж! Когда увидел Канса этот страшный сон, он в ужасе проснулся, и, погрузившись в размышленья, он встал и из своей опочивальни вышел, призвал к себе своих советников и так сказал: "Немедля отправляйтесь, велите подмести арену и полить ее, как надлежит, украсить. Затем вы позовите Нанду с Упанандой, всех браджийцев и усадите на арене всех ядавов: Васудева и других. Потом вы пригласите также всех царей различных стран, что прибыли на торжество. Тогда и я прибуду". Советники все, выслушав приказ, отправились на арену, велели подмести ее, полить, из шелка желтого велели балдахин поставить, развесить флаги, стяги и знамена, гирлянды и венки, велели музыке играть и всем послали приглашенья. Все прибыли, расположились на местах. Тогда исполненный великой гордости царь

Канса прибыл, сел на троне. В то время божества в свои виманы сели и стали в радости с небес смотреть".

Так гласит глава сорок третья — "Сон Кансы" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XLIV. ШРИ КРИШНА УБИВАЕТ СЛОНА КУВАЛЬЮ

Шри Шувадева джи сказал: "Махарадж! Когда настало утро, Нанда с Упанандой и все старейшие из пастухов отправились на собрание на арену. Тогда шри Кришначандра Баладеве джи сказал: "Братец! Все пастухи ушли вперед. Теперь не время мешкать, скорее соберем друзей своих, детей пастушьих, пойдем смотреть борьбу!" Услышав это, Баларам без промедленья встал и так сказал друзьям, всем пастухам: "Эй, братцы! Пойдем посмотрим, что делается на арене там". Услышав это, все немедля подошли к нему. И вот шри Кришначандра с Баларамом оделись плясунами и пошли с друзьями-пастухами и скоро оказались у ворот арены, где, мотая головой, стоял огромный пьяный слон Кувалья, имевший силу тысяч десяти слонов.

Увидевши у входа пьяного слона,
Шри Баларам джи громко маханта позвал:
"Махант, добром послушай, я тебя прошу,
Уйми слона скорее, я пройти спешу!
Ты лучше по добру бы всех нас пропустил,
Не то, смотри, слона ведь можешь погубить.
Тебя предупредили, знай, вина не наша,
Вини себя, коли ты Хари джи не знаешь!

Он — трех миров владыка. Он явился злых всех погубить и бремя снять с земли!" Погонщик выслушал и в гневе молвил: "Я знаю, знаю! Он пас в лесу коров и сделался владыкой трех миров. Поэтому-то он сюда явился, в великого героя обратился. Но тут не то, что лук сломать: мой слон могучий обладает силой десяти тысяч слонов. Пока вы не сразитесь с ним, я не пушу вас далее пройти. Ты поразил немало силачей, но если ты уйдешь живым сегодня от слона, я буду знать, что ты поистине силач!"

Тогда в великом гневе Халадхар кричит:
"Послушай, махант, глупый, нам ты не грози!
Тебя с слоном могучим вмиг могу убить,
Коль говоришь со мною, то сдержи язык!
Преград не существует в мире всем для нас!
Скорей зови, живее прочь возьми его,
Послушайся скорее слова моего!"

Услышав это и расшвырвав, махант пустил слона. Когда слон ринулся на Баладева джи, то он, широко размахнувшись, нанес ему такой удар, что слон, втянув свой хобот, с ревом отступил назад. Увидев это чудо, богатыри могучие все Кансы, которые стояли и смотрели, сочтя себя погибшими, в душе сказали: "Кто может победить таких богатырей могучих?" Меж тем махант, увидев вдруг, что слон его назад отброшен, в глубоком страхе размышлял в душе: "Ведь если эти юноши не будут здесь убиты, меня в живых уж не оставит Канса!" Подумав так, он снова анкушом¹ слона ударил, разъярил его и вновь погнал на братьев. Слон подскочил и, Хари хоботом схватив, на землю повалил его и, разъяренный, придавил клыками. Тогда господь уменьшил тело все свое до самых маленьких размеров и даже меж клыков живым остался.

И вздрогнули, пришли все вдруг в великий страх!
Все мужи, жены, мунн, боги в небесах!
Меж тем меж двух клыков тех Кришна джи встает,
Господь, источник силы, встал, в ладоши бьет!
С слоном могучим равным силою он стал!
В шакала обратившись, Кришна зарычал.
Все верную защиту видели здесь в нем,
Увидев проявление дивной силы вновь.
Услышав вой шакала, в ярость слон пришел,
И, вытянув свой хобот, ринулся он вновь,
Мурари наклонился, вдруг под брюхом стал,
А слон остановился, словно враг бежал.
Мурари сзади вышел, сам как закричит,
А Баладев внезапно путь весь преградил.
Тут принялись оба с тем слоном играть,
И замерли все люди, с ужасом глядят.

Махарадж! То Баларам тянул его к себе, схватив за хобот, то Шьяма, ухватив за хвост, тянул к себе.

Когда же слон хотел кого-нибудь схватить, они вдруг убегали. Довольно долго так они играли с ним, как в детстве забавлялись некогда с телятами. И, наконец, шри Хари джи, схватив слона за хобот и размахнувшись, швырнул его на землю.

Как только слон издох, вожак вдруг бросился с угрозой к Хари. Господь в одно мгновение убил его, швырнув его к ногам слона. Со смехом оба брата, одетые фиглярами, схватили в руки по клыку и, выйдя на арену, остановились там. В то время Нанда Лал предстал пред каждым в образе, который соответствовал тем чувствам, с которыми все на него смотрели: борцы увидели борца, цари узнали в нем

¹ Железный крюк, которым погоняют слонов.

царя, все боги увидали в нем владыку своего, а пастухи узнали друга, Нанда с Упанандой — сына, красавицы все городские видели в нем воплощение красоты, а Канса и другие ракшасы в нем увидали смерть свою. О Махарадж! При виде Кришны Канса в великом ужасе воскликнул: “Эй, силачи мои! Убейте же скорей его иль уберите с глаз моих!”

Едва сошел с уст Кансы этот возглас, все лучшие его богатыри, учителя их, сыновья, ученики схватились за оружие, надели разные уборы и, хлопая руками, зовя их на борьбу, со всех сторон вдруг окружили Кришну с Баларамом. Едва они к ним подошли, шри Кришна с Баларамом стали, приготовились к борьбе. Тогда один из тех богатырей, Чанур, взглянув на них, с усмешкою сказал: “Послушайте. Не весел что-то царь наш; чтоб душу отвести весельем, он хочет посмотреть наш с вами бой. И так как вы, живя в лесу, постигли всю науку, не беспокойтесь больше ни о чем, вступайте с нами в богатырский бой, повеселите своего царя”.

Шри Кришна молвил: “Нас царь великой милостью почтит и пригласил сюда сегодня. Что делать нам, пусть он решает сам. Вы все богатыри, искусные в науке ратной, а мы ребята неученые. Куда же нам бороться с вами? Ведь сказано: “Лишь с равными вступайте в брак, в любовь и во вражду”. Но воля государя — нам закон. Поэтому ваш вызов принимаем, но пощадите нас, не поразите смертью. Теперь и нам и вам всем надлежит вести борьбу, ее законы исполняя. Порадуем все вместе государя”.

Услышав это, Чанур молвил так со страхом:
“Неведомый твой путь тут, видно, не познать нам.
Не мальчики вы; силой каждый равен нам,
Богатыри вы, видно; нас ввел в обман.
Играя, разломал ты надвое здесь лук,
Шутя, убил Кувалью, спасся сам от мук,
Ты никогда не терпишь, Кришна, поражения,

Об этом каждый знает, каждому известно”.

Так гласит глава сорок четвертая — “Убиение Кувальи” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XLV. ШРИ КРИШНА ДЖИ УБИВАЕТ КАНСУ

Шри Шукадева муни сказал: “Владыка земли! Покончив с этими речами, ударили в ладоши, и Чанур стал пред шри Кришной, а Маштих вызвал Баларама на борьбу. И началась борьба между богатырями.

Их головы сплелись, руки словно змеи,
Скрестился взор со взором в схватке той лихой,

Тот на ногу наступит, сам шагнет вперед,
Врага другой вдруг обнял, того рванул, трясет.

В это время все на них смотрели и говорили так между собой: "Ай, братцы! Великое насилие здесь творится на собрание этом. Смотрите, можно ли сравнить: здесь мальчишки, красою совершенною блистающие, там богатыри, подобные небесному перуну. Коль воспротивиться такой борьбе, то разъярится Канса, а не противиться — нарушатся законы. Поэтому нам оставаться непристойно: ведь мы бессильны здесь что-либо изменить".

Махарадж! Меж тем как все они так говорили меж собой, шри Кришна, Баларам с богатырями вели там богатырский бой. И, наконец-то оба брата повергли в прах, убили двух богатырей. Едва они скончались, вдруг на братьев обрушились все богатыри. Господь в одно мгновение поразил, убил их. Тогда поклонники все Хари просветлели и заиграла музыка вокруг, все испускали возгласы: "Джай, джай"¹. А боги, сев в свои виманы, шри Кришне славу воспевали и с Небес пролили великий дождь цветов. А Канса испытал великую печаль; смятенья полный, в ярости сказал он слугам: "Эй, вы, зачем играете? Иль так приятна вам победа Кришны". Промолвив это, он сказал: "Да, эти оба парня очень распустились. Схватите их, свяжите, с собранья увидите. Да вместе с ними Деваки схватите, приведите также Уграсену и лицемера Васудеву. Сначала тех убейте, затем убейте и обоих этих". Едва слова такие сошли с уст Кансы, как Мурари, благодетель верных, в одно мгновение поразивши всех асуров, подскочил и вмиг туда взлетел, где на высоком троне, закованный в кольчугу, в шлеме, держа в руках свой щит и меч, сам Канса восседал, исполненный великой гордости. Увидя, что шри Кришна приближается к нему как воплощение смерти, он был охвачен ужасом, и в страхе с трона встав, он задрожал всем телом.

В душе его явилась мысль: "Бежать", но от стыда он был не в силах это сделать. Подняв свой щит и меч, он стал удары наносить. В то время Нанда Лал с великой ловкостью его удары отбивал. И суры, нары², мунни, гандхарвы, взирая на такой великий бой, взывали в страхе так: "О, господи, скорее поразил злодея этого". Недолгая борьба там на престоле продолжалась. Господь, увидев всех в великом горе, схватил за гриву Кансу и свергнул вниз с престола, потом он спрыгнул сам. Из тела Кансы жизнь ушла. Тогда участники

¹ Буквально: "Победа, победа". Эти возгласы соответствуют "ура" и "браво".

² Согласно Пуранам, божества низшего ранга, родственные гандхарвам, киннарам и т.д.

великого собрания воскликнули: "Шри Кришначандра джи убил злодея Кансу!" Услышав этот крик, все боги, нары, муні возликовали.

Воспев хвалу в великой радости своей,
Все боги проливают дождь цветов с небес,
На бубнах, барабанах радостно играют:
"Да здравствует сын Нанды, Кришна беспечальный!"
Сердца матхурских граждан радостью полны,
Как лотосы взирают все на диск Луны".

Поведав это сказанье, шри Шukaдева джи сказал царю Парикшиту: "Дхармаватар! Когда скончался Канса, его могучих восемь братьев ринулись в бой. Господь сразил и их. Когда же Хари увидал, что ракшасов в живых уж больше не осталось, он потащил труп Кансы на берег Ямуны. Там оба брата отдохнули. С того-то дня то место получило наименование свое: "Вишрамгхат", что значит "Брег отдохновения".

И получив известие о смерти Кансы, жены Кансы и жены младших братьев Кансы, все в великом горе с рыданиями и ударяя в грудь себя, пришли туда, где на берегу сидели подле трупа оба брата. Приблизившись к трупу и взирая на супруга, они все радости бывшие вспоминали и воспевали доблести его, и, пораженные великой скорбью, все падали и бились на земле. И в это время Канха, источник милосердия, им милосердие свое явил, приблизился к ним и сказал:

"О матери и жены, тяжкая печаль!
Супруга надлежит вам здесь воде предать!
Никто из смертных в мире вечно не живет,
И призрачно все то, что мы своим зовем.
Здесь нет отца, нет брата, матери нет, сына.
Рожденье смерть несет всем... Смерть снова возродила.
Пока с живым живою связаны мы нитью,
Мы призрачным лишь счастьем пользуемся в жизни".

Махарадж! Когда шри Кришначандра успокоил так цариц, тогда они оттуда встали, собрались с мужеством, на берег все пришли и предали воде супругов. И сам Господь своей рукой зажег костер у трупа Кансы и погребенье совершил".²

Так гласит глава сорок пятая — "Смерть Кансы" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

1 Наиболее обычный в северной Индии способ погребения состоит в сожжении трупа, останки которого бросают затем в реку.

2 Погребальный костер зажигает ближайший родственник покойника, в данном случае — Кришна как племянник Кансы.

Глава XLVI. ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ТЕМНИЦЫ ВАСУДЕВЫ И ДЕВАКИ И ПОМАЗАНИЕ НА ЦАРСТВО УГРАСЕНЫ

Шри Шукрадева муні сказал: "О царь! Супруги Кансы и супруги младших братьев Кансы, искупавшись и омывшись, с рыданиями отправились оттуда во дворец. Тогда шри Кришна с Баларамом джи отправились к Деваки и Васудеве и сняли цепи и оковы с ног и рук их. Простершись перед ними, они пред ними стали, сложивши поднятые руки. Тогда узрели Деваки и Васудева джи образ Господа и удостоились знания. В своей душе они узнали твердо, что они — Творцы Вселенной, приняв воплощение, явились в мир, чтоб погубить асуров, чтоб бремя снять с Земли. Когда же Васудева и Деваки душой постигли это, то Хари, проникающий в сердца, вновь осенил их Майею своей, и Майя отняла у них святое откровенье, и после этого они узнали в Кришне джи и Балараме джи своих детей. Тогда шри Кришначандра со смирением великим так сказал:

"Страдания и печали долго принимали.
О нас вы неизменно память сохраняли

Но в этом нашей нет вины. Ведь с той поры, как вы оставили нас в Гокуле у Нанды, мы жили в подчинении другим, своей не знали воли. Но у меня в душе всегда являлась мысль, что той, в чьем чреве прожил десять месяцев и от которой я рождение принял, я не дал ни крупицы радости. И сами мы не видели ведь радости глубокой от родных своих. Без пользы проводили жизнь с чужими. Отец и мать за нас великие страдания претерпели, а мы ничем служить им не смогли. А в мире силой обладает только тот, кто почитает сам родителей своих. Мы должниками их остались, служить им не могли".

Владыка земли! Когда шри Кришна джи так высказал свою сердечную печаль, тогда они, исполненные радости великой, обняли их с любовью, и эта радость уничтожила минувшую их скорбь. Порадовав своих родителей, они оттуда оба удалились и явились к Уграсене и, сложивши поднятые руки, так сказали:

"Почтенный дедушка, ты царством этим правь,
Благие все созвездья, добрый день настал".

Когда с уст Хари джи сошли слова такие, царь Уграсена встал, приблизился к шри Кришначандре и, припав к его ногам, сказал: "Владыка милосердный! Молю тебя, услышь мою мольбу. Коль ты убил великого злодея Кансу и всех

асуров истребил, дал радость верным, то сам садись ты на престол теперь и правь Матхурским царством, охраняя народ". Господь сказал: "Махарадж! Никто из ядавов не обладает правом царствовать, и всем известно это! Когда царь Яяти состарился, то он, призвавши сына Яду, так сказал: "Дай мне свой юный возраст, а старость от меня возьми". Услышав это, Яду так подумал про себя в душе: "Коль я отцу отдам свой юный возраст, он сделается юным и будет предаваться наслаждениям, и на меня падут его грехи. Поэтому-то лучше так не делать". Подумав так, он дал отцу ответ: "Отец. Я не могу так сделать". Услышав это, царь Яяти во гневе проклял Яду и сказал: "В твоём роду никто царем не будет".

Тогда к нему явился Пуру, младший сын; сложивши поднятые руки, он сказал: "Отец, дай старость мне свою, а юность у меня возьми. Мне это тело бесполезно, и если может быть оно полезно для тебя, то что же лучше этого?". Когда сказал так Пуру, то царь Яяти, обрадованный, отдал ему старость и, у него взяв юность, молвил: "Пуру, царский трон останется в твоём роду". Поэтому, почтенный дедушка, не подобает царствовать нам, ядавам.

Садись ты на престол здесь, царством этим правь,
О всех правах сомненья все свои оставь.
Мы будем выполнять все трудные дела,
Что ни велишь, мы точно будем выполнять.
Кто власть твою не станет в царстве уважать,
Наш первый долг — жестоко всех тех наказать.
Не погружайся, царь, ты в думы и сомненья
И счастье народу дай своим правлением.
При Кансе ядавы все в страхе перед ним,
Покинув край родной свой, всюду разошлись.
Теперь, наш царь, проси их всех вернуться к нам,
В Матхуре посели всех, радость всем им дай.
Коров, богов, брахманов всем вели здесь чтить,
Прилежно на защиту всех их, царь, трудись".

Рассказав это сказанье shri Шукадева мунни сказал: "Дхармаватар! Махараджадхирадж! Шри Кришначандра, благодетель верных, познав, что Уграсена джи является его поклонником, так убедил его и, посадив на львиный трон, его помазал он на царство, велел над ним поставить царский зонт¹, и оба брата сами хвостами яка опахали² государя.

В то время в радости великой в городе все граждане кричали: "Да здравствует наш государь!". А боги пролили с

1 Зонт является одним из атрибутов царской власти.

2 Опахание хвостом яка — символ признания царской власти.

небес цветочный дождь. Махарадж! Так посадив shri Уграсену на престол, shri Кришна с Баларамом повелели слугам государя за собой нести несметное число одежд и украшений, и все отправились к Нанде раю джи. Там оба брата стали перед ним, сложивши поднятые руки, с смиренным сказали: "Как возвеличить нам тебя? Когда б мы обладали целой тысячею языков, то и тогда б мы не смогли прославить добродетели твои. Ты с нежною любовью воспитал обоих нас как сыновей своих. Ты неизменно проявлял любовь и ласку, и мать Яшода с нежностью любила нас, всегда дарила ласкою своей и нас родными сыновьями почитала, и даже в мыслях никогда не думала о нас, как о чужих!"

Сказавши так, shri Кришначандра дал молвил: "Отец, не гневайся на нас за то, что я тебе скажу, я говорю из глубины души своей: мы будем называть родителями вас, однако ж ненадолго мы задержимся в Матхуре, повидаемся с своими братьями по касте¹ и послушаем здесь о происхождении рода Яду, и к матери своей пойдем, порадуем ее: она ведь ради нас перенесла великие страдания. Ведь если бы они нас не отправили к тебе, то были бы свободны от страданий". Сказавши это, он велел сложить пред Нандой джи одежды и наряды. Свободный от оков любви сказал:

"От нас обоих милой матушке поклон,
Питайте к нам, как прежде, нежную любовь".

Когда из уст shri Кришны вышло это слово, то Нанда рай в великой скорби глубоко вздохнул, а пастухи подумали и так в душе сказали: "Что за диковинные речи говорит он! Из слов его понятно только то, что он теперь нас хочет обмануть и так сбежать от нас. Не то зачем бы стал он говорить жестокие такие речи". Махарадж! И вот один из них по имени Судама, друг его, сказал: "О братец мой, Каяхая. Что за дела теперь тут у тебя в Матхуре? Из-за чего с такой жестокостью отца родного покидаешь и остаешься здесь? Ты сделал хорошо, что Кансу уничтожил и все дела уладил. Теперь же возвращаясь с Нандой, едем все в Бриндабан, будешь царствовать. Ты посмотрел, какое царство здесь. Не обольщайся же душой. Ты здесь не будешь счастлив так, как там!"

Послушай! Лишь глупцы, увидев царство, блеском обольщаются и радуются, увидав слонов, коней... Не променяй же ни на что Бриндабан. У нас всегда стоит весна. И сердце никогда не может позабыть красу густого леса и Ямуны. О брат! Чего достигнешь ты, покинув вдруг все радости и не

¹ Пастухи ахиры принадлежат к третьей касте — вайшьев, меж тем как ядавы принадлежат ко второй касте кшатриев-воинов.

уважив наших слов, когда, забыв любовь отца и матери, ты здесь останешься? У Уграсены ты на службе будешь состоять, и день и ночь в заботах будешь жить. Тебе придется сделаться слугой того, кому ты царство отдал сам. Как сможешь ты перенести такой позор? Насколько лучше будет, если ты не станешь такого горя Нанде причинять и вместе с ним вернешься!

Ты вспомни Браджд, Ямуну, всю красоту лесов,
Ужель забыл, как с нами пас в лесах коров?
Не покидай, Господь, нас, едем, Кришна, в Браджд!
Поедем вместе все мы, нас ты не оставь".

Рассказав это сказанье, шри Шукалева мунни сказал царю Парикшиту: "Махараджд! И долго все они такие речи говорили и наконец с шри Кришною и Баларамой осталось только десять или двадцать их друзей. Они все, успокаивая Нанду рая, говорили: "Отбрось свои сомненья! Бери всех пастухов и отправляйтесь вперед, а мы потом вернемся с ними". Услышав это,

Ахиры впали в страшное волненье,
Как будто укусила всех змея,
На Хари смотрят все они с сомненьем,
Как на картине, все они стоят.

В то время Баладев, увидя Нанду рая в столь глубокой скорби, стал успокаивать его и говорить: "Отец, зачем ты так горюешь? Мы несколько лишь дней пробудем здесь, устроим все дела и к вам назад вернемся. Тебя ж вперед мы отправляем потому, что мать осталась одна и дома там волнуется, должно быть. Когда вернешься ты, она спокойней будет". И Нанда джи сказал: "Сынок! Да поезжайте вместе вы со мной, со всеми повидаетесь, потом сюда вернетесь".

Сказав слова такие, Нанда впал в печаль,
Не мог уйти, припал он в горе к их ногам.
Истерзанный, печальный, он в безумье впал,
И удержу тут горьким не было слезам.

Махараджд! Когда шри Кришначандра джи, свободный от всех обольщений Майи, увидел Нанду джи со всеми пастухами в столь глубокой скорби, то он в душе подумал: "Когда их так со мною разлучить, они не смогут больше жить". Тогда он излучил свою ту Майю, которая весь мир в обмане держит. Она явилась и знания лишила Нанду джи со всеми пастухами вместе. Потом господь сказал: "Отец! Зачем ты так печалишься? Подумай-ка ты сам, да разве

далеко Матхура от Бриндабана? Да разве далеко мы уезжаем от тебя, что ты горюешь так? В Бриндабане там все волнуются, должно быть, потому тебя и посылаем мы вперед”.

Когда Господь так успокоил Нанду джи, тогда тот с мужеством собрался и, сложивши поднятые руки, так сказал: “Господь! Коли твоя такая воля, то разве смею я желать другого? Я уезжаю. Я не могу нарушить твой приказ”. Когда слова такие сошли с уст Нанды джи, то Хари отпустил его в Бриндабан вместе с пастухами. А оба брата и их несколько друзей остались в Матхуре. В то время вместе с Нандой пастухи

В раздумье тяжком грустно шли своим путем,
Идут так, проигравшись, игроки домой.
Ни мысли, ни заботы в сердце не найти...
Едва волочат ноги, падают в пути.
Идут все в Бриндабан, а смотрят в Мадхуван.¹

Едва-едва плетясь, они все ж прибыли в Бриндабан. Услышав об их возвращении, Яшода рани прибежала из дому в волнении глубококом и, не видя Рамы с Кришной, с ужасом сказала Нанде джи:

“Скажи, супруг, куда же делись сыновья.
Один пришел, принес нам платьев да тряпья.
Алмазы там оставил, блески только взял,
Безумец, вылил нектар, сам глотать стал яд.
Владея чудным камнем, выбросил его,
Узнав о дивных свойствах, с горя ты умрешь!

Вот так и ты: кому-то сыновей отдал, взамен их сам принес наряды да уборы. Когда их нет, зачем теперь тебе богатства? О глупый мой супруг! Как будем жить без них: едва закроются бывало их ресницы, и разрывается вся грудь. Да как могло остаться целым сердце у тебя, когда они тебе сказали о разлуке?”

Услышав это, Нанда джи, убитый горем, голову склонил и так сказал: “Сказать по правде, мне эти украшения Кришна дал, но я не помню, как их взял. Да что я буду говорить о Кришне? Ты будешь слушать и страдать.

Убил там Кришна Кансу, к нам назад пришел,
Отняв свою любовь, он проповедь прочел.
Он сделался вишь как-то сыном Васудевы,

¹ Лес на берегу Ямуны (Джамны) близ города Матхуры, где Шатрагхну, брат Рамы, героя “Рамаяны”, убил демона по имени сына Мадху. Согласно легендам, в ознаменование этого события и был основан город Матхура.

Украл у нас он души, нам подарки сделал.
Тогда я сам в безумье, верь, жена, пришел,
Сказав, как мы любили в детстве всей душой.
Теперь, супруга, Хари сыном не считай,
Владыкою признай и с верой почитай.

И раньше нам известно было, что он Нараян, но волей Майи мы его за сына почитали". Махарадж! Когда же Нандарай джи высказал всю истину ей о шри Кришне, тогда Яшода рани, то, подчиняясь власти Майи, считая Господа за сына своего, в душе страдала тяжело и в смятении рыдала, то, осененная великим знанием, созерцала Господа душой и, воспевая добродетели его, освобождалась от душевной скорби. Таким же образом все население Браджа, — как женщины, так и мужчины, — в любви глубокой к Хари вели о нем различные и долгие беседы. Во мне нет силы рассказать о них.

Поэтому теперь я расскажу о чудесах его в Матхуре. Ты прилагай вниманье, слушай.

Когда Говинда с Халадхаром, простившись с Нандой раем, вернулись к Васудеве с Деваки, тогда они, увидев сыновей, забыв о всех своих страданиях, такую радость испытали, какую может испытать подвижник, сподобившись награды за великий подвиг свой. А после Васудева сказал так Деваки: "Наш Кришна С Баладевом жили у чужих. Они совместно с ними ели (Совместная еда дозволена для членов одной касты. Принятие пищи совместно с членами низших каст считается осквернением и приводит к утрате касты.), пили и не знают об обычаях той касты, к которой по рождению принадлежат. Поэтому теперь нам надлежит, пурохита позвав, спросить, что скажет он, то сделать". Дсваки отвечала: "Очень хорошо".

Тогда немедля Васудева послал и пригласил к себе жреца, высокочтимого в их роде — Гаргу мунд джи. Гарга джи явился. Они ему открыли свои душевные сомнения и спросили: "Махарадж! Теперь что надлежит нам делать? Сделай милость, вразуми нас". Гарга мунд молвил: "Сначала сдобаволите приглашение послать ко всем сочленам касты, затем исполните обряды касты, вручите Раме с Кришною священный шнур". (Священный знак принадлежности к трем высшим, арийским, кастам получают и имеют право носить только брахманы, кшатрии и вайшьи. Шудры (низшая каста) и внекастовые индусы лишены права носить священный шнур. Обряд вручения священного шнура совершался и совершается перед началом ученья, которое для мальчика-брахмана должно, согласно сутрам, начинаться в восемь лет, для кшатрия в одиннадцать и для вайшьи — в двенадцать. По

совершении обряда вручения священного шнура (в настоящее время этот обряд выполняется только формально) мальчик становился учеником, должен был поселиться у учителя, жить на милостыню и служить своему учителю до тех пор, пока он по окончании ученья искупается, станет снатак, т.е. искупавшимся, закончившим свое ученье. Снаток получает право жениться и становится домохозяином.)

Когда слова такие вышли из уст пурохита, то Васудев, послав известие об этом в город, пригласил к себе всех членов рода Яду и всех брахманов. Все они прибыли. Он встретил их с почтеньем и с почетом усадил. Сначала Васудев джи, как то надлежит, исполнил все обряды касты и просил великих брахманов составить гороскоп и занести в их родословную. Потом дал брахманам тем десять тысяч упитанных коров с рогами золотыми, с хребтами медными, с серебряными копытами, покрыв всех желтым шелком; он при рождении шри Кришны джи такой обет дал. Потом велел устроить пир, исполнив все обряды, предписанные Ведами, и повязав шри Кришне с Рамою священный шнур, затем он, дав обоим братьям съестного на дорогу, отправил их для изучения науки. Они отправились и прибыли к авантикапурскому (Город Авантика, (современный Уджайи) в Центральных провинциях принадлежит к семи старинным священным городам. Брахманы г. Авантики славилась своей ученостью.) риши по имени Сандипани¹. Он был пандит великий, сведущий в науках; жил он в Кашипуре². К нему они пришли. Простершись перед ним, сложивши поднятые руки, стали и со смирением великим молвили:

“О прояви, великий риши, состраданье,
Вниманья удостой нас, дай святое знанье!”

Махарадж! Когда шри Кришна с Баларамом джи с таким смиреньем обратились к риши Сандипани, то он с великою любовью ввел их в дом свой и с великим милосердием стал обучать. Прошло немного дней; шри Кришна с Баларамом, все четыре Веды изучив (т. е. Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа), упаведы (низшее после Вед знание, т. е. 1) Аюрведа (медицина), 2) Гандхарваведа (музыка и танцы), 3) Дханурведа (военная наука), 4) Стхапаньяведа (архитектура)), шесть шастр, грамматик восемь (т.е. грамматику санскрита и различных пракритов, знание которых входило как необходимый элемент в систему образования), восемнадцать Пуран, мантры (священные стихи из ведических гимнов,

¹ Имя Гуру Кришны и Баларама.

² Старинное название Бенареса, употребляемое индусами и в настоящее время — Кашн или Кашипурси.

мистические стихи и формулы, употребляемые как заклинания), янтры (магические диаграммы; мантра-янтра — заклинания), тантры (религиозные трактаты или дисциплины, описывающие магические или мистические средства, якобы ведущие к достижению сверхъестественной силы), агамашастры, содержащие заклинания, якобы высказанные самим Шивой), джйотиш¹, вайдык², кок³, сангит⁴, пингал⁵, сделались вместилищем четырнадцати наук и шестидесяти четырех искусств. Тогда однажды оба брата, сложивши поднятые руки, со смирением великим обратились к Гуру: “Махарадж! Ведь сказано, что если даже принять воплощение много раз и много дать всего, то все ж нельзя за знание отплатить. Но ты сам знаешь, что мы можем, благоволи назначить сам награду за ученье Мы, по мере сил своих, дадим и, приняв от тебя благословенье, отправимся к себе домой”.

Когда из уст шри Кришны с Баларамом вышло это слово, то риши Сандипани удалился и, погруженный в размышления, вошел в свой дом. Своей супруге, открывая тайну их, он так сказал: “Эти юноши — шри Рама с Кришной — Адипуруша изначальный. Они явились в мир для блага верных, приняв Аватару, чтоб бремя снять с Земли. Я видел чудеса их и потому познал всю эту тайну. Ведь люди, принимая множество рождений и предаваясь в каждом изучению наук, все ж не находят бродя в бездонном океане знаний. А посмотри, они в столь юном возрасте в короткое такое время перешли через непереходимый и безбрежный океан. И что б они ни захотели сделать, в одно мгновение могут сделать все”. Промолвив это, он сказал:

“Скажи, супруга, что же нам у них просить?”

Все выслушав, супруга стала говорить:

“Проси, чтоб возвратил он нашего нам сына;

И если Хари он, то это сделать в силах”.

Так обсудивши в доме, Сандипани риши из дома со своей супругой вышел и, став перед шри Кришной с Баларамом, сложивши поднятые руки, со смирением сказал: “Махарадж! Еще недавно сын был у меня. Однажды в праздник, взяв его, с семьею я отправился купаться в море. Когда пришли туда, я, сняв одежды, со всеми вместе стал у берега купаться. Тут набежала вдруг волна морская, и в ней мой сын исчез,

1 Астрономия и астрология.

2 Медицина.

3 Наука любви. Согласно традиции, основы этой науки впервые были изложены пандитом Коком, откуда и название самой дисциплины.

4 Теория музыки и танца.

5 Просодия. Основание этой дисциплины приписывается легендарному Пингалу, божественному змею.

да больше и не вышел: его чудовище морское проглотило. Из-за него я глубоко страдаю, и если ты хотел бы отплатить мне, то возврати мне сына моего и удали страданье из души моей”.

Услышав это, шри Кришна с Баларамом поклонились супруге Гуру и Гуру Сандипани, потом, войдя на колесницу, отправились к морю, чтоб возвратить им сына. Вот ехали они и наконец приехали на берег моря. Увидев их, идущих в гнев, море, в страхе приняв образ человека, со множеством даров вдруг вышло из воды на берег и, задрожав всем телом, приблизилось и стало перед ними. Потом оно, им предложив дары, простерлось перед ними и, сложивши поднятые руки, голову склонив, с мольбой великою сказало:

“Явлением своим ты счастье даровал!
Господь, какое дело вызвало сюда?”

Шри Кришначандра молвил: “Учитель мой святой недавно приходил сюда с семьей купаться. Ты унесло волной высокой сына Гуру; его нам возврати. Для этого мы прибыли сюда”.

Смиренно выслушав все, море так сказало:
“Волной не уносило я его, не брало.
Учитель, ты владыка мира, всей Вселенной.
Господь, ты образ Рамы принял несравненный.

И с той поры живу я в страшном страхе и остаюсь в своих границах”. Хари сказал: “Коль ты его не взяло, то кто ж другой мог взять его отсюда?” Море отвечало: “Владыка милосердный! Тебе открою эту тайну. Во мне живет здесь, в виде раковины, асур, по имени Шанкхасур (т. е. “раковина-асур”, асур в виде раковины, он был убит Кришной). Он бродит всюду здесь в воде и мучит все живое. Когда приходит кто-нибудь сюда на берег искупаться, то он хватает и уносит. Возможно, он унес и сына Гуру твоего. Я этого не знаю точно, благоволи войти и посмотреть”.

Услышав это, Кришна в море сам вошел,
В глубокие глубины моря он вошел,
Увидел Шанкхасура, демона убил
И, разорвав утробу, вынул из глубин,
Но не нашел шри Кришна сына Гуру в ней.
В печаль шри Балабхадра впал еще сильнее.

“О брат! Без дела мы его убили”. Кришна молвил: “Не печалься! Теперь возьми и поддержи его”. Сказав так, Хари джи из этой раковины сделал сам оружие себе, и братья выступили в путь. Шли, шли они и прибыли в град Ямы,

который называется Саньямани, и в нем царит царь Дхармарадж¹.

Увидев их, царь Дхармарадж, сойдя с престола своего, пошел навстречу им и принял их с великою любовью и учтивостью. Потом он посадил их на престол, омыл им ноги и, вкусивши нектара от ног их, он сказал: "Благословен сей град, куда господь явился и дал узреть себя, и верных благодарностью наполнил все сердца. Теперь благоволи мне повеленье дать, и твой слуга исполнит все". Господь сказал: "Верни нам сына Гуру нашего". Едва сошло с уст Хари это слово, немедля Дхармарадж пошел и мальчика привел. Потом, сложивши поднятые руки, сказал с мольбой: "Владыка милосердный! По милости твоей об этом я и прежде знал. Я знал, что ты придешь за сыном Гуру. Поэтому со тщанием я охранял его и отроку до сей поры не дал родиться, Махарадж!" Сказав так, Дхармарадж отдал шри Хари отрока. Господь его с собою взял. Немедля посадив на колесницу отрока, они отправились оттуда и скоро с отроком предстали перед Гуру; тут оба брата, сложивши поднятые руки, так сказали: "Теперь, великий Гуру, каковы твои веленья будут?" Услышав это и увидев сына, риша Сандипани в великой радости благословенье дал шри Кришне с Баларамом и сказал:

"Что я могу, Мурари, у тебя просить?.

Ты счастием осыпал, сына возвратил.

Хвала тебе, великий дивный ученик,

Теперь ты возвращайся в дом своих родных".

Когда такое повеленье Гуру дал, то оба брата с ним простились, простерлись перед ним и, сев на колесницу, уехали оттуда, и, наконец, подъехали к Матхуре. Узнав о приближении их, царь Уграсена с Васудевой и все граждане — все женщины и все мужчины — бросились навстречу им. Все вышли за город и, встретив их, устлали путь их шелковым ковром и с музыкой и пеньем Господа ввели в престольный город. Тогда был праздник в каждом доме, и всюду музыка звучала".

Так гласит глава сорок шестая — "Умерщвление Шанкхасура" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

¹ "Царь закона", одно из имен Ямы, владыки подземного мира, царства умерших.

Глава XLVII. ШРИ КРИШНА ДЖИ ПОСЫЛАЕТ УДХАВА ДЖИ В БРИНДАБАН ДЛЯ УТЕШЕНИЯ НАНДЫ И ДРУГИХ

Шри Шukaдева джи сказал: "Владыка земли! Теперь я расскажу тебе о том, как некогда шри Кришначандра вспомнил о Бриндабане. Ты прилагай внимание, слушай. Однажды Хари Балараму джи сказал: "Братец! Должно быть, все, кто обитает в Брадже, вспоминая нас, горюют тяжело. Ведь миновал тот срок, который я им указал. Поэтому нам надлежит теперь послать туда кого-нибудь, чтоб он поехал и утешил их".

Так посоветовавшись с братом, Хари Удхава призвал и так сказал: "Эй, Удхав. Во-первых, ты наш друг, а во-вторых, ты ловкий малый, знающий и смелый. Поэтому нам хочется тебя послать в Бриндабан. Так отправляйся, отвези ты весточку от нас обоим Нанде и Яшодe, пастушкам, утешь как следует и возвращайся, да привези с собой мать Рохини. Удхав джи молвил: "Воля ваша".

Тогда шри Кришначандра джи сказал: "Сначала отправляйся к Нанде джи, к Яшодe и, взрастив в них знание, освободи их души от душевной слепоты; все объясни и расскажи им, пусть ведают они, что я к ним близко, и пусть забудут горе; забыв о чувствах к сыну, пусть чтут меня как Господа. Потом скажи и тем пастушкам, которые в угоду мне забыли стыд пред Ведами и пред людьми. Скажи им: "Забудьте чувство к милому и почитайте Хари как владыку своего, и перестаньте вы скорбеть в разлуке". Махарадж! Сказав так Удхаву джи, братья совместное посланье написали, в котором, как то надлежит, послали свой поклон, привет, благословенья Нанде и Яшодe и всем пастухам и, написав браджийским женщинам совет всем обратиться к Йоге, вручили то послание Удхаву и так сказали: "Ты сам прочти для них посланье это. Как только можешь, объясни им все, да поскорее возвращайся".

Дав это порученье Удхаву джи, господь велел надеть ему свои одежды, украшения и корону, посадил на колесницу личную свою и так отправил Удхава в Бриндабан. Пустивши колесницу быстрым ходом, Удхав двинулся вперед и скоро, уехав из Матхуры, он приближался к Бриндабану. И что ж он видит там? В густой тенистой чаще на деревьях приятно распевают дивные разнообразнейшие птицы. Повсюду бродят, словно облака, коровы белые и серые, и бурные, и желтые. Повсюду под деревьями сидят пастушки, пастухи и дети пастухов, и все шри Кришны славу воспевают. Увидев эту

красоту, охваченный весь радостным волнением, узнав места веселых игр шри Кришны, поклонившись им всем, Удхав джи подъехал уж к околице деревни, как кто-то издали, узнавши колесницу Хари, подбежал к нему, спросил, как звать его, потом отправился сам к Нанде джи и так ему сказал: "Махарадж! На колеснице Кришны приехал из Матхуры какой-то Удхав джи, на нем одежды все шри Кришны".

Услышав это, Нанда рай, как он сидел на площади среди пастухов, так встал и побежал к Удхаву джи. Узнав в нем друга Кришны и Баларама джи, с великою любовью встретил он Удхава и, поздоровавшись, с большим почетом и почтеньем пригласил его в свой дом. Сначала он велел омыть Удхаву ноги и предложил ему сиденье. Потом распорядился изготовить для него обед роскошный и угостил Удхава джи. Когда тот с удовольствием откушал, то Нанда джи распорядился постлать ему прекрасную постель, роскошную, как пена. На ней он бетелю покушал и заснул, и радостно проснулся, прогнав дорожную усталость. Когда же Удхав встал от сна, то Нанда джи приблизился к нему, присел и стал расспрашивать: "Скажи мне, Удхав джи, здоров ли Уграсены сын и задушевный друг мой, Васудева джи, со всей своей семьей и сохраняет ли он к нам приязнь былую?" Сказавши так, он дал молвил:

"Скажи, почтенный Удхав, как здоров наш сын?
Ведь ты всегда в Матхуре там с ним вместе жил.
И вспомнил ли когда наш милый сын о нас?
Для нас ведь без него-то Солнца свет погас,
Он всем нам говорил ведь: "Я вернусь к вам!"
Прошло поры немало, срок уж миновал.

И каждый день Яшода вот встает и ставит простоквашу, снимает масло, ставит все для Хари. Скажи мне, вспоминает ли когда там Канха о Яшодe и о браджских женщинах, которые его так сильно любят? Иль все забыл уже?".

Поведав это сказанье, шри Щукадева джи сказал царю Парикшиту: "Владыка земли! Таким вот образом расспрашивая обо всем и вспоминая все бывшие чудеса шри Кришначандры джи, в великом умиленье Нанда рай джи вдруг заплакал от любви. Сказав все это, погруженный в созерцанье Господа, безмолвно он сидел, промолвив только:

"Давно могучий Канса с присными убит!
Как можем мы теперь все Кришну позабыть?"

И в это время, потеряв рассудок, память, вне себя от горя, к Удхаву джи подошла с рыданиями Яшода и, спросивши о здоровье Рамы с Кришной, сказала: "Скажи мне, Удхав джи! Как там живет без нас так долго Хари? Какую весточку прислал он нам с тобой? Когда вернется он, когда покажется он нам?" Услышав это, Удхав джи сначала Нанде и Яшодe прочел послание шри Кришны и Баларама джи. Затем он стал их утешать: "Кто мог бы описать величье тех, в чьем доме сам господь рождение принял, кому он дал блаженство видеть игры детские свои? Высок ваш жребий! За сына своего вы удостоились почитать предвечного Адипурушу, который Шиву сотворил и Брахму, у которого нет матери и нет отца, нет брата и нет друга. Вы всякий час живете с сердцем, погруженным в созерцание его; и как он может быть от вас далеко.

Ведь сказано:

"Всегда, кто любит Хари, тот вблизи него:
Для них лишь воплотился Хари, в мир пришел.
Не ведает друзей, не знает он врагов,
Нет низких, нет высоких в мире для него.
И каждый, в чьем лишь сердце есть к нему любовь,
Идти за Хари может, пестуя любовь.

Как бхринги, черная пчела, с собой червя уносит и придает ему свой облик, иль наподобие того, как бхаунри (Так же как и бхринги, — большая черная пчела. Согласно поэтическим легендам, бхаунри неизменно влюблен в цветок лотоса.) попадет случайно в плен, в цветок прекрасный лотоса, его же самка всю ночь жужжит над ним, не хочет разлучиться с ним, не хочет улететь, подобно этому того, кто любит Хари, кто держит Хари в мыслях, он претворяет в самого себя, всегда живет вблизи него".

Промолвив это, Удхав джи сказал: "Отныне не считайте Хари сыном: почитайте Господом его. Он благодетель верных, проникающий в сердца Господь. Он к вам придет, он явится и ваши все желания исполнит. Вы не печальтесь ни о чем, Махарадж! Так долго говорил он с ними обо всем... Когда ночь миновала и лишь последний час ее остался, то Удхав джи сказал так Нанде раю джи: "Махарадж! Теперь настало время масло вам сбивать. Коль вы позволите, то я пойду, в Ямуне искупаюсь". И Нанда рай ответил: "Очень хорошо". Сказавши это, он остался там сидеть и погрузился в мысли. А Удхав живо сел на колесницу и поехал на Ямуну. Сначала он, одежды сняв, очистил тело, а после, подойдя к воде, он возложил на голову там прах земной, потом, сложивши

поднятые руки, прочел хвалу Калинде¹ и, совершив ачман, вошел он в воду. Закончив сандхью², пуджу и тарпан³, он стал творить молитву. В то время браджские все женщины уж встали и подмели в домах, помазали полы навозом, воскурили благовония, зажгли светильники и стали масло все сбивать.

Сметану сбили, масло вынули они,
И занялись своею в доме все работой,
Потом собрались, вместе за водой пошли...
Прекрасные браджанки все снуют в хлопотах.

Махарадж! Пастушки все в разлуке со шри Кришной, опьяненные любовью, воспевали славу Кришне и, собравшись толпой, любимого все вспоминают и на дорогах вспоминают чудеса и игры Господа.

Одна сказала: "Тут я встретила вдруг Канху".
Другая: "От меня он спрятался тут как-то".
"Меня он как-то сзади за руку схватил".
"В тени смоковницы там Хари наш стоит".
Та говорит: "Видал, как я коров доила".
Другая: "Как-то я здесь на заре следила..."
Одна сказала: "Стадо он пасет в лесу.
Послушала, свирели слышен даже звук".
"Теперь дорогой этой не пойдем мы, мать.
У нас подачку Кришна будет вымогать.
Распустит все узлы он; разобьет кувшин".
"Посмотрит лишь глазком он, будешь без души".
"Он где-то спрятался, чу! вдруг он прибежит.
Куда бы нам пойти и где б его найти".
Так меж собою жены Брахма говорят,
В разлуке со шри Кришной вянут их тела".

Так гласит глава сорок седьмая — "Хождение Удхава в Бриндабан" — в "Прем Сагаре", сочиненном Лаллу джи Лаллом.

Глава XLVIII. УДХАВ БЕСЕДУЕТ С ПАСТУШКАМИ О ШРИ КРИШНЕ

Шри Шукадева муні сказал: "Владыка земли! Когда почтенный Удхав помолился, он вышел из воды, надел свои одежды, украшения и сел на колесницу. Когда он с берега Калинды ехал к дому Нанды, тогда пастушки, которые шли

1 а) Солнце, б) гора, из которой вытекает Ямуна.

2 Утренняя или вечерняя молитва.

3 Возлияние богам или усопшим предкам.

за водой, увидели далеко на дороге колесницу. При виде колесницы стали все друг с другом говорить: "Чья ж это колесница приближается сюда? Давайте-ка посмотрим. Давайте станем здесь и обождем!" Услышав это, одна пастушка молвила: "Подружки! Уж не приехал ли тот лжец, Аккур, который некогда увез от нас шри Кришначандру и в Матхуре там поселил, а Кансу повелел ему убить?" Услышав это, другая молвила: "Зачем сюда приедет этот злой обманщик? Ведь он украл уж корень нашей жизни. Что ж, он теперь возьмет и нашу жизнь?" Махарадж! Таким вот образом они между собою говорили.

Все вместе так стояли жены Баджа там,
Поставили кувшины, с плеч своих их сняв.

Меж тем, когда приблизилась колесница, то, издали увидев Удхава джи, они одна другой сказали: "Подружки! На колеснице едет и на нас все смотрит кто-то темноцветный и лотосоглазый, с короною на голове, в гирлянде из лесных цветов на шее, в желтом одеянье, в желтом же плаще. Он так походит на шри Кришначандру!" Тогда одна из них сказала: "Подружки! Да он вчера еще приехал к Нанде джи. Удхавом его зовут. Шри Кришначандра джи прислал с ним порученья".

Услышав это, пастушки, видя, что вокруг нет никого, забыв все опасенья и стесненья, побежали к Удхаву джи. Узнав в нем друга Хари, они отвесили ему земной поклон, спросили о здоровье и, сложивши поднятые руки, со всех сторон тут окружили колесницу. Увидев их любовь, Удхав сошел немедленно с колесницы. Тогда пастушки усадили Удхава джи в тени большого дерева и, окружив его со всех сторон, уселись сами и стали говорить ему с большою лаской:

"Прекрасно сделал, Удхав, что приехал к нам,
Привез от Мадха вести прежним всем друзьям.
Всегда ты жил близ Кришны, друг его большой!
Так расскажи ж нам вести, что привез с собой!
Послал тебя к отцу он, к матушке родной;
Поди теперь не помнит ни о ком другом.
Пожертвовали всем мы, дали что могли,
Душою привязались, все уйдя с Земли.
Он думал о себе лишь, всех других забыв.
В награду за любовь он мукой отплатил.

Как птица оставляет дерево, лишненное плодов, так нас покинул Хари и от нас ушел. Мы всем пожертвовали для него, и все ж не сделался он нашим". Махарадж! Когда пастушки, опьяненные любовью, таких речей наговорили

много, то Удхав джи, увидев стойкость их любви, хотел подняться, чтоб им поклониться. Тогда одна пастушка, увидевши самца пчелы, сидевшего там на цветке, по поводу его сказала Удхаву джи:

“О медоносный! Ты с лотосов ног Мадхава¹ напился соку, поэтому тебя и называют Мадхупа, что значит “пьющий мед”. Ты плута друг, поэтому-то он и сделал вестником своим тебя, прислал сюда. Ты не касайся наших ног: ведь мы-то хорошо все знаем, что темноцветные все плуты. Каков ты сам, таков и Шьяма. Поэтому не смей нам кланяться. Как ты летаешь, лакомишься соком всех плодов и всех цветов и остаешься все ж ничьим, так вот и он: полюбит и останется ничьим”. Так говорила та пастушка. Вдруг прилетела и другая пчелка. Увидевши ее, пастушка Лалита сказала:

“Эй, пчелка, улетай-ка, нас скорей оставь;
Лети себе к Матхуру, там все передай.

Где наслаждаются прекрасная, как Кубджа, царская супруга и Кришначандра. Да что мы будем говорить лишь об одном рожденье? Таков твой нрав во всех рожденьях! Царь Бали отдал² все тебе, ты в ад его послал. А верную супругу Ситу без вины ты³ выгнал из дому. Когда ты с ней так обошелся, то что же говорить о нас”. Когда она окончила, то все пастушки снова, сложивши поднятые руки, Удхаву говорили так: “О Удхав джи! Мы беззащитны здесь без Кришны. Возьми ты нас с собой”.

Шри Шукадева джи сказал: “Махарадж! Когда слова такие тут сошли с уст всех пастушек, то Удхав джи сказал: “Все со вниманьем слушайте. Я вам прочту и объясню послание, которое вам написал, прислал шри Кришначандра джи. Написано: “На наслаждения телесные оставьте все надежды, стремитесь к единению с Кришной в духе, и никогда не будете в разлуке”. И сказано еще:

“И день и ночь держите в мыслях все меня;
Милее вас не будет друга у меня”.

Сказавши это, Удхав джи потом промолвил: “Предвечного Адипурушу, Хари джи, вы неизменною любовью полюбили. Того, кого все прославляют как незримого, непостижимого и неизменного, того вы полюбили как супруга. Как в теле есть земля, вода, огонь и воздух, и эфир⁴, так пребывает в

1 Буквально: “Медовой”, одно из имен Кришны.

2 При воплощении Вишну в виде пигмея.

3 В образе Рамы, Аватары Вишну, героя “Рамаяны”.

4 Согласно с учением различных философских систем.

вас Господь. Но силой Майи вам он кажется от вас отдельным. Воспоминание о нем храните в мыслях: он всегда во власти любящих его. От близости его погибнуть может знание и мысль о нем; поэтому, уйдя отсюда, Хари поселился далеко. И, сверх того, еще велел шри Кришначандра вам сказать: "Я на свирели заиграл, позвал вас в лес. Когда я увидал в вас появление огня любви, тогда я с вами хоровод водил.

Когда вы позабыли божества,
Царь ядавов исчезнул, тщетно вам искать.

Потом, когда вас осенило знание, когда в душе вы оживили мысль о Хари, Господь, узрев в душе у вас святое знание и веру, вновь появился перед вами".

Когда с уст Удхава сошли слова такие,
Тогда ему пастушки в гнев говорят:
"Теперь мы знаем все: он попросту сбежал.
Он говорит о знанье, йоге всех умов,
Забыв о нас, о Небе речи он повел.
Сам только о забавах думает в душе,
Сбоя он Нараяном звать нам повелел,
Всегда здесь в Брадже с детства счастье нам давал,
Как он непостижимым и незримым стал.
Кто качествами всеми, формой обладал,
Лишился качеств, форму потерял.
Пока еще дыханье, жизнь для нас мила,
Кто станет, Удхав, слушать те твои слова".
Одна подружка встала, снова говорит:
"Да приласкайте Удхо: сердце так велит.
Да что мы с ним, подружки, станем толковать,
Послушаем, посмотрим: с ним ли рассуждать?"
Одна тут так сказала: "Он не виноват.
Его послала Кубджа: слушаться он рад.
Кого захочет Кубджа, может научить,
А он придет, поет вишь, что она велит!
И никогда бы Шьяма так нам не сказал,
Как этот насказал нам: Брадж весь напугал.
Такие речи слушать станет кто, сестра?
Уж больно тошно слушать, прекратить пора.
"Забудьте наслажденье, в духе слейтесь с ним".
Когда такие речи Мадхав говорил?
Обет, молитва, подвиг, помнить о постах —
Все это дело вдов ведь, нам внушает страх!
Живи ты в мире вечно, Канха дорогой,
Ты одарял нас счастьем, радовал собой.

Пока жив муж, зачем же нам копить навоз?¹
Скажи, какие нравы ты у нас тут ввел.
Наш подвиг, благочестье, наш обет таков:
Всегда чтоб к сыну Нанды чувствовать любовь.
Тебя, о Удхав, кто здесь станет обвинять,
Как натаскала Кубджа, ты сумел сплясать".

Поведав это сказанье, шри Шукрадева мунни сказал:
"Махарадж! Когда такие речи, полные любви, услышал Удхав
джи из уст пастушек, то он в душе и сам страдал из-за
того, что поучал их в благочестии. В смущенье замолчал он
и головой поник, сидел безмолвно. Потом одна пастушка
спросила у него: "Скажи, ну как живет там Балабхадра? И
думает ли он когда о нас, когда он вспоминает о ребяческой
любви, иль позабыл уж все?"

Услышав это, какая-то пастушка ей ответила: "Да ты
пастушка только, деревенщина. Такие ли красавицы в
Матхуре! Теперь им подчинился Хари, развлекается там с
ними. Куда теперь ему там вспоминать нас? Когда уехал он
туда и там под крылышком стал жить, подружка, с тех пор
не наш он милый, сделался чужим. Когда бы мы об этом
раньше знали, то разве б мы ему уехать дали? Теперь тоскою
горю не поможешь. И потому нам надлежит забыть про все
свои страданья и жить одной надеждой на свиданье. Как
восемь месяцев Земля, леса и горы переносят зной, живут
надеждою на облака, и облака приходят, освежают их, так
Хари к нам придет, нас навестит".

Одна сказала: "Хари подвиг совершил.
Убил врага он, Кансу, царство получил;
Зачем ему в Бриндабан к нам сюда идти.
Что ж он — покинет царство, чтоб коров пасти?
Подруженьки, надежды киньте навсегда:
Забот нам много будет, счастья — никогда".
Одна из них в волненье всем им говорит:
"На Кришну все надежды как нам позабыть?"

Куда б мы ни взглянули — на лес, на горы, иль на
берега Ямуны, где играл шри Кришна с Баларамом, встают
повсюду здесь воспоминания о них. О ты, владыка жизни
нашей, Хари, куда ушел ты?" Потом одна сказала:

"Весь Брадж теперь подобен морю тяжких мук,
В потоке бурном лодка — слово только, звук!
В страданиях, в разлуке всем нам утонуть,
А Кришна говорит нам: "Я перевезу".

¹ Вдове в знак скорби об умершем супруге повелевается мазаться коровьим навозом.

О, Гопинатх, зачем ты позабыл о нас?
В помине не осталось, знать, в тебе стыда".

Услышав это, Удхав джи в душе стал размышлять: "Хвала пастушкам этим, их твердости хвала. Покинув все, они живут все, погружившись в созерцание шри Кришначандры". Махарадж! Так Удхав джи, увидев их любовь, в душе их восхвалял. А в это время все пастушки встали и стали перед ним. С большим почтением и вниманием Удхава привели они к себе домой. Увидев их приязнь большую, он последовал за ними и вкусил там снеди. Тогда пастушки, пуджу совершив Удхаву джи, дали множество даров ему, потом, сложивши поднятые руки, с великою любовию сказали: "О Удхав джи! Когда вернешься к Хари, благоволи сказать: "Владыка! Ты прежде проявлял великую к нам милость! Ты за руки брал нас, ходил повсюду с нами. Теперь же, получив высокий сан, со слов той горожанки Кубджи, ты нам послание прислал о единенье в духе. Мы женщины все темные, до сей поры не видели в лицо учителя. Откуда получить нам знания?"

К нему любовь питали с самых детских лет,
И нам ли знать о йоге, навыков ведь нет!
И почему сам Хари нас не научил?
Об этом он посланье всем нам настрочил.
Благоволи все это, Удхав передать:
Мы погибаем все тут, пусть придет спасать".

Махарадж! Сказавши это, все пастушки, душою Хари созерцая, погружились в экстаз. А Удхав джи, простершись перед ними, удалился, сел на колесницу и отправился к Говардхану. Он несколько дней пробыл в Брадже. Потом, уехавши оттуда, он посетил все те места, где чудеса свершал и где играл шри Кришначандра джи. Он в каждом месте пробыл три-четыре дня. Немного времени спустя, он возвратился вновь в Бриндабан. Отправившись к Нанде и Яшоде, он, сложивши поднятые руки, молвил: "Я встретил здесь всеобщую приязнь и прожил в Брадже много дней. Теперь, коль вы дадите разрешение, то я отправлюся в Матхуру". Услышав это, Яшода рани в дом пошла и принесла сметаны, молока и масла, простокваши и много разных сладостей. Вручив все это Удхаву джи, Яшода так сказала: "Благоволи отдать все это милому шри Кришне, Балараму и не забудь сказать сестрице Деваки: "Отдай моих шри Кришну с Баларамом, не удержи их у себя!" Сказав такой наказ, Яшода рани в страшном горе разрыдалась. А Нанда джи сказал: "О Удхав джи! Что нам еще тебе сказать? Ты сам бывалый человек, достойный, и много понял сам!

Вернешься, то благоволи сказать так господину: "Ты вспомни о страданиях тех, кого покинул в Брадже. Скорее повидайся! Не забывай о нас!"

Когда, сказав так, Нанда рай сам залился слезами, то все браджийцы, которые стояли там, — мужчины все и женщины — все зарыдали вместе с ним. А Удхав джи, всех успокоив и утешив, обнадежив, укрепив их бодрость, простился с ними, взял с собою Рохини и с ней отправился в Матхуру. Вот ехал, ехал он и, наконец, приехал к Кришне джи.

Удхава джи увидев, шри Кришна с Баларамом бросились ему навстречу, с большой сердечностью спросили о его здоровье и стали спрашивать, что нового в Бриндабане: "Скажи нам, Удхав джи, здоровы ль Нанда и Яшода и все браджийцы с ними? И вспоминают ли они когда о нас, или нет?" И Удхав джи сказал: "Махарадж! Величье Баджа и любовь к тебе всех тех, кто обитает в нем, — все это описать не в силах я. Они одним тобою дышат, и день и ночь все думают лишь о тебе. Любовь к тебе пастушек — чистый образ совершеннейшей любви. Я твой совет о единенье в духе передал, но лишь от них любви глубокой тайну я познал". Сказавши это, Удхав джи вновь продолжал: "О, милосердный к бедным! Что мне сказать еще? Ты — проникающий в сердца. Ты знаешь души всех. В немногих лишь словах скажу тебе: там в Брадже каждый корень, все, в чем теплится сознание, страдает тяжело без тебя, без лицемерья, без касанья. Одной надеждой на свидание с тобой живут".

Когда, услышав эти вести, оба брата погрузились в печаль, то Удхав джи, простившись со шри Кришначандрой и передав послание от Нанды и Яшоды Васудеве с Деваки, отправился к себе домой. А Рохини, с шри Кришною и Рамой повидавшись и испытав большую радость, поселилась в своем дворце".

Так гласит глава сорок восьмая — "Утешение пастушек" — В "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава XLIX. ШРИ КРИШНА ДЖИ С УДХАВОМ ДЖИ ПОСЕЩАЮТ ДОМ КУБДЖИ

Шри Щукадева мунни сказал: "Махарадж! Однажды благодетель верных, шри Кришна джи Бихари, вспомнив о приязни Кубджи и решив исполнить данное ей слово, взял с собою Удхава джи и с ним отправился к ней в дом.

Когда узнала Кубджа, что к ней идет Гопала,
То тканьями, коврами путь его устлала
И с радостью великой стала перед ним...

Заслуг великих прежних плод он пробудил.
Для Удхава сиденье Кубджа принесла.
Мурари шри Бихари в глубь дворца ввела.

Войдя туда, он видит в украшенном картинами покое дивном стоит прекраснейшее ложе. На нем прекрасная постель, покрытая чудесными цветами. И Хари подошел и сел на нем. А Кубджа, удалившись в глубину покоя, покрыла тело благовонной мазью, омылась, искупалась, вдела гребень в волосы, одела дивные одежды, украсила себя всю с головы до ног, вкусила бетелю и, окропив себя всю благовонными духами, упоенная любовью, приблизилась к шри Кришначандре так, как Рати¹ приближается к супругу своему. И, опустив в смущенье покрывало, питая страх в груди пред первой встречей, безмолвно стала близ него. Увидевши ее, шри Кришначандра, корень радости, ее взял руку, притянул и, посадив на ложе близ себя, ее желание исполнил.

Потом он, с ложа вставши, к Удхо подошел,
В смущенье улыбнувшись, он глаза отвел.

Махарадж! Так одарив блаженством Кубджу, шри Кришначандра взял с собой Удхава и с ним пошел в свой дом. А Балараму джи сказал: "Братец! Я обещал Акруру дома посетить его, поэтому сперва отправимся к нему, затем пошлем его мы в Хастинапур, пусть разузнает, что там происходит". Когда он так сказал, то оба брата отправились к Акруру. Когда Акрур увидел Господа, он, исполненный великой радости, упал к его ногам и, возложивши на голову свою прах ног его, сложивши поднятые руки, со смирением сказал: "Владыка милосердный! Великую ты оказал мне милость, что посетил меня, дал лицезреть себя и освятил мой дом". Услышав это, шри Кришначандра молвил: "Ах, дядя! Зачем такая пышность? Ведь мы свои ребята". Сказав так, Кришна молвил: "Дядя, молитвами твоими асуры все теперь истреблены. Но есть одна забота в сердце у меня. Мы слышали, что пандавы отправились в Вайкунтх, и от руки Дурйодханы² пять наших братьев страдают тяжко.

А Кунти³, тетушке-то, горя больше всех, Ты съезди в Хастинапур, там ее утешь!"

Услышав это слово, Акрур джи ответил Хари: "Благоволи не беспокоиться об этом. Я поеду в Хастинапур, ее утешу и привезу тебе оттуда вести".

Так гласит глава сорок девятая — "Посещение Кубджи" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

1 Буквально: "наслаждение, любовь". Имя богини любви, супруги Камадева, бога любви.

2 Сын царя Хастинапурского Дхритараштры; глава кауравов, героев "Махабхараты".

3 Сестра Васудевы, тетка Кришны, мать пандавов, героев "Махабхараты".

**Глава L. АКРУР, УСЛЫШАВ ДЕРЗКИЕ СЛОВА
ДУРЙОДХАНЫ, ОТПРАВЛЯЕТСЯ С ВИДУРОМ¹ В
ДОМ ПАНДАВОВ
И УТЕШАЕТ КУНТИ**

Шри Шукрадева муні сказал: “Владыка земли! Когда шри Кришначандра выслушал слова Акрура, то он его отправил позаботиться о пандавах. Он сел на колесницу и отправился. Ехал он, ехал, и наконец он из Матхуры прибыл в Хастинапур. Сошел там с колесницы и отправился туда, где царь Дурйодхана сидел в своем совете. Приветствовав его, он стал пред ним. Его увидев, Дурйодхана с своим советом встал, пошел к нему навстречу и с большим почетом и почтеньем посадил его с собой. Осведомившись о здоровье, он сказал:

“Здоров ли Сурасена, жив ли Васудева?
Здоров ли Мохан славный, жив ли Баладев?
А по какой причине царь ваш Уграсен
Не вспомнит о родне уж? Всех забыл совсем!
Прикончил он сыночка, правит царством сам,
Ни до кого нет дела, горд он больно стал!”

Когда Дурйодхана сказал все это, Акрур все выслушал, ни слова не сказал; в душе ж себе подумал: “В совете этом оставаться неприлично мне. Коль я останусь здесь, то он немало будет говорить таких речей, их мне не переслушать. Поэтому нехорошо здесь оставаться мне”.

Подумав так, Акрур джи встал и, взяв с собою Вадура, отправился в дом пандавов. Придя туда, он видит: горюя о супруге, Кунти в печали тяжелой плачет. Акрур к ней подошел и сел, и стал так утешать: “О мать! Никто не может волю Брахмы превозмочь. И никогда никто не может, как бессмертный, вечно жить. Живые твари, обладая телом, испытывают радости и горе. А посему скорбеть не подобает человеку. Ведь скорбь нам ничего не принесет: она вселяет только в сердце муку”.

Махарадж! Когда Акрур джи, утешая, вразумляя, говорил так Кунти, тогда она задумалась и замолчала. Потом, осведомившись о его здоровье и делах, она сказала: “О Акрур джи! Здоров ли мой отец и мать, здоров ли брат мой Васудева с семьей? И вспоминают ли когда шри Кришна с Баларамом джи своих пять братьев — Юдхиштхиру (Сыновья Кунти, пять пандавов: Юдхиштхира, глава пандавов, впоследствии

¹ Сын риши Вясы от рабыни шудры; мудрейший из мудрых.

царь Хастинапура; Бхима, самый сильный из пандавов; Арджуна, самый прекрасный, отважный и мудрый из них. Два остальных пандава — Накула и Сахадев — фигуры менее замечательные.) и Бхиму, Арджуну и Накула, и Сахадева? Они здесь в море скорби. Когда же Кришна с Баларамом придут и защитят их? Теперь уж мы не в силах выносить все издевательства слепого Дхритараштры: ведь здесь он поступает так, как повелит ему Дурйодхана. А тот теперь и день и ночь все думает о том, как погубить всех сыновей моих. Не раз он яду им давал: мой Бхимасена¹ яду уж отведал”.

Так рассказав об этом, Кунти снова молвила: “Скажи, Акрур джи, когда кауравы все питают к нам вражду такую, то где ж искать защиты сыновьям моим? Как избежать им смерти, возмужать? Большое это горе! Да что рассказывать! Как лань, отстав от стада, страх питает, так я всегда в печали пребываю.

Кто Кансу и асуров всех сгубить сумел,
Да будет мне защитой: он так дивно смел.
Здесь Бхима, Юдхиштхира, Арджуна, брат его...
О муках их расскажешь, как к нему пойдешь!”

Когда с такой печалью Кунти довела рассказ свой до конца и выслушал ее Акрур, его глаза наполнились слезами, и в утешенье он сказал: “О мать! Ты не печалься ни о чем! Твои пять сыновей все вырастут могучими и славными. Врагов своих, злодеев всех убьют и истребят. Союзником их будет шри Говинда”. Сказавши это, Акрур джи продолжил: “Шри Кришна с Баларамом джи меня к тебе прислали и сказать велели, чтоб ты здесь не скорбела ни о чем. ”Мы скоро к ней придем”, — они сказали”.

Махарадж! Так сообщив ей о словах шри Кришны джи, Акрур, утешив, успокоив Кунти, подав надежду ей, простился, и с Видуром отправился он к Дхритараштре² и сказал ему: “Ты старший в роде. Зачем творишь такие беззакония? Ты подчинился воле сына, и, захватив трон брата своего, ты угнетаешь здесь племянников своих. Где виданы подобные законы? Зачем чинишь такие беззакония?

Лишился ты очей вот, сердца не видать:
Весь род свой истребил ты, грешно и сказать.

Зачем без всяких прав и без заслуг ты взял вдруг царство брата, стал угнетать Юдхиштхиру и Бхиму?” Услышав это,

¹ Бхима; Бхимасена — более полная форма его имени.

² Слепой царь Хастинапура, отец Дурйодханы и всех братьев кауравов.

Дхритараштра схватил Акрура за руку и молвил: "Что я могу поделывать? Ведь слов моих не слушает никто. Они все делают, что захотят, меня же обратили в дурачка. Поэтому не вмешиваюсь в их дела я, сижу себе один, в безмолвии творю молитву Господу". Когда сказал так Дхритараштра, Акрур простерся перед ним и, удалившись оттуда, на колесницу сев, поехал. Ехал, ехал он и из Хастинапура приехал в Матхуру.

И Уграсене с Васудевою рассказал он все о Панду:
"Страдают тяжко дети Кунти: даже с тела
страшно спали".

Так рассказавши Уграсене с Васудевою все то, что видел в Хастинапуре, Акрур отправился к шри Кришне с Баларамом и поклонился им; потом, сложивши поднятые руки, так сказал: "Махарадж! Я съездил в Хастинапур и посмотрел там все. Там тетка ваша и пять братьев все от кауравов злых страдают тяжко. Зачем я буду больше говорить? Ты проникаешь в сокровенное. Дела все эти и бедствия не скрыты от тебя". Промолвив это, Акрур поведал Кришне джи о просьбе Кунти, простился с ними и пошел в свой дом. Услышав обо всем, шри Кришна с Баларамом — боги всех богов, — как люди, сели и задумались о том, как бремя облегчить Земли".

Поведав это сказанье, шри Шukaдева мунни сказал царю Парикшиту: "Владыка земли! Воспел я славу лесу Баджа, городу Матхуре, и этим рассказал я первую лишь часть сказанья. Теперь я дальше буду петь вторую часть, коль силу мне пошлет владыка Дварки"¹.

Так гласит глава пятидесятая — "Хождение Акрура в Хастинапур" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Так оканчивается первая часть "Прем Сагара".

Глава LI. ДАЛЕЕ ИДЕТ ВТОРАЯ ЧАСТЬ СКАЗАНИЯ ВОЙНА ШРИ КРИШНЫ И БАЛАРАМА С ДЖАРАСАНДХОМ

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Теперь я расскажу тебе сказание о том, как Кришна с ратью, Джарасандх² победив, убив Калайявана² и дав спасенье

1 Столица царства Кришны, город, созданный для него на острове посреди океана.

2 Буквально, "Черный Явана (грек)". Царь варваров, вступивший в войну с Кришной, был убит взглядом царя (богатыря) Мучукунды.

Мучукунде,¹ оставил Бадж, переселился в Дварку. Со тщанием ты прилагай внимание и слушай. Царь Уграсена правил всем Матхурским царством справедливо. Шри Кришна с Баларамом джи, как слуги государя, исполняли все веления его. От этого счастливы были все: и царь и весь народ. Но две супруги Кансы страдали тяжело в скорби по супругу своему. От скорби не могли они ни спать, ни есть, ни пить. Все восемь страж в печали пребывали.

Однажды эти две сестры в великом горе говорили меж собой: "Как без царя народ, как без Луны прекраснейшая ночь теряет красоту свою, так и красавица теряет красоту свою всю без супруга! Мы стали беззащитны, не подобает нам здесь оставаться. И будет лучше, если мы уйдем отсюда, будем жить в доме отца родного". Махарадж! Царицы обе, так между собой решив, потребовали колесницу, сели на нее, и обе отправились из Матхуры. Вот ехали да ехали они и прибыли в страну Магадха к своему отцу. Там обе, плача и стеная, поведали отцу о том, как Кришна с Баларамом джи убили Кансу и асуров.

И, выслушав их, Джарасандх, в великой ярости явился на совет и так сказал: "Скажите, кто родился в роде Яду столь могучий? Кто Кансу и асуров всех убил и сделал вдовами обеих дочерей моих? Немедля я со всей своей могучей ратью выступаю, сожгу Матхуру со всем родом Яду и поборю шри Кришну с Баларамом, свяжу обоих их и приведу сюда, не то не буду называться Джарасандхом".

Сказавши так, немедленно написал повсюду Джарасандх подвластным всем царям послание такое: "Скорее собирайте рать свою, являйтесь ко мне. Мы отомстим за Кансу и истребим весь Яду род". И получив посланье Джарасандха, цари всех стран собрали каждый рать свою и спешно прибыли все к Джарасандху. Меж тем сам Джарасандх успел собрать свои войска, привел их в боевой порядок. Когда, собрав все полчища асуров, сам Джарасандх отправился в поход в Матхуру из страны Магадхской, тогда он вел с собою двадцать три рати акшаухини. В одной акшаухини же состояло: двадцать одна тысяча и восемьсот семьдесят воинов на колесницах и столько ж на слонах, сто девять тысяч триста пятьдесят воинов пеших и шестьдесят тысяч воинов конных. Такие двадцать три акшаухини он вел с собой. Мне долго бы пришлось рассказывать о том, как был силен в них каждый ракшас.

Махарадж! В тот час, как Джарасандх со всеми ратями асуров выступил под звуки мощных барабанов, хранители

¹ Могучий царь, сын царя Мандхаты.

всех десяти сторон Земли от страха задрожали; все божества от страха бросились бежать; от тяжести необычайной вся Земля заколебалась: как грудь. Так двигался могучий Джарасандх и, наконец, приблизился к Матхуре, и осадил ее со всех сторон. Тогда все граждане, в великом ужасе, пришли к шри Кришначандре и стали так вопить: "Махарадж! Царь Джарасандх пришел с войсками, и со всех сторон он осадил наш город. Что делать нам теперь, куда бежать?"

Услышав это, Хари погрузился в размышленья. И Баларам приблизился и Господу сказал: "Махарадж! Ты принял воплощение, чтоб устранять страдания верных. Теперь прими же огненный свой образ, сожги огнем весь лес асуров, сними с земли ты бремя!" Услышав эту речь, шри Кришначандра вместе с ним отправился немедленно к Уграсене и сказал: "Махарадж! Благоволи нам дать приказ открыть немедленно бой, а ты со всеми ядавами вместе благоволи здесь крепость охранять".

И с этими словами он пошел к отцу и матери. Меж тем все граждане собрались и стали в ужасе вопить: "О, Кришна! Как нам спастись теперь от рук асуров этих?" И Хари, увидев всех, не исключая матери с отцом, объатыми великим страхом, в успокоение сказал: "Вы не тревожьтесь ни о чем! Вся эта рать асуров, которую вы видите перед собой, в одно мгновение на этом самом месте вся исчезнет, как исчезает водяной пузырь". Сказав так, Хари успокоил всех, придал им бодрости. Когда, простившись с ними, Господь пошел вперед, то боги вдруг прислали им обоим колесницы дивные с вооруженьем боевым. Они пришли и стали перед ними. Тогда на колесницы оба брата сели.

И выехали вместе оба эти брата,
Приблизились братья к той асуров рати.

Подъехали туда, где Джарасандх стоял. Увидев братьев, Джарасандх с великой гордостью сказал шри Кришначандре: "Эй! Прочь с очей моих! Да разве я могу с тобою драться? Ты мне несравня". Шри Кришначандра молвил: "Эй, глупец тщеславный! Кто истинный герой, не говорит речей хвастливых, просто обращается со всеми. Когда дойдет до дела, тогда свою он силу проявляет. А кто себя сам превозносит, может ли других заставить говорить так о себе? Ведь сказано: "Коли гремит, дождя не будет". Поэтому зачем тут разводить пустую болтовню?"

Когда царь Джарасандх, услышав эту речь, необычайно разъярился, шри Кришна с Баладевом убежали. За ними бросился и он со всею ратью. Вдогонку стал он так кричать: "Эй, вы, злодеи! Куда ж вы убегаете так от меня? Вы

слишком долго оставались в живых! Что ж вы задумали теперь? Живыми вас теперь не отпущу! И вас, со всем презренным родом Яду, я отошлю туда, куда ушел царь Канса наш с асурами своими!" Махарадж! Когда столь злая речь сошла с уст этого асура, то, отбежав немного, оба брата вновь остановились. Шри Кришна джи вооружился всем оружием, а Баларам джи взял свой плуг, свою дубинку. Когда приблизилась рать асуров, то оба брата с страшным криком так обрушились на них, как лев бросается вдруг на слоновье стадо. И зазвенело тут оружие!

В тот час огромных барабанов гром был грому туч подобен; крупнейшие рати ракшасов их окружали, казались облаками; оружие, как град, разило. Среди них шри Кришна с Баларамом, бой ведя, блистали так, как молния среди черных туч сверкает. Все боги, на своих виманах сидя и с небес взирая, пели славу Господу, победу призывали для него. Меж тем царь Уграсен со всеми ядавами вместе мучился в душе великим страхом, говоря: "Что мы наделали! Зачем позволили шри Кришне с Баларамом джи пойти в толпу асуров?"

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: "Владыка Земли. Когда в бою жестоком асуров много полчищ изрубили, то Баладева джи, сойдя вдруг с колесницы, асура Джарасандха в плен забрал. Тогда шри Кришначандра джи, приблизившись к Балараму джи, сказал: "Брат! Не убивай его, а отпусти живым. Ведь если он уйдет живым, то снова соберет асуров и вернется. Мы всех их истребим; с Земли мы снимем бремя. А не отпустишь ты его живым, то все те ракшасы, которые бежали, не попадут к нам в руки". Так убедивши Баладева джи, господь велел немедля Джарасандха отпустить. И он ушел к своим, которые спаслись бегством с поля брани.

Вокруг себя он смотрит, молвит так, убитый:

"Могучие все рати, все в конец разбиты.

Великое постигло нас всех испытанье...

Оставив дом, творить я буду покаянье!"

Тогда сказал советник, раджу утешая:

"Ты человек бывалый, что ж ты так страдаешь?

Сегодня, поражение, завтра ждет победа,

Возможно ли оставить царство, ввергнутое в беды?

Что за беда, что ты в сегодняшнем сражении вдруг поражение потерпел? Мы соберем другую рать и в ад пошлем со всеми ядавами вместе и шри Кришну, Васудеву. Ты не тревожься ни о чем". Махарадж! Советник этими словами успокоил и утешил Джарасандха и тех асуров, которые

спаслись, бежав от битвы. И Джарасандх-царь снова всех собрал в столице, и новые стал рати собирать. Меж тем шри Кришна с Баларамом озирали поле брани, видя, что кровь течет рекой, и колесницы в ней без воинов повсюду плавают, как корабли. Виднеются повсюду мертвые слоны, как горы; из ран у них фонтанами бьет кровь. Там Махадева джи с толпою бхутов, претов, восторгом опьяненный, пляшет и поет, украшенный гирляндами отрубленных голов, а жены бхутов, претов, пищачи черпают ту кровь всю черепами и в восторге пьют ее. А коршуны, вороны и шакалы, усевшись на трупах, мясо пожирают и меж собой вступают в бой".

Поведав это сказанье, шри Шукрадева джи продолжил: "Махарадж! Все колесницы, слонов, коней и ракшасов, которые на этом поле пали, Паван¹ всех собрал в огромнейшую кучу, и Агни² вмиг всех сжег и в пепел обратил. Пять элементов³ вновь вернулись к источникам своим. Как шли они сюда, все видели, а как они ушли — никто не видел. Так погубив асуров и бремя сняв с Земли, шри Кришна с Баларамом, благодетель верных, вернулись к Уграсене и, простершись перед ним, сложивши поднятые руки, так сказали: "Махарадж! Великой силою твоих святых заслуг великих рать асуров мы побили, в бегство обратили. Теперь благоволи без страха править царством, даруй народу счастье!" Когда слова такие сошли с их уст, царь Уграсена джи, в глубокой радости, устроил пир большой и после этого стал править царством справедливости. Прошло немного времени, и Джарасандх асур, собрав большую рать, вновь выступил в поход; шри Кришна с Баларамом вновь его разбили и обратили в бегство. И так семнадцать раз он выступал в поход великий с полчищами из двадцати трех акшауhini; и каждый раз Господь их разбивал и в бегство обращал".

Поведав это сказанье, шри Шукрадева муні сказал царю Парикшиту: "Махарадж! И в это время в душе у муні Нарады явилась мысль. Немедля он отправился и прибыл к Калайавану. Нараду джи увидев, Калайаван со своим советом встал пред ним. Потом, простершись перед ним, сложивши поднятые руки, он спросил: "Махарадж! Что привело тебя сюда?"

Услышав, Нарада джи так сказал в раздумье:

1 Одно из имен Вайю, бога ветров.

2 Бог-огонь. Согласно древним легендам, бог Агни проявляется в трех формах: на небе в виде солнца, в воздухе в виде молнии, а на земле в виде огня. В ведическую эпоху Агни был одним из важнейших божеств древней триады: Агни, Индра и Сурья. В эпоху создания Пуран Агни в большой мере утратил свое бывшее значение, хотя все же еще почитается важным божеством.

3 Т. е. земля, вода, огонь, воздух и эфир.

“Мурари с Балабхадрой стали жить в Матхуре,
И без тебя здесь кто их может победить?
Не может Джарасандх ведь Кришну джи убить.
Ты богатырь великий, сам бессмертен ты!
А Хари с Баладевом — дети и плуты”.

Сказавши так, Нарада мунни продолжал: “Ты должен сам преследовать его, покуда не убьешь! Облакоцветный и лотосоглазый, блистает дивной красотой; он, в желтом шелковом наряде, в желтом он плаще”. Сказавши так, Нарада мунни удалился, а Калаяван рать свою стал собирать. Не много времени ушло на это, и он собрал три кроры (одна крора равна десяти миллионам) диких, страшных варваров: у них всех шеи страшно длинные, большие зубы, грязные одежды, гривы рыжие и красные глаза, как гхунгхчи (семена растения гхунгхчи, или ганджа, отличаются своим кроваво-красным цветом). Собрав их всех, под звуки барабанов он выступил в поход на Матхуру и обложил ее со всех сторон. Тогда шри Кришначандра джи, увидев все, что происходит, подумал так в душе: “Нехорошо здесь больше оставаться! Сегодня он на нас пошел, а завтра Джарасандх придет с своею ратью, от этого народу мука. Поэтому-то лучше будет, если мы здесь не останемся, отправимся все в океан и поселимся там”. Махарадж! Помыслив это, Хари джи призвал немедля Вишвакарму (Архитектор богов, открывший смертным Стхапатья Веду, т. е. основы архитектуры как науки. Согласно “Махабхарате”, Вишвакарма является не только архитектором, но и богом и мастером всех ремесел и прикладных искусств, выступая таким образом в роли греческого Гефеста.) и, объяснив ему, сказал: “Немедля отправляйся и построй средь океана город, да такой, чтоб в нем свободно мы могли бы поселить весь многочисленный род Яду, они же не должны знать этой тайны и не должны заметить, что то не их дома. В одно мгновение заberi всех и перенеси туда”.

Услышав это, Вишвакарма удалился, и в одну лишь ночь построил он средь океана на Сударашне¹ такой прекрасный город, какой велел ему шри Кришна джи построить, и, дав ему название “Дварка”, он явился к Хари и доложил ему об этом. Потом Господь ему дал повеленье: “Немедля заberi всех ядавов, перенеси туда, чтоб тайны этой не узнал никто, и не подумали: “Куда же мы попали? И кто нас перенес сюда?”.

Едва слова такие сошли с уст Господа, как Вишвакарма ночью взял и перенес на остров ядавов и с ними Уграсену

¹ Буквально: “Прекрасный”; название острова.

8 Легенды о Кришне

с Васудевой. Шри Кришна с Баларамом тоже отправились туда. И вот, услышав шум от волн морских, все ядавы проснулись и в изумлении друг другу говорили: "Откуда взялся океан в Матхуре? Не разгадать нам этой тайны!"

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: "Владыка Земли! Переселив всех ядавов так в Дварку, шри Кришначандра джи сказал так Баладеву джи: "Братец! Теперь отправимся и защитим народ, а Калаяванан убьем".

Так гласит глава пятьдесят первая — "Поражение Джарасандха" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LI. ОТ ВЗОРА МУЧУКУНДЫ КАЛАЯВАН ОБРАЩАЕТСЯ В ПЕПЕЛ, МУЧУКУНДА ПОЛУЧАЕТ ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ РОЖДЕНИЙ И СМЕРТЕЙ

Шри Шукадева мунни сказал: "Махарадж! Вернувшись в Бадж, шри Кришначандра джи оставил Баларама джи в Матхуре, а сам он — море красоты, свет мира, одетый в желтый шелковый наряд и в желтый шелковый же плащ, надев все украшения, — отправился в стан Калаявана и там предстал пред ним. И он, шри Кришну увидав, сказал себе в душе: "Иначе быть не может: это Кришна. В нем налицо все те приметы, которые мне указал Нарада мунни. Да, это тот, который Кансу и других асуров погубил и разгромил рать Джарасандха!" Подумав так в душе,

Царь Калаяван Кришне громко закричал:
"Куда бежишь, Мурари? Кто так напугал?
Теперь тебе пришлось встретиться со мной!
Остановись на месте! Эй, вступай-ка в бой!
Да, я тебе не Канса, я не Джарасандх:
Род Яду истреблю я, всех убью я сам!"

О, царь! Сказав так, Калаяван в великой гордости покинул рать свою и кинулся преследовать один шри Кришначандру. Но глупый, он не разгадал великой тайны Господа. И Хари впереди бежит, за ним, на расстоянии одной руки, без усталости несутся Калаяван. Бежали так они, бежали, и наконец, когда прошли значительное расстояние, Господь вдруг скрылся в горную пещеру. Войдя туда, он видит: какой-то человек лежит и спит. Он вмиг покрыл его своею желтой тканью, сам же отошел и спрятался. За ним бежал и Калаяван, тяжело дыша. Вбежав в ту темную пещеру и, увидав там человека, спящего под желтым покрывалом, он про себя подумал, что это, притворившись, спит шри Кришна.

Махарадж! Подумав так в душе, тут разъяренный Калайван ударил спящего того и крикнул: "Ах ты обманщик! Что ж ты притворился спящим безмятежно, как святой? Вставай! Я сразу же убью тебя!" Сказав так, он стащил с него тот желтый плащ, и спящий пробудился вдруг. Едва он в гневе на него взглянул, как Калайван вмиг спорел и обратился в пепел". Услышав это, царь Парикшит молвил:

"О, Шукрадев, скажи мне, это объясни,
Кто жил в пещере этой, кто же это был?
И почему он взглядом в пепел превратил?
И кто его великой силой одарил?"

Шри Шукрадева муни сказал: "Владыка Земли! Мучукунда был сыном Мандхаты (Царь Мандхата был сыном Ювансашвы. Согласно легендам, он родился без участия женщины, выйдя из правого бока своего отца. Сам бог Индра кормил его со своего пальца.) из рода кшатрия Икшваку (Сын Ману Вайвасвата, сына Солнца. Икшваку считается родоначальником солнечного рода кшатриев, и, согласно легендам, он царствовал в Айодхье (нынешний Аудх), в начале Трета-Юги.). Он обладал великой силою и мощью. И слава Мучукунды, громившая полки врагов, проникла в девять стран земли. Однажды к Мучукунде пришли все боги в великом страхе пред насильями асуров и со смирением великим так сказали: "Махарадж! Усилились асуры очень, от них теперь нельзя спастись. Скорее защити нас! Такой обычай ведь идет издревле, что всякий раз, когда становятся бессильны суры, муни, риши, на помощь им приходят кшатрии". Услышав это, Мучукунда последовал за ними и вступил в войну с асурами. В войне с асурами прошло так несколько уж Юг, тогда-то божества сказали Мучукунде: "Махарадж! Для нас ты много потрудишься, теперь где-либо сядь и отдохни и телу дай покой.

Немало дней боролся ты со злым врагом,
Семьи, богатств лишился, всех своих детей
Теперь уж не осталось, нет твоих родных.
Домой не возвращайся, всех утратил ты.
Иди туда, куда тебя влечет твоя душа".

Услышав это, Мучукунда так сказал богам: "Владыки милосердные! Вы сделайте мне милость, укажите мне уединенное такое место, куда б я мог пойти, заснуть спокойно, чтобы меня никто не разбудил". Услышав это, боги, просветлев, сказали Мучукунде: "Махарадж! Иди в пещеру на горе Дхаулагири, никто тебя там не разбудит, а если кто-нибудь — захочет он того или невольно — тебя

разбудит, то на него взглянув, одним лишь взглядом ты сожжешь его и в пепел обратишь”.

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю: “Махарадж! Получив такой дар от богов, Мучукунда поселился в той пещере. По этой-то причине, едва лишь взор его на Калааявана упал, он вдруг спорел и в пепел обратился. Потом сосуд святого милосердия, Канха, благодетель верных, облакоцветный, лунноликий, лотосоглазый, четверорукий, держа в руках прекрасных шанкху, чакру, гаду, падму, в короне из павлиньих перьев, с серьгами в форме макара (название легендарного морского зверя), в гирлянде из лесных цветов, одетый в желтый шелк, виденье Мучукунде дал. Увидев образ Господа, он восьмичленный совершил поклон (восьмичленный поклон совершается, когда, распростершись на Земле, обращают к Земле голову, руки, ноги, сердце, глаза, бедра, слова и мысль), потом же, став пред ним, сложивши поднятые руки, молвил: “Владыка милосердный! Как ты, явившись в эту темную пещеру, осветил ее и тьму прогнал, так сделай милость, открой свою мне тайну, благоволи ты удалить все заблуждения души моей!”

Шри Кришначандра джи сказал: “Мои рожденья, карма, гуны, многи, и их число не поддается исчислению, кто б сколько ни считал. Но я тебе открою тайну этого рожденья: я принял воплощение в доме Васудевы, и потому меня зовут все “Васудевой”. В Матхуре Кансу я убил и всех асуров, и снял с Земли я бремя. Семнадцать раз с великой ратью в двадцать три акшаухини походом шел против меня царь Джарасандх и вел войну. Но от меня он поражение потерпел. А тот Калааяван, собрав огромное полчище в три кроры варваров, пришел со мной сражаться и спорел от зора твоего”. Когда такая речь сошла с уст господа, то Мучукунду осенило знание, и он сказал: “Махарадж! Силою великой обладает Майя, Господи, твоя. И ею очарован мир весь: она лишает всех ума и памяти.

Ты совершаешь карму к благу всех созданий
И принимаешь тяжесть всяческих страданий!
Как если кость вонзится вдруг собаке в рот,
Она, сама страдая, кость свою сосет
И думает: из кости кровь ей в рот течет,
Так мы свои страданья счастьем зовем.

О Махарадж! Ведь тот, кто в этот мир пришел, без милости твоей не может выйти он из темного колодца, который называют домом. Поэтому и у меня явилася забота: как мне спастись из этого колодца?” Шри Кришна джи сказал: “Внемли, Мучукунда. Все то, что ты сказал, все

правда. Но я могу тебе назвать все средства для спасенья, ты их используй. Получивши царство, из-за земли, богатств и благ земных ты много беззаконий совершил. Без подвигов тяжелых не можешь ты от них очиститься. А посему на север отправляйся и подвиги твори. Потом, покинув это тело, вновь прими рождение в доме риши. Тогда получишь благодать спасенья". Когда услышал Мучукунда эту речь, то он познал, что наступает Калиюга. Постигнув это, он простился с Господом, простерся перед ним, и, совершивши обхождение, отправился он в Бхадринатх¹. Меж тем шри Кришначандра джи отправился в Матхуру и сказал так Балараму джи:

"Я Калаявана там смерти уж предал,
А старца Мучукунду в Бхадри² я послал.
Рать Калаявана все ж выглядит могучей,
Матхуру обложила темной страшной тучей,
Туда пойдем скорее, варваров убьем.
От бремени всю Землю этим мы спасем".

Сказавши так, шри Кришначандра взял с собою Халадхара и, выйдя из Матхуры, направился туда, где оставалось войско Калаявана. Приблизившись к той рати, оба брата с ней вступили в бой. Когда же истребил Господь всю варварскую рать, тогда сказал он Баладеву джи: "Теперь возьмем мы все богатства и отсюда из Матхуры отошлем их в Дварку". Баларама джи сказал: "Очень хорошо". Тогда шри Кришначандра повелел немедленно из Матхуры вынести богатства все и погрузить на буйволов, верблюдов, колесницы и слонов и отослал их в Дварку. И в это время Джарасандх вновь наступать стал на Матхуру с ратью в двадцать три акшаухини. Тогда шри Кришна с Баларамом джи в большой тревоге вышли и показались ему. Затем, чтоб пыл его унять, они пустились в бегство. Тогда советник Джарасандху так сказал: "Махарадж! Кто силою такую обладает, чтоб мог противиться тебе? Смотри, ведь оба брата, Кришна с Баларамом, покинув все богатства и свой дом, спасая жизнь свою, из страха пред тобой без памяти пустились в бегство". Услышав от советника слова такие, сам Джарасандх с своею ратью немедленно бросился в погоню с криком:

"Что ж вы пустились в бегство? Эй, чего страшитесь?
Поговорим немного! Эй, остановитесь!
Зачем бежать и падать, страшно так дрожать?
Близка уж ваша гибель; вам не убежать!"

¹ Название легендарного города в Гималаях.

² То же, что Бхадринатх.

Шри Шукрадева мунни продолжал: “Владыка земли! Когда шри Кришна с Баларамом джи вдруг обратились в бегство, себя, как люди, проявили, тогда из сердца Джарасандха вдруг ушла вся прежняя печаль, и он весь просветлел, обрадовался так, что рассказать нельзя. Меж тем шри Кришна с Баларамом все бежали да бежали, и наконец они приблизились к горе Гаутаму¹. А высотой она была в одиннадцать йоджан.² Они взобрались на нее, поднялись на вершину и там остановились.

Увидев, Джарасандха громко закричал:
“Мурари с Балабхадрой на гору бежал.
Теперь от нас спасется как моим врагам?
С горою этой их огню предам!”

Едва слова такие сошли с уст Джарасандха, асуры окружили эту гору, доставили из городов и сел дров и дверей, и ими гору обложили, а сверху тряпок навалили, полили маслом постным и коровьим и зажгли. Когда огонь достиг вершины той горы, то оба брата незаметно так перенеслись в Дварку, что их ухода не видал никто, а вся гора сгорела, обратившись в пепел. В то время Джарасандх, считая, что шри Кришна с Баларамом джи сгорели вместе с той горой Гаутаму, в великой радости собрав всю рать свою, пришел в Матхуру и, овладев всем царством, велел об этом объявить по городу под барабанный бой и там свою поставил стражу. Потом сровнял с землей все старые дворцы, которые принадлежали Уграсене с Васудевой и сам на месте их все новые построил”.

Поведав эти сказанья, шри Шукрадева джи сказал царю: “Махарадж! Так, обманувши Джарасандха, шри Кришна с Баларамом джи, отправившись в Дварку, поселились там. А Джарасандх, оставивши Матхуру, свое все войско взял и радостный, свободный от забот, вернулся вновь к себе домой”.

Так гласит глава пятьдесят вторая — “Смерть Калайявана, спасение Мучукунды и уход шри Кришны с Баларамом в Дварку” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LIII. БАЛАРАМ ВСТУПАЕТ В БРАК С РЕВАТИ. ЦАРЬ РУКМА СОБИРАЕТСЯ ВЫДАТЬ РУКМИНИ

Шри Шукрадева мунни сказал: “Махарадж! Теперь благо-
воли ты слушать продолжение сказанья. Когда, убивши

1 Гора близ города Насика, откуда вытекает река Годавари.

2 Мера длины, равная четырем косам или девяти милям.

Калайявана и дав спасенье Мучукунде и обманувши Джарасандха, шри Кришначандра, корень радости, с собой взял Баладева джи, переселился в Дварку, то жизнь вошла там в души ядавов, весь город осенило счастье. Все граждане в нем стали жить в спокойствии и радости. А через некоторое время однажды несколько ядавов явились к Уграсене и сказали: "Махарадж! Пришла пора для Баларама в брак вступить, ведь он пришел уж в возраст". Услышав речи их, царь Уграсена брахмана позвал и, объяснив ему, как надлежит, сказал: "О божество! (Широко распространенная в прошлом форма обращения к брахману Девата, так как брахманы считают себя земными богами.) Ты отправляйся поскорей куда-нибудь и присмотри хороший род и дом и там сосватай-ка невесту Балараму джи". Сказавши это, он потребовал немедля роли, рису, денег и кокосовых орехов и отпустил его. Вот шел тот брахман, шел, пришел к царю Ревату¹ в стране Анарте², и там сосватал он для Баларама дочь его шри Ревати. Потом он взял с собою брахмана, его и свадебные все подарки, явился с ними к Уграсене в Дварку и рассказал ему подробно обо всем. Царь Уграсена выслушал его, пришел в большую радость, позвал он брахмана того, что свадебные все дары привез, велел устроить пиршество, подарки принял, и, щедро наградив, он отпустил его. Потом он сам, со всеми ядавами вместе, с великой пышностью отправился в страну Анарту и заключил брак Баларама джи".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева мунни так сказал царю: "Владыка земли! Таким вот образом все ядавы, устроив свадьбу Баладева джи, вернулись обратно. Меж тем шри Кришначандра джи с собою брата взял и с ним отправился в Кундальпур³, и там, вступивши с ракшасами в бой, он отнял Рукмини, невесту Шишупала, дочь Бхишмака-царя, привез ее домой и с нею в брак вступил". Услышав это, царь Парикшит спросил шри Шукадева джи: "О милосердия сосуд! Каким же образом шри Кришначандра джи отправился в Кундальпур, убил асуров, отбил царевну Рукмини джи, дочь Бхишмака-царя. Ты объясни и расскажи мне это".

Шри Шукадева джи продолжил: "Махарадж! Благоволи же слушать, прилагай внимание. Я объясню и расскажу тебе всю эту тайну. В стране Видарбха есть великий град Кундальпур. Там царствовал царь Бхишмак, слава о котором достигла всех концов земли. Шри Сита джи явилась к нему и Аватару приняла. Когда родилась дочь, царь Бхишмак джи

1 Сын Ревы, легендарный основатель города Кушастхам или Дварки в Гуджарате.

2 Древнее название Гуджарата и его столицы.

3 Столица древнего царства Видарбха, современного Бидара в Хайдарабаде.

послал призвать астрологов. Они явились, составив гороскоп и дав той дочке имя Рукмини, сказали: "Махарадж! По нашей мысли так выходит, что эта дочь твоя высокодобродетельною будет, сосудом красоты, по качествам прекрасным будет равной Лакшми и вступит в брак с Адипурушей".

Из уст астрологов услышав это слово, царь Бхишмак принял это как большое счастье и испытал великое блаженство, а брахманам дал множество даров. И вот царица эта, словно серп Луны, день ото дня все стала возрастать и играми своими радовать отца и мать. Когда же подросла она, тогда с подругами, подружками своими стала забавляться различными, чудеснейшими играми. Однажды та царица — газелеглазая, чампакоцветная¹ и лунноликая — отправилась с подругами своими в прятки поиграть. Когда они играли, то все подруги стали говорить ей: "Рукмини! Да ты пришла, расстроила нам всю игру! Ведь в темноте, где прячешься ты с нами, от света месяца-лица, царица, твоего исходит лунный свет! От этого нам спрятаться нельзя!" Услышав это, она лишь улыбнулась и замолкла".

Рассказав это сказанье, шри Шукадев джи молвил: "Махарадж! Таким вот образом она с подругами играла; и день ото дня ее краса росла вдвойне. Однажды в это время Нарада мунни в Кундальпур пришел. Увидев Рукмини, отправился к шри Кришначандре в Дварку и сказал: "Махарадж! Есть в Кундальпуре, в доме Бхишмака-царя, царица, кладезь красоты, достоинств, благонравия; она подобна Лакшми. Она тебя достойна!" С тех пор как Хари услышал от мунни Нарады такую тайну, он день и ночь все думал о царице. Махарадж! Таким путем шри Кришначандра джи услышал имя Рукмини, о доблестях ее узнал. Теперь я расскажу о том, как Рукмини узнала имя Господа и славу. Однажды нищие различных стран, скитаясь по миру, пришли в Кундальпур и воспевали славу Кришначандры: как принял он рождение в Матхуре, как в Гокуль и Бриндабан скрылся, как он играл с детьми простых всех пастухов, как он, убив асуров, бремя снял с земли и ядавам дал счастье. Об этом пели нищие.

Все граждане, услышав о великих подвигах шри Кришны джи, в великом изумлении друг другу говорили: "Когда увидим мы очами этими того, о чьих великих подвигах мы слышали ушами?" А в это время нищие каким-то образом явились на собрание Бхишмака-царя и стали петь о добродетелях и чудесах шри Кришны. В это время

1 Т. е. цвета цветков чампака кустарника с желтыми цветками.

Шри Рукмини на кровлю как-то поднялась,
И песнь о славе Хари к ней вдруг донеслась.
В великом изумленье сердцем увлеклась.
Взяла и наклонилась, чтоб их увидеть.
Красавица внимает сердцем и душой,
Любовь в ней расцветает нежною лозой.
Царевна вся в восторге, вся потрясена,
И ум и память слава Хари унесла".

Сказавши так, шри Шукрадева джи продолжил: "Владыка Земли! Таким путем шри Рукмини услышала о славе имени шри Кришны. И с этого-то дня она и день и ночь, все восемь страж, все шестьдесят четыре часа — спала ль она, иль бодрствовала, сидела иль стояла, ходила или шла, пила иль ела, иль играла — все непрестанно думала о нем и воспевала добродетели его. Всегда вставала на заре и, искупавшись, делала себе изображение Гаври из земли и, предложив ей роли, рис, цветы, курила благовония, светильник зажигая, и, сложивши поднятые руки, опустив голову, так говорила ей:

"Молю тебя, о Гаври, милость ты мне дай,
Мне дай в супруги Кришну, мать, уйми печаль".

Таким вот образом жить стала Рукмини всегда. Однажды так случилось, что она с подругами играла; царь Бхишмак, увидав ее, встревожился душою и сказал: "Она пришла уж в брачный возраст. Коли ее скорей не выдать замуж, то люди засмеют. Ведь сказано: "В чьем доме в брачный возраст девушка пришла, тому уж тщетно расточать дары иль подвиги творить и добрые дела. И не исполнится от этих дел до той поры закон, пока он не отдаст сам дочери свой долг". Подумав так, царь Бхишмак джи пришел на свой совет, созвал советников всех и родню и так сказал: "Братья! Дочь моя пришла недавно в брачный возраст, и для нее нам следует найти супруга — рода высокого и добродетелей великих, пригожего и с добрым нравом". Услышав это, все стали называть царей различных стран, их род и добродетели, и красоту, и силу. Но ни один из тех, кого они называли, Бхишмаку-царю по нраву не пришелся. Тогда-то Рукма¹, старший сын его, сказал: "Отец, царь города Чандери (древний город, развалины которого сохранились в Гвалиоре в округе Норвар, на расстоянии 10 миль от современного города Чандери, славящегося своими бумажными и шелковыми тканями) Шишупал великой силой обладает, во всех он отношеньях ровня нам. Коль Рукмини ты за него отдашь,

¹ Впоследствии царь Бходжаката.

то тем заслужишь славу в мире". Когда же царь не стал и слушать тех его речей, то младший сын его Рукмакеш так сказал:

"Отец, прошу, за Кришну Рукмини отдай,
Со славным Васудевою ты в родство вступай".
Услышав это, Бхишмак в радость вдруг пришел,
И сыну в похвалу он много слов нашел.

"Ты, мальчик, оказался всех умнее здесь,
Твои простые речи мне и по душе!

Ведь сказано:

С вопросом обращай к младшим, к старикам,
А дело-то так сделай, как придумал сам.
Коль выслушал советы, лучший принимай,
Таков обычай в свете: ты не нарушай".

Сказав так, далее царь Бхишмак молвил: "Мне Рукмакеш прекрасный дал совет. Ведь Сурасена, царь ядавов, великой славою и силой обладает, и Васудева джи сын его. Вот каковы есть те, в чьем доме принял воплощение предвечный наш Адипуруша, бог всех богов шри Кришначандра. Он обладает силою великой, убил он Кансу и других всех ракшасов и, бремя сняв с Земли, прославил род весь Яду, и с ядавами счастье дал всему народу. И если отдадим мы Рукмини шри Кришначандре, владыке Дварки, то удостоимся хвалы и славы в мире". Слова услышав эти, собрание все пришло в большую радость, и все сказали: "Махарадж! Прекрасное задумал дело, государь. Такого жениха для дочери ты не найдешь нигде. Прекрасно это будет, коль шри Рукмини ты сочетаешь браком с шри Кришначандрой джи". Когда собрание все так сказало, то старший сын царя Бхишмака, Рукма, выслушав все это, в страшном гневе молвил:

"Что неуч говорит нам, сам не понимает,
Занятий прежних Кришны он, глупец, не знает.
Шестнадцать лет ведь жил он где-то там у Нанды,
Его тогда ахиром звал ребенок каждый,
Попоной покрывался, пас у Нанды скот
И у дороги кушал, кто что поднесет.

Пастух он деревенский, больше ничего. Что толковать о родословной парня, чья мать, отец покрыты тайной? Да чьим же сыном нам его назвать? Одни его считают сыном Нанды-пастуха, другие почитают сыном Васудевы. Однако же до сей поры никто не разгадал той тайны, чей сын ваш Кришна. И что кому на ум взбредет, то каждый и поет. Ведь мы цари! Нас каждый знает, почитает. А ядавы когда

же сделались царями? Что до того, что ядавы неожиданно для себя взлетели в высь, величия достигли? Былой позор теперь не смыть! Да и теперь ваш Кришна является слугою Уграсены! Какую ж славу в мире мы приобретем, коль Кришну мы в зятя возьмем? Ведь сказано: "В любовь и брак, и во вражду лишь с ровнею вступайте и этим славу рода сохраняйте". А если Рукмини мы выдадим за Кришну, то про меня все люди скажут: "шурин пастуха". От этого погибнет честь и слава наша".

Махарадж! Сказав так, Рукма продолжал: "Царь города Чандери Шишупал великой силою и мощью обладает. От страха перед ним дрожат цари всех стран. И испокон веков там род его владеет царским тронem, а потому прекрасно будет, если выдадим мы Рукмини за Шишупала. И впредь в моем присутствии не смейте даже имени какого-то там Кришны называть!" Услышав это, все собрание, хотя в душе и сожалели все об этом, осталось безмолвным. И Бхишмак джи сам не посмел сказать ни слова. А Рукма же, призвав к себе астрологов, установил счастливый день и через брахмана отправил сам подарки свадебные Шишупалу.

Тот брахман взял подарки, отправился и прибыл в город Чандери, явился на совет царя. Когда царь Шишупал, увидев брахмана, приветствовал его, спросил: "Скажи, о божество, откуда прибыл ты? И какова причина твоего прибытия сюда?", то брахман, дав ему благословенье, ему причину своего прибытия объяснил. Царь Шишупал, услышав это, просветлел. Потом, призвав к себе пурохита, подарки свадебные принял. И, щедро наградивши брахмана того, он отпустил его. Потом послал он приглашение Джарасандху и всем другим царям различных стран.

Когда цари пришли и каждый рать свою привел с собою, тогда он сам собрал свое все войско и отправился в Кундальпур для заключения брака. Тот брахман же, который относил дары, явившись к Бхишмаку, сказал: "Махарадж! Я государю Шишупалу славному отнес подарки свадебные. И он, собрав с великой пышностью свой поезд свадебный, пришел для заключения брака. Благоволи исполнить долг свой".

Царь Бхишмак джи, услышав это, сперва пришел в безмерную печаль. Потом, обдумав все, отправившись во дворец, сказал своей супруге обо всем. Она, узнав об этом, позвавши музыкантов и женщин из их рода, велела всем готовить пир и стала исполнять прилежно свадебные все обряды. Потом царь вышел, дал приказ советникам и главному из них: "Немедля собирайте все, что нужно нам для брака дочери". И получив приказ царя, сам главный (т. е. главный советник, главный министр) и советники велели

всем немедленно изготовить все, и скоро все представили царю. Меж тем народ все слышал, видел, и в городе распространились слухи, что Рукмини должна была вступить в брак со шри Кришначандрой, но Рукма злой не допустил, чтоб состоялся этот брак. Теперь за Шिशупала Рукмини джи выйдет”.

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: “Владыка Земли! Меж тем как в городе ходили эти слухи, в дворце все женщины играли, пели и исполняли все обряды; там брахманы читали Веды и велели службы исполнять. Повсюду в городе гремели барабаны. Огромные смоковницы с ветвями и листвой сажали у домов рядами, как колонны, и люди украсили все их куполами золотыми и протянули между ними цветочные гирлянды и венки. И, сверх того, всем горожанам велели подмести, подчистить все базары, улицы и площади устлат коврами. Меж тем как во дворце и вне его с такою пышностью приготовления шли, к шри Рукмини явилось несколько подруг ее и так сказали:

“Тебя за Шिशупала Рукма отдает,
Тебя уже царицей весь народ зовет”.

В печали молвила им, голову склонив:

“Спаси меня, владыка. Ты — владыка мира”.

Сказав так, Рукмини задумалась. Потом, позвавши брахмана, сложивши поднятые руки, превознося его, смиренно заклинала, открыв ему свое сердечное желанье: “Махарадж! Мое посланье в Дварку отнеси, прочти его владыке Дварки и возвращайся вместе с ним сюда. За это буду я тебя глубоко почитать и буду знать, что ты мне сделал милость и дал мне в женихи шри Кришну”.

Услышав это, брахман молвил: “Хорошо. Ты напиши послание свое, и я пойду и передам его шри Кришначандре. Он наш владыка милосердный. Коль он пойдет со мной, я приведу его”. Когда слова такие из уст брахмана вышли, то Рукмини джи, написав посланье, полное любви, ему его вручила и сказала: “Отдай послание шри Кришначандре, кортю радости, и от меня скажи ему: “Рабыня та, сложивши поднятые руки, умоляет и говорит тебе: “Ты постигаешь сокровенное, тебе открыты души всех. Зачем я буду больше говорить? Я у тебя ишу защиты: теперь мой стыд принадлежит тебе. Благоволи так сделать, чтоб спасти меня. Приди и дай своей рабыне лицезреть тебя”.

Махарадж! Когда, сказав так, Рукмини джи отпустила брахмана того, он, с мыслию о Господе в душе и повторяя имя Господа, отправился немедленно в Дварку и, волей Хари, не успел заметить даже, как достиг ее. Придя туда, он

видит: стоит средь океана город, вокруг него огромнейшие горы, их украшают рощи и леса; в них раздаются голоса разнообразнейших зверей и птиц, прекрасные пруды наполнены водой кристально чистой; в них лотосы цветут, над ними же жужжат роями пчелы; по берегам играют журавли и лебеди и множество других различных птиц. На много кос вокруг идут сады с различными цветами и плодами, а по краям их бетеля сады цветут. Садовники стоят повсюду у колодцев, звонко распевают и, вращая колесо колодца, поднимают кожаные ведра, поливают все вокруг, а у колодцев толпы водоносов по лестницам спускаются.

Когда тот брахман, созерцая эту красоту, пошел вперед, то что он видит? Весь город окружен высоким валом, в нем четверо ворот, и в тех воротах двери золотые, они украшены камнями самоцветными. А в городе самом блистают серебряные, золотые дивные дворцы — пяти-, семиэтажные, такие все высокие, что с небесами говорят; их купола и главки, как молнии, сверкают; повсюду развеваются знамена, флаги разных красок; из окон и оконцев, сквозь отдушники и сквозь резьбу в стенах разносится повсюду аромат. У каждого двора рядами, как колонны, стоят смоковницы живые, с побегами, с листвою, верхушки их увенчаны шарами золотыми, а между них протянуты гирлянды и венки. Там музыка веселая звучит во всех домах, читаются сказания, Пураны и предания о Хари. Все восемнадцать каст живут счастливо и спокойно. Сударшанчакра охраняет город".

Поведав это сказанье, шри Шукрадева мунни продолжал: "О царь! Любуясь дивной красотой Дварки, брахман подошел к дворцу, вошел он на совет царя и там остановился. Потом, произнеся благословение, спросил: "Скажите, где изволит обитать шри Кришначандра джи?" Тогда один из бывших на совете указал ему дворец шри Кришначандры. Когда он, подойдя к воротам, там остановился, привратники, увидевши его, все сделали земной поклон и так спросили:

"Откуда соизволил ты прибыть сюда?
Какой страны посланье хочешь передать?"

Он сказал: "Я — брахман, житель Кундальпура, принес вручить шри Кришначандре джи посланье от царевны Рукмини джи, дочери царя Бхишмака". Услышав это, те привратники сказали: "Махарадж! Проследуй во дворец, шри Кришначандра на престоле львином сам сидит там прямо перед входом". Услышав это, брахман во дворец вошел, и Хари, увидав его, сошел с престола, посадил его. Омывши ноги, выпил нектар ног его и стал ему с таким смирением служить, как служат только божеству. Господь его намазал

благовонной мазью, осыпал благовониями, искупал и, угостив его роскошнейшим обедом, бетель предложил. Потом, осыпав брахмана шафраном и сандалом, одел ему гирлянду из цветов и, уведя в покои жемчужный, спать уложил на чистой, украшенной камнями самоцветными, постели с балдахином. Махарадж! Брахман так устал с дороги, что только лег, и вмиг уснул счастливым сном. Потом шри Кришна возымел желание послушать брахмана, пришел и сел; в душе он говорил себе: "Вот-вот проснется он". Когда же он увидел, что брахман не встает, тогда, обеспокоенный, присев у ног на ложе, стал ноги прижимать ему. От этого прервался сон брахмана, и он проснулся. И Хари джи, спросивши о здоровье, спросил:

"Какое царство, брахман, ты для нас оставил?
Благоволи открыть нам, брахман, эту тайну!
Скажи, с каким же делом ты пришел сюда,
Что мы тебя узрели, радость ты нам дал?"

Брахман сказал: "О милосердия сосуд! Благоволи мне оказать внимание, слушай. Я расскажу тебе причину своего прибытия сюда. Махарадж! С тех пор как Рукмини, дочь Бхишмака-царя, услышала об имени и добродетелях твоих, и день и ночь она живет лишь только мыслью о тебе и жаждет горячо служить прекрасным лотосам — ногам твоим. Была близка надежда на соединение с тобой, но все вдруг изменилось". Господь спросил: "Что же произошло?" Брахман ответил: "О, милосердный к бедным! Царь Бхишмак джи, сказав однажды всю свою родню и всех мужей совета, так сказал: "Братья, дочь моя пришла уж в брачный возраст. Теперь ей нужно жениха найти". Когда из уст царевых вышло слово это, все стали называть царей различных, род их, их достоинства и имена. Но ни один из них ему, известно это, не пришелся по душе. Тогда-то Рукмакеш назвал тебя. Обрадованный царь приветствовал его слова и всем сказал: "О братья! Его слова в моей душе запечатлелись, словно надпись на скале. Что вы можете сказать?" Они сказали: "Махарадж! Коль обыскать три мира, такого жениха нам не найти, а посему нам надлежит теперь не медлить, скорей устроить брак шри Кришначандры с Рукмини". Махарадж, так было постановлено. Но тут вмешался Рукма и настоял на обручении Рукмини с царем великим Шишупалом. Теперь уж он собрал все полчища асуров и с ними выступил для заключения брака".

Поведав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал: "Владыка Земли! Так рассказавши обо всем, тот брахман добродетельный вручил шри Хари и послание от Рукмини.

Господь с большой любовью взял посланье, прижал его к груди. Прочтя его, обрадованный, он брахману сказал: "О божество! Ты не тревожься ни о чем. Я сам немедленно отправлюсь с тобой, побью асуров, исполню все ее желанья". Услышав это, брахман успокоился душой. А Хари, думая о Рукмини, пришел в тревогу".

Так гласит глава пятьдесят третья — "Послание шри Рукмини" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Далом.

Глава LIV. ШРИ КРИШНА ПОХИЩАЕТ РУКМИНИ

Шри Шукадева джи сказал: "О царь! Так успокоил брахмана шри Кришначандра. Потом он так сказал:

“Коль дерево о дерево потрут,
Всегда рождается огонь и пламя,
Так я у них царевну отниму,
И разобью войска асуров сам я”.

Сказав так, он одел прекрасные одежды и приятные наряды и явился к Уграсене. Сложивши поднятые руки, он сказал: "Махарадж! Царь Кундальпурский Бхишмак джи прислал с своим пурохитом посланье. Он хочет выдать за меня свою царевну-дочь. Он приглашает одного меня. Коль ты прикажешь, я отправлюсь и в брак вступлю там с дочерью его”.

Услышав, Уграсена так ему сказал:
“В далекую страну ты ехать пожелаю.
Не ездь ты, Мурари, в ту страну один,
Коль ссора приключится, кто там защитит?
И кто тогда об этом известит всех нас!”

Сказав так, Уграсена продолжал: "Хорошо. Коль хочешь ты туда поехать, тогда бери всю рать свою и отправляйтесь вдвоем два брата; по заключенье брака же скорее возвращайтесь назад. Ни с кем там не вступайте вы ни в ссору, ни в войну. Ведь если долго проживешь, красавиц много встретишь!" Шри Кришначандра, получив такое разрешение, сказал: "Махарадж! Ты правду мне сказал. Но я отправлюсь вперед, а ты потом благоволи отправить Баларама джи с моею ратью”.

Сказавши так, шри Хари джи простился с Уграсеною и Васудевою и пришел туда, где брахман ожидал его, велел позвать возницу Дарука и колесницу. Он, получив от Господа такое повеленье, немедленно в колесницу заложил четверку лошадей. Тогда шри Кришначандра сел на колесницу и, посадив с собою брахмана, отправился из Дварки в

Кундальпур. Когда он выехал из города, то что ж он видит? Справа от него бегут стадами лани, а прямо перед ним бежит с добычею огромный лев со львицей и ревут. Увидев этот добрый знак и про себя подумав, брахман молвил: "Когда теперь я вижу этот добрый знак, то у меня рождается такая мысль: как лев со львицею бегут, достигнув цели, так и ты вернешься, выполнив все то, что ты задумал". Шри Кришначандра молвил: "Твоею милостью". Сказав так, Хари двинулся вперед и, наблюдая по пути все новые и новые деревни, города и страны, прибыл в Кундальпур. Там он увидел, что свадебный наряд, в который облачился город, еще во много раз усилил красоту его.

На улицах все чисто, крыша над базаром,
Посыпана душистым чоа и сандалом,
Повсюду пой¹ и бетель связаны пучком,
Орехи золотые, глянть, висят кругом,
Не счастье зеленых листьев, всех плодов, цветов,
Чудесные гирлянды вдоль рядов домов,
Протянуты там арки флагов и знамен,
Изящные вершушки в золоте кругом.

И в каждом доме радость. Махарадж! Такою красотой блистал весь город. Кто мог бы описать те чудеса, которыми был разукрашен весь дворец? Они доступны были только взорам, не словам. Шри Кришначандра, осмотрев весь город, сам разбил шатер близ города, в саду царя. Там, сев в тени прохладной, освежившись, он брахману сказал: "О божество! Сначала ты пойд и извести царевну о моем прибытии сюда. Пусть соберется с духом и перестанет горевать. Потом вернись и расскажи, что делается во дворце. Тогда подумаем о том, что делать дальше". Брахман так сказал: "Владыка милосердный. Сегодня первый день ведь брака, и во дворце большое торжество. Я во дворец пойду и постараюсь Рукмини наедине открыть столь радостную тайну о твоём прибытии". Сказав так, брахман удалился.

Махарадж! Меж тем как Хари незаметно прибыл так один в Кундальпур, царь Шишупал и Джарасандх шумно прибыли туда и привели с собой всю рать асуров. От тяжести ее змей Шеша содрогнулся, и задрожала вся земля. Услышав о его прибытии, царь Бхишмак джи ему навстречу вышел с советниками и со всей семьей. С большим почтением приветствовав гостей, он одарил их всех прекрасными одеждами² и украшениями, и драгоценными камнями, дал множество коней, слонов, потом, введя их в город, предложил дворцы для жительства и много кушаний, питья".

¹ Растение со съедобными листьями.

Поведав это, шри Шукатова продолжал: "Махарадж! Теперь я расскажу тебе о том, что делалось в Дварке. Ты прилагай внимание, слушай. Когда шри Кришна выехал из Дварки, все ядавы явились к Уграсене и сказали: "Махарадж! Мы слышали, что в Кундальпур для заключения брака своего отправился царь Шишупал и Джарасандх со всею ратью асуров. А Хари-то отправился один! Поэтому мы знаем, что там между шри Кришной джи и ними будет бой. Узнав об этом, мы вне себя. Как можем мы покинуть Хари и оставаться здесь? Махарадж! Нам сердце не позволит здесь остаться. Теперь, что соизволишь приказать, мы все исполним".

Услышав их слова, царь Уграсена мудрый сам пришел в великое волнение и страх. Призвав немедля Баларама джи, он объяснил ему все и сказал: "Бери с собою наши все полки и отправляйся спешно в Кундальпур, пока туда не прибыл Кришна джи. Возьми его с собой и возвращайтесь обратно". И, получив приказ царя, немедля Баладев собрал сам пятьдесят шесть крор могучих ядавов и выступил на Кундальпур. Тогда слоны все боевые — и черные, и белые, и бурые, как дым, — там двигались, как горы облаков; их белые клыки белели, словно цапли; гремели барабаны, словно облака; оружие, как молния, сверкало. Насколько глаз хватал, повсюду двигались отряды всадников в роскошных одеяниях — красных, желтых; и колесниц ряды, сверкая, двигались вперед. Увидев эту красоту, обрадованные, все боги с любовью сели на свои виманы, и дождь цветов с небес пролив, почтили войско криками: "Джай, джай, шри Кришначандра, корень радости!" Едва успел шри Кришна в Кундальпур прибыть, как вдруг туда же прибыл Баларама джи с ратью всей своею". Рассказав это, шри Шукатова джи продолжал: "Махарадж! Так прибыл в Кундальпур шри Кришначандра, море красоты, свет мира, но Рукмини не получила вести о его прибытии.

Она вокруг все смотрит, на личике испуг,
Так на заре прекрасный месяц меркнет вдруг.
В душе прекрасной девы выросла печаль.
Она взошла на крышу, смотрит, смотрит в даль.
То выглянет в окошко, смотрит из дверей;
Струятся слез потоки из ее очей,
Лицо поблекло, в сердце множество тревог,
Она вздыхает часто; как глубок тот вздох!
От тяжелой скорби слезы пролились дождем,
Задумалась, о горе думает своем:

"О, почему же Хари не пришел еще? Его ведь имя Антарджамы, проникающий в сердца. В чем прегрешила я

пред ним, что он до сей поры не вспомнил обо мне? Иль, может, брахман не попал туда? Иль, может, Хари счел меня столь безобразной, что не захотел ответить мне любовью? Иль, прослышав о прибытии Джарасандха, Господь не захотел прийти? Ведь завтра свадьба, и асур уже пришел. Коль завтра овладеет он моей рукой, то что ж без Хари будет тут с моею грешною душой? Молитвы, подвиги, обеты, благочестье не оказали мне поддержки никакой! Что делать мне теперь, куда бежать?

Со свадебною свитой здесь уж Шишупал!
Не медли, милосердный, мне защиту дай!"

Когда с уст Рукмини сошли слова такие, одна подружка ей сказала: "Как может Хари джи прибыть сюда без разрешения отца и брата из отдаленной столь страны?" Другая молвила: "Чье имя Антарджамби, проникающий в сердца, тот, милосердный к страждущим, не может не прибыть! Мужайся, Рукмини, оставь свое волнение! Моя душа надеждою полна, что вот придет к нам кто-то, скажет: "Приехал Хари". Махарадж! Они вдвоем так меж собою говорили, как вдруг явился брахман. Дав им благословенье, он сказал: "Шри Кришначандра джи приехал, в саду разбил он свой шатер. А Баладев джи следует за ним со всею ратью". Увидев брахмана и услышав такие речи, Рукмини вернулась к жизни. В тот миг она такое счастье испытала, какое может испытать подвижник, сподобившись награды за свой подвиг.

Потом шри Рукмини джи, сложивши поднятые руки, голову склонив, сказала брахману тому: "Сегодня тем, что ты пришел и о прибытии Хари известил, ты возвратил мне жизнь. Чем я могу вознаградить тебя за это? Ведь если б я дала тебе богатства трех миров, то и тогда б не уплатила полностью свой долг". Промолвив это, она себя сдержала и в смущении замолкла. Тогда тот брахман исполнился великой радости и, дав благословенье, удалился. Явившись к Бхишмаку, он, государя утешая, ему все обстоятельства прибытия шри Кришны рассказал. Услышав обо всем, царь Бхишмак, поклонившись брахману, бегом отправился туда, где в роще царской спокойно возлежали Кришна с Баларамом. Приблизившись к Мурари, приветствовав его поклоном восьмичленным, он стал пред ним. Потом царь Бхишмак, сложивши поднятые руки, так сказал:

"Призыв к тебе, о Хари, жил в душе моей!
Как я скажу, что сделал подлый тот злодей?
Теперь исполнилось мое желанье.

Ты сам пришел сюда, позволь мне лицезреть тебя".

Сказавши так, царь Бхишмак повелел разбить шатер шри Кришне и, возвратившись во дворец, исполненный тревоги, так сказал:

“Всеу известны миру Хари чудеса,
Что будет ныне с нами, ведаст он сам!”

Меж тем туда, где был шри Кришна с Баларамом, весь город устремился. Мужчины, женщины пришли, и, головы склонив, все воспевали славу Господу и, восхваляя, так друг другу говорили: “Для Рукмини достойнейших жених — шри Кришна. Да сочетается их Творец, да будет брак их долговечным!” А в это время оба брата, подумав, вышли город осмотреть. Тогда, куда б ни шли они, везде: на улицах, базарах, перекрестках — за ними следовали толпы женщин и мужчин и сыпали на них душистыми чоа и сандалом, кропили розовой водой и щедро сыпали цветы. Протягивая руки, указывали Господа друг другу, говоря:

“В одежде чудной синей — это Баларам,
В роскошном платье желтом — это Гханашьям.
На голове корона, серьги, глянь, дрожат,
Лотосоглазый хочет все увлечь сердца!”

А братья шли, осматривали все. И, наконец, они весь город осмотрев и войско Шишупала, вернулись к своим полкам. Узнав об их прибытии, старший сын царя Бхишмака джи, царь Рукма, в великой ярости пришел к отцу и так сказал: “Скажи мне правду, по чьему приглашению прибыл к нам тот Кришна? Не разгадал еще я этой тайны! Как мог явиться он без приглашенья?”

Брак — радостное дело только для друзей,
Ему какое дело? Разве поглядеть?
Ведь эти два жестоких плута
Куда бы ни пришли, везде затеют ссору.
Коль ты себе желаешь блага,
То правду мне скажи.
Кто их позвал сюда, зачем они пришли?”

Махарадж! Так пригрозив отцу, царь Рукма удалился и, теряясь в догадках, отправился туда, где на своем совете восседал царь Шишупал и Джарасандх, и так сказал: “Сюда недавно прибыл Кришна с Баларамом. Предупредите всех своих людей, чтоб были все настороже”. Услышав имена обоих братьев, царь Шишупал, узнав о подвигах великих Хари, о делах его, пал духом, глубоко задумался, а Джарасандх сказал: “Слушайте! Куда придут они вдвоем, везде затеют ссору. Они весьма сильны и страшно двоедушны.

Они ведь в Бадже без труда убили Кансу и других великих ракшасов. Ребятами их не считайте! Им счастье сопутствует всегда, и с кем бы ни вступили в бой, они не знали поражения. Семнадцать раз шри Кришна разбивал мои войска! Когда же в восемнадцатый раз стал я наступать, то он бежал и на гору взобрался. Когда же гору я зажег, он хитростью бежал и удалился в Дварку.

Никто не может тайну Кришны разгадать,
Коль он здесь появился, нужно бед нам ждать.
Хитер он, двоедушен, смел в своих делах!
Не знаю, на кого тут бросится злой враг.
Поэтому нам надлежит придумать средство,
Чтоб честь свою спасти".

Как только Джарасандх сказал такое слово, то Рукма молвил: "Что это значит, что ты так беспокоишься? Его я знаю хорошо! Он по лесам плясал и песни распевал, играл там на свирели, пас коров. Что понимает этот деревенский парень ваш в науке ратной? Вы не тревожьте здесь себя заботами. В одно мгновение разобьем, прогоним Кришну, Баларама со всеми ядами их".

Шри Шукадева джи сказал: "Махарадж! В тот день царевич Рукма, успокоив Шишупала с Джарасандхом и укрепив их мужество, вернулся во дворец, но их всю ночь сомнения терзали. Едва зажглась заря, царь Шишупал и Джарасандх, узнав: что это день торжественного брака, с великой пышностью готовили свой брачный поезд, и во дворце царя уж праздник начался. Меж тем царевна Рукмини джи встала, послала брахмана к шри Кришначандре и велела так сказать: "О, милосердия сосуд! Сегодня наступил день брака. Есть на восток от города храм Деви. Сегодня ровно в полдень я отправлюсь туда для совершения пуджи. Вся честь моя в твоих руках. Благоволи так сделать, чтобы спасти меня".

И на исходе первой стражи к ней пришли ее подруги и подружки, и женщины ее семьи. Явившись к ней, они сперва велели изготовить на дворе прекрасный чаук (Четырехугольник, который рисуется во дворе на земле по случаю радостных событий, в частности по случаю брака. У богачей вместо красок употребляются жемчуга и драгоценные камни. Чаук заполняется сладостями, цветами, благовониями. В день свадьбы посредине чаука ставится сиденье для невесты, которая здесь наряжается для брака.) из дивных жемчугов, поставили там посредине сиденье золотое, украшенное чудными камнями, и на сиденье посадили Рукмини и, пригласивши семь прекрасных женщин, счастливых в браке, велели им растительным намазать маслом Рукмини. Потом

они ее покрыли мазью благовонною, омыли, искупали; велели на нее надеть шестнадцать принадлежностей наряда и двенадцать украшений и, наконец, накинувши на Рукмини джи красный свадебный наряд, готовую для брака посадили. Меж тем уж оставалось лишь несколько часов до вечера. Тогда-то Рукмини взяла с собой своих подруг, своих подружек и отправилась в храм Деви пуджу совершить. Царь Бхишмак джи послал за ней охрану из своих людей.

Узнав о том, что Рукмини отправилась за город для свершения пуджи Деви, царь Шишупал, из страха пред шри Кришной, позвал к себе своих главнейших удалыцов, героев и бойцов и, заклиная всех, — и низких и высоких, — послал всех для охраны Рукмини. Они пришли, с оружием наготове последовали за царевной. В то время Рукмини во всех своих нарядах, с толпой своих подруг, торжественно под покрывалом следовала, и под защитой черных ракшасов она казалась Луной в кругу прекрасных звезд средь облаков. Она шла, шла и наконец приблизилась к храму Деви. Войдя туда, она омыла руки, ноги, выпила глоток воды для очищения. Затем богине предложив сандал, цветы, рис, благовонья и светильник, как Веды требуют, с великой верою свершила пуджу Деви. Потом же предложила угощение брахманам, дала прекрасные одежды, сделала из рори¹ тилак и предложила рис и, дары им роздав, взяла от них благословенье.

Потом, когда она, свершивши обхождение Деви, лунно-ликая, чампакоцветная, газелеглазая, с голосом кукушки, с походкою слона, взяла своих подруг, в душе питая мысль о встрече с Хари, спокойная, была готова уж отсюда удалиться, тогда, один на колеснице сядя, приблизился шри Кришна-чандра джи туда, где вместе с Рукмини стояли все герои-воины с оружием в руках".

Сказав так, шри Шukaдева джи продолжил:

"Когда из храма вышли после пуджи Гаури,

Тогда одна подруга молвила со страхом:

"Смотри, смотри, царевна, прибыл к храму Хари,

Ты видишь, колесница мчится быстро с флагом".

Услышав это от подруги и посмотрев на колесницу Господа, царевна расцвела от радости и не могла сдержать восторга. Она, рукою опираясь на руку подруги, как зачарованная, тихо шла с улыбкою среди своих подруг и стражей, полная надежды на соединенье с Хари, и красота ее не поддается описанию. Телохранители, увидев близ себя шри Кришначандру джи, остановились, как будто памяти лишились все, из рук их выпали края покрова Рукмини.

¹ То же, что и роли.

Когда они, как зачарованные, вдруг взглянули на царевну, их очарованность сильнее выросла, и, ослабев, они стояли так, что позабыли о душе своей и теле.

Подняв высоко лук свой — линии бровей —
Держа ресниц прекрасных крепко тетиву,
Метая стрелы дивных взоров из очей,
Она всех убивала: стражей и толпу.

Махарадж! Тогда все ракшасы стояли неподвижно, как картины, и смотрели. Шри Кришначандра, сквозь толпу подъехав к Рукмини на колеснице, остановился. При виде Господа она в смущенье протянула руку. И левою рукой Господь поднял ее и посадил на колесницу.

Душа полна смущенья, тело все дрожит,
Покинув все для Хари, Рукмини бежит.
Бросает, как отшельник, дом и всех родных,
Припав к ногам шри Кришны, нежится у них.

Махарадж! Так получила Рукмини награду за подвиги и добрые дела, и прежние страдания все исчезли. Враги с оружием в руках стояли, смотрели им в лицо. Из их толпы Господь взял Рукмини и вмиг помчался так, что

Казалось, то шакалов стая там стоит,
На ту большую стаю бросился вдруг лев,
Схватив свою добычу в зубы, он бежит!
Бесстрашно удалился, испустив свой рев.

Когда шри Кришначандра так проследовал вперед, то Баларам джи, ударив в барабаны, последовал за ним со всей своею ратью".

Так гласит глава пятьдесят четвертая — "Похищение Рукмини" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LV. ВОЙНА МЕЖДУ ШИШУПАЛОМ И ШРИ КРИШНОЙ

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Когда, отъехав несколько вперед, шри Кришначандра джи увидел, что Рукмини сидит в смущенье и тревоге, он сказал: "Прекрасная! Ты не тревожся ни о чем. На раковине заиграю я и удалю весь страх с твоей души. Когда приедем в Дварку, по ведийскому закону я в брак с тобой вступлю". Сказав так, он надел ей свой венок и слева посадил. Когда раздались раковины звуки, то слуги Шисхупала, Джарасандха вдруг пришли в себя. По городу всему вдруг разнеслась молва, что Хари Рукмини увез. А Шисхупал узнал о похищении Рукмини от тех людей, которые с царевной были для охраны. Царь Шисхупал и Джарасандх пришли в великий гнев, надели крепкие кольчуги, шлемы, пояса, надели все свое оружие, собрали рать свою и бросились вслед за шри Кришной, чтобы сразиться с ним. Догнав его, с оружием в руках грозили: "Эй, чего же вы бежите? Остановитесь, беритесь за оружие, вступайте в бой. Ведь кшатрий, доблестный герой, на поле брани не покажет спину". Махарадж! Услышав это, ядавы вдруг повернулись к ним лицом, и заработало оружие с обеих там сторон. А дева Рукмини, исполненная страха, скрылась вся за покрывалом и проливала слезы, вздыхая тяжело. Она смотрела на лицо любимого и, полная печальных мыслей, говорила так в душе: "Какие бедствия ему приходится терпеть из-за меня!" И проникающий в сердца Господь, постигнув тайну сердца Рукмини, сказал: "Прекрасная! Чего ты так боишься? Ты не тревожся ни о чем!"

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи продолжил: "Царь! В этот час все божества сидели на своих виманах; что видят боги с высоты небес?

С асурами вступили все ядавы в бой,
Великое сражение, тяжкий бой идет.
Остановился Кришна, смотрит за борьбой,
А Баларам могучий рать свою ведет.

Гремят там барабаны, и певцы поют призывы боевые, а барды воспевают славу их. И сходятся бойцы: конь сходит с конем, слон со слоном и с колесницей колесница, пеший с пешим. И здесь и там все доблестные мужи рвутся в бой, разя врага, а трусы, покидая поле, бегут, спасая жизнь свою. Стоят, шатаясь, раненные; кружат повсюду трупы без голов,

с оружием в руках; на трупы падают тела. Из них струятся реки крови. Среди них на поле высются слонов издохших груды, словно острова; их хоботы как крокодилы. Великий Махадев с толпою бхутов, претов, пищачей¹ там собирает головы убитых, все делают гирлянды из голов и надевают их на шею. Там коршуны, шакалы и собаки дерутся меж собой и тащат трупы и, разорвав их, пожирают. Вороны, выклевав у павших очи, летят от трупов. И видят боги: Баларам скосил всю рать асуров так, как косит ниву пахарь. А Джарасандх и Шишупал, лишившись всех своих полков, бежали с поля битвы: немногих раненых с собою захватив, остановились они в укромном месте. Там Шишупал в великом горе, голову склонив, сказал так Джарасандху: "Теперь покрыты мы позором, мы обесславили свой род! Не подобает нам на свете жить! Поэтому позволь вернуться мне на поле и голову сложить в бою."

Не то я, как отшельник, буду жить в лесу,
Займуся покаяньем, всех надежд лишусь,
Мы потеряли славу, честь... Зачем нам жить?
Зачем хранить бесчестье, жизнь свою влачить?"

Услышав это, Джарасандх сказал: "Махарадж! Ты обладаешь знанием, ты знаешь все. Зачем я буду утешать тебя. Кто обладает знанием, о прошлом не горюет он: добро и зло творит для нас другой. И человек бессилен перед ним, мы все его подвластны воле. Как кукла деревянная в руках фигляра пляшет, так пляшет человек в руках творца. Он делает, что хочет. Поэтому ни в радости, ни в скорби не радуйся и не скорби ты, друг. Все принимай за сон. Семнадцать раз я на Матхуру наступал с огромной ратью в двадцать три акшаухини, и Кришна все семнадцать раз уничтожал всю рать. Но я в отчаянье не впал. А восемнадцатый же раз, когда я истребил всю рать его, я радости совсем не испытал. Он от меня бежал и на гору взобрался. Я под горой развел огонь, но непонятно, как он жив остался. Его пути нам не познать". Сказав так, царь Джарасандх, вновь продолжал: "Махарадж! Теперь нам надлежит скорей бежать. Ведь сказано: "Пока ты жив, ты ничего не потерял". Со мной самим случилось так: семнадцать раз терпел я поражение, на восемнадцатый победил. Поэтому ты делай все, чтоб жизнь свою спасти; оставь свое упрямство!"

¹ Разновидность злых духов, наиболее зловредных.

Махарадж! Когда же Джарасандх все объяснил ему, то Шишупал собрался с мужеством, собрал всех раненых бойцов, которые спаслись, и в тяжком горе сам последовал за Джарасандхом. Так, потерпев здесь поражение, они пустились в бегство. Теперь послушай, что случилось у Шишупала дома. Там, думая о возвращенье сына своего, мать Шишупала стала радостно готовить пир. И вдруг она чихнула, и правый глаз вдруг замигал. Когда она увидела недобрые такие знаки, то у нее на лбу забились жилки. И в это время кто-то прибежал, сказал: "Изрублено все войско сына твоего. Невесты он не получил. Теперь оттуда он бежал, спасая жизнь". Услышав это, мать Шишупала славного пришла в глубокую печаль и потеряла дар речи.

Меж тем, узнав о бегстве Шишупала с Джарасандхом, Рукма в страшной ярости пришел на свой совет и сел. Потом ко всем он обратился и сказал: "Куда спасется Кришна от моей руки? Немедля выступлю, убью его и Рукмини верну обратно, не то не буду называться Рукмой и не вернусь больше в Кундальпур". Махарадж! Связав себя такою клятвой, Рукма, взяв рать акшауhini, выступил на бой с шри Кришначандрой и преградил путь войску ядавов. Тогда сказал своим он людям: "Вы убивайте ядавов, а я пойду вперед, схвачу и приведу сюда шри Кришну джи". Услышав это, его товарищи вступили в бой с войсками ядавов, а он погнался коней вперед. Догнав шри Кришначандру джи, он грозно закричал: "Эй, плут! Мужик! Что понимаешь ты в делах высоких царских? Ты, слышно, в детстве молоко да простоквашу воровал и, наловчившись, явился, здесь красавицу украл.

Но я-то не из Баджа, я ведь не пастух".

И с этими словами он берет свой лук.

Отравленные ядом стрелы он берет,

Лук натянул, пускает, три стрелы он шлет.

Увидев пущенные стрелы, шри Кришначандра джи рассек их на лету. Вновь Рукма мечет стрелы, господь рассек и их. Тогда шри Кришна взял свой лук и так пустил он стрелы, что вверх взлетели кони с колесницей и возница. В руках у Рукмы лук рассек, и он упал. И сколько ни было оружия у Рукмы, Хари все тут изрубил и бросил. Тогда он в страшной ярости схватил свой щит и меч и, соскочивши с колесницы, так вдруг бросился к шри Кришначандре джи, как на слона бросается вдруг бешеный шакал, иль бабочка летит на свет. И, подбежавши к колеснице Хари, он метнул

в нее дубиной. Господь в одно мгновение схватил его, хотел убить, но Рукмини джи молвила ему:

“Не убивай, владыка, он — мой старший брат.
Пусти живым его ты! Он — безумный раб!
Слепой, глупец он. Разве тайну мог постичь?
Супруга дивной Лакшми человеком мнит.
Ты повелитель йогов, вечное начало,
Для верных в мир явился, счастье, радость дал им.
Как мог безумец этот господя узнать?
Воспеть, о милосердный, благостную длань”.

Сказав так, Рукмини вновь продолжала: “Не принимают близко к сердцу ведь проступков глупых и детей, как лез не думает о лае собачонки. Ведь если ты его убьешь, то ввергнешь в горе моего отца. Тебе не подобает делать это. Во всяком месте, которого нога твоя коснется, все твари в радости живут. Ведь это было бы необычайным, чтоб при такой родне, как ты, царь Бхишмак сына потерял и ввергнут был в печаль”. Махарадж! Сказав так, Рукмини джи продолжала вновь: “Махарадж! Ты сделал благо, как любимому родному, что взял его в полон и, вырвав меч из рук, так пригрозил убить его”. Потом в великой скорби, дрожа всем телом, с слезами на глазах, рыдая и припав к его ногам, с любовью так сказала:

“Даруй мне милостыню — брата, о Господь,
Об этом слава в мире всюду ведь пойдет”.

Когда шри Кришначандра джи услышал это и на Рукмини взглянул, весь гнев его прошел. Он Рукма не убил, а сделал знак вознице. Возница встал и, сняв с него тюрбан, связал ему немедленно руки за спиной, сбрил бороду, усы и волосы на голове, оставивши лишь локон на макушке, и сзади к колеснице привязал”.

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи продолжал: “Махарадж! Так поступил шри Кришначандра с Рукмой. Меж тем там Баладев джи, побив иль в бегство обратив всю рать асуров, кинулся на помощь брату так поспешно, как белый слон бежит в испуге через заросли прекрасных лотосов, ломает лотосы, их пожирает, роняет на своем пути. И скоро он догнал шри Кришну. Увидев связанного Рукму, он в великом гневе так сказал шри Кришне: “Да что ты сделал? Зачем связал так шурина? Ты не отвык от скверных шуток!

Связав его, не много ты явил ума,
Поступком этим, Кришна, связь ты разорвал.

Всех ядавов позором ты навек покрыл.
И кто теперь захочет с нами в свойстве быть"
И почему ты сам не убедил его,
Не образумил, вернуться не заставил,
Когда он встал перед тобой, готовый к бою?"

Махарадж! Сказав так, Баларам джи Рукму отвязал: утешив, успокоив, с большой учтивостью простился с ним. Потом, сложивши поднятые руки, с глубокою мольбою, Баларам, обитель счастья, Рукмини сказал: "Прекрасная! Твой брат здесь оказался в тяжком положении, но в этом неповинны мы. Все это плод тех дел, которые он совершил в своих рожденьях прежних. К тому ж таков закон для кшатриев — из-за земли, богатств и женщин они ведут войну, вступают меж собой в союз. Не помни же об этом деле, поверь моим словам! Ведь с этим связаны и поражение и победа, а этот мир есть только океан страданий. Когда родишься, где искать здесь счастья? Но человек, подвластный Майе, сердцем различает здесь страданье, радость и добро, и зло, победу, поражение, соединенье и разлуку. Но в этом для живого нет ни радости, ни скорби. Ты не скорби о том, что брат твой так обезображен: ведь те, кто обладают знаньем, говорят: душа бессмертна, гибнет только тело. Поэтому от поношенья тела бессмертная душа не может пострадать".

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: "Дхармаватар! Когда так Баларам джи успокоил Рукмини, тогда

Красавица, услышав, сердцем поняла,
И перед Баладевом в стыд она пришла.
И милому в смущенье знаки подает:
"Пусти же колесницу, милый мой, вперед".
За покрывалом спрятав личико свое,
Так милыми словами Хари говорит:
"Смотри, стоит так близко милый Баладау,
Скорей же колесницу ты вперед пускай".

Когда с уст Рукмини сошли слова такие, шри Кришна-чандра джи рогнал коней на Дварку. Меж тем там Рукма-царь, вернувшись к своим, с глубокой скорбью так сказал: "Поклялся я пред всем Кундальпуром, я сказал: "Немедля я пойду, убью там Кришну с Баларамом джи и, истребив всех ядавов, вернуся с Рукмини". Не выполнил я свой обет. Наоборот, я потерял и честь свою! Теперь я не

хочу и жить. Оставляю я страну, очаг домохозяина. Я сделаюсь отшельником и где-нибудь умру". Когда сказал так Рукма-царь, тогда один его приятель молвил: "Махарадж! Ты муж великий и могучий! И если Кришна и другие все спаслись от рук твоих, то это был для них счастливый день, они спаслись силою судьбы. Не то какой же враг, когда бы мог спастись, вступив с тобою в бой? Ты человек разумный, зачем такие мысли допускаешь в душу. Сегодня поражение, завтра ждет победа. Но есть закон для доблестного мужа: он мужества терять не должен никогда. Прекрасно. Враг сегодня спасся. Но мы его убьем потом". Махарадж! Когда он убедил так Рукму, тогда тот так сказал: "Слушайте!

Я здесь лишился чести, Кришной я разбит,
И наполняет душу тяжкий страшный стыд.
В Кундальпур не вернуся больше никогда.
Я для себя другое царство сам создам".
Сказав так, основал он город там другой,
Потребовал казну всю, сына взял с женой.
Так новое царь Рукма царство основал.

Махарадж! Меж тем как Рукма-царь из ненависти к Бхишману остался там, шри Кришначандра с Баладевом джи все ехали да ехали, и к Дварку наконец подъехали они.

Густые клубы пыли к небу поднимались,
По ней об их приезде в городе узнали.
Когда узнали все там, что вернулся Хари,
Тогда прекрасный город украшать все стали,
Он заблестал красою целых трех миров.
Ту дивную красу кто описать бы мог?

Тогда там в каждом доме праздник был. У каждого двора посажены рядами, как колонны, кела¹ с ветками, с листвою, на них подвешены кувшины золотые, полные воды; повсюду развеваются знамена, флаги над улицей; как арки, там гирлянды и венки; у всех домов, на улицах, на площадях и на базарах всех стояли толпы женщин молодых, светильники в руках держали. Навстречу вышел сам царь Уграсена со всеми ядавами вместе, под радостные звуки музыки и пенья. Исполнив все обряды, он вводит в город Баларама, источник счастья, и шри Кришначандру, корень радости. Какая это красота была — нельзя и описать. И души всех, и женщин и мужчин, наполнились блаженством. Представ

¹ Вид бананов.

пред Господом, все граждане ему дары вручили. А женщины все из своих ворот, дверей, беседок и светлиц их провожали свадебными песнями и, совершая арти (Свадебная церемония, совершаемая перед женихом. Она состоит в обнесении вокруг жениха блюда, на котором находится светильник с пятью свечами, мука и благовония. Обычай требует, чтобы такое блюдо было обнесено вокруг жениха не менее четырех раз: два раза на высоте пупа, один раз на высоте рта, и семь раз вокруг всего тела. Обнесение блюда сопровождается пением, отсюда и сами свадебные песни в честь жениха носят это же название. Церемония арти совершается также перед статуями богов.), осыпали их цветами. Шри Кришна-чандра джи и Баладев джи, как подобает, шли и радостно дарили всех. Так шли они, и наконец пришли все во дворец. Через немного дней однажды Кришначандра джи отправился в Совет царя, где восседали царь Уграсена, Васудева и все старейшины из рода Яду, и, сделав им поклон, сказал: "Махарадж! Кто, победив в бою жестоком, возьмет красавицу жену, то брак такой зовется браком ракшасов" (У индусов различаются восемь форм брака, а именно: 1) ракшаса-виваха, т.е. брак по обычаю ракшасов — брак открытым увозом. Эта форма брака допускается только для кшатриев, т.е. для членов воинской касты; 2) пайшача-виваха — насильственное похищение невесты, совершаемое тайно или обманным образом; 3) сваямвара — выбор невестой жениха из многих претендентов, приглашаемых родителями ее; 4) гандхарва-виваха — брак по любви, по взаимному согласию жениха и невесты, но без согласия или вопреки воле родителей; 5) асура-виваха — брак с уплатой калыма; допускается только для низших каст вайшиев и шудров; 6) арша-виваха — брак с уплатой калыма не деньгами или другими ценностями, а только в форме подарка отцу невесты коровы и быка; допускается не только для низших каст, но и для брахманов; 7) браhma-виваха — невеста предлагается достойному жениху и отдается ему безо всякой мзды с его стороны; 8) дайва-виваха сходна с браhma-виваха, с тем различием, что в дайва-виваха женихом является жрец-браhман. Кроме этих восьми основных форм брака различаются еще различные модификации их.). Услышав это, Уграсена джи, призвав пурохита и объяснив ему, сказал: "Благоволи установить день брака для шри Кришны". Пурохит сразу же открыл свои листы, определил счастливый месяц и день солнечный, день лунный и созвездье, установил счастливую Луну и Солнце и определил день брака. Тогда царь Уграсена дал

такое повеление своим советникам: "Немедля соберите все необходимое для брака". А сам он сел и, написав послания, вручив их брахманам, послал их пригласить всех пандавов и кауравов и всех других царей различных стран. Махарадж! И получив посланье, цари обрадовались и отправились немедленно. За ними следовали брахманы и пандиты, певцы и нищие.

И, получив об этом вести, царь Бхишмак тоже повелел собрать там множество одежд, оружия, уборов дорогих, украшенных ценнейшими камнями, и колесниц, коней, слонов, рабов, рабынь и паланкинов. Затем вручил все это брахману, как приданое за дочь свою, и со смиренной мольбой отправил в Дварку. И вот, когда явились цари различных стран, то прибыл и тот брахман, доброжелательный посланец Бхишмака, со всем его добром. Тогдашнюю красу прекрасной Дварки негу сил и описать. Когда пришел день брака, тогда, исполнив все обряды, жениха с невестой повели и посадили под миндапом¹. И все старейшие из ядавов пришли огромною толпой и сели. В тот час

И пандиты читали Веды громко вслух,
Шри Рукмини ходила с Хари джи по кругу,
Гремели барабаны громко, словно гром,
Осыпали цветами боги всех кругом.
Там гандхарва и сиддхи², садху, чарана
С небес высоких смотрят; всех восторг объял.
Уселись на виманы боги, смотрят вниз;
Богини, их супруги, песней залились.
Вокруг огня обходят Хари и невеста,
Ее он слева садит, с ней садится вместе.
Он развязал ей узел, столик предложил,
Потом богине рода пуджу совершил.
Прекрасное запястье Хари снял с руки,
Молочный рис вкушают, сахарной муки.
Высокое блаженство Хари испытал,
Народ, на них взирая, счастье призывал:
"Да здравствуют супруги, и многие лета
Да будет сладкой жизнь их, как нектар".
Всех брахманов пришедших щедро одарили.
Сказителей, певцов всех платьем наградили.

1 Временное сооружение в виде навеса или беседки, сооружаемое по случаю брака.

2 Полубоги; отличаются своей совершенной святостью. Согласно легендам, обитают на Небесах, между Солнцем и Землей.

Потом гостей, царей всех ближних, дальних стран
С почтеньем отпустили с миром по домам".

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи продолжал:
"Махарадж! Все те, кто будет слушать или читать о жизни
Рукмини и Хари и, прочитав или прослушав, будут
вспоминать, получают веру, избавление и славу. И, сверх
того, за слушанье сказания о Хари такую они награду
получают, какая достается за принесенье ашвамедха (При-
несение в жертву коня. Одно из наиболее торжественных
жертвоприношений, которое могло совершаться только вели-
кими царями, царями царей. Совершением ста жертвопри-
ношений ашвамедха, согласно легендам, можно достичь
власти над раем.) и других великих жертв, за принесенье в
дар коров и прочие дары, за омовенье в Ганге и других
священных реках и за святое путешествие в Праяг¹ и во
все другие славные священные места".

Так гласит глава пятьдесят пятая — "Повесть о браке
Рукмини" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу
Лалом.

Глава LVI. ПРАДЬЮМНА УБИВАЕТ ШАМБАРАСУРА² И ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ДВАРКУ

Шри Шукрадева джи сказал: "Махарадж! Однажды Махадев
джи у себя сидел, весь погруженный в созерцание. И вдруг
явился Камадев³, и так его встревожил он, что созерцанье
Хари⁴ вдруг прервалось. И он, лишившись знания, стал
забавляться с Парвати любовною игрой. Меж тем как Шива
джи играл в любовную игру, вновь знание вернулось к нему.
Тогда он в гнев Камадеву сжег и в пепел обратил.

Когда могучий Шива Камадеву сжег,
Он на тоску, смятенье Рати джи обрек.
Она в тоске великой: нет ее супруга,
Дрожит в смятенье тело, нет родного друга,
Упав на землю, бьется, в муке вся дрожит
И, обнимая землю, "милый" говорит.
И зная, что без друга мучится жена,
К ней обратилась Гаури, говорит она:

1 Нынешний Аллахабад.

2 Асур Шамбар.

3 Бог любви

4 Здесь: одно из имен Шивы.

“О, Рати! Ты не кручинься так. Послушай, я открою тайну, как вернуть тебе супруга. Сначала он родится в доме у шри Кришначандры джи, и назовут его Прадьюмной. Потом его похитит Шамбар, бросит в океан. Потом он попадет в живот огромной рыбы и будет принесен на кухню Шамбара. Ты отправляйся, поселишься там. Когда он будет принесен, возьми и воспитай его. Потом убьет он Шамбара, возьмет тебя с собою в Дварку, там с ним счастливо ты будешь жить”. Махарадж!

Такое наставление Гаури ей дала;
Тогда, взяв тело, Рати к Шамбару пришла.
Красавица в поварне долго там жила,
И день и ночь все друга там она ждала”.

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи продолжал: “Царь! Меж тем как Рати так жила в надежде на соединение с супругом и рыдала, здесь Рукмини джи понесла в утробе плод. Когда исполнилось десять месяцев, то у нее родился мальчик. Узнав об этом, пришли астрологи и, гороскоп составив, так сказали Васудеве джи: “Махарадж! Увидев столь счастливую планету этого младенца, мы все приходим к заключению, что по красе своей, достоинствам и силе он будет равен самому шри Кришначандре. Однако он все детство проживет в воде, потом, убив врага, вернется со своей женой”. Сказав так и назвав его Прадьюмной, астрологи все, получив подарки, удалились. А в доме Васудевы стали исполнять обряды и началось торжество. А после к Шамбару явился вдруг шри Нарада джи мунни и, разъяснив все, сказал: “Каким же сном ты спишь? В уме ли ты?” Тот спросил: “Что?” Нарада сказал: “Твой враг великий¹, воплощенье Камы, родился в доме у шри Кришначандры и Прадьюмной назван”.

Царь! Нарада предостерег асура Шамбара и удалился, а Шамбар, после долгих размышлений, сам придумал вот такое средство: “Я обращусь в ветер и, отправившись туда, схвачу его и брошу в море. Так устраню я из души заботу и буду жить без страха”. Придумав это, Шамбар встал и, сделавшись невидимым, унесся, и наконец он оказался во дворце шри Кришны джи, где Рукмини джи в глубине дворца держала на руках своих ребенка и кормила грудью. Он, устремив

1 Согласно “Рамаяне” и “Махабхарате”, асур Шамбар является врагом Камадевы, бога любви.

свой взор туда, беззвучно там остановился. Едва успела Рукмини джи руку от ребенка отвести, как вдруг асур покрыл все Майею своей, схватил его и так унесся вдруг, что ни одна из женщин, которые сидели там, не увидали, не узнали, кто и как пришел, как взял и как унес ребенка. Не видя мальчика перед собой, Рукмини джи страшно испугалась, разрыдалась. Услышав звуки ее рыданий, все ядавы, все женщины и все мужчины сбежались во дворец, и все, высказывая разные догадки, стали горевать.

Но в это время появился Нарада джи муні. Услышав вопли всех, он так сказал: "Вы не тревожьтесь исчезновением младенца. Ему ничто не угрожает. Где б он ни оказался, все ж не может смерть его постигнуть. Когда минует детство, он вернется к вам с прекрасною супругой". Махарадж! Когда, открыв всем ядавам такую тайну и успокоив их всех, Нарада джи муні удалился, то и они, все обсудивши, успокоились опять.

Теперь благоволи послушать продолжение сказанья. Когда похитил Шамбар и унес Прадьюмну, он бросил в океан его. Его там проглотила рыба. Ту рыбу проглотила вдруг огромная другая рыба. Случилось, пришел рыбак и в океан закинул сеть, и в сеть попала эта рыба. И вытащил рыбак свой невод. Увидев эту рыбу, обрадовался он, принес ее домой. Потом рыбак взял рыбу, отнес к царю Шамбару, подарил ее царю. Царь взял и отослал ее в свою поварню. Когда стряпуха царская взяла, разрежала ту рыбу, то в ней нашла другую рыбу. Когда она взяла и распоролa брюхо ей, оттуда вышел мальчик — темноцветный, дивной красоты. Увидев мальчика, она от удивления остолбенела. Потом, взяв мальчика, она пошла и отдала младенца Рати. Она с великой радостью взяла его. Когда узнал об этом Шамбар, призвал он Рати и сказал: "Ты постарайся воспитать ребенка этого лучше". Услышав от царя такое слово, Рати джи взяла ребенка и вернулась в свой дворец. Тогда-то Нарада джи так сказал Рати:

"Теперь возьми младенца, вырасти его:

Он твой супруг Прадьюмна, в мир явился вновь.

Он Шамбара погубит, он спасет тебя,

Он проведет здесь детство, милую любя".

Открыв ей эту тайну, Нарада джи удалился. А Рати с нежною любовью, отдавая душу, принялась воспитывать его. По мере роста отрока и в ней росло желание найти супруга в нем. По временам она, любуясь красотой его, с любовью

прижимала к сердцу. А иногда, целуя в глазки, в личико или щечки, смеясь и прижимая его к груди, все говорила так:

“Всевышний мне такое счастье даровал:
В утробе дивной рыбы милого прислал”
И, Махарадж!
С любовью приносила Рати молока,
И с нежностью поила милого дружка.
Она с ним забавлялась, пела лишь о нем:
“Мой милый, говорила, мы опять вдвоем”.

Потом, когда пять лет исполнилось Прадьюмне, Рати стала наряжать его, в различные наряды одевать и украшения, стала почитать его душой, очам своим давала радость. Когда тот мальчик, вдруг схватив ее за полу платья, говорил ей: “Мама”, она смеялась, говорила: “О мой любимый! Зачем так говоришь? Ведь я твоя супруга. Ты посмотри. Подумай ты своим сердечком. Мне Парвати джи предсказала это и сказала: “Иди и поселись у Шамбара, а твой супруг родится у шри Кришны, и он придет к тебе в утробе рыбы”. И Нарада джи также говорил: “Ты не кручинься. Супруг твой вновь к тебе вернется”. Я с той поры здесь поселилась, питаюсь надеждой на соединение с тобой. С твоим приходом исполнилась моя надежда наконец”.

Сказав так, Рати стала обучать супруга своего стрелять из лука. Когда Прадьюмна стал искусен сам в науке лучной, тогда однажды Рати так сказала: “Мой господин! Теперь тебе не подобает больше оставаться здесь. Ведь мать твоя шри Рукмини горюет тяжело без тебя, как без теленочка корова. Поэтому теперь так нужно сделать: убей асура Шамбара, возьми меня с собой и отправляйся в Дварку, пускай посмотрят на тебя отец и мать; порадууй тех, кто жаждет увидеть тебя!”

Поведав это сказание, шри Шукрадева джи сказал царю: “Махарадж! Прадьюмна слушал все такие речи Рати. Когда он возмужал, тогда однажды он, играя, подбежал вдруг к Шамбару. И Шамбар, увидев его и приласкав как собственного сына, молвил: “Я этого ребенка воспитал как собственного сына”. Услышав это, шри Прадьюмна джи в великой ярости сказал: “Я мальчик, но твой враг. Давай теперь померяемся силой”. Сказавши так, вдруг хлопнул он рукою об руку и стал пред ним. А Шамбар засмеялся и сказал: “Ах, братец. Откуда это взялся у меня другой Прадьюмна? Да что я грудью вырастил змею, что ты развел такие речи?”

Сказав так, он добавил: "Сынок! Зачем ты говоришь такие речи? Уж не пришли ли за тобой посланцы Ямы?" Махарадж! Услышав эти речи Шамбара, мальчик молвил: "Да, меня зовут Прадьюмной. Немедля в бой со мной вступай. Ты бросил в море некогда меня, но я теперь пришел тебе за это отомстить. Кто здесь теперь твой сын, и кто здесь чей отец? В своем дому ты воспитал сам смерть свою!"

Услышав это, Шамбар свой лук схватил,
Он гнев великий, страшный в сердце ощутил,
Как будто наступил во тьме змее на хвост.

Потом царь Шамбар поспешил собрать свою всю рать и вывел он Прадьюмну в поле. Там в ярости свою дубину поднял и закричал как гром: "Я посмотрю, кто сможет здесь спасти тебя от смерти!" Когда же Шамбар, так сказав и размахнувшись, вдруг метнул свою дубину, тогда Прадьюмна джи легко ее рассек; она бессильно на землю упала. Тогда он в гневе мечет огненную стрелу, Прадьюмна же метнул вдруг из воды стрелу и погасил ее. Тогда, придя в ужаснейшую ярость, Шамбар направил на него все то оружие, которое при нем там было. Прадьюмна уничтожил все. Когда у Шамбара не оставалось больше уж оружия, тогда он в ярости набросился вдруг на Прадьюмну джи, схватился с ним, вступил в единоборство. И вот Прадьюмна джи взлетел с ним в небеса и голову ему отсек своим мечом и бросил вниз. Потом вернулся, истребил всю рать асуров.

Увидев Шамбара убитым, шри Рати испытала блаженство несказанное. И в тот же миг с небес спустился вдруг виман, и Рати со своим супругом села на него и понеслася в Дварку, как облако прекрасное несется с молнией своей. Неслись, неслись и прибыли туда, где возвышались дворцы златые, блистая как Сумеру (Легендарная гора, якобы состоящая из золота и драгоценных камней. Сумеру почитается царем всех гор. Вокруг нее находятся четыре озера: одно — молочное, другое из меда, третье из чистого сока сахарного тростника и четвертое с чистой водой. На Сумеру обитают боги.). Сойдя с вимана, они, немедленно отправились во дворец цариц. При виде их красавицы, все вздрогнув, встали. Они подумали: "Пришел шри Кришна с новою прекрасною супругой" и смутились. Никто не разгадал той тайны, что Прадьюмна это; все говорили: "Кришна, Кришна". Когда Прадьюмна джи спросил: "Где мать моя и мой отец?", тогда царица Рукмини сказала радостно своим подругам: "Подружки милые, кто это принял образ Хари?" Они сказали: "Нам

кажется, что это не кто иной, как сын шри Кришны джи". При звуке этих слов у Рукмини джи из груди струею полилось молоко, и левая рука затрепетала. Ее всем сердцем потянуло к сыну подойти, его обнять, но не могла без разрешения супруга. В тот час там Нарада джи появился и, повторив свое пророчество, он устранил их все сомненья. Тогда лишь Рукмини джи подбежала, поцеловала сына в голову, к своей груди его прижала, устроила, как надлежит, их брак, взяла в свой дом и сына и невестку. Тогда пришли все ядавы, все женщины и все мужчины, устроили великий пир, и все в восторге ликовали. Во всех домах звучали свадебные песни, и счастье весь город Дварку осенило".

Поведав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Так родился Прадьюмна джи, так детство он свое провел, убив врага, вернулся в Дварку с Рати. Тогда благословение и радость осенили каждый дом".

Так гласит глава пятьдесят шестая — "Рождение Прадьюмны и умерщвление Шамбара" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LVII. САТРАДЖИТ¹

ОБВИНЯЕТ ШРИ КРИШНУ В КРАЖЕ ДРАГОЦЕННОГО КАМНЯ СЪЯМАНТАКА ², ПОТОМ, УБЕДИВШИСЬ В НЕПРАВОТЕ СВОЕЙ, ВЫДАЕТ ЗА ШРИ КРИШНУ СВОЮ ДОЧЬ САТЪЯБХАМУ

Шри Шукрадева муні так сказал: "Махарадж! Сперва Сатраджит обвинил шри Кришначандру в краже камня драгоценного, потом, уразумев свою ошибку, устыдившись, за Хари выдал Сатъябхаму, дочь свою".

Услышав это, царь Парикшит джи спросил шри Шукрадева джи: "О милосердия сосуд! Кто был Сатраджит? Откуда получил он камень, как мог он в краже Хари обвинить? Как убедился он потом во лжи своей и выдал дочь свою за Хари? Прошу, ты объясни и Расскажи мне это".

Шри Шукрадева джи сказал: "Махарадж! Благоволи же слушать! Я объясню все, расскажу тебе. Сатраджит был один из ядавов. Он много дней творил суровейшие подвиги в честь Сурьи (Бог Солнца; одно из важнейших божеств ведического пантеона, в значительной мере оттесненное впоследствии

1 Один из ядавов, отец супруги Кришны Сатъябхамы.

2 Чудесный камень, полученный Сатраджитом от бога Солнца.

богами абстрактного порядка: Брахмой, Шивой и Вишну. В "Рамаяне" Сурья считается сыном Брахмы, в Пуранах — сыном Кашьяпы. У Сурьи трое детей: Ману Вайвасвата, прародитель рода человеческого; Яма, бог царства мертвых, и богиня Ями, супруга Ямы, она же река Ямуна. У Ману Вайвасвата был сын Икшваку, от которого произошел солнечный род кшатриев. Сурья изображается в виде юноши на колеснице, в которую запряжены семь коней.). Тогда бог Сурья был обрадован, призвал его к себе. Вручая Сатраджиту камень драгоценный, он сказал: "Сей камень называется Сьямантаком. В нем обитают счастье и богатство. Ты чти его всегда и будешь мне подобен силою и блеском. Коль ты, творя молитву, подвиги, обеты, пост великий, будешь чтить его, то от него получишь ты награду, какую сам захочешь. В какую бы страну иль град, иль дом сей камень ни попал, туда уж не войдут страдания, бедность, смерть. Всегда там благовремение будет обитать, пребудут там богатство, изобилье".

Махарадж! Промолвив так, бог Сурья отпустил Сатраджита. Он с камнем возвратился в дом свой.

И на другой день, утром встав и утреннее омовенье совершив и прочие обряды, он камню пуджу совершил и неустанно подносил ему сандал и рис, цветы и благовонья, светильник, снедь. И вот из камня вышло восемь бхаров¹ золота. Сатраджит, взяв его, пришел в восторг. Однажды, совершая пуджу и любуясь красотой и блеском камня, Сатраджит в глубине души подумал: "А хорошо бы было этот камень показать шри Кришначандре джи!"

Подумав так, Сатраджит, взяв тот камень, у себя на шею привязал и на собрание ядавов явился. Увидя издали блеск камня, ядавы все встали и сказали так шри Кришначандре джи: "Махарадж! Сам Сурья возымел желание тебя увидеть и идет сюда. Тебе ведь поклоняется сам Брахма, Рудра, Индра и все другие божества. Все восемь страж они все мыслят о тебе и воспевают славу. Ты есть Адипуруша изначальный, вечный. И, как рабыня, неустанно служит Камала² тебе. Ты бог для всех богов. Никто познать не может всю твою природу, и бесконечны качества и чудеса твои. Ты в мир пришел, зачем же ты скрываешься, Господь?"

Махарадж! Когда все ядавы увидели, что приближается Сатраджит, они сказали так; тогда шри Кришна молвил:

¹ Мера веса, применяемая ювелирами, равная 2300 палкам.

² Одно из имен Лакшми, супруги Вишну.

“Не Солнце это, а ядава Сатраджит. Он подвиги для Сурьи совершал и камень получил в награду от него. Блеск камня этого подобен блеску Солнца. Он навязал тот камень на себя и к нам идет сюда”. Махарадж! Едва успел shri Кришна это все сказать, как тот вошел и сел в собрание, где ядавы играли меж собой. Увидев дивный камень тот, все были очарованы, и сам shri Кришначандра любовался им. Тогда Сатраджит-ядава подумал что-то в глубине души и вдруг простился и ушел к себе домой. И с той поры всегда носил он камень свой на шее. Однажды ядавы сказали Хари: “Махарадж! Возьми ты камень у Сатраджита и подари тот камень государю Уграсене, и ты получишь славу в мире. Не для него такие камни. Поистине, то камень царский”.

Услышав эти речи, shri Кришна джи расхохотался и сказал Сатраджиту: “Отдай царю ты этот камень и удостоишься величия и славы в мире!” Услышав только слово “дать”, Сатраджит поклонился и безмолвно удалился. Задумавшись об этом, он пошел немедленно к брату и сказал: “Shri Кришна джи просил сегодня камень у меня, но я ему не дал”. Едва успел Сатраджит молвить это, как брат его Прасен в великой ярости схватил тот камень драгоценный, привязал его к себе на шею, взял оружие, сел на коня, поехал на охоту. Приехав в темный лес, он стал стрелять из лука лосей и пятнистых ланей, и свиноланей, и газелей. Случилось, из-под носа у него вдруг ускользнула лань. В досаде во всю мочь пустил за ней коня Прасен. Он мчался, мчался и вдруг попал туда, где находилась вечная огромнейшая темная пещера.

Услышав шум копыт коня и лани, вдруг из пещеры выскочил огромный лев. Он всех троих убил, взял камень и залег в пещеру с ним. Когда в огромной темной той пещере тот камень оказался, она так осветилась, что свет проник до самой преисподней. Там проживал в то время Джамбавант (Легендарный медведь, который со своей армией из медведей участвовал в походе Рамы на Ланку (Цейлон) и боролся против Равана на стороне Рамы. Почитается большим мудрецом.), медведь, который с Рамачандрой (т. е. Рама. Слово “чандра” — “луна” — присоединяется к именам богов для выражения их святости, любви к ним и т. д., например, Кришначандра, Рамачандра) был в Рамаватаре¹. Он со своей семьею жил там со времен далеких Третаюги.

1 Т. е. Аватара (воплощение) в образе Рамы; период, когда Вишну воплотился на земле в образ Рамы.

Увидев вдруг сияние в пещере, он бросился на свет. Бежал, бежал и наконец он прибежал ко льву. Убил он льва, взял камень и пошел к своей жене. Она взяла тот камень у него и привязала к люльке дочки. Ребенок любовался им, без усталости смеялся и играл".

Рассказав это сказанье, шри Шукатева джи молвил: "Махарадж! Так потерялся камень; такова судьба Прасена. И вот охотники, которые поехали с Прасеном вместе, вернулись и сказали Сатраджиту: "Махарадж!

Покинул нас в лесу он, скрылся он один.

Помчались мы, искали, все же не нашли.

Мы в страхе вновь искали. Вот пришли ни с чем!

В лесу там не нашли мы. Куда исчез Прасен?"

Услышав их слова, Сатраджит перестал и пить и есть. В глубококом горе он сидел и думал. Потом сказал себе в душе: "Шри Кришны это дело. Не кто другой, как он убил там брата из-за камня. Взял камень и вернулся он, как будто никуда не ездил. Сначала он просил сам у меня, но я не дал. Теперь он взял его таким вот образом". Так говорил себе в душе Сатраджит, и день и ночь все горевал. Однажды ночью он, худой, унылый и печальный, лежал с супругой на кровати, не говоря ни слова, думал, думал. Его супруга так сказала:

"О чем грустишь, мой милый? Что скорбишь душой?

Какая в сердце тайна? Поделись со мной!"

Сатраджит так сказал: "Не подобает открывать жене тяжелой тайны. В ее утробе ведь не залежится тайна. Что дома ни услышит, вынесет на свет. Нет знания у нее, и ничего она не понимает, что добро, что зло". Услышав это, супруга Сатраджита рассердилась и сказала: "Когда же я что услышала дома и вынесла на улицу, что ты так упрекаешь? Да разве одинаковы все жены?" Промолвив это, она сказала: "Пока не скажешь мне, что у тебя на сердце, не буду я ни есть, ни пить". Услышав это от супруги, Сатраджит молвил: "Что правда и что ложь, то богу одному известно. Вот мне пришло на ум: смотри же, я тебе скажу, но ты не смей сказать об этом никому". Жена сказала: "Хорошо, я не скажу". Сатраджит сказал: "Шри Кришна джи просил однажды камень у меня, а я не дал. Вот мне и кажется теперь, что он поехал в лес, убил там брата моего и завладел тем камнем. Его работа это. Никто другой бы не посмел так сделать".

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи продолжал: "Махарадж! Услышав это, жена всю ночь уж не сомкнула глаз. Пока она терялась в догадках, прошла вся ночь. Едва зажглась заря, она пошла к своим подругам и служанкам и сказала: "Шри Кришна убил Прасена и взял камень. Я это ночью слышала от мужа. Но вы не смейте говорить об этом никому". Все ей сказали: "Хорошо!", и все без дальних разговоров разошлись. Но удивленно все собрались в укромный уголок и стали говорить между собой. И, наконец, одна рабыня побежала и рассказала обо всем в одном из теремов шри Кришны. Когда услышали об этом там, у всех в душе явилась мысль: "Не может быть неправдой то, о чем сказала всем жена Сатраджита!" Подумав так, все огорчились, весь терем стал ругать шри Кришну. А кто-то побежал к шри Кришне и сказал: "Махарадж! Ты опозорен обвиненьем в том, что ты убил Прасена и похитил камень. Что ж ты бездействуешь? Придумай, что тут сделать?"

Услышав это все, шри Кришна джи сначала взволновался. Потом, подумав, он пошел туда, где на совете царском восседали Уграсена, Васудева и Баларам, и так сказал: "Махараджи! Меня здесь все клеймят позором. Все говорят, что Кришна сам убил Прасена и похитил камень. Поэтому я с позволения государя сам отправляюсь искать Прасена и тот камень, чтоб смыть с себя такой позор". Сказавши так, шри Кришна джи вернулся и, взяв с собой немногих ядавов, товарищей Прасена, поехал в лес. Когда он углубился в лес, то взор его упал на след копыт коней. И вот, следя за ними, он приехал наконец туда, где лев схватил и растерзал Прасена и коня. Увидев их скелеты рядом со следами лап крупнейшего льва, все убедились, что Прасена растерзал там лев.

Когда все убедились в этом, но камня не нашли, шри Кришначандра взял с собою всех, отправился туда, где находилась та мрачная, глубокая, ужасная пещера. И что же видят там, у входа в ту пещеру? Лежит убитый лев. Но камня все ж не оказалось там! Увидев это чудо, все обратились к шри Кришначандре со словами: "Махарадж! В лесу здесь появилось какое-то такое существо, что льва убило, камень отняло и скрылось в пещере. Теперь с ним ничего не сделать. Пока ты должен был искать, — искал. Позор твой смыт. Теперь позор падет на льва".

Шри Кришна джи сказал: "Идем, залезем-ка в пещеру эту и посмотрим, кто льва убил и камнем завладел". Но все они сказали: "Махарадж! Как мы пойдем в пещеру, в

которую нам страшно и глядеть? Напротив, и тебя смиренно просим, не изволь ходить ты в эту страшную пещеру, скорей отправимся домой! Вернемся в город, все в один мы голос скажем, что лев убил Прасена и отнял камень, а льва какое-то чудовище убило и скрылось в глубокой и ужаснейшей пещере. Мы собственными ведь глазами в этом убедились". Шри Кришначандра джи сказал: "Я думаю лишь об одном — о камне, поэтому один пойду в пещеру, а через десять дней вернусь. Вы десять дней здесь оставайтесь, а если больший срок пройдет, то возвращайтесь домой и известите всех об этом". Махарадж! Сказав так, Хари сам вошел в ту темную ужасную пещеру. Шел, шел он, наконец пришел туда, где Джамбавант лежал и спал. Его жена стояла, укачивая в люльке дочку.

Увидев господу, она вдруг испугалась и, вскрикнув, разбудила Джамбаванта. Он вдруг вскочил и, бросившись на Хари, стал с ним бороться. Когда ни силою, ни хитростью не смог он Хари одолеть, тогда, подумав про себя, в душе сказал: "По силе мне равны лишь Рама с Лакшманом. Кто в этом мире обладает силою такой, что может устоять в борьбе со мной?" Махарадж! Руководимый знанием, так про себя подумал Джамбавант. Потом, помысливши о Господе,

Он отступил смиренно, перед Кришной стал
"Владыка Рагху"¹, молвил: "Мне виденье дал.
Предвечный ты владыка. Я тебя познал.
Твоя святая сущность ясно мне видна.
Ты совершил благое, приняв вновь рождение,
Ты удалишь с Земли всей злых, преступных бремя.
Я с самой Третаюги в этом месте жил,
И тайну мне твою здесь Нарада открыл:
"Придет Господь за камнем в лес к тебе сюда,
Тогда себя узреть он дар великий даст".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: "О царь! Когда Джамбавант, познавши Господа, сказал такое слово, в то время шри Мурари, благодетель верных, узрев любовь Джамбаванта, в великой радости сам принял образ Рамы и, держа свой лук и стрелы, дал ему виденье. Тогда Джамбавант, поклонившись ему поклоном восьмичленным, стал пред Хари и, сложивши поднятые руки,

¹ Мифический царь из солнечной династии. Его потомком является царь Дашаратха, отец Рамы. Таким образом Рама принадлежит к роду Рагху, поэтому Рама является владыкой рода Рагху.

с смирением великим так сказал: "О, море милосердия! Коль дашь, Господь, мне приказанье, я выскажу свое желанье". Господь сказал: "Ну хорошо, скажи". Тогда сказал Джамбавант: "О, очиститель павших! Покровитель страждущих! В моей душе явилось желанье выдать за тебя дочь Джамбавати и удостоиться величия и славы в мире". Господь сказал: "Коль таково твое желанье, я согласен". Когда слова такие здесь сошли с уст Господа, Джамбавант совершил сначала Кришне пуджу, принеся сандал, рис, благовония, светильник, снедь, потом он заключил брак дочери своей по древнему ведийскому закону. В приданое за ней он дал тот камень".

Поведав это сказанье, шри Шукрадева джи молвил: "О царь! Шри Кришначандра, корень радости, взял камень тот и Джамбавати и вышел с нею из пещеры.

Теперь благоволи послушать далее рассказ о ядавах, товарищах Прасена и шри Кришны, которые остались ждать там у входа в ту пещеру. Когда они прождали там у входа в ту пещеру двадцать восемь дней и Хари не вернулся, они пришли в отчаянье и, строя разные печальные догадки, плача и рыдая, все вернулись в Дварку. А получив об этом весть, все ядавы пришли в глубокую печаль и все, зывая "О, шри Кришна!" в великой скорби стали плакать и рыдать. Весь терем огласился воплями. И все царицы, от великой скорби исхудавшие, печальные, оставили дворец и, плача и рыдая, все пришли туда, где был храм Девы джи на расстоянии косы от города.

Свершивши пуджу и почтив так Гаури, они, сложивши поднятые руки и головы склонив, сказали: "О Девы! Тебя все почитают нары, суры, муни. И все, кто умолял тебя дать дар, все получили дар. Ты знаешь все — прошедшее и будущее, настоящее. Скажи, когда вернется к нам шри Кришначандра, корень радости?" Махарадж! Так умоляли все царицы, неотступно у двери храма Девы оставаясь. А Уграсена, Баладев и все другие ядавы сидели, погруженные в глубокую печаль. Как вдруг явился на собрание царя, с улыбкою предстал пред всеми сам предвечный обитатель Дварки — шри Кришначандра с Джамбавати. При виде лунноликого всех охватила радость. И все царицы, получив столь радостную весть, свершили пуджу Девы, и, вернувшись во дворец, устроили великий пир они".

Рассказав это сказание, шри Шукрадева джи молвил: "Махарадж! Когда шри Кришначандра джи в совете появился,

немедля он послал за Сатраджитом. Отдав ему тот камень, он сказал: "Не брал я камня этого! Меня ты ложно опозорил!

Прекрасный камень этот Джамбавант там взял.

Его он мне с своею дочерью отдал".

Тогда, взяв дивный камень, голову склонив, Сатраджит, полный скорби, сам ушел от них.

"Я в злобе против Хари тяжко погрешил,
Я по незнанию род свой чести сам лишил.

Позором я владыку ядамов покрыл,

Вражду посеял... Камень разума лишил.

О, что ж теперь мне сделать, чтобы смыть вину?

Отдам я Сатьябхаму с камнем как жену!"

Махарадж! Так размышлял в душе Сатраджит. Хоть получил он камень, но все ж пришел домой убитый горем, и тайные все мысли он жене поведал. Его жена сказала: "Мой господин! Ты это хорошо придумал. Отдай шри Кришне Сатьябхаму и удостоишься великой славы в мире!" Услышав это от жены, Сатраджит брахмана призвал, установил счастливый день и час и, положив на блюдо рори, рису и орехов, с пурохитом послал к шри Кришначандре все, как свадебный подарок. Шри Кришна джи с великой пышностью, в высоком свадебном уборе головном, немедленно прибыл сам для заключения брака. Тогда Сатраджит отдал дочь ему, исполнив все обряды, предписанные Ведами. Он дал в приданое за нею множество богатств, вдобавок же отдал и камень.

Увидев камень тот, шри Кришна отделил его от всех других даров и молвил: "Мне этот камень ни к чему! Ты получил его за подвиги свои от Сурьи. У нас в роду дары приемлют только от шри Бхагавана¹, отнюдь не от других богов. Возьми и у себя храни ты камень". Махарадж! Едва слова такие вышли неожиданно из уст шри Кришначандры джи, Сатраджит камень взял и устыдился. Шри Кришна джи, взяв Сатьябхаму джи, под звуки музыки отправился с ней в свой дворец и там благополучно жил с супругой Сатьябхамой".

Услышав это сказанье, царь Парикшит джи спросил шри Шukaдева джи: "О, милосердия сосуд! Как мог пристать позор к шри Кришне? Ты, сделай милость, объясни". Шри Шukaдев сказал:

¹ Одно из имен Вишну.

“Взгляни в прекрасный бхадон ночью на Луну,
И к ней пристали пятна. Знаешь ли вину?
Внемли же:
В четвертый день бхадона на Луну взирайте,
Внимая этой песне, все грехи смывайте”.

Так гласит глава пятьдесят седьмая — “Сказание о браке с Джамбавати и Сатьябхамой” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

**Глава LVIII. ШАТАДХАНВА¹
УБИВАЕТ САТРАДЖИТА И,
ОТДАВ КАМЕНЬ АКРУРУ, БЕЖИТ.
ШРИ КРИШНА УБИВАЕТ ЕГО**

Шри Шукадева джи сказал: “Махарадж! Теперь я расскажу тебе сказание о том, как Шатадханва из-за камня вдруг Сатраджита убил и, дав его Акруру джи, из Дварки сам бежал. Ты прилагай внимание и слушай.

Однажды кто-то прибыл в Дварку из Хастинапура, и известил он Баларама джи, обитель счастья, и шри Кришначандру, корень радости,

Как пандавов позвали дети все слепца
И спать их уложили в доме близ дворца,
Когда ж настала полночь, то со всех сторон
Закрывши окна, двери, вдруг зажгли тот дом.

Услышав это, оба брата пришли в глубокую печаль. В большой тревоге сразу же потребовали Дарука-возницу с своею колесницей, сели на нее, отправились в Хастинапур. Сойдя там с колесницы, они явились на собрание кауравов. И что ж они там видят? Уныло все сидят в изнеможение полном. Дурйодхана задумался о чем-то; а Бхишма (Сын царя Сантану, предка пандавов и богини реки Ганги. Бхишма был воспитателем пандавов и кауравов. В великой войне кауравов и пандавов Бхишма был на стороне кауравов и состоял главнокомандующим армии. Во время войны был смертельно ранен Арджуной и умер от ран.) проливает слезы; горюет тяжело Дхритараштра; у Дроны (Брахман, один из героев “Махабхараты”, учитель воинских наук кауравов и

¹ “Обладатель ста луков”; имя ядава, убившего Сатраджита, отца Сатьябхумы.

пандавов. В великой войне Дрона был на стороне кауравов и по смерти Бхишмы был назначен главнокомандующим армии кауравов и впоследствии был убит на войне.) льются слезы из очей; Бидур джи тоже в горе; Гадхари¹ близ него сидит; все жены кауравов сидят и, вспоминая пандавов, рыдают, и все собрание в страшной скорби. Увидев это все, шри Кришна с Баларамом джи приблизились и сели среди них. Потом они о горе их спросили, но никто им не посмел открыть ту тайну. Все оставались безмолвными".

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Меж тем как получив известие о гибели в огне всех пандавов, шри Кришна с Баларамом джи отправились в Хастинапур, был в Дварке некий Шатадханва, один из ядавов. Он прежде сватался сам к Сатьябхуме. К нему зашли однажды шри Акрур и Критаварма (один из кауравов, проживающий в Дварке; известен своими кознями и жестокостью), и оба так ему сказали: "Шри Кришна с Баларамом джи отправились в Хастинапур, и для тебя явился тут счастливый случай. Ты отомсти теперь Сатраджиту, ведь он тебя так страшно опозорил! Ты сватался, а он-то дочь шри Кришне отдал! К тому ж еще злословил на тебя. Теперь здесь у него защитника уж нету никакого". Услышав это, Шатадханва воспылал великой яростью. И ночью он пошел к Сатраджиту и стал ему грозить. Потом он силою и хитростью убил его и отнял камень. Затем, оставшись один в своем дому, он обо всем подумал сам, раскаялся и стал так сожалеть:

"Зачем вражду шри Кришны так зажег к себе?

Зачем Акрура злого принял я совет?

Акрур и Критаварма в дом ко мне пришли,

Совет худой мне дали и в соблазн ввели:

Святыми их зовут все, а ввели в обман.

Как с этим примириться? Всюду словно тьма!"

Махарадж! Тут Шатадханва так скорбел и горевал и неустанно повторял: "Грядущего не миновать, ни от кого путь кармы не узнать". А там, взирая на убитого Сатраджита, его супруга плакала, взывая: "Супруг мой! Мой супруг!" И слушая ее рыдания, их родные — все мужчины и все женщины — старались всячески ее утешить, потом заплакали и зарыдали сами; рыдания наполнили весь дом. Узнав о

¹ Один из сторонников кауравов.

гибели отца, немедленно прибыла и Сатьябхума джи. Утешив всех родных, она велела в масло поместить труп своего отца, потом потребовала колесницу, села на нее, помчалась к шри Кришначандре, корню радости. Не останавливаясь ни днем, ни ночью, она приехала к шри Кришначандре.

Увидев вдруг супругу, Хари спросил:
"Благополучно ль дома, милая, скажи?"

Сложила Сатьябхума руки, говорит:

"Как без тебя, владыка, может счастье быть?"

Преступный Шатадханва нас поверг в печаль:

Отца убил, жестокий, дивный камень взял.

Мы в масло погрузили тестя твоего,

О, удали печали сердца моего!"

Сказав так, Сатьябхума джи остановилась перед шри Кришной и Баларамом джи, заплакала навзрыд и причитала: "Отец мой, мой отец!" Услышав плачь супруги, шри Кришна с Баладевом джи сначала погрузились в печаль и скорбь, как люди. Потом, утешив Сатьябхуму джи и укрепив в ней мужество, они отправились вместе с нею в Дварку". Шри Шукрадева джи сказал: "Махарадж! И, прибыв в Дварку, шри Кришначандра, видя Сатьябхуму в страшном горе, дал клятву, обещал: "Прекрасная! Мужайся, потерпи и не кручинься ни о чем. Свершилось то, что было предначертано. Но я ни за какое дело не возьмусь прежде, чем Шатадханву я не уничтожу, не отомщу за твоего отца".

Махарадж! Когда вернулись в Дварку Рама с Кришной, то Шатадханва в ужасе покинул дом и говорил себе в душе: "Я поступил по наущению других и возбудил вражду шри Кришначандры джи! И у кого ж теперь искать защиты?" Пришел он к Критаварме и, сложивши поднятые руки, со смиренной мольбой сказал: "Махарадж! Меня вы научили, и потому я сделал это дело. Теперь шри Кришна с Баларамом джи пылают гневом на меня. Поэтому я прибежал к тебе искать защиты. Молю, позволь мне где-нибудь укрыться!" Но Критаварма, выслушав речь Шатадханвы, молвил: "Послушай! Я не могу ничем тебе помочь. Кто возбудил вражду шри Кришначандры, погиб для всех тот безвозвратно. Да разве ты не знал, какою силой обладает шри Мурари, что всех, кто с ним вступил в вражду, ждет неизбежно поражение? Что сделали слова других? Что ж ты не взвесил сил своих пред тем, как к делу приступить? Обычай в мире есть такой: "лишь с равными вступайте в брак, любовь и во вражду! На нас не возлагай надежды. Мы оба лишь

служители шри Кришначандры, корня радости, и не приличествует нам вступать с ним во вражду. Иди туда, где для рогов твоих найдется место".

Услышав это, Шатадханва в скорби и глубоком горе удалился и пришел к Акруру. Сложивши поднятые руки, голову склонив, он со смиренной мольбой сказал: "О господин, ты покровитель и владык ядавов. Тебя все чтут, и пред тобой все головы склоняют! Святой и милосердный! Ты подаешь всем утешение, выносишь муки и принимаешь за других мученье. Ничьих ты не стыдишься слов! Прими меня и дай мне кров! Ведь я все это сделал, вняв лишь твоему совету. Спаси меня теперь ты от руки шри Кришны".

Все это выслушав, Акрур джи молвил Шатадханве: "Большой глупец, коль говоришь такие речи мне! Да разве ты не знаешь, что шри Кришначандра джи Вселенной всей создатель и от всех скорбей врачеватель. Когда и кто во всей Вселенной мог бы устоять, вступив с ним во вражду? Кто говорил, те чем же пострадали? Теперь-то на твою лишь голову бесчестье пало. Ведь сказано: "У всех: у нарвов, у богов, у муни есть один обычай — руководиться выгодой своей". Есть разные на свете люди, и каждый говорит для выгоды своей". Поэтому-то человеку надлежит не следовать чужим советам, и прежде чем за дело взяться, взвесить выгоду свою, урон. Ты не подумал прежде, чем то дело сделать. Теперь тебе нигде во всей Вселенной не спастись. Кто со шри Кришной во вражду вступил, тот долго никогда не жил. Куда бы ни бежал он, смерть всюду настигала. Мне нет охоты умирать из-за того, что я тебе защиту дам: ведь всем на свете жизнь своя мила".

Махарадж! Когда Акрур дал Шатадханве столь суровую сухую отповедь, то тот, отчаявшись, оставил всю надежду на спасенье, оставил камень у Акрура джи, сам сел на колесницу, поспешил покинуть город и бежал. А вслед за ним на колеснице мчались и шри Кришна с Баларамом джи. На расстояние ста йоджан они его настигли. Услышав шум их колесницы, Шатадханва в ужасе тут с колесницы соскочил и бросился в Митхилапур (Город Митхила, столица древнего царства Виддар, в нынешнем Северном Бераре; этот город находился, по-видимому, на месте нынешнего Тирхута, между реками Гандаки и Коши.).

Господа, увидев Шатадханву, в гневе повелел сударшан-чакре (Металлический диск с острыми краями, оружие Кришны. Здесь, как и во многих случаях, представлен в олицетворенной форме.): "Немедля отруби ты Шатадханве

голову". И, повинуюсь велению господина, сударшанчакра вмиг, без промедления, полетел и голову отсек ему. Тогда श्री Кришначандра подошел к нему и камень стал искать, но не нашел. Тогда сказал он Баладеву джи: "Братец! Убили Шатадханву, камень не нашли". Баларам джи сказал: "Брат! Тем камнем завладел какой-нибудь великий муж, он не принес его и нам не показал. Но камень тот ведь никому не скрыть. Увидишь, не у одного, так у другого мы его найдем".

Сказав так, Баладев джи обратился вновь к श्री Кришначандре: "Брат! Теперь ты отправляйся в Дварку, а я отправлюсь на поиски за камнем. Когда найду, вернусь с ним".

Рассказав это сказанье, श्री Шукатье джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! श्री Кришначандра, корень радости, убивши Шатадханву, отправился сам в Дварку, а Баларам, обитель счастья, отправился искать тот камень. Обыскивая страны, города и села, Баладев джи ехал, ехал и приблизился к Айодхьяпури.¹ Узнав о приближении его, айодхский царь Дурйодхана сам бросился к нему навстречу. Он вышел за город и встретил Балараму и сам поднес ему дары. Потом велел устлать дорогу шелковым ковром и проводил его в свой собственный дворец. Там посадил его на трон и, оказав ему смиренно всяческие почести, он угостил его. Потом, сложивши поднятые руки и склонив главу, он встал и со смирением великим молвил: "О милосердия океан! Благоволи сказать, чему обязаны все мы твоим прибытием сюда".

Махарадж! Баладева джи, увидев искренность его приязни, сам с радостью открыл ему всю тайну поисков своих. Выслушав его, могучий царь Дурйодхана сказал: "Владыка! Камень тот, верь мне, ни у кого не может скрыться. Рано ль, поздно ль, сам он обнаружится". Сказав так, он, сложивши поднятые руки, молвил: "О, милосердный к бедным! Великое то счастье для меня, что, оставаясь дома здесь, сподобился тебя узреть я и смыл свои грехи за множество рождений! Теперь ты сделай милость и благоволи исполнить задушевное желание раба. Оставайся ненадолго здесь, возьми меня в ученики и обучи борьбе с дубиной, и получи ты славу в мире". Махарадж! Услышав это от Дурйодханы, श्री Баларам джи сделался его учителем и, ненадолго там остановившись, обучил его борьбе с дубиной.

¹ Город Айодхья, столица Аудха.

Он обыскал весь город. Но камня там не оказалось. И скоро после возвращения шри Кришны джи и Баларам джи прибыл в Дварку. Тогда шри Кришна джи, собрав всех ядавов и Сатраджита из масла вынув, предал труп огню. Костер тот погребальный он зажег своей рукой.

Когда шри Кришна джи закончил совершение обрядов погребальных, тогда Акрур и Критаварма, посовещавшись меж собой, пришли к шри Кришне джи. Наедине они ему тот камень показали и сказали: "Махарадж! Все ядавы в нечестье впали, и Майя всех их ослепила. Уж перестали думать, помнить о тебе: ослеплены богатством все. И ежели б теперь какое бедствие пришлось им пережить, то будут Господу они усерднее служить. А посему покинем град мы, возьмем сей камень¹ и бежим. Когда же мы заставим ядавов всех вспомнить о тебе и почитать тебя, то мы опять вернемся в Дварку". Сказавши так, Акрур и Критаварма со своими семьями бежали в полночь вдруг из Дварка, с ведома шри Кришны джи, в такой великой тайне, что не узнал никто, куда они бежали. Едва зажглась заря, по городу разнесся слух, что в полночь шри Акрур и Критаварма с семьями своими неведомо куда бежали и неизвестно, что случилось с ними".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: "Махарадж! Меж тем как в Дварке в каждом доме шли об этом разговоры, Акрур отправился сперва в Праяг, велел себя побрить и искупался там в Трибени ("Триречье". У Праяга (т.е. Аллахабада) сливаются три реки: в Гангу впадает Ямуна и, согласно легендам, река Сарасвати, которая якобы течет под землей. Место слияния этих трех рек считается святым.). Потом он роздал множество даров и сделал много добрых дел, соорудил там лестницу во имя Хари и отправился с семьей в Гайю.² Расположившись там на берегу реки Пхалгу,³ он совершил поминовение предков по правилам священных шастр и, угостив всех брахманов священной Гайи, роздал множество даров. Потом он, посетив Гададхара,⁴ оставил Гайю и прибыл в Кашипур. Узнавши о прибытии его, цари соседних стран все прибыли туда и, встретив здесь Акрура джи,

¹ Согласно легендам, никакое несчастье не могло постигнуть город, в котором находится камень Сьямантака.

² Город в Бихаре. Один из семи городов, священных для индусов.

³ Река, на которой стоит Гайя.

⁴ Одно из имен Вишну и Кришны. Согласно легендам, Вишну сделал себе дубину из костей демона Гады, потому и получил такое имя.

дары ему там предложили. И, принеся там жертву, раздав дары, свершая подвиги и пост, Акрур остался там".

Так протекло немного времени, и шри Мурари, благодетель верных, решив в душе своей призвать Акрура джи, сам к Балараму джи пришел и так сказал: "Мой брат! Теперь благоволи послать народу этому изрядную толику бедствий и заставь их вновь призвать Акрура джи". И Баладев джи молвил: "Махарадж! Благоволи же сделать все согласно с совестью своей, благоволи дать радость праведным". Когда слова такие здесь сошли с уст Баларама джи, шри Кришначандра такое чудо сотворил, что в Дварке в каждом доме распространились вдруг всякие болезни, горячка, лихорадка, эпилепсия, чахотка, лишай, чесотка, боли головные, проказа и слоновая проказа, водянка, фистула, тимпанит, понос, запор, рези в животе, колика, кашель, семиплегия, паралич, тиф и множество других болезней.

И сверх того четыре месяца уж не было дождя. От этого в том городе повысохли все реки, каналы и пруды. Не уродилось ни хлеба, ни травы. И все живые твари, в небесах парящие и на воде живущие, и по земле ходящие, все твари, птицы и коровы в мучениях великих стали сохнуть, а граждане, все умирая от мучительного голода, вопили: "Спаси! Спаси!" И наконец все граждане в великой скорби и печали пришли к шри Кришначандре, устранителю печалей; с великою мольбою и покорностью, сложивши поднятые руки и головы склонив, сказали:

"Здесь под твоей защитой все мы стали жить,
За что ж такие муки нам переносить?
Дожди не выпадают, мор на нас напал!
За что же испытанье нам создатель дал?"

Промолвив это, все они сказали: "О повелитель Дварка! О милосердный к страждущим! Ты наш создатель, от всех страданий врач — один лишь ты. Куда идти нам, миновав тебя? К кому нам обратиться? Откуда вдруг свалилися на нас все эти муки? И почему случилось это? Сделай милость, благоволи сказать нам это".

Шри Шukaдева муни так сказал: "Махарадж! И, выслушав их речи те, шри Кришначандра им сказал: "Внимайте! Откуда удаляется святой, в тот град, как будто беспричинно, вдруг приходит смерть, страдание и бедность. С тех пор, как Акрур джи покинул этот город, нас постигли бедствия. Где проживает муж святой, муж, говорящий правду, Хари раб, там пропадает все недоброе, все бедствия и голод. Сам Индра

любит верных Харя и посему во благовремение посылает дождь".

Услышав это слово, все ядавы воскликнули: "Махарадж! Ты истину сказал нам. У нас самих такая мысль являлась в душе по той причине, что отца Акрура имя шри Супхалак;¹ он сам святой великий, правдивый и благочестивый. Где обитает он, там не бывает никогда страданий, бедности и голода, и небо посылает дождь во благовремение. От этого благополучие царит там неизменное. И да услышат все! Однажды в Кашипуре-граде случился голод. Тогда сам царь великий Кашипурский призвал к себе Супхалака. Махарадж! Едва пришел Супхалак джи, как в той стране пошел вдруг дождь обильный, все бедствия исчезли. И вот царь Кашипурский выдал за Супхалака царевну дочь свою, и он счастливо стал там проживать. А имя той царевны было — Гандини. Ее-то сын — шри Акрур".

Сказав так, ядавы вновь продолжали: "Махарадж! Об этом мы и прежде знали. Теперь благоволи нам повелеть, мы все исполним". Шри Кришначандра молвил: "Немедля разыщите вы Акрура джи и с честью и почетом привезите в Дварку". Едва слова такие сошли с уст господя, все ядавы отправились искать Акрура джи. Шли-шли они и прибыли в град Варанаси. Бенарес. Приблизившись к Акруру джи и предложив ему дары, сложивши поднятые руки и склонив главу, остановились перед ним и так сказали: "Вернись, владыка, Шьяма с Балою² зовет.

Ведь без тебя весь город полон злых тревог.
Где ты живешь, владыка, там живет и счастье,
Где нет тебя, владыка, бедность там, несчастье.
Хоть в граде обитает славный шри Гонал,³
Но голод посетил нас, мор на нас напал;
И сам Господь покорен брахманам святым:
От них все получают добрых дел плоды".

Махарадж! Услышав это слово, Акрур джи со своей семьей и Критавармою в тревоге и без промедления отправился из Варанаси с ядавами вместе под радостные звуки музыки и пенья. Через немного дней Акрур джи со своею свитой подъехал к Дварке. И, получив об этом весть, шри Кришна джи и Баларам ему навстречу вышли и с большим почетом и вниманием ввели Акрура в город. О, царь, едва вошел

¹ Буквально: "Приносящий прекрасный плод".

² Сокращенная форма имени Баларама.

³ "Хранитель коров, пастух" — одно из имен Кришны.

Акрур джи в город, вдруг дождь пошел, настало благоденствие. И бедность и печали в городе исчезли. Акрур был возвеличен, и жители всей Дварки стали жить счастливо и беспечно.

Потом однажды сам шри Кришначандра, корень радости, призвал к себе Акрура джи и так сказал ему наедине: "Ты получил тот камень Сатраджита. Скажи, что ты с ним сделал?" Он сказал: "Махарадж! Он у меня". Потом господь сказал: "Отдай чужое достояние тому, кому оно принадлежит. А если нет его, то сыну надлежит вручить его. Коль сына нет, то надлежит отдать все брату. Коль брата нет, отдай его семье. А ежели нет и семьи, отдай все сыну Гуру. Коль нет и сына Гуру, то брахману отдай. Но сам ты достояния чужого не бери. Таков закон. А посему тебе теперь прилично здесь вручить сей камень внуку Сатраджита, а ты получишь славу в мире".

Когда такое слово излилось из уст шри Кришначандры джи, Акрур принес тот камень, положил пред Господом. Потом, сложивши поднятые руки, со смирением сказал: "О, милосердный к страждущим! Благоволи взять этот камень, благоволи простить мою вину! Из камня этого явилось золото, и я его истратил все на посещение мест святых". Господь сказал: "Ты сделал благо". Сказав так, Хари взял сей камень и отдал Сатьябхуме. Тем устранил он все душевные заботы".

Так гласит глава пятьдесят восьмая — "Казнь Шатадханвы" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LIX. ШРИ КРИШНА С ПАНДАВАМИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ОХОТУ. ШРИ КРИШНА ВСТУПАЕТ В БРАК С КАЛИНДИ.¹ ОН ОТДАЕТ ЛЕС КХАНДАВ² АГНИ, И АРДЖУНА ЗАЩИЩАЕТ ЕГО ОТ ИНДРЫ

Шри Шукадева джи сказал: "Махарадж! Однажды Кришначандра, друг всего живого, корень радости, подумал: "Поеду я теперь и погляжу на пандавов, которые живыми вышли из огня". (Согласно "Махабхарате", кауравы, чтобы погубить потомков Панду, зажгли дом, в котором спали пандавы, но пандавы, предупрежденные своими доброжела-

1 Одна из супруг Кришны; согласно легендам, Калинди была дочерью Сурьи — бога Солнца.

2 Лес и страна на берегу реки Ямуны (Джумны). После раздела царства Хастинанурского, страна Кхандав была получена во владение пандавами.

телями, заблаговременно покинули дом и таким образом спаслись.)

Сказав так, Хари взял с собой немного ядавов и, выехав из Дварки, прибыл в Хастинапур. И получивши весть о приближении его, Юдхиштхира и Бхима, Арджуна, Накул, Сахадев, — пять братьев — все с великой радостью ему навстречу кинулись. И, выйдя за город, его там встретив, с великой преданностью и с любовью ввели его немедленно во дворец.

Когда вошел он во дворец, то Кунти с Драупади (Дочь Драупада, царя государства Панчала. Драупади была женой пятерых пандавов (Юдхиштхиры, Арджуны, Бхимы, Накула и Сахадева). Когда Драупади пришла в брачный возраст, то ее отец Драупад устроил сваямвар и предложил ей выбрать себе жениха из числа многих претендентов. Арджуна своими доблестями превзошел всех, и потому Драупади стала его женой. По предложению матери пандавов, Кунти, Драупади сделалась женой всех братьев и разделила их судьбу. Брак Драупади является единственным в древнеиндийской литературе примером полиандрии.) сначала пригласили семерых счастливых в браке женщин, велели изготовить чаук из жемчугов, поставить в нем скамейку золотую. Потом собственноручно совершили арти, омыли ноги господину и, поведя его в поварню, предложили снедь роскошную. Махарадж! Когда шри Кришначандра джи, откушав, приступил к жеванию бетеля, тогда

Вблизи присела Кунти, речи повела:

“Здоров ли батюшка мой, как живет мой брат?

Здоров ли Сурасена, жив ли Васудева,

Племянники и братья? Жив ли Баладев?

Мы все живем надеждой на одних лишь вас:

Не будь вас, все мученья кто б терпел из нас?

И всякий раз, когда здесь горе приключалось,

По доброте всегда ты нас всех защищаешь.

От всех страданий, Кришна, ты наш избавитель,

Для пятерых всех братьев ты один спаситель.

Как лань в лесу трепещет перед волчьей стаей,

Так и они страдают близ сынов слепца здесь”.

Махарадж! Когда сказала это Кунти,

Тогда сам Юдхиштхира поднялся с мольбой:

“Господь, владыка Яду, о хранитель мой!

Великие все йоги чтут всегда тебя,

Не Шиве и не Брахме молятся, любя.

Ты нас, несчастных, бедных, в доме посетил.
Какие же заслуги, кто, когда свершил?
Четыре месяца здесь радуй наши очи;
Когда дожди минуют, ты вернуться можешь".

Поведав это сказанье, шри Шухадева джи сказал: "Махарадж! И, выслушав его слова, шри Бихари, благодетель верных, утешил всех, и, дав надежду всем, у них остался. Он каждый день без меры расточал свою любовь и благодать. Однажды Кришначандра джи с царем Юдхиштхирою, Арджуной и Бхимой, Накулом и Сахадевом взяли лук и стрелы, на колесницы сели и отправились в лес все на охоту. Приехав в лес, сошли все с колесниц, надели пояса, размяли руки, привели в порядок стрелы, рассыпались по зарослям лесным и стали бить там львов и тигров, носорогов, буйволов и лосей, кабанов, ланей и пятнистых антилоп. Свою добычу все сносили к шри Юдхиштхире. А царь Юдхиштхира, довольный, радостно смеялся и каждого кормил его любимым блюдом. Пятнистых антилоп, кабанов, ланей — всех он отослал в поварню.

Меж тем шри Кришначандра с Арджуной, преследуя добычу, углубились в лес, опередили всех и там расположились под деревом. Потом пошли вдвоем на берег к речке и напились воды. И что же видит вдруг шри Кришначандра джи? По берегу реки там ходит одинокая красавица молодая, красы необычайной: лунноликая, чампакоцветная, газелеглазая, с голосом кукушки, с походкою слона, со станом льва, украшенная с головы до ног и напоенная любовью. Увидев дивную красавицу, шри Хари джи ошеломлен от изумленья и сказал:

"Скажи, кто эта дева дивной красоты:

И никого с ней нет там. Глянь; узнаешь ты?"

Махарадж! Услышав этот возглас Господа и увидав ее, шри Арджуна в изумленье бросился туда, где та красавица гуляла одиноко по берегу реки, и так спросил ее: "Скажи, красавица, кто ты? Откуда ты пришла и почему гуляешь здесь одна. Открой мне тайну!" Услышав это,

Красавица немедленно молвила ему:

"Царевна я, дочь Солнца, я в лесу живу.

Зовут меня Калинди, так отец назвал,

Для жительства в воде он мне дворец создал,

Пришел, в реке построил дивный здесь дворец;

Меня здесь утешая, так сказал отец:

“Когда ты, дочка, будешь близ реки гулять,
Придет к тебе жених твой, увезет тебя.
В роду у Яду Кришна принял воплощение,
К тебе сюда придет он, жди здесь посещения.
Адинуруша, вечный, Хари, бог богов.
О, дочь, ты родилась только для него”.
И с той поры, как мне так мой отец сказал,
Я ожидаю Хари, чтоб упасть к ногам”.

Махарадж! Услышав это, Арджуна джи в великой радости сказал: “Красавица! Сюда пришел уж тот, кого ты ожидаешь, — предвечный наш Господь, владыка Дварки, шри Кришначандра, корень радости”. Махарадж! Когда с уст Арджуны сошло такое слово, то благодетель верных, шри Бихари, сам сел на колесницу и к ним приблизился. Когда, увидев Господа на колеснице, Арджуна рассказал ему всю тайну, тогда шри Кришначандра джи с улыбкою немедленно взял на колесницу деву и вернулся в город. Пока шри Кришначандра джи из леса ехал в город, за это время Вишвакарма, постигнув волю Господа, вдаль от всех построил для него прекраснейший дворец. И Хари прибыл во дворец, сам снял Калинди с колесницы и поселился с нею там.

Немного дней спустя, однажды Кришначандра джи и Арджуна джи сидели ночью вместе. Как вдруг пришел к ним Агни. Сложивши поднятые руки, склонив свою голову, он обратился к Хари и сказал: “Махарадж! Я голодаю много дней! Я обошел весь свет, но пищи не нашел нигде. Теперь одна надежда — на тебя. Коль ты мне разрешишь, то я пойду и буду пожирать тот лес!” Господь сказал: “Добро! Иди и пожирай!” И Агни вновь сказал: “Владыка милосердный. Я не могу пойти один в тот лес. Коль я пойду, придет шри Индра, он меня погасит”. Услышав это, Кришна джи сказал так Арджуне: “Друг мой! Пойди и попаси ты Агни, он ведь много дней как умирает с голоду”.

Когда слова такие сошли с уст Кришначандры, Арджуна взял лук и стрелы и пошел с шри Агни. Достигнув леса, Агни запалил и начал пожирать деревья: манго, тамаринды, смоковницу, типалы и пальмы, тамали, махуны, джаман, кхирни, кагнары, лозы виноградные, персиковые, ишманные деревья, бера и множество других деревьев.

Бамбук пылает с треском, пламя жжет траву,
Лесные птицы, звери носятся в дыму.

Куда ни глянь, повсюду Агни джи бушует с ревом и клубы дыма черного вздымаются, кружась, к небесам. Увидев этот дым, царь Индра джи потребовал немедля Мегхапати,¹ мощного владыку облаков, и так сказал: "Немедля выступай, пролей там ливень, погаси огонь, спаси скорее лес, зверей и птиц и все лесные твари; спаси ты все, что там живет!" И получив такой приказ, владыка облаков собрал рать темных туч и кинулся туда. Когда он, загремев, хотел пролить там дождь, то Арджуна вдруг метнул такой вихрь стрел, что облака о них разбились и взлетели в высь, как вверх взлетают хлопья хлопка, подхваченные вдруг порывом ветра. Никто не видел, как они явились, как исчезли: едва лишь появившись там, они исчезли незаметно. Меж тем шри Агни, пожирая Джахаракханд,² приблизился туда, где был дворец асура Мая (Дайтья (титан) Май, согласно легендам, является архитектором асуров (демонов), подобно тому как Вишвакарма является архитектором богов (суров). Согласно "Махабхарате", Май жил на горе Девагири, близ Дели.). Увидев яростное пламя страшного огня, который неуклонно близился к нему, охваченный великим страхом, Май поспешно, босиком, едва накинув платье, выскочил из своего дворца. Сложивши поднятые руки, он остановился пред Арджуной. Потом, приветствовав его поклоном восьмичленным, в великом страхе молвил: "О, господин! Спаси меня от этого огня! Скорее защити меня.

Напаясь Агни вволю, он теперь уж сыт,
Благоволи о наших всех грехах забыть!
Внемли моим мольбам, смилуйся, молю.
Избавь от Вайшванара,³ жизнь спаси мою".

Махарадж! Когда такое слово здесь сошло с уст дайтья Мая, то Вайшванар сложил свои все огненные стрелы, и Арджуна в изумление пришел. Потом они вдвоем с асуром Маем, дайтьем, приблизились к шри Кришначандре, корню радости, и Арджуна так сказал: "Махарадж!

Маясур⁴ этот может службу сослужить:
Он для тебя построит дом, чтоб здесь пожить.
Теперь над ним ты сжался, пожалей его,
Избавь его от страха, погаси огонь!"

1 Буквально: "Повелитель облаков".

2 Лес Кхандав.

3 Одно из имен бога Агни (огня).

4 Т.е. "Асур Май".

Промолвив это, Арджуна снял свой лук и стрелы и положил на землю. Тогда Господь, мигнув, дал знак Агни; он тотчас же погас, по лесу разлилась прохлада. И благодарный Агни джи дал Арджуне двух белых, словно лебеди, коней прекрасных, заложенных в чудеснейшую колесницу, дал два колчана крепких стрел, а также латы, которых не пробьет ни меч, ни стрелы. Потом, о царь, шри Кришначандра с Арджуной и Маем двинулись в путь. И там в лесу в одно мгновение Май построил дивный золотой чудеснейший дворец, украшенный прекраснейшими жемчугами, чудо красоты, которая не поддается описанию. Кому бы ни пришлось взглянуть, все в восхищение застывают, как картины. Четыре месяца там отдыхал шри Кришначандра. А после он отправился туда, где царь Юдхиштхира сидел в своем совете царском. Придя к царю, Господь просить стал позволения возвратиться в Дварку. Едва такое слово сошло с уст Кришначандры, царь и весь его совет пришел в великую печаль. Все граждане — все женщины и все мужчины, — все стали горевать. Потом Господь, как надлежит, всех успокоил и утешил, обнадежил, взял Арджуну с собой, простился с Юдхиштхирой и из Хастинапура отправился. Веселый и довольный, он через много дней приехал в Дварку. Когда узнали о прибытии его, весь город был охвачен радостью; печаль бывшая вся исчезла. Отец и мать, увидев сына, радость испытали и от души своей печали отогнали.

Потом однажды Кришначандра джи, явившись к Уграсене, открыл ему всю тайну о Калинди: “Махарадж! С собою я привез Калинди, Солнца дочь. Благоволи же сочетать нас браком по ведийскому закону”. Услышав это, Уграсена джи немедленно повелел советнику: “Немедля отправляйся, приготовь все нужное для брака”. Советник, получив его приказ, в одно мгновение доставил все необходимое для брака. Тогда царь Уграсена с Васудевом джи астролога призвали и, установив счастливый день, немедленно сочетали браком по ведийскому закону Кришну джи с Калинди”.

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи продолжил: “О, царь! Так состоялся брак Калинди. Теперь я расскажу сказание о том, как Хари добыл Митрабинду¹ и вступил с ней в брак. Ты прилагай вниманье, слушай. Была у Шурасены дочь, родная тетка Кришны джи; Раджадхидеви имя было ей, и у нее была дочь Митрабинда. Коль скоро Митрабинда стала годною для брака, она устроила брак

¹ Одна из супруг Кришны, дочь царицы Уджайнской.

сваямвар. Тогда все доблестные и прекрасные цари всех стран, могучие герои, блистая мужеством своим, в роскошнейших нарядах, собрались в городе Уджайне. Узнав об этом обо всем, отправился туда и сам шри Кришначандра джи со шри Арджуной. Шри Кришначандра прибыл во дворец и стал среди других, явившихся на сваямвар.

Красавица в восторге. Кришну увидав,
Роняет ожерелье: глаз не оторвать!

Увидев необычное явление это, цари всех стран почувствовали стыд, а в глубине души все возмущались. Дурйодхана пошел и, обратившись к брату Митрабинды Митрасене, так ему сказал: "Братец! У дяди твоего есть сын шри Хари. Красавица вишь засмотрелась на него и все забыла. А это ведь противно всем обычаям страны. Поэтому мы можем сделаться посмешищем здесь на весь мир. Пойди к сестре, скажи ей ты, пускай не выбирает Кришну, не то нас засмеют тут все цари!" Услышав это, Митрасена подошел к сестре и стал давать советы. Махарадж! Когда же Митрабинда, выслушав его слова, пришла в себя и, отступив от Господа, остановилась в отдаленье, то Арджуна, к Кришне наклонясь, на ухо шепнул ему: "Махарадж! Кого теперь тебе смущаться? Дело плохо! Немедленно же действуй!" Услышав шепот Арджуны, шри Кришна вышел из густой толпы всех женихов, схватил вдруг Митрабинду джи, унес ее, на колесницу посадил и на глазах у всех погнал своих коней. Тогда-то все цари схватились за оружие, вскочили на коней и, преградив путь Господу, остановились, готовые к борьбе. Между тем все горожане там смеялись, хлопая в ладоши, издевались над царями и так кричали:

"На тетушкиной дочке прибыл он жениться!
Хорошей славы Кришна хочет вишь добиться!"

Поведав это сказание, шри Шukaдев джи продолжал: "Махарадж! Когда шри Кришна увидел, что без борьбы не обойдется, не прорваться сквозь войска асуров, которые его со всех сторон там окружили, тогда он, вынув из колчана несколько лишь стрел, лук натянул и так ударил, что вся та рать асуров рассыпалась иль полегла на месте. Господь без всякого сопротивления радостный вернулся в Дварку".

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Таким вот образом увез шри Кришначандра в Дварку Митрабинду и вступил с ней в брак. Теперь я расскажу тебе сказание о том, как он добыл шри Сатью¹ Ты прилагай вниманье, слушай.

В стране Каушале был благочестивый царь Нагнаджит, и у него была дочь Сатья. Когда она для брака стала годной, то царь велел из стада выбрать семь быков — огромных, с огромными преострыми рогами, непрободенными носами — и, выпустив их в поле, дал такое обещанье: “Кто сможет сразу всех этих быков взнуздать и приведет ко мне, тому отдам я в жены дочь свою!” Махарадж! Те семь быков, понутив головы, задрав хвосты и роя землю копытами, бродили с ревом по стране и убивали всякого, кто попадался им навстречу.

И получив об этом весть, шри Кришначандра с Арджуной отправились туда. Пришел он к Нагнаджиту и остановился перед ним. При виде их царь Нагнаджит сошел с престола и сам приветствовал его поклоном восьмичленным, и, посадив на свой престол, он предложил сандал и рис, цветы; поднес светильник, благовония и снедь поставил перед ним. Потом, сложивши поднятые руки, склонив свою голову, он со смирением великим молвил: “Проснулось счастье, знать, мое, что сам Господь, создатель Шивы, Брахмы, вдруг пришел в мой дом”. Промолвив так, он продолжал: “Махарадж! Я обещанье дал; его исполнить тяжело было. Теперь же у меня уверенность явилась, что, по милости твоей, я скоро выполню его”. Господь сказал: “Какое ж обещание ты дал, что выполнение его так трудно?” Тогда царь так сказал: “Владыка милосердный! Я выпустил здесь семерых быков с непрободенными носами и дал такое обещанье: кто сможет сразу этих всех быков взнуздать, тому отдам я в жены дочь свою”. Шри Шукатова джи сказал: “Махарадж!

Собрался Хари быстро, он пошел туда,
Семь образов он принял, перед каждым стал,
Нигде никто такого чуда не видал,
Но семь быков тех Хари сразу всех взнуздал.

Когда Господь так взнуздывал могучих тех быков, они недвижно все стояли так, как деревянные быки стоят. И, проколов носы семи быкам, Господь их нанизал всех на одну веревку и так привел в совет царя. Увидев это чудо, все горожане — все женщины и все мужчины — исполнились изумленья и благословляли Господа. Царь Нагнаджит без промедления призвал к себе пурохита, и по ведийскому закону он выдал дочь свою за Хари. В приданое за ней он дал великие богатства: коров всех десять тысяч, слонов же

5 Одна из супруг Кришны, дочь Нагнаджита, царя Каушалского.

девять лаков, коней прекрасных девяносто крор и колесниц всех семьдесят три лака и сверх того несчетное количество рабов, рабынь. Когда шри Кришначандра выступил оттуда со всем своим добром, тогда цари окрестных стран из зависти вдруг преградили путь ему. Тогда сам Арджуна стрелами своими всех побил и в бегство обратил. И Хари джи счастливо и благополучно прибыл в Дварку со всем своим добром. Тогда все граждане прекрасной Дварки ему навстречу вышли, устлали путь его прекрасным шелковым ковром и с музыкой и пеньем ввели шри Кришну во дворец. Увидев дивное приданое, все изумились.

Все стали Нагнаджита дружно восхвалять:
“Царь Нагнаджит устроил дочке дивный брак.
Хорошую же свадьбу кошалец¹ сыграл:
Приданое такое Кришне джи он дал”.

Махарадж! Меж тем как граждане вели такие речи, туда пришел шри Кришначандра с Баларамом джи и отдал Арджуне все то приданое, которое сам получил от Нагнаджита. Он этим славу в мире приобрел”.

Теперь я расскажу тебе сказание о том, как Кришна добыл Бхадру и с нею в брак вступил. Ты прилагай внимание, спокойно слушай. Царевна Бхадра, дочь царя страны Кекая, устроила сваямвар и, написав посланья, разослала всем царям всех стран. Собралось множество царей.

Шри Кришначандра с Арджуной отправились туда и, прибыв на сваямвар, на собрание пришел. Когда царевна та, с гирляндою в руке, смотрела всех царей, она приблизилась к океану красоты и свету мира, Кришначандре джи. Увидев Господа, она пришла в восторг и с радостью украсила своей гирляндой шею Хари. Увидев это, ее отец и мать обрадовались и сочетали браком по закону Вед царевну с Хари. В приданое за нею дали столько, что невозможно описать”.

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи продолжал: “Махарадж! Таким путем шри Кришначандра добыл Бхадру джи и с нею в брак вступил. Теперь я расскажу тебе сказание о том, как он вступил в брак с Лакшманою. Ты слушай!

Был царь в стране мадрийцев — могучий, сильный. Когда дочь этого царя, царевна Лакшмана джи, стала годной к браку, то он устроил сваямвар и, написав посланья, их разослал царям всех стран. Немедля каждый снарядил свои

¹ Царь страны Кошала (Каушала).

полки, и с пышностью великою все прибыли туда, на сваямвар, уселись чинными рядами. Шри Кришначандра с Арджунной джи прибыли туда. Когда они, придя на сваямвар, остановились там, то Лакшмана, которая смотрела всех, приблизилась к шри Кришначандре и украсила своей гирляндой шею Господа. Ее отец немедленно браком по ведийскому закону шри Кришну с Лакшманою сочетал. Цари всех стран, которые собрались туда, все со стыдом великим стали говорить друг другу: "Посмотрим, как же Кришна увезет от нас царевну Лакшману!" Так, сговорившись меж собой, они собрали все свои войска и преградили путь шри Кришне. Когда шри Кришначандра с Арджунной и Лакшманой джи, на колесницу сев, пустились в дорогу, тогда они остановили их и все вступили в бой. Но скоро Арджуна и шри Кришна джи своими стрелами разбили всех и обратили в бегство, а сами счастливо, благополучно вернулись в Дварку. Когда они вернулись, то во всем городе и в каждом доме

Настало ликование, пир устроен был,
С законом Вед согласно Кришна в брак вступил".

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи молвил: "Махарадж! Таким вот образом шри Кришна джи привез пять дев и с ними в брак вступил. Потом он в Дварке стал спокойно проживать с восемью законными царицами. И все законные царицы, все восемь страж ему служили. Имена цариц его законных таковы: Рукмини, Джамбавати, Сатьябхума, Калинди, Митрабинда, Сатья, Бхадра и Лакшмана".

Так гласит глава пятьдесят девятая — "Повествование о пяти браках шри Кришны" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LX. ШРИ КРИШНА УБИВАЕТ БХАВМАСУРА¹ И ВСТУПАЕТ В БРАК С ШЕСТНАДЦАТЬЮ ТЫСЯЧАМИ СТА ЦАРЕВНАМИ

Шри Шукрадева джи сказал: "О царь! Давно-давно Земля, принявши образ человеческий, здесь стала подвиги великие свершать. Тогда-то Брахма, Вишну, Рудра, все три божества, явились к ней и спросили: "Зачем творишь ты подвиги столь тяжкие?" Земля сказала: "О, океаны милосердия! Хочу

¹ Асур, сын Земли.

я сына, и подвиги великие для этого творю. О, сделайте мне милость, дайте сына мне — могучего и славного, прекрасного, и чтоб никто во всей Вселенной победу одержать не мог над ним, чтоб не могла ничья рука убить его”.

И, выслушав такое слово, обрадованные три божества, давая дар, желанный, так сказали: “Твой сын, по имени Наракасур¹, родится у тебя, и будет обладать великою он силою и славой. Никто не победит его в бою. Он победит царей всех стран и подчинит своей их власти. В небесный мир проникнет он и разобьет богов и в бегство обратит их. У Адити отнимет серьги и наденет сам. У Индры он отнимет зонтик, водрузит его над головой своей. Добудет он шестнадцать тысяч сто царевен, дочерей царей со всей Вселенной, и будет их держать в дому своем без брака. Тогда шри Кришначандра соберет всю рать свою и выступит против него. Тогда сама ты скажешь Кришне: “Убей его!”, и он убьет, а всех царевен заберет себе и в Дварку возвратится”.

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: “Махарадж! Когда, давая дар, три божества сказали так, Земля промолвила: “Зачем я буду говорить слова такие: “Убейте сына моего” — и замолчала. Через немного дней родился сын Земли Бхавмасур, его зовут и Наракасуром. Он поселился в Праджйотишпуре.² Со всех сторон он оградил тот город славный высокими горами, крепостями из воды, огня и ветра. Он отнял силою царевен у царей великих всей Вселенной, доставил вместе с нянюшками в свой дворец и заключил их там. Он каждый день вставал, приказывал всех тех шестнадцать тысяч сто царевен накормить и напоить, одеть, смотреть за ними и строго-настрого велел их охранять.

Однажды Бхавмасур, придя в великий гнев, сел на виман цветочный, который он привез из Ланки, и отправился он в Сурапур и стал богов там истязать. От этих мук все божества покинули свои места, и все, спасая жизнь свою, повсюду разбежались кто куда. Тогда у Адити он отнял серьги, у Индры зонтик, и все унес с собой. Потом он стал всех в мире истязать жестоко: богов и муни, норов. Узнав о всех его делах, шри Кришначандра, друг всего живого, так сказал себе в душе:

“Убью его, красавиц всех возьму себе!

А зонтик возвращу я Господу небес.

Я к Адити отправлюсь, серьги ей отдам,

1 Буквально: Асур ада — Бхавмасур.

2 Город, расположенный на границе Асама.

Освобожу от страха Индру навсегда!"

Подумав так, шри Кришначандра джи сказал однажды Сатьядхаме: "Супруга! Коль ты отправишься со мной, то может быть убит Бхавмасур! Ты часть земли,¹ поэтому ты мать ему. Когда три божества давали дар Земле, тогда они сказали: "Когда сама велишь убить его, тогда твой сын умрет, не то никак никем не будет он убит!" Услышав это, Сатьябхума джи, подумав про себя в душе, сказала так с глубокою печалью: "Махарадж! Мой сын стал сыном и тебе, зачем же ты его убьешь?"

Господь немедленно упрек тот отклонил, сказав: "Не так уж сильно я стремлюсь убить его. Но помнишь ли, однажды я тебе дал слово, и теперь хочу его исполнить!" Сатьябхума сказала: "Какое слово?" Господь сказал: "Однажды Нарада пришел и дал плод кальпаврикши (Легендарное дерево, исполняющее все желания. Согласно Пуранам, кальпаврикша, подобно камадхену, вышла из молочного океана, когда боги и дайтьи сбивали его. Кальпаврикша была отдана Индре и была посажена им на небесах, в раю.); его я отдал Рукмини. Узнав об этом, ты разгневалась. Тогда я дал тебе такое обещание: "Ты не горюй, я и тебе дам кальпаврикшу!" И вот мне хочется свое исполнить слово и показать тебе Байкунтх, сведу тебя туда!"

Услышав это, Сатьябхума джи пришла в восторг и согласилась поехать с Хари. Тогда Господь ее с собою взял и, посадив на гаруду, отправился немедленно в путь. Когда они отъехали довольно далеко, шри Кришначандра джи спросил вдруг Сатьябхуму джи: "Красавица, скажи мне правду, почему сначала, когда об этом услышала ты, ты недовольна так была? Открой мне эту тайну, дабы сомнение исчезло из души моей!" Сатьябхума сказала: "Махарадж! Когда убьешь ты страшного Бхавмасура, то привезешь шестнадцать тысяч сто царевен; тогда ты и меня включишь в число их. Поэтому-то я и рассердилась!"

Шри Кришначандра ей сказал: "Ты не печалься ни о чем! Ведь я достану кальпаврикшу и помещу ее в твоём дворце. А ты возьми и принеси в дар Нараде джи мунис с ним вместе и меня; потом вновь откупи и уж тогда держи меня ты у себя, и я всегда останусь в подчинении тебе. Таким вот образом Индрани² джи давно когда-то принесла в дар Индру с деревом, а Адити джи — Кашьяпу. От этого даренья ни одна из женщин для меня не будет равною тебе!"

¹ По-видимому потому, что отец Сатьябхумы умер.

² Супруга бога Индры.

Махарадж! Ведя подобные беседы, шри Кришна джи приблизился к Праджйотишпуру. Увидев горную ту крепость и укрепления все — из огня, воды и ветра, он отдал повеленье гаруде с сударшаном. Они в одно мгновение сравняли все с землей, все погасили, залили, угнали и сделали прекрасную дорогу.

Когда же Хари, продвигаясь дальше, стал приближаться к городу, то дайтьи, стражи крепости, все ринулись в бой. Господь без всякого труда дубиной своей их уничтожил. Услышав об их гибели, пятиголовый ракшас Мур, который охранял кремль городской, в великой ярости схватил трезубец свой и бросился вдруг на шри Кришначандру джи. С глазами, кровью налитыми, зубами скрежеща, сказал он:

“Кто превзошел свою силу меня,
Того теперь увижу здесь я у себя!”

Махарадж! Вскричав так, дайтья Мур набросился внезапно на шри Кришначандру так, как гаруда бросается вдруг на змею! Сначала он пустил трезубец в ход; Господь своею чакрой вмиг его рассек. Тогда в великом гневе Мур метать стал в Хари разное оружие, но Хари без труда все изрубил. Тогда Мур, вне себя от ярости, набросился на Господа и с ним вступил в единоборство. Борясь с ним, шри Кришначандра джи увидел, что Сатьябхума вся охвачена великим ужасом, тогда он отрубил ему все пять голов его своею сударшанчакрой. Когда все головы вдруг отвалились от тела Мура и упали, то Бхавмасур, гул от их падения услышав, так сказал: “Откуда этот страшный гул?” И вот один из демонов вдруг прибежал к нему и закричал: “Махарадж! Пришел шри Кришна! Уже убил он Мура!”

Услышав это слово, испытал Бхавмасур мощный в этот миг глубокую печаль. Потом велел он своему военачальнику вступить немедленно в бой. Он в миг собрал все войско, готовый к бою, расположился у ворот кремля. За ним последовали и семь сыновей могучих Мура. Узнав о смерти своего отца, могучие, великие бойцы, они схватили все свое оружие и, выступив с ним против шри Кришны джи, остановились, готовые к борьбе. Меж тем Бхавмасур своего военачальнику и сыновьям всем Мура такой прислал приказ: “С сугубой осторожностью вступайте в бой! Я также подспею!”

И, получив приказ вступать немедленно в бой, военачальник Бхавмасура со всеми сыновьями Мура, двинув вдруг всю рать асуров, вступил в жестокий бой с шри Кришной джи. И сразу тут со всех сторон, как тучи, все полчища асуров окружили Господа. Со всех сторон великие богатыри

Бхавмасура бросились с различным оружием на Кришначандру джи, а он без всякого труда рубил и складывал все в кучу. Но наконец, взглянув на Сатьябхуму, охваченную ужасом, он вмиг так изрубил своей сударшанчакрой рать асуров и семерых могучих сыновей асура Мура, как пахарь косит ниву".

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Он изрубил всю рать со всеми сыновьями Мура. Узнав об этом, сначала сам Бхавмасур впал в тревогу и великую печаль. Потом же, все обдумав и собравшись с мужеством, он взял с собою нескольких могучих ракшасов и сам, пылая яростью, с глазами кровью налитыми, стянул потуже пояс, приготовил стрелы и, извергая целые потоки злопыхательств, пришел сразиться со шри Кришной джи! Когда Бхавмасур увидел шри Кришну, он в страшной ярости пустил в него густую тучу стрел. А Хари каждую стрелу вмиг на три части разрубил! Тогда

Бхавмасур меч из ножен свой спеша извлек
И Кришне в грудь направил, яростный, как лев,
Как облако, гремит он голосом своим:
"Эй, деревенщина, ты не уйдешь живым!"
И, бранью разжигая гнев ужасный свой,
Бхавмасур сам вступает с Кришной в страшный бой!

Махарадж! С великой силой он разил его своей дубиной, на тело же шри Кришны джи его удары действовали так, как на слона удар цветком. Потом он взял свои мечи, секиры, все пустил он в ход — шри Кришна джи все искрошил! Тогда он побежал вновь во дворец, трезубец страшный свой принес и стал опять, готовый к бою.

Тогда шри Сатьябхума закричала вдруг:
"Убей его скорее, о, избавь от мук!"
Услышав вопль супруги, поднял чакру он,
Отсек главу асуру, в прах поверг его.
С серьгами и короной падает глава;
Когда упало тело, Шеша задрожал!
И в трех мирах явилась радость и покой:
Снял Хари все печали дивною рукой.
И вышел луч из тела, в Хари он вошел,
"Джай, джай! — кричат все боги в радости большой.
Стоят в своих виманах, дождь цветочный льют,
Читают Веды боги, славу все поют!"

Поведав это сказанье шри Шукрадева муни молвил:
"Махарадж! Жена Бхавмасура явилась с сыном к Кришне джи, и, став пред господом, сложивши поднятые руки и склонив главу, с глубокою мольбой сказала: "Прообраз света!

О, прообраз Брахмы! Бихари, благодетель верных! Для блага праведных и добрых ты себя сам в образах несчетных проявляешь. Твое величие, чудеса и Майя бесконечны! Кто может их познать? Кто силою такую обладает, чтоб мог, без милости твоей, воспеть твоё величие? Ты — бог богов всех! Постичь твою природу — никто не в силах!" Махарадж! Промолвив это, положив к ногам господним зонтик, серьги, землю, она вновь продолжала: "Опора страждущих! Друг страждущих! О милосердия океан! Субхагадатта — это сын Бхавмасура! Он у тебя пришел искать прибежища! Благоволи же милость проявить к нему и возложи на голову его свою прекрасную и нежную, как лотос, руку! Освободи его от страха пред тобой!" Услышав это слово, источник милосердия, шри Канха, милостиво руку возложил на голову Субхагадатты, освободил его от страха пред собой. Тогда Бхавмавати, супруга Бхавмасура, положив пред Хари множество даров, с мольбой сложивши поднятые руки, склонив свою голову, остановилась перед ним и так сказала:

"О милосердный к страждущим! О милостивый! Ты благодарностью наполнил нас, позволив лицезреть себя! Теперь благоволи же посетить мой дом и освятить его!" Услышав это, проникающий в сердца, великий благодетель верных шри Мурари джи отправился в дом Бхавмасура. Тогда мать с сыном устлали шелковым ковром путь Хари и, введя в свой дом, с почтеньем посадили на престол его. И, предложивши аргху,¹ приняв нектар ног его, с смирением глубоким так сказали: "Владыка трех миров! Ты совершил благое, что предал смерти этого великого асура! И кто во всей вселенной радость получил, пойдя с враждою против Хари? Так Раван, Кумбхакарна, Канса и многие другие, вступив в вражду с тобою, сами же себя лишили жизни! И каждый, кто с тобой в вражду вступал, терял вдруг все: не оставалось даже человека, кто б мог его по имени назвать или ему воды хоть дать!"

Сказав так, Бхавмавати снова продолжала: "О, Господи! Теперь выслушай моей мольбе! Считай Субхагадатту сыном собственным! А тех шеснадцать тысяч сто царевен, которых Бхавмасур сам собрал и незамужними держал, благоволи считать принадлежащими тебе!" Махарадж! Сказавши так, вывела она всех тех царевен и рядами их поставила пред Господом. Они, узрев свет мира, море красоты, шри Кришначандру, корень радости, так сказали: "Владыка! Ты к нам пришел, освободил несчастных женщин из темницы этого великого злодея! Теперь, мы молим, заверши же

¹ Подношение; в частности подношение воды для омоения ног.

милосердие свое: возьми с собой рабынь своих и сохрани нас на служение тебе!"

Услышав это, Кришначандра джи сказал: "Я всех с собой возьму! Я требую немедленно колесницы, паланкины и все, что нужно мне для отправления в путь!" Сказав так, он взглянул с намеком на Субхагадатту. Субхагадатта сам уразумел мысль Господа, отправился в свою столицу, велел там снарядить слонов, коней, запрячь коней в блестящие сверкающие колесницы и коляски; велел немедленно снарядить все сукхапалы,¹ палки, налки, доли, чандолы и джула, украсить их камнями самоцветными. Все это взял и Господу доставил. И Хари, осмотрев их, повелел садиться всем царевнам. Потом он взял с собой Субхагадатту, пошел с ним во дворец и, посадив его там на престол, сам собственной рукой ему дал царский тилак и простился с ним. Не поддается описанию красота того мгновенья, когда шри Кришначандра, взяв с собой царевен, выступил оттуда в Дварку! Блестящие попоны, покрывала на слонах, быках и блеск попона, расшитых золотом и серебром, сиянье панцирей на лошадях и красота убранства сукхапалов, палки, налки, доли, чандолов, колясок, колесниц; сияние жемчужной бахромы на них смешалось с блеском солнца, и все сияло дивной красотой!

Немало дней так ехал Кришначандра джи и наконец достиг он Дварки. Приехав в Дварку-град, он разместил царевен во дворце. Потом шри Кришначандра к Уграсене джи отправился приветствовать его. Сначала он поведал тайну всю, как был убит Бхавмасур, как он освободил царевен и привез их всех с собой. Потом, простившись с Уграсеной, Господь взял Сатьябхуму и с зонтиком, серьгами на гаруду сев, отправился в Вайкунтху. И, прибыв в Вайкунтху,

Господь немедленно серьги Адити вручил
И над главою Индры зонтик водрузил!

И получив об этом весть, туда и Нарада пришел, и Хари так ему сказал: "Пойди, скажи ты Индре джи, что Сатьябхума просит кальпаврикшу у него. Послушай, что он скажет и принеси ответ. Потом ты все поймешь!" Махарадж! Услышав это слово из уст шри Кришначандры, Нарада пошел к царю богов и так сказал: "Твоя невестка Сатьябхума просит кальпаврикшу у тебя! Что скажешь ты на это? Говори, и я отправлюсь, ей скажу: "Мне Индра так сказал!" Услышав это, Индра джи сначала впал в смущенье и задумался. Потом пошел к Индрани, рассказал ей все, что Нарада сказал.

¹ Разного рода паланкины.

Услышала Индрани, молвила в ответ:

“Ну, глупости твоей-то знать предела нет!

Да у тебя, супруг мой, ни на грош ума!

Да кто такой твой Кришна, кто его жена?

Да помнишь ли, иль уж забыл, как он тебя когда-то в Бадже осрамил! Всад там он уничтожил поклонение тебе, заставив всех браджийцев кланяться горе! Потом заставил он тебя семь дней лить над горою дождь! Он чести ведь тебя лишил и обесславил на весь мир! Ну, чтож? Тебе хоть стыдно или нет? Вот он-то слушает, что говорит жена! А почему же ты не слушаешь меня?”

Махарадж! Когда Индрани так сказала Индре, то он ушел ни с чем, вернулся к Нараде и так сказал: “Великий риши! Иди и от меня скажи шри Кришначандре так: “Из Нанданвана¹ невозможно кальпаврикшу взять и унести в другое место! А если унести, не будет там расти! Скажи так, да потом и вразуми его, скажи, пусть не посмеет он теперь вступать со мною в пререканья, пусть не идет против меня, как некогда он в Бадже, обманув браджийцев, сам сожрал все то, что было приготовлено для подношения мне, а всем сказал, что съела все гора. Пусть он не забывается, не то — война!”

Услышав это, Нарада джи, вернувшись к шри Кришначандре, передал ему слова владыки Индры и сказал: “Махарадж! Сам Индра-то готов был кальпаврикшу дать, да не позволила ему Индрани!” Услышав это, Кришначандра джи Мурари, губитель гордости, отправился немедленно в Нанданван и, перебив иль разогнав всех стражей, похитил кальпаврикшу, положил на гаруду и так ее привез. Тогда те стражи, которые бежали, спасаясь от руки шри Кришны, прибежали к Индре и с воплями ему все рассказали. Махарадж! И, получивши весть о похищении кальпаврикши, царь Индра, разъярившись, взял свой перун, созвал богов всех, потом, сев на Айравата, могучего слона, отправился немедленно воевать с шри Кришначандрой.

Но Нарада джи муни сам пришел тут к Индре и сказал: “Махарадж! Да ты большой глупец, коль ты по наущению жены идешь войною против Господа! Не стыдно ли тебе так поступать! Коль у тебя охота драться, так почему же ты не воевал тогда, когда Бхавмасур отнял у тебя твой зонт, а у Адити ее сережки? Теперь, когда Господь убил Бхавмасура, вернул сережки и твой зонт, ты вдруг собрался на войну! Коль ты уж так силен, то почему же не боролся с Бхавмасуром? Да разве ты забыл тот день, когда ты в Бадж

¹ Название сада Индры.

ходил и со смирением просил сам Господа простить твою вину? И после этого ты вновь идешь бороться с ним!"

Услышав это все из уст шри Нарады, царь Индра, раскаявшись в том, что был готов начать войну, убитый, пристыженный, не двинулся уж дальше.

Тогда шри Кришначандра джи отправился обратно в Дварку. Обрадовались ядавы, увидев Хари! Господь отнес немедленно кальпавриксу к царице Сатьябхуме во дворец и посадил ее он там. Царь Уграсена браком по ведийскому закону немедленно сочетал шри Кришначандру джи и тех шестнадцать тысяч сто царевен, которые еще не состояли в браке.

И по закону Вед там был устроен пир;
Так шри Мурари Хари радовал весь мир!
Шестнадцать тысяч сто всех он воздвиг дворцов,
И в них дарит всем Кришна нежную любовь!
А главные царицы, восемь их числом,
Сильней и крепче любят Хари с каждым днем!"

Поведав это сказанье, шри Шukaдева джи сказал: "О царь! Так Хари умертвил Бхавмасура и серги Адити вернул, а Индре зонг, и, взяв себе в супруги шестнадцать тысяч сто и восемь дев, шри Кришначандра в Дварке стал со всеми безмятежно жить и наслаждаться".

Так гласит глава шестидесятая — "Умерщвление Бхавмасура" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXI. ШРИ КРИШНА РАЗГНЕВАЛ РУКМИНИ ДЖИ И СНОВА ЕЕ УТЕШИЛ

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Однажды в золотом дворце, украшенном камнями самоцветными, стояло ложе золотое с роскошным балдахином, усеянное драгоценными камнями. На нем благоухала ароматом белая и нежная, как пена, с дивными подушками постель, покрытая душистыми цветами. Вкруг ложа там стояли дивные сосуды, все наполненные камфорою, розовой водой, сандалом, чоа и арагджей.¹ Различными прекрасными картинами расписаны все стены были! Повсюду в нишах там цветы стояли и плоды, печенья, сладости. Там было все, что только можно пожелать для счастья.

В прекраснейшей свободной гхачхре,² покрытой бисером чудесным; в сверкающей ангие,³ блестящей сари (Женская

¹ Смесь из различных ароматных веществ.

² Вид сорочки.

³ Лиф.

одежда; длинный кусок ткани с каймой, который индийская женщина обертывает вокруг себя так, что сари заменяет ей блузку и юбку.), в великолепном покрывале; украшенная с головы до ног; на лбу нарисовав из рори тилак; одев все украшения, усеянные драгоценными камнями и огромнейшими жемчугами натх,¹ шишпхул, каранпхул, манг, тика, дхерхи, банди, чандрахар, моханмал, дхукдхуки, панчлари, сатлари, муктамал, двойные и тройные навратан, буджбабанд, канкан, пахунчи, навгари, чури, чхап, чхалла, кинкини, анват, бичхуа, джехар, техар и разные другие украшения, луннолика, чампакоцветная, газелеглазая, с голосом кукушки, с походкою слона и с станом льва — шри Рукмини джи и облакоцветный, лунноликий, лотосоглазый, в короне из павлиньих перьев, в гирлянде из лесных цветов и в желтом шелковом наряде, в желтом же плаще — свет трех миров и море красоты, шри Кришначандра, корень радости, там возлежали и друг друга одаривали счастьем.

Лежал-лежал шри Кришна джи и вдруг сказал он Рукмини джи так: "Красавица, послушай! Я об одном хочу тебя спросить, и ты ответь на это мне! Ведь ты — великая красавица, ты добродетелей полна и дочь царя Бхишмака! Царь Шишупал, владыка Чандери, могуч, высокославен; в роду его семь поколений царством правили. Из страха перед ним ведь мы бежали и скитаемся. Покинувши Матхуру, мы пришли сюда и поселились в океане. И все из страха перед ним. Такого-то царя тебе нашли в мужья отец и мать и брат. И он со свитою своею прибыл даже к вам для заключения брака, но ты его не пожелала. Пренебрегая честью рода, забыв свой стыд перед людьми, забыв весь страх пред матерью, отцом и братом, послала брахмана позвать меня.

Ведь я не совершенство полное, как ты,
Не царь я, нет талантов, нет и красоты.
Какой-то неизвестный нищий прославлял,
Ты слушала, и в душу тот напев запал.
Пришел с великой ратью царь, чтоб в брак вступить,
А ты ко мне прислала брахмана молить.
Пришел и тяжкий грех там явно совершил я.
Зачем за это мне ты честь свою вручила?
Увидев все их войско, я с тобой бежал,
Один, ведь Халадхара рать их разогнал.
Ты мне в посланье, помнишь, так ведь написала:
"Приди, спаси и вырви из рук Шишупала".
Уже исполнились все те обещанья.

1 Названия различных женских украшений.

Скажи же, как теперь-то, нет иных желаний?
Ведь и теперь твоя-то не ушла пора.
Красавица, обдумай все, что я сказал.

И если встретится тебе какой-нибудь царь знатный,
сильный и талантливый, тебя достойный, ты уходи к нему
и с ним живи".

Махарадж! Услышав это, шри Рукмини пришла в великий
страх, в испуге задрожала и, повалившись, упала. Как рыба
без воды, она забилась, потеряв сознание, и стала тяжело
дышать. Тогда

И на лице прекрасном локоны, упав,
Переплелись тесно, все прильнув к устам,
Как будто полный месяц на землю упал,
Сползлися змеи, нектар жадно пьют все там.

Увидев это все, шри Кришначандра в страхе закричал:
"Она сейчас лишится жизни!" Принявши свой четверорукий
образ, приблизился он к ней, двумя руками поднял, на
колени посадил к себе, одной рукой стал опухать ее,
четвертой поправлять стал локоны ее. Махарадж! В тот час
шри Нанда Лал, охваченный любовью, старался всячески
шри Рукмини помочь: то шелковым своим нарядом лицо
прекрасной лунноликой вытирал, то руку, нежную, как
лотоса цветок, он клал на сердце ей. И наконец-то в душу
Рукмини джи понемногу возвратилась жизнь. Тогда сказал
так Хари:

"О, в этом нежном сердце как сильна любовь!
Но твердости в нем нету. Не страшись же вновь.
Я только верность сердца испытать хотел,
Найти любовной шутке меру не сумел.
Ну, успокой же сердце. Все забудь, любя.
Открой скорее глазки! Ну, приди ж в себя!
Пока не скажешь мне ты, милая, хоть слово,
Страдать я буду тяжко. О, не будь сурова".
Пришла в себя, когда он нежно так сказал,
Придя в себя, открыла лотосы-глаза.
У Кришны на коленях увидав себя,
Она вдруг застыдилась, опустила взгляд.
В смущении вскочила, стала перед ним,
Потом, сложивши руки, опустилась ниц.
Рукой ей глядя спину, Кришна говорит:
"Да можно ль быть такую глупенькой в любви?"

Ведь я хотел лишь пошутить, а ты сочла за правду.
Нельзя сердиться так на шутку. Вставай скорей, оставь свой
гнев и прогони из сердца скорбь". Махарадж! Услышав это,
шри Рукмини джи встала. Потом, сложивши поднятые руки,

склонивши голову, сказала: "Махарадж! Ты истинную правду мне сказал, что я тебе не ровня. Ведь ты сунруг прекрасной Лакшми. Ты повелитель Шивы, Брахмы. Кто в трех мирах с тобой сравниться может? Владыка всей Вселенной! Кто, позабыв тебя, вдруг стал бы почитать другого, подобен он безумцу, который, перестав петь славу Хари, стал бы славословить коршуна. Махарадж! Ты дале мне сказал: "Найди себе другого, могучего царя". Но сам скажи, какой же царь есть в трех мирах, тебя превосходящий силою и славой?

Все — Брахма, Рудра, Индра и все другие божества, податели даров, — живут одной надеждой на тебя. Лишь милостью твоей они того, кого возлюбят, одаряют силою великой, мощью, славой, красотой и награждают благами земными. И те, кто сотни лет здесь подвиги суровые творит во славу Хари, те получают царский сан. Потом, оставив поклонение тебе и созерцание, молитвы, подвиги, забыв путь справедливости, свершают беззаконья; тогда они все, сами погубив себя, ввергаются вдруг в бездну. Владыка милосердный! Извечный твой закон такой: для блага верных неизменно ты приходишь в мир, приемлешь здесь рождение и, погубив злых ракшасов, с земли снимаешь бремя, и, счастье дав своим, ты наполняешь их сердца великой благодарностью.

Господь! Кто удостоится твоей великой милости, тот достигает всяких благ: богатства, царства, юности, красы, величия. Когда же, ослепленный гордостью, он забывает вдруг святой закон и карму, подвиги и правду, милосердьё, пуджу, веру, тогда ты делаешь его убогим, потому что бедные всегда ведь думают и помнят о тебе. Вот потому-то бедные тебе угодны. На ком почиет благодать великая твоя, тот неизменно будет неимущим". Махарадж! Сказав так, Рукмини джи продолжала: "Владыка моего дыханья! Я не свершу того, что совершила Амба (Согласно "Махабхарате", Амба в следующем рождении родилась от одной из жен царя Драупады. Сначала она родилась девочкой Шикханди, потом обратилась в мальчика. Шикханди сделался сильным юношей. Бхишма дал обет не обращать оружие против женщин, а так как Шикханди родился девочкой, то Бхишма не мог сражаться с ним и был убит.), дочь Индрадьумны, Кашипурского царя: она покинула супруга и ушла к царю другому, Бхишме. Когда же он ее не взял, она вернулась снова к своему супругу, но супруг ее прогнал. Тогда она пошла на берег Ганги, села и Махадеву стала подвиги великие творить. И Бхоланатх (Одно из имен Шивы. В устах вишнуитов это имя Шивы получило саркастический характер. Слово "Бхоланатх" буквально значит "покровитель (или владыка)

простых", но так как слово "бхола" значит и "простой, неличемерный" и "простой, простака, глупец", то "Бхоланатх" часто понимается в значении "Владыка простаков", каким иногда и представляется Шива у вишнуитов.), владыка всех немудрых, к ней пришел и предложил ей выбрать дар любой. Она пошла и силой данного ей дара отомстила Бхишме за себя. Я так не сделаю.

Тебя, Господь, постигла я уже тогда,
Когда тебя, владыка, нищий восхвалял.
Его словам внимая, я тебя избрала,
Потом с своим посланьем брахмана послала.
Не только нищий — Шива, Брахма, Шарада,
Поет твое величье мудрый Нарада.
Я брахмана прислала, ты меня узнал,
Пришел и всех злодеев смерти злой предал.
Узнав свою рабыню, ты с собой увез;
Несчастную рабыню, бедную, вознес".
Услышал Кришна, молвил: "Милая моя!
Все знание, все тайны, все ты поняла:
Служение и вера мертвы без любви,
Поэтому тебя я сердцем полюбил".

Махарадж! Услышав это слово из уст Господа, исполненная радости, шри Рукмини вновь Хари начала служить".

Так гласит глава шестьдесят первая — "Беседа шри Кришны с Рукмини" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

ГЛАВА LXII. БРАК ПРАДЬЮМНЫ.

БРАК АНИРУДДХИ.

СМЕРТЬ РУКМЫ ОТ РУКИ БАЛАРАМА ДЖИ

Шри Шукрадева джи сказал: "Махарадж! И, взяв себе шестнадцать тысяч сто и восемь жен, шри Кришначандра джи в блаженстве проживать стал в Дварке, а восемь венчаных цариц все восемь страж служили Хари. Всегда вставая на заре, одна водою омывала лик его; другая натирала тело мазью благовонною и омывала; третья пищу вкусную готовила ему, его кормила; четвертая готовила прекрасный бетель и молоко с гвоздикой, кардамоном, с мускатными орехами; пятая же выбирала дивные одежды, украшения, усыпанные драгоценными камнями, покрывала ароматами и одежала Господа; шестая надевала Господу гирлянду из цветов и, окропивши розовой водой, шафраном и сандалом осыпала; седьмая освежала опахалом; восьмая же чесала пятки.

Махарадж! Таким вот образом царицы все всегда служили Господу, и Хари всем им счастье давал и радость”.

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: “Махарадж! Прошло немного времени,

И каждая супруга родила детей,
У каждой дочь, как Лакшми, десять сыновей.
Сто шестьдесят одна их тысяча всего,
Всем дал талант он, силу, одарил красой.

И все они, облакоцветные и лунноликие, лотосоглазые, одеты в синие и желтые рубахи, у каждого на шее ганда,¹ кантхула² и таит;³ играют все в своих дворцах и радуют отца и мать. А матери, лаская нежно их, любовно всех воспитывают их.

Махарадж! Узнав, что у шри Кришначандры родилось много сыновей, царь Рукма так сказал своей супруге: “Теперь я не отдам свою дочь Чарумати за Критаварму, хотя она просватана уж за него. Я сваямвар устрою. Пошли кого-нибудь и пригласи мою сестрицу Рукмини джи с сыном”. Услышав это от него, супруга Рукмы написала самое любезное послание своей золовке с сыном и послала с брахманом его. Потом царь Рукма сваямвар устроил. И, получив послание от брата и невестки, Рукмини джи, испросив согласия шри Кришны, простившись со всеми, отправилась из Дварки с сыном. Ехала-ехала она и прибыла из Дварки в Бходжакат, в дом к брату.

Сестру увидев, Рукма радость ощутил,
С почтеньем встретил, низко голову склонил.
Упав к ногам, невестка так сказала ей:
“Похитили когда-то, все ж опять мы с ней”.

Сказала так и снова обратилась к Рукмини джи со словами: “Золовушка! Коль ты пожаловала к нам, благоволи нам и другую милость оказать. Возьми за сына своего ты нашу дочь Чарумати”. Услышав это, Рукмини джи молвила: “Невестушка! Ты знаешь нрав супруга своего. Не заводи же ссору. Тебе ведь, верно, неизвестно, что на душе у брата: кто знает, что или когда он сделает. Мне страшно даже слово молвить, не то что сделать что-нибудь”. Тут Рукма так сказал: “Сестра! Теперь ты ничего не бойся. Не будет больше ничего худого. Повелевают Веды: “Ты выдай дочь свою за сына брата в южную страну”. Поэтому я выдам дочь свою Чарумати за шри Прадьюмну, забуду всю свою

1 Заговоренный шнурок для отогнания злых духов

2 Ожерелье из золотых и серебряных монет против дурного глаза.

3 Амулет.

вражду к шри Кришне джи и новое устанавливаю родство". Махарадж! И с этими словами Рукма встал, пошел оттуда на собрание. Тогда Прадьюмна джи немедленно нарядился, и с разрешения матери отправился и он на сваямвар. И что же он видит там? Цари различных стран с разнообразнейшим оружием в разнообразнейших уборах и нарядах стоят с надеждою на заключение брака; царевна же, держа в руках джаймал,¹ венок победы, ходит между ними, всех озирая, взор ее, однако ж, не останавливается ни на ком. Едва Прадьюмна джи вошел на сваямвар, царевна, увидав его, пришла в восторг, ему на шею возложила свой джаймал, и все цари в смущении остались ни с чем и про себя все говорили: "Ну хорошо же. Посмотрим, как он увезет от нас царевну. Да мы ее отнимем на дороге".

Махарадж! Такие мысли были у царей. А Рукма же повел невесту с женихом в роскошный брачный павильон и, принеся торжественный обет там по ведийскому закону, Прадьюмне отдал дочь свою. В приданое за ней он дал такое множество различного добра, что даже рассказать нельзя.

И вот, когда шри Рукмини, женивши сына, простилась с братом и невесткой и с сыном и его супругою, на колесницу сев, отправилась в Дварку, тогда в дороге все цари им преградили путь, чтоб с боем у Прадьюмны джи отнять его царевну.

Увидев злые замыслы врагов, Прадьюмна джи извлек свой меч и все оружие, вступил там с ними в бой. Но мало времени меж ними продолжался бой, и, наконец, Прадьюмна джи их всех разбил и в бегство обратил, а сам счастливо и благополучно прибыл в Дваркапури. И, получивши весть о приближении его, его родные все — все женщины и все мужчины — вышли за город, устлали путь его различными коврами и с музыкой и пеньем в город проводили. Повсюду в городе настало ликованье. Прадьюмна стал счастливо проживать в своем дворце".

Поведав это сказанье, шри Шukaдева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Через несколько лет у шри Прадьюмны, сына Кришначандры, корня радости, родился сын. Тогда шри Кришначандра джи призвал к себе астрологов и, усадивши всех родных, велел устроить торжество, и по закону шастр свершил он наречение имени. Астрологи все, посмотрев в свои листы, установили год и месяц, день солнечный, день лунный, час и положение луны и солнца и дали имя мальчику шри Анирудха. В то время

¹ Венок, который невеста надевает на шею своего избранника во время брачного обряда сваямвара. Буквальное значение слова "джаймала" — "венки победы".

В великой радости своей
Дает он брахманам дары,
И каждый брал, что сам хотел:
Родился у Прадьюмны сын.

Махарадж! И, получив весть о рождении внука, сначала Рукма написал любезное послание сестре и зятю: "Великая для нас то радость будет, коль сочетаем браком внука вашего со внучкой нашей". Потом призвал он брахмана, вручил ему он рори, деньги, рис, нариял¹ и, вразумив его, сказал: "Нсмедля отправляясь в Дваркапури и там со всей учтивостью вручи от нас ты тика (В своем обычном значении слово "тика" значит то же, что и тилак, т. е. знак касты или секты, который рисуется ее последователями на лбу, руках и т.д. В применении к браку слово "тика" обозначает особую форму сватовства. Представители родных невесты рисуют жениху тика (тилак) и подносят подарки как самому жениху, так и его родным. Если тика принята женихом и его родными, то молодые считаются помолвленными.) Анируддхе, сыну сына Кришны джи и сыну нашей дочери". Услышав это, брахман взял ту тика с гороскопом (Брак у индусов может быть назначен лишь при условии, если между показаниями гороскопа жениха и невесты нет расхождения, которое, по мнению астрологов, может иметь пагубные последствия для брачной жизни. По этой причине при заключении брака обязательно сличение гороскопов жениха и невесты.) и отправился. Ехал-ехал брахман и приехал к шри Кришначандре в Дваркапури. Увидев брахмана, шри Кришна принял с честью и почетом и спросил: "Благоволи сказать, о божество, откуда соизволил к нам прибыть?" Брахман сказал: "Махарадж! Я послан Рукмой, сыном Бхишмака-царя. Я прибыл с тикой и лагноу² для совершения помолвки внука твоего со внучкою его".

Услышав это, шри Кришна джи велел позвать десятерых всех братьев, принял тика с гороскопом и, щедро одаривши брахмана того, он отпустил его. Потом пошел сам к Балараму джи, и стали думать: как, когда им ехать. Обдумав, оба брата встали и пошли, явились к Уграсене. Поведав обо всем царю, они простились с ним и, выйдя от него, потребовавши все необходимое для свадебного поезда, немедленно стали снаряжаться. Когда за несколько дней все готово было, тогда Господь с огромным пышным поездом отправился из Дварки в город Бходжакат.

1 Кокосовый орех.

2 Счастливейший час, установленный для брака.

В то время на одной блестящей колеснице ехала шри Рукмини джи с внуком, а на другой же колеснице восседали шри Кришначандра с Баларамом джи. И, наконец, через немало дней Господь со всею свитой прибыл в Бходжакат. Как только прибыл свадебный тот поезд, царь Рукма и Калинга,¹ в сопровождение всех царей различных стран, все вышли за город и, встретив поезд, одели всех в роскошные одежды, потом с великой честью и почетом препроводили всех в джанвас.² Потом, всех накормив и напоив, царь Рукма проводил их в павильон для брака, и выдал внучку ту свою он по ведийскому закону за внука Кришначандры. А сколько всякого добра он дал в приданое, я не могу и рассказать".

Поведав это сказание, шри Шукадэва джи сказал: "Махарадж! Когда исполнили все брачные обряды, в джанвас пришел царь Бхишмак. Сложивши поднятые руки, он со смирением сказал шри Кришне джи в строжайшей тайне: "Махарадж! Окончилось бракосочетанье, и это радость для всех нас. Теперь благоволи подумать о скорейшем возвращении обратно, так как

Цари, которых Рукма в дом позвал на брак,
Пришли, злодеи, с мыслью Кришну покарать.
Боюсь, как не стряслось бы ссоры здесь какой.
Я посему, Мурари, вижусь здесь с тобой".

Едва царь Бхишмак удалился, как вдруг к шри Рукмини пришел царь Рукма.

Шри Рукмини вскричала, брату говорит:
"Как нам теперь уехать, как теперь нам быть?
Пожаловали в гости недруги-цари,
Ты сам сюда позвал их, все друзья твои.
Коль ты, мой брат, добра нам хочешь от души,
Скорее снаряди нас, нас ты проводи.
Не то, быть может, из добра недоброе родится".

Услышав это, Рукма молвил: "Сестра, ты не тревожься ни о чем. Сначала я пойду и отпущу всех тех царей, которые из разных стран пожаловали в гости, потом исполню все, что ты мне повелишь". Сказав так, Рукма встал и удалился. Когда же он пришел к царям, которые к нему пожаловали в гости, они все в один голос закричали: "Рукма! Ты Кришну с Баларамом наградил богатством, всяческим добром, они ж из гордости великой внимания тебе не оказали! И, первое, нам больно за тебя; второе, до глубины души нас уязвило то, что Баларам тебя унизил".

¹ Один из близких друзей царя Рукмы.

² Дом, где останавливаются свадебные гости.

Махарадж! Услышав это, Рукма в ярость лютую пришел. Тогда Калинга-царь сказал: "Я кое-что придумал. Коль ты велишь, то я скажу". Рукма сказал: "Говори". Тогда сказал он так: "Нам со шри Кришной делать нечего. Ты позови-ка Баларама, мы с ним сыграем здесь в чаупар¹ и отыграем все богатства! И за его неслыханную гордость мы обдерем его, как липку". Когда Калинга-царь сказал так, Рукма встал, ушел, подумал и, к Балараму джи отправившись, сказал: "Махарадж! Цари велели кланяться тебе, зовут тебя играть в чаупар".

Услышав, Балабхадра прибыл скоро к ним,
Цари пред ним все встали, голову склонив.

Тогда с великою учтивостью цари все обратились к Балараму джи: "Большой искусник ты играть в чаупар, поэтому нам хочется немного здесь с тобою поиграть". Сказавши так, они велели принести чаупар и разостлали. Царь Рукма с Баларамом начали игру. Когда царь Рукма десять раз уж выиграл, он обратился к Балараму джи, сказав: "Ты проиграл уж все свое добро, на что ж. теперь играть ты будешь?" Тогда Калинга-царь сказал вдруг злую шутку и расхохотался. Увидев это, Баладев джи, опустив в печали голову, задумался. Тогда-то Рукма царь зараз поставил десять крор рупий. Когда же Баларам джи выиграл и все забрал, все в пререкания вступили и сказали: "Ведь пханса² выпала то Рукмы, зачем же заграбаешь деньги ты?"

Услышал Баларам джи, все царю отдал,
Поставил сам он арбу,³ Рукма проиграл.

И снова Халадхар джи выиграл, а Рукма проиграл. Тогда, подняв вдруг страшный крик, цари признали все, что Рукма выиграл, и все вдруг закричали:

"До тонкости все ходы, всю игру в чаупар
Я знаю", — так всем нам здесь ты, мужик, сказал.
А вышло, что цари лишь тонкости все знают,
А пастуки-то только в телках понимают".

Как только Баладев джи услышал их речи, в нем поднялась такая ярость, как волны в море в полнолуние. Хотя с большим трудом, все ж Баларам джи поборол свой гнев и, успокоившись, вновь поставил он семь арбов рупий и продолжал игру в чаупар. И снова Баларам джи выиграл, а все тут с явной наглой ложью закричали: "Рукма выиграл". Когда сверши-

1 Разновидность игры в кости.

2 Игральная кость.

3 Один миллиард.

лося такое беззаконье, с небес раздался голос: "Шри Халадхар джи выиграл, а Рукма проиграл. Цари! Зачем вы говорите ложь?" Махарадж! Когда царь Рукма и все тут бывшие цари пренебрегли тем голосом с небес, тогда-то Баладева джи, придя в великий гнев, сказал:

"Вступил в родство ты с нами, не забыв вражды,
И снова затеваешь ссору с нами ты.
Тебя убью, злодея, за твои дела.
Да не питает гнева Рукмини, сестра.
Теперь не стану слушать больше никого,
Жизнь отниму у плута. Что жалеть его?"

Рассказав это сказанье, шри Шукатова джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Сказав так, Баларам джи на глазах у всех убил тут Рукму и, повалив Калингу, стал он кулаками бить и выбил зубы все злодею, и сказал: "Ты хохотал здесь во весь рот. Потом, побив царей и обратив всех в бегство, Баларам джи пошел в джанвас к шри Кришначандре, рассказал ему там обо всем, что с ним случилось.

Узнав об этом, Хари со всем поездом своим отправился оттуда. Ехал-ехал он и, наконец-то, счастливо, благополучно прибыл в Дварку. Когда вернулся он, весь город был охвачен радостью. Во всех домах настал великий праздник. Шри Кришначандра с Баларамом джи, представ пред Уграсеной, сложивши поднятые руки, так сказали: "Махарадж! Мы силою твоих святых заслуг брак Анируддхи заключили; великого злодея Рукму мы убили".

Так гласит глава шестьдесят вторая — "Брак Анируддхи. Умерщвление Рукмы" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXIII. СОН УШИ.¹ ЗАКЛЮЧЕНИЕ АНИРУДДХИ

Шри Шукатова джи сказал: "Махарадж! Коль Дварканатх² пошлет мне силу, то я тебе поведаю сказание о похищении Уши, о том, как Уша в час ночной во сне увидела вдруг Анируддху джи, как привязалась к нему и тосковала, как Читралекха³ к ней доставила вдруг Анируддху джи и их соединила. Об этом обо всем я поведаю рассказ, ты прилагай внимание и слушай.

В роду у Брахмы джи родился первым Кашьяпа. У Кашьяпы был сын Хираньякашипу, могучий и преславный, и бессмертный. А у него родился сын Хираньяджа, который,

¹ Дочь царя Банасура, впоследствии супруга Анируддхи, внука Кришны.

² Владыка Дварки; одно из имен Кришны.

³ Подруга царевны Уши, обладающая магической силой.

возлюбивши Господа, был назван шри Прахладом. И у него был сын Вирочан-царь, а у Вирочана был могучий сын царь Бали. И по сей час на всей Земле все знают славу, справедливость Бали: Господь наш, принявши пятьдесят вторую (Число Аватар Вишну в различных вишнуитских книгах указывается разное — то 10, то 24, то 60 и больше.) Аватару, хитростью своей послал в ад Бали. Старшим сыном Бали был Банасур — могучий и прекрасный, и высокославный. Он поселился в Шронитпуре. Он неизменно посещал Кайлаш и совершал там пуджу Шиве, соблюдал обет священный брахмачарья (Ученик. Приступая к ученью, в давние времена брахмачарья принимал на себя ряд обетов, а именно: воздерживаться от спиртных напитков и мяса, от благовоний и сладостей, от половых сношений, от пения и плясок и т.д. Он был обязан питаться милостыней, которую подают добродетельные люди, причем часть милостыни поступала к учителю. Спать ученик был обязан на голой земле и т. д.), был правдив и страсти укротил свои. Махарадж! Однажды царь Банасур, отправившись в Кайлаш и совершив там пуджу Харе, вдруг пришел в восторг душевный, опьяненный силою любви великой к Хари, и, играя на мриданге,¹ стал плясать и петь.

Услышав ту игру и пение его, шри Махадев, владыка всех немудрых, Бхаланатх, пришел в восторг, взял Парвати и стал плясать, играть на дамру.² Плясал-плясал там Шанкар³ и, исполненный блаженства, просветлевший, призвал к себе Банасура и так сказал ему:

“Ты хорошо играл здесь, песни распевал.

Тебя я слушал, слушал, слух свой услаждал”.

Махарадж! Услышав это слово, Банасур, сложивши поднятые руки, склонив свою голову, с смирением великим молвил: “Владыка милосердный! Коль ты так милостив ко мне, то ты сперва благоволи меня бессмертным сделать, сделай ты меня царем земли всей. Потом благоволи меня таким могучим сделать, чтобы никто не мог меня осилить”. И Махадев сказал: “Я этот дар даю тебе. Я делаю тебя бесстрашным, от страха всякого свободным. Никто во всех мирах не будет обладать такою силою, как ты. И сам творец не сможет подчинить тебя.

Прекрасно ты играл здесь, долго не смолкал.

1 Разновидность большого барабана, в котором середина шире, чем части, обтянутые кожей.

2 Бубен; один из атрибутов Шивы.

3 Одно из имен Шивы.

Ты высшее блаженство мне доставил вдруг.
Высокую я радость сердцем испытал,
И я тебе в награду тысячу дам рук.

Теперь ты отправляйся в дом свой и живи там беспечно, и царствуй нерушимо". Махарадж! Услышав это слово из уст владыки всех немудрых Бхоланатха и получивши тысячу могучих рук, Банасур, просветлев от радости, склонив свою голову и обхождение совершив, простился. С соизволения Махадева он вернулся в Шронитпур. Потом он победил три мира и подчинил себе все божества; прорыл вокруг города глубокий ров с водой, построил крепость с огненным ужасным ветром и, освободившись от страха, стал счастливо царством править. Но вскоре

Без боя снова сила поднялась в руках
И просится наружу, рвется на врага.
И говорит Банасур: "С кем мне в бой вступить?
И на кого походом мог бы я пойти?
Какой недуг тяжелый давит на меня!
С кем душу отвести мне, силушку унять?"

Сказавши так, Банасур вышел из дому, стал горы низвергать, ломать и разбивать, стал странствовать по разным странам. Когда он сокрушил все горы и даже не унялся зуд в его руках, тогда

Бан¹ говорит: "Ну с кем же мне теперь сразиться?
Ведь у меня столь рук, не знаю, что мне делать с ними!
Как вынести мне бремя силушки в руках?
Пойду опять я к Харе выхода искать".

Махарадж! С такими мыслями в душе Банасур много-много сильный пошел к шри Махадеву джи и перед ним предстал. Сложивши поднятые руки и склонив голову, он молвил: "Владыка трех миров! Ты, держащий в своей руке трезубец.² По милости своей ты даровал мне тысячу могучих рук, они легли мне тяжестью на тело. И не могу я совладать теперь с их силой. Благоволи мне дать какое-либо средство против этого. Благоволи мне указать кого-нибудь могучего, с кем мог бы я вступить в борьбу! Я в трех мирах не вижу никого столь сильного, чтоб мог вступить со мной в борьбу он. И так как ты, по милости своей, мне силу дал необычайную, благоволи ж мое желание исполнить: сразись со мной, не то благоволи мне указать кого-нибудь, кто силою великой

¹ Краткая форма имени Банасура.

² Трезубец является одним из атрибутов Шивы.

обладает, чтобы я мог бороться с ним, прогнать печаль души своей”.

Рассказав это сказанье, шри Шукладев сказал: “Махарадж! Услышав эти речи сильного Банасура, шри Махадев джи, оказавшись в затруднении, сказал себе в душе: “Я почитал его святым и потому такой дал дар ему, а он теперь явился драться, вишь, со мной. Глупец лишь возгордился силою своей. Теперь ему не слобровать. Кто гордость возымел, не долго проживет на свете”. Так Махадев сказал себе в душе. Потом он молвил: “Банасур! Ты не печалься. Уж скоро в мир придет могучий воин, который поведет с тобой борьбу: в роду у ядавов шри Кришна примет Аватару. До той поры и в трех мирах не будет никого, кто б мог с тобой бороться.” Услышав это слово, Банасур с радостью великою в душе сказал: “Владыка! Когда же примет Аватару муж тот, и как узнаю я о том, что он уже родился?” Царь! Шри Шива джи Банасуру дал знамя и сказал: “Возьми его и водрузи его ты над дворцом своим! Когда же этот стяг сломается и сам собою упадет, то знай — твой враг родился”.

Махарадж! Когда шри Шанкара ему сказал и объяснил, Банасур взял то знамя и, склонив свою главу, отправился в свой дом. Придя домой, он водрузил то знамя над своим дворцом и каждый день следил за ним и думал: “Когда ж тот муж родится и я смогу вступить с ним в бой?” Прошло немало лет, и главная его царица Банавати зачала. Когда исполнились дни, то родилась дочь. Тогда Банасур-царь, призвав к себе астрологов и посадив их, так сказал: “Вы нареките имя девочке, скажите мне, какую будет дочь моя”. Услышав это слово, астрологи немедленно определили год и месяц и половину месяца, день лунный, солнечный день, час, минуту и положение луны и положение солнца и, дав царевне имя “Уша”, так сказали: “Махарадж! Царевна эта будет кладезь красоты, талантов и нрава доброго. Так говорят ее планеты и приметы”.

Услышав это слово, Банасур-царь пришел в большую радость, и, щедро одарив астрологов, он отпустил их. Потом призвал он музыкантов и устроил пир. Потом, чем больше возрастала дочь, тем более любил ее Банасур. Град Шронитпур был недалеко от Кайлаша, и потому, когда семь лет исполнилось Уше, ее отец послал ее с подругами, подружками туда учиться к Шиве и шри Парвати. Царевна Уша джи, почтив Ганешу и Сарасвати, пошла к шри Шиве и Парвати. Сложивши поднятые руки, склонив свою главу, она с любовью сказала так им: “О милосердия моря, о Шива, Гаури! Благоволите сделать милость мне, благоволите дать своей рабыне дар науки и получите славу в мире!” Махарадж! Услышав от нее смиренную мольбу, шри Шива

с Парвати джи с радостью царевну обучать принялись. И каждый день она ходила и училась. Прошло немало дней, и Уша, все шастры изучив, в науке преуспела и научилась играть на разных инструментах. Однажды Уша с Парвати вдвоем играли на прекрасных лютнях и стройно пели. И вдруг пришел к ним Шива джи, и так сказал он Парвати: "О милая! Я снова возродил у Кришначандры Камадева, которого когда-то сжег". Сказавши так, шри Махадев, взяв Гириджу (Одно из имен Парвати, супруги Шивы. Буквально значит "рожденная горой", так как, согласно легендам, Парвати является дочерью Хималаев.), пошел на берег Ганги и, омывшись, искупавшись в воде и возжелав блаженства, стал с великой лаской и любовью одевать и украшать свою супругу Парвати джи и ласкать ее. Охваченный восторгом и блаженством, он стал играть на дамру, плясать тандав¹ и стройно петь по всем законам шастры. Так Шива услаждал свою супругу Парвати и обнимал ее с великою любовью. В то время Уша, счастье и любовь шри Шивы с Гаури, созерцая и возымев желание с супругом слиться, сказала так себе в душе: "О, если б был и у меня любимый, и я бы забавлялась с ним, как Шива с Парвати! Но без супруга красавица теряет всю свою красу, как ночь без месяца".

Махарадж! Как только Уши так себе в душе сказала, то проникающая в сердце Парвати святая, познав все сокровенные те мысли Уши, с великою любовью подозвала ее к себе и ласково сказала: "Дочка! Ты не кручинься ни о чем. Супруг твой явится к тебе во сне. Ты разыщи его потом и наслаждайся с ним блаженством". Дав дар такой царевне, супруга Шивы отпустила Ушу. Царевна, изучивши все науки и получив великий дар, простерлась перед Парвати джи и вернулась в дом отца. Отец дал ей для жительства особый прекраснейший дворец. Она взяла с собою нескольких подруг и поселилась там, и стала с каждым днем расти.

Махарадж! Когда двенадцать лет исполнилось царевне, то, увидав красу луны ее лица, лишился блеска месяц в полнолуние. Пред черной тьмой ее волос поблекла тьма безлунной ночи; а завитки тончайшие на голове ее увидев сжали, змея, покинув шкуру, убежала. Бровей изгибы увидав, затрепетал сам лук. Увидев дивную игру ее огромных глаз, газель и рыба с трясогозкой застыдились. А носа красоту увидев, завял цветок прекрасный тилы (кунжут). При виде красоты ее прекрасных губ, загоревал плод бимбы (плоды этого растения отличаются ярким красным цветом). Когда гранат увидел сам зубов ее прекрасные ряды, то у него вдруг разорвалось сердце. Увидев нежность щек ее, там не посмела

¹ Экстатический танец Шивы и его последователей.

распуститься роза. Округлость шеи увидав, все голуби в унынье впали. Сосцы груди ее увидев, почки лотоса свалились в пруд. А стройность стана увидав, сам лев ушел на жительство в леса. Увидев бедер совершенство, сам кела (банан) скушал камфару (т. е. принял яд). Увидев тела дивный цвет, смутилось золото само и застыдилась чампа.¹ Перед ее руками и ногами лотос потерял высокий сап свой. И юная красавица, с походкою слона² и с голосом кукушки, такую дивною красую юности блистала, что затмевала красоту их всех.

Однажды эта юная красавица, покрыв все тело мазью благовонной, смыв с него всю грязь кристально чистой водою, волосы свои убрала и, разделив пробором, заполнила его прекрасной ниткой жемчуга; анджам³ пустила в очи, почистила прекраснейшие зубы, покрасила прекрасным красным лаком миханди (Лавзония. Высушенные и обращенные в порошок листья этого растения, смешанные с экстрактом из акации катеху, употребляются для изготовления пасты, которою женщины красят свои ладони и подошвы ног в красновато-оранжевый цвет. Этой же пастой мужчины красят себе бороды.) и пожевала бетель. Потом она потребовала украшения свои, усеянные драгоценными камнями, и одела шишпхул,⁴ бена, бенди, банхи, дхери, чавдани, чхара, гаджмотинатх, бхалка, латкан, джугну, гухи в две нити жемчугов, чандрахар, моханмал, панчлари, сатлари, дхукдхуки, бхуджбанд, нортан, чури, навчари, канкан, кольцо, мундри, чхалла, чхап, кинкини, джехар, гуджар, анватх и бичхуа. Одела дивную блестящую свободную гхагхру с каймой из лучших жемчугов и сари с расшитой каймой и краями, одела дивный лиф; поверх накинула блистательное покрывало и окропилась благовонными духами. В таком нарядном виде, с улыбкою веселой на устах, она с подружками пошла приветствовать отца и мать, прекрасная как Лакшми. Когда царевна Уша джи, представ пред ними, сделала земной поклон и встала, Банасур, увидав всю прелесть юности ее, сказал себе в душе: "Она пришла уж в брачный возраст" и отпустил ее. Потом послал он ракшасов всемерно охранять ее дворец и нескольких ракшасини⁵ присматривать за ней. Они отправились туда и стали жить там, соблюдая бдительность великую все восемь страж, а ракшасини стали ей служить.

1 Дерево; его душистые цветы отличаются своим нежным желтым цветом.

2 Т. е. со стройной величественной походкой.

3 Коллирий, который пускается в глаза и веки для блеска и красоты.

4 Названия различных женских украшений.

5 Женщин-демонов.

Махарадж! Царевна Уша джи для получения супруга ежедневно совершала жаркие моления, дары давала и обеты соблюдала и совершала пуджу Парвати. Однажды Уша, окончив все свои домашние дела, одна лежала ночью на своем прекрасном ложе и размышляла так в душе: "Хотела бы я знать, когда отец устроит брак мой и как я встречу жениха". Сказавши так и погрузившись в мысли о супруге, она уснула. И что ж она во сне вдруг видит? Стоит перед ней прекрасный юноша — облакоцветный, лотосоглазый, дивной красоты, как воплощение бога красоты, или сам Мохан, одетый в желтый шелковый наряд, с короной из павлиньих перьев, слегка склонившийся всем телом, блистая красотой своей; весь в украшениях, усыпанных камнями драгоценными, в серьгах прекрасных в форме макара, в гирлянде из лесных цветов, в прекрасном ожерелье гунджахар (ожерелье из мельчайших драгоценных камней, по своей величине не превосходящих мелкие семена гунджа) и в желтом шелковом плаще — и каждый мускул в нем играет.

Царевна, увидав его, охваченная чарами его, в смущенье голову склонила. А он повел любовные с ней речи и прсумножил тем ее любовь. К ней подошел он, взял, обнял ее, заставил позабыть свои душевные сомненья, мысли и заботы. Потом они, когда рассеялись взаимное смущенье и боязнь, уселись на ложе. Друг другу расточая ласки и взглядами любовными даря, сливаясь в объятьях, поцелуях, взаимно одаряли, получали счастье и, утопая в наслажденье, любовные вели друг с другом речи. Но вот, когда чрез несколько мгновений Уша захотела приласкать его, к своей груди прижать супруга захотела, то с глаз ее сошел вдруг сон. И как она простерла руки, чтоб друга встретить, так и застыла вдруг с глубокой болью.

Проснулась Уша, в сердце горькая печаль;

Наполнились грустью сердце и глаза.

"Куда ушел супруг мой, жизни господин?"

Вокруг с любовью смотрит: "Как его найти?"

Задумалась Уша: "Где его найти?"

Как вновь его увидеть, душу отвести.

Пока я здесь сегодня крепко так спала,

Не думал вовсе милый от меня бежать.

Я милого хотела к сердцу уж прижать,

Как вдруг, совсем неожиданно, он с глаз убежал.

Едва проснулась, ночка обратилась в смерть.

Когда ж, родная, будет для меня рассвет?

Без милого и жизнь-то для меня не жизнь!

Когда не видишь, лучше очи уж смежить.

Хотя б словечко уши услышать хотят.

Куда ушел ты, милый? Счастье дай узнать!
О, если б милого мне снова увидеть!
Ему могла б с рукою жизнь свою отдать".

Сказав так, Уша погрузилась в печаль и с мыслью о любимом к ложу подошла, легла, накрылась с головой. Когда ночь миновала и заря пришла и полторы уж стражи дня прошло, тогда ее подружки стали говорить: "Что ж это значит, уже так поздно, а Уша спит еще, не встала". Услышав это, Читралекха, дочь главного советника Банасура Камбханда, пошла в ее расписанный покой, и что ж она там видит? На ложе под прекрасным балдахином — с убитой душой, с уныньем в сердце — лежит царица Уша без движения и горько плачет, глубоко вздыхает. Увидев вдруг ее в таком великом горе,

В волненье Читралекха Уше говорит:
"Скажи, подружка, что же у тебя болит?
О чем же ты горюешь, деточка моя?
Как ты упала в море горя! Вся в слезах!
Все плачешь и вздыхаешь тяжело здесь одна.
Как извелась вся ты! Чья же в том вина?
Я твои страдания все с души возьму.
И все дела устрою. Сердце я уйму.
Таких, как я, немного у тебя подруг:
Я многое умею. Верь мне, милый друг!
Все три великих мира обойти могу,
Куда бы ни пошла я, всюду помогу.
Давно мне дар великий Брахма даровал:
Все подчинил мне Брахма, дал над всем мне власть.
К тому ж со мною вместе Шарада¹ живет,
Я сделаю, что хочешь, силою ее.
Я знаю заклинанья: стоит их сказать,
Как Брахма, Рудра, Индра подпадут под власть.
Никто не знает тайны, силы всей моей,
Свою печаль, все горе расскажи скорей!
Тебе помочь не может так никто другой,
Какой бы он там ни был — добрый или злой.
Скорее расскажи мне всю твою печаль,
Как провела ты ночь? С этого начать!
Подружечка (не нужно крыться от меня)!
Ведь все твои надежды, все исполню я".

Махарадж! Услышав это, Уша застыдилась, опустила голову и, подбежав вдруг к Читралекхе, ласково сказала: "Подружечка! Я знаю, ты желаешь мне добра. Я обо всем,

1 Одно из имен Сарасвати и Парвати.

что ночью было, расскажу тебе. Все сохрани в своей душе, и если можешь мне помочь, то помоги. Сегодня ночью мне во сне явился юноша — облакоцветный, лунноликий, лотосоглазый, одетый в желтый шелковый наряд, в плаще из шелка желтого. Ко мне он подошел и сел, он проявил ко мне великую любовь и завладел моей душой. И я сама, забыв свое смущение, вступила с ним в беседу. Мы долго говорили, говорили, и наконец, когда во мне проснулась любовь, я за руку его хотела взять, но в это время сон прервался; но образ обольстительный его остался в мыслях у меня.

Я не слыхала, чтобы был такой другой,
И как мне рассказать тут, как сказать какой?
И красоту его всю можно ль описать?
Похитил и унес он сердце ночью, тать.

Когда на Кайлаше науку изучала я у Махадева джи, тогда шри Парвати сказала мне: "Супруг твой явится тебе во сне, ты отыщи его". Сегодня ночью мне во сне жених явился, но где же мне его искать? Кому о боли от разлуки с ним мне рассказать? Куда идти? И как искать? Не знаю я ни имени его, ни где живет!" Махарадж! Когда царица Уша так сказала и, глубоко вздохнув, как бы застыла, то Читралекха молвила: "Теперь ты не кручинься больше ни о чем. Где б ни был милый твой, я всюду отыщу его и приведу к тебе. Ведь мне доступны все три мира. Где б ни был он, проникну всюду, не сомневайся, приведу. Скажи мне имя лишь его и дай мне разрешение отправиться немедленно в путь". И Уша молвила: "Подружка! То о тебе должно быть говорят: "Проплакала всю ночь, ни разу не вздохнула". Ведь если бы я знала имя, да где он проживает, тогда зачем бы горевать? Коль не одно, другое бы придумала я". Услышав это, Читралекха ей сказала: "Подружка! Ты не кручинься и об этом. Я нарисую здесь тебе всех юношей всех трех миров и покажу. Когда увидишь среди них того, кто сердце у тебя похитил, ты скажи скорее мне. А привести его, вручить тебе — мое уж дело". Тогда-то, засмеявшись, Уша ей сказала: "Очень хорошо".

Махарадж! Едва успела Уша так сказать, как Читралекха потребовала все для рисования, села на сиденье и, почтив Ганешу с Шарадой и вспомнив Гуру своего, усердно принялась писать. Сначала Читралекха здесь изобразила ей три мира,¹ четырнадцать бхувана,² семь материков и девять

¹ Т. е. небо, землю и подземный мир.

² Четырнадцать миров, так как, согласно Пуранам, всех миров четырнадцать.

всех частей Земли. Всю Землю, Небеса, семь океанов, миров всех восемь, рай Вайкунтху. Изобразила все и показала ей. Затем она ей написала и показала на картине: девы, данавы, гандхарвы, киннары, якши, риши, муни, локапалы, дикапалы и все цари всех стран. Всех их она писала, показывала ей. Но Уши не нашла среди них желанного. Тогда-то Читралекха стала рисовать, показывать ей всех юношей из рода Яду. Едва она успела Анируддху написать, как Уша закричала:

“Теперь нашла я вора сердца своего,
Он ночью мне являлся. Знаю я его.
Теперь найди, подружка, средство отыскать,
Ищи его повсюду. Милая, достань”.
Услышав, Читралекха молвила в ответ:
“Куда ему укрыться? Твой он, твой теперь”

Сказав так, Читралекха продолжала: “Подружка! Ты его не знаешь, а я-то узнаю. Он внук шри Кришначандры джи из рода Яду, сын Прадьюмна джи. Его я знаю имя. Это — Анируддха. На острове, далеко, в океане есть город Дварка. Он там живет. По повелению Хари джи все восемь страж сударшанчакра охраняет этот город, чтоб никакой злодей, иль дайтъя, не мог в него проникнуть и ядавов спокойствие нарушить. И кто б ни захотел проникнуть в город, никто туда войти не смеет без позволения Уграсены или Шурасены”.

Махарадж! Услышав это, Уша очень опечалилась и сказала: “Подружка! Коль это страшное такое место, то как же ты туда проникнешь, как приведешь ко мне любимого?” Читралекха ей сказала: “Сестрица! Об этом-то ты не тревожься. Я силой Хари приведу, отдам тебе владыку твоего дыхания!”

Промолвив это, Читралекха джи надела платье с именами Рамы, на лбу нарисовала тилак урдхвипундру¹ из гомичандана,² сделала такой же знак и на груди, на голове, на шее. Потом она накинула большой венок из туласи; в руку же она взяла прекраснейшие четки из больших алмазов; покрылась сверху хиравалом,³ скамеечку взяла под мышку, книгу Бхагавадгиту⁴ и, приняв вид благочестивой вайшнави,⁵ простилась с Ушей и отправилась в Дварку, так сказавши Уше:

1 Вишнунитский тилак, т. е. знак секты; он имеет форму прямой вертикальной линии.

2 Разновидность желтой глины, употребляющейся вишнунитами для изображения тилака. Глина эта добывается из одного из озер близ г. Дварки в Гуджарате.

3 Нитка алмазов.

4 “Бхагавадгита” — один из древнейших литературных памятников вишнуизма и почитается всеми сектами его. “Бхагавадгита” входит в состав “Махабхараты”.

5 Последовательница вишнунитской религии.

“Теперь воздушными путями по небесам я полечу,
Я приведу к тебе супруга, ведь Читрою¹ меня зовут!”

Поведав это сказанье, шри Шукалева джи продолжал:
“Махарадж! И силою своей великой Майи Читралекха села на воздушного коня и темной ночью вместе с темным облаком в одно мгновение в Дварку перекинулась. Как молния, она блеснула и проникла во дворец шри Кришначандры так, что ни одна душа не догадалась, как она вошла. Она искала там, искала, наконец пришла туда, где спал на ложе Анируддха джи один и забавлялся с Ушей во сне. Увидев Анируддху джи, она все ложе с спящим подняла и сразу же отправилась обратно.

И вместе с дивным ложем спящего взяла,
И с ним назад помчалась, к Уше понесла.
Взяв Анируддху, Читра вновь пришла туда,
Где Уша все сидела с грустью на глазах.

Махарадж! Увидев Анируддху вместе с ложем, Уша бросилась в смущении к ногам могучей Читралекхи, потом сказала так: “Благословение тебе, благословение, подружка, смелости твоей и силе! Ты в место трудное такое вмиг слетала, в одно мгновение с ложем принесла его, исполнила все обещание свое. Такой великий труд ты на себя взяла. Но отплатить тебе за это я не в состоянии. Я остаюсь должницею навек”. И Читралекха ей сказала: “Подружка! Коль в мире радость есть, то только в том, чтоб ближнему дать радость. И хорошо лишь то, что может ближнему дать радость. Нам это тело бесполезно, но если им мы можем ближнему служить, тогда оно становится высокоценным. Лишь в этом благо личное и благо высшее”. Махарадж! Промолвив это, Читралекха продолжала: “Подружка, я силой Господа доставила тебе любимого. Теперь ты разбуди его, желание свое исполни”. Сказав так, Читралекха джи простилась с Ушей и отправилась домой. Когда же Читралекха удалилась, Уша, радостная, застыдилась. Страшась первой встречи с ним, она себе в душе сказала так:

“Что милому сказать мне, как тут разбудить?
Как мне его обнять здесь, как прижать к груди?”

Потом она взяла свою чудеснейшую лютню и тихо, нежно заиграла. Услышав вдруг звук лютни, Анируддха джи проснулся, и, посмотрев вокруг себя, он так сказал себе в душе: “Какое ж это место? Чей сей дворец? Как я сюда попал и кто меня принес так, спящего на ложе?” Махарадж!

¹ Краткая форма имени Читралекха.

Тогда прекрасный Анируддха джи такие речи долго вел и изумлялся. А Уша, полная смущения, страшась первой встречи, стояла в уголке, смотрела на луноподобный лик любимого и радовала чакоры своих очей. И вдруг

Увидел Анируддха, ей сказал в волненье:
"Красавица, скажи хоть слово о себе мне:
Прекрасная, кто ты, и как ко мне пришла?
Иль как меня сюда ты вдруг перенесла?
Не смешивай же с ложью правду заодно!
Мне кажется, что вижу только чудный сон".

Махарадж! Когда сказал так Анируддха джи, то Уша не дала ответа, пуще прежнего она тут застыдилась, забилась в уголок. Тогда он вдруг схватил ее за руку, привел и посадил на ложе, повел любовные с ней ласковые речи, рассеял все ее смущение и страх. Потом они вдвоем уселись на ложе, обменивались ласками, украдкой смотрели друг на дружку и, одаря счастьем друг друга, счастье испытали, ведя любовные беседы. И Анируддха джи спросил у Уши: "Прекрасная! Как ты увидела меня впервые, как ты потом меня доставила сюда? Открой мне эту тайну, чтоб не было недоумения в моей душе!" Услышав это, Уша, взглянув в лицо супругу, радостно сказала:

"Ты сам вчера явился, милый, мне во сне,
Унес мою ты душу, боль оставил мне,
Проснулась я — и в сердце тяжкая лишь боль.
Поведав Читралекхе, вспомнила все вновь.
Она тебя, владыка, принесла сюда,
Но как могла то сделать, мне то не узнать".

Промолвив это, Уша продолжала: "Махарадж! Теперь я рассказала все, как я тебя впервые увидела и как перенесла сюда. Благоволи теперь мне рассказать все о себе. Как ты меня увидел, повелитель ядавов?" Услышав это, Анируддха с радостной улыбкою сказал: "Прекрасная! И я сегодня ночью вдруг во сне тебя, царица, увидел. И вот во сне вдруг кто-то взял меня и перенес сюда. Но тайну этого я не постиг до сей поры, не знаю, кто меня принес. Как только я проснулся, здесь я увидел тебя".

Рассказав это сказанье, shri Шукалева джи продолжал: "Махарадж! Так милый с милою вдвоем между собою говорили. Потом, преумножая крепкую взаимную любовь, между собой вели различные любовные забавы и удалили всю печаль былой разлуки. Когда же Уша джи увидела, что бстель вкус утратил свой, жемчужные гирлянды ослабели, что ослабел в светильниках уж свет, она пошла и вышла

из покоя, и видит: уже заря настала, и лунный свет уж потускнел, промеркли звезды и небеса подернулись багрянцем; со всех сторон защебетали птицы; закрылись водяные лилии; дневные лотосы все расцвели, и чаква вновь играет со своей подружкой.

Махарадж! Увидя, что так поздно, Уша джи закрыла сразу же все двери и, обеспокоившись, вернулась в свой покой и, с нежной ласкою прижав к груди любимого, вновь прилегла. Потом она укрыла милого, и, спрятавши его от всех подруг, она ему служила. Но наконец о появлении Анируддхи все ж узнали все подружки. Тогда она и день и ночь вкушала наслаждения с супругом. Однажды мать царевны Уши джи пришла проводить дочку, и вдруг она тайком заметила, что Уша джи сидит в покое с юношей великой красоты и с упоением играет с ним в чаупар. Увидев это, мать ни слова не сказала никому, на цыпочках тихонечко ушла и, умиленная до глубины души, благословляя дочь, безмолвно возвратилась к себе.

А через несколько же дней однажды Уша, увидев своего супруга спящим, в смущенье вышла из покоя с мыслью: "Как не случилось бы так, чтоб люди, не видя вдруг меня нигде, не догадались, что я не выхожу из дома потому, что у меня супруг мой". Махарадж! Покинув своего любимого в чертоге одного, царевна Уша вышла, но не смогла всеж никуда пойти. Опять вернулась во дворец, закрыла двери и стала забавляться с милым. Заметив это, стражи стали между собою говорить: "Эй, братцы! Да что случилось, что царевна наша лишь раз за много дней вдруг вышла из покоев и сразу же вернулась обратно?" Услышав это, один из них сказал: "Братец, я много дней уж замечаю, что дверь дворца царевны Уши день и ночь закрыта. А во дворце какой-то юноша смеется и беседует с царевной, а иногда они играют в чаупар". Другой сказал: "Коль это правда, тогда пойди к Банасуру и доложи об этом. Как нам бездействовать, коль мы об этом знаем?"

Один сказал: "Об этом говорить нельзя,
Уж лучше вы останьтесь в стороне, друзья.
Что б ни случилось дальше, зло или добро,
Судьбы не обойдешь ведь: всем владеет рок.
Не нужно ничего нам говорить, друзья,
Сидите лучше смирно; так спокойней нам".

Махарадж! Так говорили между собой привратники. Как вдруг там показался сам Банасур со своею стражей. Взглянув

вдруг на дворец и не увидев стяга, который получил он от шри Шивы джи, он молвил: "Куда ж откуда стяг девался?" Привратники ответили: "Махарадж! Да он давно уже сломался и упал". Услышав это и вспомнив слово Шивы джи, обеспокоенный Банасур молвил:

"Коли упал внезапно этот дивный стяг,
То значит, что родился где-то страшный враг".

Когда слова такие вышли тут из уст Банасура, тогда один привратник вдруг предстал пред ним. Сложивши поднятые руки и склонив свою голову, он молвил: "Махарадж! Есть дело, но я сказать о нем не смею. Коль повелишь мне, я скажу". Банасур повелел: "Хорошо, говори". Тогда привратник молвил: "Махарадж! Благоволи простить мою вину. Уж несколько дней замечаю я, что во дворце царевны появился юноша какой-то, и он и день и ночь беседует с царевной. Но мы не знаем тайны, кто тот юноша, откуда он вдруг взялся и что там делает". Услышав это слово, Банасур в страшный гнев пришел, извлек свой меч, украдкою проник один он во дворец царевны, спрятался, и что ж он видит там? Какой-то юноша — облакоцветный, дивной красоты, в прекрасном желтом шелковом наряде, лежит и с Ушей спит глубоким сном.

Банасур так подумал, вздрогнув весь, в душе:
"Великий грех убить так спящего во сне!"

Махарадж! Подумав это в глубине души, Банасур стражу там поставил и повелел: "Как только он проснется, то немедленно дайте знать мне". Потом, вернувшись в свой дворец, собрал совет, всех ракшасов и так сказал: "Пришел мой враг. Немедля же собрать всю рать и окружить дворец царевны Уши. Я следую за вами". Меж тем как ракшасы по повелению Банасура явились и окружили вдруг дворец царевны, тут Анирудха с Ушею проснулись и принялись играть в чаупар. Играла так, играла Уша джи в чаупар, и что ж вдруг видит? Со всех сторон все небо облегли густые тучи страшные; сверкает молния; заквакали лягушки, запели вдруг павлины и папихи.¹ Махарадж! Услышав пение папихи, Уша обняла любимого и так ему сказала:

"Папиха, ты не пой так громко "пья-пья-пья":
В нем возгласы разлуки грозной слышу я"

¹ Вид кукушки.

Меж тем один из стражей сам пошел к Банасуру и так сказал: "Махарадж! Твой враг проснулся". Услышав слово "враг", Банасур в страшной ярости поднялся и, схватив свое оружие и меч и прибежав в прихожую дворца царевны Уши, там остановился, спрятался и стал подсматривать. Смотрел, смотрел и вдруг

Банасур закричал, как будто грянул гром:

"Эй, кто ты? Все сюда! Тут вор забрался в дом!

Облакоцветный, сердце он ее завлек.

Лотосоглазый, в желтом. Вот смотрите, вот!

Эй, вор! Что ж не выходишь ты ко мне сюда?

Удастся ль от меня-то, вор, бежать куда?"

Махарадж! Когда Банасур так вдруг закричал, то Уша с Анируддхой, услышав и увидев, омертвели. Тогда царевна нежная, с глубокою печалью, в страхе и вздыхая тяжело, так сказала милому: "Махарадж! Пришел отец с огромным войском из асуров. И как теперь тебе спастись от его руки?"

И с гневом Анируддха ей тогда сказал:

"Не бойся, о супруга, вытри же глаза.

Рать ракшасов, асуров, как шакалов стаю,

Я разобью в мгновенье, даже не устану".

«Промолвив это, Анируддха джи прочел из Веды мантру и потребовал дубину из скалы длиной в сто восемь рук, взял в руки, вышел, и, проникнув в рать асуров, грозно кинулся он Банасура. Когда он вышел, то Банасур взял свой лук, собрал всю рать и так обрушился на Анируддху джи, как может вдруг наброситься рой пел. Когда асуры все пустили в ход различное оружие, то Анируддха в гневě вдруг ударил несколько раз так своей дубиной, что все полки асуров разлетелися, как пыль, одни убиты, другие ранены, а те, кто спасся, обратились в бегство. Тогда пошел Банасур, всех собрал, привел, и вновь вступил он в бой. Махарадж! И сколько бы оружия асуры ни метали в Анируддху джи, оно рассеивалось всюду, и ничто не попадало в тело Анируддхи джи.

Что падало на тело Анируддхи джи,

Он пополам дубиной острою крошил.

Никто перед секирой устоять не мог:

Разит он, как перуном Сурапати бог.

Трещат, летят повсюду головы врагов,

Крошит он руки, ноги, бедра их кругом.

Когда в бою жестоком там один Банасур спасся, вся рать его была изрублена, тогда он, изумившись в глубине души, с словами: "Как победить непобедимого?" — сумел в полон взять Анируддху джи, накинув на него аркан".

Поведав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Когда Банасур, полонив арканом Анируддху джи, привел его в совет свой, то Анируддха джи так размышлял в душе: "Мне тяжело, это правда, но мне не подобает сделать ложным слово Брахмы. Коль я своею силою спасуся от аркана, то это будет для него бесчестьем, потому мне лучше все ж терпеть полон". Меж тем Банасур говорил ему: "Эй, мальчик. Я сейчас тебя убью. Коль есть какой-нибудь заступник у тебя, то призови". И в это время Уша джи, узнавши обо всем, что там случилось с милым, сказала Читралекхе: "Подружка! Проклятие моей всей жизни! Коль мой супруг в таком несчастье, как я могу спокойно есть иль пить, иль спать?" Но Читралекха ей сказала: "Да не кручинься ни о чем. Никто не сможет причинить здесь зла супругу твоему. Ну, успокойся. Ведь скоро уж сюда нагрянет Кришначандра с Баларамом джи и всей великой ратью ядавов. Они-то истребят всю рать асуров, освободят и увезут с тобою вместе Анируддху джи. Есть у него такой обычай: коль он прослышит о какой-нибудь красавице царевне, он так или иначе, силой или хитростью, да увезет ее. А Анируддха — внук его. Как он увез из Кундальпура Рукмини, дочь Бхишмака-царя, вступив в борьбу с могучим и высокославным Шишупалом, с Джарасандхом, так и тебя теперь он увезет. Ты не кручинься ни о чем". Уша сказала: "Я не могу перенести такого горя!

Арканом захватили милого в полон,
Пропитанная ядом петля жжет огнем.
Как я с спокойным сердцем буду отдыхать,
Супруга в муке видеть, здесь спокойно спать?
Коль мой супруг в несчастье, как я буду жить?
Зачем теперь мне кушать, как мне воду пить?
Банасура скорее нужно нам убить,
От всех других меня мой милый защитит.
Грядущее не в силах побороть никто.
Кто сможет предсказать нам, как случится что?
О, я не постыжуся ни людей, ни Вед:
Лишь с милым я познала счастье, бездну бед".

Махарадж! Когда царевна Уша, так сказавши Читралекхе, вдруг пришла к супругу, села, позабыв свой страх и все

заботы, то кто-то прибежал, сказал Банасуру: "Махарадж! Царевна вышла из дворца и к юноше тому пошла". Услышав это, Банасур подозвал немедленно Скандху, сына своего, и так сказал: "Мой сын! Свою сестру немедленно удали ты из собрания, уведи ее в ее дворец и удержи, не позволяй ей выходить".

И, получив веление отца, царевич Скандха подошел к сестре и в страшной ярости сказал: "Что ты наделала, бесстыдница? Забыла стыд людской и честь свою! Эй, подлая! Что мне, убить тебя? То будет грех, а я боюсь бесчестья!" Но Уши джи сказала: "Брат! Что хочешь, можешь говорить и делать. Он мой жених, которого мне даровала Парвати джи. Коль я теперь его покину, побегу к другому, то я себя навеки позором ведь покрою. Супруга своего покинуть может только женщина из черни, там издавна так повелось. И с кем творец нас в мире сочетал, не страшен с тем позор, коль он на милого упал!"

Махарадж! Услышав это, Скандха взял, схватил царевну за руку, увел ее оттуда во дворец и не позволил больше выйти. Потом он удалил и Анируддху джи и где-то в заключение посадил. Тогда и Анирудаха джи глубоко тосковал в разлуке с милою супругой, и Уша джи в разлуке с милым тосковала, отказавшись и от пищи и воды, терпела тяжкие мученья.

Немного дней прошло. Однажды Нарада джи муни к ним пришел туда. Сначала он пришел и успокоил Анируддху джи, сказав: "Ты не кручинься ни о чем. Шри Кришначандра, корень радости, и Баларам, обитель счастья, скоро поведут борьбу с врагами, ракшасами, они тебя освободят и увезут". Потом, отправившись к Банасуру, он так сказал: "Царь! Тот юноша, которого поймал арканом ты и заключил теперь, он внук шри Кришне, сын Прадьюмны джи, по имени — Анируддха. Ты сам прекрасно знаешь ядавов. Теперь поступай, как знаешь. К тебе пришел я лишь затем, чтобы предостеречь тебя; я это сделал". Услышав это, Банасур так сказал: "Нарада джи! Я знаю все!" И с этими словами он Нараду джи муни отпустил.

Так гласит глава шестьдесят третья — "Сон Уши. Заключение Анируддхи" — в "Прем Сагаре, сочиненном шри Дадлу Лалом.

Глава LXIV. ШРИ КРИШНА ДЖИ ВСТУПАЕТ В БОЙ С БАНАСУРОМ И ПОБЕЖДАЕТ ЕГО.

БРАК АНИРУДДХИ С УШЕЙ

Шри Шукрадева джи сказал: "Махарадж! Когда четыре месяца провел в плененье Анируддха джи, то Нарада джи прибыл в Дварку. И что ж он видит там? Все ядавы в великой скорби, все унылые, худые. Шри Кришна джи и Баларам печальные сидят среди них. Все говорят такие речи: "Кто же взял отсюда и похитил мальчика?" А во дворце царит плач и стенание такое, что никто не слышит никого. Когда пришел к ним Нарада джи, то все — все женщины и все мужчины — бросились ему навстречу, стали перед ним глубоко опечаленные, унылые, худые. Потом все со смирением великим, сложивши поднятые руки, склонивши головы свои, спросили Нараду джи так:

"Великий риши! Молви праведное слово!

Порадуй нас, о риши, жизнь даруй нам снова!

Что ты узнал? Какие вести получил?

Скажи, святой! Ведь больше ждать у нас нет сил!"

Услышав это, Нарада джи молвил: "Вы не кручиньтесь ни о чем и удалите скорбь из ваших душ. Ведь Анируддха джи и жив и невредим. Он в Шронитпуре. Отправившись туда, он наслаждался там с царевной, дочерью царя Банасура. За это царь поймал арканом Анируддху и посадил его в темницу. Он без борьбы никоим образом вам не отпустит Анируддху джи. Теперь я вам открыл всю тайну. Что делать дальше, вы подумайте уж сами".

Махарадж! Промолвив это, Нарада удалился. Потом все ядавы отправились к Уграсене и сказали: "Махарадж! Есть вести верные у нас, что Анируддха в Шронитпуре у царя Банасура. Он соблазнил царевну, дочь Банасура; за это царь поймал его и заточил. Что ты повелеваешь делать нам теперь?" Услышав это слово, царь Уграсена так сказал: "Берите все свои войска и отправляйтесь туда. Как бы там ни было, освободите Анируддху джи!" Махарадж! Когда такое слово мудрое сошло с уст Уграсены, все ядавы, взяв войско Уграсены джи, отправились с Баларамом джи. Шри Кришначандра и Прадьюмна джи, сев на гаруду, отправились в Шронитпур уж раньше".

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал: "Махарадж! Не поддается описанию красота того мгновенья, когда прекрасный Баларам со всею ратью Уграсены, с барабанным боем выступил из Дварки в Шронитпур. Шли вперед ряды слонов огромных, буйных, с дивными громад-

ными бивнями; за ними раздавался барабанный бой и развевались стяги и знамена; за ними новый строй слонов, несущих паланкины; за ними двигались, при всем оружии своем, все величайшие могучие богатыри, герои доблестные, ядавы, все в панцирях и в шлемах; за ними взорам представлялись колесниц ряды; а позади их двигались отряды всадников и кони их разнообразных мастей в прекраснейшем убранстве. Они то мерно двигались рядами, то останавливались, гарцевали, рыли землю копытами и рвались вновь вперед. И чараны, смешавшись с их рядами, пели славу, а харкхайты¹ своими песнями их ободряли к бою. Как тучи саранчи, за ними шла пехоты тьма в вооруженье всех родов — пхарин,² кханда, чхури, катары, джамдхар, барли, барчха, бхала, баддам, бана, пата, луки, стрелы, гада, чакра, пхариса, чанраси, ланхури, гупти, банк, биткул. В рядах их раздавались звуки дхаджа, доля, дапха, бансури, бхер, парсингов³; и стройные их звуки ободряли всех.

И до небес высоких ввысь вздымалась пыль,

Закрото ею солнце, землю мрак покрыл.

И чаква сам с чакавой порознь, словно в ночь

Любимые от милых не отходят прочь.

Все лотосы, раскрывшись, вновь закрылись вдруг.

Ночные звери бродят... словно ночь вокруг".

Рассказав это сказанье, шри Шукатова джи сказал: "Махарадж! Меж тем как Баларам джи с войском из двенадцати акшаухини так грозно двигался вперед, все разрушая на пути своем: все крепости и укрепления, и замки все Банасура, — и, разоряя всю страну, достигнув Шронитпура, соединился со шри Кришначандрой и Прадьюмной, к Банасуру в великом страхе прибежали люди и, сложивши поднятые руки, головы склонив, сказали: "Махарадж! Там Кришна, Баларам с своею ратью наступают. Они разрушили до основания все наши крепости и замки, укрепления. Со всех сторон уж обложили город. Что повелишь нам делать?"

Услышав их слова, Банасур разъярился. Созвав своих главнейших ракшасов, он так сказал: "Немедля соберите все войска, все выступайте за город и преградите путь шри Кришне с Баларамом. Я следую за вами". Махарадж! И, получив такое повеленье, асуры вмиг собрали рать — двенадцать акшаухини с оружием в руках расположились, готовые к сраженью, перед шри Кришною и Баларамом. А

1 Специальные певцы, ободряющие бойцов военными песнями.

2 Разные виды вооружения.

3 Музыкальные инструменты.

11 Легенды о Кришне

сам Банасур, совершив моление Махадеву джи, явился вслед за ними".

Шри Шукалева мунни далее сказал: "Махарадж! Когда помыслил он о Шиве джи, престол шри Шивы джи заколебался; и, пробужденный к мысли, он постиг: "Несчастье постигло вдруг того, кто предан мне. Немедля я пойду, рассею все его тревоги". Помыслив так в душе, Господь немудрых Бхоланатх джи отдал половину тела Парвати джи, косу завязал свою, посыпал пеплом, принял много бханга¹, ака² и дхатура³, одел свой шнур из белых змей; накинуд шкуру белого слона; потом одел он ожерелье из отрубленных голов, змею; взял свой трезубец, дамру, лук — Пинак⁴ и череп; сел на быка Нандию⁵, собрав всю рать свою, всех бхутов, претов, пищачей, дакини (Вид злых демонов в женском образе. Дакини, согласно легендам, являются слугами Сали (жестокая форма супруги Шивы) и питаются человеческим мясом.) шакини,⁶ бхутани⁷ претни,⁸ пищачни⁹, и прочих и выступил в поход. Не поддается описанию красота того мгновенья, когда, с серьгой из гаджамани (Жемчуг большого размера. Согласно верованиям индусов, лучшие жемчуга можно добыть из головы слонов.) в ухе, с луной на лбу и с Гантою на голове, с глазами, кровью налитыми, приняв страшный образ Махакалы¹⁰, он двигался вперед, играл и пел, а рать его плясала. Ту красоту лишь видеть можно было, но описать нельзя. И скоро Шива джи со всей своею ратью прибыл, наконец, туда, где с войском из асуров сам стоял Банасур. Увидев Хари джи, Банасур в радости сказал: "О, милосердия океан! Не будь тебя, кто мог бы вспомнить обо мне в такое время.

Твой дивный пыл, владыка, спалит супостата.

И как теперь род Яду может жив остаться".

Промолвив так, он продолжал: "Махарадж! Теперь творите все святую брань. И каждый становись лицом к лицу, борись". Едва такое слово вышло из дрожащих уст Банасура, как вдруг вся рать асуров двинулась вперед и стала в боевом порядке, и там навстречу им пришли и стали ядавы. И там

1 Конопля, гашиш.

2 Вид наркотика.

3 Дурман.

4 Название лука Шивы

5 Бык Шивы. Согласно Пуранам, он является сыном Кашьяпы и покровителем всех четвероногих. Нандия является одним из наиболее приближенных слуг Шивы, и Шива всегда ездит на нем. Перед храмами Шивы ставится изображение Нандии в виде снежно-белого быка.

6 Демоны в женском образе.

7 Жены бхутов, злых духов.

8 Жены претов, злых теней грешников.

9 Жены пищачей, упырей.

10 Буквально: "Великий-Страшный"; одно из имен Шивы.

и здесь вдруг зазвучали звуки музыки. Богатыри, герои-воины все взялись за оружие свое, а робкие, не-мужи, трусы, покидая поле брани, стали убегать, спасая жизнь свою.

В то время Шива джи в своем ужасном образе, как Махакала, лицом к лицу стал со шри Кришначандрой; Банасур против Баларама джи, а Скандха против шри Прадьюмны, и так один против другого стали все, и обе стороны пустили в ход оружие. В руках у Махадева лук Пинак, в руке у Ядунатха лук Саранг¹. Шри Шива джи пустил стрелу святого Брахмы, шри Кришначандра джи рассек ее мечом огромным Брахмы. Потом шри Рудра ветры буйные послал, их Хари жаром отогнал. Потом шри Махадев джи породил огонь, Мурари пролил дождь и погасил его и алая произвел великое, оно перебежало в войско Садаши-²ны, сожгло всем бороды, усы и волосы на голове и придало асурам страшный вид.

Когда огонь стал жечь войска асуров и вдруг раздался страшный вопль: "Спаси", тогда Господь немудрых Бхоланатх послал прокладу всем сожженным, обожженным ракшасам и бхутам, претам, пролив дождь, а сам, придя в великий гнев, схватил стрелу наранараяни, потом раздумав, отложил ее. Меж тем шри Кришна джи, пустив стрелу аласья,⁴ лишив рассудка всех, косить стал рать асуров, как косари, бывает, косят ниву. Увидев это чудо, шри Махадев, подумав про себя в душе, сказал: "Теперь не обойтись без пралайаддхи".⁵ А в это время Скандха на павлина сел, поднялся в небеса и стал оттуда стрелами своими осыпать всю рать шри Кришны джи.

Тогда Прадьюмна храбрый Хари говорит:

"Поднявшись на павлине, сверху он разит.

Коль повелишь, отец мой, я усилю бой,

Возьму свой лук могучий, их собью стрелой".

Когда сказал он это, Господь свое соизволение дал. Прадьюмна джи метнул стрелу, попал в павлина, и Скандха полетел на землю. Когда упал на землю Скандха, то Банасур в ярость страшную пришел и, взявши не один лук — целых пять, и в каждый лук вставляя по две стрелы, осыпал всех асавов дождем из стрел. Меж тем шри Кришначандра джи все продолжал косить. В тот час и там и здесь гремели мару, дхолы, дапхасы (разного вида барабаны); харкхайты песни распевали; из ран лились потоки крови, как фонтаны. Куда шла глянть — от крови все-все красно, словно от гулала

¹ Лук Вишну.

² "Неизменно-милостивый"; одно из имен Шивы.

³ Стрела, якобы обладающая безграничной мистической силой.

⁴ Стрела лениости, глупости, смертности.

⁵ Смертный бой, кончающийся гибелью.

(красный порошок, которым индусы посыпают вокруг домов во время весеннего праздника Холи). Повсюду бхуты; преты, пишачи, как скоморохи, тут сновали в образах ужасных и играли. Текли повсюду реки крови, как будто их раскрасили в великий праздник. Казалось, то не битва, праздник Холи (великий праздник индусов, соблюдающийся во время весеннего равноденствия) обе стороны справляют. И долго так шел бой, но наконец шри Кришначандра джи пустил стрелу так крепко, что с колесницы у Банасура слетел возница и кони в страхе подскочили. Когда погиб возница, то Банасур сам бежал, покинув поле брани; шри Кришна джи преследовал его".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал: "Махарадж! Услышав весть о бегстве сына, Катра, мать Банасура, немедля бросилась туда в ужасном образе. Нагая и с распущенными волосами, она предстала пред шри Кришначандрой джи и стала там вопить.

Увидев страшный образ, он закрыл глаза,
Спиною повернувшись, слушать вопли стал.
Тем временем Банасур от него бежал,
Созвал своих асуров, снова рать собрал.

Махарадж! Нагая Катра преграждала путь шри Кришне джи до той поры, пока Банасур, вновь собрав огромнейшие полчища свои, вернулся для борьбы. И снова выступил Банасур и учинил великий бой, но против Господа не мог он устоять, бежал вновь к Махадеву джи. Увидев близ себя Банасура в ужасном страхе, шри Шива джи пришел в великий гнев, призвал к себе он злую лихорадку и послал ее на рать шри Кришначандры джи. И вот она, великосильная, великим пламенем горящая, чей зной подобен зною солнца; трехликая, трехглазая, девятиногая и шестирукая, в ужасном образе своем обрушилась на рать шри Кришначандры. И от ее ужаснейшего зноя ядавы то пламенем горели, то дрожали вдруг всем телом. И наконец, в великой муке, в страхе ядавы пришли к шри Кришначандре джи и так сказали: "Махарадж! На нас напала лихорадка Шивы джи, всю рать она сожгла и погубила. Спаси скорее нас от ее руки, не то здесь не спасется ни один из ядавов". Махарадж! Услышав их слова и видя всех в ужасном страхе, Хари выпустил с холодным жаром лихорадку. Она набросилась на лихорадку Махадева. И, увидав ее, та устранилась и бежала и прибежала к Садашиве джи.

Сказала лихоманка Махадеву джи:
"Меня от лихорадки Кришны джи спаси".

Услышав этот вопль, шри Махадев сказал: "Никто во всей вселенной, кроме самого шри Кришначандры, не может укротить ту лихорадку страшную шри Кришначандры джи, а посему скорей беги ты к шри Мурари, благодетелю всех верных". Услышав слово Шивы и подумав, лихоманка бросилась к шри Кришначандре, корню радости, и, став перед ним, сложивши поднятые руки, с мольбою в страхе завопила: "О милосердья океан! О друг несчастных! Спаситель павших, милосердный к страждущим! Благоволи простить мою вину, спаси меня от лихорадки, созданной тобой!"

Ты — Брахмы и богов всех повелитель, бог.
Твоя, владыка мира, безгранична мощь.
Ты создал и устроил весь великий мир,
Весь мир — твоя лишь Майя, из тебя возник.
Теперь твою всю благость я постигла вдруг!
И знание осенило, о владыка душ!"

Услышав это слово, милосердный Хари молвил: "Коль ты пришла ко мне искать защиты, то ты останешься живой, не то тебе бы не спастись. Я отпустил тебе твою вину, но впредь моих поклонников, моих рабов не мучь. Так я тебе повелеваю". И лихорадка так сказала: "О милосердья океан! Кто слово это будет слушать, того уж ни холодная, ни однодневная или трехдневная, да никакая лихорадка впредь не будет мучить". Потом шри Кришначандра джи сказал: "Теперь не оставайся здесь, вернись к Махадеву, не то тебя замучит созданная мною лихорадка". И, получив такое повеленье, лихорадка Шивы джи простерлась перед ним и удалилась к Садашиве джи. У всех тотчас же жар исчез".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи молвил: "Махарадж!

Кто сим словам прилежно будет лишь внимать,
Тому пред лихорадкой страха уж не знать!

Меж тем Банасур в страшном гневе взял стрелу и лук огромный в каждую из рук, предстал пред Господом и грозно так сказал:

"Я дал тебе великий тяжкий страшный бой,
И все ж не преклонился ты передо мной".

Когда он с этими словами стал метать из всех рук стрелы, тогда шри Кришначандра, благодетель верных, оставив вдруг сударшанчакру и за руки схватив его, отсек их, бросив так, как может отрубить, вдруг, лесоруб у дерева все ветки. Когда шри Кришна отрубил все руки, Банасур ослабел и повалился; из ран лилися реки крови; как рыбы, крокодилы, плавали

отрубленные руки. Отрубленные головы слонов казались аллигаторами, то вдруг нырявшими, то снова поднимавшимися на поверхность. Меж ними двигались колесницы, как большие корабли. По полю битвы всюду коршуны, собаки и шакалы, за ними разные другие птицы, звери — все тащили трупы, вступали меж собою в бой и грызлись, разрывая, пожирая трупы. Вороны, выклевав у трупов очи, улетали".

Шри Шукрадева джи сказал: "Махарадж! Увидев поле битвы, сам Банасур впал в глубокую печаль и скорбь и, обессиленный, пришел он к Садашиве джи.

Тогда в глубокой думе Шива говорит:
"Теперь у Хари нужно милости просить".

Сказавши так, шри Махадев Банасура с собою взял и, распевая Веды, он пришел туда, где Кришначандра джи стоял на поле брани. Тогда шри Шива джи, поставив на ноги Банасура, сложивши поднятые руки, молвил: "О милостивый к ищущим защиты! Теперь Банасур сам пришел к тебе молить о милости. Ты милостивым взором на нас взгляни и не храни в душе своей его вины! Ты, многократно воплощения принимая, приходил в сей мир на благо верных, чтобы бремя снять с земли, злодеев погубить, спасти весь мир. Ты наш господь незримый, непостижимый, бесконечный, для блага верных в мир явился ты, Господь, но ты всегда в нем пребываешь. Ты чистый дух, который дивный образ принял. Вся твердь — твоя глава, а Небо — пуп; огонь — твой лук; вода — то семя; страны света — уши; земля — то ноги; море — чрево; горы — ногти; облака — то волосы на голове; деревья — волоски на теле; солнце — око; луна — то сердце; Брахма — то душа; шри Рудра — то самосознание; ветер — то дыханье; а день и ночь — миганье век и гром — твой голос.

Ты в этих образах был выражен всегда,
Никто не мог, однако, этого понять.

Весь этот мир есть океан страданий, наполнен весь водой забот и заблуждений. Господь! Без имени святого твоего, как без челна, никто не может переправиться чрез сей великий трудный океан, и многие без этого кидаются в него и тонут. И тот, кто удостоившись тела человека, не будет поклоняться, Господи, тебе, не будет помнить о тебе, тебе молиться, тот человек закон забудет, преумножит грех. И всякий, кто, явившись в мир, не принял имени святого твоего, тот нектар вылил, выпил яд.

В чье сердце ты вошел и поселился там,

Тому спасенье, веру и коров ты дал".

Сказав так, шри Махадев джи продолжал: "О милосердья океан! Друг страждущих! Величие твое, владыка, беспредельно. Кто обладает силою такой, чтоб рассказать о нем, и чудеса твои кто может знать? Теперь благоволи мне милость оказать, благоволи простить вину Банасура и даруй ему благоговение к себе. Достоин он такой награды: он сын благочестивого царя Прахлада". Шри Кришначандра джи сказал: "О Шива джи! Меж мною и тобой нет никаких различий, и кто различья здесь найдет, в великий ад тот попадет и никогда меня он не найдет. Кто будет мыслить о тебе, тот и меня постигнет в свой последний час. Он без лукавства имя произнес твое, за это сделал я его четверо-руким. Кому ты дал свой дар иль дашь еще, тому и буду помогать".

Махарадж! Когда такое слово сошло с уст Господа, то Шива джи, простершись перед Господом, простился с ним и, взяв всю рать свою, отправился на Кайлаш; шри Кришначандра же остался там. Тогда Банасур-царь, сложивши поднятые руки, склонив свою голову, с мольбой сказал: "О покровитель страждущих! Ты даровал мне милость, спас меня. Теперь благоволи же посетить дом своего раба и освятить его, благоволи с собою взять и Анируддху джи и Ушу". Услышав это слово, шри Бихари, благодетель верных, взяв с собою Прадьюмну джи, пошел с ним в дом Банасура. Махарадж! Тогда Банасур, просветлев от радости, с благоговеньем ввел Господа в свой дом, устлав весь путь его прекрасным желтым шелковым ковром.

Омыв шри Кришне ноги, взял воды от ног,
Отпив воды святой той, окропил свой лоб.

Потом сказал он: "По милости великой Хари джи я удостоился отпить воды от ног его, которой удостоиться так трудно. На множество рождений я омыл свои грехи. Ведь эта самая вода от ног три мира очищает. Ее название — Ганга. Наполнил ею Брахма чашу и возложил сам на голову шри Шивы джи. Потом ее почтили суры, муни, риши, и Бхагиратх, свершивши подвиги в честь трех божеств, низвел ее на землю, и с той поры ее название Бхагиратхи. Она, святая, отнимает всякий грех и скверну, все очищает и дает блаженство старцам и святым, она есть лестница в рай Вайкунтху. Кто в ней омылся, тот на многие рожденья освободился от грехов. Кто удостоился воды напиться из святой великой Ганги, тот, без сомнений, удостоился наивысшего блаженства. Кто удостоился узреть хоть Бхаги-

ратхи, тот победил весь мир". Махарадж! Промолвив это, Банасур взял, привел к ним Анируддху джи и Ушу и, став пред Господом, сложивши поднятые руки, так сказал: "Благоволите простить мою вину. Исполнилось предназначенье. Я отдаю тебе твою рабыню Ушу". Сказавши так, Банасур по ведийскому закону сам немедленно выдал дочь свою. В приданое за ней он дал так много всякого добра, что невозможно описать".

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи продолжал: "Махарадж! По совершении брака Кришначандра успокоил всячески Банасура и посадил его на царский трон. Потом взял внука и его супругу, простился и, под звуки барабанов, выступил оттуда с ядавами вместе, и все отправились в Дварку. И, получивши весть о приближении его, все граждане навстречу вышли за город и господа ввели под звуки музыки и пенья. Тогда все граждане по всем дорогам, улицам, базарам, площадям и из домов встречали Хари радостными песнями, устроили великий праздник. А во дворце шри Рукмини и все красавицы царицы пели свадебные песни и исполняли все обряды. А божества, сев на свои виманы, оттуда проливали ливень из цветов, кричали все: "Джай-джай!" Во всех домах и во всем городе шло ликование. Тогда шри Кришначандра, корень радости, и Баларам, обитель счастья, отпустив всех ядавов, с собою взяли Анируддху с Ушей и отправились во дворец.

И во дворец царевну Ушу повели,
Увидели царицы, в радость все пришли.
Свекровь благословляет, крепко обняв Ушу,
Не может насмотреться, радуется ей душу".

Так гласит глава шестьдесят четвертая — "Брак Уши" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXV. ШРИ КРИШНА СПАСАЕТ ЦАРЯ НРИГА

Шри Шukaдева муни сказал: "Махарадж! Царь Нриг из рода Икшвака был мудр и щедр, благочестив и смел. Бесчисленное множество коров принес он в дар. Коль можно сосчитать все зернышки песка на Ганге, иль капельки дождя в бхадоне месяце, иль звезды в небесах, то всех коров, которых в дар принес царь Нриг, все ж сосчитать нельзя. И этот мудрый и высокощедрый царь за небольшое отступление от закона был обращен вдруг в ящерицу и в заброшенном колодце жил. Шри Кришначандра даровал ему спасенье".

Услышав это, царь Парикшит джи спросил у Шukaдева джи: "Махарадж! Но за какой же грех такой благочестивый щедрый царь был обращен вдруг в ящерицу, жил в заброшенном колоде и как его оттуда спас шри Кришна-чандра джи? Ты объясни и расскажи мне это, дабы в душе моей не оставалось сомнений".

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Я все сказание немедленно расскажу тебе. Ты прилагай внимание, слушай.

Царь Нриг великий каждый день дарил коров всем брахманам. Но вот однажды, искупавшись на заре и пуджу утреннюю совершив, потребовал он тысячу коров различной масти — белых, рыжих, черных, желтых, серых и каштановых — с копытами из серебра и с золочеными рогами, с медными хребтами и, покрыв их желтой шелковою тканью, принес их в дар, и сверх того он брахманам дал много снеди, разного добра. Они все взяли и разошлись по домам. И на другой день также царь стал брахманам дарить коров. И вот ему случайно тут попала одна корова, которую он брахману другому накануне даровал. Царь по неведению даровал и ту корову с другими вместе. И брахман взял ее, к себе домой повел. А по дороге вдруг другой там брахман, узнав свою корову, остановил его и молвил: "Моя корова эта! Вчера она досталась мне от государя! Эй, братец! Что же ты ее ведешь?" Тот брахман молвил: "Я только что вот получил сам от царя, веду ее оттуда! С чего б ей стать твоей?" Махарадж! И эти оба брахмана тут стали спорить, каждый говорил: "Моя". Вот спорили там, спорили они и, наконец, пришли вдвоем к царю. Царь выслушал обоих их, потом, сложивши поднятые руки, он с великою мольбой сказал:

"Я дам сто тысяч рупий одному из вас,
Но только пусть корову он другому даст!"

Услышав это, брахманы сварливы в страшном гневе так сказали: "Махарадж! Мы и за крору рупий не отдадим корову, которую мы получили и за которую благословенье принесли! Она нам дорога как жизнь сама". Махарадж! И царь, упав к ногам тех брахманов, их всячески и уговаривал и убеждал, но мстительные брахманы не слушали речей царя. И, наконец, в великой ярости те оба брахмана покинули корову и удалились со словами: "Махарадж! Нельзя за деньги нам продать корову, которую ты даровал нам, а мы приняли и изрекли свое благословение! Добро! Коль у тебя творятся беззакония такие, то мы тужить не будем!"

Махарадж! Когда те брахманы ушли, царь Нриг сначала очень опечалился и так сказал себе в душе: "Я по неведению

совершил сей грех, но как освободиться от него?" Потом он расточать стал множество даров и добрые дела творить. Немного дней прошло, пришло время, и царь Нриг умер. Посланцы Ямы привели его к Царю Закона¹. И Царь Закона, увидав царя, сошел с престола своего и стал пред ним. Потом, почтительно приветствовав его, он, посадив на свой престол, с великою любовью сказал: "Махарадж! Твои заслуги велики, но грех твой невелик. Скажи, что хочешь прежде испытать?"

Услышав, царь смиренно дал такой ответ:

"Владыка, да не придет твой закон вовек!

Дай прежде искуплю я зло и прегрешенья,

Приму я тело, буду выносить мученья!"

Услышав это, Царь Закона так сказал царю Нригу: "Махарадж! Ты по неведению даровал корову, которую другому прежде сам отдал! За этот грех ты обратишься в ящерицу и будешь жить в лесу близ Гомти² в высохшем колодеце! Когда в конце Двапара³ примет Аватару на Земле шри Кришначандра, тогда он даст тебе освобождение!" Махарадж! Промолвив это, Царь Закона замолчал, а царь Нриг в тот же миг вдруг обратился в ящерицу, побежал, упал в заброшенный колодец и стал жить там, питаясь живым.

И вот прошло там много юг. В конце Двапара принял Аватару на Земле шри Кришначандра джи. Когда шри Кришна джи провел все детство в Брадже и у него родились дети, внуки, однажды несколько детей и внуков Кришны джи отправились на охоту. Охотились они, охотились в лесу и захотели пить. И волею судьбы они искали долго там в лесу воды и, наконец, пришли и заглянули в тот заброшенный колодец, где проживал царь Нриг, который вновь родился на Земле под видом ящерицы. И заглянув в колодец, один вдруг вскрикнул и сказал другим: "Ой, братцы! Посмотрите, какая здесь в колодце этом огромнейшая ящерица!"

Услышав это, прибежали и другие и, став на сруб, связали все тюрбаны, пояса, спустили их в колодец и захотели вытащить ее, сказав друг другу так: "Мы не уйдем отсюда, пока не вытащим ее из этого колодца!" Махарадж! Когда она не захотела подняться из колодца по веревке из тюрбанов их и поясов, тогда они велели из деревни принести себе веревок крепких, толстых из пеньки, хлопка и кожи, петлей

1 Яма, владыка подземного мира.

2 Река Гомти, левый приток Ганга.

3 Т. е. Двапар-Юги.

ее спустили всю в колодец, поймали ею ящерицу и, напрягая силы, потянули: однако же она не сдвинулась даже с места. Тогда один из них помчался к Кришне джи и так сказал: "Махарадж! В лесу, в заброшенном колодце ящерица есть большая и тяжелая. Царевичи старались вытащить ее, все выбились из сил и все же ничего не вышло!"

Услышав это, Хари встал и поспешил туда. Вот шел он, шел и наконец пришел туда, где юноши пытались вытащить ту ящерицу. Увидев Господа, все юноши сказали: "Отец! Смотри, какая там огромнейшая ящерица есть, мы долго пытались стараться ее, но не выходит!" Махарадж! Услышав это, Кришначандра джи спустился сам в колодец, стал на все ноги, и вмиг она, оставив тело ящерицы, обратилась в мужа дивной красоты!

Предстал пред ними царь вдруг, образ свой вернув,
Сложивши руки, молвил, преклонив главу:

в "О милосердия океан! Великую ты оказал мне милость, когда ты вспомнил обо мне, пришел ко мне, измученному бедствием тяжелым!" Шри Шукадева джи сказал: "Царь! Когда он, приняв образ мужа, обратился к Хари с этим словом, то ядавы те, юноши и дети, внуки Хари джи, в великом изумлении спросили Кришначандру джи: "Махарадж! Кто это и за какой грех он был в ящерицу обращен и жил в колодце этом? О, сделай милость, расскажи, дабы сомнение ушло из наших душ!" Но Хари не сказал сам ничего им, к царю лишь обратился:

"Открой свою всю тайну, все нам расскажи,
Пусть слушают все люди, душу приложив!
Скажи нам все, откуда прибыл ты сюда
И за какой же грех здесь тяжко так страдал?"
Сложив в смирение руки, царь ему сказал:
"Тебе открыты тайны, царь мой Ядунат!"

Но все ж, коли ты вопрошаешь, я расскажу. Меня зовут царь Нриг. Во имя Хари я дал брахманам несметное число коров. Случилось однажды так, что по обету даровал я брахманам там несколько коров. И как-то, на другой же день, одна из тех коров пришла назад, и я, не ведая об этом, на другой день в дар принес корову эту вместе с прочими. Когда же брахман с нею вышел, то первый брахман, узнав свою корову, так сказал ему: "Моя корова эта! Вчера ведь от царя я получил ее, зачем же ты ведешь ее к себе?" Второй сказал: "Мне только что ее царь даровал, я от него ее веду. Как сделалась она твоей?" Махарадж! И из-за этого те оба брахмана заспорили между собою и наконец пришли

ко мне. Я убеждал их, говорил: “Взамен одной коровы дам я целый лак коров, но только пусть один из вас оставит эту!”

Махарадж! Но из упрямства ни один из них не захотел уважить слов моих, и, наконец покинув ту корову, оба брахмана ушли в великой ярости. А я в глубокой скорби и печали, с убитою душой, остался там. В последний час посланцы Ямы привели меня к Царю Закона, и Царь Закона спросил меня: “Царь! Твои заслуги велики, а грех твой невелик! Скажи, что хочешь прежде испытать?” И я сказал: “Возмездие за грех!” Махарадж! Услышав это, Царь Закона молвил: “Царь! Ты дал в дар брахману корову, которую уж прежде даровал другому брахману! За это беззаконие ты обратишься в ящерицу, ты вновь пойдешь на Землю! Живи в лесу близ речки Гомти там в заброшенном колодце. Когда в конце Двапара-Юги шри Кришначандра примет Аватару, он сам придет к тебе, и ты получишь от него спасенье!” Махарадж! И с той поры я в виде ящерицы жил в заброшенном колодце этом и мыслил неустанно здесь о лотосах прекрасных ног твоих! Теперь ты сам пришел ко мне, освободил меня от тяжких бедствий и перевез чрез океан быванья!”

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: “Махарадж! Промолвив это, царь Нриг простился, сел в виман и полетел в Вайкунтху. Шри Кришначандра, наставляя всех детей и пастухов, сказал:

“Да не творит никто же брахманам вреда!
Да не отымет он, коль брахману что дал!
Что обещал в душе кто, да не удержит,
Пусть брахману лишь правду каждый говорит.
Кто брахману что даст и снова отберет,
Тому такую кару Яма-царь даст!
Всегда да будет каждый брахману слугой,
Пусть терпит оскорбленья, все обиды, зло!
Кто брахмана почитит здесь, тот меня почитит,
Меж брахманом и мною да не различит!

Кто будет различать меж мной и брахманом, пойдет в крошечный ад! Кто брахмана почитит, приобретет меня, и, нет сомнений, он пойдет в чертог превышней!” Махарадж! Сказав такое слово Кришна джи со всеми возвратился в Дварку”.

Так гласит глава шестьдесят пятая — “Освобождение Царя Нрига” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXVI. БАЛАРАМ ДЖИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В БРАДЖ

Шри Шукрадева джи сказал: "Махарадж! Однажды Кришначандра, корень радости, и Баларам, обитатель счастья, восседали во дворце, украшенном камнями самоцветными. И Баларам джи Господу сказал: "Брат! Когда прислал за нами Канса и из Бриндабана мы отправлялись в Матхуру, тогда мы обещали всем пастушкам и Нанде, и Яшоде, что скоро возвратимся. А вышло-то не так, туда мы не вернулись, переселились в Дварку. Они, должно быть, вспоминают нас. Коль ты мне повелишь, то я поеду, посмотрю родную землю, утешу всех их и вернусь". Господь сказал: "Хорошо!" Услышав это, Баларам джи, простившись со всеми, взял свой плуг, свою дубину, сел на колесницу и поехал.

Махарадж! В какой бы город, городок, деревню, куда бы ни приезжал прекрасный Баларам джи, везде цари ему навстречу выходили, с учтивостью приятной принимали, а он всех успокаивал и утешал. Вот ехал Баларам, все ехал, и прибыл он в Авантипури.

Учителя науки он почтил поклоном;

Дней десять Баларам джи прожил там спокойно.

Потом, простившись с Гуру, Баладев джи поехал в Гокуль. И что ж он видит? В лесу вокруг коровы рты раскрыли, не едят травы и, вспоминая о шри Кришначандре, помня звук его свирели, бродят и режут. За ними ходят пастухи и, опьяненные любовью, воспевают славу Хари, а жители деревни всюду повествуют всем о чудесах и играх Господа. Махарадж! Приехав вновь в родную землю и увидав браджийцев и коров, исполненных такой любви великой, Баларам джи умилился, и глаза его наполнились слезами.

Меж тем, увидя знамя, стяг на колеснице, подумав, что приехали шри Кришна с Баларамом, все пастухи вдруг бросились навстречу. Шри Баларам, подъехав к ним, сошел немедленно с колесницы и каждого стал обнимать, с великою любовью спрашивать стал о здоровье. А в это время кто-то побегал к Яшоде с Нандой и сказал: "Приехал Баладев джи! И, получив об этом весть, и Нанда, и Яшода, и все старейшие из пастухов — все бросились навстречу. Увидев издали, что все к нему спешат, немедленно Баларам джи бросился навстречу и упал к ногам шри Нанды рая. И от великой радости у Нанды джи глаза наполнились слезами. С глубокой ласкою он поднял Баларама джи, прижал к груди своей, прогнав всю скорбь, что родила разлука. Потом Господь,

Упав к ногам Яшоды, обнял нежно их,
С великою любовью их прижал к груди!
Обеими руками обнял он ее,
Из глаз потоком слезы льются у нее!"

Рассказав это сказание, шри Шукрадева джи сказал царю: "Махарадж! Так встретились они, и Нанда рай повел с собою Баларама джи в свой дом и спрашивать стал о здоровье всех: "Скажи, благополучно ль здравствует почтенный Уграсена, Васудева и все другие ядавы? Здоров ли наш шри Кришначандра, корень радости, и вспоминает ли когда-нибудь о нас?" Баларам джи молвил: "Все, вашей милостью, и живы и здоровы! Всегда и неизменно воспевают ваши добродетели!" Услышав это слово, Нанда рай замолк. Потом Яшода рани, вспоминая о шри Кришне джи, в великом горе и со слезами на глазах сказала: "О Баладев джи! Здоров ли там шри Кришначандра джи, любимый наш, зеница наших глаз?" Баларам джи сказал: "Да, он жив, здоров". И снова Нанда рани молвила: "О Баладев! Ведь с той поры, как Хари нас покинул, тьма застилает наши очи! Мы восемь страж все думаем о нем, а он, забыв о нас, уехал в Дварку и поселился там! Подумай! И сестрица Деваки и Рохини, забыв любовь всю нашу, там же поселились!"

Он из Матхуры в Гокуль прибыл к нам сюда,
От них он жил далеко, нас любил тогда!
Всегда близ нас был Хари, к нам он приходил!
То сделали они так, что он нас забыл!"

Махарадж! Когда Яшода джи, промолвив это, в страшном горе зарыдала, то Баларам стал утешать ее и успокаивать и подавать надежды ей, всем сердцем заверять и наконец привел ее к успокоению. Потом, откушав, бетель пожевав, он вышел из дому. И что ж он видит? Все юные браджийки, исхудалые, унылые, с распущенными волосами и в грязных все одеждах, и о делах домашних позабывши, полные любви и опьяненные все юностью своей, они поют о Хари. Страдая от разлуки, все они, как опьяненные, повсюду бродят. Махарадж! Увидев Баларама джи, от радости все просветлели, бросились к нему. Простершись перед ним, сложивши поднятые руки, его все окружили, стали спрашивать и говорить: "Скажи нам, Баларам, обитель счастья, где теперь живет дыханье наше, дивный Шьяма? И вспоминает ли когда о нас Бихари, иль, получив неожиданно царский трон, совсем забыл он прежнюю любовь? С тех пор, как он ушел отсюда,

он только раз нам через Удхава прислал совет свой — обратиться к единенью в духе. А после и не вспомнил ни о ком из нас. Теперь ушел, средь моря поселился, то где ему, зачем, кого там вспоминать?" Услышав это, одна пастушка так воскликнула: "Подружки! Кто испытал любовь красавца Хари, все видели, что с ним всегда исход один:

Кто может полюбить тут этого лжеца,
Что позабыл родных всех, мать свою, отца!
Когда-то он без Радхи час не мог прожить,
Теперь пришлось бедняжке речкой слезы лить!

И каждая из нас покинула свой дом, своих родных! Пренебрегли мы честью рода, забыли стыд перед людьми, оставили детей, супругов, перенесли мы всю любовь на Хари! А плод какой мы получили? Ведь сели мы все на корабль любви, а он завез нас в океан разлуки! Теперь мы слышим, что Господь поехал в Дварку, со многими вступил там в брак! И сверх того шри Кришна взял себе шестнадцать тысяч сто царевен, которых в заключении держал Банасур; со всеми ними в брак вступил! Теперь от них там наплодилось у него детей и внуков, внучек! Зачем ему их оставлять и приходить сюда?" Услыша это, другая так сказала: "Подружка! Ты не горюй так сильно о делах всех Хари; нам Удхав джи все рассказал о нем!" Сказавши так, пастушка продолжала: "Подружки! Коль вы меня послушаете, то

К ногам шри Баларама припадем, подружки,
И доблести его все воспоем мы дружно.
Ведь этот уж не черный, телом этот бел!
Он с нами без обмана обойтись сумел".
Тогда в ответ Саркаршан так всем им сказал:
"Я ради вас, пастушки, прибыл ведь сюда!
Мы, уходя, сказали: "Мы вернемся к вам!"
Поэтому-то Кришна в Бадж меня прислал!
Два месяца останусь хоровод водить.
Исполню все надежды! Можно ль вас забыть?"

Махарадж! Сказав так, Баларам джи повелел баджанкам юным всем: "Сегодня ночь прекраснейшего месяца в году. Идите, нарядитесь, приходите в лес! Я буду с вами хоровод водить! Сказав так, Баларам джи вечером пошел в прекрасный лес, за ним все юные баджанки! Надели все прекрасные наряды, украшения, украсились с головы до ног и так пришли все к Балараму джи.

Они остановились, головы склонив.
Красу шри Халадхара выразить нет сил!

Золотоцветный весь он, в синем он наряде,
Влечет лотосоглазый, лунноликий взгляды,
Сережка в левом ухе блещет красотой,
Он весь сияет, словно Солнце то с Луной!
Вливаясь в другое сладость славы Хари,
Прекрасная сережка в ухе не держалась.
От дивных украшений тела не видать;
Их дивную красу всю можно ль описать?
Красавицы упали все к его ногам:
"Начни же хоровод наш, дивный Баларам!"

Махарадж! Услышав это, Баларам джи молвил: "Хум!"
Едва он молвил слово "хум", как вдруг явилось все, что нужно
им для хоровода! Тогда пастушки все, забыв все мысли и
заботы, полные любви, все взяли лютии, мриданги, картали¹,
упанги², мурли³ и другие инструменты и стали петь, играть,
в ладоши ударяли, изящно изгибались и плясали, чтоб
Господа порадовать. Увидев и услышав их игру и пение, и
пляску, охваченный восторгом, приготовив им вино и бетель,
Баладев джи стал со всеми вместе петь, плясать, выделявая
разные фигуры, и одарял всех счастьем, наслаждаясь сам.
Тогда все божества, гандхарвы, киннары и якши собрались
с супругами своими, все сидели на виманах и, воспевая
Господа, проливали с неба дождь цветов. Сама Луна с толпою
звезд, увидя радостный тот хоровод, лучами проливала
нектар. Вода и ветер в неподвижности застыли".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал:
"Махарадж! Так прожил Баларам джи в Брадже два
прекрасных месяца — чайтра и вайсакх. Он ночью с юными
браджанками водил там хороводы, а днем, ведя повествование
о Хари, радовал Яшоду с Нандой. И вот однажды, в час
ночной, водил он хоровод. Уставши, Баларам пошел к реке,
чтоб отдохнуть.

Тогда, развежившись, Рама говорит:
"Теки ко мне Ямуна, подойди с водой,
Из тысячи потоков окати волной!
Коль не послушаешь ты этих слов моих,
На брызги разобью я воды все твои!"

Махарадж! Когда Ямуна, в гордости своей, пренебрегла
словами Баларама джи, тогда он в гневе плугом потащил ее
к себе и искупался в ней. С того-то дня и по сей час Ямуна
так изогнута. А Баларам, омывшись, усталость отогнав,

1 Музыкальный инструмент, кимвал.

2 Музыкальный инструмент.

3 Музыкальный инструмент, свирель, флейта.

порадовав пастушек, взял всех с собою, и из леса все направились в город. Там

Пастушки говорят все: "Слушай, Баджанатх, Возьми и нас с собою, как покинешь нас?"

Услышав это, Баларам джи, успокоив, обнадежив всех пастушек, укрепил их бодрость, простился с ними и пошел к Яшодe с Нандой. Их тоже успокоил, укрепил их твердость. Прожив еще немного дней у них, шри Баларам простился с ними и отправился вновь в Дварку. Скоро он туда приехал".

Так гласит глава шестьдесят шестая — "Хоровод с Балабхадрой" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXVII. ШРИ КРИШНА УБИВАЕТ ВАСУДЕВУ ПАВНДРИКА

Шри Шукадева джи сказал: "Махарадж! Был в Кашипуре Павндрик-царь. Он был могуч и знаменит. Он принял облик Вишну и силою и хитростью увлек сердца всего народа. Всегда в одежде желтой он являлся и с тремя гирляндами — вайджаянти, жемчугом и из драгоценнейших камней; носил с собою шанкху, чакру, гаду, падму. Две деревянные руки приделал; поставил на коня он гаруду из дерева, садился на него и ездил. Он заставлял всех величать себя там Васудевой Павндриком, велел всем поклоняться. Кто из царей не почитал его велений, на тех он шел войной: немедля разобьет, страну всю разорит и подчинит себе".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи продолжал: "Царь! И, видя, слыша все дела его, народ во всей стране и в каждом городе, деревне, доме стал так говорить: "Ведь Васудева родился в Бадже, в роду у Яду; он обитает в Дваркапури, откуда же теперь другой явился в Каши? Кого же из обоих истинным считать и почитать?" Махарадж! По всем краям такие разговоры шли. Узнав об этом, Васудева тот Павндрик-царь пришел однажды на свое собрание и так сказал:

"Кто Кришна тот, который в Дварке проживает?

Его ведь Васудевой люд весь величает!

Для блага верных принял Аватару я,

А он мой облик принял, обманул меня!"

Сказавши так, он вестника призвал, наговорил ему там разного всего, отправил в Дварку к шри Кришначандре джи, велел ему сказать: "Зачем ты принял облик мой и бродишь всюду? Немедля перестань! Не то подумай о борьбе!" И,

получив веленье, вестник тот простился и отправился из Каши. Ехал-ехал он и, прибыв в Дварку, явился на совет шри Кришначандры. Господь спросил его: "Кто ты, откуда ты пришел?" И вестник молвил: "Я — вестник Васудевы Павндрика; из Кашипури прибыл. По повеленью господина своего явился я к тебе, чтоб высказать его совет! Коль ты велишь мне говорить, то я скажу!" Шри Кришначандра молвил: "Хорошо, говори!" Когда такое слово сошло с уст Господа, то вестник встал, сложивши поднятые руки, так сказал: "Махарадж! Царь Васудева Павндрик говорит: "Я трех миров владыка, я создатель всей Вселенной! А ты-то кто? Зачем ты принял образ мой? От Джарасандха в страхе ты бежал, ушел и стал жить в Дварке! Ты либо образ мой оставь, скорей явись и милости проси здесь у меня, не то явлюся я и истреблю тебя со всеми ядавами вместе! И, бремя сняв с Земли, я буду охранять всех верных! Я сам — незримый и непостижимый, не имеющий подобия себе! И беспрестанно суры, муни, риши, нары — все творят молитвы мне, свершают жертвы и дают дары! Я, приняв образ рыбы, извлек со дна морского Веды! Я, приняв образ черепахи, поднял гору! Я, приняв образ вепря, Землю удержал! Я, воплотившись в образе Нрисинга, умертвил Хираньякашьяпу! Я, воплотившись пигмеем, Бали обманул! Я, приняв образ Рамы джи, убил великого злодея Равана! Мое ведь это дело: когда асуры мучают поклонников моих, я всякий раз приемлю воплощение, от бремени освобождаю Землю!"

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Меж тем как вестник Васудевы Павндрика тут вел такие речи, а шри Кришначандра, корень радости, сидел на драгоценном троне у себя в собрание ядавов, со смехом слушал, один из ядавов воскликнул:

"Да не пришел ли Яма за тобою, наглый!
Что ты такие речи говоришь пред нами?
За это заслужил ты смерти, подлый лжец!
Ты от обманщика-то сам пришел, подлец!

Коль ты бы не был вестником, живым тебя б не отпустили! Но вестника не подобает убивать!" Махарадж! Когда тот ядава сказал такое слово, тогда шри Кришначандра, подозвав к себе поближе вестника и успокоив, молвил: "Немедля отправляйся к своему шри Васудеве и так скажи: "Я перестану подражать тебе, иду искать защиты! Берегись!" Услышав это слово, вестник, простершись перед ним, простился, а шри Кришначандра джи взял рать свою, отправился немедля в Кашипури. Меж тем, вернувшись к

Васудева Павндрику, тот вестник так сказал: "Махарадж! Отправившись в Дварку, я сказал шри Кришне все, что ты мне повелел. Все выслушав, он мне сказал: "Ты отправляйся к господину своему, скажи: пусть будет он настороже! Я перестану подражать ему, иду искать защиты!"

Махарадж! Меж тем как вестник это говорил, вдруг кто-то прибежал, сказал: "Махарадж! Как можешь безмятежно так сидеть? Шри Кришна джи с своею ратью наступают!" Услышав это, Васудева Павндрик в том же одеянии собрал всю рать свою и спешно выступил ему навстречу. Шел, шел и скоро встретился с шри Кришначандрой. С ним вместе выступил еще другой царь — Каши. Обе рати выстроились и стояли. Когда вдруг заиграла боевая музыка, богатыри, герои, доблестные мужи кинулись все в бой, а трусы, покидая поле брани, бежали все, спасая жизнь свою! В тот час, ведя жестокий бой и поддаваясь власти смерти, Васудева Павндрик стал лицом к лицу с шри Кришначандрой джи и стал грозить ему. И, видя, что он в облачение Вишну, все ядавы спросили у шри Кришначандры джи: "Махарадж! Как ты убьешь его в таком священном облачении?" Господь сказал: "Обманщика убить не грех!"

Сказав так, Хари джи дал повеление сударшанчакре. Он полетел и отрубил две деревянные руки, которые носил царь Павндрик. Затем он, разрубив и гаруду, погнал коня. Когда же Васудева Павндрик повалился и упал, сударшанчакра отрубил ему и голову.

Отрублена глава, и спасся¹ Павндрик страшный!

Летит та голова и падает вдруг в Каши,

Где гинекей его был, всех его цариц.

Красавицы вдруг смотрят, голова лежит!

Рвут волосы, рыдают, все вопят в печали:

"О, как могло случиться это, о создатель?

Ты не подвержен тленью, ты бессмертен, царь!

Как ты в одно мгновенье бездыханным стал?"

Махарадж! Услышав вопли, плач цариц, Судакшан, сын его, пришел туда. Увидев вдруг отрубленную голову отца, он в страшной ярости сказал: "Кто моего отца убил? Не буду жить, пока за него не отомщу!"

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал: "Махарадж! Убив так Васудева Павндрика, шри Кришначандра джи, собрав всю рать свою, отправился немедля в Дварку. Меж тем сын Васудевы Павндрика стал подвиги жестокие свершать в честь Махадева джи, чтоб отомстить за смерть

¹ Васудева Павндрик получил спасение, потому что умер от руки Кришны.

отца. Немало дней прошло, и наконец однажды Махадева джи Бхоланатх, обрадованный им, пришел и так сказал: "Проси же дар!" Он сказал: "Махарадж! Подай мне дар такой, чтоб я мог отомстить за своего отца шри Кришне". Шива джи сказал: "Хорошо. Коль хочешь отомстить, то сделай так..." Судакшан спросил: "Что? Шива джи сказал: "Ты жертву принеси с неправильными мантрами (стихи Вед) из Вед, и из огня вдруг выйдет ракшаси. Что ты ей ни велишь, она все делает". Махарадж! Из уст шри Шивы джи услышав это слово, Судакшан брахманов призвал, алтарь построил, взял кунджутовых семян и ячменя, и масла, сахару и прочего, потребного для жертвы, и, сделав приношение богам, стал жертву совершать с неправильными мантрами из Вед. Когда он совершил так жертву, вдруг из огня явилась Критья, ракшаси. Она немедленно побежала по следам шри Кришны джи, сжигая страны, города, деревни и, достигнув Дварки, стала город жечь. Увидев город в пламени, все ядавы в великом страхе прибежали к шри Кришначандре джи и завопили: "Махарадж! Как нам спастись от этого огня? Он пожирает в пламени весь город, приближается сюда!" Господь сказал: "Вы не тревожьтесь ни о чем! То Критья, ракшаси, пришла сюда из Каши. Сейчас я с ней расправлюсь!"

Махарадж! Промолвив это, шри Кришна джи немедленно повелел сударшанчакре: "Побей ее и прогони, затем немедленно отправляйся и сожги весь Каши!" И, получив веленье Хари, сударшанчакра тут побил и в бегство обратил вмиг Критью, затем в одно мгновенье полетел, зажег он Каши.

Народ бежал; метался с мукою в душе,

Сударшана ругая, проклиная все!

А чакра мчится дальше, сжег он Шивы град,

Затем пришел обратно, Кришне рассказал".

Так гласит глава шестьдесят седьмая — "Спасение царя Павндрика" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXVIII. БАЛАРАМ ДЖИ УБИВАЕТ ОБЕЗЬЯНУ ДВИВИДА¹

Шри Шукадева джи сказал: "Махарадж! Я расскажу теперь тебе о том, как Баларам, обитель счастья, сокровищница красоты, убил Двивида-обезьяну. Ты прилагай внимание, слушай! Однажды брат Маяндри² Двивид, который

1 Асур (демон) в образе огромной обезьяны, якобы непримиримый враг богов.

2 Обезьяна, брат Двивида.

был советником Сугрива ("Прекрасногивый". Царь обезьян, союзник Рамы, героя "Рамаяны". Согласно легендам, он был сыном Солнца. Согласно "Рамаяне", Сугрив был низложен своим братом Балином, но возвратил себе свой трон благодаря поддержке Рамы. В благодарность за это Сугрив со своею армией из обезьян принял участие в походе против Равана.) и другом Бхавмасура, так сказал: "Стрела пронзила сердце мне! Она осталась вонзенной в сердце!" Услышав это, кто-то у него спросил: "Махарадж! Что же делать?" Он сказал: "Коль я убью того, кто погубил внезапно друга моего Бхавмасура, то из моей души уйдет печаль!"

Махарадж! Промолвив это, он немедленно, в страшном гневе, побежал вдруг в Дварку. Одних топил в воде, вдруг проливая ливни; других сжигал он огненным дождем; иных он с гор бросал; а на иных бросал он горы; иных топил он в море, иных хватал и заключал в пещеры; иным он чрево разрывал; иных он убивал деревьями, которые сам с корнем вырывал! Таким вот образом он мучил весь народ! И где ни находил сидевших риши, муни иль богов, там испускал мочу и кал и проливал там кровь. Таким вот образом он, мучая народ, жестокие насилия совершая, прибыл в Дваркапури. Там, приняв маленькое тело, он проник и во дворец шри Кришначандры. Увидев вдруг его, красавицы закрыли двери во дворец, все разбежались и спрятались. Тогда-то, получивши весть о том, где находился Баларам джи, он пошел на гору Райвати с такими мыслями в душе:

"Сначала Халадхара поспешу убить,
Потом и у шри Кришны отниму я жизнь!"

Махарадж! Он взял и спрятался поспешно там, где Баладев с супругами своими забавлялся. И что ж он видит там? Хмельного выпив, Баларам джи взял с собой всех жен, пошел к пруду и игры разные затеял там в воде! Поет, купается и оmyвает всех своих супруг. Увидев это, Двивид влез на дерево, кривлялся, скалил зубы. Потом он с разными ужимками метался, прыгал по ветвям. Там у пруда стоял кувшин с вином, лежали все одежды, и он на них стал испражняться и мочиться. Красавицы, увидев обезьяну, испугались, закричали: "Махарадж! Откуда вдруг взялась обезьяна эта? Она пугает нас и пачкает нам платья!" Услышав это, Баладев джи вышел из пруда, со смехом запустил комком земли в Двивида. Тогда-то Двивид, видя, что он пьян, в великой ярости, кривляясь, вдруг спустился вниз и, подбежав, схватил кувшин с вином, стоявший там на берегу и опрокинул, и изорвал в куски все платья!" Тогда-то, разъярившись, Баларам джи взялся за свой плуг

да за дубину! А тот, вдруг сделавшись огромным, как гора, стал перед Господом, готовый к бою. Меж тем как Баларам пустил в ход плуг свой и дубину, Дживид на него бросал деревья, горы!

В великий бой вступили два богатыря,
И ни один не дрогнет, силу потеряв!

Махарадж! Они-то оба сильные, с различными уловками, приемами, бесстрашно там боролись друг с другом! Меж тем все те, кто наблюдал их бой, от страха все готовы были испустить свой дух. И вот Господь, увидя всех в великом горе, поразил насмерть тут Дживида. Когда он был убит, все суры, мунни, нары, все божества исполнились радости, их скорбь рассеялась.

Все радостные боги дождь цветочный льют,
“Джай! Джай!” — все Халадхару в небесах поют!”

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: “Махарадж! Он в Третаюге обезьяной тоже был. И Баладев джи и тогда убил его и дал ему спасенье. Потом шри Баларам, обитель счастья, взял с собою всех, и все спокойно возвратились в Дваркапури. Там Баларам джи рассказал всем ядавам о том, как Дживида убил”.

Так гласит глава шестьдесят восьмая — “Умерщвление обезьяны Дживида” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXIX. САМБА¹ УВОЗИТ ЛАКШМАНУ.

БАЛАРАМ ДЖИ ГРОЗИТ ПОТОПИТЬ ХАСТИНАПУР

Шри Шукрадева джи сказал: “Царь! Теперь я расскажу сказание о браке Лакшманы, дочери Дурйодханы, о том, как Самба джи, отправившись в Хастинапур, женился и привез ее. Махарадж! Когда царевна Лакшмана, прекраснейшая дочь царя Дурйодханы, для брака сделалась пригодной, тогда отец ее устроил сваямвар и, написав послания царям различных стран, всех пригласил на сваямвар. И, получивши весть о сваямваре, Самба, сын Кришначандры джи, рожденный им от Джамбавати, отправился туда. Вот прибыл он на сваямвар. Что ж Самба видит? Цари различных стран — могучие, талантливые, сосуды красоты и благородные; в прекраснейших нарядах, украшениях, усыпанных камнями самоцветными, при всем оружии своем, — в полнейшей тишине сидят рядами, а позади у них таким же образом расположились

¹ Сын Кришны

все каувравы. Повсюду раздаются звуки музыки: певцы в палатах распевают свадебные песни. А посредине, как зеница ока, царевна, любимица отца и матери, — с гирляндой ходит и говорит себе в душе: "Кого ж мне выбрать?"

Махарадж! Когда красавица, и добродетельная и прекрасная, в смущении ходившая по всем рядам с гирляндой в руке, приблизилась к Самбе, то он, недолго думая, без страха за руку схватил ее, на колесницу посадил и в путь отправился немедленно. Цари раскрыли только рты, стояли и смотрели. И даже Карна (Согласно "Махабхарате", сын Сурьи, бога Солнца, и Кунти, матери пандавов, до ее замужества с Панду. Боясь бесчестия, Кунти оставила новорожденного Карну на берегу Ямуны, где его нашел возница царя Дхритараштры, отца кауравов, и воспитал как собственного сына. Впоследствии Карна сделался царем Бенгалии. Во время великой битвы Махабхараты Карна сражался на стороне кауравов и был убит Арджуной.), Дрона, Шалья (Один из героев Махабхараты, царь Мадраса. Во время великой битвы сражался на стороне кауравов. В последний день битвы был убит царем Юдхиштхирой.), Дурйодхана и все другие кауравы ни слова не сказали. Потом, придя в великий гнев, все закричали: "Смотрите! Что он сделал! Благопристойность он нарушил!" Карна сказал: "У ядавов всегда одна повадка: куда бы на благое дело ни пришли, повсюду непотребное творят!"

Как худародные-то вдруг носы задрали,
По головам уж ходят, царство отобрали".

Услышав это, кауравы, придя в великий гнев, схватились за оружие и бросились в погоню, закричав: "Посмотрим, кто тот богатырь, что ускользнет от нас с царевной!" И вскоре Самбу окружили на дороге, и обе стороны пустили в ход оружие. Там долго шла борьба, но наконец, когда возница Самбы был убит, а он свалился с колесницы, они его схватили и связали, и привели на свой совет. Поставив там его среди собрания, они спросили: "Куда ж теперь твоя девалась доблесть?" Услышав это, Самба устыдился. Тогда пришел вдруг Нарада джи и сказал царю Дурйодхане и кауравам: "Ведь это Самба, сын шри Кришначандры! Не делайте ему вы ничего худого! Что было, то прошло. Ведь скоро, вести получивши, сюда придут с своею ратью шри Кришна с Баларамом. О чем поспорить нужно вам, поговорите с ними. Никак не подобает вам с юнцом вести беседы! Он поступил ведь как мальчишка; ум у него ребячий!" Махарадж! Сказав такое слово, Нарада ушел отсюда. Шел, шел и прибыл в Дваркапури, пришел он на собрание, предстал пред Уграсеной.

Его увидев, встали, головы склонили!
Сиденье принесли и муні предложили!

Усевшись, Нарада джи молвил: "Махарадж! Кауравы в плен вишь, Самбу взяли, помучивши его изрядно, и продолжают мучить. Коль вы отправитесь сейчас, то можете ему помочь: не то потом спасти его уж будет трудно!

Да, обуяла гордость кауравов без меры;
Забыли страх пред вами, стыд свой, лицемеры!
В полон мальчишку взяли, взяв, связали так,
Как мог бы поступить с ним ярый только враг!"

Услышав это слово, царь Уграсена, придя в великий гнев, созвал всех ядавов и так сказал: "Немедля собирайте вы всю нашу рать, на Хастинапур выступайте! Разбейте кауравов, освободите Самбу, возвращайтесь!" И, получив веление царя, вся рать была готова выступить, как вдруг пришел шри Баларам джи к Уграсене и, успокоив государя, так сказал: "Махарадж! Благоволи не посылать на них ты рать свою! Дай повеленье мне, и я пойду, их проучу, заставлю их, чтоб Самбу отпустили! Да посмотрю, за что они в полон вдруг взяли Самбу. Тайну ж эту, пока я не пойму, нам не раскрыть!"

Услышав это слово, царь Уграсена повелел немедля Баладеву джи отправиться в град Хастинапур. А Баладев джи, взяв с собой великих пандавов и брахманов и Нараду джи муні, отправился из Дварки и прибыл в Хастинапур. Тогда Господь, разбив в саду за городом шатры, сказал так Нараде: "Махарадж! Расположились мы здесь. Благоволи отправиться ты к кауравам и сообщи им весть о нашем приближенье!" И, получив веленье Господа, собрался Нарада джи и, отправившись немедля в город, принес всем весть о приближенье Баларама джи.

И кауравы, услышав, в разум все пришли,
Пошли ему навстречу, в дом его ввели.
А Бхишма, Дрона, Карна вместе все идут,
Прекрасные одежды, желтый шелк несут,
Дурйодхана без страха следует вперед:
"Пожаловал Санкаршан, Гуру мой идет!"

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю: "Махарадж! Все кауравы, придя в тот сад и встретив Баларама джи, ему дары там предложили. Потом, упав к его ногам, склонивши головы, принесли все славословие. Затем же, окропив его душистым чао и сандалом, надели на него гирлянду из цветов и, разостлавши под ноги ковер,

под звуки музыки и пения ввели его в свой город. Потом же, предложив роскошнейшую снедь и усадив его, спросили о здоровье и делах: "Махарадж! Скажи, чему обязаны мы все твоим прибытием сюда?" Когда такое слово так сошло с их уст, немедленно Баларам джи молвил: "Махарадж! Я прибыл, как посланец Уграсены, его совет вам передать!" Кауравы сказали: "Говори!" Баладев джи сказал: "Царь так сказал: "Не подобало вам вступать в вражду со мной!"

Вас кауравов здесь много, юноша — один;
Забыв свой ум и знание, в бой вступили с ним!
Вы с умыслом свершили столь великий грех!
Забыли стыд людской вы, сына взяли в плен!
Теперь такая гордость обуяла вас,
Замучили его вы! Это общий глас!"

Махарадж! Услышав это, кауравы пришли в великий гнев и молвили: "Баларам джи! Довольно! Довольно! Не восхваляй нам больше Уграсену! Не нам такие речи слушать! Немного времени прошло с тех пор, когда никто не знал и не хотел знать Уграсену. С тех пор как с нами он в родство вступил, с тех пор и силу получил! Как смеет он теперь к нам посылать с такими дерзкими речами? Не стыдно ли ему? Вишь, в Дварке поселился он и сделался царем, забыл он обо всем былом и что на ум взбредет, все велегласно говорит! Те времена он позабыл, когда в Матхуре с гвалами¹, с гуджарами (Низшая ветвь касты раджапутов. Представители этой ветви занимались земледелием, кроме того о них было известно, что они воровали коров. По этой причине гуджары, потомки кочевников, пользовались дурной славой.) сам жил и с ними ел и пил! Ведь мы его-то подкормили, породнились с ним и царство помогли добыть! И вот за это нам награда! Когда б мы путному кому такую милость оказали, то он всю жизнь бы славословил нас! Да, кто-то правильно сказал: что подлого признать, что из песку стена — одно и то же!"

Рассказав это сказанье, шри Шукарева джи продолжил: "Махарадж! Такие и подобные им речи говорились там. А Карна, Дрона, Бхишма, Дурйодхана и Шалья и все другие кауравы с великим возмущением встали и разошлись по домам. А Баларам джи слушал-слушал речи эти, улыбался и остался там сидеть. В душе он говорил себе: "Вишь, возгордились царством, силою своею, что говорят такие речи! Не то бы не посмели поносить так Уграсену, перед которым голову склоняет сам владыка Брахмы, Рудры, Индры! Не

¹ Гвал — пастух, член особой касты пастухов.

буду больше называться Баладевом, коль я не потоплю здесь в Ганге кауравов всех вместе с городом!"

Махарадж! Сказав так, Баладев пришел в великий гнев и, плугом зацепив весь город вместе с кауравами, притащил на берег Ганги, хотел уж потопить! Как вдруг в великом страхе и боязни все кауравы бегут. Сложивши поднятые руки, склонивши головы свои, с смиренной мольбою говорят: "Махарадж! Благоволи простить вину ты нашу! Мы все пришли искать защиты у тебя! Спаси ты нас! Что скажешь, все мы сделаем! Мы навсегда останемся в повиновенье Уграсене!" Царь! Когда они сказали это, гнев Баларама джи прошел. И как он плугом притащил на берег Ганги город, так и оставил там. С того-то дня град Хастинапур и стоит на берегу у Ганги. Прежде был не там он. Потом они немедля Самбу отпустили, и царь Дурйодхана, почтив смиренно дядю и племянника, повел их во дворец, велел устроить пир. Он сочетал царевну с Самбой браком по ведийскому закону. В приданое за ней он отдал много всякого добра".

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Так Баларам джи, отправившись в Хастинапур, смирил всю гордость кауравов, освободил племянника, женил его и наконец привез домой. Настала радость во всей Дварке! А Баладев отправился немедля к Уграсене, и рассказал ему он обо всем, что было в Хастинапуре".

Так гласит глава шестьдесят девятая — "Повесть о браке Самбы" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXX. НАРАДА ДЖИ ПОСЕЩАЕТ ШРИ КРИШНУ С ЕГО СУПРУГАМИ

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Однажды у шри Нарады в душе такая мысль явилась: "Пойду-ка я да посмотрю: как поживает там шри Кришначандра и шестнадцать тысяч и сто восемь жен его!" Подумав так, он шел-шел, да и прибыл в Дваркапури. И что ж близ города он видит? Там в садах стоят, качаются различнейших пород громадные деревья, зеленые, покрытые цветами и плодами. На них сидят, воркуют нежно горлицы и распевают попугаи, чатаки, павлины и другие птицы. Там на прекраснейших прудах раскрылись лотосы: над ними пчел рой жужжат; на берегах перекликаются повсюду лебеди и журавли и много разных птиц. Там в цветниках садовники все звонко, стройно распевают; то опускаясь, то поднимаемая, поливают гряды. Там над колодцами различными подъемные колеса, ведра ходят неустанно: на спусках у колодцев всюду там толпятся

толпы водоносов. И красоту всего нельзя и описать, и ею можно только любоваться!

Махарадж! Налюбовавшись этой красотой рощ, лесов, шри Нарада джи входит в город, смотрит: блистают чудные дворцы золотые, украшенные самоцветными камнями; над ними развеваются знамена, стяги; вдоль всех домов протянуты гирлянды из цветов; рядами, как колонны, у ворот стоят платаны с ветками, побегами. Из всех домов через решетчатые окна и отдушины исходят клубы дыма благоуханий, словно тучи темные; и среди него, как молнии, сверкают золотые купола и шпили; во всех домах свершается служение богам, читаются священные молитвы, приносятся торжественные жертвы и расточаются дары; повсюду почитание, молитвы с четками и пение, сказания, идут беседы о Пуранах. То здесь, то там, повсюду восседают ядавы, как будто на совете Индры. Весь город осенила радость и блаженство".

■ Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Вступив в сей град, шри Нарада джи, радостный, сказал: "В какой же прежде мне дворец пойти, чтоб в нем шри Кришначандру джи найти?" Махарадж! Сказав так про себя, шри Нарада пошел сначала во дворец шри Рукмини. Там во дворце блистал шри Кришначандра. Увидев Нараду, он встал пред ним, а Рукмини джи принесла кувшин, наполненный водой. Господь омыл ему немедленно ноги и, предложив сидение, поднес ему астильник, благоухания и снедь и, совершивши пуджу, сложивши поднятые руки, так сказал шри Нараде:

"В чей дом святого старца ноги попадут,
Хозяину богатство, счастье несут!
Ждя нашего спасенья, нас всех возлюбя,
Пришел ты в дом, позволив нам узреть тебя!"

Махарадж! Когда такое слово мудрое сошло с уст Господа, то Нарада джи дал ему свое благословение: "Владыка мира! Здравствуй много лет!" и пошел немедленно во дворец к царице Джамбавати. Вошел в чертог шри Джамбавати джи и видит: Хари там играет в чаупар. Когда, увидев Нараду, Господь немедленно встал, то Нарада джи, дав ему благословение, вышел из чертога. Потом отправился он к Сатьябхуме, видит: шри Кришначандра джи сидит и умащает тело маслом, мазью благоуханной. И Нарада джи муні поспешил уйти оттуда незаметно, ибо в шастрах значится, что во время умощения тела ни царь не должен кланяться, ни брахман не дает благословенья. Немедля Нарада пошел в чертог Калинди, и видит он: там Хари почивает. Махарадж! Увидев Нараду,

Калинди джи коснулась ног шри Кришны джи и разбудила Господа. Проснувшись, Господь приблизился к святому риши, простерся перед ним, потом, сложивши поднятые руки, молвил: "Стопы святого воде священных мест подобны: где б ни были они, все освящают!" Услышав это, Нарада джи, свое благословение дав, ушел, пошел он во дворец царицы Митрабинды, и видит: брахманы вкушают пищу, шри Кришна угощает их. Увидев Нараду, Господь сказал: "Махарадж! Коль ты окажешь милость, поженешься сюда, сам примешь подношение, а нас пожалеешь остатками от трапезы своей, то освятишь наш дом!" Нарада джи сказал: "Махарадж! Я поброжу еще немного, потом вернусь! Благоволи ты напитать всех брахманов, а я вернусь и получу остатки от их пира!" Промолвив это, Нарада джи удалился и пошел в дом Сатьи. Что ж он видит там? Там шри Бихари, благодетель верных, сидит спокойно, забавляется. Увидев это чудо, Нарада джи вышел из дворца. Потом пошел в палаты Бхадры, видит: Хари там вкушает пищу. Уйдя оттуда, он пришел в дом Лакшманы, там видит он: Господь свершает омовенье!"

Поведав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал: "Махарадж! Таким вот образом шри Нарада джи муни обошел шестнадцать тысяч сто восемь дворцов и не выдал ни одного чертога без шри Кришны. Куда б он ни смотрел, везде он видел: Мурари исполняет долг домохозяина (Состояние домохозяина считается второй стадией в жизни правоверного индуса. Первая стадия — ученичество. Третья стадия — отшельника — наступает для индуса старой Индии тогда, когда у его сыновей рождались дети. Четвертая стадия — стадия нищего.). Увидев это чудо,

Глубоко изумился Нарада-мудрец:

Ни одного дворца нет, где шри Кришны нет!

Куда бы ни пошел он, всюду Хари с милкой,

Так Майя Господа то чудо совершила!

Шестнадцать тысяч сто и восемь там дворцов,

Везде домохозяин с милою живет!

Охваченный восторгом, риши говорит:

"Твоей, о Ядунатх джи, Майе нет границ!

Никто великой силы Хари не познает,

Коль сам ты, о владыка, не спасешь от Майи!"

Махарадж! Когда в великом изумленье Нарада джи произнес такое слово, тогда сказал Господь шри Кришначандра джи, податель счастья: "О, Нарада! Ты не печалься ни о чем в душе! Моя могуча Майя! Весь мир она объемлет. Она чарует самого меня! И кто ж другой способен здесь спастись от ее руки? Как можно в мир прийти и от нее спастись?"

Услышав, Нарада джи Господа молил:
“Ко мне, о Ядунатх джи, будь ты милостив!

Да обитает в сердце у меня всегда к тебе благоговенье! Да будет у меня душа свободной от велений Майи и да спасается от чувственных желаний!” Царь! Промолвив это, Нарада простился с Господом, простерся перед ним, потом, играя на своей прекрасной лютне, воспевая Хари, он отправился в свой дом. Шри Кришначандра продолжал жить в Дварке и творить там чудеса”.

Так гласит глава семидесятая — “Явление Майи перед Нарадой джи” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXI. БРАХМАН ПРИНОСИТ ШРИ КРИШНЕ ВЕСТЬ ОТ ДВАДЦАТИ ТЫСЯЧ ЦАРЕЙ

Шри Шукадев джи муни так сказал: “Однажды в час ночной шри Кришначандра со шри Рукмини джи забавлялся. Упиваясь блаженством и любуясь лунноликим милым, она давала радость чакорам (Индийская поэтика считает чакору влюбленной в Луну; Кришна обладает луноподобным ликом, и потому очи чакоры оказываются влюбленными в лик Кришны.) своих очей. Меж тем ночь миновала. Зашебетали птички; зажглась заря на небе; чакоры разлучились: с чакаями своими вновь встретились чаквы; раскрылись лотосы; закрылись кумуды;¹ сиянье месяца померкло; зажгется Солнца свет; проснулся люд, и каждый взялся за свои домашние дела.

Тогда шри Рукмини джи тоже отошла от Хари и, захопотав, немедленно принялась за домашние дела. Меж тем шри Кришначандра джи, очистив тело, омыв свой лик и руки и искупавшись, свершил молитвы, созерцанье, пуджу и тарпан и роздал брахманам различные дары. Исполнив повседневные дела и приняв балбхог², и пожевавши бетель с ароматною гвоздикой, кардамоном и мускатными орехами, потребовал он и надел прекрасные одежды, украшения, надел свое вооружение и к Уграсене джи отправился. Приветствовав его, шри Кришначандра джи отправился немедленно на совет всех ядавов и заблистал на троне, украшенном камнями самоцветными.

Махарадж! В то время прибыл брахман и сказал привратникам: “Пойдите и скажите вы шри Кришначандре джи, что у ворот стоит здесь брахман, исполненный желания

¹ Красные лотосы.

² Завтрак; утреннее подношение Кришне.

узреть шри Кришначандру джи. Коль повелит Господь ему, то он войдет!" Услышав слово брахмана, привратники пришли немедленно к господину и так сказали: "Махарадж! Брахман, исполненный желания узреть тебя, стоит там у ворот! Коль ты велишь ему, то он войдет!" Хари молвил: "Немедля приведите!" Едва такое слово сошло с уст Господа, привратники в одно мгновение брахмана к шри Кришне привели. Увидев брахмана, шри Кришначандра джи сошел с престола, простерся перед ним. Потом, приблизившись к нему, он взял его за руку, ввел в свой чертог и, посадивши близ себя на трон, украшенный камнями драгоценными, спросил: "Скажи, о божество! Откуда соизволил ты прибыть и что заставило тебя отправиться в далекий путь?" Брахман сказал: "О милосердия океан! Друг страждущих! Я прибыл из страны Магадхской, привез к тебе послание от двадцати тысяч царей!" Господь сказал: "Что ж это?" Брахман молвил: "Махарадж! Те двадцать тысяч государей, которых Джарасандх давно уж силой захватил и заключил, держа в оковах и цепях, они через меня тебе прислали слезное моление такое: "О покровитель страждущих! Всегда и неизменно есть обычай твой такой: когда асуры угнетают верных Господу, ты всякий раз приемлешь Аватару и защищаешь верных всех своих! Владыка! Как спас Прахлада (Согласно Пуранам, Прахлад был сын дайтия (титана) Хираньякашипу, который воевал с богами и отнял престол у Индры. Прахлад был верным почитателем Вишну и за это терпел от отца всяческие мучения, но не отрекался от Вишну. Для того, чтобы наказать Хираньякашипу, Вишну принял воплощение в образе Нарасинха (человека-льва) и убил Хираньякашипу.) от Хираньякашипу, от аллигатора-слона, так, сделай милость нам, спаси и нас теперь ты от руки великого злодея! Мы тяжело страждем, и коль не ты, никто другой не в силах нас освободить от тяжкого несчастья и всех спасти!"

Махарадж! Услышав это, Господь с великим милосердием сказал: "О божество! Теперь ты не печалься ни о чем! На мне уже лежит о них забота". Услышав это, брахман был обрадован и дал свое благословение шри Кришначандре. А в это время пришел и Нарада джи. Приветствовав его, шри Кришначандра спросил его: "Нарада джи! Ты ходишь всюду, бываешь ты во всех краях, скажи, как здравствует теперь мой брат царь Юдхистхира и пять других пандавов и что они изволят делать? Уж много дней прошло, как мы от них не получали никаких вестей, и потому в душе моей родилась забота о всех них". Нарада джи сказал: "Махарадж! Я пришел к тебе от них. Теперь-то все они здоровы и благополучны. Но в эти дни они живут в большой заботе,

готовясь совершить святое жертвоприношение раджасуйю (Торжественное жертвоприношение, совершавшееся великими царями при участии их вассалов. Жертвоприношение раджасуйи было своеобразной формой коронования, так как совершивший его получал звание императора.). И каждый час все говорят одно: "Без помощи шри Кришначандры джи исполнена не будет наша жертва!" А посему, о Махарадж, благоволи почтить мои слова:

Своим присутствием их жертву освяти,
Потом и все другие страны посетишь!"

Махарадж! Услышав это слово Нарад джи, Господь призвал немедленно Удхаву джи и так сказал ему:

"Всегда ты, Удхав, сердцу нашему был мил,
Ни словом, ни душою ты не покривил!
Здесь тяжкие несчастья сразу с двух сторон;
Скажи, куда же раньше мне идти, герой!
Цари в беде великой, жалко мне царей,
Страдают тяжело, просят помощи моей!
Здесь пандавы решили жертву совершить!"
Так Удхаву в раздумье молвил Кришна джи".

Так гласит глава семьдесят первая — "Обращение царя Юдхиштхиры" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Ялом.

Глава LXXII. ШРИ КРИШНА С ВОСЕМЬЮ ЦАРИЦАМИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ХАСТИНАПУР

Шри Шукадева джи сказал: "Махарадж! Шри Кришначандра джи сначала отпустил обратно брахмана, который сообщил ему послание царей и, отпуская, так сказал ему: "О божество! Ты от меня скажи царям всем так: "Вы не кручиньтесь ни о чем! Мы скоро к вам придем и вас освободим!" Махарадж! Сказавши так, шри Кришначандра отпустил немедленно брахмана, взял Удхаву с собою, отправился с ним на собрание к Уграсене и обо всем поведал Уграсене с Шурасеной. Все выслушав, они молчали. Тогда-то Удхав джи сказал: "Махарадж! Благоволи немедленно приступить к делам. И прежде ты освободи царей от Джарасандха, потом отправишься, своим присутствием украсишь жертвоприношение. Ведь действие совершенья жертвы раджасуйи выполнять должны одни цари, никто другой! А Джарасандх собрал там двадцать тысяч государей. Коль ты освободишь их, без зова даже, все доблестные государи те придут и выполнят все действие совершенья жертвы! Махарадж! Ведь если б кто

другой пошел и покорил все страны мира — то и тогда б он не успел собрать такое множество царей. Поэтому теперь нам предпочтительнее сделать так! Благоволи отправиться сначала в Хастинапур. Там вместе с пандавами обсудить все и делай то, что делать надлежит!"

Махарадж! Сказав так, Удхав продолжал: "Махарадж! Могучий Джарасандха знаменит своей великой щедростью и почитанием коровы, почитаньем брахмана. Кто б ни пришел к нему, чего б ни попросил, там каждый получает все. Проситель от него печальным не уходит. Он лжи не говорит. Кому даст слово, остается верным. Он обладает страшной силой — силой тьмы слонов. С ним силою равняться может только Бхимасена. Государь! Коль ты туда пойдешь, бери с собою Бхимасену. По разуменью моему выходит, что смерть его в руке у Бхимасены!"

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: "Царь! Когда сказал так Удхав джи, тогда шри Кришначандра джи, простившись с царями Уграсеною и Шурасеною, сказал всем ядавам: "Махараджи! Немедля собирайте войско, мы выступаем в Хастинапур!" Услышав это, все ядавы немедленно снарядили, привели всю рать. Господь последовал за ними со своею ратью и с восемью царицами. Махарадж! Нельзя и описать всю красоту того мгновенья, когда шри Кришначандра со своей семьей, со всею ратью, под звуки барабанов, выступил из Дваркапури и отправился в Хастинапур. Там целый крор¹ слонов шел впереди, а справа, слева шло прикрытие из колесниц и всадников, посредине двигался ранвас², а сзади подвигался сам шри Кришначандра джи со всею ратью, охраняя всех. Где войско становилось станом, там возникал на много йоджан прекрасный дивный город. Цари всех стран, охваченные страхом, ему навстречу выходили и приносили Господу дары. Увидев их в великом страхе, шри Кришна всеми мерами их успокаивал и ободрял.

С такою пышностью шел Хари джи и, наконец, со всеми вместе прибыл в Хастинапур. Меж тем уж кто-то известил царя Юдхиштхиру, сказав ему: "О Махарадж! Какой-то царь с великой ратью наступает на твою страну. Скорее посмотри ты сам, не то считай, что он уж здесь!" Махарадж! Услышав это, царь Юдхиштхира, охваченный великим страхом, послал навстречу Господу своих двух младших братьев Накула и Сахадева и сказал им так: "Немедля отправляйтесь, посмотрите, какой царь наступает там!" И, получив веление царя,

1 Крор, десять миллионов.

2 Гарем.

Все осмотрели братья. Возвратясь назад,
Царю такое слово Накула сказал:
"То шествует владыка жизни нашей Хари!"
Услышал царь — заботы все отпали.

Потом, исполненный великой радости, Юдхиштхира призвал двух братьев, Бхиму с Арджуной, и так сказал им: "Братья! Вы все четыре брата отправляйтесь вперед, встречайте все шри Кришначандру, корень радости, и проводите во дворец!" Махарадж! Узнав из повеления царя о приближении Господа, четыре брата все в великой радости собрали все потребное для встречи и для пуджи, созвали всех главнейших пандитов и с музыкой и пением отправились навстречу Господу. Как Ведами предписано, с великой честью и почетом совершили встречу, пуджу. Потом четыре брата пандава устлали путь шри Кришначандры джи и свиты всей прекрасным желтым шелковым ковром, всех осыпали чоа и сандалом и окропили всех водой и розовой водой, осыпали их золотыми и серебряными цветами и поднесли светильник, благовония и снедь. Потом под звуки музыки и пенья ввели шри Кришначандру в город. Царь Юдхиштхира встретил Господа и испытал неизреченное блаженство, познав, что жизнь его увенчана великою наградой. Потом и во дворце и вне его там все друг друга навещали, как надлежит, друг другу оказали честь и дали взорам радость. И благодать весь город осенила, и в каждом доме радость водворилась. Шри Кришначандра, поселившись там, стал источать блаженство всем."

Так гласит глава семьдесят вторая — "Хождение шри Кришны в Хастинапур" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXIII. ГИБЕЛЬ ДЖАРАСАНДХА ОТ РУКИ БХИМЫ

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Однажды Кришначандра, море милосердия, друг страждущих и благодетель верных, восседая высоко на собрание риши, муни, брахманов и кшатриев, когда пришел вдруг царь Юдхиштхира. С великою мольбою и смирением, сложивши поднятые руки и склонив главу, он молил: "О повелитель Шивы, Брахмы! Всегда к тебе все мысли обращают: боги, муни, риши, высочайшие все йоги! Незримый ты, непостижимый, сокрытый сокровенной тайной! Твоей, владыка, тайны, не ведает никто.

Тебя чтут муни, йоги всей своей душой,
Ты в души их неходишь ни на миг, благой!

А нам ты дал здесь в доме лицезреть тебя:
Ты за любовь и веру чтить нас, возлюбя!
Каким великим чудом радует нас Мохан,
Того никто из всех нас и постичь не может!
Весь мир в сетях у Майи весь свой долгий век,
А с нами говорит он, словно человек.
Кто чтит тебя, владыка, сердцем и душой,
О том всегда ты знаешь: "Это верный мой!"
От гордых и тщеславных ты всегда далек,
А всем правдивым жизни корень ты даешь".

Махарадж! Сказавши так, царь Юдхиштхира вновь продолжал: "О, милосердный к страждущим! Твоею милостью я преуспел во всех своих делах, и лишь одно желание осталось у меня!" Господь сказал: "Какое?" Царь сказал: "Желание мое такое: я возымел желанье совершить здесь жертвоприношение раджасуйю и почтить тебя, чтоб переплыть таким путем чрез океан бывания!" Услышав это, Кришначандра с радостью сказал: "Царь! Желание благое возымел ты! Доставит это радость всем: богам всем, нам, муні, риши! Приятно это будет всем, а совершить тебе совсем нетрудно, ибо твои четыре брата Арджуна, Бхима, Накул, Сахадев великой силою и мощью обладают, и в мире никого такого нет, кто мог бы им противиться. Сначала ты пошли их; они пойдут и покорят царей всех стран и власти подчинят твоей, потом без всяких опасений совершай ты это жертвоприношение".

Царь! Когда такое слово милостиво сошло с уст Господа, тогда царь Юдхитшхира джи призвал своих всех братьев, дал им рать и четверых послал в четыре разных стороны. Шри Сахадев отправился на Юг, Накул пошел на Запад, на Север выступил шри Арджуна, а на Восток же двинулся сам Бхимасена джи. Махарадж! Прошло немного дней, а все четыре брата силой Хари покорили все семь дивипов и девять всех частей Земли и подчинили власти Юдхиштхиры джи царей всех стран Земли и привезли их всех с собой. Тогда царь Юдхиштхира джи, сложивши поднятые руки, так сказал шри Кришначандре джи: "Махарадж! С твоею помощью все это дело завершилось. Какое же теперь веление даешь?" Тогда стал Удхав джи и молвил: "Дхармаватар!¹ Пришли цари всех стран, но все ж теперь еще не подчинился вашей власти Джарасандх, царь страны Магадхской. Пока и он не будет подчинен, до той поры и принесение жертвы вами не может быть успешным. Махарадж! Джарасандх, сын царя Джаядратха, великой силою и мощью обладает; он щедр

1 Воплощение закона, справедливости.

необычайно и благочестив. Ни в ком такой нет силы, чтоб мог бороться с ним!" Когда, услышав это, царь Юдхиштхира пришел в печаль, шри Кришначандра молвил: "Махарадж, ты не изволь тревожиться сам ни о чем! Ты повели нам с братьями твоими Бхимою и Арджуной, и мы иль силой-хитростью его сумеем захватить и привести сюда, или убьем!" Услышав это, царь Юдхиштхира дал повеление обоим братьям. Тогда шри Кришна, взяв с собой обоих, отправился в страну Магадхскую. Уже в пути шри Кришначандра джи сказал так Арджуне и Бхимасене:

"Под видом брахманов мы в дом к нему войдем
И силой-хитростью там недруга убьем!"

Махарадж! Сказав такое слово, шри Кришначандра принял облик брахмана, за ним и Бхима с Арджуной переменили облик. Все трое сделали себе трипунду (Тилак последователей Шивы, шивантов. Трипуна состоит из трех горизонтальных изогнутых линий, которые рисуются на лбу смесью из золы, коровьего навоза, сандала, вареного риса и т.д.), под мышку книги взяли и сияющие и прекрасные отправились дальше так, как шли бы, воплотившись, гуны (Свойства или сущности, лежащие в основе всех вещей. Философия Санкхья различает три гуны — сатву, раджас и тамас.) сатва (сатва-гуна, согласно индийской философии, легкая и светлая; это доброта и святость), раджас (раджас-гуна — подвижная и деятельная; это элемент энергии, движения), тамас (Тамас-гуна — тяжелая и инертная; это элемент инертности и тьмы, невежества. Эти три элемента находятся в постоянном взаимодействии и, будучи противоположными один другому, порождают друг друга.), или три времени. Вот шли они так, шли и, наконец, все трое прибыли в Магадхскую страну, и ровно в полдень все остановились у ворот царя владыки Джарасандха. Увидев облик их, приратники пошли и своему царю сказали так: "Махарадж! Там у ворот твоих стоят три брахмана, три гостя — все прекрасны, великие ученые и мудрецы. Они хотят чего-то от тебя. Что повелишь нам делать?" Махарадж! Услышав это, Джарасандх немедля встал, пришел и поклонился всем трем, с великой честью и почетом ввел их в дом свой. Потом он посадил их на престол и, став пред ними, сложивши поднятые руки, с раздумьем посмотрев на них, сказал:

"Мы нищего, который к двери подойдет,
Царем великим, гостем нашим назовем.
Но вы не брахманы все: воинский ваш сан!
Добра не может дать нам никакой обман!"

Прикрывшись обманом, плут войдет к нам в дом;
Он может обмануть нас. Есть ли благо в том?
Не скрыть все ж, войны, вам доблести своей —
Видны герои, мужи: сила, дерзость есть.
Вы блещете красою; все вы трое — братья,
И сходны с вами только Хари, Шива, Брахма!
И так как я узнал уж половину тайны,
То расскажите сами все мне без утайки.
Какое бы желание ни было у вас,
Исполню я. От слова я не отступал.
Не говорит напрасно щедрый никогда:
Отдам богатство, тело, золото, стада!
Что б вы ни попросили, все я вам отдам,
Красавицу или сына, жизнь свою отдам!"

Махарадж! Услышав это, Кришначандра джи сказал: "Махарадж! Был некогда царь Харишчандра (Легендарный царь из солнечного рода, сын Тришанку. Харишчандра с древнейших времен является образцом благочестия, справедливости и щедрости. С именем царя Харишчандры связано много легенд.), очень щедрый. Живет и по сей час по всей Вселенной слава Харишчандры. Благоволи послушать! Однажды царство Харишчандры голод посетил. Народ стал умирать без пищи. Тогда царь Харишчандра продал все, что было у него и накормил весь люд. Когда ж лишился он и царства и богатства, сам обеднел и сохранил лишь сан свой царский, тогда однажды вечером сидел он со своей семьей голодный, и вдруг явился Вишвамित्रа и, желая видеть праведность его, сказал ему такое слово: "Махарадж! Благоволи мне дар дать, и ты получишь сам такую же награду, как за бракосочетание дочери своей!" Услышав это слово, царь принес и предложил ему все то, что было в доме. Но риши вновь сказал: "Махарадж! Для дела моего все ж это будет мало!" Тогда царь продал всех рабов, рабынь своих, принес и отдал деньги. Так отдал он все достояние свое, своих людей, лишился своего добра и слуг: остался лишь с женой и сыном. Но риши вновь сказал: "Дхармаватар! Для дела моего и этих денег мало! К кому теперь пойти мне, у кого просить? Во всей Вселенной я не знаю никого, кто б был богаче, милосердней и щедрей тебя! Да, есть чандал богатый, по имени Швапач! Скажи, и я пойду к нему и денег попрошу, но только стыдно мне! Как стану у него просить, когда я обращался с просьбою к такому щедрому царю!" Махарадж! услышав это, Харишчандра взял с собою Вишвамित्रу и пошел с ним в дом богатого чандала. И он ему сказал: "Брат! Я целый год тебе работать буду,

за это ты дай драгоценности ему, исполни все желания его". Швапач сказал:

"Как будешь выполнять ты нашу всю работу?

Как из души прогонишь гордость и темноту?

Ты царь высокославный, обладаешь силой,

Но грязная работа наша непосильна!

Махарадж! Работа у меня ведь вот такая! Ходить на место погребений, сторожить и, если труп приносят, брать с него налог, а сверх того мой двор и дом здесь сторожить! Коли берешься ты за это дело, то дам я денег, в залог же задержу тебя!" Царь сказал: "Добро, тебе служить я буду целый год; ему дай деньги!" Махарадж! Когда такое слово дивное сошло с уст государя, то Швапач отсчитал и отдал деньги Вишвамитре. И Вишвамитра взял и удалился в дом свой, а царь остался там и стал ему служить! Прошло немного времени, от голода скончался Рохиташва, Харишчандра сын. Царица с трупом сына своего пришла на место погребений. Когда она устроила костер и стала зажигать его, чтоб сжечь труп сына, явился царь, с нее потребовал налог.

Царица, оглянувшись, скорбно говорит:

"О царь! Одумайся ты! Прежде посмотри!

Ведь это сын твой Рохиташва! Чтоб уплатить тебе налог твой, у меня нет ничего, одно лишь одеянье, в котором я стою перед тобой!" Царь сказал: "Тут не моя ведь воля! Я на хозяйском деле здесь стою. Коль я не буду исполнять хозяйской службы, то я лишусь добродетели своей!" Махарадж! Когда царица, услышав такое слово, протянула руку уж к поле своей одежды, чтоб снять ее с себя, тогда три мира задрожали! Тогда Господь узрел всю добродетельность царя, царицы! Сначала он послал виман свой, потом пришел и сам явил себя и дал спасенье всем трем! Махарадж! Когда Творец, вновь ожививши Рохиташву, посадил царя, царицу с сыном на виман и повелел оправиться в Вайкунтх, тогда царь Харишчандра джи, сложивши поднятые руки, Господу сказал: "О, друг всех страждущих! Спаситель падших! Милосердный к страждущим! Как я могу без Швапача отправиться в Вайкунтх и наслаждаться там?" Услышав это слово и узнав душевное желание царя, великий благодетель верных, океан святого милосердия, шри Хари дал спасение и Швапачу, как и царю, царице и царевичу.

Достиг так Харишчандра вечного спасенья,
На веки вечные в сем мире прославления!"

Махарадж! Сказание такое так поведав Джарасандху, шри Кришначандра джи сказал: "Махарадж! Благоволи еще послушать, как Рантидев (Легендарный царь из лунного рода, потомок Бхараты. Знаменит своим богатством, благочестием и щедростью. Согласно "Махабхарате", у Рантидева было двести тысяч поваров, и ежедневно к столу его убивалось две тысячи коров и быков и множество разных других животных. Благодаря такой щедрости, Рантидев кормил бесчисленное множество нищих.) свершил такой великий подвиг, что сорок восемь дней он оставался без воды. Когда же он присел, чтоб самому воды напиться, тогда пришел какой-то жаждущий, и он не стал пить сам ту воду, а напоил страдавшего от жажды, и этим даром он достиг спасенья. Потом царь Бали дал ведь некогда великий дар, в награду получил подземное он царство. И по сей час живет ведь слава Бали. И вспомни ты еще, как Уддал муни джи в шесть месяцев один раз пищу принимал. Во врем трапезы однажды гость пришел к нему, и он не стал сам кушать пищу, накормил голодного, а сам от голода и умер. За принесение в дар пищи он на вимане вознесен был в рай Вайкунтх!

Еще пример тебе! Однажды Индра-царь со всеми божествами явился к Дадхичи (Легендарный риши, известный еще со времен Ригведы. Индра обучил Дадхичи многим наукам, но поставил условие не передавать их никому. За неповиновение Индра грозил отрубить голову. Ашвины (диоскуры) убедили Дадхичи сообщить им знания, и, чтобы спасти его от смерти, они отняли у него голову и взамен ее приставили голову коня. Поэтому Индра отсек у Дадхичи голову коня, а ашвины после этого снова приставили Дадхичи его собственную голову.) и так сказал ему: "Махарадж! Не в силах мы теперь спастись от руки Вритрасура (Вритра, демон засухи, с которым в постоянной вражде находится Индра, бог грома и дождя)! Но если соблаговолишь ты дать нам кость свою, то мы спасемся от его руки; не то спастись нам трудно, ибо нельзя убить его ничем, как только тем оружием, что сделано из кости, Дадхичи, твоей!" Махарадж! Услышав это, Дадхичи корове дал слизать всю плоть с бедра, а кость сам вынул и отдал. И боги взяли эту кость и ваджру¹ сделали, а Дадхичи джи, испустив свой дух, блаженства удостоился в Вайкунтхе!

Такою безграничной щедрость их была!

Весь мир поет им славу! Слава им, хвала!"

1 Перун, оружие Индры; впоследствии оружие для отогнания злых духов.

Царь! Сказавши так, шри Кришначандра обратился снова к Джарасандху: "Махарадж! Как в те другие Юги было много щедрых и благочестивых государей, так в наше время — ты! Как некогда они исполнили желание просящего, так ты теперь почти надежду нашу. Сказано есть:

Чего просить не может страждущий с мольбой?

Чего не даст податель щедрою рукой?

Отдаст красавицу он, сына и свой дом,

И голову, и тело: жадности нет в нем!"

Когда такое слово сошло с уст господя, то Джарасандх сказал: "Прозящий не болеет за подателя, и все ж не отступает щедрый от своей природы, не думая о том, страданье ждет его иль радость! Смотрите, Хари джи, обманной приняв облик, обратившийся в пигмея, явился к Бали, попросил лишь три шага земли; тогда предостерег сам Шукра (Шукра был сыном Бхригу, внуком Брахмы. Он состоял жрецом при царе Бали) Бали, но царь не отступил от обещанья своего!

С землей своею вместе отдал он и тело,

Зато достиг он славы за святое дело!

Какой же славы в мире Вишну тут достиг!

Забрал все достоянье, выдержал свой стих!

Поэтому откройте прежде тайну всю свою, тогда я дам вам все, что б вы ни попросили. На ветер не бросаю слов я!" Шри Кришначандра джи сказал: "Царь! Все мы кшатрии, и сыном Васудевы все зовут меня. Ты знаешь ведь меня прекрасно! А эти двое — Арджуна с Бхимой — мои двоюродные братья! Мы все пришли вступить с тобой в единоборство. Благоволи бороться с нами! Мы все пришли просить лишь об одном об этом, другого ничего не просим!" Махарадж! Услышав это от шри Кришначандры джи, царь Джарасандх великий рассмеялся и сказал: "Да что с тобой бороться? Ты сам же от меня сбежал! И с Арджуной не стану я бороться: ведь он ходил в страну видарбхов и потому ходил там в женском платье! Остался Бхимасена! Велите, буду я бороться с ним! Он — ровня мне, и мне не стыдно с ним вступить в борьбу.

Покушайте сначала во дворце со мной,

Затем и на арену! Пусть вступает в бой!"

Он, пищу предложив им, вышел из дворца,

Потом за Бхимасеной он прислал гонца.

Одну свою дубину Бхимасене дал,

Другую же дубину сам себе он взял.

Где сделана арена, там воссел Мурари,
А Бхима с Джарасандхом в круге уж стояли.
Надели шлемы оба, взяли пояса,
Предстали пред глазами лучших два борца!

Махарадж! Когда два мужа встретились лицом к лицу на той арене и, хлопнувши в ладоши, подняли свои дубины и, отступив назад, стал каждый головою поводить, тогда казалось, будто то два бешеных слона вдруг бросились друг на друга! И Джарасандх шри Бхимасене так сказал: "Ты первым в ход пускай свою дубину: ведь ты вошел в мой дом под видом брахмана! Поэтому я первый здесь не нанесу удар!" Услышав это, Бхимасена молвил: "Царь! Над нами властвует закон борьбы, и нам об этом вспоминать не нужно! Кто хочет, пусть пускает в ход оружие первым!" Махарадж! Так меж собою говорили оба мужа и, одновременно пустивши в ход дубины, начали борьбу!

То случая ждут оба, чтоб ударить вдруг,
То сыпятся удары вправо, влево, в грудь!
Спасаясь от ударов, прыгают назад,
То, бросившись вперед вдруг, вновь врага рязят
Дубиной о дубину! Слышен только гром!
Поднялся гул великий! Замерли кругом!"

Поведав это сказанье, шри Шукатхеда джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Так целый день там два богатыря боролись в правильной борьбе, а вечером, вернувшись во дворец, покушали совместно, отдохнули. И целых двадцать семь дней продолжалась борьба такая! И вот однажды, когда они вдвоем боролись, шри Кришначандра джи подумал так в душе: "Его так не убить! Известно, что когда родился он, то состоял из двух частей". Тогда пришла к ним Джара-ракшаси, закрыла Джарасандху рот и нос, тогда слились обе части. Узнав об этом, его отец Брихадратха (Царь страны Магадхской. У Брихадратхи было две жены, и обе были бесплодны. Когда спустя долгое время они разрешились от бремени, то каждая из жен Брихадратхи родила по половине ребенка. Все пришли в ужас и отвращение и выбросили этих уродов. Джара нашла эти половинки и склеила из них целого ребенка.), призвав к себе немедленно всех астрологов, спросил: "Скажите, как назвать младенца этого? Каким он будет? Астрологи сказали: "Махарадж! Ему мы имя дали — Джарасандх². Могуч и славен будет он! Он будет вечно юн, бессмертен! Никем не будет он убит до той поры, пока не

1 Легендарная людоедка-демон.

2 "Соединенный (склеенный) Джарой".

будет связь нарушена его частей!" Промолвив так, астрологи простились, удалились!" Махарадж! Подумав так в душе, шри Кришначандра, отвернувшись, шри Бхимасене знаком указал на одеянье Джарасандха: "Ты разорви его, как ткань!" Едва успел шри Кришначандра сделать знак, как Бхимасена, вдруг схвативши Джарасандха, с силою на землю бросил и, наступив одной ногою на одно бедро, схватил другую ногу в руки и разорвал вмиг так, как расщепляют зубочистку. Когда царь Джарасандх скончался, то суры, нары все и гандхарвы вдруг заиграли в небесах на барабанах, бубнах и свирелях и, проливая дождь цветов, кричали все: "Джай! Джай!" Печаль и горе миновали, и радость разлилась по городу всему. Тогда перед шри Кришначандрой джи предстала вдруг супруга Джарасандха, с рыданиями она, сложивши поднятые руки, молвила: "Благословение! Благословение тебе, владыка! За то, что сделал ты такое дело! Тебе он все отдал, а ты отнял и жизнь его! Кто в мире сына, тело и богатства был тебе пожертвовать готов, к тому такую ж проявляешь ты любовь.

Ты под чужой личиной хитрость применил,
Пришел ты в мир и этим славу заслужил!"

Махарадж! Когда супруга Джарасандха, сложивши поднятые руки, смиренно так сказала милосердному, сосуду милосердия, тогда Господь, исполнившись сострадания, прежде повелел исполнить погребальные обряды все над телом Джарасандха, потом, призвав немедленно Сахадева, сына Джарасандха, ему дал тилак царский и, посадив на трон, сказал: "Сын! Правь царством справедливо! И охраняя всех риши, муні, коров и брахманов и весь народ!"

Так гласит глава семьдесят третья — "Умерщвление Джарасандха" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXIV. ШРИ КРИШНАЧАНДРА ДЖИ ОСВОБОЖДАЕТ ЦАРЕЙ. ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ КО ДВОРУ ЦАРЯ ЮДХИШТХИРЫ

Шри Шукананда джи сказал: "Махарадж! И посадив на царский трон шри Сахадева и преподав все наставления царю, шри Кришначандра джи сказал: "Царь! Теперь ты отправляйся, приведи сюда всех тех царей, которых твой отец держал в пещере горной в заключение". Когда такое слово тут сошло с уст Господа, сын Джарасандха Сахадев сказал: "Очень хорошо!", отправился в пещеру и, отвалив скалу у входа, выпустил оттуда двадцать тысяч восемьсот

царей и всех привел их к Хари. Пришли цари — закованы в оковы и по рукам и по ногам; железные у каждого нашее цепи; волосы и ногти отросли; худые, истощенные; с унынием в душе; в одеждах грязных, — и все пред Господом рядами встали, сложивши поднятые руки и со смирением сказали: “О, милосердья океан! Друг страждущих! Ты в добрый час пришел и позаботился о нас, не то б мы все скончались. Мы удостоились тебя узреть, и в наши души жизнь вошла и прежние мученья изгнала!”

Махарадж! Услышав это, милосердья океан, шри Кришначандра джи окинул взором всех, и Сахадев немедленно всех увел, велел оковы снять и цепи, велел побрить, омыть и искупать и вкусной пищей накормить их всех; велел надеть на них одежды, украшения, снабдить их всех вооружением, доспехами и снова всех привел их к Хари. Тогда шри Кришначандра джи им показался в четвероруком образе своем, с шанкхой, чакрой, гадой, падмой. Когда цари узрели истинный тот образ, сложивши поднятые руки, все сказали: “Владыка! От тяжких уз сансары¹ ты все живое избавляешь! И трудно ль было для тебя освободить всех нас от уз железных Джарасандха? Как ты, нам сделав милость, освободил нас всех от тяжких уз, так и теперь спаси нас из колодца-дома нашего, освободи нас от страстей и гнева, жадности и ослепленья. Позволь сидеть в тиши безлюдной, созерцать тебя, дабы могли мы переплыть чрез океан быванья!”

Шри Шукадева джи сказал: “Царь! Когда цари сказали это слово, полное святого знания, самоотречения, тогда шри Кришначандра, просветлев, сказал: “Внемлите! В чем сердце есть любовь ко мне, тот, нет сомнений, удостоится спасения и радости! Освобожденья от оков в самой душе ищите! И в чьей душе есть стойкость, для тех равны и дом и лес. Вы не тревожьтесь больше ни о чем! Спокойно отправляйтесь по домам и правьте царством справедливо; народ свой охраняйте; служите все корове, брахману; не говорите лжи; забудьте страсти, гнев и жадность, гордость; с благоговением сердечным почитайте Хари, и нет сомнения, что вы достигнете ступени высочайшей! Кто в мир придет и возгордится, недолго жизнью насладится. Смотрите все, кого как погубила гордость!”

Тысячерукий² силой страшною хвалился,
Парашурам ту силу в корне погубил всю!

1 Мир бывания; призрачный мир, в котором происходят перерождения всего живого.

2 Один из царей, убитый Парашурамом.

Царь Вайна воплотился в виде Равана!
И гордостью жестокой жизнь отравлена!
Бхавмасур и Банасур, Канса злой, злодей,
От гордости погибли в дерзости своей!
Никто да не гордится силою богатства,
И кто оставит гордость, тот живет без страха".

Промолвив это, шри Кришначандра джи сказал царям: "Теперь пусть каждый отправляется в свой дом, пусть навестит семью и укрепит свой трон. К тому же времени, как мы прибудем в Хастинапур, скорей являйтесь все к царю Юдхиштхире для совершения жертвы раджасуйи!" Махарадж! Когда такое слово вышло из уст шри Кришначандры джи, то Сахадев немедленно всем царям доставил все необходимое для отправления в путь. Они простились с Господом, и каждый поспешил в свою страну. Шри Кришначандра взял с собою Сахадева и вместе с Бхимою и Арджуной ушел оттуда и счастливо, благополучно прибыл в Хастинапур. Потом Господь пришел к царю Юдхиштхире, и все поведал он ему об убиении Джарасандха и об освобождении всех царей".

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Когда шри Кришначандра, корень радости, так прибыл в Хастинапур, то вслед за ним пришли и все цари с дарами, и каждый рать свою привел. Юдхиштхиру цари все посетили и поднесли дары. И по велению шри Кришначандры джи они пошли, расположились вокруг Хастинапура, потом явились для участия в жертвоприношении".

Так гласит глава семьдесят четвертая — "Прибытие всех царей в Хастинапур" — в "прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXV. ВО ВРЕМЯ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ РАДЖАСУЙИ ШРИ КРИШНА УБИВАЕТ ШИШУПАЛА

Шри Шukaдева джи сказал: "Царь! Теперь я расскажу тебе сказание о том, как царь Юдхиштхира джи жертвоприношение совершил и как убит был Шишупал. Ты прилагай внимание, слушай! Когда пришли все двадцать тысяч восьмьсот царей, со всех сторон явились в Хастинапур все цари окрестных стран — и лунного и солнечного рода. Тогда шри Кришначандра джи и царь Юдхиштхира, со всей учтивостию встретив всех царей, нашли для каждого и ласковое слово и каждому из государей поручил то или иное дело при совершении жертвоприношения. Потом шри Кришначандра джи сказал царю Юдхиштхире: "Махарадж! Я с

Бхимой, Арджуной, Накулом, Сахадевом — все пять братьев — возьмем с собою всех царей и будем совершать все внешнее служенье, а ты благоволи созвать всех риши, муні, брахманов и приступай немедленно к жертве!" Махарадж! Услышав это, царь Юдхиштхира, призвав к себе всех риши, муні, брахманов, спросил: "Махараджи! Благоволите указать, что нужно для свершенья жертвы!" Махарадж! Когда он так сказал, все риши, муні, брахманы немедленно посмотрели в книги и написали на одном листе все то, что требуется для свершенья жертвы. И царь немедленно все потребовал, велел сложить пред ними. Все риши, муні, брахманы совместно и с усердием воздвигли тут алтарь для жертвы. Все риши, муні, брахманы всех четырех Вед (брахманы в древности разделялись по школам в зависимости от того, какая из Вед была предметом их специального изучения) по середине алтаря себе сиденья разостлали¹ и все сели. По совершенью очишенья царь Юдхиштхира, связанный узлом с своей супругой, проследовал туда и сел. За ним пришли и сели Дроначарья², Крипачарья³, Дхритараштра, Дурйодхана и Шишупал и все великие воители и величайшие цари. И брахманы, свершив святое действие свастивачан (Начальная часть торжественной религиозной церемонии. Во время свастивачана совершается поклонение Ганеше, который, согласно легендам, уничтожает все препятствия, стоящие на пути к благополучному совершению жертвоприношения; ставятся жертвенные сосуды и читаются умиловительные мантры (стихи) из Вед.), почтив Ганешу, поставили кувшины, прочли воззвание ко всем планетам⁴. Потом царь нанял (плата за совершение торжественного жертвоприношения могла достигать огромных размеров, например сто тысяч и более коров, помимо других подарков и угощения огромного количества брахманов) для свершенья жертвы Бхарадваджу, Гаутаму, Васиштху, Вишвамитру, Вамадева, Парашураму, Кашьяпу и Вьясу и всех великих риши, муні, брахманов; они царю велели дать им милостыню и приступили к совершенью жертвы хома⁵. Махарадж! Прочтя ведические

1 Сиденья обычно делались из травы.

2 Дрона, точнее учитель Дрона.

3 Один из героев Махабхараты, сын риши Шарадвата. Один из приближенных кауравов и один из трех воинов кауравов, оставшихся в живых после великой битвы. Крипа участвовал в ночном нападении на лагерь пандавов, безмятежно спавших после победы над кауравами, и в безжалостной резне пандавов.

4 Согласно верованиям индусов, планеты могут оказывать дурное или хорошее влияние на совершающееся действие.

5 Жертвоприношение, в частности возжигание на жертвенный огонь очищенного масла, бросание ячменя и т.д., сопровождаемое чтением мантр, приличествующих совершаемому виду жертвоприношения.

мантры, все риши, муни, брахманы свершили ахути чтение ведических мантр, возлияние масла и бросание в огонь прочих предметов, приготовленных для жертвы, сопровождаемое призывами богов прийти и принять принесенные дары), и боги руки зримые простерли и стали брать святое подношение. В тот час все брахманы читали Веды, а все цари (в совершении жертвы раджасуи, кроме жрецов-брахманов, могли участвовать только цари) им приносили все, потребное для жертвы хома, а царь Юдхиштхира сам хому совершал. И так спокойно, без препятствий совершилось принесение жертвы, и царь свершил пурнахути¹. Тогда все суры, нары, муни благословлять царя все стали, а якши, гандхарвы и киннары согласно заиграли, воспевали славу и пролили великий дождь цветов".

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Окончив совершение жертвы, царь Юдхиштхира, призвавши Сахадева, так спросил:

"Кому же первому ты пуджу совершишь?
Кому ты поднесешь тут акшат², тилак, рис?
Того, кто есть богов всех повелитель,
Того почитите все и главы преклоните!"

Сахадев джи молвил: "Махарадж! Богов всех бог есть Васудева! Никто не ведает его великой сущности! Он есть владыка Брахмы, Индры, Рудры. Ему мы первому здесь пуджу совершим, главу пред ним преклоним! Коль корень дерева полить, зазеленеют и все ветки, так если Хари пуджу совершим, все божества довольны будут! Один он есть создатель мира! Его творит он, охраняет, разрушает, и беспредельны чудеса его, никто не ведает пределов их! Он есть Господь незримый и непостижимый, вечный, и Камла³, как рабыня, неизменно служит лотосам его прекрасных ног! Для блага верных неизменно он приемлет Аватары и, приняв тело, дела мирские совершает.

Приходит в дом, садится, как с родным, как с другом,
Своей великой Майей обольстил он нас,
Заставил он, всевышний, братом нас признать,
Не знаем никого, кто б с ним сравниться мог,
Его почтим мы первым: он — всевысший бог!"

Махарадж! Услышав это, все риши, муни и цари воскликнули: "О, царь! Святую истину сказал нам Сахадев джи! Один

¹ Заключительная часть жертвенной церемонии.

² Цельные зерна риса, употребляемые при совершении религиозных церемоний.

³ Одно из имен Лакшми, супруги Вишну.

лишь Хари, он достоин первой пуджи!" Тогда-то царь Юдхистхира немедленно посадил шри Кришначандру на престол с восьмью его царицами и, предложив ему сандал и акшат, благовония, цветы, светильник, пуджу совершил. Потом свершил он пуджу и всем йогам, риши, муним, брахманам, царям, всех одарил прекрасными одеждами разнообразнейших цветов и сделал кхавры¹ из сандала и шафрана. Потом, украсив каждого гирляндой из цветов и окропив их благовоньями, царь сделал все, что мог, чтоб удовлетворить своих гостей!" Шри Шukaдева джи сказал: "Царь!

При пудже Хари каждый счастье испытал,
Свою главу понурил раджа Шишупал.

Понурившись, он долго сам о чем-то размышлял в душе и, наконец, поддавшись власти смерти, в ярости сошел с престола и, без смущенья став среди собранья, дерзко так воскликнул: "Здесь на собрание этом присутствуют такие знатные, почтенные и мудрые герои, как Дхритараштра, Дурйодхана, Бхишма, Карна, Дроначарья и все другие. Однако же сейчас убиты честь и мнение всех их. Здесь муним величайшие сидят, а пуджу совершили сыну Нанды-пастуха, и ничего никто здесь не посмел сказать! Здесь на собрание этом ведь превознесли как Господа того, кто где-то в Брадже там родился и ел объедки пастухов!

Великим и незримым величают все,
И жертву Сурапати поднесли уж здесь.

Того, кто где-то там с пастушками, с чужими женами любился, того здесь, на собрание этом, возвели вдруг в величайшие святые. Кто молоко, сметану, простоквашу в каждом доме воровал и жрал, тому здесь все воспели славу. Кто на дорогах, перекрестках милостыню принимал от всех, тот удостоился неожиданно здесь такой высокой чести! Кто соблазнял там жен чужих и с ними наслаждался, тому по общему совету дали первый тилак здесь! Кто уничтожил в Брадже поклонение Индре, установил там поклонение горе, потом похитил и унес с горы все то, что было приготовлено для пуджи, всех обманул и съел все сам, да и тогда не постыдился; чью касту, мать, отца или род или закон никто не мог установить, того почтили, сделав вдруг незримым, вечным богом!"

Поведав это сказанье, Шри Шukaдева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Так Шишупал, поддавшись власти смерти, такие злые речи говорил там о шри Кришначандре

¹ Особого рода тилак в форме лука, лобный знак касты и секты

джи! Шри Кришна ж восседал среди собрания на престоле, слушая, слушал, и в ответ на слово каждое он проводил черту. Тогда вдруг Бхишма, Карна, Дрона и великие цари, услышав поруганье Хари и придя в великий гнев, вскричали: "Безумец! Сидишь здесь на собрание и на глазах у нас хулишь ты Господа! Эй, ты, чандал! Да замолчи скорей, не то сейчас повергнем и убьем тебя!" Махарадж! Сказав так, все цари вдруг взялись за оружие и кинулись убить немедленно Шишупала. В тот час шри Кришначандра, корень радости, остановил их всех, сказал: "Оружия никто да не поднимет на него! Все стойте и смотрите: он сам собой умрет! Я вынесу сто оскорблений от него: я сам себя связал таким великим словом! Но больше ста не вынесу! По этой именно причине провожу я у себя черты!"

Махарадж! Услышав это, все, сложивши поднятые руки, спросили у шри Кришначандры джи: "Владыка милосердный! Какая тайна в этом? И почему ты вынесешь сто оскорблений от него? Ты, сделай милость, объясни нам, дабы сомнение ушло из наших душ!" Господь сказал: "Когда родился он, то было у него три глаза, и не две руки — четыре". И получив об этом весть, отец его царь Дамгхош¹, призвав к себе астрологов и пандитов великих, спросил: "Какой, скажите, сын родился у меня? Подумайте об этом, дайте мне ответ!" Услышав слово царское, все пандиты, астрологи, совместно обсудив все, сказанное в шастрах, так сказали: "Махарадж! Могучим и преславным сын твой будет! По разумению нашему выходит также то, что будет он убит рукой того, с которым встреча приведет к утрате ока и двух рук!" Услышав это, Махадеви, мать его, дочь Сурасены, сестра родная Васудевы, наша тетка, пришла в великую печаль и стала жить, все восемь страж томясь заботою о сыне.

Прошло немало дней, и вот однажды с сыном она пришла в отцовский дом к нам в Дварку. Когда он встретился со мной и у него отпали две руки и выпал глаз один, тогда-то тетка, меня связавши словом, так сказала: "Смерть суждена ему лишь от твоей руки! Не убивай его, прошу тебя об этой милости!" и я сказал ей: "Добро! Сто вин его не засчитаю я! Когда же сверх того он совершит вину, то я убью его!" Также слово взяв с меня, она простилась со всеми и с сыном возвратилась к себе домой, сказав: "Когда он совершит сто преступлений, тогда умрет от Кришниной руки!"

¹ Легендарный царь страны Чхандери, отец царя Шишупала.

Махарадж! Поведая это сказанье, шри Кришна джи тем устранил недоуменье в душах всех царей и стал считать свои черты, которые провел за каждую вину. Когда он сосчитал их, вышло больше ста. Тогда Господь немедля дал свое веление сударшанчакре, и он в одно мгновенье отрубил тут Шишупалу голову. И свет, который вышел вдруг из тела Шишупала, сначала до Небес поднялся, потом, вернувшись, на глазах у всех вошел в уста шри Кришначандры. Увидев это чудо, суры, нары, муни провозгласили все: "Джай! Джай!" и пролили богатый дождь цветов. В то время шри Мурари, благодетель верных, в третий раз спасенье даровал ему и погребенье совершил его!"

И, выслушав сказанье это, царь Парикшит спросил шри Шukaдева джи: "Махарадж! Каким же образом-то в третий раз спасенье даровал ему? Ты объясни и расскажи мне все!" Шри Шukaдева джи сказал: "Царь! Он в первый раз родился в образе Хираньякашьяпы. Тогда Господь наш, приняв Аватару в образе Нрисинха¹, спас его! Теперь он в третий раз родился, а посему свершилось спасенье в третий раз!"

Услышав это, царь сказал так муни: "Махарадж! Благоволи же продолжать свое сказанье!" Шри Шukaдева джи продолжил: "Царь! По окончаньи жертвоприношенья царь Юдхиштхира джи оделил одеждami царей всех с их супругами, а брахманам он даровал бесчисленное множество даров. Распределение даров при совершеньи жертвоприношенья царь возложил в том действе на Дурйодхану, а он из ненависти вместо одного давал по несколько даров. За это заслужил он славу, но радости он не познал".

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Когда закончилось жертвоприношенье, шри Кришначандра джи с Юдхиштхирой простился и, взяв всю рать свою, с семьею выступил из Хастинапура и скоро прибыл в Дварку. Когда Господь вернулся, ликование настало в каждом доме, весь город охватила радость".

Так гласит глава семьдесят пятая — "Жертвоприношение раджасуйи. Спасенье Шишупала" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXVI. УНИЖЕНИЕ ДУРЙОДХАНЫ

Царь Парикшит сказал: "Махарадж! Все были рады совершенно жертвы раджасуйи. Один Дурйодхана остался недоволен. Какая же причина этого? Ты объясни мне это, расскажи, дабы недоуменье сошло с души моей!" Шри Шukaдева джи сказал: "Царь! Твой дед² был мудр. При

1 Т. е. Нарасинх, человек-лев; четвертая Аватара Вишну.

совершенство жертвы каждому он поручил такое дело, к какому он считал способным человека: Бхима¹ дал он порученье угощать всех; следить за совершеньем пуджи он поставил Сахадева; для собирания богатств назначил Накула; служить всем был поставлен Арджуна; шри Кришначандра джи взял на себя все дело омовенья ног и удаления объедков и остатков пищи; Дурйодхане дал дело раздавать дары. И всем царям, которые там были, он все им поручил какое-либо дело. Махарадж! При совершенье жертвоприношенья служили все нелицемерно. Один лишь царь Дурйодхана с высоким лицемерьем исполнял порученное дело, и посему-то вместо одного он с умыслом всем раздавал по несколько даров, решив в своей душе: "Когда запас их истощится, выйдет посрамленье!" Но, милостию Господа, бесчестия не вышло, а получилась слава, и посему остался недоволен он. Не ведал он того, что на руке его был знак такой счастливый, что он давал одну лишь рупию, а получалось четыре".

Рассказав это сказанье, шри Шукадев джи продолжал: "Царь! Теперь благоволи ты слушать продолжение сказанья. Когда шри Кришначандра отбыл, царь Юдхиштхира сам накормил и напоил и облачил в прекрасные одежды всех царей, затем с большой учтивостью он отпустил их всех. И каждый царь, собрав всю рать свою, отправился в свою страну. Потом царь Юдхиштхира джи собрал всех пандавов и кауравов, и все под звуки музыки и пения отправились для омовения на Гангу. Придя на берег, простершись пред богиней Гангой и возложивши прах на головы свои, и совершивши ачман, вошел он в воду сам с супругами своими. С ним вместе совершили омовенье все. Потом, омывшись, испулавшись, вечернюю исполнив пуджу, надев одежды, украшения, царь Юдхиштхира джи, пригласив с собою всех, пришел туда, где дайтья Май построил дивной красоты дворец из золота, украшенный камнями самоцветными.

Махарадж! Придя туда, царь Юдхиштхира сел на царский трон. Тогда гандхарвы воспевали доблести его, а чараны и банди² воспевали славу; плясуньи на собранье пляски исполняли. И во дворце и вне его артисты пели и играли, увеселяли всех. Собрание царя Юдхиштхиры было подобно дивному собранию у Индры. И в это время царь Дурйодхана, узнав о том, что во дворец уж прибыл Юдхиштхира, с великой пышностью явился сам ему навстречу, чтоб лицемерно проявить свою любовь".

¹¹ Т. е. царь Юдхиштхира.

¹ Бхима славился своим прекрасным аппетитом и умением покушать.

² Певцы-панегтисты.

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Там во дворце устроил Май художество такое, что пол водой казался, а вода полом, Махарадж! Когда Дурйодхана вошел вот во дворец, сухое место показалось ему водой, он поднял все свои одежды, Потом последовал он дальше, и, воду увидав, он обманулся, приняв за сухое место. Когда он сделал шаг вперед, то облачение его намокло. Увидев это, все бывшие на том собрании расхохотались. Царь Юдхиштхира, чтоб подавить свой смех, немного отвернулся. Махарадж! Когда раздался общий хохот, Дурйодхана пришел в великий стыд, он в страшном гневе повернулся, пошел обратно. Явившись на свое собрание, Дурйодхана сказал: "Юдхиштхира, сам получив поддержку Кришны, исполнился великой гордости! Сегодня на своем собрании он поднял на смех самого меня! Я отомщу ему за это, сбавлю гордости, не то не буду называться я Дурйодханой!"

Так гласит глава семьдесят шестая — "Унижение Дурйодханы" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXVII. ШРИ КРИШНА УБИВАЕТ ДАЙТЬЮ ШАЛЬВУ¹

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Когда шри Кришначандра с Баларамом были в Хастинапуре, то некий дайтья Шальва, друг Шишупала, вдруг явился в Дварку. Во время брака Рукмини он пострадал когда-то от руки шри Кришначандры и бежал. Потом стал подвиги свершать в честь Махадева джи и так сказал себе в душе: "Теперь я отомщу всем ядавам!"

Он победил все страсти, воле подчинил,
Зимой и летом голод, жажду выносил!
Труды такие долго Шальва совершал;
К стопам шри Махадева ввысь неслась душа.
Всегда съедал он утром пригоршню песку,
Творил он тяжкий подвиг, скрыв в душе тоску.
Когда в таких страданиях он провел весь год,
То Махадев явился, дар ему дает:

1 Согласно "Махабхарате", Шальва был царем Саубхского царства и воевал с Бхишмой из-за Амбы, дочери Бенаресского царя. Так как Амба хотела выйти замуж за Шальву, то Бхишма оставил ее Шальве, но он не принял ее. Шальва был другом Шишупала и пошел на Кришну с целью отомстить ему за смерть своего друга.

“Отныне ты бессмертен, будешь вечно юн, и колесницу для тебя волшебную я изготовить дайте Маю повелел. Куда бы ты ни пожелал, она тебя в одно мгновение доставит! И в силу дара моего она, как и виман, способна будет проникать во все края всех трех миров!”

Махарадж! Едва успел Садашива джи даровать ему такой великий дар, как вдруг явилась колесница и пред ним остановилась. Шальва тут почтил шри Шиву джи и, сев на колесницу, он помчался в Дваркапури. Примчавшись в Дварку, Шальва стал на граждан насыпать разнообразные болезни и мученья. То проливал он дождь — то огненный, то водяной; то с корнем вырывал огромные деревья и их бросал на город; то горы целые обрушивал на граждан! От страха перед ним все граждане, охваченные ужасом, вдруг прибежали к Уграсене и воззвали: “Спаси нас, Махарадж! Пришел к нам в город демон и совершает страшные бесчинства! И ежели такие он злочинства будет делать дальше, то не останется в живых здесь никого!” Махарадж! Услышав это, царь Уграсена, призвав к себе Прадьюмну джи и Самбу джи, сказал им так: “Смотрите! Используя отсутствие здесь Хари, пришел сюда асур, чтоб угнетать народ! Немедля изыщите средства против этого!” И, получив веление царя, Прадьюмна джи собрал всю рать и, сев на колесницу, немедленно выехал за город и там остановился, приготовясь к бою. Увидев же, что Самба страхом поражен, он молвил: “Ты не тревожься ни о чем! Я силой Хари в одно мгновение поражу асура!” Сказав такое слово, Прадьюмна джи со всею ратью взялся за оружие. Когда они приблизились к врагу, он произвел такую майю, что днем настала темная вдруг ночь. Тогда ж Прадьюмна джи метнул блестящую и острую стрелу и тьму великую прогнал, как будто Солнца блеск туман рассеял. И снова несколько таких он стрел метнул с такою силой, что опрокинулася колесница демона и сам он в страхе убежал, то возвращался снова и, демонскою силой порождая разнообразнейшие Майи, продолжал борьбу и причинял великие страдания народу Господа”. Поведав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: “Махарадж! Так обе стороны вели жестокий бой, как вдруг явился Дьюман, советник Шальвы. Своей дубинной он нанес вдруг в грудь Прадьюмны джи такой удар, что тот упал без чувств! Когда Прадьюмна джи свалился, то демон с ликованием воскликнул: “Прадьюмну, сына Кришны, я убил!” Махарадж! Все ядавы вели жестокий бой с асурами. Меж тем сын Дарука¹, возницы, увидев шри

¹ Возница Кришны.

Прадьюмну джи без чувств, на колесницу положив его, бежал с ним с поля битвы и доставил в город. Придя в себя, Прадьюмна джи пришел в великий гнев и так сказал вознице:

“Не следовало делать так тебе, возница!
Увидел: я без чувств, — и в бегство с колесницей,
Покинув поле брани, мчишься ты домой!
Не должен поступать так доблестный герой!
У нас в роду у Яду не было таких,
Кто б в страхе пред врагами сам бежал от них!

Ты видел ли когда-нибудь, чтоб я бежал? Зачем же ты сегодня там заставил так бежать постыдно с поля? Когда об этом кто услышит, смеяться будут, издеваться надо мной! Не доброе ты сделал дело, что так без пользы запятнал меня позором!” Махарадж! Услышав это, возница сам сошел немедленно с колесницы и стал пред ним. Сложивши поднятые руки, склонив свою голову, он молвил: “О, господин! Ты знаешь правила! Такого в мире нет закона, которого б не ведал ты! Ведь сказано:

“Когда воинство ранен, пал на колеснице,
Тогда его увозит доблестный возница.
Когда же сам возница падает от ран,
Пусть боец спасает, сам оставя брань!”
Дубиной ты могучий здесь имел удар,
Тебе отшибло память, чувства потерял.
Тогда с тобою с поля битвы я бежал,
И вот, боясь позора, здесь ты задрожал!
Ты отдохнул часок здесь. Нужен был покой!
Теперь вернемся снова; ну, вступай там в бой!
Ты знаешь все законы, правила борьбы,
Посмешищем не будешь, вождь наш, не скорби!
Теперь без промедленья бей своих врагов,
Разрушь скорее чары Мая, данавов!”

Махарадж! Сказавши так, возница шри Прадьюмну джи привез к воде. Там шри Прадьюмна в воду погрузился, омыл свое лицо и руки, ноги; пришел в себя, надел доспехи, шлем; взял лук и стрелы и сказал вознице: “Добро! Что было, то прошло! Теперь скорей вези меня туда, где Дьюман с ядавами бой ведет!” Услышав это слово, возница вмиг доставил колесницу шри Прадьюмны джи туда, где шел жестокий бой. Едва примчался, он с грозным вызовом воскликнул: “Что ж ты дерешься то с одним там, то с другим? Иди сюда, передо мною становись, и я пошлю тебя без промедленья к Шишупалу!” Когда, услышав это слово, Дьюман вдруг обрушился на шри Прадьюмну, Прадьюмна

джи пустил вдруг несколько могучих стрел и повалил его. А Самба изрубил всю рать асуров и в море потопил”.

Рассказав это сказанье, шри Шукрадев джи молвил: “Махарадж! Когда все ядавы сражались в Дваркапури с полчищами ракшасов так целых двадцать семь дней, то проникающий в сердца шри Кришначандра джи, хоть был он в Хастинапуре, увидел бедствия все Дварки и сказал царю Юдхиштхире: “Махарадж! Я видел ночью сон, что в Дварке бедствие великое, все ядавы страдают тяжко. Поэтому ты повели мне поскорей вернуться в Дварку!” Услышав это, Юдхиштхира, сложивши поднятые руки, так сказал: “Как Господу угодно!” Когда слова такие вышли из уст царя Юдхиштхиры, шри Кришна с Баларамом джи простились со всеми. Невдалеке от города они вдруг видят: слева убегает лань, а прямо перед ними стоит, облизываясь, пес. Увидев это знамение злое, сказал так Хари Балараму джи: “Брат! Я двинуся вперед, а ты со всеми следуй в Дварку!”

Царь! Сказав так брату своему, шри Кришначандра джи немедленно двинулся вперед и прибыл в Дварку. Приблизившись к полю брани, видит он: асуры с четырех сторон жестоко поражают ядавов, а ядавы в смятение страшном отбиваются от них. Когда, увидев это, Хари джи остановился на горе, то сзади подоспел и Баладев джи. Тогда шри Кришначандра джи сказал так Балараму: “Брат! Немедля отправляйся, охраняй народ и город, а я их разобью и догоню тебя!” И, получив веленье Господа, шри Баларам отправился немедленно в город, а Хари сам остался там на поле брани, где шри Прадьюмна джи боролся с Шальвой. Едва приблизился владыка Яду, послышался звук раковины дивной, и все узнали, что шри Кришначандра прибыл.

Махарадж! Когда Господь явился, то Шальва на своей волшебной колеснице ввысь взлетел и стал с небес метать вдруг огненные стрелы. Тогда шри Кришначандра джи немедленно отсчитал шестнадцать стрел и так ударил, что колесница и возница Мая вверх полетели, а сам он кувырком вниз полетел. Упав с огромной вышины, он все же овладел собой, пустил стрелу; попав неожиданно в руку Хари, закричал он: “Эй, Кришна, стой! Хочу я силу посмотреть в единоборстве! Ты хитростью убил Шанкхасура, Бхавмасура и Шишупала и других великих и могучих воинов. Теперь, однако, трудно будет здесь тебе спастись от моей руки!

Теперь тебе пришлось встретиться со мной!

Оставь же хитрость, плутни, сам вступай ты в бой!

Твои враги: Банасур, гордый Бхавмасур —

Заждалися тебя там! Каждый ждет асур!

Тебя туда отправлю! Не сбеги назад!
Коль убежишь отсюда, славы не видать!"

Когда, услышав это слово, шри Кришначандра джи сказал: "Глупец тщеславный, трус жестокий! Ведь кшатрий, истинный герой, могучий, не станет так бахвалиться ни перед кем до боя!", то Шальва, услышав, накинулся на Хари джи и в ярости занес над ним свою дубину. Господь рассек ее легко, свободно, и она упала. Потом шри Кришначандра сам нанес удар дубиной! От этого удара Шальва два часа лежал без чувств там под покровом Майи. Потом обманный образ принял и, приблизившись к шри Кришне, он сказал:

"Мать Деваки прислала, в страхе там она:
Враг Шальва Васудеву вдруг в полон утнал!"

Махарадж! Сказав такое слово, ракшас убежал оттуда и, подойдя к шри Кришначандре, закричал: "Эй, Кришна! Смотри! Я захватил в полон уж твоего отца! Теперь отрежу голову ему и в море потоплю всех ядавов! Потом убью тебя и буду царствовать один над всей землей!" Махарадж! Сказавши так, он на глазах у Кришны отрубил вдруг голову у Васудевы, созданного Майей, и, насадив ее на острие копья, всем показал ее! Увидев чудо Майи, сначала сам Господь оцепенел. Потом, придя в себя, сказал себе в душе: "Да как могло случиться, чтоб на глазах у Баларама джи он мог схватить вдруг Васудеву джи и привести сюда! Да разве он сильнее Баладева, чтоб мог в полон взять Васудеву джи?"

Махарадж! Такие мысли долго были в голове шри Кришны, пока он был под обаяньем майи ракшаса, и он был погружен в глубокую печаль. Потом, вдруг овладев своею мыслью, господь прозрел, и он постиг всю тайну, скрытую могучей Майей асура! Тогда шри Кришначандра джи воскликнул грозно. Услышав грозный клич шри Кришны, асур поднялся ввысь и стал разить оттуда. Тогда шри Кришначандра джи с такою силою пустил в него свою стрелу, что он с своею колесницею свалился в океан! Упав, он все ж не растерялся, схватил дубину, бросился на Господа. Тогда-то Хари в страшном гневе своей сударшанчакрой поразил его, как Сурапати (Индра; убив демона Вритру, Индра получил одно из своих имен — Вритрахан, т. е. "Убийца Вритры") поразил Вритрасура. Махарадж! Когда свалился Шальва, из головы его вдруг вышел камень драгоценный и упал на землю. Его сияние вошло в уста шри Кришначандры джи!"

Так гласит глава семьдесят седьмая — “Умерщвление демона Шальвы” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Далом.

Глава LXXVIII. БАЛАРАМ ДЖИ УБИВАЕТ СУТА

Шри Шукатова джи сказал: “Царь! Теперь я расскажу тебе сказание о Вакраданте и Видуратхе, братьях Шишупала, как они убиты были. С тех пор как был убит царь Шишупал, они вдвоем все замыслили отомстить шри Кришначандре джи за брата. И наконец, когда погибли Шальва с Дьюманом, они со всей своею ратью двинулись на Дваркапури и, обложив его со всех сторон, там стали действовать оружием и разными машинами.

Смятение настало, в граде пали ниц все!

Услышав вопли, Хари сел на колесницу.

Немедля тут шри Кришначандра джи, оставив город, двинулся туда, где в страшном гневе и с оружием в руках стояли оба те асура, готовые вступить в борьбу. При виде Господа тут Вакрадант в великой гордости воскликнул: “Эй, Кришна! Спешి воспользоваться ты своим оружием, потом уж я тебя убью! Я так сказал тебе затем, чтоб в смертный час твоей душе не оставалось сожаленья, что я-де не успел оружие поднять на Вакраданта! Ты, правда, погубил богатырей могучих, теперь, однако же, ты не уйдешь из рук моих живым!” Махарадж! С такими гнусными речами Вакрадант занес дубину над головою Господа, но Кришна без труда ее рассек. Тогда схватил он новую дубину и вступил в великий бой с шри Кришной. Тогда Господь его убил, повергнувши на землю. И вышла из него душа и в Господа уста вошла!

Когда же Видуратх, увидев гибель Вакраданта, сам вступил в борьбу, шри Кришначандра джи пустил свою сударшанчакру и голову отсек ему с короной и серьгами. Потом разбил и в бегство обратил всю рать асуров. Тогда

В восторге дождь цветочный боги проливают,

Киннары, чараны все славу воспевают.

Святые сиддхи, садху, все видьядхары,

Сев на виманы, “Джай! Джай!” крикнули с горы.

Потом все молвили: “Махарадж! Как беспредельны чудеса твой! И тайну их никто постичь не может! Вначале родились они как братья — Хираньякашьяпа и Хираньякша, потом как Раван-Кумбхакарна, теперь они родились как Видуратхи Дантавакра.¹ Ты трижды их убил и дал им высшее спасенье!

Пути твои, Господь наш, неисповедимы!" Махарадж! Сказавши так, все боги преклонились перед Господом и удалились, а Хари Балараму джи сказал: "Брат! Кауравы и пандавы ведут войну. Что делать нам теперь?" Баладев джи сказал: "О, милосердия сосуд! Ты, сделай милость, отправляйся в Хастинапур, а я отправлюсь по святым местам; потом и я туда прибуду!"

Рассказав это сказанье, шри Шукрадев джи продолжал: "Махарадж! Услышав это слово, шри Кришначандра джи пошел на Курукшетру (Буквально: "Поле Куру" (или кауравов) — место великой битвы Махабхараты. Курукшетра находится между г. Амбалой и Дели, близ Панипата; Курукшетра известна с древнейших времен: уже в Брахманах и "Ригведе" имеются о ней упоминания, она издавна считается священным местом. Согласно позднейшим легендам, Парашурам, одно из воплощений Вишну, искупался в озере на Курукшетре после того, как истребил кшатриев. Равным образом на Курукшетре и в последующие периоды происходило много важнейших битв, решавших судьбы Индии. Так, здесь в 1911 г. был разбит Махмудом Газневийским последний индусский император Притхвирадх; в 1526 г. Бабур разбил армию афганского султана Ибрахима, владевшего северной Индией, и тем основал империю моголов. Наконец, окончательное крушение могольской империи произошло после поражения в 1857 году, нанесенного англичанами на Панипате.), где кауравы и пандавы вели великий бой Махабхарату, а Баларам джи пошел по всем святым местам. И обходя святые все места, шри Баладев джи прибыл в Наймишаранья ("Лес Наймиш" почитается священным, так как здесь впервые на большом собрании риши якобы была прочитана "Махабхарата" мудрецом Саути. В настоящее время эта местность называется Нимхар в Ауде в дистрикте Ситапура. С этой местностью связано много разных легенд. Согласно Вишну-Пуране, искупавшийся в р. Гомти у Наймишараньи освобождается от всех грехов.). И что ж он видит там? Здесь риши, муни жертву совершают, а на собрании риши муни Сут (Слово "сут" значит возница. Так как возница, согласно эпосу, был неразлучен с царем во время всех важнейших событий жизни царя, то обычно возницы являлись и сказителями славы и подвигов царей. Возницам приписывается рассказывание эпических поэм и Пуран. Наиболее известным из всех сутов является Сута Ломахаршан, ученик Вьясы, легендарного автора "Махабхараты" и Пуран; Ломахаршан рассказал риши, собравшимся

11 То же, что Вакрадант; буквально: "Кривой зуб".

в Наймишаранье, все Пураны.) джи, восседая на престоле, читает там сказанья. Увидев Баларама, Шавнак¹ и другие муни, риши встали и поклонились ему, а Сут джи, развалившись, сидел на троне и смотрел на Баладева джи.

Махарадж! Когда Сут не встал пред ним, шри Баларам сказал так Шавнаку и всем почтенным риши, муни: "Кто сделал здесь сказителем глупца такого и дал ему престол шри Вьясы? Сказителю ведь надлежит благочестивым, рассудительным быть, мудрым, знающим. А этот бесталанный и ничтожный, к тому ж тщеславный больно! За сим он должен быть от жадности свободным и стремиться к высшей цели. А этот больно жаден и свокорыстен! Не подобает на престоле Вьясы восседать невежде неразумному! Что убивать! Отсюда вам его прогнать необходимо!" Услышав это, Шавнак и великие все муни риши со смиренной мольбой сказали: "Махарадж! Ты муж великий, доблестный; ты знаешь все законы, правила, а это трус, лишенный доблести, лишенный мудрости, невежда гордый и тщеславный! Благоволи простить его вину! Ведь он сидит здесь на престоле Вьясы; то Брахма посадил его сюда для совершения святых обрядов.

Престолом возгордился! Гордый, глупый он!

Не встал перед тобою, не творил поклон;

Ты прав, владыка мудрый, то его вина,

Ошибку совершил он; всем она видна.

Но все ж убить святого — это тяжкий грех,

За это не похвалит добрый человек.

Твои слова не будут для него бесплодны,

Об этом ты подумай в сердце благородном!"

Махарадж! Услышав это, Баларам взял стебель куши (Название травы, весьма широко применяемой при различных жертвоприношениях. В частности, сиденье для жрецов и вообще для брахманов делается из травы куши.) и ею лишь слегка ударил Сута. Едва он прикоснулся к гордецу, как Сут скончался. Увидев это чудо, Шавнак и другие муни, риши подняли великий вопль и в тяжелой горести сказали так: "Махарадж! Чему случиться должно было, то случилось! Но, сделай милость, устрани теперь сомненья наши!" Господь сказал: "В чем состоит желанье ваше? Скажите, я исполню!" Муни сказали: "Махарадж! У нас одно желанье: да не будет никаких у нас препон для совершения жертвоприношений! Благоволи его исполнить, и ты получишь славу в мире!" Когда такое слово их сошло с уст муни, то проникающий в сердца всех Баларам джи призвал немедленно сына Сута и,

¹ Древний мудрец, сын Сунака.

посадив его тут на престол шри Вьясы, он так сказал: "Сказителем он будет лучшим, чем отец его! Я дал ему бессмертие и сделал долговечным! Теперь без опасений совершайте жертвы!"

Так гласит глава семьдесят восьмая — "Умерщвление Сута" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXIX. ЕДИНОБОРСТВО БХИМЫ И ДУРЙОДХАНЫ¹

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Шавнак и другие риши, муні, получив веленье Баларама джи, все просветлели и стали жертвы приносить. Но в это время Балвал,² сын Илвала (Легенды считают ракшаса Илвала жестоким врагом брахманов. Он якобы обращал своего брата Ватапи в барана и отдавал в жертву брахманам. Когда брахманы съедали мнимого барана, то Илвал звал к себе Ватапи, и тот, разрывая животы брахманов, выходил оттуда целым и невредимым. За эти грехи Илвал был сожжен огнем, вышедшим из очей Агастьи.), создал вдруг крупнейшее облако, из тучи громом загредев и двинув страшный темный мрачный вихрь, стал проливать с небес тут кровь, мочу и нечистоты и непотребности различные творить.

Махарадж! Увидев эти бесчинства дайтьи, Баладев призвал к себе свой плуг, дубину. Они без промедления предстали перед ним. Тогда Господь в великом гневе плугом притянул к себе Балвала и так ударил в голову его своей дубиной, что

Распалась голова та, жизнь его ушла;

Река на этом месте кровью потекла.

С простертыми руками, страшный, он свалился,

Глаза повывлезли, и волосы в крови все!

Когда Балвал дыханье испустил, все муні, риши в великой радости свершили пуджу Баладеву джи и, после долгих восхвалений, поднесли ему дары. Потом обитель счастья Баларам ушел оттуда и дальше двинулся по всем святым местам. Махарадж! И посетив места святые, обойдя всю землю, он прибыл наконец туда, где в этот час на Курукшетре вели единоборство Бхима и Дурйодхана. Шри Кришначандра с пандавами и все великие цари стояли и смотрели. Когда приблизился к ним Баларам джи, то оба мужа поклонились ему. Один почтил его как Гуру,³ другой

1 Единоборство имело место после поражения кауравов в великой битве и кончилось гибелью Дурйодханы.

2 Согласно легендам, злопредный демон.

3 Баларам обучал Дурйодхану искусству драться дубиной.

как друга.¹ Махарадж! Увидев, что они в борьбу вступили, Баларам джи молвил:

“Могучие вы оба, равные бойцы,
Оставьте же борьбу! Вы — братья, храбрецы!
Храните кауравов и пандавов весь род;
Истреблены все братья, все друзья, народ!”
Склонив свою голову, тут каждый так сказал:
“Теперь нам с поля брани так уйти нельзя!”

Потом Дурйодхана сказал: “О, Гуру дев!² Я пред тобою джи не говорю! Благоволи же со вниманьем выслушать мои слова! Великая война, Махабхарата, которая на этом месте происходит, в которой множество народа уж погибло, гибнет, дальше будет гибнуть, она идет с соизволения брата твоего при Кришначандры джи! И пандавы бороться могут только при поддержке самого шри Кришны джи! Не то хватило ли бы сил у них, чтоб выдержать борьбу здесь с кауравами? Беспомощны они и подчиняются все воле Хари так, как хукла деревянная фигляру: куда ее он двинет, туда и движется она. Ему не подобало здесь оказывать поддержку пандавам, а к нам такую ненависть питать! То он рукою Бхимасены вырвал руку у Духшасана³ и мне в бедро нанес глубиною удар! Зачем я буду больше говорить? Теперь

Что б ни велел здесь Хари, все послушают!

Народ весь знает эту правду сухую!”

Едва успело это слово сойти со скорбных уст Дурйодханы, как Баларам приблизился к шри Кришначандре и сказал: “Брат! И ты еще не утомился совершать насилия? Зачем ты это сделал? Зачем заставил их вступить в войну и руку вырвать у Духшасана, рассечь Дурйодхане бедро! Ведь правила борьбы все запрещают сильнейшему у слабого вдруг руку вырывать или наносить удар ниже пояса. Закон борьбы таков: один другому вызов бросит и выступит с оружием в руках!” Шри Кришначандра джи сказал: “Брат! Ты ничего не знаешь! Все кауравы великие злодеи, беззаконники, насильники. Их беззакония не поддаются описанию! По наущению Духшасана, Шакуни (Дядя кауравов по матери. Он был искусным игроком, и потому он был выбран в качестве противника в решающей игре в кости с царем Юдхиштхирой, главой пандавов.), Бхагadatта (Один из сторонников кауравов. Бхагadatта был убит Арджуной во

¹ Кришна и Баларам неизменно выступают как друзья пандавов.

² Почтительное обращение к учителю; слово “дев” значит “божество, бог”.

³ Один из ста сыновей Дхритараштры.

время великой битвы кауравов и пандавов.) сначала все игру затеяли они, вели ее с обманом и отняли все у царя Юдхишхиры. Духшасан дерзко за руку схватил шри Драупади. Общая супруга пандавов, которую проиграл Юдхишхира, равно как и все свое царство., за это Бхимасена вырвал руку у него! Дурйодхана же на собрании велел царице Драупади к себе сесть на колени, за это он рассек ему бедро”.

Так рассказав все, Кришначандра продолжал: “Брат! Ты ничего не знаешь! Мне долго бы пришлось рассказывать тебе о всех подобных беззакониях, которые творили кауравы, как издевались они над пандавами! Поэтому теперь никоим образом не угасить огонь, который охватил всю Бхарату.¹ Ты не ищи спасения против него!”

Махарадж! Когда такое слово мудрое сошло с уст Господа, то Баларам джи удалился с Курукшетры и прибыл в Дварку. Представ пред Уграсеной, он, сложивши поднятые руки, так сказал: “Махарадж! Я силою твоих святых заслуг места святые обошел; теперь вернулся. Но я там совершил однажды закона нарушение”. Царь Уграсена сказал: “Какое нарушение?” Баларам джи ответил: “Махарадж! Я был в Наймишаранье и Сута там убил. Я запятнал себя его убийством. Теперь, коли твое соизволение будет, я вновь отправлюсь в Наймишаранью и, удостоившись увидеть жертву, омоюся в священных тех местах, чтоб смыть свой грех за убийство. Потом устрою трапезу для брахманов и угощу свой род, чтоб заслужить в сем мире славу”. Царь Уграсена так сказал: “Хорошо! Пойди, очистись!” Махарадж! Так, получив веление царя, шри Баларам джи, взяв с собой немного ядавов, отправился в Наймишаранью. Там совершил он омовение, роздал множество даров, очистился и возвратился. Потом призвал к себе пурохита и повелел ему немедленно жертву хома совершить и накормил всех брахманов. Потом устроил трапезу для касты и, исполнив все обряды, он очистился.” Рассказав это сказанье, шри Шукандев джи продолжал: “Махарадж!

Кто со вниманьем будет повесть эту слушать,
Свои все прегрешенья смоеет грешный муж тот!”

Так гласит глава семьдесят девятая — “Хождение Баларама джи по святым местам” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

¹ Индусское название Индии; употребляется также и слово “Бхаратварша”
380

Глава LXXX. БРАХМАН СУДАМА НАВЕЩАЕТ ШРИ КРИШНУ

Шри Шукадева джи сказал: "Махарадж! Теперь я расскажу тебе сказанье о Судаме, как к Господу ходил он, как бедность вся его прошла. Ты прилагай вниманье, слушай.

Далеко в южной стороне там есть Дравидская земля. Царями были там лишь брахманы, купцы. В том царстве в каждом доме было поклонение, молитвы, мысль о Хари. И все молились там и жертвы приносили, закон свой исполняли, дары давали и почитали старца и святого, корову, брахмана.

И весь народ в стране той так там проживал, Другого, кроме Хари, бога он не знал!

В стране той проживал Судам, брахман, брат по учителю шри Кришначандры джи. Он нищ был, худ, убог и беден так, что в доме у него соломы даже не было и ничего съестного. Измученная бедностью и претерпев немало горя, супруга брахмана Судамы джи однажды подошла к супругу и с боязнью, дрожа от страха, так сказала: "Махарадж! Довольно настрадались от руки убожества и бедности! Коль ты бы захотел избавиться скорее от нее, то я тебе бы указала средство!" Брахман спросил: "Какое средство?" Она сказала: "Есть у тебя великий друг, владыка трех миров, шри Кришначандра, корень радости; живет он в Дварке. Коль ты пойдешь к нему, то бедность вся минует: ведь он — податель блага — артха, дхарма, кама, мокша!"

Махарадж! Когда супруга рассказала все Судаме, то он воскликнул: "О, милая! Шри Кришначандра никому и ничего не подает, коль сам ты не даешь! А я прекрасно знаю сам, что за всю жизнь я никогда и никому и ничего не подавал! Коль ты не дал, откуда же возьмешь? Ты мне велишь, и я пойду, я только повидаюсь со шри Кришной джи!" Услышав это, брахманка немедленно принесла, дала ему немножко рису, завязанного в ветхий белый лоскуток от платья. Вручив ему такой ничтожный дар для Господа, она шнур Три высшие касты — брахманы, кшатрии и вайшьи при посвящении в ученики получали шнур, изготовленный из разного материала для представителей разных каст. Правверный индус был обязан вне дома носить этот шнур до конца жизни.) принесла и чашу, посох; все положила перед ним. Тогда Судам джи взял на плечи свои шнур и чашу, а узелочек с рисом взял под мышку, взял в руки посох, почтил Ганешу, помыслил о шри Кришначандре джи, потом отправился немедленно в Дварку.

Махарадж! Уже в дороге, когда он шел, Судама говорил себе в душе: "Добро, земные блага, знаю я, не для меня! Но в Дварке удостоюсь я узреть шри Кришначандру, корень радости!" Так размышляя, Судама в третью стражу прибыл в Дварку. И что ж он видит? Весь город морем окружен, и в море город! Да город-то какой! Вокруг него леса и рощи, покрытые цветами и плодами; колодцы всюду и пруды, озера, а над колодцами-то неустанно движутся водоподъемные колеса с ведрами-мехами; стада коров повсюду бродят; за ними ходят пастухи и забавляются все играми".

Рассказав это сказанье, шри Шукадев джи продолжал: "Махарадж! Налюбовавшись красотой лесов и рощ, Судама входит в город, смотрит: блистают дивные дворцы из золота с камнями драгоценными; на площадях повсюду ядавы сидят, как на совете Индры; на улицах и на базарах всюду продаются разные товары; повсюду в каждом доме пение, дары дают, все Хари почитают и воспевают славу Господа; все граждане в веселии и радости. Махарадж! Любуясь всеми чудесами и спрашивая о дворце шри Кришначандры джи, Судама подошел ко львиным воротам шри Кришны и остановился. Потом со страхом у кого-то он спросил: "А где живет шри Кришначандра джи?" Тот сказал: "Божество! Ты отправляйся прямо во дворец! Шри Кришначандра джи сидит там на престоле!"

Махарадж! Услышав это слово, Судама робко во дворец вошел. И, увидав его, шри Кришначандра джи сошел с престола и пошел ему навстречу, с большой любовью встретив и ласково взяв за руку, привлек его к себе, и, посадив на царский трон, омыл Судаму ноги, выпил нектару от ног его, натер его сандалом и украсил. Потом поднес ему акшат и рис, цветы, и, предложив светильник, благовонья, Господь Судаме пуджу совершил.

Свершил все сам шри Хари, и, сложивши руки,
Спросил он о здоровье, как он жил в разлуке".

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю: "Махарадж! Увидев это действо, все восемь коронованных царей с шри Рукмини джи вместе и ядавы, которые там были, сказали так себе в душе: "Какие подвиги свершил в своем рожденье прежнем этот брахман, — бедный, слабый, грязный и нагой, — что сам владыка трех миров такую честь ему здесь оказал?" Махарадж! Шри Кришначандра, проникающий в сердца, постигнув сокровенные их мысли, чтоб их сомнения рассеять, стал говорить с Судамой о доме их учителя: "Братец! А помнишь ли, как нас однажды добрая супруга нашего учителя послала за дровами? Как мы в лесу

набрали дров и сделали вязанки, на головы их положили и пошли домой! Тогда вдруг поднялась буря, дождь, и хлынул страшный ливень! Все было залито водой, и мы с тобой насквозь промокли, натерпелись горя, замерзли там и провели под деревом всю ночь! Когда ж заря настала, учитель в лес пришел искать нас. С глубоким состраданием он свое благословенье дал нам, забрал обоих нас, увел с собой домой!"

И, рассказав об этом, шри Кришначандра продолжал: "Братец! С тех пор как ты оставил Гуру-дева, я никаких вестей не получал ведь о тебе! Не знаю, где ты был и что ты делал. Теперь ты сам пришел, дал радость увидеть тебя, дал нам большое счастье и освятил мой дом!" Судама сказал: "О, милосердия океан! Друг страждущих! Господь! О проникающий в сердца! Ты знаешь все! Нет в мире ничего, что б было скрыто от тебя!"

Так гласит глава восьмидесятая — "Хождение Судамы в Дварку" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXXI. ШРИ КРИШНА ДЖИ СПАСАЕТ СУДАМУ ОТ БЕДНОСТИ

Шри ШукADEВА джи сказал: "Царь! Шри Кришначандра, проникающий в сердца всех, выслушав рассказ Судамы и разгадав желания его, с улыбкою сказал: "Братец! Какой же для меня подарок невестушка¹ моя прислала? Да что ж его ты не вручаешь мне? Зачем зажал его и держишь у себя под мышкой?" Махарадж! Услышав это слово, Судама вдруг смутился, обомлел! Тогда Господь сам встал, взял узелочек с рисом из-под мышки у него и, развязав его, с большой любовью взял и съел две горсти рису. Когда же взял он третью горсть, шри Рукмини схватила руки Хари и сказала: "Махарадж! Два мира отдал ты ему! Оставишь ли теперь для жителя себе хоть уголок? Я вижу, брахман этот по природе добр и благороден, большой подвижник, полон самоотречения, так как, получив великие богатства, остался чуждым радости. И я из этого узнала, что он считает равными приобретение и утрату: ни радости от получения, ни скорби от утраты!"

Когда такое слово сошло тут с уст шри Рукмини, шри Кришначандра джи сказал: "О, милая! Он лучший друг мой! И много времени ушло бы, если б стал я говорить о всех достоинствах его! Всегда и неизменно полон он любви ко

¹ Обращаясь к равным, индусы называют друг друга "бхан", т. е. "брат", поэтому Кришна называет жену Судамы невесткой.

мне! В сравнение с ней земное счастье для него траве подобно!"

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! И, рассказав о многом Рукмини, Господь ее утешил, успокоил и увел Судама во дворец. Там Кришначандра угостил его роскошнойшейю пищей, просил откусать бетелю. Потом повел его, на ложе белое, как пена, посадил. Судама был измучен долгою дорогою, устал. Едва он лег на ложе, как мгновенно, радостный, уснул спокойно.

Тогда Господь, призвав немедленно Вишвакарму, так ему сказал: "Немедля отправляйся и построй для брахмана Судамы золотой дворец прекрасный, украшенный камнями самоцветными. В нем помести ты аштасиддхи (Восемь сверхъестественных способностей и сил, которые достигаются путем различных мистических средств. Согласно индусским легендам, аштасиддхи являются талисманом, обладателем которого может добиться всего, что бы он ни пожелал, хотя бы даже господства над всем миром.) — наванидхи (Девять сокровищ Куберы, бога богатства. Согласно легендам, обладатель каждого из талисманов может добиться всяческих материальных благ.), чтоб ни одно желание не осталось неисполненным!" Едва такое слово тут сошло с уст Господа, как Вишвакарма полетел туда и вмиг все сделал и вернулся. И, известив об этом Хари, он отправился в свои владенья.

Едва зажглась заря, Судама встал, омылся, дав дары, и, совершив молитву, пуджу, пошел проститься с Господом. Тогда шри Кришначандра джи не мог сказать устами ничего. Охваченный глубокою любовью, с ним простился, поклонился и отправился домой. Дорогою он погрузился в размышления: "Как хорошо, что у шри Кришны джи я ничего не попросил! Ведь если б стал я у него просить, то, нет сомнений, он бы дал, но мог бы счесть меня за алчного и жадного! Ну, не беда! Жену я как-нибудь да успокою! Шри Кришначандра джи меня с такой высокой честью и почетом принял, увидев бескорыстие мое! А это для меня-то целый лак!"¹ Махарадж! С такими мыслями Судама шел в свою деревню. И что же видит он? Ни места нет того, ни тех развалин хижин! Стоит там город, подобный граду Индры. При виде города Судама джи в великом горе молвил: "О, господи! Зачем ты это сделал? Одно мученье было, ты дал еще другое! Куда девалася отсюда хижина моя? Куда девалася моя жена? Кого же мне спросить и где искать?"

Сказавши так, Судама подошел к воротам и у привратника спросил: "Кому принадлежит дворец прекрасный этот?" Тогда

¹ Сто тысяч; в данном контексте сто тысяч рупий.

привратник отвечал: "Судаме джи, он друг шри Кришначандры джи!" Когда, услышав это, Судаме что-то захотел сказать, то из дворца, увидевши Судаму, супруга вышла вдруг с подругами своими, одетая в прекрасные одежды, украшенная с головы до ног и с чудным бетелем во рту, благоухая ароматом, к супругу подошла.

И под ноги постлала шелковый ковер
И так ему сказала, опустив свой взор:
"Что ж ты остановился? Следуй во дворец!
Подумай только, сколько тут у нас чудес!
Едва ты удалился, Вишвакарма — к нам!
И вмиг дворец построил, милый мой Судам!"

Махарадж! Услышав это все из уст своей супруги, Судаме джи вошел немедленно во дворец. Увидев множество богатств, он впал в глубокую печаль. Супруга вдруг спросила: "Господин! Все люди радуются ведь, богатства получая, а ты так опечалился. Какая этому причина? Благоволи сказать мне, сделай милость, дабы сомнение ушло с души моей!" Судаме молвил: "О, милая, ведь Майя — чаровница, обманщица она! Весь мир она очаровала, чарует, будет чаровать, обманывать! И ежели Господь мне дал богатство, в любовь мою он не поверил значит! Когда я у него просил? Зачем он дал мне? От этого моя душа в печали!" Супруга молвила: "Господин! Ты ни с какою просьбою не обращался сам к шри Кришначандре джи! Для проникающего в сокровенное открыты все сердца! В моей душе стремление к богатству было, Господь его исполнил. Ты не волнуй себя в душе другими мыслями!"

Поведав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Всяк человек, который будет слушать или рассказывать другим сказанье это, никогда не будет горя знать, когда придет он в мир; в последний час свой он пойдет на жительство в Вайкунтху".

Так гласит глава восемьдесят первая — "Спасение Судамы от бедности" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXXII. ШРИ КРИШНА ДЖИ С ЯДАВАМИ ПОСЕЩАЕТ КУРУКШЕТРУ

Шри Шукадева джи сказал: "Царь! Теперь я расскажу тебе, как наш Господь пошел на Курукшетру! Ты прилагай внимание, слушай, как шри Кришначандра джи и Баларам джи со всеми ядавами некогда отправились на Курукшетру

очиститься от осквернения затмением Солнца". Царь сказал: "Благоволи рассказывать, я со вниманием буду слушать!"

Тогда шри Шукрадева джи продолжал: "Махарадж! Однажды, получивши вести о затмении Солнца, шри Кришначандра джи и Баладева джи пошли немедленно к Уграсене и сказали: "Махарадж! Давно уж не было затмения, теперь оно случилось! Коль в эту парву (Буквально слово "парва" значит "узел"; в дальнейшем этим термином называются "узловые" моменты движения Луны и Солнца. Таким образом, парва являются дни полнолуния и вообще четвертая четверть Луны. В отношении Солнца парвами являются дни равноденствия, самый короткий и самый долгий дни года. Равным образом, парвами являются дни затмения Солнца и Луны. Пураники предписывают целый ряд ограничений в дни парвы. Так, в дни парвы запрещаются половые сношения, запрещается есть мясо и рыбу и т. д. В эти дни предписывается пост, купание, молитва, раздавание подарков и милостыни. Вместе с тем каждая парва является большим или меньшим праздником.) ты пойдешь на Курукшетру, совершив там омовение, то совершишь великое святое дело. Написано ведь в шастрах: "На Курукшетру все дары давайте, творите добрые дела, и вы получите тысячекратную награду!" Услышав это, ядэвы спросили у шри Кришначандры джи: "Махарадж! Как сделалася Курукшетра такой великою святыней? Сделай милость, благоволи нам объяснить!"

Шри Кришначандра джи сказал: "Слушайте! Был некогда великий риши Джамадагни,¹ благочестивый, мудрый и подвижник славный. И было у него три сына. Из них был старшим Парашурам (Согласно Пуранам, Парашурам был шестой Аватарой Вишну и трижды семь раз очистил землю от кшатриев, залив всю землю их кровью и передав власть над землей в руки брахманов. Легенды о Парашураме, несомненно, являются отзвуком той длительной борьбы, которая происходила между кшатриями (воинской кастой) и брахманами (кастой жрецовской).). Он принял отречение от мира, оставил дом, ушел на гору Читракут (Гора Читракут находится в Бунделькханде близ реки Пасуни, приблизительно в пятидесяти милях к юго-востоку от г. Банда. Читракут считается первым местом, где поселился Рама, герой "Рамаяны", после его изгнания из Айодхьи (Ауда). Кроме того, с Читракутом связано множество разнообразных легенд, почему эта гора с древнейших времен считается священным местом и привлекает массы паломников.), там поселился он и подвиги творить стал в честь Садашивы джи. Когда

¹ Один из легендарных мудрецов.

родились сыновья, то Джамадагни риши, покинув дом свой, принял отречение от дел мирских и, удалившись в лес с супругою своею, стал подвиги творить. Его супруги имя — Ренука. Она отправилась однажды пригласить к себе свою сестру. Ее сестра была супругою царя Сахасрарджуна. Услышав приглашение, гордая сестра Ренуки, супруга Сахасрарджуна-царя, расхохоталась и сказала: “Сестрица! Коль сможешь пропитать нас с нашим войском, приглашай; не то уж лучше и не приглашай”.

Махарадж! Услышав это, Ренука ни слова не могла сказать и, молча встав, вернулась домой. Увидев вдруг ее печальной, Джамадагни риши спросил: “Что с тобой, чем ты расстроена?” Махарадж! Как только он ее спросил, Ренука разрыдалась и рассказала обо всем. А Джамадагни риши, выслушав свою супругу, так сказал ей: “Добро! Немедля отправляйся и пригласи свою сестру со всею ратью!” По повелению супруга своего Ренука вновь отправилась к сестре и пригласила всех. Ее сестра сказала господину своему: “Мы со всею ратью завтра отправляемся все на обед к святому Джамадагни риши!” Услышав это от супруги, царь засмеялся и сказал: “Добро!” и замолчал. Когда зажглась заря, то Джамадагни встал, пошел к владыке Индре и выпросил у Индры Камадхену. Потом пошел и Сахасрарджуна позвал. И царь пришел со всею ратью. Джамадагни риши накормил всех досыта.

Насытившись со всею ратию своею, царь Сахасрарджун устыдился и так сказал себе в душе: “Откуда он достал в одну лишь ночь съестного столько, чтоб накормить моих людей, и как успел все приготовить? Я тайну эту не могу понять никак!” С такими мыслями простился царь и, возвратившись домой, послал немедленно брахмана, сказав ему: “О, божество! Немедля отправляйся к Джамадагни риши и разведай тайну, чьей силою он смог в один лишь день нас пригласить и накормить со всею ратью?” Услышав это, брахман тот пошел, разведал и, вернувшись к Сахасрарджуну, сказал: “Махарадж! У риши Камадхену есть. И силою ее он смог в один лишь день так угостить тебя!” Услышав эту весть, царь Сахасрарджун вновь сказал тут брахману: “Божество! Пойди и от меня скажи ты Джамадагни риши так: “Царь Сахасрарджун требует корову Камадхену!”

Услышав это, брахман с этой вестью пошел вновь к риши, сообщил слова царя. Риши сказал: “Корова эта не моя! Как я могу ее отдать? Она принадлежит владыке Индре! Я не могу ее отдать! Пойди и сообщи об этом своему царю”. Услышав это, брахман тот пошел к царю и так сказал ему: “Махарадж! Риши мне сказал: “Корова Камадхену не моя,

она принадлежит владыке Индре, я не могу ее отдать!" Услышав это из уст брахмана, царь Сахасрарджун призывает нескольких воителей и говорит: "Немедля отправляйтесь к Джамадагни и отберите у него корову Камадхену"! И, получив веление царя, те воины отправились к риши и отвязали и угнали со двора корову Камадхену. Но риши бросился в погоню и на дороге задержал корову Камадхену. Узнав об этом, царь Сахасрарджун вдруг пришел в великий гнев и отрубил немедля риши голову. Корова ж Камадхену убежала к Индре. Ренука приблизилась к супругу и остановилась:

То по земле катаясь, волосы все рвет,
То вдруг замолкнет, сядет, вся к ногам прильнет!
То, разрыдавшись снова, бьет всей силой в грудь,
То упадет на землю, вся забьется вдруг!

Тогда, услышав плач, рыдания Ренуки, дакпалы десяти всех стран все задрожали, заколебалось седалище Парашурама джи, который подвиги великие творил, и созерцание его прервалось. Когда прервалось созерцанье и явилось знание, Парашурам джи взял свою секиру¹ и пришел туда, где труп отца лежал, а мать рыдала, била в грудь себя. Увидев их обоих, Парашурам пришел в великий гнев. Тогда с рыданиями Ренука рассказала сыну все о гибели супруга. Все выслушав, Парашурам джи молвил: "Мать! Сначала я отправлюсь и убью врага отца, потом вернусь, похороню отца!" И с этими словами он пошел туда, где Сахасрарджун восседал на царственном собрании. Увидев вдруг его, Парашурам джи в гневе закричал:

"Эй, трус жестокий, жалкий! Посрамил весь род!
Убив отца, в печаль ты вверг меня, народ!"

Когда с столь грозным возгласом Парашурам схватил свою секиру и пришел в великий гнев, то Сахасрарджун взял свой лук и стрелы и стал пред ним лицом к лицу. И два богатыря вступили в страшный бой. В течение четырех часов Парашурам джи бился с ним и наконец убил. Тогда набросилось на него все войско. Парашурам джи изрубил их всех. Потом ушел оттуда и совершил немедля погребальные обряды над отцом. Потом он, успокоив мать, на этом самом месте совершил торжественное жертвоприношение Рудре. И с той поры прославилось то место и стало называться Курукшетрой. Кто в день затмения пойдет туда, раздаст

¹ Само имя Парашурам значит "Рама с секирой". Секира является главным оружием Парашурамы.

дары, сам искупается, свершит молитву, жертву принесет, то получает он тысячекратную награду!"

Поведав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Все ядавы, прилежно выслушав преданье это, обрадовались и сказали так шри Кришначандре джи: "Махарадж! благоволи скорей отправиться на Курукшетру! Теперь не медли: на парве нужно быть уж там!" Услышав это, Кришначандра джи и Баларам джи спросили Уграсену: "Махарадж! Коль все отправятся на Курукшетру, то кто останется здесь для охраны города?" Царь Уграсена отвечал: "Оставим Анируддху здесь и выступим!" И, получив веление царя, Господь призвал немедленно Анируддху, все разъяснил ему и так сказал: "Сын! Ты оставайся здесь и охраняй корову, брахмана и защищай народ! Мы с государем и со всеми ядавами искупаемся на Курукшетре и вернемся!" Анируддха джи сказал: "Пусть будет воля ваша!"

Махарадж! Оставив для охраны города шри Анируддху джи, царь Сурасена, Васудева, Удхав, Акрур и Критаварма и все другие ядавы — и стар и млад — все с женами своими готовы были выступить на Курукшетру вместе с Уграсеной. Когда царь Уграсена джи со всей своею ратью разбил за городом шатры, за ним последовали все. За всеми следовал шри Кришна с братом и невесткой и с восемью венчанными царицами. Когда Господь к ним присоединился, царь Уграсена снял свои шатры и с пышностью, как сам владыка Индра, двинулся вперед"

Рассказав это сказанье, шри Шукрадев джи молвил: "Махарадж! Так шли они немало дней и, наконец, шри Кришначандра джи со всеми ядавами вместе счастливо-благополучно прибыл на святую Курукшетру. Придя туда, все в парву искупались, и каждый из паломников по мере сил своих роздал там дары: слонов, коней и колесницы, паланкины, оружие, одежды, украшения, пищу, деньги. Потом все ядавы разбили там шатры. Махарадж! Узнав, что Кришначандра джи и Баларам пришли на Курукшетру, со всех сторон туда пришли цари великие с своими семьями, и каждый рать свою привел. И все они пришли приветствовать шри Кришначандру и Баларама джи. Потом примкнули к ним все кауравы и пандавы с дружинами своими и с семьями. Меж тем царица Кунти с Драупади джи навестили терема цариц всех ядавов. А после Кунти джи предстала перед братом и сказала: "О, брат! Я так несчастна! С тех пор как я обручена, я неизменно в горе. А ты, с тех пор как выдал замуж некогда меня, ты никогда не вспомнил обо мне. И даже Рама с Кришной, которые всем расточают блага, и они ко мне не проявили никакого милосердия!" Махарадж!

Услышав это и растрогавшись, с глазами, влажными от слез, брат Васудева джи ей сказал: "Сестра! Зачем ты говоришь мне это! Моя ли в этом воля. Путь кармы неисповедим, и воля Хари неизменна! Смотри, каких только страданий я сам не перенес от Кансы!

Все, кто явился в мир сей, все подвластны Хари!

Смотри, как все, кто жил в нем, тяжело здесь страдали!"

Махарадж! Сказав так, Васудева джи вразумил и успокоил Кунти. Потом пошел туда, где все цари сидели на собрании у Уграсены, и царь Дурйодхана, и пандавы, и все другие величайшие цари — все восхваляли Уграсену: "Царь! Сколь счастлив ты, что можешь ежечасно лицезреть шри Кришначандру джи и очищаться от грехов за множество рождений! Что тот, кого так всюду ищут Шива, Брахма и другие боги, тот Господь всегда стоит на страже у тебя! Чью тайну не постигнут йоги, яти, мунни, риши, тот Хари сам является за повелением к тебе! Что тот, кто есть владыка всей Вселенной, свою главу перед тобою преклоняет!"

Рассказав это сказанье, шри Шукадев джи продолжал: "Махарадж! Так все цари являлись к Уграсене и прославляли государя, а он, как надлежит, всех принимал и утешал!

Меж тем, услышав о прибытии шри Кришначандры джи, пришли сюда и Нанда с Упанандой с своими семьями; пришли сюда пастушки все и пастухи. Свершили омовенье, роздав дары, и Нанда джи пришел туда, где Васудев сидел сам с своими сыновьями. Увидев Нанду, Васудева джи встал, пошел ему навстречу, и от любви взаимной оба испытали там такую радость, какую получает тот, кто обретает вновь сокровище, утраченное прежде! И Васудева напомнил Нанде раю обо всем, что было в Бадже, как Нанда рай там воспитал шри Кришну с Баларамом джи! Махарадж! Все это выслушав, с глазами, влажными от слез, шри Нанда рай смотрел на Васудеву. Тогда шри Кришна с Баларамом джи, как надлежит, сначала на земле простерлись и приветствовали Нанду и Яшоду джи, потом отправились в гости к пастухам. Туда пришли пастушки, налюбовались Луною лика Хари, дали много счастья чакорам глаз своих и получили все награду за рожденье в мир!"

Сказав это, шри Шукадев джи продолжал: "Махарадж! Я неспособен рассказать о той любви, с какою Нанда, Упананда и Яшода, все пастухи, пастушки и их дети встретили шри Васудеву, Деваки и Рохини, шри Кришну джи и Баларама джи. Ее понять ты мог бы только, увидав их всех! И, увидав у всех глубокое волнение и восторг любви, шри Кришначандра джи сказал: "Внемлите!

В ком есть любовь и вера, кто меня познал,
 Переплывет без страха жизни океан!
 Вы принесли богатства, души и тела!
 Любовь в вас неразрывной с жизнью была,
 И кто такое счастье здесь познал, как вы?
 Сам Брахма, Рудра, Индра жаждут с нами быть!
 Я не вошел и в мысли йогов и святых,
 А вас любил, жил с вами в хижинах простых!
 Всегда живу я с вами в ваших же сердцах!
 Глубины этой тайны как открыть в словах?
 Как свет, вода, огонь, земля и воздух
 Обитают в каждом теле,
 Так проявляюсь я у всех в душе!"

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Когда шри Кришначандра джи открыл всю эту тайну, то все браджийцы твердость и спокойствие тут испытали".

Так гласит глава восемьдесят вторая — "Хождение шри Кришны с Баларамом джи на Курукшетру" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXXIII. ДРАУПАДИ ПОСЕЩАЕТ СУПРУГ ШРИ КРИШНЫ ДЖИ

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Теперь я поведам рассказ о том, как шла беседа между Драупади джи и супругами шри Кришначандры. Ты слушай! Однажды жены кауравов и пандавов сидели у супруги шри Кришначандры и вели беседу. Когда пришлось к слову, то Драупади сказала Рукмини джи: "Прекрасная, скажи, как получила ты шри Кришначандру джи?" Шри Рукмини сказала:

"Послушай, Драупади джи, приложив внимание,
 Какие господин мой приложил старанья!"

У моего отца глубокое желание было выдать за шри Кришначандру дочь свою, а брат хотел меня за Шишупала выдать. Он снарядил свой поезд и приехал к нам на мне жениться, а я послала брахмана к шри Кришначандре джи. В день свадьбы я свершила пуджу Гаури. Когда я возвращалась домой, шри Кришначандра джи похитил вдруг меня из самой середины войск асуров, вмиг посадил на колесницу и увез. А после, получив об этом весть, вся рать асуров вдруг набросилась на господина, но Хари без труда разбил ее и в бегство обратил. Потом со мной он прибыл в Дварку. Когда мы прибыли туда, царь Уграсена, Шурасена с Васудевой джи немедленно по ведийскому закону сочетали

браком нас: шри Кришначандру и меня. Узнав о браке, мой отец прислал в приданое за мною всякого добра!"

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Так Драупади джи расспросила Сатьябхуму, Джамбавати, Калинди и Бхадру, Сатью, Митрабинду, Лакшману и всех шестнадцать тысяч сто царич шри Кришначандры джи, и каждая из них подробно рассказала о замужестве своем".

Так гласит глава восемьдесят третья — "Беседа жен" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXXIV. ВАШИШТХА, ВАМАДЕВА И ДРУГИЕ РИШИ СОВЕРШАЮТ ЖЕРТВУ ДЛЯ ВАСУДЕВЫ ДЖИ

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Теперь я расскажу сказание о том, как к Васудеву джи пришли все риши и свершили жертвоприношение. Ты прилагай вниманье, слушай!

Махарадж! Однажды Уграсена, Шурасена, Васудев, шри Кришна, Баларам и все другие ядавы сидели на собрание. Там были и цари всех стран. И в это время, возмев желание узреть шри Кришначандру, корень радости, туда пришли шри Вьяса, Васиштха и Вамадева, Вишвамित्रа, Парашару, Бхригуи, Пуластьи, Бхараддваджа, Маркандея и другие риши — целых восемьдесят восемь тысяч! За ними вслед пришел и Нарада джи. Увидев риши, все собрание встало, и все простерлись перед ними. Потом, устлав им путь прекрасным шелковым ковром, ввели всех на собрание. Затем шри Кришначандра всем сиденье предложил, омыл им ноги, выпил нектару от ног их, окропил тем нектаром собрание. Потом поднес сандал и чистый рис, светильник, благовонья и, совершив всем пуджу, шри Кришначандра обхождение совершил. Потом, сложивши поднятые руки, Хари стал пред ними и сказал: "Благословенна наша доля, что вы пожаловали в дом наш, сели, дали лицезреть себя! Ведь созерцание святого равно святому омовенью в Ганге. Кто удостоился узреть святого старца, тот от грехов очистился на множество рождений!"

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж!

Когда такое слово им изрек всевышний,
То в мысли погрузились все святые риши:

"Коль образ истинного света, сам Господь, Творец всех тварей нам сказал такое слово, то кто б посмел ему

противоречить?" Когда все муни так себе в душе сказали, то Нарада джи молвил:

“Внемли, собрание мудрых, приложи вниманье,
И знай, что Майя Хари превосходит знанье.

Как Брахма, он все порождает! Как Вишну, он все охраняет! Как Шива, он все разрушает. Пути его нам неисповедимы. Пред ним бессилен разум наш! По милости его мы знаем только то, что он для блага добрых, на погибель злым, приемлет многократно Аватары, для распространения извечного закона!” Махарадж! Когда, сказав такое слово, Нарада джи встал, хотел собрание покинуть, то Васудева джи, став пред ним, сложивши поднятые руки, со смирением сказал: “О, величайший риши! Как может человек, явившись в мир, освободиться от пут кармы? Ты, сделай милость, благоволи нам объяснить!” Махарадж! Когда такое слово тут сошло с уст Васудева джи, и муни, риши посмотрели все на Нараду джи, то Нарада джи, постигнув сокровенные желанья муни, так сказал: “О, божества! Не удивляйтесь этому: великой силой обладает Майя Кришны джи! Она победу одержала над всем миром. И потому-то Васудева джи так сказал.” За сим сказал он также то, что человек, подвластный Майе, не ведает сам ни влияния, ни силы качеств истинных того, в чьей близости он обитает. Как

Живущий возле Ганги может удалиться,
В колодезной воде там будет где-то мыться;
Так ядавы остались далеки от знания,
О естестве шри Кришны ничего не зная.

Рассеяв этими словами душевные сомненья муни, Нарада джи обратился к Васудеве джи, сказав: “Махарадж! Всдъ в шастрах сказано: “Кто посетил места святыя, раздаст дары, творит молитвы, жертвы и обеты, тот, освободившись от пут сансары, спасенье получает!” Услышав это, обрадованный Васудев велел немедленно принести все нужное для жертвы и сказал всем риши, муни: “Махарадж! Сделайте же милость, приступите к жертвоприношенью!” Махарадж! Когда такое слово тут сошло с уст Васудевы джи, все брахманы немедленно приготовили, украсили для жертвоприношенья место. Тогда шри Васудева явился на алтарь и сел с супругами своими, а все цари и ядавы все помогали в совершенье жертвы”.

Поведав это сказанье, шри Шукарева джи сказал царю Парикшиту: “Махарадж! Когда шри Васудева пришел и сел на алтаре, то муни приступили к совершенью жертвы согласно предписаньям Вед. Читая мантры Вед, они давали приношенья, и божества во плоти все являлись и принимали

те дары. Махарадж! Когда так совершалось жертвоприношение, то киннары и гандхарвы высоко в небесах играли все на лютнях и на бубнах и воспевали Хари, а чараны и банди на земле его здесь славу воспевали. А Урваши с другими апсарами в небесах плясала, и боги, сидя на своих виманах, проливали дождь цветов, и нищие кричали все: "Джай! Джай!" Когда закончилось жертвоприношение и Васудева джи дал последний дар богам, он брахманов одарил всех в шелковые ткани и украсил и дал им множество сокровищ и богатств. Они, читая Вед священных мантр, благословили всех. А после Васудева джи повелел одеть и всех царей различных стран в прекрасный шелк и угостить их. Потом они, взяв жертвенные подношения, простились и разошлись. Махарадж! Когда цари все удалились, простились также риши вместе с Нарадою джи. Тогда и Нанда рай джи, пастухи, пастушки и дети пастухов простаться стали с Васудевою джи. И описать тот час не хватит сил. То ядавы все в умиление говорили обо всем, то все браджийцы принимались говорить. Нет сил все это описать; то можно было только видеть. Но наконец шри Васудева джи вместе со шри Кришною и Баларамом джи, утешив, успокоив Нанду рай джи, одел всех в шелковые ткани, дал множество богатств и отпустил".

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи продолжил: "Махарадж! Когда шри Кришначандра с Баларамом джи со всеми вместе в парву искупались и жертву принесли и все вернулись в Дваркапури, то в каждом доме праздник, радость и веселие настали".

Так гласит глава восемьдесят четвертая — "Жертвоприношение Васудевы" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXXV. ШРИ КРИШНА ДЖИ ВОЗВРАЩАЕТ ИЗ ПОДЗЕМНОГО МИРА СВОИХ ШЕСТЕРЫХ БРАТЬЕВ

Шри Шukaдева джи сказал: "Махарадж! Однажды в Дваркапури, когда шри Кришначандра джи и Баларам джи посетили Васудеву джи, то, увидав обоих братьев, сыновей своих, он вдруг в душе подумал: "На Курукшетре Нарада джи сказал нам, что Кришначандра джи — создатель мира, спаситель от страданий!" И он, сложивши поднятые руки, молвил: "Господь! Незримый и непостижимый, вечный! Тебе всегда и неизменно служит, как рабыня, Камла! Ты бог богов! И твоего никто не может естества познать! Ты — свет, Луна и Солнце, Небо и Земля! Ты проявляешься во

всем на каждом месте! Твоя могуча Майя, она вселенную всю ослепила, и в трех мирах нет сура, нара, мун, нет никого, кто мог бы от нее спастись!" Махарадж! Сказав так, Васудев джи продолжал: "Владыка милосердный!

Никто познать не может дивной этой тайны,

Зовут ее глубинной и необычайной.

Нет у тебя ни друга, ни врага нигде,

Нет ни отца, ни сына, брата нет нигде!

Чтоб бремя снять с Земли всей, ты приходишь в мир,
Для блага мира много обликов сменил".

Махарадж! Сказав так, Васудева джи продолжал: "О, милосердья океан! Друг страждущих! Ты спас немало падших! Благоволи же, сделай милость, даровать спасение и мне! Да перейду и я чрез океан бывания и гуны воспою твои!" Шри Кришначандра джи сказал: "Отец! Ты знающий и мудрый! Зачем же превозносишь сыновей своих? Подумай сам в душе своей! Ведь безграничны чудеса шри Бхагавана.¹ Постигнуть их до сей поры никто не мог. Смотри,

Как свет, он обитает в теле всех созданий,

И все его лишенным качеств называют!

Он сам творит, и сам все разрушает он,

Не связан он ни с чем, хоть сам он есть во всем!

Земля, вода и воздух, чистый свет, эфир —

Есть пять стихий в телах всех, населивших мир.

Во всех пяти стихиях пребывает он,

Так говорят нам Веды, наш святой закон!"

Махарадж! Из уст шри Кришначандры джи услышав это слово, Васудева джи, находясь во власти ослепления, молча продолжал смотреть на Хари. Господь, оставив Васудеву, к матери своей пришел. Увидев лик прекрасный сына, Деваки джи молвила: "О, Кришначандра, корень радости! Одна печаль во временах меня снедает!" Господь сказал: "Какая?" Девака джи сказала: "О мой сын! Твоих шесть старших братьев Канса погубил; печаль за них не оставляет сердца моего!"

Шри Шукадэва джи сказал: "Махарадж! Едва успела так сказать она, шри Кришначандра джи сказал: "Мать! Ты больше не горюй об этом! Сейчас отправлюсь я и приведу к тебе всех братьев!" Сказав так, он пошел немедленно в Паталпури.² И, получив вдруг весть о приближении Господа, царь Бали сам ему навстречу вышел, и, с пышностью устлав весь путь его прекрасным шелковым ковром, он ввел его в

¹ "Господин, Господь"; одно из имен Вишну.

² "Город Патал"; подземное царство, где обитают умершие.

свой собственный дворец. Потом царь Бали посадил шри Кришну на престол, поднес сандал, цветы и чистый рис, и, сделав подношение из благовоний и светильника, он пуджу совершил шри Кришначандре. Потом он стал пред Господом; сложивши поднятые руки, произнес он славословие и молвил: "Махарадж! Чему обязан я твоим приходом?" Хари молвил: "Царь! В Сатьяюге жил некогда великий риши Маричи. Он был весьма благочестив и мудр, правдив и Хари почитал. Его супруги имя — Урна. Шесть сыновей у риши было. Однажды в юном возрасте шесть братьев засмеялись при Праджапати (Имя Праджапати ("владыка тварей") дается обычно десяти великим риши (мудрецам): Маричи, Атри, Ангирасу, Пуластье, Пулахе, Крату, Васиштхе, Прачетасу, Бхригу и Нарада.). Увидев смех их, Праджапати в страшном гневѣ проклял их, воскликнув: "Идите и примите Аватару, будьте все асурами!" Услышав это, отроки, охваченные страхом, припав к ногам шри Праджапати джи, с мольбой смиренную просили: "О, милосердья океан! Ты проклял нас, но сделай милость, благоволи сказать, когда получим мы освобождение от этого проклятья?" Услышав скорбное их слово, милосердный Праджапати так сказал: "Когда вы удостоитесь узреть шри Кришначандру, вы получите освобождение".

Едва сказал он это, жизнь ушла из них,

Детьми Хиранакуши¹ родились они.

Потом у Васудевы родились они;

Явился Канса, отнял, всех их он убил!

Когда убил их Канса, Майя унесла,

Подательница счастья здесь их сберегла.

По ним теперь скорбит их мать, шри Деваки! Поэтому я сам сюда пришел, чтоб увести всех братьев, матери вернуть и удалить печаль ее из сердца".

Шри Шукадева джи сказал: "Царь! Когда такое слово тут сошло с уст Хари, царь Бали сам шесть отроков привел, вручил их Хари и предложил шри Кришне множество даров. Тогда Господь взял братьев и с ними к матери вернулся. Увидев сыновей, мать просветлела от великой радости. Когда об этом в городе узнали, настала радость всюду. Проклятье, тяготевшее над ними, свою всю силу потеряло".

Так гласит глава восемьдесят пятая — "Возвращение Деваки ее сыновей" — в "Прем Сагаре", сочиненном шри Лаллу Лалом.

1 Один из риши.

Глава LXXXVI. АРДЖУНА ПОХИЩАЕТ СУБХАДРУ.¹ ШРИ КРИШНА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В МИТХИЛУ²

Шри Шукадева джи сказал: "Царь! Теперь я расскажу тебе сказание о том, как некогда из Дварки Арджуна джи похитил и увез сестру шри Кришначандры джи Субхадру и как шри Кришначандра джи ходил в Митхилу. Ты прилагай внимание, слушай.

Была у Деваки джи дочь по имени Субхадра, младшая сестра шри Кришначандры джи. Когда она пригодною для брака стала, то Васудева призвал к себе шри Кришначандру, Баларама джи и нескольких из ядавов и так сказал: "Моя дочь стала годной к браку. Скажите мне: кому ее отдать?" Шри Баларам джи отвечал: "В любовь и в брак лишь с равными вступайте, — так учили нас. И у меня теперь явилась мысль: коль выдашь дочь свою ты за Дурйодхану, то удостоишься величия и славы в мире!" Шри Кришначандра джи сказал: "Мне представляется, что если ты за Арджуну отдашь ее, получишь славу в мире!"

Шри Шукадева джи сказал: "Махарадж! Никто ни словом не обмолвился на сказанное Баларамом джи. Когда же с уст шри Кришначандры джи сошло такое слово, все воскликнули: "Да, лучше будет нам отдать ее за Арджуну!" Услышав это, Баларам разгневался, немедленно встал и удалился. Увидев гнев его, все замолчали. А Арджуна получив об этом весть, немедленно облачился как санньяси,³ взял посох, чашу и явился в Дварку. Здесь присмотрев хорошее местечко, он разостлал там шкуру антилопы и уселся.

Четыре месяца там дождь лил неустанно;
Никто не мог открыть там Арджуновой тайны!
За гостя почитая, все ему служили,
А за служенье Вишну все и полюбили.
Его всю тайну знал там Кришна лишь один,
Но никому об этом он не говорил!

Махарадж! Однажды Баларам джи сам, считая Арджуну святым санньяси, привел его домой, чтоб накормить. Когда же Арджуна во дворце сел кушать, то показалась вдруг и лунноликая, газелеглазая Субхадра джи. Когда они друг друга увидели, то Арджуна, очарованный, украдкой стал поглядывать все на нее и в глубине души подумал: "Хотелось бы мне знать, когда Творец заглянет в гороскоп мой!"⁴ С другой

¹ Сестра Кришны и Баларама, дочь Васудевы.

² Нынешний дистрикт и город Тирхут в Бенгалии.

³ Отшельник, отрекшийся от мира.

⁴ Перед заключением брака сличаются гороскопы жениха и невесты.

же стороны Субхадра джи, увидев блеск его красоты, его всем сердцем полюбила и говорила так себе в душе:

“Он не санньяси! Это, нет сомнений, царь!
Но почему ж такая на лице печаль?”

Махарадж! С такими мыслями Субхадра джи ушла к себе и погрузилась в мысли о соединении с супругом, а Арджуна, кончив трапезу, вернулся на свое сиденье и старался изыскать пути соединенья с милой. Прошло немного дней; однажды в день Шиваратри (Буквально: “Ночь Шивы”. Празднество в честь Шивы, совершаемое в четырнадцатый день темной половины двенадцатого месяца индийского календаря, пхагуна, соответствующего февралю-марту европейского календаря.) все жители — все женщины и все мужчины — отправились за город для совершенья пуджи Шиве. Тогда Субхадра джи пошла туда с подругами своими. Узнавши, что Субхадра тоже вышла, Арджуна сел на колесницу, взял свой лук и стрелы и приехал. Махарадж! Когда по совершенью пуджи Шиве джи Субхадра джи с подружками гуляла, то Арджуна, увидав ее, забыв все опасения и страх, схватил Субхадру за руку и, посадив на колесницу, двинулся своей дорогой.

Услышал Баларам джи, гневом воспылал,
Схватил свой плуг, дубину, на плечи их взял!
И кровью налилися в ярости глаза,
Гремя, как гром из тучи, в ярости сказал:
“Сейчас отправлюсь я и гибель понесу,
Я землю подниму и брошу на лису!
Мою сестру Субхадру милую увез!
Как мог посметь тот нищий красть у нас ее!”

Махарадж! Так вне себя от гнева Баларам кричал. Между тем, узнав об этом обо всем, Прадьюмна, Анируддха, Самба и все знатнейшие из ядавов предстали перед Баладевом джи. Сложивши поднятые руки, все сказали: “Махарадж! Коль разрешишь, мы пустимся в погоню и захватим, приведем врага!”

Поведав это сказанье, шри Шукрадева джи продолжил: “Махарадж! Когда же Баларама джи, собрав всех ядавов, готов был устремиться за Арджуной, пришел тогда шри Кришначандра джи и объяснил немедленно Балараму джи всю тайну похищения Субхадры. Потом с смиренной просьбою сказал: “Брат! Во-первых, Арджуна нам родной, сын тетки, а во-вторых — наш друг большой! И знал ли он, что делал, иль не знал, и понимал ли, иль не понимал, но это дело сделано! И нам никоим образом не подобает с ним вступать

в борьбу. Ведь это было бы противно и закону и мнению людей. И каждый, кто услышит, скажет: ядавов приязнь, что из песку стена!" Услышав это, Баларам джи в ярости ударил сам себя по голове и крикнул: "Брат! Не иначе, как это все твои дела — зажечь пожар и в воду убежать. Не то, посмел бы Арджуна сам так нашу увести сестру?" Сказавши это, Баларам джи, пылая гневом, посмотрел на брата и бросил плуг свой и дубину и вновь сел. За ним и ядавы все сели".

Шри Шукрадева джи сказал: "Царь! Меж тем как здесь шри Кришначандра джи всех успокоил и утешил, Арджуна джи успел домой вернуться и по ведийскому закону там вступил в законный брак с Субхадрой. Узнав о заключенье брака, шри Кришна с Баларамом джи вручили брахману одежды, украшения, рабов, рабынь, слонов, коней и колесницы, много серебра и отослали в Хастинапур. Потом же шри Мурари, благодетель верных, сам сел на колесницу и отправился в Митхилу. Там было два благочестивых человека — царь Шрутадев и брахман Бахулашва. Махарадж! Как только двинулся Господь, то Нарада джи, Вамадева, Вьяса, Атри, Парашурам с другими мунни встретили его, и все последовали за шри Кришначандрой джи. И по какой стране ни проезжал Господь, все тамошние государи и цари всегда навстречу выходили, пуджу совершали и приносили множество даров. Ехал-ехал так Господь и прибыл наконец через немного времени туда. Узнав о приближенье Хари джи, те двое, как сидели, так, взяв дары, и побежали Господу навстречу и встретили шри Кришначандру джи. Увидев Хари, они оба поднесли ему дары, простерлись перед ним. Потом, сложивши поднятые руки, стали перед ним и со смирением сказали: "О, милосердья океан! Друг страждущих! Великую ты оказал нам милость, дав лицезреть себя и падшим, нам подобным, очистив нас и положив предел рождениям и смерти!"

Рассказав это сказанье, шри Шукрадев джи продолжал: "Царь! И проникающий в сердца шри Кришначандра джи, увидев веру и душевную любовь обоих верных, принял сам два образа и одновременно пошел к обоим в дом. Они всем сердцем насладились радостью своей, и Хари, прожив несколько там дней, дал много радости и счастья обоим. Потом Господь, исполнив их душевное желанье и укрепив их знание, отправился оттуда в Дварку. Тогда все риши, мунни, простившись с ним в пути, расстались с ним, а Хари прибыл в Дварку".

Так гласит глава восемьдесят шестая — “Хождение шри Кришначандры в Митхилу” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXXVII. БЕСЕДА НАРАДЫ С ШРИ НАРАНАРАЯНОМ

Царь Парикшит, выслушав это сказанье, спросил у шри Шукадева джи: “Махарадж! Ты прежде мне сказал, что Веды вознесли хвалу всевышнему. Но как же Веды вознесли хвалу всевышнему, лишенному всех качеств? Ты объясни и расскажи мне это, дабы сомнение ушло с души моей!”

Шри Шукадева джи сказал: “Махарадж! Благоволи же слушать! Тот, кто создал наш разум, чувства, душу и дыхание, создал закон, полезное, приятное, создал возможности спасенья, тот Господь лишен всех качеств. Когда ж он создает яйцо Вселенной,¹ то проявляется сам в образе, которому все качества присущи. Поэтому, лишенный качеств и обладающий всей полнотою их, он есть единый бог”.

Сказавши это, шри Шукадева муни продолжал: “Махарадж! Вопрос, который задал ты, вопрос тот Наранараяну (Два легендарных риши, сыновья Дхармы (закона, святости) и Ахинсы (непротивления злу)). Иногда они представляются как один образ. Своими подвигами Нара и Нараян достигли такой святости, что были охвачены страхом, боясь утратить свое положение. Царь богов Индра послал к братьям прекрасных нимф с целью соблазнить подвижников и тем уменьшить силу их великих заслуг. Когда приблизились к братьям небесные нимфы, то Нараян взял лесной цветок и положил его себе на бедро, и мгновенно цветок обратился в дивную нимфу, которая своей красою затмила всех нимф Индры, и они со стыдом вынуждены были удалиться. Вместе с ними Нараян отослал Индре и новосозданную им нимфу, которая получила имя Урваши.) задал некогда сам Нарада джи”. Царь Парикшит сказал: “Махарадж! Благоволи поведать мне об этом, дабы недоумение ушло с души моей!” Шри Шукадева джи сказал: “Царь! Однажды в Сатьяюге Нарада джи отправился в Сатьялоку (Как и другие народы, индусы обычно различают три мира — Небо, Землю и Ад. Согласно другому разделению, существует четырнадцать миров: из них семь соответствуют Небу и Земле, а семь других входят в состав подземного мира. Сатьялока — “Мир святости”, или Брахмалока — “Мир Брахмы” (седьмой из верхних миров), — почитается местом жительства Брахмы

¹ Яйцо Брахмы, т. е. весь мир.

и тех существ, которые освобождены от дальнейших перерождений.), где Наранараян сам восседал со множеством великих мун и подвиги творил и спросил: "Махарадж! Каким путем святые Веды хваления возносят богу бестелесному и образа лишенному? Благоволи мне объяснить то, сделай милость". Наранараян сказал: "Слушай, Нарада! Недоуменье, о котором ты спросил меня, то самое недоуменье однажды обсуждалось в Джаналоке (пятый из верхних миров, где, согласно легендам, обитают сыновья Брахмы: Санака, Сананда, Санатана и Санаткумара), где восседал и подвиги творил Санатана и другие риши. Тогда Санатана мун джи, рассказав сказанье, устранил сомненья". Нарада джи сказал: "Махарадж! Я сам живу там, и ежели такая шла беседа, я тоже слышал!" Наранараян сказал: "Нарада джи! В то время ты отправился на Шветадвипу ("Белый остров или континент"; один из континентов (островов) земли по представлению индийских географов), Господа узреть. Тогда-то шла беседа эта, поэтому-то ты ее не слышал". Услышав это, Нарада джи спросил: "Махарадж! Какая же беседа шла там? Благоволи мне рассказать ты, сделай милость!" Наранараян сказал: "Слушай, Нарада! Когда все мун задали такой вопрос, то Санандана¹ мун так сказал: "Внемлите! Когда великое крушение бывает, четырнадцать яиц² великих Брахмы принимают водный образ, в воду обращаются они. Тогда всесовершенный Брахма продолжает спать один. Когда ж у Господа является желание творить, то из дыхания его рождаются Веды и, сложивши поднятые руки, возносят все хвалу! Хваленье это сходно с тем, как то бывает в мире: сам царь еще на ложе спит, его ж певцы, едва зажглась заря, уж славу воспевают и государя будят затем, чтоб он проснулся и скорей за дело принимался!"

Рассказав такое сказанье, Наранараян продолжал: "Слушай, Нарада! Родившись из уст господних, Веды говорят: "Владыка! Скорей проснись и мир твори! И Майю удали свою из душ всех тварей, дабы они могли познать твой образ! Могуущественна Майя, Господи, твоя! Она в неведении держит все живое! И кто освободится от нее, тот удостоится святого знания постичь тебя! Владыка! Без помощи твоей никто не может подчинить ее! В чьем сердце обитаешь ты, владыка, в образе прекрасном знанья, тот побеждает эту Майю. Не то, кто обладает силою такою, чтоб спастись от руки великой Майи? Ты — есть Творец всего, все твари возникают из тебя, и все они в тебе вмещаются и пребывают,

¹ Один из сыновей Брахмы.

² Т. е. миров.

как из Земли повсюду возникает множество вещей и вновь сливаются с Землей! Кто б ни свершал, какому божеству ни совершал он пуджу, возносил хвалу, та пуджа и хвала принадлежат тебе лишь одному! Из золота мы можем сделать множество различных украшений, по-разному назвать их, но все те украшения — золото, не больше! Таким же образом ты обладаешь множеством различных образов, но, если посмотреть сквозь знание проникновенно, то никого и ничего здесь нет: куда ни посмотри — везде лишь ты; один лишь ты являешься пред взором! Владыка! Нет никаких пределов Майе, Господи, твоей! Она сама является в трех гунах — сатва, раджас, тамас. Таких три образа приняв, она все порождает, охраняет, разрушает! Никто не мог постичь ее великой тайны, и никогда никто и не постигнет! А посему живому надлежит, оставив все желанья и стремленья, погрузиться в созерцание тебя. Лишь в этом счастье каждого!” Махарадж! Сказав такое слово, Наранараян Нараде сказал: “О, Нарада! Когда Санандан муні рассказал такое древнее сказанье, он удалил сомненья из сердец у всех. Тогда шри Санак и другие муні совершили пуджу шри Санандану согласно предписанью Вед!”

Рассказав это сказанье, шри Шukaдев джи продолжал: “О, царь! Кто будет слушать дивную беседу Наранараяна со шри Нарадою джи, тот, нет сомненья, удостоится великой благодати — веры и любви, спасения достигнет. То слово, которое пропели Веды там всесовершеннейшему Брахме, то слово шри Санандан джи поведал Санак с другими муні. Потом то слово Наранараян джи поведал Нараде джи. От Нарады его услышал Вьяса, а Вьяса мне его сказал, а я теперь тебе поведал. Кто будет слушать иль рассказывать сказанье это, тот удостоится награды, к какой стремится всей душой! Какой заслуги достигают подвигами, дарами иль обетами, постами, хождением в места святые, такую же заслугу получают все, рассказывая или слушая сказанье это”.

Так гласит глава восемьдесят седьмая — “Беседа Наранараяна с Нарадою джи” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава LXXXVIII. ВИШНУ УБИВАЕТ ВРИКАСУРА

Шри Шukaдева джи сказал: “Махарадж! Дивны чудеса Господни, это каждый знает! Кто совершает пуджу Хари, тот бедным остается; кто почитает Махадева, тот богат. Смотри же, как различествуют меж собою Хари джи и Хара! Один — владыка Лакшми, другой владыка Гаури; один с гирляндой из лесных цветов, а у другого же трезубец; один всю землю держит, другой же Гангу; один играет на свирели,

в рог трубит другой; один — владыка Вайкунтхи, другой живет на Кайлаше; один все охраняет, другой все разрушает; один сандалом тело покрывает, другой его золой коровьего помета мажет; один в одежды облачается, другой тигровой шкурою покрыт; один читает Веды, другой же агамы; один на гаруде лишь ездит, другой же на быке на Нандии; один живет средь пастухов, другой — меж бхутов, претов!

При всем своем различье, каждый из них бог,
И по влеченью сердца к ним твори любовь!"

Рассказав это сказанье, шри Шukaдев джи продолжал: "Махарадж! Шри Кришначандра джи однажды так сказал царю Юдхистхира: "О, Юдхистхира! К кому свою я милость проявлю, того все достоянья постепенно разрушаю! Ведь ценящего все покидают — братья и друзья, жена и сын, и все родные. Тогда рождается в нем отрешенность. Когда ж явилась отрешенность, он оставляет Майю достоянья и родных. Освобожденный вдруг от ослепления, он всей душою отдается на служенье мне, и силою своей любви ко мне он достигает вечного спасенья!" Сказавши так, шри Шukaдева джи продолжил: "Махарадж! Путем служения другим богам всем достигают исполнения желаний преходящих, но это не даст конечного освобожденья!"

Поведав это сказанье, шри Шukaдева муні вновь сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Некогда Врикасур, сын Кашьяпы, вдруг возымел желанье подвиги творить. Когда он вышел из дому, то на дороге встретил Нараду джи муні. Увидев Нараду джи, он простерся перед ним. Потом, сложивши поднятые руки, стал пред ним и со смирением великим спросил: "Махарадж! Кто из троих богов скорее подает дары: Брахма, Вишну или Махадев? Скажи мне, сделай милость; я буду подвиги тому творить!" И Нарада джи так сказал: "Слушай, Врикасур! Из этих трех богов шри Махадев джи самый щедрый! Он скор на милость, скор на гнев! Смотри! Обрадованный совершением немногих подвигов, шри Шива джи дал тысячу рук Сахасрарджуну. Это лишь за ничтожнейший проступок он пришел в великий гнев и погубил его!" Махарадж! Меж тем как Нарада джи с этими словами удалился, Врикасур взял, пошел в свой край и, совершая подвиги суровые во имя Махадева, жертвы приносил ему. Семь дней он мясо отрезал от тела своего и приносил шри Махадеву жертву хома. Когда же на восьмой день он вознамерился отрезать голову себе, то Бхоланатх пришел и, удержав уж поднятую руку, сказал: "Я тобой доволен! Проси чего ты хочешь, я все немедленно дам!" Когда

такое слово сошло с уст Шивы джи, Врикасур, сложивши поднятые руки, молвил:

“Прошу тебя, владыка, дай мне дар такой:
К кому б ни прикоснулся я своей рукой,
Чтоб тот в одно мгновенье в пепел обратился!
Владыка, сделай милость: ты мне посулил все”.

Махарадж! Едва успел он это вымолвить, как Махадев джи даровал ему просимый дар. Врикасур, получив свой дар, вдруг захотел рукой коснуться головы шри Шивы джи. Тогда в испуге Махадев джи, покинув свой престол, пустился в бегство. За ним помчался и асур. Махарадж! Куда бы ни бежал шри Садашива джи, Врикасур все не отставал! И наконец, в великом страхе, Махадев джи прибежал в Вайкунтху. Увидев вдруг его в таком великом горе, благодетель верных шри Вайкунтханта¹ шри Мурари, милосердия сосуд, сжалившись над ним и приняв образ брахмана, предстал вдруг перед Врикасуром и молвил: “О, царь асуров! Зачем себя ты утруждаешь так, преследуя его? Благоволи мне объяснить”. Услышав это, Врикасур тут открыл ему всю тайну. И вновь Господь сказал: “О царь асуров! Мне очень удивительно, чтоб здравомыслящий, как ты, мог впасть в такой обман! Да кто же почитает правдою слова нагого йога и безумца, курильщика конопли и дурмана! Ведь он всегда намажется золой коровьего навоза, обвяжется змеей и, обратившись в страшилище, шатается по кладбищам совместно с бхутами и претами! Кому бы в голову пришло ему поверить!” Махарадж! Сказавши так, шри Нараян джи молвил: “О царь асуров! Коль ты мои слова считаешь ложью, то прикоснись рукою к голове своей!”

Махарадж! Услышав это слово от Нараяна и подчинившись силе Майи, лишившись знания, Врикасур взял, коснулся головы своей рукой и вмиг сгорел, и в кучу глеппа обратился. Когда погиб асур, то в Сурапуре раздалась радостная музыка, и боги, возгласив: “Джай! Джай!” вдруг пролили тут целый дождь цветов. Видьядхары и гандхарвы, киннары воспевали силу Хари. Тогда сам Хари, вознеся хвалу шри Хару, отпустил его. Врикасуру он даровал конечное спасенье!” Шри Шукадева джи сказал: “Махарадж! Кто будет слушать иль рассказывать сказанье это, тот, нет сомнения, милостию Хари Хары, удостоится ступени высочайшей”.

Так гласит глава восемьдесят восьмая — “Спасение Рудры и убийство Врикасура” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

¹ Владыка Вайкунтха; одно из имен Вишну.

Глава LXXXIX. РИШИ ИСПЫТЫВАЕТ ВСЕХ ТРЕХ БОГОВ И УСТАНАВЛИВАЕТ ПРЕВОСХОДСТВО ВИШНУ

Шри Шукадева джи сказал: "Махарадж! На берегу Сарасвати однажды пребывали риши все и муні, творили подвиги и приносили жертвы. Один из них спросил: "Кто величайший из трех божеств — Брахма, Вишну или Махешу?¹ Мне милость окажите, объясните!" Тогда один сказал: "То Шива!" Другой сказал: "Брахма!" Третий сказал: "Вишну". Ни на одном все риши не сошлись, не признали наивысшим. Тогда-то некие из них, великие, старейшие из муні, риши так сказали: "Мы на слово не можем верить никому, но ежели бы кто пошел и испытал всех трех богов и рассказал о них всю правду, то мы могли бы признать правдивость слов его!"

Махарадж! Услышав это, все немедленно согласились и повелели Бхригу, сыну Брахмы, отправиться и испытать всех трех богов. И, получив то повеленье, Бхригу муні отправился сначала в Брахмалок.² Он молча там вошел в собрание Брахмы и уселся — не сделал ни поклона он, ни славословья, ни обхождения. Царь! Увидев эту неучтивость сына, Брахма в гнев пришел, хотел свое проклятие изречь, но не позволила лишь отчая любовь. Тогда-то Бхригу увидал, что Брахма сам подвластен страсти раджас! Он встал, ушел оттуда и пошел на Кайлаш. Он пришел, остановился там, где Шива с Парвати сидели. Увидев Бхригу, шри Шива джи сам встал. Когда ж он руку протянул и захотел его обнять, то Бхригу взял и сел; тогда шри Шива джи пришел в великий гнев, немедленно взялся за трезубец, чтоб убить его. Тогда шри Парвати с мольбой упала вдруг к ногам шри Махадева джи и успокоила его, сказав: "Ведь он твой младший брат! Благоволи простить его вину! Ведь сказано:

Коль отрок провинится, грех свершит когда,
Святой в душе не держит гнева никогда!"

Махарадж! Когда шри Парвати, так успокоив Шиву, охладила гнев его, то Бхригу увидал, что Махадев джи сам подвержен страсти тамас. Он встал и удалился. Оттуда он пошел в Вайкунтху, где Бхагаван спал с Лакшми джи в постели из цветов на ложе золотом, украшенном камнями драгоценными. Приблизившись к ним, шри Бхригу вдруг дал Бхагавану в грудь такой пинок ногой, что тот проснулся.

¹ Одно из имен Шивы.

² Т. е. Сатьялок, мир совершенной святости.

Увидев пред собою муни, оставил Лакшми он и, с лежа тотчас же сойдя, шри Хари бросился к ногам шри Бхригу. Припав к ним головой, он стал их прижимать к себе и говорить: "О, риши рай! Благоволи простить мою вину! Невольно я своею грубой грудью вдруг нанес удар прекраснейшему лотосу ноги твоей столь нежной! Не сохрани моей вины в душе!" Когда такое слово сошло с уст Господа, то Бхригу джи весь просветлел от радости, и, вознеся хвалу, он удалился и пришел туда, где на берегу Сарасвати сидели риши все и муни. Вернувшись к ним всем, Бхригу джи поведал все как было и открыл им тайну трех богов:

“Сам Брахма слаб; во власти страсти раджас он!
А Махадев джи страстью тамас загрязнен!
По доброте великой Вишну выше всех,
И высшего, чем Вишну, бога в мире нет!”
Освободились риши от своих сомнений,
И радость охватила души, умиление,
И восхваляли риши Вишну вновь и вновь,
В сердцах все положили вечную любовь”.

Рассказав это сказанье, шри Шukaдева джи сказал царю Парикшиту: “Махарадж! Теперь я расскажу тебе стороннее сказанье, ты прилагай вниманье, слушай. Царь Уграсена в Дваркапури правил царством справедливости; шри Кришначандра с Баларамом джи его веленья исполняли. Под управлением царя так каждый жил в своем законе, прилежно относился к делу своему и был искусен в нем; все наслаждались счастьем и спокойствием. И был там брахман, человек благочестивый, благонравный. Однажды умер мальчик у него.

Он взял труп сына, пришел к воротам Уграсены и говорит там все, что приходило на язык: “Великий беззаконник ты, злочинец, грешник! Лишь за твои грехи народ страданья терпит! И сын мой умер за твои грехи!”

Махарадж! Он долго говорил такие речи... Потом, оставив у ворот дворца труп сына, брахман возвратился в дом свой. Потом у брахмана того родилось восемь сыновей, и всех их восьмерых таким же образом оставил брахман у ворот дворца. Когда ж девятый сын родиться должен был, то брахман вновь пришел к царю и, на совете Уграсены став перед шри Кришначандрой джи, стал изливать свою печаль о смерти сыновей, рыдал и говорил: “Проклятие царю и царствию его! Проклятье всем, кто служит беззаконнику сему! Проклятье мне за то, что в городе таком живу. Когда бы не жил я в стране таких злодеев, то сыновья мои остались б живыми!

За беззакония их сыновья мои погибли, и никто не защитил меня!"

Махарадж! Тот брахман так стоял там посреди совета, рыдал и проклинал; однако же никто ни слова не сказал ему в ответ... Вблизи шри Кришначандры Арджуна джи сидел. Он слушал-слушал, опечалился и наконец сказал: "О, божество! Да перед кем ты говоришь такие речи и зачем? Зачем так сетуешь? Во всем собрании этом нет здесь лучника, который мог бы устранить твою печаль. Теперешние государи думают лишь о своих делах! Предотвратить чужое горе, дать счастье народу или служить короле, брахману — не их то дело!" Промолвив так, вновь обратился шри Арджуна джи к брахману и так сказал: "Божество! Теперь иди в свой дом, живи спокойно. Когда ж настанет день рождения сына твоего, тогда ты приходи ко мне, и я пойду с тобой, не допущу, чтоб сын твой умер". Махарадж! Услышав это, брахман в гневе закричал: "Коль не считать шри Кришну, Баларама джи, Прадьюмну и шри Анируддху (Кришна, Баларам, Прадьюмна и Анируддха являются воплощениями Вишну и потому обладают наивысшей силой), во всем собрании этом я не вижу никого столь сильного, кто мог бы сына моего спасти от рук жестокой смерти!" Арджуна сказал: "Брахман, ты меня не знаешь! Меня зовут Дхананджай.¹ Я обещаю тебе даю, что если сына твоего я не спасу, то я умерших сыновей твоих достану, где бы ни были они! А ежели ж их я не найду, то сам я на огне сожгу себя и лук свой Гандив!" (знаменитый лук Арджуны, полученный им от бога Агни (огня); Агни получил его от Варуны, а Варуна от Юмы) Махарадж! Когда сказал так Арджуна и дал такое обещание, то брахман, успокоенный, пошел в свой дом. А перед тем, как должен был родиться сын его, тот брахман ж Арджуне пришел. Тогда шри Арджуна взял свой лук и стрелы и поспешил за ним. И, прибежав так к дому брахмана, шри Арджуна тучей стрел весь дом его так оградил, что даже ветер доступа туда не мог найти бы, а сам взял лук и стрелы и стал ходить вокруг него".

Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! И много разных средств там Арджуна применил, чтоб мальчика спасти, но все ж не спас. Когда родился мальчик, он даже не вздохнул и из утробы вышел мертвым. Услышав о рождении мертвого ребенка, Арджуна со стыдом пошел к шри Кришначандре джи. За ним пришел и брахман. Махарадж! Тот брахман подошел, рыдал и говорил: "Эй, Арджуна! Проклятие тебе и жизни

¹ Одно из имен Арджуны.

всей твоей! Как можешь показать лицо твое народу, когда сказал такую ложь! Ты не мужчина! Коль ты не мог спасти от смерти сына, тогда зачем же ты давал такое обещание? Зачем ты говорил: "Я сына твоего спасу, а если не смогу спасти, то возвращу тебе твоих умерших сыновей!"

Махарадж! Услышав это, Арджуна взял свой лук и стрелы и ушел оттуда. Шел-шел, и наконец пришел он в город Саньямини,¹ к самому Царю Закона Дхармараджу. Увидев Арджуну джи, Дхармарадж немедленно встал пред ним. Сложивши поднятые руки, он славословье произнес, потом сказал: "Махарадж! Чему обязан я твоим приходом?" Арджуна джи ответил: "Я пришел за сыновьями брахмана!" Дхармарадж сказал: "Те мальчики сюда не приходили!" Махарадж! Когда такое слово тут сошло с уст Дхармараджа, Арджуна удалился странствовать по всем краям, но не нашел нигде детей. И, наконец, в великом горе он вернулся в Дваркапури, устроил сам себе костер и приготовился сгореть с стрелами и луком. Тогда пришел к нему губитель гордости, при Кришначандра джи, взял за руку его и, засмеявшись, так сказал: "Эй, Арджуна! Ты не горюй! Я твой обет исполню! Где б ни были те дети брахмана, я их достану!" Махарадж! Сказавши так, владыка трех миров на колесницу сел и, взяв с собою Арджуну, отправился в восточную страну. Он перешел чрез семь морей, и наконец подъехал он к горе Локалок (Буквально: "мир и не мир". Легендарный горный хребет, составляющий крайнюю границу семи морей и континентов, разделяющий видимый мир от царства тьмы. За пределы Локалока не достигают лучи ни Солнца, ни Луны.). Подъехав к ней, они сошли там с колесницы и углубились в мрачную пещеру. Тогда шри Кришначандра джи немедленно повеленье дал сударшанчакре, и он зажег там свет на десять миллионов Солнц и перед Господом та тьма исчезла.

Минуя тьму, шри Кришна двинулся вперед,

И вдруг он очутился среди глубоких вод!

Высокие вздымались волны на воде.

Закрыв глаза, шли оба смело, как везде.

Туда, где обитает дивный Шеша джи,

Пришел вдруг Арджуна смелый вслед за Кришной джи!

Когда пришли они туда, открыли очи, смотря: стоит дворец высокий и обширный, прекрасный, весь из золота, украшенный камнями самоцветными. На голове у Шешы джи стоит престол, украшенный камнями драгоценными. На нем

¹ Столица Ямы, Царя Закона, владыки усопших.

сидит сам Хари в дивном образе своем: облакоцветный образ красоты он — луннолицый, лотосоглазый, в короне и серьгах, в прекрасном шелковом наряде, в желтом поясе, с гирляндой из лесных цветов, в жемчужном ожерелье! А Брахма, Рудра, Индра и все другие божества стоят пред ним, хвалу ему возносят. Махарадж! Увидев этот дивный образ, Арджуна и шри Кришначандра джи приблизились к нему, простерлись перед Господом. Потом, сложивши поднятые руки, поведали причину появления своего. И, выслушав слова их, Господь потребовал и им отдал немедленно сыновей всех брахмана. Увидев всех их, Арджуна просветлел от радости. Тогда Господь сказал:

“Вы оба лишь частицы самого меня!
Смотрите, Хари, Арджуна, в волю на меня!
Сошли на Землю оба бремя снять с Земли,
Святым и садху много счастья принесли.
Асуров всех и дайтея предали вы смерти,
А сурам, нарам, муним помогли бессмертным,
Есть две мои частицы здесь у вас в телах,
Сопутствует успех вам в ваших всех делах!”

Промолвив это, Бхагаван джи отпустил шри Кришначандру джи и Арджуну. Они с детьми вернулись в город, и брахман получил обратно сыновей. Во всех домах настали радость и веселье. Рассказав это сказанье, шри Шукадева джи сказал царю Парикшиту: “Махарадж!

Кто эту повесть будет со вниманьем слушать,
Того все дети будут счастливы, послушны”.

Так гласит глава восемьдесят девятая — “Возвращение брахману его детей” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

Глава ХС. КАК ЖИЛ ШРИ КРИШНА В ДВАРКЕ

Шри Шукадева джи сказал: “Махарадж! Шри Кришначандра неизменно в Дварке проживал. Благополучье, изобилие царило там во всех домах у ядавов. Мужчины, женщины — там все носили украшенья и в новое все одевались; все натирались чоа и сандалом и украшались благовоньями! Махарадж! Купцы заботились о том, чтоб подметались, поливались все рынки, улицы и площади. Туда из разных стран купцы различные товары доставляли для продажи. Все горожане всюду ходят, забавляются, а брахманы везде читают Веды. Различные искусники рассказывают там Пураны и сказания. Все восемь страж святые садху воспевают славу

Хари. Возницы, заложив коней в телеги, в колесницы, направляются все ко дворцу. На колесницах, на слонах и на конях богатыри, герои, воины, воинственные ядавы идут все на поклон к царю. Певцы и плясуны поют, играют, пляшут и забавляют всех. Сказители там славу воспевают, за это им в награду граждане дают слонов, коней, одежду, пищу, деньги и украшения золотые с драгоценными камнями".

Рассказав это сказанье, шри Шукрадева джи сказал царю Парикшиту: "Махарадж! Такая оживленная шла жизнь во стольном граде государя Уграсены. И сам шри Кришначандра, корень радости, там неизменно забавлялся и с ним его шестнадцать тысяч сто и восемь молодых супругов. То все супруги, полные любви к нему, в восторге наряжали Господа; то Хари сам, охваченный любовью, наряжал их всех. Как все они играли, забавлялись, того и рассказать нельзя. Я не могу словами рассказать. Чтоб их представить, нужно было все увидеть самому".

Сказавши так, шри Шукрадев джи продолжал: "Махарадж! Однажды в час ночной шри Кришначандра забавлялся с юными супругами своими. Взирая на различные господни чудеса, там гандхарвы с киннарами играли радостно на бинах, Индийская лютня, пакхаджах,¹ на бхери,² думдубхи³ и воспевали Хари — и все слилось в одном порыве. Когда Господь так забавлялся с ними, то у него в душе явилась мысль, и он увел их всех на берег озера; вошли все в воду и стали забавляться все в воде. Играя так в воде, супруги Кришначандры, опьяненные любовью, вне себя от страсти, увидели на берегу пруда напротив щебетавших чакву с самкой и сказали:

"Скажи, зачем ты, чаква, грустно так поешь?

Ты от разлуки с милым не уснешь всю ночь?

Когда с такой тоскою призываешь друга,

Мы сразу вспоминаем своего супруга.

Мы все его рабыни, как и весь народ!"

И с этими речами все ушли вперед.

Потом они сказали океану: "О океан! Что тяжело так вздыхаешь? Не спишь ни днем, ни ночью! Иль, может быть, тебя с кем разлучили? Или скорбишь все об утрате ты четырнадцати драгоценностей?" (Когда боги и демоны сбивали молочное море, то из него вышло четырнадцать сокровищ, которые достались богам. Наиболее известные из

1 Вид барабана.

2 Музыкальный инструмент: а) большой барабан, б) флейта.

3 Литавры.

этих сокровищ — Камадхену, Кальпаврикша, Апсары и т.д.) Потом, увидев месяц, молвили ему: “О месяц! Что с каждым днем ты чахнешь все и чахнешь! Быть может, оттого, что увидал шри Кришначандру и сам так очарован им, как мы все, очарованные телом и душой?”

Рассказав это сказанье, шри Шукатова джи сказал царю: “Махарадж! Так все супруги обращались к ветру, облаку, горе, реке, к кукушке, лебедю. Какие речи говорили им, мы можем догадаться. Потом они все забазлялись с шри Кришначандрой и всегда ему служили. Все воспевали Господа, в награду получали все, чего душа желала. Согласно с правилами для домохозяина, Господь всем домом управлял.

Махарадж! Как прежде было сказано уже, там, в Дварке, у шри Кришначандры было шестнадцать тысяч сто и восемь всех цариц. У каждой из цариц родилось по десять сыновей и дочке. Несчетное потомство от него произошло; не хватит сил моим их описать. Я знаю только, что там для обучения потомства этого шри Кришначандры джи открыто было тридцать миллионов восемьдесят восемь тысяч школ и столько же учителей в них было. И сколько ни было детей и внуков у шри Кришначандры, не уступали никому они ни в красоте, ни в силе, доблести, богатстве, благочестии — один другого превосходней! Мне долго бы пришлось описывать их всех”.

Сказавши это, риши продолжал: “Махарадж! Я здесь воспел те чудеса, которые творились в Брадже, в Дварке. Они чаруют всех. Кто их с любовью будет воспевать, тот, нет сомнения, получит веры и спасенья благодать. Какой награды достигают подвигами, жертвами, дарами и обетами, паломничеством, омовеньями, такую же награду получают те, кто слушает иль повествует сам сказание о Хари”.

Так гласит глава девяностая — “Повествование о забавах в Дварке” — в “Прем Сагаре”, сочиненном шри Лаллу Лалом.

МАХАБХАРАТА

ФИЛОСОВСКИЕ ТЕКСТЫ

Перевод с санскрита, предисловие,
примечания и толковый словарь
Б. Л. СМЕРНОВА

БХАГАВАДГИТА

Литературный перевод Б.Л. Смирнова

Глава I. ОТЧАЯНИЕ АРДЖУНЫ

Дхритараштра сказал:

1. На поле дхармы, на поле Куру, сойдясь для битвы,
Что совершили наши, также Пандавы, Санджая?

Санджая сказал:

2. Дурйодхана, тогда строй Пандавов увидев,
Приблизясь к наставнику, слово промолвил раджа:
3. Видь, о наставник, огромную рать Пандавов,
Ее сын Друпасы, мудрый твой ученик, построил.
4. Искусные лучники, витязи здесь; в бою они равны Бхиме,
Арджуне: Ююдхана, Вирата и Друпасы — великий
воитель,
5. Дхриштакету, Чекитана, раджа Кеши могучий,
Шайбья, бык среди людей, Пуруджит, Кунтибходжа,
6. Удалой Юдхаманью, Уттамоджа могучий,
Мощные витязи — Субхадры сын, сыны Драупады.
7. Лучших из наших узнай, дважды рожденный,
Моей рати вождей, их тебе назову для сравнения:
8. Ты сам, владыка, и Бхишма, и Карна, и победоносный
Крипа, Ашваттхаман и Викарна, и сын Сомадатты
могучий.
9. Есть много других отважных, ради меня не щадящих жизни,
Разным оружием владея, все они опытни в битве.
10. Недостаточна все же наша сила, водимая Бхишмой,
Их же достаточна сила, водимая Бхимой.
11. Поэтому все вы, по достоинству стоящие возле,
Всячески охраняйте Бхишму, порознь и вместе!
12. Чтоб возбудить его бодрость, старший из куру, предок
Доблестный в раковину затрубил, звучащую львиным
ревом.
13. Тогда вмиг зазвучали раковины, литавры, бубны,
Барабаны, трубы громopodobным гулом.
14. На колеснице громадной, белыми коньми влекомой,
Стоя, Мадхава, Пандава в божественные раковины
затрубили.
15. В Панчаджанью — Хришикеша, в Дэвадатту — Дхананджая;
Вриккодара же, страх находящий, трубил в огромную
раковину Паундру.
16. В Анантавиджая, раджа, дул Юдхистхира, сын Кунти,
Накула и Сахадева — в Сугошу и Манипушпаку.

17. Великий лучник Кеши, витязь могучий Шикханди,
Дхриштадьюмна, Вирата и непобедимый потомок
Сатьяки,
18. Друпادا, его потомки, сыны Драупади, Субхадры сын
долгорукый, —
Один за другим в раковины затрубили, Земли повелитель.
19. Этот клич раздирал сердца сыновей Дхритараштры,
Наполняя рокотом Небо и Землю.
20. Тогда, увидав строй сынов Дхритараштры, мечущих стрелы,
Поднял оружие Пандава, носящий знак обезьяны на
стяге,
21. И Хришикеше, Земли владыка, промолвил слово.

Арджуна сказал:

- Останови меж двух ратей мою колесницу, Ачьюта,
22. Чтобы мне рассмотреть предстоящих витязей, жаждущих
битвы,
С ними мне нужно сразиться в возникающей схватке.
23. Тех знать я хочу, что сошлись там, в сражение,
Готовясь исполнить волю Дхритараштры коварного сына.

Санджая сказал:

24. Вняв словам Гудакеши, остановил Хришикеша
Огромную колесницу между двух войск, Бхарата.
25. Пред лицом Бхишмы, Дроны и всех царей воскликнул:
"О Партха, смотри на сошедшихся куру!"
26. И увидал тогда Партха дедов, отцов, наставников, дядей,
Товарищей, братьев, сыновей и внуков,
27. Тестей, друзей, стоящих в обеих ратях;
Всех сошедшихся вместе родных увидал, Каунтея.
28. Состраданием тяжело томим, скорбный, он так промолвил.

Арджуна сказал:

- При виде моих родных, пришедших для битвы, Кришна,
29. Подкашиваются мои ноги, во рту пересохло.
Дрожит мое тело, волосы дыбом встали,
30. Выпал из рук Гандива, вся кожа пылает;
Стоять я не в силах, мутится мой разум.
31. Зловещие знаменья вижу, не нахожу я блага
В убийстве моих родных, в сражение, Кешава.
32. Не желаю победы, Кришна, ни счастья, ни царства;
Что нам до царства, Говинда, что в наслаждениях,
в жизни?
33. Те, кого ради желанны царство, улады, счастье,
В эту битву вмешались, жизнь покидая, богатства:

34. Наставники, деды, отцы, сыны, внуки,
Шурины, тесты, дяди — все наши родные.
35. Их убивать не желаю, Мадхусудана, хоть и грозящих
смертью,
Даже за власть над тремя мирами, не то, что за блага
земные.
36. О Джанардана, после убийства сынов Дхритараштры,
Что за радость нам будет? Мы согрешим, убивая
грозящих оружием.
37. Не надлежит убивать нам кровных сынов Дхритараштры,
Ведь погубив свой род, как можем счастливыми быть,
Мадхава?
38. Хоть и не видит греха их ум, пораженный корыстью,
В уничтожении рода, вероломстве преступном,
39. Как не понять постигающим зло поражения рода,
Что нам, Джанардана, от такого греха отрешиться надо?
40. С гибелью рода погибнут непреложные рода законы;
Если ж законы погибли, весь род предается бесчестьем.
41. А утвердится бесчестье, Кришна, — развращаются
женщины рода.
Женщин разврат приводит к смешению каст, Варшнее!
42. Если смешение будет, в ад попадут и весь род, и убийцы
рода;
Ниспадаю их предки, лишаясь возлияний и жертвенных
клекек.
43. Преступление губителей рода, смешавших касты,
Упраздняет законы народа, семьи вековые устои.
44. Люди, поправшие родовые законы, о Джанардана,
Должны обитать в аду, так указывает Писанье!
45. Горе, увы, тяжкий грех мы совершить замыслим:
Ради желанья царских услад погубить своих кровных.
46. Если меня, безоружного, без противленья, сыны
Дхритараштры
С оружием в руках убьют в сраженьи, мне будет
отрадной.

Санджая сказал:

47. Так молвив, в боренье Арджуна поник на дно колесницы,
Выронив лук и стрелы; его ум потрясен был горем.

**ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО,
ПИСАНИИ ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ
И АРДЖУНЫ ГЛАСИТ ПЕРВАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ**

О Т Ч А Я Н И Е А Р Д Ж У Н Ы

Глава II. САНКХЬЯ ЙОГА

Санджая сказал:

1. Ему, охваченному состраданием, с полными слез глазами, Скорбному, Мадхсудана тогда молвил слово.

Шри-Бхагаван сказал:

2. Как у тебя в беде такое смятение возникло?
Оно для арийца позорно, лишает блаженства, к бесчестью ведет, Арджуна,
3. Малодушию не поддавайся, Партха, это тебя недостойно!
Покинув ничтожную слабость сердца, восстань,
подвижник!

Арджуна сказал:

4. Как в битве сражу я стрелами Бхишму и Дрону, Мадхусудана? Их, достойных почтения, супостатов губитель?
5. Чем убивать этих чтимых Гуру, нам лучше нищенством жить в этом мире, Ведь Гуру убив, хотя бы корыстных, уже здесь мы вкусим окровавленную пищу.
6. Не знаем, что будет для нас достойней — быть побежденными иль одержать победу? Мы утратим желание жить, если погубим противостоящих сынов Дхритараштры.
7. Болезнь сострадания меня до глубин поразила; не разумея дхармы, Я вопрошаю, что лучше, скажи это ясно; я твой ученик, наставь меня, к тебе припадаю.
8. Ибо я не предвижу, чтоб эта скорбь, палящая чувства, могла утолиться Достижением здесь, на Земле, бесспорного царства или даже владычеством над богами.

Санджая сказал:

9. Это сказав Хришикеше, Гудакеша молвил:
“Не буду сражаться”, — и замолк врагов утешитель.
10. Ему отвечал Хришикеша, как бы с улыбкой Бхарата; Скорбящему между двух ратей молвил такое слово.

Шри-Бхагаван сказал:

11. Ты мудрую речь говоришь, а сожалеешь о тех, кому сожаленья не надо:
Познавшие не скорбят о живых, ни об ушедших,

12. Ибо Я был всегда, также и ты, и эти владыки народов,
И впредь все мы пребудем вовеки.
13. Как в этом теле сменяется детство на юность, зрелость
и старость,
Так воплощенный сменяет тела; мудрец не смущается
этим.
14. Касания плоти, Каунтея, приносят страдание, радость,
жар, холод,
Непостоянны они: приходят — уходят; противостоять
им, Бхарата!
15. Лишь человек, не колеблемый ими, тур Бхарата,
В страдании, радости равный, стойкий, готов для
бессмертья.
16. Небытие не причастно бытию, бытие небытию не причастно;
Граница того и другого ясна для постигших Правду.
17. Не уничтожимо То, чем этот мир распростерт; постигни:
Непреходящее уничтожимым сделать никто не может.
18. Эти тела преходящи; именуется вечным носитель тела,
Непреходящим, неисследимым; итак, сражайся, Бхарата!
19. Кто думает, что Он убивает, или кто полагает, что убить
Его можно,
Оба они не знают: не убивает Он сам и не бывает
убитым.
20. Он никогда не рождается, не умирает; не возникая,
Он никогда не возникнет;
Нерожденный, постоянный, вечный. Он, древний, не
умирает, когда убито тело.
21. Кто неуничтожимо, нерожденного, непреходящего,
вечного знает,
может такой человек убивать или заставить убить
кого-либо, Партха?
22. Как, обветшавшие сбросив одежды, новые муж надевает,
иные,
Так, обветшавшие сбросив тела, в новые входит,
иные носитель тела.
23. Не сечет его меч, не опаляет пламя,
Не увлажняет вода, не иссушает ветер:
24. Неуязвим, неопалим Он, неиссушим, неувлажняем;
Вездесущий; Он пребывает, стойкий, недвижимый, вечный.
25. Непроявленным, непредставимым и неизменным Его
именуют;
Зная Его таким, ты скорбеть не должен.
26. Но если б Его считал ты рождающимся и умирающим
постоянно,
То и тогда, могучий, ты о нем сокрушаться не должен.

27. Рожденный неизбежно умрет, умерший неизбежно
родится;
О неотвратимом ты сокрушаться не должен.
28. Не проявлены существа в начале, проявлены в середине,
Не проявлены также в исходе; какая в этом печаль,
Бхарата?
29. Один взирает на Него, как на чудо, другой говорит
о Нем, как о чуде;
Иной внимает о Нем, как о чуде, но и, услышав,
Его никто не знает,
30. Неуязвим воплощенный всегда в этом теле;
Так не скорби ни о каких существах, Бхарата.
31. Приняв во внимание свой долг, не нужно тебе колебаться,
Ведь для кшатрия лучше нет ничего иного, чем
справедливая битва.
32. Как во внезапно отверстые райские двери, Партха,
Радостно вступают кшатрии в такую битву.
33. Если же ты справедливого боя не примешь,
Ты согрешишь, изменив своим долгу и чести.
34. Говорить станут все о твоём вечном позоре,
А бесчестие славному — горше смерти.
35. Великие витязи будут думать, что отказался от битвы
из страха;
Ты, кого некогда чтили, станешь для них презренным.
36. Много позорящих слов твои недруги скажут,
Над мощью твоей издеваясь; что может быть хуже?
37. Убитый, ты Неба достигнешь, живой — насладишься
Землею;
Поэтому встань, Каunteя, и решишь на сражение!
38. Признав, что равны счастье, несчастье, неудача и
достижение,
Поражение, победа, готовься к битве, чтобы греха
избегнуть.
39. Я доводы изложил рассудка, внимли наставлению йоги;
Приобщась к этой мудрости, Партха, ты цепей кармы
избегнешь.
40. Здесь не гибнет усилие, здесь нет извращения;
Даже малая доля этой дхармы от великого горя спасает,
41. Решительна эта мысль, целостна, радость Куру;
А нерешительных мысли нескончаемы, многоветвисты.
42. Неразумные держат пышную речь, довольствуясь буквой
Веды;
Партха, они говорят: "Нет ничего иного".
43. Их суть — вожделенье, они стремятся к раю, их речь
сулит, как плод дел, рожденье,

Полна предписаний особых обрядов для достижения
богатства и божественной власти.

44. Кто стремится к утехам и власти, увлекается этим,
Для того недоступна решительная мысль, погруженная
в Самадхи.
45. В царстве трех гун находятся Веды, отршись от трех
гун, Арджуна,
От противоречий свободный, в действительности стой
Неизменно, откажись от владенья, будь Атману предан.
46. Сколько пользы в ключе, когда вода со всех сторон
прибывает,
Столько пользы в Ведах для постигшего брамина.
47. Итак, на дело направь усилие, о плодах не заботясь;
Да не будет плод дела твоим побуждением, но и
бездействию не предавайся.
48. В йоге устойчивый, действуй, оставив привязанность,
Партха!
В неуспехе, удаче будь равным; равновесием именуется
йога!
49. Ибо дело значительно ниже, чем йога мудрости,
Дхананджая;
Ищи прибежища в мудрости; плодами прельщенные —
жалки.
50. Здесь покидает мудрец и грехи и заслуги;
Поэтому предайся йоге, йога — в делах искушенность.
51. Мудрые люди, покинув плоды, рожденные делом,
Идут, расторгнув узы рожденья, в область бесстрастья.
52. Когда твой разум преодолет дебри заблуждений,
Ты достигнешь свободы от предписаний закона.
53. Когда, противопостав писаньям, твой разум непоколебимо
Утвердится в Самадхи, ты достигнешь йоги.

Арджуна сказал:

54. Как узнается тот, кто стоек в познание, кто достиг
Самадхи?
Как говорит стойкий духом, как он сидит, как
странствует он, Кешава?

Шри-Бхагаван сказал:

55. Кто все желания сердца отбросил, Партха, найдя в самом
себе радость,
Тот именуется стойким в познание.
56. Кто в беде не колеблется сердцем, кто угасил жажду
счастья,
Отрешенный от страсти, страха и гнева, стойкий духом, —
называется мунни.

57. Кто ни к чему не стремится, с приятным и неприятным
встречаясь,
Не ненавидит и не вожделеет, стойко того сознание.
58. Как черепаха вбирает члены, так он отвлекает все чувства
От их предметов, стойко его сознание.
59. Для отрешенного человека исчезают предметы, не вкус
к ним,
Но для узревшего Высшее и вкус исчезает.
60. Ведь бурные чувства насильно увлекают сердце
Даже прозорливого подвижника, Каунтея.
61. Их обуздав, пусть он сядет, сосредоточась на мне —
Вышей Цели.
Ибо, кто покорил свои чувства, стойко того сознание.
62. У того, кто о предметах чувств помышляет, привязанность
к ним возникает;
Привязанность рождает желанье, желание гнев
порождает.
63. Гнев к заблуждению приводит, заблуждение помрачает
память;
От этого гибнет сознание; если ж сознание гибнет —
человек погибает.
64. Кто ж область чувств проходит, отрешась от влечения
и отвращения,
Подчинив свои чувства воле, преданный Атману, тот
достигает ясности духа.
65. Все страдания его исчезают при ясности духа.
Ибо, когда прояснилось сознание, — скоро укрепляется
разум.
66. Кто не собран, не может правильно мыслить, у того нет
творческой силы;
У кого же нет творческой силы — нет мира, а если нет
мира, откуда быть счастьем?
67. Кто по влечению чувств направляет Манас,
У того он уносит сознание, как ветер корабль (уносит)
по водам.
68. Поэтому, долготрукий, кто совсем оторвал свои чувства
От их предметов, стойко того сознание.
69. Что для всех существ ночь, для стойкого есть время
бдения,
Когда же все живое не спит, тогда наступает ночь для
яснозрящего мунни.
70. В кого проникают желанья, как в океан полноводный,
недвижный вливаются реки,
Тот достигает мира, а не тот, кто стремится к желаньям.

71. Кто странствует, все вожделенья покинув, отрешась от влечений,
Беспечальный, от себялюбья свободный, тот достигает покоя.
72. Таково состояние Брахмо, Партха; не заблуждается тот, кто его достигает.
Пребывающий в нем хотя бы в миг смерти, в Нирвану Брахмо вступает.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ
СВЯТОЙ БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО,
ПИСАНИИ ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ
И АРДЖУНЫ ГЛАСИТ ВТОРАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

С А Н К Х Ъ Я Й О Г А

Глава III. ЙОГА ДЕЙСТВИЯ

Арджуна сказал:

1. Если ты ставишь мудрость выше действия, Джанардана,
То почему к ужасному делу ты меня побуждаешь,
Кешава?
2. Ты в заблуждение как бы вводишь мое сознание
противоречивым словом,
Достоверно скажи мне одно: чем я достигну спасенья.

Шри-Бхагаван сказал:

3. В этом мире есть две точки зрения, мной возвешенные
раньше, о безупречный:
Размышляющих — йога познания, йогин — йога
действий.
4. Не начинающий дел человек бездействия не достигает;
И не только отречением он совершенства достигнет.
5. Ведь никто никогда, даже мгновенье, не может пребывать
в бездействии,
Ибо все действия он производит невольно, в силу качеств,
рожденных природой,
6. Кто сидит, обуздав стремления чувств, но сердцем
привязан к предметам,
Заблудший, тот идущим по неверной дороге зовется.
7. Кто же Манасом чувства смирив, действия чувств
направляет
На карма-йогу, того отрешенным зовут, Арджуна.

8. Необходимое дело свершай: лучше бездействия дело;
Бездействуя, даже отпавлений тела тебе не удастся
исполнить.
9. Дела, совершенные не ради жертвы, — оковы для мира;
Выполняй же дела, свободный от связей, Каунтея.
10. Некогда рек Праджапати, создав вместе с жертвой твари;
— Размножайтесь ею, пусть желанной Камадук она для
вас будет.
11. Ею богов укрепляйте, да укрепят вас боги;
Так, укрепляя друг друга, вы достигнете высшего блага.
12. Укрепленные жертвой боги дадут вам желанные блага;
Вор, кто дар принимая, не возвращает дарами.
13. Освобождаются от грехов праведники, остатками жертвы
питаясь,
А те нечестивцы, что лишь для себя варят пищу, грех
вкушают.
14. Существа возникли от пищи, от дождя возникла пища,
Дождь возник от жертвы, жертва возникла от кармы.
15. Знай, карма возникла от Брами, возник от Непреходящего
Брама;
Поэтому вездесущее Брахмо всегда пребывает в жертве.
16. Кто не дает вращаться заведенному этому кругу,
Злой, игралище чувств, тщетно живет он, Партва.
17. Но человек, насыщенный Атманом, в Атмане обретает
радость;
Кто успокоился в Атмане, у того не должно быть заботы.
18. Ни в деланье, ни в неделанье и у него здесь нет цели;
Ни в одном существе он не ищет опоры для своих
стремлений.
19. Итак, всегда совершай без привязанности должное дело;
Кто без привязанности принимается за дело, Высшего
достигает.
20. Ибо делами достигли совершенства Джанака и другие;
И ты должен действовать ради совокупности мира.
21. Как поступает наилучший, так и другие люди;
Какой он выполняет устав, такой и народ выполняет.
22. Нет ничего в трех мирах, что надлежало б мне сделать,
Партха,
Нет цели, которой бы я не достиг, и все ж я дела
совершаю.
23. Если бы я не свершал непрестанно действий,
Моим путем пошли бы все люди, сын Притхи.
24. Не совершай я дел — эти миры исчезли б,
Став причиной смешенья, я все существа погубил бы.

25. Как поступают невежды, привязанные к делу,
Так непривязанный, знающий пусть совершает дела для
совокупности мира.
26. Знающий да не смущает мысли надежд, привязанных к
делу,
Действуя сам ради высшего, пусть их оставит
наслаждаться делами.
27. Гуны природы всегда все дела выполняют,
Но ослепленный самостью мнит: "Я дела совершаю".
28. А знающий истину распределенья гун и действий
К ним не привязан, мысля: "Гуны вращаются в гунах".
29. Привязанных к действию гун природы, ослепленных ими,
Несовершенно знающих, слабых, совершенно знающий
да не смущает.
30. Мне все дела посвятив, сердцем будь высшему Атману
предан;
От самости, от вожделений свободный, сражайся, оставив
горячность.
31. Разумные, следуя постоянно этому моему Учению,
Без ропота, с верой, даже делами достигают свободы.
32. Те же, строптивые, что не следуют моему Учению,
Ведай, они безумные, лишась всякого знания, гибнут.
33. Даже мудрый поступает согласно своей природе:
Природе следуют все существа; к чему же
сопротивляться?
34. Влечение, отвращение чувств — в их предметах;
Враги его оба они, их власти нельзя подчиняться.
35. Свой долг, хотя бы несовершенный, лучше хорошо
исполненного, но чужого,
Лучше смерть в своей дхарме, чужая дхарма опасна.

Арджуна сказал:

36. Кто же тогда человека на грех побуждает,
Даже вопреки его воле, как бы насильно, Варшнее?

Шри-Бхагаван сказал:

37. Это страсть, это гнев, прожорливый, многогрешный,
Знай его здесь как врага, он возник из гуны раджас.
38. Как зеркало ржавчиной, как дымом покрыто пламя,
Как зародыш покрыт оболочкой, так он этот мир
покрывает.
39. Он постоянный враг мудрого, он скрывает мудрость;
Ненасытимое пламя это, Каунтея, принявшее образ
Камы;

40. Чувства Манас и Буддхи именуются его местопребыванием;
 Через них он воплощенного ослепляет, скрывая знание.
41. Поэтому, мощный Бхарата, обуздав сначала чувства,
 Одолей супостата, что пожирает уменье и знание.
42. Считают великими чувства, но выше их — Манас;
 Выше Манаса — Буддхи, Он — выше Буддхи.
43. Постигнув, что Он выше Буддхи, утвердив себя в Атмане, долгорукий,
 Труднооборимого рази супостата, принявшего образ Камы.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
 БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
 ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ
 И АРДЖУНЫ ГЛАСИТ ТРЕТЬЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ
 Й О Г А Д Е Й С Т В И Я*

Глава IV. ЙОГА ЖЕРТВЫ БРАХМО

Шри-Бхагаван сказал:

1. Непреходящую эту йогу я возвестил Вивасванту;
 Вивасвант поведал Ману, Ману сообщил Икшваку.
2. Так, принимая один от другого, раджа-риши ее познавали;
 Но через долгое время утратилась эта йога.
3. Именно эту древнюю йогу ныне возвещаю,
 Ибо ты — друг мой и бхакта; в ней высочайшая тайна.

Арджуна сказал:

4. Ты родился позднее, раньше Вивасвант родился,
 Как же понять мне, что ты ее возвестил изначально?

Шри-Бхагаван сказал:

5. Много у меня прошлых рождений, у тебя также, Арджуна,
 Я знаю их все, ты же своих не знаешь, подвижник.
6. Я Атман, нерожденный, непреходящий. Я существ владыка,
 И все же, превосходя свою природу, Я рождаюсь собственной Майей.
7. Всякий раз, когда ослабляется дхарма
 И беззаконие превозмогает, Я создаю себя сам, Бхарата.
8. Для спасения праведных, для гибели злодеев,
 Для утвержденья закона из века в век Я рождаюсь.

9. Дивно мое рождение и Мое дело; кто это воистину знает,
Тот не возрождается; покидая тело, ко Мне он идет,
Арджуна.
10. Многие, страх, гнев и страсть покинув, преисполненные
Мною,
Отдавшись Мне, подвигом знания очистясь, вошли в Мою
сущность.
11. Как ко Мне кто приходит, так Я его принимаю:
Все люди идут Моим путем, Партха.
12. Кто стремится к успеху в делах, здесь богам приносит
жертвы,
Ибо в человеческом мире скоро приходит успех,
порожденный делами.
13. Распределение качеств и долга в четырех кастах Я создал,
Непреходящий, Я сотворил их, но Я не творец, ведай это.
14. Меня не пугают дела, действия плод не прельщает;
Кто Меня так познает, тот не связан делами.
15. Это достигнув, предки дела совершали, стремясь к свободе;
И ты совершай дела, как некогда предки свершали.
16. Что есть действие, что есть бездействие? — даже вещи
этим смущались;
Я объясню тебе действие; зная его, от недоброго
освободишься.
17. Что есть действие, что запрещенное действие, понять это
нужно,
Также бездействие нужно понять; таинствен путь
действий.
18. Кто в бездействии действие, а в действии бездействие
видит,
Тот мудрец средь людей; преданный, все дела он
закончил.
19. Чьи все начинанья лишены желаний, расчетов,
Кто действия сжег на огне познания, того Озаренным
зовут пандиты.
20. К плодам действий покинув влечение, всегда довольный,
Самоопорный, он, хоть и занят делами, но ничего не
свершает.
21. Без надежд, мысли свои укротив, всякую собственность
бросив,
Выполняя действия только телом, он в грех не впадает.
22. Удовлетворенный нежданно полученным, двойственностью
преодолевший,
Незлобливый, в неуспехе, в удаче равный — не связан,
даже дела совершая,

23. Он не привязан, свободен; в мудрости мысли упрочив,
Дела совершает, как жертву, они для него исчезают
бесследно.
24. Брахмо — обряд приношения, Брахмо — жертва,
приносимая Брахмо в пламя Брахмо;
К Брахмо приближаться должно, погружаясь в дело
Брахмо.
25. Участвуют в жертве богам иные йогини,
Другие — возливают жертву на огонь Брахмо.
26. Слух и другие чувства приносят иные в жертву на огне
обузданья;
Звук и другие предметы чувств на огне чувств иные
приносят в жертву.
27. Иные все движенья чувств, жизнеспособность
Приносят в жертву на огне самообузданья, мудростью
возженном.
28. Другие имущество, подвиги, упражненья йоги, изученье
Писаний,
Мудрость усердно приносят в жертву, стойкие в обетах.
29. Вдыханье выдыханью и выдыханье вдыханью иные
приносят в жертву;
Удержав ток вдыханья и выдыханья, всецело предаются
Пранаяме.
30. Иные, ограничив пищу, свою жизнь в жертву Жизни
приносят;
Все они сведущи в жертве, грехи уничтожили жертвой.
31. В вечное Брахмо идут те, кто вкушает амриту остатков
жертвы;
Не для того этот мир, кто не жертвует, как для него
быть иному, Каурава?
32. Распростерты многообразные жертвы пред ликом Брахмо;
Знай: они все рождены от действий; это познав, ты
будешь свободен.
33. Жертва мудрости лучше вещественных жертв, подвижник;
Мудрость полностью все дела объемлет, Партха.
34. Это познай вопрошаньем и почитаньем, к стопам
припадая Гуру.
Мудрые, зрящие истину, посвятят тебя в мудрость.
35. Постигнув это, ты больше не впадешь в заблужденье,
Так уаришь ты все существа в себе и потом во мне,
Пандава.
36. И если бы даже ты был из грешников наигрешнейший,
На корабле мудрости ты переплывешь пучину бедствий.

37. Как зажженные дрова пламя превращает в пепел,
Так огонь мудрости все дела превращает в пепел,
Арджуна,
38. Ибо равного мудрости нет очистителя в этом мире;
Ее постепенно сам в себе достигает совершенный в йоге.
39. Верующий, обузданный в чувствах, преданный лишь Ему,
получает знание.
Достигнув мудрости, он скоро достигает высшего мира.
40. Неверующий, немудрый, полный сомнения гибнет:
Для сомневающегося нет ни этого, ни иного мира, ни
счастья.
41. Тот же, кто йогой устранил все дела, кто мудростью
разрешил сомненья,
Кто Атману предан, тот не связан действиями,
Дхананджая.
42. Итак, мечом мудрости постижения Атмана рассекая
сомненье, что от неведения родилось и коренится в
сердце, —
Пребывая в йоге, восстань, Бхарата.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
ГЛАСИТ ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

Й О Г А Ж Е Р Т В Ы Б Р А Х М О

Глава V. ЙОГА ОТРЕШЕНИЯ ОТ ДЕЙСТВИЙ

Арджуна сказал:

1. Отрешенье от действий восхваляешь ты, Кришна, и йогу;
Что лучше из двух, это одно скажи мне ясно.
- Шри-Бхагаван сказал:
2. К высшему благу ведут оба: отрешение и йога действий,
Но из двух карма-йога превосходит отрешенье от
действий.
 3. Нужно признать санньясином, стойким, того, кто не
ненавидит, не вожделеет.
От противоречий свободный, он легко сбросит узы,
долгорукый.
 4. "Санкхья и йога различны", — не мудрецы говорят, а дети:
Кто вполне достиг одной, плод получает обеих.

5. Чего достигают Санкхьи, достигают того же йогины.
Кто видит, что Санкхья и йога одно, — тот зрячий.
6. Но отречения, могучий, трудно достичь без йоги:
Преданный йоге мудрец скоро вступает в Брахмо.
7. Преданный йоге, очистясь, себя победив, укротив свои чувства,
Духом сливаясь с духом всех существ, даже действуя,
не грязнится.
8. Пусть преданный йоге, знающий истину мыслит: я ничего не свершаю,
Взирая, внимая, касаясь, обоняя, дыша, вкушая,
двигаясь, засыпая,
9. Беседуя, извергая, вбирая, открывая глаза, закрывая;
“С предметами общаются органы чувства”, —
так утверждает.
10. Кто Брахмо все дела посвятил, действует, связи покинув,
Тот не пятнается злом, как листья лотоса не смачивает
влага.
11. Только разумом, сердцем, чувствами, телом —
Без привязанности действуют йогины самоочищения ради.
12. Преданный, плоды действий покинув, совершенный мир
получает;
Неспреданный, силой вожеления привязанный к плоду,
попадает в узы.
13. Ото всех дел отрешась сердцем, счастливо пребывает
воплощенный Властитель
В девятивратном граде, дел не свершая и к действиям
не побуждая.
14. Ни деятельности, ни дел не создает Владыка мира,
Не соединяет дел с их плодами, и все же существует
природа.
15. Ни праведности, ни греха не принимает на себя Ишвара:
Неведением окутана мудрость, оно людей ослепляет.
16. Но для тех, кто неведение знанием Атмана уничтожил,
Это их знание, как Солнце, высшее То являет.
17. Постигая То, в Том себя познав, в Том утвердись,
поставив То высшей Целью,
Уходят они безвозвратно, знанием грехи уничтожив.
18. В украшенном мудростью смиренном брамине, в корове,
слоне, собаке
И даже в том, кто варит собаку, мудрый видит одну и то же.
19. Те уже здесь победили мир, чье уравновешено сердце,
Ибо безгрешно, уравновешенно Брахмо, поэтому они
пребывают в Брахмо.

20. Пусть не ликует от радости, не колеблется скорбью,
Не заблуждается стойкий духом, постигший Брахмо,
утвердившийся в Брахмо.
21. Душой не привязанный к внешним касаньям, он в Атмане
находит счастье;
Духом преданный йоге Брахмо, он вкушает непреходящее
блаженство.
22. Наслажденья, что от касаний возникли, — лono бедствий:
Они преходящи, Каунтея, озаренный не в них находит
радость.
23. Кто может уже здесь, еще не свободный от тела,
преодолеть стремленья,
Рожденные вожделем и гневом, тот предан и счастлив.
24. Кто счастлив в себе, кто изнутри озарен, в себе обрел
радость,
Тот йогин достигает сущности Брахмо, Брахмонирваны.
25. Получают Нирвану Брахмо риши, грехи уничтожив,
Обуздав себя, расторгнув двойственность, радуясь общему
благу.
26. Близки к Нирване Брахмо подвижники, отрешенные от
вождений и гнева,
Познавшие Атмана, обуздавшие мысли.
27. Внешние касанья отринув, взор меж бровей направив,
Уравняв вдыхание и выдыхание, проходящее через
ноздри,
28. Муни, укротивший чувства, сердце и разум, стремящийся
к высшей свободе,
Отрешенный от желаний, страха и гнева, — свободен
навсегда.
29. Познав Меня, вкусителя подвига, жертвы, всех миров
великого Владыку,
Друга всех существ, он достигает мира.

ЙОГА ОТРЕЧЕНИЯ ОТ ДЕЙСТВИЙ

Глава VI. ЙОГА САМООБУЗДАНИЯ

Шри-Бхагаван сказал:

1. Кто надлежащие дела совершает, о плодах не заботясь,
Тот сannyасин, тот йогин, а не тот, кто без огня, без
обрядов.
2. То, что отрешенностью называют, знай это как йогу,
Пандава,
Ибо не бывает никакой йоги без отрешенности от
желаний.
3. Для стремящегося к йоге муні действие называется
средством;
А для достигшего йоги уравновешенность называется
средством.
4. Когда он ни к предметам чувств, ни к делам не привязан,
Отрешен ото всех желаний, тогда он именуется
достигшим йоги.
5. Пусть сам себя он поднимет, пусть сам себя не снижает,
Ибо каждый себе союзник, враг себе каждый.
6. Кто сам себя победил, тот сам себе союзник,
Кто же собой не владеет, тот, враждуя, себе враждебен.
7. Победивший себя, умиротворенный, на высшем Атмане
сосредоточен
В холод, жар, в счастье-несчастье, в бесчестии-чести.
8. Насытивший себя знанием и осуществлением знания,
стоящий на вершине, победивший чувства,
Воссоединенным именуется йогин, равный золоту, кому
земли, камню.
9. К безучастному, к противнику, стороннику, недругу,
другу,
К равнодушному, товарищу, к праведным, грешным он
относится равно, он их превосходит.
10. Пусть йогин всегда упражняется в йоге тайно,
Одинокий, укротив самосознание, без собственности, без
ожиданий.
11. Устроив себе в чистом месте крепкое сиденье,
Не слишком низкое и не высокое, покрытое одеждой,
шкурой лани и травой куша,
12. Там, сердце на одно направив, укротив волнение чувств
и мысли,
Опустясь на сиденье, пусть ради самоочищения он
упражняется в йоге.
13. Стойкий пусть прямо, недвижно туловище, голову, шею
держит,
Взор устремив на кончик носа, по сторонам не глядя.

14. Умиротворенный, отогнав страх, стойкий в обетах
брахмачарья,
Смирив сердце, преданный, пусть он сидит, устремясь
ко Мне, обо Мне помышляя.
15. Так всегда упражняясь, йогин, укротивший манас,
Достигает Мне присущего мира высшей Нирваны.
16. Йога не для того, кто в еде не умерен или ничего не
вкушает,
Кто привык слишком много спать или бодрствовать,
Арджуна:
17. А для умеренного в еде, в воздержанье, умеренного в
делах, в движениях.
Для умеренного во сне и в бодрствованье предназначена
скорбь уносящая йога.
18. Когда укрощенное сознание в Атмане утвердится,
Тогда отрешенный ото всех желаний именуется
воссоединенным.
19. "Как светильник не мерцает в безветренном месте..."
подобие это
Относится к йогину, укротившему мысли, приобщенному
йоге.
20. Где успокоена мысль, заторможенная упражнением в
йоге,
Где радуется Атману Атмана в себе прозревший,
21. Там познается предельная радость, доступная Буддхи,
Превосходящая чувства: от истины не уклоняется, кто в
ней пребывает;
22. Кто ее достигает, видит, что это — предел достижений;
В ней пребывая, он не колеблется даже тяжелым горем.
23. Знай, она именуется йогой, расторгающей узы скорби;
В этой йоге надлежит упражняться стойко, отрешенным
сознанием.
24. Покинув желаньем рожденные страсти, все без остатка,
Манасом смирив толпу чувств, стремящихся отовсюду,
25. Тихо-тихо себя да успокоит стойко обузданным сознанием,
Атману сердце предав, пусть ни о чем не мыслит.
26. Куда бы ни ускользал неустойчивый, шаткий Манас,
Обуздав, к воле Атмана его надлежит приводить
отовсюду.
27. Ибо йогина с умиротворенным сердцем, с успокоенной
страстью,
Безгрешного, уподобившегося Брахмо, охватывает
высочайшее блаженство.
28. Так, всегда сочетаясь Атману, грехи уничтоживший йогин
Вкушает предельное блаженство соприкосновенный
с Брахмо.

29. Постигает предавшийся йоге, что в Атмане все существа
 пребывают,
 Что Атман также во всех существах пребывает, всюду
 Одно созерцая.
30. Кто Меня во всем и все во Мне видит,
 Того Я не утрачу, и он Меня не утратит.
31. Кто, утвердась в единстве, Меня, как присущего всем
 существам, почитает,
 При всяком образе жизни этот йогин во мне существует.
32. Кто, в силу уподобления Атману, всегда одинаково
 взирает
 На счастье, несчастье — тот считается совершенным
 йогиним, Арджуна.

Арджуна сказал:

33. Для этой йоги, которую Ты именуешь тождеством,
 Мадхусудана,
 Прочного основания из-за подвижности я не вижу:
34. Ибо Манас подвижен, Кришна, беспокоен, силен, упорен,
 Полагаю, его удержать так же трудно, как ветер.

Шри-Бхагаван сказал:

35. О мощный, несомненно, строптив и шаток Манас;
 Но упражненьем и бесстрастием обуздать его можно,
 Каунтея.
36. Кто не владеет собой, тому трудно достичь йоги, так
 полагаю,
 Кто себя победил собой же, кто подвизается, тот его
 овладеть способен.

Арджуна сказал:

37. Неотрешенный, отпавший сердцем от йоги, но полный
 веры,
 Не достигнув успеха в йоге, каким путем он идет,
 о Кришна?
38. Отпав от обеих, о долгорукий, не исчезает ли он, подобно
 разорванной туче,
 Не устоявший, сбившийся с пути Брахмо?
39. Это мое сомненье, Кришна, благоволи разрешить без
 остатка,
 Ибо никто, помимо Тебя этого сомненья рассеять не
 может.

Шри-Бхагаван сказал:

40. Ни здесь, ни в том мире нет гибели для такого, Партха,
 Ибо творящий добро никогда не пойдет дурной дорогой,
 сын мой.

41. Достигнув обители праведных, пробыв там несчетные
годы,
В чистом, счастливом доме рождается отпавший от йоги;
42. Или же он родится в семье мудрых йогинов,
Но самое трудное в мире — такое рождение.
43. Здесь единение с мудростью, обретенное в прежних
рождениях,
Он получает и вновь к совершенству стремится, о радость
куру.
44. Былые упражненья его увлекают помимо воли;
Даже только желающий познать йогу преодолевает Слово
Брамь.
45. Но йогин, очищенный от грехов, покоривший сердце,
Многими рожденьями достигший совершенства, — идет
Путем Высочайшим.
46. Йогин выше аскетов, он считается выше мудрых,
Йогин выше творящих обряды, поэтому йогин — стань,
Арджуна.
47. А меж всех йогинов тот, кто до глубин души Мне предан,
Кто с верой Меня почитает, тот в единенье достиг
совершенства, так мыслю.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
ГЛАСИТ ШЕСТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

Й О Г А С А М О О Б У З Д А Н И Я

Глава VII. ЙОГА ЗНАНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЕГО

Шри-Бхагаван сказал:

1. Мне преданный сердцем, приобщенный йоге, под моим
кровом,
Как несомненно и полно, Партха, Меня ты познаешь —
внемли.
2. Это знание, его применение Я сообщу тебе полно,
Познавшему это здесь ничего иного не остается для
постиженья.
3. Из тысяч людей едва ли один стремится к совершенству,
А из стремящихся и достигших едва ли кто истинно
Меня постигает.

4. Земля, вода, огонь, воздух, пространство, Манас, Буддхи,
Основа личности — вот моя восьмерично-разделенная
природа;
5. Это — низшая; но познай иную, высшую Мою природу,
Душу Живую, мощный, Она этот преходящий мир
объемлет.
6. Все существа — ее лона, постигни это;
Я начало, конец всего преходящего мира.
7. Выше Меня, Дхананджая, нет ничего иного;
Все на Мне нанизано, как жемчуг на нити.
8. Я вкус в воде, Каунтея. Я блеск Луны и Солнца,
Я во всех Ведах живоносное слово, звук в эфире,
человечность в людях.
9. Я чистый запах в земле, в огне — сиянье,
Жизнь во всех существах, Я подвижников подвиг;
10. Я вечное семя существ, постигни, Партха;
Я мудрость мудрых, Я великолепие великолепных;
11. Я сила сильных, свободных от вожделья и страсти;
В существах Я закономерное влечение; мощный Бхарата.
12. От Меня состоянья: саттва, раджас и тамас,
Ибо они во Мне, а не Я в них, постигни это.
13. Три состоянья весь мир преходящий в заблужденье
вводят,
И мир не знает Меня: вечный, Я пребываю над ними.
14. Божественна Моя труднооборная, из гун состоящая Майя;
Те, что ко Мне стремятся, преодолевают Майю.
15. Ничтожные люди, безумные, творящие зло, ко Мне не
стремятся:
Они полагаются на природу асуров, их Майя лишила
знанья.
16. Есть четыре рода праведных, чтущих Меня, Арджуна:
Страдающие, стремящиеся к знанию, стремящиеся к
обладанию и мудрые, мощный Бхарата;
17. Лучше всех — мудрый, неизменно-преданный, Единое
чтущий.
Я мудрому дорог превыше всего, и он Мне дорог.
18. Все высоки достижения, мудрый же Мне подобен, так
полагаю,
Ибо он, преданный духом, Меня, верховного Пути
достигает.
19. После многих рождений мудрый Меня достигает:
“Васудэва есть все”, — так мыслит труднонаходимый
Махатма.
20. Те же, чью мудрость уносят различные страсти, к иным
богам прибегают,
Соблюдая разные обеты, побуждаемые своей природой.

2. Что есть Высшая Жертва, и как может она пребывать
в этом теле, Мадхусудана?
И в час ухода как тебя постигают верные духом?

Шри-Бхагаван сказал:

3. Брахмо есть Высшее Непреходящее; Самосушее есть
Высший Атман;
Причина возникновения и исчезновения существ
именуется Кармой;
4. Высшая Сущность — в преходящем быванье, Высший
Бог есть Пуруша;
Высшая Жертва — Я в этом теле, о лучший из
воплощенных.
5. Кто в час кончины, освобождаясь от тела, Меня
вспоминая, уходит,
Тот в мою Сущность идет, в этом нет сомненья;
6. Ибо кто какую сущность вспоминает, покидая тело,
К той он идет, всегда превращаясь в ту сущность,
Каунтея.
7. Итак, непрестанно Меня вспоминай и сражайся,
Сердце и разум ко Мне устремив, ты придешь ко Мне,
несомненно.
8. Отдаваясь сознанием йоге, не отвлекаясь ни на что иное,
Приходит к Высочайшему Духу тот, Партха, кто о Нем
размышляет.
9. Мудрого, Древнего, Кормчего, из малых наименьшего
кто вспоминает,
Устроителя мира, солнцеецветного, непредставимого,
потустороннего мраку,
10. В час кончины не колеблясь сердцем, приобщенный
благоговению и силе йоги,
В межбровье направив всю силу жизни, достигает Его,
Божественного, Высшего Духа.
11. Что знатоки Вед именуют Акшарам, к чему подвижники,
свободные от страсти, стремятся,
В поисках чего странствуют брахмачарьи, тот путь
возвещу тебе вкратце.
12. Закрыв все врата, Манас заключив в сердце,
Свой жизненный ток удержав в голове, утвердившись в
йоге,
13. Кто шепча “АУМ” — Непреходящее, Единое Брахмо,
Меня вспоминая, уходит, покидая тело, тот идет Путем
Высочайшим.
14. Для того, кто всегда Меня вспоминает, о другом не
мысля,
Для неизменно-преданного йогина Я легко достигим,
Партха.

15. Придя ко Мне Махатмы, достигшие полного совершенства,
Не получают нового рожденья в преходящей обители
бедствий.
16. Миры, включая мир Брамь, подлежат возвращенью,
Арджуна,
Кто же Меня достиг, не рождается вновь, Каунтея.
17. Кто знает день Брамь, из тысячи Юг состоящий,
И ночь, состоящую из тысячи Юг, тот день и ночь
постигнул.
18. При наступлении дня из Непроявленного проявленное
возникает;
При наступлении ночи оно исчезает в том, что
Непроявленным именуют.
19. Это множество существ, повторно возникая, помимо воли,
Исчезает при наступлении ночи, возрождается при
наступлении дня, Партха.
20. Выше этого Непроявленного есть Бытие иное,
Вечное Непроявленное: при гибели всех существ Оно не
гибнет.
21. Оно называется Непроявленным, Непреходящим, Высшим
путем Его именуют.
Не возрождается тот, кто Его достиг: это Моя Верховная
Обитель.
22. Он, Высочайший Дух, достигим лишь безраздельной
любовью, сын Притки,
Им распростерта Вселенная, в Нем все существа
пребывают.
23. В какое время йогины, отходя, безвозвратно уходят и в
какое — с возвратом,
Это время я сообщу тебе, лучший Бхарата.
24. При огне, свете дня, при светлой Луне, при полугодье
движения Солнца на Север,
Покидая тело, постигшие Брахмо люди идут в Брахмо.
25. При темной Луне, при полугодье движения Солнца на
Юг, в дыму, ночью
Отходя, йогины лунный свет получают и возвращаются
снова.
26. Считаются постоянными эти два пути преходящего мира
— светлый и темный;
Первым идут без возврата, возвращаются снова, идя по
другому.
27. Ведая эти пути, никогда не заблуждаются йогины,
Партха;
Итак, во всякое время будь предан йоге, Арджуна.

28. Чистый плод, обещанный за подвиги, изучение Вед, дары,
жертвы,
Все это познав, превосходит йогин и в изначальную,
горнюю Обитель вступает.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
ГЛАСИТ ВОСЬМАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

Й О Г А В Е Ч Н О Г О Б Р А Х М О

Глава IX. ЙОГА ЦАРСТВЕННОГО ЗНАНИЯ И ЦАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ

Шри-Бхагаван сказал:

1. Я возвещу тебе, независтливый, наисокровенное знание и
его примененье.
Это познав, ты от неблагого освободишься.
2. Царственна эта наука, царственна тайна; она очиститель
наивысший,
Наглядна, доступна, закономерна, легко выполняема,
вечна.
3. Люди, не верующие в этот закон, подвижник,
Не достигнув Меня, возвращаются путями сансары и
смерти.
4. Мной в непроявленном виде распростерт весь этот мир
преходящий;
Все существа во Мне пребывают; Я же в них не
пребываю.
5. Но и не пребывают во Мне существа, виждь Мою
владычную йогу!
Не пребывая в существах, Я существ носитель; Я сам
даю существам быванье.
6. Как всепроникающий великий Ветер всегда пребывает в
пространстве,
Так все существа пребывают во Мне, постигни это.
7. Все существа в конце Кальпы входят в Мою природу,
Каунтея,
Я произвожу их снова в начале Кальпы.
8. Пребывая вне собственной природы, Я произвожу снова
и снова
Все множество этих существ, помимо их воли, по воле
природы.

9. Не связывают Меня эти действия, Дхананджая:
Я остаюсь безучастен, к делам не привязан.
10. Подвижное и неподвижное под Моим наблюденьем
производит природа,
По этой причине вращается преходящий мир, Каунтея.
11. Безумцы Меня презирают, принявшего человеческий
образ,
Не ведая моей Высшей Сути, великого Владыки мира.
12. Тщетны надежды, тщетны дела неразумных, их знание
тщетно:
Они предались заблудшей природе ракшасов и асуров.
13. Махатмы же, Партха, прибегая к божественной природе,
Меня почитают нераздельной мыслью, непреходящее
Начало Существ постигнув.
14. Подвижники, твердо держась обетов, непрестанно Меня
прославляя,
Мне поклоняются, Партха, верные бхакты благоговейно
Меня почитают.
15. Также иные в жертву Мне мудрость приносят;
Как Единого, многократно-раздельного, как вездесущего
Меня почитают.
16. Я приношение жертвы, Я жертва, Я возлияние предкам,
Я корни, Я мантра, Я чистое масло, Я огонь, возношенье;
17. Я этого мира Отец, Мать, Творец, Предок,
Я предмет познания, слог АУМ, очиститель, Риг, Сама,
Яджур;
18. Путь, супруг, владыка, свидетель, покров, друг, обитель,
Возникновенье, исчезновенье, опора, сокровище, вечное
Семя;
19. Я задерживаю и посылаю дождь, Я пламенею;
Я бессмертие, смерть, Я бытие, небытие, Арджуна.
20. Знатоки трех Вед, пьющие сому, от грехов очистясь,
просят Меня о небесном пути, принося жертвы;
Чистого мира владыки богов достигнув, они вкушают
дивные божественные наслажденья;
21. Насладясь этим обширным, райским миром, исчерпав
заслуги, они вновь попадают в мир смертных;
Так, следуя закону трех Вед, стремясь к желаньям,
всхожденье и нисхожденье они получают,
22. Тех же, постоянно преданных, что о другом не мысля,
Почитают Меня, Я ввожу в покой йоги.
23. Кто, поклоняясь другим богам, жертвует, преисполненный
веры,
Тот жертвует Мне, хотя не по древним законам, Каунтея.
24. Ибо Я вкуситель всех жертв и Владыка,
Но, не познав Меня, как должно, они отпадают.

Глава X. ЙОГА СИЛОПРОЯВЛЕНИЯ

Шри-Бхагаван сказал:

1. Снова, о мощный, внимай моему высочайшему Слову,
Тебе, любимому, его возведу, желая блага.
2. Моего происхожденья не знают ни сонмы богов, ни
великие риши,
Ибо Я всех богов и великих риши Начало.
3. Кто знает Меня, нерожденного, безначального, великого
Владыку мира,
Тот не заблуждается, он среди смертных ото всех грехов
свободен.
4. Разум, познание, отсутствие заблуждения, терпение,
правдивость,
Спокойствие, сдержанность, радость, страдание,
Возникновение и разрушение, страх и бесстрашие,
5. Удовлетворенность, кротость, подвижничество,
уравновешенность, щедрость, честь и бесчестье —
Таковы многообразные состояния существ, они от Меня
происходят.
6. Семь великих древних риши, также четыре Ману,
рожденные мыслью,
От Меня происходят; от них — поколения в мире.
7. Кто эти Мои проявления и йогу поистине знает,
Тот приобщен незыблемой йоге, в этом нет сомненья,
8. Я начало Вселенной, все от Меня происходит;
Озаренные, это постигнув, Меня почитают любовно.
9. Обо Мне размышляя, Мне всю жизнь предоставив, они
научают друг друга,
Радуются и ублажаются всегда, ведя обо Мне беседу.
10. Их, преклоняющихся в силу любви, постоянно преданных,
Я приобщаю к мудрости, через нее они Меня постигают.
11. Из сострадания пребывая в их собственной сути,
Сияющим светильником мудрости Я рассеиваю в них
мрак, рожденный незнанием.

Арджуна сказал:

12. Ты высочайшее Брахмо, высочайший Свет, очиститель
высший.
Вечным, божественным Духом, всемогущим,
нерожденным, изначальным богом
13. Именуют себя все риши, также божественный риши
Нарада,
Асита, Дэвала, Вьяса и сам Ты мне возвещаешь это.

14. Праведным я полагаю все, что Ты сказал мне, Кешава,
Но твоего проявления, Владыка, не знают ни данавы,
ни боги.
15. Лишь сам Ты знаешь себя через себя, Пурушоттама,
Начало существ, Господь всех существ, Бог богов,
Владыка мира.
16. Благоволи сказать до конца — ибо дивны Твои проявления —
Какими силопроявлениями, преисполнив эти миры,
Ты пребываешь?
17. Как я познаю Тебя, о йогин, всегда о Тебе размышляя?
В каких, в каких образах, Владыка, могу я тебя
представить?
18. Подробно твою йогу и силопроявления, Джанардана,
Снова поведай, внимаю: мне нет насыщенья твоих слов
амритой.

Шри-Бхагаван сказал:

19. Да будет! Я возведу тебе главное — ибо дивны мои
силопроявления,
И нет конца моим проявлениям, радость куру!
20. Я — Атман, пребывающий в сердцах всех существ,
Гудакеша,
Я — начало, середина, конец всего мира.
21. Из Адитьев Я — Вишну, из светил — лучезарное Солнце,
Из Марут Я — Маричи, Я — Луна меж созвездий.
22. Из Вед Я — Сама-Веда, из богов — Васава;
Из чувств Я — Манас, в существах Я — сознание.
23. Из Рудров Я — Шанкара, среди якша-ракшасов
Я — владыка сокровищ Кубера.
Из Васу Я — Павака, из гор Я — Меру.
24. Из домашних жрецов, знай, Партха, Я — их глава
Брихаспати,
Из водовместилищ Я — Оксан, из полководцев
Я — Сканда.
25. Из слов Я — вечный единый Слог, из великих риши
Я — Бхригу,
Из жертв Я — жертва шептания мантры, из
неподвижных Я — Хималая;
26. Из деревьев — ашваттха, из божественных риши —
Нарада;
Из гандхарвов Я — Читрататха, из блаженных Я —
муни Капила.
27. Знай, из коней Я — Уччайшрава, из амриты возникший;
Из царственных слонов — Айравата, из людей Я —
Властитель.

28. Из оружий — Ваджра, из коров Я — Камадук,
Из порождающих Я — Кандарпа, из змиев Я — Васуки.
29. Я — Ананта из нагов; из обитателей вод Я — Варуна;
Арьяман из предков, из вожатых — Яма;
30. Из дайтев Я — Прахлада, из счетчиков — Время;
Из зверей Я — царь зверей, из птиц Я — Вайнатей.
31. Из очистителей Я — Ветер, из носящих оружие — Рама,
Из рыб Я — Макара, из потоков Я — Ганга-Джахнави;
32. Я — начало, конец, а также середина творений, Арджуна;
Из наук Я — Учение о высшем Атмане, Я — речь
одаренных словом;
33. Я из букв — А, из сочетаний — двойца;
Я — бесконечное Время, Творец всюдуликий,
34. Всеуносящая смерть, возникновение всего, что возникнет;
В Женственном Я — красота, речь, слава, память,
рассудительность, стойкость, стыдливость.
35. Из гимнов Я — Брихатсаман, из размеров — Гаятри;
Из месяцев Я — Маргаширша, из времен года Я —
время цветенья;
36. Из прельщающих Я — игра в кости, Я — великолепие
великолепных;
Я — победа, решимость, Я — правда правдивых.
37. Из рода Вришни Я — Васудэва, из рода Панду Я —
Дхананджая;
Из муни Я — Вьяса, из певцов Я — певец Ушана.
38. Я — скипетр правителей, Я — государственность
стремящихся к победе;
Я — безмолвие тайн, Я — знающих знание.
39. Я — то, что во всех существах есть семя;
Нет существа подвижного иль неподвижного вне Меня,
Арджуна.
40. Моим божественным силопроявлениям нет конца,
подвижник,
О разнородных моих проявлениях Я сказал тебе вкратце.
41. Все, что мощно, правдиво, крепко, прекрасно, постигни —
Из частицы моего могущества возникло.
42. Но к чему тебе это множество знаний, Арджуна?
Утвердив весь этот мир преходящий частицей себя,
Я пребываю.

**ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
ГЛАСИТ ДЕСЯТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ
Й О Г А С И Л О П Р О Я В Л Е Н И Я**

Глава XI. ЙОГА СОЗЕРЦАНИЯ ВСЕЛЕНСКОЙ ФОРМЫ

Арджуна сказал:

1. Из благоволенья ко мне высочайшую тайну, познаваемую
как Высший Атман,
Ты мне поведал, этим словом рассеяв мое заблужденье.
2. О возникновении, исчезновении существ я подробно от
Тебя услышал,
Лотосокий, также о Твоем непреходящем величье,
3. Таким, каким Ты сейчас Себя описал, великий Владыка,
Вожделею узреть Твой божественный Образ,
Пурушоттама.
4. Если Ты полагаешь, что я могу его созерцать, повелитель,
Яви Мне себя, непреходящего, Владыка йоги!

Шри-Бхагаван сказал:

5. Созерцай мои стократные, тысячекратные образы, Партха.
Разновидные, дивные, различные цветом и статью.
6. Виждь Адитьев, Васавов, Рудров, Ашвин, Марутов,
Многое созерцай, раньше невиданное, чудесное, Бхарата!
7. Созерцай ныне здесь, в моем теле, пребывающий
совокупно,
С подвижным и неподвижным, весь мир, Гудакеша, все,
что хочешь видеть.
8. Но ты не можешь Меня созерцать этими своими глазами:
Божественные очи дарую тебе, виждь мою владычную
Йогу!

Санджая сказал:

9. О, Раджа, это сказав, великий Владыка Йоги, Хари,
Явил сыну Притки всевышний, владычный Образ
10. В бесчисленных видах, со многими устами, очами,
Со многим божественным убранством, со многим
воздетым божественным оружием,
11. Облаченный в божественные венцы, одежды, умащенный
божественными маслами,
Всецудесный, пламенеющий, бесконечный, вездесущий,
всюдуликий.
12. Если бы светы тысячи Солнц разом на Небе возникли,
Эти светы были бы схожи со светом того Махатмы.
13. Там, в Теле Бога богов тогда увидел Пандава
Весь многораздельный мир совокупно стоящим.
14. Потрясенный изумленьем, со вздыбленными волосами,
Дхананджая
Тогда воззвал к Богу, преклонив главу, сложив руки.

Арджуна сказал:

15. Вижу богов в своем теле, также множество разных
существ, Боже!
Владыку Брахму, сидящим на лотосе-троне, всех риши,
божественных змиев;
16. Вижу Тебя повсюду в образах неисчислимых, с
многочисленными руками, чревами, устами, глазами;
Владыка всеизбранный, твоих начала, середины, конца
не вижу!
17. Венчанного, лучезарного, всеозаряющего, со скипетром,
диском,
Труднозримого, неизмеримого, в блеске огня и молний
я Тебя вижу!
18. Ты высочайшее, Непреходящее (АУМ), подлежащее.
постижению, кров высочайший вселенной,
Ты бессмертный хранитель вечной Дхармы, Ты
неизменный Пуруша, так мыслю,
19. Безмерномощного, неисчислимоукого, без конца,
середины, начала,
Солнце-лунноокого вижу Тебя; жертвенным пламенем
Пылают твои уста, Ты озаряешь весь этот мир своим
блеском,
20. Ибо то, что между Землей и Небом преисполнено одним
Тобой, также все стороны света.
Узрев Твой чудесный, ужасающий образ, тройственный
мир трепещет, Махатма.
21. Эти сонмы богов в Тебя вступают, трепеща, сложив
руки, другие (Тебя) славословят, восклицая "Сvasti!".
Великие риши и сонмы совершенных воспевают Тебя в
прекрасных гимнах.
22. Рудры, Адитьи, Васавы, Садхьи, Вишвы, Ашвины,
Маруты,
Ушмапы, сонмы гандхарвов, якшей, асуров, сиддхов на
Тебя восторженно взирают.
23. Твой великий образ со многими очами, устами,
О долгорукий, со многими руками, бедрами, ступнями,
Со многими туловищами, со многими торчащими
клыками узрев, миры трепещут; я — также.
24. Неба касаясь, Ты сияешь огромными, палящими очами,
многоцветный, разверзнув зевы;
Увидев Тебя таким, трепещет до глубин моя душа, не
нахожу ни решимости, ни покоя, о Вишну!
25. Узрев подобные огням губительного времени Твои
страшные зевы с торчащими клыками,

Не узнаю сторон, не нахожу спасенья; будь милостив,
богов владыка, обитель мира!

26. Все сыновья Дхритараштры со множеством других владык
народа,
Бхишма и Дрона, и этот сын возничего, Карна, с
вождями наших ратей
27. Спешат вступить в Твои ужасные, с торчащими клыками
зевы;
Вижу, иные повисли между зубов, с разможенными
головами.
28. Как водные потоки многих рек отовсюду стремятся к
океану,
Так эти витязи людского мира в Твои палящие уста
стремятся.
29. Как мотыльки, в блестящее пламя попав, гибелью
завершают стремленье,
Так на гибель вступают миры в твои зевы, завершая
стремленье.
30. Ты, облизывая со всех сторон миры, их поглощаешь
пламенными устами;
Наполнив сияньем весь мир, Твой страшный жар его
раскаляет, о Вишну!
31. Поведай, кто Ты, ужаснообразный, смилуйся, владыка
богов; Тебе поклоненье!
Стремлюсь Тебя познать, изначальный, но постичь не
могу Твоих проявлений.

Шри-Бхагаван сказал:

32. Я — Время, продвигаясь, миры разрушаю, для их
погибели здесь возрастая;
И без тебя погибнут все воины, стоящие друг против
друга в обеих ратях,
33. Поэтому — воспрянь, победи врагов, достигни славы,
насладись цветущим царством,
Ибо Я раньше их поразил, ты будь лишь орудием, как
воин, стоящий слева.
34. И Дрону, и Джаядратху, и Бхишму, и Карну, а также
и всех других богатырей, убитых
Мною в сраженье, рази не колеблясь, сражайся, одолей
соперников в битве!

Санджая сказал:

35. Вняв этим словам Кешавы, трепеща, сложив руки,
венценосец
Совершил поклоненье и, снова заикаясь, трепеща,
ужасаясь, склоняясь, промолвил Кришне:

Арджуна сказал:

36. Достойно, Хришикеша, радуется и ликует мир о Твоей
славе;
Ракшасы, трепеща, разбсгаются во все стороны, и
преклоняются сонмы блаженных.
37. Как им не славить Тебя, Махатма, превосходящий
величием Брамму?
Первотворец, бесконечный, владыка богов, миродержец,
вечное бытие-небытие и То, что им запредельно.
38. Ты — изначальный Бог, древний Пуруша, Ты — высшая
опора мира!
Ты — познаваемое и познающий, обитель горняя, Ты
распростер мир, о бесконечноликий!
39. Ты — Ваю, Яма, Агни, Варуна, Луна, Праджapati,
Предок, тысячекратная слава Тебе, и снова, и больше,
слава Тебе, и слава!
40. Ты — Все; слава Тебе с Востока и с Запада, слава Тебе
отовсюду!
Твоя мощь бесконечна, неизмеримо движенье; Ты сам
— все, ибо Ты все проникаешь!
41. Если, считая за друга, я говорил Тебе дерзко:
“Эй, товарищ, эй, Ядава, эй, Кришна!”,
Не зная Твоего величья, по беспечности или по дружбе,
42. Иль ради шутки Тебя не почтил при прогулке, при
возлежании, сиденье, при вкушении пищи,
Наедине, Ачьюта, или даже при людях — это прости,
неизмеримый.
43. Ты — Отец подвижного и неподвижного мира, Ты —
его чтимый, преславный Учитель!
Нет никого в трех мирах, кто был бы Тебе подобен,
иль кто Тебя превосходит, необоримомощный!
44. Поэтому преклоняюсь, простираю тело, умоляю Тебя,
достохвальный Владыка:
Как отец к сыну, как друг к другу, как любимый к
любимой, снисходительным будь ко мне, Боже!
45. Возрадован я, невиденное раньше узрев, и мое сердце
трепещет от страха;
Прежний яви мне образ, Боже, смилуйся, владыка богов,
миродержец!
46. Венчанного, со скипетром, с диском в руках — таким
Тебя лицезреть желаю.
Прими свой четырехрукий образ, о всеобразный,
тысячерукий!

Шри-Бхагаван сказал:

47. По моей милости и силой моей йоги ты созерцал,
Арджуна, мой высший Образ,
Преславный, бесконечный, всеобщий, изначальный;
кроме тебя, его никто не видел.
48. Ни силой Вед и жертв, ни изученьем, ни силой суровых
подвигов, обрядов
Никто, кроме тебя, в человеческом мире не может
созерцать тот мой образ, витязь каурава!
49. Не скорби, не теряй рассудка, лицезрев Мой ужасающий
образ.
Отогнав страх с успокоенным сердцем созерцай снова
этот знакомый Мой облик.

Санджая сказал:

50. Так говоря Арджуне, Васудова принял опять свой образ.
Махатма успокоил его страх, явясь в своем кротком виде.

Арджуна сказал:

51. Увидев Твой кроткий, человеческий облик, Джанардана,
Я снова прихожу в себя, в свое сознание, в свою природу.

Шри-Бхагаван сказал:

52. Ты созерцал тот образ мой, который трудно увидеть;
И даже боги постоянно жаждут созерцать тот мой образ.
53. Ни силой Вед и подвигов, ни силой даров
жертвоприношений
Нельзя Меня таким увидеть, каким ты видел.
54. Лишь нераздельной бхакти возможно таким Меня познать,
Арджуна,
Созерцать и воистину достичь, подвижник!
55. Кто творит Мое дело, кто поставил Меня высшей Целью,
Мне предан,
Кто отрешен от связей, ко всем существам не враждебен,
тот приходит ко Мне, Пандава!

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
ГЛАСИТ ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

*Й О Г А С О З Е Р Ц А Н И Я
В С Е Л Е Н С К О Й Ф О Р М Ы*

Глава XII. ЙОГА БЛАГОГОВЕЙНОЙ ЛЮБВИ

Арджуна сказал:

1. Те, что постоянно преданы и чтут тебя, твои бхакты,
А также чтущие Непроявленное, Непреходящее, кто из
них совершенней в йоге?

Шри-Бхагаван сказал:

2. Постоянно преданных Мне, в Меня погруживших сердце,
Чтущих Меня с глубокой верой, их наиболее преданными
считаю.
3. Но и те, что Непреходящее, Неизреченное, Непроявленное
почитают,
Вездесущее, Горнее, Неизменное, Незыблемое,
Непредставимое мыслью,
4. Укротившие чувства, всегда в равновесии держащие
разум, Радующиеся благу всех существ, — также Меня
достигают.
5. Только чрезмерен труд Непроявленному преданных
сознанием,
Ибо пути Непроявленного воплощенному трудно
достигнуть.
6. Тех, что все действия Мне предоставили, признав Меня
высшей Целью,
И нераздельной йогой Меня почитают, обо Мне
размышляя,
7. Тех, погруженных в Меня сознаньем, Я скоро спасаю
Из океана сансары и смерти, сын Притки.
8. Погрузи в Меня свое сердце, в Меня углуби свой разум,
Так ты пребудешь во Мне, превзойдя самсару, в этом
нет сомненья.
9. Но если ты не можешь стойко углубить в Меня свои
мысли,
Старайся достичь Меня напряженным упражнением,
Дхананджая.
10. Если и на упражненье ты не способен, тогда выполняй
дела Меня ради;
Выполняя дела Меня ради, ты совершенства достигнешь.
11. Но если и действовать ты не способен, то, единенью со
Мной предавшись,
Осуществляя прилежно отречение от плодов всех
действий, собой владея.
12. Ибо знание лучше, чем упражненья, размышление —
знания лучше,
Отречение от плодов действий лучше, чем размышленье,
скоро приносит мир отреченья.

Шри-Бхагаван сказал:

1. Это тело, Каунтея, именуется Поле;
Того, кто его познает, Познающим Поле мудрые
называют.
2. Знай Меня, как Познавшего Поле во всех Полях,
Бхарата;
Знание Поля и Познавшего Поле — мудрость, я так
полагаю.
3. Каково это Поле, какого рода, откуда оно, каковы его
изменения,
Кто Он, какова Его сила — от Меня услышь вкратце.
4. Риты в различных гимнах многократно воспевали это,
Особенно обстоятельно в доказательных стихах
Брахмасутры;
5. Непроявленное, Буддхи, Творец личности, великие суги,
Одиннадцать органов чувств, пять пастбищ,
6. Влечение, отвращение, приятное, неприятное, связи,
сознание, крепость —
Вот перечислены вкратце Поле, его изменения,
7. Смирение, искренность, честность, невреждение, терпение,
Почитание Учителя, чистота, самообладание, стойкость,
8. Отвращение от предметов чувств, от себялюбия свобода,
Понимание бедственности рождения, болезни, старости,
смерти,
9. Отрешенность, непривязанность к сыну, жене, дому,
В желанных и нежеланных событиях постоянная
уравновешенность мысли,
10. Безраздельное почитание Меня неуклонной йогой,
Отсутствие влечения к людскому обществу, пребывание
в уединенном месте,
11. Стойкость в познание высшего Атмана, постижение цели
истинного знания, —
Это называется знанием: неведением — все другое.
12. Я тебе сообщу, что подлежит познанию; познавшие это
достигают бессмертия.
Безначально Запредельное Браhma, ни как Сущее, ни
как Не Сущее Его не определяют:
13. У Него везде руки, ноги, везде глаза, уши, головы, лица,
Все слыша, все объемля, Оно пребывает в мире;
14. Качествами всех чувств сверкая, ото всех чувств свободно,
Бескачественное качествами наслаждается, все
содержащее, лишенное связей,

6. Из них саттва — ясное, здоровое качество, своей
незапятнанностью вяжет
Узами счастья и узами знания, безупречный.
7. Знай, раджас — страстное качество: от вожделенья,
пристрастия оно возникает
И вяжет воплощенного узами действий, Каунтея.
8. Знай, от неведения рождается тамас, влечет к
заблужденью
Всех воплощенных, вяжет беспечностью, ленью,
тупостью, сном, Бхарата.
9. Саттва привязывает к счастью, раджас — к действию,
Бхарата,
Тамас привязывает к беспечности, окутав знание.
10. Когда побеждены раджас и тамас, возрастает саттва,
Бхарата,
Если раджас и саттва, то — тамас; если тамас и саттва,
то — раджас.
11. Когда из всех врат тела сияет свет знания,
Тогда, должно знать, возрастает саттва.
12. Вожделение, похоть, деятельность, предприимчивость в
делах, беспокойство
Возникают, когда возрастает раджас, тур Бхарата.
13. Затемнение, лень, беспечность и заблуждение
Возникают, когда возрастает тамас, о радость куру.
14. Когда при возрастании саттвы воплощенный приходит к
кончине,
Чистых миров, присущих познавшим Высшее, он
достигает.
15. Страстные, придя к кончине, рождаются в узах кармы,
Когда же умирают темные, они в лонах заблудших
существ рождаются.
16. Чистый плод добрых дел именуется саттвичным;
Раджаса плод — страданье, тамаса плод — незнание.
17. Происходит от саттвы познание, от раджаса —
вожделение;
Тамас порождает беспечность и заблуждение, также
незнание.
18. Стойкие в саттве направляются вверх, страстные остаются
посредине,
Вниз идут темные, находясь в состоянии последней гуны.
19. Если созерцающий, помимо гун, иного деятеля не видит,
И постигает Запредельное гунам, он в Мое Бытие
вступает.

20. Воплощенный, преодолев эти три гуны, дающие начало телу,
Освободясь от рожденья, страдания, старости, смерти,
вкушает бессмертье.

Арджуна сказал:

21. Каков признак превзошедшего эти три гуны, Владыка,
Как он поступает? Как побеждает эти три гуны?

Шри-Бхагаван сказал:

22. Если он озарения, деятельности, даже заблуждения,
Пандава,
Не ненавидит, когда они приходят, и не желает, когда
они уходят,
23. Если он не колеблется гунами, пребывая безучастным,
Если, сказав: "Гуны вращаются", — отстраняется, не
волнуясь,
24. В горе и радости равный, замкнутый в себе, равный к
золоту, кому земли, камню,
К неприятному и приятному, к похвале, порицанию
равный, стойкий,
25. В чести-бесчестии равный, к другу и недругу равный,
Покинувший все начинанья, именуется победившим гуны.
26. Кто Меня с непоколебимой преданностью почитает,
Тот, превзойдя эти гуны, готов к Бытию Брахмо,
27. Ибо Я обитель бессмертного, непреходящего Брахмо,
Вечного Закона и бесконечного блаженства.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
ГЛАСИТ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

ЙОГА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ТРЕХ ГУН

Глава XV. ЙОГА ВЫСОЧАЙШЕГО ДУХА

Шри-Бхагаван сказал:

1. С корнями вверх, ветвями вниз ашваттха считается
непреходящим,
Гимны — его листья; тот знаток Вед, кто его знает.
2. Вверх и вниз простираются его сучья, возникшие из гун;
предметы чувств — его побеги;

- Вниз тянутся также корни его, связующие деятельностью
в человеческом мире.
3. Ни такого его вида здесь не постигнуть, ни основания,
ни конца, ни начала;
Крепким мечом отрешенности срезав ашваттхи столь
разросшиеся корни,
 4. Нужно стремиться в ту область, куда, вступив, не
возвращаются боле.
Я привожу к безначальному Духу, от которого некогда
началось проявление мира.
 5. Без гордости, без заблужденья, узы преодолев греха, всегда
пребывая в Высшем Атмане,
Отстранив вождельсье, освобождаясь от противоречий
Познавания приятного и неприятного, входят прозревшие
в ту область.
 6. Там не сияет Огонь, ни Луна, ни Солнце;
Придя туда, не возвращаются, это — Моя Запредельная
Обитель.
 7. Лишь частица Меня самого, в мире живых став вечным
дживой,
Привлекает находящиеся в природе чувства, из которых
Манас — шестое;
 8. Владыка, когда принимает иль покидает тело,
Захватив их, уносит, как ветер запахи с их
местонахождения.
 9. Слухом, зреньем, обоняньем, осязаньем, вкусом,
Также Манасом овладев, он наслажденью предметами
чувств предается.
 10. Как он наслаждается, окруженный гунами, пребывает,
исходит.
Безумцы не видят; прозревают лишь мудрости очи.
 11. Подвизаясь, также йогины его в собственном "я"
прозревают;
А неразумные, несовершенные духом, даже подвизаясь,
Его не видят.
 12. Сиянье, что от Солнца исходит и весь мир озаряет,
Также от Луны, от Огня, знай, это Мое сиянье.
 13. Войдя в землю, Я существа поддерживаю своей силой;
Я взращиваю все растения, став вкусоносящим сомой.
 14. Став Огнем Вайшванарой, в тела живых входящим,
Соединяюсь с праной-апаной, Я перевариваю
четверовидную пищу.
 15. В сердце каждого Я пребываю, от Меня память, знание,
сужденье;
Я — То, что познается через все Веды. Я знаток Вед
и творец Веданты.

16. Есть два Пуруши в мире: преходящий и Непреходящий;
Преходящий — во всех существах; Непреходящий
именуется Стоящим на Вершине;
17. Но Высочайший Пуруша — иной, Запредельным Атманом
Его именуют;
Непреходящий Владыка, обладая тремя мирами, Он их
держит,
18. Так как Я превосхожу преходящее, а также
Непреходящего выше,
То в мире и в Веде Я утверждён, как Пурушоттама.
19. Кто, незаблуждающийся, так Меня знает, Высочайшего
Духа,
Тот, знающий все, почитает Меня всем существом,
Бхарата.
20. Так Я возвестил это сокровеннейшее Учение,
безупречный;
Постигший его становится мудрым, он совершил все,
подлежащее совершению, Бхарата.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
ГЛАСИТ ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ
Й О Г А В Ы С О Ч А Й Ш Е Г О Д У Х А*

Глава XVI. ЙОГА РАСПОЗНАВАНИЯ АСУРИЧЕСКОЙ И БОЖЕСТВЕННОЙ УЧАСТИ

Шри-Бхагаван сказал:

1. Бесстрашие, чистота душевная, стойкость в познании, в
Йоге,
Щедрость, самообладание, жертвенность, приношение
жертв, подвижничество, прямота, прилежание,
2. Неврежденье, правдивость, отрешенность,
умиротворенность, бесхитростность, безгневность,
Сострадание ко всем существам, неалчность, мягкость,
постоянство, скромность,
3. Терпеливость, бодрость, стойкость, чистота, незлобливость,
Отсутствие сомненья — участь рожденных для
божественной жизни, Бхарата.
4. Гордость, обман, сомненье, гневливость, грубость,
Также неведение — участь рожденных для жизни асуров.

5. Считается, что божественная участь ведет к свободе,
участь асуров — к узам.
Не скорби, ты родился для божественной участи,
Пандава,
6. Есть два рода существ в этом мире: божеств и асуров;
О божественном роде я говорил подробно, об асурическом
внеми, Партва.
7. Ни действия, ни бездействия не знают асурические люди;
У них нет ни чистоты, ни правильного поведения, ни
правды.
8. Они говорят, что мир без правды, без основания, без Бога;
Возник не от причин и следствий, и ничем иным, как
влеченьем.
9. Скудоумные, губящие себя, утвердись в этих взглядах,
Они, вредоносные, рождаются злодеями, губителями
мира.
10. Предаваясь ненасытимой похоти, полные лжи, безумья,
гордыни,
В ослеплении избирая ужасные начинанья, они живут
по нечистым законам.
11. Предавшись бесчисленным, губительным мыслям,
Стремясь только похоть насытить: "Такова жизнь", —
они утверждают.
12. Связанные сотнями уз ожиданья, вожделению, гневу
предавшись,
Они только вожделенье хотят насытить, неправо
накопляя богатства.
13. Этой утехи достиг я сегодня, а той — потом достигну,
Это богатство мое, а то — моим позже станет.
14. Этот враг мной убит, и других я убью, конечно;
Я владыка, я наслаждаюсь, я достигший, я могуч и
счастлив,
15. Я богат и знатен, кто может со мной сравниться?
Я буду жертвовать, одарять, наслаждаться, — так говорят
в ослеплении незнания.
16. Смушаемые множеством мыслей, запутавшись в сетях
заблуждения,
Держась за улады желаний, они в ад ниспадают
нечистый.
17. Высокомерные, спесивые, полные корысти, безумья,
гордыни,
Они приносят лицемерные жертвы, лживые, не по закону.
18. Предавшись самости, насилью, гордыне, похоти, гневу,
Строптивые, они ненавидят Меня в чужом и собственном
теле.

19. Их, ненавистников, ничтожнейших людей, жестоких,
В самсаре Я постоянно ввергаю в нечистые, асурические
лона.
20. Попад в асурические лона, затмеваясь от рожденья к
рожденью,
Не достигнув Меня, они следуют самым низким путем,
Каунтея.
21. Трояки врата преисподней, губящие человека:
Похоть, гнев, алчность; эти три подобает бросить.
22. Человек, от этих трех врат тьмы свободный, Каунтея,
Создает свое благо и так Высшего пути достигает.
23. Кто ж, отвергнув предписанья закона, прихоть свою
выполняет,
Тот ни совершенства, ни счастья, ни высшего Пути не
достигает.
24. Итак, да будет Писанье твоим мерилом,
устанавливающим, что должно, чего не должно делать;
Тебе подобает дела совершать, познав предписанья
закона.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
ГЛАСИТ ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ
ЙОГА РАСПОЗНАВАНИЯ АСУРИЧЕСКОЙ
И БОЖЕСТВЕННОЙ УЧАСТИ*

Глава XVII. ЙОГА ТРОЯКОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВЕРЫ

Арджуна сказал:

1. Тех, кто, отвергнув предписанья закона, полные веры
творят жертвы.
Каково состояние тех, Кришна, — саттва, раджа или
тамас?

Шри-Бхагаван сказал:

2. Троякой бывает вера воплощенных, рожденная их
собственной природой:
Саттвичная, страстная и темная; об этом внимли.
3. Сообразно сущности каждого бывает его вера, Бхарата,
Человек образован верой, он таков, какова его вера.

4. Благие приносят жертвы богам, страстные —
якша-ракшасам,
Остальные же, темные люди, жертвуют навьям и
множеству низших духов.
5. Люди, творящие ужасное самоистязание плоти, не
предписанное законом,
Полные самости, лицемерия, одолеваемые похотью,
страстью, творя насилие,
6. Безумные, они терзают сути в собственном теле,
Также Меня, сущего в недрах их тел; такое решение,
знай, от асуров.
7. Пища, приятная всем, бывает троякой,
Равно как и подвиг, жертва, дары; об этом внемли:
8. Пища, повышающая долголетие, крепость, силу, здоровье,
благодушие, бодрость,
Сочная, маслянистая, укрепляющая, вкусная дорога
саттвичным людям.
9. Острая, кислая, соленая, слишком горячая,
возбуждающая, сухая,
Жгучая пища страстным приятна; страдание, тяжесть,
болезнь она причиняет.
10. Гнилая, безвкусная, вонючая, переночевавшая,
оставшаяся от трапезы пища,
Для жертвы негодная — дорога темным.
11. Жертва, приносимая сообразно Закону, не ради
воздаяния,
С сердцем, расположенным так: "Подобает жертвовать",
— саттвична.
12. Но если жертву приносят ради плодов, лицемерно,
Такая жертва страстна, знай это, лучший Бхарата.
13. Беззаконная жертва, без раздачи пищи,
Без мантр, без даров, без веры считается темной.
14. Почитанье богов, дважды рожденных, наставников,
мудрых,
Чистота, прямота, целомудрие, невреждение именуется
подвигом тела.
15. Правдивая, приветливая речь, не вызывающая
возбуждения,
Прилежное изучение Писаний именуется подвигом речи.
16. Ясность сердца, молчаливость, самообладание, кротость,
Чистота жизни — называются подвигом сердца.
17. Если этот троякий подвиг совершается с глубокой верой
Людьми, не ищущими воздаяния, преданными, он
считается саттвичным.

18. Подвиг, творимый ради славы, гордости, почестей,
лицемерно,
Называется здесь страстным, неверным, нестойким.
19. Подвиг, творимый с безумным начинанием,
С самоистязанием или ради гибели другого, считается
темным.
20. Дар, творимый с мыслью "подобает давать", без желанья
отдачи,
В надлежащем месте, времени, достойному человеку,
такой дар считается саттвичным.
21. Если ж он дается воздаяния ради или ради плодов,
Иль неохотно, такой дар считается страстным.
22. Дар, творимый в недолжное время, в ненадлежащем
месте,
Недостойному, без уваженья, с презреньем, — считается
темным.
23. АУМ-ТАТ-САТ — так по Писанью тройко обозначается
Брахмо.
Древле от Него возникли Брахманы, Веды, жертвы.
24. Поэтому постигшие Брахмо всегда АУМ произносят
В начале жертвенных обрядов, даров, подвигов, согласно
предписаниям Закона.
25. Произнося: "Тат", о плодах не мысля, совершают
стремящиеся к свободе
Обряды жертвоприношений, дары и умерщвление плоти.
26. Через САТ обозначают истинное, благое,
Также достохвальные дела обозначаются словом "САТ",
сын Притхи.
27. Через САТ обозначают также постоянство в жертве,
дарах, в умерщвлении плоти;
Через САТ обозначают также все дела, совершенные Его
ради.
28. А возлияния, дары, подвиги, совершаемые без веры,
Называются "асат"; они ничто и в том, и в этом мире,
Партха.

**ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
ГЛАСИТ СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ**

Й О Г А Т Р О Я К О Г О П О Д Р А З Д Е Л Е Н И Я В Е Р Ы

Глава XVIII. ЙОГА ОТРЕШЕНИЯ

Арджуна сказал:

1. О Хришикеша, хотел бы я знать, долгорукий, подробно
Сущность отрешения и отречения, губитель Кеши.

Шри-Бхагаван сказал:

2. Оставление желанных действий вещи именуют
отречением;
Оставление плодов всех действий мудрые называют
отрешением.
3. "Деятельность нужно оставить, как зло", — иные
мыслители учат.
"Умерщвления плоти, жертвенных обрядов, даров не
следует покидать", — говорят другие.
4. Мое суждение о таком отрешении выслушай,
превосходный Бхарата,
Ибо отрешенье, тигр среди людей, считается трех видов.
5. Жертвы, дары и подвиги не следует оставлять, выполнять
их должно.
Ибо жертвы, дары и подвиги — очистители разумных.
6. Но эти действия совершать подобает, привязанность к
плодам оставив.
Таково Мое, Партха, решительное и окончательное
суждение.
7. От необходимых действий отказываться не подобает:
Такой отказ от заблуждения, — он считается темным.
8. "Это — зло", — кто, так мысля, оставляет действия,
боясь телесных страданий,
Тот, страстное отречение свершив, не получает плодов
отречения.
9. "Подлежит выполнению", — кто так совершает
необходимые действия, Арджуна,
Отрешась от привязанности и плодов, отрешенье того
саттвично.
10. Отрешенный не отвращается от неприятного, не
привязывается к приятному делу,
Преисполненный саттвой, мудрый, расторгший сомнения.
11. Ибо воплощенный не может полностью действия бросить:
Кто отказался от плодов действий, тот считается
отрешенным.
12. Нежелательный, желательный и смешанный — таким
бывает тройкий плод действий
После смерти для неотрешенного; для отрешенного —
нет никакого.

13. Пять причин, осуществляющих каждое действие,
долгорукый,
Узнай от Меня, они выявляются размышленьем:
14. Предмет, деятель, органы разного рода,
Разные отдельные побуждения и пятая — божественная
воля.
15. Какое бы действие ни предпринимал человек сердцем,
словом, телом,
Праведное, нет ли, эти пять — его действий причина.
16. Итак, кто неразумно делателем себя одного считает,
Тот, худоумный, не видит.
17. Кто свободен от самости, чей не запятнан разум,
Тот, даже убив этих людей, не связан, не убивает.
18. Знание, предмет познавания, познающий — таково
тройкое побужденье к делу.
Причина, действие, делатель — тройкая сумма дела.
19. Знание, действие, делатель считаются тройкого рода,
Согласно гунам, в Ученье о гунах. Как это, слушай:
20. То знание, что видит во всех существах единую Сущность,
Непреходящую, нераздельную в разделенном, ведай, это
знание саттвично.
21. То знание, что, разделяя, во всех существах различает
Многообразные, отдельные сущности, знай, оно страстно.
22. То знание, что неосновательно привязано к единичной
цели,
Как бы к всеобщей, ничтожное, к истине не стремится,
— оно называется темным.
23. Должное действие, лишнее привязанности, совершенное
бесстрастно,
Без отвращения, без желанья плодов, называют
саттвичным.
24. Действие, выполняемое ради осуществления желаний,
Себялюбиво, с большим напряженьем, считается
страстным.
25. Дело, предпринятое по заблуждению, без учета
последствий,
Ради гибели, нанесенья вреда, грубое, называется
темным.
26. Делатель, свободный от связей, настойчивый,
решительный, без себялюбья,
Неизменный при неудаче, успехе, называется
саттвичным.
27. Возбуждимый, воделеющий плодов действий, завистливый,
себялюбивый, нечистый,
Подверженный радости, горю, такой деятель называется
страстным.

28. Непреданный, грубый, упрямый, лживый, коварный,
Тупой, малодушный, медлительный деятель называется
темным.
29. О тройком различенье разума и стойкости, соответственно
гунам,
Исчерпывающему, подробному изложению внимай,
Дхананджая.
30. Разум, знающий начинанье и прекращенье, подлежащее
и не подлежащее выполнению,
Опасность и безопасность, освобожденье и узы —
саттвичен, Партва.
31. Если же Дхарму-адхарму, подлежащее и не подлежащее
выполнению,
Разум неправильно познает, он страстен, Партва.
32. Разум, окутанный мраком, принимающий адхарму за
дхарму
И все вещи извращенно, — темен, о сын Притхи.
33. Та стойкость, что непреклонной йогой
Сдерживает деятельность Манаса, жизненных сил и
чувств, саттвична, Партва.
34. Та же стойкость, с которой выполняется Дхарма,
вожделенье, корысть, Арджуна,
Несвободным, желающим плодов, такая стойкость
страстна, Партва.
35. Стойкость, не освобождающая художного от сонливости,
страха, печали,
Лжи, заблужденья, — темна, сын Притхи.
36. Теперь слушай о тройкой радости, тур-Бхарата:
Та, что радует после усилий, наступает с концом
страданий.
37. Та радость, что сначала подобна яду, впоследствии —
амрите,
Рожденная от ясности познания Атмана, называется
саттвичной.
38. Радость от сочетания чувств и предметов
Сначала подобна амрите, затем — отраве; эта радость
считается страстной.
39. Вначале и впоследствии слепящая самосознание радость,
Порожденная тупостью, сном и беспечностью, считается
темной;
40. Нет существа ни на Земле, ни на Небе, ни даже между
богами,
Свободного от этих трех гун, рожденных природой.
41. Обязанности браминов, кшатриев, вайшьев, шудр,
подвижник,

Распределяются по гунам, возникшим из их собственной природы.

42. Спокойствие, самообладание, умерщвление плоти,
чистота, терпенье, правдивость,
Знание, осуществление знания, вера — обязанности
браминов, рожденные их собственной природой.
43. Блеск, великолепие, стойкость, одаренность, храбрость в
битве,
Щедрость, благородство — обязанности кшатриев,
рожденные их собственной природой.
44. Земледелие, скотоводство, торговля — обязанности
вайшьев, рожденные их собственной природой;
Дело служенья — обязанность шудр, рожденная их
собственной природой.
45. Человек, удовлетворенный своим долгом, достигает
совершенства.
Как достигает совершенства радующийся собственной
карме, об этом внемли.
46. Почитая надлежащими делами Того, кто распростер все это,
Кто произвел существа, человек совершенства достигает.
47. Лучше своя карма, выполненная хотя бы с недостатком,
чем хорошо исполненная чужая:
Не совершает греха исполняющий врожденную карму.
48. Врожденную карму, даже с грехом сопряженную, сын
Кунти,
Нельзя оставлять, ибо все начинанья окутаны грехом,
как пламя дымом.
49. Совершенно непривязанный сознанием, преоборовший
себя, отрешенный от вожделений,
Достигает запредельного совершенства неделанья через
отречение.
50. Как достигший совершенства достигает Брахмо,
Об этом вкратце узнай от Меня, Каунтея: это вершина
познания.
51. Стойкостью себя обуздав, просветлив свой разум,
Оставив звук и прочие предметы чувств, отстранив
влечение и отвращенье,
52. Пребывая в одиночестве, умеренный в пище, обуздавший
речь, плоть и Манас,
Постоянно преданный дхьяна-йоге, погруженный в
бесстрастье,
53. Свободный от самости, буйства, кичливости, похоти,
гнева,
Отказавшийся от собственности, от "я", умиротворенный
достойн Брахмо.

54. Сливаясь с Брахмо, просветленный духом не скорбит, не
вожделеет,
Равный ко всем существам, он высшего благоговенья ко
Мне достигает.
55. Благоговеньем ко Мне он познает Меня, кто, каков Я
в моей сути;
Познав меня в моей сути, он непосредственно в То
погрузится.
56. Тот, кто ищет Моей защиты, хоть и занятый всегда
разными делами,
Моей милостью достигает вечного, непреходящего
состоянья.
57. Мысленно Мне все дела предоставив, устремясь ко Мне,
высшей Цели,
Предаваясь упражненьям в йоге мудрости, размышляя
обо Мне постоянно.
58. Обо Мне размышляя, по Моей милости ты все трудности
преодолеешь;
Если же ты по своеволю не станешь слушаться, ты
погибнешь.
59. Если, предаваясь своеволю, ты думаешь: "Не буду
сражаться", —
Тщетно твое решенье: ты повлечешься собственной
природой.
60. Связанный, Каунтея, своей кармой, рожденной
собственной природой,
Ты исполнишь помимо воли то, чего по заблужденью
не хочешь делать.
61. Господь в сердце каждого существа пребывает, Арджуна,
Как на гончарном колесе, вращая все существа силой
своей Майи.
62. Итак, войди под Его кров всем существом, Бхарата:
Его милостью ты получишь высочайший мир и вечную
Обитель.
63. Так Я возвестил тебе знание, более тайное, чем сама
тайна;
До конца обдумай это и тогда поступай, как хочешь.
64. Снова внимай моему всетайнейшему, последнему слову,
Ты Мне желанен очень, потому скажу тебе на благо.
65. Размышляй обо Мне, благоговей предо Мной, жертвуй
Мне, Мне поклоняйся;
Так ты придешь ко Мне, воистину, Я обещаю тебе, ты
Мне дорог.
66. Оставив все обязанности, у Меня одного ищи защиты;
Не скорби! Я освобожу тебя от всего злого.
67. Это слово не сообщай неблагоговейному, ни тому, кто
подвига не совершает;
Ни строптивому, ни тому, кто Меня злословит.

68. Кто ж эту высочайшую тайну передаст моим бхактам,
Тот, совершив наивысшее поклоненье Мне, несомненно,
Меня достигнет.
69. Из людей нет никого, кто был бы Мне больше, чем тот,
И нет на Земле другого, кто был бы Мне его дороже.
угоден,
70. Кто будет изучать эту нашу святую беседу,
Тот принесет Мне жертву жертвой мудрости, Я так
считаю.
71. Даже тот человек, что будет внимать ей безропотно, с
верой,
Освободясь, он также прекрасного мира блаженных
достигнет.
72. Внял ли ты этому, сосредоточив мысли, Партха?
Исчезло ль твое неведением рожденное заблуждение?

Арджуна сказал:

73. Уничтожено заблуждение; я получил наставление по
Твоей милости, Непреходящий;
Я стоек; исчезло сомненье. Твое слово исполню.

Санджая сказал:

74. Так Васудэвы и великодушного Партхи
Я выслушал эту удивительную, приводящую в восторг
беседу;
75. Милостью Вьясы выслушав эту высочайшую тайну,
Йогу от самого владыки йоги, Кришны, возведенную им
самолично.
76. Вспоминая, вспоминая эту святую, чудесную беседу
Кешавы и Арджуны,
Я радуюсь из мгновенья в мгновенье, раджа!
77. Также вспоминая и вспоминая этот наичудеснейший образ
Хари,
Я весьма восторгаюсь, раджа, радуюсь снова и снова!
78. Где владыка йоги Кришна, где лучник Партха,
Там благо, победа, удача, постоянная праведность. Так
полагаю.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
ГЛАСИТ ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

Й О Г А О Т Р Е Ш Е Н И Я

ТАК КОНЧАЕТСЯ БХАГАВАДГИТА

БХАГАВАДГИТА

МАХАБХАРАТА, VI, 830 — 1532,

БХИШМА ПАРВАН

Буквальный перевод

Глава I¹. ЙОГА ОТЧАЯНИЯ АРДЖУНЫ

Дхритараштра сказал:

1. На поле Дхармы, на поле Куру, сошедшиеся для битвы, что сделали мои и Пандавы, о Санджая?

Санджая сказал:

2. Увидев тогда выстроившееся войско Пандавов, Дурйодхана, подойдя к своему наставнику, о раджа, слово промолвил.
3. Видь, о наставник, огромную рать сынов Панду, выстроенную сыном Друпady, твоим понятливым учеником.
4. Здесь герои, великие лучники, Бхима, Арджуне они равны в битве: Юдхана, Вирата и Друпady — великий витязь,
5. Дхриштакету, Чекитана и могучий раджа Кёши, Пуруджит, Кунтибходжа, и Шайбья, бык среди людей.
6. И удалой Юдхаманью, и могучий Уттамоджа, сын Субхадры, и сыны Драупады, все — великие витязи.
7. И наших также отличнейших узнай, о дважды рожденный, вождей моего войска; для сравнения я назову тебе их:
8. Ты сам, господин, и Бхишма, и Карна, и победоносный Крипа, Ашваттхаман, и Викарна, а также сын Сомадатты.
9. И многие другие витязи, ради меня покидающие жизнь, владеющие различным оружием, все опытные в битве.
10. Недостаточна все ж наша сила, водимая Бхишмой, Их же достаточна сила, водимая Бхимой.
11. Поэтому вы все, стоящие по чину кругом, охраняйте всячески Бхишму, порознь и вместе.
12. Чтобы возбудить его бодрость, старший из куру, родоначальник, полный доблести, задул в раковину, громко поднимающую львиный рев.

1 Русские слова, взятые в скобки, добавлены как пояснительные: санскритские — уточняют, какой термин текста переведен словом, за которым поставлен этот термин.

13. Тогда разом зазвучали раковины, литавры, бубны, барабаны, трубы — этот звук был громоподобным.
14. Тогда, стоя на великой колеснице, запряженной белыми конями, Мадхава и Пандава — оба затрубили в божественные раковины.
15. В Панчаджанью — Хришикеша, в Дэвадатту — Дхананджая, а страх наводящий Врикодара дул в большую раковину Паундру;
16. В Анантавиджая, о раджа — сын Кунти, Юдхиштхира, Накула и Сахадэва — в Сугшошу и Манипушпаку.
17. Великий лучник князь Кеши, великий витязь Шикханди и Дхриштадьумна, и Вирата, и потомок Сатьяки непобедимый.
18. Друпادا и все потомки Драупади, о владыка Земли, долгорукий сын Субхадры — один за другим задули в раковины.
19. Этот клич раздирал сердца сынов Дхритараштры, рокотом наполняя Небо и Землю.
20. Тогда, увидев выстроившихся сынов Дхритараштры, — уже началось стрелометанье — Пандава-Капидхваджа, подняв лук,
21. Промолвил тогда слово Хришикеше, о властитель Земли.

Арджуна сказал:

- Между двух войск останови мою колесницу, Ачьюта,
22. Чтобы мне рассмотреть этих предстоящих, жаждущих битвы, с которыми мне нужно сразиться в этом возникающем бою.
 23. Я узнаю готовящихся к сражению витязей, которые там сошлись, намереваясь исполнить злокозненного сына Дхритараштры волю.

Санджая сказал:

24. При этих словах Гудакеша Хришикеша, между двух войск отличнейшую колесницу остановив, о Бхарата,
25. Перед лицом Бхишмы, Дроны и всех царей воскликнул: "О Партва, смотри на этих собравшихся вместе куру!"
26. Тогда Партва увидал отцов и дедов, наставников, дядей, братьев, сыновей, товарищей,
27. Тестей и друзей, стоящих в обеих ратях, Каунтея, Увидев всех этих присутствующих родственников,
28. Пораженный глубочайшим состраданием, скорбящий, так промолвил.

Арджуна сказал:

При виде этих наших родственников, Кришна,
сошедшихся для битвы,

29. Подкашиваются мои ноги, пересыхает рот, трепещет мое тело и волосы становятся дыбом.
30. Гандива выпадает из рук, и кожа кругом пылает; я не в силах стоять, разум мой колеблется.
31. Я замечаю зловещие знаменья, Кешава, и не вижу блага от убийства своих родных в бою.
32. Я не желаю победы, Кришна, ни царства, ни удовольствий; что нам в царстве, Говинда, что в наслаждениях и в жизни?
33. Те, ради кого желанны нам царство, счастье, улады, находятся в этой битве, покидая и жизнь и богатства:
34. Наставники, отцы, сыны, деды, тести, внуки, шурины и свойственники.
35. Не хочу убивать их, если и буду убитым, Мадхусудана, даже ради власти над тремя мирами, тем менее ради обладания Землей.
36. После убийства сынов Дхритараштры, какая будет у нас радость, Джанардана; мы впадем в грех, убив их, грозящих оружием.
37. Поэтому не подобает нам убивать сынов Дхритараштры, своих родственников; ведь убив свой род, как сможем мы быть счастливы, Мадхава.
38. Если же эти своекорыстием пораженные души не видят греха, совершаемого (при) уничтожении рода и в злодействе вероломства, —
39. Как не понять нам, постигающим зло поражения рода, что нам, Джанардана, от такого греха отрешиться надо?
40. При убийстве рода погибают непреложные законы рода, с гибелью законов беззаконие овладевает родом,
41. С воцарением беззакония, Кришна, развращаются женщины рода, с развращением женщин, Варшнея, возникает смешение каст.
42. Когда же произойдет смешение, то убийцы рода и род попадут в ад, ниспадают также отцы их, лишенные жертвенных галушек и возлияний.
43. Грехом этих убийц рода, совершающих смешение каст, упраздняются незыблемые законы племени и семьи вековые устои.
44. Для людей, уничтоживших родовые законы, Джанардана, ад является обиталищем, так сказано (в Шастрах).

45. Увы, увy, великий грех собираемся мы совершить —
ради вожделения радостей царства убить своих
родственников.
46. Если бы меня, не сопротивляющегося, безоружного, убили
в битве вооруженные сыны Дхритараштры, мне было бы
отрадней.

Санджая сказал:

47. Это сказав, Арджуна в размышлении опустился на дно
колесницы, выронив стрелу и лук; его ум потрясен был
горем.

**ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ПЕРВАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ**

Й О Г А О Т Ч А Я Н И Я А Р Д Ж У Н Ы

Глава II. САНКХЬЯ ЙОГА

Санджая сказал:

1. Тогда ему, охваченному состраданием, с глазами, полными
слез, скорбящему, Мадхусудана промолвил такое слово.

Шри-Бхагаван сказал:

2. Откуда в тебе возникло это малодушие в бедствии, не
подобающее арийцу, лишаящее (Небесного) блаженства,
причиняющее бесчестие, Арджуна?
3. Не поддавайся слабости, Партха, ибо она тебе не
подобает; неизменно бесилие сердца оставив, восстань,
подвижник.

Арджуна сказал:

4. Как в битве сразу я стрелами Бхишму и Дрону,
Мадхусудана, достойных почтения, Арисудана?
5. Лучше ведь, чем убивать этих высокочтимых Гуру,
питаться нищенством в этом мире, ибо, убивая Гуру,
хотя бы и своекорыстных, мы будем вкушать уже здесь
пищу, обогретенную кровью.
6. И не знаем мы, что для нас лучше: победить или быть
побежденными, ибо, убив этих находящихся перед нами
сынов Дхритараштры, мы не пожелаем жить.

7. Все мое существо поражено болезнью сострадания, и я вопрошаю тебя, не различая сознанием Дхармы, что будет лучше, ясно скажи мне это; я твой ученик, наставь меня, к тебе припадаю.
8. Ибо не предвижу, чтобы эта иссушающая чувства скорбь моя могла быть отогнана достижением очищенного от соперников царства на Земле или даже владычества над богами.

Санджая сказал:

9. Промолвив это Хришикеше, Гудакеша — “Я не буду сражаться”, — так сказал и умолк, о врагов утеснитель.
10. Ему, скорбящему между двух ратей, о Бхарата, Хришикеша, как бы улыбаясь, сказал такое слово.

Шри-Бхагаван сказал:

11. Ты скорбишь о неподлежащих скорби, а говоришь слова мудрости; не скорбят познавшие ни о живых, ни об ушедших.
12. Ибо не было времени, когда бы я не существовал, равно как и ты, и эти владыки народов, и в будущем все мы не прекратим существовать.
13. Как воплощенный в этом теле (проходит через) детство, юность, зрелость и старость, так получает он иное тело; стойкий не смущается этим.
14. Соприкосновения с материей, Каунтея, (приносят) холод и жар, удовольствие и страдание; они приходят, уходят, непостоянны, противостоят же им, Бхарата.
15. Лишь человек, которого они не колеблют, тур Бхарата, равный в горести и радости, стойкий, достоин бессмертия.
16. Небытие (асат) не причастно бытию, небытию не причастно бытие (сат); граница того и другого ясна для зрящих истину.
17. Ибо, познай, не уничтожимо То, которым распространена эта Вселенная; непреходящее никто не может сделать уничтожимым.
18. Преходящи эти тела Воплощенного, именуемого вечным, непреходящего, неисследимого; поэтому сражайся, Бхарата.
19. Кто думает, что Он (воплощенный) убивает, или кто полагает, что Он может быть убитым, оба они не знают: Он не убивает и не может быть убитым.
20. Он никогда не рождается и не умирает; не возникая, Он вновь никогда не возникнет; нерожденный, постоянный, бесконечный, Он, Древний, не убивается, когда убивается тело.

21. Тот, кто знает Неуничтожимого, Пребывающего, Нерожденного, Непреходящего, как такой человек, Партха, будет кого-либо заставлять убивать, как будет
кого-либо убивать?
22. Как, покинув старые одежды, человек берет новые, другие, так, покинув старые тела, входит Воплощенный
в другие, новые.
23. Ибо Его не рассекают мечи, не опалает пламя и не
увлажняет его вода, не иссушает ветер.
24. Не уязвим Он, не сжигаем, не увлажняем, не иссушим,
постоянный, вездесущий, стойкий, неподвижный,
пребывающий;
25. Его именуют Непроявленным, невообразимым,
неизменным; познав Его таким, ты не должен
сокрушаться.
26. Но если бы ты и считал его постоянно рождающимся,
постоянно умирающим, то и тогда, о мощный, ты о Нем
сокрушаться не должен.
27. Для рожденного неизбежна смерть, для умершего
неизбежно рождение; поэтому о неотвратимом ты не
должен сокрушаться.
28. Не проявлены существа в начале, проявлены в середине,
Бхарата, не проявлены в исходе; "какая в этом печаль?"
29. Один взирает на Него, как на чудо, другой говорит о
Нем, как о чуде, иной слушает о Нем, как о чуде, но
и, услышав, никто не знает Его.
30. Всегда в этом теле не уязвим воплощенный, Бхарата;
поэтому не следует скорбеть о всех существах.
31. Также, имея в виду свою Дхарму, ты не должен
колебаться: ведь для кшатрия лучше нет ничего иного,
чем праведная война.
32. Как неожиданно появившиеся отверстые небесные врата,
радостно кшатрии, Партха, принимают подобную войну.
33. Итак, если ты не вступишь в этот праведный бой, то,
покинув свой долг и честь, ты примешь (на себя) грех.
34. И все будут говорить о твоём вечном бесчестии, а
славному бесчестие хуже смерти.
35. Великие колесничие подумают, что ты из-за страха
отказался от битвы; и, бывши для них почтенным, ты
станешь презренным.
36. Много непотребных речей будут говорить твои
противники, порицая твою силу, что может быть хуже?

37. Убитый, ты достигнешь Неба, живой, ты насладишься Землей; поэтому встань, Каунтея, решишь на битву.
38. Признав равными счастье и несчастье, достижение и неудачу, победу и поражение, приготовься к битве, чтобы не впасть в грех.
39. Это поучение (Буддхи) изложено тебе согласно рассуждению (Санкхья), внемли тому же согласно йоге; приобщаясь к этой мудрости, Партха, ты освободишься от оков кармы.
40. Здесь не гибнет усилие, здесь нет извращения; малое от этой Дхармы спасает от великого ужаса (бедствия).
41. Решительная мысль (Буддхи) единственна, о радость куру, но многоветвисты и не скончаемы мысли нерешительных.
42. Неразумные произносят пышную речь; удовлетворенные буквой Вед, о Партха, они говорят: "Нет ничего другого".
43. Их суть — вожделенье, они стремятся к раю, (их речь) сулит, как плод дел, рожденье, полна предписаний особых обрядов для достижения богатства и божественной власти.
44. Кто привязан к наслаждениям и власти, чье сознание увлечено этим, (для того) недоступно решительное сосредоточие мысли, (погруженной) в Самадхи.
45. Веды относятся к области трех гун; отрешись от трех гун, Арджуна, свободный от двойственности, постоянно пребывающий в реальности, свободный от собственности, (преданный) Атману.
46. Сколько пользы в источнике, когда вода со всех сторон стекается, столько (пользы) во всех Ведах для того, кто познал Брахмо.
47. Итак, да будет у тебя устремленность к делу, но никогда к его плодам, да не будет плод действия твоим побуждением, и да не будет у тебя привязанности к бездействию.
48. Пребывая в йоге, совершай дела, оставив привязанность, Дхананджая, равный в успехе и неудаче. Равновесием именуется йога.
49. Ибо действия значительно ниже йоги мудрости, Дхананджая; в мудрости ищи прибежище, — жалки побуждаемые плодами.
50. Преданный мудрости покидает здесь и заслуги, и грехи; поэтому предайся йоге: йога есть искусство в действиях.
51. Люди, преданные мудрости, покинув плоды, рожденные действием, освобожденные от уз рождения, идут в область бесстрастия.

52. Когда твой разум (Буддхи) превозможет дебри заблуждений, тогда ты достигнешь отрешенности от того, что должно быть услышано и что было услышано.
53. Когда твой разум, противопоставленный писанию, станет неподвижно утвержденный в созерцании (Самадхи), тогда ты достигнешь йоги.

Арджуна сказал:

54. Каково определение стойкого, находящегося в созерцании (Самадхи), о Кешава; стойкий в мыслях как говорит, как сидит, как странствует?

Шри-Бхагаван сказал:

55. Когда он покидает все вожеления, Партха, вошедшие в сердце, радуясь Атману в себе, тогда он называется стойким в разумеении.
56. В бедствиях с непоколебимым сердцем, в радости с исчезнувшим желаньем, отрешенный от страсти, страха и гнева, стойкий духом именуется "мунй".
57. Кто ни к чему не (испытывая) влеченья, воспринимая приятное или неприятное, не воделеет и не ненавидит, сознание того устойчиво.
58. И если он, как черепаха члены, отвлекает все свои чувства от предметов чувств, (то) его сознание устойчиво.
59. Предметы исчезают для отрешившегося воплощенного, не вкус (к ним), но и вкус исчезает для узревшего Высшее.
60. Ибо, о Каunteя, бурные чувства насильственно увлекают сердце даже подвизающегося и мудрого человека.
61. Обуздав их все, пусть сядет он, собранный (поставив) Меня (как) высшую цель; ибо у кого в подчинении чувства, сознание того устойчиво.
62. У человека, помышляющего о предметах чувств, рождается привязанность к ним; от привязанности рождается вожеление, от вожеления рождается гнев.
63. От гнева бывает заблуждение, от заблуждения — помрачение памяти, от помрачения памяти — гибель познания, от гибели познания (Буддхи) погибает (сам человек).
64. Кто проходит область чувств с чувствами, отрешенными от влеченья и отвращения, (подчиненным) его воле, покорный Атману, тот достигает ясности (духа).
65. При ясности (духа) происходит исчезновение всех его страданий, ибо, если прояснено сознание (четас), скоро укрепляется разум (Буддхи).
66. Нет разума для несобранного и нет для несобранного творческой мысли; для не имеющего творческой мысли

нет мира, а для не имеющего мира — откуда быть счастьем?

67. Ибо у того, кто направляет сердце, (согласно) блуждающим чувствам, оно уносит сознание, как ветер — корабль по водам.
68. Поэтому у того, о мощнорукий, чьи все чувства отвлечены от предметов чувств, сознание установлено,
69. То, что ночь для всех существ, — есть бодрствование для сдерживающего свои мысли; что бодрствование для существ — есть ночь для зрящего мунни.
70. Как в переполненный, неподвижно пребывающий океан вступают воды, так все желанья вступают в него; он достигает мира, а не тот, кто стремится к желанью.
71. Человек, который, покинув все вожделенья, беспечальный, странствует, свободный от самости, приходит к покою.
72. Таково, о Партха, состояние Брахмо; тот, кто достиг его, не заблуждается. Достигший его, хотя бы в час кончины, достигает Нирваны Брахмо.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ВТОРАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

С А Н К Х Ь Я Й О Г А

Глава III. КАРМА-ЙОГА

Арджуна сказал:

1. Если ты, (согласно) твоей мысли, познание ставишь выше действия, Джанардана, то почему же к ужасному делу ты побуждаешь меня, Кешава?
2. Противоречивым словом ты как бы вводишь в заблуждение мое сознание (Буддхи); скажи мне достоверно одно то, чем я достигну блага.

Шри-Бхагаван сказал:

3. В этом мире есть две точки зрения, мной возвешенные раньше, о безупречный: йога знания размышляющих и йога действия подвижающихся.
4. Человек, не предпринимающий дел, не достигает (истинного) бездействия, и не только отречением он достигает совершенства.

5. Ибо никто, даже мгновенья, никогда не может пребывать в бездействии: он ведь несвольно производит все действия в силу рожденных природой качеств (гун).
6. Кто, обуздав деятельность чувств, сидит, вспоминая в сердце (Манас) о предметах чувств, тот, заблуждающийся, именуется находящимся на неверной дороге.
7. Тот же, который, сердцем (Манас) покорив чувства, о Арджуна, предпринимает деятельность чувств карма йогу, именуется непривязанным.
8. Совершай необходимые действия, ибо действие лучше бездействия: даже отпавлений тела не удастся совершить тебе при бездействии.
9. Помимо дел, совершаемых ради жертвы, мир этот связан действием; поэтому, Каунтея, совершай действия, свободный от привязанностей.
10. Вместе с жертвой создав твари, некогда рек Праджapati: "Ею размножайтесь, да будет она вам желанной камадук,
11. Ею укрепляйте богов, да укрепят вас боги; укрепляя друг друга, вы достигнете высшего блага.
12. Желаемые блага вам дадут эти боги, укрепленные жертвой; кто же наслаждается их дарами, не одаряя их, тот вор.
13. Праведные, питающиеся остатками жертвы, освобождаются от всех грехов, но те нечестивцы, которые варят (только) для себя, вкушают грех.
14. От пищи возникли существа, от дождя возникла пища, от жертвы возник дождь, жертва возникла от Кармы.
15. Знай, Карма возникла от Брами, Брама возник от Непреходящего (Акшара). Поэтому вездесущее Брахмо всегда пребывает в жертве.
16. Кто не предоставляет вращаться этому заверченному кругу, злой, игралище чувств, о Партва, тщетно он живет.
17. Но человек, насыщенный Атманом, да возрадуется в Атмане, у него, удовлетворенного в Атмане, нет обязанностей.
18. У него нет здесь цели ни в деланье, ни в неделанье: и ни в одном существе он не ищет покровительства для своей цели.
19. Поэтому всегда совершай должные дела без привязанности, ибо человек, совершающий дела без привязанности, достигает высшего.
20. Ведь действиями достигли совершенства Джанака и другие; таким образом, ты должен действовать, имея в виду совокупность мира.

21. Что делает лучший, то и другие люди; какой он выполняет устав, такому следует и народ.
22. Нет, о Партха, в трех мирах чего-либо, что надлежало б Мне сделать, и нет подлежащего достижению, чего бы я не достигнул; однако я пребываю в действии.
23. Ибо если бы я вообще не пребывал непрестанно в действии, то моим путем последовали бы все люди, Партха.
24. Эти миры погибли бы, если бы я не совершал Кармы, Я был бы причиной смещения и погубил бы эти существа.
25. Как совершают действия, о Бхарата, привязанные, незнающие, так непривязанный, знающий да совершает действия, стремясь действовать ради совокупности мира.
26. Да не смущает сознание незнющих, привязанных к делу, знающий, действуя по преданности (Высшему), да сделает он им все действия приятными.
27. Все действия всегда совершаются гунами природы, но введенный в заблуждение самостью (аханкара) думает так: "Я есмь совершающий".
28. А знающий истину, о мощный, распределения гун и действий, помыслив так: "Гуны вращаются в гунах", не привязывается.
29. Ослепленные гунами природы привязываются к делам гун; их, несовершенно знающих, слабых, совершенно знающий да не смущает.
30. Мне посвятив все дела сердцем, (преданным) высшему Атману, отказавшись от вожделений и самости, сражайся, оставив горячность.
31. Люди, которые постоянно следуют этому моему Учению, верующие, неропшущие, эти даже делами освобождаются.
32. Те же, ропшущие, которые не следуют моему Учению, лишены всякого знания, знай, те погибли, безумные.
33. Даже знающий поступает согласно своей природе; природе следуют существа; к чему же сопротивление?
34. Влечение и отвращение чувств пребывают в предмете чувств; да не подпадет он под их власть, ибо они его враги.
35. Лучше своя Дхарма (даже) с недостатком, нежели хорошо выполненная чужая; лучше смерть в своей Дхарме: чужая Дхарма опасна.

Арджуна сказал:

36. Кем же тогда побуждаемый совершает человек грех, даже помимо воли, о Варшнея, как будто влекомый силой?

Шри-Бхагаван сказал:

37. Это страсть, это гнев, прожорливый, многогрешный; знай его здесь как врага. Он возник из гуны раджас.
38. Как дымом покрыт огонь, как зеркало — ржавчиной, как зародыш покрыт оболочкой, так им покрыт этот мир.
39. Знание сокрыто этим постоянным врагом мудрого, трудно насытимым пламенем в образе Камы.
40. Чувства, Манас, сознание (Буддхи) именуются его местопребыванием; через них он, закрыв знание, вводит в заблуждение воплощенного.
41. Поэтому, сначала обуздав чувства, о бык среди Бхарат, рази этого супостата, пожирающего знание и распознавание.
42. Чувства называют великими, выше чувств — Манас; выше Манаса — Буддхи; Он выше Буддхи.
43. Познав, что Он выше Буддхи, утвердив себя в Атмане, рази врага, о мощнорукий, в образе Камы труднооборимого.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ТРЕТЬЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

КАРМА - ЙОГА

Глава IV. ЙОГА ЖЕРТВЫ БРАХМО

Шри-Бхагаван сказал:

1. Эту непреходящую йогу я возвестил Вивасанту; Вивасант поведал Ману; Ману сообщил Икшваку.
2. Так, принимая один от другого, ее создавали царственные риши, но через длительное время эта йога утратилась, Парантапа.
3. Эта (именно) древняя йога ныне мной возвещена тебе, ибо ты — мой бхакта и друг; (это) — высочайшая тайна.

Арджуна сказал:

4. Позднее родился ты, ранее родился Вивасант; как же мне понять, что ты вначале возвестил (ее)?

Шри-Бхагаван сказал:

5. Много у меня прошлых рождений, у тебя также, Арджуна. Я знаю их все, ты же не знаешь своих, Парантапа.

6. Хоть я нерожденный, непреходящий Атман, хоть я Владыка существ, превосходя собственную природу, я возникаю собственной Майей.
7. Ибо всякий раз, как происходит ослабление Дхармы, о Бхарата, и преобладание беззакония, тогда я себя создаю.
8. Для спасения благочестивых, для гибели злодеев, ради установления закона я возрождаюсь из века в век.
9. Дивно мое рождение и мое дело; кто это воистину знает, (тот) оставив тело, не идет к новому рождению, он идет ко мне, Арджуна.
10. Покинув страсть, страх и гнев, преисполненные мною, предавшись мне, многие, очищенные подвигом знания, вошли в мое Бытие.
11. Кто как ко мне обращается, того я так и принимаю: моим путем следуют все люди, Партха.
12. Желаящие успеха в делах жертвуют здесь (на Земле) богам, ибо скоро в человеческом мире бывает успех, рожденный действием.
13. Мной сотворено распределение гун (качеств) и обязанностей (Карма) четырех каст; знай, что я их непреходящий творец, но также и не творец.
14. Не пятнают меня дела, нет у меня желания плодов действия. Тот, кто меня познает таковым, тот не связан действиями.
15. Это познав, стремящиеся к освобождению предки совершали действия, поэтому и ты совершай действия, некогда совершавшиеся предками.
16. Что есть действие, что бездействие? Даже вешие заблуждались в этом; я возвещу тебе действие, познав которое, ты освободишься от зла.
17. Нужно понимать действия, нужно понимать запрещенные действия, также бездействие нужно понимать; таинствен путь действия.
18. Кто видит действие в бездействии и бездействие в действии, тот — мудрый среди людей, тот — преданный, завершивший все дела.
19. Чьи все начинания лишены вожделения и расчетов, чьи действия сожжены на огне мудрости, того ученые именуют Озаренным (Буддха).
20. Оставив привязанность к плодам действия, постоянно довольный, без опоры, хотя и занятый действиями, он ничего не совершает.
21. Без надежд, укротивший свои мысли, покинув всякую собственность, только телом совершая действия, он не впадает в грех.

22. Удовлетворенный нежданно полученным, преодолевший двойственность, без недоброжелательства, равный в успехе и неудаче не связывает себя, даже действуя.
23. Для лишенного привязанностей, свободного, с мыслью, утвержденной в мудрости, совершающего действия как жертву, они совершенно исчезают.
24. Брахмо — жертвенное приношение, Брахмо — жертва. На огне Брахмо (ее) приносит Брахма, этим должно приблизиться к Брахмо, погружением (Самадхи) в дело Брахмо.
25. Некоторые йоги участвуют в жертве богам, другие же приносят жертву (возлиянием) на огне Брахмо.
26. Слук и другие чувства иные приносят в жертву на огне обуздания; звук и другие предметы чувств иные жертвуют на огне чувств.
27. Другие жертвуют все деятельности чувств, деятельности пран на огне самообуздания, зажженном мудростью.
28. Другие совершают жертву имуществом, подвигом, йогой, изучением, знанием — усердные, стойкие в обетах.
29. Иные вдыхание (прана) приносят в жертву выдыханию (апана) и выдыхание вдыханию, удержав движение дыхания и выдыхания, всецело предавшись пранаяме.
30. Другие, умеренные в пище, жертвуют (единой) Жизни (свою) жизнь; все они — знатоки жертв, жертвою уничтожившие грехи.
31. Вкушающие амриту остатков жертвы идут в вечное Брахмо; нет этого мира для нежертвующего, как же будет (для него) иной, о лучший из куру?
32. Вот многообразные жертвы, распростертые перед ликом Брахмо; знай, они рождены от действий, зная это, ты освободишься.
33. Лучше вещественных жертв жертва мудрости, подвижник; все действия полностью, Партха, охватываются мудростью.
34. Это познай припаданием (к ногам Учителя), вопрошанием, почитанием; посвятят тебя в мудрость мудрые, познавшие истину.
35. Узнав это, ты больше не впадешь в заблуждение, Пандава; таким образом, ты увидишь все существа без исключения в себе, и тогда — во мне.
36. И если бы ты был из грешников наигрешнейший, ты переплывешь на корабле мудрости все злое.
37. Как зажженные дрова огонь превращает в пепел, Арджуна, так огонь мудрости превращает в пепел все дела.

38. Ибо нет здесь очистителя, равного мудрости, ее со временем самостоятельно достигает в самом себе совершенный в йоге.
39. Верующий получает знание, преданный лишь Ему, обузданный в чувствах; получив знание, он скоро достигает высшего мира.
40. Немудрый и неверующий, полный сомнения, гибнет; нет ни этого ни другого мира, ни счастья для сомневающегося.
41. Чьи действия устранены йогой, чьи сомнения разрешены мудростью, кто предан Атману, того действия не связывают, Дхананджая.
42. Поэтому, мечом мудрости знания Атмана рассекая это возникшее из незнания, прсбывающее в сердце сомнение, пребывая в йоге, восстань, Бхарата.

**ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ**

Й О Г А Ж Е Р Т В Ы Б Р А Х М О

Глава V. ЙОГА ОТРЕЧЕНИЯ ОТ ДЕЙСТВИЯ

Арджуна сказал:

1. Отрешение от действий, Кришна, также йогу ты восхваляешь; что лучше из двух — это одно скажи мне определенно.

Шри-Бхагаван сказал:

2. Отрешение и карма-йога — оба создают высшее благо, однако из этих двух карма-йога превосходит отрешение от действий.
3. Нужно признать того стойким санньясином, кто не ненавидит и не вожделеет; свободный от двойственности, о мощнорукий, счастливо освобождается от уз.
4. “Санкхья и йога различны”, — говорят дети, не ученые; кто достиг одного, тот получает плоды обеих.
5. Состояние, которое достигается размышляющими, достигается также подвижающимися; кто видит, что Санкхья (размышление) и йога одно, тот зрячий.

6. Однако отрешение, о мощнорукий, трудно достижимо для неподвизающегося; преданный йоге мудрец (муни) без замедления приходит к Брахмо.
7. Преданный йоге, очистивший себя, победивший себя, покоривший чувства, слившийся духом с духом всех существ, даже действуя, не загрязняется.
8. Ибо преданный, знающий истину, помышляет: "Я не совершаю ничего", взирая, слушая, касаясь, обоняя, вкушая, двигаясь, засыпая, дыша,
9. Разговаривая, выделяя, вбирая, открывая и закрывая глаза: "Органы чувств (индрии) общаются с предметами чувств", — так утверждает.
10. Посвятив действия Брахмо, кто действует, покинув привязанности, тот не пачкается злом, как листья лотоса (не пачкаются) водой.
11. Только телом, сердцем (Манасом), умом (Буддхи) и органами чувств (индриями) йоги совершают действия ради самоочищения, оставив привязанности.
12. Преданный, покинув плоды действия, получает совершенный мир; непреданный, силой вожеления привязанный к плоду, попадает в узы.
13. Ото всех дел отрешась сердцем, счастливо пребывает воплощенный Властитель в девятивратном граде, не совершая действий и не заставляя действовать.
14. Ни деятельности, ни дел не создает Владыка мира, ни соединения действия с плодом, однако самосущая (свабхава) природа развивается.
15. Не принимает (на себя) чей-либо грех или праведность Ишвара: несведеньем окутана мудрость, им ослепляются люди.
16. Но у кого это неведение уничтожено знанием Атмана, для тех их знание, как Солнце, выявляет высочайшее То.
17. Постигая То, в Том познав себя, утвержденные в Том, (поставившие) То высшей Целью, идут, не возвращаясь снова, мудростью развеяв грехи.
18. В украшенном мудростью и смирением брамине, в корове, в слоне, в собаке и даже в том, кто варит собаку, мудрый видит одно и то же.
19. Уже здесь победили мир те, чье сердце находится в равновесии, ибо безгрешно и уравновешено Брахмо, потому в Брахмо они пребывают.
20. Пусть не радуется, получив приятное, не колеблется, получив неприятное, не заблуждается стойкий духом, постигший Брахмо, утвердившийся в Брахмо.

21. Ко внешним касаниям не привязанный душой, находит он в Атмане счастье; духом преданный йоге Брахмо, он вкушает непреходящее блаженство.
22. Ибо наслаждения, которые (возникают) от соприкосновения, - лоно бедствий; они преходящи; Каунтея, не им радуется озаренный (Буддха).
23. Кто может уже здесь, еще не свободный от тела, преодолеть стремление, возникающее от вожделения и гнева, тот предан, тот счастливый человек.
24. Кто счастлив внутри, радуется внутри, кто также озаряется изнутри, тот, йогин, достигает сущности Брахмо, Нирваны Брахмо.
25. Получают Нирвану Брахмо риши, уничтожившие грехи, расторгшие двойственность, обуздавшие себя, радующиеся благу всех.
26. Для отрешившихся от вожделения и гнева, подвижающихся, обуздавших мысли, познавших Атмана, близко пребывает Нирвана Брахмо.
27. Внешние касания оттеснив вовне, направив взор в середину бровей, уравнив дыхание и выдыхание, движущееся в ноздрях,
28. Укротивший чувства, сердце и ум, стремящийся к окончательному освобождению муні, отогнавший желание, страх и гнев — навеки свободен.
29. Познав меня, вкушающего подвиги, жертву, Великого Владыку всех миров, друга всех существ, он достигает мира.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ПЯТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

Й О Г А О Т Р Е Ч Е Н И Я О Т Д Е Й С Т В И Й

Глава VI. ЙОГА САМООБУЗДАНИЯ

Шри-Бхагаван сказал:

1. Кто совершает должные дела, не ища плодов дел, тот и санньясин и йогин, а не (тот, кто) без огня, без обрядов.
2. То, что именуется отрешенностью (санньяса), знай это как йогу, Пандава, ибо без отрешенности от желаний не бывает никакой йоги.

3. Для стремящегося к йоге муни действие именуется средством; для достигшего йоги спокойствие именуется средством.
4. Ибо когда он ни к объектам чувств, ни к делам не привязан и ото всех желаний отрешился, тогда он именуется достигшим йоги.
5. Да поднимет он себя Атманом, пусть сам себя не снижает; ибо каждый себе союзник, каждый себе враг.
6. Союзник сам себе тот, кто сам собой побежден; кто же собой не владеет, тот во враждебности сам себе враждебен.
7. Победивший себя, умиротворенный, полагается на высшего Атмана в холоде, жаре, в счастье, горе, также в почести и бесчестии.
8. Насытивший себя мудростью и осуществлением мудрости, стоящий на вершине, победивший чувства, воссоединенным именуется йогин, равный кому земли, камню и золоту;
9. К товарищу, другу, недругу, равнодушному, стороннику, противнику, безучастному, к праведным, грешным, он отличается равномыслием, он (их) превосходит.
10. Пусть йогин постоянно тайно упражняется в йоге, пребывая в одиночестве, укротив самосознание, без надежд, без собственности.
11. В чистом месте устроив устойчивое сидение для себя, не слишком высокое, не слишком низкое, покрытое одеждой, шкурой лани и (травой) куша;
12. Там, сердце Манас) установив на одном, укротив деятельность мысли и чувств, опустясь на сиденье, пусть упражняется в йоге ради самоочищения.
13. Ровно и неподвижно держа туловище, голову, шею, стойкий, устремив свой взор на кончик носа, не глядя в стороны,
14. С успокоенным духом, отогнав страх, укротив Манас, думая обо мне, преданный, да сядет он, устремясь ко мне, стойкий в обетах брахмачарья.
15. Так всегда упражняясь, йогин, укротив разум, достигает мира высшей Нирваны, находящегося во мне,
16. Ибо йога не для привыкшего слишком много есть и не для того, кто совсем не ест, не для слишком много спящего или бодрствующего, Арджуна.
17. Для умеренного в еде и воздержании, умеренного в движениях, делах, умеренного во сне и бодрствовании бывает йога, уносящая горе.

18. Когда успокоенное сознание (читта) устойчиво в Атмане, тогда отрешенный ото всех вожделений именуется
воссоединенным.
19. "Как светильник, находящийся в безветренном месте, не колеблется...", это подобие относится к йогину с
укрошенным сознанием, упражняющемуся в йоге.
20. Где успокаивается мысль, заторможенная упражнениями
в йоге, где, взирая на Атмана в себе, (человек) радуется
Атману,
21. Там познается предельное блаженство, воспринимаемое
(лишь) через Буддхи, превосходящее чувство;
пребывающий в нем (человек) не уклоняется от
реальности;
22. По достижении его (блаженства) человек понимает, что
нет ничего высшего для достижения; стоящий в нем не
потрясается даже тяжелым горем.
23. Нужно знать: оно именуется йогой, разрешающей связи
со скорбью; в этой йоге должно упражняться решительно,
с мыслью, отбратившейся от всего.
24. Покинув происходящие от воображения все вожделения,
все без остатка, со всех сторон укротив Манасом толпу
чувств,
25. Тихо-тихо да успокоится он стойко обузданным разумом
(Буддхи); установив сердце в Атмане, ни о чем да не
помышляет.
26. Куда бы ни ускользал шаткий, нестойкий Манас,
обуздав, его надо приводить к воле Атмана отовсюду.
27. Ибо такого йогина с умиротворенным сердцем,
успокоенным раджазом, уподобившегося Брахмо,
безгрешного охватывает высочайшее блаженство.
28. Так всегда приобщаясь к Атману, йогин, зло в себе
уничтожив, счастливо вкушает предельное блаженство,
соприкосновением с Брахмо.
29. Все существа, пребывающие в Атмане, и Атмана,
пребывающего во всех существах, видит предавший
йоге, везде зрящий Одно.
30. Кто видит меня везде, и все видит во мне, того я не
утрачу, и он не утратит Меня.
31. Кто меня, пребывающего во всех существах, читт,
утвердившись в единстве, как бы ни существовал он,
этот йогин существует во мне.
32. В силу уподобления Атману, кто взирает, Арджуна,
одинаково на счастье и несчастье, тот считается
совершенным йогиним.

Арджуна сказал:

33. Для этой йоги, которую ты определяешь, Мадхусудана, как тождество, я не вижу твердого основания вследствие подвижности.
34. Ибо Манас подвижен, Кришна, беспокоен, силен, упорен: его удержать, полагаю, очень трудно, как ветер.

Шри-Бхагаван сказал:

35. Несомненно, о мощный, Манас трудно укротим, шаток. Упражнениями, однако, Каунтея, и бесстрашием он обуздается.
36. Для невладеющего собой йога трудно достижима, так думаю я: но тот, кто поборол себя, собою же и упражняется, тот может правильно овладеть йогой.

Арджуна сказал:

37. Неотрешенный, (но) полный веры, отправший сердцем от йоги, не достигший успеха в йоге, каким путем, о Кришна, он идет?
38. Отпав от обоих, разве не исчезает он, подобно разорванной туче, не устоявший, о мощнорукий, сбившийся с пути Брахмо?
39. Это сомнение, Кришна, благоволи рассеять окончательно, ибо никому иному, кроме тебя, невозможно разрешить это сомнение.

Шри-Бхагаван сказал:

40. О Партха, ни здесь, ни потусторонне нет гибели для такого, ибо ни один добродетельный никогда не идет дурным путем, сын мой.
41. Достигнув миров праведников, прожив (там) бесчисленные годы, в чистом счастливом доме рождается отпавший от йоги.
42. Или в семье мудрых йогов рождается он, но самое трудное в мире — подобное рождение.
43. Там он получает (достигнутое) в прежних воплощениях единение с мудростью и вновь стремится к совершенству, о радость куру.
44. Прежними своими упражнениями он увлекается помимо воли; даже желающий познать йогу преодолевает слово Брамь.
45. Но йогин, покоривший свой Манас, очищенный от грехов, многими рожденьями достигший совершенства, тогда идет Высочайшим Путем.

46. Йогин превосходнее аскетов, он считается превосходнее мудрых; превосходнее действующих — йогин; поэтому стань йогиним, Арджуна.
47. А из всех йогинов тот, который предан мне глубиной духа, с верой почитает меня, (есть) наиболее воссоединенный, полагаю.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ШЕСТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

Й О Г А С А М О О Б У З Д А Н И Я

Глава VII. ЙОГА ПОЗНАНИЯ И РАСПОЗНАВАНИЯ

Шри-Бхагаван сказал:

1. Мне преданный сердцем, о Партха, упражняясь в йоге, (под) моим кровом, как несомненно и полно ты познаешь меня, этому внемли.
2. Это знание и осуществление знания я сообщу тебе исчерпывающе: для знающего это здесь не остается больше ничего другого для познания.
3. Из тысяч людей едва ли кто-либо (один) стремится к совершенству; из стремящихся и достигших успеха едва ли кто-либо (один) поистине знает меня.
4. Земля, вода, огонь, воздух, эфир, Манас, Буддхи, принцип личности (аханкара) — вот моя восьмерично разделенная природа (Пракрити).
5. Низшая она, но узнай отличную от нее, мою Высшую Природу, Душу Живую, о мощный; ею держится этот преходящий мир.
6. Все существа — ее лона, постигни это. Я всего мира начало, а также конец (Пралая).
7. Выше меня нет ничего, Дхананджая, на меня все это нанизано, как жемчужины на нить.
8. Я вкус в воде, о Каунтея, я блеск в Луне и Солнце, я животворящее Слово (Пранава) во всех Ведах, звук в пространстве, человечность в людях;
9. Чистый запах в Земле; я блеск в Огне, жизнь — во всех существах; я подвиг подвижников.
10. Знай меня, Партха, как вечное семя всех существ; я мудрость мудрых, я великолепие великолепных;

11. Я сила сильных, свободных от вожделений и страсти; я в существах желание, не противоречащее закону, о бык среди Бхарат.
12. Состояния саттва, раджас и тамас, знай, что они от меня (происходят); ибо ни я в них, а они во мне.
13. Этими тремя состояниями весь этот (преходящий) мир, введенный в заблуждение, не познает меня, пребывающего над ними, непреходящего.
14. Ибо божественна эта, состоящая из гун (качеств) моя труднопреодолимая Майя; те же, которые обращаются ко мне, преодолевают эту Майю.
15. Безумные, творящие зло, ничтожнейшие люди не обращаются ко мне; лишенные моей Майей знания, они полагаются на природу асуров (демонов).
16. Четыре рода праведных людей почитают меня, Арджуна: страдающие, стремящиеся к знанию, стремящиеся к обладанию и мудрые, о бык среди людей.
17. Из них мудрый выделяется как постоянно преданный, чтущий Единого; дорог я мудрому чрезвычайно, и он дорог мне.
18. Все они высоко достигшие, но мудрый подобен мне, считаю я, ибо он, преданный духом, достигает меня, непревосходимого Пути.
19. После многих рождений мудрый достигает меня: "Васудэва есть все", — говорит трудно находимый Махатма.
20. Те же, чье знание увлечено различными вожделениями, обращаются к иным богам, соблюдая различные обеты, понуждаемые собственной природой.
21. Какие бы образы ни стремился почитать с верой поклонник, его непоколебимую веру я даю ему.
22. Он, утвержденный этой верой, стремится к его (образа) благосклонности; от него получает желаемое благо, но дается оно мной.
23. Но преходящим бывает этот плод их, маломудрых: к богам идут приносящие жертву богам, но мои бхакты идут ко мне.
24. Меня, непроявленного, достигшим проявления считают неразумные, не ведая моего запредельного, непреходящего, непревосходимого Бытия.
25. Я не для всех постижим, облеченный в йогамайю (иллюзию природы); этот заблуждающийся мир не познает меня, нерожденного, непреходящего.
26. Я знаю бывшие существа, настоящие и будущие, Арджуна, меня же не знает никто.

27. Заблуждением двойственности, возникшим из отвращения и влечения, о Бхарата, все существа (в этом) мире идут к ослеплению, о подвижник.
28. Но праведные люди, чей грех уничтожен, освобожденные от заблуждения и двойственности, почитают меня, твердые в обетах.
29. Те, кто, ища убежища у меня, стремятся к освобождению от старости и смерти, познают полностью Брахмо, высшего Атмана и всю Карму.
30. Те, которые знают меня как Высшее Бытие, Высочайшего Бога, Высочайшую Жертву, в час ухода познают меня, преданные духом.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) СЕДЬМАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

Й О Г А П О З Н А Н И Я И Р А С П О З Н А В А Н И Я

Глава VIII. ЙОГА ВЕЧНОГО БРАХМО

Арджуна сказал:

1. Что есть Брахмо, кто высший Атман, что такое Карма, о Пурушоттама? Что называется Высшим Бытием, кого именуют Высшим Богом?
2. Что такое Высшая Жертва, и как она (может быть) в этом теле, Мадхусудана? И в час ухода как ты познаешь преданным духом?

Шри-Бхагаван сказал:

3. Брахмо есть Высшее Непреходящее; Самосущее есть Высший Атман; Кармой именуется причина возникновения и исчезновения существ.
4. Высшее Бытие — в преходящем быванье, Пуруша — Высший Бог; Высшая Жертва — Я в этом теле, о лучший из воплощенных.
5. Кто в час ухода, освобождаясь от тела, вспоминая меня, отходит, тот идет в мое Бытие, в этом нет сомненья;
6. Ибо кто какую сущность вспоминает, покидая при кончине тело, к той сущности он и идет, Каунтея, всегда превращаясь в эту сущность.

7. Поэтому во все времена вспоминай обо мне и сражайся; устремив сердце и разум ко мне, ты придешь ко мне без сомнений.
8. Сознанием отдавшийся упражнениям йоги, не отвлекающийся ни на что другое приходит к Высочайшему Божественному Духу (Пуруше), о Партха, размышляющий (о нем).
9. Мудрого, древнего, кормчего, наименьше-наименьшего Творца Вселенной, невообразимого по форме, солнцеветного, потустороннего тьме кто вспоминает
10. В час ухода непоколебимым сердцем, приобщенный благоговению и силе йоги, между бровей направив полностью прану (жизненный ток), тот достигает Высочайшего Божественного Духа (Пуруши).
11. То, что знатоки Вед именуют Акшарам (непреходящее), к чему стремятся подвижники, освобожденные от страсти, ища чего, странствуют брахмачарьи, то слово (пада, вкратце я возведу тебе.
12. Закрыв все врата, Манас заключив в сердце, в голове удерживая прану, достигнув твердости в йоге,
13. "АУМ", что значит Единое, Непреходящее (Акшарам) Брахмо произнося, вспоминая меня, кто уходит, покидая тело, тот идет Высочайшим Путем.
14. Не помышляя о другом, непрерывно кто всегда вспоминает меня, для такого постоянно преданного йогина я легко достигим, Партха.
15. Пришедшие ко мне Махатмы, достигшие полного совершенства не получают нового рождения в бедственной преходящей обители.
16. Миры до мира Браммы подлежат возвращению, Арджуна, но достигшие меня, о Каунтея, не подлежат вновь рождению.
17. Те, кто знает день Браммы, ограниченный тысячью Юг, и ночь, ограниченную тысячью Юг, те люди познали день и ночь.
18. От Непроявленного возникает проявление при наступлении дня; при наступлении ночи исчезает в том, что именуется Непроявленным.
19. Это множество существ, повторно бывая, помимо воли, исчезает при наступлении ночи, Партха, и возникает при наступлении дня.
20. За пределами же этого непроявленного есть иное Бытие — Вечное Непроявленное, которое не погибает при гибели всех существ.

21. Непроявленным, Непреходящим, его называют Высшим Путем; достигнув его, не возвращаются: Это Моя Высочайшая Обитель.
22. Он, Высочайший Пуруша, о Партха, достигим безраздельным почитанием (бхакти); в нем пребывают все существа; им распространена Вселенная.
23. В какое время, отходя, к невозвращению и в какое к возврату идут йогины, это время я возведу (тебе), лучший Бхарата.
24. Огонь, свет, день, светлая половина месяца, шестимесячье движения (Солнца) на Север — отходя (при них) люди, знающие Брахмо, идут к Брахмо.
25. Дым, ночь, темная половина месяца, шестимесячье движения (Солнца) на Юг, — здесь получив лунный свет, йогин возвращается.
26. Светлый и темный, эти два пути (подвижного) мира считаются постоянными; по одному из них идут без возврата, по другому снова возвращаются.
27. Зная эти пути, о Партха, йогины никогда не заблуждаются; поэтому во всякое время будь предан йоге, Арджуна.
28. В Ведах, в жертвах, в подвигах, также в дарах указуемый чистый плод тот йогин, все это познав, превосходит и вступает в изначальную, высшую Обитель.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ВОСЬМАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

Й О Г А В Е Ч Н О Г О Б Р А Х М О

Глава IX. ЙОГА ЦАРСТВЕННОГО ЗНАНИЯ И ЦАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ

Шри-Бхагаван сказал:

1. Я возведу тебе это наитайнейшее знание и осуществление знания, о безупречный, познав которое, ты от неблагого освободишься.
2. Царственная наука, царственная тайна, это — высочайший очиститель; наглядная, достижимая, закономерная, легко выполняемая, непреходящая.

3. Люди, не верующие в этот закон, о подвижник, не достигнув меня, возвращаются путями смерти и самсары.
4. Мной в непроявленном виде распростерт весь (подвижный) мир, во мне пребывают все существа, но я не пребываю в них.
5. Но и не пребывают во мне существа, виждь мою владычную йогу; носитель существ, но не пребывающий в существах, я сам производитель существ.
6. Как всепроникающий великий Ветер всегда пребывает в пространстве, так все существа пребывают во мне; это постигни.
7. Все существа, Каунтея, входят в мою природу в конце Кальпы; снова в начале Кальпы я их произвожу.
8. Пребывая вне собственной природы (Пракрити), я произвожу снова и снова все это множество существ, помимо (их) воли, по воле природы.
9. И не связывают меня эти действия, Дхананджая, пребывающего безучастным, не привязанного к этим действиям.
10. Под моим наблюдением природа производит подвижное и неподвижное, по этой причине, Каунтея, вращается (преходящий) мир.
11. Безумные презирают меня, принимающего человеческий образ, не всаяя мой Высшей Сути, Великого Владыки существ.
12. Тщетны надежды, тщетны дела, тщетно знание неразумных, предавшихся бесовской (ракшасной), демонической (асурической), заблудшей природе.
13. А Махатмы, о Партха, прибегая к божественной природе, почитают нераздельной мыслью меня, познав Непреходящее Начало существ.
14. Постоянно прославляя меня, подвизающиеся, твердые в обетах, поклоняясь мне, о Партха, чтят (меня) благоговейно постоянно преданные.
15. Иные также, жертвуя жертвой мудрости, почитают меня как Единого, как многократно-разделенного, вездесущего.
16. Я обряд жертвоприношения, я жертва, я возлияние предкам, я корни, я мантра, я очищенное масло, я огонь, я возношение.
17. Я Отец этого (преходящего) мира, Мать, Творец, Продок, предмет знания, очиститель, слог АУМ, Риг, Сама, так же Яджур.
18. Путь, Супруг, Владыка, Свидетель, Обитель, Покров, Друг, Возникновение, Исчезновение, Опора, Сокровище, Непреходящее Семя;

19. Я пламенею, Я задерживаю и посылаю дождь, Я бессмертие, а также смерть, Я Бытие и Небытие;
Арджуна.
20. Знатоки трех (Вед), пьющие сому, очищенные от грехов, принося жертвы, просят у меня небесного пути; достигнув чистого мира владыки богов, они вкушают дивные божественные наслаждения.
21. Насладясь этим обширным райским миром, исчерпав заслуги, они попадают в мир смертных; так, следуя тройственному закону (Вед), желая желаний, они получают восхождение и нисхождение.
22. Тех же людей, постоянно преданных, которые, не думая о другом, чтят меня, я ввожу в покой йоги.
23. Те же, которые, поклоняясь другим богам, жертвуют полные веры, те также, о Каунтея, жертвуют мне, хотя и не по древнему закону.
24. Ибо я вкуситель и владыка всех жертв, но меня они поистине не познают и потому отпадают.
25. Идут к богам служащие богам; идут к предкам служащие предкам, к духам (бхута) идут жертвующие духам, жертвующие мне идут ко мне.
26. Лист, цветок, плод, воду ко мне с благоговением приносит, это принесенное с благоговением я принимаю от смиренного духом.
27. Что бы ты ни делал, что бы ты ни вкушал, что бы ты ни приносил в жертву, что бы ты ни давал, какой бы подвиг ни совершал, Каунтея, совершай это как приношение мне.
28. Так ты освободишься от хороших и дурных плодов, от уз кармы; приобщаясь к йоге отречения, освобожденный, ты приблизишься ко мне.
29. Я одинаков ко всем существам, нет для меня ни ненавистного, ни дорогого; те же бхакты, которые поклоняются мне, они во мне, и я в них.
30. Даже если очень дурно поступающий поклоняется мне, не поклоняясь иному, его можно считать праведным, ибо он решил правильно.
31. Скоро он станет праведником и войдет в вечный покой. О Каунтея, познай, поклоняющийся мне не погибнет.
32. Ибо ищущие крова у меня, Партха, хотя б они были и дурного рождения: женщины, вайшьи, даже шудры — идут высочайшим путем.
33. Тем более чистые брамины, благочестивые, царственные риши; вступив в этот непостоянный безрадостный мир, поклоняйся мне.

34. Размышляй обо мне, почитай меня, жертвуй мне, совершай поклонение мне; так ты придешь ко мне, предавшись мне (поставив) меня высшей Целью.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ДЕВЯТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

Й О Г А Ц А Р С Т В Е Н Н О Г О З Н А Н И Я И Ц А Р С Т В Е Н Н О Й Т А Й Н Ы

Глава X. ЙОГА СИЛОПРОЯВЛЕНИЯ

Шри-Бхагаван сказал:

1. Итак, снова, о долгорукий, внемли Мосму высочайшему слову, которое Я возвещу тебе, любимому, желая блага.
2. Моего происхождения не знают ни множество богов, ни великие риши, ибо Я Начало всех богов и великих
ришей.
3. Кто знает Меня, нерожденного, безначального, великого владыку мира, не заблуждающийся среди смертных, тот освобождается от всех грехов.
4. Разум, познание, отсутствие заблуждения, терпение, правдивость, самообладание, умиротворение, радость, страдание, возникновение и разрушение, страх и
бесстрашие,
5. Кротость, уравновешенность, удовлетворенность, подвижничество, щедрость, честь и бесчестие — таковы разнообразные состояния существ, от Меня
(происходящие).
6. Семь великих древних риши, также четыре Ману рождены от Моей сути умом; их мир — эти существа.
7. Кто поистине знает эти Мои Проявления и йогу, тот приобщается непоколебимой йоге, в этом нет сомнений.
8. Я Начало Вселенной, от Меня происходит все; постигая это, Меня почитают озаренные, преисполненные
любовью.
9. Размышляя обо Мне, передав Мне жизнь, они научают друг друга, постоянно обо Мне беседуют, ублажаются и радуются.

10. Им, постоянно преданным, преклоняющимся, в силу любви, Я дарую то приобщение мудрости (Буддхи-йога), посредством которого они достигают Меня.
11. Ради сострадания пребывая в их собственной сути, Я уничтожаю их рожденную от незнания тьму сияющим светильником мудрости.

Арджуна сказал:

12. Ты высочайшее Брахмо, высший Кров, высший Очиститель; вечным Божественным Духом, изначальным Богом, нерожденным, высочайшим Господом
13. Именуют Тебя все риши, также божественные риши Нарада, Асита, Дэвала, Вьяса; Ты сам то же говоришь мне.
14. Праведным я полагаю все то, что Ты сказал мне, Кешава, но твоего проявления, Владыка, не знают ни боги, ни данавы.
15. Сам Ты знаешь Себя через Себя, о Пурушоттама, начало существ, Господь всех существ, бог богов, Владыка мира!
16. Сблаговоли сказать исчерпывающе — ибо дивно Твое силопроявление (вибхути) — какими силопроявлениями, преисполнив эти миры, Ты пребываешь.
17. Как познаю Тебя, о йогин, всегда размышляя о Тебе; в каких, каких образах (бхава), владыка, мыслим Ты для меня?
18. Подробно Твою йогу и силопроявление, Джанардана, снова поведай; нет для меня насыщения в амрите внимания (Тебе).

Шри-Бхагаван сказал:

19. Да будет! Я поведаю тебе — ибо дивны Мои силопроявления — важнейшее, о лучший Куру, ибо нет конца моему силопроявлению.
20. Я сам, о Гудакеша, стою в сердце всех существ; Я начало, середина, конец существ.
21. Из Адитьев Я Вишну; из светил Я лучезарное солнце; из Марут Я Маричи; среди созвездий я Луна.
22. Из Вед Я Сама-Веда; из богов Я Васав; (Индра); из чувств Я Манас, в существах Я — сознание;
23. Из Рудров Я Шанкара; из якша-ракшасов Я (Кубера) Владыка Сокровищ; из Васу Я Пávaка; из гор Я Меру.
24. Из домашних жрецов знай Меня, о Партха, как главного Брихаспати; из полководцев Я Сканд; из водовместилищ Я Океан.

25. Из великих риши Я Бхригу; из слов Я Единое
Бесконечное; из жертвоприношений Я жертва шепота
мантры; из устойчивых Я Хималая;
26. Из деревьев Я ашваттха; из довариши Я Нарада; Из
гандхарвов Я Читраратха; из блаженных Я мунн Капила;
27. Из коней знай Меня как Уччайшраву, возникшего из
амриты; из царственных слонов Я Айравата; из мужей
Я царь витязей;
28. Из оружий Я Ваджра; из коров Я Камадук; из
порождающих Я Кандарпа; из змиев Я Васуки
29. Из нагов Я Ананта; из обитателей вод Я Варуна; из
предков Я Арьяман; из вожатых Я Яма.
30. Из дайтев Я Прахлада, из счетчиков Я Время; из зверей
Я царь зверей; из птиц Я Вайнатея;
31. Из очистителей Я Ветер; из носящих оружие Я Рама;
из рыб Я Макара; из потоков Я Джахнави;
32. Я начало, конец, а также середина творений, Арджуна;
из наук Я есмь Учение о Высшем Атмане; Я речь
одаренных словом.
33. Из букв Я "А"; из сочетаний Я двойца; Я нескончаемое
время, Творец всюдупликий.
34. Я всеуносящая смерть; Я возникновение долженствующего
возникнуть; в женщинах Я слава, красота, речь, память,
рассудительность, стойкость, стыдливость.
35. Брихатсаман из гимнов; из размеров Я Гаятри; из месяцев
Я Маргаширша; из времен года Я время цветенья;
36. Из обманывающих Я игральные кости; Я великолепие
великолепных; Я победа, Я решимость, Я правд
а правдивых.
37. Из рода Вришни Я Васудова; из пандавов — Дхананджая;
из мунн Я Вьяса; из певцов Я Ушана-певец.
38. Я скипетр правителей; Я государственность стремящихся
к победе; Я безмолвие тайн; Я знание познающих.
39. То, что во всех существах есть семя, это — Я, о Арджуна;
и нет существа подвижного или неподвижного, которое
было бы лишено меня.
40. Нет конца Моим божественным Проявлениям, о
подвижник; так вкратце сказано Мной о разнообразных
силопроявлениях.
41. Все, что мощно, истинно, прекрасно, крепко, это все,
постигни, возникло из частицы Моего великолепия.

42. Но к чему Тебе эти многие знания, Арджуна? Установив этот совокупный (преходящий) мир одной частицей (Себя Самого), Я пребываю.

**ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ДЕСЯТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ
Й О Г А С И Л О П Р О Я В Л Е Н И Я**

Глава XI. ЙОГА СОЗЕРЦАНИЯ ВСЕЛЕНСКОЙ ФОРМЫ

Арджуна сказал:

1. Из благоволения ко мне слово о высочайшей тайне, познаваемой как Высочайший Атман, поведано Тобой, им рассеяно мое заблуждение.
2. Ибо Я в подробности слышал от Тебя о возникновении и исчезновении существ и о Твоем, о лотосоокий, непреходящем величии,
3. Таким, каким Ты сейчас Себя (описал), о великий Господь, вождю зреть Твой владычный образ, о Высочайший Дух (Пурушоттама).
4. Если Ты полагаешь, что я в состоянии его созерцать, о Повелитель, Владыка йоги, то яви Мне Себя, непреходящего.

Шри-Бхагаван сказал:

5. Видь, Партха, эти Мои формы стократные, тысячекратные, разнообразные, божественные, многоцветные, разнообразные статью.
6. Видь Адитьев, Васавов, Рудров, Ашвин, Марутов, видь многое, ранее невиданное, чудесное, о Бхарата.
7. Видь совокупно-стоящий здесь теперь весь (преходящий) мир с подвижным и неподвижным в Моем теле, Гудакеша, и иное, что (еще) хочешь видеть.
8. Но ты не можешь видеть Меня этими твоими глазами; божественные очи дарую тебе, видь Мою владычную йогу!

Санджая сказал:

9. Это сказав, о раджа, великий Владыка йоги, Хари, явил Партхе вссвышний, владычный образ,

10. С многочисленными устами, очами, многочисленными чудесными явлениями, многочисленными божественными убранствами, многочисленным божественным воздетым оружием,
11. Облаченный в божественные венцы и одежды, умощенный божественными мастями, всечудесный, пламенеющий, бесконечный, вездесущий, всоудуликий.
12. Если бы в небе разом возникли светы тысячи Солнц, эти светы походили бы на сияние того Махатмы.
13. Там в теле бога богов увидел тогда Пандава цельнокупно пребывающий весь мир, многократно разделенный.
14. Тогда, проникнутый изумлением, со вздыбившимися волосами, Дхананджая воззвал к богу, преклонив главу, сложив руки.

Арджуна сказал:

15. Вижу богов в Твоем теле, о боже, также множество разных существ, владыку Брамму, сидящего на лотосе-престоле, всех риши и божественных змиев.
16. Вижу Тебя с многочисленными руками, чревами, устами, глазами, везде бесконечно многообразного; ни начала Твоего, ни середины, ни конца также не вижу, о Владыка всеобразный.
17. Венчанного, со скипетром и диском, преисполненного блеском, пламенеющего во все стороны, вижу Тебя, трудноозримого, везде пламенеющего огнями, (стрелами) молний, неизмеримого.
18. Тебя подобает ведать как высочайшее Непреходящее; Ты высочайший кров Вселенной, Ты непреходящий хранитель вечной Дхармы, Ты неизменный Дух (Пуруша), — так мыслю я.
19. Без начала, середины, конца, бесконечно мощного, с бесчисленными руками, лунно-солнцеокого вижу Тебя с устами, пламенеющими жертвенным Огнем, блеском своим озаряющего эту Вселенную.
20. Ибо то, что между Небом и Землей, преисполнено Тобою одним, также и все стороны света; узрев этот Твой чудесный, ужасающий образ, тройственный мир трепещет, о Махатма!
21. В Тебя вступают эти сонмы богов; другие, трепеща, славословят, сложив руки, восклицая: "Свасти!" — великие риши и сонмы совершенных воспевают Тебя великолепными песнопениями.
22. Рудры, Адиты, Васавы, Садхьи, Вишвы, Ашвины, Маруты, Ушмапы, сонмы гандхарвов, якшей, асуров, сиддхов взирают на Тебя в восторге.

23. Образ Твой великий с многочисленными зевами и очами, о мощнорукий, с многочисленными руками, бедрами, ступнями, с многочисленными туловищами, с многочисленными выступающими клыками, миры узрев, трепещут, также и я;
24. Касающегося Небес, сияющего, многоцветного, с разверзтыми зевами, с огромными пламенеющими глазами, увидя Тебя, трепещет до глубин (моя) душа, я не нахожу ни решимости, ни покоя, о Вишну.
25. Выступающие клыки Твои и зевы увидав, подобные пламени (всеуничтожающего) времени, я не узнаю сторон, не нахожу спасения; умилился, о владыка богов, прибежище мира.
26. Эти все сыновья Дхритараштры вместе со множеством властителей Земли, Бхишма, Дрона, также тот сын возникшего вместе с моими представителями войск
27. Вступают поспешно в Твои зевы с торчащими клыками, наводящими ужас, некоторые, повиснув между зубов, виднеются с разможенными головами.
28. Как рек многочисленные водные потоки спешат, стремятся, направляясь к океану, так и эти витязи человеческого мира вступают в Твои пламенеющие зевы,
29. Как мотыльки попадают в горящее пламя, гибелью завершая стремление, так на гибель вступают миры в Твои зевы, завершая стремление.
30. Отовсюду Ты облизываешь миры, их целиком поглощая пламенными устами; наполнив сиянием весь (преходящий) мир, Твой ужасный жар его накаляет, о Вишну.
31. Поведай мне, кто Ты, ужаснообразный, поклонение Тебе, о высший из богов, смилуйся, познать стремлюсь Тебя, изначального, ибо я не постигаю Твоих проявлений.

Шри-Бхагаван сказал:

32. Я есмь время (Кала), возрастая, я причиняю разрушение миру; для уничтожения миров Я здесь продвигаюсь; помимо тебя все они не будут (жить), те воины, которые стоят друг против друга в обеих ратях.
33. Поэтому восстань, достигай славы, победи врагов, наслались благоденствующим царством, ибо Мною раньше они были поражены, будь лишь орудием, как воин, стоящий слева.
34. И Дрону, и Бхишму, и Джаядратху, и Карну, а также других богатырей, Мною убитых, ты рази не колеблясь, сражайся, победи в борьбе соперников!

Санджая сказал:

35. Услышав эту речь Кешавы, сложив руки, трепеща, венценосец, совершив поклонение, снова так сказал
Кришне, заикаясь, боясь, трепеща, преклоняясь.

Арджуна сказал:

36. Достоин, о Хришикеша, о Твоей славе радуется (преходящий) мир и ликует; ракшасы в страхе разбегаются по сторонам, и все сонмы блаженных преклоняются.
37. Как же им не славить Тебя, о Махатма, более великий, чем Брахма, Первотворец, бесконечный, Владыка богов, Мировдержец, вечное Бытие и Нсбытие, которое есть запредельное То.
38. Ты изначальный бог, Пуруша, Древний; Ты высочайшее прибежище мира, Ты познающий и познаваемое, высочайшая обитель, Тобой распространена Вселенная, о бесконечнообразный.
39. Ты Ваю, Яма, Агни, Варуна, Луна, Владыка существ и Предок; слава Тебе да будет тысячекратная, и снова и больше слава и слава Тебе.
40. Слава Тебе с Востока и с Запада, слава Тебе отовсюду; Ты все; бесконечна Твоя мощь, неизмеримо движение, Ты все проникаешь, ибо сам Ты Все.
41. Считаю за друга, если я дерзновенно говорил: "Эй, Кришна, эй, Ядава, эй, товарищ", — не зная этого Твоего величия, вследствие беспечности или (дружеского) влечения,
42. Иль ради шуток Ты не был почтен при прогулке, при лежании, сидении, вкушении пищи, наедине, о Ачьюта (Бессмертный), и даже при свидетелях, это прости Мне, о неизмеримый.
43. Ты Отец мира подвижного и неподвижного, Ты его учителя почтенней; подобного Тебе нет и превосходящего Тебя нет никого иного в трех мирах, о непревосходимо мощный.
44. Поэтому поклоняюсь, простирая тело, умоляю Тебя, владыка достохвальный; как отец к сыну, как друг к другу, как возлюбленный к возлюбленной, о боже, соблаговоли быть терпеливым (ко мне).
45. Невиданное раньше узрев, я возрадовался; от страха трепещет мое сердце (Манас); тот яви мне, боже, образ, смилуйся, Владыка богов, Мировдержец.
46. Венчанного, со скипетром, с диском в руке — таким я хочу лицезреть Тебя, в том образе четырехруком будь, о тысячерукий, всеобразный.

Шри-Бхагаван сказал:

47. По милости Моей, Арджуна, тобой был созерцаем этот Мой высший образ (в силу) Моей йоги, преисполненный славы, всеобщий, бесконечный, изначальный, в котором, помимо тебя, никто не созерцал Меня.
48. Ни посредством Всд, ни посредством жертв, ни посредством изучения, ни посредством обрядов, ни посредством суровых подвигов в этом образе (не) возможно созерцать Меня в мире человеческом (кому-либо), помимо тебя, о витязь среди куру!
49. Не скорби, не теряй рассудка, лицезрев тот Мой ужасающий образ; отогнав страх, с успокоенным сердцем снова созерцай этот (другой) Мой образ.

Санджая сказал:

50. Так сказав Арджуне, Васудэва явил снова Свой образ; Махатма успокоил его (Арджуны) страх, являсь снова в своем кротком образе.

Арджуна сказал:

51. Увидев этот человеческий образ Твой кроткий, о Джанардана, теперь Я снова прихожу в Себя, в Свое сознание и в свое естество.

Шри-Бхагаван сказал:

52. Ты увидел тот Мой образ, который трудно созерцать; даже боги постоянно жаждут созерцать тот образ,
53. Ни через Веды, ни через подвиги, ни через дары, ни через жертвоприношения нельзя таким созерцать Меня, каким ты созерцал Меня.
54. Но нераздельным благоговением (бхакти) можно Меня таким, о Арджуна, познавать, созерцать и воистину достигнуть, о подвижник!
55. Кто совершает Мое дело, (ставит) Меня высшей (целью), предан Мне, отрешен от привязанностей, не враждебен ко всем существам, тот идет ко мне, Пандава.

**ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ**

**Й О Г А С О З Е Р Ц А Н И Я
В С Е Л Е Н С К О Й Ф О Р М Ы**

Глава XII. ЙОГА БХАКТИ

Арджуна сказал:

1. Те, которые так постоянно преданы, Твои поклонники, тебя почитают, также которые Непреходящее, Непроявленное чтут, из них кто более сведущ в Йоге?

Шри-Бхагаван сказал:

2. В Меня погрузивших сердце, которые, постоянно преданные, Меня почитают, преисполненные глубочайшей веры, тех Я считаю наиболее преданными.
3. Но те, которые Непреходящее, Непременное, Непроявленное почитают, Вездесущее, Непредставимое Пребывающее на вершине, Непокоебимое, Прочное,
4. Укротившие все чувства, всегда с уравновешенным разумом, те также достигают Меня, радуясь благу всех существ.
5. Чрезмерен труд их, преданных сознанием Непроявленному, ибо пути Непроявленного трудно достигнуть воплощенному.
6. Тех же, кто от всех действий во Мне отрешился, (поставив) Меня высшей (целью) и нераздельной Йогой, размышляя обо мне, почитают (меня),
7. Тех, погруженных в Меня сознанием, скоро Я станююсь спасителем от океана самсары и смерти, о Партха.
8. Углуби в меня свое сердце (Манас), погрузи свой ум в Меня, так ты затем будешь пребывать во Мне и таким образом выше (самсары), в этом нет сомнения.
9. Но если ты не можешь стойко погрузить в Меня мысли, то старайся достичь Меня усилием (Йогой) упражнения, Дхананджая.
10. Если и на упражнения ты не способен, то совершай дела Меня ради; совершая действия ради Меня, ты достигнешь совершенства.
11. Но если и действовать ты не способен, то, предавшись единению со Мною, осуществляя прилежно отречение от плодов всех действий.
12. Ибо знание лучше упражнения, размышление (дхьяна) лучше знания, отречение от плодов действий лучше размышления; от отречения непосредственно происходит мир.
13. Без ненависти к существам, милосердный, сострадательный, без собственности, без самости (нирахамкара), равный в горе и радости, терпеливый,

14. Удовлетворенный, постоянный, в единении, самоуглубленный, твердый в решениях, вручивший Мне сердце (Манас) и разум (Буддхи), кто предан Мне, тот дорог мне.
15. От кого мир не отвращается и кто не отвращается от мира, кто свободен от радости, нетерпенья, страха, волнения, тот дорог Мне.
16. Неотвлекающийся, чистый, решительный, хладнокровный, непричастный унынию, покинувший всякие начинания, кто предан Мне, тот дорог Мне.
17. Кто не радуется, не ненавидит, не тоскует, не вожделеет, покинувший хорошее и нехорошее, благоговейный, тот дорог Мне.
18. Равный к недругу и другу, равнодушный к почести и презрению, равнодушный к холоду, жару, приятному и неприятному, свободный от привязанностей,
19. Равнодушный к порицанию и восхвалению, молчаливый, удовлетворенный, что бы ни случилось, бездомный, стойкий в помыслах, благоговейный, он друг Мне.
20. Те, кто эту бессмертную Дхарму, которая (здесь) изложена, чтят, приспосабливая веры, имеющие Меня высшей (целью), благоговейные, те Мне очень дороги.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

Й О Г А Б Х А К Т И

Глава XIII. ЙОГА РАСПОЗНАВАНИЯ МЕЖДУ ПОЛЕМ И ПОЗНАВШИМ ПОЛЕМ

Арджуна сказал:

- 1а. Пракрити и Пурушу, Поле и познавшего Поле, это я хочу познать, знание и предмет знания, Кешава.

Шри-Бхагаван сказал:

1. Это тело, Каунтея, именуется Полем; того, кто его познает, сведущие именуют: познавший Поле.
2. Знай меня как познавшего Поле во всех Полях, Бхарата; знание Поля и познавшего Поле это — мудрость, я считаю.

3. Это Поле, каково оно, какого рода, каковы его изменения, откуда оно, кто Он, какова его мощь, — это услышишь от меня в общем.
4. Ришами (это) многократно воспето в различных гимнах, особенно обстоятельно в доказательных стихах
Брахмасутры.
5. Великие элементы, принцип личности, разум и одиннадцать (органов) чувств (индрий), непроявленная (природа) и пять пастбищ чувств;
6. Влечение, отвращение, приятное, неприятное, сочетания, сознание, крепость — вот поле с (его) изменениями
вкратце перечислено.
7. Смирение, честность, невреждение, терпение, искренность, почитание учителя, чистота, стойкость, самообладание,
8. Отвращение от предметов чувств, отсутствие себялюбия, понимание страдания рождения, смерти, старости, болезни,
9. Отрешенность, отсутствие привязанности к сыну, жене, дому и прочему, постоянная уравновешенность мысли, в желанных и нежеланных событиях
10. Неизменное почитание меня безраздельной преданностью (йогой), пребывание в уединенном месте, отсутствие удовольствия в обществе людей,
11. Постоянство в познании Высшего Атмана, постижение цели истинного знания — это называется знанием, все остальное — неведение.
12. Что подлежит познанию, это я тебе сообщу; познав это, достигают бессмертия, безначально высшее Брахмо; оно определяется ни как Сущее, ни как Не Сущее.
13. Оно имеет везде руки, ноги, везде глаза, головы, лица, везде уши; охватывая все, оно пребывает в мире.
14. Сверкая качествами всех чувств, лишненное всех чувств, непривязанное, однако поддерживающее все
бескачественное и наслаждающееся качествами;
15. Вне и внутри всех существ, подвижное и неподвижное, Оно не познаваемо вследствие тонкости; оно далеко и близко.
16. Не распределенное в существах, оно пребывает как бы распределенным; его следует знать как носителя существ, пожирателя и производителя.
17. Оно — свет светов, оно именуется потусторонним тьме; знаньем, целью познания; достигаемое познанием, оно пребывает в сердце всякого.

18. Так вкратце объяснено Поле, знание и предмет знания;
Мой бхакта, постигнув это, вступает в Мое бытие,
19. А Праkritи и Пуруша, знай, оба безначальны; изменения
же и качества, знай, происходят от Праkritи.
20. Праkritи именуется причиной цели, основания и
деятельности; Пуруша именуется причиной вкушения
приятного и неприятного,
21. Ибо Пуруша, пребывая в Праkritи, наслаждается
качествами (гунами), рожденными Праkritи; его
привязанность к качествам — причина рождений в
хороших и дурных лонах.
22. Созерцающий, соглашающийся, носитель,
наслаждающийся, великий Господь (Махешвара), высший
Атман — так именуется в этом теле Высочайший Дух
(Пуруша).
23. Кто знает Пурушу и Праkritи вместе с качествами
(гунами), хотя и продолжает существовать, он больше
не возрождается.
24. Некоторые посредством сосредоточенья созерцают сами в
себе Атмана, другие через усилие мысли (Санкхья-йогу),
а иные через усилия действия (Карма-йогу).
25. Некоторые же, не зная этого, слушая других, почитают
(Атмана); даже они превозмогают смерть, преданные
Шрути (вероучению).
26. Где бы ни зарождалось какое-либо существо, неподвижное
или подвижное, знай, это происходит от соединения поля
с познающим полем, о бык среди Бхарат.
27. Кто видит величайшего Господа, равно пребывающего во
всех существах, непреходящего в преходящем, тот
(воистину) видит.
28. Равно прозревая везде равно пребывающего Господа, он
не вредит сам себе и так идет высочайшим Путем.
29. Ибо, кто видит, что все действия выполняются Праkritи
и что Атман бездеятелен, тот (воистину) видит;
30. Когда он прозревает, что бытие отдельных существ
пребывает в Едином, от него происходит, тогда он
приходит к Брахмо.
31. Безначальный, бескачественный, высший Атман,
испреходящий, пребывая в теле, о Каунтея, не действует
и не пачкается.
32. Как всепроникающее пространство (акаша) не
загрязняется вследствие (своей) тонкости, так и Атман,
пребывающий в каждом теле, не загрязняется.
33. Как единое Солнце озаряет весь этот мир, так и Владыка
Поля озаряет все Поле, о Бхарата.

34. Те, кто очами мудрости прозревают разницу между полем и Познавшим Поле и освобождение существ от Праkritи, те идут к Высшему.

**ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ
ЙОГА РАСПОЗНАВАНИЯ МЕЖДУ
ПОЛЕМ И ПОЗНАВШИМ ПОЛЕ**

Глава XIV. ЙОГА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ТРЕХ ГУН

Шри-Бхагаван сказал:

1. Дальше тебе возведу знание, наивысшее из знаний, познав которое, все муні достигали высшего совершенства.
2. Опираясь на это познание, достигнув уподобления Мне, они не возрождаются при миропроявлении, при мирокончине не исчезают.
3. Мое лоно — великое Брахмо, в него Я влагаю семя, так совершается возникновение всех существ, Бхарата.
4. Тела, которые возникают во всех лонах, — великое Брахмо их лоно, Я же — дающий семя отец.
5. Саттва, раджас и тамас — вот качества, возникшие из Праkritи; они связывают, долгорукый, в теле непреходящего воплощенного.
6. Из них саттва ясное, здоровое связывает вследствие (своей) незагрязненности узами счастья и узами познания, о безгрешный.
7. Знай, что раджас по природе страстно, возникает от вожделения и пристрастия; оно связывает воплощенного, о Каунтея, узами действия.
8. Знай, что тамас рождается от неведения; оно вводит в заблуждение всех воплощенных, связывает беспечностью, тупостью, сном, ленью, Бхарата.
9. Саттва привязывает к счастью, раджас — к действиям, о Бхарата, а тамас, окутав знание, привязывает к беспечности.
10. Когда преодолены раджас и тамас, возникает саттва, о Бхарата, если раджас и саттва — то тамас, если тамас и саттва, тогда — раджас.

11. Когда во всех вратах этого тела возникает свет знания, тогда — должно знать — возрастает саттва.
12. Похоть, деятельность, предприимчивость в делах, беспокойство, вожделение — они порождаются, когда возрастает раджас, о тур-Бхарата.
13. Затемнение, бездеятельность, беспечность и заблуждение — эти порождаются, когда возрастает тамас, о радость куру.
14. Когда при возрастании саттвы приходит к кончине воплощенный, то он достигает чистых миров, присущих познавшим Высшее.
15. Страстные, придя к кончине, рождаются в узах кармы; когда же умирают темные, они рождаются в лонах заблудших (существ).
16. Чистый плод добрых дел именуется саттвичным; плод раджаса — страдание, неведение — плод тамаса.
17. От саттвы возникает познание; от раджаса — вожделение; беспечность, заблуждение возникают от тамаса, также — неведение.
18. Пребывающие в саттве идут вверх; посередине стоят страстные; пребывающие в состоянии последней гуны, вниз идут темные.
19. Если созерцающий не видит иного делателя, кроме гун, и знает Высшее над гунами, то он вступает в мое бытие.
20. Воплощенный, превзойдя эти три гуны, дающие начало телу, освобожденный от рождения, смерти, старости и страдания, вкушает бессмертие.

Арджуна сказал:

21. Каков признак превзошедшего эти три гуны, о владыка? Как он поступает и как он эти гуны превозмогает?

Шри-Бхагаван сказал:

22. Если он озарения, деятельности и даже заблуждения, о Пандава, не ненавидит, когда они приходят, и не желает их, когда они уходят,
23. Пребывая безучастным; если он не колеблется гунами — “гуны вращаются”, — сказав, если он остается в стороне и не шевелится,
24. Равный в страдании и удовольствии, (если он) остается замкнутым в себе, равный к камню, кому земли, золоту, равный к приятному и неприятному, стойкий, равный к порицанию и похвале.
25. В чести и бесчестии равный, равный к дружественной и враждебной стороне, (если он) покидает все начинания, то он именуется преоборовшим гуны.

26. Кто меня почитает непоколебимой преданностью благоговения (Бхакти-йога), тот, превзойдя эти гуны, готов стать Брахмо.
27. Ибо Я есмь обитель Брахмо, бессмертного и непреходящего, вечного Закона (Дхарма) и бесконечного блаженства.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ
ЙОГА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ТРЕХ ГУН*

Глава XV. ЙОГА ВЫСОЧАЙШЕГО ДУХА

Шри-Бхагаван сказал:

1. С корнями вверх, с ветвями вниз ашваттха считается непреходящим; гимны — его листья, кто его знает, тот знаток Вед.
2. Вверх и вниз простираются его сучья, возникшие из гун; объёкты (чувств) — (его) побеги; вниз также тянутся его корни, связующие кармой в мире человеческом.
3. Ни такого его вида здесь не постигнуть, ни конца, ни начала, ни также опоры; этого ашваттхи очень разросшиеся корни крепким мечом непривязанности срезав.
4. Нужно стремиться к тому Пути, вступив на который, больше не возвращаются; Я привожу к тому Безначальному Духу, от которого произошло древнее (миро) проявление.
5. Без гордости и заблуждения, победив грешные привязанности, постоянно пребывая в Высшем Атмане, отстранив вожеление, свободные от двойственности, привязанности к приятному и неприятному, шествуют незаблуждающиеся по тому вечному Пути.
6. Там не сияет ни Солнце, ни Луна, ни Огонь; вступив туда, не возвращаются; это — моя высшая Обитель.
7. Лишь частица меня в мире живых, став вечным дживой (индивидуальной душой), привлекает находящиеся в Пракрити чувства (индрии), (из которых) шестое — Манас.

8. Когда принимает тело или когда покидает (его) Ишвара, захватив их, уносит, как воздух запахи с их местонахождения.
9. Слухом, зрением, осязанием, вкусом, также обонянием и Манасом овладев, Он наслаждается предметами чувств.
10. (Его), исходящего, пребывающего, наслаждающегося, окруженного гунами, не видят безумцы; видят очи мудрости.
11. Подвизающиеся йогины также видят его, пребывающего в (их) я, а неразумные, несовершенные духом, даже подвизаясь, его не видят.
12. Сияние, которое исходит от Солнца, озаряя весь (преходящий) мир, также от Луны, от Огня, знай, — это мое сияние.
13. Войдя в Землю, Я поддерживаю (Своей) силой существа; Я взращиваю все растения, став вкусоносящим сомой (соком).
14. Став огнем Вайшванарой, входящим в тела живых, соединясь с праной и апаной, Я персвариваю четвероякую пишу.
15. Я пребываю в сердце каждого; от Меня — память, знание и суждение; Я то, что познается через все Веда; Я — творец Веданты, а также Я — знаток Вед.
16. Два есть Пуруши в мире: преходящий и непреходящий; преходящий — во всех существах, непреходящий именуется стоящим на вершине.
17. Но Высочайший Пуруша иной, именующийся Запредельным Атманом; обладая тремя мирами, он (их) поддерживает, непреходящий Господь.
18. Так как Я превосхожу преходящее, а также выше непреходящего, то в мире и в Веде утверждён, как Пурушоттама (Высочайший Дух).
19. Кто Меня, незаблуждающийся, так знает, как Пурушоттаму, тот, знающий все, почитает меня всем существом, Бхарата.
20. Так, сокровеннейшее учение это поведано Мною, о безгрешный; постигший Его становится мудрым, совершившим (все), подлежащее совершению, Бхарата.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

Й О Г А В Ы С О Ч А Й Ш Е Г О Д У Х А

Глава XVI. ЙОГА РАСПОЗНАВАНИЯ МЕЖДУ БОЖЕСТВЕННОЙ И АСУРИЧЕСКОЙ УЧАСТЬЮ

Шри-Бхагаван сказал:

1. Бесстрашие, чистота душевная, стойкость в познании, в йоге, щедрость, самообладание, жертвенность, приношение жертв, прилежание, подвижничество, прямота,
2. Невреждение, праведность, безгневность, отрешенность, умиротворенность, отсутствие коварства, сострадание к существам, отсутствие алчности, мягкость, скромность, постоянство,
3. Бодрость, терпеливость, стойкость, чистота, незлобливость, отсутствие самомнения — участь рожденных для божественной жизни, Бхарата.
4. Обман, гордость, самомнение, гневливость, грубость, также неведение — участь рожденных для (жизни) асуров.
5. Считается, что участь божественная (ведет) к освобождению, к узам — (участь) асуров; не скорби, ты родился для божественной участи, Пандава.
6. Два рода существ есть в этом мире: божественный и асурический; о божественном сказано подробно, об асурическом внемли, Бхарата.
7. Асурические люди не знают ни действия, ни бездействия, у них нет ни чистоты, ни (правильного) поведения, ни правды.
8. Они говорят, что мир (преходящий) без правды, без основания, без Ишвары; возник не от причин и следствий, а ничем иным, как Камой.
9. Утвердившись в этих взглядах, губящие самих себя, малоумные, они рождаются злодеями, губителями (преходящего) мира, вредоносные.
10. Предавшись труднонасытимой похоти, преисполненные лжи, гордости и безумья, в ослеплении избирая ужасные начинания, живут (следуя) нечистым обычаям.
11. Предавшись бесчисленным, губительным мыслям, (поставив) высшей (целью) удовлетворение похоти, они думают: "Такова жизнь".
12. Связанные сотнями уз надежд, предавшиеся похоти и гнєву, они стремятся удовлетворить похоть, накапливая несправедные богатства.

13. "Это достигнуто мной сегодня, исполнения этого желания я (еще) достигну; это богатство мое, то будет моим в дальнейшем.
14. Этот враг убит мной, других я также убью; я владыка, я наслаждающийся, я достигший, сильный, счастливый.
15. Я богат; кто иной равен мне? Я буду приносить жертвы, буду одарять, буду наслаждаться", — так говорят ослепленные неведением.
16. Блуждая во множестве мыслей, запутавшись в сетях заблуждения, привязанные к усладам похоти, они попадают в нечистую преисподнюю.
17. Превозносящие себя, спесивые, преисполненные корысти, гордости и безумия, они приносят лицемерные жертвы, обманные, не предписанные законом.
18. Предавшись самости, насилию, гордыне, похоти, гневу, они ненавидят Меня в своих и чужих телах, строптивые.
19. Их, ненавистников, жестоких, ничтожнейших из людей, я постоянно в самсаре ввергаю в нечистые асурические лона.
20. Попав в лона асуров, затемняясь от рождения к рождению, не достигнув меня, о Каунтея, они идут самым низким путем.
21. Трояки врата этой преисподней, губящие человека: похоть, гнев и жадность; поэтому нужно отрешиться от этих трех.
22. Человек, освободившийся от этих трех врат тьмы, о Каунтея, творит собственное благо и таким образом достигает Высшего Пути.
23. Кто же, отвергнув предписание закона, живет по (своей) прихоти, тот не достигает ни совершенства, ни счастья, ни Высшего Пути.
24. Поэтому да будет Писание (Шастры) твоим мерилом, устанавливающим, что должно и чего не должно делать. Познав предписание Шастр, ты должен совершать дела.

**ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ**

**ЙОГА РАСПОЗНАВАНИЯ
МЕЖДУ БОЖЕСТВЕННОЙ И
АСУРИЧЕСКОЙ УЧАСТЬЮ**

Глава XVII. ЙОГА ТРОЯКОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВЕРЫ

Арджуна сказал:

1. Те, которые, отвергнув предписания закона (Шастр), преисполненные веры, совершают жертвы, тех каково состояние, о Кришна, — саттва, раджа или тамас?

Шри-Бхагаван сказал:

2. Троякой бывает вера воплощенных, рожденная их собственной природой: саттвичная, страстная и темная;
Об этом внемли.
3. Сообразной с сущностью каждого бывает (его) вера, Бхарата, человек образован верой: какова его вера, таков он.
4. Саттвичные (люди) приносят жертвы богам, страстные — якша-ракшасам, остальные же, темные люди, жертвуют покойникам бхутов.
5. Люди, совершающие ужасное самонистязание, не предписанное законом (Шастрами), преисполненные лицемерия и самости, обуреваемые похотью, страстью, насильничеством,
6. Безумные, они мучат находящиеся в теле стихии и Меня, пребывающего в недрах их тел; их решение, знай, от асуров.
7. И пища, приятная для всех, бывает троякой, равно как и жертва, аскеза, дары; об этом различии внемли.
8. Пища, повышающая долголетие, крепость, силу, здоровье, бодрость, хорошее самочувствие, сочная, маслянистая, укрепляющая, вкусная дорога саттвичным (людям).
9. Острая, кислая, соленая, слишком горячая, возбуждающая, сухая, обжигающая пища любя страстным, причиняющая страдание, тяжесть, болезнь.
10. Испорченная, безвкусная, вонючая, переночевавшая, оставшаяся (от трапезы), негодная для жертвы пища дорога темным.
11. Жертва, приносимая по закону нежелающими плодов, с сердцем, расположенным так: "должно жертвовать", эта (жертва) саттвична.
12. Но если жертва приносится ради плодов, лицемерно, такая жертва страстна, знай это, лучший из Бхарат.
13. Беззаконная жертва, без раздачи пищи, без мантр, без даров, без веры рассматривается как темная.
14. Почитание богов, дважды рожденных, наставников, мудрецов, чистота, прямота, целомудрие, невреждение именуется тапасом тела.

15. Речь, не вызывающая возбуждения, правдивая, приветливая и прилежное изучение писаний именуются тапасом речи.
16. Ясность сердца, кротость, молчаливость, самообладание, чистота жизни называются тапасом сердца (Манас).
17. Этот троякий тапас, совершаемый с величайшей верой, людьми, не стремящимися к плодам, преданными, считается саттвичным.
18. Тапас, совершаемый ради славы, гордости, почестей, лицемерно, называется здесь страстным, шатким, нестойким.
19. Тапас, совершаемый с безумными начинаниями, с мучением себя или ради гибели другого, считается темным.
20. Дар, даваемый без ожидания воздаяния, с мыслью "нужно давать", в (надлежащем) месте, времени, уважаемому лицу, такой дар считается саттвичным.
21. Если же он дается ради воздаяния или же имея в виду плоды, или неохотно, такой дар считается страстным.
22. Дар, который дается в ненадлежащем месте и времени недостойному, без уважения, с презрением — считается темным.
23. АУМ-ТАТ-САТ — таково по Писанию троякое обозначение Брахмо. От него издревле возникли Брахманы, Веды и жертвы.
24. Поэтому, произнося АУМ, всегда начинают обряды жертвоприношения, даров и подвигов, согласно предписаниям (Закона), знатоки Брахмо.
25. Произнося ТАТ, не помышляя о плодах, совершают различные обряды, жертвы и тапас, а также обряды приношения даров, стремящиеся к освобождению.
26. САТ также употребляется (для определения) истинного и благого; достохвальные дела также обозначаются словом САТ, о Партха.
27. Постоянство в жертве, тапасе, даре также обозначается (словом) САТ, также дела, совершенные Его ради.
28. А то, что в жертве, дарах, тапасе совершается без веры, называется "асат", о Партха, это — ничто и после смерти, и здесь.

**ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ
ЙОГА ТРОЯКОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВЕРЫ**

Глава XVIII. ЙОГА ОТРЕЧЕНИЯ

Арджуна сказал:

1. О Хришикеша, хотел бы я знать, долгорукий, подробно Сущность отрешения и отречения, губитель Кеши.

Шри-Бхагаван сказал:

2. Оставление желанных действий вещи именуют отречением (санньяса); оставление плодов всех действий мудрые называют отрешением.
3. Действия следует оставить как зло, говорят некоторые мыслители; другие же (считают), что действия жертвоприношений, даров и аскезы не следует оставлять.
4. Мое решение об этом отрешении выслушай, о лучший из Бхарат, ибо отрешение, о тигр среди людей, встречается трех видов.
5. Действие жертвоприношений, даров и совершения подвигов не следует оставлять, оно должно быть выполнено, ибо жертва, дар и умерщвление плоти — очистители для разумных.
6. Но эти действия подобает совершать, оставив привязанность и плоды; таково, о Пармхат, мое решительное и окончательное утверждение.
7. От установленных действий не подобает отказываться, такое отрешение — от заблуждения — считается темным.
8. "Это зло", кто так (мысля) оставляет действие, как страдание, из боязни телесных бедствий, тот, совершив страстное отречение, не получит плодов отречения.
9. "Подлежит выполнению", — кто так совершает необходимые действия, Арджуна, отрешась от привязанностей и плодов, отрешение того саттвично.
10. Отрешенный не ненавидит неприятные действия; не привязывается к приятному, преисполненный саттвой, мудрый, расторгший сомненья.
11. Ибо воплощенный не может окончательно покинуть действия; кто отрешился от плодов действия, тот считается отрешенным.
12. Нежелательный, желательный и смешанный — таков тройкий плод действия после смерти для неотрешенного; для отрешенного нет никакого.
13. Пять причин, осуществляющих каждое действие, долгорукий, узнай от меня, они выявляются размышлением (санкхья):

14. Предмет, деятель, разного рода органы, также различные отдельные побуждения, наконец, пятая — божественная воля.
15. Какое бы действие ни предпринимал человек словом, телом, Манасом, праведное или наоборот, причина его (действия) эти пять.
16. Итак, кто, неразумный, считает, что он один действует, тот, худоумный, не видит.
17. Чья же сущность не самостна, чей разум не запятнан, тот, даже убив этих людей, не убивает и не связывается.
18. Знание, предмет знания, познающий — тройкое побуждение к действию; причина, действие, деятель — тройственная сумма действия.
19. Знание, действие, деятель считаются тройкими по (тройственному) различению качеств в перечислении качеств; так слушай об этом.
20. То знание, которое видит во всех существах Единую Сущность, непреходящую, неразделенную в раздельном, знай, саттвично.
21. То знание, которое вследствие разделенности признает во всех существах разные отдельные сущности, знай, страстно.
22. То же (знание), которое без основания привязано к единичной цели (карья) (как к всеобщей), не имеющее целью истину, ничтожное, считается темным.
23. То действие, которое предписано, лишено привязанности, совершается бесстрастно, без ненависти нежелающим плодов, называется саттвичным.
24. Действие же, которое совершается желающим (исполнения) вожделения, с себялюбием, а также с большим усилием, считается страстным.
25. Действие, предпринятое вследствие заблуждения, без внимания, к последствию, ради гибели, вреда, грубое, считается темным.
26. Делатель, свободный от привязанности, несебялюбивый, преисполненный твердости и решительности, неизменный при достижении и несудаче, называется саттвичным.
27. Возбуждимый, вожделеющий плодов дел, завистливый, себялюбивый, нечистый, подверженный радости и горю, (такой) делатель называется страстным.
28. Непреданный, грубый, упрямый, лживый, коварный, тупой, малодушный, медлительный деятель называется темным.

29. О тройком различении разума (Буддхи), а также стойкости по гунам внимаю изложенному исчерпывающе и подробно, о Дхананджая.
30. Разум, который знает (правильное) начинание и прекращение и не подлежащее выполнению, опасность и безопасность, узы и освобождение, саттеичен, о Партха.
31. Если же Дхарму и адхарму, подлежащее и не подлежащее совершению разум познает несоответственно, (то) он страстен, о Партха.
32. Разум же, окутанный тьмой, который принимает адхарму за Дхарму и все вещи извращенно, темен, о Партха.
33. Стойкость, которая сдерживает деятельность Манаса, жизненных сил (пран) и чувств (индрий) неуклонной йогой, она саттвична, о Партха.
34. Та же стойкость, Арджуна, с которой выполняется Дхарма, возделание, корысть, связанным, желающим плодов, эта стойкость, о Партха, страстна.
35. Та стойкость, которая не освобождает худоумного от сонливости, опасности, печали, обмана и заблуждения, она темна, о Партха.
36. Теперь внимаю о тройкой радости, тур-Бхарата: та, повторение которой радует и (которая) ослабляет страдание,
37. Которая сначала, как яд, впоследствии же подобна амрите, такая радость именуется саттвичной, рождена от ясности познания Атмана.
38. Радость соединения предметов с чувствами, которая сначала подобна амрите, впоследствии же — как яд, эта радость считается страстной.
39. Радость же, которая вначале и впоследствии ослепляет самосознание, возникающая от сонливости, тупости и беспечности, считается темной.
40. Нет на Земле и на Небе, ни даже среди богов, существа, которое было бы свободно от этих трех гун, рожденных природой.
41. Браминов, кшатриев, вайшьев и шудр, о подвижник, обязанности распределяются по гунам, возникшим из их собственной природы.
42. Спокойствие, самообладание, умерщвление плоти, чистота, терпение, правдивость, знание, осуществление знания, вера — обязанности браминов, рожденные их собственной природой.
43. Блеск, великолепие, стойкость, одаренность, храбрость в битве, щедрость, благородство — обязанности кшатриев, рожденные их собственной природой.

44. Земледелие, скотоводство, торговля — обязанности вайшьев, рожденные их собственной природой; дело служения есть обязанность шудр, рожденная их собственной природой.
45. Человек, удовлетворенный собственной обязанностью, достигает совершенства; как достигает совершенства радующийся собственным обязанностям (карма), об этом внемли.
46. Того, от которого произошли все существа, кем распространена Вселенная, почитая надлежащими делами, разумный (человек) достигает совершенства.
47. Лучше своя карма (выполненная) с недостатком, чем чужая карма, хорошо выполненная; выполняющий предписанную своей природой карму (человек) не совершает греха.
48. Врожденную карму, Каунтея, даже сопряженную с грехом, не подобает оставлять, ибо все начинания окутаны грехом, как огонь дымом.
49. Совершенно непривязанный сознанием (Буддхи) преоборовший себя, отрешенный от вожделений, достигает запредельного совершенства неделанья через отречение (санньяса).
50. Как достигший совершенства достигает тогда Брахмо, об этом вкратце узнай от меня, Каунтея; это — крайняя вершина знания.
51. С просветленным разумом, стойкостью обуздав себя, покинув звук и прочие предметы чувств, отстранив влечение и ненависть.
52. Пребывая в одиночестве, умеренный в пище, обуздавший речь, плоть и Манас, постоянно преданный упражнению (йоге), в размышлении погружаясь в бесстрастность,
53. Освобожденный от самости, насильничества, заносчивости, вожделений, гнева, собственности, отказавшийся от я, умиротворенный — достоин стать Брахмо.
54. Став Брахмо, просветленный духом не печалится, не вожделеет, равный ко всем существам, он достигает высочайшего благоговения ко Мне.
55. Благоговением он познает Меня, каков Я поистине; познав Меня поистине, он погружается непосредственно в То.
56. Хотя и совершая всегда всякие дела, ищущий прибежища у Меня, Моей милостью достигает вечного и непреходящего состояния.
57. Сознанием предоставив все дела Мне, поставив Меня высшей целью, предавшись (упражнению) в йоге мудрости, размышляй обо Мне постоянно.

58. Размышляя обо Мне, ты преодолешь по Моей милости все трудности, если же ты из своеволия (аханкара), не слушаешь, ты погибнешь.
59. Если, предавшись своеволию, ты думаешь: "Я не буду сражаться", — тщетно твое решение, ты вовлечешься (своей) собственной природой.
60. Связанный, о Каунтея, своей кармой, рожденной собственной природой, ты сделаешь помимо воли то, чего по заблуждению не хочешь делать.
61. Господь пребывает в сердце каждого существа, Арджуна, вращая все существа (силой) своей Майи, как на колесе гончарном.
62. Итак, войди под Его кров всем существом, Бхарата; Его милостью ты получишь вечный мир и высшую обитель.
63. Так возведено тебе Мною знание более тайное, чем (сама) тайна; обдумай это окончательно (и) тогда поступай, как хочешь.
64. Снова внимай Моему всетайнейшему, последнему слову, ты желанен Мне очень, поэтому скажу тебе на благо.
65. Размышляй обо Мне, благоговей (предо) Мною, жертвуй Мне, Мне поклоняйся; так ты достигнешь Меня, воистину Я обещаю тебе, ты дорог Мне.
66. Оставив все обязанности, ищи у одного Меня прибежища, Я освобожу тебя от всех грехов, не скорби.
67. Это слово не сообщай ни тому, кто не совершает подвига, ни неблагоговейному, ни строптивому, ни злословящему Меня.
68. Кто эту высочайшую тайну передаст Моим поклонникам, совершив (так) наивысшее поклонение Мне, тот, несомненно, достигнет Меня.
69. Из людей нет никого Мне более угодного, чем такой, и нет на земле другого, кто был бы Мне его дороже.
70. Если кто будет изучать эту святую беседу нашу, тот принесет Мне жертву жертвой мудрости, так Я считаю.
71. Даже человек, который будет внимать (этому) с верой и безропотно, он также, освободившись, достигнет прекрасных миров праведников.
72. Внял ли ты этому, Партха, сосредоточенной мыслью? Исчезло ль твое несведеньем рожденное заблуждение, Дхананджая?

Арджуна сказал:

73. Уничтожено заблуждение, мной получено наставление (смрити) по Твоей милости, Непреходящий; я стою; исчезло сомнение. Я исполню Твое слово.

Санджая сказал:

74. Так Васудэвы и великодушного Партхи я выслушал эту беседу, удивительную, приводящую в восторг.
75. Милостью Вьясы выслушав эту высочайшую Тайну, йогу от самого Владыки йоги, Кришны, возведенную Им лично,
76. О раджа, вспоминая и вспоминая эту святую чудесную беседу Кешавы и Арджуны, я радуюсь из мгновенья в мгновенье.
77. Также вспоминая (и) вспоминая этот наичудеснейший образ Хари, я весьма восхищаюсь, о раджа, радуюсь снова и снова.
78. Где Владыка йоги Кришна, где лучник Партха, там благо, победа, удача, постоянная праведность; так думаю я.

*ТАК В ДОСТОСЛАВНЫХ УПАНИШАДАХ СВЯТОЙ
БХАГАВАДГИТЫ, УЧЕНИИ О БРАХМО, ПИСАНИИ
ЙОГИ, В БЕСЕДЕ ШРИ-КРИШНЫ И АРДЖУНЫ
(ГЛАСИТ) ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА, ИМЕНУЕМАЯ*

*Й О Г А О Т Р Е Ч Е Н И Я
ТАК КОНЧАЕТСЯ БХАГАВАДГИТА*

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I

1. 1. *Дхритараштра* сказал — старый раджа Кауравов, дядя Пандавов и отец Дурйодханы, слепой Дхритараштра спрашивает своего возничего Санджаю о происходящем на поле битвы. Мудрец Кришна-Двайпаяна, отец и учитель Дхритараштры, наделил Санджаю способностью ясновидения: он может издали следить за происходящем на поле сражения и передаёт радже, что видит и слышит. Всё дальнейшее — рассказ Санджай Дхритараштре. В Гите изложено в форме диалога философско-религиозное учение вишнуитов. Диалог пользовался большой популярностью в Индии. Даже некоторым Упанишадим придана такая форма (ср. Чхандогья и Прашна Упанишад). Для позднейших памятников она является господствующей.

В диалоге обычно участвует учитель, часто божественный, и ученик, который тоже нередко божествен, реже — ученики. Очень популярны диалоги между божественной четой, причём не всегда роль учителя представляется мужской ипостаси: нередко поучает женская ипостась (Шакти).

По существу и Гита есть беседа супружеской четы, так как Кришна есть аватар Вишну-Нараяны (Нара), Арджуна же — воплощение Нары, женской ипостаси (Шакти) Нараяны, о чём Арджуне сообщает перед битвой сама Дурга.

Эти моменты интересны в том отношении, что они дают возможность проследить процесс слияния образов Кришны, Вишну и Бхагавана, в котором некоторые видят древнего бога пастушеских племён, аборигенов Индии, покорённых впоследствии арийскими завоевателями.

1. 1. *На поле дхармы* — Поле Куру есть неизвестная до сего времени местность в Индии, где происходило знаменитое сражение Бхаратов; оно называется "полем Дхармы"; последнее название можно перевести как "поле чести, доблести, закона...".

Народная память сохранила это название для местности близ Дели (древний Хастинапур). В Пуранах повествуется, что на этом поле в незапамятные времена было совершено великое жертвоприношение. Двойное название поля действия как бы символизирует двойственное значение поэмы: "историческое" (в смысле эпоса) и религиозно-философское; это последнее особенно подчёркивалось индийскими комментаторами, видевшими в Гите учение о путях достижения высшего духа (Пурушоттамы).

Слово *дхарма* в индийской философии обладает чрезвычайно многими значениями, не только существенно отличными в словоупотреблении разных философских школ, но и в зависимости от контекста даже в одном и том же произведении. Комментаторы определяют его так: "*dharayati iti dharma*", т.е. "поддерживает, а потому и называется "дхарма"—глагол "*dhar*" означает "поддерживать". Дхарма есть основа, опора, нравственная опора — закон, обычай, обязанность.

Философские школы Индии расширяют эти понятия до космического значения. Слово кшетра может употребляться также в прямом, обыденном смысле: "поле" и в философском, когда оно принимает характер термина, понимаемого различными философскими школами с различными оттенками, но в основном в значении "объект", Природа, материя; значение это уже

вполне выявлено в эпической Санхье и поздних Упанишадах (особенно в Майтри).

В Гите развитию этого понятия посвящена целая глава (XIII). Трудно думать, что такие важные для философского направления индийской мысли термины были случайно поставлены как начальные слова философского произведения. Скорее их надо рассматривать как своего рода "ключ" к произведению. Литературный приём начинать произведение с "ключа" не так уж редко встречается в философски-религиозных произведениях древности. Поле Куру, где сражались два близких рода за обладание царством, становится "полем Дхармы", здесь Шри Кришна, аватар Вишну-Пурешоттамы-Нарааяны, даёт наставления в "высшей мудрости" ученику, который есть его же собственная объективизация — "кшетра", "шакти", т.е. по существу он сам (ср. гл. X и в особенности шл. 20 и 37).

Так понимали Гиту из поколения в поколение вишнуиты, для которых эта книга являлась непреложным кодексом жизни.

Курукшетра есть одно из самых священных мест в Индии; названо оно так и потому, что здесь родоначальник Куру приносил жертвы и совершал аскезу. Оно также называется "Брахмакшетра", т.к. здесь риши приносили жертвы Сарасвати. В Шатапатха Брахмане (IV, 2) сказано: "Агни, Индра, Сом, Вишну, Микха и все другие боги, за исключением Ашвин, присутствовали при жертвоприношении. Курукшетра было место, где совершались жертвы, поэтому говорят, что Курукшетра есть место, где боги совершают жертвоприношения".

Таков смысл, вкладываемый индийской традицией в это слово, его нужно знать, чтобы уловить основной символизм Гиты.

I, 1. *Что сделали мои* — хотя обе сражающиеся стороны и принадлежат к роду Куру в широком смысле слова (почему Кришна и обращается иногда к Арджуне, как к Куру), однако, в узком смысле название "Куру" присваивается прямым потомкам Дхритараштры, сторонникам сына Дхритараштры, Дурйодханы, на которого возлагается вина за развязывание войны; сторонники братьев Пандавов именуются "Пандавы". Дхритараштра спрашивает Санджаю, что происходит на поле Куру в данный момент, так что употреблённое в стихе прошедшее время является известной поэтической вольностью.

I, 2. *Дурйодхана* — "Трудноодолимый" по переводу БПС. Лоринзер переводит "Дурносражающийся", поясняя, что такое имя надо понимать не в том смысле, что Дурйодхана плохой, трусливый воин, а в том, что приёмы его борьбы нечестны, коварны. Во мн. др. местах Махабхараты это имя читается как "Суйодхана" — "Легкоодолимый" или "Хорошо сражающийся". Лоринзер полагает, что имя Дурйодханы было впоследствии заменено сторонниками Куру на имя "Суйодхана", и видит в такой замене доказательство, что позднейшая редакция всей поэмы была переработана в направлении обеления каурвов. Другие же исследователи дают противоположное толкование, принимая "Суйодхана" за первичное имя, видя в этом доказательство теории, утверждающей, что первичная редакция Махабхараты принадлежит сторонникам Куру. В подтверждение такого взгляда приводятся рассказы Махабхараты о коварных приёмах братьев Панду против их врагов, о кровожадности Бхимы — Волчьего Брюха (Врикодара) и пр. Нужно сказать, что доводы эти не отличаются убедительностью. Ведь нельзя же сомневаться в греческом происхождении Одиссея только на том основании, что в поэме повествуется о коварных поступках "хитроумного мужа". Что же касается словоупотребления имени "Суйодхана", то небезынтересно заметить, что на военном совете, описанном которого начинается эпизод V книги "Бхагавадгиты", участники совета — братья Пандавы, Кришна — называют сына Дхритараштры Суйодханой явно в презрительном смысле.

Сторонники Дурйодханы никогда не называют его Суйодханой. Как бы там ни было, но в дошедшей до нас редакции Махабхараты Дурйодхана изображён с ярко отрицательными чертами.

В стихе 1, 23 Арджуна называет Дурйодхану "злокозненным" и говорит, что оба войска, вступая в битву выполняют его злую волю. Образ Дурйодханы можно понимать как символ Камы, о котором говорится в III, 37 и сл.

1, 2. *Наставнику* — в подлиннике употреблено слово "ачарья" — учитель, преподаватель вообще, тогда как "Гуру" означает "духовный учитель". В данном случае речь идёт о Дроне, воинствующем брамине.

Он учил ратному делу Дурйодхану и Пандавов. Арджуна был его любимым учеником. Важно отметить, что Дрона, несмотря на свою принадлежность к касте браминов, занимался ратным делом, которым, по законам Ману, надлежит заниматься только кшатриям, браминам же оно запрещается. Это обстоятельство можно использовать для хронологических соображений: можно думать, что в период создания Махабхараты, по крайней мере, первой её редакции, в частности Гиты, границы каст ещё не были твердо установлены, и представителю одной касты не вменялось в преступление выполнение занятия (дхармы) другой касты; по крайней мере, это касается высших (двух?) каст.

1, 3. *Сыном драупады* — вероятно, здесь говорится об Юдхиштхире или Арджуне, учениках Дроны и зятях Драупады. Легче предположить здесь некоторую вольность: употребление "сын" вместо "зять", чем думать, как это делают Томсон и Хилл, что речь идёт о Дхриштадьумне, сыне Драупады, брате жены Пандавов. Указание Томсона, что Дхритараштра был старшим со стороны Пандавов, неверно, так как в битве участвовал и сам Драупада, его отец. Махабхарата не уделяет руководящей роли Дхриштадьумне и не выдвигает его полководцем.

1, 4. *Юдхана* — "жаждущий битвы" — имя одного из сыновей Сатьяки, колесничего Кришны.

1, 4. *Вирата* — "Прекращение", "Конец" — раджа народа матсья: у Вираты братья Пандавы пробыли тайно тринадцатый год своего изгнания. Вирата отец жены сына Арджуны, Абхиманью.

1, 4. *Драупада* — "Деревянная колонна", "Стоял", "Основа" — князь панчалийцев, отец Дхриштадьумны и Кришны (ж.р. Krishnaa — "Черная"), чаще именуемой по отцу Драупади, то есть дочь Драупады; это — общая жена братьев Панду. Приложением к имени Драупада в данном стихе стоит "mahagatha" — "обладающий большой колесницей", "велико-колесничий", "большая колесница". Никхиланда поясняет, что "махаратха" называют воина, способного сразить 110000 лучников. Эпитет этот очень часто встречается в Эпосе; т.к. для русского читателя он звучит достаточно чуждо и не вызывает нужных ассоциаций, то его правильней будет передавать не по форме, а по смыслу: "славный воин". Драупада оскорбил Дрону и был им обезглавлен в битве.

1, 5. *Дхриштaketu* — "Отважный стяг" — имя одного раджи.

1, 5. *Чекитана* — "Разумный". Это эпитет Шивы и вместе с тем мужское имя, в данном случае одного раджи.

1, 5. *Кеши* или *Каши* — "Солнце" — древнее название Бенареса.

1, 5. *Пуруджит* — "Многopобедный"; брат Кунтибходжи, приёмного отца Кунти, матери Пандавов.

1, 5. *Кунтибходжа* — приёмный отец Кунти, матери сынов Панду.

1, 5. *Шайбья* — раджа народа шибхи.

1, 5. *Бык среди людей* — один из любимых эпитетов в эпосе.

1, 6. *Юдхаманью* — "Воодушевление, пыл битвы".

1, 6. *Уттамоджа* — "Крайне сильный"; "Могучий".

1. 6. *Сын Субхадры* — "Субхадра — младшая сестра Шри-Кришны, жена Арджуны; т.е., Субхадра есть метронимическое имя сына Арджуны Абхиманью.

1. 6. *Сыны Драупади* — т.е. дочери Друпеды Кришны (см. прим. 9), имевшей от каждого из братьев Пандавов по сыну.

1. 7. *Для сравнения* — некоторые переводчики опускают это выражение (напр., Сенар), другие же переводят его различно. Напр., Бюрнуф: "Pour le faire souvenir d'eux"; Дейссен: "Damit du sie kennst". С одним из этих оттенков передают это выражение Томсон, Леви, Теланг. Но ни тот, ни другой оттенок не вытекает из внутреннего смысла фразы. Особенно странно звучит, когда в числе витязей, с которыми "знакомит" или о которых "напоминает" Дурйодхана Дроне, на первом месте стоит сам же Дрона. Ясно, что такой перевод не передаёт смысла подлинника. Дурйодхана в решительный момент перед боем охватывает взором войска и советуется со своим наставником в ратном деле, Дроной, на которого он возлагает особые надежды; Дурйодхана мысленно взвешивает соотношение сил и выражает дальше (шл. 10) итог сравнения не в пользу своей стороны. Вот почему ему понадобилось перечислять выдающихся бойцов с обеих сторон, а не ради театрального "представления" их Дроне, который не мог их не знать или "забыть". В таком понимании разбираемое выражение получает силу и смысл: оно внутренне связано с единой нравственной идеей, с дальнейшим. Гита показывает, как разные психики по-разному отвечают на одно и то же явление.

"Злокозненный", как его называет Арджуна (шл. 1, 23), Дурйодхана, выбравший физическую силу полчищ и отвергший силу нравственную, Шри Кришну, с тревогой взвешивает силы, в его словах чувствуется страх и полное неумение видеть дальше грубых физических моментов. Арджуна также обозревает поле битвы, также обращается к учителю (Гуру), но плотный физический момент он умеет поднять на высоту огромной нравственной проблемы.

Слово "samjña" БПС переводит через "Einverständnis" в первом значении и через "Bewusstsein, eine klare Vorstellung" во втором, относя это последнее значение к данному месту Гиты.

1. 8. *Господин* — то есть Дрона, к которому обращается Дурйодхана. В подлиннике употреблено слово "bhavanī", буквально значащее "существующий" и употребляющееся как местоимение второго лица и конструкция третьего. Дурйодхана обращается к учителю и поэтому употребляет этот изысканно вежливый оборот.

1. 8. *Бхишма* — дядя слепого раджи Дхритараштры, отца Дурйодханы; как старшему в роде ему было поручено командование войсками, Бхишма — один из выдающихся представителей рода Куру; Махабхарата даёт его образ в очень положительных тонах. Шестая книга поэмы, включающая и Бхагавадгиту, называется "Книга Бхишмы". В XII книге даны предсмертные поучения Бхишмы, самый крупный философский текст поэмы, известный под названием "Мокшадхарма" — учение об Освобождении. Наряду с Гитой, с книгами Санатсуджата и Анугитой, Мокшадхарма является важным памятником ранней эпохи Санхьи.

1. 8. *Карна* — "Ушастый", "Чуткий" — сын Кунти, матери братьев Пандавов, но рождённый ею до замужества. Когда Кунти была девушкой, повествует в Махабхарате, один брамин сообщил ей мантру, инвокацию Сурьи (Солнца). Выйдя утром на террасу, девушка из любопытства произнесла мантру, и Сурья, привлечённый силой заклинания, явился и спросил о причине вызова. Девушка в смущении призналась, что совершила инвокацию просто из любопытства, чем вызвала гнев бога, поставившего ей условие: или наказание её и брамина, неосторожно сообщившего ей тайну

мантры простой, неподготовленной девушке, за злоупотребление мантрой, или же половое соединение с ним, богом Солнца. Кунти боится потери девственности, последующей кары и скандала, но Сурья оплодотворяет её, не нарушая девственности, и обещает ей, что и после родов она останется девушкой. Кунти рождает сына с золотым цветом кожи и в золотой броне, делающей его неуязвимым для врагов. Мать тайно уносит сына на реку и он, подобно Моисею, Кришне и некоторым другим героям древности, плывёт в корзине по реке; его находит возничий и усыновляет, почему Карна и получил эпитет "Сутапутра" — сын возничего. В Махабхарате повествуется также история, как Индра, легендарный отец Арджуны, хитростью получает от Карны его золотую броню, которую Карна вынужден содрать с себя, как кожу; т.е. он становится уязвимым для стрел Арджуны. Карна пылает особым гневом против братьев Пандавов и уже слишком поздно узнаёт, что это его братья. Это — могучий воин, способный, по мнению кауравов, один справиться с противником.

1. 8. *Крипа* — "Сострадательный" — получил это имя за особое проявление сострадания, качества столь высоко ценимого в Шастрах.

1. 8. *Ашваттхаман* — "Лошадиная сила" — один из сыновей Дроны, один из немногих Кауравов, уцелевших после битвы.

1. 8. *Викарна* — "Растопыренные уши?" (как признак хорошего домашнего животного?); "Безухий" — один из сыновей Дхритараштры.

1. 8. *Сомадатта* — "Данный Сомой". Это имя носили многие раджи.

1. 10. *Недостаточна Наша Сила* — разные переводчики по-разному понимают этот стих. Приведём несколько примеров.

Burnouf: "Nous avons une armee innombrable; mais la leur..."

Senart: "Limitee en nombre, c'est en Bhishma que notre armee a sa sauvegarde; leur armee a eux, sous la sauvegarde de Bhima est immense..."

Telang: "Thus our army... unlimited... while this army of theirs... is very limited".

Deussen: "Unzulänglich ist diese unsere Streikraft ... und zulänglich ist die Streitmacht yener..."

Thomson: "This army of mine is not sufficient..."

Levi: "Imparfaite est notre armee..."

Как видно из приведённых цитат, понимание текста может быть настолько разным, что граничит с противоположностью. С толкованием Сенара никак нельзя согласиться, так как оно противоречит повествованию Махабхараты о том, что Дурйодхана выбрал несметные полчища. Оригинально понимает Леви: Дурйодхана считает, что его войско "несовершенно" (некачественно), такое толкование вполне оправдано контекстом.

Анандагيري приводит различные толкования индийских схолистов, из этих цитат видно, что и в индийской традиции нет установленного понимания текста. Сам Анандагيري и приводимые им схолисты считают, что Дурйодхана утверждает, что его войско больше войска противника и руководимо более опытным вождём. Однако такое понимание согласуется со следующим стихом, где говорится, что Бхишма старается ободрить Дурйодхану, что вполне соответствует образу заносчивого, коварного, но трусливого Дурйодханы, каким его показывает Махабхараты.

Первичное значение слова "bala" — "сила", вторичное — "войско", так что русское и санскритское употребление в данном случае полностью совпадают. Перевод "bala" через "сила" позволяет легко переходить от конкретно-физических представлений к духовно-нравственным, что так характерно для Гиты. Бхишма как старший в роде считается лучшим полководцем, более сильным; Бхима же относительно молод, менее опытен и поэтому его воеводство ценится меньше.

I, 11. *Бхисму* — подлинник даёт довольно вычурный оборот, позволяющий разные толкования. Приведём примеры: Lorinser: "Aller überall wohl vertriebet in gueter Ordnung aufgestellt — solle Bhishma unterstützt nur der Tapfern Schaar, die Alledort".

Thomson: "And du yor, even all of you, drown up in all ranks of the army according to your grades atand even to Bhishma".

Burnouf: "Que chacun de vous dans leur rangs, garde la place qui lui est echue et tous defendez Bhishma".

Deussen: "Darum sollt ihr alle je nach eurer Ordnung, aufgestellt, bei allen Waffengängen euch um Bhishma geschart halten".

Telang: "And therefore do ye all occupying respectively the positions, assigned to you, protect Bhishma only".

Лоринзер поясняет: они должны прикрывать его, если он зайдёт слишком далеко во вражеское войско.

Теланг к слову "позиция" (положение) делает такое примечание: согласно комментариям Шридахры, слово "yathabhagya" означает "the ways of entrapment in a Vyuh or phalanx".

I, 12. *Родоначалник* — Бхисма (см. прим. 23). Бхисма был ранен в разыгравшемся сражении, но не захотел, чтобы ему вынули стрелу, так как тогда могло бы начаться кровотечение, и он мог бы погибнуть, не дождавшись священной половины года, когда умирают те, кому предстоит Освобождение (ср. гл. VIII, 23 и сл.). В тяжёлых мучениях он стойко ожидает конца и пользуется оставшимся временем для дачи философских поучений. Бхисма первый трубит в раковину, подавая сигнал начать битву, т.е., по толкованию Никхилананды, он признаёт Кауравов зачинщиками войны.

I, 12. *Полный доблести. Prataparan* — можно перевести "подвижник", как это делает Дейссен, т.к. Бхисма действительно изображается подвижником, "стойком".

I, 14. *Мадхава* — потомок Мадху: имя Кришны по роду отца. Этот эпитет можно перевести также, как "весенний", к весне относящийся, что вполне соответствует мифологическому образу Кришны.

I, 14. *Пандава* — сын Панду, в данном случае Арджуна.

I, 15. *Панчаджанья* — "Пятиствольная" — имя раковины Шри-Шанкары, которую он отнял у злого духа Панчаджаньи. По другому сказанию цевница была сделана из костей злого духа Панчаджаньи.

I, 15. *Хришикеша* — в понимании эпитета "Хришикеша" европейские исследователи расходятся с индийской традицией. На Западе этот эпитет рассматривается как равнозначный эпитету "Кешава" — "Волосатый", "Кудрявый", и его принято переводить в таком смысле. Так, напр., Дейссен переводит "der Struppige". Davis напоминает, что Кришна изображается со издыбленными волосами, проводит параллель между эпитетом Хришикеша Кришны и эпитетом Аполлона "aurikomos". В таком случае эпитет нужно поставить в связь с представлением о Солнце, с его лучами, подобными золотым волосам бога (ср. древнее название Бенареса "Каши" или "Кеши" — от "Солнце"; см. также прим. 12). Индийская традиция понимает эпитет как "Владыка чувств". Бхагавата Пурана применяет такой термин к уму, манасу (Бхагавата Пурана, IV, 24, 36), который является, согласно системе Санкхьи, "владыкой чувств".

I, 15. *Дэвадатта* — "Данная богом" — имя раковины Арджуны.

I, 15. *Дхананджая* — эпитет Арджуны, часто встречающийся в Махабхарате; он означает "Победитель", "Получающий добычу". Шлегель переводит: "qui dividat sibi victoriis compagaverat". Дейссен: "Beutemacher". Эпитет можно понимать и в переносном смысле.

I, 15. *Врикодара* — "Волчья пасть", "Волчье брюхо" — эпитет Бхимы (Бхимасены), второго по старшинству из братьев Пандавов. Он был очень

прожорлив, в чём его упрекает Юджихтира. Бхимасена, подобно Ахиллу, отличался большой вспыльчивостью.

1, 15. *Паундра* — "Сахарный тростник" — имя раковины Бхимы (Бхимасены). Все упомянутые раковины, как и разные др. предметы, особенно оружие, по древнему анимистическому принципу, носили собственные имена.

1, 16. *Анантавиджая* — "Бесконечно-победная" — имя раковины Юджихтиры. О Куити см. "Предисловие" и прим. 24.

1, 16. *Юджихтира* — старший из братьев Пандавов, по легенде — сын бога Дхармы. Он известен своей справедливостью, т.е. соблюдением дхармы.

1, 16. *Накула* — "Ихневмон" — известный враг змей, стойкость которого к змеиному яду уже Веды объясняли тем, что он употребляет в пищу особый целебный корень.

1, 16. *Сахадэва* — "С богом". В шл. 15—16 перечислены все братья Пандавы. Последние два — близнецы, сыновья Ашвины. Бхима — сын Вайю, бога ветра, Арджуна — Индры.

1, 16. *Сугхоса* — "Приятный звук" — имя боевой раковины.

1, 16. *Манипушпака* — "Цветущая самоцветами" — имя боевой раковины.

1, 17. *Кеши* — название города, теперешний Бенарес.

1, 17. *Шикханди* — "Волосатый" — имя витязя-гермафродита, в прежнем воплощении женщины, получившей оскорбление от Бхимы, которого она вызвала на бой, но тот отказался сражаться с женщиной. Путем аскезы она приобрела власть над жизнью оскорбителя, и оба она воплотились, чтобы принять участие в борьбе на поле Куру.

1, 17. *Дхриштадыумна* — "Постоянный блеск" — сын Друпady, убивший Дрону.

1, 17. *Вирата*. См. прим. 8.

1, 16. *Сатьяка* — имя по отцу Юджихтиры.

1, 20. *Капидхаджа* — эпитет Арджуны — "Обезьяно-знаменный", тот, на чём знамени — обезьяна (капи). Лоринзер считает, что на знамени Арджуны изображён Шива в виде обезьяны, что мало вероятно, так как Шива, помимо человеческого образа, обычно изображался в виде лопта или в виде быка. Махабхарата проникнута вишнуизмом, хотя нельзя отрицать и в ней некоторые шиваитские влияния, поэтому правильной толковать символ, избранный для знамени, в вишнуитском духе: Хануман всегда изображался в виде обезьяны; это — "первый бхакта", почитавший Вишну в его аватаре Рамы, о чём пространно повествует "Рамаяна". Если понимать символ в указанном смысле, то он приобретает и специальное значение для выражения духа Гиты: Арджуна, сам бхакта, избирает для своего знамени изображение "великого бхакты" — Ханумана.

1, 21. *Арджуна* — "Светлый", "Светозарный" — название утренней зари. Имя третьего из братьев Пандавов, сына Индры. О его отождествлении с Индрой и Кришной см. "Предисловие". Если Кришна есть "Чёрный", непрозраченный, то Арджуна есть "Белый", прозраченный. Кришна есть мужское начало, пассивное в процессе миропроизведения (Дух), Арджуна есть женское начало, активное в процессе миропроизведения по учению Санхьи. Это — сила духа (Шакти), материя. Арджуна обращается к Шри Кришне и просит остановить колесницу, так как Кришна по условию, хотя и был на стороне братьев Пандавов, однако, активного участия в борьбе не принимал, а только правил колесницей Арджуны. Символически руководителем колесницы есть учитель, Гуру.

1, 21. *Ачюта* — "Незыблемый", эпитет Кришны. В буддийских (паллийских) текстах этот эпитет прилагается к Нирване. Арджуна говорит Шри Кришне, что ему нужно разглядеть во вражьем стане отдельных витязей, с

которыми он должен вступить в единоборство. Смысл этой фразы не вполне выпукло выражен в подлиннике.

1, 23. *Сын Дхритарашистры* — здесь Дурйодхана.

1, 24. *Гудакеша* — эпитет Арджуны. Индийские грамматики понимают его в смысле "Владыка сна", европейские же филологи как "Шароволосый", тот, у кого волосы шарообразно обрамляют голову ("Курчавый"). Нилаканта понимает эпитет как "Волосатый", т.о. и в эпитетах Кришны и Арджуны проводится идея их единства.

1, 24. *Бхарата* — Санджая обращается к Дхритарастре, которому передаёт происходящее на поле сражения.

1, 25. *Дрона*. См. прим 5.

1, 25. *Партиха* — сын Притхи (имя по роду матери братьев Пандавов), особенно часто так именуется Арджуна, любимец матери.

1, 27. *Каунтея* — сын Кунти.

1, 28. *Кришна* — имя последнего (из бывших) аватаров (воплощений) Вишну; десятый аватар, Калика, ожидается вишнуйцами в конце калпы, т.е. в конце данного периода мироздания. Имя означает "Чёрный", что равносильно эпитету "красивый" (ср. "красный" в смысле красивый как эпитет в русском языке). Тот же смысл имеет имя и предыдущего аватара Вишну: Рама. Наль, говоря о Дамаянти, также называет её "чёрной" (шьяма), выражая таким эпитетом её красоту. Возможно, что в имени Кришна сохранились следы дравидического происхождения этого образа. Процесс слияния образов Кришны, как пастушеского бога, Бхагавана и Вишну весьма сложен и требует особого исследования. Он ещё более осложняется вопросом о значении для этого образа исторической личности, вернее исторических личностей: раджи из рода Вришни, воинственного героя Махабхараты, и философа Кришны, упоминаемого в Упанишадах.

1, 29. *Волосы становятся дыбом* — "дыбление волос" (пиломоторный рефлекс, наблюдаемый при разных эмоциях, при температурных влияниях) является одним из ходовых образов в индийской литературе при описании сильных эмоций как стенических (радость), так и астенических.

1, 30. *Гандива* — имя чудесного лука Арджуны, которым он должен поразить врагов в предстоящей битве. Лук сделан из дерева "гаанди", откуда и его название. Об этом луке есть много сказаний, где сообщаются имена его прежних владельцев (Сома, Варуна, Агни, Шива и другие боги). О том, как добыл Гандиву Арджуна у Шивы, повествуется в III книге Махабхараты, в эпизоде "Кайрата" (см. вып. III). Гандива — образ радуги.

1, 31. *Знаменья* — некоторые индийские комментаторы понимают это слово в смысле традиционной мантики: появление коршунов, как зловещих птиц, движение незапряжённых повозок, причём они ссылаются на аналогичные места Махабхараты (напр., V, 82, 25 и сл.). Однако же такое толкование не обязательно, во всяком случае оно не единственное: текст свободно можно понимать и в общенравственном смысле. Как видно из дальнейшего, Арджуна скорее думает о внутренних, психологических признаках, на них он и останавливается в своей речи, о внешних же, относящихся к гаданию, он совсем не упоминает: вся его аргументация носит характер нравственной проблемы.

1, 32. *Говинда* — эпитет Кришны, как пастушеского бога; эпитет значит "Получающий коров"; он часто встречается и в Махабхарате, и в Пуранах. Хилл подчёркивает важность эпитета для решения вопроса о связи Кришны и Гиты с легендами о детстве Кришны, повествующими о его пастушеской жизни в Гокуле. Легенды эти автор считает гораздо более ранними, чем Гита. Однако он ссылается на Бхандаркара, который на основании некоторых мест I и X книг Махабхараты склонен толковать имя Говинда как "Несущий землю" (go), так как Вишну, воплотившись вепрем, поднял на клыках

затонувшую в океане Землю, или же рассматривать эпитет как более позднюю форму от "Govid", встречающуюся в Ригведе, как эпитет Индры.

I, 34. *Свойственники* — перечисления этого стиха есть поэтическая амплификация, которую не следует понимать слишком буквально. Смысл оборота: всевозможные, разные родственники. В индийском искусстве, в частности в литературе, очень выражена любовь к детализации, перечислениям.

I, 35. *Мадхусудана* — "Убийца (ракшаса) Мадху", демона затмения. Эпитет Кришны. Мадху — "мёд", "весна".

I, 35. *Три мира* — "бхур" (Земля), "бхувар" (воздушное пространство), "свар" (Небо) были во владении Вишну с тех пор, как он получил их по договору от асура Бали, совершив свои три знаменитые шага.

I, 36. *Джанардана* — эпитет Кришны. Слово состоит из "jana" — человек и глагола "arh" — приводить в движение, требовать, мучить, утеснять. Бопп переводит: "смушающий, утесняющий людей" — "hominem vexator (seriens)". Шлегель: "Mortalium voio experitus". Томсон: "O thou who art invoked by mortals". Лоринзер понимает этот эпитет Кришны в том смысле, что Джанардана посылает жаркие, оплодотворяющие лучи.

I, 36. *Грозящих оружием* — буквально "державших натянутыми луки". Шридахара свамин, комментируя Гиту, перечисляет шесть классов таких преступников: поджигатели, отравители, коровоубийцы, грабители, опустошители полей, прелюбоден (соблазнитель чужих жён).

I, 37. *Мадхава*. См. прим. 33.

I, 40. *Непреложные законы рода* — Арджуна употребляет здесь слово "дхарма" во множественном числе, говоря о законах и обычаях рода, как они понимались законодательными книгами. Значение слова здесь взято в узком, а не в широком смысле нравственных устоев вообще. То, что для одной касты являлось "праведным", то есть предписанным законом, для другой могло быть грехом, караемым смертью. Напр., чтение священных книг и аскеза вменялись в обязанность высшим кастам, но запрещалось низшим; в Рамаяне рассказывается, как Рама убил одного шудру, успешно занимавшегося аскезой. "Грех" этого шудры настолько осквернил округ, что из-за него умер сын одного брамина, что и вызвало вмешательство Рамы. В этом же узком смысле надо понимать и слова Шри Кришны об опасности чужой дхармы (ср. III, 35; XVIII, 47).

I, 40. *Беззаконие* — адхарма; здесь это слово надо понимать тоже в узком смысле нарушения кастовых установлений.

I, 41. *Варишья* — родовое имя Кришны; потомок рода Вришни.

I, 42. *Отцы их* — перевод этой шл. несколько затруднён эллиптической формой первой полушл. Большинство переводчиков вставляют глагол в первую полушл.: когда происходит смешение, род и убийцы рода попадают в ад, ниспадают и отцы... Но можно дать и несколько иной оттенок. Так, Бюрнуф переводит: "Par cette confusion, tombent aux enfers les peres des meurtriers et de la famille...". Если следовать только грамматической форме, то, пожалуй, перевод Бюрнуфа наиболее близок к тексту, хотя последующие переводчики и не придерживаются такого понимания. Пураны различают два подземных мира, две преисподних: ад, о котором здесь идёт речь и который является местом мучения грешников, и "патала" — особый подземный мир, населённый дайтями, данавами, якшами и пр. низшими духами, ведущими здесь роскошную жизнь; здесь же обитают "наги", мудрые змеи, предающиеся упражнениям Йоги (ср. выш. III, V, 97 и сл.).

I, 42. *Жертвенные галушки* — особые рисовые галушки, приготовляемые для жертвоприношения предкам. Об этом обряде см. подробно у Ману I, 217—222 и 249—257.

Никхалананда поясняет, что "шраддха" называется приношение предкам воды и риса. Этот обряд может совершать только законнорождённый старший сын, а так как при смешении каст не может быть законнорождённых, обряд некому будет выполнять.

1, 43. *Смешение каст* — строго каралось древними законами Индии. Для мужчин из более высокой касты ещё допускался брак с женщиной более низкой касты, хотя дети от этого брака и не пользовались всеми правами касты отца. Так, напр., Видура, младший брат Дхритараштры, был сын рабыни (шудры) от кшатрия и уже не считался настоящим кшатрием, а только "кшатта", и его кастовые права были ограничены. Женщинам высших каст строго запрещался брак с мужчинами низших каст. Дети от таких браков считались отверженными, "внекастовыми" и становились париями, "неприкасаемыми". Особенно презирались дети шудры от браминки. Вот почему в шл. 41 говорится о "разращении женщины". Смешение каст считалось одним из тяжчайших "грехов" и в некоторых случаях каралось смертью.

1, 43. *Законы племени* — схолиаст объясняет слово "джати" через "варна" (букв. "краска"), то есть "каста". Так переводит и Томсон. Другие же переводчики (Теланг, Сенар, Дейссен, Леви) переводят "семья", "племя".

Хилл замечает, что слово "варна" употреблялось только по отношению к четырём основным кастам, а "джати" — ко всяким внутрикастовым делениям.

1, 44. *Так сказано* — или точнее так слышится есть выражение, обозначающее ссылку на священный закон.

1, 47. *В размышлении* — слово "самхья" означает и "размышление", и "битва". В настоящей шл. его обычно переводят через "битва". Но предыдущие шл. излагают размышление Арджуны, а потому предлагаемый перевод основан на внутренней, а не на внешней связи текста и больше, как нам кажется, соответствует всему духу произведения. Грамматически же и то и другое толкование вполне допустимо.

ГЛАВА II

II, 2. *Арийцу* — слово "агуа" значит и название народа и "добрый", "мудрый". Дальнейшие слова Шри Кришны намекают на дхарму кшатрия, а поэтому в данном случае мы считаем правильное понимать слово в более узком смысле (ср. II, 31).

II, 2. *Блаженства* — намёк на то, что кшатрий, проявляющий слабохарактерность, а тем более трусость, не достоин небесной награды, как не выполнивший дхарму своей касты (ср. II, 32 и XVIII, 43).

II, 4. *Арисудана* — "Истребитель врагов" — эпитет Кришны, ведущего борьбу с врагами света.

II, 5—8. — Эти шл. в подлиннике написаны не размером "шлоки", а размером "ануштубх", состоящим из 11 слогов (11*4). Перемена размера подчёркивает значительность содержания строф. Психическое напряжение Арджуны, его уверенность в своей правоте и вместе с тем признание авторитета учителя выше всякого своего убеждения выражаются переменной ритма. В дальнейшем размер анаштубх неоднократно вводится в поэму в особо важных местах. В частности, почти вся XI гл. написана указанным размером.

II, 5. *Гуру* — означает "чтимый", "достойный" (переносно с физического смысла "тяжёлый"). Как эпитет это слово употребляется относительно родителей, когда оно стоит обычно в двойственном числе. Но чаще всего оно употребляется для обозначения учителя как духовного руководителя,

который всегда должен быть браминном и пожилым человеком, хотя и допускаются исключения, напр., раджа-риши. Арджуна называет Бхишму и Дрону "Гуру", т.к. Бхишма к началу войны был старшим в роде, а Дрона был брамин и учитель Арджуны и его братьев, впрочем не духовный, а только военного дела (ср. I, 2).

II, 5. *Своекорыстных* — большинство переводчиков подчёркивает в этом стихе частицу "и" — "но", "хотя" Аппин Безант переводит "наших благожелателей", но большинство переводчиков даёт значение "своекорыстный", "стремящийся к богатству". Хотя Бхишма и Дрона, как и вообще старшие рода Куру, и были против действий Дурйодханы, против присвоения им владений братьев Пандавов, однако, участвуя в войне против Пандавов, они стремились с ним к одной цели. Стих этот развивает и усиливает мысль (II, 46).

II, 6 — первая строка этого стиха состоит из двух 12-сложных полуш. Такой размер существует в индийской поэтике (джагати), но в Гите, за исключением данного места, не употребляется. Вторая строка этого стиха — правильный ануштубх.

II, 7. *Всё моё имущество* — согласно схолиастам, здесь речь идёт о "собственной сущности", о которой говорится в XVIII, 43 и сл. Переводчики дают разные оттенки данного места. Часто фраза передается в смысле "моё сердце поражено состраданием" (напр., Дейссен). Теллар передаёт слово "karaṇya" через "helplessness" и замечает, что такое состояние несовместимо с природой кшатрия. Вряд ли можно согласиться с передачей слова "svabhava" через "сердце" — для такого понятия существуют в санскрите другие термины, которыми и пользуется Гита в соответствующих местах. Подстрочное слово "svabhava" передаётся через "своя природа", "своё бытие, естество", и нет надобности в данном случае перенимать это значение, т.к. это может сильно исказить смысл и превратить логическую нить беседы. Кришна упрекает Арджуна за непростительную слабость, малодушие, заблуждение, а не за чувство сострадания, высоко ценимое индийской философией, в частности Гитой. Это место — узловое, оно является отправной точкой для дальнейших рассуждений о смысле Гиты, и правильное понимание этого места весьма существенно. Понимание его в смысле упрека, высказываемого Шри-Кришной Арджуне за испытываемое сострадание, противоречит всему учению Гиты в целом, и сильно искажает данный текст. Это положение замалчивается или смазывается переводчиками, и даже наиболее современными из них, напр. Эджертоном, не избежал искажения. Параллельно правильному по существу, но не по форме слово "svabhava" переводит Levi: "Mes instincts de guerrier" тогда как Эджертон: "My very being with the taint of weak comparison". Одной из основных мыслей Гиты является утверждение, что каждый человек должен следовать "своей дхарме", закону своей природы, по существу, одинаковому для всех, но по форме различному. На упрек Кришны Арджуна отвечает, что его природа кшатрия порождена богатством трех, а потому он не может проявить качества, свойственных его касте, потерял правильную ориентировку в кастовой дхарме и потому просит наставлений учителя.

II, 8. *Над богами* — в подлиннике употреблено слово "сура", обычно употребляемое для обозначения главных богов индийского пантеона, число которых в разное время в индийской истории определялось по-разному; обычно их насчитывали 30 или 33.

II, 9. *Врагов утеснитель* — эпитет героев, часто встречающийся в эпосе. Он состоит из двух слов: "para" и "tara". Оба слова богаты оттенками, вытекающими из основного значения, но развивающимися вплоть до противоречивого смысла. Основное значение слова "para" — крайний, а иногда потусторонний, высший и враг. Слово "tara" обладает таким

разнообразием оттенков и так важно в философской лексике санскрита, что Дейссен посвящает разбор смысла этого слова целую рубрику главы в его "Истории философии" (I, 2, с. 60 и сл.). Основное значение — "жар", "зной", "накал". Отсюда творческая сила (Праджapati тапасом создаёт мир), усилие подвига (духовного), аскезы и мертвящий жар, губительная сила. Т.о., эпитет можно понимать и в смысле "сокрушитель врагов", как это обычно и делается, и в смысле "полной величия, жара (духовного), аскезы", "подвижник". Арджуна в момент беседы полон жгучего страдания, вызванного стремлением разрешить нравственные вопросы, и поэтому правильнее принимать традиционное обращение к нему не в первом, а во втором смысле данного эпитета.

Индийская традиция понимания Гиты основывается или на позициях Шанкары и его школы, или же на позициях Рамануджи и его школы. Толкуя шл. 2—9 настоящей гл., Шанкара говорит, что они показывают, что происходит, когда человек поддается гори, вызываемому самсарой. Арджуна поддается гори, т.к. он думает о других: "Я принадлежу им, а они мне". Как это и свойственно всем поддающимся гори, он покидает свои обязанности (дхармы) и берётся за выполнение чужих, что по существу эгоистично, т.к. побуждением к этому служит надежда на воздаяние.

Накопление положительной и отрицательной кармы без конца затягивает самсару. Господь Васудева, продолжает Шанкара, зная, что прекратить самсару нельзя иначе, как познанием Атмана, начинает свои поучения (шл. 11). Некоторые полагают, что освобождения нельзя достигнуть познанием Атмана и отказом от мира (Шанкара, повидимому, здесь намекает на Бриттикара, автора обширнейших комментариев на Гиту и Брахмасутры, обвиняющих около 100000 шл. Шанкара вёл с ним полемику). Абсолютная свобода, говорят такие философы, может быть достигнута знанием, сопряжённым с выполнением долга. Ведические жертвы не ведут к греху, несмотря на их жёсткость, т.к. они совершаются во исполнение долга (браминов); подобно этому и убийство на поле сражения, хотя бы и родных, не есть грех, раз оно является выполнением долга кшатриев. Бхагаван указывает два пути, основанных на совершенно различных точках зрения, и предназначает их для совершенно различных групп людей.

Истинное познание Атмана, как оно изложено в II, 11—30, есть Санкхья, развивающая идею о бездеятельности Атмана, как не подлежащего рождениям и переменам. Второй путь йога заключается в выполнении действий как способа спасения, что требует различения между добром и злом, а потому представляет Атмана, как наслаждающегося и как деятеля, отличного от тела (III, 3). Бхагаван показывает, что для одного лица невозможно одновременно следовать обоими путями, так как один из них основан на идее неделания и единства, другой же — на идее деятельности и множественности (ср. Брихадараньяка Упанишада, IV, 4, 22 и Шатапатха Брахмана, I, 4, 17). В Шатапатха Брахмане сказано, что мирской человек желает достигнуть трёх благ: сына, благ плодов человеческих добрых дел, ведущих к отцам, и мудрости, ведущей к богам.

Т.о., ведические ритуалы важны лишь для тех, кому свойственны желания и кто не достиг познания Атмана. Только отказ от желаний делает человека способным искать Атмана. Теории соединения двух путей противоречия и вопрос Арджуны (III, 1): если бы от всех требовалось сочетать делание и знание, то как бы мог Арджуна просить Кришну указать лишь одно из двух. Но если даже предположить, что Арджуна неправильно понял слова Бхагавана, то последний должен был бы прямо ответить на прямой вопрос о возможности сочетания двух путей.

Нет возможности доказать, что Гита учит о сочетании знания и каких-нибудь обязанностей, предписываемых преданием или писанием

(Смрити и Шрути). Если человек, ранее погруженный в деятельность, достигает Атмана, он может ещё продолжать действовать, чтобы дать пример людям, как это совершает и Бхагаван; но достигший познания отказывается от плодов деятельности. Этому положению противоречит IV, 15, III, 20, т.к. здесь говорится о достижении совершенного знания без формального отказа от деятельности. Но если предположить, что Джанака и др. не знали истины, то это место можно понимать так, что упомянутые мудрецы совершали действия ради очищения своего ума.

Т.о., заключает Шанкара, основная мысль Гиты есть та, что спасение достигается только знанием, а не сочетанием знания и деятельности. Эта выдержка из комментариев Шанкары даёт представление об основном направлении его мысли, оказавшей такое большое и длительное влияние на традиционную философию Индии.

В дальнейшем Шанкара развивает это своё основное положение вопреки прямому смыслу текста, всячески приспособлявая его к установленным рамкам; а там где ему не удаётся приспособить текст к своему пониманию, Шанкара прямо отрицает его, допуская, что та или иная не нравящаяся ему пл., как не укладывающаяся, хотя бы насильно, в установленные границы, сказана не для мудрых, а для простого народа. Современные критики в духе Гарбе, подобным же образом насилуя текст, говорят об интерполяциях и "редакциях". Прямым противником Шанкары был основоположник вишнуитской философии Рамануджи. Его положения обратны установкам Шанкары: Рамануджи ставит выше всего бхакти и деятельность во имя Высшего. Для него сочетание знания и деятельности не только не является противоречивым, но необходимым постулатом, основой в учении Гиты.

В данном стихе слово "парантапа" можно отнести как приложение к эпитету Гудакеша или же рассматривать как обращение Санджайа к Дхритараштри. Стилистически последнее предпочтительней, хотя в дальнейшем эпитет неоднократно применяется к Арджуне.

II, 11. Слова мудрости — понимание этого места вызвало много разногласий. Шанкара даёт такое толкование: ты говоришь слова мудрости и вместе с тем пустяки (т.е., что смерть доблестных людей надо оплакивать). Лишь тот мудр, кто знает Атмана и безучастен ко всему. Нилаканта полагает, что этими словами Шри Кришна подтверждает правильность различения Арджуной тела и души. Однако нет необходимости так суживать смысл этого места: оно, очевидно, относится ко всему комплексу идей, развитых Арджуной, вполне ортодоксальных с точки зрения Браманизма. Это своего рода утверждение Шри Кришной закона и его дальнейшего развития. Текст можно сопоставить с евангельским "Не разрушить пришёл, но исполнить (дополнить)".

Многие переводчики хотят избежать трудности, вставляя слово "Хотя" (напр., Бюрнуф, Сенар, Леви). Томсон переводит: "Thou hast grieved for those who need not be grieved for, but thou utterest words of wisdom". Он поясняет, что эти слова относятся к высказываниям Арджуны о кастовых законах: Арджуна говорил разумно, но всё же ошибочно. Тот же смысл даёт и Теланг, ссылаясь на вышеприведённую мысль Нилаканты. Дейссен придерживается такого же понимания. Своеобразно толкует этот текст Шлеер. Он подчеркивает, что в Гите почти нет разночтений, т.к. каждое слово Гиты позднее комментировалось, что объясняется популярностью и почтением, которыми Гита издревле пользовалось в Индии. Поэтому текст памятника сохранился лучше всех других текстов Махабхараты. Текст II, 11 Шлеер считает искажённым уже в глубокой древности, так что ошибка закреплялась традицией. Непонятно, говорит исследователь, почему Кришна признаёт слова Арджуны мудрыми, и тут же опровергает. Нилаканта даёт

следующее толкование: "Ты говоришь слова мудрости, но сам ты не мудр", то есть ты мудр в словах, а не по существу. Шпеер считает, что контекст не даёт права на такое толкование, и выражает сомнение, возможно ли в санскрите словообразование "prajnavada" в смысле "слова мудрости" или "мудрые речи". Автор считает, что это слово уже в древности испорчено, и его следует читать не "prajna", а "praya" (народ).

Т.о., по мнению Шпеера, стих должен переводиться: "Du trauerst um die, welche nicht zu betrauern sind du sprichst wie die Leute sprechen". Шпеер полагает, что в данном стихе противопоставлены два понятия: "prajna"— народ и "panditah"— учёные, мудрецы, о которых говорится во второй полустрофе.

II, 13. *Воплощение* — русское слово очень точно передаёт санскритский термин. Речь идёт о духе, как принципе жизни и индивидуальности. Термины "ame" (Сенар) и "saul" (Томсон) гораздо дальше от подлинника. Теланг употребляет слово "embodied" и подчеркивает, что это одно из основных понятий Гиты, означающее того, кто возглавляет каждое индивидуальное тело. Дейссен довольно тяжеловесно переводит: "Wie nur den Trager eines Leibes". С переводом Бюрнуфа: "Comme dans ce corps mortel sont tour a tour..." и Леви: "Comme dans ce de l'être corporel..." согласиться никак нельзя, не говоря уже о большой неуклюжести варианта Леви; такое отклонение от текста не оправдано французской лексикой, вполне допускающей выражение "incarne". Гарбе переводит: "Ebenso wie der Geist in der Leibe...", но такой перевод слишком переделывает смысл санскритского текста в духе европейских философских понятий. Махадэва Шастри переводит так же, как и Теланг, это показывает, что перевод "воплощённый" является наиболее близким индийской традиции.

II, 13. *Юность, зрелость и старость* — три традиционные деления жизни по Ману (ашрама): юность (брахмачарья) до брака; зрелость — период семейной жизни и период отшельничества (старость). Эти периоды обязательны для высших каст, особенно браминов (ср. Ману II, 230). Некоторые тексты различают четыре периода. Впрочем, этот стих нельзя рассматривать, как выраженное учение об ашрама. В предисловии уже было отмечено, какое значение имеет вопрос об ашрама для датировки Гиты.

II, 13. *Стойкий* — в санскрите существует ряд терминов для обозначения мудрого человека. В шл. II употреблён термин "пандит", что значит учёный, как более внешнее понятие. В шл. 13 употреблено слово "dhritā"— постоянный, устойчивый, глубокий", от глагола "dhar"—"держат, поддерживать", а отсюда —"мудрый". Вряд ли правильно передавать термин через "sensible man", как это делают Томсон, Теланг. Гораздо ярче передаёт Леви: "l'homme fort", Махадэва Шастри и Гарбе дают нейтральный перевод "мудрый".

II, 14. *С материей* — так понимает это место Рамануджи, а с ним Дейссен, Гарбе и др.; но можно понимать и "с чувствами", как толкует Шанкара, а за ним Теланг и др. Это одно из тех мест Гиты, которые можно выдвигать в защиту разных, даже противоположных точек зрения. Шанкара, как известно, отрицающий хотя бы даже относительную реальность материи, понимает эту шл. в духе чистого акосмического монизма, тогда как Рамануджи видит в ней подтверждение (впрочем, только косвенное) объективности материи. Эта шл. представляет интерес для понимания того, как претворяются идеи Санхьи в Гите.

II, 14. *Противостоять им* — большинство переводчиков (Томсон, Бюрнуф, Теланг, Сенар, Дейссен, Махадэва Шастри и даже Гарбе) слишком смягчают это место, давая слову "tīkṣhata" значение "терпеть", "переносить". Значительно сильнее переводит Эджертон: "put up with them". Томсон справедливо замечает, что эта шл. касается одного из основных моментов

логической практики: приучению себя к стойкому перенесению смены влияний материального мира, но Йога говорит об этом как об активном моменте противостояния, а не о пассивном моменте "претерпения" в духе некоторых течений стои. Шри Кришна учит, что человек должен противопоставить текучести бытия стойкий стержень своей внутренней жизни. Первое значение глагола "jit"—"быть острым, точить". Желательная форма усиливает смысл основного значения, приобретаая смысл: остро желать чего-нибудь, стремиться к чему-нибудь. БПС, давая такое значение, осылается на разбираемое место Гиты. Махадэва Шастри, комментируя разбираемый стих, указывает, что в нём есть два обращения к Арджуне: как к сыну Кунти и как к сыну Бхараты; комментатор видит в этом указание на то, что Арджуна может получить свет как с материнской, так и с отцовской стороны, то есть свет материального и духовного познания. Оставив в стороне приёмы традиционной экзегетики, можно всё же отметить, что в дальнейшем следует изложение учения "с точки зрения рассудка и с точки зрения Йоги"—последней явно отдаётся предпочтение.

II, 15. *Они* — т.е. соприкосновения (ср. Сенар, Теланг и др.; см. также предыдущее замечание).

II, 15. *Равный в горести...* — выражение допускает три оттенка: а) равный, то есть неизменный в радости и горе; с таким оттенком чаще всего и понимают это место, его указывает, напр., БПС; Томсон переводит: "same in pain and pleasure". Бюрнуф: "fermer dans les plaisirs...", — так же и Эджертон, Махадэва Шастри, Гарбе; б) равнодушный к радости и горю; так понимает Сенар, равно как и Леви: "indifferent aux plaisirs et a la peine", в, наконец, "участливый" к радости и горю (других), разделяющий (с другими) радость и горе.

II, 15. *Достоин* — Дейссен и др. переводят: "созрел для бессмертия", а Теланг — "достоин".

II, 16. *Бытьё* — стих этот считается трудным для перевода и комментируется различно. Шанкара по поводу его замечает, что различие реального и нереального зависит от нашего сознания: то, что дано чувствами, — нереально, преходящее, но бытё, как таковое — реально. Так, в положении "горшок существует" — "горшок" не реален, "существование" — реально (классический пример индийской логики), ибо предикат относится ко всем объектам, а следовательно, не зависит от них.

Термины "сат" и "асат" встречаются в Гите не раз; толкование их дано наиболее развернуто в XVII гл., где термину "асат" ясно придан смысл "бывания", т.е. "меона" эллинской и эллинистической философии, а не "укона"; то есть не абсолютной внеположности бытию (укоу), а относительности бытия, в текучести (меон). Ясно, что стих касается одной из главных точек философии, отношение к этому моменту уже издревле определяло позицию разных школ. Нет оснований придавать разбираемым терминам иного значения, чем данное в XVII гл., а если это так, то и это место следует понимать так: сат — истинное бытё, дух, "зрящий" (ср. главу XIII) не может приобрести качества преходящего бытия, т.е. подвергнуться смерти, уничтожению. С другой стороны, меон, майя, асат характеризуются как относительное бытё, не обладающее полнотой реальности, так что всё преходящее лишь относительно, а потому и смерть, как феномен относительного мира, не обладает полнотой реальности, но лишь относительна.

II, 16. *Граница* — Томсон отмечает трудность понимания этой шл. и выражает против перевода Шлегелем слова "antax" через "diskrimen" и переводит "those, who discern the truth perceive the true end", что действительно получается довольно туманно. Гораздо чётче передаёт Леви: "leur terme est aperçu par eux...". Гарбе переводит, как и Леви: "Die Grenze

zwischen dieser beiden..." и ссылается на комментарии Махадэва Сарасвати. Дейссен придерживается толкования Шлегеля. Перевод этой шл. Теланга и Сенара слишком волен.

II, 17. То — "ia". Как философский термин впервые встречается в Ригведе, X, 129, в т.н. "гимне творения". Второй стих этого гимна в переводе Дейссена гласит: "Не было смерти, не было бессмертия, не было ночи, не было сияния света; дышало без дуновения самостановлением То (ia), Единое (ekam), ибо другого, какого бы то ни было рода помимо Него не было". Впоследствии Упанишады богато развили эту мысль и дали Брахмо имя То, как это сделано, напр., в знаменитой формуле Чхандогья Упанишад, считающейся наиболее древним развитием формулы Ригведы, X, 129; "Idam satyam tat satyam, sa atma, tat tvam asi" (Чхандогья Упанишад, VI, 8, 7 и сл. кханды). Ср. также Маханараяна, I, 4 и сл.

II, 17. Эта вселенная — слово "satyam" означает "всё", как местоимение, а как существительное — "мир, Вселенная". Глагол "iap" значит "распространять, натягивать". Им выражается философская идея творения, рассматриваемого как процесс эманации. Образ паука, ткущего паутину, — одна из любимейших метафор Упанишад для выражения процесса творения (ср. Шветашватара Упанишад, VI, 10; Брихадараньяка, 2, I, 20 и пр.), "подобно тому, как паук через паутину выходит из себя, как из огня вылетают мерцающие искры, так точно из Атмана возникают все духи жизни, все миры, все боги, все существа..."

II, 18. Воплощённого — Томсон переводит это место в духе Шанкары: "Считается, что эти конечные тела принадлежат бессмертному духу...". Ряд переводчиков (Дейссен, Сенар, Бюрнуф) опускают слово "uktah", др. же (Махадэва Шастри, Теланг, Сенар, Эджертон) передают оборот в смысле: "Считается, что эти тела преходящи", причём Теланг поясняет, что так считают достигшие истинного значения. Но такое понимание сильно уплощает подлинник; не надо особой "мудрости", чтобы считать тело конечным. Гораздо выразительней переводит Гарбе: "Es vergehen bekanntlich diese Leiber des ewigen, unvergänglichen (zugleich unbekannten) Geistes". Перевод Гарбе очень близок к подлиннику, не насиует его смысла и не уплощает его.

II, 19. Убитым — это один из известнейших стихов Гиты. Существует два основных варианта понимания текста: одни переводчики берут подлежащее из предыдущего стиха, др. же принимают за подлежащее местоимение данного стиха. Так, напр., Бюрнуф берёт из предыдущего стиха подлежащим "l'Âme" и переводит: "Кто полагает, что она (т. е. Душа) убивает или что её убивают, ошибается... она не убивает, и её не убивают". Подобным же образом Томсон берёт из предыдущего стиха подлежащее "spirit". Переводы Сенара и Леви недостаточно обоснованы филологически и значительно снижают смысл. Сенар: "Croire que l'un tue penser que l'autre est tue c'est également se tromper..." Леви: "Celui qui croit connaître un meurtrier et celui qui croit un homme mort ces deux-là ne sont pas sages...". Интересно сопоставить переводы этого места Гиты и параллельного места Катхака Упанишад, 2, 19, сделанные Дейссеном.

Упанишад: "Wer toend, glaubt dass er tote, Wer getoet zu sterbenglaubt — Irr gehen dieser wie jener — Der stirbt nicht und der toet nicht".

Гита: "Wem vermeint dass jemand tote, wer vermeint dass jemand getoet werde, die wissen beide nicht die Wahrheit: keiner toet und keiner wird getoet".

Ещё более решительно в духе Шанкары переводит это место Васудэва Шастри: "Whoever looks upon it as the slayer and whoever looks upon it as the slain, neither of those knows aright; it slays, not, nor is it slain". Подчёркнём, что переводчик употребляет местоимение "it", а не "he". Шанкара замечает по поводу этой шл., что Атман не является ни субъектом, ни объектом

убийства. Такое понимание этого места наиболее соответствует общему духу Гиты.

II, 20. *Тело* — во второй половине употреблены слова: “шашвант” и “пурана”. Их оба можно перевести словом “древний”, но первое в смысле “постоянный, повторяющийся, frequens, начавшийся очень давно”, а второе: “изначальный, безначальный, вечный”. Этот стих по форме и по содержанию параллелен Катхака Упанишаде, 2, 18. Т.о., в Гите 18 и 19 шл. Упанишады приведены в обратном порядке.

II, 21. *Убывать* — комментируя эту шл., Шанкара полемизирует со скептиками, отрицающими возможность реально убедиться в правильности утверждения: “Я есмь Атман, Единый, свободный от рождения и перемен”, апеллируя к авторитету Шрути, Шанкара хочет показать, что об Атмане возможны высказывания в роде: “Он не рожден” (Гита, II, 20) или: “Он постижим только для души” (Брихадараньяка, IV, 4, 19).

II, 22. *Воплощённый* — Пуруша, дух. Хауэр (Hauer) считает триштубх II, 22 очень древней вишнуйской формулировкой йогического учения о “ядре Я”. В этой формуле, по мнению автора, заключается вся сущность Гиты. Он придаёт очень большое историко-литературное значение тому обстоятельству, что в разбираемом тексте не употреблено слово “Пуруша”, так часто встречающееся в Гите как синоним слова “Атман”. В данном тексте употреблено слово “dehin”, которое Хауэр переводит через “Hüllen — Leib — Besitzer”. Автор указывает, что слово “dehin”, в смысле “ядро Я” (das Kernwesen) встречается в некоторых Упанишадах: Катхака, V, 4, 7; Шветашватара, II, 14. Хауэр изучал традицию трёх основных течений индуизма: вишнуйскую, шивантскую и “политеистического Браманизма” в отношении понимания слов: Пуруша — атман — дехин и нашёл полное совпадение понимания этой словесной триады как синонимов. Автор считает, что учение о “ядре Я”, выраженное в понимании тождества терминов: Пуруша — атман — дехин — есть одно из величайших достижений традиционной философии Индии. Обычные шл., предшествующие триштубху и следующие за ним, Хауэр, считает, более поздними (“Йога”, с. 188—189).

II, 23. *Пламя* — в тексте стоит “Павака”, т. е. “очиститель” — эпитет, прилагаемый к стихам, в частности, к Огню, Агни. Нужно отметить, что разные наименования Огня выражают разные понятия и не являются синонимами.

II, 28. *В исходе* — большинство переводчиков принимает этот стих в духе агностицизма поздней Санхьи. Лоринзер прямо ссылается на шл. 15 и 16 “Санхья-Карика”. В духе агностицизма переводит это место Лоринзер и особенно Сенар: “Les etres... nous echappent dans leur origine, perceptible au cours de leur carriere, ils nous echappent de nouveau dans leur fin”.

Гораздо более чётко и филологически точен перевод Томсона, которому близки переводы Теланга, Махадэва Шастри, А. Безант. Томсон переводит: “All things which exist are invisible in their intermediate state, and again invisible in their final state”. Томсон поясняет в примечаниях: среднее состояние есть жизнь, во время которого душа облечена видимым телом; до и после этого она невидима для человека. Термин “bhutani” охватывает вообще все материальные вещи; т.о., в данной шл. высказывается учение о происхождении плотной материи вообще от непроявленной природы (avyakta prakriti) и о возвращении туда же всего проявленного после конца. Поэтому заключает Томсон, стих можно было бы перевести так: “Все материальные вещи имеют своим началом непроявленную основу (avyakiam), проявленную материю в среднем состоянии и снова непроявленную основу, как конечное условие”. Так именно понимает это место и Дейссен: “Das Unoffenbare als Anfang haben die Wesen, das Offenbare als Mitte und das Unoffenbare als Ende... was da zu bejammern”.

Перевод Гарбе очень близок к переводу Дейссена, оба они значительно поднимают напряжённость философского смысла по сравнению с переводчиками, приведёнными раньше. Филологически точно и достаточно широко философски переводит и Эджертон: "The beginnings of things are unmanifest manifest their middles... unmanifest again their ends".

II, 28. *Какая в этом печаль?* — этот вопрос является ритуальным при жертвоприношении мёртвым (ср. Yajñavalkya, III, 9).

II, 29. *Чудо* — перевод этого места у Эджертона неточен и грубо снижает смысл подлинника: "By a rare chance one may see him..." и т. д. Такое понимание противоречит основной концепции Гиты, учащей способу, как сознательно и систематически постигается Высшее. Ещё более неточно и грубо переводит Сенар: "C'est merveille que personne la decouvre; merveille aussi que quelequ'un l'enseigne...". Недаром он делает примечание к этой шл.: "Из этого видно, как часто связь между стихами Гиты бывает слаба и неуклюжа". Замечание справедливо, но не по отношению к подлиннику, а к переводу.

Сближение философии Гиты с философией Санкхьи не раз делалось в европейской литературе, и этому вопросу посвящено много исследований. Он действительно очень важен для Гиты, и обойти его нельзя. Можно сказать, что от решения его зависят понимание и оценка всего произведения. Поэтому ещё раз подчеркнём, что основные недоразумения возникают из-за смешения понятий поздней и ранней Санкхьи. Агностицизм первой не свойственен второй, а также Гите.

II, 29. *Ego* — размер первой строки — ануштубх, но во второй полустроке первой строки 12, а не 11 слогов, как полагалось бы. Смысл стиха допускает различные толкования. Так, Бюрнуф считает, что здесь речь идёт о жизни и берёт подлежащее (логическое) из предыдущего стиха: "Celui-ci contemple la somme une merveille..."; Томсон берёт подлежащее также из шл. 28, но иное: "Надушу смотрят как на чудо...". Другие переводчики, хотя и принимают за грамматическое подлежащее местоимение данного стиха, но указывают, что логическое подлежащее нужно брать из предыдущей шл. Так, Теланг принимает за логическое подлежащее "the self", Лоринзер "der Geist", также понимает и Гарбе. Дейссен не раскрывает логического подлежащего и принимает за подлежащее местоимение данного стиха.

Возможно, что правильной было бы принять за логическое подлежащее содержание всего предыдущего изложения Шри-Кришны: чудесно и непостижимо проявление Духа, его воплощение и связь с материей. В данном случае не лишне вспомнить, что в индийской традиционной философии не дух, а материя является неразрешимой загадкой. Это особенно относится к школе Шанкары. Так, Анандабходжа — ведантист в смысле Шанкары — говорит, что "авидья" (на языке ведантистов этот термин синонимичен Майе) именуется так (т.е. "незнание") потому, что эта гносеологическая категория непостижима, т.к. она не "есть" и не "не есть". Такая противоречивость и выражается словом "авидья" (незнание). Согласно школе Шанкары, материальная причина мира и не существует и не существует, а потому связь Брахмо с материей для школы Шанкары непостижима и отрицается как простая иллюзия. Такая позиция традиционной индийской философии как бы упускается теми переводчиками, которые примаживают текст Гиты применительно к религиозно-философским европейским взглядам, согласно которым центром проблемы является дух, тогда как материя принимается как данность. Так, Томсон по поводу разбираемого стиха отмечает, что в нём выражено "по меньшей мере признание трудности постижения души". Леви переводит шл. 27 так: "C'est pourquoi la chose est ineluctable..." и берёт подлежащее "la chose" для 29 стиха: "Comme un mistere tel homme la voit...". Сенар переводит: "C'est

merveille que personne la decouvre". В выноске он поясняет, что речь идёт о душе. Дейссен ссылается на Катхака Упанишаду, 2, 7.

По форме это место Упанишады действительно напоминает разбираемый стих Гиты, однако, указываемый Дейссенем текст Упанишады не даёт права решать, что понимает Гита в шл. 29 под словом "eapā". В Катхака Упанишаде говорится, что несведущие, утверждающие, что нет потустороннего мира, неизбежно вновь и вновь попадают во власть Ямы, владыки мёртвых, а далее в шл. 7 сказано, что многие, слышащие о нём, не понимают: чудо, если кто научится этому, мудрец тот, кто постигает; чудо, если кто знает его, научившись у мудрого (так понимает данное место Упанишады сам Дейссен); подлежащее и в Упанишаде не уточнено. Нужно заметить, что "eapā", стоящее в разбираемом стихе Гиты, есть винительный падеж от энклитической формы "eapā"—"он, то", употребляемый как местоименное существительное. Хилл считает очевидной связь этого стиха Гиты с указанным местом Упанишады; Томсон видит в этом стихе намёк на три категории стремящихся постигнуть дух: 1) йогингов, которые силой упражнения достигают способности духовного созерцания, 2) философов, постигающих дух рассудком, и 3) учеников философов.

II, 30. *О всех существах* — то есть ни о ком не следует скорбеть.

II, 32. *Войну* — с этого стиха Шри Кришна, утвердив широкую концепцию Упанишад, переходит к узкому экзотерическому рассмотрению дхармы, в частности дхармы кшатрия, то есть становится на точку зрения Арджуны в рассмотрении данного вопроса. Эта позиция в самом Арджуне вызвала протест, но у него не оказалось достаточно сил, чтобы самостоятельно перейти к более широкому мировоззрению. Арджуна сам признаёт, что он впал в состояние острого противоречия и психического шока. Шри Кришна, наметив возможность более высокого синтеза, переходит к более примитивной концепции, чтобы, стоя на такой плоскости, исправить ошибки ученика, привести в порядок этот уровень сознания и тем самым открыть возможность для более широкого синтеза. Шанкара замечает: Бхагаван показывает, что причин горевать нет не только у тех, кто знает истину, но и у тех, те следует учению о дхарме (которое Шанкара считает истинным). Долг кшатрия, продолжает он свои рассуждения, — сражаться; это не противно закону, но согласуется с ним, а потому идёт на благо: нужно выполнять природный долг, то есть долг, предписываемый кастой.

Рой считает шл. II, 31-38 интерполяцией, связывающей эпический текст Махабхараты с вставленной в него Упанишадой, первичной Гитой.

II, 32. *Войну* — в понимании этого стиха существуют расхождения. Бюрнуф, Томсон, Теланг, Безант Сенар вкладывают в него тот смысл, что битва приходит для кшатрия неожиданно, сама по себе, то есть, что кшатрий не является её зачинщиком, но лишь, выполняя долг касты, принимает вызов. Лоринзер, Дейссен и др. относят слово "неожиданно" к слову "Небеса" и переводят в том смысле, что Небеса неожиданно открываются кшатрию, погибшему в праведном бою. Первый смысл уже содержится в предыдущем стихе, где говорится о "праведной войне" (букв. "о войне, соответствующей дхарме"). Стих 31 Гиты предполагает, что война предпринята ради выполнения долга, защиты принципа, нарушенного противником. Вкладывать этот же смысл и в шл. 32 было бы излишним. Кроме того, такое толкование предписывало бы кшатрию какую-то пассивную роль, что не соответствует общему духу "дхармы кшатрия" (ср. Законы Ману, VII, 2 и сл. и гл. XVIII Гиты), ни частному случаю: Пандавы ведут не оборонительную войну, а наступательную, они отстаивают свои права на наследство. Правда, их вынуждает воевать ряд коварных поступков Дурьодханы, правда, они приложили все усилия, чтобы разрешить конфликт мирным путём, но формально они наступают, а Клауравы защищаются.

Второе толкование более приемлемо: не всякий кшатрий может быть уверен в загробном блаженстве, смерть же в бою "за правое дело" обеспечивает "отвёрстые врата рая" (ср. также Наль, II, 17-19, где Индра говорит, что он ждёт кшатриев, погибших в бою, как своих дорогих гостей).

II, 33. *Грех* — Шанкара замечает: если кшатрия не сражается, то он совершает грех и может упустить случай сразиться с такими существами, как Махадэва (Шива). Когда Арджуна восходил в чертоги своего отца Индры; он в Гималаях встретился с Шивой в образе "Кайрата" (горца-карлика) и сразился с ним (см. вып. III, кн. III, гл. 38—41). Познав истинную его природу, Арджуна преклонился перед ним и получил от него оружие: "Пашупатастра" (Пашупата — один из многочисленных эпитетов Шивы). Этот эпизод, цитируемый Шанкарой, аналогичен эпизоду борьбы Иакова (кн. Берешит, XXII, 24—28): как известно, эпизод заканчивается благословением Иакова и словами: "Ты боролся с богом, и человек одолевает будешь". Мотив богоборчества был широко развит в древних религиях.

II, 34. *Все существа* — *bhūtaṇi* — так переводит большинство переводчиков (Теланг, Леви), Дейссен переводит "все", Бюрнуф — "люди", Сенар — "Вселенная". Такой перевод слишком волен: здесь нельзя расширять смысла до понятия "мир, Вселенная", речь идёт собственно о людях.

II, 35. *Презренным* — Томсон подчёркивает синтаксическую трудность этого стиха. Он переводит: "And whose contempt thou wilt incur, from having been greatly esteemed..." Т.е. мысль остаётся незаконченной. Томсон предполагает обойти трудность, опустив частицу "ca", что позволяет ему отнести местоимение "yesham" к "maharajahs" (великие вители). Предложение Шлегеля и Лассена заменить "yesham" через "sham" не подтверждается ни одной рукописью.

II, 37. *Решись* — выражение "krīanīssaṇa" все переводят как "утвердив намерение", "решившись", но можно перевести и "покончив со стремлениями", т.е. со своекорыстными мотивами и с нежеланием сражаться, о котором говорил Арджуна.

II, 39. *Кармы* — понимание этого стиха возбуждало большие споры, а вместе с тем он очень важен для понимания основ Гиты. Сущность споров сводится к тому, как понимать здесь термины "Санкхья" и "Йога". Некоторые переводчики предпочитают оставлять эти термины без перевода и пишут их с большой буквы (напр., Леви), вкладывая в них, т.е., смысл собственных имен, укрепившихся за школами мунн, Капила и Ишвара-Кришны, с одной стороны, и школы Патанджали, с другой. При такой установке напрашивается вывод, что Гита есть синкретическое произведение, стремящееся объединить эти два течения, причём вопрос о тождестве и различии школ Капила (т.н. эпическая или ранняя Санкхья) и Ишвара-Кришны (классическая Санкхья) оставляется в стороне или, вернее, молчаливо допускается первый момент, т.е. утверждение тождества школ. Др. (напр., Теланг) указывают, что комментаторы пытались различным образом объяснить термин "Санкхья" и высказывают предположение, что здесь речь идёт не об определённой школе, а вообще о методе рассуждения, об истинном постижении Освобождения путём познания. Мнение это подкрепляется ссылкой на третью гл. Гиты. Такой взгляд отвечает на вопрос о тождестве ранней и поздней Санкхьи отрицательно. Томсон принимает среднее решение, считая несомненным, что под терминами "Санкхья" и "Йога" понимаются определённые школы, но вместе с тем подчёркивает, что термины эти в Гите следует понимать более широко, согласно первичному значению слов. Бюрнуф, оставляя термины без перевода, даёт в скобках их значение, а Дейссен поступает наоборот: даёт перевод и в скобках подлинные термины и не принимает их за собственные имена. Сенар в примечаниях

настаивает на широком понимании терминов. Гарбе сохраняет их без перевода. Махадэва Шастри оставляет термины также без перевода и пишет их с большой буквы, как собственные имена.

Шанкара даёт следующее толкование шл.: то, что сообщено, является вероучением Санкхьи, это есть истина, касающаяся Абсолютной Реальности, уничтожающая зло неведения, которое является причиной самсары. Говоря же об Йоге, продолжает Шанкара, Бхагаван, желая заинтересовать ученика, утверждает, что знание вероучения Йоги уничтожает узы кармы. Это толкование Шанкары может служить примером того, как он обращается с текстами Гиты: сохраняя ортодоксальность, он не смеет просто вычеркнуть текст, как это делают современные критики, если текст не укладывается в рамки предвзятой теории, и ему остаётся только одна возможность — перетолковать текст даже вопреки очевидному его значению. Разбираемые термины нельзя понимать в смысле классической Санкхьи и Йоги Патанджали: слово "Йога" в Гите имеет совершенно иное значение, нежели в таких поздних текстах, как Йогасутры.

В литературе о Гите можно выделить две точки зрения, касающиеся понимания связи Гиты с философией Санкхьи. Наиболее ярким и поздним представителем первой является Гарбе, к которому примкнули некоторые индийские исследователи. Она принимает, что в Гите говорится о дуалистической Санкхье, иначе называемой "классической", изложенной в известном произведении Ишваракришны "Санкхья-Карика", написанном не ранее II в. н.э. Так как очень многое в Гите (учение об Атмане, Брахмо) не может быть вписано в рамки Санкхьи, исследователи, утверждающие связь классической Санкхьи и Гиты, вынуждены видеть в Гите несметное количество противоречий и прибегать к теории "интерполяции", "составления текстов", т.е. приёмам, дискредитированным школой т.н. "библейской критики". Неизбежным следствием, вытекающим из разбираемой точки зрения, является необходимость поздней датировки памятника, вопреки весьма веским данным, говорящим за более раннюю его датировку.

В настоящее время преобладает другая точка зрения, считающая, что во времена Гиты Санкхья ещё не существовала как дуалистическая система, и что под этим названием понималась точка зрения относительного монизма, смещающая крайние выводы безусловного монизма. Ламонт (с. 34) считает, что Бхагавадгита, наряду с другими философскими текстами Махабхараты, не малагает зрелое учение реалистического направления Веданты, но лишь переходную стадию к реализму Санкхьи и что классическая Санкхья ещё не существовала в период создания Гиты. Своё мнение Ламонт подкрепляет ссылкой на Дейссена. Одно лишь можно возразить на это высказывание: эпическая Санкхья не обязательно ведёт к классической. Опираясь на тексты Махабхараты, я старался показать, что путь к классической Санкхье есть лишь одно из двух направлений, принятых эпической философией, другой же путь лежит как раз через Бхагавадгиту — к относительному монизму Рамануджи и Виджняна Бхикшу. Бхагавадгита не "привязана" к Упанишадам, но приобщена к ним органически, и это всегда сознавалось индийцами: древняя и неизменная традиция именует Гиту Упанишадой и авторитет Гиты всегда был не меньший, чем наиболее авторитетных из Упанишад (Чхандогьи, Брихадараньяки и др.).

П. 40. Дхармы — слово дхарма оставлено без перевода, чтобы не суживать смысла стиха тем или иным толкованием, которых для этого места предлагалось достаточно много. Томсон в примечании к данной шл. замечает, что все мирские стремления осуждены иа погибель, тогда как усилие Йоги устойчиво, ибо цель Йоги — освобождение духа. Своеобразно понимает это место Дейссен: "Dann gibt es für dich keine Hoffnung mehr des Emporkommens (in der Seelenwanderung) und keine Möglichkeit des Niederganges (in Ihr). Wer

auch nur ein wenig von dieser Satzung sich aneignet, den rettet sie aus grosser Not". Теланг переводит: "In this (path of final emancipation) nothing that is commenced becomes abortive...". Это понимание близко к толкованию Шанкары, который говорит, что никакая попытка в этой части процесса освобождения (Мокша) не теряется зря. Здесь нет опасности, говорит Шанкара, какая может быть от неправильно данного лекарства. Всё, что ни сделано в этой религии (дхарма) Йоги, как бы это ни было мало, спасает от великого страха самсары, рождения и смерти. Гарбе также понимает, что в этом стихе речь идёт об Йоге. Он переводит: "Здесь (з упражнения Йоги) нет гибели предприятости стремления...". Он поясняет в примечании, что в данной шл. речь идёт о Йоге. Однако можно указать и на допустимость такого понимания: Арджуна говорил о наступлении гибели и извращении законов, как следствия братоубийственной войны, а Шри Кришна побуждает его к войне (ср. шл. 38).

Слова 40 шл. можно отнести к общему смыслу высказанных Шри Кришной положений: в них, какими бы парадоксальными они ни казались, нет извращения рассуждения, нет гибельных, греховных установок. А что парадоксы Кришны не так легки для усвоения, это замечает и сама Гита (ср. III, 1). Шлегель считает, что слово "здесь" нужно понимать в этой шл. двояко: в смысле "здесь, на Земле" и в смысле "здесь, в учении Йоги". Перевод Эджертона: "The mental attitude whose nature is resolution is but one in this world..." лишь частично следует мысли Шлегеля и грубо уплощает мысль, давая оттенок исключительности и ортодоксальности, столь чуждых духу Гиты.

II, 41. Буддхи — большинство переводчиков передаёт слово "buddhi" не через "разум, ум", а через "учение, воззрение" (ср. шл. 39). Томсон поясняет, что единственная цель Йоги — освобождение души, а в мирских делах цели столь же разнообразны, сколь разнообразны наши желания. Слово "buddhi" Томсон переводит в этой шл. через "объект". Теланг поясняет, что "здесь" (II, 40) значит: при вступлении на путь, Махадэва Шастри переводит "Буддхи" через убеждение. Шанкара замечает, что такое единственное убеждение происходит от правильного знания, все другие убеждения многоветвисты. Перевод "воззрение", "учение" имеет то неудобство, что у читателя может возникнуть представление, будто речь идёт о какой-то определённой философской системе Санкхьи или Йоги. Но такое впечатление не оправдывается текстом и несёт в себе дух нетерпимости, чуждый индийской философии и религии, в частности, совершенно не свойственный Гите. Текст говорит не о какой-либо конкретной философской или религиозной форме, а о внутренней устремлённости, определяющей форму, но не определяемой формой (ср. IV, 11; VII, 21 и мн. др. места Гиты). Требование цельности, устремлённости ума есть одно из основных требований Йоги вообще и Йоги Гиты, в частности (ср. напр., VI, 12: "Там, сердце (манас) установив на одном..." и Катхаки Упанишада, VI, 10: "Если приходит к успокоению манас с пятью индриями и Буддхи стоит неподвижно — это называется Высшим Путём...", а также Йогасутры, III, 1-2).

II, 42. Другого — с этого стиха и дальше начинается критика ортодоксального Браманизма. Стихи 42—44 охватывают период, в котором главное предложение стоит в конце; период начинается придаточным предложением, что создает значительные трудности для перевода. Одни переводчики (напр., Томсон) в примечаниях останавливаются на этих трудностях. Др. разбивают период на самостоятельные части, и т.д. В общем перевод этого места страдает большими или меньшими неточностями, т.к. санскритские обороты не укладываются в синтаксис европейских языков. Однако в передаче смысла переводчики согласны. Он сводится к мысли, что для тех, кто говорит пышные речи, стремится к наградам за добрые

дела и жертвы, придерживаясь буквы закона, не существует нераздельного, целостного устремления мысли, требуемого Йогой.

II, 43. *Раю* — по учению Индуизма и наказание, и награда не вечны и не ставятся как цель стремящегося к Освобождению (ср. IX, 20-21). Томсон считает, что эти слова направлены против школы Пурва Мимансы, придававшей большое значение обрядовой религии. Несколько своеобразно понимает это место Шлегель: "sed apud superior finem honorem predicantes...". О том, что над Ведами есть "иное", говорят уже Упанишады. Так, Катхака Упанишада, 2, 7—9 утверждает: "Атман достигается не обучением, не разумением и большим знанием писаний. Лишь тот, кого он выбирает, может его постигнуть, ему открывает Атман свою сущность" (ср. Гита, XI, 53-54). В Мундаки Упанишаде, I, I, 4—5 сказано: "И он сказал ему: две науки нужно понимать под тем, что говорят знающие Брахмо, — высшую и низшую. Низшая есть Ригведа, Яджурведа, Самаведа, учение о звуке, обрядах, грамматика, учение о словах, метрика, астрономия. Но высшая есть та, через которую познаётся Непреходящее ТО (акшарам)". Шанкара по поводу шл. 42—43 замечает: "безумцы, стремящиеся к раю, блуждают в самсаре. Их разум и мудрость ослеплены, и они не могут составлять правильных представлений о Санкхье и Йоге".

II, 43. *Плод дел* — так понимает Шанкара, которому следует большинство переводчиков (Теланг, Дейссен и пр.); можно перевести и так: "обещает рождение и плод кармы"; на такую возможность указывает Эджертон в примечаниях.

II, 44. *Власть* — слово "aisvarya" "власть, владычество" здесь можно понимать и как "рай" (ср. христианское "царствовать" в смысле пребывать в раю; так, Дейссен переводит "himmlische Herrlichkeit").

II, 44. *Самадхи* — состояние умственного экстаза, которого добивается Йога. В восьмиступенной системе Патанджали это есть высшая, восьмая ступень йогических достижений, в свою очередь делящаяся на несколько градаций. Самадхи с сохранением сознания, без сохранения и т.д.

II, 45. *Гун* — шл. особенно привлекала внимание исследователей, как один из важнейших текстов, для решения вопроса об отношении Гиты к Ведам. Будет излишним привести основные варианты переводов этого места.

Шлегель переводит: "Ternorum qualitates materiam exhibent libri sacri...".

Томсон: "The subject of the Vedas is the three qualities...".

Бюрнуф: "In trouve les trois qualites dans les Vedas...".

Гарбе: "Die Vedas beziehen sich auf drei Gunen (d.h. auf die materielle Welt)...".

Очень близок к Томсону перевод Махадэва Шастри. Перевод Теланга совпадает с переводом Гарбе.

Лоринзер сомневается в том, что эту шл. надо понимать, как порицание Вед, так как они собственно не говорят о трёх гунах (качествах); он думает, что текст имеет виду Законы Ману. Однако такое толкование натянуто и бездоказательно: нет оснований полагать, что текст, совершенно ясно и определённо называющий Веды, мог спутать их с законами Ману. Чётко и очень близко к тексту переводит Дейссен: "Im drei Gunahaften sind die Veden befaßten...". Текст не "порицает" Веды, как думает Лоринзер, и не "отрицает" их, но скорее "снимает" в гегелевском смысле, указывая, что Веды не ведут к Освобождению, т.к. они сами находятся в области трёх гун, качеств Природы, а потому и не свободны; над ними есть нечто высшее (ср. шл. 43), к чему ведёт Йога.

II, 45. *Гуны* — это "качества" или "состояние" материи, их три: 1) "саттва" — "ясность", "чистота", "intelligent stuff", как формулирует Дасгупта; 2) "раджас" — "движение", "страсть", "энергия"; 3) "тамас" — "тьма", "косность". В древнейших Упанишадах нет учения о гунах, вместо этого

там говорится о трёх состояниях: теплоте, воде и пище (ср. Чхандогья Упанишада, 6, 2 и сл.), однако, в более поздних Упанишадах это учение оказывается уже вполне сформированным (ср. Майтри Упанишаду, 6, 28, 30). Впрочем, подлинность этих мест оспаривается. Так, Дейссен считает, что они подверглись позднейшей обработке.

Впоследствии учение о гунах было детально развито школой Санкхьей, основанной на нём свою диалектику. В Махабхарате учение о трёх гунах вполне развито: оно получило широкое признание всей позднейшей индийской философии, включая и школу Веданты; впрочем, оно не является основным, как в Санкхье. Разумеется, каждая школа вкладывала своё понимание в основную трёхчленную формулу диалектики природы. Школа Санкхья (а с ней и школа Патанджали) ставит знак равенства между понятием "Пракрити" (Природа) и динамикой трёх гун. "Пракрити" — это три гуны, находящиеся в равновесии — так определяет понятие о гунах Дасгупта (ср. "Йога, как философия", с. 6). Более подробно о трёх гунах см. примеч. к гл. XIV.

II, 45. *Свободный от двойственности* — т.е. умеющий синтезировать противоречия миропроявления. Шанкара и Рамануджи видят в этих условиях указание на необходимость умения синтезировать противоположность гун "раджас" (движение) и "тамас" (косность) в единой гуне "саттва" (гармония). Такое понимание вполне согласуется с учением Гиты, развитым в гл. XIV, особенно в шл. 10 и 17 (ср. гл. XVII и XVIII, особенно шл. 33).

II, 45. *Пребывая в реальности* — Рамануджи поясняет, что речь идёт о саттве, как о состоянии наиболее чистом, наиболее отражающем дух; т.е., саттве здесь понимается широко, как возможно более чистое проявление истины. Так полагает и Хилл.

II, 45. *Свободный от собственности* — "пирйогакшема". Томсон замечает, что этот термин имеет очень широкое значение договора между двумя сторонами, в силу которого одна сторона обязывается охранять жизнь и имущество другой стороны; впоследствии этим термином обозначалось чувство тревоги за собственность и вообще за свои мирские интересы (ср. "суэта" в христианском смысле). Такое понимание термина Томсон обосновывает ссылкой на Ману, VII, 127 и VIII, 230.

II, 45. *Атману* — *Atman* — "владеющий собой", самообладающий, а также обладающий (познанием) Атмана. Последнее значение лишь формально противоречит тексту (если не настаивать на понимании его в узком смысле поздней Санкхьи). По общепринятому в традиционной индийской философии взгляду, воплощенный, как бы ни было высоко его духовное развитие, не может быть вполне свободен от трёх гун, но, освобождаясь от "низших", он становится всё "саттвичней" и, т.е., достигает состояния "заживо Освобождённого" (дживанмукта), а развоплощаясь, достигает полного Освобождения (ср. XIV, 20). Однако слово "саттва" можно понимать и в более широком значении, как это делают некоторые переводчики (ср., напр., Дейссен: "Вечная Реальность"). В индийской литературе существуют противоречивые мнения о возможности полного Освобождения при жизни.

II, 46. *Познал Брахмо* — Дейссен переводит: "для брамина, обладающего познанием"; такого же смысла придерживается и большинство переводчиков (Теланг, Сенар, Леви, Гарбе). Однако Дейссен (а также и Теланг) ссылаются на Махабхарату V, 1785, где говорится: "Так бывает со всеми Ведами для того, кто знает Атмана". Т.е., оба значения: "для познавшего Брахмо" и для "познающего брамина" — одинаково приемлемы.

Эта шл. является своего рода камнем преткновения для переводчиков. Она очень важна для выяснения отношения Гиты к Ведам, а форма выражения мысли в этом стихе настолько темна, что допускает совершенно

противоположные толкования. В европейской литературе ещё недавно происходила по поводу данного места оживлённая полемика, в которой принимали участие крупные филологи Европы.

В 1903 г. Паволлини предложил новый перевод и толкование данной шл. Он пишет: *"Come quando si può disporre di una massa sovabondante d'acqua nessuna utilità vienne da piccola cisterna, così a chi è immerso nella contemplazione del Brahman gioia suprema e infinita, nessuna utilità vienne dal Veda piccolo ricettacolo di gioie limitate radicate nel carman"*.

Беллони Филиппи выступил с критикой такого перевода, который он называет остроумным, но неприемлемым с точки зрения филологической. Паволлини подчёркивает склонность индийцев "вливать новое вино в старые мехи". Следуя этому положению, он утверждает, что Гита стремится соединить две различные системы: Санкхью и Йогу. Связывая себя древним ведическим преданием, Гита не оспаривает авторитет Вед, но признаёт его бесполезным, если Веды не истолкованы правильно, и поэтому называет слова Вед цветистыми для неразумных, но не для мудрых, — для йогингов (II. 42). На этом основании Паволлини и делает свой перевод, ставя шл. 46 в тесную связь со шл. 45, причём последний он понимает в духе отрицания Вед. Беллони же полагает, что шл. 46 связана не с 45, но со шл. 44.

Со шл. 39 Шри Шанкара даёт характеристику Йоги; шл. 45 является развитием этой мысли и говорит о том, что йогин не является приверженцем Вед и учения о трёх гунах. Паволлини переводит "udarapa" как "alpodarapa" — "маленький пруд", "маленький источник", тогда как "udarapa" значит большой источник. Паволлини ставит после "udarapa" запятую (равно как и Михальский-Ивенский), тогда как, по мнению Беллони, запятую следует ставить после "mahat". Прилагательное "mahant" означает не количество, а качество — "большой", а не "многий". Слово "samlutodake" зависит от "udarape", как то понимают и индийские комментаторы (Шанкара, Рамануджи, Нилаканта). Таковы возражения Беллони. На основании их он заключает, что шл. должна быть переведена так: *"Wie viel Nutzen (d.h. meinigen Nutzen) man aus einen (grossen) Brunnen, worin Wasser von allen Seiten zusammenfließt, ziehen darauf, ebensoviel ist aus allen Veden vom Kenner des Brahman zu ziehen"*.

В понимании Беллони смысл шл. состоит в том, что знающий Брахмо может использовать лишь часть учения Вед, совпадающую со взглядами такого достигшего, т.е., что учение о Брахмо, а значит и учение Вед, содержит много ненужного, лишнего. Это толкование совпадает с учением Рамануджи и Нилаканты, но не совпадает со взглядами мн. др. индийских и европейских комментаторов. Из своего исследования Беллони делает следующие выводы: 1) Бхагавадгита есть ортодоксальное произведение, не отвергающее авторитета Вед, но объединяющее старое и новое знание; 2) шл. II. 46 не связана с предыдущей шл. (45), а является выводом из шл. 41—42, в которых даётся определение Йоги; 3) слово "udarape" в шл. 46 нельзя переводить "маленький источник", а нужно переводить "большой источник"; 4) сложное слово "samlutodake" не есть ablat. absol., как то считает Паволлини, а согласовано с "udarape".

К критике Беллони присоединился Якоби; Гарбе и Дейссен использовали её в своих переводах Гиты. В защиту взглядов Паволлини выступил в 1910 г. О. Шрадер. Он указывал, что, по словарю Апте, основное значение слова "udarapa" есть "маленький водоём". Выражение "udarapa sanduka" обозначает малоопытного, ограниченного во взглядах человека. Лучшие индийские комментаторы отдают "udarape" от "sarvatah samlutodaka". Слова эти в стихе разделяются цензурой, на что не обращает внимания Беллони. В санскритской литературе образ водоёма встречается не так уже редко.

Древняя Гита (автор придерживается плюралистического взгляда на Гиту, защищаемого Гарбе) черпает свой материал иногда дословно из Упанишад, особенно из т.н. средних: Катхака и пр. — и присоединяется к их противоведической точке зрения (ср. Амритананда, 1—2, Арунейя, II, 1, конец Парамхамса и т.д.). Т.о., заключает Шрадер, взгляд Паволини не так уж “поразительно нов” и “соответствует лучшим индийским комментаторам; он не противоречит и общей концепции Гиты; в нём с ортодоксальной точки зрения не содержится никакой “ереси”, т.к. тот, кто знает Брахмо, не нуждается в поучении. Мадхусудана Сарасвати правильно принимает “udaraṇe” за единственное число, стоящее вместо множественного; многие источники, заполненные полководьем, это — многочисленные ведические школы. Шрадер полагает, что древняя Гита кончалась 38 шл. гл. 11. Это ядро произведения — невиншунитское, так как в нём употребляется термин “atmaṇaṁ”, тогда как в дальнейшем, в виншунитской части произведения, употребляется вместо него термин “matraṇaṁ”. По мнению Шрадера, ядро Гиты есть атеистическое произведение школы “Атеистической классической Санкхьи”. Позднее этот маленький текст был якобы использован сектой брахматов и развит в современную Гиту.

Лассен видит в шл. 46 насмешку поэта над Браманизмом. Лоринзер считает, что шл. свидетельствует о том, что автор Гиты не против Вед вообще, а только против неправильного толкования. Теланг замечает, что Шри Кришна сравнивает Веда с прудом, из которого в разные стороны текут воды; но эти воды могут быть использованы с разной целью: для купания, стирки белья, утоления жажды и пр. Подобным же образом Веда предписывают разные обязанности (дхармы) и обряды для достижения рая, убийства врага и пр. Шри Кришна же настаивает: долг человека в выполнении предписанного действия независимо от плодов. О характере источника Лассен замечает, что это искусственное озеро, устланное камнем, подобно тем, какие так любили делать римляне ради декорации. Шанкара говорит по поводу этого стиха: есть ли нужда пить из разных водоёмов и купаться в них тому, кто находится в месте, куда отовсюду стекаются воды, — первая польза заключена в последней. Подобно этому, польза, заключающаяся в различных ведических обрядах, охватывается пользой от правильного знания для того брамина, который отказался от мира и полностью осуществил истину Абсолютной Реальности. Такое знание подобно местности, куда отовсюду стекаются воды.

II, 45. *Бездействием* — можно считать, что с этой шл. начинается учение о Йоге, как практике, но сама Йога ещё не получает своего определения: оно даётся ниже, а данная шл. и следующие являются только подготовительным для такого определения. Шл. начинается словом “eva”, которое здесь можно перевести “итак”. Большинство переводчиков опускает это слово. Томсон переводит его через “then”. Было бы неправильно пренебречь этим, казалось бы, маловажным словечком, приняв, что оно стоит только для ритма: оно имеет свое немаловажное значение, так как связывает данную шл. с предпосылками предыдущих шл. и подчеркивает, что шл. 47 выражает практический вывод из предыдущего высказывания. Без этого словечка логическая нить изложения была бы выражена недостаточно чётко. Дейссен передаёт его через “freilich” и переводит: “Dein Beruf ist es freilich das Werk zutun”. Томсон передаёт это место более выпукло: “Let then the motive for action be in the action itself, never in its reward”. Едва ли можно согласиться с толкованием Гарбе: “Dein Interesse (aber) ist nur in das Handeln”. Непонятно, почему Гарбе ставит “aber” в скобки, как бы добавочное при переводе слово, и почему он придаёт оттенок противопоставления содержанию предыдущих шл.

II, 48. *Йога* — Даступта ("История индийской философии", II, 443) считает, что Гита неизвестно техническое значение термина "yoga", данное в I, 1 Йогасутр. Автор различает три корня: *yujj* — в смысле соединять, связывать, (*yujj* — *yoga*) и *yuj* — в смысле прекращать, тормозить (*yuj samadham*) и *yuj* — в смысле овладевать (*yuj samayamane*). Гита знает все три смысловых оттенка. В сложных словах, как, напр., *buddhi-yoga*, *Karma-yoga* слово *yoga* означает привязывание, установление тесной связи с понятием, выраженным в первом слове, приобщение. Рассматриваемая шл. очень важна для понимания Гиты. Во-первых потому, что она требует совершения действий от "стоящего в Йоге", что резко противопоставляет учение Гиты школам, проповедовавшим "неделание". Во-вторых, здесь дано четкое определение Йоги, отличающее Йогу Гиты от других йогических систем, и, в частности, от Йоги Патанджали, на что, как нам кажется, в специальной литературе недостаточно обращается внимания. В этой шл. *Йога* определяется так: "*Samatvam yoga ucyate*". "*Samatva*" значит "равновесие", "равность", "уравновешенность", ровное уравновешенное поведение. Бюрнуф переводит: "*L'union est l'egalite d'ame*". Томсон: "*Equanimity is called devotion (yoga)*". Лоринзер: "*Gleichmut Veruefung wird genannt*". Дейссен: "*Gleichmut wird Yoga (Hingebung) genannt*". Теланг переводит совершенно так же, как Томсон. Махадэва Шастри переводит, как Дейссен: "*Evenness is called Yoga*". Гарбе переводит, как Дейссен, но не приводит подлинного термина "*Йога*", а только перевод его через "*Ergebung*".

Из приведённых примеров видно, что переводчики недостаточно оценивали важность момента данного места для понимания Гиты, т.к. многие из них не приводят подлинный термин, как это обыкновенно делается в особо важных местах. Как важно приводить в таких случаях подлинный термин, видно из того, как разнообразно его переводят в данном месте разные исследователи. Собственно говоря, санскритский термин "*Йога*" охватывает все приведённые значения и ещё иные. В особо важных местах его лучше, как и другие специфические термины индийской философии, оставлять без перевода или приводить в скобках, чтобы предоставить внимательному читателю самому вложить в каждом отдельном случае тот или иной оттенок. Каждая философская школа употребляет общие термины в своём особом смысле. Более того, даже в одном и том же философском произведении тот же термин можно употреблять в различных смысловых оттенках. Нам уже представлялся случай показать это на примере термина "дхарма". Гита употребляет термин "*Йога*" преимущественно в смысле "единение", но также и в смысле "преданность" и даже в смысле "духовной силы". Слово "*Йога*" происходит от глагола "*yui*" "соединять, снабжать, напрягать" и пр. Уже в очень раннее время оно в индийской философии получило значение "праксис" в смысле неоплатоников. На это значение указывает, напр., Дейссен в своём переводе Упанишад (ср. Маханараджа уп. 63, 21, Майтри Упанишад, 6, 3). Одно из наиболее ранних определений Йоги дано в Катхака Упанишаде, 6, 10-11: "*Йога* есть творение и уничтожение", и "*Йога* есть крепкое удержание чувств" "*indriyani pratyahara*". Одним из наиболее ранних йогических мест Упанишад является текст Тайттирия Упанишад, 2, 4. "Кто знает восторг Брахмо, тот никогда не боится". Там же при описании Атмана сказано: "Вера — его глава, справедливость десница, правда — шуйца, *Йога* — туловище, мощь (*mahat*) — основание".

Уже не раз мы упоминали, что принято сближать Гиту с йогической школой Патанджали, но близость эта только кажущаяся, больше формальная, нежели по существу. Достаточно сравнить определение Йоги, данное Гитой в II, 48 и 50, с определением Йогасутр Патанджали (I, 1), чтобы понять всю принципиальную разницу концепций этих двух памятников индийской философии. Формула Йогасутр: "*yoga-citta-vrttinirodhah*" гласит: "*Йога* есть

удержание материи мысли (citta) от волнения (vritti). Т.о., школа Патанджали предписывает тормозить всякое внешнее и внутреннее движение, чтобы добиться полной остановки жизненного процесса вообще. Цель упражнений — достижение "кайваля" — блаженства обособления от Природы, миропроявления; покой отрешённого Духа (Пуруши). Понятие "кайваля" школы Патанджали близко к понятию "Нирваны" буддистов, и приёмы его Йоги (праксиса) близки к приёмам Йоги буддистов, если не тождественны им. "Йога" Патанджали и буддистов ни с чем не объединяет йогина, но втягивает его в самого себя, "как черепаха втягивает свои члены". Йога Гиты есть Йога деятельности (Карма Йога), как праксис и Бхакти Йога, как единение. Цель Йоги Гиты не "кайваля", отрешённость от мира всегда изолированной монады плюралистической концепции классической Санхьи, а полное слияние с миром, который по существу есть сам Бхагаван (ср. гл. X), это — Нирвана Брахмо (II, 72), не отсутствие движения, а "подвижный покой" океана, "принимающего в себя все реки" (II, 70). Единение Гиты — неслиянность и нераздельность, утверждение индивидуальности, как нераздельной части Целого. Один из прославленных индийских бхактов Шри-Рамакришна говорил: "Я предпочитаю есть сахар, чем быть сахаром". Это — важная формулировка для уяснения всего течения бхакти от его древнейших истоков, где блистает гений Гиты, до современного проявления этого течения в Индии.

II, 49. Действия — смысл шл. — утверждение, что действие, относясь к средней гуне (радхас), само порождает движение, а не равновесие и может служить средством к Освобождению, лишь при условии участия в нём саттвического элемента Йоги, вливающей в него новый, высший, смысл, что и обуславливает его саттваичность.

II, 49. В мудрости — в тексте употреблено слово "buddhi". Термин этот понимается по-разному. Приведём некоторые примеры: Теланг передаёт его словом "devotil", Дейссен — "Erkenninis", Лсви — "raison", Сенар — "pensee" и т.д. Все эти переводы дают одно из частных значений этого чрезвычайно широкого термина. Переводить "buddhi" через "разум" не вполне удобно, т.к. этот и аналогичные термины, подыскиваемые переводчиками в европейских языках, обладают слишком рационалистическим оттенком. Понятие "Буддхи" в индийской философии близко к понятию "практический разум" Канта, т.к. в нём чувствуется волюнтаристический оттенок. Понятию "разум", "рассудок" с тем оттенком, который ему придают кантианство и вообще европейская философия, скорее соответствует санскритский термин "манас", хотя и это слово употребляется в волюнтаристическом смысле "сердце" со всеми обертонами психологизма эмоции, в то время как в волюнтаристический смысл термина "Буддхи" входят этические обертоны ("совесть", напр.).

Словарное значение "Буддхи" (по БПС) — "познание, воззрение, намерение"; значения же "учение, мудрость" БПС не даёт. Однако Гита употребляет разбираемый термин шире. Интересно передаёт настоящий шл. Гарбе: "Wer die Ergebung des Herzensbesitz, sieht hier (in dem Leben) beides nicht, weder Verdienst noch Schuld". И в последующих шл. Гарбе передаёт "Буддхи" через сердце.

II, 50. Здесь — т.е. в условиях физического мира. Человек, оставивший плоды дел, освобождается от уз кармы ещё будучи воплощённым, а потому называется "дживанмукта", "живо освобождённый". Некоторые переводчики без достаточного основания пропускают слово "iha" "здесь", хотя оно даёт очень характерный оттенок мысли.

II, 50. Грехи — не следует понимать этот стих как проповедь аморальности, в нём можно видеть лишь учение о "снятии" "добродетели", получающей награду, и "греха", получающего наказание. Относительно

нравственности Шри Кришна говорил выше. Требование "абсолютной этики" заключается в оставлении "выгодности" и "невыгодности" действия для действующего, снятия "личной заинтересованности" у того, кто всецело отдал себя Брахмо. Хотя проповедь аморальности и не свойственна Гите, однако, Шри Кришна действительно проводит идею относительности этики в разнообразных формах и утверждает, что моральную ценность имеет не факт, как таковой, но акт.

Для формальной религиозной морали такая идея всегда была неприемлемой, и ей противопологалось понятие "греха" как факта, безотносительного к намерению действующего лица. Даже греческая религия ещё по существу не делала различия между "вольным" и "невольным" грехом, но оценивала только факт, а не намерение. Ярким примером таких моральных установок греческой религии является сказание об Эдипе и отчасти об Оресте. В Браманизме очень сильно сказывался формализм морали. Для примера можно привести тяжёлое наказание Пали за невольное нарушение обряда: исполнив очистительную молитву, он забыл совершить предписанное законом омовение, за что и был наказан. С таким формализмом в морали и боролся Шри Кришна, но его борьба далека от "аморальности", которую некоторые хотят видеть в данной шл.

II, 50. В действиях — вторая половина шл. представляет особый интерес, так как даёт новое определение Йоги: "yoga karmasu kauchalam". Слово "kauchalam" имеет два основных значения: 1) благосостояние, 2) способность, опытность. Последнее значение даёт БПС в контексте данной шл., большинство же переводчиков принимает первое значение. Оригинальную концепцию даёт Теланг: "Devotion in (all) actions of wisdom". Некоторые переводчики видят в этом стихе своего рода формулу "по ту сторону добра и зла", и переводят его слишком тенденциозно. Так, Леви: "Abandonne tant le bien que le mal".

Аналогично переводит и Сенар. Более нейтрально переводит Бюрнуф: "...se degage ici-bas des bonnes et des mauvaises oeuvres". Дейссен: "...lassi hinter sich...das gute und das bose...". Томсон решительно передаёт шл., как учение об отказе от плодов злых и добрых дел, а не в смысле отказа от добра и зла.

II, 51. Бесстрастия — "апамауа". Этот термин даёт в отрицательной форме положительное учение о блаженстве покоя, превосходящем блаженство и бессмертие богов. Подстрочно это слово можно перевести "безболезненный", "бесскорбный". Томсон подчёркивает удачность этого термина для выражения состояния единения индивидуальной души с Единым Духом Вселенной. Выражение "блаженство" не передаёт этой идеи: "блаженны" и боги, но они не гарантированы от скорби и глубочайших падений вплоть до ада, о чём неоднократно повествует индийская мифология. Как несвободные от гун, боги подлежат гибели в конце калпы, освобождённый же от гун мудрец уходит туда, "откуда нет возврата".

II, 52. Что было услышано — здесь говорится об освобождении от требований как бывших, так и будущих религиозных предписаний (под "шрота" понимаются в первую очередь Веды). Место это поражает силой утверждения внутреннего права человека на свободу. Признавая закон как средство Шри Кришна указывает на тот момент духовного развития, когда для человека становятся узкими рамки внешних форм, когда настает время "искать путь, с которого нет возврата". Лоринджер считает, что данный стих является полемикой против школы "Пуриа Миманса". Но это понимание слишком узко. Анандагири поясняет, что здесь говорится о всяком внешнем законе в его противопоставлении внутреннему закону.

II, 54. *Странствует* — здесь речь идёт об йогических действиях. Шанкара поясняет, что вопрос Арджуны относится к человеку, достигшему убеждения, что он есть высшее Брахмо.

II, 55. *Атману в себе* — большинство переводчиков даёт смысл "радуясь себе в себе самом же" (Томсон, Бюрнуф, Теланг, Гарбе и пр.). Дейссен, Махадэва Шастри принимают смысл, данный в моём переводе: "Радуюсь Атману в себе". Дейссен переводит: "... *nig an dem Selbst (Atman) und durch das Selbst seine Freude hat*", причём ссылается на Чхандогья Упанишаду, 7, 25, 2, где говорится: "... из этого следует для самосознания (*ahankāra*): я есть мир". Такой перевод разбираемой шл. даёт лёгкую возможность понимать её в духе Шанкары, но возможен перевод: "...радуясь Атману в Духе". Будучи подстрочным, такой перевод снимает всякую возможность истолкования, тогда как подлинник допускает таковое. Последнее понимание решительно определяет смысл шл. в духе Рамануджи и его школы. Нам казалось правильной сохранить философскую свободу текста и не навязывать читателю даже за счёт подстрочности перевода того или иного толкования. Думается, что предлагаемый перевод достигает цели: ему по желанию можно придать оттенок дуализма или монизма.

II, 56. *Мун* — мудрец, молчаливик. О бедствиях, упоминаемых в этой шл., Шанкара говорит: они бывают трёх родов — от собственного тела (*adhyatmika*), от внешних объектов, напр., от тигра (*adhibhauṭika*) и от действия великих сознательных космических сил: якшей, ракшасов и пр. Удовольствия классифицируются подобным же образом.

II, 58. *Устойчиво* — согласно индийской психологии, между органами чувств (индриями) и объектами устанавливается прочная материальная связь, разорвать которую возможно только силой Йоги.

II, 59 — шл. этот понимается различно. Предлагаемый перевод ближе к толкованию Шанкары, Теланга, Дейссена, Сенара, А. Безант. Иначе понимают это место Бюрнуф, Лоринжер, Эджертон, Томсон. Последний переводит, напр., так: "The objects of sense turn away, from a man, who refrains from food. Even appetite turns away, when it perceives ins extreme freedom from appetite" и в примечании говорит, что в стихе этом персонифицированы объекты чувств и аппетит, "убегающие" от победившего их мудреца. Вряд ли такое толкование соответствует духу Гиты. Неясность возникает отчасти от недостаточного понимания слова "nirahara". Это сложное слово можно разложить двумя способами: 1) на "nir" и "aharas", 2) на "nir"+"a"+"haras". В зависимости от способа разложения получается совершенно разный смысл: при первом способе получается "без питания", при втором — "не приближающийся", "не приносящий", "отрешённый". Сенар принимает первое значение и переводит: "Les objets des sens disparaissent pour l'ame qui n'en fait pas son aliment".

Подобным же образом переводит и Дейссен. Эджертон настаивает на чисто физическом значении: постящийся человек, говорит он, не может избавиться от желания есть, — пост тормозит его желания, но не аппетит. Трудно себе представить более плоское понимание Гиты. Помимо общих соображений, оно недопустимо уже хотя бы потому, что Гита высказывается против крайней аскезы (ср., напр., VI, 16, XVIII, 18—19). С точки зрения физиологического соображения Эджертон также не выдерживают критики, т.к. известно, что у многих голодающих (в эксперименте) аппетит пропадает после нескольких дней голодания, и пища становится даже противна, что ещё отнюдь не свидетельствует о "достижении Брахмо" такими людьми.

Шанкара комментирует это место так: "vicave" обозначает "объект", но здесь этому слову надо придать значение "чувство". Они действительно отвращаются от объектов даже у незнающего (подразумевается Брахмо) человека, который не обращается к чувствительным объектам, упражняясь

в аскезе; "rasa" (вкус) или склонность к объектам у него не исчезает. Но даже и вкус к ним исчезает у аскета, постигшего Высшую Реальность. Где нет истинного знания, там нет и уничтожения вкуса к объектам чувств, поэтому нужно стремиться достигнуть стойкости в истинном знании.

Махадэва Шастри добавляет к этому замечанию Шанкары: нет порочного круга в утверждении, что знание возникает от уничтожения желаний, и что желания исчезают, когда возникает знание, так как желания в своей грубой форме исчезают, когда возникает знание, а знание становится совершенным, когда совсем ослабевают желания.

II, 62. *Гнев* — смысл шл.: желание роковым образом ведёт к разочарованию, неудовлетворённое желание порождает гнев. В шл. 62 и 63 излагается традиционная схема индийской философии возникновения зла. Не надо забывать, что индийская философия видит причину страдания в "авидье", неведении, понимаемом как активный психический процесс. Гнев порождает заблуждение "sammoḥa", духовную слепоту, лишаящую способности распознавания основного качества, требуемого для освобождения (Мокша) от уз Майи. Заблуждение порождает "smṛitī vibrahma", что буквально значит "колебание памяти". Бюрнуф, Томсон передают это выражение как "потеря разума, интеллекта". Махадэва Шастри — как "потеря памяти", Гарбе — как "спутанность памяти", так же передаёт и Теланг: *confusion of memory*, причём замечает, что это означает забвение сутр и преподаваемых ими правил. "Smṛitī" означает не только "память", но и "священный закон". Предлагаемый перевод "забвение" даёт возможность примыслить гипотезу, подразумеваемое текстом. От забвения (закона) возникает гибель сознания (Буддхи). Обычно в этой шл. термин "Буддхи" переводят через "разум", однако такой перевод не передаёт широты мысли подлинника. Как уже говорилось, термин "Буддхи" в индийской философии не равнозначен термину "ум, разум" европейской философии, скорее близок к кантовскому понятию "практический разум", "совесть", "сознание", в силу которого человек способен на сознательный выбор морального акта.

В системе индийской философии и психологии "Буддхи" находятся "выше" "манаса" в логическом и феноменологическом смыслах. Манас завершает систему индрий, является их сосредоточием и ближайшим синтезом, Буддхи же есть узел, связующий манас, а через него и всю систему индрий с принципом индивидуальности (аханкара). Поэтому Гита и говорит о гибели индивидуума в случае разрыва в этой психологической системе. В европейских языках нет термина, вполне соответствующего санскритскому термину "Буддхи", а поэтому приходится подыскивать некоторые приближения, которые являются заведомо неточными. Перевод "сознание" по своей широте ближе подходит к смысловому комплексу подлинника, нежели рационалистический перевод, "разум, интеллект", искажающий логическое построение шл. и делающий её, по крайней мере, натянутой.

II, 64. *Ясность духа* — комментаторы говорят, что под этим надо разумеать свободу от страстей, Шанкара замечает: стремление к чувственным объектам описано как источник всяческого зла. Далее следует изложение способа Освобождения.

II, 65. *Страданий* — большинство переводчиков относит слово "sargaduhkhanam" к слову "hanig", но некоторые, например, Дейссен, относят его к "prasada", в своём переводе Дейссен оставляет слово "hanig" без дополнения, что вынуждает придать этому термину необычное значение. Перевод Дейссена гласит так: "Hat er aber Ruhe von allen Schmerzen, so entsteht in ihm die Resignation", причём "cetas" Дейссен передаёт через "Geist", а "Буддхи" — через "Erkenntnis". Большинство переводчиков передаёт слово

"hanir" через термины, выражающие идею отдаленности, исчезновения, недостатка. БПС производит это слово от второго "ha"—"оставлять, покидать" и для данного стиха Гиты даёт оттенки: "aufhören, unterbleiben, schwinden", ставя это слово в связь с "sarvaduḥkhaṇam". Трудно вывести идею смирения из такого значения слова, и БПС не даёт вовсе такого оттенка, как нет и в глаголе "ha" в первом и втором значениях. Итак, приходится признать, что перевод Дейссеном этой шл. натянут и необоснован. Довольно оригинально переводит вторую половину шл. Сенар: "Dans l'esprit pacifié bien vite la vérité s'établit", давая т.о. для "cetas" значение "esprit", а для "buddhi" — "vérité".

II, 65. *Сознание* — в этой шл. введено ещё не употреблявшиеся в Гите слово "cetas". Этот термин, пожалуй, наиболее близок европейскому понятию "сознание".

II, 66. *Творческой мысли* — bhavana. Мы делаем попытку дать описательный перевод этого термина, происходящего от глагола "bhu"—"быть, становиться". Как для многих других психолого-философских терминов санскрита, и для этого слова нет соответствующего термина в европейских языках, и переводчики дают лишь весьма отдалённый, приблизительный смысл. БПС для данной шл. приводит такие оттенки: Vergegenwärtigung, Vorstellung, Vermutung. Ольтрамар останавливается на значении этого технического термина Йоги. Он замечает, что ученик усваивает духовное учение тремя способами: он внимает ему, размышляет о нём и реализует его. Эти три акта традиционно обозначаются терминами: "śruti, cīnta, bhavana", причём "bhavana" есть "ikṣhaka"—"зрячая", это есть осуществление Истинной идеи. На этом последнем этапе пути познания очищенная и концентрированная мысль обладает Истиной.

II, 69. *Муни* — эту шл. можно понимать символически в связи с учением индийской психологии о ступенях сознания: бодрствование, сон, глубокий сон и "четвёртое состояние" (turya), соответствующее йогическому экстазу.

II, 70. *К желанию* — эта шл. не вполне ясна и обычно передаётся по принципу "интерпретирующего перевода". Загруднения возникают вследствие двойного значения слова "kaṁ", которое означает и желание, страсть и объект желания. Большинство переводчиков придерживается первого смысла, но некоторые, напр. Теланг, принимают второй. Теланг переводит: "He into whom all objects of desire enter, as water enters of ocean, which (through) replenished (still) keeps its position unmoved — he only obtains tranquility; not he who desires (those) objects of desire". Для правильного понимания шл. не следует упускать из виду, что, согласно индийской психологии, материя мысли, чितта, пластична, и её волны, вритти, принимают формы объектов мысли. Следовательно, если принято толкование Теланга "vaṅmātra" не есть отсутствие таких пластических волн психики, как того требует определение Йоги в Йогасутрах Патанджали, но лишь отсутствие самоотождествления с этими волнами, что представляет существенную разницу. Отсюда совместимость понятий "Йога" и "бхога" при таком понимании шл. Как известно вопрос о такой совместимости составлял предмет спора многих философских школ Индии. При таком подходе шл. приобретает очень важное значение для правильного понимания Йоги Гиты. Мудрец не гонится за объектом желания, за счастьем, он сам и объекты желания вступают в космическую душу муни, который принимает их в себя, оставаясь спокойным, как океан, принимающий в себя реки.

Другое понимание стиха даёт Дейссен: "Gleich wie die Wasser zur Ruhe kommen in dem vollen, unerschütterlichen Ozean, so kommen alle Begierden in ihm zur Ruhe und er erlangt den Frieden". Перевод этот даёт понимание Нирваны в духе "кайвалья" Патанджали. Однако, чтобы так перевести, надо дать слову "pravicāṇī" спорное значение. Глагол "vic" значит "вступать,

войти, проникать, предаться чему-нибудь". Как технический термин он употреблялся, напр., для обозначения выхода артиста на сцену, а также в смысле полового общения. Все эти оттенки мало согласуются с идеей затихания, и перевод "zug Ruhe kommen" кажется натянутым. Едва ли удачен и тот оттенок, который даёт этому слову Леви: "se perde". Леви переводит: "Les eaux se perdent en elle. Ainsi celui ou se perdent les passions".

Сенар передаёт гораздо более адекватным термином "affluer" "in qui afflue tous les desirs". Томсон переводит: "He into whom all enter in the same manner as rivers enter the ocean... can obtain tranquillity". Он придаёт шл. тот оттенок, что страсти становятся неадекватными, слишком мелкими для мудреца а потому и не способны нарушить его покой, подобно тому, как реки слишком слабы, чтобы нарушить покой океана. Идея перевода Томсона близка к идее перевода Теланга: оба перевода возможны в смысле филологическом. В таком же духе передают и Эджертон и Махадэва Шастри.

II, 72. Необходимо еще раз подчеркнуть, что термин "Нирвана" в Гите не адекватен таковому у буддистов. Слов "Нирвана" известно было ещё до возникновения буддийской философии. Дейссен считает, что термин "брахманирвана" встречается в Упанишадах единственный раз: в конце Арунея Упанишады. В смысле "угасание" термин "Нирвана" употребляли в шл. 23 Кшурика Упанишады: "Как пламя, погореа, при угасании (Нирвана) угасает, так йогин, сжёгши все дела, исчезает". См. также Йогатадтва Упанишаду, шл. 13. Существует Упанишада, называемая "Нирвана Упанишада". Нирвана в смысле Гиты есть безмятежное состояние, слияние с Единым, Буддизм же понимает Нирвану как полную изолированность, подобно "кайвалье" Патанджали (речь идёт о концепции хиньянистов). О взгляде Гиты на возможность прижизненного достижения Нирваны см. гл. V, 24—25. Шанкара, комментируя эту шл., говорит: "Состояние отрешения ото всего и стремление к Брахмо есть состояние Брахмо; при достижении такого состояния исчезает иллюзия; если достичь такого состояния хотя бы в последний момент жизни, то можно достичь Освобождения (Мокша), блаженства в Брахмо, т.е. Нирваны Брахмо (Брахманирваны)".

ГЛАВА III

III, 2. Противоречивыми — эту шл. Шанкара понимает в том смысле, что карма лучше, чем отречение от действий, не сопровождаемое Истинным знанием. Шл. можно передать в трёх оттенках. Она содержит в подлиннике словечко "iva", стоящее непосредственно перед "vohayasi". Некоторые переводчики (напр., Гарбе, Томсон, Дейссен) вовсе пропускают его, другие же придают ему различные оттенки. По строению санскритской фразы его легче всего отнести к глаголу, и т.о. фраза получает оттенок, данный моём переводе: "ты как бы вводишь в заблуждение моё сознание (Буддхи)". Арджуна, чья в Кришне учителя (ср. II, 17), не может сказать, что тот вводит его в заблуждение, а потому смягчает форму своего высказывания. Такой оттенок придают шл. Теланг, Бюрнуф, Леви. Махадэва Шастри, Сенар относят "iva" к дополнению и т.о. придают несколько иной оттенок: Арджуна называет речи Кришны "как бы противоречивыми". Так, Сенар переводит: "Ton discours, comme mele de vues contraire...".

Рой говорит, что шл. 1 и 2 совсем не соответствуют эпической ситуации: в Эпосе беседа началась с вопроса о допустимости участвовать в междоусобной битве, вопрос Арджуны в гл. III показывает, что темой беседы в Гита Упанишаде, существование которой Рой стремится доказать, был вопрос об отношении пути деятельности к пути познания.

III, 3. *Размышляющих* — многие переводчики не рассматривают термины "sankhyanam" и "yognam" как названия приверженцев определённых философских школ, но придают этим словам более широкое значение (Дейссен, Сенар и пр.), др. же считают, что здесь речь идёт о совершенно определённых школах и об их приверженцах, и принимают указанные выражения как технические термины. Удачен перевод Сенара, основанный на толковании Рамануджи: "...elle des penseurs qui repose sur l'effort de l'esprit, celle des ascètes sur l'effort pratique".

III, 4. *Отречением* — эта шл. очень важна для понимания Гиты, но её смысл обычно при переводе сильно ограничивается. Шанкара рассматривает "Освобождение от действий" как самоотожествление с Брахмо, и замечает, что отречение от мира само по себе, без такого самоотожествления, механическое и не озарённое светом сознания Цели, не ведёт к "совершенству", т.е. к конечному Освобождению. Все переводчики передают здесь слово "Пуруша" через "человек". Лексически это, безусловно, правильно, однако "Пуруша" означает не только человек, но и "Дух". Гита многократно употребляет это слово в указанном смысле (ср. гл. XV и мн. др. места). Если в данной шл. принять этот смысл в духе общей концепции Гиты, свойственным также и Упанишадам и даже Ведам (ср. исследование Кумарасвами о гимне Ригvedы, 10, 90, 1), то при таком значении сразу расширится смысл шл., и он получает большую философскую напряжённость, теряющуюся при переводе. Сильно ослабляется при переводе и термин "карма", употреблённый в данной шл.: слово "действие" не вызывает в уме европейского читателя всего сложного комплекса, религиозно-философских представлений, какой вызывается санскритским термином. Утверждение равноценности санньясы и Йоги Шанкара истолковывает в том смысле, что санньяса, хотя и ведёт к той же цели, но окольным путём.

III, 6. *Деятельность чувств* — не надо забывать, что под "индриями" индийская психология понимает не только пять чувств европейской психологии, но ещё и исполнительные органы: руки, ноги, рот, задний проход и детородные органы. Манас, или "сердце" является одиннадцатым элементом в системе индрий, синтезирующим всё остальное. Многие переводчики передают данное место выражением "сдерживать органы деятельности" (Левин, Теланг и др.). Томсон поясняет, что в данном контексте под термином "karmendriya" надо понимать исполнительные индрии: руки, ноги и пр. пять действующих органов, которые противопоставляются т.е. пяти воспринимающим органам. Такого же взгляда придерживается и Теланг. Слово "karmendriya" действительно употребляется как специальный термин для обозначения активных органов и противопоставляется термину "buddhendriya", обозначающему воспринимающие органы чувств. Однако упражнения Йоги нельзя сводить к торможению "активных индрий", т.к. эти упражнения имеют целью подчинить воле деятельность "всех органов чувств". Толкование Томсона слишком суживает мысль стиха, дающего широкое обобщение философского порядка, а не техническое указание йогического праксиса.

III, 6. *Находящийся на неверной дороге* — "mithyasaras". Большинство переводчиков придаёт этому слову значение "лицемер", однако его можно понимать и гораздо шире, как это делает, напр., Дейссен, переводящий: "...der ist betorten Geistes und auf falschem Wege". Подобным же образом переводит и Сенар. Шри Кришна предупреждает, что нельзя удовлетворяться первым этапом обуздания чувств, удержанием их от действия: за первым этапом следует несравненно более трудный — обуздание внутренней деятельности желаний, далеко не всегда подчиняющаяся высшей воле человека, о чём говорит Арджуна в шл. 36 этой гл. К затронутой теме Арджуна возвращается и в гл. VI, 34. В концепции Томсона и Теланга это

место оказывается противоречивым, тогда как при более широком понимании выявляются его стройность и глубина.

III, 8. *Необходимое* — *piyatam*. Некоторые переводчики принимают этот термин в более широком смысле как "необходимое" (действие) — Бюрнуф, Дейссен, Томсон, Теланг и др. Без достаточной необходимости Сенар, Леви, Эджертон слишком суживают смысл слова, передавая его как "предписанное" (законом), что очень уплощает смысл стиха.

III, 8. *Отправлений тела* — *saṅgaṇatā* буквально значит: "ход, движение тела". БПС даёт для этого слова значение "Unterhalt des Körpers" и ссылается на разбираемый стих Гиты. Леви переводит слишком вольно: "La subsistance même du corps ne proséderait...". Сенар также упрощает, переводя "физическое тело", — для такого понятия в санскрите есть особый термин "стхула шарира". Дейссен переводит: "Fortgang des Körperlebens...". Предлагаемый перевод передаёт ту же мысль, но без прибавления лишнего слова. Шл. содержит полемику против крайних учений отказа от действий, указывая, что при последовательном проведении такого учения невозможно физическое существование, так как отправления тела — уже само по себе деятельность. Шри Шанкара показывает, что крайность в учении о "неделании" приводит к физической невозможности и логическому абсурду.

III, 10. *Шлоки* 10—15. Михальский-Ивенский считает интерполяцией.

III, 10. *Твари* — намёк на великое жертвоприношение Пुरुши (Ригведа, X, 90), браманизм понимает миротворение, как жертвенный акт Творца, почему этот акт и связывается с "тапасом", то есть с аскезой, совершаемой Творцом (Тваштар). Жертвоприношение Пुरुши есть лишь частный случай, мифологическая иллюстрация философского учения о миропроявлении, как жертвоприношении.

III, 10. *Праджапати* — "Владыка существ" — эпитет, прилагаемый ко многим богам индийского пантеона: Соме, Агни и пр. Праджапати — бог ведического периода. В известном "пантеистическом" гимне Ригведы Тваштар (Творец) в конце гимна именуется Праджапати. Сказано: "Праджапати возжелал — я хочу размножиться, я хочу быть множественным. Он совершил тапас и, совершив тапас, создал миры". Эта формула часто встречается в Брахманах. В Мокшадхарме (Махабхарата, XII, 12687) говорится о 21 Праджапати, то есть о 21 творческом принципе мира, согласно философии Санкхьи (см. учение о таттвах). Праджапати отождествляют с Хираньягарбхой — "Золотым Семенем".

III, 10. *Камадук* — "Корова желаний" — мифологический образ, символизирующий творческую силу желания.

III, 11. *Боги* — мысль о взаимопонимании богов и людей часто встречается в Ведах. По понятиям браманизма власть богов ограничена; браманическая мифология очень слабо по сравнению с другими мифологиями индивидуализирует богов, гораздо слабее, напр., чем греческая: для браманиста тот или иной бог является скорее символом ступени психического развития эволюционирующего индивидуума, скорее отвлечённым понятием, нежели конкретной личностью. Можно говорить об Индре, Бrame, как о каком-то "чине", иерархической ступени: каждый в своей эволюции может стать "Индрой", "Агни" и пр.

III, 14. *Эти богов* — то есть, с которыми жертвователю вступает в связь. В некоторых переводах (Дейссена, Сенара) этот оттенок ускользает, а вместе с тем он даёт живой диалектический момент шл. Шлока говорит о едином творце, Праджапати, владыке существ, и о бесконечных его аспектах, отдельных богах политеизма и об интимной части связи с человеком, их поклонником. Эту шл. можно диалектически противопоставить шл. VII, 19—24 и IX, 10—20. О жертве в связи с питанием и о мистике питания много говорят Упанишады (ср. Упанишады: Чхандогья, 5, 18—24, Майтри,

6. 10—13, где развивается учение о пище как о символе Брахмо, и, наконец, Пранагнихотра).

Т.о., идеи, развитые в III, 12—15, близки мистике ранних Упанишад и проходят через весь их ряд, вплоть до поздних Упанишад Атхарваведы. Следовательно, нет никакого основания считать III, 10—15 и IV, 25—33 за позднейшие интерполяции, противные монистическому духу Гиты, как это делает Михальский-Ивенский.

III, 14. *Кармы* — сравнить Ману III, 76; “Жертва, подобающим образом вверженная в огонь, достигает Солнца, Солнце зачинает дождь, дождь зачинает пищу для тварей”. В гимне X, 10, 6 Атхарваведы говорится для разъяснения мистической тайны коровы, что при условии знания этой тайны корова может быть принесена в жертву: “Жертва — её ноги, возлияние — молоко, свобода — дыхание коровы. Она, как супруга Парджаньи (Дождя), восходит к богам силой молитвы”.

III, 15. *Карма* — мир как творческий процесс есть Единое Дело.

III, 15. *От Брахмы* — схолиасты здесь под словом “Брама” понимают Веды. Так переводят Дейссен, Теланг; Томсон переводит “высочайший Дух”, Лоринзер — “*Leitende Grunde*”. В данном стихе говорится о Бrame (м. р.), как о Творце мира (Праджапати). Под “Акшарам” мыслится Брахмо (ср. р). Атман. Бюрнуф читает это место: *Karma brahmadbhavan viddhi*, т.е. принимает здесь формулу *ablat*, ед. ч.м.р. (Брама, а не Брахмо).

В калькуттском издании Гиты (Махабхарата) 1836 г. читается: “*Karma Brahmadbhavam viddhi*”. Так же читают Михальский-Ивенский и Эджертон. Слово “*brahmadbhava*” может получиться от слияния имен “Брахма” — всё равно мужского или среднего рода — со словом “*udbhava*”, форма же *ablativ* от слова “*brahma*” ни в мужском, ни в среднем роде не может дать такого слияния. Т.о., можно читать или Брама, или Брахмо. То же чтение возможно для сложного слова “*brahmaksharasamudhavam*”. Но если филологически возможны оба чтения, то философски чтение “Брахмо”, как это делают, например, Томсон, Сенар, Леви, Эджертон, представляет большие трудности, тогда как чтение “Брама” легко разрешает вопрос и вполне согласуется с общей позицией Гиты и вообще вишнуизма (ср. Гита, XIV, 3). Во второй строчке шл. можно и должно читать “Брахмо” (ср. Мундка Упанишада, I, 1): “Брама” есть первый из богов, как Творец мира, хранитель его). Гарбе переводит этот стих: “*Das Werk hat sein Ursprung ins Brahman*” и замечает, что Якоби справедливо придаёт здесь термину “*brahman*” значение “Пракрити”, ссылаясь на XIV, 3, а Бетлинг считает этот стих бессмысленным. Эджертон в обоих местах шл. читает “Брахмо” и также полагает, что здесь нужно под словом Брахмо разуметь Пракрити. Все построение шл. 14—15 (Эджертон, II, с. 52) считает нелогичным: как бы ни толковать данное место, замечает он, заключение не вытекает из предпосылок, ибо “жертва” (Эджертон переводит в данной шл. “аджна” через “*worship*”) не является исходным пунктом рассуждения. Хилл ссылается на толкование Рамануджи, понимающего здесь под Брахманом, как и в XIV, 3, тело (Пракрити), а под Акшара — Дживаатмана, орудием которого является тело; т.о., тело уподобляется жертве.

Ламонт считает, что в этой шл. и в гл. IV, 24 слово “Брахмо” употреблено в наиболее древнем его значении, ибо здесь говорится о таинственной магической силе, о которой учат Упанишады.

III, 16. *Злой* — *aghaun* (Шанкара и Рамануджи разделяют это слово на 2: “*agha*” и “*avus*”, что можно было бы передать через “дурно живущий”. “дурного поведения”. Эджертон замечает, что это слово в эпическом санскрите встречается только в данном месте. Автор высказывает предположение, что данное слово следовало бы рассматривать не как сложное, но

как деноминативный глагол "agh" от ведического "aghayu". БПС производит его от глагола "aghau" — "вредить" — вредный.

III, 16. *Живёт* — Шанкара даёт такое пояснение в шл.: люди, предназначенные к действию, но погрязшие в наслаждениях, противятся Брахмо. Из шл. 4—16 Шанкара выводит, что действия должны выполняться лишь теми, кто предназначен для этого.

III, 17. *Насыщенный атманом* — "atmatriptā" часто переводят "наслаждающийся, радующийся Атману", но в таком случае весь полшл. сводится к простой тавтологии. Теланг даёт значение "привязанный", но такой перевод слишком волен и значительно снижает смысл. Глагол "tarp" значит "насытится". Так переводит Дейссен. Такое выражение гораздо образней, сильнее, оно ближе духу вишнуизма, которым проникнут стих. Напрашивается сравнение между этим стихом и II, 59, который часто вызывал недоумение (ср. соотв. примечание). Однако выражение мистических переживаний в терминах физиологии питания свойственно не только вишнуизму, но также митранзму и христианству.

III, 17. *Да возрадуется в Атмане* — в подлиннике употреблена желательная форма; этот оттенок передают не все переводчики. В данной шл. противопоставляется термин "atmarāṇi" термину "indriyagata" предыдущего стиха. "Rāṇi" означает "радость", "наслаждение", особенно в смысле половом. БПС принимает сложное слово "atmarāṇi" за прилагательное и переводит: "Sein Lust habend, Gefallen findend an", — ссылаясь на данный стих Гиты. Но если принимать термин "indriyagata" за существительное, как это делает Дейссен, который его переводит "Tummelplatz der Sinne" (БПС не даёт такого значения и не помещает такого слова, как самостоятельного), то "atmarāṇi" можно принять за существительное по тому же принципу. Если в шл. 16 человек рассматривается как "ристалище", "игрелище чувств", то в шл. 17 он рассматривается как орудие Атмана. Такая концепция несколько не противоречит не только вишнуйской, но и шиваитской традиции (ср., напр., вишнуйское учение о гопи и шиваитское о Дурге). Не противоречит она и общей концепции Гиты, называющей дух "знающим поле" (kṣhetrajña) и "вкушающим", "наслаждающимся" (bhoktaḥ — ср. V, 29, IX, 24, XIII, 14, 16, 22, а также гл. XV, особенно 9—10).

III, 17. *Обязанностей* — Шанкара проводит параллель между этим стихом и Брихадараньяка Упанишадой, 3, 5, 1. Согласно своей концепции Гиты, он выводит из этого текста, что для санньясина действия не обязательны.

III, 18. *Здесь* — т.е. в "преходящем мире". Смысл этого стиха: человек, преданный Атману, не заинтересован ни в действии, ни в бездействии, он не ожидает награды ни за то, ни за другое (ср. гл. II, 42—44). Единственная цель такого человека — Атман, и потому ему не нужно искать покровительства какого-либо существа для достижения этой цели, внеположенной всему проявленному.

III, 19. *Высшего* — Шанкара говорит, что Шри Кришна потому здесь побуждает Арджуну к действию, что свобода от действия возможна лишь для человека, обладающего истинным знанием, которого нет у Арджуны. Это толкование направлено на то, чтобы показать Гиту в духе Веданты, как её понимала школа Шанкары.

III, 20. *Джанак* — "Порождающий" — раджа Видехи, прославившийся мудростью и святостью. Он не вёл аскетического образа жизни (мунни) и причислен к "раджа-риши", т.е. к мудрецам-царям. Его пример показывает, что и в миру можно достигнуть совершенства. В Брихадараньяка Упанишаде Джанак выводится как крупный философ, ведущий углублённую дискуссию и поучающий браминов. В Мокшадхарме Джанак представлен как

раджа-философ, первый пришедший от Панчашикхи учение атеистической Санкхьи. Джанака — отец Ситы, жены Рамы.

III, 20. *Целокупность мира* — "lokasamgraha" БПС переводит: *Gesamtheit der Welten*, ссылаясь на данный стих Гиты. Это выражение можно также понимать как "собрание людей, общество", как то и делает для данной шл. большинство переводчиков. Томсон передаёт "благо человечества" и замечает, что здесь Шри Кришна делает переход к новому доказательству своей мысли: Арджуна должен действовать не ради себя, а ради общества, человечества. Нескольким иной оттенок придадут этой шл. Теланг и Дейссен. Леви и Сенар вкладывают в выражение смысл "блага мира". Широкий оборот подлинника позволяет вложить в него все эти оттенки.

В предлагаемом переводе сделана попытка передачи, возможно более близкой и широкой: "samgraha" довольно точно передаётся русским словом "целокупность" как по смыслу, так и по широте выражения. Шанкара ссылается на пример кшатрия, выполняющего свой долг (Джанака и др.). Арджуна, как кшатрий, должен следовать этому примеру. Такую мысль Шанкара хочет привести, чтобы показать, что Гита не учит о принципиальной необходимости действий, которая отрицается школой Веданты, а только допускает действия на низшем этапе духовного развития.

III, 21. *Лучший* — этот стих переводится с различными оттенками, "Шрешта" есть превосходная степень от "chrimati" — "прекрасный", "великолепный", "знатный".

III, 23. *Партха* — Михальский-Ивёнский считает этот стих не интерполяцией, однако, вторая строчка буквально повторяется в IV, 11, а подлинность этой шл. Михальский-Ивёнский не отрицает.

III, 24. *Смещения* — "samkara". Бюрнуф передаёт это слово через "хаос", Дейссен — через "Vervirrung", также и Гарбе, Теланг, Махадэва Шастри, Леви, Томсон принимают термин в узком смысле "смещение каст", хотя для такого понятия есть специальный термин: "варнасамскара" (ср. 1, 41 и след.). Такое сужение вполне возможно, хотя, конечно, не обязательно.

III, 24. *Существа* — "grajah" — термин прилагается не только к людям, но и вообще к нарождающимся существам (ср. III, 10 и др. места Гиты), а поэтому нет необходимости суживать значение выражения, как это делают некоторые переводчики.

III, 25. *Незнающий* — Шанкара поясняет: невежды — это те, которые ожидают плодов действий и не знают Атмана.

III, 26. *Сознание* — слово "bheda" часто употребляется в смысле различения, распознавания, научения, но также и в смысле разделения, как это принимается для данного места большинством переводчиков. Кажется, что больше соответствует общему духу Гиты такое понимание: пусть тот, кто знает необходимость отрешения от плодов дел, сам, действуя по преданности Высшему, не открывает этого учения невеждам, но постепенно подготавливает их к постижению этой истины, предоставив им наслаждаться делами, необходимыми на их уровне развития. Идея такого постепенного подведения к конечной истине не чужда Упанишатам. Так, напр., Светакету постепенно подводится к постижению истинного смысла мантры: "Тат Твам аси" (ср. Чхандогья Упанишаду). Как указывает Лассен, causativus "joshayet" требует двойного винительного падежа (в русском — винительного и дательного). Второе дополнение нужно брать из первой строки шл. "им". Такой грамматический оборот придаёт некоторую туманность тексту и допускает различное его толкование.

Так, Дейссен переводит: "Er soll Nichtwissenden, die noch an dem Werke hangen, in ihrem Bewusstsein nicht irre machen; er, der Wissende, soll sie veranlassen alle Werke mit Freudigkeit zu tun, er selbst mit Hingebung sie betreibt". Так же понимает и Гарбе. Существенно иной смысл вкладывает

в этот стих Леви: "Qu'il n'aille pas fendre la raison des ignorants attaches a l'action, qu'il goutte a tous les actes, le sage en union avec l'atman, en les accomplissant". Еще иной оттенок дает Махадэва Шастри: "No wise man should unsettle the conviction of the ignorant who are attached to action; but acting well and diligently he should cause them to do all actions". Как бы ни казались мелкими такие разночтения, в действительности они существенно влияют на понимание текста, и для изучающего не только язык, но и текст, как таковой, представляют большой интерес, почему мы и считаем нужным тщательно останавливаться на таких местах: из комплекса их понимания создаётся и комплекс понимания всего памятника.

III, 27. *Всегда* — в подлиннике нет соответствующего слова, но употреблена глагольная форма — страдательное причастие настоящего времени, выражающая постоянство, длительность действия; этот оттенок так или иначе передаётся всеми переводчиками.

III, 27. *Гунами* — учение о трёх гунах — одна из основных концепций Санкхьи. Это учение сближает с учением Чхандогья Упанишады о трёх основах мира: пище, воде и огне. Т.о., более древнее представление говорит о субстанциональности гун.

Гуна — это то свойство, через которое познаётся вещь (dravya). Большинство исследователей считает, что первоначальное значение слова "гуна" было "свойство". Другое значение слова — "волокно", "пучок", "прядь". Первома́терия представлялась основой ткани (прадхана), а гуны — утком, расцветивающим ткани различным узором. Наконец, диалектические гуны представлялись формой движения. Чем дальше развивалось учение познаваемости материи через её символы (линга), тем становилось яснее, что эти "линга" не могут быть ничем иным, как действием, движением (харма). Отсюда — всё большая тенденция рассматривать гуны в терминах движения. Саттва всё больше понималась как равновесие, раджа — как стремление (кинетическая энергия), а тамас — как инерция, торможение (потенциальная энергия).

Т.к. Санкхья не видела принципиальной разницы между инертной материей (бхута) и психикой (не духом, Пурушей, который противопоставляется материи в конечной антитезе!), то не было принципиальных трудностей понимать гуны или в физических терминах, приведенных выше, или в психологических терминах: ясности (саттва), страсти (раджа) и душевной тупости, торможения (тамас). Третье значение слова "гуна" — "кратность", а отсюда "часть". Гарбе принимает это значение за основное. Гуны специфичны для Праkritи и противопоставляются Пуруше, который по существу свободен от гун — всякое соединение его с ними иллюзорно. Классическая Санкхья категорически отрицает всякое участие Пуруши в игре гун: как только он познаёт, что не причастен гунам, он становится свободным, так утверждает классическая Санкхья. Совсем иное в этической Санкхье: Гита неоднократно указывает, что Пуруша активно участвует в игре гун (ср. напр., VII, 6 и особенно XIV, 3). Это существенное отличие теории гун в Бхагавадгите и вообще ранней Санкхье от аналогичной концепции поздней Санкхьи, которое нельзя никогда упускать из виду.

III, 27. *Самость* — в тексте употреблён термин "ahankara", который не поддается точной передаче по-русски одним словом и специфичен для индийской психологии. Буквально "аханкара" передаётся немецким "Ichmacher", как это и делает Дейссен.

III, 27. *Совершающий* — стих допускает много оттенков в его понимании, но вряд ли прав Томсон, толкующий эту шл. в том смысле, что мудрый, принадлежащий к высшим кастам (браминов, кшатриев), не должен допускать сектантства низших каст и что одни лишь высшие касты имеют право свободно мыслить, низшие же должны следовать авторитету. Такое

толкование совершенно противно духу Гиты и прямым её высказыванием (ср., напр., IX, 32); такой перевод не требуется и филологическими соображениями. Большинство переводчиков (Сенар, Левин, Дейссен, Теланг) понимает это место в духе предлагаемого перевода.

III, 28. *He привязывается* — этот стих по своей сжатости напоминает язык сутр и позволяет разноречивые толкования. Неясность заключается в пропуске текстом дополнения к сложному слову "gunakarmavibhagaṃ". Большинство переводчиков по своему усмотрению вносит дополнения или же принимает как дополнение слово "действие". Глубоко подходит к шл. Теланг, он переводит: "Who knows the truth about the difference from qualities and difference from actions..." и в примечании даёт пояснение: отличие души от качества, т.е. от тела, чувств и действий, причиной которых эти качества являются. Сенар, основываясь на двойственном значении слова "vibhaga", переводит: "celui... qui connaît la vérité sur la double série des gunas et des actes, sait que ce sont toujours les gunas opérant sur les gunas". Слово "vibhaga" означает, во-первых, "распределение, распорядок", затем "составная часть, различие". Т.о., вполне закономерно переводить: "истинно знающий распорядок гун и дел мыслит: гуны вращаются в гунах (т.е. качества производят причинно-следственную цепь), и т.о., он не связывает себя (этой причинно-следственной цепью)". В таком переводе, по мысли близком переводу Теланга, но отличающемся большей точностью, шл. 28 вполне связывается по смыслу со шл. 27 и является его антитезой, где каждый элемент тезиса и антитезиса сопряжён.

Принятый большинством перевод сильно нарушает стройность мысли подлинника и смысл, дух учения приходится отбрасывать от неуклюжего построения предложения. Так, Бюрнуф во второй половине шл. вынужден ввести два интерпретирующих слова и переводить: "Sachant faire la part de l'attribut et de l'acte (il) se dit... les attributs de l'ame se rapportent aux attributs de la matiere et le reste detache".

Выражение "атрибуты души" — что-то очень мало вяжется с одной из основных мыслей индийской философии о бескачественности духа, качественные же индрии, включая манас, нельзя обобщать под названием "души", так что такой перевод с точки зрения индийской философии лишён смысла. Томсон делает сноску к разбираемому стиху: темнота этого места не была ещё разъяснена ни одним схолиастом, ни одним переводчиком. Лоринзер поясняет: все дела связаны с гунами, мудрый умеет отличать дух от вращения гун, тогда как немудрый приписывает действия духу, не гунам. Теланг поясняет: качества, т.е. чувства, общаются с качествами, то есть с объектами чувств. Дейссен придаёт слову "vibhaga" значение "различие" и переводит: "Wer aber die Wesenheit kennt... der macht ein Unterschied zwischen den Guna's und dem (gunalosen) Werke".

Такой перевод встречает следующие возражения: "vibhagaṃ" может быть и родительного и locativus двойственного числа; для признания местного падежа нет оснований в строении предложения, даже если принять, как это делает Дейссен, что здесь опущена личная форма глагола ("macht ein Unterschied"). Естественней видеть здесь родительный падеж принадлежности (genitivus possessivus), но тогда такой родительный нельзя связать ни с чем иным, как со словом "tatva", и нужно переводить: "истину различения"; а при таком построении примысливать глагол "различать" не только не надо, но и нельзя. Таковы формальные соображения. Ещё больше встречается возражений по существу. Совершенно непонятно, что надо разуметь под "gunalosen Werke". Гита многократно учит, что "все действия совершены гунами" (ср., напр., шл. 27 этой гл.). Т.о. получается непримиримое, но и не требуемое текстом противоречие между двумя рядом стоящими стихами, причём такое понимание шл. 28 идёт вразрез со всей философской традицией

Индии. Противоречие это возникает только от принятия для слова "vibhaga" не его первичного, но вторичного значения, что не вынуждается ничем.

III, 29. *Да не смущает* — в подлиннике употреблено желательное наклонение, как это часто делается при формулировке законов. Переводчики довольно согласно передают смысл этого стиха, за исключением Дейссена, почему-то переводящего "sie (т.е. Halbwissende) möge der Ganzwissenden nicht irre machen".

III, 30. *От самости* — слово "nigama" имеет двойное значение: "беспечальный" и "не обладающий собственностью", "не имеющий себя". Разные переводчики принимают то или иное значение. БПС не даёт для данного места значения "беспечальный". Теланг принимает значение "без собственности", Махадэва Шастри — "без эгоизма". Оригинально передаёт Гарбе: "ohne Eigennutz".

III, 31. *Делами освобождаются* — форма "karmabhis" может быть и инструментальным, и отложительным падежом множественного числа. Большинство переводчиков принимает инструментальный ("делами"), но некоторые (Бюрнуф, Махадэва Шастри) принимают отложительный ("от дел"). Томсон усиливает оборот подлинника, переводя "даже делами", подобным же образом переводит и Дейссен. Свое усиление Томсон объясняет тем, что данный стих содержит полемику против учения школы Капилы, полагавшей, что единственным средством к спасению является духовное знание. Повидимому, здесь кроется какое-то недоразумение, так как если понимать под "школой Капилы" раннюю (эпическую) Санкхью, то об этом философском направлении никак нельзя сказать, что оно отрицает значение дел в процессе освобождения. Придаваемый Томсоном оттенок совершенно в духе Шанкары, утверждающего именно то, что Томсон приписывает Капиле: все толкование Шанкарой Гиты построено на этой концепции.

III, 32. *Моему учению* — Томсон замечает, что Шри Кришна разумеет здесь Йогу, которую он считает "своим учением" отчасти потому, что передаёт её Арджуне, отчасти же потому, что Кришна есть "владыка Йоги".

III, 32. *Знания* — Теланг считает, что здесь идёт речь о познании дел Брахмо и о его различных формах. Перевод этого места Леви очень натянут и не согласуется с духом Гиты.

III, 34. *Чувства* — т.е. предмет чувств вызывает в чувствах влечение, или отвращение, оба эти момента связывают. Мудрый не должен поддаваться под их враждебное влияние. Этот стих понимается различно: Теланг, Дейссен, Томсон, Эджертон придают выражению тот смысл, что влечение и отвращение чувств стойко связывают чувство с его предметом. Но, будучи философски правильным, такой перевод до известной степени разрывает логическую последовательность подлинника: в шл. 33 изложено учение о Природе, как причине деятельности, причём подготавливаются мысли, изложенные в предыдущих шл., начиная с 27. Учение о бездеятельности духа есть одна из основных концепций Упанишад, равно, как и школы Санкхьи.

Последняя учит, что Природа привлекает сознание, и с этим согласна и школа Веданты, существовавшая, однако, отличающаяся от Санкхьи в учении о самой Природе; тогда как для Санкхьи Праkritи наравне с духом безначальна и является самостоятельным принципом, не зависящим от духа (дуализма — ср. XIII, 19), для Веданты Природа есть чистая иллюзия, Майя, наличие которой необъяснимо (монизм). Гита развивает учение о том, что предмет влияет на чувства, как причина влечения или отвращения. Нет необходимости разрывать цель этого рассуждения при переводе.

III, 35. *С недостатком* — эта полушл. повторяется в XVIII, 47. Значение слова "vigraha" спорно. Схолиаст замечает; не нужно отвергать свой долг, если он даже связан с заблуждением, как огонь с дымом. Теланг поясняет:

прирождённая карма есть результат добродетелей и пороков предшествующих жизней, значит её нельзя отвергать. БПС даёт для слова "vīgūpa" основное значение "недостойный, плохой" (ср. прим. 121 и "Законы Ману", X, 97).

III, 35. *Лучше смерть* — слово "nidhana" может быть мужского и среднего рода и обладает тремя основными значениями: 1) убежище, стоянка, 2) семья, род (ср. р.) и 3) конец, уничтожение (ср. и м.р.). БПС даёт для разбираемого стиха третье значение, которое признаётся всеми. Но если принять первое значение, то смысл шл. можно было бы передать так: "Лучше убежище в своей дхарме, хотя бы и с недостатком; чужая дхарма полна опасности".

III, 38. *Ржавчиной* — речь идёт о металлическом зеркале.

III, 38. *Покрывает этот мир* — такого смысла придерживается большинство переводчиков. Теланг переводит, придерживаясь взглядов Шанкары: "So is this enveloped" и поясняет, что под "this" надо понимать знание, о котором говорилось выше. Так же переводит и Гурбе. Но такой перевод встречает формальные возражения: "знание" в санскрите м.р., а местоимение шл. 38 — ср. р., как это часто бывает, когда говорят о мире, Вселенной.

III, 39. *Мудрого* — предлагаемый перевод соответствует общепринятому толкованию стиха. Дейссен даёт другой оттенок: он относит слово "jñāpīnaṣ" к "jñāpāt" и переводит: "verdunkelt wird sogar das Wissen des Wissenden von diesem ewigen Widersacher". Леви, принимая "jñāpīnaṣ" за именительный, переводит: "Recelee par lui la connaissance! Elles connaisseurs par cet ennemi eternel..."; "jñāpīnaṣ" ещё можно принять за отложительный. Глагол "vart" употребляется с отложительным падежом. В таком случае шл. можно перевести: "Знание скрывается от мудрого этим врагом". Так намечаются 2 основных понимания шл.: знание мудрого скрывается (омрачается) врагом, или знание скрывается врагом мудрого. Второй смысл более приемлем, ибо первый требует известной натяжки.

III, 39. *Камы* — в этой шл. приято переводить слово "кама" отвлечённым существительным, хотя, напр., Леви, переводя "Passion", пишет это слово с большой буквы, подчёркивая этим своё понимание термина, как персонификации понятия. Передача слова отвлечённым существительным ослабляет художественное впечатление от стиха и ведёт к тавтологии: ведь о гневе и влечении (кама) уже сказано в шл. 37, где слово "кама" явно употреблено в отвлечённом смысле, в шл. же 39 прямо говорится о персонификации, образе; в переводе не следует искажать этого приёма подлинника, говорящего о мифологическом образе Камы, божества страсти, аналогичном греческому Купидону, мечущему стрелы (у Камы их 5). Этим мифологическим образом часто пользуются буддийские тексты, описывающие последнее, решительное сражение Будды с Марой или Камой в ночь достижения Просветления, когда Будда отразил направленные на него стрелы страстей. Совершенно аналогичное сказание есть и о Шиве.

III, 40. *Знание* — т.е. чистое познание Брахмо заменяется чувственным; как уже упоминалось, в систему "чувств" — индрий — индийская психология включает синтезирующий элемент — манас, связующий индрии с Буддхи, который тоже не относится к "сущности" воплощённого; вот почему данная шл., перечисляя все эти элементы, называет их "местопребыванием" похоти и гнева, противопоставляя всю психологическую систему таттва "воплощённому", т.е. духу. Лоринзер так и переводит "dehin" через "Geist". Дейссен переводит "überhaupt die Seele", как всегда, где только возможно, давая предпочтение смыслу в духе Веданты, которую, кстати сказать, он понимает как своего рода "восточное кантализм". Томпсон переводит просто "человек", что утолщает смысл шл., лишая её колоритности и подгоняя к европейским понятиям. Лучше всего "dehin" переводить подстроично "воплощённый", — не навязывая читателю произвольного толкования.

III, 42. *Великими* — здесь даётся общепринятая в индийской психологии классификация психологических элементов.

III, 42. *Он* — т.е. Высшая Реальность, Атман (ср. III, 40). Бюрнуф, Лоринзер, Томсон, следуя толкованию Рамануджи, считают, что местоимение "sa" относится к слову "raga" (страсть); Томсон даже заменяет местоимение соответствующим существительным и переводит: "Страсть больше, чем интеллект". Леви переводит: "Au delà de la raison c'est lui", повидимому, подразумевая "le mechant" шл. 41. Дейссен, Теланг, Сенар и др. понимают под местоимением "sa" Атмана и ссылаются на Катхака Упанишаду (III, 10 и VI, 3 и сл.).

III, 43. *Кама* — как и в шл. 39; "кама" оставлено без перевода, чтобы подчеркнуть, что здесь речь идёт о мифологическом образе.

ГЛАВА IV

В предисловии к этой гл. Шанкара так передаёт её общее содержание. В предыдущих главах изложено ведическое учение о действии (pravṛtti) и отречение (nivṛtti). В настоящей гл., именусмой Джнана, излагается Йога, выражающая сущность Гиты. Арджуна задаёт вопрос Кришне, потому что предполагает, что знающий может отказаться от действий. Ответ Кришны, что Карма предпочтительней Джнаны, Шанкара толкует в том смысле, что здесь говорится не о выполнении действий человеком, знающим Атмана, а об отказе от действий, и что только в этом смысле Карма Йога лучше, чем Джнана Йога. Но для знающего Атмана невозможны ни карма, ни отречение от действий, ибо знающий Атмана знает, что действия иллюзорны. Подтверждение своего взгляда Шанкара видит в указании Гиты, что для знающего Атмана все действия исчезают. Так утверждает Гита во всех местах, где говорит об Истинном знании. Если в этих местах говорится и о карме, то лишь в противопоставлении Джнаны, как Истинного знания, обычному знанию, как иллюзорному. Гита рассматривает Карма Йогу как этап пути познания Атмана, но для познавшего, говорит Шанкара, Карма Йога совершенно немыслима. Только для недостигшего знания Карма Йога и санньяса могут быть средствами, ведущими к Освобождению. Санньяса есть отречение от некоторых действий, тогда как знающий Атмана отрешён от действий вообще.

IV, 1. *Икшваку* — эта шл. по обычаю древних писаний и индийских, в частности, даёт традицию преподаваемого учения. Вивасвант есть Солнце, Ману — его сын, Икшваку — сын Ману, первый раджа "солнечной династии". Томсон справедливо подчёркивает, что интерес этой традиции заключается в том, что учение идёт через кшатриев, через ряд царственных риши (раджа-риши), а не через браминов. Сам Кришна тоже из касты кшатриев. Уже этим одним традиция Гиты отличается от традиции Веданты. Вивасванту была сообщена Йога, изложенная в предыдущих главах; Шри Кришна говорит, что эта Йога не уничтожима, ибо не уничтожим её результат — Освобождение.

Интересно отметить, что при раскопках Мохенджо Даро найдены были фигуры в типичной йогической медитационной позе. Т.е., археологические находки свидетельствуют о доарийском происхождении Йоги. Если судить по памятникам искусства, то она действительно больше связана с Шивой, как об этом говорит Циммер в своей "Истории индийского искусства" (т. I, с. 120), нежели с Бхагаваном Кришной, хотя вряд ли можно ставить под сомнение неарийское происхождение Кришны как божества (вне вопроса об историчности Кришны, сына Дэваки и ученика Гхоры Ангирасы, о котором говорится в Чхандогья Упанишаде).

IV, 6. *Природу* — шл. можно дать и несколько иной оттенок: "войдя в собственную природу", как это делает, напр., Дейссен. Гораздо более спорны точки зрения Сенара и Эджертона. Первый переводит: "En vertu de ma nature propre", второй: "Resorting to My own material nature". Такое понимание делало бы излишними слова "силой моей Майи", так как создаёт тавтологию. Мысль стиха, повидимому, более антиретична: "Хотя я нерождённый Атман, однако, властвуя над Природой, я могу рождаться силой своей Майи; непреходящий и неизменный, я как бы изменяюсь в иллюзии". Такое понимание вполне согласуется с духом Веданты, Гиты и ранней Санкхьи.

Ламонт (L. c., с. 57—58) очень подробно анализирует слово *adhishthana*, употреблённое в этой шл. которую он передаёт так: "bien que je suis le Seigneur des etres, me conditionnant moi — me me par un acte d'adhishthana, j'apparais par ma propre magie". Автор ссылается на специальное высказывание Вальде Пуссена по вопросу о значении слова *adhishthana*, который указывает, что у буддистов это слово означает "волево воздействовать на что-то или кого-то". Так, производя это воздействие на цветы, маг заставляет их расположиться венком вокруг головы, воздействуя на свои кости, он придаёт им свойство сохраняться веками в качестве реликвий. В Саддхарма Пундарики (XV, 3) сказано, что Будда, воздействуя (*adhishthaya*) на самого себя и на других, являет собственное вхождение в Нирвану. Выражение "*prakritim svam adhishthaya*" можно принять равным *atmanam adhishthaya*, то есть "воздействуя на самого себя". Т.о., неподвижный в своей сути Пуруша, воздействуя на самого себя, являет себя силой своей магии. Ламонт указывает, что акт воздействия (*adhishthanam*) включён в 5 факторов проявления, перечисленных в XVIII, 14. Так, ограничивая свою запредельную и неподвижную суть, Пуруша делает её способной производить мир (*srij*). Подвергшаяся такому изменению трансцендентная сущность становится имманентной Праkritи, а Пуруша остаётся неподвижным созерцателем деятельности своей собственной Праkritи. Так он является "Творцом и Нетворцом". Т.о., в Гите, по мнению Ламонта, нельзя ставить непереходимой грани между Пурушей и Праkritи, которую Бхагаван постоянно называет "своей" (ср. VII, 4; IX, 7, 8); эта Праkritи отлична от Пуруши лишь иллюзорно, чарами Майи. Дасгупта (L. c., II, 113) говорит, что Саванджнататма мунй (ученик ученика Шанкары, ок. 900 г. н.э.) так объясняет разницу между *adhara* и *adhishthana*; чистое Брахмо есть *adhishthana* (субстрат) всего миропоявления, но Брахмо, как бы видоизменённое незнанием, есть *adhara*, иллюзорное основание иллюзорного познания. Дасгупта говорит, что учение о 5 моментах, определяющих действие (XVIII, 14), из которых первым назван *adhishthana*, будто бы выдвинуто Санкхьей, но такой взгляд противоречит мнению Шанкары, считающего это учение ведантийским. Рой, возражая Гарбе и Тилаку, говорит, что ни данные авторы, никто другой не могли указать в памятниках Санкхьи места, учащего о пяти моментах причинности.

IV, 6. *Майя* — непреодолимая для обыкновенного человека и неизбежная для всего проявленного иллюзия текучести вечно пребывающего бытия, становящегося т.о. бытием. Шл. Шанкары признаёт Майю необъяснимой и отождествляет её с авидьей, незнанием (в активном смысле, т.е. с "ложным знанием"). В самих индийских школах этот термин понимается весьма различно, и поэтому неудивительно, что в передаче его европейскими переводчиками возникают весьма существенные разногласия.

IV, 7. *Всякий раз* — "*Yada-yada*" обозначает повторение действия. Эта шл. интересна тем, что даёт теорию аватаров, так широко развитую Пуранами. Крайняя лаконичность Гиты в этом вопросе свидетельствует о том, что памятник отражает весьма ранний этап развития учения об аватарах. Наиболее общепринятым в вайшнавизме считается учение о 10 воплощениях

Вишну, последнее в образе Калики предстоит в конце калпы. Пуранические тексты насчитывают десятки и даже сотни воплощений Вишну. Очень характерно для общей установки Гиты правдивое обоснование явления аватаров: борьба со злом и установление праведности. Позднейший вишнуизм в систему аватаров Вишну включал и Гаутаму Будду.

Ламонт, Рой подчеркивают, что в Гите Кришна не называет себя аватаром Вишну, о котором говорится лишь мельком: 2 раза Арджуна обращается к Кришне, как к Вишну, да Санджая называет Кришну Хари. Рой настаивает, что эти имена внесены в Гиту позже каким-то вишнунитом, чтобы придать вишнунитский характер произведению, по существу несектантскому. Сам Кришна говорит о себе, как о Вишну лишь раз — в X главе, когда он называет Вишну всего лишь “главой Адитьев”, а не Верховным изначальным богом, как это делают позднейшие тексты, напр., Параяныя. В шл. 5 Кришна говорит о своих “многих рождениях”, ставя их в полную параллель с рождением Арджуны. Разница состоит лишь в том, что Кришна знает свои рождения, Арджуна же не знает. Это изложение теории повторных воплощений, которую знают и древние Упанишады (наиболее древним текстом, говорящим об этом, считается Брихадараньяка Упанишад, III, 2, 13); но теории аватаров ни древние, ни средние Упанишады не знают.

IV, 6. ...Хауэр считает, что учение об аватарах создано вишнуизмом, быть может, на очень ранних ступенях его развития. Шиванизм заимствовал эту концепцию от вишнуизма, но выражена она в нём слабей и появилась значительно позднее; с чем нельзя не согласиться (“Йога”, с. 190).

IV, 7. Я себя создаю — так передаёт это место большинство переводчиков. Махадэва Шастри переводит: “I manifest Myself”, Гарбе: “...dann erschaffe ich mich selbst”.

IV, 10. Преисполненные мной — “matpaua”. Термин трудно поддаётся переводу. БСП, ссылаясь на данное место Гиты, читает “matpaua” и производит это прилагательное от глагола “mat”. Словарь даёт значения: “aus mir hervorgegangen”. Бюрнуф переводит: “devenus mes devots”; Сенар: “identifies a moi”; Леви: “faits de moi”; Теланг: “who are full of me”; Гарбе: “na mich vertrauend”. Эти примеры показывают, насколько неясно выражение подлинника.

IV, 11. Обращается — в подлиннике мн. ч. Гарбе, считая III, 23 интерполяцией, полагает, что вторая строчка данной шл. включена в III, 23; он ссылается на мнение Бетлингга. Нет надобности суживать значение этой шл., как делает это Гарбе, толкуя её в смысле IX, 24. Правильней понимает Сенар: “A chacun je fais sa part, dans la mesure ou il tend vers moi...”, хотя по форме перевод и неточен.

IV, 12. Рождённый действием — может быть, это выражение следует принимать в смысле “священнодействие”, жертвоприношение. Так, Шанкара, комментируя эту шл., замечает, что успех получают те, кто приносят жертвы богам, — Индре, Агни. Он ссылается на текст Брихадараньяка Упанишады I, 4, 10: “Тот, кто почитает отдельное божество, мысля: “оно отделено от меня, а я отделён от него” не знает”.

IV, 15. Это познав — “evam” относится ко всему содержанию шл. 13 и 14.

IV, 16. Вещи — “kavi” — поэт, мудрец, особенно творец ведических гимнов (ср. VIII, 9 и X, 37). Эта шл., ставшая под сомнение “вещих творцов ведических гимнов”, является критикой авторитета Шрути, хотя она и не называет прямо Веды. При разборе вопроса об отношении Гиты к авторитету Вед (ср. прим. 123) на неё не обращается достаточно внимания. Во всяком случае, она отражает критический дух Упанишад.

IV, 17-18. Действия — эти шл., касающиеся одного из основных вопросов, рассматриваемых Гитой, пространно комментирует Шанкара, развивая

основную мысль отрицания действий и утверждения знания как единственного средства Освобождения. Шанкара стремится доказать, что действие и бездействие относятся к области неведения, так как и то и другое предполагает реальность делателя. Но приписывать Атману деятельность, значит заблуждаться, впадать в неведение (авидья). Однако текст Гиты не подтверждает такого толкования; если бы Гита считала всякое действие заблуждением, то излишне было бы и её указание на необходимость различения категорий действия и на то, что познавший ("озарённый") действует без расчёта на плоды действия.

Рамануджи комментирует термин "vikaṅkṣaṇa" как разнообразие действий и их плодов, и отождествляет бездействие со знанием, замечая, что мудрец видит это знание во всяком правильном выполнении дела, тогда как незнание есть своего рода деятельность. Хилл отмечает неясность построения этого стиха, что затрудняет правильное понимание.

IV, 18. *В действии* — Томсон замечает по поводу этой шл.: тот, кто понимает истинную природу деятельности, знает, что не он действует, а "действуют гуны", качества, выполняющие своё назначение. И обратно, когда он пребывает в бездействии, жизненные процессы его тела продолжают, и т.о. выходит, что человек всё же действует, хотя и помимо воли.

IV, 18. *Все дела* — переводчики дают различные оттенки этому месту; так, Томсон и Сенар дают смысл: "Он предан и совершил все дела". Бюрнуф же и Теланг: "Он остался преданным, хотя и совершил дела". Ещё более решителен Гарбе: "Он выполняет всю деятельность в преданности".

IV, 19. *Расчётов* — слово "samkalpa" означает "исходящая от сердца воля, намерение, волеуправленность", определяющая в данный момент мысли человека. БПС, давая такое толкование, ссылается на данное место Гиты. Этот термин довольно трудно передать, и переводчики ищут его оттенки.

IV, 19. *Буддха* — у буддистов этот термин является как бы собственным именем Сакья Муни. Но слово это известно и в браманической литературе. Основное его значение: "пробуждённый, бодрствующий" (ср. II, 69), затем: "освободившийся от уз существования, от кармы". Этот термин близок термину "дживанмукта" — "при жизни освобождённый" (ср. V, 24-25 и II, 50).

IV, 20. *Он ничего не совершает* — т.е., хотя и действуя, он не создаёт для себя кармических последствий.

Без надежд — так переводит Теланг; Томсон, Гарбе, Махадэва Шастри и др. переводят: "без желаний". Оба перевода возможны, однако, второй создаёт некоторое однообразие мысли (ср. IV, 19), тогда как первый усиливает смысл шл. 20: не только оставив влечение к плодам действий, но и самую надежду на воздаяние.

IV, 21. *Мысли* — некоторые переводчики иначе развёртывают сложное прилагательное подлинника. Теланг переводит: "restraining the mind and the Self", причём замечает, что под "Self" надо понимать чувства. Гарбе: "...sein Denkgorgane und sein Selbst in Zaum haltend"; он замечает, что здесь, согласно комментатору, под "Selbst" надо понимать "тело", ссылаясь на V, 7 и VI, 10. Шанкара указывает, что здесь под "ātma" нужно разуметь внешний причинно-следственный агрегат.

IV, 21. *Покинув всякую собственность* — это выражение переводится довольно разноречиво, напр., Бюрнуф: "не ожидая извне никакой помощи". Томсон и Теланг дают оттенок, принятый в моём переводе; также понимают Махадэва Шастри и Гарбе. Слово "pariṅkṣa" имеет очень широкое значение: "схватывание, суммирование, почесть", а в более узком смысле: "брак, семья".

IV, 21. *Только телом* — Теланг, следуя указаниям Шанкары, переводит "только ради тела", хотя и признаёт, что "только телом" предпочтительней.

IV, 22. *Удовлетворённый неожиданно полученным* — т.е. довольный тем, что он получил случайно, не направляя на это внимания и усилий. Такой смысл даёт БПС. Можно перевести и "случайно"; некоторые переводчики пользуются выражением "спонтанно", учитывая, что санньясину запрещено просить, хотя бы он умирал от голода; он может принять лишь то, что ему предложат.

IV, 24. *Брахмо* — эта шл. считается самым священным стихом Гиты. В Махапурванатантре (III, 74) сказано, что после очищения мантрой, которая согласно Таркалангаре есть данный стих Гиты, пища и вещи, посвящённые Брахмо, становятся сами очистителями. Прикосновение низших каст может осквернить воды Ганги и Шалаграму (чёрный камень, символ Вишну, почитаемый в Непале) или др. священные предметы, но ничто, посвящённое Брахмо, не может быть осквернено. Посвятив т.о. пищу, тантрический учитель (садхака) и его ученики могут есть любую пищу. При такой трапезе не соблюдаются правила каст и времени, можно даже вкушать остатки после другого (что запрещено высшим кастам), будь то чистый или нечистый (Mahānigāṇa tālpa, пер. А. Avalon¹⁶, с. 11). Так высоко ценит поздняя индийская традиция этот стих. Говоря просто: считается, что этот стих даёт формулу Освобождения от всех обрядов и ограничений. Он соединяет диалектически пантеизм и теизм, ибо понимает все процессы миропоявления как принесение в жертву Брахмо Брахманом Брахману.

IV, 24. *К Брахмо* — *Brahmāṇva tena gantavya* (Avalon. Serpent Power, с. 324) принимает оборот как *lokativus approximativus* и переводит "приближаться", а не достигать, как это делают многие переводчики.

IV, 25. *Некоторые* — шл. 25—33 Михальский-Ивенский считает вставкой. Шлегель сравнивает этот текст с "Законами Ману" (IV, 22—24), где трактуется о способах жертвоприношения, совершаемого браминном. Шл. 25 несколько туманна; смысл её, повидимому, тот, что некоторые йогины совершают жертву богам, рассчитывая на плоды жертвы (ср. IV, 12), другие же совершают жертву жертве, то есть отказываются от плодов жертвы обещанных писанием, и приносят её в огонь Брахмо, то есть поступают так, как указывается в шл. 19 и сл. этой главы. Томсон, ссылаясь на Шлегеля, так комментирует это место. Шл. 25—30 поясняют мысль о жертвенном выполнении действий. Некоторые йогины участвуют в жертвоприношении богам не ради воздаяния, а бескорыстно, видя в богах образы Брахмо. Во второй половине шл. говорится о тех, кто жертвует обрядами ради жертвы духовной, совершаемой в Брахмо, как в пламени. Аналогично понимает это место и Эджертон.

IV, 26. *На огне обуздания* (саньямы) — здесь не следует понимать слово "саньяма", как технический термин школы Патанджали (ср. Йогасутра III, 4), где саньяма определяется, как единство трёх ступеней медитации — дхараны, дхьяны и Самадхи. Смысл шл.: некоторые удерживают чувства от деятельности (ср. II, 58), другие же жертвуют предметы чувств, то есть представляют деятельности чувств развешиваться по её законам, но не допускают, чтобы объект поработал психику (ср. II, 70).

IV, 27. *Деятельности пран* — Теланг ссылается на Майтри Упанишаду, VI, 9, как на текст, дающий возможность уяснить себе смысл данной шл. О "пранихотре" трактует также Чхандогья Упанишада, V, 19—24, и есть Упанишада, специально посвящённая этому вопросу. В Майтри Упанишаде сказано: человек принимает Прану и Солнце, как свой "я"; кто это знает, тот упражняется в сосредоточии на своём "я". Далее следуют указания, какие мантры полагается при этом произносить и каким способом нужно проводить медитацию. Чхандогья Упанишада подробно описывает ритуал

вкушения пищи как жертвоприношение пранам. В Пранagni подробно описываются ритуалы жертвоприношения пранам, а затем рассматривается сам человек как жертва. Описание заканчивается словами: "Все божества заключены в теле человека" (об этом подробнее в Тантрах). В теле различается ряд пран: прана, апана, ида, пингала и пр. Деятельностью этих пран осуществляется жизнь тела; слово "Прана" означает "жизненный ток", "жизнь". Т.о., "приносить в жертву деятельность пран" значит приносить в жертву своё тело, все его отправления. Эджертон видит в этой шл. намёк на приверженцев школы Санкхья, а в шл. 30 — на джайнистов, иногда кончавших жизнь голодовкой.

IV, 29. *Вдыхание и выдыхание* — две основные праны тела — вдыхание и выдыхание, прана (в узком смысле слова) и апана. Прана есть вдыхание и восходящий жизненный ток, апана есть выдыхание и нисходящий жизненный ток. Пранаяма есть задержка дыхания, совершаемая при сосредоточии. В Упанишадах термины "прана" и "апана" нередко стоят один вместо другого. Вообще говоря, термин "Прана" шире и нередко употребляется как родовое понятие для обозначения всех жизненных токов и жизни вообще. Повидимому, одним из наиболее ранних мест, трактующих о Пранаяме, является конец пятой Брахманы (Брихадараньяка Брахмана, I, 5, 23), где указывается способ медитации с задержкой дыхания. Дейссен называет это место "зародышем учения о Пранаяме". Одним из главных мест в Упанишадах, трактующих о Пранаяме, являются Амритабинду и Дхьянабинду Упанишады. Подробней учение о Пранаяме развито школой Йоги (ср. Йогасутра Патанджали, Хатхайогапрадипика и пр.). Интересно отметить, что слово "Пранаяма" в Гите встречается всего лишь раз для обозначения того действия в йогических упражнениях, которое в позднейших йогических текстах называется "кумбхака" (пауза между пурaka и речака — вдыханием и выдыханием. Кувалааянанда (Yoga-Mimamsa, vol. 3, p. 258) переводит слово "Пранаяма" как паузу между дыхательными движениями, и утверждает, что таково значение этого термина и в классической йогической литературе и что лишь позднее он вытеснился термином "кумбхака". Уже Патанджали употребляет термин "Пранаяма" для обозначения четвёртой ступени своей восьмиступенной Йоги, ставшей после его сутр классической. Т.о., в Сутрах Патанджали термин "Пранаяма" никак нельзя истолковывать в смысле "задержка дыхания". Дейссен переводит слово "Пранаяма" как "регуляция дыхания" (Йогасутры, I, 31, 2, 50; "История философии", I, 3, с. 566), что вполне правильно. Т.о., словоупотребление Гиты и Упанишад, повидимому, более древнее.

IV, 30. *Единой Жизни* — В тексте "Праны" в ед. ч. Слово "Прана" во мн. числе обозначает просто "жизнь", в силу чего Томсон трактует эту школу в том смысле, что аспекты настолько ограничивали свою пищу, что становились, как мёртвые, т.е. приносили в жертву свою жизнь. Дейссен переводит: "Andere... opfern die Lebenshauche in den Lebensuchen" и поясняет, что, согласно Чхандогья Упанишада, при жертвоприношении на огне праны (пранagniхотра) питание каждого отдельного жизненного тока является как бы временным жертвоприношением четырёх остальных. Чхандогья Упанишада (5, 19, 1 и сл.) гласит: "...поэтому то, что ему первым попадает под руку, годно для жертвы. Первое жертвоприношение он должен совершать в своём рту с произнесением известных мантр; тогда насыщается дыхание" и т.д. о каждой из пяти главных пран.

IV, 31. *Вкушающие амриту*. — Ср. антитезу III, 12—13. Смысл шл.: Те, кто живут не для себя, а выполняют свой долг, понимая жизнь как жертву (ср. III, 10), живут "жертвенным остатком", названным Гитой "амрита", то есть "пищей бессмертия", те идут в Вечное Брахмо.

IV, 32. *Распростёрты* — *Vitāna* происходит от "iān+vi" и означает "распростёртый". У Ману это слово употребляется в смысле "приносить в жертву", на что указывает Томсон (ср. IV, 28); схолиаст к "Налию" трактует этот глагол глаголом "akaraṁ"—"выполнил", "сделал". Отсюда Томсон заключает, что всё выражение следует переводить так: "...are performed in the presence of the Supreme Spirit".

Теланг переводит: "Thus sacrifices... laid down in the Vedas". Такой же смысл вкладывает в шл. Шлегель, Дейссен; последний хотя и переводит: "приносится во рту Брамана", но поясняет, что под этим выражением надо понимать Веды. Гарбе, переводя, как и Дейссен, в сноске полемизирует с комментаторами и, в частности, с Телангом, что "рот Брамана" значит Веды, и считает, что смысл шл. очень прост: разнообразными жертвами люди служат одному и тому же Высшему Началу. Гарбе не согласен с Бетлингом, который, переводя так же, как и Гарбе и Дейссен, замечает по поводу этой шл., что автор сознательно допустил здесь бессмыслицу.

Махадэва Шастри, следуя комментариям Шанкары, переводит: "... at the door-way to the Brahman". Т.о., толкование выражения "Brahmanamukha", как "Веды", соответствует ортодоксальному пониманию индийцев. Однако Веды, как "уста Брахмана" или "лик Брахмана", в таком случае надо понимать очень широко, включая сюда и Упанишады, т.к. выше перечислены и такие виды жертв, которые Ведами в узком смысле не предусмотрены, напр., жертва мудростью и отрицанием всякой обрядности. Как мы видели, Гита не раз задевает авторитет Вед, а потому нет необходимости понимать данное место слишком ортодоксально. Следует подчеркнуть, что в тексте говорится не о Бrame, как творце Вед, а о Брахмо, что позволяет более широкое понимание текста в смысле Упанишад.

IV, 38. *В самом себе* — так переводит большинство. Можно перевести и "в Атмане".

IV, 40. *Гибнет* — такое утверждение стоит в известном противоречии со шл. VI, 40. Разрешается оно так: в IV, 40 говорится о состоянии сомневающегося в период сомнения и безверия, в VI, 40 говорится о принципиальной возможности разрешить сомнения и выбраться на путь Освобождения. Не нужно забывать, что для индийской философии "иной мир" представляется таким же временным, преходящим, как и "этот мир": безусловное — Брахмо, Нирвана достигается только после преодоления всего преходящего, относительно, как бы толка ни была его форма.

IV. "*Брахмо*" — в большинстве изданий эта глава называется "Джняна Йога". Михальский-Ивенский приводит название: "Karmabrahmapranayogah", то есть йога действия жертвоприношения Брахмо.

ГЛАВА V

Шанкара делает такие общие замечания к этой главе. Арджуна предполагает, что незнающий может отказаться от действий, почему и задаёт свой вопрос. Кришна отвечает, что из двух лучше Карма Йога. Это нужно понимать в том смысле, что Кришна говорит о карме-санньясине, то есть от отказавшемся от действий и знающем Брахмо, Атмана и только в этом смысле, как утверждает Шанкара, Карма Йога оценивается Кришной выше Джняны. Но по существу ни Карма Йога, ни санньяса невозможны для познавшего Атмана: Карма Йога основана на иллюзии, почему Гита и говорит, что для знающего Атмана все действия исчезают; так говорится в тех местах Гиты, где упоминается о Высшем Знании; хотя и в этих местах кое-где упоминается о Карма Йогe, но только в смысле противопоставления Истинного и ложного знания. Т.о., заключает Шанкара, Карма Йога есть

только вспомогательное средство для познания Атмана, но даже во сне невозможно вообразить, что человек, познавший Атмана, мог бы быть связан с Карма Йогой. Итак, только для того, кто не знает Атмана, Карма Йога и санньяса — средства, ведущие к Освобождению. Санньясу, как отказ от некоторых действий, следует отличать от полной отрешённости от всяких действий, свойственной знающему Атмана, т.к. частичное отречение всё же сохраняет идею деятельности, которая отрицается Истинным знанием. Т.о., для знающего Атмана, утверждает Шанкара, первые ступени Йоги (по системе Патанджали) — Яма и Нияма трудноосуществимы.

V, 1. *Отрешение*, или *Санньяса* — особое состояние отрешённости, отказа от всего проявленного, всего “мирского”. Практика санньясы очень популярна среди различных сект Индии, причём каждая секта придаёт этому понятию особый оттенок.

V, 2. *“благо”* — эту шл. нельзя считать противоречащей II, 49, где говорится о действии вообще, а не о деятельности в смысле Йоги. Арджуна недостаточно чётко различает эти моменты, откуда и возникает его недоуменный вопрос. Дальше Шри Кришна снова объясняет ученику сущность Карма Йоги, учащей, что связывают не действия, как таковые, а привязанность к их плодам, ограничивающая мировую энергию кругом личного вихря (вритти) и т.о. порождающая как бы отдельную нить кармы. Без этой привязанности к плодам энергия возвращается в общую сокровищницу мировой энергии, и т.о. обособленный вихрь распадается. Шанкара замечает, что и отказ от действий и их выполнение ведут к Освобождению, т.е. к Истинному познанию, но Карма Йога здесь предпочитается простому отказу от действий, не сопровождающемуся Истинным знанием.

V, 4. *Обеих* — можно было бы подумать, говорит Шанкара, что санньяса и Йога, выполняемые разными людьми, противопоставляются Гитой и по своим результатам. Что это не так, показывает данная шл.

V, 5. *Зрячий* — размышление “над вечными вопросами бытия” и Карма Йога приводят к одному результату: познанию тщеты преходящих радостей, тщеты иллюзорности всякой обособленности. Лишь тот, кто сумел отрешиться от стремления к удовольствию, получает высшую радость — таков парадокс Йоги, особенно развиваемый в Джайнизме и Буддизме. Гита также останавливается на этой мысли. Далее Кришна даёт своеобразное разрешение этого парадокса и определяет место принципу гедонизма в системе Гиты.

V, 6. *Брахмо* — Шри Кришна учит, что отрешение без праксиса Йоги недостаточно для реальной переработки психики, ибо процесс этой переработки и есть Йога. Шанкара замечает по поводу пятой шл., что санньясины достигают такого же Освобождения, что и йогины, но не прямым путём, а достигая Истинного знания через отречение. Но если это так, то утверждение Гиты, что Йога выше санньясы, надо понимать в том смысле, что здесь говорится о простом отречении, не сопровождающемся Истинным знанием. В стихе шестом, поясняет Шанкара, говорится об Истинной санньясе, а “Йога” означает ведическую Карму Йогу (т.е. выполнение ведического ритуала), посвящённую Ишваре и свободную от корысти. Слово “муни” Шанкара толкует как “преданный” и производит от глагола “man” — размышлять. Шанкара определяет муни как человека, размышляющего о формах Ишвары. Термин “брамин” Шанкара понимает здесь в смысле “санньясин”, так как санньяса состоит в знании высшего Атмана.

V, 7. *Всех существ* — *sarvabhutatmabhutatma* — это сложное слово разъясняется так: “bhutatma” собственно значит “душа существ”, как эпитет Брахмо, затем как индивидуальная душа; как эпитет это слово прилагается к тому, чей дух озарён единением со Всеобщим Бытием, и в таком случае термин становится аналогичным термину “махатма”. Всё слово можно было

бы перевести выражением: "Тот, чей дух озарён единением с духом всех существ". Такой смысл придают термину Теланг, Дейссен и др.

V, 10. *Посвятив* — предлагаемый перевод согласуется с передачей этой шл. большинством переводчиков, следующим указанию Шанкары, понимающим шл. в том смысле, что преданный должен посвящать все дела Брахмо. Эджертон переводит: "Casting (all) actions upon Brahman", следуя толкованию Рамануджи, вкладывавшего в данную шл. тот смысл, что всякое индивидуальное действие иллюзорно, так как реален только Единый Делатель Вселенной. Эджертон и сам выражает сомнение в правильности такого толкования данного места и указывает, что если принять его, то приходится придавать слову "Брахмо" в данной шл. смысл Пракрити, как это делают Рамануджи, а за ним и Хилл. Такое значение слова принимается всеми для XIV, 3.

V, 10. *Водой* — этот поэтический образ часто встречается в индийской литературе: ср., напр., Чхандогья Упанишаду, IV, 14, 3 — "как не пристаёт вода к лепестку лотоса, так не пристаёт злое к тому, кто знает Брахмо".

V, 11. *Привязанности* — Теланг делает следующее пояснение к данной шл.: действие телом — это купание и пр.; манасом — медитация и пр.; Буддхи — утверждение истины; чувствами — восхваление имени Ишвары (ср. Яджнавалкья, III, 31—34 и "Законы Ману", V, 105 — "Об очищении").

V, 13. *Действовать* — Шанкара различает следующие действия: предписанные действия, действия, происходящие от совпадения известных событий, действия, направленные на выполнение каких-либо желаний и, наконец, запрещённые действия, Шри Кришна учит Арджуну "искусству действия" (II, 50), а не бездействию. Стих этот правильней понимать как учение о недеятельности "воплощённого" (духа); это есть развитие антитезы "Творец и Нетворец". Шанкара замечает, что только о сознающем себя отдельным от тела можно сказать, что он "пребывает в теле", как пребывают в городе, в доме: сознание отделённости от тела есть следствие "pragabdhakarṇa", т.е. такой кармы, которая начинает приносить плоды. Атман не действует и не вызывает действий, он пребывает неподвижным.

V, 14. *Развивается* — в этой шл. повторяется мысль шл. IV, 13, как антитеза к III, 22. Дух, как владыка мира, пребывает в абсолютном покое Вечности, как вневременности, действия же творятся Пракрити, которая есть самосущая (svabhava), Шакти (Сила) и Великая Мать (ср. XIV, 3).

V, 15. *Ишвара* — так переводит Лоринзер, Леви: "Il ne s'attribue ni le méfait... ni le bienfait". Сенап: "...ni peche ni bonne oeuvre n' atteint le Seigneur". Ещё решительней переводит Дейссен: "Nicht das Böse von irgendwem und nicht sein gutes Werk erkennt der Allmächtige als sein". Но Махадэва Шастри, Гарбе понимают стих в том смысле, что Ишвара не принимает ни от кого ни греха, ни добрых дел. Сущность же понимания Дейссена и других сводится к учению, что как хорошая, так и дурная карма возвращаются или к совершившему её, или в общую карму Природы. Ишвара не связан этой кармой, равно как и освобождённый человек, слившийся с Брахмо.

Хилл указывает, что комментаторы различно понимают термины prabhu и vibhu: некоторые относят их к Ишваре, другие — вообще к индивидуальной душе (ср. V, 14). Хилл считает, что прав Рамануджи, связывая шл. 13 и 15 и считая, что в обоих говорится об индивидуальной душе.

V, 18. *Брамине* — Шанкара поясняет, что здесь перечислены существа, относящиеся к трём гунам: брамин как высшее из перечисленных существ относится к гуне саттва, корова, как не возрождающаяся духовно, — к раджа, а слон — к тамас.

V, 18. *Кто варит собаку* — "сварака" — буквально "варящий собаку" — название самого низшего внекастового класса людей в Индии. Сюда относятся

дети, рождённый от незаконного брака матерью, которая сама является внекастовой дочерью отца-шудры и матери-кшатрийки (такой брак по кастовым законам запрещён). Отцом ребёнка внекастового "швапака" является кшатрия. Так как такой брак признаётся в высшей степени предосудительным, то дети, рождённые от подобного союза, считаются вне закона. Они должны жить вне селения, вне городских ворот, есть из черепков, носить одежду, снятую с мертвецов, не имеют права собственности, могут владеть только собакой или ослом, им запрещено общение со всеми, за исключением других внекастовых людей "чаңдала", к которым они приравниваются. Занятие их — сторожить трупы бездетных. Нужно учесть всю жестокость и вместе с тем прочность законов о кастах, чтобы понять силу утверждения Гиты, трудность её психологического требования, предъявляемого тому, кто ещё во власти подобных кастовых установок.

V, 19. *Пребывают* — Шанкара понимает этот стих так: даже здесь преодолевают узы рождения те, кто пребывает в равновесии. Он ссылается на Шветашватара Упанишаду (IV, 15—17) и замечает: можно было бы подумать, что мудрые, о которых здесь говорится, являются грешными по рождению и их пищу нельзя есть другим, согласно предписаниям закона (ср. законы Гаутама, XVII, 20); но рождение, т.е. кастовые законы, преодолеваются даже на Земле теми мудрецами, которые видят Единого и ум которых остаётся невозмутимым. Для тех, кто не видит Брахмо в нечистых телах, напр., в теле, кто ест собаку, тела эти загрязнены своей нечистотой, но Брахмо не загрязняется ими, а потому и не пачкается.

V, 21. *Йога Брахмо* — понятие, близкое "Нирване Брахмо" (ср. II, 72).

V, 23. *Человек* — речь идёт о "при жизни освобождённых", т.е. дживанмукти.

V, 24. *Сущность Брахмо* — можно перевести "Brakmabhuta", "став Брахмо", как это делают Дейссен, Теланг и др. (ср. Катххака Упанишада, VI, 14).

V, 26. *Нирвана Брахма* — Теланг переводит: "The Brahmic bliss is on both sides (of death)". Дейссен, ссылаясь на толкование Шанкары, переводит: "...tritt ganz und vollständig das Erlöschen in Brahman ein". Махадэва Шастри: "...Brahmanirvana is on both sides". Шанкара делает к этой шл. замечание: "зрящие воистину освобождаются, умерев, или ещё при жизни".

Приведённые ссылки показывают, что понятие "Брахманирвана" не вполне чётко установлено не только у европейских исследователей, но даже и в индийской традиции. Во всяком случае, замечание Шанкары свидетельствует, что сам он едва ли понимал это выражение в духе Буддизма; даже опираясь на его авторитет, нет необходимости понимать это выражение так решительно в буддийском смысле, как это делает Дейссен. Учение о дживанмукте свойственно традиции вишнуитских бхакт и впоследствии было широко использовано бенгальскими мистиками. Принятие этой концепции Шанкарой приходится признать как известную его непоследовательность. Рамануджи считает, что в этой шл. говорится о блаженстве самопознания.

V, 27. *Направив взор* — здесь речь идёт об йогическом приёме, называемом "лаулика". При таком упражнении рекомендуется фиксировать глаза на переносице или кончике носа (ср. VI, 13) или на каком-либо близком предмете, или же держать глаза направленными параллельно вверх. Смысл упражнения: выработка "твёрдости взгляда"; возбуждение рефлекса внимания. Нужно помнить, что, согласно индийской психологии, между органами и предметами чувств устанавливается особый ток, владеть которым и учит Йога.

V, 27. *Выдыхание* — здесь речь идёт не только о частном виде Пранаямы, регуляции вдоха и выдоха (начальное упражнение в Пранаяме, называемое "уджаджай"); сколько об регулировании пары сил восходящего и нисходящего

тока (Прана и апана), колебание которой, согласно индийской психологии, обуславливает деятельность тела. Эджертон считает, что общепринятый перевод "вдыхание и выдыхание" (Прана и апана, или же *vice versa*) не обоснован, и ссылается на работу Броуна, посвящённую этому вопросу. Дьюмент, рецензируя в JAOS (1946, 66, 1) работу Эджертон о Гите, не соглашается ни с мнением Эджертон, ни с мнением Броуна и полагает, что Кэлленд (Callend) был прав, утверждая, что если в древних текстах и встречается сочетание слов "Прана и апана", то под такими выражениями следует понимать именно "вдыхание и выдыхание", а не над- и поддиафрагмальный ток Праны. В частности, последнее толкование для данной шл. тем более неприемлемо, что в тексте сказано, что упомянутые токи идут через нос.

V, 28. *Муни* — Гита даёт разные оттенки для обозначения мудреца: "пандит" есть учёный, "buddhimani" — разумный, buddha — озарённый высшей мудростью, "muni" — молчаливый, погружённый в размышления (см. также II, 56 V, 6).

V, 28. *Свободен* — Шанкара говорит, что санньясин, стойкий в познании, получает освобождение; Карма Йога также постепенно, но не прямо ведёт к освобождению. Шлоки 23—28 дают сжатую схему йогических упражнений, чрезвычайно близкую к схеме т.н. "Йогических Упанишад" — Амритабинду, Дхьянабинду и др.

V, 29. *Друга* — слово "suhrid" имеет два оттенка: "друг" и "милосердный". Для полного понимания текста необходимо знать их оба. Как прилагательное слово "suhrida" является эпитетом Шивы ("Милосердный"). Стих этот поражает своим как бы противоречием с предыдущим, особенно с V, 15. Но всё учение построено на антитезе: "Творец и Нетворец", причём последовательно развивается то тезис, то антитезис. Дальнейшие главы ещё более развивают антитетику этих двух ликов.

ГЛАВА VI

VI, 1. *Без обрядов* — стих этот утверждает основное положение этики Упанишад и Гиты: человек не может правильно развиваться психически, а, следовательно, достичь Освобождения как конечной цели развития всего проявленного, если у него нет надлежащей внутренней установки. Мысль эта многократно и настойчиво проводится в традиционной философии Индии. Уже в ранних Упанишадах эта мысль выражена совершенно чётко. Так, в Чхандогья Упанишаде, III, 14 сказано: "Поистине этот мир есть Брахмо, его подобает почитать в безмолвии, как пребывающего в ТОМ (Тадджалан). Поистине человек образуется намерением: каково его намерение в этом мире, таким становится человек, предающийся ему. Поэтому нужно обдумывать намерение". В последние годы это положение весьма категорически выдвинул Хауэр. Он считает, что этико-теистическая Йога Гиты близка к Йоге Упанишад. Он подчёркивает особую близость Гиты и Шветашватара Упанишад (что, впрочем, можно считать общепризнанным). Автор утверждает, что эта глубокая связь Йоги Гиты и Упанишад послужила к укреплению авторитета Гиты и поднятию его на исключительную высоту ("Йога", с. 190).

В данном стихе можно видеть намёк на закон о "возрастных периодах" (ашрама); своё полное выражение этот закон получил позже, оно уже развито в Мокшадхарме. "Ашрама" в первом значении — "обитель", но затем это слово получило значение "жизненный период", в зависимости от которого человек избирает своё жилище. "Законы Ману" различают 4 периода жизни человека.

1. *Брахмачарья* — период ученичества, период юности; в это время человек высшей касты (брамин, кшатрия) пребывает в обучении у Гуру, учителя-брамина, преподающего Веды и др. традиционные знания, необходимые представителю высшей касты (т.н. ветви Вед — ср. также II, 41). В этот период ученику предписывается половое воздержание, почему слово “брахмачарья” в более позднее время и получило значение “целомудрие”. В этот период (ок. 12 лет) ученик обитает в доме учителя и выполняет домашнюю работу для Гуру и его семьи.

2. Второй период — *грихастха*, время, когда после окончания учения человек женится и становится домохозяином, отцом семейства, принимающим участие в общественно-политической жизни. Этот период длится до 40—50-летнего возраста.

3. За ним следует период *ванапрастха*, отшельничества, пребывания в лесу; отшельничество может быть различной степени строгости. “Законы Ману” предписывают домохозяину, удаляющемуся в лес, передать священный огонь очага старшему сыну. Сын провожает отца до околицы селения, получает от него священный огонь, и, простившись, они расходятся по своим дорожкам. Сын возвращается со священным огнём домой и становится домохозяином, а отец уходит в пустыню и становится “ванапрастха”, пребывающим в лесу; при более строгой аскезе он остаётся без огня — “нирагнис”, а потому и без обрядов, т.к. они связаны с возжиганием и хранением священного огня. Именно на это и намекает разбираемый стих Гиты. Ванапрастха живёт в лесу при более строгой аскезе один, но чаще в обществе таких же отшельников, как и он, а также своей жены.

4. Четвёртый и последний период жизни — *паривраджа*, нищенство (бхикшу). Такой человек должен быть один, чаще всего он принимает обет молчания, не имеет права оставаться на одном и том же месте больше 3 дней. Точный регламент образа жизни в различные ашрамы дан в Манавадхармашастре (“Законы Ману”). В Таиттириях говорится, что в период Кали Юга, начавшийся со времени великой войны Бхаратов на поле Куру, период, к которому относится и настоящее время, никто не в силах выполнять точно закон ашрама. В правилах для отшельников (VI, 25) “Законы Ману” предписывают так: “Священные огни в себя перенеси, согласно закону, без огня, без крова, да пребудет мунни, питающийся корнями и плодами”, т.е.: “Заменив своим телом священный огонь, в который приносится жертва, да пребудет мунни...”

VI, 2. *Желаний* — самкальпа. Это понятие разрабатывалось многими индийскими философскими школами. Шанкара, комментируя Брихадараньяку (I, 5, 3), говорит: самкальпа есть определение предмета через различия, напр., белый — чёрный и пр. В тексте Упанишад сказано, что манас определяет самкальпу, наряду с другими психическими качествами. В комментариях к Брахмасутрам Бадараяны Шанкара, разбирая вопрос о соотношении Высшего Атмана и индивидуума, которое он уподобляет соотношению костра с искрой, говорит, что подобно тому, как искра имеет общее с костром свойство гореть и сиять, так и индивидуум имеет свойства, общие с Атманом, всеведения и всемогущества. Но если это так, то почему желание не творит предметов во сне, спрашивает Шанкара. Ответ на этот вопрос заключается в свойствах “самкальпы”, это есть свойства ума, подобное такому: “Пусть, то-то и то-то случится со мной”. Иначе говоря, “самкальпа” есть воображение, рукотворное желание, но лишенное реализационной силы (в чём приходится признать противоречивость определения Шанкары). Очевидно, что понятие “самкальпа” можно противопоставить понятию “бхавана” (ср. II, 66): “самкальпа” создаёт только грёзы, бхавана же есть творческая мысль йогина. Шанкара замечает по поводу этого стиха, что есть некоторое сходство между санньясой и Карма Йогой, т.к. не

помышляющий о плодах также совершает некоторое отречение, хотя и неполное, т.к. совершает действия.

VI, 3. *Средством* — Шанкара поясняет: Карма Йога есть способ достигнуть Дхьяна Йоги. Муни в этом стихе значит "стремящийся к Йоге", но ещё не достигший её, а потому для него карма есть средство; для муни же, достигшего Йоги, прекращение есть средство (достижения конечной цели, т.е. Освобождения). Чем больше он отказывается от действий, тем более совершенного покоя он достигает.

VI, 5. *Союзник* — небезинтересно сравнить этот стих с нормандскими рунами: "слушай же первое слов заклатья, Раи его принял от Ринд... сам себя сильный спаси". Шанкара по поводу этого стиха замечает: только "Я" может быть истинным другом для себя, спасающим от самсары, и настоящим врагом, погружающим в самсару.

VI, 6. *Враждебен* — ср. Майтри Упанишада, 6, 20, где даётся техника дхараны: нужно прижать кончик языка к нёбу, подчинить себе речь, манас, самого себя и так созерцать Брахмо (упражнение называется тарак — спасающий). Созерцая себя через самого себя, как тоньше тончайшего, и так становится (упражняющийся) свободным от себя самого ("ниратман"), и в силу освобождения от себя он воспринимает себя как безграничного и бездонного. Это — Освобождение, высочайшая тайна. Ср. также Мандукья Упанишада, 3, 2 и сл. и Тайттирия Упанишада, 6 и сл., на которыесылается Майтри упанишада.

VI, 8. *На вершине* — Kutastha — буквально "стоящий на вершине". Теланг переводит "неподвижный" и поясняет, не колеблемый никакими превратностями судьбы. Шриджара толкует это слово как "неизменный" — эпитет человека, стоящего вне мирских интересов, т.е. йогина. Шанкара даёт glossy: "апракламба" — "свободный от тревожений". В Атхарваведе так определяется слово "kutastha" — "пребывающий в сознании всех существ". В системе Йоги есть два термина, определяющие степень движения познания: "kutastha" и "kutastha nitya" и просто "nitya". Первый термин относится к Пуруше, вечному и неизменному, второй — к Праkritи, вечной (nitya) в своей текучести (ср. Дасгупта "Йога как философия и религия", с. 118—119). Эджертон замечает, что термин "kutastha" не вполне ясен и по-разному трактуется традиционными комментаторами (ср. XII, 3). В пали это слово получает форму "kutaṭṭha" и значение, близкое к "не подлежащий переменам". Буквально это значит "стоящий на вершине (горы)", т.е. свободный от борьбы.

VI, 8. *Воссоединённым* — "yukta" переводится также "преданный" (Дейссен), "благочестивый" (Теланг, Томсон), недисциплинированный (Эджертон). Леви переводит: "Uni c'est le nom de Yogin". Ср. также VII, 1.

VI, 9. *Отличается* — vichishyate. Мадхусудана читает: "vishisyate", чему следует и Томсон, то есть такой человек одинаково благожелателен и справедлив ко всем, а потому освобождается от привязанности к какому-либо в отдельности. Глагол "chish+vi" значит "отличать" в смысле характеризовать, ценить; такого оттенка придерживаются многие переводчики (Теланг, Сенар и др.). Дейссен принимает первый оттенок, переводя: "daran erkennt man ihn..." Несколько вольно переводит Эджертон: "is superior".

VI, 10. *Без собственности* — aparigraha. Томсон указывает, что этот термин обозначает всё, что окружает человека и с чем у него устанавливаются связи: семья, имущество и пр.

VI, 11. *Куша* — обстановка, описываемая в этой шл., традиционная и часто описывается в йогических трактатах и Упанишадах. Трава куша — растение, напоминающее осоку; это — священная трава, часто употребляемая в ритуалах, особенно при жертвоприношениях; она подкладывается в

жертвенный костёр, так что сидение на траве куша можно символически понимать, как принесение себя в жертву, возведение на костёр.

VI, 13. *Шею* — характерно, что Гита не даёт деталей асан. Позднейшая Йога придавала большое значение позе и описывала много разных асан. Со свойственной индийцам склонностью к “астрономическим” числам говорится о 33 миллионах асан, доступных Шиве, владыке Йоги (символ бесконечного разнообразия форм проявления); для человека число асан ограничивается “только” 96, а на практике оно сводится к ещё меньшему количеству. Различаются асаны, так сказать, “гимнастические”, способствующие овладению телом и его отправлениями, а также преследующие лечебные цели (возможно, что отсюда возникло греческое название индийских йогингов: предназначенные для медитации. Из них особенно важны падма, сиддха и бхадра асана, различающиеся друг от друга некоторыми деталями расположения конечностей. Общее у них всех — неперенное требование держать распрямым позвоночник, т.к. это является важным условием для правильного упражнения в дыхании (ср. следующие шл.). В восьмиступенной Йоге Патанджали ступень “Асана” предшествует ступени “Пранаяма”.

Дасгупта подчёркивает разницу в Йоге Гиты и Патанджали. Гита избегает крайностей системы Патанджали, цель которой — разрушить деятельность ума и тела. Йогин, следующий системе Патанджали, должен добиваться полного торможения всех отравлений тела, а для этого должен упражняться в овладении своим дыханием, в Пранаяме не часы и дни, а месяцы и годы. Гита же проповедует золотую середину, не прекращение, а сдерживание, умеренность во всём — еде, сне.

VI, 13. *В стороны* — в этом стихе даются существенные элементы медитационной позы. В ст. V, 27 указано другое положение глаз, но оба эти положения традиционны. Фиксация взора есть один из важных элементов психофизиологии внимания: одним из основных признаков рассеянности, плохой фиксации внимания является плохая фиксация глаз, что отмечается в психиатрической физиогномике: так, напр., идиоты, не способные к фиксации внимания, не способны также фиксировать глаза, которые у них бесцельно “бегают” (ср. “Психиатрия с физиогномикой” Сикорского). Шанкара замечает, что Гита здесь говорит, конечно, не о физической фиксации глаз, а об устремлении умственного взора. Позднейшая Йога настаивает и на физическом моменте.

VI, 14. *Брахмачарья* — это есть первая из “ашрама”, ступень ученичества (ср. VI, 1). Главные требования, предъявленные к брахмачарье: изучение Вед и их “разветвлений” (шакха), почитание учителя, почитание родителей, гостя, поддержание священного огня в доме учителя, раздача милостыни. В Йогасутрах Патанджали слово “брахмачарья” употребляется в смысле “целомудрие”, половое воздержание, требование которого предъявляется на первой ступени восьмиступенной Йоги (Яма). Указания этого стиха полезно сравнить с указаниями Яджнавалкьи III, 198—201: “стопы положив на бедра, разжатую правую кисть на левую, слегка склонив лицо и опираясь подбородком на грудь, закрыв глаза, зубами не касаясь зубов, держа язык неподвижно на нёбе, покрыв лицо, недвижимо, укротив все чувства, да выполняет он двойное и тройное дыхание, затем пусть сосредоточит мысль на том Ишваре, который пребывает как светильник в сердце, да удержит он на нём крепко дух и да соберёт постепенно свои чувства”.

VI, 15. *Мирвана* — *śāntim nirvāṇaparaṃgamān*. Шлегель даёт перевод: “... ad tranquillitatem extinctionis proximam”. Теланг: “Tranquility which culminates in final emancipation and assimilation whith me”. Подобно же понимает и Эджертон. Махадэва Шастри оставляет термин “Нирвана” непереуедённым, но в скобках поясняет через термин “мокша” — Освобождение. Гарбе переводит “угасание” и в скобках даёт подлинный термин:

Томсон также понимает здесь Нирвану как "угасание". Лоринзер в данном случае понимает слово "рагата" в сложном слове "nirvanaparamam" в смысле "главная составная часть". Таково обычное значение слова "рагата" на конце сложных слов. Смысл стиха Лоринзер толкует так: "Он приходит к покою, который есть уже в начале Нирваны, и достигает в нём совершенства". В основе мысли лежит представление, что пожизненное состояние освобождённости (дживанмукти) есть предвкушение Нирваны, совершенного покоя, присущего Ишваре.

VI, 19. *Не колеблется* — образ светильника, горящего в безветренном месте, часто встречается в индийской литературе. Михальский-Ивенский берёт всё выражение в кавычки как цитату, незаконченную в тексте, как это часто бывает в индийской литературе.

VI, 20. *Атману* — период, заключающийся в шл. 20—23, довольно запутан и разбирается по-разному, так как подлежащее 20 шл. понимается различно. Бюрнуф принимает за подлежащее слово "citta" и переводит его "мысль"; также поступает и Лоринзер. Дейссен принимает за подлежащее слово "Йогин" и дальше заменяет его местоимением; так же поступает и Теланг. Гарбе вводит пояснительное слово "состояние" и его принимает за подлежащее периода. Махадэва Шастри принимает за подлежащее "citta" и передаёт его через "ум". В предлагаемом переводе принято то же подлежащее и передано через "мысль", хотя значение "citta" гораздо шире.

VI, 23. *Отвергившейся* — это обычно понимается как указание на погружение в беспредельное. Шанкара читает вместо "yogo nirvinnacetasa", "anirvinnacetasa", и в таком чтении данное место можно передать так: "неутомимым (или решительным) сердцем". Лоринзер читает "nirvannacetasa" и считает, что "nissayena" есть instrumentalis adverbialis, а "nirvinnaceta" есть instrumentans personalis, указывающий на того, кто практикует Йогу. На основании таких соображений Лоринзер переводит так: "таким, кто думает о Нирване". Свой взгляд Лоринзер подкрепляет ссылкой на VIII, 14, где употреблено слово "ananyacetasa", которое передаётся "не думающий о другом" и на VI, 15; "nirvanaparama" — "имеющий Нирвану высшей целью".

VI, 25. *Помышляет* — вторая строчка этой шл. переводится различно. Так, Дейссен переводит: "Das Manas dem Atman zum Stillstande bringen und gar nichts mehr denken". Теланг: "... and fixing his upon the Self, should think of nothing". Такой перевод Теланга выявляет его буддийские тенденции в понимании Гиты: он изобилует ссылками на буддийские тексты: "Погружение мысли в ничто характерно именно для буддийской Йоги, равно как и для Йоги Патанджали, но Йога Гиты существенно отличается как от той, так и от другой. Если признать, что данное место допускает различные толкования, то всё же смысл его выявляется при сравнении с такими бесспорными шл., как IX, 34; XII, 5-6; XVIII, 57 и пр. В предлагаемом переводе за подлежащее взято местоимение "он", то есть йогин, о котором шла речь в этой главе.

VI, 26. *Как бы то ни...* — по толкованию Шанкары и Рамануджи следует: "каким бы вещам...". Эджертон принимает такое толкование и считает его правильным грамматически, несмотря на то, что в тексте стоит отложительный падеж.

VI, 27. *Йогина* — подлежащее "Йогин" может быть взято из этого стиха для предыдущих, что особенно ясно в санскритском тексте.

VI, 27. *Безгрешного* — слово "akalmasha" можно отнести к "Йогин" или же к "brahmabhutam", как это делает, напр., Дейссен, которому следует данный перевод, или же между этими словами можно поставить запятую, как это делают Михальский-Ивенский, Теланг, Бюрнуф, относя оба слова как дополнение к глаголу "достигает"; в таком случае получается смысл, что йогин достигает состояния безгрешности и бытия Брахму. По существу

основная мысль не меняется, но в последнем толковании отделяются два понятия: состояние безгрешности и состояние Брахмо, тогда как для традиционной индийской философии они слиты. Махадэва Шастри принимает построение Михальского-Ивевского и др., переводит слово "akalmasha" не "свободный от грехов", как это делает Теланг, а "безупречный" (blemishless), хотя это и не совсем точно; для последнего понятия существует особое слово в санскрите: "anirdaṣa".

VI, 29. *В атмане* — как переводят Сенар, Леви, Хилл. Томсон переводит "Дух", Теланг, Эджертон, Дейссен: "видит себя во всех существах", причём Теланг поясняет: то есть "реализует единство со всеми существами". Эджертон указывает, что так понимают это место Шанкара и Рамануджа, и категорически протестует против "абстрактного" понимания Хилла и Сенара. По существу между этими толкованиями нет принципиальной разницы: и то и другое говорит о всеединстве, но первая формулировка, быть может, несколько ясней для читателя-неспециалиста и теснее связывает данный стих с предыдущим.

VI, 29. *Зрящий одно* — БПС переводит слово "samaḍarsana" "на все смотрящий равным взором". Дейссен, Эджертон и др. переводят через "везде видящий Одну Сущность", что гораздо более соответствует контексту.

VI, 30. *Меня* — совершенно чёткая формулировка этой шл. как бы поясняет некоторую расплывчатость формулировки предыдущей, почему в предлагаемом переводе слово "Атман" в шл. 29 оставлено без перевода, такой приём даёт почувствовать пластичность подлинника. Ср. Иша Упанишада 6: "Но кто узнает все существа в своём "Я" и себя во всём, тот ни о чём не печалится".

VI, 32. *Как бы ни существовал он* — Шанкара поясняет: даже оставив все дела.

VI, 32. *Йогин* — очень оригинально переводит эту шл. Теланг: "That devotee... is deemed to be the best, who looks alike on pain whatever it may be, in all (creatures, comparing all with his own (pleasure or pain))" и поясняет: тот, кто считает, что удовольствие и страдание для всех одинаково приятны или неприятны, как для него самого, и ставит себя самого на место другого (испытывающего эмоцию). Как обычно, у Теланга сказывается буддийская тенденция и в понимании этой шл. Стилистический перевод слишком волен, слишком много в него введено интерпретирующих слов. Нужно отметить, что понимание данной шл. стоит в тесной связи с пониманием VI, 29.

VI, 33. *Тожество*. — Ср. II, 48.

VI, 34. *Кришна* — Шанкара замечает к этому стиху, что "Krishna" происходит от глагола "krish" — "скоблить", Бхагаван называется так потому, что он "соскабливает" грехи йогина. Конечно, такое объяснение есть по существу игра слов, а не филологическое словопроизводство; В Мокшадхарме (гл. 343—344) даётся ряд таких произвольных толкований имён Вишну; имя Кришна здесь производится от "krishami" — я вспахиваю (XII, 13 236—13 238).

VI, 38. *Отпав от обоих* — Томсон поясняет: кто оставил жертвы, предписанные законом, чтобы предаться Йоге, лишается преходящих радостей в Небе Индры, полагающихся за принесение ведических жертв. Но если он оказывается нестойким в Йоге, то он лишается и награды, протекающей из упражнений.

VI, 40. *Сын мой* — Шанкара поясняет: "iṣa" по-санскритски значит "отец", так как отец распространяет ("iṣ" — натягивать, распространять) себя в сыне. Значит, сам отец есть сын, почему сын и называется также "iṣa", ибо он для учителя как сын.

VI, 41. *Праведников* — Шанкара поясняет: т.е. тех, кто совершает Ашвамедху (жертвоприношение коня, особенно торжественный и дорогостоящий обряд).

VI, 43. *Счастливым доме* — то есть живущим по предписаниям закона (Шанкара); в царском или княжеском роде (Мадхусудана).

VI, 43. *Единение с мудростью* — упражняющийся в Йоге достигает ступени знания, завоеванной им в предшествующих жизнях, и отсюда продолжает дальнейшее развитие.

VI, 44. *Слово Брами* — то есть Веды (ср. II, 52-53). Томсон поясняет: он не приближается к Высшему Духу реально, но только получает ментальное знание от учителя и философов. Дейссен по поводу этого места ссылается на Майтри Упанишаду, IV, 22, где сказано: "Поистине нужно отличать двух Брахмо: Слово и Неслово. Через Слово проявляется Безмолвный". В данном случае под "Словом" разумеется "АУМ". Восходя через него (ср. Прашна Упанишада, 5, 1 и сл.), достигают исчезновения в Безмолвии, ибо далее сказано: "Это есть Путь; это — Бессмертный, Исчезновение, а потому Блаженство". Мадхусудана замечает, что так было и с самим Арджуной, пришедшим на поле сражения, чтобы научиться Йоге. Впрочем, это замечание не гармонирует с II, 6—7.

VI, 46. *Действующих* — многие с достаточным основанием придают этому слову здесь значение "выполняющий ритуальные действия" (ср. Сенар и пр.).

VI, 47. *Полагаю* — главы II- VI излагают Йогу как праксис. Некоторые считают, что здесь изложена Йога Патанджали (Дэвис). Вопрос этот уже затронут в ряде примечаний и предисловий. Лоринзер считает, что главы VII—XII содержат изложение системы Патанджали и Веданты, но в христианской модификации. Идея Лоринзера, что Гита будто бы является христианизацией браманизма, проводимая им весьма настойчиво в комментариях к его переводу Гиты, не выдерживает критики. Его ссылки и параллели натянуты и бездоказательны.

Название главы варьирует в разных изданиях. Шанкара называет эту главу "Дхьяна Йога", определяя дхьяну так: дхьяна есть способ достигнуть того, о чём говорится в V, 270, 29. Шестая беседа, по мнению Шанкары, есть разъяснение этих шл. Так как для домохозяина карма есть способ достичь Дхьяна Йоги, то Кришна начинает изложение с учения о действии. В этом смысле, по мнению Шанкары, надо понимать и VI, 3. Нельзя думать, что действия предписаны человеку на всю жизнь: когда он достигает Йоги, он может отказаться от действий.

Однако Гита считает, что не тот, кто без огня и без обрядов есть Йогин, а тот, кто, исполняя обряды, не думает об их плодах. Такое замечание Шанкары является большой уступкой в его учении о нецепности действий для духовного развития.

ГЛАВА VII

VII, 2. *Знание и осуществление знания* — Томсон поясняет разницу этих двух терминов так: *jñāna* (знание) есть философское познание, охватывающее, подобно Высшему Существо, Вселенскую Душу и все другие знания, необходимые для спасения. "*Vijñāna*" есть специальный род знания, относящийся только к Высшему Духу и его связи с материей. БПС определяет "*vijñāna*", как распознавание, правильное знание, но все же знание профанов в противопоставление знанию мудрых (*jñāna*). Такое понимание БПС подтверждает данным стихом Гиты.

Шлегель переводит: "jñāna" через "scientia", а "vijñāna" через "judicium". Лоринзер проводит параллель между данным текстом и Шветашватара Упанишадой, I, 12.

Интересное исследование терминов даёт Эджертон в юбилейном сборнике Винтерница. Автор указывает, что эти слова в эпическом санскрите, а иногда и в позднейших текстах встречаются в тесной взаимосвязи, что позволяет отрицать их синонимичность. Однако из контекстов не удаётся выяснить, в чём же именно состоит разница между ними. Обычно их в переводе не дифференцируют и переводят как "мудрость, знание". Нужно думать, что первоначальный смысл разбираемых слов давно забыт, т.к. позднейшие комментаторы дают различные, не согласованные толкования. Рамануджи в комментариях к Гите понимает "jñāna" в смысле "знание", "vijñāna" — в смысле "распознавание", т.е. знание отличительных, характерных свойств вещи. За неимением лучшего это толкование и было принято вообще, хотя оно является скорее формальным, основанным на этимологических соображениях, а не на живом словоупотреблении современного Рамануджи языка. Эджертон указывает текст, дающий возможность судить по существу о значении разбираемых терминов. В "Рассказах Веталы" (есть русский перевод И. Д. Серебрякова, 1958 г.) повествуется о трёх людях, разыскивающих внезапно исчезнувшую девушку. Один из них, упражняясь в "знании" (jñāna), узнаёт местопребывание девушки, попавшей в ловушку к людоеду. Второй обладает "vijñāna", посредством которой создаёт магическую колесницу и летит на ней к пленнице. Третий — витязь (суга) сражается с людоедом и, убив его, получает девушку. Т.о., заключает Эджертон, текст позволяет думать, что "jñāna" есть теоретическое знание, а "vijñāna" — практическое знание, применение теории. Приводимый Эджертоном текст можно датировать лишь приблизительно: он древнее XI в., так как понимание разбираемых слов во времена Рамануджи было утрачено. Эджертон полагает, что Шанкара правильно понимает значение терминов в своём толковании Гиты, хотя его объяснение и не признавали европейские исследователи. Шанкара (VIII в.) является древнейшим комментатором Гиты, Эпоса и Мапу. Комментируя III, 41, он говорит, что "jñāna" есть осуществление своей и чужой истины, а "vijñāna" есть опыт, результат собственного восприятия. Гарбе переводит "jñāna" как "Erkenntnis", а "vijñāna" как "Wissen" и поясняет, что "jñāna" есть философская истина, а "vijñāna" есть знание, полученное из опыта. Дейссен передаёт эти термины соответственно через "Erkenntnis" и "Lebenserfahrung" (ср. его перевод III, 41), в других же местах — просто через "Wissen". Эджертон передаёт: "теоретическое знание и практическое" и указывает, что перевод БПС неправилен.

VII, 3. *Меня* — обычно эту шл. понимают как утвердительное высказывание, но её можно понимать и как вопрос.

VII, 4. *Земля* — Шанкара поясняет, что здесь говорится о тонких элементах вообще — "tanmatra", земля же упомянута как основной из них (часть вместо целого). Манас здесь назван вместо своей причины — аханкара, аханкара же стоит вместо авьякта, соединённой с авидья. Выражение "моя Праkritи" говорит о Майе, принадлежащей Ишваре. Такое толкование подгоняет систему Гиты под учение Санкхьи.

VII, 5. *Низшая она* — так передаёт большинство переводчиков: Бюрнуф, Леви, Томсон, Сенар, Теланг. Дейссен переводит: "von dieser verschiedene". Такой перевод не очень точен и страдает плеоназмом: раз речь идёт о "другой" природе, то этим самым она мыслится отличной от первой. Текст, несомненно, подчеркивает преимущество "иной" природы перед первой, в этом состоит основной смысл высказывания. Слово "arāga" совершенно допустимо принять и в смысле "худший, низший".

VII, 5. *Ею держится* — таково основное значение глагола “dhar”. БПС даёт для этой шл. значение “состоит”. Смысл шл. довольно неясен, по-видимому, здесь речь идёт о Бrame (ср. XIV, 3). Шанкара замечает, что “низшая природа” не чиста и способствует пленению в самсаре, а высшая природа чиста, это — “Кшетраджна”, “Знающий поле”; Атман, который поддерживает жизнь всего мира.

VII, 5. *Преходящий мир* — “jagat” — слово происходит от глагола “gam” и обозначает мир, как процесс, как текучесть (ср. греч. Рея — “текучая”). В местах, где надо особенно, подчеркнуть момент текучести мира, мы передаём термин “jagat” через “преходящий мир”. Такое представление о мире можно противопоставить статическому представлению “зримого пространства” — “loka” (от “lok” — видеть).

VII, 6. *Её лона* — Шанкара говорит: низшая и высшая Пракрити, “поле” и “Знающий поле” (ср. гл. XIII) являются лоном всех существ. Через эту двойную Пракрити Ишвара становится причиной мира. “Etiadyonini” есть сложное прилагательное, означающее буквально “принадлежащий к этому лону”, оно согласовано здесь со словом “bhūṭāni” (существа). БПС переводит это место: “Enistanden von...”. Теланг: “All things are produced from this latter nature”. Лоринзер указывает, что этот стих противоречит системе Санкхье. Эджертон обращает внимание, что Шанкара и Рамануджа, а за ними и большинство современных переводчиков (Теланг, Дессен, Хилл и др.) считают, что выражение “все существа её лона” относится к обеим природам, упомянутым в VII, 4—5. Такое понимание Эджертон считает допустимым по философским соображениям, во всяком случае более приемлемым, чем понимание Сенара, относящего оборот только к низшей природе. Строго говоря, местоимение по общим правилам должно относиться к ближайшему существительному соответствующего рода, значит, в данном случае к “высшей природе”, хотя философски такое понимание менее обосновано. Однако, замечает Эджертон, Гита не есть философский трактат. Вообще говоря, Эджертон очень легко признаёт в Гите разные несообразности, не давая себе достаточно труда, чтобы выяснить их. И в данном месте расхождение философских и филологических требований не так уж трудно примирить. Филологические соображения Эджертона совершенно правильны, но они не принуждают отказаться от традиционного понимания этого места: “две природы”, о которых идёт речь, не разъединены, как в системе Санкхье Пракрити и Пуруша, а связаны иерархической последовательностью Эманации. Данная шлока — одно из важных мест, свидетельствующих против понимания учения Гиты в духе дуализма классической Санкхьи, ставящей между Пурушей и Пракрити непреходимую грань. “Высшая природа” Гиты есть “живая душа”, а не механическое сплетение гуи и конгломерат психических волн (вритти) поздней Санкхьи и Буддизма. Только низшая природа, происходящая из высшей и органически с ней связанная, носит черты, присущие Пракрити Санкхье. Т.о., отнесение местоимения к тому или другому существительному сводится к филологическому моменту и не имеет решающего значения для философского понимания текста. Естественно, что все проходят последовательные этапы эволюции, и утверждать происхождение существ от одной из природ или от обеих вместе одинаково правильно в пределах данной системы, подобно тому, как логически правильно утверждать, что сын происходит от отца или деда (через отца), или от обоих вместе (в последовательной цепи).

VII, 7. *На нить* — Гарбе считает, что VII, 7—11 позднейшая вставка. По поводу VII, 7 Шанкара замечает: нет причины выше Махешвары, он есть единственная причина мира.

VII, 8. *Я — вкус в воде* — согласно психологии Санкхьи, каждое чувство связано с определённым элементом (стихией): обоняние с землёй, вкус с

водой, зрение с огнём, осязание с воздухом, слух с эфиром. В данном и следующих стихах упоминается об этих отношениях, хотя и неполностью, причём иногда говорится о чувстве, иногда же — о предмете чувства.

VII, 8. *Пранава* (от Прана — жизнь, дыхание жизни) есть всеоживляющий слог "АУМ".

VII, 8. *Человечность в людях* — нет нужды суживать и снижать смысл этого стиха, как делают Теланг, Дейссен, придавая смысл: "Я мужское начало в людях". Гарбе переводит: "мужская сила в мужчинах". Шанкара очень чётко разъясняет: "я есмь в индивидууме то, что делает его человеком". Культ Лингама гораздо более свойственен шиваизму, нежели вишнуизму. Сексуальный момент развивался в вишнуизме значительно позже, в период классической литературы, когда придворные поэты изощрялись в воспевании любовных игр Кришны и гопи. Гита, конечно, признаёт творческую силу пола, но не выдвигает её на первый план.

VII, 9. *Чистый запах* — Шанкара поясняет, что чистый запах приятен и относится к джнана, а нечистые запахи неприятны и относятся к авидье.

VII, 9. *Блеск в огне* — так обычно переводят. БПС даёт для этого места глоссу "бог огня". Слово "vibhava" означает "светило". Сенар так и переводит: "я сияние в светиле дня", но такой перевод повторяет сказанное в предыдущем стихе и не является обязательным.

VII, 9. *Жизнь* — Томсон переводит "жизненность".

VII, 10. *Семья* (bija) — Тантры особенно развивают учение о "бидже" в мистических спекуляциях о слове, как творческом Логосе (ср. концепции эллинизма и учение Филона о "словах-семенах" — Logoi Spermatikoi). Данное место Гиты является одним из наиболее ранних зачатков, упомянутых спекуляцией Тантр. Ср. также Брихадараньяка Упанишада, I, 5, 3 и сл.

VII, 11. *Сила сильных* — Томсон замечает, что здесь речь идёт о "вибхути" (ср. гл. X), то есть о силах, приобретаемых подвижниками, свободными от вожделений. Учение "вибхути" было особенно развито школой Патанджали, сутры которого перечисляют ряд таких сил.

VII, 11. *Желание* — Томсон даёт двусмысленный перевод: "I am the lust which is prevented by no law", что можно понять в том смысле, что страсть не противоречит никакому закону, и в том, что никакой закон её не сдерживает. Более чётко передает Теланг: "i am love unpurposed to piety" и поясняет, что есть желания, не выходящие из рамок закона, соответственно предписаниям Шастр, напр., желание родить сына и пр. Но Теланг слишком суживает смысл подлинника, пользуясь для перевода словом "love", а не "lust", как правильно делает Томсон. Подлинник даёт слово "kaма", основное, но не единственное значение которого — половое стремление, любовь. Шанкара понимает под "кама" вожделение, страсть, стремление к предметам, не связанным непосредственно с чувством, не предстоящим перед ними, а под словом "raga" — страсть, привязанность к предметам, предстоящим перед чувствами.

VII, 12. *Состояние* — "bhava". Шанкара считает, что в этой шл. слово "bhava" означает "существова", а в следующем — "состояния". Гарбе возражает против такого толкования на том основании, что нельзя вкладывать разное содержание в одно и то же слово, повторённое в высказываниях, непосредственно следующих одно за другим.

VII, 12. *Во мне* — Теланг поясняет: не они властвуют надо мной, но я над ними. Шанкара замечает: все вещи возникают вследствие творческой деятельности (карма) живых существ, произведённых Ишварой, но хотя вещи и возникают из него, он не подвержен им, как подвержены смертные существа, но он управляет ими, а потому они подвержены Ишваре.

VII, 14. *Майя* — это положение Гиты иначе представляет Майю, чем Веданта, считающая Майю непостижимой. Большинство переводчиков не

сохраняет санскритского термина, но придёт ему разнообразный, подчас спорный смысл, очень ограничивающий это сложнейшее понятие индийской философии; в термин Майя разные философские школы Индии вкладывают различное содержание. Бюрнуф переводит "магня", Теланг, Томсон — "иллюзия". Дейссен оставляет подлинный термин, а в скобках "Blendwerk". Гарбе переводит "Weltenschein" и в скобках даёт подлинный термин. Махадэва Шастри — "Божественная Иллюзия".

VII, 15. *Не обращаются* — так переводят Теланг, Томсон; Бюрнуф даёт несколько иной оттенок "mais ne sauraient me suivre". Близки к нему переводы Дейссена, Леви, Сенара. Но такой оттенок глагола "prapad" не согласуется с тем, что эти же переводчики дают слову в предыдущем стихе. Принятое ими для данной шл. значение глагола существенно меняет смысл шл. и ставит её в противоречие с другими параллельными местами Гиты (ср. IX, 30 и др.). Шл. эта не содержит учения о каком-то предустановленном осуждении злых, как это получается в указанных переводах, она лишь указывает, что злые люди полагаются на асуров, а не на Бхагавана, а потому и противопоставляются тем, о которых говорит шл. 14. Чётко передаёт смысл шл. Гарбе: "Nicht nehmen ihre zuflucht bei die Uebelthäter" и Махадэва Шастри: "Not Me do the evil-doers seek...".

VII, 16. *Страдающий* — то есть люди, которые впали в бедствие, подвергаясь нападению тигра, разбойников и пр., "стремящиеся к знанию" — подразумевается Ишвары; "мудрый" — знающий сущность Вишну. Так комментирует этот стих Шанкара.

VII, 16. *Стремящиеся к обладанию* — artharthi. Это слово принято переводить "желающий богатства". Лексически это правильно, но не обязательно. Первое значение слова "artha" есть "цель", а затем уже "польза, богатство", но также и "смысл, способ, знание". БПС словарь даёт значения для текстов Гиты: I, 9, 33 — "цель", для II, 46 — "польза", "выгода", "барыш"; для II, 58 — "вещь, объект, пространство", для III, 18 — "богатство, деньги". Т.о., в самой Гите это слово понимается весьма разнообразно. Понимание "ищущий богатства" в данном случае неубедительно тем более, что термин стоит на третьем месте в перечислении духовных искателей. Если переводить так, то шл. возможно понимать только в духе III, 12 и IX, 20—23. Эджертон переводит "ищущие собственных целей", указывая, что большинство переводчиков, следуя Шанкаре, переводит "богатство". Рамануджа даёт глоссу "aisvarya" (владычество).

VII, 19. *Васудэва* — (Vasudeva) — родовый эпитет Кришны. Рой понимает слово, как "блистающее" (deva) местопребывание существ (vasu) и ссылается на Панини (IV, II, 98), толкующего это слово как "досточтимый". Бхандаркар считает, что первоначально это слово не имело характера родового эпитета Кришны.

VII, 21. *Я даю ему* — этот стих представляется довольно тёмным. Томсон переводит: "I make that faith of his constant". Бюрнуф: "J'affermis sa foi en ce dieu". Близко к этому переводят Леви, Сенар, Дейссен. Такой перевод довольно прост и ближе всего к строению фразы подлинника, но он не разъясняет темноту места. Томсон замечает, что если ему не удалось сделать перевод более понятным, чем перевод Шлегеля, то по крайней мере он согласован с буквальным смыслом слов подлинника. Он так объясняет смысл шл.: "tapu" буквально значит "тело", но в данном случае слово употреблено в смысле объектов культа (богов, демонов, кумиров) в отличие от духовного объекта — Единого Духа. Когда человек, нища выполнения своего желания, обращается к такому объекту, Единый Дух, пребывающий в этом образе, направляет его веру. Такой именно смысл придаёт этой шл. и Гарбе, вводя соответственно пояснительные слова. Шанкара толкует данную шл. в том же духе.

VII, 22. *Его благосклонности* — Шлегель считает, что слово "tasyaradhana" нужно разбить на два: "tasya" и "radhana", причём рассматривает первое как относительное местоимение, связанное с "tapi". Томсон справедливо отмечает темноту этой шл. представляющей большие трудности для перевода. Принято брать слово "образы" из предыдущей шл. в качестве дополнения. Действительно, относительное местоимение "tasya" стоит в родительном падеже множественного женского рода и может быть отнесено к "tapi" шл. 21 как по филологическим соображениям, так и по смыслу. В таком случае шл. нужно понимать так: в каких бы образах кто ни чтит Ишвару, он упрочит веру каждого и исполнит желаемое через чтимый образ. Так именно толкует это место Шанкара.

VII, 23. *Ко мне* — в этом стихе отмечается несущественное разночтение; вместо "alpasatana" в некоторых изданиях стоит "alpaamedhana" (ср. у Михальского-Ивевского). Шанкара замечает: "Безумные не различают сущности Пурушоттамы и его высших проявлений, как человека и как божества".

VII, 24. *Бытия* — эта шл. поясняет предыдущую: незнающие верят, что единый, вечнонепроявленный Дух проявляется, как та или иная форма божества. Эти формы живы как атрибуты, и через них возможно богопознание, но всякая форма относительна. Речь идёт об одном из кардинальных вопросов диалектики: отношении формы и содержания. Данное место представляет большие трудности философского характера: его лаконизм допускает много толкований. Так, Леви переводит: "inevolue, mais entre dans l'évolution ainsi les d'erraisonables me supposent...", Сенар: "Pour les ignorants, je ne suis qu'un dieu invisible qui s'est manifesté" и поясняет: проявился в образе Васудэвы-Кришны. Томсон переводит: "...think, that I, who am not manifested, am endowed with a manifest form" и поясняет: незнающие полагают, что кто-либо из богов — Брама, Вишну, Шива — является самым высшим Духом. Т.о., заключает Томсон, наш философ сам себе режет глотку. Теланг переводит: "think me, who am unmanifested, to have become perceptible" и толкует, что невежды не знают реальной божественности Вишну, полагая, что он не выше того, каким он является в человеческом образе, что не даёт им возможности постичь блаженство, пристекающее из его почитания (ср. гл. IX). Шанкара толкует эту шл. так: невежды думают, что я, вечно пребывающий непроявленным, проявился. В таком духе переводит и Гарбе. Дейссен даёт интересный широко философский смысл шл., понимая её в духе Веданты: "Jene Toren wahren, dass ich nur das Unenfaltete (avyaktam, prakriti) bin, welches zur Entfaltung gelangt sei; mein höchstes, unvergängliches, unübersteigliches Wesen aber, das kennen sie nicht".

VII, 25. *Постижим* — так переводит большинство, следуя толкованию Шанкары. Перевод Леви: "Je ne suis pas a revelation de ce tout, car suis enveloppe dans l'Union illusoire", хотя филологически возможен, но создаёт большие смысловые трудности; особенно неудачным нужно считать его перевод термина Йогамайя тем более, что, переводя "Йога" через "Union illusoire", Леви пишет это слово с большой буквы. Очень важным для понимания учения о Йоге является толкование Шанкары данной шл. Шанкара определяет термин Йогамайя как иллюзию, заключающуюся в единении с тремя гунами или силами Пракрити, тогда как Йога есть твёрдая установка сознания на мысли об Ишваре. Йогамайя есть иллюзорное покрывало, скрывающее Атмана от глаз невежд. БПС оставляет термин без перевода и только ссылается на тексты Бхагавады Пураны. Дейссен передаёт термин через "Zauber des Yoga". Катхака Упанишада, VI, II определяет Йогу как "творчество и исчезновение".

VII, 26. *Же* — в некоторых изданиях в этом стихе пропущена частица “iv”.

VII, 30. *Высшее бытие* — в этой шл. употреблены термины “Adhibhuta, Adhidaiva, Adhiyajna”. В зависимости от их понимания может быть два разных перевода шл.: предлог “adhi” значит “над, сверх”, но также и “присутствующий в...”, “находящийся в...”. Первое значение принимают Томсон, Теланг, Бюрнуф, Гарбе, второе — Дейссен, Леви, Сенар. Махадэва Шастри оставляет термины без перевода, но в скобках даёт значение для “адхибхута” — “материальное существование”, для “адхидайва” — “божественное существование” и для “адхияджна” — просто “жертва”. У Шанкары нет специального комментария к этому стиху. Оба значения возможны не только филологически, но и философски; разнясь в оттенке, они по существу выражают одну и ту же мысль: высочайшая Сущность пребывает во всём, тот, кто это знает, приобщается высшему Бытию.

Ламонт, излагая сущность концепции жертвоприношения в Брахманах, говорит, что молитва (brahman) там рассматривается как магическая сила, разлитая всюду и проводимая в действие жертвоприношением по принципу ex opera operanda (т. е. в силу совершения священнодействия). Жертва есть действующая божественная ипостась, возобновляющая и сосредоточивающая разлитую во всем магическую силу brahman. Реальность объемлющая божественное (adhibhuta), человеческое (adhiatman) и жертвенное (adhiyajna) сводится к тождеству этой вездесущей силы, поляризующейся, приводимой в действие жертвой.

ГЛАВА VIII

VIII, 1. *Богом* — формулировка положений, заключающихся в шл. 103, настолько широка, что вкладывают в них смысл каждый по-своему, иногда совершенно противоположный. Так, слово “svabhava” — “свое бытие”, “своя природа, сущность” относят то к Брахмо (Леви), то к Шри-Кришне (Томсон), то, наконец, к индивидуальной душе (Сенар). Дейссен и Теланг дают значение, близкое к даваемому Сенаром.

“Karman” — действие, деятельность здесь обычно понимается как ритуальная деятельность, жертвенное приношение, согласно толкованию Шанкары, который говорит о ведических жертвах рисом и пр., указывая, что именно эти ритуалы являются причинной жизни всех существ (данное толкование Шанкары свидетельствует против мнения Михальского-Ивевского о III, 10 и сл., как об интерполяции). Толкованию Шанкары следует Сенар, Теланг, Дейссен. Слово “visarga” понимают как “эманация”, “причина”, но оно также значит “конец”. Значение “эманация” принимает Леви, Дейссен принимает значение “свойство” (Beschaffenheit), Махадэва Шастри — “существование”, Теланг — “развитие” (developpment), Гарбе — “возникновение” (Entstehen). В смысле “конец” понимает это слово Томсон. Лоринзен, увлекаясь параллелизмом между Гитой и христианством, трактует разбираемое место в духе христианской догматики, прибегая к большим натяжкам. Касаясь термина “paramatman”, он замечает, что “paramatman” означает “совершенный Дух”, тогда как “adyatman” означает “верховный дух, вершина духовной иерархии”. Шлегель переводит “Brahman” через “numen”, “adhiatman” — через “intimus spiritus” и “adhibhuta” — через “anima animantium”, “adhidaiva” — через “numen deorum”. Дейссен оставляет слово Брахмо без перевода, “adhiatma” переводит через “das eigene Selbst”, “karman” — “das Werk”. Пурешоттама — через “der höchste Geist”, “adhibhuta” и “adhidaiva” — через “Gegenwärtigsein in die Wesen” и

"Gegenwärtigsein in den Gottern". Бетлинг указывает, что в Агугите все три разбираемые слова имеют своё значение.

VIII, 3. *Непреходящее* — (akshara) — Шанкара, ссылаясь на Брихадараньяка Упанишаду, III, 8, 9, указывает, что здесь этот термин не значит слог АУМ, но Брахмо, пребывающее в каждом, "pratyagatman-adyatman".

VIII, 3. *Кармой* — термин оставлен без перевода, так как понимание его весьма разнообразно и требует специального разъяснения. Согласно ортодоксальной традиции, поддерживаемой Шанкарой, здесь под кармой нужно разуть ведические ритуалы — жертвоприношения рисом и пр., так как эти ритуалы по ортодоксальному изучению являются причиной миропроявления, бытия существ подвижных и неподвижных. Следуя традиции, Теланг переводит: "Карма есть жертвенное распределение (visarga), производящее бытие и возникновение всех существ". Текст достаточно тѐмен, чтобы допускать различные толкования, в т.ч. и ортодоксальное, но оно не обязательно и без всякой натяжки, сохраняя полностью дух подлинника, можно вложить в эту шл. гораздо более широкий философский смысл, как это делает, напр., Гарбе: "Des Brahman ist das unvergängliche Hochste (dessen) Wesen wird das höchste Selbst genannt; die erschaffende Tätigkeit die das Werden und Entstehen der Dinge bewirkt fahrt des Namen Werk". Следуя традиционным образом индийской философии, в этой шл. можно видеть намѐк на жертвоприношение Пуруши. Ср. также III, 10 и сл. Полное совпадение мыслей данной шлоки и шлок III гл., признаваемых Михальским-Ивевским за интерполяцию, свидетельствует против мнения этого исследователя.

VIII, 4. *Высшее Бытие* — место это настолько трудно поддаѐтся толкованию, что некоторые переводчики пробуют выправить текст. Так, Томсон переводит: "Adhibhuta is, (my) own undivisible nature", очевидно, читая: "adhibhutaksharo bhavah". Бюрнуф: "Premier Vivent, la substance divisible, Divinitee Premiere, Principe masculin..."

Шлегель переводит "akshara" через "essentia et individualis", в чём ему следуют Томсон и Бюрнуф, и "adhibhuta" — через "Natura divina". Шанкара поясняет: "adhibhuta" есть то, что окружает все индивидуальные существа, что образуется всем индивидуальным существованием, переходящим, то есть всё, что рождено. Подробно разбирается это понятие в Махабхарате, XII, 7066—7128, гл. 194 и сл. Термин "purusha" Шлегель переводит через "genius"; близко к этому Бюрнуф. Шанкара поясняет, что это есть "Hiranyagarbha" — Вселенский дух, находящийся в Солнце, всё поддерживающий и производящий существующее. О ведическом понимании Пуруши см. Coomaraswamy, Rigveda, 10—90—1; JAOS (Journal of the American Oriental society, New Haven), 1946, v. 66, No 2, pp. 145—161.

Кумарасвами указывает, что традиционно "purusha" определяется так: "puri seti'i purusho" ("Находится в городе, а потому горожанин"), в таком определении Пуруша означает "горожанин"; как горожане наполняют город, так Пуруша, наполняя всё, наполняет тело (ср. V, 13). Кумарасвами понимает Пурушу как Вселенского Человека, сближая это понятие с каббалистическим понятием Адама Кадмона. Он указывает, что Пуруша изображался круглолицым Солнцем. Такое определение Пуруши вполне совпадает с определением Шанкары, отождествляющим Пурушу и "Hiranyagarbha".

"Adhiyajna" Шанкара понимает, как Вишну (для данного стиха), и ссылается на текст Шрути: "жертвоприношение есть поистине Вишну". Конечно, к такому определению нужно относиться с осторожностью, так как Упанишады изобилуют определениями жертвы и связи с различными божествами. Можно сказать, что одним из древнейших философских определений жертвы являются тексты Чхандогья Упанишады, III, 16, и сл..

где говорится о человеке как о жертве. О вишнуитском определении жертвы, как Нараяны-Вишну, см. Маханараяна Упанишаду.

Наиболее широкую философскую трактовку VIII, 4 дают Дейссен и Гарбе. Об учении Гиты о Пурushоттаме см. статью Sushil Kumar Dev "The probl. of Purushottama in the Gita"—"Calcutta Rev.", 1930 2 (february). Дейссен переводит: "Meine Gegenwart in den Wesen ist mein fließendes Sein; meine Gegenwart in den Göttern ist der Purusha (mein Sein als Purusha) meine Gegenwart in den Opfern ist mein in diesem Leibe verkörpertes Ich". Гарбе переводит: "Das grosse Gewordene ist (alles) vergangliche Dasein (d.h. die Gesamtheit des Gewordenen) und das höchste Gottheit ist das Urwesen (oder höchstes Wesen), das Opfer bin ich selbst in diesem Leibe".

Перевод Леви термина "purusha" через "le Male" мало оправдан филологически и совершенно не оправдан философски.

VIII, 4. *Жертва* — Кумараппа Бхаратан указывает, что в период Брахман Вишну очень определённо отождествлялся с жертвоприношением (Шатапатхана Брахмана, XIV, 1, 1, 1 и сл. 1, 2, 5, и сл.). В Гите Кришна также отождествляет себя с жертвоприношением (VIII, 4), что свидетельствует о близости культов Вишну и Кришны.

VIII, 6. *Сущность* — Теланг принимает это место в строго конфессио-нальном смысле и даёт интерпретирующий перевод: "форму (божества)". В сноске он замечает, что некоторым комментаторам понимают это место широко, придавая выражению смысл "какую бы вещь". В своём выражении Теланг следует толкованиям Шанкары. Европейские переводчики дают смысл: "состояние, бытие" (Дейссен, Томсон, Эджертон и др.). Очень удачно выбрал слово Сенар: "existence", такой перевод хотя бы отчасти передаёт многогранность санскритского выражения, но мы считаем выражение "être" (сущность) ещё более подходящим. Слишком отвлечённый перевод выхолащивает живое чувство подлинника, слишком конкретный — ослабляет его философское значение, тогда как текст даёт широкое и естественное обобщение обоих моментов.

VIII, 8. *Сознание* — английское слово "mind", которым пользуются Теланг и Махадэва Шастри, слишком суживает смысл подлинника, так как скорее соответствует санскритским терминам "Манас" или "Буддхи" (в зависимости от контекста): гораздо более подходит слово "esprit", которым пользуются французские переводчики (Леви, Сенар). Перевод Дейссена "Geist" слишком широк, так как он соответствует санскритскому "Пуруша", в данном случае дело идёт о волевом воздействии на "психические органы", выражаясь языком индийской психологии, о техническом моменте. Гораздо удачней перевод Гарбе "Sinn". Русское слово "сознание", пожалуй, лучше всего передаёт смысловой объём термина "cetas".

VIII, 9. *Мудрого, древнего* — Шлегель: "vatem antiquam"; близко к этому переводят Томсон, Бюрнуф. В ведах слово "kavi" применяется по отношению к богам — Агни, Индре (ср. Ригведа, I, 130, 9 и 2, 23).

VIII, 9. *Меньше меньшего* — ср. Чхандогья Упанишада, III, 14, 3: "Этот мой Атман внутри сердца мал, как рисовое зерно..."; "Anagais" БПС и Бюрнуф читают как превосходную степень от прилагательного "anu" — маленький. Михайловский-Ивневский читает "anag aniyans", так читает и большинство переводчиков.

VIII, 10. *Между бровей* — уже в ранних текстах Упанишад встречаются учения о "nadi" с их узловыми точками, "лотосами" или "чакрами". Впоследствии это психо-физиологическое изучение было широко развито Тантрами (ср. А. Avalon "The Serpent Power", Lond., 1931). Уже Шанкара комментирует эту шлоку в духе учения о "nadi". Он пишет, что сила Йоги зависит от стойкости ума, возникающей как результат упорного упражнения в Самадхи. Сперва читта направляется в лотос сердца (hridaya pundarika),

затем через восходящий канал (nadi) — сушумну, постепенно подчиняя землю и другие элементы (танматра), Прапа поднимается в область межбровья. Так йогин достигает Высочайшего Духа, заключает Шанкра.

В Тантрах это место называется "ajna sakra" — волевая чакра. Достоинство внимания, что в учении о "нади" можно уловить зачатки учения о функции нервной системы: расположение чакра соответствует расположению пограничного ствола и некоторых узловых точек центральной нервной системы, вплоть до "тысячелестного" чакра, соответствующего коре больших полушарий с их бесчисленными "лепестками" — функциями. Ида и пингала соответствуют восходящим (центростремительным) и нисходящим (центробежным) путям, а сушумна — центральной части спинного мозга.

VIII, 11. Слово — "pada" в этой шл. переводят различно: Томсон и Теланг — "место". Дейссен — "dieses als Wort"; Гита почти дословно цитирует эту шл., которую Упанишада прямо относит к слову "AUM". Понимание шл. зависит от того, какое значение придать слову "akshara" (ср. VIII, 4); его можно перевести как "непреходящее", но часто оно принимает характер технического термина, обозначающего слог AUM. Шанкара так и понимает его в данном месте. Вот почему в этой шл. слово акшара оставлено без перевода. Вопрос о понимании учения Гиты о "kshara" и "akshara" имеет весьма существенное значение. Тилак видит в нём влияние дуализма Санкхьи, но это трудно принять, так как классическая Санкхья, признавая текучесть Природы как проявленного (vyakta), признает её безначальность как непроявленного (avyakta) или основы (прадханы). Рой справедливо возражает Телангу, что учение об акшаре есть в Шветашватара Упанишаде, I, 9 и сл.: "Двое: знающий и незнающий, бог и небог — непреходящий (акшара)... Тот, кто их познаёт, тот достигает Троицы. Прадхана течёт, но Хари не течёт и бессмертен". Т.о., дуализм здесь преодолевается объединением познающего и познаваемого в высшем принципе — Брахмо. Это же делает и Гита и даже в самой "дуалистической" своей главе — XIII, где говорится о безначальности Пуруши и Праkritи (XIII, 19). Эту шл., равно и главу XIII, можно и должно рассматривать не с точки зрения дуалистической Санкхьи, но "относительного монизма" Рамануджи. Этот основатель диалектического ведантизма рассматривает Дживу и Джатат (Jagat), то есть преходящий мир, vyakram, как атрибуты единого Брахмо, исконно потенциально пребывающие в Брахмо, а потому и соизначальные ему. Рой прав, утверждая, что школа Рамануджи корнями уходит в Упанишады, где космический и психический принципы "я" и "не-я", именуемые школой Санкхьи Пурушей и Праkritи, часто рассматриваются как аспекты одной и той же Реальности, так что Рамануджи следует традиции данного ряда ведантийских учителей.

VIII, 12. *Заключив манас в сердце* — этот оборот показывает, что хотя слово "манас" и употребляется в смысле "сердце", как сосредоточия чувств, однако оно не тождественно слову "hridd", выражающему скорее анатомическое понятие. Так понимает эти термины и Томсон.

VIII, 12. *Достигнув твердости в йоге* — БПС даёт для данного места глоссу "dharana". Дхарана есть направление сознания на определённый предмет, причём в это время задерживается дыхание. Т.о., БПС понимает данное место в духе восьмиступенной Йоги Патанджали, согласно которой дхарана есть шестая ступень Йоги и первая из группы "самьяма". Однако слово "дхарана" не является специфическим термином системы Патанджали: оно не раз встречается в Упанишадах именно в смысле устремления ума (манаса) на одно. Оно известно и ранним Упанишадам: так, в Катхака Упанишаде, 6, II сказано: "Это есть Йога, твердое удержание "дхарана" чувств". Дейссен делает сноску к своему переводу этого места: точнее удержание чувств называется "pratyahara", а манаса — "dharana", причем

он ссылается на суты Патанджали II, 54 и III, 1, а также на Майтри Упанишаду. То и другое место цитированных сутр определяют дхарану так: "Дхарана состоит в том, что кончик языка прижимают к нёбу, подавляют речь, манас и Прану (дыхание) и т.о. созерцают Брахмо". Слово "дхарана" знают и т.н. "йогические", более поздние Упанишады — Кшурики и Амритабинду. Это слово не раз употребляется в философских отделах Махабхараты (ср., напр., VII, 8658 и 11066) именно в том смысле, в каком оно употребляется в Упанишадах. Итак, употребление слова "дхарана" Гитой не является доказательством в пользу того, что Гита знакома с системой Патанджали, но скорее противоположного, ибо Гита употребляет это слово приблизительно так, как оно употребляется в Упанишадах (ср. особенно Кшурика Упанишаду, где возвещается о тайнах "кшурика" — "ножа", который есть дхарана, отсекающая одна за другим все члены и органы тела). В Амритабинду Упанишаде перечисляется шесть, а не 8 ступеней Йоги, и перечисление делается не в порядке системы Патанджали.

VIII, 16. *Миры* — этот стих буквально совпадает с Манавадхармашастрой 1, 73. Речь идёт о мире Браммы, последний отождествляется в Гите с Праkritи (XIV, 3 и VII, 5). Мир Браммы выше мира Индры; это наиболее совершенный из конечных миров, но всё же находится в области Майи и гун (ср. XVIII, 40).

VIII, 16. *Подлежат возвращению* — (avarāṭa). Дэвис, переводя это слово как "вращающийся", замечает, что эта шл. не утверждает, что миры должны возвращаться, как переводит Томсон, ("subject to return"), но что они вращаются между бытием и небытием и vice versa. Текст не говорит о душе, как полагает Томсон, а о мирах. Так понимает и Шанкара. Гарбе делает пояснение к стиху: миры, включая и высший из них мир Браммы, как подчинённый личному богу, подлежат возвращениям.

VIII, 17. *День и ночь* — творчество Браммы разделяется на четыре мировых периода: 1) Крита Юга — 1440000 лет; 2) Трета Юга — 1080000 лет; 3) Двапара Юга — 720000 лет и 4) Кали Юга (к этому периоду относится настоящее время) — 360000 лет. Т.о., длительность всего цикла равна 3600000 лет. К этому нужно прибавить время "сумерек", "утренних" и "вечерних", по 720000 лет, так что всего получается 4320000 лет. Это и есть "Махаюга" — великий период. Тысяча таких периодов образует "кальпу" — "сутки Браммы"; 360 кальп, дней Браммы — "год Браммы", а 1000 таких "лет" — "век Браммы", равный, таким образом, 255620000 человеческих лет. За этот период времени мир 36 раз исходит из Браммы и вновь возвращается в него. Текст Гиты говорит о Махаюге, 1000 которых равно одному "дню" Браммы; за днём Браммы следует период такой же длительности — "ночь" Браммы. Кришна подчёркивает конечность даже таких "астрономических" периодов.

VIII, 19. *Помимо воли* — (avasa). Дэвис подчёркивает, что это выражение не значит "против воли", как понимают некоторые, а помимо воли. Ананда даёт глоссу "asvatāṭa", то есть "не по собственному почину", "tāṭa" означает "способ", "образ жизни". Шридхара даёт глоссу "paratāṭa", т.е. по воле другого. Шанкара поясняет, что при разворачивании миров индивидуальности появляются помимо их воли, как бы просыпаясь к новому дню.

VIII, 20. *За пределами* — речь идёт о Праkritи, находящейся в состоянии пралаи, в непроявленном виде, и о испроявленном духе как принципе всякого проявления. Эта шл. в разных изданиях читается несколько различно: "vyaktio vyaktai" и "vyaktio 'vyaktai".

VIII, 23. Михальский-Ивенский считает шл. VIII, 23—27 интерполяцией.

VIII, 24. *Брахмо* — учение о "пути богов" и "пути праотцов" довольно часто встречается в Упанишадах и уже достаточно подробно развито даже

в ранних (ср., напр., Чхандогья Упанишаду, V, 3, 2 и сл.). Так что нет ничего удивительного, что оно встречается и в Гите равно как и в других философских текстах Махабхараты (ср., напр., XII, 10923 и сл.), поэтому нет достаточных оснований считать это место интерполяцией. Однако шл. 23—27 смущали многих исследователей. Томсон прямо признаётся, что он их не понимает. Шридхара считает, что "время" значит "путь, указуемый божеством, управляющим временем", таковыми, по мнению Шридхары, являются "огонь" (Агни), "свет". По существу Шридхара лишь повторяет комментарии этих шлок, данные Шанкарой.

ГЛАВА IX

IX, 1. *Я возвеицу* — Шанкара в предисловии к этой главе говорит, что в VIII главе изложена Йога концентрации, "нади", то есть основных токов организма, и дан способ такой концентрации (VIII, 12—13). Чтобы показать, что достичь Освобождения можно и другим способом, а не только дхараной, Шри Кришна продолжает изложение.

IX, 1. *Знание* — "vijñānam sakṣatkāra", как поясняет Мадхусудана, указывая, что здесь нужно разумеать непосредственное, интуитивное знание, а потому и "очевидное". Такое знание есть одно, ведущее к Освобождению: это утверждение — "Васудэва есть всё". (VII, 19), а также Чхандогья Упанишада, VII, 25, 1 и сл. — "Всё есть Атман" и VI, 2, 1 — "Единый без второго" (адвайта). Ср. прим. 304.

IX, 4. *Неверующие* — т.е. следующие учению асуров (Шанкара).

IX, 4. *В непроявленном виде* — некоторые переводчики относят это к миру (Теланг), другие же ко "мне", вкладывая смысл, данный в предлагаемом переводе. Шанкара решительно высказывается за такое понимание.

IX, 5. *Мою... йогу* — Ананда поясняет, что здесь речь идёт о "собственной форме Ишвары". Шанкара считает, что под "Йогой" здесь нужно разумеать царственное единение души с материей, что свидетельствует о царственной мощи Ишвары. Дейссен переводит здесь "йога" через "Zauberkunst" (!).

IX, 6. *Пространствие* — Акаша. Первый элемент Праkritи по системе Санкхье, термин этот обычно переводят "эфир" в смысле древнегреческой философии, однако такой параллелизм нужно проводить с осторожностью, т.к. в индийской философии "акаша" входит в систему "грубых элементов", над которыми высится ещё ряд тонких психических элементов, и все они вплоть до аханкара относятся к Праkritи, т.е. к преходящему и даже, согласно учению Адвайты, чисто иллюзорному, тогда как Эфир греков — "предвечен".

IX, 8. *Праkritи* — Теланг переводит: "Taking the control of me own natur" и поясняет, что под "Природой" здесь нужно понимать "невосприимчивый принцип". Перевод Теланга основан на толковании Шридхары, который толкует "avashībhya" в смысле "управляя, властвуя". Бюрнуф переводит: "Immuable dans sa puissance". Бетлинг указывает на параллелизм этой шл. и IV, 6 "prakṛitīṃ svam adhiṣṭhaya" и принимает оба глагола в смысле "mittels meiner Natur". Гарбе, следуя мнению Бетлинга, в обоих местах переводит: "Meine Natur Zufolge", и ссылаясь на шл. XV, 9, где также употреблено деепричастие "adhiṣṭhaya" в смысле "посредством" — "mittels".

Очень искусственное толкование даёт Шанкара: под "Праkritи" в первой полушл. он понимает "авидья", а во второй — "свибхава". Выражение "avashī" он и понимает в смысле "не по своей воле, а по воле авидья и

других источников зла". Гарбе понимает под "Пракрити" в этой шл. "праматерию" — "Urmaterie".

IX, 8. Я Произвожу — Томсон замечает, что в санскрите с древнейших времён существует единственное слово для обозначения акта творения: глагол "zaṅj", который значит не "творить" (из ничего), но "изводить, производить".

IX, 8. Помимо воли — конец шл. обычно переводят: "не по воле, а силой Природы", понимая здесь "Пракрити" в смысле Санкхьи. Иногда же переводят "против воли" (Дейссен), но такой перевод сильно искажает подлинник и не соответствует традиционному пониманию шл. (ср. выше о Шанкаре). В этой шл. дважды употреблено слово "vasa", что значит "воля, приказ" от глагола "vic" — "волить", "приказывать", но не "прилагать силу". Нет основания повторённое в одном предложении слово принимать в разных значениях, придавая ему прямо-таки противоположный смысл: в одном случае психологический, активный, в другом — механический, пассивный. Гита нигде не смешивает "vasa" и "bala", но противопоставляет эти понятия (ср., напр., III, 36: "anicchāpi ari... balad iva"). Вездѣ где Гита выражает мысль "в силу", "силой", употребляется слово "bala" в инструментальном падеже (ср. VIII, 10: "yogabalena"); в этой же шл. употреблено и слово "vasa" в отложительном падеже: "vasat", что правильной всего перевести "по приказу", "по воле".

Т.о., шл. IX, 8 при неразличении этих двух терминов может искажаться дважды: в передаче мысли, что существа втягиваются в мировой процесс против воли, а не помимо воли, как ещё не обладающие принципом личности (аханакара); Гита учит о последовательном развитии миропроявления, и поэтому не может быть и речи о каком-то насильственном вовлечении в мировой процесс существ "против воли", раз самый принцип индивидуальной воли, аханкара, ещё не проявлен, а существует только воля "единой Души", о которой Гита говорит как о "первой природе" в 5—6 шл. VII главы. С другой стороны выражение "силой природы" вместо "волей природы" придаёт механистический характер мировому процессу в духе классической Санкхьи, что сильно затемняет понимание учения Гиты о Природе и ведёт к смешению двух понятий: ранней и поздней Санкхьи, как это и случалось нередко.

IX, 10. Мир — Шанкара указывает на параллелизм этого места и Шветашватара Упанишада, VI, II.

IX, 12. Природа — мысль этих шл. подробно развита в гл. XVI. Шл. довольно трудно поддаются переводу из-за отсутствия соответствующих понятий в европейских языках. Санскритский термин "асура" принято переводить "демон", но такой перевод весьма относителен. Понятие "суры" и "асуры" в браманизме нечётки. В ведической литературе встречается замена одного термина другим. Филологически "asura" происходит от глагола "asu", значит "живой", в Ригведе (I, 108, 6, 8, 86, 1) так называются боги вообще и отдельные божества: Индра и др. Более того, Ригведа применяет этот термин даже к представлениям о высочайшем Духе, персонификацией которого является Варуна. Чем позднее тексты, тем реже применяется термин асура к Адитьям, и тем чаще он начинает встречаться как слово, выражающее отрицательное понятие. Редко оно так употребляется в X книге Ригведы в Атхарваведе (ср. БПС). Даже в относительно поздних текстах, напр., в ранних буддийских суттах, понятия эти смешиваются (ср. Сута Нипата: "Боги и Индра, праотцы и асуры воскликнули: это несправедливость!" (о жертвоприношении коров). В позднейшем развитии две основные ветви раннего ведизма, браманизм и маздеизм, использовали антилитетические термины "сура" и "асура" в противоположных направлениях; маздеизм выработал систему резчайшего дуализма Ахура Мазды (асура), лишь эзотерически находящую свой синтез в Зерване Акенене; не из

иудаизма и не из греко-римских концепций заимствовало христианство свой выраженный дуализм с понятием о "внеположной бытии" кромешной (внешней) тьме, об укониической природе демонов. Истоки этого учения надо искать именно в маддеизме, идеи которого распространились на Запад вместе с митраизмом, сильно влиявшим на раннее христианство.

В противоположность маддеизму браманизм развивал идеи монизма, и даже в наиболее дуалистической из философских традиционных систем Индии, классической Санкхье, сохранилось монистическое ядро, хотя она и признаёт замкнутость каждого атмана, аналогично монадологии Лейбница. В остальных же традиционных системах дуализм всегда не более как атрибутивный, но не субстанциональный. Этика традиционной философии Индии диалектична, а не дуалистична, чему ярким примером может служить Гита. Традиционная философия Индии глубоко разрабатывала субстанциональный монизм. Дуализм Гиты не субстанционален, а только атрибутивен. В основе миропоявления лежит единое начало, единая Пракрити (ср. гл. X и особенно ст. 8). Мифология браманизма не знает безусловного дуализма, все её образы относительны: из тела ракшаса, убитого Рамой, вылетает светлый гандхарва, который ждал минуты смерти как Освобождения. В стране Патала прекрасно уживаются и Варуна, и наги, и асуры. Т.о., термин "асура" не соответствует ни греческому, ни христианскому понятию "демон". Хотя боги и сражаются с асурами, хотя асуры и живут в подземном мире, врата которого находятся на Юго-Западе (ср. Махабхарата, V, 3756 и сл.), однако асуры не вполне аналогичны и титанам.

IX, 15. *Жертвой Мудрости* — Шанкара замечает, что сама мудрость есть жертвоприношение. Мудрость состоит в том, что знающий видит во всём Единое, но это единое он может понимать как Парам-Брахма, как Атмана или же, взирая на многообразие форм, утверждать их как обращённые во все стороны лики единого Вишну.

IX, 15. *Как единого* — Теланг поясняет: как Единого почитают те, кто верит, что всё едино, что Солнце, Луна и пр. — проявления Единого.

IX, 16. *Обряд жертвоприношения* — Шанкара так толкует эту шл.: "kratu" — есть особая ведическая жертва, "yajna" — есть богочитание, предписанное Шрути, "svadha" — есть пища, предлагаемая предкам, "aushada" — вообще растения, в частности рис, пшеница и пр. растения, употребляющиеся при жертвоприношениях; "mantra" — гимн, исполняемый при возлиянии предкам или богам.

IX, 17. *Яджур* — заслуживает внимания, что Гита говорит только о трёх Ведах и нигде не упоминает об Атхарваведе. Из упоминаемых трёх она отдаёт предпочтение Самаведе (X, 22), а не Ригведе. В некоторых местах Гита не определяет числа Вед, а говорит обобщённо: "все Веды" или же просто ставит слово Веда во множественном числе. Лоринзер считает, что отсутствие в Гите упоминания об Атхарваведе нельзя принимать как свидетельство создания Гиты ранее Атхарвы, так как многие Упанишады Атхарва цитируются Гитой (Катхака, Шветшватара). Однако указание Лоринзера ошибочно: обе названные Упанишады относятся не к Атхарва, но к Яджурведе. Томсон считает, что эта шлока охватывает все разделы религии: "vedya", подлежащее познанию, есть область теологии, "pRavitra" есть область обрядов, в "Omkaara" — молитвы.

IX, 19. *Бытьё и небытьё* — *Сат и асат* Ср. Ригведа, X, 72, 2: "*Devanam pitaru yugam asatah jagatah*". "В первые годы богов сущее (как проявленное) было рождено от несущего (непроявленного)". Ригв. называет Агни *satas gopita* — "хранитель сущего" (т.е. мира) (ср. прим. 99).

IX, 21. *Заслуги* — Лоринзер, вопреки установившемуся мнению, принимает слово "pitaru" не за существительное, а за прилагательное и переводит: "wenn die reine (Indrawelt) vergangen ist".

IX, 24. *Отпадают* — Дейссен переводит: "und darum sinken sie berab (in Samsara)". Так понимают и Томсон, Теланг, Сенар. Шанкара понимает это выражение в том смысле, что такие люди не получают плода жертв, ими принесённых, а Махадэва Шастри поясняет толкование Шанкары, замечая, что они не приносят жертв единому, а потому и не получают Освобождения (от самсары) как плода деятельности, так как она не была направлена к Освобождению. Леви не даёт интерпретирующего перевода и оставляет неопределённость подлинника.

IX, 33. *Чистые брамины* — здесь противоплагаются две высшие касты, браминов и кшатриев (ср. IV, 2), двум низшим — вайшьям и шудрам, стоящим, как замечает Дэвис, согласно законам Ману, наравне с тиграми, львами и барсами. Женщинам запрещено совершать ведические ритуалы и произносить ведические мантры, но они могут заниматься Йогой и достичь не только Небес, но и Нирваны. Перевод Дэвиса "paraupaaya" через "зачатые во грехе" вносит ненужный христианизм, что может вызвать неясность понимания. Лучшее это выражение понимать в духе XVI, 19.

ГЛАВА X

X, 6. *Четыре* — затруднение в понимании этого стиха заключается в том, что остаётся неясным, куда отнести это числительное. Некоторые относят его к Ману (напр., Дейссен), и тогда нужно переводить: семь великих мудрецов и четыре Ману. Так же переводит и Теланг. Бюрнуф даёт интерпретирующий перевод: "четыре Праджapati", а слово Ману ставит во множественном числе, повидимому, руководствуясь тем же соображением, что и Дэвис, который замечает, что Ману считается не 4, а 14, и каждый из них властвует одну манвантару (manu-antara), то есть 4330000 лет. Однако это пуранический счёт: Манавадхармашастра говорит о 7 Ману, причём Ману текущего времени — седьмой. Нужно подчеркнуть, что Гита не знает слова "манвантара", и при разборе Гиты опираться на пуранические тексты можно только с большой осторожностью, равно как и на такие поздние Упанишады, как Рама-уттаратапаия ул. 4. Но представление о Ману как о существе, стоящем между Праджapati и людьми (существами), встречается уже в ранних Упанишадах. Так, в Чхандогья Упанишаде, III, II, 4 сказано, что Брами передал учение Праджapati, тот — Ману, а Ману — всем существам (ср. Гита IV, 1). Может быть, прав Лоринзер, понимающий под "четырьмя древними" вечно юных Кумаров, сыновей Брами, властвующих над четырьмя сторонами света.

X, 6. *Умом* — Дейссен переводит эту шл. так: "Meines Wesens sind die sieben vorweltlichen grossen Weisen und die vier Manu's, sie sind meine geistigen Sohne, deren Welterschöpfung diese Wesen sind". К такому пониманию присоединяются Леви и Сенар. Но такой перевод встречает возражения и по форме и по существу. Непонятно, почему слово "manasa", существительное, стоящее в инструментальном падеже ед. числа, переводится прилагательным и именительным множ. числа. По существу же встречает возражение перевод термина "манас" через "духовный", как это делает Дейссен, или через "Geist", как это делает Гарбе.

X, 6. *Их мир — эти существа* — оборот довольно трудно поддается переводу из-за своей сжатости. Дейссен, сохраняя конструкцию подлинника, передаёт слово "loka" через "миротворенье". Но возможно, что оборот нужно понимать и несколько в ином смысле. Предлагаемый перевод при его буквальности сохраняет и широту оборота подлинника, не предпринимая того или иного оттенка. Скорее всего шл. может быть истолкована не в том смысле, что мир — порождение Ману, а в смысле, что Ману обладает

этим миром; это вполне соответствует общим представлениям о Ману. Махадэва Шастри даёт такой перевод: "The seven Great Rishis of old as well as the four Manus with their thought on Me were born of Manasa and theirs are these creatures in the world". Шанкара поясняет, что семь риши (Бхригу и др.) и 4 Ману того периода, именуемые Savarnas, направив свои мысли на Вишну, получили т.о. от него силу творчества, сами же они произведены только его манасом, а все существа, подвижные и неподвижные, родились от творческой деятельности риши и Ману.

Х, 7. *Проявление* — vibhūti. Шридхара даёт глоссу: "aīsvaryalakṣhaṇa" — знак царственности. Под этим термином разумеются некоторые проявления высшего существа в отдельных вещах и существах. В школе Патанджали это слово приобрело значение технического термина для обозначения некоторых психических и психофизиологических сил; эти силы обычно приписываются в йогических школах Шиве (но также и Вишну); их может достигнуть и йогин, напр., понимания речи всякого существа. В Йогасутрах Патанджали упоминается о 19 таких "вибхути", овладеть которыми должен йогин, занимающийся самаймой. Рамануджа толкует: "vibhūtiḥ aśvaśyaṃ", то есть царственные, владычные проявления. Шанкара (а за ним и Анандагири) говорит о "vibhūtiḥ viśvāraṇa", то есть о "разных проявлениях". Эджертон считает, что в слове "vibhūti" сочетаются оба оттенка, и находит перевод Дейссена "Machtienfaltung" (силопроявление) весьма удачным.

Х, 8. *Преисполненные любовью* — слово "bhava" имеет много значений; для данного места Шанкара даёт глоссу "prītiyukta", то есть "с любовью", и толкует это выражение в смысле "настойчивое искание истины". Теланг, Дейссен, следуя глоссе Шанкары, переводят "с любовью". Шанкара читает: "Brahmansamanvītaḥ", что Сенар передаёт через "pensee profonde", а Эджертон — "...pervaded with (the proper) state (of mind)" и ссылается на Рамануджи. Леви переводит: "coeur perspicace". Гарбе следует Шанкаре.

Х, 9. *Предаю мне жизнь* — gataṅgana. Шанкара толкует: "чьи действия или жизнь поглощены мной". Теланг переводит: "умершие во мне" и поясняет, то есть умершие для мира.

Х, 11. *Пребывая в их ... сути* — этот стих несколько туманен и понимается двояко. Смысл, предлагаемый в данном переводе, принят Дейссеном, Телангом, Шлегель, Бюрнуф, Томсон, Сенар, Эджертон дают смысл: "Пребывая в моей собственной сути, не нарушая своего Единства". Для обоих толкований можно указать параллельные места в Гите (ср. XVIII, 61 и пр.). Шридхара даёт толкование: "Помещаясь в функции интеллекта" (vṛtti). Шанкара: "пребывая во внутреннем чувстве души" (antahkaraṇa). Т.о., хотя приемлемы оба смысла, однако, за первый говорит традиция индийских комментаторов, он подтверждается также словами Арджуны, X, 16.

Х, 12. *Кров* — так обычно переводят. Шанкара и Рамануджи дают для этого места глоссу "свет".

Х, 12. *Господом* — (vibhu от vibhūti). Эджертон указывает, что Рамануджи не знает этого слова, а Шанкара и близкие к нему толкователи понимают его в смысле "владычно-проявленный". БПС для V, 15 даёт перевод "всемогущий", а для X, 12 — "вездесущий".

Х, 13. *Риши* — певец, слагатель гимнов, мудрец. Риши различаются по классам: высшие из них — дэвариши, полубоги, учителя богов, живущие в Небе Индры, из них особенно выделяется Нарада, как действующее лицо многих эпизодов Эпоса, и вообще он часто фигурирует в индийской литературе. Второй класс — брахмариши, их глава — Раджариши (риши, цари, кшатрии) и махариши, великие риши, — два следующих класса. Из этой группы выделяется Бхригу Асита — "тёмноцветный". Асита есть собственное имя владыки тьмы и гор, так зовут и одного слагателя гимнов: равно и Дэвала — слагатель гимнов. Эти два имени часто сливаются в одно.

причём "Дэвала" (божественный) принимается за эпитет имени Асита. Эджертон считает, что в данной шл. Дэвала и Асита — одно лицо; Вьяса — значит "распределение, классификация", отсюда — "распределитель, редактор" (Вед и обоих великих эпосов), их автор. В Пурунах насчитывается 28 различных Вьяс. Лоринзер замечает, что дэвариши Нарада есть изобретатель музыкального инструмента "вина", индийской лиры, почему он и сближает Нараду с библейским Явалом (ср. Берейшит, IV, 20), а как автора Пуран и книги законов — с Орфеем. Такие сближения, конечно, слишком поверхностны и недоказательны, но они иллюстрируют способ Лоринзера обращаться с индийскими текстами. Семь Махариши — семь Звёзд Большой Медведицы.

Х, 14. *Данавы* — потомки женского отрицательного мифического существа ("демона") Даны, борющейся с богами. Ригведа насчитывает 7 Данавов. Дана — мать Вритры ("завихрение", "облако"). Оба они убиты Индрой.

Х, 16. *Пребываешь* — Дейссен передаёт это место в виде вопроса, также и Эджертон и Теланг. Но можно понимать эту шл. и как утверждение, как это делают Томсон, Махадэва, Шастри, Гарбе. Так, напр., Гарбе переводит: "Du (allein) konnst mir vollstendig kunden (welches) deine gottlichen (sind) in welchen Entfaltungen du diesen Welten beständig durchdringst". Томсон, переводя аналогично, замечает, что если глагол "siha" употребляется с неопределённым причастием, то он получает значение "продолжать".

Х, 17. *Йогин* или *махайогин* — эпитет, прилагаемый преимущественно к Шиве; "йогини" есть его Шакти. В таком словоупотреблении "Йога" означает целокупность всего существующего. Сравнить Махавирванатаатра (4, 29): "Ты — великая йогиня, движешься его желанием, творишь, охраняешь, вбираешь этот мир со всем, что в нём есть подвижного и неподвижного". Реже, но и к Вишну-Кришне прилагается эпитет "Йогин".

Х, 17. *Размышляя о тебе* — Томсон переводит: "How shall I know thee ever considering thee in all points of view" и замечает, что такой перевод оправдывается наличием предлога "pari" в слове "paricintayan", придавая, т.о. обороту смысл: как я должен мысленно открывать тебя в каждой частице Вселенной.

Х, 18. *Джанардан* — буквально "побеждающий, утесняющий людей". Шанкара замечает, что эпитет этот выражает мысль, что Вишну-Кришна утесняет грешников и асуров в ад и подвергает их другим наказаниям, а также, что он побуждает людей к основным целям: развитию и достижению Освобождения.

Х, 20. *Сердце* — асауа — буквально вместилище, приёмник. В данном месте принято это слово переводить через "сердце".

Х, 21. *Адितья* — сын Адити, Бесконечности. Веды насчитывают их 7, а позднейший браманизм 12 (по числу знаков зодиака), что даёт возможность провести аналогию между Адитьями и 12 старшими олимпийцами. Впрочем, в Ведах как образ самой Адити, так и Адитьев весьма расплывчат, и в разное время к Адитьям причисляли разных богов (ср. Heimann, Varuna — Rita — Karman. Festgabe H. Jakobi, Bonn, 1926 стр. 201—214 et Colinet Etude sur le mot Aditi, Museon, v. XII, 81—90).

Х, 21. *Маруты* — боги ветра и бури, составляющие свиту Индры, часто упоминаются в Ведах (ср. Weber, Indische Stud., IX, 9).

Х, 21. *Маричи* — световой атом, луч света. Собственное имя одного из Праджапати (Weber, Stud., IX, 9).

Х, 21. *Среди созвездий* — (накшатра) — созвездия вообще и, в частности, те из них, которые называются "домами Луны" (астрологическое понятие). Шлегель так и переводит: "Из домов Луны я Луна". К такому же толкованию близки Томсон и Бюрнуф.

Х, 22. *Самаведа* — Гита знает три Веды (ср. II, 45); из них она отдаёт явное предпочтение Самаведе (ср. IX, 17, X, 35) и Брихатсаману, т.е. великому гимну Самаведе. Рой видит в этом доказательство, что начальная Гита или Гита-Упанишада относилась к Самаведе (в настоящее время к ней причисляются только две Упанишады: Чхандогья и Кена). Важно отметить, что именно в Чхандогье говорится о Гхоре Ангирасе и его ученике Кришне, сыне Дэваки. Тилак придаёт большое значение тому, что "Нараяния" (из отд. "Мокшадхарма", XII книги), несомненно, памятник секты Бхагаватов, также выдвигает Самаведу, но это доказывает только желание секты опереться на авторитет книги, уже высоко почитаемой всеми индийцами, во время созидания Нараянии, возникшей, вероятно, несколькими столетиями позже, чем Гита.

Х, 22. *Васава* — потомок Васу, эпитет Индры. "Сознание" — так переводит данное место БПС; Дейссен переводит "дух", Гарбе — "сознание". Шанкара поясняет, что "четана" есть разумение, такая функция Буддхи или интеллекта, которая проявляется в агрегате тела и индрий.

Х, 22. *Манас* — здесь назван как центр, синтез "чувств", индрий.

Х, 23. *Рудра* — "воюющий" — в позднейшем браманизме собственное имя владыки Марутов, впоследствии отождествленного с Шивой. По-видимому, это божество дравидическое, лишь позднее вошедшее в браманизм, равно как и сам Шива (ср. E. Arghavan, Rudra, Uppsala, 1922).

Х, 23. *Шанкара* — "благотворительный" — эпитет Шивы. Достоин внимания, что такими редкими упоминаниями, как в данном стихе, почти только намеками ограничивается в Гите связь с шиваизмом. В философских текстах Махабхараты есть места, где эта связь сказывается гораздо сильнее (ср., напр., XII, 10669 и сл., XII, 12169 и сл.). Указанные места являются вполне шиваитскими текстами, вкрапленными в основной вишнуитский фон. В XII, 13291 и сл. проповедуются полное отождествление Рудры-Шивы и Вишну-Нараяны, в Гите же процесс слияния этих образов ещё только намечается, что говорит в пользу более раннего происхождения памятника. Позднейший шиваизм подражал Гите в известном памятнике "Ишвара-Гита".

Х, 23. Владыка сокровищ — эпитет Куберы, как хранителя Севера, главы духов глубин и тьмы. Якши — гении из свиты Куберы (близкие гномам) Ракшасы — злые духи, "демоны".

Х, 23. *Васу* — "хороший" — духи, противопоставляемые злым ракшасам. Так назывался один из классов богов, главой которого, по древнейшим понятиям, был Индра, а по позднейшим — Агни. "Павака" — "очищающий, чистый" — эпитет Агни. Замена в данном стихе Индры Павакой может быть использована как некоторый критерий (в числе пр.) для датировки, хотя бы приблизительной, изучаемого памятника.

Х, 23. *Меру* — мифическая золотая гора, ось мира и центр Джамбудвипа (древнее название Индии); гора эта находится в центре других островов, расположенных в Океане, наподобие цветка лотоса. По сказаниям, высота Меру равна, переводя на европейские меры, 84 милям, из которых 16 находятся под Землёй. С этой горы четырьмя потоками испадает Ганга. В позднейшей йогической символике "меру" есть позвоночный столб, связанный с тремя йогическими токами (нада).

Х, 24. *Брихатпати* — великий владыка, ходатай перед богами; главный жрец богов.

Х, 24. *Сканда* — сын Шивы, полководец богов, глава злых духов, вызывающих детские эпидемии.

Х, 25. *Бхригу* — имя одного риши, возникшего, как искра, из семени Праджапати; один из творцов ведических гимнов.

Х, 25. *Бесконечное* — Акшара (см. VIII, II, 13). Священный слог АУМ выражает сущность Брахмо. О нём много говорится в Упанишадах.

Х, 25. *Шёлот мактры* — "джапа" — ритуальное произнесение шёлотом священных изречений.

Х, 25. *Хималая* — "место снега, зимы" — название горного хребта".

Х, 26. *Ашваттха* — "фикус религиоза" (ср. XV, 1). Об этом дереве см. подробно изыскания Дейссена в "Истории всеобщей философии", т. 1, кн. 2, с. 183 и сл.

Х, 26. *Нарада*. — См. прим. 381.

Х, 26. *Читрататха* — "имеющий лучистую колесницу" (солнце) — глава гандхарвов. Гандхарвы — небесные музыканты, под музыку которых движутся светила.

Х, 26. *Муни Капила* — БПС даёт этому месту такое толкование: "собственное имя мудреца, отождествляемого с Вишну и считающегося основателем философии Саикхья". Слово Капила означает "рыжий" (цвет обезьяны, "капи"). Дейссен, ссылаясь на Шветашватара Упанишад, переводит "Красный мудрец", понимая под этим Хираньягарбху — "Золотое Семя"; первоначально Брами. Образ этот не раз встречался в Упанишадах как символ космического сознания (ср. Дейссен "Ист. Филос." и перевод Упанишад). Гарбе оставляет слово без перевода. Шанкара не указывает, кого следует разуметь под Капидой, только замечает, что под совершенными (муни) разумеются те, кто достиг высшей дхармы и знания.

Х, 27. *Уччайшвара* — "с насторожёнными ушами" — небесный конь, аналогичный Пегасу, но возник из мирты при пахтанье богами океана.

Х, 27. *Айраваты* — потомок Ираваты — белый слон Индры, тоже возникший при пахтанье океана; он поддерживает Землю.

Х, 28. *Ваджра* — громовая стрела, оружие Индры, магическая сила мантры; ср. буддийскую мантру "Ваджрапани", т.е. держащий в руке талисман — Ваджру или Дордже.

Х, 28. *Камадук* — "корова желаний" (ср. III, 10), молоко её есть осуществление желания.

Х, 28. *Кандарпа* — бог любви, аналогичен Купидону, Эросу, изображается также со стрелами, но только цветочными.

Х, 28. *Васуки* — царь "змиев", особого рода мифических существ, мудрецов, живущих в подземном царстве Патале. Один из таких "змиев" (Шеша) был обвит вокруг Мери во время пахтанья океана.

Х, 29. *Ананда* — "бесконечный", эпитет змия Шешы, тысячеголового существа, плавающего в океане; на нём покоится Вишну. Спящий на Шеше Вишну — одна из любимейших иконографических тем вишнуитов. В конце каждой калпы (мирового периода) Шеша изрыгает огонь, уничтожающий состарившийся мир. Он поддерживает землю и причиняет землетрясения, когда зевает. Хотя развитие мифа о Шеше произошло позже, в период Пуран, однако, упоминание о нём и основных его свойствах можно встретить и в Махабхарате (ср. V, 3618 и сл.). Помимо Шешы, эпитет "Ананда" прилагается к Рудра-Шиве и Баладеву.

Х, 29. *Варуна* — "схватывающий, объёмлющий" — один из Адитьев, главенствовавших, наряду с Митрой, в древневедический период; тогда это был бог (ночного) Неба (Уранос у греков); в поздневедический период Варуна стал терять первенство, а в браманизме он превратился в бога вод (отражение Неба) и совсем утратил своё главенство (Dandekar, "Asura Varuna", Ann of Bhandarkar Inst., 1941; Dumesnil Ouranos — Varuna, Paris, 1934).

Х, 29. *Арьяман* — "товарищ, друг" — один из Адитьев, игравший в ведический период значительную роль, хотя и нерезко очерченную мифологически (как, впрочем, многие даже главные ведические божества). Чаще всего он фигурирует в триаде: Варуна-Митра-Арьяман. Это — владыка

усопших, близкий Озирису — Хентнуаменти, “владыке западных”. Арьяман — один из аспектов Солнца.

Х, 29. *Яма* — “близнец”, сын Вивасванта (Солнце), первый из умерших, их владыка и судья, подобно Озирису. Впоследствии — бог справедливости и “дхармы”, почему позднейшее толкование его имени было “вяжущий”, “покоряющий” (ср. Махабхарата, кн. III, эпизод “Супружеская верность”, гл. V). Яма и Ями — первая человеческая чета, подобно Адаму и Еве; Яма аналогичен Гильгамешу ассириовавилонских мифов. Эджертон видит в данной шлоке игру слов: “уама” — “*samyamata*”, что принимает за признак позднейшего происхождения этого места. Нужно однако возразить, что, наряду с Ямой, Гита упоминает и о Варуне и Арьямане в их более раннем понимании.

Х, 30. *Прахлада* — “радостное возбуждение” — имя благочестивого царя, одного из Дайтьев, сына Дити, поклонника Вишну. “Дити” значит ограниченность, имя женского божества, противоположаемого Адити. Дайтьи — враги Адитьев, то есть богов.

Рой обращает внимание, что хотя Гита и говорит о Прахладе (или Прахраде), однако, не упоминает об его отце Хираньякашипу, злом тиране, преследовавшем сына за его преданность Вишну. По сказаниям Пуран, Вишну воплотился в виде человека-льва (*prisinha*), чтобы убить Хираньякашипу. Т.о., даже при таком удобном предлоге Гита не касается аватаров Вишну, она их не знала: мифология аватаров стала развиваться значительно позднее, во времена создания Нараяни.

Х, 30. *Царь зверей* — лев, но, может быть, и тигр, часто называемый в эпосе царем зверей (ср. “Наль”, гл. XII). Эпитет — “тигр среди людей” — обычный эпический титул царя зверей и героев.

Х, 30. *Вайнатя* — имя по отцу Гаруды, сына Винаты, царя птиц и “колесницы” (вахана) Вишну. Оба больших эпоса уделяют значительное внимание Гаруде как приближенному Вишну.

Х, 31. *Очистители* — элементы стихии, в частности, ветер, воздух (ср. также прим. 398).

Х, 31. *Рама* — “черный” — герой эпоса Рамаяна, воплощение Вишну, образ весьма чтимый вишнуитами. Беклинг указывает, что здесь говорится о Парашураме, сыне Ренуки и Джамадагни.

Х, 31. *Макара* — какое-то фантастическое морское животное, возможно дельфин. Шат-чакра-бхеда изображает его в виде фантастической рыбы во втором (половом) чакраме. Макара встречается и в буддийской иконографии. Это — “вахана” (“колесница”) Варуны. Следует отметить, что это и название буквы “М”, второй в священном слоге (первая называется Акара).

Х, 31. *Джахнави* — дочь Джахну, патронимным реки Ганги. Джахну — эпитет мудреца Вишвамित्रы, великого аскета, о котором не раз повествуется в эпосе. Будучи потревожен в своем созерцании разливом реки Ганги, он её проклял. Уступая просьбам Шивы, он взял в себя проклятие, отчего Ганга вновь родилась и поэтому стала называться его дочерью.

Х, 32. *Речь одарённых словом* — так переводит Бюрнуф, Леви “наука учёных”; Дейссен: “тезис диспутирующих”; так же и Махадэва Пастри, Гарбе.

Х, 33. *Из сочетаний* — двонца; “диамдва” есть форма санскритских сложных слов. Шанкара говорит, что здесь этот термин выражает полную координацию частей. “Акара” см. прим. 425.

Х, 34. *В женщинах* — Бюрнуф вставляет интерпретирующее слово и переводит “среди женских слов”, так же делает и Томсон. Теланг поясняет, что речь идёт о женских божествах, такого же толкования придерживается и Дейссен, внося соответствующее слово в перевод; аналогично понимает и

Сенар. Эджертон переводит "среди женских сущностей". Шанкара указывает, что здесь речь идет о лучших женских качествах.

Х, 35. Брихатсаман — название гимна Атхарваведы, 5, 5, 19, 2. Шанкара замечает, что этот гимн ведет к конечному освобождению. Не лишено интереса, что в данном случае отдается предпочтение Атхарваведе, тогда как в ст. 22 этой же главы главной названа Самаведа.

Х, 35. Гаятри — Шанкара говорит, что Гаятри упомянут здесь как главный размер, как средство познать Брахмо. В Панчав. Брамане 7, 6 сказано, что Брихатсаман ("Великий гимн") родился от Праджapati и является как бы его старшим сыном. Гаятри есть название размера и вместе с тем определенной мантры стиха Ригведы. Слово — значит "спасительная песнь". Различают ведический Гаятри, формулу поклонения Савитару, и по настоящее время считающуюся самой священной мантрой браманизма, которую брамин должен повторять три раза в день (другим же кастам она запрещена; повторение её членом иной касты считается большим грехом). Есть и тантрический Гаятри, который можно произносить всем.

Х, 35. Месяц Маргаширша — соответствует второй половине ноября — первой половине декабря. Название значит "глава зодиака", он также называется "началом года", так как в древности с него начинался год у индийцев (теперь это не так).

Х, 36. Игральные кости — так переводит большинство. Первое значение слова "duta" есть "игральная кость", переносное же — "битва, сражение", где исход также неверен и обманчив, как и в игре в кости. Соблазн игры в кости для древнего индийца был очень велик, о чём неоднократно свидетельствует Махабхарата (ср. рассказ об игре Юджингхиры, Наля). Нужно отметить резкую антигетичность стиха: с одной стороны, "соблазн и обман", с другой — "правда правдивых".

Х, 37. Род Вришни — род Кришны; Васудева есть имя отца Кришны, оно значит: "Тот, у кого бог — Васу".

Х, 37. Дхананджая — т.е. Кришна отождествляет себя с Арджуной. Крофтон сообщает, что в Троицком колледже в Дублине есть рукопись Бхагавадгиты, где в гл. X после 34 шл. есть лишняя шл., которая в исправлении Бетлинга звучит так: "из корней я китайская роза, из элементов — золото; из всех растений я трава (куш), о радость Панду" (Crofton, On the collection of a Manuscript of the Bhagavadgita, Dublin, 1862. Michalski-Iwinski, Bhagavadgita, Paris, 1922).

Х, 37. Вьяса. — См. прим. 381.

Х, 37. Ушана-пезец — в Бхагаватапуране именуется "главой мудрецов". Как мифическое лицо, это сын Бхригу, Планета Венера, слагатель гимнов.

Х, 42. Частицей — учение о делимости субстанции многократно встречается в индийской философии и мифах. Так, Вишну, одновременно воплощается половиной себя в Раме, по четверти — в его братьях.

Разночтение: в стихе вместо "jnatena" — jnapena.

ГЛАВА XI

*

XI, 1. Тайне — разночтение: ragah guhyam. Хауэр считает все стихи в размере триштубха (15—49) более ранними, чем предшествующие ему и следующие за ним обычные шл. В части, написанной триштубхом, автор видит описание визионерского переживания самого Кришны ("Йога", с. 190).

Х, 2. Исчезновение — разночтение: bhavavyaya.

XI, 6. Рудров — в данном стихе это имя поставлено во множественном числе, так как речь идет о сынах Рудры, обычно отождествляемых с

Марутами (см. прим. 389); Маруты считались также сынами Ваю, ветра, это — свита Индры как громовника.

ХІ, 6. *Ашвины* — близнецы, боги утренних и вечерних сумерек, вполне аналогичны греческим Диоскурам: это — коноводы Солнца; уже в Ведах отмечается их врачующая сила (ср. Штейнберг Л. Я. Первобытная религия, с. 127 и сл.).

ХІ, 8. *Божественные Очи* — божественным оком называется пребывающее над временем и пространством всевидящее око, т.е. Солнце, Луна. Ср. египетское "око Гора". В йогической психофизиологии оком Шивы называется чакрам "Аджна", предпоследний из чакрам, соответствующий межбровью или же шишковидной железе (ср. прим. 279 и 342): заслуживает внимания, что в биологии шишковидная железа рассматривается как рудиментарный глаз, которым обладали ископаемые пресмыкающиеся. Ясновидение есть одно из достижений Йоги (ср. Йогасутра Патанджали).

В том стихе разнотенение: "sakyase".

ХІ, 9. *Гари* — одна из форм Вишну. В Мокшадхарме (Махабхарата, XII, 13226—27) сказано: "Так как я принимаю участие (har) в приношениях для подкрепления при жертвах и так как я обладаю прекрасным жёлто-зелёным цветом (hari), то поэтому я именуюсь Хари (Hari)".

ХІ, 11. *Вездесущий* — (visvatomukha). Шанкара поясняет, что это значит "всепроникающий". Это выражение так объяснено в Нрисинха Пурватанья Упанишаде 2, 3: "Почему сказано "visvatomukham", потому, что, не имея органов чувств, Он видит во все стороны, слышит всё, ходит везде, всё берёт и, проходя всюду, всюду пребывает".

В этом стихе есть разнотенение: "devam anapitaram".

ХІ, 16. *Всеобразный* — в этом стихе есть разнотенение: "visvavaram".

ХІ, 17. *Диском* — диск, жезл и раковина — традиционные атрибуты Вишну-Кришны, с которым он часто изображается.

ХІ, 18. *Непреходящее* — первую половину шлоки можно переводить по-разному в зависимости от того, какой смысл придавать слову "акшарам" и "vediyayam" (ср. прим. 173 и 335.). Первое слово можно перевести "непреходящее" (Дейссен), принимая слово "ragatam" за его определение; можно принять слово "акшарам" и как специальный термин, обозначающий слог АУМ, как это делает, напр., Леви, который переводит: "Ты — высший Слог, подлежащий познанию". Второе слово стоит в форме particip. perf. passiv, и его можно принять или за gerundium, или за gerundivum, то есть придавать смысл "ведать надлежит" (Дейссен) или "предмет познания, подлежащий познанию" (Леви, Томсон, Эджертон).

Второй вариант более обоснован по смыслу. Шанкара не делает замечания о смысле "акшарам" в данной шлоке, но Махадэва Шастри переводит термин как "непреходящее", хотя в Гите это слово встречается и как технический термин для обозначения слога АУМ (ср. прим. 403). Если принять толкование Дейссена, то приходится признать, что Гита учит о высшем, а следовательно, и о низшем непреходящем, что делает мысль очень нечёткой. Предлагаемый перевод придерживается понимания Махадэва Шастри: "Thou art Imperishable, the Supreme Being worthy to be known. Thou art the great Abode of the Universe..."

Как пример другого толкования приведём перевод Леви: "Tu es la syllabe supreme a connaitre. Toi, le supreme appui de l'univers..."

ХІ, 19. *Бесчисленные руки* — символ могущества, излюбленный в индийской иконографии.

ХІ, 20. *Тройственный мир* — bhur — bhuvah — svar — по возрасту ведического Гаятри: Земля — промежуточное пространство (воздух) — Небо.

ХІ, 21. *В тебя вступают* — так переводит большинство, но можно переводить и как Томсон: "к тебе обращаются" (как к прибежищу).

ХІ, 21. *Совершенных* — "сиддхи". Понятие, близкое к христианскому понятию "святой". Это — обожествлённые смертные, знатоки Вед, число которых равно 88000. Они занимают часть Неба, между "Nagaviñhi" (созвездие Овна и Тельца) и "Saptarishi" (созвездие Большой Медведицы); о них упоминает Рамаэна (І, 14). Академик Баранников понимает "сиддхи" как олицетворённые сверхъестественные силы, способные выполнять любое желание" (см. его перевод "Рамаяны" Тульси Даса, с. 529).

ХІ, 22. *Садхи* — класс низших богов, упоминаемый в Ригведе (напр., Х, 90, 16). Саяна называет их "кармадэва" или "исполнителями жертв". Махидхара даёт иное объяснение, он говорит, что садхи бывают двух родов — кармадэвы, делами достигшие своей степени, и "аджанадэвы", то есть прирожденные боги, которые сотворены таковыми Брамой. По Ману, они являются потомками Сомасадаса и Вираджа и занимают иерархическое место между вишвадэвами и ришами. В Пуранах это сыны Дхармы и Сандхи, дочери Дакши.

ХІ, 22. *Ушмана* — "хлебающие пар пищи" (жертвы), особый вид навий.

ХІ, 25. *Пламя ... времени* — огонь как символ всепожирающего, всеуничтожающего времени; часто встречается в мифологии, в частности индийской; этот символ особенно развит в культе Шивы-Дурги. Шива именуется Кала (время), Нилаканта, т.е. "Синешей", ибо он жертвенно выпил яд мира, появившийся во время пахтанья океана, яд задержался в горле, отчего у Шивы почернела шея, сам же он остался невредимым.

ХІ, 25. *Прибежище мира* — так переводят многие: Томсон, Теланг, Леви и др. Дейссен переводит: "наполняющий мир живущих". Это один из эпитетов Вишну.

ХІ, 26. *Сын возничего* — Карна (см. прим. 24).

Рой считает шл. 26—28, 32—34 и 41—46 интерполяцией, так как "отвратительный образ Кришны", ужасного разрушителя, пожирающего воинов на поле битвы, противоречит вишнунтской религии любви и относится к культу шактистов, олицетворяющих разрушительные силы божества в образе Кали. Отмечая, что явление "Вселенской Формы" не противоречит общей концепции Гиты, Рой указывает, что прообраз этой формы можно уже найти в знаменитом гимне Пуруше (Ригведа, Х, 90) и в символике Упанишад, напр., в символическом описании мира, как ашвамедхи, которым начинается Брихадараньяка Упанишаде. Однако трудно согласовать эти стихи, где упоминается о войне Бхаратов, с полным отсутствием хотя бы намёков на это в др. главах (за исключением начала). Такое же противоречие чувствуется в упоминании (46 шл.) о четырёхрукой божественной форме Кришны непосредственно дальше. Эти соображения дают основание Рою считать шл. сектантской (вишнунтской) интерполяцией. Сравнивая Гиту с другими частями Махабхараты, Рой говорит как о бездарном подражании Гите, о "Явлении вселенской формы", описанном в XIV книге Махабхараты, где Кришна являет эту форму Утанке по его дерзкому требованию и под угрозой проклятья.

ХІ, 28. *Спешат* — в этом стихе отмечается разночтение: "asbhitō jvalanti".

ХІ, 31. *Проявленный* — pravṛtīti — Шридхара даёт смысл: движение, действие, так переводит Махадэва Шастри. Двис переводит "развитие".

ХІ, 32. *Время* — (Кала). В Вишну Пуране сказано (5, 6), что "Кала" есть часть Вишну. Ананда придаёт этому слову значение "смерть", ибо толкует: "Я есть Кала, потому что разрушаю жизнь всех". Подобным же образом толкует и Шанкара. Европейские переводчики передают слово "Кала" и как "смерть", и как "время".

ХІ, 32. *Помимо тебя* — в предлагаемом переводе сохранена некоторая двусмысленность подлинника: "gīte'pi tvam" можно перевести и "кроме тебя", как делают Бюрнуф, Томсон и др., и "без тебя", т.е. без твоего

вмешательства, как это делают Теланг, Дейссен. Последнее представляется более обоснованным, так как Арджуна умер, как и другие. "Без тебя" вполне согласуется с дальнейшим: "будь лишь оружием".

XI, 33. *Воин, стоящий слева* — Томсон указывает такое образование слова "savyasacin", "avya"+"sacin", подчеркивая, что такая форма встречается только в данном сочетании; Томсон производит её от "теоретического" корня "sac"—"гнуть, склонять". Томсон понимает это выражение в смысле: тот, кто стигает лук левой рукой. Эджертон переводит как обращение: "о лучник-леваша". Действительно, "Савьясачин" есть эпитет Арджуны, на что указывает БПС, ссылаясь на данное место Гиты. Эпитет этот встречается не только в Гите, но и в др. местах Махабхараты, напр., в эпизоде Бхагавадьяны V книги. Однако такое объяснение и перевод формальны, они не открывают смысла высказывания. Не случайно, что именно в данном стихе Гита единственный раз использует этот эпитет Арджуны. Нужно думать, что смысл шл. состоит в том, что Шри Кришна указывает Арджуне не осознавать себя деятелем, подобно воину, стоящему на колеснице справа и ведущему бой, но быть как воин, стоящий слева, со второстепенной стороны, и не ведущий бой, а лишь отражающий удары.

XI, 38. *Прибежище* — nidhana — так толкует это слово Шанкара; словарное значение — "сокровище".

XI, 39. *Вану* — бог ветра.

XI, 39. *Предок* — "pṛatamaṇa" — Брахма. Шанкара поясняет: отец Брамь; Шридхара — отец Праджapati.

XI, 40. *С востока и запада* — так переводит Дейссен, Сенар. Можно и "спереди и сзади", как это делают Теланг, Леви и др. В ритуальном смысле у народов Востока, обращающихся для молитвы на восток, слова "восток" и "перед", "запад" и "зад" синонимичны (ср. псалом 138/139, "сзади и спереди ты объемлешь меня").

XI, 40. *Движение* — vikrama — это слово переводят различно: Теланг — "слава", Томсон — "мощь", Дейссен — "геройство".

XI, 40. *Проникаешь* — так переводят Шлегель, Томсон. Леви переводит: "Ta puissance est sans mesure".

XI, 41. *Твоего* — в этом стихе есть разночтение: "taveṣam".

XI, 43. *Его учителя почтеннее* — есть два варианта чтения этого места: Довис, Эджертон, Бюрнуф читают "guroḥ garīyaṃ", но в Калькуттском издании Махабхарате стоит "guroḥ garīyaṃ". Этого чтения придерживается Дейссен. В первом случае местонахождение "asya" связано с "guroḥ" (отложит. падеж ед. ч.). Тогда нужно переводить: "Тебя следует почитать больше, чем его (мира), самого достойного учителя" или, как это делает Дейссен: "Ты должен почитаться им (миром) как учитель, больше, чем учитель".

Томсон справедливо полагает, что под "учителем мира" следует понимать Брахму, который есть светоч всех учителей, так как он преподавал Веды ("Слово Брамь"). Строение данного предложения Томсон считает аналогичным построению выражения VIII, 9 "anag anīyaṃsam". Томсон указывает, что второго чтения придерживается Мадхусудана, чему следуют Сенар, Теланг, Леви.

В Манавадхармашастре даны следующие указания, как почитать Гуру: "Кто принимает его как мать, получает этот мир; кто принимает его как отца, получает средний мир; кто постоянно служит Гуру, тот получает мир Брамь". Шридхара в тексте дает "guroḥ", а в комментариях "guroḥ" и глоссу "guruṭaga", то есть "превосходящий учителя", потому что, добавляет схиласт, никто в мире не превзойдет тебя величием. В Бхагавата Пуране сказано, что Гуру есть божество.

XI, 44. *Возлюбленный* — стих этот Шрадер считает затруднительным для понимания и указывает, что его стараются сделать понятней, внося в

текст грамматически неправильное чтение. Автор сомневается, чтобы в Гите мог быть использован образ отношения возлюбленного к возлюбленной для выражения отношений души к богу.

XI, 46. *Четырёхрукий образ* — Вишну изображается с четырьмя руками, держащими упомянутые в тексте атрибуты. Кришна часто изображается младенцем-ползунком (особенно в статуэтках) или же со свирелью в руках среди пастушек-гопи (миниатюра). В этих случаях он показан двуруким, но в изображениях, иллюстрирующих Гиту, Кришна обычно представлен четырёхруким, сидящим на козлах крытой колесницы, на крыше которой находится обезьяна (Гануман). Арджуна изображается или сидящим на колеснице, или же стоящим перед Шри-Кришной в молитвенной позе, со сложенными руками.

XI, 48. *Посредством изучения* — Шанкара и Шридхара замечают, что здесь говорится об изучении вообще, а не о правильном изучении.

XI. *Формы* — название главы не варьирует.

ГЛАВА XII

XII, 3. *Пребывающие на вершине* — Шанкара понимает это выражение как "обитающий в Майе" и поясняет: "kuta" обозначает вещь хорошую по видимости и плохую по сущности; здесь это относится к иллюзии, к самсарам, разным мирам, подверженным певедению, полным зла; их называют "maya, avyakta". Ср. Швешашватара Упанишада, V, 11 и Гита, VII, 14. "Kutastha" есть тот, кто находится в Майе как её владыка; буквально это слово переводится "стоящий на вершине", а отсюда — неподвижный, вечный, ср. также прим. 273.

XII, 4. *С уравновешенным разумом* — Гарбе переводит: "Gegen Alle die gleiche Gesinnung hegend", сравнивая стих с V, 9, он считает, что "samabuddhaya" неправильно переводить "sichs gleichmutig", как это делает, напр., Дейссен: "...und auf alle Dinge mit Gleichmut blicken". Эджертон переводит: "With mental attitude allrt to all" и замечает, что это выражение можно понимать в духе II, 48, как "безразличный к плодам деятельности", так делают Дейссен, Сенар, следуя толкованию Шанкары, или же "равный ко всем существам", как то понимает Гарбе, следуя толкованию Рамануджи и стиху VI, 9. Эджертон правильно замечает, что эти толкования не исключают одно другое. Правильное понимание этого стиха, равно как II, 48 и VI, 9, очень важно для понимания общего духа произведения: Гита учит не равнодушию, не оторванности от мира, но равновесию (ср. II, 48), беспристрастному отношению ко всем, которое возможно только при условии снятия принципа личности (аханкара).

XII, 5. *Чрезмерен их труд* — так переводит данное место БПС, вообще же принято переводить здесь через сравнительную степень: "более тяжёл труд" (Дейссен, Гарбе, Леви, Махадэва Шастри). Шанкара также принимает данный оборот в смысле сравнительной степени. Заметим, что слово "adhika" значит также "лучший, более ценный".

XII, 8. *Затем* — слово "urdham" собственно означает "направленный вверх", "верхний". Дейссен, Леви понимают здесь это выражение в смысле "вне мира", так как это слово можно отнести к "океану перевоплощений" (самсары), о котором говорится в предыдущем стихе. Томсон переводит: "after this life". Сенар, Теланг принимают, что этим оборотом выражена последовательность действий: "сначала погрузи ум, а потом ты будешь пребывать..."; тот же смысл придаёт этому месту и Гарбе, хотя его перевод несколько натянут. Шанкара поясняет, что установка манаса означает устремление к Ишваре своих намерений и мыслей, а установка Буддхи —

устремление постигающей и определяющей способности. Это обеспечивает пребывание в Ишваре после освобождения тела. Т.о., Шанкара принимает для "ugdhvam" смысл "после", "потусторонне" смерти или самсары. Так переводят и Эджертон, Дейссен. Понимание этого, казалось бы, незначительного оборота для историка индийской философии представляет интерес, так как за ним скрывается тема, долго обсуждавшаяся индийскими философами, может ли человек освободиться при жизни. Школа Санкхьи и Веданта Шанкары допускала такую возможность. Рамануджи отрицал её. Я предпочёл сохранить неопределённость подлинника.

XII, 10. *Ради меня* — то есть "пусть целью твоих действий будет постижение меня". Томсон, переводя аналогично, замечает, что это значит, что действия нужно совершить как "жертву мне". Шанкара замечает, что совершение дел во имя Ишвары само по себе ведёт к познанию и, т.о. практика Йоги становится необязательной. Нужно сказать, что смысл ст. 10 и 11 почти один и тот же. Шанкара, толкуя ст. 11, ограничивается простым его пересказом.

XII, 11. *Со мной* — это предложение можно связать с первой половиной шлоки (Дейссен, Леви, Сенар) или второй (Теланг).

XII, 15. *Не обращаются* — такой смысл придают этому обороту многие из переводчиков; БПС придаёт для данной шл. слову "advija" смысл "не пачкается назад", "не роется".

XII. *Бхакти* — Хауэр говорит, что Бхакти Йога выражает стержень Йоги Гиты, а следовательно, и всего произведения в целом. Строго говоря, Бхакти не нуждается в "систематической Йоге", под которой, нужно думать, автор понимает Йога Сутры, основной памятник "систематической Йоги". Сочетание бхакти и Йоги Хауэр считает внутренне необходимым, происходящим из внутренней сути обеих. Автор напоминает, что слово "Йога" впервые появляется во II главе Шветашватара Упанишад и подчёркивает, что здесь, у своих истоков, Йога и Бхакти органически связаны друг с другом ("Йога", с. 192).

ГЛАВА XIII

Шанкара в предисловии к этой главе указывает, что в ней говорится о высшей и низшей природе, о которой упоминается в главе VII.

В главе XII, начиная с 13 стиха, описывается суть санньясына, обладающего знанием истины. В данной главе описывается, какая именно истина делает человека дорогим для Ишвары. Материя названа "полем" потому, что она разрушима, плоды дел зреют в ней как семена в поле. Это тело также называется "кшетра". Тот, кто знает его как нечто совершенно отделённое от себя, есть "знающий поле".

XIII, 1a. Этой шл. нет во многих изданиях Гиты, и переводчики часто её совсем опускают. Во всяком случае, она и там, где включена в текст, не входит в нумерацию шл. XIII главы.

XIII, 1. *Познавший поле* — технический термин индийской философии, означающий Атмана, Пурушу в его отношении к Пракроти, материи, "полю". Мокшадхарма (Махабхарата, XII, 1679—80) так определяет "знающего поле": "То скрытое, непознаваемое, непроявленное, вечное, превосходящее чувства, предметы чувств и все сущее, ибо это есть то, что называется "Внутренним Я" (antaratma) сущее и "Познающим поле" (kshetrājña), оно обозначается, как превосходящее три гуны, как Пуруша".

XIII, 2. *Знание поля* — слово "yatñā" можно читать двумя способами: вместе, как это делает Дейссен, принимая это слово за причастие от глагола "yat". В таком случае выражение надо перевести "истинное знание" (wahrē

Erkenntnis — Дейссен). Но можно, это слово разбить и на два "yaṁ" и "tad". Хотя в издании Михальского-Ивеньского (и следующего ему Эджертона) и принята вторая транскрипция, однако Эджертом переводит: (true), "knowledge". По поводу этой шл. Шанкара замечает: "kshetrajña" есть сам Ишвара. Можно было бы сказать, что раз во всех полях "познающий поле" есть сам Ишвара, то он есть "samsāgi" (т.е., что он подвержен самсаре). Если это не так, то и писание было бы бесполезным. Заключение, что Ишвара подвержен самсаре, противоречит всякой очевидности. Явления Бхакти были бы невозможны, если бы Душа и Ишвара были бы тождественны. Все эти противоречия могут быть объяснены только с точки зрения учения о "знании", "незнании", передаваемого в Смирти и Шрути (ср. Катхака, II, 4; Кена, II, 11).

Т.о., не знающий может считать своё тело за "Я" и так совершать дхарму и адхарму. Поэтому "знающий поле" может быть назван индивидуальной душой (ātman), подверженной самсаре вследствие незнания. Но в действительности Ишвара несколько не задевается материей. Можно было бы сказать, что раз Ишвара подвержен незнанию, то он подвержен и самсаре. Слово "samsāga" происходит от "tamas" ("тьма"), это есть "невосприятие истины", тёмное знание, "авидья", которое не есть свойство познающего, так как оно не действует на него, а только на орудия познания: глаз, ухо и пр. Но тогда можно было бы сказать, что писание бесполезно, раз нет подверженного самсаре. Но это не так. Писание принято всеми лишь тогда, когда "познавший поле" становится единым с Ишварой, становится ненужным и писание. Состояния свободы и незнания не реальные, как это полагают дуалисты; если бы они были реальными, то Атман мог бы иметь различные состояния и не был бы неизменным вечным. Самсара основана только на незнании и существует только для не знающего. Но если спросить, чьё же это "незнание", то можно ответить: всякого, кто его видит. Вопрос: как оно зримо? Ответ: этот вопрос не требует ответа, так как, если видим "авидья", то видим обладающий "видья". В присутствии хозяина коровы нечего спрашивать, кто он, и без того это ясно. Это текст приводится как образец рассуждений Шанкары.

XIII, 3. Оно — относительное местоимение "yaṁ" на конце первой строчки связывает обе части мысли о поле и познавшем поле (то есть о материи и духе). Для санскритского языка характерно симметричное расположение относительного и указательного местоимений (замечание Томсона).

XIII, 3. *Мощь* — Леви без достаточных оснований принимает для слова "prabhava" значение "происхождение" и переводит: "d'ou sort il?" Такое понимание противоречит основному положению индийской философии о безначальности духа.

XIII, 4. *Брахмасутры* — Гарбе считает этот стих позднейшей вставкой. Он считает также, что чтение Бетлингга "vinīcīṣaṁ" вместо "vinīcīṣaṇ" вполне убедительно, как и его пояснение о брахмасутрах. Михальский-Ивеньский также отмечает, что поправка Бетлингга подтверждается ссылкой на комментатора в издании Махабхараты Кришначарьи. Гарбе считает, что взгляды большинства индийских и европейских комментаторов на данную шл. не убедительны; он считает, что здесь речь идёт именно о сутрах Бадараяны, так как другие сутры с подобным названием неизвестны. Под "chandas" Гарбе понимает Упанишады.

Михальский-Ивеньский тоже считает данный стих интерполяцией. Нужно признать, что шл. мало вяжется с контекстом и действительно, быть может, является вставкой, первоначально попавшей в текст, как замечание переписчика. Впоследствии, чтобы не нарушать счёта шл., в некоторых списках был пропущен вопрос Арджуны, хотя и гораздо больше вяжущийся с контекстом и подходящий к общему стилю Гиты, чем XIII, 4. Данная

шл. возбуждала много толкований и споров. Переводят её различно. Сущность споров сводится к вопросу, о каких сутрах здесь идёт речь, что важно для решения вопроса о датировке Гиты. Если признать подлинность шл. и что речь в ней идёт о сутрах Бадараяны, то, как полагает Рамануджи, это явилось бы существенным опорным пунктом для датировки, конечно, относительной, так как точная датировка сутр Бадараяны неизвестна. Бюрнуф, Теланг, Дейссен, Эджертон не считают, что здесь говорится о Брахмасутрах Бадараяны. Также думает и Лоринджер, хотя для подтверждения своей мысли приводит неубедительный довод, что Гита не может цитировать Брахмасутр, так как придерживается философии Санкхьи.

Дасгупта придерживается мнения, что в данной шл. говорится о сутрах Бадараяны, Шанкара даёт следующее пояснение отдельным словам шл.: "риши" — напр., Васиштха, "гимны" — напр., Ригведы. Природа "поля" и "познавшего поле" также мыслятся, как замечает Шанкара, в словах о Брахме. Слова эти поныя рассудительности и не допускают сомнений. Эджертон сомневается, чтобы сутры Бадараяны существовали во время создания Гиты. Следуя Шанкаре, он переводит: "(ведические) гимны".

XIII, 5. "непроявленная" — подразумевается Природа, Праkritи в состоянии растворения (пралая); термин характерен для Санкхьи.

XIII, 5. Чувства — порядок перечисления элементов в этой шл. не выдержан: более плотные элементы перемешаны с более тонкими, что не соответствует системе Санкхье, хотя Томсон и указывает на такое соответствие. Нужно сказать, что нарушение порядка перечисления ради метрики допускается индийской поэтикой. К шл. 4—6 Шанкара делает такие пояснения: элементы названы "великими" потому, что они не охватывают все свои модификации. Здесь говорится о "тонких" элементах, а не о "грубых", последние названы здесь "предметами чувств". Аханкара есть самость; Буддхи упоминается как определение "самости", причём "Буддхи" есть "непроявленное" (avyakta), это есть непроявленная, недифференцированная сила Ишвары, о которой говорится в ст. 14. Шл. даёт восьмеричное разделение Праkritи. Однинадцать органов чувств — это органы восприятия и органы действия, по пяти в каждой группе; их синтез, манас — шестой. Пять предметов (пастбищ) чувств — это звук и пр. Т.о., заключает Шанкара, Ишвара указывает, что именуемое шл. вайшешика "качествами Атмана" в действительности является качествами "поля", а не "познавшего поле". Влечение, отвращение и пр. — всё это "поле", так как познаваемо только "поле".

XIII, 6. Сочетания — samghatas — обычно переводится через "агрегат" (Дейссен) или тело (Теланг, Сенар). Эджертон справедливо возражает против такого перевода на том основании, что в данной шл. перечисляются не физические элементы, а качества; следуя Хиллу, он передает, "ассоциации", понимая под этим связь органов чувств со своими предметами. Хотя Эджертон и сам нерешительно высказывается за такое толкование, однако нужно признать, что оно более обосновано, нежели общепринятое.

XIII, 8. Рождения — то есть перевоплощения.

XIII, 11. Познания — Шанкара поясняет, что познания Атмана возникает из таких атрибутов как смирение и пр., считая их за условия, способствующие истинному знанию, цель которого есть спасение.

XIII, 12. Безначальное — "anadimat param" — так считает Шанкара, а за ним и большинство современных переводчиков (Дейссен, Теланг и др.). Эджертон, следуя чтению Рамануджи "anadi matparam Brahma", переводит: "Безначальное Брахмо управляется мной". В примечании Эджертон подчеркивает, как он делает это не раз, непоследовательность Гиты и ссылается на XIV, 27, как на место, параллельное данному. Однако он соглашается, что чтение Шанкары вполне приемлемо. В данном случае в непоследова-

тельности можно было бы упрекнуть Рамануджи, а не Гиту (см. так же прим. 520). Шанкара указывает, что не во всех Упанишадах Брахмо описывается только отрицательно, по формуле "пей, пей" (Брихадараньяка Упанишада, III, 88). Можно было бы возразить, говорит Шанкара, что то, о чём ничего нельзя сказать, не существует, но и этого нельзя думать о Брахмо, так как высказывание "существует" уже есть объективизация, а Брахмо есть чистый субъект. Т.о., продолжает Шанкара, подлежащее познания, о котором говорится в данной шл., лежит за пределами чувств и может быть познано только посредством того, что называется "шабда" ("слово"), то есть через откровение. Это умопостигаемое не может быть похожим на вещи (напр., на горшок), следовательно, это есть ни "sat", ни "asat", оно пребывает над познаваемым и над непознаваемым...

495. XIII, 13. *В мире* — эта шл. — цитата из Ш्वеташватара Упанишады, III. "Везде уши" — так переводят Теланг, Сенар; Шанкара, Рамануджи понимают выражение: как "везде слыша", чему следуют Дейссен, Эджертон. Впрочем, по существу оба оборота тождественны по смыслу. Что касается оценки цитат, то для древних памятников, в частности санскритских, к решению вопроса о заимствовании следует подходить с большой осторожностью. Произведения древности сохранялись очень долгое время в Индии по памяти, так как рукописи из-за сырого и жаркого климата очень быстро разрушались. Вследствие изустной передачи многие изречения попадали в разные произведения в зависимости от процесса созидания данного произведения, и поэтому наличие "цитат" далеко не всегда даёт право заключать о последовательности двух сравниваемых памятников.

XIII, 14. *Чувства* — существуют две традиции понимания этого стиха. Предлагаемая есть традиция Рамануджи, её придерживаются Томсон, Теланг, Гарбе и др. Традиции Шанкары придерживается Хиллд, Эджертон. Последний переводит "Having the semblance of the qualities of all senses..."

XIII, 17. *Цель познания* — Шанкара поясняет: Освобождение; можно перевести и "предмет знания".

XIII, 17. *Пребывает* — "dhishitham". Шанкара и Рамануджи читают "vishitham" — "различно установленный".

XIII, 18. *Вступает* — Шанкара, Рамануджи толкуют: "годен".

XIII, 19. *Безначальны* — об этом см. Дасгупта: "Йога как философия", с. 118. Это место трудно объяснить, если не принять, что под Праkritи здесь разумеется Шакти, женская ипостась Пуруши, Великая Мать, Дурга-Лакшми. Шанкара поясняет, что здесь говорится о двух Праkritи и что Праkritи есть лоно всех существ (ср. VII, 6). В данном стихе Шанкара понимает Пурушу и Праkritи, как две "природы" (Праkritи) Ишвары, которые безначальны, как безначален Ишвар. Владычество Ишвары заключается в том, что он обладает двумя упомянутыми природами, ими он производит, поддерживает и разрушает мир. Эти природы безначальны и являются причиной самсары. Некоторые полагают, замечает Шанкара, что так утверждается причинность Ишвары, но если бы Ишварой обладал причинностью, то самсара была бы вечна, а это противоречит Шрути.

Рой указывает, что в учении о Пуруше Гита следует Веданте, преодолевая дуализм Санкхьи. Гарбе ошибается, предполагая, что автору Гиты была известна дуалистическая Санкхья. Зачатки представления о Пуруше как созерцателе уже содержались по мнению Роу, в Брихадараньяка Упанишаде. Разница в концепциях Гиты и Санкхьи настолько существенна, что их нельзя объединять, несмотря на общность некоторых терминов, особенно в учении о Праkritи.

XIII, 20. *Причиной* — этой шл. нет в калькутском издании Махабхараты, 1936 г. Бюрнуф и Теланг читают вместо "кагуа" — причина — "кауа" — "тело". Томсон, Михальский-Ивельский, Эджертон придерживаются первого чтения.

Шанкара, читая "кауа", поясняет: "кауа" есть тело, а "karana" — его орудия, которых 13 (11 индрий, Буддхи, аханкара). Под "кауа" следует понимать Праkritи, а под "кагала" — орудия, созданные Праkritи, удовольствие, страдание и пр., так как Праkritи, производя физические тела, есть причина самсары. Вместо "кагала" Рамануджа читает "кагана", что значит причина. Её следствие есть "кагуа" или эманация, "кагала". Заключая своё рассуждение, Шанкара выводит, что Праkritи есть источник причины и следствия и охватывает те вещи, которые мыслятся как "кагуа" и как "кагала". Можно думать, что под "кагуа" здесь подразумевается 16 "vikargas" или видоизменений, то есть манас, 10 индрий, пять предметов чувств. Семь из этих видоизменений — махат, аханкара, 5 танматрас (тонких элементов) являются причинно-следственным рядом, причём каждый предыдущий элемент есть причина последующего, поэтому они являются одновременно и "prakriti", и "vikriti" и называются "Праkritи-викрити". Это и есть "карана", или причина. Первопричина же есть порождающая Праkritи. Пуруша, Ишвара, "Познавший поле" — синонимы, равно как и наслаждающийся (bhokta). Пуруша есть причина восприятия удовольствия, страдания и пр. Праkritи превращается в причинно-следственный ряд. Пуруша же сознательно его воспринимает, и только в этом смысле он есть причина самсары.

По учению Санкхьи, Пуруша находится вне причинно-следственного ряда; вот почему я предпочёл перевести здесь "кагала" несколько расплывчатым термином "обоснование". Некоторые Упанишады допускают творческую деятельность духа (ср. Шветашватара Упанишад, 3, 2-4 и сл. 4, 11 и сл.). Эджертон возражает против такого традиционного понимания шл., которому следует большинство переводчиков. Он принимает выражение: "кагуа — кагала — karigva" как сложное существительное, которому окончание "iva" придаёт характер отвлечённости (не причина, а причинность и пр.). Автор указывает, что Дейссен подобным же образом понимает это ложное слово, но он только не прав в том, что суффикс "iva" относит лишь к последнему из составляющих слов ("деятельность"), а не ко всем членам. Эджертон указывает также на полный параллелизм данной шл. с XVIII, 18, чем и подкрепляет своё толкование. Оба индийских учителя, Шанкара и Рамануджи, понимают эту шл. в духе философии Санкхьи.

XIII, 21. *Лонах* — Шанкара поясняет: Пуруша вследствие "авидья" принимает Праkritи за собственное "я" и поэтому мыслит: "я счастлив, я несчастен и пр." и т.д. отождествляет себя с предметом своего опыта. Его привязанность к качествам есть причина рождений, то есть самсары, следовательно, истинной причиной самсары являются авидья и кама (страсть). Способ устранения самсары есть "вайрагья", беспристрастность, соединённая с отречением (samnyasa).

XIII, 22. *Соглашающийся* — Шанкара поясняет, что "соглашающийся" есть одобряющий, поощряющий и делателей, и действия.

XIII, 25. *Преданные вероучению* — некоторые (Дейссен) понимают это слово "Шрути" в узком каноническом смысле (Веды, Веданта), но можно, как это делают другие переводчики, понимать это слово и в широком (и буквально) смысле: "услышавшее". Очень удачно переводит Эджертон: "откровение".

XIII, 26. *Соединение* — Шанкара поясняет: соединение Пуруши и Праkritи не есть отождествление (samapavaya), то есть неразличимое соединение, но только "adhasa", смешение, приятие одного за другое вследствие недостаточной остроты анализа, различения, подобно тому, как можно принять перламутр за серебро, то есть своеобразная иллюзия, недостаточное знание (mityajñāna), которую можно уподобить вещи, виденной во сне.

XIII, 28. *Сам себе не вредит* — это место передаётся очень расплывчато и часто даже просто искажается в переводе. Лучшее всего оно передано у Дейссена и Эджертон. Последний считает “вполне очевидным”, что смысл этого положения таков: кто видит единое “Я” пребывающим всюду, тот не может вредить другому, так как понимает, что тем самым он вредит себе. Такое понимание хотя и несколько упрощённо, но всё же согласуется с духом Гиты. Гораздо слабее пояснение Теланга, ссылающегося на Иша Упанишаду, и полагающего, что это место надо понимать в том смысле, что не имеющий истинного знания тем самым разрушает себя. Шанкара поясняет: разрушить самого себя можно так: незнающий принимает “не я” за “я” (то есть принимает за “я” физическое тело и пр.), потом он принимает за “я” новое тело (полученное при перевоплощении) и т.д. Кто же понимает истинное “Я”, Атмана, тот не убивает себя собой же (ср. VI, 5).

XIII, 29. *Видит* — в этой шл. существует разночтение: “prakṛityaia ca”.

XIII, 30. *Бытиё* — в тексте “bhava”. Под этим термином подразумевают 8 антитетических состояний существ, производимых Буддхи: добродетель, познание, безразличие к миру чувств, обладание особыми силами (Йоги) и 4 противоположных состояния. Эти состояния могут казаться врождёнными, но по существу они всегда являются плодом ранее совершенных дел. В названии данной главы нет вариантов.

ГЛАВА XIV

XIV, 1. *Дальше* — в подлиннике употреблен довольно туманный оборот: “raṅgaṁ”. Буквально это значит “затем”, “потом”. Многие переводчики понимают это выражение как “отсюда”, “вне этого мира”, но такое понимание слишком натянуто. Шанкара поясняет, что здесь говорится не о том знании, о котором упоминается в XIII, 7—11, а о знании, касающемся жертвоприношений и пр. Такое знание не ведёт к спасению (освобождению), отчего иное знание названо “наивысшим”.

XIV, 2. *Миропроявление* — слово “sarga” значит “миропроявление” (как эманация), особенно в данном контексте в сопоставлении с “пралая”. Слово “na vyathanti” Шанкара толкует в смысле “не падают”, Мадхусудана: “не разрушаются”. Шриджара (и, повидному, Раматуджи) — “не рождаются”. Слово “sadharmay” Шанкара понимает здесь как “тождество”.

XIV, 3. *Брахмо* — эта шл. представляет большие трудности для понимания и многократно обсуждалась в литературе. Томсон и Лорингер подчёркивают, что слово “Брахмо” здесь среднего рода, а потому под ним нельзя понимать Брахму как мифологический образ. Теланг и Дейссен придерживаются мнения Шриджары, понимающем здесь под “Брахмо” Праkritи. Так же толкует и Шанкара, указывая, что “uṇi” (лоно) здесь значит “Майя”, состоящая из трёх гун, которая и есть Брахма. Дэвис считает такое понимание ошибочным и как возражение против него приводит текст из Вишну Пураны (4, I, 4): “До мирового яйца существовал святой Брахма (Хираньягарбха, “золотое семя”), который есть местопребывание святого Вишну”. Гумбольдт замечает, что Кришна единосушен с Брахмо, но Брахмо есть первичная сила, покоящаяся на вечности, а Кришна есть проявленный, личный бог. Хилл отмечает, что употребление слова brahman (ср. p.) в смысле Праkritи встречается редко; так автор понимает и III, 15. В Упанишадах он видит параллельные места с Чхандогья Упанишаде, VIII, I, 1 и Мундака Упанишаде, II, 2, 7, где говорится о теле как ограде Брахмо (brahmapura), что не адекватно выражению brahmauṇim, так как первое выражение характеризует тело, а второе — эпитет самого Брахмо. Otto Schrader

ссылается на Мундака Упанишаду, III, 1, 3, где он читает "kartaram icham rugusham bhatmaonim", то есть "Владычный Пुरुша оплодотворяет лоно Брахмо". Автор подчёркивает очень материалистическое понимание идеи Брахмо Мундака Упанишадой и говорит, что в свете данного выражения становится ясной шл. Гиты XIV, 3, казавшаяся многим исследователям такой загадочной.

Дасгупта ("История индийской философии", II, 462) находит толкование Шанкары совершенно произвольным. В понимании этого места он следует толкованию Шридхары и замечает, что Праkritи рассматривается как женское начало, а Пуруша как оплодотворяющее мужское начало. Т.о., совершенно закономерно рассматривать данное место как зачаток учения о Шакти, т.е. женском начале божества. Шактизм есть концепция, чуждая ведийской религии; исторически важно проследить процесс вхождения его идей в браманизм, что является важным показателем взаимодействия культур ариев и доарийских народов Индии. С течением времени идея Великой Матери настолько укрепились в индуизме, особенно в шиваитской его ветви, что в значительной мере оттеснила мужское начало (Шиву). В вишнуизме процесс не заходит так далеко, но все же вишнуитское женское начало (Шри, Лакшми, Радха, Рукмини) занимает достаточно видное место в этой религии.

XIV, 8. *Связывает беспечностью* — Теланг поясняет: к своей дхарме, долгу.

XIV, 9. *Привязывает* — samjayaate. Обычно это слово производят от глагола "sanj", Леви же — от глагола "ji" + "sam" и поэтому переводит "trionphe".

XIV, 14. *Чистых миров* — то есть миров, где пребывают мудрецы, постигшие Высшее. Шридхаря и Мадхусудана разъясняют высшее проявление Брахмо, Хираньягарбха ("золотое семя"). Нилаканта говорит, что под познавшими Брахмо нужно разуметь богов. Томсон подчёркивает, что слово "loka" (мир) стоит во множественном числе потому, что здесь речь идёт об относительно высшем, ибо для того, чтобы постигнуть Высшее, требуется преодоление всех гун, а не простое преобладание саттвы. Только относительно этого Высшего можно употребить единственное число. Перевод Дейссена "миров наимудрейших" слишком расплывчат.

XIV, 18. *Страстные* — Томсон переводит слово "rajas" через "badness". Такой перевод вряд ли можно считать удачным, он затемняет, а не разъясняет смысл: раджас не есть "дурная страсть" в европейском значении, но вообще страсть, движение, стремление.

"Верх" и "низ" здесь надо понимать в смысле иерархического ряда воплощений: в нём различают 14 ступеней и три класса соответственно гунам. К первому классу относятся 8 ступеней: 1) Брама как высший бог, 2) Праджапати как родоначальник людей, 3) Саумья, или лунное тело, 4) Индра и низшие боги, 5) гандхарвы — слуги, "ангелы", 6) ракшасы, 7) якши, 8) пишачи. Во втором классе различается только одна ступень: 9) люди. К третьему классу относятся существа ниже человека, среди которых различают 5 тел: 10) домашний скот, 11) дикие звери, 12) птицы, 13) пресмыкающиеся, рыбы и насекомые, 14) растения и неорганические тела. Классификация эта приводится Ишваракришной в Санхья-Карике (53 шл.). Ср. также Майари Упанишада, III, 3—5.

XIV, 20. *Давящее начало телу* — оборот текста двусмыслен. Предлагаемый перевод следует толкованию Шанкары. Так переводят Теланг, Дейссен, и многие другие переводчики. Бюрнуф, Хилл, Эджертон следуют толкованию Рамануджи и переводят: "исходящий из тела". Томсон переводит: "координированные с телом". Индийские схоластики толкуют это место в том смысле, что тела развиваются из гун. Томсон, не соглашаясь с переводом Шлегеля

"e corpore ganiis", настаивает на силе предлога "sam" в слове "samudbhava", которое он понимает, как "совозникающий". Однако общая традиция индийской философии вообще и установка Гиты говорят в пользу толкования, данного Шанкарой, видящего в этой шлоке учение о том, что гуны являются причиной всего миропроявления (ср. "гуны вращаются в гунах"), а следовательно, и тел. Толкование Томсона не очень убедительно в смысле филологическом, а в филологическом является прямой натяжкой.

XIV, 22. *Озарения, деятельности и заблуждения* — Шанкара и Рамануджи указывают, что это самые характерные черты трех гун.

XIV, 22. *Не ненавидим* — гуны вращаются и как волны в океане возникают в Праkritи и исчезают в ней, будучи от неё неотделимы. Человек не отворачивается от приходящих гун, не смущается мыслью, что он подвергается действию одной из них и поступает по мотивам, рождённым гунами.

XIV, 23. *Не шевелится* — см. прим. 192.

XIV, 27. *Обитель Брахмо* — (ср. XIV, 3). Это выражение переводят по-разному: Бюрнуф — "обитель бога". Томсон — "представитель высочайшего духа". Теланг — "воплощение Брахмана". Илалаканта комментирует: "высший объект Вед". Шанкара даёт в пояснение такую параллель: "Как воплощённый свет есть Солнце, так и воплощённое Брахмо есть Васудэва". Родительный падеж "brahmano" может быть и среднего, и мужского рода, что и даёт возможность разным толкованиям этого выражения.

ГЛАВА XV

XV, 1. *Ашваттха* — Шанкара замечает, что в этой главе Ишвара описывает самсару. В понимании Шанкары ашваттха и есть самсара. Эджертон считает, что этот образ заимствован из Катха Упанишады, VI, 1. Если это так, то толкование Шанкары становится очень сомнительным. В цитированном месте сказано: "Вверх корнями, вниз ветвями стоит вечное дерево ашваттха. Это — Чистый, это — Брахмо, оно называется "бессмертное", в нём покоятся все миры, и никто не может его превозмочь".

Из дальнейшего видно, что Гита считает необходимым "превозмочь" ашваттху и срубить его, что вполне соответствует пониманию Шанкары. Мысль Шрадера, что здесь речь идёт о душе, Эджертон считает абсурдной, с чем нельзя согласиться. Дейссен также ссылается на Катха Упанишаду, VI, 1; к своему переводу Упанишады он делает замечание, что нельзя путать ашваттху (Feigebaum) с деревом Nyagrodha, спущенные ветви которого пускают новые корни.

XV, 1. *Тот знак вед* — Дривис считает это место тёмным и видит в нём скрытый выпад против Вед.

XV, 3. *Опоры* — БПС для этого места даёт слову "sampatishtha" значение "длительность" (Dauer), однако большинство переводчиков придаёт этому слову смысл "опора", "основание" (Дейссен, Эджертон, Теланг и др.), что по смыслу лучше, так как незнание длительности вытекает из предыдущих слов: "Никто не знает ни конца, ни начала...", то есть длительности; толкование же "опора" вносит новую мысль.

XV, 4. *Я привожу* — так переводит Шлегель, Бюрнуф, Лоринзер. Теланг переводит: "Я намекаю" (I allude), а Дейссен: "...zu ihm dem uranfänglichen Rigusha nehme ich meine Zuflucht". Такой перевод вполне возможен филологически, но для философского истолкования труден, так как непонятно, от чьего имени произносятся эти слова: если от лица Шри Кришны, то они не согласуются с контекстом, если же от лица, стремящегося бхакты, то оборот окажется очень уж натянутым стилистически. Перевод

"я прибожу" (или я намекаю), вполне законный филологически, не создаёт ни философской, ни стилистической натяжки, как создаёт перевод Дейссена. Дейссен в своём переводе следует толкованию Шанкары, замечаящего по поводу этого стиха, что стремящийся должен познать Вишну.

XV, 5. *Пути* — оба варианта, данные в буквальном и литературном переводах, вполне допустимы.

XV, 6. *Огонь* — Дейссен указывает на параллелизм этой шл. с Катха Упанишадой, V, 15, Шветашватара Упанишадой, VI, 14, Мундака Упанишадой, II, 2, 10.

XV, 7. *Частица* — принято (Теланг, Дейссен) относить определение "saralpa" (вечная) к "анса" (частица), но это определение можно, как делает Элджертон, отнести и к "jiva", что не меняет мысли по существу, но делает её более рельефной. Шанкара ставит вопрос, как можно говорить о частице Атмана, раз он неделим, и отвечает, что это объясняется учением XIII главы: "частица", только воображаемая в силу неведения. См. также прим. 438.

XV, 7. *Шестой манас* — здесь принимаются во внимание только воспринимающие индрии.

XV, 8. *Владыка* — (Ишвара). Рамануджи поясняет "владыка чувств", т.е. индивидуальная душа; подобно же и Шанкара: "владыка тела и материальных элементов".

XV, 11. *В (их)* я — возвратное местоимение "atman" стоит здесь в locativus. Можно было бы перевести "в них", как это делает, напр., Сенар, но такой перевод несколько упрощает подлинник. Шанкара и Рамануджи полагают, что под этим выражением нужно понимать тело: "в их собственном теле". Шанкара ещё примысливает: "их сознании", "их понимании". Во второй полушл. также употреблено слово "atman", которое Теланг переводит через "разум".

XV, 12. *Сияние* — Шанкара говорит, что здесь нужно понимать свет Вишну или свет сознания.

XV, 14. *Вайшванара* — одно из многочисленных названий огня, буквально оно значит: "принадлежащий всем людям". По учению Санхьи, Вайшванара находится в области третьего жизненного центра (чакра), который соответствует солнечному сплетению и является огнём, перепаривающим пищу (ср. Брихадараньяка Упанишада, V, 9).

Об Атмане — Вайшванаре и о пяти жертвенных огнях см. Чхандогья Упанишаду, V, II.

XV, 14. *Четвероякая пища* — Шриджара поясняет: 1) проглоченное, 2) выпитое, 3) слизанное, 4) всосанное.

XV, 15. *Вед* — Томсон полагает, что вторая полушл. есть позднейшая брамантическая вставка. Знание Вед предполагает наличие знания Атмана, и толкование Вед требует наличия способности суждения. По мнению Томсона, вся шл. производит впечатление интерполяции, чем, быть может, объясняется и перемена ритма в шл.

XV, 16. *Преходящий и непреходящий* — Бюрнуф, Томсон переводят "делимый и неделимый", Томсон поясняет: индивидуальная душа, о которой говорится в шл. 7—11, делима; всеобщая же жизненная энергия (12—15 шл.) называется неделимой, вечной. Дейссен переводит: "преходящий и непреходящий". Возможно, что здесь речь идёт не о душе существ (аханкара), а об индивидуальном духе, дживе и о всеобъемлющем Ишваре (схема системы монад). В таком случае это место близко к системе Патанджали. Трудность заключается в приложении к "аханкара" термина "Пуруша". Это не согласуется с обычным словоупотреблением в школах индийской философии (ср. прим. 526).

XV, 16. *Стоящий на вершине* — см. прим. 273 и 475.

XV, 18. "Пурушоттама" — этот термин впервые вводит Гита, насколько мне известно, в Упанишадах он не встречается, хотя в некоторых Упанишадах говорится о трёх, пяти, восьми и даже пятнадцати Пурушах. В Чхандогья Упанишаде, VIII, 7—12 повествуется, как Праджapati обучал Индру как преставителя суров и Вайрочану как представителя асуров. Праджapati постепенно открывал своим ученикам тайну Атмана, но постигнуть её смог только Индра. Сначала ученик постигает себя (атмана), как тело, потом — как индивидуальную душу, и, наконец, как единого, везде пребывающего Духа (Атман). В Тайггирья Упанишаде, 2 говорится о пяти атманах, первые три из них, собственно, являются просто оболочками (kosha); аннамауа, прапмауа и сапмауа, т.е. состоящий из пищи (плотное тело), дыхания (тонкое тело — сукшма шарира) и тело чувствования и деятельности, управляемой манасом (лингашарира), и два последних атмана — вйпмауа и апаммауа, т.е. "я" (атман), состоящий из распознавания (виджняна), индивидуум, личность и состоящий из блаженства — дух всех духов, единый Атман. Сушил Кумар Дэв так определяет Пурушоттаму: Пурушоттама выше субъективного реализма, это — единственная, абсолютная, запредельная Реальность, но проявляющая себя, как личность, идеальный Вселенский Человек, причастный гунам, но не исчерпывающийся ими, он причастен проявлению (vyakṛti-māraṇa), но всё же остаётся непроявленным (avyakta). Вишнуиты видят в Пурушоттаме Кришну, но Кришну можно понимать как символ, как голос Высшего в человеке. Такой символизм свойствен индийскому мышлению. Резонно замечают, что в XV, 16—18 существует противоречие, так как здесь говорится ещё о третьем Пуруше, пребывающем не преходящим (kṣhara) и непреходящим (akṣhara) Пурушей. Но в понятии "непреходящий Пуруша" уже заключена идея предельного совершенства, так что в утверждении ещё кого-то превосходящего кроется лишь сектантское желание поставить почитаемое божество превыше всего даже ценой абсурдного утверждения. Кумар Дэв указывает, что Пурушоттама есть понятие, разработанное вишнуитами и особенно ими излюбленное, но не встречающееся в 12 основных Упанишадах. Автор говорит, что, согласно этому мнению, шл. XV, 16—18 — непродуманная сектантская (вишнуитская) интерполяция, однако, указывает, что существует и другой взгляд, считающий учение о Пурушоттаме древним, но подвергшимся искажению, ибо термин "акшарам" утратил своё первоначальное значение "Высшее Брахмо". Шанкара понимает под акшара Пурушу, как первопричину, производящую Космос (кшара Пуруша), это творческое начало, именуемое ещё "качественное Брахмо" (sagunabrahman); в таком случае Пурушоттама есть бесконечное Брахмо (nirgunabrahman). Шридхара понимает под акшара дживу. Комментируя XV, 16, он пишет: "Кутастха есть вкуситель сознания, мудрые его именуют Пуруша". Кумар Дэв считает очень важными комментариями Шанкары и Шридхары, так как эти комментарии свидетельствуют о древности учения о трёх Пурушах. Автор считает, что не может быть и речи об интерполяции, XV, 16—18, так как это целостное и продуманное учение. Ясность теряется, если понимать под Пурушоттамой Кришну, что совсем не обязательно. Аурабиндо Гхош различает два состояния Пуруши: космическое и сверхкосмическое. Первое есть одновременно "преходящий и непреходящий" (кшара и акшара). Второе состояние выше, а потому оно безлично.

XV, 20. Бхарата — Шанкара заканчивает комментариями к этой главе замечанием, что хотя всё, что заключается в Гите, не называется Шастрой, но из последнего стиха этой главы видно, что она выделяется особо, как Шастра, так как всё учение Гиты кратко изложено в этой главе и не только Гиты, но и всех Вед, ибо сказано "Кто знает Ашваттху, знает все Веды" (XV, 15). По мнению Михальского-Ивельского, вторая редакция Гиты

заканчивается XV гл.; эта редакция, как он полагает, выросла из первичного эпизода Махабхараты, куда входили первая гл. и вторая до шл. 38 (в этом Михальский-Ивневский согласен с Гарбе). Действительно, концовка XV гл. производит впечатление концовки всего произведения. Возможно, что гл. XVI, XVII и частично XVIII позднейшего происхождения.

ГЛАВА XVI

XVI, 1. *Чистота душевная* — Шанкара замечает, что в этой гл. изложено учение о трёх пракрити (природах): божеской, асур и ракшасов. "Душевная чистота" — *sattvasambuddhi*. Шанкара даёт glossы *anāhkarāṇa*, *sattva* и понимает под этим выражением отсутствие обмана, выполнение работы с чистым сердцем и пр. Он замечает, что бесстрашие, чистота и Йога по преимуществу образуют божескую природу.

XVI, 2. *Постоянство* — в этой шл. существует два разночтения: *alolaiṣam* и *alolupīṣam*.

XVI, 7. *Ни бездействия* — *pragṛīṣi*, *nivṛīṣi*. Так понимают все индийские комментаторы. Эти термины также значат "миропроявление" и "конец мира". В таком духе переводит Бюрнуф: "эманация и возвращение".

XVI, 8. *Без правды* — *asatyam*. Лсан переводит "не существует". Если принять такое толкование, то эту шл. можно рассматривать как полемику против буддистов. Вообще же XVI гл. явно полемическая, и тон её резко отличается от общего тона Гиты.

XVI, 8. *Без основания* — Теланг переводит: "лишённые устойчивых принципов".

XVI, 8. *"Возник не от причин и следствий"* — есть два понимания этого стиха, существенно отличающихся одно от другого. Так, Бюрнуф переводит: "... que le monde est compose de phenomenes se poussat l'un l'autre et n'est qu'un jeu d'hasard". Махадэва Шастри переводит: "They say: 'the inivers is unreal and without basis without a Lord, recated by mutual union with passion for its cause...'"

Подобным же образом переводит Гарбе. Шанкара замечает, что "алые", под которыми он разумеет *lokaayatika*, отрицают реальность самих себя, а следовательно, и мира, отрицают непреложность дхармы, противопоставляемой адхарме, а следовательно, карму и Ишвару, утверждающего дхарму. Такие люди считают, что все существа происходят от полового соединения мужчины и женщины, вызванного камой. Теланг, основываясь на традиционных комментариях, указывает, что асурические люди отрицают истинность творения и сохранения мира, признаваемую Ведами и традиционными философскими школами. Они верят в вечность и самобытность материи, то есть они атеисты, отрицающие закономерное движение духа и Пракрити как проявленной материи, а следовательно, отрицают философскую традицию. Шридхара и Ананда в общем придерживаются толкования Шанкары. Гарбе считает, что к "демоническим" людям Гита относит тех, кто отрицает космогонию Санхьи. Гарбе сообщает также, что в личном письме индийский ученый Гокхала высказал мнение, что в данном стихе Гиты речь идёт не о правах, как принято думать, а о ведантистах, которые учат, что Брами, намереваясь сотворить мир, испытал (половое) желание: "So, kamayata, bahu syam prayaasi" (Так, возделая, он (Атман) размножился) — Тайттирия Упанишада, 2, 6). Т.е., Гокхала видит в стихе выпад против Веданты.

XVI, 9. *Губящий себя* — Сенар переводит: "l'onestes a eux memes", другие чаще переводят "погибшие души" (Дейссен, Теланг).

XVI, 10. *Начинанья* — Дейссен переводит: "eine bese Wahl walend". Эджертон переводит слово "asadgrahan" — "ложные сведения", "asucivratah" — "нечистые начинанья".

XVI, 11. *Жизнь* — предлагаемый перевод близок переводу Дейссену, но существуют и др. толкования этого места. Так, Бюрнуф, Теланг, Эджертон переводят: они стремятся к удовлетворению своих желаний, полагая, что в этом всё.

XVI, 19. *В самсаре* — Гарбе, Сенар относят это слово к “ничтожнейшие из людей”. Эджертон считает такое толкование ошибочным и настаивает на том, что “в самсаре” относится к “бросаю”. Так переводят Теланг, Дейссен. Шридахара переводит слово “самсара” через “миры”.

XVI, 21. *Губящие человека* — большинство переводчиков передаёт слово “atmanah” через “душа” (Дейссен, Томсон, Лиси, Эджертон, Сенар). Однако Теланг, Махадэва Шастри переводят через “the self”, что точнее по форме, но может вести к недоразумению, так как при таком переводе “atmanah” принимается не за возвратное местоимение, а за существительное, а значит, может быть понято как допущение возможности гибели Атмана, что, конечно, противоречит основным положениям индийской философии, так что Теланг вынужден пояснить: “то есть делают я” (the self) непригодным для высших целей человека. Близкое к этому толкование даёт Шанкара. Томсон замечает, что “гибель” означает падение по лестнице воплощений, что вполне соответствует духу индийской философии (ср., напр., Махабхарата. XII, 11263 и сл., особенно 11290). “Т.о., Атман разлагает под действием Праkritи себя самого на множественность...”

ГЛАВА XVII

XVII, 1. *Тамас* — Шанкара считает, что оборот этого стиха неточен и ведёт к двусмысленности: можно понимать так, что здесь говорится о тех, кто почитает богов, не зная точно предписаний культа, или же о тех, кто почитает богов не по культовым предписаниям, а вопреки им. Но такие люди не обладают верой, а значит, не о них речь, так разрешает сомнение Шанкара.

XVII, 2. *Внемли* — Шанкра замечает, что Шри Кришна уточняет смысл ввиду неясности поставленного Арджуной вопроса. Под “svabhava” надо понимать, по мнению Шанкары, “собственную индивидуальную природу”, т.е. выработанную предыдущими воплощениями: склонности, способности и пр.

XVII, 3. *Таков он* — построение второй полушлоки довольно запутанно. Слово “—тауа” в конце сложных слов принято переводить “считающийся за—”, “принимаемый за—”. Т.о., “craddhamaya” следовало бы перевести “состоящий из веры”, “образованный верой”, как это делает БПС, ссылаясь на данное место Гиты. В таком духе переводит большинство переводчиков. Томсон даёт интерпретирующий перевод: “Верующий человек одинаков по своей природе с объектом своей веры”.

XVII, 4. *Множество бхутиов* — прета и бхута — “навьи и духи”. Этого рода духи обычно употребляются рядом; это духи, вселяющиеся в мёртвые тела и создающие иллюзию жизни (ср. “25 рассказов Веталы”). Прета — навий, покойник вообще, а не пращур, предок (пита); почитание предков предписывается Шастрами (ср. I гл. 42-43). Бхута — это элементарии, духи стихий. Возможно, что здесь под тёмными людьми следует понимать приверженцев дравидических культов; эти культы иногда отличаются крайней жестокостью (ср. Elmore W... 1. с.).

XVII, 5. *Не предписанное законом* — Томсон предполагает, что здесь речь идёт об авторитетных писаниях Йогн, в частности об Йогасутрах Патанджали, так как они не дают аскетических предписаний. Однако это мнение можно оспаривать: “Шастрами называются только Веды и Упани-

шадь, остальные же описания называются "Шрути"; в Упанишадах встречаются аскетические предписания.

XVII, 6. *Асуров* — в этой шл. есть различение "karshyautah".

XVII, 10. *Испорченная пища* — Шанкара поясняет, что под этим надо понимать полусваренную пищу, но буквально: "сваренную 3 часа тому назад", так как сутки делились на 12 дневных и 12 ночных часов, которые распределялись на группы ПО 3 часа — "уама". Т.о., "уатауама" есть пища прошедшей "уама", то есть приготовленная 3 часа назад. Леви понимает под этим термином оставшуюся от трапезы пищу ("уже подававшуюся"); такая пища была запрещена всем высшим кастам.

XVII, 13. *Без даров* — Дейссен переводит: "ohne Opferlohn", то есть без вознаграждения брамина, совершавшего обряд.

XVII, 14. *Наставников* — или родителей, "Гуру", значит и то, и другое.

XVII, 18. *Здесь* — Шлегель переводит: "secundam rationem postquam".

XVII, 23. *Брахманы* — здесь можно понимать и в смысле касты браминов, и в смысле канонических писаний "Брахманы".

XVII, 27. *Его ради* — так переводит Теланг, поясняя, что под этим нужно понимать действия, совершённые ради Брахмо, а не ради частных целей, упоминаемых в предыдущих шл., начиная с 18. Другие переводчики (Бюрнуф, Томсон, Сенар, Эджертон) относят вторую половину шл. только к действиям, перечисленным в первой половине. Филологически это необязательно, а смысл при таком толковании сильно уплотняется, лишает мысль важного оттенка, выраженного подлинником. Естественно, что раз действия, дары и аскезы именуются "сат", то и все, что способствует этому, должно так называться. Т.о., принятый названными исследователями перевод сводит мысль к простой тавтологии, тогда как мысль подлинника глубже: Гита, давая новые формы, не отрицает старых, ведических, а только расширяет их. Кришна, называя ведические "сат", учит понимать их как средство достижения Единого. Эта мысль особенно подчёркивается следующей шл., отрицающей пустую обрядность, осуждающей её. Теланг замечает: слова Аум — Тат — Сат употребляются особо, специфически. Нилаканта указывает: что "Аум" произносится при совершении действия, вне зависимости от того, принято ли оно, желано ли совершающему. "Тат" употребляется лишь в тех случаях, когда действие совершается без желания, без личной заинтересованности. Согласно Шанкаре, слово "Сат" употребляется лишь в тех случаях, когда констатируется действительное существование, напр., при рождении первого сына.

ГЛАВА XVIII

XVIII, 1. *Кеши* — Шанкара считает, что эта глава излагает всю практику не только Гиты, но и всех Вед. Он придаёт этой главе большое значение и снабжает её обильными комментариями.

XVIII, 2. *Отрешением* — очень трудно подобрать соответствующие термины для слов "санньяса" и "त्याга" в европейских языках за отсутствием адекватных понятий. Но даже в санскритском эти слова настолько близки, что смешиваются в одном и том же тексте, как, напр., в данном месте Гиты. Шанкара замечает, что оба термина значат приблизительно одно и то же.

XVIII, 7. *От установленных действий* — это высказывание можно понимать двояко: в широком смысле (ср. III, 4—7), так понимают Дейссен, Леви, и в узком смысле, как религиозные, кастовые обряды, так понимают Томсон, Эджертон.

XVIII, 11. *Воплощённый* — буквально "носитель тела". Здесь это слово употреблено в смысле человека как носителя тела и существа физического

мира в противоположность 11, 13, где слово употреблено в смысле "воплощённый дух".

XVIII, 13. *Размышлением* — можно перевести и "возвещённые в (системе) Санкхье". Об отношении Гиты к школе Санкхье уже не раз шла речь (см. предисловие, прим. 120 и пр.). Шанкара и Мадхусудана полагают, что в этом стихе говорится о веданте (Упанишадах), а Шридахара — что о школе Санкхье. Т.о., и у традиционных комментаторов нет единства в понимании данного вопроса.

Тилак считает, что здесь совершенно ясна ссылка на Санкхью Капила. Но, во-первых, весьма спорно, какую именно философскую систему надо понимать под этим. Общепризнанно, что т.п. "Сутры Капила" — памятник позднего средневековья (Аникеев считает, что это памятник XIV в. н.э., а может быть, и более поздний, т.к. наиболее ранние его комментарии относятся к XV и XVI вв.). В "классической" же Санкхье ни Тилак, ни Гарбе не могли указать учения "о пяти причинах", как это подчёркивает Рой.

XVIII, 14. *Предмет* — Шанкара поясняет: "предмет" или "место", т.е. тело как вместилище желаний — адхиштхана. О важном значении этого термина см. прим. 211, а также предисловие (разбор гл. IV).

"Деятель" — наслаждающийся, введённый в заблуждение через "упадхи", он принимает участие в качествах. Само слово "упадхи" означает: 1) обман, 2) определение, атрибут и тот, кто соединяет себя с ним. "Функция", т.е. "ваю" (напр., дыхание и выдыхание и пр.). "Божество", т.е. Адитья и др. боги, с помощью которых органы получают способность действовать.

Согласно индийской традиции, особенно развитой позднейшей Йогой и тантрами, каждый орган управляется определённым божеством — в этом заключается смысл толкования Шанкары. Однако нет необходимости придавать такое значение довольно сжатому выражению Гиты. Впрочем, учение, о котором говорит Шанкара, можно встретить уже в Упанишадах, особенно позднейших, так что даже если принять смысла, вкладываемый в данный стих самым ранним комментатором Гиты, то в таком случае на данный текст нельзя опираться, как на критерий времени создания Гиты.

Теланг замечает, что если данную шл. понимать в духе Санкхьи, в изложении Капила и Ишваракришны, то слово "daivam" следует переводить не "божество" (как это делает Теланг), но "судьба", что и делает не только Гарбе, но и Дейссен, хотя последний и отрицает непосредственную связь Гиты с поздней Санкхьей.

Эджертон замечает, что много усилий было употреблено, чтобы придать этой шл. слишком глубокий философский смысл и, в частности, подогнать её под мерку классической Санкхьи. Эджертон считает в корне ошибочным подгонять каждый из перечисленных в шл. факторов под таттвы Санкхьи или под понятие органов тела. Все перечисленные термины, утверждает Эджертон, надо понимать как можно проще, так что данная шл. не нуждается ни в каких комментариях. Однако Эджертон всё же переводит "daivam" через "Fate" и пишет это слово с прописной буквы, тем самым приближая смысл шл. к системе Санкхье.

XVIII, 17. *Людей* — Дейссен переводит "lokan" единственным числом: "diese ganze Welt ist eine", но здесь правильнее понимать "lokan" в смысле "людей"; так понимают Эджертон, Леви; Хилл переводит "creatures". Шанкара указывает, что в данном стихе даётся определение того, кто достиг высшей мудрости, способен видеть Атмана во всём и не отождествлять его с преходящим. Шанкара ставит эту шл. в параллель с Мундака Упанишадой, II, 1, 2, где сказано, что Пуруша без дыхания, без желаний чист, выше Высочайшего Непреходящего (акшарам). Дейссен понимает эти термины Упанишад как "прасубъект" и "праобъект". Выражение "чист" Шанкара

понимает в том смысле, что "antahkarana", — Буддхи — является "upadhi" Атмана и не окрашена, а потому отождествляет себя с поступком и не может, совершая беззаконие (адхарму), раскаиваться, мыслить, что за убийство полагается пребывание в нараке (аду) и пр. Отвечая на воображаемое возражение, что положение Гиты "убиная все существа, он не убивает" противоречиво, Шанкара указывает, что утверждение об убийстве делается с точки зрения обычного сознания, отождествляющего себя с поступками, которые в действительности совершают гуны, а утверждение, что Атман, который не действует, ибо неподвижен, как это многократно утверждает Гита.

XVIII, 18. *Сумма* — Томсон замечает, что согласно истинной мудрости, побуждением к действию является стремление к Освобождению (Мокша). "Познающий" здесь значит физический индивидуум. Эджертон указывает на параллелизм этого места с XIII, 29, но в данном стихе слово "raga" стиха XIII, 29 неудачно и неполно, по мнению Эджертона, заменено словом "karana".

XVIII, 19. *Перечисление* — Эджертон подчёркивает ошибочность взгляда Шанкары (которому в данном случае следует Гарбе), что здесь речь идёт о системе Санкхье, но Эджертон слишком категорически приписывает такое же мнение и Телангу, который переводит: "in the enumeration of qualities" и только замечает, что такое перечисление существует и в системе Санкхье, системе Капила.

XVIII, 36. *Повторение* — Теланг, Томсон и особенно решительно Эджертон придают выражению смысла "после упражнений". Предлагаемый перевод следует Дейссену.

XVIII, 37. *Ясности познания атмана* — так понимает Рамануджи, которому следуют Сенар, Теланг и др. Дейссен, а за ним Эджертон переводят: "Рождённая от чистоты души и интеллекта".

XVIII, 41. *Природы* — Шанкара поясняет, что "свабхава" есть Праkritи Ишвары, состоящая из трёх гун; он же предлагает и др. объяснение: браминам свойственна саттвическая природа, кшатриям — природа раджаса, но с прибавлением саттвы; природа вайшьев образована соединением раджаса и тамаса; природа шудр образована соединением тамаса и раджаса. "Свабхава" можно также понимать, как качества, выработанные в прежних рождениях.

Шанкара замечает, что о шудрах здесь упомянуто особо, так как у них одно рождение, и они не имеют права изучать Веду. Следуя указанию Шанкары, Хилл переводит: "преобладающий (which prevail) в их собственной природе".

XVIII, 42. *Всра* — "astika" происходит от глагола "asī". Схолиаст указывает, что смысл слова — утверждение существования мира духовного.

XVIII, 46. Нилаканта поясняет, что под этим надо понимать силу сопротивления заблуждению, а Шанкара настаивает, что совершенства можно достигнуть только выполнением своего долга, на что и указывает следующий стих.

XVIII, 48. *Дымом* — по поводу этого стиха Шанкара пространно полемизирует со школой Вайшешики и утверждает, что для человека, не знающего Атмана, недостижимо полное оставление дел своей дхармы — чужая дхарма опасна (см. прим. 198—199).

XVIII, 49. *Отречением* — Шанкара замечает, что йогин, выполняющий карму (карма-йогин), только достигает пути мудрости, плод которого — "совершенство неделания". Гита описывает ниже. Хауэр останавливается на этом стихе, как важном для уяснения сущности "Буддхи Йоги". Слово "Буддхи" он переводит через "Cemī". Корень "budh", от которого он производит "Буддхи", значит "пробуждаться, Бодрствовать", а отсюда

“Буддхи” значит “бодрствование, трезвление” в его древнем значении. Психические элементы: индрии, манас, кама — создают хаотическое состояние мутности, ряби, препятствующее ясному, трезвому состоянию, бодрствованию. Йога теми или иными способами приводит в покой мятущиеся элементы психики, и таким образом вызываются ясность, трезвление, т.е. Буддхи. Об этом и говорит разбираемый стих Гиты. Итак, “Буддхи Йога” в свете этого учения Гиты есть “возвращение к самому себе”, приведение в ясность своего сознания (ср. “Йога”, с. 370—375).

XVIII, 53. *Достижи Брахмо* — так переводят Теланг и многие другие. Томсон переводит: “Он созрел для условий Высшего Бытия”.

XVIII, 54. *Став Брахмо* — т.е. постигнув своё единство с Брахмо.

XVIII, 56. “*всякие дела*” — это место обычно переводят бесцветно: “хотя бы он совершал всегда все дела”. Хилл переводит: “Though hi do every work et every nam” и ссылается на Рамануджи, указывающего, что речь идёт не только об обрадах, но и о тех делах, которые называются “вожделенными” — “kamya”.

XVIII, 61. “*На колесе гончаров*” — уантра — гончарное колесо и вообще машина. Интересно отметить, что египтяне изображали бога Кхнема с бараньей головой, выделяющего на гончарном колесе человека (см. Budge, с. 152) (ср. Шветашватара Упанишада, I, 3—6. “На этом великом колесе Брахмо, всё одушевляющем, всеобъемлющем, плавает Лебедь, он мнит себя отделённым и вращателем колеса; но по милости Того он становится бессмертным (см. Упанишады: Брихадараньяка, II, 3; Чхандогья, VII, 15; Каушитаки, III, 8).

XVIII, 63. *Как хочешь* — Шанкара задаётся вопросом, что же по учению Гиты является способом достижения высшего блаженства: джнана или карма. В XIII, 12 и XVIII, 55 утверждается, что блаженство достигается только знанием, с другой стороны, Гита предписывает совершать действия. Блаженство не достигается, утверждает Шанкара, выполнением Кармы или сочетанием Праkritи и знания. Если вода стекает со всех сторон (II, 46), то никто не станет заботиться об устройстве особого водоёма; так и джнана не нуждается в действиях для устранения незнания. Значит, джнана и есть искомое средство. Не создавая желанных дел, мы не создаём и причин к будущему рождению, и карма исчерпывается, и “Я” освобождается. Шрути говорят, что нет иного пути к Освобождению, как знание (Шветашватара Упанишада, III, 8). Невежды, следующие карме, не могут приблизиться к Ишваре, даже посвящая ему дела, они могут только вступить на высший путь оставления дел, утверждает Шанкара. Всякая карма порождается незнанием (авидья). Карма, предписываемая Шастрами, имеет в виду только невежд. Шрути авторитетны только в вещах, не подлежащих непосредственному восприятию и познанию, то есть лишь в том, что за пределами человеческого опыта; в вопросах же, доступных восприятию, Шрути не авторитетны. Так, сколько бы ни утверждали Шрути, что огонь холоден, это не изменит действительности. Поэтому Шрути, учащие карме, не авторитетны, но лишь учащие о Брахмо, заключает Шанкара.

XVIII, 70. *Смичю* — Шанкара говорит, что из жертв: “виддхи” — ритуал, “джапа” — произносимая мантра, “манаса” — умственная молитва и “джнана яджна” — жертва мудрости, наивысшая.

XVIII, 73. *Заблуждение* — Шанкара говорит: заблуждение есть рождённая неведением причина самсары. “Смрити” Шанкара здесь понимает буквально: “память” (а не “священное предание”) об истинной природе Атмана. Когда такая память достигнута, то исчезают все сомнения сердца, все вопросы. Утверждение Арджуны надо понимать в том смысле, что он освободился от дел, достиг конца, цели жизни (Шанкара).

АНУГИТА
(“Последующая песнь”)

Отдел XIV книги Махабхараты
АШВАМЕДХАПАРВАН
(Книга “Жертвоприношение коня”)

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Анугита" является очень важным философским текстом "Махабхараты", наиболее систематически и полно по сравнению с другими аналогичными текстами "Махабхараты" излагающим теоретические обоснования Санкхьи. Памятник относится к переходному периоду от эпической к классической Санкхье и необходим для всех желающих ознакомиться с основами этой выдающейся школы традиционной древнеиндийской философии, т.е. одной из наиболее ранних философских систем, созданных человечеством.

Анугита — не целостный текст, он распадается на три раздела. Первый — составляют главы 16—19. Текст этот по форме и содержанию близок Буддизму. Как и у буддистов, здесь поучение ведётся от имени совершенного (сиддха) о двух путях и об отрешённости. Оно атеистично, как и поучения раннего буддизма: освобождение понимается как отрыв от всего проявленного. Теоретические положения и учение о перевоплощении затрагиваются кратко, лишь постольку, поскольку это необходимо для обоснования практики Йоги; об относительно раннем происхождении текста свидетельствует внимание, уделяемое учению о пранах, что свойственно Упанишадам. По мере развития школы Санкхьи это учение отходит на задний план. Второй раздел называется "Песнь брамина" и охватывает главы 20—34. Текст этот тоже не целостен, в нём присутствуют плохо увязанные с основным текстом вставки. Ведущей мыслью является изложение психологического учения в целях практической Йоги. К вставочным эпизодам относятся: а) полемика с буддистами (спор брамина с яти, гл. 28); б) эпизод о Парашураме (браминский вариант легенды, гл. 30); в) рассуждение Амбариши; г) испытание Джанаки Дхармой и д) формула брамина о единой задаче во всех стадиях жизни (гл. 31—33). Все это по существу — вариации на тему о практике отрешения. Главы 20—23 — теоретическое вступление к основному йогическому тексту (24—27), относящемуся к ранней Санкхье, когда теория гун была ещё слабо разработана, а теория пран оставалась в силе. В смысле направления это вишнудитский текст и, следовательно, кшатрийский, на фоне которого особенно резко выдаются браминские вставки. Спор жреца-брамина с отшельником сомнительного типа, яти, ясно направлен против буддизма. Он вполне аналогичен эпизодам, встречающимся в сутрах раннего Буддизма, но, разумеется, с противоположным исходом диалога: в буддийских текстах брамины отдаются под покровительство Будды, а здесь посрамлённым оказывается яти.

Легенда о Парашураме, данная в III книге в вишнудитском (кшатрийском) варианте с победой Рамы и поражением Парашурамы, в "Анугите" дана в браминском варианте. Рама — слишком яркая и популярная фигура, чтобы представить его побеждённым, а поэтому в данном варианте его заменяет неизвестный Аларка, которого неопасно проучить. Кшатрии представлены трусливыми вырожденцами, загнанными в горы и утратившими своё кастовое достоинство. Свирепость Парашурамы останавливают сами брамины в лице предков Парашурамы, которые весьма резонно указывают, что полное уничтожение кшатриев невыгодно для самих же браминов, но браминам следует держать их в руках и пользоваться их богатствами. Конец текста особенно плохо отредактирован и сбивчив, что отмечено в соответствующих примечаниях.

Третий раздел — "Беседа ученика и учителя" — начинается с гл. 35; это наиболее систематическое изложение уже хорошо сложившегося учения Санкхьи, где учение о пранах вытесняется учением о гунах, на котором основана вся система. Оно весьма обстоятельно изложено в четырёх гл. (36—39). Учение о 25 таттвах (гл. 40—43) передано вполне в духе

теистической Санкхьи, очень полно и систематично. Гл. 44 не более как вариант гл. 43. Главы 45—48 посвящены учению о периодах жизни как ступенях достижения Освобождения. В первой главе текста (гл. 35) дан общий обзор системы в теистическом духе, разбирается отношение личности к Вселенской Душе и Освобождение понимается как преодоление гун путём накопления саттвы. В этом отношении важны последние гл. 50—51, излагающие отношение саттвы и Пуруши и смысл достижения Брахмо.

Резюмируя, можно сказать, что "Беседа ученика и учителя" относится к поздним эпическим текстам периода окончания формирования системы Санкхья, которая, хотя и остаётся ещё теистической, уже выработала все основы для перехода к своей атеистической форме. Развита и вполне обоснованная система ступеней жизни (ашрама) в духе "Законов Ману" тоже говорит о более поздней датировке текста.

Философские тексты "Махабхараты" нельзя подвести под схему какой-либо определённой системы. В этих текстах постоянно встречаются термины "Санкхья", "Йога", "Веданта", но значение их не то, какое в них стали вкладывать несколько столетий позже, как наименования определённых философских систем. В "Махабхарате" эти слова скорее надо понимать в их общем, первичном значении, нежели как специальные, узкие термины.

Время "Махабхараты"— время бурного развития философской мысли, время напряжённых исканий, а не схоластической обработки духовных ценностей, добытых творческим усилием тех немногих, кого в Индии так выразительно именуют "махатма". Упанишады всесторонне развивали идею монизма в свете онтологической дилеммы: бытие — бывание. Вопрос можно было бы сформулировать так: каким образом безусловное, а потому и простое, неделимое и покоящееся Бытие-Сознание может проявляться как относительное, сложное, а потому делимое и преходящее бывание? Уже к концу периода Упанишад в поздних Упанишадах (Шветашватара Упанишада) начаты поиски формулировки основного гносеологического вопроса об отношении причины к своему следствию. Если первый вопрос возможно решить методом интуиции (в самом широком смысле), то второй вопрос требует дискурсивного метода, метода борьбы "за" и "против"; по-санскритски этот метод называется "санкхья". Он возник в среде кшатриев, второго активного слоя тогдашнего общества, и породил три великих течения в недрах этой касты: Буддизм, Джайнизм и собственно Санкхью. Все три течения опирались на великие открытия Упанишад. Буддизм был самым крайним течением. Отвергая догматизм в культовом смысле, он отказался и от догматической онтологии и т.о. пришёл к атеизму и акосмизму. Как рационалистическая система Буддизм изощрённо развил логику, что блестяще показал Ф. И. Шербатской. Будучи глубоко пессимистичным, Буддизм понимал Йогу как праксис, дающий возможность пройти "средним путём" самообуздания и самовоспитания к полной отрешённости от иллюзий бывания. Но основной момент, делающий Буддизм совершенно непримлемым для брахманизма,— это его отрицание кастового строя, вызвавшее смертельную борьбу между Брахманизмом и Буддизмом. Она закончилась практическим уничтожением Буддизма в Индии (ср. описание этой борьбы в эсхатологических главах "Беседы Маркандеи"). Последние остатки Буддизма Брахманизм ассимилировал обычным в таких случаях приёмом: он объявил Гаутаму-Будду воплощением Вишну, но это совершилось настолько поздно, что в перечень воплощений Вишну, принятый "Махабхаратой", оно не вошло.

Джайнизм, как и Буддизм, нигилистичен и пессимистичен, но он развил больше не рационалистическую сторону, не теорию, а праксис, Йогу, в которой он не следовал "среднему пути" буддистов, а сохранил все крайности традиционной брахманической аскезы, и даже пошёл дальше, узаконив самоубийство после 12 лет бесплодной аскезы. Но Джайнизм в отличие от Буддизма сделал уступку Брахманизму по социальной линии, сохранив, хотя

и условно, кастовую систему, почему Брахманизм и относился к нему терпимо.

Рационалистическое течение, оформившееся позже в особую философскую систему Санкхья, как и предыдущие два, вышло из среды кшатриев; оно долго замалчивалось, так как не отделилось от Брахманизма, подобно Буддизму и Джайнизм, которые развивались самостоятельно. Процесс развития этой системы позволяет изучить философские тексты "Махабхараты", продолжающие традицию Упанишад.

Монизм Упанишад, часто объединяемых под названием "Окончание Вед", Веданта, во время эпоса понимался как относительный или "монизм с различением", ярким памятником которого является "Бхагавадгита". Это первое из двух основных русел философской мысли "Махабхараты".

Второе течение — дуалистическое, и даже плюралистическое, Санкхья (в узком смысле слова).

Следует различать раннюю и позднюю школы Санкхьи. Ранняя Санкхья, Санкхья Махабхараты, не вполне порвала с монизмом, и её колебания между относительным монизмом и дуализмом многообразно отражены в философских текстах Махабхараты. Если Гита является примером позиции, наиболее близкой к монизму, то Анугита, в особенности третий её текст, служит ярким примером наиболее дуалистической точки зрения, от которой остаётся только один шаг к поздней, строго дуалистической Санкхье. Наиболее ранним памятником этой Санкхьи ещё недавно, до работ Дасгупты, считалась Санкхья-Карика Ишваракришны.

Как и все традиционные философские системы Индии, Санкхья исходит из понятия Атмана как абсолютного субъекта, но, в отличие от всех монистических систем, противопоставляет ему Пракрити, как абсолютный объект. Оба они — безначальны; так отрицается творчество в каком бы ни было смысле. Атман, в системе Санкхьи чаще называемый Пуруша (горожанин) или кшетраджа (знающий поле), даже не деминуг, ибо он не принимает участия в строительстве мира, а только является свидетелем (сакши) его разворачивания (правритти) или сворачивания (нивритти).

Термин "Пуруша" принято переводить как "Дух", что весьма условно: такой перевод требует большой осторожности и строгого учёта контекста. И филологически, и по смыслу слово "Дух" скорее соответствует санскритскому слову "Прана", особенно в Упанишадах, где это слово является почти синонимичным терминам "Брахмо" и "Атман" (ср. Каушитаки, Чхандогья, Майтри Упанишад). Этот, казалось бы, чисто формальный момент очень важно выяснить. Дело не в филологических тонкостях, а в самой сущности мысли: едва заметная щель чем дальше, тем больше расширяется и становится непроходимой пропастью. Упанишад учат о непосредственном участии Атмана, как Праны, в процессе жизни. Для Санкхьи же Пуруша есть лишь пассивный созерцатель жизни (здесь под Санкхьей понимается поздняя классическая Санкхья). Пуруша не есть Бытие-Знание-Блаженство, как определяют Атмана поздние вишнуитские Упанишад (Нрисинхатапанья, Раматапанья). Следуя традиции Брихадараньяка Упанишад (IX, 5, 15), Санкхья отрицает сознательность Пуруши как такового, отрешённого от Пракрити: Пуруша сознателен лишь постольку, поскольку его свет отражается от высших слоев Пракрити, в первую очередь от Буддхи. Но без Пуруши Буддхи также лишена сознания; т.е., сознание не субстанционально, а есть функция Пракрити, оно есть лишь ответ Пуруши в Пракрити, их слияния Санкхья не признает. Отсюда — дуализм.

Как и все индийские философские школы, Санкхья ставит своей конечной целью Освобождение. Теория строится с практической целью применения её для достижения этой конечной цели. Способ применения, праксис, есть Йога. В первую очередь нужно знать и понимать Пракрити, чтобы уметь от неё освободиться. Т.е., ход рассуждения Санкхьи и Буддизма один и тот же. Как Буддизм начинает своё изложение с четырёх истин, без знания

которых невозможно освободиться, так и Санкхья начинает изложение с теории Праkritи.

Праkritи есть материя, ткань (прадхана, основа ткани), как прадхана есть "непроявленная природа — авьякта Праkritи". Оба термина — "прадхана" и "авьякта праkritи" — почти равноправны в ранней Санкхье, как в этом можно убедиться по текстам, переведённым в этой серии.

Выражаясь языком школы, "уток" ткани, её основные энергетические свойства находятся в спокойном, или "растворённом" состоянии (прадая). Это — "нити" (гуны) утка, и поскольку они "нити", они материальны. Т.е., школа не ставит грани между материей и энергией. Гуны как материя — нити, как энергия качества. Их в полном согласии с законом диалектики — три.¹ Это энергетические проявления движения, инерции и равновесия. Дасгупта считает, что первичное философское значение слова "гуна" значит "качество" (первичное же филологическое значение — "нить", "волокно"). Итак, субстанциональность гун, на которой настаивает поздняя Санкхья, философски есть понятие вторичное, что необходимо иметь в виду для уяснения себе хода развития школы Санкхьи. Ни прадхана (авьякти Праkritи), ни гуны не суть еще вещество: субстанциональность их в пралае потенциальна, как потенциальна субстанциональность энергии. Лишь деятельность гун (утка) на основе материальности (прадхана) осуществляются материя, вещество, вещь (дравья).

Праkritи первично понималась как энергия, как материальность, потенция материи, но ещё не сама материя; это отражено в мифологическом представлении: женский полюс божественных пар (сизигий), "жёны богов": Парвати — Шивы, Лакишми — Вишну, так прямо и называются шакти, т.е. "сила", "энергия". Такая концепция нашла себе совершенное выражение в Тантрах, дающих диалектическое преодоление классической Санкхьи. Естественно, что в ранней Санкхье, т.е. в эпоху разворачивания более раннего этапа диалектического становления, положения сформулированы гораздо менее чётко, но зато несут в себе больше потенциальной энергии, как цветок несут её больше, чем плод.

Праkritи уплотняется в материю (дхату), вещество, вещь (дравья) в силу диалектического перехода кинетической энергии (раджас) в потенциальную (тамас). Материя, будучи по существу единой, т.е. гомогенной, становится множественной (дифференцированной) в силу усложнения качеств (видов энергии), её "тонких сутей", веществ (танматра). В силу дифференциации энергии на различные её виды (качества), тонкие сути (танматра) превращаются в грубые вещества (махабхута) и основные жидкости (дхату).² Это и есть таттвы, сути, из которых строится здание проявленного, или, пользуясь языком школы, узоры материи. Дасгупта указывает, что по мере систематизации Санкхьи термину "гуна" придавалось всё более и более вещественное значение, так что уже комментатор Йога Сутр, Бхикшу, ставит знак равенства между терминами "гуна" и "дравья". Как диалектическое единство, гуны неотделимы одна от другой, и весь процесс миропроявления, как физический, так и психический, обусловлен тем же "вращением гун", т.е. принципиально един.

То, что физически есть соразмерность, уравновешенность, а потому и свет, психически есть разумность, озарённость, благодать, умиротворённость. Это саттва.

*1 Т.е., основные законы диалектики впервые сформулированы не эллинской и не эллинистической философией, а тем менее немецкой философией XVIII—начала XIX в., но индийской, особенно школой Санкхьи.

*2 На основе этой концепции построена эллинистическая теория медицины, откуда её усвоил Ибн-Сина.

То, что физически есть движение, психически есть страсть, желание. Это раджас.

То, что физически есть тьма, плотность, тяжесть, то психически есть тупость, сонливость, злоба. Это тамас. Между сознанием и материей нет принципиального различия: психика материальна, материя же потенциально сознательна, всё зависит от соотношения гун в данном явлении. У психического нет преимущества перед материальным, но нет и обратного отношения, так как и то и другое обусловлено "вращением гун". Психическое и материальное есть лишь различные точки зрения на один и единственный процесс миропроявления. Без учёта этого положения могут быть существенные недопонимания текстов.

Гуны неотделимы одна от другой, и только их целостное диалектическое развитие может обеспечить миропроявление. Иначе говоря, всё проявленное обусловлено единством трёх гун и всё разнообразие миропроявления зависит от взаимоотношения этих трёх диалектических моментов, которые, как таковые, являются причиной, а как сочетание — следствием. Т.о., весь причинно-следственный ряд целиком материален, и нет надобности предполагать, и даже нельзя себе представить первопричину как нечто внеположное гунам. Так мы подошли к самому нерву системы: вопросу о сущности причинно-следственного ряда. Индийская философия придавала огромное значение исследованию отношения причины и следствия. Дискуссии по этому вопросу велись, можно сказать, веками, так как на его основе строилась одна из коренных тем размышлений индийских мудрецов — учение о карме, одно из учений, общих для всей индийской философии в целом, как подчёркивает Дасгупта. Т.о., к вопросу, казалось бы "чисто теоретическому", индийская философия подошла с этической стороны, ибо для неё не существует "чистой теории". "Скажи лишь то, чем я достигну блага" — так в "Бхагавадгите" формулирует Арджуна весь пафос индийской философии.

Индийская философия рано выработала понятие о причине материальной и причине осуществляющей (*causa materialis et causa efficiens*). Различные школы по-разному решали вопрос о взаимоотношении и смысле этих причин, как различно решался он и на Западе. Школа Санкхьи придерживалась реалистического толкования. Значит, она принимала, что материальная причина остаётся существовать в следствии. Классический пример индийской логики: глина как материальная причина продолжает существовать в горшке, хотя и в изменённом виде под воздействием горшечника (причина действующая). Т.о., гуны, как причина материальная, остаются существовать во всех видоизменениях, как в следствиях. Воздействующей причиной является нарушение их равновесия, происходящее внутри них самих. Отсюда прямой вывод: весь процесс миропроявления целиком материален и не может иметь никакой внеположной причины, ни материальной, ни действующей. Следовательно, абсолютный субъект, Атман, не может быть причиной мира и, значит, внеположен ему. Так Санкхья приходит к дуализму. Вся суть Освобождения заключается в понимании, а значит, и в осуществлении этого положения: индийская философия признаёт только то знание (джнана) истинным, которое приводит к осуществлению (виджняна) познанного, этим перенося проблему ценности целиком в этику.

Атман отделим от причинно-следственного ряда потому, что в действительности он никогда в нём не стоял и не стоит. Пуруша есть только "свидетель" мирового процесса, познающий поле, а значит, стоящий вне поля. Причинно-следственный ряд целиком — область гун и заключается во вращении гун в гунах (Гита).

Состояние уравниновесности, нейтрализации гун не является их уничтожением, но только переходом из актуального состояния в потенциальное или, говоря языком индийской философии, из состояния проявленного (вьякта) в состояние непроявленное (авьякта). Это и есть пралайя,

растворение. Пралай и проявление сменяют друг друга с закономерностью смены дня и ночи. Но в смене форм основа (прадхана, авьякта, Праkritи) остаётся вечной. Пуруша и Праkritи безначальны, говорит Гита. Состояние проявленного по самой своей сути неустойчиво, т.е. между проявленным и преходящим стоит знак тождества, отчего мир и называется "джагат"— преходящее. Но в таком случае о проявленном, как и о прадхане, нельзя сказать, что это есть Бытие. Так мысль подходит к проблеме онтологии. Разные школы традиционной индийской философии решают эту проблему различно. На двух крайних точках стоят школы Веданты и Санкхьи. Веданта (школа Шанкары — VIII в. н.э.) отрицает реальность проявленного, ибо, как и Санкхья, отрицает возможность реального общения безусловного и относительного. Для Шанкары проблемой является не Абсолют, Атман, который принимается как непосредственная данность, но относительное, Природа, обосновать которую, с точки зрения школы, нельзя, так как нельзя объяснить, каким образом Атман, чистое и безусловное знание, может впадать в иллюзию "неведенья". Но в такой тупик индийская философская мысль зашла относительно поздно, в VIII в. н.э., когда она уже насчитывала около 1000 лет существования. Идея Майи, как мировой иллюзии, встречается в поздних Упанишадах. Дейссен считает, что впервые слово "Майя" как иллюзия в применении к Праkritи встречается в Шветашватара Упанишаде. Это одно говорит против правильности отождествления философии Упанишад с Ведантой как философской школой, хотя такое отождествление широко распространено не только на Западе, но и в самой Индии, где школа Шанкары и до сих пор считается если не единственной, то, во всяком случае, безусловно авторитетной в толковании учения Упанишад.

Школа Санкхьи, принимая реалистическое толкование причинно-следственного ряда, должна была прийти к противоположному выводу: она должна была принять реальность Праkritи, т.е. отказаться от монизма, так как отказаться от идеи абсолютного субъекта, Атмана, значило рвать со всей традицией Упанишад. Отказ от монизма Упанишад мог произойти не сразу; переход к дуализму, а от него к плюрализму совершался через промежуточные звенья. Самым существенным звеном являлась пресловутая "двадцать пятая таттва", Мировая Душа, как принцип, объединяющий индивидуальные души. В системе Санкхьи, по сути своей дуалистической, этот принцип оказался в таком же неустойчивом положении, как в системе Лейбница принцип "мировой гармонии" и идея "верховой Монады". То же внутреннее противоречие привело обе системы, имеющие много общего, к атеистическому плюрализму: внутренней логикой систем вопреки эмоциональной направленности их творцов. Если "монады не имеют окон для общения с миром других монад", как утверждает Лейбниц, то "принцип предустановленной гармонии" неизбежно выбрасывается самой системой. Если Пуруша, Джива, есть внеположный природе "свидетель" процесса миропроявления, то полностью отпадает надобность в объединении всех пурушей, джив, одним "Великим (Махат) сознанием". Так двадцать пятая таттва выпадает из системы, которая из дуалистической становится плюралистической и из теистической — атеистической.

Буддизм, анализируя причинно-следственный ряд, делал акцент на "исполняющей причине" (causa efficiens), идея материальной причины всё более ступенькалась, и через учение о моментальности дхарм Буддизм пришёл к акосмизму. Наставая на примате материальной причины, Санкхья пришла к идее материальности гун, а отсюда к реализму.

Первичное значение слова "гуна"—"волокно"—было удобно для выражения идеи непрерывности и материальности причинно-следственного ряда. Как нить утка, не прерываясь, переплетается с основой (прадхана) и образует узор ткани, так и причинно-следственный ряд гун, не прерываясь, образует многообразие мира; как нити сплетаются между собой, так и гуны, сплетаясь, образуют "кратность" вещей (в санскритском слово "гуна" на конце сложного

слова в сочетании с числительным выражает кратность, например, "двигуна" значит "двукратно"). Эта кратность обуславливает "качественность" гун.

Итак, в поздней Санкхье термин "гуна" понимался как первичная субстанциональнокачественная (энергетическая) нить, как уток, расщепляющий основу Природы (прадханы), осуществляющий разнообразие узора её необъятной, но единой ткани. Всё разнообразие проявленного есть лишь неустойчивая форма единой и остающейся неизменной в обоих проявлениях (паринама) материи ("глины"), преобразования которой обусловлены деятельностью гун ("горшечника").

Как бы ни разнообразны казались проявления, по сути они одно и различаются лишь своей "кратностью" или "качеством", т.е. комбинацией единых в своей трояственности гун: саттва, раджа и тамас. Уток всегда един, но переливы ткани зависят от взаимоотношения трёх его волокон.

Сперва эти волокна очень тонки и образуют почти прозрачную, светлую ткань, так как в ней преобладают светлые волокна саттвы, но постепенно ткань становится плотнее, грубее и темнее, так как "кратность" волокон увеличивается, усугубляются "качества" и нарастает всё больше тёмных волокон (тамас), всё меньше становится светлых (саттва). Так возможны бесчисленные оттенки, отсветы, но мысль отмечает лишь некоторые основные "кратности", "кванты", обуславливающие переход количества в качество. Ступени, образованные "кратностями", называются "таттва" (сути). Границы между таттвами условны, поскольку переходимы в обоих направлениях: от более тонких таттв (сутей) к более плотным и обратно. Так осуществляется процесс разворачивания (павритти) и сворачивания (нивритти) — вечные приливы и отливы переходящего мира. Это — круговорот (чакра) потока жизни (самсары; сар — течь). Число таттв и даже порядок первых таттв не установлены прочно, и в текстах встречаются разные варианты перечисления. Ранняя Санкхья насчитывает 26 или 25 таттв, поздняя — 24. Так как Пуруша выделяется как особая таттва, то число таттв в Праkritи на единицу меньше.

В Праkritи первой таттвой обычно считается Буддхи — чистая, прозрачная, преисполненная светом саттвы, как синее Небо — светом Солнца. Реже за первую таттву принимается манас (ср. Анугита, гл. 34), но в поздней Санкхье такая перестановка недопустима.

Буддхи можно понимать в широком смысле — как мировой разум и в более узком смысле — как индивидуальный разум. В первом случае Буддхи носит особое название — Махан — Великий, Душа Мира или Ишвара, Владыка. Это и есть лишняя таттва, которая соответствует лейбницеской высшей, объединяющей монаде. Санкхья, признающая эту таттву, называется теистической (сешвара Санкхья); Санкхья, не признающая этой таттвы, называется атеистической (ниришвара Санкхья). Изложенное показывает, что перевод этих санскритских терминов на термины европейской философии неадекватен, так как и та и другая Санкхья признают категорию духа, Пуруши; с другой стороны, "теистическая" Санкхья относит таттву Махан Атма к системе Природы.

Сама по себе Буддхи не сознательна, как не сознателен сам по себе Пуруша. Сознание возникает от озарения Буддхи Пурушей ("как Солнце озаряет мир, та же знающий поле озаряет поле" — метафора, часто встречающаяся в текстах "Махабхараты"). Теория о сообщении сознания несознательной по существу Праkritи — одна из уязвимых точек Санкхьи, особенно в поздней. Поздняя Санкхья решительно отрицает связь Пуруши с Праkritи в категориях времени и пространства и вынуждена принять какую-то вневременную и внепространственную связь, нечто вроде "предустановленной (кем?) гармонии". После уязвимой точки дело идёт, как обычно в хорошо продуманных философских системах, более или менее гладко, раз принята "точка опоры" Архимеда или, выражаясь санскритским термином, "марана" системы, та её точка, разрушение которой разрушает и саму систему.

Отрицая сознание Пуруши, Санкхья не противоречит Упанишадям, ибо там есть тексты, отрицающие сознание абсолютного субъекта, Атмана (ср. Брихадараньяка Упанишад, 1, 5, 15).

Из сознания путём прибавления нового качества, которое европейская философия называет рефлексией, возникает "Основа личности", обособления — аханкара (букв. делающий "я"). Так возникает разделение на "я" и "не-я" и познание первым второго. Вырабатывается способность усвоения, осмысления и переживания воздействий "не-я". Как познавательная функция это — рассудок, как эмоциональная — "сердце" (в психологическом, но не в анатомическом смысле). Эти три "сути, таттвы" (Буддхи, аханкара и манас) есть "внутренняя причина", обуславливающая психическую функцию в целом. Так понимает термин "антахкарана" Dahlmann; думается он более прав, чем те исследователи (например, Дейссен), которые ставят знак расхождения между антахкарана и манасом. Такое дублирование терминов не оправдано. Из аханкара (или, по Йоге, из Буддхи), как от принципа обособления, выделяется, с одной стороны, манас как орган субъекта; с другой — "тонкие сути" (танматра) как потенция "грубых сутей", соответствующих стихиям эллинистической философии, но то, что называется там квинтэссенцией четырёх элементов, в системе Санкхья рассматривается как особый элемент, акаша, приблизительно соответствующий эфиру греков. Таким образом, по аналогии с "внутренней причиной", "тонкие сути", танматра можно было бы назвать "внешней причиной". Это — пространственность, воздушность, огненность, текучесть и твёрдость как потенции пространства (акаша), воздуха, огня, воды и земли, т.е. "грубых элементов", махабхутов. И здесь сохраняется тот же принцип "кратности" или "валентности", ибо каждый последующий элемент отличается от предыдущего новой "валентностью" или "качеством". Так, "валентность", свойство пространства одно; звук воздуха — два: звук и касание и т.д. Эти "свойства" определяются по органам чувств: слух, осязание, зрение, вкус, обоняние. Т.о., земля как последний элемент определяется всеми пятью валентностями: звуком, касанием, зримостью, вкусом и запахом. Из этих пяти элементов строятся все вещи Природы (дравья) и, в частности, "основные жидкости тела", дхату, о которых говорит Анугита. Их тоже насчитывается 5, иногда больше — 7, 10. Так определяется "не-я".

"Я", спускаясь по ступеням: Буддхи — аханкара-манас, привлекает из Природы (материи) чувства (ср. Гита, XV, 7). Таким образом, чувства, извлечённые из элементов, в точности им соответствуют: слух — пространству, осязание — воздуху и т.д. Манас сосредоточивает в себе две пятерки органов связи с внешним, по-санскритски называемых "индрии": пять воспринимающих индрий (пять чувств) и пять "действующих". Эти действующие индрии менее, чем воспринимающие, соответствуют нашим физиологическим представлениям о центральных связях, но в принципе схема деятельности нервной системы дана совершенно точно: центростремительная дуга (чувствующие индрии), центральная часть, распределяющая, упорядочивающая и осмысливающая получаемые извне импульсы (манас), и центробежная часть, действующие или выполняющие индрии. Все это в точности соответствует схеме рефлекса современной физиологии. Что касается сущности восприятия, то система Санкхья как реалистическая учит, что чувства действительно воспринимают нечто от предмета, получают от него энергию, тонкое вещество, которым они питаются, как королева травой, поэтому предметы Я называются "пастбищем чувств" (гочара). Так образуется круг, замкнутый сверху на аханкара, а внизу — связью махабхутов и индрий. Отсюда закон, так блестяще сформулированный Анугитой (спор манаса с чувствами): *в манасе нет и не может быть ничего, что не было бы добыто чувствами.*

Материя едина, это основа, "прадхана"; её изменения происходят в обоих направлениях по принципу "валентности", или накопления и отдачи свойств

по закону причинно-следственного ряда, жидущегося на единстве энергоматерии гун, "вращающихся" по диалектической схеме тезис—антитезис—синтез. Нет противопоставления материи и энергии, нет противопоставления бытия и сознания; бытие в силу своего бытия (правритти) становится сознанием. В силу единства, целостности Пракрити в манасе нет и не может быть ничего недоставленного ему чувствами, но, с другой стороны, в природе нет и не может быть ничего, что не развилось бы из Буддхи. Итак, перечисляя от более плотного к более тонкому, Санкхья различает следующие таттвы: а) пять грубых (махабхута), б) пять тонких сует (танматра), в) десять индрий, г) манас, д) аханкара, е) Буддхи — всего 23 таттвы Природы + Пуруша = 24. Это — исчисление атеистической Санкхьи. Теистическая Санкхья (ранняя, эпическая) признаёт над Буддхи ещё одну таттву — Пракрити Махан, Махан Атма, Вселенскую Душу. Т.о., насчитывается 25 таттв. Эти обе Санкхьи по существу плюралистичны, так как они признают множество отдельных Пуруш, но если принять, что пуруши являются лишь гранью одного абсолютного субъекта, Атмана, то таттв оказывается 26 и две из них относятся к Атману, остальные — к Пракрити; так в конечном счёте получается дуалистическая система. Эти три вида Санкхьи изложены в Мокшадхарме (XII, 318).

Ранняя Санкхья, ещё не порвавшая с монизмом Упанишад, излагается в философских текстах Махабхараты, в частности к ней относятся "Беседа Маркандеи" и Анугита. Ещё недавно Санкхья-Карика Ишваракришны (конец II—начала III в. н.э.) считалась наиболее ранним текстом поздней Санкхьи, но Дасгупта нашёл текст Санкхьи, принадлежащий Чараке, уже носящий все характерные черты поздней Санкхьи. Дасгупта относит его к середине I в. н.э. Т.о., если даже окончательное формирование Санкхьи отодвигается на 1,5—2 столетия раньше, то все же между зарождением этой школы и полным её оформлением прошло не менее 5 веков, принимая, что первые черты Санкхьи уже намечены в Шветашватара Упанишаде. Изучаемые памятники относятся к периоду созидания школы, и поэтому нет ничего удивительного, что в них мы встречаем разные варианты системы, иногда даже стоящие в противоречивом отношении друг к другу. В вып. V был помещён наиболее крупный сб. философских текстов — "Основа Освобождения" — Мокшадхарма (из кн. XII Махабхараты). После ознакомления с ним возможен и нужен более полный разбор. Он тем более нужен, что комментарии к Бхагavadгите предназначаются для читателя, достаточно хорошо знакомого с основами древнеиндийской философии. Уже беглый взгляд на тексты, помещённые в данном выпуске, убеждает, что целый ряд важных вопросов или вовсе не затронут в настоящем очерке, или затронут лишь слегка. Сделано это потому, что данный обзор стремится выявить с полной чёткостью сформировавшийся костяк системы.

Владея схемой, читатель сам может проследить разнообразные пути развития индийской мысли в разбираемую эпоху и степени её отклонений от намеченных основных направлений. Однако одного вопроса, оставленного в стороне, совершенно необходимо коснуться, ибо отношение к нему каждого из данных текстов может служить критерием, насколько данный текст сохранил монистическую установку Упанишад. Это вопрос о Пране и пранах. В период создания философских текстов Махабхараты (первая половина I тыс. до н.э.) вопрос этот ещё продолжал интересовать мыслителей, особенно йогического направления, но постепенно, по мере развития Санкхьи, интерес к нему гаснет, так как в зрелой системе Санкхья ему нет места, и понятие о пранах туда можно втиснуть лишь насильственно. Очень показательны в этом отношении тексты Анугиты. Пранам уделяется достаточное внимание первым текстом, близким к буддийской Йоге, и вторым текстом, явно более ранним и менее отработанным в смысле Санкхьи, тогда как третий текст, уже очень хорошо отработанный в этом отношении, систематично излагающий почти зрелое учение Санкхьи, оставляет вовсе без рассмотрения

учение о пранах. И в самом деле, зрелой Санкхье с пранами нечего делать, так как это понятие совсем иных систем. В Санкхья-Карике лишь вскользь говорится о том, что деятельность манаса и индрий осуществляется как особые токи или дыхания (Прана); современная физиология сказала бы — как центростремительные и центробежные нервные токи. В Йоге, построенной на системе Санкхья (Йога Сутры Патанджали), пранам отводится осуществление жизненных, выражаясь языком физиологии, вегетативных функций (регуляции дыхания, кровонаполнения и пр.). Но в Упанишадах учение о Пране было совсем иным. Дасгупта указывает, что уже в Ведах Прана отождествлялась с Брахмо, как высшим принципом. Айтарея Аравьяка рассматривает Прану как творческое слово Вед (Ом). Древние Упанишады отводят Пране ведущую роль. Так, Каушитака отождествляет Прану с Брахмо; Чкандогья принимает Прану как символ Брахмо; Гита (VIII, 10—13) принимает Прану как жизненный принцип, сливающийся с Творческим Словом (ср. кн. Берейшит "Ruach Elohim", иоанновское учение о Логосе и "Logoi spermatikoi" Филона).

Совершенно ясно, что такое значение Праны неприемлемо для школы Санкхья. Вот почему вопрос о Пране является таким показательным. Уже одно то, что Гита принимает Прану в духе Упанишад, оправдывает традицию наименования этого памятника Упанишадой (по духу, а не по форме) и не позволяет отнести его к школе Санкхья, как это делают многие исследователи только на том основании, что в Гите многократно употребляется это слово. Прав Дейссен, приписывающий для Гиты слово "санкхья" в значении "рассуждение", а не в значении специального термина. Наоборот — Йога, основанная на системе Санкхья, хотя бы она и признавала, как "Йогасутры", пресловутый 25-й принцип, есть атеистическая Йога вопреки традиции, именующей Йогу Патанджали "теистической". Йога Патанджали по духу близка не Гите, как полагают некоторые исследователи, а буддийской и джайнской Йоге, ибо цель этих Йог не единение, а отрыв, изоляция (кайвалья). Все три школы (ранняя и поздняя Санкхья, Йога) исходят из глубочайшего пессимизма, тогда как Гита утверждает любовь к жизни (бхакти).

Из переведённых в этой серии памятников Гита есть типичный и ярчайший памятник развития философии Упанишад по пути "относительного монизма", Аяугита — по пути дуализма. Первое направление ведёт к Рамануджи, Чайтанье, Альвараму. Второе направление получило своё завершение в поздней Санкхье.

ГЛАВА XVI

Джанамеджая сказал:

1. Когда, убив врагов*, во дворце проживали оба махатмы, Кешава и Арджуна, какую они вели беседу, дважды рождённый?

Вайшампаяна сказал:

2. Достигнув безусловной власти, сын Притхи с Кришной Радостно проживал в тех дивных чертогах.
3. Царь, в один из отделов дворца, обители райской подобный, Веселые, как-то они пришли, в окружение придворных.
4. И, проходя с Кешавой, сын Панду, Арджуна, Любуясь приятным чертогом, такое слово молвил:
5. -Когда возникала битва, мне, долгорукий, явлено было Величие духа, о сын Дэваки, и твой божественный образ,
6. Но возвешенное прежде тобой, владыка, по дружбе, Кешава, Всё это, тигр-человек, я утратил, рассеявшись мыслью.
7. К этим предметам меня любознательность снова и снова приводит, Ты же, владыка, скоро в Двараку отбудешь, Кешава.

Вайшампаяна сказал:

8. На эту речь Пхальгуны пресветлый Кришна Ответствовал слово со вздохом, лучший из говорящих,

Сын Васудэвы сказал:

9. Я тайну поведал, научил (тебя), Паргха, Вечной Основе* в ее собственном виде, о вечных мирах (поведал).
10. Но этого ты не воспринял, неразумный, к моему вящему огорчению, И повторённое ныне у тебя* в памяти не сохранится снова.
11. Конечно, тебе не хватает веры и мудрости Пандава, И я не могу в полноте вновь говорить с тобой, Джахананджая.
12. Та Основа (дхарма) была вполне пригодна для достижения обители Брахмо, Теперь же исчерпывающе ее изложить еще раз я не в силах.

13. Ведь о высшем Брахмо я говорил, причастный Йоге,
Но древнее расскажу я преданье об этом предмете;
14. Утвердясь в этом ученье, ты пойдешь по иной* дороге.
Внимай же всему, лучший из блюстителей долга,
что мне поведано было.
15. О покоритель врагов, некий брамин пришел из райского
мира,
Из мира Брамь; труднодоступного* мы почтили.
16. Что сказал он, тур-Бхарата, спрошенный нами,
(Обладающий) дивным познанием, то выслушай
не отвлекаясь, Партва.

Брамин сказал:

17. Основы Освобождения касается то, о чем ты
спросил меня, Кришна,
Заблуждение оно рассеивает, владыка, из сострадания
к живущим
18. Досконально я возведу тебе это, Мадхусудана;
Что скажу, внимательно слушай, Мадхава.
19. Некий певец, предающийся подвигу, праведный Кашьяпа,
Посетил некоего дважды рожденного, превзошедшего
законы,
20. Превзошедшего осуществление познания ученья
о приходе-уходе*,
Искушенного в целях и сущности мира, знавшего смысл
счастья-несчастья.
21. Сущность рожденья и смерти он ведал, зло и добро
постигнул,
Он прозревал высокий и низкий путь дел воплощенных;
22. Как освобожденный он странствовал, совершенный,
спокойный, сдержавший чувства,
Счастьем браминства сияя, куда бы он ни явился.
23. Кашьяпа постигнул, что тому незримый путь ведом,
Что он общается с незримыми совершенными,
державшими диски;
24. Наедине он сидит и беседует с ними,
Он ходит по воле, несвязанный, как ветер;
25. Тогда тот лучший дважды рожденный, мудрый, к нему
приблизился,
Приникнул к его стопам, напряженно жаждущий правды
подвижник.
26. На многочудесного взирая, он по обычаю
поклонился земно,
Того дивного брамина созерцая, был поражен Кашьяпа.

27. Учителя он ублажил великим служеньем,
Всё совершал сообразно обычаю и закону;
28. Почтением он его ублажал, какое учителю подобает,
врагов крушитель;
Поэтому, ублаженный, милостиво ученику он слово
молил;
29. К высшему совершенству стремясь, выслушай (его) от
меня, Джанардана.

Совершенный сказал:

30. Сынок, различные дела* (выполняя) или только следуя
чистой Йоге.
Смертные идут этим путем* иль в мире богов пребывают;
31. Но нигде не было высшего счастья постоянного состоянья
Великого, вечного, ибо от труднодостигнутого отпадение
бывало снова и снова.
32. Недобрых, тяжких я достигал путей из-за привычки
к злому;
Одолевали меня вождление, гнев, заблуждение, жажда;
33. Снова и снова смерть, снова и снова рожденье;
Яства различные я вкушал, сосал различные груди,
34. Матерей различных, также разных отцов я видел,
Разнообразные удовольствия и страдания, безупречный,
35. Много раз с любимыми разлуку*, с нелюбимыми общенье,
Испытывал и утрату богатств, и от богатств страданье,
36. От раджей, их челяди тяжкие унижения,
Злостные телесные и умственные болезни,
37. Испытывал страшное бесславие, мучительные убийства,
узы;
Ниспадая в преисподнюю, испытывал пытки в обители
Ямы,
38. Постоянные недуги, старость, бесчисленные неудачи;
Многое пережито мной в этом мире, что от
двойственности возникает.
39. Затем пресыщение как-то (настало) и к покровительству
Бестелесного* я прибегнул:
Сущность* мира покинул из-за многих тяжких страданий.
40. Продолжая существовать в этом мире,
я стал на такую дорогу;
И тогда, по милости Атмана, я здесь достиг совершенства.
41. Я не приду сюда снова до совершенства существ
Вселенной:
На миры я (только) взираю* с моей прекрасной дороги.

42. О лучший брамин, так я этого высшего совершенства
вполне достигну,
Отсюда же я пойду дальше, затем — запредельно далеко,
43. По неспроявленному пути Брахмо, пусть у тебя не будет
сомнения в этом;
Я сюда вновь не приду, в этот мир смертных, подвижных.
44. Я доволен тобою, многопознавший; скажи, что тебе
сделать?
Тому, чего желая ты прибыл, приспело время;
45. Одобряю то, ради чего ты ко мне явился;
Но вскоре я удалюсь, а потому тебя побуждаю.
46. Твоим обращением я премного доволен, разумный;
Расспрашивай о благе; то, чего ты ищешь, разъясню
досконально.
47. Я очень ценю твой разум, весьма его уважаю:
Ты мудр, раз ты меня пробудил, Кашьяпа.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XVI ГЛАВА*

ГЛАВА XVII

Сын Васудэвы сказал:

1. Тогда, обняв его ноги, весьма трудно разрешимые вопросы
Он стал задавать, и разъяснял их лучший из блюдущих
законы.

Кашьяпа сказал:

2. Как покидают тело, как его (вновь) получают,
Как от мучений самсары освобождается подлежащий
самсаре?
3. Как, освобождаясь от Пракрити, освобождается Атман
от тела
И, освобождаясь от тела, как принимает иное?
4. Как раздельно плоды хороших и плохих деяний
Человек вкушает и где дело развоплощенного пребывает?

Брамин сказал:

5. Как указанные вопросы разъяснил по порядку
Тот совершенный*, я передам; внимли, Варшнейя.
6. Если утверждающие жизнь и славу привычные деяния
Исчерпались полностью при пребывании в этом теле,

22. Который в пяти сутях и в восходящем и нисходящем
токе* пребывает,
Тогда этот ветер, развоплощая измученного человека,
вверх стремится
23. И покидает тело; так оно видимо бездыханным,
Без теплоты, без дыхания, без красоты, потерявшим
сознание.
24. Человек, полностью покинутый Брахмо*, мертвецом
зовётся.
Через течения* познает предметы чувств носитель тела,
25. Ими же он познает жизненные силы*, возникающие из
пищи.
А тот, кто там действует, в теле, есть вечный джива.
26. Далее, те узлы, что находятся (в теле),
соединяя то иль иное,
Знай, называются "марман", так учат Шастры.
27. Когда же эти "узловые связи" расторгнуты, возникающие
оттуда токи,
Тотчас вступая в сердце, препятствуют саттве.
28. Тогда существо, хоть и в сознание, но ничего познавать
не может:
Его познание заволочено тьмою, когда окутаны "узловые
связи".
29. Тот джива, лишенный пристанища, треплется ветром,
И тогда производит много ужасных, тяжелых вздохов.
30. Выступая, он сотрясает быстро бессознательное тело,
Затем покидает тело, окутанный своими делами:
31. За ним следуют и те и другие — хорошие, чистые, а
также злые.
Причастные знанию брамины, сообразно решению Шрути,
32. Того отличного, добродетельного прозревают по знакам:
Он, как светляк во мраке, то там, то здесь мелькает;
33. Зоркие его замечают, глазами знания обладая;
В таком виде совершенные прозревают божественными
очами дживу,
34. Покидающего (тело) и для рождения проникающего
в утробу,
Тройственное его состояние здесь видят знатоки Писаний.
35. Область деятельности — это земля, где существа
пребывают:
Затем все воплощённые за содеянное, хорошее или
дурное, получают.
36. Уже здесь по своим делам они достигают высокого или
низкого (положения);

- Совершившие недоброе здесь, в преисподнюю
отправляются за свои поступки.
37. Убийственна эта злая дорога, здесь потомков Ману
припекают;
Крайне трудно освободиться (оттуда), этого следует
очень беречься.
38. Восходя, существа в тех становищах пребывают,
О которых возвещают (Писанья), о них узнай от меня
досконально;
39. Выслушав, разумом стойким ты достоверно постигнешь:
Все звёздные образы, там, где диск луны (сияет),
40. Тот мир, что своим блеском озаряет диск солнца,
Знай, это область людей, чьи деяния чисты.
41. Когда же исчерпаются все (их) дела, они нисходят снова
и снова;
Однако и здесь различается высшее, среднее,
низшее небо;
42. Но и там нет полного удовлетворения от созерцанья
звезды сияющей счастья.
Так по отдельности разъяснены все эти дороги;
43. Затем я тебе расскажу о попадании в лоно.
Итак, внимательно слушай моё разъяснение.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XVII ГЛАВА*

ГЛАВА XVIII

Брамин сказал:

1. Ни хорошие, ни дурные дела здесь не гибнут;
Они созревают, последовательно еще и еще поля получая;
2. Как плодовое дерево много плодов производит,
Так много чистого создаёт чистое сердце.
3. Также и злое создаётся злым сердцем;
Ведь побуждённое Атманом дела совершает сердце
м (манас).
4. Как окутанный делом, окутанный вожделением, гневом
Человек попадает в утробу, дальше слушай:
5. Смешанное с кровью семя в полость женской утробы
входит;
Познавший дело получает поле, хорошее или дурное;
6. Но, вследствие тонкости непроявленного бытия, нигде
не прилипает*

- И, как брамин, достигнув желанного, (становится)
 поэтому вечным Брахмо.
7. Это всех существ семя, им все рожденные живы;
 Он, джива, во все члены зародыша по частям проникает;
 8. С помощью сознания он достигает и утверждается
 во всех становищах жизненных токов.
 Тогда начинает членами двигать зародыш, получив
 сознание.
 9. Как расплавленное льется железо и принимает образ
 отлива,
 Так проникает в зародыш джива, знай это;
 10. Как накаляет огонь, проникая в кусок железа,
 Знай, так попадает и джива в зародыш,
 11. И как озаряет комнату зажженный светильник,
 Так и тела озаряет сознание.
 12. Какие б ни совершал дела в прежних воплощениях,
 хорошие или дурные,
 (Плод) всех их невольно он вкусит.
 13. Когда же он те исчерпает, наслоятся другие,
 Пока с Освобождением сопряженный долг его
 не пробудит.
 14. Теперь сообщу тебе дело, которое порождает счастье,
 Развиваться око продолжает от рожденья к рождению,
 лучший:
 15. Щедрость, обеты, соблюдение послушничества и слов
 закона,
 Укрошённость, спокойствие, к существам состраданье,
 16. Самообладание, невреждение людям, чужих даров
 отклоненье*,
 Нанесенье страданья* всем существам на Земле,
 хотя бы мыслью,
 17. Матери, отцу послушанье, почитание богов и гостя,
 Почитание учителя, чистота, постоянное обузданье
 чувств, горячее состраданье,
 18. Следование благу — (всё это) называется поведением
 добрых.
 Так образуется дхарма — вечный путь поколений.
 19. Такое всегда у праведных можно видеть, твёрдо они
 стоят на этом;
 Их поведение являет долг, в котором умиротворенные
 пребывают;
 20. Им присуща деятельность, которая и есть та вечная
 дхарма.
 Кто этому следует, тот не пойдёт по дурной дороге.

21. Так покоряется мир, отклоняющийся от колес дхармы,
Но тот йогин, который Освобожденья достигнул,
отрешается от обоих*.
22. Тот благой, кто так или иначе следует колесу дхармы,
Будет извлечен из самсары, хотя б и через большое
время.
23. Так вот из-за ранее совершенных дел существа вращаются
постоянно;
И в этом вся причина, по которой они сюда приходят.
24. Но кто же изначально предустановил принятие тела?
Такое сомнение существует в мире; я разъясню
окончательно это.
25. Создав своё собственное тело, всех миров Предок,
Произвёл (из себя) всё подвижное и неподвижное Брама.
26. Так он произвёл, как основу, природу* и воплощённых.
Весь этот мир она заполняет; как высшее ее в этом
мире знают.
27. Это и есть то, что "преходящим" называют; непреходящее
же, бессмертное запредельно.
Связь тройственности (гун), с каждым особо,
28. И все существа произвёл Праджапати, явившийся
изначально,
Неподвижное* и существа — так учит древнее Шрути.
29. И Предок определил тому времени меру:
(Срок) обращения среди живущих и возвращения снова.
30. Об этом я, мудрец, в прежних Рождениях Атмана
зревший,
Возвешу тебе всё, как оно воистину происходит.
31. Кто видит, что совсем невечны счастье, несчастье,
Что тело есть непотребное нагроможденье, что оно от
дел зависит и бренно,
32. Кто (знает), что всякое счастье, а также несчастье
смертны,
Тот труднооборное, страшное море самсары пересекает.
33. Кто, окруженный старостью, смертью, болезнью, (их)
основу знает,
Кто в сознательных существах единое сознание видит,
34. Тот отвращается ото всего, странствуя выше и выше.
Это учение я разъясню досконально, лучший,
35. Вечного, непреходящего высшее знание
Внимай, певец, и от меня полностью его постигни.

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XVIII ГЛАВА

ГЛАВА XIX

Брамин сказал:

1. Кто держится одного пути, молчалив и замкнут,
ни о чём не помышляет,
Бывшее, прошлое отбросив, тот разрешает узы.
2. Друг всех существ, всем помощник, он предан покою,
преборол чувства,
Изжил страх и гордость, владеет собой: (такой) человек
свободен.
3. Кто все существа в себе видит, сдержанный, чистый,
Безгневный, без самомнения, тот вполне свободен;
4. Кто равен в жизни и в смерти, в счастье—несчастье,
В достижение и неудаче, в приятии и неприязни,
тот вполне свободен;
5. Такой ничего не желает, никого не презирает,
Без двойственности, победивший страсти, он вполне
свободен.
6. Без друзей*, без жены, без родных каких-либо,
Ради дхармы оставивший вожделенья, (угасивший)
желанья свободен.
7. Не придерживаясь ни хорошего, ни дурного, не глядя в
прошлое, всё покинув,
Истошив жидкости тела (дхату) и тем успокоясь,
покинувший двойственность свободен.
8. Бездействующий, лишенный желаний, пусть он взирает
на этот мир преходящий,
Который подобен ашваттхе, всегда подвержен рождению,
старости, смерти.
9. Бесстрастным разумом всегда учитывая свои пороки,
От своих уз он быстро освободиться сможет.
10. Неосязаемое, безмолвное, неуловимое, без запаха, вкуса,
Незримое, непознаваемое узрев, он себя освобождает.
11. Беспричинное, (лишь) относительно принявшее образ*,
лишенное свойств пяти сутей,
Без свойств, наслаждающееся свойствами кто видит, тот
свободен.
12. Все начинанья, телесные и умственные, отбросив,
Тихо принимает он нирвану*, как без дров огонь
(угасает).
13. Свободный ото всех отпечатков прошлого*, от
двойственности, привязанностей свободный,
Толпу чувств укротив упражненьем, странствует тот,
кто свободен.

14. Тогда, освобождаясь ото всех впечатлений прошлого, вечное
Брахмо*,
Высочайшее, умиротворенное, недвижимое, постоянное,
непреходящее он получает.
15. Теперь я разъясню непревосходимое, высшее учение Йоги,
И как приобщённые ему йогины совершенного Атмана*
созерцают.
16. Учение о нём я возведу досконально; это от меня
постигни,
Какими вратами входящий в себе созерцает Атмана
постоянно*.
17. Вобрав чувства, нужно в себе удерживать манас,
Сильно возогрев упражненье, сначала Йоге Освобожденья
нужно предаваться.
18. Постоянно преданный упражненьям, должен исполнять
писание Йоги,
Манасом в манасе*, вещей*, Атмана в себе созерцая.
19. Тот праведник (садху) может Атману приобщиться,
Так как, соблюдая единство, он себя в Атмане видит.
20. Постоянно собранный, преданный, обладающий Атманом,
победивший чувства,
Полностью себя обуздавший, через себя Атмана
созерцает.
21. Как во сне человек, увидев, "Вот он" восклицает,
Так и преданный, как бы* овладев образом Атмана,
прозревает.
22. Как, вытянув из тростника, можно рассматривать стебель,
Так созерцает Атмана йогин, из тела его извлекая.
23. Тростник — это тело, так поясняют, за Атмана стебель
сходит;
Это превосходное указанье возвещено знатоками Йоги*.
24. Когда, приобщась Атману, полностью (его) созерцает
носитель тела,
То нет никакого владыки* у него, будь то миров
повелитель.
25. В разные тела он произвольно вступает,
И, вращаясь средь старости, смерти, он не скорбит,
не ликует.
26. Даже божественности дэвов он, владыка, приобщиться
может.
Он принимает непреходящее Брахмо, покинув невечное
тело.
27. При гибели существ у него не возникает страха,
И когда существа страдают, он никак не подвержен
страданию*.

28. От изнеженности и привязанности возникают страдания,
скорбь, ужасные страхи,
Но приобщённый Атману не колеблется, беспечальный,
успокоивший сердце.
29. Не ранит его оружие, он не подвержен смерти,
И никого нет в мире его счастливей.
30. Он предстоит Атману, Атману в полноте приобщенный,
Отстранив старость и смерть, он может спать спокойно.
31. Он произвольно входит в тела, свое покидая тело,
Но не испытывает отвращения, (там) наслаждаясь*.
32. Кто себя полностью в Атмане видит,
Тот не завидует самому Шатакрату (Индре).
33. Как на одно устремлённый достигает Йоги, этому внемли.
О показанных раньше странах света размыслив,
он поселяется в том граде*.
34. Внутри этого города, не вовне нужно направить сердце
(манас).
Пусть он внутри города пребывает, где живёт, в том
жилище*.
35. В том обиталище нужно держать воспринимающие
и действующие (индрии), также манас,
В течение пребывания обдумывая всё, что есть в том
жилище.
36. За это время манас никуда отклоняться не должен,
Собрав множество чувств, как бы в лесу глухом,
безлюдном.
37. Пусть размыслит в целокупности о внутренности тела,
О зубах, о нёбе, языке и глотке, также о шее.
38. И о сердце пусть размышляет, о сердечных жилах.
Так я сказал тому разумному ученику, Мадхусудана.
39. И вновь он меня спросил об очень трудно объяснимой
основе Освобождения:
Как переваривается в кишках постоянно снова съедаемая
пища?
40. Как превращается в соки, как становится кровью?
Как мясо и жир, жилы, кости в женщине (вырастают)?
41. Как это всё (превращается) в тела воплощённых?
Как возрастает то, что должно возрасти, как возрастают
силы?
42. Как препятствующие вещества спускаются, как по
отдельности (совершаются выделения),
Как же вдыхают и выдыхают снова?
43. В какой стороне присутствуя, пребывает в самом себе
Атман?
Как джива везёт, продвигаясь, своё тело?

44. Как подбирает он касту и как он проникает снова?
(Всё) досконально, владыка, благоволи мне сказать,
безупречный.
45. Так певец меня вопрошал, Мадхава,
И я отвечал, долгорукый, согласно Шрути, врагов
крушитель.
46. Как поставив в свою казну сосуд*, его хранить подобает,
Так манасу, ввергнув его в свое тело, обеспечить нужно
ворота.
47. Там следует себя искать, нерадивости избегая,
Так себя подтягивая постоянно с бодростью, даже вскоре
48. Можно обрести Брахмо, узрев которое, становятся
знатоками Основы (прадханы);
Но не индриями оно познаётся, не этими глазами:
49. При свете манаса великий Атман становится виден;
У него всюду руки, ноги, всюду глаза, головы, лица,
50. Слыша со всех сторон, всё в мире окутав, он пребывает.
Джива видит себя выступающим из тела;
51. И то (свое "я") покинув в теле, сам став носителем
Брахмо,
На себя самого взирает как бы с улыбкой.
52. К Освобождению он идет, обратясь к покровительству
Брахмо*,
А значит ко Мне*, эту всю тайну я разъяснил тебе,
дважды рождённый.
53. Я прекращаю и расстаюсь; иди, певец, счастливо.
Так я говорил, научая ученика, великого подвижника,
Кришна.
54. И пошёл, куда пожелал брамин, твёрдый в обетах.
Сын Васудэвы сказал:
55. Так говорил мне тогда тот лучший дважды рождённый
Партха,
И, полностью предавшись основе освобождённых, он тогда
скрылся.
56. Слушал ли ты это, Партха, сосредоточив сознание?
Ведь уже тогда, на колеснице стоя, ты это слышал.
57. Это, сын Притхи, нелегко познается смятенным, так
полагаю —
Неподготовленным человеком, чье внутреннее "я" не
очищено самосознанием.
58. Провозвешенное и для богов — великая тайна,
тур-Бхарата,
И, конечно, никто из людей этого не слышал,
сын Притхи.

59. Ибо это никому из людей не подобает слушать, кроме
тебя, безупречный;
Нелегко оно познается тем, у кого внутреннее "я" в
смятении;
60. Ведь обрядами (жертв) поддерживается мир богов, сын
Кунти,
И богам нежелательно*, чтобы форма смертных исчезла.
61. Ибо это есть высший путь, Партха, это вечное Брахмо;
Здесь бессмертия достигает, покинув тело, вечно
блаженный.
62. Утвердившиеся на этой Основе, даже те, кто дурного
лона,
Женщины, вайшьи, даже шудры идут путем
высочайшим*.
63. Тем более брамины, Партха и кшатрии, много изучавшие
Шрути,
Радующиеся своему долгу, ставящие своей целью мир
Брахмо.
64. Это основательно доказывается, овладеть им есть средство:
Устранение бедствий есть совершенство и Освобождение.
65. Выше этого — нет счастья, да и какое иное могло бы
существовать, тур-Бхарата?
О Паидава, разумный, верующий, отважный
66. Тот смертный покидает ничтожную ценность мира
И таким образом скоро высочайший путь получает.
67. Итак, нет ничего, что к этому можно добавить;
Кто постоянно усерден в Йоге, тот за шесть месяцев
преуспееет, сын Притхи.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XIX ГЛАВА*

ГЛАВА XX

Сын Васудэвы сказал:

1. Об этом такую еще древнюю быль повествуют, Партха:
О происходившей беседе четы домохозяев, тур-Бхарата.
2. Увидев некоего, превзошедшего знание и распознавание*
брамина,
Уединенно сидящего, браминка, его супруга, сказала
супругу:
3. — В какой мир пойду я, прибегающая к твоей защите,
как мужа,

- Который, покинув дела (обрядов) сидит, как чурбан
неприглядный.
4. Ведь жены получают мир, достигнутый мужем, так мы
слыхали,
Тебе я близка, как мужу, так какой я пойду дорогой?
 5. На такую речь тот, умиротворенный духом, как бы с
улыбкой ей ответил:
— О благой доле, причастная, я не ропщу, безупречная,
на твое слово.
 6. То, что считается делом — осязаемо, видимо, достоверно,
Так вот определяют делатели дело, говоря: "Таково
дело!"
 7. Деятельностью лишённые знания идут к заблуждению,
Но и бездеятельности в этом мире и на мгновенье
нельзя достигнуть.
 8. В деятельности, в хорошем иль в нехорошем слове,
Начиная с рожденья и до расставания с телом, в
существах вращается дело.
 9. Ракшасы (царят) на путях этих зримых вещей*,
привязываемых для жертвы,
И в Атмане я своим Атманом для них кров увидел
 10. Там, где То, бездеятельное Брахмо, где Сома и Агни,
Где, поддерживая существа, постоянно пребывает
мудрый,
 11. Где брамины и другие преданно То почитают,
Где (пребывают) познавшие, блюдушие обеты,
умиротворенные духом, обуздавшие чувства.
 12. То нельзя пробовать языком, нельзя обонять обоняньем,
Осязанием нельзя осязать, достигать То манасом нужно;
 13. То не одолеть глазами, То выше всего, что можно
слышать,
То без запаха, вкуса, неосязаемо; безобразность,
безмолвие его признак.
 14. Оттуда исходит Основа*, и там она пребывает:
Прана, апана, самана, व्याна, удана
 15. Оттуда развиваются, и в То они вступают;
Внутри Его двигаются самана и व्याна, прана и апана;
 16. Когда те (прана, апана) исчезают, исчезнет самана и
вьяна;
Между апаной и праной становится удана и व्याна.
 17. Поэтому, когда человек спит, прана и апана его не
оставляют.
Та, что поистине управляет (другими) пранами, потому
уданой и зовется.

18. Посредством нее совершают упражнения ко Мне идущие,
учащие о Брахмо;
Проникая в тело, они поглощают друг друга.
19. Вайшванара-Агни* внутри их семью языками сияет.
Вот пять: обоняние, вкус, зрение, слух, осязание;
20. Манас и буддхи — вот семь сияющих языков Вайшванары.
Обоняемое, видимое, испиваемое, касаемое, слышимое,
также
21. Мыслимое и постигаемое я, как дрова*, (принимаю).
Вот пять — обоняющий, вкушающий, касающийся,
слушающий, зрящий;
22. Мыслящий, постигающий — те семь считаются высшими
жрецами.
Предметы обонянья, вкушенья, созерцання, слушання,
осязання,
23. Обдумывания, постиженья, виждь, щедрая, причастная
благой доле.
Семь жрецов-хотаров жертвенные возлиянья в семь
огней* семикратно свершают.
24. Совместно бросая, знающий* порождает их в лонах.
Пять — пространство, свет, вода, земля и воздух;
25. Манас и Буддхи — так исчисляется лон семерица.
Став жертвенным возлиянием хавис, все свойства
в свойство огня вступают*.
26. Пожив внутренним состоянием, они рождаются в своих
лонах.
Отсюда же в создателя сущностей они при мирокончине
вступают*.
27. Затем (вновь) возникает запах, за ним вкус возникает,
Затем возникает образ, затем возникает касанье,
28. Затем рождается звук, потом возникает сомненье*,
Затем возникает решение; таково семерых рожденье.
29. Так древние воспринимали первопричину.
Полными жертвенными возлияниями преисполнились
светом три полных*.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XX ГЛАВА*

ГЛАВА XXI

Сын Васудовы сказал:

1. Об этом еще такую древнюю быль повествуют;
Узнай об установленных таким образом десяти
жрецах-хотарах.
 2. Уши, кожа, глаза, язык, ноги, руки,
Половые органы, задний проход, речь — вот, лучезарная,
десять жрецов-хотаров.
 3. Звучанье, касанье, взирание, пробование, обоняние,
высказывание, деланье, хождение,
Семяизвержение, испражнение, мочеиспускание — десять
жертвенных возлияний.
 4. Владыки стран света, воздуха, солнца, луны, земли, огня
и Вишну,
Индра, Праджапати, Митра — вот десять огней,
лучезарная, (ведай).
 5. Десять индрий — жрецы-хотары, десять веществ
(их предметов) — возлияние хавис.
Предметы (индрии), по имени дрова, приносятся в жертву
в десяти огнях, о лучезарная.
 6. Сознание — жертвенная ложка и распределение (даров),
очиститель — высшее знание.
Хорошо распределен этот весь преходящий мир,
так сказано в Шрути.
 7. И все это познаваемое обзревается сознанием
и познаванием,
Познающий есть носитель тонкого тела*, носимого
плотным телом.
 8. Носитель тела есть домохозяйский огонь гархьяпати,
от него происходят другие;
Манас же — хавания огонь, куда ввергается возлияние
хавис.
 9. Из Атмана* родился Владыка Слова, на то (Слово)
взирает манас;
(Из Слова) возникает форма; и букве следует манас.
- и Браминка сказала:
10. Почему Слово возникло раньше и почему манас родился
позже,
Если обдуманному манасом следует речь?
 11. Каким образом мысль достигает сознания,
А вознесенная* (до) него не доходит, что ее держит?

Брамин сказал:

12. Ее владыкой становится апана (нисходящий ток), поэтому
она погружается в апану;
Ее называют путем манаса, поэтому манас взирает
(на Веды).
13. На вопрос о речи и манасе, о чем ты раньше меня
спросила,
На это я тебе расскажу об их обоюдном споре.
14. Оба, Речь и Манас, придя к Атману сутей*, его спросили:
— Кто из нас двоих лучше, скажи, разреши наше
сомнение, владыка.
15. “Манас”, — так отвечал владыка; тогда заговорила
Сарасвати:
“Я ведь твоя камадук, корова желаний”, — так ему
тогда Речь сказала.

Брамин* сказал:

16. Устойчивое и движущееся, знай, это в манасе мой
(состоянья);
Устойчивость свойственна мне, твоя же область —
подвижность;
17. Все, что в ту область входит: ударение, буквы, мантра
Именуется “подвижный манас”, поэтому ты важнее.
18. Поэтому, прекрасная, к тебе приходит самадхи,
Поэтому, соединяясь с дыханием, произношусь я,
Сарасвати.
19. Ведь между праной, апаной, дэви находится речь
постоянно,
И когда, причастная великой доле, она выступала,
то выдыхала без вдоха,
20. И воззвала о помощи к Праджапати: “Смилуйся,
владыка”,
Тогда появилось вдыхание, прана, и речь подкрепилась
снова.
21. Поэтому Речь никогда не звучит, присоединяясь к
выдыханию,
Звучащей рожденная или беззвучной она всегда
пребывает.
22. Но из этих двух безмолвная лучше звучащей,
Как дойная корова, она, богатая, превкусные вещи
испускает,
23. Постоянно она течет, возвещая о Вечном Брахмо;
Дивная дивным возникновеньем, о ясноулыбная, она есть
(небесная) дойная корова.

24. Между этими двумя тонкими (сутями), в их текучести
различие постигни!

Браминка сказала:

25. Одержимая желаньем говорить, когда еще слова не
возникли,
Что изначала дэви тогда изрекла, Сарасвати?

Брамин сказал:

26. "Та, что возникает праной, вдыханьем из праны же
попадает в выдыханье, апану;
Затем, став уданой, верхним дыханьем, покидает тело и
как межзачное дыхание, вьяна, окутывает все небо.
27. Затем здесь (в мире) пребывает как всedyxание,
самана", — вот что сказала Речь изначала.
Поэтому манас отличается стойкостью*, а дэви
подвижностью отличается.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXI ГЛАВА*

ГЛАВА XXII

Брамин сказал:

1. Об этом еще такую древнюю быль повествуют, причастная
великой доле,
О том, как произошло подобное установление семи
жрецов- хотаров.
2. Нос, глаза, язык, кожа, пятые — уши,
Манас, буддхи — эти семь жрецов-хотаров расположены
(каждый отдельно).
3. В скрытых местах они пребывают и не видят друг друга.
Познай, прекрасная, семи жрецам-хотарам присущую
природу.

Браминка сказала:

4. В скрытых местах пребывая, как они не видят друг
друга?
Какова им⁴ свойственная природа, это скажи мне,
владыка.

Брамин сказал:

5. Незнание их свойств есть нераспознавание их (сути),
знание их свойств есть познание их (сути),
Они свойств друг друга никак не знают.

6. Язык, глаз, ухо, кожа, манас, Буддхи
Не познают запах, он познается носом.
7. Нос, глаз, ухо, кожа, манас, Буддхи
Вкусов не познают, они языком познаются.
8. Нос, язык, ухо, кожа, манас, Буддхи
Образов не познают, они познаются глазом.
9. Нос, язык, глаз, манас, Буддхи
Не познают касаний, они познаются кожей.
10. Нос, язык, кожа, манас и Буддхи
Звуков не познают, они познаются ухом.
11. Нос, язык, кожа, ухо, Буддхи
Размышлению не предаются, манас ему передается.
12. Нос, язык, глаз, кожа, ухо, манас
Решения не предпринимают, его принимает Буддхи.
13. Об этом еще древнюю быль повествуют,
Лучезарная, о беседе с манасом индрий.

Манас сказал:

14. Без меня не обоняет нос, язык не чувствует вкуса,
Образа глаз не объемлет, не познает касаний кожа;
15. Ухо, покинутое мной, никак не воспринимает звука.
Всегда я из всех сутей лучший.
16. Как пустые жилища, как огонь, покинутый блеском,
Никогда не сверкают чувства, коль их я покину.
17. Как полусухие дрова (не горят), так чувствами,
которые покинул манас,
Все существа без меня не воспринимают предметов.

Чувства сказали:

18. Как ты полагаешь, господин, было бы верно,
Если бы ты без нас нашими предметами мог
наслаждаться?
19. Если бы после того, как мы исчезли, в удержании жизни
была бы улада,
И ты бы вкушал наслаждение, то было бы верно то, что
ты полагаешь.
20. Ведь после нашего исчезновенья при предстоянье
предметов
Ты ими лишь в воображение наслаждаться способен.
21. Или ты полагаешь, что можешь всегда достигнуть наших
предметов?
Восприми-ка носом образ, вкус восприми глазами,
22. Запах восприми ушами, восприми языком касанье,
Кожей звук восприми, разумом восприми осязанье;

23. Ведь сильный не ограничен, ограничение — для
малосильных;
Непосредственно достигни-ка наслаждения: ведь только
оставленное нами тебе доступно.
24. Как ученик для внимания Шастрам, к знающему Шастры
приходит,
Как он подчиняется условиям ради услышанья Шрути,
25. Так ты осмысливаешь показанные нами предметы —
Предстоящие и бывшие как наяву, так и в грезе.
26. У лишенных разума или малоразумных,
Сохраняется жизнь, если до лишения наших предметов
не дойдет дело.
27. Измышляющий много воображеньем, предающийся грезам
Все же, мучимый голодом, к предметам чувств прибегает.
28. В обиталище, лишенное дверей, проникший
воображением, предаваясь наслаждению вещами,
Вследствие истощения жизни, к покою всегда приходит,
как угасает огонь, когда дрова истощились.
29. В силу того, что посредством отверстий тела мы
привязаны
К свойствам и не воспринимаем качеств друг друга,
Без нас нет для тебя достижения, поскольку без нас ты
радости вкусить не можешь.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXII ГЛАВА*

ГЛАВА XXII

Брамин сказал:

1. Об этом еще такую древнюю быль повествуют,
О причастная благой участи, узнай устав жрецов-хотаров.
2. Права, апана, удана, самана, व्याна —
Этих пять жрецов-хотаров и высших сутей мудрые знают.

Браминка сказала:

3. От природы ^{есть} семь жрецов-хотаров, так раньше я
полагала.
А если есть пять хотаров высшего бытия, то скажи мне!

Брахман сказал:

4. Прапой собранный ветер порождает затем апану;
Апаной собранный ветер затем превращается во व्याну;

5. Вяной собранный ветер затем превращается в удану;
Уданой собранный ветер порождает то, что зовется
саманой.
6. Те спросили изначально сущего, перворожденного Предка:
— Кто из нас лучше, это поведай; та среди нас
превосходней будет.

Брама сказал:

7. Та, при гибели которой происходит гибель всех пран в
теле носителей праны,
После исхода которой они больше не двигаются, та
из вас лучше; (теперь же) идите, куда хотите.

Прана сказала:

8. При моем исчезновении происходит исчезновение всех
пран в теле носителей праны.
Я лучшая, ибо при моем исходе все праны уходят.

Брамин сказал:

9. Прана исчезла тогда и выступила снова.
Прекрасная, тогда самана, удана снова сказала слово:
10. Ты не проникаешь, как мы, во все это тело, (в нем)
пребывая.
Не лучшая ты из нас, прана, ведь только апана в твоей
воле.
11. Выступила снова прана, тогда отвечала апана.

Апана сказала:

12. При моем исчезновении происходит исчезновение всех
пран в теле всех носителей праны;
При моем выступлении — выступают (праны);
Я лучшая, взгляните на мое исчезновение!

Брамин сказал:

13. Вяна и удана заговорили с ней тогда и сказали:
Не лучшая ты, апана, ты ведь подчиняешься пране.
14. Апана выступила, тогда вяна ей снова сказала:
Я лучше всех; слушайте, по какой причине!
15. При моем исчезновении приходят к исчезновению все
праны в теле носителей праны;
При моем выступлении снова они выступают; взгляните
на мое исчезновение!

Брамин сказал:

16. Тогда исчезла вяна и снова появилась.
Прана, апана, удана, самана ей сказали:

17. —Ты не лучшая из нас, ибо лишь вяна и самана под
твоей волей.
18. Снова выступила вяна, далее самана сказала:
— Я лучшая из всех; слушайте, по какой причине:
19. При моем исчезновении идут к исчезновению все праны
в теле носителей праны;
При моем выступлении снова выступают, я лучшая;
взгляните на мое исчезновение!
20. Когда выступила самана, удана той сказала:
— Я лучшая из всех; слушайте, по какой причине:
21. При моем исчезновении к исчезновению идут все праны
в теле носителей праны,
При моем выступлении снова выступают, я лучшая;
взгляните на мое исчезновение;
22. Тогда исчезла удана и вновь появилась.
Прана, апана, самана, вяна ей также сказали:
23. Удана, ты не лучшая, ибо только вяна в твоей воле.
Брамин сказал:
24. Тогда собравшимся изрек существ владыка Брама:
“Вы все лучшие или не лучшие, ибо вы поддерживаете
друг друга.
25. Все вы в своей области лучшие, ибо поддерживаете друг
друга”.
Так всем собравшимся сказал существ Владыка:
26. “Каждая из вас самостоятельна и не самостоятельна,
праны;
Ведь так, единственный во множестве, воспринимается
мой Атман.
27. Вы между собой друзья и поддерживаете друг друга;
Счастливо странствуйте, благо вам, поддерживайте друг
друга!”

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ “ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ”,
В КНИГЕ “ АНУГИТА” ГЛАСИТ XXIII ГЛАВА*

ГЛАВА XXIV

✧

Брамин сказал:

1. Об этом еще такую древнюю быль повествуют,—
Собеседование Нараты с риши Дэваматри.
Дэваматри сказал:
2. У зарождающегося существа что сперва возникает:
Прана, апана, самана или вяна, удана?

Нарада сказал:

3. Тот ветер, из которого проистекает существо, первый в него и входит.
Есть пары пран, они направлены вверх, поперек и вниз,
так знать подобает.

Дэваматри сказал:

4. О той, которая существо производит и какая иная в него входит,
О паре пран, поперек, вверх и вниз (направленных),
скажи мне.

Нарада сказал:

5. Воображение порождает (половую) радость, она рождается и от слова,
Зарождается также от сока, от красоты возникает.
6. От изведенных семени и крови сперва зарождается прана;
Когда праной изменено семя, тогда развивается апана.
7. От семени зарождается, также зарождается от крови
Этот образ уданы, (половая) радость, когда сочетается пара.
8. От вождельня возникает семя, кровь зарождается от вождельня;
Самана и вяна производят схождение семени и крови.
9. Вниз и вверх направляется двоица: прана — апана;
Вьяна и самана — эти называются поперечной двоицей.
10. "В Агни — все боги"*, — так указуют Веды,
(Так) возникает, постигаемое через Буддхи, знание брамина.
11. Из дыма Огня — тамас, форма; из его пепла — раджас;
Все возникает из того, куда ввергается (жертва) хавис.
12. Из (племени) саттвы — самана и вяна, то знают знатоки жертвы.
Прана и апана — две части аджья (возлияния масла),
меж ними — Пожиратель жертвы;
13. Этот образ уданы брамины как высший знают*,
"Без двойственности", — так (называемый), а почему —
об этом мое слово слушай:
14. День и ночь — это двоица; между ними* Пожиратель жертвы;
Этот образ уданы брамины как высший знают,
15. Бытие-небытие — это двоица; между ними — Пожиратель жертвы.
Этот образ уданы брамины как высший знают.

16. Вверх самана и вяна дышут, они (совершают) то дело*;
А на третьей (ступени) самана все гасит.
17. Цель дхьяны — успокоение, а покой есть Вечное Брахмо;
Этот образ уданы как высший брамины знают.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXIV ГЛАВА —
ПЕСНЬ БРАМИНА*

ГЛАВА XXV

Брамин сказал:

1. Об этом еще древнюю быль повествуют,
Об уставе четырех жрецов-хотаров; такой устав (указан).
2. Этого всего мира указывается устав по Писанью.
Внимай, лучезарная, моему разъяснению этой великой тайны;
3. Причина, действие, делатель, освобождение — вот, благая,
Эти четыре хотара, которыми преходящий мир окутан.
4. Об орудиях причин так же услышь все без остатка.
Нос, язык, глаз, кожа, пятое — ухо.
5. Манас, Буддхи — эти семь познаются, как свойства причины.
Запах, вкус, образ, звук и пятое — касанье,
6. Осмысливаемое и постигаемое — это семь действий причины.
Обоняемое, вкушаемое, видимое, сказанное* и услышанное — пятое это,
7. Мыслимое, постижимое — семь эти считаются делателя основанием.
Качественные, они свое качество вкушают — хорошее и дурное.
8. "Я" бескачественно, вечно; те же семь — причина освобождения
Для знающих и понимающих область каждого по Писанью.
9. Те качества, будучи божествами*, всегда вкушают возлияние хавис,
Ядущий, зная о сущности пищи, самости не поддается.
10. Не преодолевает самость для себя готовящий пищу,
Вкушение запрещенного и пьянящего его убивает.

11. Ведь он убивает пищу, и, убитая, его убивает пища.
Но знающий, владыка, вновь возрождает убитую пищу.
12. Так питание не порождает ни малейшего проступка.
Что проходит через ум, то выговаривается словом.
13. То, что слышится ухом, что воспринимается глазом,
Что осязается осязанием, что обоняется носом,
14. Манас шестым считая,— все эти жертвы-хавис отовсюду
воспринимает
Качественный огонь-очиститель, что внутри моего тела
сияет.
15. Жертвоприношение Йоги*, творимое мной, производит
огонь познания.
Прана — хвалебная песнь, апана — чтение Шастр,
отрешение от всего — благие дары за жертву.
16. Делатель и свидетель — жрец-брамин, Атман*-хотар,
адхварья и (удгатар), творящий хваленья,
Правда — жрец прашастар, То — Шастры, последний
дар — освобождение;
17. А гимны Ригведы там произносят знающие Нараяну*
люди,
Которые богу Нараяне раньше нашли животных*.
18. Там воспевают саманы, а также повествуют притчи.
Робкая, постигни, что бог Нараяна есть Атман Вселенной.

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXV ГЛАВА —
ПЕСНЬ БРАМИНА

ГЛАВА XXVI

Брамин сказал:

1. Есть единый Закон и нет другого закона. Он пребывает
в сердце, я к нему взываю;
Ведь, им освобожденный*, я всегда влекусь, как вода
с обрыва.
2. Есть Единый Учитель и нет другого, к нему,
пребывающему в сердце, взываю;
Этот Учитель всегда наставляет, даже змей, ненавистных
миру.
3. Есть один Союзник и нет другого, к нему, пребывающему
в сердце, взываю;
Этим Союзником наставляются в союзе семь риши*,
союзники, сияющие в небе, Партха.
4. Есть лишь один Наставник и нет другого, к нему,
пребывающему в сердце, взываю;

У этого Гуру прошел ученичество Шакра и бессмертия
во всех мирах (достигнул).

5. Есть лишь один Наставник и нет другого, к нему,
 пребывающему в сердце, взываю;
Он наставляет всегда, даже змей, ненавистных миру.
6. Об этом еще древнюю быль повествуют:
У Праджапати собрались змеи и дэва-риши.
7. Дэвы, риши, наги, асуры, к Праджапати приблизясь,
Просили (его): "Да возвестится нам благо!"
8. Им, настойчиво вопрошающим, возвестил благо Владыка:
"АУМ — единое непреходящее* Брахмо!" Этому вняв,
 в стороны они разбежались.
9. Из тех, прибежавших для (получения) поученья,
У змей развилась кусливость согласно их первичной
 природе;
10. У асуров развилась лживость согласно их первичной
 природе;
Щедрость развилась у богов, самообладанье у ришей.
11. Получив один закон, в едином слого,
На разное все решились: змеи, риши, боги, данавы.
12. Слушая наставника, каждый берет сообразно своей сути,
А спрашивая другого учителя, не получает (ответа),
13. И по своему решению он тогда продолжает дело:
Учитель, понимающий, внимающий также и враг из
 сердца исходят.
14. Злодеем становится тот, кто со злыми общается в мире;
Добродетельным становится тот, кто общается с благими;
15. Кто рад счастьем чувств, по произволу живет, поддаваясь
 влеченьям,
А кто рад укрощению чувств, тот всегда брахмачарья.
16. Кто следует делу, обетам, пребывая лишь в Брахмо,
Идя к бытию Брахмо, тот в мире становится
 брахмачарьем.
17. Ибо Брахмо — его дрова, Брахмо — огонь,
 содружество — Брахмо,
Брахмо — вода, учитель — Брахмо; (так) он в Брахмо
 вступает.
18. Это есть то, что тайным состоянием брахмачарья
 пробужденные считают,
Узнав, они ему следуют, наставляемые Познанным поле.

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXVI ГЛАВА —
ПЕСНЬ БРАМИНА

ГЛАВА XXVII

Брамин сказал:

1. Воображение — кусливые мухи; радость и горе — это жара и холод;
Заблуждение — слепота, жадность, болезнь, враги — змеи.
2. Предметы — единственный опасный след; вожделение, гнев — препоны;
Такие великие дебри прошел я, лес огромный, ужасный.

Браминка сказала:

3. Где же тот лес, о многопознавший, какие его деревья, озера,
Какие его холмы и горы? В тот лес какая дорога?

Брамин сказал:

4. Это уединенье не есть (уединенье)*, ибо есть ли другое подобное счастье?
А то, иное, не есть общенье, ибо есть ли другое подобное горе?
5. Меньше того нет ничего иного, и нет его больше,
Нет ничего и тоньше, нет иного подобного счастья.
6. Дважды рожденные не скорбят и не радуются, туда проникнув.
И никого не страшатся, никто их не страшится.
7. В том лесу есть семь гостей, семь плодов и больших деревьев,
Семь обителей, семь самадх, семь обетов; таков образ леса.
8. Дивные есть там цветы и плоды пяти окрасок;
Они выросли на там стоящих, наполняющих лес деревьях.
9. Цветы и плоды там прекрасноцветны, двуцветны,
Они выросли на там стоящих, наполняющих лес деревьях.
10. Двуцветные цветы и плоды благовонны,
Они выросли на там стоящих, наполняющих лес деревьях,
11. Одноцветные цветы и плоды благовонны,
Они выросли на там стоящих, наполняющих лес деревьях.
12. Много цветов и плодов неопределенной окраски,
Они выросли на двух там стоящих, наполняющих лес больших деревьях.
13. Единственный огонь там — благоразумный брамин;
дрова — его пять индрий,
Освобождают от них семь плодоносных, посвячительных обетов; плоды — это гуны и гости те плоды вкушают.

14. Гостеприимство принимают то там, то здесь великие
риши;
Когда их почтят, они исчезают: в другом лесу им любо;
15. Дерсу там — мудрость, его плоды — освобожденье,
а тень — умиротворенность.
Познание там — обитель, удовлетворенность — воды,
а познавший поле — Солнце.
16. У тех святых, что (лес) тот посещают, вновь не возникнет
страха;
Вверх, вниз и поперек конца там не достигнуть.
17. Там* день за днем живут семь красноречивых*,
блистательных и плодovitых женщин*;
У всех существ они вкус к Высшему и Правду, а также
(осознание) непостоянства (мира) отнимают.
18. Туда приходят и оттуда восходят
Семь из Семерки* во главе с Васистхой.
19. Для совершенных пылом — слава, блеск, благо, победа;
За ними следуют семь светил (подобных) солнцам.
20. Там, (в лесу), сгрудились горы, пригорки,
(Там) многоводные реки, озера, возникшие от Брахмо.
21. Схождение рек — в тайнике, в награде*;
Пресыщенные собой туда идут, непосредственно к
Предку.
22. Подвигом сжегшие грех, вкушающие благие обеты,
Вступившие в Атмана своим "я", чтущие Брахмо,
23. Умиротворенные там восхваляют познание, лес —
познавшие люди.
Когда они туда попадают, осуществляются их думы.
24. Таков этот чистый лес, известный браминам;
Узнавшие о нем туда стремятся под водительством
Познавшего поле.

**ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXVII ГЛАВА —
ПЕСНЬ БРАМИНА**

* ГЛАВА XXVIII

Брамин сказал:

1. Не я обоняю запахи, не я ощущаю вкусы, не я вижу
образы, не я касаюсь,
Не я слышу различные звуки, не я ухожу в какие-то
грезы*,

2. Это природа желает всего желанного, все ненавистное
ненавидит природа.
Прана и апана, (возникшие) от природы, возбуждают
влечение и отвращенье, в тело существ проникая.
3. И другие, чем эти свойства, от природы; Атмана существ*
следует видеть в теле:
Там я пребываю, нисколько не привязываясь к
вожделению, гневу, старости, смерти.
4. Не вожделя никаких вожделений, не ненавида никаких
страданий,
Я к свойствам природы не прилипаю, как вода к лотосам
(не прилипает).
5. Он, вечный, на которого взирать подобает, владеет
множеством качеств природы.
Сеть наслаждений не уловляет его деяний, как сеть
лучей солнца не уловляет неба.
6. Об этом еще такую древнюю быль повествуют,
Узнай, преславная, беседу отшельника* и
жреца-адхварью:
7. Отшельник-яти, увидев скот, при обряде приносимый в
жертву,
Приблизясь к жрецу-адхварью, сказал с порицанием:
"Это вреждение!"
8. Адхварью ему возразил: "Этот козел не гибнет,
Существо это к счастью пойдет, раз так утверждают
Шрути.
9. Что у него земное, то пойдет в землю,
Что у него от воды, то к воде приобщится,
10. Глаз к солнцу (пойдет), к сторонам света — ухо,
обоняние — в небо.
На мне нет никакого греха: я поступаю согласно Агамам".
- Яти сказал:
11. Если разлученье козла с токами жизни* ты считаешь за
благо,
То жертва свершается ради козла, а тебе какое тут
дело?*
12. Коли так, согласия (его) родных — матери, отца,
братьев —
Ты бы спросил, его уводя; кроме того, и от других он
зависит.
13. Их согласье ты разузнал бы, владыка;
Лишь получив их согласье, ты продолжать можешь дело.
14. Жизненные токи этого козла по своим местам разойдутся
И останется только недвижимое тело; так полагаю;

15. Подобно дровам тело лишенных сознания;
Стремясь желанного достигнуть, убивают скот, (а затем)
его за дрова принимают.
16. Невреждение всех законов превыше, таково указание
старцев.
Только то дело, что (никому) не вредит, подлежит
выполнению; так нам известно.
17. (Лишь) невреждение признаю (законом); коль говорить
продолжу,
Во многом могу порицать твой поступок.
18. Невреждение всем существам мы принимаем основой;
Наглядное нам доступно, а к тому, что не доступно оку,
нечего и стремиться.

Адхварью сказал:

19. Ты наслаждаешься ароматами, свойствами земли; соки
воды смакуешь;
Ты образы видишь — свойство света, ты осязаешь —
это воздуха свойство;
20. Ты слышишь пространством рожденные звуки, манасом
думаешь думу;
И все эти сути токами жизни считаешь.
21. (Итак), постоянно беря живое, ты погряз во вреждении.
Ничего нет без вреждения, как ты об этом думаешь,
дважды рожденный?

Яти сказал:

22. Непреходящее и преходящее — бытие Атмана двояко:
Непреходящее есть истинное бытие; преходящее — это
природа.
23. Токи жизни, язык, манас, саттва, раджас — это природа.
Свободному от этих сует, отвергшему двойственность и
надежды,
24. Равному ко всем существам, свободному от самости,
победившему манас,
Свободному во всех отношениях — нечего бояться!*

* Адхварью сказал;

25. В сутях существовать мы должны, превосходный
мыслитель;
Я выслушал твою мысль, и моя мне становится яснее.
26. Поняв тебя, владыка, я говорю: "Я согласен".
Заветы Вед выполняя, я не виновен, дважды рожденный!

Брамин сказал:

27. Отшельник, храня молчанье, ушел оттуда;
Адхварью же без заблужденья продолжил великое
жертвоприношение.
28. Так это рассуждение, освобождающее, утонченное,
брамины знают
И, познав, следуют в этом ученье Познавшему поле.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ";
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXVIII ГЛАВА —*

ПЕСНЬ БРАМИНА

ГЛАВА XXIX

Брамин сказал:

1. Об этом еще такую древнюю быль повествуют,
О лучезарная, Картавиры с Океаном беседу.
2. Тысячерукий раджа Картавирия, по имени Заря
(Арджуна),
Луком победил опоясанную Океаном землю.
3. Как-то он пришел к Океану, кичась (своей) силой,
И потряс Океан сотнями стрел, так мы слышали.
4. Океан, ему поклонясь, руки сложив, промолвил:
"Не мечи, витязь, стрелы, скажи, что я должен тебе
исполнить?"
5. В охраняемые мной существа ты мечешь великие стрелы;
О тигр-раджа, они будут убиты, помилуй их, владыка!"

Картавирия-Арджуна сказал:

6. Есть ли кто-либо из держащих лук, мне подобных в
битве?
О нем поведай, чтобы пойти мне сразиться.

Океан сказал:

7. Известен ли, раджа, тебе Джаматагни, великий риши?
Его сын мог бы противником быть, тебя достойным.
8. Отправился тогда раджа, обуянный великим гневом.
В ту обитель придя, он приблизился к Раме*;
9. Со своими родными он высказал враждебность Раме;
Гнев возник у великодушного Рамы.
10. Тогда многосильного Рамы запылала ярость
И лотосокий испепелил враждебное войско.

11. Затем, схватив топор, того тысячерукого раджу,
Как многоветвистое дерево, обкарнал сразу Рама.
12. Увидев, что тот пал убитым, все его родные,
Схватив мечи и стрелы, бегом окружили потомка Бхригу
(Раму).
13. Воистину лучистый Рама, лук захватив, взошел на
колесницу;
Выпустив ливень стрел, он победил царское войско.
14. Тогда иные кшатрии, гонимые страхом пред сыном
Джамадагни,
Побежали в труднопроходимые горы, как преследуемые
львом лани.
15. Присущий им долг они покинули из-за страха.
Их потомство в ничтожество впало за непочтительность
к браминам.
16. Так дравиды, абхиры, пундры, шабары
Впали в ничтожество* (шудр), кшатриев долг покинув.
17. Тогда, после убийства витязей, кшатрийки снова и снова
От дважды рожденных рожали кшатриев, но искоренял
их сын Джамадагни.
18. И вот, после двадцати одного жертвоприношения
(кшатриев), медвяный, бестелесный голос,
Слышимый во всем мире, с неба воззвал к Рама:
19. "Рама, Рама, прекрати, сынок, чего ты хочешь,
У этих племен кшатриев жизнь отнимая снова и снова?"
20. Тогда тому махатме предки, во главе с Ричикой:
"Прекрати, о причастный великой доле", — так сказали.
21. Не забывая убийство предков, Рама сказал тем ришам:
"Благоволите, владыки, мне не препятствовать", — так
он молвил.

Предки сказали:

22. Не следует тебе уничтожать род кшатриев, победитель.
Убивать царей не подобает тебе, брамину.

**ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXIX ГЛАВА —**

П Е С Н Ь Б Р А М И Н А

ГЛАВА XXX

Предки сказали*:

1. Об этом еще такую древнюю быль повествуют,
Внимай ей, лучший брамин, и тогда принимайся за дело.
2. Был очень великий подвижник, раджа-риши по имени
Аларка.
Знающий долг махатма, правдивый, очень твердый в
обетах.
3. Он луком полностью покорил приморскую землю*;
Совершив это очень трудновыполнимое дело, он
(духовному) подвигу предался.
4. Когда у корней дерева сел он, закончив великое дело,
О многотимая*, к тончайшим (вопросам) его мысль
устремилась.

Аларка сказал:

5. В моем манасе народилось войско; победив манас
(я достигну) прочной победы.
Внутри туда я пушу стрелу, окруженный врагами!
6. Он своей мятежностью разрушает дела всех смертных,
Против манаса я пушу с очень острыми наконечниками
стрелы.

Манас сказал:

7. Никаким образом меня не пронзят, Аларка, стрелы,
А твои жизненные узлы они раздробят; с разбитыми
узлами ты погибнешь.
8. Иные стрелы измысли, которыми ты меня сможешь
прикончить.
Этому вняв, он стал размышлять, затем такое слово
молвил.

Аларка сказал:

9. Обонянье слишком много запахов (воспринимает), они ж
привлекают;
Поэтому против обоняния буду метать я острые стрелы.
Обоняние сказало:
10. Никаким образом меня не пронзят, Аларка, стрелы,
А твои жизненные узлы они раздробят; с разбитыми
узлами ты погибнешь.
11. Иные стрелы измысли, которыми ты меня сможешь
прикончить.
Этому вняв, он стал размышлять, затем такое слово
молвил.

Аларка сказал:

12. Он лакомится сладкими вкусами, они ж привлекают;
Поэтому против языка я стану метать острые стрелы.

Язык сказал:

13. Никаким образом меня не пронзят, Аларка, стрелы,
А твои жизненные узлы они раздробят; с разбитыми
узлами ты погибнешь.
14. Иные измысли стрелы, которыми ты меня сможешь
прикончить.
Этому вняв, он стал размышлять, затем такое слово
молвил.

Аларка сказал:

15. Осязает кожа различные касанья, они ж привлекают;
Поэтому различными оперенными стрелами я разорву
кожу.

Кожа сказала:

16. Никаким образом меня не пронзят, Аларка, стрелы,
А твои жизненные узлы они раздробят; с разбитыми
узлами ты погибнешь.
17. Иные измысли стрелы, которыми ты меня сможешь
прикончить.
Этому вняв, он стал размышлять, затем такое слово
молвил.

Аларка сказал:

18. Ухо слышит различные звуки, а те привлекают;
Поэтому против него выпущу острые стрелы.

Ухо сказала:

19. Никаким образом меня не пронзят, Аларка, стрелы,
А твои жизненные узлы они разобьют, тогда ты
лишишься жизни.
20. Иные измысли стрелы, которыми ты меня сможешь
прикончить.
Этому вняв, он стал размышлять, затем такое слово
молвил.

Аларка сказал:

21. Глаз видит многие образы, они ж привлекают;
Поэтому его я убью отточенными стрелами.

Глаз сказал:

22. Никаким образом меня не пронзят, Аларка, стрелы,
А твои жизненные узлы раздробят; с разбитыми узлами
ты погибнешь.
23. Иные измысли стрелы, которыми ты меня сможешь
прикончить.
Этому вняв, он стал размышлять, затем такое слово
молвил.

Аларка сказал:

24. Познавая, она разные принимает решения;
Поэтому против буддхи я выпущу острые стрелы.

Буддхи сказала:

25. Никаким образом меня не пронзят, Аларка, стрелы,
А твои жизненные узлы раздробят, с разбитыми узлами
ты погибнешь.
Иные измысли стрелы, которыми ты меня сможешь
прикончить.

Брамин сказал*:

26. Тогда Аларка предпринял ужасное, трудновыполнимое
истязание плоти,
Но не добился стрел, способных тех семерых прикончить.
27. Тогда, крепко собрав сознание, стал размышлять владыка,
И, размышляя, в короткое время*, Аларка, лучший из
дважды рожденных*,
28. Постиг, этот лучший мыслитель, что выше йоги нет
блага;
На нем единственно сосредоточив мысль, он
непоколебимо утвердился в йоге.
29. Могучий, одной стрелой убил он чувства.
Йогой проникнув в Атмана, он высшего достиг
совершенства.
30. Ликуя, он такое раджа-ришам сказал изречение:
"Увы, плохо, что мы за всем внешним гонялись,
31. Привязанные к жажде наслаждений, мы некогда ценили
царство,
Впоследствии ж я узнал, что нет счастья выше, чем
йога.
32. Итак, Рама, не губи кшатриев с их потомством,
Предайся страшному умерщвлению плоти, и ты
достигнешь блага".
33. Согласно такому слову предков, сын Джамадагни предался
страшному умерщвлению плоти
И весьма счастливо достигнул труднодостижимых
совершенств йоги.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXX ГЛАВА —*

ПЕСНЬ БРАМИНА

ГЛАВА XXXI

Брамин сказал:

1. Есть три врага в мире, они, соответственно гунам,
девятикратны:
Радость, любовь, блаженство — присущи качеству саттва;
2. Жажда, гнев, горячка — присущи качеству раджас;
Изнурение, вялость и заблуждение — присущи качеству
тамас.
3. Их уничтожает стойкий множеством стрел неустанно.
Недругов победив, победивший чувства может
успокоиться духом.
4. Люди, знающие стародавнее, об этом такое изречение
хвалят;
Его пропел Амбариша-раджа, некогда достигший мира;
5. Пробудив добродетели, преборов пороки,
Власти достигнул упорством многославный Амбариша;
6. Он соблюдал себя от пороков, почитал добродетель;
Придя к великому совершенству, он такое произнес
изречение:
7. — Многие побеждены пороки, все враги убиты,
Один порок, но тягчайший, мне нужно убить, я его не
осилил.
8. Пока (моя) сущность с ним связана, я не достигну
бесстрастия,
Пока (человека) гонит жажда вниз, остается он
неразумным.
9. Но человек бестелесному здесь причастный,
Искореняя острым мечом, да уничтожит ту жадность*.
10. (Ибо) от жадности рождается жажда, отсюда возникает
забота.
И (человек) стремится к желанному, а достигнутое
преимущественно бывает страстного свойства;
Получив такое (свойство), он получает (затем) то,
что преимущественно относится к темному свойству.
11. Обремененный этими свойствами, он попадает в узы,
стремится к делам и рождается снова и снова.
Когда жизнь истощается, распадается и рассеивается тело,
а (человек) идет снова к рождению и смерти.
12. Поэтому, полностью прозревая жадность, решительно ее
схватив, в Атмане искать нужно царства,
Кроме этого царства нет другого, а царь в нем — как
должно, постигнутый Атман,

13. Такое изречение спел Амбариша, прославленный раджа;
Искоренив жадность, он достиг высшего царства.

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXXI ГЛАВА —

ПЕСНЬ БРАМИНА

ГЛАВА XXXII

Брамин сказал:

1. Об этом еще такую древнюю быль повествуют,
О лучезарная, брамина с Джанакой беседа.
2. Как-то провинившемуся брамину, наказания ради,
"В моей области ты не должен жить", — так молвил
раджа Джанака.
3. На эти слова брамин лучшему радже ответил:
— Укажи область, раджа, подчиненную твоей воле,
4. Чтобы в иную область, раджа, я бы пошел, владыка
Слово твое исполнить хочу согласно закону, земли
владыка.
5. На эти слова многославного брамина раджа,
Внезапно вздохнув, ничего не ответил.
6. На того, сидящего в размышленье неизмеримо сильного
Сомнение вдруг надвинулось, как пожиратель — раджу
(Раху)
на солнце.
7. Раджа вздохнул, когда прошло смущенье,
И быстро такое слово сказал брамину.

Джанака сказал:

8. В унаследованном от отца и деда царстве,
Подумав о всей земле, не нахожу области (моей) воле
подвластной,
9. И не найдя по всей земле, я ограничился (городом)
Митхилой;
И там не найдя, я ограничился семьею.
10. И здесь же найдя, пришел я в смущенье,
Но смущенье закончилось, когда новая мысль возникла:
11. Так как нет такой области, я подумал, то все — моя
область.
Если и сам я не свой, то значит вся земля — моя
(область);

12. Но как моя, так и других, так полагаю, дважды
рожденный,
Итак, живи, поскольку можешь, и наслаждайся,
поскольку хочешь.

Брамин сказал:

13. В унаследованном от отца и деда царстве
Свою область, скажи, на каком основании отрицаешь?
14. Какую мысль постигнув, полагаешь, что все твоя область,
Раз не имеешь области, то почему все своей областью
считаешь?

Джанака сказал:

15. Преходящим считается здесь занятость всяким делом,
Поэтому здесь своего ничего не нашел я.
16. "Чье это, кто обладает этим?" — такое слово говорят
Веды*,
И не нашел ничего, о чем бы "это мое" мог подумать,
17. Придя к такой мысли, я тебе отрицал свое обладание,
Слушай, постигнув какую мысль (я сказал): "все — моя
область".
18. Не ищу для себя запахов, даже в нос вошедших,
Поэтому победил я землю*, она навсегда в моей власти.
19. Не ищу для себя даже находящихся во рту вкусов,
Так победил я воду, она навсегда в моей власти.
20. Образов, света в глазах для себя не желаю,
Поэтому свет победил я, он навсегда в моей власти.
21. Не ищу для себя касаний, даже достигших кожи,
Поэтому воздух я победил, он всегда в моей власти.
22. И звуков для себя не ищу, даже (проникших) в ухо,
Поэтому я победил звук*, он навсегда в моей воле.
23. Я манаса для себя не ищу, хотя постоянно внутри (меня)
манас,
Так победил я манас, поэтому он навсегда в моей воле.
24. Ради богов, предков, стихий и ради гостя,
Вот ради кого существуют все эти стремленья.
25. Тогда брамин, улыбнувшись, снова сказал Джанаке:
"Чтоб испытать (тебя) в этом, я ныне сюда явился,
знай, что я Дхарма.
26. Ты — трудновращаемого колеса достижения Брахмо,
Обтянутого ободом саттвы, единственный вращатель*".

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXXII ГЛАВА —
ПЕСНЬ БРАМИНА

ГЛАВА XXXIII

Брамин сказал:

1. Не таково мое странствие в мире, робкая, в каком ты
меня, благомудрая, упрекала:
Я брамин, домохозяина долг соблюдающий, свободный
обитатель леса*.
2. Я не таков, каким ты меня видишь в дурном и хорошем,
Я объемлю всю эту (вселенную), с подвижным и
неподвижным.
3. Знай, для всего подвижного и неподвижного, что родилось
в мире,
Для всех я последний, ужасающий Очиститель*.
4. Вся земля — мое царство, я охватил даже третье небо;
Знай, они — сознание*, а сознание — (это) мое богатство.
5. Один есть путь для браминов, по нему идет мудрый,
Будь то домохозяин, отшельник, учитель или нищий*.
6. Во многих образах* почитается сознание, направленное
к высшей цели,
Теми, кто владеет познанием покоя при разных образах
жизни, на разных ее ступенях;
7. Такие к единому Бытию направляются, как реки к океану;
С этим сознанием нужно идти по пути, с плотным* идти
невозможно.
8. Деятельность (связана) с началом, концом; поступки
обуславливают тело*;
Поэтому тебе, благой причастная доле, не следует
страшиться иного мира,
Радуюсь небытию быванья, в мой Атман ты вступишь.

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXXIII ГЛАВА —
ПЕСНЬ БРАМИНА

ГЛАВА XXXIV

Браминка сказала:

1. Этого не могут познать малодушные, несовершенные люди;
Моя мысль множественна, расплывчата, рассеяна,
ничтожна.
2. Скажи мне средство, которым я овладею мыслью;
Дай мне постигнуть причину такого познания.

Брамин сказал:

3. Знай, что браминки мягкая часть арани, его верхняя
часть учитель.
Изнурение плоти, изученье Писаний есть трение,
зарождающее огонь познания.

Браминка сказала:

4. Каков признак этого Брахмо, известного как "Познавший
поле"?
Где такой признак, если я в состоянии это постигнуть?

Брамин сказал:

5. Оно без признака, без качеств, не видно его причины,
Но я скажу тебе средство, которым оно познается и не
познается.
6. В уподоблении пчелам совершенное средство видно
В (их) работе*; "То" недоступно познанию, но через
символ* к нему приблизиться можно;
7. Указания (Шастры): то следует делать, того не делать —
освобождению не научат;
Смотрящего и слышащего "я" должно родиться познание,
8. Нужно столько частей собрать, поскольку это здесь
возможно,
Образов ясных и неясных — сотни сотен, тысячи тысяч.
9. В сочетании с обуславливающими их причинами
накопление разных предметов (познания)
Еще не приводит к восприятию Высшего, но при усердии
оно будет.

Шри Бхагаван* сказал:

10. Так Познавший поле разрушил (неверную) мысль той
браминки,
Но потом Познавший поле развил (в ней) знание
Познавшего поля.

Арджуна сказал:

11. Кто эта браминка, кто тот брамин, Кришна,
Те, что достигли такого совершенства, те, чью беседу я
слушал?

Шри Бхагаван сказал:

12. Знай, брамин — это мой манас, а буддхи — браминка,
А Познавший поле, о котором шла речь, — это я сам,
Джаханджая.

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXXIV ГЛАВА —
ПЕСНЬ БРАМИНА

ГЛАВА XXXV

Арджуна сказал:

1. То высшее Брахмо я хотел бы знать, о нем благоволи
мне поведать,
Утонченному (познанию) радуется моя мысль по милости
владыки.

Сын Васудэвы сказал:

2. Об этом еще такую древнюю быль повествуют:
Беседу об освобождении, вопросы ученика великому гуру.
3. Некого брамина с отточенными* обетами, занятого
наставленьем*,
Разумный ученик спросил: "Что есть благо, врагов
крушитель?*"
4. К благу стремясь, я припадаю к владыке
И голову склоняю, певец; что подлежит сообщенью,
скажи мне".
5. Тому вопрошающему ученику, сын Притхи, учитель
ответил:
"Все тебе возвещу, в чем у тебя есть сомнение, дважды
рожденный".
6. После слов учителя, лучшего из гуру, учителя любимец
Как вопрошал, сложив руки, это узнай, многомудрый.

Ученик сказал:

7. Откуда я, ты откуда? Эту высшую истину открой мне!
Подвижные и неподвижные существа как родились?
8. Чем живут существа, каков их крайний возраст?
Как праведные разъясняют, певец, что такое истина, что
тапас, что гуны?
9. Какие благие пути бывают, что такое счастье, несчастье?
Эти мои вопросы, благообетный владыка, разъясни
досконально.
10. Благоволи разъяснить здесь, сообразно истине,
певец-риши,
Ибо никто иной, кроме тебя, на эти вопросы ответить
не может.
11. Говори, беспредельна моя любознательность, из знающих
лучший,
Чтобы ты, преуспевший в законе, в освобожденье, в
мирах был воспет, владыка!
12. Не видно другого, способного разрешить сомненья —
Мы страшимся самсары, желаем освобожденья.

Сын Васудэвы сказал:

13. Ему, прибегшему, вопрошающему, как должно,
Ученику, обладающему (добрыми) свойствами,
достигшему мира,
14. Следующему, как тень, (за учителем), прилежному
послушнику
На те вопросы ответил мудрый, твердый в обетах.

Гуру сказал:

15. Вся эта, блюдомая высшими ришами, изреченная Брамой,
В истине бытия пребывающая, согласная с Ведами
мудрость
16. Есть знание высшего Брахмо, отречение и высшее
умерщвление плоти.
Кто неизреченную сущность знания решительно
постигает
17. И во всех существах пребывающего Атмана, тот считается
вездесущим.
Кто, знающий, совместное и раздельное существование
видит,
18. А также единственность и множественность, тот
полностью от страданий свободен.
Кто ничего не желает, ни о чем не мечтает,
19. Тот уж в этом мире бытию Брахмо причастен.
Обладающий знаньем основы* и сущность свойств всех
существ постигший,
20. Без собственности*, без самости освобождается, в этом
нет сомненья.
Огромно (дерево)*, возникшее из семени
непроявленного*; его подножие* — буддхи;
21. Великая основа личности — его ствол, индрии — побеги
и дупла*,
Великие суты* — развилки, особенности* —
разветвления;
22. Всегда оно производит привлекательные плоды, цветы,
листья;
Это обитель существ, вечное семя Брахмо!
23. Знающий дерево и таттвы, мечом высшего знания
Срезав его, получает бессмертие, отвергнув смерть и
рождение.
24. Объемлющий прошлое, настоящее и будущее,
удостоверяющий цель, закон и желанье,
Вполне известный сонмам совершенных, несомненный,
вечный,
25. Высочайший ныне я тебе путь возведу, о
многопознавший;

Постигнув его, разумные уже здесь достигают
совершенства.

26. Некогда вместе сошлись ищущие познания риши:
Праджапати, Бхарадваджа, Гаутама, Бхаргава,
27. Васиштха, Кашьяпа, Вишвамитра, Атри,
Прошедшие все пути, изнуренные своими делами.
28. Сурового риши Ангираса во главе поставили те брамины.
В обители Брами они желали узреть безгрешного Браму.
29. Ему, счастливо пребывающему, Махатме поклонились
великие риши
И, преисполненные смиренья, спросили о высшем благе:
30. — Как нужно выполнять благое дело, как стать от грехов
свободным,
Каков благой наш путь, что есть истина, что злодеянье?
31. Как достигаются два пути деятельности: северный,
южный?
Возникновенье, бытие и гибель существ как происходит?
32. Что сказал Предок на слова лучших муни —
Я теперь возвещу, внимай, ученик, как это было.

Брама сказал:

33. Недвижные и подвижные существа родились от Правды;
Подвигом они живут, благообетные, это знайте.
34. Своей деятельностью они развиваются, вступив в свое
лоно.
Истина, сопряженная с гунами, пять признаков носит.
35. Высшая истина есть истинное Брахмо; истина есть
существ владыка;
От истины родились существа, этот преходящий мир
возник Правдой*.
36. Поэтому певцы, пребывающие в правде, постоянно
устремляются к йоге.
Преодолев гнев, самообузданные, они предаются подвигу,
долгу;
37. Обуздывая друг друга, они преданы Ведам, живут по
закону;
О них возвещу, о вечных хранителях мира,
38. О четверичной науке*, о кастах и особенно о четырех
степенях жизни.
Единой дхармы четверичный путь мудрые называют
вечным.
39. Браминь*, я путь возвещу вам благой, ведущий к покою,
Постоянный, древних мудрецов приведший к Брахмо,
40. Вам, о высшем, труднообъяснимом пути меня
вопросившим.

- Постигните, причастные великой участи, полностью
высшую Обитель.
41. Ступень брахмачарья первой зовется из (жизненных ступеней) ашрама;
Состояние домохозяина — второй; отшельничество же в лесу — третьей.
42. Затем следует высшая ступень, касающаяся Атмана,
так знайте.
Свет, пространство, солнце, ветер, Праджапати, Индра
43. Не постигают высшего Атмана, поскольку его не созерцают.
Я возведу для этого способ — древние его разумели.
44. Муни, питающиеся плодами, корнями, воздухом, —
обитатели леса.
Предписывается отшельничество для трех (каст) дважды рожденных,
45. Ступень домохозяина должны соблюдать все касты*.
Признак благочестия — почитание предков*, так мудрые считают.
46. Так объясняется путь “дэваяна”, по нему ступая,
Праведные, мудрые (своей) деятельностью прокладывают мост к Основе (дхарме).
47. Также кто иначе* подвизается в долге, заострив обеты,
Со временем постоянное возникновение и закат существ прозревает.
48. Теперь, с надлежащим обоснованием, я скажу о таттвах:
Они пребывают* в (соответственном) распределении во всех предметах.
49. Великий*, как проявленный Атман, принцип личности* также,
Одиннадцать индрий и пять великих сутей*,
50. Пять особенных свойств (этих) сутей — вот постоянное проявление —
Вот двадцать четыре таттвы и одна, перечисленные в Санкхье.
51. Кто знает все таттвы, их возникновение, исчезновение,
Тот, мудрый среди существ, не идет к заблуждению.
52. Кто сообразно действительности, познал все таттвы с
(их) божествами и гуны,
Тот сдувает (с себя) грехи, освобождается от уз и чистые миры вкушает.

**ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ “ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ”,
В КНИГЕ “АНУГИТА” ГЛАСИТ XXXV ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ**

ГЛАВА XXXVI

Брама сказал:

- 1 Тот неспроявленный, неисчерпаемый*, всепроникающий
и постоянный
Девятивратный кремль* подобает знать, трехгунный
из пяти влаг состоящий.
2. Его окружают одиннадцать икдрий с манасом,
сущность которого — распознавание,
Повелительница в нем буддхи, таков этот превосходный
одиннадцатичленный* город.
3. Три потока туда стремятся снова и снова, Они состоят
из гун, катятся проникнутые праной.
4. Тамас, раджас и саттва — называются эти свойства
(гуны);
Они сочетаются друг с другом, друг из друга возникают,
5. Сталкиваются друг с другом, одно за другим вращаясь,
Перекрывая друг друга; из пяти соков (дхату) состоят
те свойства.
6. Тамас сочетается с саттвой, саттва сочетается с раджас;
Также раджас с саттвой и сочетается саттва и тамас.
7. Когда подавляется тамас, тогда возрастает раджас;
Где подавляется раджас, там возрастает саттва.
8. Мрак присущ свойству тамас, оно тройственно
качеством, известно как заблуждение;
Признак его — беззаконие, постоянно (присущее)
злодеям*.
9. Деятельность по сути называется (свойством) раджас,
причиняющим измененья;
Развиваясь во всех существах, оно заметно по признаку
возвышенья.
- 10 Ясность во всех существах, благочестие, легкость —
Таков образ саттвы; легкость с праведностью схожа.
11. Суть этих гун подлежит изложению и doskonaльному
обоснованию;
В общем и частном, сообразно действительности,
я расскажу. Постигни это.
12. Заблуждение, неведение, непредприимчивость
в деятельности, скупость.
Сонливость, упрямство, малодушие, презрение к добру,
горе, жадность.
13. Отрицанье, забывчивость, незрелость, слепота,
безрассудность, распутность — вот поведение худшей
гуны.

14. К исполненному, неисполненному пренебреженье,
пренебреженье к незнанию, знанию,
Недружелюбность, извращенность, неблагочестие,
заблуждение,
15. Непрямодушие, обособленность, худоумие, злодейство,
Тяжесть, несдержанность, безволие, неповоротливость,
коварство —
16. Вот перечислены тамаса свойства; есть и другие
свойства, причисляющиеся к той же (гуне)
в природе этого мира.
17. То там, то здесь подавляются все эти темные свойства.
Те, что постоянно противоречат Ведам, порицают
браминов,
18. Проявляют скупость, гордость, заблуждение,
нетерпеливость,
Корысть, те существа считаются окутанными тьмою.
19. Незакономерные дары, незаконмерные начинанья,
Незакномерное вкушение пищи под воздействием
тамаса бывают.
20. Бахвальство, нестойкость, себялюбие, чванство,
Неблагочестие — все это считается темным;
21. Подобные этому здесь в мире злодеи,
Люди преступные, они все считаются темного свойства.
22. Я назову тебе лона, предназначенные тем злодеям:
(Их удел) состояние ниспадения, животное состоянье,
23. В недвижимых растениях, рогатом скоте, в упряжных
животных,
В хищниках, пресмыкающихся, змеях и птицах,
24. В существах, из яйца рожденных, в четвероногих
(Они рождаются), с дурными болезнями, безумными,
глухими, немymi;
25. Погруженные в тьму, дурного поведенья, своих дел
они отмечены знаком;
Ниспадающие, темные, они (еще глубже) погружаются
в тамас.
26. Как они извлекаются вверх, я объясню теперь дальше,
Как чистыми делами они мира праведных достигают.
27. Приняв иное направленье, они возрастают (своими)
делами,
И (силой) от своих дел отказавшихся браминов*,
желающих блага,
28. Очищаясь, они восходят, подвизаясь вместе с миром,
И вступают в небо богов; так сказано в Ведах.
29. В иное направленье попав, вразумляясь своими
делами,

Они вновь становятся людьми, возвращаются к дхарме
снова.

30. (Сначала) попав в дурные лона, косноязычные, немые,
(Затем) они других каст достигают, поднимаясь
выше и выше;
31. Перейдя через лоно шудры и другие темные лона,
(Хотя) они в средний поток вступают, но сохраняют
темные свойства.
32. Пристрастие к наслаждениям — великое заблуждение;
так указывает Преданье;
В этом заблуждаются, желая счастья, риши, мунни, боги.
33. Тьма, заблуждение, великое ослепление, затемненность
называются злобой;
И смерть есть ослепление, затемнение; гнев считается
темным*.
34. По кастам, свойствам, рожденьям досконально
Все это, певцы, о тамасе возведено согласно закону.
35. Кто, праведный, постигает это? Кто правильно видит?
Вот признак темного: это тот, кто на недействительное,
как на действительное смотрит.
36. Свойство тамаса разносторонне разъяснено, соответствен-
но сказано, насколько простирается тамас.
Человек, знающий об этих свойствах, всегда освобож-
дается от качеств мрака.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXXVI ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ*

ГЛАВА XXXVII

Брамин сказал:

1. О раджасе я возвещу, сообразно действительности,
лучшие (брамины);
Страстные свойства, о причастные великой участи,
поймите.
2. Столкновение, телесная красота, холод и жар,
радость и страдание,
Царственность, мир и война, состязание,
снисходительность, неудовлетворенность,
3. Неустойчивость и задор, сила, отвага, опьянение,
ярость,

- Покровительство, себялюбие, зависть, предательство,
пересуды,
4. Убийство, связанность, бедствия, купля-продажа,
“Уничтожай, разбивай”, — нападение на врагов с таким
криком,
 5. Повелительность, защита, угроза, вспыльчивость, ужас,
Заботливость и небрежение к миру, стяжательность,
пересуды,
 6. Лицемерие, лицемерная щедрость, лесть, сомнение,
Величие, слава, порицание, восхваление,
 7. Тревоги, послушание, услужливость, уныние, жажда,
Воеводство, государственность, нерадивость,
дружественность, подозрение,
 - 8.хлопоты, что каждый в народе предпринимает особо,
Мужчины и женщины: о скоте, богатстве, жилище,
 9. Изнурение плоти, подозрительность, обеты и обузданье,
Выполнение всевозможных дел, сопряженное с расчетом,
 10. С возгласом “свага” — хвала, “намас” — поклоненье,
“свадха” — получение, “вашат” — отдача,
Порученье творить жертвы, изученье Писаний,
совершение жертв, наставление в законе*,
 11. Раздача даров, отнятие, покаяние, благоприятные
приметы и заклятья,
Желание того или иного, пристрастие — из этой гуны
проистекают.
 12. Донос, отвод глаз, унижение, гордость,
Воровство, вредение, отвращение, настороженность,
самоистязанье,
 13. Лживость, чванство, страстность, преданность,
приязнь, веселость,
Приветливость, привязанность к женщинам, игра в кости,
 14. Склонность к пляске, пению, музыке всякого рода —
Певцы все эти свойства страстными считают.
 15. В прошлом, настоящем, будущем все существа земные
Радуются всегда этим трем: закону, вожделению,
богатству;
 16. Вращаясь в желаниях, радуются всем вожделенным
удачам,
Окутанные раджасом, сюда стремятся эти люди.
 17. Рождениями в этом мире они опьяняются снова и снова...
Существования мирского они вожделеют и после смерти.
 18. Они дают и принимают воздаянье, приносят жертвы
богам и предкам.
- Вот перечислены многие свойства раджаса,

обволакивание (этим) качеством объяснено досконально;
И человек, знающий страстные свойства, от этих качеств
становится свободным.

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ " АНУГИТА" ГЛАСИТ XXXVII ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ

ГЛАВА XXXVIII

Брамин сказал:

1. Теперь далее возведу о третьей гуне, высшем свойстве;
Оно благо для всех существ мира, свято, закономерно,
безупречно;
2. Восторг, приветливость, озаренность, счастье,
Бескорыстие, равнодушие к утехам, благочестие,
удовлетворенность,
3. Терпение, стойкость, невреждение, уравновешенность,
прямота, правдивость,
Безгневность, отсутствие осуждения, щедрость, чистота,
отвага,
4. Бескорыстное познание, бескорыстное поведение,
бескорыстный труд, бескорыстное богослужение —
Кто так подвизается в дхарме, тот запредельную
бесконечность вкушает.
5. Без собственности, без самости, без надежд,
уравновешенное совершенно,
Без вожделений существование — такова святых вечная
дхарма.
6. Неутомимость, совестливость, стойкость, отречение,
чистота, постоянство,
Невреждение, незаблуждение, сострадательность
к существам, отсутствие коварства,
7. Восторженность*, удовлетворенность, изумление,
сдержанность — вот благих поведение;
Умиротворяющая деятельность, очищение, благость,
просветленность мысли,
8. Незаинтересованность, целомудрие, полная отрешенность,
Отсутствие самолюбия, отсутствие расчетов, соблюдение
уставов,
9. Бескорыстные дары, бескорыстные жертвы (богам),
бескорыстные обеты,

Бескорыстное принятие подаянья, бескорыстное
соблюдение уставов, бескорыстный (духовный)
подвиг, —

10. Таково поведение тех, что в этом мире стремятся
к саттве,
О брамины, рожденные от лона браминок, мудрые,
зрящие правду.
11. Так потомки Ману, беспечальные, все грехи отбросив
И достигнув неба, мудрые, себе избирают тело*.
12. Творчество, мышление, легкость, волю
(Себе) создают те махатмы, как боги третьего неба.
13. Их восходящих, изменяющихся (произвольно),
богоподобными считают;
Они по-разному изменяют (свою) природу, достигнув
неба.
14. Чего б ни пожелали, они получают и распределяют.
Так поведение саттвичных изъяснено вам, туры-брамины.
15. Это познав согласно закону, вы получите (все), чего
бы ни пожелали.
Так по отдельности разъяснены свойства саттвы
и сказано о развитии этой гуны.
Кто знает эти гуны, не связывается свойствами, всегда
их вкушая.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXXVIII ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ*

ГЛАВА XXXIX

Брама сказал:

1. Нельзя говорить о гунах по отдельности о каждой:
Нерасторжимы качества — саттва, раджас, тамас;
2. Они одно из другого исходят, одно в другом пребывая;
Друг друга поддерживают, друг за другом вращаясь.
3. Поскольку саттва вращается, постольку и раджас,
в этом нет сомненья.
Поскольку говорится о тамасе и саттве, постольку
о раджасе также.
4. Неразлучные спутники, они совместно свершают дорогу,
Совместно они вращаются, как причина и не причина.

5. О них, наплывающих друг на друга, взаимодействующих,
вращающих друг друга,
Следует сказать, как они преодолевают и отовсюду
вытесняют друг друга.
6. Где преодолевает тамас, там утверждается животное
существование.
Мало там познается раджас, а саттва и того меньше.
7. Где преодолевает раджас, там бывает среднее положение:
Мало там познается тамас, а саттва и того меньше.
8. Когда преодолевает саттва, образуется восходящий
поток, восхождение,
Там мало познается тамас, а раджас и того меньше.
9. Саттва есть лоно преображения и просветления индрий,
Ибо нигде нет лучшего устоя, чем саттва.
10. Вверх идут пребывающие в саттве, страстные находятся
посередине,
Сопряженные с худшим свойством, вниз идут темные
люди.
11. Тамас преобладает в шудрах, в кшатриях — раджас,
саттва — в браминах.
Так распределяются в трех кастах эти три гуны.
12. Хотя они и совместно движутся, но издали видны
По отдельности: тамас, раджас и саттва, так мы слышали.
13. При виде восходящего солнца злодеев охватывает трепет;
Несчастные (путники) перегреваются в зной под солнцем;
14. Солнце по преимуществу саттвично, но темны злодеи.
А мучимые зноем странники считаются свойства раджас.
15. Солнце саттвично сияньем, (но его) зной — от свойства
раджас,
А прохождение через узлы (затмений) признать нужно
темным.
16. Так во всех светилах вращаются свойства,
То здесь, то там, то так, то этак они сменяются
в движенье.
17. В существах неподвижных, в животных преобладает
тамас.
Раджас, их изменяя, (возносит), их жир саттвичен.
18. День также нужно знать трояким, ночь признают
тройкой,
Также сумерки, месяц, полумесяц с их временами года.
19. Трояко даются дары, свершаются жертвы, (тройка) наука,
Тройки миры и боги, путь также нужно знать трояким.
20. Прошлое, настоящее, будущее, закон, цель, вождельные
Из трех свойств состоят — прана, апана, удана;

21. Преходящие, они вращаются то там, то здесь, то так,
то этак,
Из трех свойств состоит все, что есть в мире.
22. Три гуны, вращаясь, (остаются) непроявленными
постоянно,
Таково непрестанное творчество свойств — саттва,
раджас, тамас.
23. Непроявленное (свойство) тамас есть обитель благого
(саттва), раджас есть вечное лоно.
Произрождение, изменение, кончина, возникновение,
уход — Основа (прадхана).
24. Непокоебимое, вечное, стойкое, без прибавления,
ущерба,
Бытие-небытие — все это тройкое непроявленное
распределено по свойствам:
25. Воплощенные мужи, размышляющие о высшем Атмане,
имя (его) да познают.
Кто знает суть непроявленного, имен и гун и
к отрешенности* дорогу,
Освободясь от тела, безболезненно освобождается
от свойств, зная сущность обособления.

**ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XXXIX ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ**

ГЛАВА XL

Брама сказал:

1. От Непроявленного изначала — Махан-Атма
многочтимый,
Он начало всех свойств, именуется первым в творенье.
2. Махан-Атма — мысль, это Победный Вишну, могучий
Шамбху, (Шива),
Буддхи, Познающий, Восприятие, Слава, Стойкость,
Память.
3. В ряде подобных слов, звуков познается Махан-Атма.
Ученый брамин, его познав, не идет к заблуждению.
4. Имея везде головы, рты, глаза, руки, ноги,
Везде уши, проникая все в мире, он пребывает.
5. В сердце всего прозревается великомощный Пуруша,
Мельчайший, Тончайший, Достигший, Непреходящий,
Свет, Владыка.

6. Те, что радуются истинному Бытию, в мире постигают
буддхи (сознание),
Погруженные в размышление*, постоянные йогины,
преданные истине, победившие чувства,
7. Знающие, свободные от гнева, победившие жадность,
Без собственности, без "я", мудрецы, победившие
разум,—
8. Все эти освобожденные в Величие вступают,
Познавшие чистый и высший Путь, Великого Духа.
9. От принципа личности, аханкара, порождается пятерица
великих сутей:
Земля, ветер, пространство, вода, огонь — пятый*.
10. Этим пяти великим сутям существа причастны;
Они действуют в звуке, касании, образе, запахе, вкусе.
11. При наступленье пралаи, когда гибнут великие сути,
Среди всех, кому присуще дыханье, (только) мудрец
не поддается страху.
12. Во всех мирах в заблуждение не впадает мудрый,
В изначальных творениях Вишну он становится
Самосущим Владыкой.
13. Кто знает пребывающего в потаенном месте изначального,
высшего владыку, всеобразного Пурушу,
Золотого, премудрого, тот, мудрый, достигнув
сознания*, на высшем пути утвердился.

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ ХЛ ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ

ГЛАВА ХЛ

Брама сказал:

1. Называется "Аханкара" тот, кто первый возник от
Махана.
Сказав "я", он возникнул — это вторичным
творчеством считают.
2. "Основа личности" есть начало сутей*, изменения
производящий*, как указуют Смрити.
Силой сознания* он становится творчеством творений,
основных соков (дхату).

3. Как возникновение богов, это бог, как (возникновение)
манаса — творец тройственного мира.
“Я”, — так сказав*, он на творческую мысль направляет.
4. Молчалиники, создающие себя, знанием высшего
Атмана насыщаясь,
Совершенствующиеся жертвами, изучением Писаний,
причастны этому вечному миру.
5. (Пуруша) захватывает основой личности эти гуны,
произведенный же творец существ творчество
осуществляет;
Изменяющий, он своим пылом* приводит в движение
весь этот мир преходящий.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ “ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ”,
В КНИГЕ “АНУГИТА” ГЛАСИТ ХЛІ ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ*

ГЛАВА ХЛІІ

Брама сказал:

1. От “Основы личности” произошли пять великих сутей:
Земля, воздух, пространство, вода и свет — пятый.
2. В этих пяти великих сутях существа блуждают,
В деятельности звуков, касаний, образов, запахов, вкусов.
3. При наступлении пралаи, когда гибнут великие суги,
Среди всех, кому присуще дыхание, (только) мудрец
не поддается страху.
4. Тогда, из какой суги родилась, в той (каждая) суги
исчезает.
Они вливаются в порядке, обратном возникновению:
от низшей к высшей.
5. Тогда подвижные и неподвижные существа проливаются
совершенно,
Но помнящие (о прошлых рожденьях) никаким образом
не растворяются витязи* (духа).
6. Звук, образ, касание, сок, пятый — запах,
Будучи постоянной причиной изменений, непостоянны
и познаются как заблуждение.
7. От похоти и зарождения возникшие в безразличной
(смеси), не-нечто*.
Одна в другой живущие кучи мяса и крови,

8. Так (называемые) "внешние я" несчастны, вызывают жалость*.
 Прана, апана, удана, самана и व्याна —
9. К внутреннему "я" относятся эти пять течений,
 С речью, манасом, Буддхи они восьмеричный мир (образуют).
10. Кто покорил речь, нос, глаза, уши, вкус и кожу,
 Кто очищает сердце (манас), (тот) не позволяет блуждать сознанию (Буддхи).
11. Человек, которого эти восемь огней никогда не опалаяют,
 Направляется к блаженству в Брахмо, выше которого ничего не бывает.
12. О тех одиннадцати, которые индриями называют,
 Порожденных основой личности, я полностью (вам) расскажу, брамины.
13. Ухо, кожа, глаза, язык и нос — пятый,
 Речь, выводящие и детородные органы, руки, ноги — вот десяток.
14. В группе одиннадцатым считается манас,
 Эту толпу победить сначала нужно, а тогда явится Брахмо.
15. Насчитывают пять познавательных индрий и пять
 деятельных индрий.
 Слух и прочие пять по своей сути познавательными индриями считают;
16. Другие ж распознавать не могут, но деятельности причастны.
 Нужно знать двояким* манас; а двенадцатая (над ними) — буддхи.
17. Так перечислены индрии "я", одиннадцать поочередно;
 Овладевшего* ими пандиты считают завершившим науку.
18. О всех различных индриях я расскажу теперь дальше:
 Акаша есть первая суть, относительно "я" она называется слухом.
19. Относительно сугей — это звук, относительно божества — (божество) сторон света.
 Вторая суть Марута — воздух, относительно "я" — это считается кожа,
20. Это — осязаемое среди сугей, относительно божества — молния это.
 Третью, суть называют светом, относительно "я" называют глазом,
21. Относительно сугей — образ, относительно божества — это Солнце.

- Нужно знать: четвертая суть — вода, относительно “я”
ее языком называют.
22. Относительно сугей — вкус, относительно божества —
это Сомы.
Земля, пятая суть, относительно “я” называется носом,
23. Относительно сугей — запах, относительно божества —
это Ваю*.
Отношение сугей по этим трем отделам изложено
согласно преданью.
24. О всех различных индриях я расскажу теперь дальше:
То, что брамины, знающие правду, называют
по отношению к “я” ногами,
25. Есть относительно сугей подлежащее хождению,
относительно божества — Вишну.
Относительно “я” выводящими органами называется
вниз направленная апана,
26. Относительно сугей — исхождение, относительно
божества — Митра.
Производитель во всех сугах относительно “я”
называется детородный орган;
27. Относительно сугей — это семя, относительно
божества —
Праджапати. То, что люди, знающие “я”, называют
относительно “я” руками,
28. Есть относительно сугей дело, относительно божества —
Шакра.
То, что воздает хвалу всем богам, относительно “я”
называется речью,
29. Относительно сугей — подлежащее высказыванию,
относительно божества — Вахни;
О приводящем в движение пять сугей относительно
“я” говорится манас;
30. Относительно сугей — намеренье, относительно
божества — Чандра (месяц).
Аханкара относительно “я” есть то, что творит самсару,
круговорот жизни;
31. Относительно сугей — это переоценка себя, относительно
божества — это Рудра.
Преодолевающий шесть индрий относительно “я”
называется буддхи;
32. Относительно сугей — подлежащее осмыслению,
относительно божества — Брама.
Три области для существ, четвертой не бывает:
33. Почва, вода и воздух; а видов рожденья — четыре:
Рождение от яйца, от корня, от выпота и от последа.

34. Признак этого множества существ — четвероякое рождение;
Помимо летающих есть существа иные,
35. Признаваемые яйцерожденными, они из воды выползают.
Черви, также подобные им существа рождаются из пота.
36. Это второе рождение называется низшим*.
Те, что рождаются, со временем пробивая землю,
37. Называются произрастающими существами, лучшие брамины.
Двуногие, многоногие, пресмыкающиеся,
38. Разные существа называются рожденными от следа,
о лучшие брамины.
Следует твердо знать: двояко вечное лоно Брахмо:
39. Изнурение плоти и чистое дело*, как познавшие учат.
Следует знать: различные дела, распростертые
пред ликом То* — дары, жертвы,
40. Чистое обучение молодежи — так учат старцы.
Кто это знает сообразно закону, дважды рожденные,
тот приобщенным* да будет.
41. Постигшие это от всех грехов свободны.
Первым возникло пространство (акаша), относительно
“я” его называют ухом.
42. Относительно сутей — звуком, относительно божества —
(владыкой) сторон света.
Вторым возник воздух, относительно “я” он именуется
кожей;
43. Подлежащим касанию относительно сути, относительно
божества он молнией (зовется),
А третий есть свет, относительно “я” его здесь называют
глазом,
44. Образом — относительно сути, относительно божества —
солнцем.
Четвертая есть вода, относительно “я” ее языком
называют;
45. Месяцем — относительно сутей, относительно
божества — водой, так следует ведать.
Так я сообщил, что относится к “я”, досконально;
сообразно закону
46. Вы приняли это знание, о познавшие дхарму,
От (меня), постигшего чувства, предметы чувств и пять
великих сутей;
47. Всех их нужно собрать и в манасе сосредоточить.
Если полностью погублен разум, не предвидится
благоприятного рожденья:

48. Существам, преисполненным знания (принадлежит)
такое счастье, мудрые так полагают.
Дальше я возведу о поглощающем, обуславливающим
утонченное бытие, покое,
49. Который благостью или суровостью во всех существах
(возникает).
На одно устремленное (поведение), непревосходимое,
непривязанное к качеству качеств —
50. Называется пребыванием в Брахмо, единственным
местом счастья.
Знающий ото всего отвлекает желанья, как черепаха
(подбирает) члены.
51. Счастлив всегда бесстрастный муж, ото всего свободный,
Самообузданный, победивший жажду, укротивший
желанья, самоуглубленный;
52. Ко всем существам сердечный, дружелюбный, он годен
для бытия в Брахмо.
Подавив индрии, повсюду стремящиеся к предметам,
53. Людные места покинув, огонь высшего Атмана
возжигает муни.
Как огонь, поддерживаемый дровами, великий свет
являет,
54. Так, при удержании чувств, является Махан-Атма.
Когда (человек), успокоив себя, все существа в своем
сердце видит,
55. Тогда, озаряя себя своим светом*, в своем тайном он
постигает непревосходимую тайну.
Его видимость — огонь, его текучесть — вода, его
осязанье — ветер,
56. Земля — его страшная, липкая накипь*, его
слышимость — пространство,
Окружено пятью потоками (чувств), преисполнено
болезнями, горем,
57. Девятикратно, образовано из пяти сутей, обитаемо
двумя божествами*,
Страстно*, невзрачно, состоит из трех гун и трех
соков (дхату),
58. Обуреваемо сомненьями*, неразумно тело; такова
достоверность.
Везде, во всем мире с ним трудно справляться; оно
прибегает к покровительству саттвы*.
59. В крутовороте времени оно обращается в этом мире,
В океане ужасном, несказанном, огромном, известном
как заблужденье;

60. Нужно его уничтожить, отвергнуть, бессмертный мир*
постигнуть нужно.
Вожделение, гнев, страх, жадность, коварство,
неправедность, несправедливость —
61. Все это, труднопокидаемое, нужно покинуть, обуздав
чувства;
Кто победил их в мире, состоящем из трех свойств
и пяти соков (дхату),
63. Тот, пребывая в небе, бесконечности достигает.
Пять индрий образуют склон, по нему многоводным
(потоком) стремится манас;
63. Этот поток впадает в море заблуждения, похоти, гнева;
побороть их должен
Свободный ото всех пороков; тогда запредельное он
увидит;
64. В манасе манас замкнув, на Атмана в себе взирая,
Все познав во всех существах, он Атмана в себе находит.
65. То там, то здесь в единичного или во множественного
превращаясь,
Достоверно он прозревает образы, как светильник его
сто светильников зажигает.
66. Он и Вишну, и Митра-Варуна, и Существ Владыка,
Он Творец, Устроитель, Владыка великий.
67. В сердцах всех существ проявляется Махан-Атма,
Его всегда восхваляют сонмы певцов, суры, асуры,
пишачи, предки,
Птицы, толпы ракшасов, толпы бхутов и все великие
риши.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ ХЛИ ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ*

ГЛАВА ХЛИИ

Брама сказал:

1. Из людей раджи, кшатрии принадлежат к средней гуне;
Из упряжйх животных — клыкастый (слон), лев —
из обитателей леса.
2. Из всего рогатого скота — овен, из подземных
жителей — змеи*,
Среди коров — бык, среди женщин — мужчина;

3. Из деревьев нягродха, джамбу, пиппала, шалмали,
Шиншапа, мешашринга, камыш-тростник* также;
4. В здешнем мире это раджи деревьев, в чем нет сомненья.
Химават, Парьятра, Сахья, Трикутаван, Виндхья,
5. Швета, Нила, Бхаса и гора Коштхаван,
Гурускандха, Махендра и гора Мальяван —
6. Это цари гор; из сонмов небожителей — Маруты;
Царь планет — Солнце, среди созвездий ночи — Месяц;
7. Царь озер — океан, Яма — предков;
Над жителями вод царь — Варуна, царем Марутов
считается Индра.
8. Горячего верховный властитель Солнце, а светил —
считается Месяц.
Агни — постоянный царь сутей, Брихаспати — браминов.
9. Сомы — лечебных корней владыка; из могучих —
наилучший Вишну.
Высший царь образов — Тваштар, владыка рогатого
скота — Шива.
10. Высшее из священных действий — жертва, из богов —
их владыка (Индра);
Наивысшая из сторон — север*, (наивысший) из
певцов — могучий Сомы.
11. Кувера есть (царь) всех сокровищ, (царь) богов —
Пурандара*.
Это творчество есть владыка сутей; Праджapati —
владыка тварей.
12. (Владыка) существ это Я, Великий, состоящий из Брахмо;
Из существ высшего, чем я, не видно, кроме Вишну*.
13. Великий Вишну есть царь царей, состоящий из Брахмо.
Царственность творца познайте, несотворенного Хари;
14. Людей, киннаров, якшей, ракшасов, змиев,
Богов, данавов, нагов — он владыка.
15. Великолепная владычица всех поклонников женского
начала —
Прекрасноокая Махадэви, именуемая Парвати*.
16. Высочайшую из женщин прекрасную Уму познайте.
Апсары* обогащают сокровищами женщин.
17. Исполнители закона — раджи, брамины же — мост
к закону,
Поэтому раджи должны усердствовать в охранении
дважды рожденных*.
18. Раджи, в чьих государствах бедствуют праведники
(брамины),
Губят свои заслуги и ниспадают в преисподнюю по
исходе.

19. Те раджи, что в своих государствах охраняют
 благочестивых, —
И в этом мире вкушают счастье и вкушают его по
 исходе;
20. Таково достижение великодушных, знайте, быки-брамины
Теперь вам открою признаки вечной дхармы.
21. Высший закон — невреждение; беззаконие — признак
 вреждения;
Озаренность — признак дэва, деятельность — признак
 человека;
22. Звук — признак акаши; прикосновение — признак ветра;
Признак света — образ; вкус — воды признак;
23. Признак земли, носительницы всех существ — запах.
Слово, образуемое из согласных и гласных, —
 признак речи.
24. Признак манаса — мысль*, изреченная мысль —
 признак буддхи;
Манасом мыслимые предметы буддхи определяет.
25. Признак буддхи — умозаключение, чтоб не оставалось
 сомнения*,
Признак манаса — глубокое размышление (дхьяна)*;
 признак праведника — скрытость.
26. Деятельность* — признак йоги, знание — признак
 отречения;
Поэтому сначала знание нужно мудрому, потом —
 отречение.
27. Саньясин, владеющий знанием, высшего пути достигает;
Преодолев двойственность, он отходит от мрака,
 старости, смерти.
28. То, что касается признаков дхармы, изложено вам
 по Писанию.
О восприятии гун полностью возведу вас в дальнейшем.
29. К земле относящийся запах воспринимается носом,
Носовой Ветер* восприятие запаха доставляет.
30. Основа воды есть вкус; язык постоянно его воспринимает.
Язычный Сома знание вкуса доставляет.
31. Свойство света — образ, он воспринимается глазом;
Глазное Солнце познание образа всегда доставляет.
32. (Свойство) ветра — осязанье, оно всегда воспринимается
 кожей;
Кожный Ветер всегда ощущение касания доставляет.
33. Свойство пространства всегда воспринимает ухо;
Ушные все Страны Света доставляют восприятие звука.

ГЛАВА XLIV

Брамин сказал:

1. О том, чему присущи начало, середина, конец, о том, что восприятия средством (считают), Чему присущи имя и признак, я возведу досконально.
2. Сперва день, затем ночь* считается; в месяце — его светлая половина* сначала. Начало созвездий — Шравана (Орел); времена года начинаются с Шишира.
3. Земля — начало запахов; вода — вкусов; Образов — свет, солнце; касаний — ветер;
4. Акаша — начало звука; таковы свойства сутей. О высшем накале существ я скажу теперь дальше.
5. Солнце есть начало светил; Агни называется началом сутей; Савитри — всех наук (начало); богов — Праджапати.
6. Слог АУМ — (начало) всех Вед; (всех) слов (начало) — прана. Савитри называется (началом) всех предписаний;
7. Творчество началом существ зовется; Гаятри — размеров начало. Дважды рожденные — начало людей; четвероногих — корова.
8. Орел — начало летучих; возлияние масла — высшее из жертвоприношений. Наилучшие из пресмыкающихся — змеи, (знайте), нилучшие брамины.
9. Крита — начало всех юг, в этом нет сомненья. Золото — всех сокровищ начало; ячмень* — злаков.
10. Из всех яств и приготовлений лучшей называется рисовая каша; Вода лучше всех жидкостей и напитков,
11. А из произрастающих существ, всех без исключения, Первой считается смоковница (плакша), вечно чистая обитель Брамь.
12. Я* — из всех существ владыка, в этом нет сомненья; А надо мною Вишну, именуемый непредставимым Атманом, Самосушим.
13. Первороденная из гор — великий Меру, Из сторож света, (основных) и промежуточных, восточная считается начальной.
14. Из рек считается первородной проходящая через три мира* Ганга. Море есть первородное из озер, водоемов.

15. Богов, данавов, бхутов, пишачей, ракшасов, змиев,
Людей, киннаров, якшей — всех их владыка —
Ишвара-Шива.
16. Начало всего переходящего мира — великий Вишну,
состоящий из Брахмо;
Среди существ в трех мирах превосходней его не видно.
17. Лучшее из всех ступеней жизни — состояние
домохозяина, в этом нет сомнения.
Начало миров, их конец — непроявленная природа.
18. Конец дня — закат, а восход — (конец) ночи.
Конец радости всегда страдание, страдания — радость.
19. Конец всех намерений — уничтожение; возвышений
(конец) — нисхождение;
Всех соединений (конец) — разъединение; смерть —
конец жизни,
20. Всего сотворенного — гибель; рожденного — смерть,
вестимо.
Не бесконечно и устойчивое и подвижное в этом мире.
21. Жертвы, дары, умерщвление плоти, изучение Писаний,
воздержание, обеты —
Все это погибнет, а знанью конца не видно*.
22. Поэтому очищением через знание, умиротворенный,
победивший чувства,
Без собственности, без основы личности, ото всех грехов
достигает свободы.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ*,
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XLIV ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ*

ГЛАВА XLV

Брама сказал:

1. Буддхи — втулка, манас — спицы, множество индрий —
обод,
Великие сути — обтяжка, обитель* (домохозяина) —
(того колеса) закрепы.
2. Отягчено оно старостью, горем, существует в болезни,
страдание,
Двигаясь в этом пространстве и времени, в холоде, зное,
3. Оно неустойчиво, скрипят от усталости, запылено
днем и ночью,
Гонимо счастьем, страданьем, гвоздимо голодом, жадой,

4. Потрескавшееся от тени* и жара, открыванием
и закрыванием глаз приводимое в трепет,
Забрызганное ужасной водой заблуждения, вращается
(оно) без смысла.
5. В счете полумесячий, месяцев бродит оно по ухабам
мира,
В грязи мрака грузнет, подстегиваемое напором страсти,
6. Освещено великим личным началом, порождено
вращением качеств;
Недовольство ему мешает, а горе подхлестывает, вертит.
7. Вяжет его причина и следствие, область страстей
окружает,
Сотрясает жадность, желанье, поддерживает различное
незнание.
8. Окутанное страхом заблуждения, оно существа
в заблуждение вводит;
В восторге удовольствий бродит, охваченное вождельем,
гневом.
9. Оно простирается от Махана до различных признаков,
неудержимое в бесконечном возникновенье.
Как манас, быстрое, для манаса желанное — таково
колесо времени в своем вращенье.
10. Колесо времени сопряжено с двойственностью, лишено
смысла;
Его разрушив, отбросив, можно бессмертный мир
постигнуть.
11. Вращающееся колесо времени остановить действительно
можно;
Живя среди существ, не заблуждается человек, который
это знает.
12. Отрешаясь от всякой двойственности, ото всех
отпечатков прошлого свободный,
Ото всех грехов свободный, на высший путь он вступает.
13. Состояния домохозяина, послушника, отшельника и
саньясина
Коренятся в состоянии домохозяина; так возведены
четыре ступени жизни.
14. Из всех учений, провозглашенных в мире,
Это наилучшее, оно ведет к конечной цели; его величие
вечно.
15. Сперва подготовленный посвящениями, как должно
выполняющий обеты,
В прирожденном состоянии, определяемом добрыми
свойствами, да пребудет знающий правду.

16. Всегда довольный своей женой, доброго поведения,
сдержанный в чувствах,
Пять* великих жертв здесь да приносит благочестиво.
17. Радуюсь исполнению Вед, вкушая от богов и гостей
остатки,
Творя жертвы, дары посильно, счастливо.
18. Пусть не торопится муні двигать ногами, руками,
глазами,
Не торопится телом и словом: таково отличное поведение.
19. Пусть всегда носит белую одежду, священный шнур*
(и соблюдает) благие обеты.
Занятый самообузданьем, дарами, с лучшими всегда
общаясь,
20. Покорив детородный член и живот, занятый общением
с лучшими, дружелюбный,
Пусть носит бамбуковую трость, а для воды — кружку.
21. Пусть изучает и преподает (Закон), за себя и других
творит жертвы,
Пусть дает и получает дары; да следует такому
шестеричному поведению.
22. Знайте, три занятия поддерживают жизнь браминов:
Преподавание, совершение жертв за других — это два,
(третье) — от чистого даров получение.
23. Три другие занятия: даров раздача,
Изучение Писаний, принесение жертв (за себя) —
относятся к обязанностям (браминов).
24. Не должен быть нерадивым в выполнении этих трех
занятий знаток закона;
Щедр, терпелив, ко всем существам дружелюбен муні.
25. Все это пусть соблюдает чистый певец посильно.
Так, подвизаясь, блюдуший обеты домохозяин победит
небо.

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XLV ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ

ГЛАВА XLVI

Брама сказал:

1. Следуя этим путем, указанным раньше, сообразно
Писанию,
Пусть брахмачарья* изучает (Закон) сколько сил хватает,
2. Радуюсь своему долгу, знающий, укротивший чувства
молчальник,
Преданно (заботясь) о приятном и полезном для гуру,
чистый, считающий высшим долгом правду.
3. С дозволения учителя безропотно вкушая пищу,
Питаясь от возлияния хавис и подаянья, он стоит, сидит,
ходит (по указанию гуру).
4. Будучи собранным, чистым, пусть дважды в день он
Агни приносит в жертву.
Из дерева била или палаша пусть всегда держит посох,
5. (Пусть носит) льняную, бумажную одежду или шкуру
лани.
Пусть будет желтый или красный, или другой, присущий
дважды рожденным цвет одежды.
6. Да будет перепоясан (травой) мунджа, пусть заплетает
косы, всегда при себе (хранит) воду.
(Пусть носит) жертвенный шнур, изучает Писанье,
нежадный, пусть блюдет обеты.
7. Очистителями, изречениями всегда божественно ублажая,
Пусть прилежно подвизается (всем своим) существом:
такой послушник похвалы достоин.
8. Так, подвизаясь, да победит он миры, пустынный,
победивший чувства;
Найдя убежище в высшей обители, он не подвержен
рождениям.
9. Посвященный во все таинства, целомудрие блюдуший,
Пусть оставит деревню мунн, бездомный, пусть в лесу
обитают,
10. Одеваясь в шкуру или рогожу; утром и вечером пусть
творит омовенье.
Постоянно питаясь в лесу, он не должен входить в
деревню.
11. В час еды почитая гостя, он помогать ему должен.
Пусть существует плодами, листьями, полезными
корнями, хлебного дерева плодами,
12. Ключевой водой, воздухом и всем, что в лесу он встретит.
Пусть одним за другим насладится, закон всегда
соблюдая.

13. Пусть корнями, плодами и (собранным) подаяньем
почтит пришедшего гостя;
Что есть у него испрошенное съестное, пусть то и дает,
непрестанно, усердно.
14. Сдержанный в речи, сперва накормив божество и гостя,
пусть всегда сам вкушает,
Не стремясь сердцем (к пище), на божество возлагая
надежды,
15. Самообузданный, дружелюбный, терпеливый,
преданный,
пусть бороду, волосы отпускает.
Пусть приносит жертвы, усердствует в изучении
Писаний,
Поставив себе высшей целью закон и правду.
16. Собранный, чистый телом, всегда бодрый, постоянно в
лесу пребывая,
Так преданный, победивший чувства отшельник все
побеждает.
17. Домохозяин, брахмачарья*, также отшельник,
Желая достигнуть свободы, должны придерживаться
высшего поведения.
18. Никакому существу не внушая страха, он должен
странствовать, не совершая обрядов*;
Желая блага всем существам, дружелюбный, да сдержит
чувства муни.
19. Неиспрошенным*, неприготовленным, случайно попавшим
(он должен питаться).
В послеобеденное время, когда уже нет дыма
(над жилищем), когда люди отобедали — за подаяньем
пусть ходит*.
20. Когда же убрана посуда, должен идти за подаяньем
знающий освобождение;
Получив, пусть не радуется; не получив, пусть не
ропщет.
21. В подходящее время пусть (не прося) ожидает, пусть
сосредоточась за подаяньем ходит;
Пусть не ходит собирать с другими вместе, пусть не ест,
когда ему оказывают почтение (как гостю);
22. Как нищенствующий он должен чуждаться выражения
почтения.
Если вкушаемая пища жгуча, горька иль кисла,
23. Или сладка, он не должен разбирать вкуса;
В меру он должен есть, только для поддержания жизни.
24. Знающий освобождение своим поведением не должен
наносить существам ущерба;

Собирая подаяние, он не должен требовать ничего
больше.

25. Пусть не выставляет праведность напоказ:
освобожденный должен странствовать бесстрастно.
Возле реки, в корнях дерева, в лесу или в пустыне
26. Пусть он находит приют, там и живет, или в горной
пещере;
В деревне летом он может провести одну только ночь,
а во время дождей пусть остается на одном месте.
27. Солнце ему путь указывает; как насекомое, по земле он
должен бегать;
Из жалости к существам пусть ходит, смотря под ноги*.
28. Он не должен собирать запасов, для жилья не должен
облюбовывать места.
Знающий освобождение постоянно чистой водой должен
совершать обряд (омовенья):
29. Свежепочерпнутой водой, человек должен всегда
омываться.
Невреждение, целомудрие, прямота, правдивость,
30. Безгневность, бесхитрость, безропотность,
самообуздание —
Восемь обетов, их должен блюсти сдержанный в чувствах.
31. Пусть его поведение всегда будет бесхитростным,
бесстрашным.
Безропно да удовлетворится он случайным глотком
пищи.
32. Есть он должен в меру, только для поддержания жизни.
Он не должен искать пищи, должен вкушать лишь
полученное законно.
33. Лишнего он принимать не должен, только для пропитания
и прикрытия (тела);
Сколько необходимо пищи, пусть столько и примет,
не больше.
34. Никким образом он не должен принимать для другого*
иль подавать другому,
Но для поддержки существ он должен отдать, поделиться*
всегда должен мудрый.
35. Он должен принимать лишь неиспрошенное, не должен
брать чужого,
Насладясь какой-либо вещью, он не должен желать ее
снова.
36. Землю, воду, листья, цветы, плоды, пищу
Он может использовать, если они не огорожены: свободно
произрастающее употреблять можно.

37. Он не должен жить ремеслом, также желать золота
не должен.
Он не должен ненавидеть и поучать, он должен быть
скромным.
38. Очищенное благочестием пусть вкушает, он не должен
соблюдать приметы.
Ему нельзя выдвигаться, привязываться к кому-либо,
он должен изучать Писанье.
39. (Он должен отвергнуть) все, связанное с надеждой,
с вреждением,
Общественных обязанностей ему совершать не надо,
не следует к этому принуждать (и другого),
40. Пусть беззаботно странствует, превзойдя все условия
жизни,
Одинаковый ко всем существам: неподвижным,
подвижным.
41. Никого он не должен приводить в трепет, ни перед кем
трепетать не должен.
Да успокоит он все существа, тогда лучшим знатоком
освобождения он назовется.
42. О будущем пусть не думает, к прошлому да не стремится
мыслью.
Собранный, на настоящее пусть не взирает, о времени
не заботясь.
43. Ни глазом*, ни мыслью, ни словом он не должен
причинять кому-либо плохого.
Ни на глазах, ни за глаза он не должен вредить другому.
44. Оттянув отовсюду чувства, как черепаха члены,
Разрушив* индрии, манас, буддхи, знающий все
досконально да пребудет недвижимым.
45. Без двойственности, не совершая поклоненья, не
произнося "Свадха",
Без собственности, без личного начала, без забот, Атману
причастный,
46. Без надежд, без качеств, без склонности,
без покровительства*, спокойный,
Преданный Атману, знающий действительность —
освобождается, в этом нет сомненья.
47. Без рук и ног, без спины, без чрева,
Без качеств* и действий, отделенный, незапятнанный,
стойкий,
48. Без запаха, вкуса, неосязаемый, безобразный,
безмолвный,
Неисследимый, непривязанный, бесплотный,

49. Непредставимый, непреходящий, небесный, но везде дома,
Во всех существах пребывает Атман: не умирает тот,
кто его видит.
50. Туда не восходят ни индрии, ни разум, ни боги,
Ни Веды, ни жертвы, ни миры, ни манас, ни обеты.
51. Считается, что (лишь) постигшие лишенную признаков
туда приходят;
Поэтому знающий лишенную признаков дхарму
да выполняет суть дхармы.
52. Знающий, сохраняя обязанности домохозяина, знающих
поведение пусть выполняет;
Незаблуждающийся в образе заблуждающегося пусть
странствует, не пренебрегая Законом;
53. Постоянно, даже если выражают пренебрежение другие,
Устава благих не порицая, да соблюдет он в жизни
дхарму.
54. Муни, соблюдающий такой образ жизни, называется
превосходным.
Индрии, их предметы, пять великих сутей,
55. Манас, буддхи, личное начало, не проявленную (природу)
Пурушу —
Он перечисляет все это и досконально определяет;
56. Зная действительность, он их в смертный (свой) час
перечисляет.
Освободясь ото всех уз, он тогда достигает неба;
57. Пусть размышляет, утвердись в одной цели, тогда и без
покровительства он станет свободным.
Освобожденный ото всех привязанностей, летящий как
(птица) в пространстве,
58. Уничтожив кошолки (тел), он беспрепятственно
Запредельное То получает.

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XLVI ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ

ГЛАВА XLVII

Брама сказал:

1. Саньяса есть умерщвление плоти, так говорили старцы,
произносившие решение.
Брамины, утвердившиеся в йоге Брахмо, знают, что
высшая цель познания — Брахмо.

2. Покояющееся не знании Вед, запредельно в себе Брахмо.
Запредельное бездвойственно, бескачественно, вечно,
непредставимо по свойству.
3. Знанием, умерщвлением плоти То Запредельное
прозревает мудрый,
Незапятнанный, сперва очистив манас, преодолев страсти.
4. Умерщвляя плоть, покойной дорогой идут к Высшему
Владыке
Люди, знающие Брахмо, радуясь постоянно саньясе.
5. Умерщвление плоти — светильник поведения чтущих
Закон, так говорили;
Но следует ведать, что познание есть воистину высшее
умерщвление плоти и высочайшее отречение.
6. Кто постигает сущность безусловным, достоверным
знанием,
Во всех существах (видит) Атмана, тот вездесущности
достигает.
7. Кто знает сосуществование и остальное Бытие постигает,
А также единство и разнообразие, тот освобождается от
бедствий.
8. Кто ничего не желает и ничего не презирает —
Тот (уже) здесь в мире способен быть в Брахмо.
9. Кто знает основу и сущность гун, а также существ
основу,
Кто без собственности, без личного начала, тот
освобождается, в этом нет сомненья.
10. Кто без двойственности, не совершая поклоненья, не
произнося "Свадха",
Тот к бескачественному, непротиворечивому, вечно
покойному приходит.
11. Человек, покинувший все качественное, (всякую)
деятельность, хорошее и дурное,
Праведное и неправедное оставивший, освобождается,
в этом нет сомненья.
12. Из лона непроявленной (природы) возникает великая
буддхи — это подножие.
Великая основа личности — ствол, индрии сучья и дупла.
13. Великие суги — ветви; это (дерево) превосходит
остальные деревья,
Всегда в листьях, цветах и плодах, дурных и добрых;
14. Всем существам дает жизнь вечное дерево Брамь.
Срезав, его раскалывает мечом знания суги мудрый.
15. Покинувший состоящие из привязанности сети — смерть,
рождение, старость,

Без собственности, без основы личности освобождается,
в этом нет сомненья.

16. Есть две лишенные сознания птицы*, два постоянных друга,
Выше этих двух есть другая, ее сознательной считают.
17. Бессознательный в существах, освобождаясь от их множества, сознательным становится внутренний Атман*.
Он, Знающий поле, все множество существ постигнув,
освобождается ото всех грехов, превзойдя гуны.

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XLVII ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ

ГЛАВА XLVIII

Брама сказал:

1. Некоторые (считают), что (одно) дерево состоит из Брахмо;
другие ж — что есть великий лес Брахмо;
Иные — что есть высшее, нетленное; иные — что есть
Брахмо и непроявленная (природа).
2. Считают, что все это исходит из непроявленной (природы)
и в нее уходит.
Кто в час смерти, хотя бы в течение вдоха, может быть
спокойным,
3. И в Атмана войти, тот способен к бессмертью,
Собрав себя в Атмана хотя б на мгновенье.
4. Милостью Атмана он идет к непреходящей цели мудрых.
Кто ж пранаямой снова и снова собирает праны
5. Десять или двенадцать раз, тот превосходит двадцать
четыре (сути).
Так, сначала успокоив себя, он получит все, что желает.
6. Из непроявленной (природы), извлекая саттву, он
подготавливает себя к бессмертью.
Нет ничего выше саттвы (в природе), мудрые так
возвещают.
7. Постепенно мы постигаем, что Пуруша обитает в саттве;
Нельзя иначе достигнуть Пуруши, лучшие брамины.
8. Терпенье, стойкость, неврежденье, уравновешенность,
прямодушие, правдивость,
Знание, отречение, отрешенность* относятся к
саттвическому поведению.
9. Ведь следуя этому, разумные постигают
И саттву, и Пурушу, в чем нет сомненья.

10. Некоторые сведущие (люди), вполне утвердившиеся в познание,
Говорят о единстве саттвы и Познающего поле, но это несправедливо;
11. Несомненно, саттва существует отдельно;
Надо признать: их существование раздельно, но в сущности они вместе.
12. Тогда знающий человек утверждает разнообразие и единство;
Так в сидящей на смоковнице мошке* и разделенность видна и единство;
13. Так рыба и вода различны, но связаны очертаньем*,
Так связаны капли воды и красного лотоса листья.

Учитель сказал:

14. Так говорил Предок мира тем витязям (духа)
И снова, впав в сомнение, спросили лучшие муні.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ,
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ XLVIII ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ*

ГЛАВА XLIX

Риши сказали:

1. Которую из обязанностей здесь особенно соблюдать подобает?
Как бы расходятся пути законов, так мы видим.
2. Некоторые говорят, что (все) происходит от тела, другие отрицают это;
Иные во всем сомневаются, другие же достоверным считают;
3. Есть непостоянные и постоянные (обязанности), так некоторые считают; они существуют и не существуют (считают) другие;
Они однообразны, двойственны, разнообразны — так (утверждают).
4. Знающие сущность Брахмо полагают о брахманах:
Одни, что они просты; другие, что сложны,
5. Иные (считаются) со временем и местом*, не считаются другие;
Некоторые носят косы и шкуры; бреются и не покрываются другие.

6. Некоторые утверждают, что не нужны омовенья, другие — что нужно свершать омовенья;
Так считают брамины, зрящие истину, познавшие Брахмо.
7. Некоторые заботятся о питании, другие постом довольны;
Некоторые люди восхваляют деятельность, другие — предаются покою.
8. Иные считаются со временем и пространством, не считающиеся другие*.
Некоторые прославляют освобождение, другие предаются наслаждению*.
9. Иные ищут богатств, другие же покидают богатства;
Некоторые считают средством* богопочитание, другие отрицают это.
10. Невреждению радуются иные, другие вредительству* предаются.
Чистоту* и славу некоторые (ценят), другие отрицают это.
11. Некоторые радуются истинному Бытию, другие же находятся в сомненье.
Иные размышление (йоги) выводят из сострадания, другие же — из счастья.
12. "Нужно совершать жертвы", — говорят некоторые певцы;
"Нужно творить дары", — другие.
Иные прославляют умерщвление плоти, другие же люди — изучение Писаний.
13. Иные отречение считают знанием, иные — (познание) стихий и природы.
Иные все восхваляют, не все — другие.
14. Так как различным образом певцы толкуют законы,
То мы не приходим к решению и заблуждаемся, лучший сура.
15. "Это благо", "то благо", — так вот утверждают люди.
Каждый тот закон ценит, который ему по нраву.
16. Поэтому, не достигнув познания, разбрасываясь мыслью,
Мы выслушать желаем, что есть благо, лучший!
17. Благоволи, Владыка, открыть эту великую тайну:
По какой причине связана саттва с Познающим поле?
18. Так говорили певцы Владыке, поддерживающему жизнь мира,
И он им, праведный, все возвестил досконально, премудрый.

ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ ХЛХ ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ

14. Так вот и Пуруша не связан, в этом нет сомнения.
Лишь поскольку она вещественна, саттва бывает для
Пуруши; это достоверно.
15. Какова связь между делателем и вещами, такова и меж
теми двоими.
Как, идя во тьму, кто-либо берет светильник,
16. Так стремящийся к Высшему идет, как со светильником,
с саттвой.
Свет появляется, поскольку существуют предметы и
свойства.
17. Когда исчезают предметы и гуны, свет внутрь уходит;
Когда проявлены саттва и гуны, тогда непроявленным
считается Пуруша.
18. Это, певцы, познайте. Итак, я говорить продолжу.
И при тысячекратном (разъяснение) неразумный не
получает знанья;
19. И четвертью (разъяснения) довольствуется разумный и
счастливо постигает.
Для выполнения дхармы нужно знать (правильное)
средство.
20. Мудрый, знающий средство, вкушает бесконечное счастье.
Человек, отправляясь в путь без припасов,
21. Продвигается с великой нуждою и даже совсем исчезает,
гибнет.
Так и о деятельности нужно (сперва) узнать,
плодотворна ль она иль не плодотворна.
22. Для собственного блага человеку (нужно) рассмотреть
хорошее и дурное.
Подобен человеку, отправляющемуся пешком в дальнюю
дорогу,
23. Неведомую раньше, тот, кто не исследовал сути;
Но как тот же самый путь на запряженной лошадыми
повозке
24. Быстро (человек) совершает, так (совершает) путь
мудрый.
Взбираясь на вершину горы, он не думает о ровной
(дороге);
25. Смотри, как возничий на колеснице мучится, неразумный;
Пока есть проезжий путь, можно (ехать) на повозке,
26. Когда же проезжий путь исчезает, спешивается знающий,
повозку покинув.
Пешком идет разумный, знающий сущность йоги и
предписаний.
27. Полностью постигнув свойства, восходит он выше и выше,
Кто без корабля отправляется в ужасное море,

28. В заблуждение (полагаясь) только на руки, к гибели тот,
несомненно, стремится.
Умеющий распознавать, на корабле, (захватив) хорошие
весла,
29. По водам без усталости движется и скоро переплывает море.
А переправясь на другой берег, свободный от самости,
он корабль покидает.
30. Это следует понимать, как и предыдущее уподобление
о повозке и пешеходе.
Кто, подобно рыбаку в ладье, из—за привязанности* в
заблуждение впадает,
31. Тот, обуянный самостью, как бы в нее окутанный
остается.
Двигаться по земле, взойдя на корабль, невозможно;
32. Также двигаться по воде, взойдя на колесницу;
Так и при выполнении различных дел бывает, связанных
то с тем, то с другим предметом.
33. Как свойственно исполнителю, так дела и творятся
в мире.
У чего нет ни запаха, ни вкуса, ни образа, ни касанья,
ни слова,
34. Что (только) мыслью постигают разумные, то называют
основой (природы).
Непроявлена здесь основа, а свойство непроявленного —
Махан (Великий).
35. Махан есть основа (природы); свойство его естества —
аханкара (личное начало);
От личного начала возникает свойство — великие сущности
(стихии).
36. Считается: в силу обособления сущностей, как (их) свойства
(возникают) предметы.
Непроявленное содержит само собой зарождающееся
семя;
37. Семя — основа — содержит Великую Душу
(Махан-Атма), и она рождается, так мы слышали.
Она, как семя, содержит личное начало, рождающееся
снова и снова;
38. Оно содержит семя, так рождаются пять великих сущностей
(стихий).
Их считают содержащими себя, произхождение они
совершают.
39. Как признаки воспринимаются особенности великих сущностей:
Здесь у пространства есть одно свойство; у воздуха два
свойства считают;

40. Говорят, три свойства у света; у воды — четыре свойства; Пять свойств у земли надо знать: подвижные и неподвижные (существа) ее населяют;
41. Она богиня, производящая все существа, хорошие и дурные. Звук, касание, образ, вкус и пятый — запах.
42. Эти пять свойств земли нужно знать, брамины. Запах всегда присущ земле, много запахов различают.
43. Этого запаха я сообщу большое разнообразие качеств: Приятный и неприятный запах, медвяный, кислый, острый,
44. Пронзительный, удушливый, нежный, острый, чистый; Нужно знать: запах земли бывает десяти видов.
45. Звук, касание, образ, вкус* — такие свойства воды различают. Я изъясню познание вкуса: вкус считается многообразным.
46. Медвяный, кислый, острый, жгучий, горький, соленый Так насчитывают свойственных воде шесть различных вкусов.
47. Звук, касание, образ называются свойствами света, Световое свойство — образ; образов много различают:
48. Светлый, темный, красный, синий, зоревый, желтый, Короткий, длинный, тонкий, толстый, четырехугольный, круглый.
49. Нужно знать: так образности двенадцативидное лучезарное свойство Различают старцы—брамины, знающие дхарму, говорящие правду.
50. Нужно знать: различают два свойства ветра — звук и касанье; Свойство, присущее ветру,— касанье; различают много касаний:
51. Мягкое, упругое, горячее, прохладное, сухое, Влажное, скользкое, острое, грубое, с нежностью, лаской —
52. Вот двенадцать различных касаний воздушного свойства, Согласно указанью браминов, совершенных, знающих дхарму, истину зрящих.
53. Звук считается единственным свойством пространства. Я назову* различные, многие свойства звука;
54. Их шесть: тон, втора, третий, средний, шестой и пятый*, А седьмой нужно знать как последний.
55. Есть звук приятный и неприятный, а также сочетание звуков.

Нужно знать эти десять видов звуков, возникающих в пространстве.

56. Пространство есть высшее из великих сутей, а выше — личное начало;
Выше аханкара — буддхи, а выше буддхи — Атман.
57. Выше этого непроявленная (природа), а выше непроявленного — Пуруша.
Знающий порядок деятельностей и восходящий порядок сутей,
58. Став Атманом Атмана всех существ, в Непреходящего Атмана вступает*.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ",
В КНИГЕ "АНУГИТА" ГЛАСИТ I ГЛАВА —
БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ*

ГЛАВА LI

Брама сказал:

1. Так как этих пяти сутей владыка — манас,
В их появлении, исчезновенье, то манас есть "я"* сутей;
2. Манас есть всегда руководитель великих сутей.
Буддхи провозглашает владычество того*, кто именуется
"Познающий поле".
3. Манас запрягает чувства, как добрых коней колесничий.
Индрии, манас и буддхи всегда подчиняются
"Познающему поле".
4. Крупными конями запряженной колесницей управляет буддхи;
На нее взоидя, Атман сутей (бхутатма) развезжает повсюду.
5. Толпа индрий — упряжка, колесничий — манас,
Буддхи — постоянная узда; такова великая
брахманическая колесница*.
6. Кто, знающий, всегда постигает эту брахманическую колесницу,
Тот, мудрый среди существ, не впадает в заблужденье.
7. Протяженностью от непроявленной (природы) до особи,
вместе с подвижным и неподвижным,
С миром, украшенным луной, планетами, звездами,
озаряемым солнцем,

8. С узорчатой сетью горных хребтов и потоков,
С различными водами, как в украшениях,
9. Питающий все существа, путь всех носителей жизни,—
Таков вечный (лес) Брамь, там странствует Познающий
поле.
10. Все существа, подвижные и неподвижные, в этом мире
Первыми растворяются, затем из сутей возникшие
свойства,
11. После свойств — пять сутей; в такой последовательности
существа (исчезают).
Дэвы, люди, гандхарвы, пишачи, ракшасы, асуры —
12. Все от своей природы возникли, а не от (внешней)
деятельности или причины*.
Эти творящие мир певцы рождаются снова и снова;
13. И все, порожденное ими в тех пяти великих сутях,
Со временем вновь растворяется, как в океане волны.
14. От самовозникших творцов мира повсюду возникают
великие суги,
И лишь освобожденные от пяти великих сутей идут
высшей дорогой.
15. Владыка Праджапати мыслью (манасом) сотворил все
это.
До богов возвысил риши в силу умерщвления плоти.
16. Всегда упражняясь в умерщвлении плоти, корнями,
плодами питаюсь,
Совершенные уже здесь прозревают мыслью три мира.
17. Учение о лечебных корнях, о противоядиях и прочие
разные науки
Полностью постигаются через умерщвление плоти, ибо
корень способов* — тапас.
18. Что труднодостижимо, труднопостижимо, трудноодолимо,
трудновыносимо —
Все это тапасом усовершенствуется, ибо
труднопревосходим тапас.
19. Пьяница, убийца брамина, вор, плодубийца, ложа
учителя осквернитель
Хорошо возогретым тапасом освобождается от
прегрешений.
20. Люди, предки, дэвы, рогатый скот, звери, птицы
И другие существа, подвижные и неподвижные, считают,
21. Что тапас^а всего превыше, тапасом всегда достигают
совершенства.
И дэвы, великие волхвы, тапасом достигли неба.

22. Кто всегда с расчетом свершает обряды,
Сопряженно с личным началом, тот владыки существ
достигает.
23. Йогой размышления, очищением (освобождаясь) от самости,
от личного начала
Достигают махатмы великого, высшего мира.
24. Йоге размышленья предавшись, всегда с успокоенной
мыслью,
Присполненные блаженства, совершенно познавшие
Атмана в непроявленное вступают.
25. Йоге размышленья предавшись, освобождаясь от самости,
от личного начала,
Уже здесь получают махатмы великий, высший мир.
26. Возникнув из непроявленного и к сознанию равенства
(всего) придя снова,
Освобожденный от раджаса и тамаса пребывает лишь в
саттве.
27. Надо знать: отвергший все сокровенное, от грехов
свободный,
И есть Познающий поле; кто это знает, тот знает Веды.
28. Собранный, сев в размышленье, переходит мунд от одного
сознания к другому,
И о котором он размышляет, тем и становится — вечным
и тайным сознанием*.
29. Начиная от непроявленной (природы) и вплоть до особи
признаком (всего) считается неведение,
Постигните: таков этот мир, его признак — гуны.
30. Два слога означают смерть, три слога — Вечное Брахмо;
"Мое" — это смерть, "не мое"* — это Вечность.
31. Некоторые художественные люди деятельность прославляют,
Но те махатмы-старцы дела* не прославляют.
32. Деятельность порождает существо с его шестнадцатью*
частями.
Человек поглощает знание, напиток вкушающих
бессмертье;
33. Поэтому узревший Высшее не питает к делам влечения:
Такой человек считается состоящим из знания, не из
действий.
34. Бессмертен, вечен, необъемлем, неуловим, постоянен,
Незапятнан, свободен Атман; кто его знает, становится
бессмертным;
35. Изначален, несотворен, незыблем, вечен,
Необъемлем, Атман бессмертье вкушает.
36. Кто такого Атмана знает — становится неуловимым,
бессмертным,

непоколебимым на этих основах;
Он побеждает все отпечатки жизни* (самскара) и в себе
самом собой владеет;

37. Он знает то, что превыше всего — благое Брахмо
Достигнув спокойствия саттвы, он (достигает)
удовлетворенья.
38. Признак удовлетворенья в том, что (человек) смотрит
на все, как на сновиденье;
Это путь свободных, утвержденный в познание,
39. Изменчивость происходящего зрящих;
Это дорога бессмертия; это вечная дхарма.
40. Достижение знающих — безупречное поведение,
Одинаковое отношение ко всем существам, отсутствие
надежд, желаний.
41. Кто на все одинаково смотрит, тот по этому пути идти
способен.
Итак, я все возвестил (вам), лучшие певцы-риши;
Выполняя это, вы совершенства достигнете быстро.

Учитель сказал:

42. Так тогда говорил тем молчаливникам гуру Брама.
Мира бытия достигли, выполнив это, махатмы.
43. И ты, причастный великой доле, изреченное Брамой
слово
Полностью соблюдай; очистив себя, ты совершенства
достигнешь.

Сын Васудэвы сказал:

44. Так тогда высший закон ученику разъяснил учитель.
Выполняя все это, сын Кунти, и ты совершенства
достигнешь.
45. Тот ученик, выполнив все, подлежащее выполнению,
о лучший из рода куру,
Достиг Запредельного, пришедший туда не знает скорби.

Арджуна сказал:

46. О Кришна, кто этот брамин, кто ученик Джанардана?
Если дозволено мне это слышать, скажи, как
действительно есть, владыка!

Сын Васудэвы сказал:

47. Я тот гуру, ученик же — мой манас*, знай долгорукий
Из приязни к тебе я открыл, Дхананджая, тебе эту
тайну.
48. Если ты навсегда сохранишь любовь ко мне, потомок
рода куру,

Выслушав о высшем Атмане, ты полностью будешь в нем жить, верный обетам.

49. О влекущий людей, полностью этот закон соблюдая,
Совершенно избавясь от всех прегрешений, ты войдешь
в отрешенность*.
50. То же и раньше я тебе говорил, когда наступило время
битвы*.

Итак, прими это разумом*, долготрукий.

51. Но я давно не видел своего владыку-отца, лучший
Бхарата,
С твоего согласия, о рожденный под звездой Пхальгуна,
я с ним хочу повидаться.

Вайшампаяна сказал:

52. На эти слова Кришны отвечал Дхананджая:
“Ныне отправимся в город Гаджасахваю, Кришна,
53. Там с добродетельным раджей встретимся мы,
с Юдхиштхирой;
С дозволения раджи ты сможешь идти в свой родной
город”.

**ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ “ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КОНЯ”,
(АШВАМЕДХА), В КНИГЕ “ПОСЛЕДУЮЩАЯ ПЕСНЬ”
(АНУГИТА) ГЛАСИТ 11 ГЛАВА —**

**БЕСЕДА УЧИТЕЛЯ С УЧЕНИКОМ
ЗАКОНЧЕНА КНИГА “АНУГИТА”**

ПРИМЕЧАНИЯ

АНУГИТА (кн. XIV)

ГЛАВА XVI

XVI, 9. *Основе* — то есть дхарме. Кришна говорит Арджуне, что он сообщил ему закон Вселенной “в его собственном виде”, то есть в абсолютной, а не относительной формулировке.

XVI, 10. *У тебя*. — Так в тексте калькуттского издания Дейссен читает не “те”, а “ме” и переводит: “...у меня не сохранилось в памяти”. Такое понимание не убедительно, хотя как будто и подтверждается упоминанием об особом йогическом состоянии Кришны при беседе, изложенной в Бхагавадгите. Думается, что правильнее понимать эту шл. в том смысле, что раз у Арджуны не сохранилось в памяти поучение, преподанное в на более высоком уровне сознания, то и нет надобности его повторять, что было бы бесполезно, а приходится снижать уровень мысли; это вполне соответствует отношению “Гиты” и “Анугиты”.

XVI, 14. *По иной* — так букв. в тексте. Дейссен переводит: “...по высшему пути”, что не оправдывается текстом.

XVI, 15. *Труднодоступного* (букв. — “трудновыносимого” вследствие своего духовного блеска). — Дейссен переводит “жгучий”.

XVI, 20. *Приходе-уходе* — Дейссен поясняет — “существ”. Эта и предыдущая шл.а представляют некоторые трудности для перевода, т.к. здесь на протяжении полутора шл. 5 раз повторяется глагол “идти” в различных его формах. Дейссен переводит последние слова шл. несколько вольно: “...знавшего предание постановлений”; в уходе и приходе существ. Смысл шл. заключается в том, что брамин, о котором идёт речь (и за ним скрывается Сам Кришна, Атман, как это видно из дальнейшего), реализовал в своём опыте учение о “приходе-уходе”, т.е. о перевоплощении.

XVI, 23. *С держащим диски* — довольно расплывчатое выражение, которое Дейссен понимает как “небесные музыканты”. Трудность адекватного толкования заключается в том, что термин “чакрахара” употреблён во множественном числе; в единственном же — это один из обычных эпитетов Вишну-Кришны.

XVI, 30. *Этим путём* — т.е. в этом мире, противопоставляемом миру богов.

XVI, 35. *Разлуку*. — Дейссен справедливо указывает на близость формулировки этих шл. с формулировкой “четырёх истин” Буддизма. О близости Анугиты Буддизму см. Предисловие.

XVI, 39. *Бестелесного* — эпитет Вишну или Шивы, но в данном случае это слово выражает отвлечённую идею непроявленного Атмана.

XVI, 39. *Сущность*. — В тексте стоит “тантра”, первичное значение слова — “основа (ткани)”, в отвлечённом смысле — “закономерность как основа явлений”. Нельзя согласиться с трактовкой Дейссена, который переводит это место как “влечение к миру”. Текст выражает более сильную идею отрицания не только влечения к миру (о чём тоже говорится), но и самой его основы, ткани (тантра), что соответствует буддийским взглядам.

XVI, 41. *Я азираю*. — Эта шл. весьма напоминает учение “о втором пути” буддистов. Достигающий Освобождения может сделать выбор или полного отрыва от мира и погружения в Нирвану (нирманакая буддха), или же добровольного принятия Самсары, принятия на себя, ради блага

существ. страданий мира, что является состоянием Бодхисаттвы, последней ступени к состоянию Будды (Амитабхабуддха).

ГЛАВА XVII

XVII, 5. *Совершенный* — В браманических текстах этот эпитет, характерный для Буддизма, встречается редко.

XVII, 10. *Рис* — в подлиннике "анна" — пища вообще и в частности рисовый плов как повседневная пища (ср. русское "хлеб" в частном и общем значениях).

XVII, 10. *Слишком старую*. — Пища считается негодной через три часа после приготовления, что является вполне разумным гигиеническим правилом в жарком климате.

XVII, 12. *Соки тела* — "даша" или "дхату". Подробнее об этом см. "Словарь" и "Предисловие".

XVII, 15. *Мешает пранам* — жизненным токам тела.

XVII, 17. *Жизненные узлы*. — "Марана" значит "смертельный"; так обозначались места тела, поражение которых вело к смерти, в частности суставы.

XVII, 18. *Я* — в подлиннике "Атман". В данном тексте этот термин нужно понимать как "джива", индивидуум, а не как Атман Веданты, абсолютный субъект.

XVII, 21. *Бытийность* — в подлиннике "самбхутатва", как отвлечённое понятие бытия. Выражение это туманно. Дейссен предпочитает дать интерпретирующий перевод — "дыхание жизни".

XVII, 21. *От холода*. — Здесь говорится не о внешнем холоде, а о перераспределении в теле свойств сутей (стихий), каждая из которых представляет сочетание основных свойств: тепла, холода, сухости, влажности. Так, земля (как "женская стихия") "суха и холодна", вода "тепла и влажна" и т.д.

XVII, 22. *Восходящем и нисходящем токе* — Прана и Апана (подробнее в предисловии).

XVII, 22. *Вздыхается вверх* — в двухлепестковый лотос; или чакра, помещённая в надбровье; сюда стягиваются все соки тела в момент смерти.

XVII, 24. *Брахмо* — здесь в смысле Атман.

XVII, 24. *Через течения* — говорится о потоках, связывающих, согласно системе Санкхья, индрии и их предметы (пастбища).

XVII, 25. *Жизненные силы* — Праны.

ГЛАВА XVIII

XVIII, 6. *Не прилипает*. Дейссен указывает на параллелизм этого места с Брихадараньяка Упанишада 4, 3, 15, где сказано, что дух, испытав блаженство полного успокоения, затем привлекается, своими добрыми и злыми делами к новому полю (телу) в состоянии грёзы, и всё, что он при этом видит (т.е. испытывает в жизни), его не задевает, как грёза, ибо к этому не прилипает дух.

XVIII, 16. *Чужих даров отклоненье*. Непринятие даров — один из обетов первой ступени Йоги. Дейссен переводит: "...воздержание от присвоения чужих богатств", что снижает смысл.

XVIII, 16. *Ненанесенье страдания* — "невовлечение в обман".

XVIII, 21. *Отрешается от обоих*. — Здесь текст принимает "вечную Дхарму" не как самоцель и "основу", но как средство "для покорения мира", после чего она уже становится ненужной — по формуле позднейшей Йоги: "нип вынимается нипом, потом оба отбрасываются". Освобождённый Йогин погружается в отрешённость (Кайвалья) "первого пути" буддистов и

единственного пути джайнистов, когда никаких связей, даже этических, уже не существует между ними и миром. В этом — основное различие Йоги Бхагавадгиты и Ануциты.

XVIII, 26. *Природу*.— В этой пл. употреблены два очень важных для индийской философии термина: “Прадхана” и “Пракрити”. Прадхана (“главное”, “основное”) есть потенция Пракрити, первома́терия; Пракрити состоит из трёх “волокон”, или свойств (гун), образующих “сути”, а из них строятся тела. Как видно из пл. 25 и 26 текст принимает прадхану, как “тело Брамь”.

XVIII, 28. *Неподвижное*.— Обычное сочетание “подвижное и неподвижное” означает, как правило, “растения и животные”, но в данном контексте “неподвижное” скорее противопоставляется живым существам вообще. Впрочем, Дейссен переводит и здесь неподвижное через “растения”.

ГЛАВА XIX

XIX, 6. *Без друзей*.— Нет необходимости видеть здесь противоречие со пл. 2 (“друг всех существ”), ибо там говорится о равном дружельюбном отношении ко всем существам, а здесь говорится об избирательной личной привязанности, таким образом пл. дополняют друг друга.

XIX, 11. *Относительного принявшее образ* — в подлиннике употреблён довольно трудно поддающийся переводу специальный термин “намарупа”. Слово “нама” означает “имя”, “название” и присоединяется к основному понятию для выражения его нереальности, субъективности, видимости, аналогично русскому “так называемый”, “слышущий за ...” (ср. средневековую концепцию номиналистов, обоснованную Ансельмом). В индийской философии это выражается не столько в учении о нереальности универсалий, в котором индийская философия скорее реалистична, сколько в учении о нереальности проявленного вообще, в учении о Майе. Т.о., в данном контексте под термином “нама-рупа” можно понимать учение о непричастности бытия быванию (ср. Бхагавадгита, II, 16) и видимости их связи, что и развивается дальнейшими положениями и формулируется учением о внеположности Реального (“беспричинное” данного контекста) причинно-следственному ряду. Без ясного представления этого основного положения индийской философии дальнейшие рассуждения остаются непонятными. Мифологически это учение выражается образом Дурги, пляшущей на безжизненном теле Шивы — в одном из величайших символов индийского искусства.

XIX, 12. *Нирвану*.— Текст понимает учение о Нирване совершенно в буддийском духе — как “отсутствие веяния” (жизни, Праны), как полное угашение всего, подвластного закону причинно-следственного ряда, а потому определяемое только отрицательно. Нирвану можно взять или не взять, но не получить как награду от кого-то; весь процесс её достижения заключается в осуществлении самим мыслителем, без внеположной помощи абсолютного субъекта, уже в силу своего определения отрицающего всякую внеположность, а следовательно, и помощь Пурушоттамы, о которой так настойчиво говорит Бхагавадгита, а за ней и вся вишнуитская школа Бхакти. Для истинной Джнана Йоги Бхакти есть просто нелепость, в лучшем случае примитивная попытка осуществления Нирваны. Джнана Йога, к которой можно отнести и Буддизм, по своей сути атеистична. Буддизм экзотерически мог принять форму религии лишь позже, завуалировав свою беспощадную логику и слившись с вишнуизмом, только после чего он и стал терпим на Севере Индии. Так зародилась Махаяна, сделавшая свой исконный атеизм экзотерическим учением. Хинаяна на Юге, особенно на Цейлоне, сохранила свою первоначальную пессимистическую строгость учения Гаутамы Будды. Особенно показательна для иллюстрации отношения Бхакти и Джнаны

встреча Шри Рамакришны с Тоттапури, здесь, как в фокусе, сошлись лучи обеих школ и выразилась их вековая борьба (ср. Ромен Роллан, т. XIX, "Жизнь Рамакришны").

XIX, 13. *Отпечаток прошлого* — самскар. Термин очень эластичен и в различных школах употребляется с различным смыслом. Наиболее часто под ним разумеется состояние очищенности, свобода от ошибок, затем — очистительный обряд. Но такое значение не соответствует контексту. Дасгупта (History of Philosophy, II, 86) указывает, что в философию термин введен Буддой, который часто употреблял обычные санскритские слова в особом, философском смысле. В ранних буддийских Памятниках значение "самскара" близко значению "карма". Это отпечатки, производимые действием на психическое тело. Выражаясь языком современной физиологии это — "следовые рефлексы", обуславливающие выработку стереотипа, а на языке современной генетики — врожденные предрасположения. Достоинно внимания, что данный текст пользуется буддийской терминологией.

XIX, 14. *Брахмо*.— Текст понимает этот термин совершенно в духе буддийской Нирваны.

XIX, 15. *Атмана*.— Учение об Атмане как об абсолютном субъекте является основным мотивом Упанишад и опирающихся на них традиционных философских систем. Буддизмом это учение отрицается, так как Нирвану он понимает лишь отрицательно (как "не То"). В Маханирвана Сутте повествуется, что перед кончиной ученики спросили Учителя, продолжает ли существовать Совершенный, погрузясь в Нирвану. На это Будда ответил, что такие вопросы недоступны пониманию тех, кто не осуществил Нирвану. Т.о., и в данном случае, перед кончиной, он дал лишь отрицательное определение Нирваны.

XIX, 18. *Манасом в манасе*. Предпочтительно оставить это довольно темное выражение без перевода, неизбежно ведущего к искажению крайне концентрированной мысли подлинника, для правильного понимания которой нужно учесть всё широкое значение термина "Манас". Дейссен передает это через "мудрый" в разумеении, что заведомо не адекватно.

XIX, 18. *Вещий (певец)*.— Термин равносложен термину "брамин", как и переводит Дейссен. Думается, что здесь не следует особенно подчеркивать кастовое значение термина, так как к занятию Йогой допускаются все три высшие касты. Хотя учение и передается в форме беседы браминов, однако устами кшатрия (Кришны), который в конечном счете есть автор поучения, преподаваемого кшатрию же (Арджуна). Этот момент далеко не безразличен для учета социальных мотивов Махабхараты.

XIX, 21. *Как бы потому*,— что Атман не имеет образа (ср. XIV, 19, 9).

XIX, 23. *Возвещено знатоками йоги*. Это, как указывает Дейссен, ссылка на Катхака Упанишад, 6, 17, где уподобление почти дословно совпадает с данным. Нужно подчеркнуть, что Катхака Упанишад понимает Освобождение как отрешенность (кайвалья) от проявленного. Эта концепция, близкая к Буддизму, положена в основу поздней Санкхьи и Йоги Патанджали.

XIX, 24. *Никакого владыки*.— Отрицание какого-либо "владыки" (Ишвары), бога вполне соответствует духу поздней Санкхьи, "ниришвара Санкхья" (безбожная Санкхья) и Буддизма. Принято считать, что Йога Патанджали теистична. Однако это мнение, основанное на Сутре I, 23 и следующих, несущественно, так как учение об Ишваре не слито органически с системой Патанджали, оно лишь механически присоединено к системе атеистической Санкхьи.

XIX, 27. *Не подвержен страданию* — потому что, осуществив в себе себя, (Атмана), не подверженного внешним воздействиям, он отделяет себя от своего тела и своей эмпирической личности.

XIX, 31. *Наслаждаясь* — Речь идёт о довольно позднем и упадочном веровании, что осуществивший Йогу может завладеть чужим телом и наслаждаться радостями жизни в чужом теле. Это тесно связано с вопросом о совместимости Йоги и наслаждения (бхога), обсуждавшимся на протяжении веков в йогических школах.

XIX, 33. *В том граде* — т.е. в себе самом, как это видно из дальнейшего: этому “граду” противопоставляются “показанные страны света”, т.е. внешний мир с его множественностью, противопоставляемой единству “града”.

XIX, 34. *В том жилище* — здесь под “жилищем” понимается определённое тело, а под “городом” — внутренний мир человека, объединяющий разные тела, как город объединяет отдельные жилища.

XIX, 46. *Сосуд* — в древней Индии сокровища хранились в плетёнках “кона” (откуда и русское “кошель”).

XIX, 52. *Брахмо* — в подлиннике “его покровительству”.

XIX, 52. *Ко мне*. — Эти слова вызывают сомнение, так как они противоречат всему содержанию атеистического текста, в остальном хорошо выдержанного в духе раннебуддийского атеизма, близкого к Санкхье. Легко можно допустить, что словом “mayi” были заменены какие-либо два односложных слова, напр., “sa, sa”, по ритму равноценные. Такое допущение сохранило бы целостность всего текста, философски вполне выдержанного. Интерполяцию здесь тем более легко предположить, что этой шл. заканчивается первый философский трактат Анугиты, так как дальнейшие шл. этой главы — редакционная вставка для перехода к следующему, обособленному тексту.

XIX, 60. *Нежелательно*. — Мысль о завистливом отношении богов к людям очень часто встречается в древних религиях (яркий пример тому греко-римская религия). Случившаяся с человеком беда нередко приписывалась древними людьми богам. В Индуизме эта черта выражена сравнительно слабо; древний индеец стремился всегда объяснить свою судьбу по причинно-следственным законам. Воскликание “плод какого дела случившееся со мной?!” характерно для эпоса. Так восклицают в беде Дамаанти, Дхритараштра, Гандхари (ср. XI кн.). Отсюда — непревзойдённый этический пафос древнеиндийского эпоса.

XIX, 62. *Путём высочайшим* — эта и следующая шл. почти точная цитата из Бхагавадгиты, IX, 82. Такое преодоление каст можно встретить и в Упанишадах. Но открытая и решительная борьба против кастового строя — несомненная заслуга Буддизма. Можно сказать, что обвинение браманистами Буддизма в ереси мотивируется именно этим моментом. В остальном положения Буддизма вполне приемлемы для индийской ортодоксальной философии; доказательством этого является Джайнизм, принципы которого совпадают с буддистскими, но Джайнизм занял компромиссное решение в вопросе с о кастах, и этого было достаточно для его признания весьма эластичным браманизмом.

ГЛАВА XX

XX, 2. *Распознавание* — “виджняна”. Дасгупта указывает, что у буддистов это слово обозначало специальное знание осуществления действий, впечатков (самскар) деятельности, бывшей в прежних рожденьях, сказывающихся на сочетании семени с кровью, что в буддийских текстах носит специальное название — “нама-рупа” (ср. прим. XIV, 19, 11 и 13). Буддийское понимание термина вполне приемлемо и для данного места.

XX, 9. *Вещей*, т.е. животных, привязываемых к особым столбам (юпа) для забоя во время жертвоприношения. Эта шл. выражает яркий протест против кровавых жертв, напоминающий протесты Будды (ср. Виная Питтака о жертвах: "совершилось жестокое дело, пали невинные коровы, жрецы отпали от Дхармы").

XX, 14. *Основа* — тантра (см. прим. XIV, 16,39). Здесь под основой разумеется Прана, жизненный ток.

XX, 19. *Вайшванара-Агни* — "Всенародный огонь"; по учению Йоги помещается в солнечном сплетении и считается центром жизнедеятельности (Пран). Шл. 14—19 излагают теорию Пран, основу йогических упражнений. В восьмиступенной Йоге Патанджали управление Пранами (Пранаяма) есть 5-я ступень, последняя, касающаяся внешнего мира. Только овладев деятельностью Пран, можно приступить по-настоящему к тренировке в психическом сосредоточении (Дхьяна — 7 ступень). Только на вершине сосредоточия достигается отрешение от внешнего — Самадхи, т.е. погружение во внутренний мир. Йога знает различные степени интенсивности Самадхи.

XX, 21. *Как дрова*. С этой шл. начинается уподобление йогического процесса обряду жертвоприношения — один из любимых мотивов йогических текстов.

XX, 23. *Семь огней*. Смысл этой шл., довольно тёмной для читателя, не знакомого с обрядовой стороной браманизма, заключается в метафорическом изображении психофизиологических процессов; "семь огней" есть семь органов восприятия, о которых говорилось выше; "возлияние" — предметы, с которыми связаны эти органы; семь жрецов — 7 божеств органов.

XX, 24. *Знающий* — джива, индивидуальная душа, бросает свои "индрии" во внешний мир, в "лона" этих индрий или в их "пастбища", т.е. в объекты, соответствующие данной функции. Порядок стихий ("сутей") в подлиннике нарушен по метрическим соображениям.

XX, 26. *Вступают* — в двух последних шл. изложена теория возникновения мира (космогенез). Стихии рассматриваются как свойства Атмана. В психической его деятельности они входят в субъект как восприятия, символизирующиеся "свойствами огня", пребывающего в солнечном сплетении, т.е. как проявление Атмана, ассимилирующего их; они "живут внутренним" состоянием; при кончине (пралае), космической или индивидуальной, стихии вступают опять в "непроявленное" (Пракрити в её потенциальном состоянии).

XX, 28. *Сомнение* — как предмет манаса и "решение" как объект Буддхи.

XX, 29. *Полных*. Сознанием Атмана наполняются "три полных", т.е. три мира: Земля, Поднебесье, Небо.

ГЛАВА XXI

XXI, 7. *Тонкого тела*. Согласно индийской психологии все психические функции материальны и представляют различной интенсивности вибрации материи, находящейся в особо утончённом состоянии, которая и образует "тонкое тело" (сукшма шарира). Плотное тело есть оболочка, "носитель" тонкого тела; а это, в свою очередь, есть носитель "познающего", дживы, индивидуальной души; она может покинуть плотное тело и остаться только в тонком (ср. перелёты Галавы к разным царям — "Путешествие Бхагавана"; появление Кришны-Двайпапаны — XI кн.).

XXI, 9. *Из атмана* — в тексте "из него". "Слово" здесь — Веды; "владыка Слова" — Брама. Т.о., рассудок следует форме, букве Вед, взирая на их сушность, Брахму.

XXI, 11. *Возвращённая* в Самадхи, экстазе Йоги. Мысль и сознание в психологической системе Йоги разделяются, ибо состояние Самадхи доказывает, что мысль может существовать и при отсутствии сознания внешнего

мира; то же происходит и во сне. Современная психофизиология объясняет явления естественного сна и гипноза как частичное запредельное торможение мозаичной функции коры головного мозга.

XXI, 14. *Атману сугей* — бхутатма, джива, индивидуальная душа.

XXI, 16. *Брамин* представляет здесь Манас.

XXI, 27. *Стойкостью* — учение о двух состояниях Манаса — особенность данного текста. Обычно Манас признаётся неустойчивым, что и является основным препятствием для достижения йогического состояния (ср. Бхагавадгита, VI, 33—35).

ГЛАВА XXIV

XXIV, 10. *Все боги* — цитата из Айтареи Брахманы, I (указание Дейссена).

XXIV, 13. *Знают* — строка переведена буквально: Дейссен переводит: "... в этом образе уданы брамины постигают Высшее".

XXIV, 14. *Между ними* — обряд хавис совершается ежедневно на рассвете.

XXIV, 16. *Дела*. Здесь символика сложна. Самана и व्याна физиологически считаются токами, переваривающими пищу в теле, но процесс этот рассматривается как жертва, а жертва — как переваривание. Маханирванатантра выражает это в указании, что после еды следует произносить великую мантру Бхагавадгиты (IV, 24), говорящую о Брахмо как жертве и жертвователе.

XXIV, 17. *Успокоения*. Символика ещё более усложняется: всё предыдущее рассматривается как процесс Йоги. Вяна есть дыхание, пропускаемое через тело во время практики Пранаямы; самана же есть космическое дыхание, называемое так при дифференциации Пран. Выражение "самана гасит вяну" равносильно выражению "индивидуальное растворяется в Космосе", а это и есть Нирвана, или Брахмо, вечный покой Бытия-Сознания-Блаженства по формуле Упанишад (ср. Нрисинга-уттара-тапаниа Упанишада, 4 кханда).

ГЛАВА XXV

XXV, 6. *Сказанное* — Дейссен справедливо замечает, что лучше "осознаемое".

XXV, 9. *Будучи божествами*, т.е. органы чувств (нос, язык и пр.), рассматриваются как Божества, принимающие жертву хавис (обоняние, вкус и пр.), тогда как сам человек не связывает себя качествами.

XXV, 15. *Жертвоприношение йоги*. Йогин, отказываясь от ведических жертв, совершает их символически (садхана). Далее текст перечисляет различные элементы ведического обряда и соответствующие элементы йогического упражнения в их символическом параллелизме. Огонь — знание; как огонь добывается тренингом, так знание — напряжением воли. Прана и аяна, вдыхание и выдыхание, — элементы Пранаямы, основного физиологического процесса сосредоточия, уподобляются основным моментам ведического ритуала — пению гимнов и чтению ведических мантр. Йогическое отречение от мирского — дары (лакшина), получаемые жрецом, совершившим жертву. "Делатель" и "свидетель" — основа личности (аханкара) и "манас" — уподобляются младшим жрецам.

XXV, 16. *Атман*. По схоластику — Буддхи (замечание Дейссена). Это жрец-хотар, адхарья и удгатар — "творящие хвалы".

XXV, 17. *Нараяну*. Упоминание о Нараяне-Пурушоттаме свидетельствует, что "Песня брамина" есть вишнуитский текст, излагающий Йогу ранней Санкхьи.

XXV, 17. *Животных*. Под "животными" здесь подразумеваются индрии (чувства), которые йогин силой распознавания может отделить от себя и тем принести их в жертву своей цели — Освобождению.

ГЛАВА XXVI

XXVI, 1. *Освобождённый* — так буквально; Дейссен предпочитает перевести словом "понуждаемый", что создаёт известную двусмысленность, так как при таком переводе можно понять, что речь идёт о влечении через Самсару, но в таком случае не должно было бы утверждаться осознание единства. Текст говорит об ином: блаженство экстаза Йогин настолько сильно, что тот, кто хоть раз испытал его, уже неудержимо к нему влечётся. Этому есть почти современное свидетельство: о таком состоянии неоднократно говорил Шри Рамакришна в беседах с членами Брахмосамадхи, общества освобождения Индии. О жизни Шри Рамакришны писал ещё его современник Макс Мюллер. Свами Вивекананда, ученик Шри Рамакришны, многократно умолял учителя позволить ему погрузиться в Махасамадхи, которую Вивекананда пережил раз в начале ученичества, но Рамакришна запретил ему это до окончания его миссии. Как только Вивекананда понял, что дело, порученное ему учителем завершено, он неудержимо устремился к Махасамадхе, впад в которую он уже не вернулся. О таком влечении и говорит изучаемый текст.

XXVI, 3. *Уединенье*. Смысл этого, довольно туманного высказывания: уединение — не страдание, счастье, жизнь же с другими — не счастье, но горе.

XXVI, 3. *Семь риши* — 7 крупных Звёзд Большой Медведицы.

XXVI, 8. *Единое непреходящее* можно перевести как "односложное", как делает Дейссен.

ГЛАВА XXVII

XXVII, 4. *Уединенье*. Смысл этого, довольно туманного высказывания таков: уединение — не страдание, а счастье, жизнь же с другими — не счастье, а горе.

XXVII, 17. *Там* — текст возвращается к описанию "первого деса".

XXVII, 17. *Красноречивых*. Дейссен переводит: "...глядащих вниз".

XXVII, 17. *Плодовитых женщин* — 5 воспринимающих индрий, манас и Буддхи (эти слова по-санскритски женского рода).

XXVII, 18. *Семь из семёрки* — см. прим. 26, 3.

XXVII, 21. *В награде*. Дейссен переводит как "три огня", интерпретируя это слово "vetana", буквальное значение которого "награда". Все эти описания нужно понимать символически, как перевод внутренних процессов йогических упражнений на зрительные восприятия.

ГЛАВА XXVIII

XXVIII, 1. *Грёзы*. Слово "санкальпа" означает мечтания о внешнем, воображение, начинания.

XXVIII, 3. *Атмана существа*. В Гите Дейссен переводит это как "природный Атман". Думается, что в данной шл. выражение равносильно высказыванию Гиты, а не XIV, 28, 18, т.к. непонятно, как "я" следующей полушл. может пребывать в этом "Атмане сутей" или природном Атмане (Дейссен относит местоимение "в нём" к Атману, а не к телу). Естественно рассматривать вторую полушл. как пояснение мысли первой полушл., тем более, что последующие шл. звучат совершенно в духе Гиты (ср. Гита, IX и особенно 8—9).

XXVIII, 6. *Отшельника*. Для обозначения этого понятия текст выбирает слово "yati", обозначающее отшельника сомнительного свойства; иногда под "яти" понимаются особые, не очень зловредные духи. Но и ракшасы принимают вид яти. Так, Равана в виде яти явился для похищения Ситы (см. "Сказание о Раме"). Представленный диалог можно рассматривать как изложение спора между буддистом и правоверным брахманистом, отчего отшельник, изображающий буддиста, не санньясин, а яти, хотя он, как и санньясин, "без огня и без обрядов" (ср. Гита, V, 3). Аналогичные диалоги, но только с противоположным разрешением спора, можно в изобилии встретить в буддийских Суттах.

XXVIII, 11. *С токами жизни* — Пранами.

XXVIII, 11. *Какое тут дело* — букв.: "как это тебя касается".

XXVIII, 24. *Нечего бояться* — шл. 23—24 точно формулируют одно из основных положений Буддизма.

ГЛАВА XXIX

XXIX, 8. *Раме* — разумеется "Парашурама, "Рама с топором", Джамадагни, брамин: как и Рама, сын Дашаратхи, кшатрий, он считался воплощением Вишну. Об их битве повествуется в III книге Махабхараты.

XXIX, 16. *В ничтожестве*, т.е. стали шудрами. По-видимому, легенда сгущает исторические события, протекавшие в более длительное время, что часто наблюдается в фольклоре. С одной стороны, легенда отражает борьбу пришлых арийцев с туземцами, с другой стороны, — борьбу каст браминов и кшатриев, резко проявляющуюся в Махабхарате.

ГЛАВА XXX

XXX, 1. *Сказали* — речь предков разорвана разделением глав, т.к. здесь соединены два текста: один эпического характера, другой — философского. Весь текст выражает искание выхода из противоречий распри браминов и кшатриев и поэтому носит выраженные следы компромиссной обработки двух противоречивых сказаний.

XXX, 3. *Приморскую землю*. — Как и Картавирия, Аларка покоряет "приморскую землю". Это даёт возможность предполагать, что легенда относится к периоду продвижения арийцев из долины Пятиречья на юго-восток, к Бенгальскому заливу.

XXX, 4. *О многочислая* — обращение к браминке в речи предков, обращённой к Парашураме; явная редакционная неувязка.

XXX, 25. *Брамин сказал* — та же редакционная неувязка, что и в шл. 4, т.к. речь должны были бы продолжать предки.

XXX, 27. *В короткое время*. В различных трактатах по Йоге неоднократно встречается указание, что при достаточном напряжении можно достигнуть цели в течение 6 месяцев упражнений. В джайнистских памятниках есть даже указание, что при неуспешном упражнении в течение 12 лет человек имеет право покончить с собой, т.к. может считать, что цель его воплощения сорвана. Двенадцатилетний срок — обычный срок ученичества согласно Шастрам. Предание Джайнистов утверждает, что именно в такой срок Махавира достиг Освобождения. Ромен Роллан передаёт, что Тоттапури, с читая, что успех его трудов сорван, делает попытку к самоубийству.

XXX, 27. *Лучший из дважды рождённых* — в тексте изменительный, а не дательный падеж, как следовало бы, если бы это было обращение к Аларке, но Дейссен, очевидно, считает, что в тексте ошибка и переводит это слово как обращение. Думается, что эта редакционная неувязка может навести на некоторые небезынтересные размышления. Хотя кшатрии и даже вайшьи считались дважды рождёнными, т.к. получали посвящение при

приёме в касту и допускались к изучению Шастр, к аскетическим упражнениям, однако, в Махабхарате обращение “дважды рождённый” относится всегда к браминам, к членам же др. каст обращения иные. Т.о., обращение к кшатрию Аларке как к дважды рождённому, нужно принять как редчайшее исключение или редакционную неувязку. И то и др. сомнительно: текст явно “кшатрийский”, стремящийся доказать, что кшатрии не отстают от браминов именно в том, на что брамины претендовали как на свою монополию. В таком случае оборот следует рассматривать как выражение претензии кшатриев. Но можно предположить также, что редакторы-брамины переусердствовали и, забывая, что Аларка — кшатрий, хотят изобразить его достигшим браминов. И в том и в другом случае анализируемый оборот свидетельствует, что перед нами два текста, различных по духу и содержанию, довольно неудачно связанных при редакционной обработке.

ГЛАВА XXXI

XXXI, 9. *Жадность*. Смысл высказывания: пока человек побуждается жадной насаждений, он не мудр, но если он связывается с бестелесным, он должен искоренить в себе жадность. Дейссен переводит несколько иначе: “Жадность, побуждающую здесь на Земле человека, его запятнанного, к тому, чего он не должен был бы делать, ему следует искоренить острым мечом”. Для такого перевода нужно придать слову не вполне обычный смысл “бессильный”, внести несуществующее в тексте отрицание и придать глаголу “sevai” не обычный смысл — “он посещает”, “имеет обыкновение”, а довольно насильственно понимать его в смысле “долженствовать”. Текст не требует таких сложных ухищрений. Принимая слова текста в их обычном значении, можно получить без всякого насилия приемлемый смысл, вполне чётко выраженный.

ГЛАВА XXXII

XXXII, 16. *Говорят веды*. Дейссен замечает, что такого текста в Ведах он не нашёл и что Нилаканта, комментатор Махабхараты ссылается здесь на Иша Упанишаду, что тоже весьма условно, т.к. в первой шл. в ней говорится, что мир принадлежит Единому, а потому человек не должен желать мира, как ему не принадлежащего. Конечно, такая мысль Упанишады близка мысли разбираемого текста, но формально в Упанишаде она выражена иначе.

XXXII, 18. *Землю* — как стихию, характеризующуюся качеством запах; ср. с “Гитой”: “Я — чистый запах Земли” (VII, 9); “Я — вкус в воде” (VIII, 8). Дальнейшие рассуждения построены по той же схеме.

XXXII, 22. *Заук (шабда)* — так в тексте, но по схеме должно следовать “пространство” (акаша); текст берёт свойство вместо сути.

XXXII, 26. *Вращатель* — образ бытовой. В Индии есть засушливые земли, требующие полива, который производится путём перекачивания воды с помощью колеса, что делалось вручную; с этой, очень трудной и длительной работой сравнивается работа человека, стремящегося из глубин своего духа почерпнуть воду Истины (Брахмо). Разбираемый текст передаёт одну из многочисленных легенд о царе Джанаке (“Родителе”), отце Ситы, жены Рамы.

ГЛАВА XXXIII

XXXIII, 1. *Обитатель леса*. Отшельничество в лесу — третья стадия жизни по закону ашрама. Когда наступает время, домохозяин передаёт

священный огонь, а с ним и всё имущество сыну, и удаляется (с женой) в лес. С этого момента он освобождается от всех обязанностей домохозяина.

XXXIII, 3. *Очиститель* (Павака) — вообще стихии, но особенно огонь: в частности огонь последнего мирового пожара, о котором здесь говорится.

XXXIII, 4. *Сознание*. Текст употребляет здесь термин "Буддхи" в более широком смысле.

XXXIII, 5. *Нищий* (бхику) — санньясин, отказывающийся даже от того немногого, что дозволяется отшельнику. У санньясина нет пристанища, он в бездождевой период может оставаться на одном месте не более трёх суток. Это последняя, не обязательная стадия в жизни ашрама.

XXXIII, 6. *Образы*. — Эта шл. довольно трудно поддается переводу, т.к. два основных её термина — "линга" и "Буддхи", в первой и второй полушл. употреблены в различных смыслах: термин "линга" аналогичен термину "эйдос" эллинской и эллинистической философии. Известно, насколько различно его понимали Платон, Аристотель и Плотин. Можно сказать, что все смысловые оттенки, о которых говорят эти философы, присущи термину "линга": линга есть и образ идеи в её философском символизме, и уплотнение этой символики почти до грубого фетишизма (эйдос как идол), и признак определённого понятия в чисто философском смысле, и приметы в смысле самой плотной мантики. Вот откуда, на первый взгляд странное, сочетание "линга" с глаголом "почитать" почти в ритуалистическом его оттенке. Термин "Буддхи", как и в предыдущей шл. взят в смысле сознания. Во второй полушл. термин "линга" употреблён в смысле признака, характерной черты понятия, в данном случае — стадий жизни (ашрама), а "Буддхи" — в смысле познания, учения. Т.о., мысль шл. можно передать так: идею стремления к высшей цели можно чтить в различных её образах (аспектах) и различным способом в зависимости от конкретных условий жизни, но сущность стремления заключается в достижении покоя, мира душевного. Такова широчайшая идея индийской философии, обуславливающая её необычайную гибкость и терпимость. Индийская философия вмещает в себе все течения и отвергает исключительность какого-либо одного и фанатизм. В этом — её непревзойдённая диалектическая сила. Следующие шл. развивают и поясняют формулу 6 шл.

XXXIII, 7. *С плотным*. — Здесь "шарира" принимается не как конкретное понятие в смысле "тело", но как отвлечённое — "плотное", "плотность"; у Дейссена — как "телесность".

XXXIII, 8. *Обуславливают тело*. Однако из ведущих положений индийской философии — утверждение связи воплощений с деятельностью дживы — основано на утверждении непреложности причинно-следственного ряда, почему в логических работах индийских философов вопрос о причинности разрабатывается с особой тщательностью. Различные философские школы различно разрешали вопрос об отношении причины и следствия, и отсюда вытекало построение различных построение различных космологий, впрочем отличающихся друг от друга не в основном, а в деталях. Исходя из положения, что деятельность обуславливает воплощения, а всякая деятельность, имея начало, должна иметь и конец, индийская философия пришла к выводу об относительности бытия. Т.о., индийская философия, подобно эллинской, различает бытие и бывание как неустойчивый синтез антитезы бытие — небытие.

ГЛАВА XXXIV

XXXIV, 6. *В (их) работе*, т.е. в искании Брахмо, нужно подражать пчёлам, которые издалека чутьём направляются к мёдоносным цветам.

XXXIV, 6. *Через символ*. В данном тексте термин "линга" употреблён в смысле обобщающей интуиции или синтетического сознания Йоги, достигну-

евого в Самадхи. Как пчёлы интуитивно летят к мёду, так йоги устремляются к "То" (ср. в последнем гимне "Книге Санатсуджаты" шл. о пчёлах, вып. III).

XXXIV, 7. Я, т.е. никакие внешние предписания и правила не научат человека познанию своего истинного "Я", своей индивидуальности, а без этого не может быть освобождения. Следующая шл. указывает, что такое познание может возникнуть при усердном накоплении фактов познания, не только чётких, но и неясных, проявляющихся по мере накопления познания.

XXXIV, 9. Бхагаван — т.е. Кришна.

ГЛАВА XXXV

XXXV, 3. Отточенными — т.е. соблюдаемыми.

XXXV, 3. Занятого наставленьем — букв.: "сидящего (в качестве) учителя".

XXXV, 3. Врагов крушитель — обращение рассказчика (Кришны) к Арджуне.

XXXV, 19. Основа — прадхана, "основная" ткань Природы, "волокна", у которой три свойства (гуны), одни для всех существ, и они неотделимы от основы, "как волны неотделимы от моря", согласно метафоре, излюбленной индийской философией.

XXXV, 20. Без собственности — в тексте стоят рядом два почти равнозначных термина: "нирмана" и "нираханкара". Первый значит "без моего" в физическом и психическом смысле, второй — "без основы личности".

XXXV, 20. Дерево — как образ мира. Одна из любимых метафор религиозно-философской мысли не только индийцев, но и др. народов, в частности славян (ср. История культуры древней Руси, изд. АН СССР, т. II, 1951 г.); ср. также египетское "Сказание о двух братьях", сказание о "дереве познания добра и зла и дереве жизни" ассиро-вавилонских легенд, долонский дуб Зевса и пр. В данном тексте — двойная символика: "махат" принимается и как проявленное вообще (дерево), и как первая таттва (суть) в системе 24 таттв школы Санкхьи.

XXXV, 20. Непроявленный — т.е. прадхана как невидимая основа проявленного, обычно считающуюся второй сущью (таттвой).

XXXV, 20. Подножие юбоддхи. — Текст принимает не махат за первую таттву, а Буддхи, обычно считающуюся второй сущью (таттвой).

XXXV, 21. Дупло ("котура"). Дейссен пропускает это слово, а вместе с тем оно занимает своё место в символике: активные индрии символизируются ветвями, воспринимающие — дуплами.

XXXV, 21. Суты — бхута, стихии: земля, вода и пр.

XXXV, 21. Особенности — в тексте рядом повторено слово "вишеша", но в одном случае в смысле ветвь, в другом — "особенность", "отличительный признак", чем подчёркивается, что особенность понятия является как бы логическим разветвлением.

XXXV, 35. Мир возник правдой. — Это — важное положение, выражающее сущность отличия школы Санкхьи от всего течения монизма. Веданта полностью отрицает реальность мира, считая его чистой иллюзией, Майей.

XXXV, 38. О четверичной науке — т.е. о познании благого, приятного, полезного и Освобождения.

XXXV, 45. Все касты. — Текст даёт вполне выработанный устав о четырёх ступенях жизни, что свидетельствует об относительно позднем его происхождении, сближая этот памятник с законами Ману.

XXXV, 45. Почитание предков. — Принесение им подкрепляющих жертв: воды, рисовых галушек — таков первичное значение слова "шраддха"; лишь

позже оно приобрело значение "вера". В тексте сказано, что Дхарма есть "лакшана праадхья", что позволяет придать слову "дхарма" значение "благочестие", "благочестивый долг". Дейссен переводит здесь "шраддха" как вера, но ставит слово в кавычки и ссылается на Чхандогья Упанишаду, 5, 10, 1 и Брихадараньяка Упанишаду, 6, 12, 15. Но в указанном месте Чхандогья Упанишада совершенно ясно говорится о шраддхе, как о почитании предков, которые через костёр идут в светлую половину месяца и года по дороге богов (ср. Бхагавадгита, VIII, 23 и сл.). В соответствующем месте Брихадараньяка говорится об аскезе пяти огней и в 15 шл. почти дословно повторяется текст Чхандогья Упанишады; т.е., слово "шраддха" в разбираемом тексте нужно понимать в его первичном значении, а это обуславливает понимание слова "дхарма" на соответствующем уровне. Выяснение этих моментов важно, т.к. они в значительной мере определяют философский уровень изучаемого текста.

XXXV, 47. *Иначе*, или "отдельно", "особенно". — Дейссен понимает здесь слово "дхарма" (долг) в узком смысле — "принесение жертвы", что без необходимости ограничивает смысл высказывания, т.к. понятие "долг принесения жертвы" скорее выражается терминами "карма" или "крिया". Под "иначе" Дейссен понимает "следуя дорогой предков", или низшим путём. Такое толкование представляется очень натянутым, сделанным для приближения анализируемого текста к более широкому смыслу, в духе Гиты, допускающей возможность постижения Атмана путём утверждения дхармы в широком значении долга вообще.

XXXV, 48. *Пребывают*. Для выражения этой мысли текст употребляет причастную форму глагола "vaṅi", основное значение которого "вращаться", что выражает идею динамического пребывания, а не статического нахождения (от глагола stha — стоять). Чтобы подчеркнуть идею движения, выражаемую текстом, в перевод введено пояснительное слово "в (соответственном) распределении", т.е. меняющемся соответственно данным условиям.

XXXV, 49. *Великий* — Махан-Атма, Вселенская Душа, 25-я таттва, которую отрицает поздняя Санкхья и признаёт ранняя Санкхья как Пурушоттаму. Высочайший Дух (ср. Бхагавадгита, XV), как проявление в Космосе безусловного субъекта — Атмана, объединяющего относительные сознания (джива). Это учение находит себе аналогию в учении о предустановленной гармонии монад Лейбница. Поздняя Санкхья признаёт только 24 таттвы, что приводит её к плюралистическому атеизму как учению о множественности субъектов познания и к замене понимания ранней Санкхьей Йоги как единения с Пурушоттамой, понимание Йоги как процесса отрешения (кайвалья) от проявленного объекта познания (Пракрити). В этом — точка соприкосновения поздней Санкхьи и Буддизма Хинаяны.

XXXV, 49. *Принцип личности* — аханкара. "Также", стоящее в тексте, подчёркивает логическое выделение Махан-Атмы, как 25-й таттвы, от остальных 24 таттв. Принадлежность "основы личности" к 24 таттвам, образующим по учению Санкхьи, материальную природу (Пракрити) не оспаривается ни одной из традиционных философских школ Индии.

XXXV, 49. *Великие суги* (Махабхуты) — соответствуют 4 стихиям эллинистической философии с той разницей, что пятая стихия, эфир — есть "квинтэссенция", объединяющая 4 остальные стихии, но не несущая особого свойства, тогда как пятая сугь (бхута) индийской философии — акаша, пространство — не только объединяет 4 остальные суги, но и сама несёт особое свойство — звук. Гуны, как видно из дальнейшего, не "суги" (бхута), но "свойства", проходящие через всю "основу" (прадхана) материи и тем переводящие её из потенциального (авьякта) в актуальное состояние (вьакта).

ГЛАВА XXXVI

XXXVI, 1. *Неисчерпаемый*. — Все перечисленные в данной шл. качества “кремля” Дейссен перелаёт через существительные, с чем трудно согласиться, т.к. в таком случае их надо принимать за атрибуты или, в крайнем случае, за модусы субстанции, но такая концепция не свойственна традиционной индийской философии. Слово “anudrikam” (от глагола rik+ud) БПС переводит: “никогда не являющийся чрезмерным”, а для слова “riga” в этой шл. даёт синоним “шарира” (тело).

XXXVI, 1. *Девятишарный кремль* — т.е. тело. Текст утверждает аналогию между макро- и микрокосмом. Эллинистическая философия так формулировала в знаменитых “Смарагдовых Скрижалях” закон аналогии: “Достоверно, истинно и преистинно: то, что вверху, подобно тому, что внизу, и то, что внизу, подобно тому, что вверху для утверждения чуда Единого Делания...”

XXXVI, 2. *Одиннадцатичленный* — т.е. состоящий из 3 гун, 5 сутей, индрий, манаса и Буддхи (десять индрий принимаются за одно). Часто под “одиннадцатичленным” понимается 10 индрий+манас.

XXXVI, 8. *Злодеям*. — За этим в бомбейском издании следует строка: “Природа тамасическая проявляется в других качествах” (Дейссен).

XXXVI, 33. *Тёмным* — перечисленные здесь свойства при поверхностном взгляде могут показаться пустыми синонимами, но текст имеет в виду совершенно определённые понятия, разработанные индийской философией. Дейссен справедливо проводит аналогию между разбираемой шл. и Санкхья-Карикой 48. Заблуждением называется принятие Атмана за “основу личности” (аханкара). Ослеплением называется убеждение богов, что достигнутые ими совершенства нельзя утратить, т.е. что боги не могут ниспасть до самых низших состояний. Великим ослеплением называется стремление богов и людей к чувственным предметам. Затемнением называется воздействие (“зависть”) на психические таттвы.

ГЛАВА XXXVII

XXXVII, 10. *Наставление в законе*. — Брамины совершают жертвы “для себя” и “для других”, кшатрии же лишь поручают браминам совершать жертвы, действуя через браминов. Брамины научают закону, кшатрии его изучают.

ГЛАВА XXXVIII

XXXVIII, 7. *Восторженность* — в смысле способности сосредоточиться на Высшем, исторгаясь из окружающего; в этом смысле “изумление” — исторжение из ума. Ср. “Мира восторг беспредельный сердцу певучему дан” (А. Блок).

XXXVIII, 11. *Себе избирают тело* — для следующего воплощения, тогда как тёмные и страстные вынуждены входить в тела, предопределённые бывшей деятельностью.

ГЛАВА XXXIX

XXXIX, 25. *Отрёпённость* — кайвалья. Термин несколько неожиданный для данного текста; его приходится принимать как “Йога”.

ГЛАВА XL

XL, 6. *Размышление* — дхьяна, как восьмая ступень Йоги, если не считать Самадхи.

XL, 9. *Пятый* — в переводе сохранён порядок перечисления подлинника, хотя схема здесь нарушена по метрическим соображениям.

XL, 13. *Сознания* — Буддхи.

ГЛАВА XLI

XLI, 2. *Суть* — бхута.

XLI, 2. *Изменения производящий* — в переводе Дейссена — "продукт продукта", т.е. Махана.

XLI, 2. *Силой сознания*. — Дейссен переводит: "...посредством таджас (раджас) и поскольку он охватывает духовность (т.е. Праджалати)". В предлагаемом переводе слово "четана" передано через "сознание". Терминология текста не строго выдержана, т.к. в последней шл. предыдущей главы употреблено слово "Буддхи" в смысле "сознание".

XLI, 3. *Я — так сказав* — ср. "Ehie" ("Я есмь") сефиры Короны в системе Сефирот Каббалы и творчество Аммона по фиванской теологии.

XLI, 5. *Пыл таджас*, ср. прим 41.2.

ГЛАВА XLII

XLII, 5. *Витязи* — здесь: "богатыри духа", ср. "Большой витязь" — опитет Махавиры, основателя Джайнизма.

XLII, 7. *Не-нечто* — т.е. субстанционально; "hile" греков, а не "usia". Ср. также диалектику "нечто" и "ничто" в I части "Науки логики" Гегеля.

XLII, 15. *Жалость* — т.е. обладающим способностью воспринимать и действовать, противопоставляется "сушма шарира", тонкое тело, образуемое энергиями или пранами ("ветрами, течениями").

XLII, 16. *Двоющим* — т.е. обладающим способностью воспринимать и действовать через соответствующие органы, но не непосредственно (ср. гл. XXII — спор манаса с индриями). Т.о., понятие "манас" в древнеиндийской психофизиологии в точности соответствует понятию "рефлекторных центров" современной физиологии.

XLII, 17. *Овладевшего*. — Глагол "джна" подлинника здесь правильное перевести "овладеть", а не "знать", т.к. текст имеет в виду не отвлечённое, а реализационное знание. Такая концепция знания присуща не только древнеиндийской философии; так, в Египте выражение "знать имя" было равносильно выражению "владеть сущностью".

XLII, 23. *Ваю*. — Здесь некоторая неувязка: Ваю — ветер относится к стихии воздуха (Марута, Матарिशва); по-видимому, здесь это слово выражает идею летучести запаха (ср. Гита, XV, 8).

XLII, 36. *Низшим* — т.к. есть высшее, "второе рождение", т.е. посвящение в касту.

XLII, 39. *Чистое дело* — т.е. не только аскеза и не только обряды, но и вообще поступки, лишённые эгоистических мотивов, являются способом "родиться в Брахмо".

XLII, 39. *Пред ликом то* — т.е. пред ликом Брахмо (ср. Бхагавадгита, IV, 32).

XLII, 40. *Приобщённым* — т.е. кто знает путь к Брахмо (аскезу и пр.), тот должен осуществлять это знание.

XLII, 55. *Озаряя себя своим светом*. — Дейссен берёт эти слова в кавычки как цитату из Брихадараньяка Упанишад, 3, 6, где говорится, что, когда зайдут Солнце, Луна и погаснет огонь, человек становится своим собственным светом, при котором он выполняет свой труд и возвращается в обитель свою (ср. Бхагавадгита, XV, 6).

XLII, 56. *Липкая накипь* (букв.: "удерживающая грязь"). — Смысл шл.: стихия Земли есть накипь и грязь, удерживающая Атман в Самсаре.

XLII, 57. *Двумя божествами* — т.е. индивидуальной душой (джива) и Махан-Атманом, Душой Вселенской.

XLII, 57. *Страстное*. — Дейссен даёт значение синонима: "запылённый".

XLII, 58. *Обуреваемое сомнениями*. — Дейссен переводит как "стремящееся к касаниям".

XLII, 58. *Самтвы*. — Здесь это слово нужно понимать в смысле "разумность", "разум". Тело само по себе не разумно, преисполнено бедствиями, болезнями пр., но оно находит защиту в разумном влиянии дживы, индивидуальной души.

XLII, 60. *Мир*. — В этой шл., вторая половина которой буквально повторяется в XIV, 45, 10 употреблён термин "jagat", один из синонимов понятия "мир, Вселенная". Этот термин происходит от глагола "идти" и выражает идею нестойкости мира, поэтому лучше это слово переводить эпитетом "преходящий". Термин "loka" образован от глагола "lok" — "глядеть"; т.о., термин выражает идею зримого, созерцаемого объекта, чем определяется только отношение субъекта, но не даётся определение последнего, а поэтому применим не только к проходящему, но и "вечному", идеальному миру.

ГЛАВА XLII

XLII, 2. *Змея*. — Символика змеи сложна; она идёт по 3 линиям: течучести движения этого животного, напоминающая движение воды ("река змеится") и жгучести яда, губительного, как огонь, и змеиного движения пламени ("побежали змейки огня"). В период эллинизма символ змеи стал выдвигаться особенно чётко, повидимому, в связи с проникновением в греческую культуру азиатских влияний, в частности мидо-персидских. Одними из представителей "языческой" гнозы были офиты. Мид (Mead. *Fragments of a forgotten faith*. London, 1906, стр. 183 и сл.) подчёркивает связь символики змея с Индией. Позже тантры широко развили символику в учении о силе Кундалини. В данном тексте можно видеть зачатки этой символики. Знак Овна — по-санскритски avis — связан со стихией Огня (первый знак т.н. "тригона огня"). Особое, символическое значение высказывания текст подчёркивает употреблением для обозначения змеи необычного синонима — "avis". Так создаётся непереводаемая игра слов, образующая своеобразный узор мыслей.

XLII, 3. *Тростник*. — В тексте встречаются два синонима этого растения, повидимому; мыслятся разные его виды.

XLII, 10. *Север*. — Санскритское название Севера "уттара" означает "высокий" (наивысшее годичное положение Солнца, повышение почвы на Север, в направлении к Гималаям). Отсюда развивается символика этого представления.

XLII, 11. *Пурандара*. — В тексте чувствуются редакционные недостатки. В 8-й шл. говорится об Агни как владыке сугей (стихий); в 11-й шл. употреблено расплывчатое выражение "это творчество"; в 10-й шл. говорится о "владыке богов", но недостаточно чётко. Смысл 10-й шл. сводится к высказыванию: "владыка сущности есть владыка существ", ибо значение имени Праджнапати и есть "Владыка существ"; образ очень слабо персонифицирован. Эти и др. несообразности наводят на мысль об интерполяции, объяснимой любовью индийцев к детализации, перечислению; иногда злоупотребление этими моментами ослабляет основную мысль.

XLII, 12. *Вишну*. — Здесь опять отмечается редакционная недоработка. Под "Я" нужно понимать Брахму, от лица которого ведётся речь. Но идея персонификации, как это часто бывает в индийских памятниках, тутчас снимается, ибо текст поясняет, что это "Я" состоит из Брахмо (brahmapada), причём предоставляется широкая возможность вкладывать в это выражение

разный смысл, начиная с ритуалистического в духе Браманы, где под этим выражением чаще всего понимались Веда, вплоть до идей Упанишад, где под Брахмо понималась величайшая абстракция — внеположное миру бытие. Вишнуитская тенденциозность редактора сказалась в знаменательной оговорке “кроме Вишну”, явно теистического характера. Дальнейшие шл. представляют развитие вишнуитского вставка.

XLIII, 15. *Парвати*. — В текст и без того запутанный, неожиданно врывается шиваитский мотив: вместо ожидаемой Лакшми-Шри женой Вишну вдруг выступает Парвати, Вселенская богиня Махадэви, жена “Великого Владыки” (Махадэвы). Нет сомнения, что в древности существовали не только фаллические, но и ктеические культы. Известно, что в шиваитском лингаме Шива символизируется мужским детородным органом, а его Шакти, Парвати-Дурга — женским. Культы Дурги-Парвати всегда носили очень мрачный, садистский характер. Древний и сохранившийся до настоящего времени культ Дурги-Парвати требует строгого полового воздержания, хотя самооскопления от жрецов Кали не требуется, как это требовалось от жрецов Изиды. Только гораздо позднее тантрический культ Шакти принял иной характер. Выраженный эротический характер носил культ Лакшми в позднейшее время, когда придворные поэты использовали культ Радхи для совершенно откровенной эротики. Вклинивание шиваитского и, повидимому, очень искажённого текста, в вишнуитское произведение объясняется эклектической тенденцией редактора. Возможно, что в шл. 13 следует читать не *Naṁit*, но *Naṁat*, т.е. вместо Вишну — Шива, что до известной степени сглаживало бы противоречия дальнейших шл.

XLIII, 16. *Апсары*. Трудно согласиться с пониманием этой шл. Дейсенсом, который переводит: “...из др. женщин Апсары дают сокровища любовной утехы”. Для такого понимания нужно внести слово “другие”, которого нет в тексте, и принять родительный за местный, и, наконец, придать слову “васуна” необычный смысл — “любовная утеха”. Всё это слишком уж большие натяжки. Осмыслить текст возможно без них. Явные редакционные неувязки позволяют не соединять полушл. В первой говорится о Парвати, причём, как это показано выше, высказывание допускает различные толкования. Во второй полушл. говорится об Апсарах; если шл. принять как обрывочное высказывание, то её можно понять просто как заметку о том, что Апсары обогащают женщин. Апсары — водяницы; их украшение — жемчуг (основное украшение индийских женщин). Жемчуг добывается из воды, мифологически выражаясь — его дают Апсары. Т.о., слово “васуна” нужно понимать в его первичном и прямом смысле: “богатство, сокровище”. Об Апсарах упоминается под конец перечисления всяких владык; на этом оно резко обрывается, и текст возвращается к рассуждению начала главы. Всё изложенное в соответственных примечаниях позволяет рассматривать шл. 2—16 как довольно неуклюжую редакционную вставку.

XLIII, 17. *Дважды рождённых* — текст возвращается к одной из важных социальных задач, разрешению которой Махабхарата уделяет столько внимания: к диалектике отношений двух ведущих каст — кшатриев и браминов. Для изучения истории древнеарийского общества Махабхарата даёт богатейший материал.

XLIII, 24. *Мысль* — таково первое значение слова “*cinta*”, но можно перевести и как “внимание”. Дейсен даёт свой перевод — “восприятие”, а “Буддхи” в этой же шл. переводит как “познание”, тогда как в следующей оставляет без перевода как специальный термин; слово “*ukta*” (сказанный) он опускает.

XLIII, 25. *Чтоб не оставалось сомнений* — так переводит и Дейсен, хотя в тексте сказано буквально: “...в этом нет сомнений”. Дейсен придаёт высказыванию этой шл. выраженный кантианский смысл; в согласии со

своей общей установкой рассматривает Ведантизм как своего рода "восточное кантианство". Нельзя отрицать близости понятия "Буддхи" к кантовскому понятию "практический разум". Этому своему термину, как известно, Кант придаёт смысл "способности нравственной детерминации", проще говоря — совести. Однако нельзя, основываясь на частной аналогии, делать вывод о тождестве, а тем более нельзя подтягивать изучаемый текст к заранее сложившейся установке.

XI, 25. Дхьяна. — Глубокое размышление есть восьмая ступень восьмиступенной Йоги по классификации Патанджали. Отсюда начинается краткое описание этой системы; поэтому под "праведником" (садху) вполне позволительно уразуметь Йогина, что позволяет осмыслить слово "авьякта" как "скрытость" (первое значение слова "непроявленное"). Текст рекомендует упражняться в Йоге уединённо, скрытно, чтобы устранить всякие посторонние помехи (ср. Бхагавадгита, гл. VI).

XLVIII, 26. Деятельность. — Довольно трудно объяснить, почему текст, выдержанный в тонах Джнана Йоги, говорит о "деятельности" (pravṛtti), вероятно, правильное всего понимать как "упражнения" в Пранаяме и пр. Так понимает Дейссен.

XLIII, 29. Ветер — здесь как особое "божество органа", управляющая органом сила: дальше называются и др. "божества органов".

XLII, 35. Разумная воля. "Adhyavasa" буквально значит "твёрдое веление", "решение". В шл. 25 этой гл. термин употреблён в смысле "умозаключение".

XI, 36. Познавший поле — здесь: джива, индивидуум (ср. Бхагавадгита, гл. XIII).

XLIII, 41. В познавшего поле. — Текст чётко отличает "Познавшего поле" Атмана, Пурушоттаму (Космическую душу) от "Познавшего поле", т.е. индивидуального сознания дживы. Главное отличие ранней Санкхьи от поздней заключается в том, что ранняя Санкхья признаёт Вселенскую Душу, а поздняя отрицает, что и является основанием считать её "атеистической Санкхьей".

ГЛАВА XLIV

XLIV, 2. Ночь. — Древние придавали большое значение такому счёту, вкладывая в эти моменты символическое значение. У семитов счёт вёлся в обратном порядке: сначала ночь, потом день, вероятно, вследствие того, что в основу летоисчисления у них был положен, а не солнечный месяц.

XLIV, 2. Светлая половина — период возрастающей Луны (до полнолуния). Со "светлой" и "тёмной" половинами месяца у древних связано было множество поверий. "Светлой" первая половина называется потому, что Луна видна в это время с вечера и в первую половину ночи, когда ещё не вполне закончилась дневная жизнь. "Светлая" половина считалась благоприятной, "тёмная" — неблагоприятной.

XLIV, 9. Ячмень. — Интересно, что "началом злаков" считается ячмень, а не рис, известно, что в Малой Азии и Двуречье первым культурным растением был ячмень. Культ Осириса, как жита, не египетского, но азиатского происхождения.

XLIV, 12. Я — т.е. Брами, от имени которого ведётся речь (ср. 42, 12).

XLIV, 14. Через три мира. — Древние арийцы считали, что Ганга начинается на Небе и спускается через воздушное пространство на Землю. Чтобы обрушивающийся с Неба водопад не повредил существам, Шива (в данном случае отождествляемый с Гималаем) принял его на свои плечи. Аналогично египтяне представляли Нил спускающимся с Неба на Землю. Представления о небесной реке, или пути, возникло от наблюдения звёздного Неба с его "Млечным путём". Последнее название основано на греческом

мифе, повествующем о том, как молоко Андромеды пролилось по Небу. Позднее в эти натуралистические мифы было вложено философское содержание — учение о потоке энергии, сходящем на Землю.

XLIV, 21. *Конец не видно.* — Основная установка всех традиционных школ Индии заключается в следующем положении: всё преходящее, потому всё в конечном счёте приносит страдание. Причина всего преходящего — неведение (заблуждение), ложное знание. Отсюда — только истинное знание, заключающееся в осуществлении абсолютного, бесконечного субъекта (Атмана) ведёт к Освобождению, а потому бесконечно. Жертвы, дары и всё прочее, совершаемые ради достижения небесного блаженства, приносят, как и всё внешнее, лишь гниущий плод.

ГЛАВА XLV

XLV, 1. *Обитель* — таково значение слова “пивеша” (первое значение “оседание”, “осёдлость”). БПС считает значение этого слова в данной шл. неясным.

XLV, 1. *Закрепы* — в тексте употреблено 2 синонима, означающие обод, обтяжку колеса.

XLV, 4. *Тени.* — Так в подлиннике; образ возник, вероятно, потому, что в Индии тень ассоциируется с сыростью: отсыревая в тени, дерево на Солнце высушивается и даёт трещины.

XLV, 16. *Пять* — для богов, риши, предков, людей и животных (пояснение Дейссена).

XLV, 19. *Священный шнур.* — “Яджнопавитин” значит облачённый в ритуальную одежду. Неотъемлемая часть такого облачения есть священный шнур, получаемый мальчиком-брамином; брамин должен его носить не снимая на левом плече. Снятие священного шнура равносильно отказу от касты.

ГЛАВА XLVI

XLVI, 1. *Брахмачарья* — ученик, послушник, первая из степеней закона о периодах жизни. Чёткое изложение этого закона, вполне установившегося в период создания Законов Ману (Манавадхармашастра), является известным историческим ориентиром для датировки памятников этого периода; в Упанишадах этот распорядок жизни лишь намечается. Изучаемый текст говорит о законе, распорядке жизни, как о положении достаточно утверждённом, что свидетельствует о более позднем происхождении памятника. Однако здесь этапы жизни рассматриваются не в естественном их порядке: в главе 45 рассматриваются сначала вторая ступень и только потом, в главе 46, говорится о первой ступени.

XLVI, 18. *Не совершая обрядов.* Слово “naishkarmya” в подстрочном переводе значит “бездеятельность”; Дейссен так и переводит: “Untaetigkalt”, но это слово сочетается с глаголом “car”, странствовать, который говорит о деятельности. Для сохранения принятого им смысла Дейссен переводит этот глагол через “verharpen” (зацепенеть), что произвольно, т.к. приставка “a” несколько не меняет основного значения глагола, выражающего именно деятельность, всякого рода движение и обитие. Вот почему представляется правильным принять здесь слово “карма” в более узком его значении: “обрядовая деятельность”, что вполне соответствует общим правилам для санньясина. Насколько этот вопрос важен для понимания практических выводов из теоретических установок индийской философии, можно судить хотя бы по Бхагавадгите, где ему уделяется особое внимание.

XLVI, 19. *Неиспрошенный.* — Санньясин не должен готовить себе пищу (что разрешается отшельнику), он даже не имеет право активно

просить пищу, он ест только полученное без просьбы. Насколько эти правила прочны в Индии, видно на примере Свами Вивекананды (умер в 1902). Ещё совсем молодым человеком он долго странствовал как санньясин по Индии; иногда ему приходилось голодать по нескольку дней, не получая подаяния.

XLVI, 19. *Ходит* — В бомбейском издании следует полушл., отсутствующая в калькуттском. Дейссен её переводит так: "он не должен требовать чрезмерного подаяния, но только нужного для поддержания жизни. По существу такое указание сбивчиво: санньясину вообще не разрешается просить, а данная полушл. как бы разрешает просить необходимое.

XLVI, 27. *Смотря под ноги* (букв.: "на землю") — чтобы не раздавить живого существа.

XLVI, 34. *Победиться* — т.е. должен давать только в случае жизненной необходимости для другого, чтобы не нарушать закон невреждения.

XLVI, 43. *Ни глазом* — имеется в виду "сглаз" кого-либо.

XLVI, 44. *Разрушив* — так в тексте. Дейссен переводит "уничтожив". Конечно, под таким предписанием не подразумевается самоубийство, но лишь даётся указание на технику достижения Самадхи. Вот почему в шл. 45 слово "atman" лучше переводить не "владыствующий собой", но "причастный Атману". Грамматически оба перевода возможны.

XLVI, 46. *Без покровительства* — подразумевается без покровительства какого-либо божества.

ГЛАВА XLVII

XLVII, 14. *Срезав* — ср. Бхагавадгита, XV, 3.

XLVII, 16. *Птицы* — символ не вполне ясный; повидимому, Буддхи и аханкара; в таком случае третья — Махан.

XLVII, 17. *Внутренний атман*. Дейссен переводит слово "aetana" не "бессознательный", а "недуховный" (ungastige), что спорно. Он ссылается на Майтри Упанишаду, где разбирается вопрос об отношении Атмана к таттвам и говорится, что Атман, живущий в "так называемом теле", именуется bhutatman, но далее добавляется, что этот бессмертный Атман, хотя и не слит с телом, однако подвержен действию гун. Нам представляется внутреннепротиворечивым говорить о недуховном Атмане. Небезынтересно сравнить эту шл. с XVII главой "Книги мёртвых", где говорится: "всё зло, которое я совершил вместе с Владыкой Вечности с тех пор, как он вышел из чрева своей матери". Ср. также прим. XIV, 28, 3.

ГЛАВА XLVIII

XLVIII, 8. *Отречение, отрешённость* — тяга и санньяса настолько близкие термины, что легко заменяют друг друга и попытки их отифференцирования в санскритской литературе мало удачны. (Ср. Бхагавадгита, XVIII, 1—2 примечания к этим шл.).

XLVIII, 12. *Мокша*. Это один из примеров индийской логики, строящейся не на силогизме как таковом, а на аналогии. В перцепции سموковница и мокша — одно, в апперцепции — разное; ср. Ф. И. Щербатской "Теория познания позднейших буддистов", ч. II, 1909; Буддийская логика в серии Bibl. buddhica. 1932 (англ.); Миль. Логика. Примеры следующей шл. построены по тому же принципу.

XLVIII, 13. *Очертанием* — ср. учение Гегеля об осцилляции границы понятий ("Наука логики", ч. I).

ГЛАВА XLIX

XLIX, 5. *Временем и местом.* Выражение текста эллиптически: пропущено первый глагол; отсюда возможность различных толкований. Дейссен с позиций кантианства понимает поставленный вопрос в онтологическом смысле, как сомнение в существовании пространства и времени. Но такое толкование нарушает ход мысли. Выражение свободно можно принять по его грамматическому и логическому построению, в ритуалистическом смысле (ср. Бхагавадгита, XVII — "в (должном) месте и времени") и смысле ритуально подходящего времени и места.

XLIX, 8. *Другие.* Эта полуш. повторяется только в калькуттском издании, в бомбейском она опущена.

XLIX, 8. *Наслаждение.* Намёк на школу шраваков, взгляды которой близки эпикурейству. Школа считалась еретической и не входила в число шести традиционных школ.

XLIX, 9. *Средством* — подразумевается "к Освобождению".

XLIX, 10. *Вредительство.* Речь идёт о допустимости кровавых жертв, на необходимости которых настаивает ортодоксальное жречество, тогда как философское реформаторское движение их отрицало (ср. XIV, 28 — спор брамина с яти).

XLIX, 10. *Чистота* — речь идёт о "чистых делах" в ритуальном смысле, о "заслугах", обеспечивающих райское блаженство.

XLIX, 11. *Размышление (йоги)* — дхьяна как восьмая ступень 8-ступенчатой Йоги. Вопрос сводится, выражаясь языком европейской философии, к "пессимизму" и "трансцендентному оптимизму". В первом случае Освобождение понимается отрицательно, как устранение страданий (Буддизм, Джайнизм), во втором — положительно, как достижение состояния безусловного субъекта (Атмана), определяемого известной формулой Упанишад: Сат-Чит-Ананда (ср. Нрисинха-уттара-тапаниа Упанишада, 4 кханда).

ГЛАВА L

L, 8. *Предметность* — так буквально. Дейссен переводит "состояние объективности и субъективности".

L, 10. *Наслаждающегося*, т.е. себя самого, субъекта познания.

L, 11. *Без частей* — этому утверждению казалось противоречат такие высказывания, как в Бхагавадгите, X, 42 "частица Меня Самого..." или мифологическое сказание о том, что в Раме воплотился Вишну своей половиной, а в его двух братьях Лахшмане и Бхарате по четверти. Под этим подразумевается не деление Атмана, а только различная степень проявления Его Шакти.

L, 30. *Из-за привязанности*, точнее — нежности, жалости к себе. Параллель проводится между рыбаком, привязанным к своему кораблю и человеком, привязанным к своей эмпирической личности.

L, 45. *Вкус* — перевод следует поправке Дейссена, в тексте стоит "драва" — текучесть.

L, 54. *Пятый* — в подлиннике ступени гаммы перечисляются не по порядку: перечисление начинается с сексты и кончается секундой. Однако все ступени семиступенной гаммы даны вполне определённо. О полутонах не говорится, хотя, конечно, индийская музыка знает не только полутона, но и обертона.

L, 58. *Вступает.* Заключительное положение главы звучит в духе ранней Санхьи, как и весь текст "Беседы учителя с учеником". О смысле термина "Атман всех существ" см. примечания XIV, 47, 17 и 29, 3. Т.о., текст различает индивидуального Атмана (джива), Космическую Душу (Бхутатма

или Махан-Атман) и Атмана как абсолютного субъекта. Эта концепция аналогична учению Бхагавадгиты о трёх Пурушах (гл. XV).

ГЛАВА LI

LI, 1. *Я*. Здесь в тексте стоит бхутатма в том смысле, в каком понимает Дейссен этот термин (см. предыдущее примечание и книгу XIV, 28, 3).

LI, 2. *Того* — в подлиннике местоимения в родительном падеже нет, а потому высказывание требует в переводе дополнительного слова, что позволяет различные толкования. Дейссен переводит: "Буддхи провозглашает владычество, а тот, кто его осуществляет (ubh) именуется "Познавшим поле". Т.о., в перевод вводится не существующий в подлиннике глагол.

LI, 5. *Колесница*. Эта притча встречается в разных вариантах: обычно в качестве седока представляется Атман, а в качестве возничего — манас. В данном же варианте ездоком символизируется бхутатма, отождествляемый здесь с манасом, т.е. Атман как бы выключается, и образ остаётся неполным. Кажется, наиболее ранний вариант притчи даётся в Катхака Упанишаде, III, 3—9. Здесь схема такова: Атман — седок, колесница — тело, Буддхи — возничий, манас — вожжи, кони — индрии. Упанишада различает "хороших" и "дурных" лошадей. Т.о., в Анугите даётся явно испорченный вариант: спутано понятие Атмана и Буддхи, изменены вопреки изложенному в 50 главе отношение манаса и Буддхи, не указано, что символизирует колесница. Выражение "брахманическая колесница" очень расплывчато. Эти соображения позволяют думать о мало обработанной интерполяции.

LI, 12. *Причины* — т.е. не как результат деятельности всеположного миру Творца.

LI, 17. *Способов* — таково основное значение слова "садхана". Но общее значение гораздо шире: это есть способ почитания богов в самом широком смысле, а потому и способ всяких духовных достижений. Обширный смысл высказывания подлинника поневоле суживается и обеспечивается в переводе.

LI, 28. *Сознанием*. — Здесь говорится о чите, материи мысли, но не о субъекте (дживе, Атмане), ср. Йогасутры I, 1: "Йога есть удержание материи мысли (читта) от завихрений (вритти)".

LI, 30. *Не моё* (ne mat). — Ср. "в мире до тех пор будет зло, пока будут существовать два слова: "твое" и "моё" (Йоанн Златоуст).

LI, 31. *Дела*. Отношение к деятельности — тема исконных споров между школами индийской философии (ср. постановку вопроса в Гите). Одним из ярких противников Карма Йоги, учения об Освобождении путём деятельности, был Шри Шанкара (VIII в. до н.э.).

LI, 32. *Шестнадцатью частями*. — О шестнадцати частях человека неоднократно говорится в Упанишадах (ср. Deussen. Sechzig upanischad's des Veda, s. 511). Эти 16 частей образуются из слогов санскритского названия частей тела: волосы, кожа, кровь и т.д. О символизме слогов см. также Woodroffe. The garland of Letters. Madras-London, 1922.

LI, 36. *Отпечатки жизни* — см. прим. XIV, 19, 13.

LI, 47. *Манас* — ср. концовку текста "Песнь брамина" (гл. XXXIV). Эта редакционная небрежность — лишнее доказательство того, что в Анугите искусственно соединены три разных текста.

LI, 49. *Отрешидность* — "кайвалья", как в атеистической Санхье и Йоге Патанджали, а не Нирвана Брахмо, как в Бхагавадгите.

LI, 50. *Время битвы* — намёк на Бхагавадгиту.

LI, 50. *Разумом* — манасом. Дессен переводит: "Прими это к сердцу (zu Herzen)". Думается, что здесь манас нужно понимать как "разум", а не как "сердце", т.к. всё изложение идёт в тонах Джнана, а не Бхакти (как в Бхагавадгите). Эта, казалось бы, маленькая деталь всё же не лишена значения для правильного понимания памятника.

САНАТСУДЖАТАПАРВАН

КНИГА
САНАТСУДЖАТЫ
(САНАТСУДЖАТАПАРВАН)

ПРЕДИСЛОВИЕ Б. Л. СМЕРНОВА

“Санатсуджатапарван” — первый по порядку и один из основных крупных философских текстов Махабхараты, относящийся к школе Санкхья. По существу это философское, а не художественное произведение, написанное в форме диалога. Оно требует соответствующего подхода и, в первую очередь, знакомства с традиционной индийской философией.

В общей композиции Махабхараты Санатсуджатапарван является как бы вступлением к предстоящей трагической развязке событий — возникновению братоубийственной войны.

По литературной форме, языку, широте постановки философских проблем Санатсуджатапарван невыгодно отличается от Бхагавадгиты. В тексте нередко встречается недостаточно последовательная логическая связь рассуждений, много нечётко построенных фраз, ритм постоянно сбивается, есть шл., где одна полушл. написана одним размером, а другая — иным.

Всё это свидетельствует о незавершённости окончательной редакционной обработки, а следовательно, об относительно меньшей популярности диалога по сравнению, напр., с Бхагавадгитой, отличающейся идеально отточенной формой.

Диалог происходит между мифическим мудрецом, вечно юным (кумара) Санатсуджатой, и слепым раджей кауравов Дхритараштрой. Время — период подготовки к войне.

Философская позиция диалога — школа Санкхья на этапе перехода ранней Санкхьи к позднейшей, атеистической. Т.о., по развитию философских идей Санатсуджатапарван нужно считать более поздним произведением, чем Бхагавадгиту, хотя, конечно, той же эпохи. Бхагавадгита стоит на позициях относительного монизма, а “Книга Санатсуджаты” явно придерживается дуализма и плюрализма, характерных для поздней Санкхьи.

Слово “санкхья” значит “рассуждение”, “борьба за и против” в целях достижения истины. В таком широком значении термин аналогичен принятому европейской культурой греческому термину “философия” и, подобно ему, может употребляться и в более широком, и в более узком смысле. В узком смысле под школой Санкхья разумеется одна из шести традиционных систем философии древней Индии.

Итак, гносеология Санкхьи основывается на “рассуждении”, “борьбе за и против”; в европейской философии этому соответствует рационализм. Санкхья занимается не столько логикой, сколько онтологией (учением о бытии) и психологией, переходящей в пневматологию. Формальную сторону, логику разрабатывала школа Ньяя, положения которой в основном приняты всеми школами, подобно тому как в европейской философии принята логика Аристотеля.

Онтология Санкхьи дуалистична. В этом основное отличие Санкхьи от монистических школ Веданты. Санкхья считает, что Пуруша и Пракрити оба безначальны, самостоятельны.

Природу (Пракрити) Санкхья рассматривает как относительную реальность, внеположную субъекту, а потому существующую для него постольку, поскольку его сознание направлено вовне, на Природу, экстравертировано. Но когда сознание абсолютного субъекта возвращается к своему исконному состоянию направленности внутрь себя, интраверсии, всякая связь с феноменальным миром, с Пракрити, прекращается.

В теологии поздняя Санкхья атеистична, т.е. отрицает единое объединяющее Сознание и признаёт множество несприкасающихся субъектов (пуруш), т.е. признаёт пневматологический плюрализм. Ранняя Санкхья, наряду с отдельными монадами, признаёт объединяющее их единое Сознание.

Т.о., она близка плюрализму Лейбница. Он утверждает, наряду с монадами, "не имеющими окон в мир", существование единого объединяющего принципа. Это приводит Лейбница к учению о "предустановленной гармонии".

В пнеуматологии Санхья признаёт, вместе с Упанишадами, Атмана как абсолютного субъекта, которому одному только присущи Бытие-Сознание-Блаженство (Сат-Чит-Ананда), но утверждает множественность атманов. В психологии Санхья материалистична, т.к. признаёт, что все модусы души, вплоть до наивысшего её принципа — "принципа личности" (ахамкара), — материальны. Следовательно, психология Санхьи связана не с пнеуматологией, а с космологией и является её неотъемлемой частью.

Космология Санхьи построена на учении о динамике трёх гун (качественных нитей): саттва — раджас — тамас. Эти термины, занимающие огромное место в индийской философии, лишь приблизительно соответствуют европейским понятиям. Слово "гуна" принято переводить через "качество", но, быть может, ему более соответствовало бы слово "свойство", как нечто неотъемлемо присущее объекту, который сам по себе не субстанционален. Гуны суть неотъемлемые свойства Природы, Праkritи, в них она и познаётся. Гуны безначальны, как и сама Праkritи; их диалектика обуславливает их миропоявление. Из трёх гун высшая — саттва. Этот термин охватывает понятие уравновешенности, гармоничности, феноменальной реальности, ясности и невозмутимости. Саттва "чиста" по природе, и от её преобладания в данном явлении зависит занимаемая им ступень развития. По отношению к другим гунам (свойствам) саттва является синтезирующим и гармонизирующим принципом.

Два других свойства (гуны) представляют диалектическую пару, тезис и антитезис. Раджас есть тезис, и феноменологически он понимается как движение, а психологически — как страсть, стремление. Тамас есть антитезис и соответственно феноменологически понимается как инерция, тьма, а психологически — как душевная тупость, заблуждение. Свою феноменологию Санхья строит на диалектике трёх гун, или, выражаясь языком школы, на их "вращении". Дух, запутываясь своими модусами, вовлекаясь в это вращение, попадает во власть относительного бытия (Самсара), что и выражается как затемнение сознания, как оталечение его от абсолютного Бытия (Сат), присущего духу (Пуруше).

Чтобы подойти к основному моменту учения Санхьи — этике как учению об Освобождении, нужно рассмотреть психологическую схему Санхьи, принятую и другими системами традиционной индийской философии.

Санхья категорична в утверждении учения о материальности души, для неё безусловно положение: "нет ничего в интеллекте, чего предварительно не было бы уже в чувстве".

Основными органами души являются индрии, которые можно понимать и в более узком, и в более широком смысле. В узком смысле индрии — это пять чувств, в широком смысле — это рефлекс с его центростремительной (чувства) и центробежной (исполнительные органы) частями. Оставляя в стороне подробности учения об индриях, подчеркнём только, что общение души с объектом (всегда относительным) рассматривается как настоящее взаимодействие: объекты называются "пастбищем чувств", которые "питаются" ими, подобно тому, как корова питается травой.

Деятельность чувств обуславливает деятельность рассудка (манас) и в свою очередь обуславливается им.

Как центральная часть рефлекса, манас обуславливает избирательный рефлекс на раздражение, который всегда окрашен эмоционально. В зависимости от степени эмоционального окраса слово "манас" может означать и "рассудок", и "сердце" (в психологическом смысле этого слова). Выше манаса стоит Буддхи, т.е. способность отнесения явлений к "я", их осмысления, что также обуславливает их оценку как в познавательном, так

и нравственном смысле. Буддхи соответствует понятию не только разума, но и совести. Буддхи находится под контролем самосознания, принципа личности, т.е. ахамкара. Индийская философия строго отличает самосознание как материальный модус души (ахамкара) от сознания как атрибута духа (читта). Самосознание, согласно индийской психологии, есть только временное завихрение (вритти), возникающее в гомогенном сознании.

Деятельность всего психологического аппарата как целого обуславливает причинно-следственный ряд, или карму. Т.к. вся психика строится на деятельности чувств (индрий), как организм из пищи, то по существу карма не есть деятельность субъекта, но объекта (Природы, Пракрити). Карма лишь иллюзорно воспринимается как действие личности, определяемой этой кармой, а не определяющей её. Подчинение субъекта (Атмана) причинно-следственному ряду (карме) в действительности иллюзорно и зависит только от степени отождествления Атмана с деятельностью и деятелем. Освобождение заключается только в устранении этой иллюзии, т.к. по существу вся деятельность принадлежит Природе (Пракрити), дух же (Пуруша) всегда бездеятелен и лишь "созерцает и соглашается".

Освобождение достигается истинным познанием (джнана) и устранением (моха), незнания (аджнана). Чтобы преодолеть заблуждение, нужно удерживать манас от его постоянного стремления к объектам, т.к. оно основано на гуне раджас и приводит к заблуждению, порождаемому гуной тамас. Для преодоления действия раджаса нужно накапливать в себе гуну саттва, т.е. гармоническую уравновешенность.

Тогда утихают волны страсти, заблуждения, разрушается завихрение, именуемое личностью, ахамкара ("творец личности"). Сознание (читта) становится ясным и прозрачным, отрешается от всех тревожений, от связи с Пракрити. Оно становится тем, чем в действительности оно никогда не переставало быть: Бытием-Сознанием-Блаженством (Сат-Чит-Ананда); замыкается в себе. Эта безусловная отрешённость от объектов, от Пракрити, есть цель работы йогина — кайвалья (Одиночество).

Так понимает Йогу основанная на системе Санкхья йогическая философская школа Патанджали. Вот почему и знаменитые его сутры начинаются определением "Йога читта—вритти-ниродха", т.е. "Йога есть удержание сознания от завихрений".

"Книга Санатсуджаты" целиком основывается на системе Санкхья, знакомство с которой она и предполагает. В этом диалоге не излагается вся система Санкхьи, но только разбирается её практическая часть — Йога как способ Освобождения от преходящего, т.е. от власти смерти. Смерть страшна только для не знающих, для знающего же это — чистейшая иллюзия, "набитое соломой чучело тигра". "Книга Санатсуджаты" настойчиво отвергает учение Вед с их обрядностью и гедонистическим принципом (принципом удовольствия), выражающимся в стремлении к райскому блаженству. Всё это — погоня за внешним, преходящим, а потому несущим в себе страдания и смерть. Человек, желающий освободиться от Самсары (причинно-следственного круга), где властвует смерть, должен научиться отрешённости, достигаемой постоянным упражнением. Особенно ярко выражается отрицательное отношение к Ведам в гл. 42, где говорится, что "священные песнопения не спасут от кривды" (42, 5); "Книга Санатсуджаты" утверждает, что "Веды созданы вследствие незнания Едного" (42, 43); задача даров, ищущие Шастр, жертвоприношения совершаются корыстно, из жадности, а жадность есть одна из основных сил, "губящих человека" (Бхагавадгита, VI, 21); священные гимны выражают себялюбивые стремления (42, 44).

Главы 43—44 посвящены подробностям упражнений в отречении силой истинного знания (Джнана Йога). Заканчивается "Санатсуджатапарван" великолепным гимном Освобождению и постижению Вечного ТО.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД Б. Л. СМЕРНОВА

ГЛАВА XL

Дхритараштра сказал:

1. Если ты не досказал чего-либо, то скажи мне,
внимающему, ибо чудесное ты повествуешь.

Видура сказал:

2. О Дхритараштра, тот юный и вместе с тем вечный,
Санатсуджата изрёк: "Нет смерти", Бхарата.
3. Всякое явное, тайное сомнение сердца,
Он, лучший из всех мудрецов, разрешит, махараджа.

Дхритараштра сказал:

4. Иль ты не знаешь больше, чем мне сказал бы вечный?
Сам ты скажи мне, Видура, ибо твоё безгранично
познание,

Видура сказал:

5. Матерью-шудрой рождённый, я больше сказать не смею,
Ведаю лишь: юноши вечна прёмудрость.
6. Кто ж удостоился лона брамина, тот, даже великую
тайну поведав,
Не порицаем богами, вот отчего я сказал тебе это.

Дхритараштра сказал:

7. Вопросы древнего, вечного за меня, Видура:
Возможно ль мне встретиться с ним здесь, в этом
теле?

Вайшампаяна сказал:

8. Помыслил тогда Видура о том прославленном риши,
Тот же, узнав, что о нём размышляют, появился,
Бхарата.
9. Принял его с обрядом, согласно законам, Видура.
Удобно, покойно сидящего тогда спросил он:
10. "Владыка, у Дхритараштры на сердце возникло
сомнение,
Которое мне разрешить не по силам, благоволи ж
ему ты разъяснить, владыка,
11. Чтобы тому внимая, повелитель народа освободился
ото всякой скорби,
Чтоб неудача и достижение, приятное и ненавистное,
смерть и старость,

12. Страх и уныние, надменность и возбужденье,
неудовольствие и вялость,
Похоть и гнев, унижение и возвышенье над ним
не имели бы власти.

ТАК ГЛАСИТ В МАХАБХАРАТЕ,
В "КНИГЕ САНАТСУДЖАТЫГ" XL ГЛАВА —
ПРОСЬБА ВИДУРЫ

ГЛАВА ХLI

Вайшампаяна сказал:

1. Тогда мудрый царь Дхритараштра, честь воздав слову
Видуры,
Наедине Санатсуджату о высшей мудрости вопрошал,
желая стать Махатмой.

Дхритараштра **сказал:**

2. Санатсуджата, я слышал, что ты изрёк: "Нет смерти!"
Но даже асуры и боги путём брахмачарья хотят
добиться бессмертия.
Так что ж из двух правда?

Санатсуджата сказал:

3. Существует ли смерть, или нет, ты вопрошал с
обрядом.
Выслушай, что я скажу, чтобы рассеять твои
сомнения, раджа.
4. Знай, правильно то и другое, но лишь в
заблуждении певцы учат о смерти, кшатрий.
Я ж называю обманом смерть, а необманом бессмертие
называю,
5. В самообмане асуры погибли, необманом бытие
достигается в Брахмо.
И смерть не как тигр пожирает рождённых —
воспринимаемой нет у ней формы.
6. Иные считают, что Яма отличен от смерти, а хождение
в Брахмо бессмертно, оно в Атмане пребывает;
Этот же *бог* царит в мире предков, благ он к
благим, к неблагим же неблаг он.
7. Велением его проявляются в людях гнев, заблуждение
и смерть, принявшая жадности образ.
Никто самостью сбитый с дороги, единения с
Атманом не достигает.

8. Во власти смерти заблудшие движутся этой колёёю и,
умерев, снова и снова туда попадают.
За ними с пути сбиваются боги (органов?), поэтому
смерть называют Марана*.
 9. Увлекаясь делами, в погоне за их плодами, они
продолжают идти в таком направлении и не
превозмогают смерти.
Вместо стремленья к праведным целям, воплощённый
вращается в кругу наслаждений.
 10. Это — великое заблуждение чувств; с тщетными
целями соединяясь, они идут по тщетной дороге.
Поражённое связью со тщетными целями, о них
помышляя, сокровенное "Я" поклоняется
внешнему миру.
 11. Первое, что поражает людей, — желанье чужого,
вскоре оно за собой влечёт гнев и похоть
Эти (три) глупцов приводят к смерти, а стойкие
стойкостью смерть побеждают.
 12. Устремлённой мыслью бурлящие чувства утишив,
пренебреженьем с ними нужно бороться.
Для таких, как бы превзошедших смерть, нет смерти:
они знанием преодолели страсти.
 13. А человек, стремящийся за вождельем, идя
за страстями, гибнет.
Но победив желанья, с себя всякий раз прах страстей
человек сдувает.
 14. Для существ ад кажется тьмой беспросветной;
Как безумные они стремятся беспечно к провалу.
 15. Но человеку, отринувшему безумье, что может сделать
смерть, соломой набитое (чучело) тигра?
Кто же отказался от обладанья, тот пусть ни о чём
ином не мыслит, как бы изгнав силу жизни, кшатрий!
 16. Гнев, жадность и заблужденье глубинного "Я" — это
смерть; они — в этом теле.
Он знает, что так порождается смерть, и смерть его
здесь не пугает.
В его области смерть исчезает, подобно тому, как
исчезает смертный, попав в область смерти.
- Дхритараштра сказал:
17. Но говорят, что, совершая жертвы, дважды рождённые
могут достигнуть блаженных миров, чистейших,
непреходящих.
Веды их называют высочайшей целью; кто это знает,
как он может заняться делами?

Санатсуджата казал:

18. Лишь невежды туда стремятся и для них сохраняет значение то, что говорится в Ведах. Свободный от желаний стремится выше, путём высочайшего Атмана, другие пути отвергнув.

Дхритараштра **сказал:**

19. Кто способен соединиться с Нерождённым, Вечным, с тем, что есть эта Вселенная, со всеми (её ступенями)? Каковы его действия, в чём его счастье, это скажи мне, истинно всё познавший.

Санатсуджата **сказал:**

20. Единение с раздробленным (порождает) великое горе,
но соединённый с Безначальным становится вечным.
От этого он никак не теряет достоинства: единением
с Безначальным люди Бытьё получают.

21. Ибо тот Сушый и Вечный (своей) связью с изменяемым создал Вселенную. Такой считается его Шакти (Творческая сила); подобно ж от сочетания с (частными) целями возникли и Веды.

Дхритараштра сказал:

22. Есть здесь такие, которые следуют дхарме (закону),
другие живут без закона;
Грехом ли бывает низвергнут закон, или же грех
бывает низвергнут законом?

Санатсуджата **сказал:**

23. Оба, закономерное действие и противоположное, здесь сочетаются с плодом.

24. Пребывающий же в "То", знающий, устраняет навеки
оба достижения.

Однако воплощённый получает (плод) как чистого (дела), так и греха, когда они достигли завершения.

25. В силу соединения с делами, он (воплощённый), несомненно, получает хорошее и нехорошее, оба как (плод) дел.

А знающий отгоняет грех законом, так (помышляя):
 “Дхарма сильнее”; таково его достижение.

26. О тех мирах, что обещают дважды рождённые за
(выполнение) своего долга, блаженных, вечных,
Об их ступенях поведай, а также о противоположных
(мирах); об этом хочу знать, о знающий,
а не о делах.

Санатсуджата сказал:

27. Соревнующиеся здесь, в обетах, как силачи в силе,
Те брамины, уйдя отсюда, воссияют в мире Брамь.
28. Для соревнующихся же здесь в дхарме, это есть
средство, чтобы достигнуть знания.
Такие брамины, освободясь отсюда, вступают в три
небесных мира.
29. "Их странствие закончено,— говорят о них люди,
знатоки Вед.
(Такой человек) не должен считать (стоящим себя
выше) ни дальнего, ни близкого человека.
30. Но если кого он считает особенным, то пусть, как в
период дождей кустик травы (обрывают),
Так и он сократит (себе) пищу и питьё (по сравнению)
с тем брамином и так живёт без зависти*.
31. Если молчаливика (просящего подавание) кто-либо
встретит недружелюбно, с угрозой,
И тот, не придав этому значения, (останется
спокойным), такой (молчаливик) считается лучшим
человеком, никто иной.
32. А имуществом такого брамина, который не позаботился
о молчалинике*, не следует пользоваться* — так
мыслится о питании праведных.
33. Как постоянно во вред себе блевотину пёс поедает,
Так блевотину поедает заботящиеся (лишь)
о собственном благополучии.
34. "Пусть будет вечно неведом мой путь",— брамин
так мыслит.
Но и того, кто остаётся среди родных, мудрые называют
брамином.
35. Ибо какой брамин может убить внутри себя Атмана,
свободного от признаков, недвижимого, чистого,
свободного ото всякой двойственности?
Ибо Брахмо из "То" 'изойдя, поселяется в кшатрии
и оттуда взирает.
36. Кто иначе о сущем Атмане мыслит, тот погибает.
Ибо какого греха не способен совершить вор,
похищающий Атмана?
37. Неутомимым, не принимающим даров, без сомненья,
без спешки,
(Хотя) и учёный, как неуч должен быть веший брамин,
знающий Брахмо.
38. Кто небогат в человеческом наследии, но богат в
божественном озарении, кто недоступен, непоколебим,
Таких нужно знать, как обитель Брахмо.

39. А убеждённый, что здесь (на Земле) всех богов можно
склонить к исполнению своих желаний,
Не равен (такому) брамину, но всецело (служенью богам)
он предан.
40. Тот, которого, хоть он и старается, (боги) уважают,
тот (поистине) достоин уважения;
Но сам он не считает себя достойным уважения и не
завидует уважаемому.
41. Мир всегда вращается сообразно своей природе
(проявляясь и исчезая), как если бы открывать и
закрывать глаза.
Знающие здесь, так и считают, а он полагает*,
что его почитают.
42. Привыкшие к беззаконию, непробуждённые в мире,
опытные в мире Майи,
Станут почитать недостойных уважения и пренебрегать
достойными уважения.
43. Ибо никогда почесть и безмолвие не живут вместе,
Этот мир почестей, а тот — безмолвия*; так известно.
44. Счастье здесь — обитель наслаждения, но оно только
препятствие.
Счастье Брахмо очень трудно достижимо для лишённых
познания, о кшатрий.
45. Для проникновения в него, говорят благие, есть много,
но труднооткрываемых входов: правильность, прямота,
сдержанность, чистота, познание; они препятствуют
возникновению заблуждения.

*ТАК ГЛАСИТ В МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "УСИЛИЙ",
"КНИГЕ САНАТСУДЖАТЫ" ХLI ГЛАВА —
РЕЧЬ САНАТСУДЖАТЫ*

ГЛАВА XLII

Дхритараштра сказал:

1. Чьё это молчаличество и каково оно, скажи, о
знающий, в чём здесь сущность молчаличества.
Приходит ли молчаличеством мудрый к Безмолвию и
как, о молчалиник, здесь упражняются в молчании?

Санатсуджата сказал:

2. Поскольку Веды вместе с манасом в него не проникают,
постольку возрастает (его) молчаличество. А где

раздаётся слово Вед, там, вследствие проникновения
в него (этого слова), он начинает отражать их сущность,
о раджа.

3. Кто знает Риг, Яджур и Сама (Веды), (тот) пятнается
или не пятнается злом, совершая злое?
4. Ни (гимны) Саман, ни (изречения) Ригведы,
ни (заклинания) Яджур
Не спасут незрячего от злых деяний; я не пустое
тебе говорю.
5. Священные песнопения не спасут от кривды того, кто
поддаётся обману, кто пребывает в Майе.
Как птицы покидают гнездо, когда у них вырастают
крылья, так и священные песнопения покидают его,
когда настает время.

Дхритараштра сказал:

6. Если же Веды без выполнения долга (дхармы) не спасают,
То к чему эти бесконечные разговоры браминов?

Санатсуджата сказал:

7. В силу содержащихся в них (Ведах) разнообразных форм
(имён и пр.), озаряется весь этот мир преходящий,
о многосильный;
Всё это многообразие Веды показывают, излагают
и изъясняют совершенно.
8. Для этой цели (спасения) указываются (в Ведах) два
(средства): подвижничество и принесение жертв, через
них знающий достигает чистоты;
Чистотой отгоняет грех, самоозарённый знанием.
9. В силу знания приближается к Атману знающий, но
если же он обычных плодов желает, он захватывает
(с собой) всё здесь совершённое и в Небе вкусив (плоды),
снова идёт по пути.
10. Подвижничество совершается в этом мире, а плоды его
вкушаются в другом: для браминов, поддающихся
подвижничеству, предназначены те миры.

Дхритараштра сказал:

11. Как отрешённое подвижничество само по себе может
быть удачным или неудачным?
Скажи это, Санатсуджата, чтобы мы познали.

Санатсуджата сказал:

12. Безгрешное подвижничество рассматривается,
как отрешённое;
Такое отрешённое подвижничество бывает удачным
или неудачным.

13. Подвижничество есть корень всего, о чём ты меня
вопрошал, кшатрий.
Подвижничеством знатоки Вед впоследствии достигали
бессмертия.

Дхритараштра сказал:

14. О грешном подвижничестве расскажи, о безгрешном подвижничестве я уже слышал; да станет мне ведома эта вечная тайна, о Санатсуджата!

Санатсуджата **сказал:**

15. Кто (одержим) гневом и прочими двенадцатью пороками,
а также тринадцатью вредностями (тот грешен).
Кто (обладает) дхармой и прочими двенадцатью
качествами, (тот безгрешен).

16. Гнев, похоть, жадность, заблуждение, вожделье, жестокость, ропот, тщеславие, уныние, влечение, зависть, отвращение — вот человеческие пороки, Людям следует избегать их двенадцати.

17. Каждый из них подкарауливает людей, о могучий,
желая завладеть их нутром, как охотник
подкарауливает дичь.

18. Хвастливому, похотливому, высокомерному, злопамятному, неустойчивому, отказывающему в защите, несмотря на большую (их) опасность.

19. Погоня за наслаждениями, враждебность, хвастовство своей щедростью, скупость, слабование, прославление сонма (ощущений), ненависть к супруге — вот семь наихудших врагов человека.

20. Соблюдение дхармы, правдивость, сдержанность, подвижничество, самоотрешённость, стыдливость, терпение, отсутствие зависти, принесение жертв, раздача милостыни, изучение Писаний — вот двенадцать обетов брамина.

21. Кто укрепит эти двенадцать, тот отличится на всей Земле;
Кто соблюдает три, два или даже один из них, тот
считается самоутверждённым:

22. В отречении и незаблуждении заключается бессмертие. Мудрые брамины вратами Истины их называют.

23. В самообуздании есть восемнадцать качеств:
(сдержанность) в действии и бездействии, обуздание
насправедливости, осуждения, самолюбия, желаний.

24. Гнева, уныния, жажды (наслаждений), жадности, наущничества, зависти, зложелательности, раздражения, беспокойства.

25. Забывчивости, многословия, самонадеянности;
Освободившегося от этих пороков праведные именуют
"Укротителем".
26. В заблуждении есть восемнадцать пороков, отречение ж
бывает шести видов.
Первые считаются противоположностями добрых качеств
и называются пороками заблуждения.
27. Но лучше шестивидное отречение: три (вида) трудно
выполнимы, (но) они спасают от страдания;
выполняющий их завоёвывает себе друга.
28. Но лучше шестивидное отречение: достигнув счастья,
не радоваться (первый вид).
Совершение жертв и добрых дел, если оно сопряжено с
бесстрастием, — это второй (вид).
29. Отречение от похоти, о царь людей, это — третий
(вид), как учит предание (Смрити);
Его также называют неизречённым; таково (учение)
предания о третьем качестве.
30. О том (качестве), что бывает вследствие отречения
от богатств и несвязывания себя с ними из-за похоти.
Неудача в делах — не беда, пусть она не приводит в
унынье.
31. Впрочем, даже богатый может обладать всеми качествами;
Но когда его постигнет неприятность, он никак не
должен приходить в смущенье.
32. Хоть и желанны сыновья и жена, но он ни в коем случае
не должен их домогаться.
Уважаемому человеку, если он просит, подобает давать,
от этого происходит благо.
33. Тот (человек) становится трезвым, он обладает восьмью
качествами: праведностью, способностью к размышлению
(дхьяна), к самоуглублению (Самадхи), к (научному)
исследованию, (а также) бесстрастием.
34. Честностью, целомудрием, собранностью.
Соответственно есть пороки заблуждения; этих пороков
следует избегать.
35. Таковы отречение и трезвость; в ней мыслится восемь
качеств.
Есть восемь пороков заблуждения, этих пороков следует
избегать.
36. Освобождённый от пяти (индрий) и манаса, Бхарата,
Достигший свободы от настоящего и будущего, становится
счастливым.
37. Будь правдив душой, о царь царей: миры держатся
истиной.

Их врата — истина; сказано, что в истине покоятся
бессмертие.

38. Отвратясь от грехов, нужно исполнять обеты
подвижничества.

Таково поведение, сотворённое Дхаратом; истина есть
обет благих.

39. Разрыв связи с такими пороками и обладание такими
качествами — в этом (состоит) чрезвычайно
благотворительное и отрешённое подвижничество.

40. Я сказал тебе в основном то, о чём ты меня вопрошал,
царь царей.

Таково уносящее зло благое (деяние), оно низвергает
рождение, смерть и старость.

Дхритараштра сказал:

41. Знающего все пять: (четыре Веды) и их дополнение
люди называют наилучшими,

Равно и знающих четыре Веды, а также и тех, кто
знает три Веды,

42. Также и знающих две Веды или одну Веду и даже тех,
кто без (ведических) гимнов.

Из них которого должен я считать дважды рождённым?

Санатсуджата сказал:

43. Вследствие незнания Единого, подлежащего познанию,
было создано много Вед, (незнания) Того,
Единственного, в котором мало кто действительно стоит.

44. Эту науку (Веду) знающий, “Я есмь познавший” — так
мыслит.

Раздача даров, изучение (Шастр), жертвоприношение
возникают из жадности.

45. У отпавших от истины возникают желания, поэтому
принесение жертв распространяется вследствие
утверждения, что они соответствуют истине.

46. У некоторых это возникает от разума, у иных — от
слова, у других — от действия.

Человек, достигая желаемого, утверждает в желаниях.

47. Не будучи в состоянии удержаться в Том, человек
упражняется в священных обетах.

Лишь пустое имя то, что возникло от Дхатара*; для
благих же истинное есть наивысшее.

48. Знание именуется очевидностью, а подвижничество
порождает запредельное.

Знай, что много изучающий брамин разбрасывается.

49. Поэтому, о кшатрий, не тот дважды рождённый, кто
много болтает,

- Но тот, кто не уклоняется от истины, такого ты
должен знать, как дважды рождённого.
50. Именно гимны Атхарва, некогда пелись в собрании
великих риши.
И те, кто знает эти гимны, и те, кто не изучал
Веды не знают сущности (таттва), познаваемой через
Веду.
51. Ибо священные гимны, о лучший из людей, возникают
сообразно себялюбивым стремлениям.
Знатоки священных гимнов, а также не изучавшие
(гимнов) не знают того, что исходит не от Вед.
52. Некоторые не знают Вед, другие же, напротив,
знатоки их, о раджа;
Но знающий Веды ещё не знает подлежащее знанию.
53. Некоторые не знают Вед и под подлежащим познанию
мыслят Непознаваемое.
Кто знает Веды, тот знает лишь познаваемое, а тот,
кто знает (лишь) познаваемое, не знает Истины.
54. Кто знает Веды, тот знает и познаваемое; но ни
знатоки Вед, ни Веды не знают То.
Брамины, которые через Веды знают познаваемое
(науку), остаются (лишь) знатоками Вед.
55. Как ветвь земного растения занимает лишь часть
частицы пространства между Небом и Землёй,
так и Веды.
Так (нас) учат о познании Высшего Атмана,
как об истинной цели.
56. Я признаю за брамина (только) мудрого толкователя;
Он, отвергнув сомнительные предания, излечивает все
сомнения.
57. В поисках за ним не следует идти ни на Восток, ни на
Юг, ни по сю сторону, ни тем более вширь; его не
следует искать нигде (во вне).
58. В поисках за ним не следует ни в коем случае
бродить в противоречиях (проявленного).
Не предполагающий (искать его) в Ведах, видит,
что владычествует подвижничество (тапас).
59. Следует сесть в молчании и не разбрасываться
мыслями (манасом),
Обращаясь к тому Брахмо, которому нужно внимать
в глубинах "Я".
60. Мудрецом-молчальником (муни) становятся не
посредством (простого) молчания, не посредством
пребывания в лесу (становятся) муни, но кто знает
значение самого себя (лакшана), тот называется лучшим
муни (молчальником).

61. Испытующий все вещи называется испытателем
(вайкарана), потому что он исследует их корень,
он так и называется,
62. Человек, отчётливо видящий в мирах, называется
всевидающим;
Брамин же, утверждённый в истине и знающий То,
становится всеведущим.
63. Также утверждённый в дхарме и в прочем видит
Брахмо, о кшатрий, равно, как и исследователь Вед.
Это я тебе говорю продуманно.

*ТАК ГЛАСИТ В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "УСИЛИЙ",
В "КНИГЕ САНАТСУДЖАТЫ" XLII ГЛАВА —
РЕЧЬ САНАТСУДЖАТЫ*

ГЛАВА XLII

Дхритараштра сказал:

1. Санатсуджата, ты сказал мне слово о высшем,
всеобразном Брахмо.
Это высшее откровение, конечно, очень
трудновоспринимаемое, возвести мне, Кумара!

Санатсуджата сказал:

2. Не торопливостью возможно достичь то Брахмо,
спрашивая о котором ты так взволновался.
Лишь после того, как манас растворится в Буддхи,
достигается это умопостигаемое познание (практикой)
брахмачарьи.

Дхритараштра сказал:

3. Бесконечное, вечное знание, о котором ты сказал,
что оно осуществляется (упражнением в) брахмачарьи,
непостижимо здесь, пока длится время деятельности;
Но как же тогда достижимы браминство и бессмертие?

Санатсуджата сказал:

4. Я назову тебе нераскрытое знание древних,
осуществлённое ими разумом (Буддхи) и (упражнением
в) брахмачарьи; достигшие этого покидают мир смерти;
и оно присуще всегда тем, кто воспитан духовным
учителем (Гуру).

Дхритараштра сказал:

5. Если познание можно поистине достигнуть (упражнением в) брахмачарье, то что же тогда брахмачарья, это скажи мне, брамин.

Санатсуджата сказал:

6. Происшедшие из лона учителя, став его семенем, выполняют брахмачарью; здесь, на Земле они становятся законодателями, а покинув тело, они уходят в высшее единение (Йогу).
7. Ведь они (уже) в этом мире побеждают страсти и, утвердись в Брахмо, они крепятся. Они вырывают себя из тела, как бы освобождая стебель (от коры); они утверждены в истине.
8. Двое создают это тело: отец и мать, о Бхарата. Но рождение согласно велениям учителя, (иное): оно чисто, не стареет и не умирает.
9. Того, кто наполняет уши неложным, совершающего закономерное, обеспечивающего бессмертие, его следует считать отцом и матерью и нельзя оскорблять столько сделавшего человеку.
10. Ученик должен всегда с поклоном приближаться к учителю и с чистотой и почтительностью просить (о научении), не превозноситься, не замысливать злого — это первая ступень (упражнения) брахмачарьи.
11. Кто чистый, постепенно ученичеством достигает знания, тот именуется (проходящим) первую ступень брахмачарьи.
12. Пусть он совершает угодное учителю и своей жизнью и имуществом, действием, сердцем (манасом), словом; это называется второй ступенью.
13. Такого же поведения, как к учителю, да придерживается он и к жене учителя, а также и по отношению к его сыну; это называется второй ступенью.
14. Постигание, что его "я" создано учителем, и постижение значения (изречения): "Я существую им", когда ученик мыслит о нём с восторженным сознанием (Буддхи), называется третьей ступенью.
15. Не отблагодарив учителя после получения познания, он не должен предпринимать ухода, подумав: "Я и так много для него сделал!" Хвастливо пусть он так не говорит; и это — четвёртая ступень (выполнения) брахмачарьи.
16. С течением времени он должен достигнуть (первой) ступени, затем — цели познания (Вед), потом

ступени единения с учителем, затем степени приложения усилий пусть достигает, а затем он достигнет степени познания (Шастр).

17. Двенадцать обетов: выполнения дхармы и прочих условий, он также достигает других отделов (закона); тогда о нём говорят: "Он выполняет в силу единения с учителем и единения с Брамой (Ведами) (упражнение) в брахмачарье.
18. Достигнув такого поведения, он предложит учителю дар; так он (усваивает) образ жизни добродетельных; По отношению к сыну учителя должно вести себя подобным же образом.
19. Кто так живёт, тот будет преуспевать во всех отношениях, получит много сыновей и состояние. Прольётся на таких дождь со (всех) сторон света и люди будут жить у него, как (ученики)— брахмачарьи.
20. Таким (упражнением) в брахмачарье боги достигли божественности; И велико-блаженные риши, мудрые (достигли этим) мира Брамь.
21. Им же Гандхарвы и апсары достигли красоты; в силу же брахмачарьи Солнце порождает день.
22. Подобно тому, как достигли цели изучающие свойства соков, Так же и они познанием достигают подобного состояния.
23. Тот, кто опирается на это, очищает всё тело, возогревая подвижничество (тапас). Так знающий становится подобным ребёнку и побеждает смерть в последний час.
24. О кшатрий, конечны миры, в которые направляются люди чистых дел, но знающий Брахмо этим достигает Всего и ему не приходится идти по другому пути.

Дхритараштра сказал:

25. В каком виде созерцает здесь знающий, праведный брамин ту бессмертную, непреходящую обитель? Сияет ли она светлым, или красным, или чёрным, или тёмным (цветом)?

Санатсуджата сказал:

26. Она не сияет светлым или красным, чёрным цветом или (блеском) железа и Солнца. Не на Земле пребывает она и не в воздухе, и не облекается она в воды океана (как в одежду).
27. Не обитает она ни в Звёздах, ни в молнии; в облаках не является её образ.

- Ни в ветре, ни в божественности, ни в Луне, ни в Солнце её не видно.
28. Она не являет себя ни в словах (Ригведы), ни в жертвоприношениях (Яджурведы), ни в гимнах Атхарваведы, ни в чистых звучаньях Самаведы, ни в (собрании гимнов) Ратхantara или Брихат, ни даже в великих обетах невидимо То, вечное, о раджа.
 29. Оно непобедимо, потусторонне тьме, и смерть растворяется в нём в час гибели; по форме, больше чем горы.
 30. Это — Основа, это — Бессмертие, это — Миры, это — Брахмо, это — Слава; Существа изошли из него и приходят к растворению в Нём же.
 31. Оно, Безболезненное, Великое, Преславное, Превознесённое, изменяется лишь на словах, так говорят вешие. Весь преходящий мир на Том основан; тот, кто это знает, становится бессмертным.

ТАК ГЛАСИТ В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ,
В КНИГЕ "УСИЛИЙ",
В "КНИГЕ САНАТСУДЖАТЫ" XLIII ГЛАВА —
РЕЧЬ САНАТСУДЖАТЫ

ГЛАВА XLIV

Санатсуджата сказал:

1. Уныние, гнев, жадность, похоть, гордость, сонливость, зависть, заблуждение, непостоянство, раздражительность, немилосердие, трусость —
2. Вот двенадцать пороков, что поедают жизненные силы человека.
3. Каждый из них, о царь царей, предостерегает людей; обуянный этим (пороком) человек, с помутившимся разумом, решается на злое.
4. Завистливый, жестокий, болтливый, гневный, гордый, хвастливый — эти шесть (видов) людей человеконенавистники: даже побуждаемые, они не выражают почтения.
5. Стремящийся к наслаждениям, недоброжелательный, заносчивый, хвастливый, приbedняющийся, слабосильный, честолюбивый, ненавидящий жену — эти

- семсро (восемь) дурного поведения, называются
вредоносящими людям.
6. Выполнение долга (дхармы), подвижничество (тапас), правдивость, самообуздание, доброжелательность, стыдливость, стойкость, безропотность, щедрость, изучение Шрути, терпеливость, кротость — вот двенадцать великих обетов брамина.
 7. Кто не отпадает от этих двенадцати, тот становится выдающимся на всей Земле. Кто соблюдает три, два или даже один из них, тот не утверждён в самости, это нужно знать.
 8. Сдержанность, отречение, отсутствие заблуждения — в них пребывает бессмертие; они (присущи) мудрым браминам, которые во главу (ставят) Брахмо.
 9. Справедливые или несправедливые пересуды не подобают брамину; Люди, совершающие подобное, подлежат аду.
 10. В заблуждении восемнадцать пороков, как об этом было возведено раньше. Ненависть к миру, упрямство, ропот, лживость.
 11. Похоть, гнев, несамостоятельность, наущничество, неряшество, сварливость, зависть, мучительство существ,
 12. Самолюбие, заблуждение, болтливость, сомнение, осуждение; поэтому не должно впадать в заблуждение, оно всегда подлежит порицанию.
 13. В добросердечии также нужно различать шесть качеств: сорадование в радости и сострадание в горе, предоставление просящему того, что ему потребно, а также подаяние и непросящему.
 14. Моление с чистой мыслью о любимых сынах, имуществе и жене; При утрате имущества, отсутствие к нему вожделения, отсутствие наслаждения делами, связанными с собственным удовольствием.
 15. Совершающий такое отречение становится богатым (добрыми) качествами и преисполнен саттвы. Такой (человек) отвергает пять (своих чувств) от пяти элементов.
 16. Таково совершенное, чистое подвижничество, ведущее вверх даже тех, которые за недостатком саттвы выполняют его с желанием (награды).
 17. Ибо жертвоприношения удаются только в утверждении истины — некоторыми в сердце, другими в словах, иными в делах.

18. Но свободный от желаний стоит выше человека,
стремящегося к желаньям, особенно, если это брамин;
Выслушай от меня ещё нечто иное.
19. Вещие, на основании изучения, утверждают, что
изменения Того, Великого, Преславного (совершаются)
лишь на словах. На единении (Йоге) с ним основана
эта Вселенная; знающие То, становятся бессмертными.
20. О раджа, ни обрядами, ни добродетелью не достигается
истина, она не почитается ни возлияниями, ни жертвой.
Поэтому простак не достигает бессмертия, не получает
он покоя в час конца.
21. В безмолвии и одиночестве нужно почитать То, когда
недвижим манас.
Тогда следует отвратиться от похвалы и порицания,
удовольствия и досады.
22. И тогда, ещё пребывая здесь, вступают в Брахмо,
сперва созерцая его в Ведах. Это я говорю тебе,
как знающий.

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ, В КНИГЕ "УСИЛИЙ",
В "КНИГЕ САНАТСУДЖАТЫ" ГЛАСИТ XLIV ГЛАВА —*

РЕЧЬ САНАТСУДЖАТЫ

ГЛАВА XLV

Санатсуджата сказал:

1. ТО — чистый, великий Свет, пламенеющий,
многославный;
Поистине, То почитают боги, из него сияет Солнце.
2. Сущее, вечное То прозревают йогины.
3. Из чистого То возникает Брама (Веды) и чистотой
возрастает Брама;
Чистое То (пребывает) в Светилах, не пламенея,
воспламеняет Солнце.
4. Сущее, вечное То прозревают йогины.
5. Существовали воды; из них, среди волн оба бога
утвердились в воздушном пространстве.
Непрестанно воспаляющее Савитара, обоих оно
несёт, Небо и Землю.
6. Сущее, вечное То прозревают йогины.
7. Обоих богов, Небо и Землю, а также пространство
меж ними и стороны (света) чистое То объемлет.

Из него, от (четырёх) сторон света вытекают реки,
от него произошло Великое Море.

8. Сущее, вечное То прозревают йогины.

9. Непреходящее, деятельное, стоящее на колесе вечной
колесницы,
Светозарное То кони влекут, небесное, нестарющееся
в Небе.

10. Сущее, вечное То прозревают йогины.

11. Нет образа, в котором То возможно созерцать, ничьи
глаза его не могут видеть,
Но кто умом и сердцем мысленно его познает, тот
становится бессмертным.

12. Сущее, вечное То прозревают йогины.

13. Все пьют из двенадцатиструйного потока*, хранимого
богами;

И видят мёд они и сходятся к ужасному потоку.

14. Сущее, вечное То прозревают йогины.

15. Заметив мёд, его полмесяца пьют пчёлы*:

Средь всех существ для них Владыка его как жертву
уготовал.

16. Сущее, вечное То прозревают йогины.

17. И падают они, бескрылые*, на златолиственный
ашваттха*;

Отсюда, крылья получив, они летят в (различных)
направлениях.

18. Сущее, вечное То прозревают йогины.

19. От полного полное они возносятся*, от полного
наполняются сами.

Они уносят полное от полного, но полное пребывает.

20. Сущее, вечное То прозревают йогины.

21. Из То исходит ветер, в нём он движется вечно;

Из То возникли Агни, Сома; в Том жизненных сил
напряжение.

22. Следует знать, что Вселенная в Том распростёрта,
но словами выразить То мы не можем.

23. Сущее, вечное То прозревают йогины.

24. Выдыханье (апана) поглощает вдыханье (Прана), прану
поглощает месяц;

Солнце поглощает месяц, а Солнце поглощается
Высшим.

25. Сущее, вечное То прозревают йогины.

26. Ни одной ноги не может вытянуть нисходящая из вод
перелётная птица*.

А когда она вытянет ногу, и смерть, и бессмертье
исчезнут.

27. Сущее, вечное То прозревают йогины.
28. Мерию в палец Пуруша, сокровенное "Я" в силу связи
с лингамом странствует непрестанно;
Того луезарного владыку, чтимого, изначального,
заблудшие не видят:
30. Непосредственно или опосредственно, То равно
свойственно людям;
То одинаково свойственно и бессмертным, и смертным;
Освобождённые получают в "То" источник мёда.
31. Сущее, вечное То прозревают йогины.
32. И мудрый в оба мира проникает познанием, совершая
или не совершая приношения Агни.
Не считай браминство ничтожным, его именем да будет
познание, оно доступно мудрым.
33. Сущее, вечное То прозревают йогины.
34. Таков образ Махатмы, Пуруши поглощающего пламя*;
И кто знает Пурушу, стремление того не посрамится.
35. Сущее, вечное То прозревают йогины.
36. Кто воспарит на тысячи тысяч крылатых,
Пусть будет полёт его быстрым, как мысль, он лишь
середины достигнет.
37. Сущее, вечное То прозревают йогины.
38. Для созерцанья недостижим его образ, его прозревают
лишь те, кто очистил вполне свою сущность.
Добрый и мудрый не распаляется сердцем (манасом);
кто странником стал, тот достигает бессмертья.
39. Сущее, вечное То прозревают йогины.
40. Начётчики и лицемеры скрываются, как змеи в чаще;
В ней бродят заблудшие смертные люди, обезумев от
страха в беззвучном.
41. Сущее, вечное То прозревают йогины.
42. Да не пребуду я вечно в ничтожестве; ни умиранья,
ни неумиранья нет для меня, откуда ж моё бессмертие?
Правда и кривда сопряжены с (единой) истиной; сущее
и не сущее происходят от единого лона.
43. Сущее, вечное То прозревают йогины.
44. Ни праведностью, ни неправедностью (не достичь
спасенья), их равноценными считают люди.
То же равно нужно знать и о бессмертии; кто это
принял, может искать того мёда.
45. Сущее, вечное То прозревают йогины.
46. Не распаляется его сердце высокопарной речью, не
изучает он (Шрути), не совершает жертв Агни.
Он мысленно видит ничтожность браминства; да будет
"Познание" имя тому, до чего мудрецы достигают.

47. Сущее, вечное То прозревают йогини.
48. Кто во всех существах, разбросанных и пленённых,
(Единого) Атмана видит, тот печалиться больше не будет.
49. Сколько (нужды) в большом водоёме*, когда отовсюду
стекаются воды,
Столько (нужды) и в Ведах для постигших Атмана.
50. Мерию в палец Пуруша, великий Атман, живущий в
сердце, невидим.
Нерождённый, он странствует неустомимо и днём и ночью;
О нём размышляя, вещей пребывает в покое.
51. Завещано: "Я есмь отец, мать и сын, также
Я — Атман всего, что существует и не существует.
52. Я — досточтимый Праотец, отец и сын, Бхарата.
Вы пребываете в моём Атмане, но я не ваш и
не мои вы*.
53. Моё становище — Атман, моя родина — Атман;
Я в Атмана вплетён, Атманом я пронизан: я не старею
и стою (неподвижно).
Нерождённый, неустомим и ни днём, ни ночью.
Меня постигнув, вещи пребывают в покое".
54. Меньше наименьшего, он, благостный, бодрствует во
всех существах; Его, отца сокровенного в лотосе (сердца),
во всех существах узнают (йогини).

*ТАК В СВЯТОЙ МАХАБХАРАТЕ, В КНИГЕ "УСИЛИЙ",
В "КНИГЕ САНАТСУДЖАТЫ" ГЛАСИТ XLV ГЛАВА —*

РЕЧЬ САНАТСУДЖАТЫ

ЗАКОНЧЕНА КНИГА САНАТСУДЖАТЫ

ПРИМЕЧАНИЯ

САНАТСУДЖАТАПАРВАН (кн. V)

ГЛАВА XLI

XLI, 6. *Этот же бог — т.е. яма.*

XLI, 8. *С пути сбиваются боги* — текст довольно тѐмен. Нужно учесть, что по представлению древних арийцев положение богов неустойчиво, они проходят свою эволюцию и, подобно людям, могут “сбиваться с пути”. Однако в данном случае можно предполагать, что речь идёт не о богах, хранителях мира, а о богах, хранителях органов чувств, ибо по представлению древних арийцев каждый орган тела имеет своего “бога”, руководящего органом: роль нервной системы в жизни организма стала для индийцев выясняться уже в очень ранние времена.

Поэтому смерть называют марана. Имя Марана сохранено в славянских мифах: это Марена, зима, смерть по представлениям древних славян.

XLI, 30. *Без зависти* — мысль в подлиннике выражена туманно; смысл шл. таков: не следует завидовать; если аскет видит, что другой превосходит его в аскетических подвигах, то пусть он без зависти пытается достигнуть таких же результатов, постепенно урезывая себя (напр., в пище, в питье). Как пример такого соперничества между аскетами можно привести эпизод из Кайраты: аскеты, видя аскетические успехи Арджуны, всполошились и попили жаловаться своему покровителю Шиве.

XLI, 32. *Молчальник* — мунн, философ-аскет. “Имуществом брамина не следует пользоваться”, — т.е. брамина, находящегося в жизненном периоде (ашрама) домохозяина (грихастха) который обязан питать подаванием аскетов. От домохозяев, нарушающих закон, не следует принимать подавание.

XLI, 41. *Он полагает* — мысль выражена неясно. Смысл шл.: мудрые знают, что мир иллюзорен, но, подобно тому, как исчезает всё видимое, после того как человек становится “чистым”, сосредоточенным на самом себе. А “он” (мир) полагает, что мудрец “его почитает”, то есть верит в его реальность.

XLI, 43. *Тот — безмолвия* — т.е. мир замкнувшегося в себе самом сознания, Атмана (Я), отрешившегося от иллюзорной природы (Пракрити).

ГЛАВА XLII

XLII, 47. *Лишь то, что возникло от дхатара* — т.е. весь мир иллюзорен, он существует лишь постольку, поскольку познаётся абсолютным субъектом, Атманом, причём это познание “номиналистично”, выражаясь языком средневековой философии, так как по существу реальность не познаётся чувствами, воспринимающими лишь преходящее, то есть мнимую реальность, а потому получаемое т.о. познание есть заблуждение, авидья.

ГЛАВА XLV

XLV, 13. *Пьют из двенадциструйного потока* — т.е. черпают опыт во времени, исчисляемом годами с их 12 месяцами; “мёд” — жизненный опыт.

XLV, 15. *Полмесяца пьют пчёлы* — т.е. в течение той половины существования, во время которой душа (пчела) подлежит законам времени, то есть воплощена; другая "половина месяца" — период существования души вне воплощения.

XLV, 17. *Бескрылые падают* — т.е. души, воплощаясь, попадают в проявленный мир; подчиняясь его законам, они лишаются свободы, становятся "бескрылыми"; по окончании воплощения они "разлетаются во все стороны", т.е. каждая душа замыкается в себе, освободившись от иллюзии внешнего. Такой плюрализм характерен для атеистической Санкхьи, он не свойствен более ранним памятникам, напр., Бхагавадгите, с её "относительным монизмом" (савибхеда адвайта).

Ашваттха — фикус религиозна; у этого растения есть воздушные корни, почему о нём и говорится, что оно растёт "корнями вверх, ветвями вниз" (Бхагавадгита, XV, 1 и сл.); ашваттха — древний символ миропроявления.

XLV, 19. *От полного они полное возносят* — перефразированная формула Упанишад.

XLV, 26. *Перелётная птица* — душа; воды — проявленное.

XLV, 34. *Махатма, поглощающий пламя* — дух, открывающий свою силу от проявленного и так замыкающийся в себе.

XLV, 52. *Я не ваш, и вы не мои* — формула плюрализма, равнозначная лейбницевской формуле: "у монад нет окон".

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ Б. Л. СМЕРНОВА К КНИГАМ БХАГАВАДГИТА, АНУГИТА И САНАТСУДЖАТАПАРВАН

А

АГАМА — "дополнение"; название сборников традиционных предписаний, изучаемых наравне с Ведами; часть священного Писания, непосредственно следующая за сборниками гимнов. Авторитет А. значительно выше авторитета "Смрити", священного предания; к Смрити относятся Махабхарата и Рамаяна.

АГНИ — "огонь". Один из древнейших, главных и наиболее чтимых ведических божеств; причисляется к Адитьям. А. имеет много эпитетов, выражающих его свойства, напр., Павака — очиститель, Хуашана — пожиратель жертвы, Вайшванара — всенародный и пр.; третий из пяти бхутов, из которых строится мир. А. сохранил так же множество имён, обозначающих как бы особые огни, слабо персонифицированные и слабо ограниченные от эпитетов Агни.

АДИТИ — безграничность; слабо персонифицированное божество, мать главных богов, называемых "Адितьи".

АДИТЯ — сын Адити. Эпитет главных богов, которых насчитывали то три, то семь, а позже и ещё больше. В эпический период этот эпитет применялся главным образом к Солнцу, Сурьи.

АДХАРМА — беззаконие, бесчестие.

АДХВАРЬЮ — название особого класса жрецов.

АЙРАВАТА — имя одного из четырёх слонов, поддерживающих Землю. На нём ездит Индра (белый царственный слон счастья). Айравата значит "сын Ираванти", "иравант" — "напиток", "океан". А. вышел из молочного океана во время пахтанья океана богами и асурами. Это также имя мифического змия, нага.

АКАША — "пространство", "эфир" (в греческом смысле); соответствует квинтэссенции неоплатоников; наиболее тонкий элемент из "плотных" или "великих" сутей (махабхутов).

АЛАРКА — "бешенная собака"; название мифического восьминогого животного; имя одного раджи.

АМБАРИША — (сковорода), диск, Солнце, имя одного царя из рода Икшваку.

АМРИТА — "напиток бессмертия" — пища богов, подобная греческому нектару.

АНАНТА — "бесконечный" — эпитет мистического змия Шешы, на котором покоится Вишну-Нараяна.

АНАНТАВИДЖАЯ — бесконечно-побеждающая, раковина Юдхистхиры.

АНГИРАС — название рода полубогов; точное значение названия не установлено, но его сближают с греческим "ангел" (вестник); как еврейские "малахи" (вестники) именуются "сынами божьими", так и ангирасы именуются "сынами Неба". Род Ангирас — род ведических певцов, которым приписывается создание одного из отделов Ригведы, — согласно Пуранам не браминский, а кшатрийский.

АПАНА. — См. Прана.

АПСАРА — "небесная красавица"; Апасры — жёны Гандхарвов, небесных музыкантов; они любят игру в кости и содействуют удаче в этой игре; обладают способностью менять облик; Веды относятся к Апасрам, как и к другим оборотням, со страхом заклинаят их как способных вызвать безумие; Апасры часто соблазняли отшельников, к которым они для этой цели посылались богами. Урваши — одна из выдающихся Апаср, в которую влю-

билась царь Пурурава. Апсары — служанки Индры, подающие воинам прохладительные напитки. Этимологически слово объясняется по-разному: если разлагать слово ап+сара, то его можно понимать как "движущийся в воде" ("водяница"), что соответствует сказанию о происхождении апсар из океана при его пахтании богами; но можно разлагать слово и так: а+псарас и понимать его как "без наслаждения", что соответствует некоторым взглядам Вел на Апсар. Можно понимать это слово и как "прекрасноблуждающая". Наиболее вероятно сближение Апсар с водяницами, ундинами; это подтверждается общностью сказаний о тех и других.

АРАНИ — название прибора для добывания огня; нижняя (крестовидная) часть делается из мягкого дерева, верхняя в виде гвоздя — из очень крепкого. Огонь добывается верчением верхней (мужской) части. Этот прибор часто используется в качестве мистико-философского символа.

АРДЖУНА — "утренняя зоря"; "серебристый"; "белый"; "дневной свет" — эпитеты Индры, имя третьего из Пандавов, по легенде сына Индры от Кунти-Притхи. А. тесно связан с Кришной, как его ученик и шурин. Легенда, неоднократно повторяемая в Махабхарате, гласит, что в прежнем воплощении Кришна и А. были двумя великими ришами, воплощениями Нараяны, они подвизались в пустыне Бадараяна (см. вып. III, "Путешествие Бхагавана"). Позднейший вишнуизм уподобляет связь Кришны и А. со связью бога с его силой (Шакти), олицетворяемой в виде богини.

АСИТА — легендарный риши, слагатель гимнов, владыка тьмы, часто отождествляемый с Дэвалой или соединяемый с ним в одну пару.

АСУРА — "живой", "светлый", "светлый дух", "облако"; бесплотный, одушевленный; этим словом обозначались живые, бесплотные существа в противопоставлении воплощенным, боги. В ведические времена так часто называли главенствующую

двоицу Митру-Варуну; особенно часто "Асура" называлось высшее Небо (Асура-Мазда зороастрийцев); позже название Асура сохранилось лишь за низшими духами, противниками богов; впрочем такой смысл слова встречается и в Ригведе. Асуры — враги суров (богов). Представление об асурах весьма древнее, древнее отделения маизма от ведической религии. В маизме асуры сохранили свой изначальный положительный характер (ср. Ahura Mazda — Asura), тогда как в Браманизме они получили отрицательное значение как враги богов, аналогично греческим титанам. В Махабхарате (Мокшадхарма, кн. XII) описывается время правления асуров и падение их вследствие развращения нравов.

АТМАН — возвратное местоимение "себя". Абсолютный субъект, безусловное "Я" как основное понятие индийской философии, разработанное Упанишадами. В зависимости от школы несколько модифицировалось содержание этого термина, но основное его значение сохранялось во всех традиционных школах Индии.

АТРИ — "пожирающий"; имя одного ведического мудреца (риши). Атри помогает богам (Индре, Агни, Ашвинам) в различных их бедах, часто упоминается, наряду с Канвой и Джамадагни, как один из 7 риши (Созвездие Ковша в Большой Медведице).

АТХАРВА (Веда). — См. Веда.

АУМ — священное слово, символизирующее Абсолют, Брахмо. О его мистическом значении много говорится уже в Упанишадах. Символ диалектики Единого — начала, середины и конца миропоявления, понимаемого как целое.

АХАНКАРА (букв.: "делающий Я") — самосознание, индивидуальный разум, простирающийся из вселенского разума (Буддхи), основа личности, вселенская суть (таттва), обуславливающая эмпирическую личность, эмпирическое сознание. Для достижения истинного "Я" (Атмана) необходимо преодолеть этот

принцип обособления, индивидуальности.

АХИМСА — "невреждение", "ненасилье". Учение о непричинении зла, существовавшее ещё в древней Индии, затем развитое в Буддизме и Джайнизме. Один из основных принципов морали индусов.

АЧЬЮТА — "незыблемый", "вечный", эпитет Вишну-Кришны; эпитет раджи.

АШВАМЕДХА — особо торжественное жертвоприношение коня, очень дорого стоящее, а потому предпринимаемое крупными раджами как знак их суверенности.

АШВАТТХА — *Ficus religiosa*; баниан, индийская смоковница, которую надо отличать от обычной смоковницы (пипала). Часто употребляется в качестве символа мира и даже Брахмо. У буддистов это дерево Буддхи, под которым Будда получил Просветление. Из дерева Ашваттхи делается мужская часть (заострённый колышек) аруни, прибора для добывания огня. А. аналогична библейскому "дереву жизни" (эйц ха хаим), египетской акации (ср. "Сказку о двух братьях"). По легенде из акации (гофер) был сделан ноев ковчег, хранящий семена всего живого — символ мира в состоянии пралаи. Позже эти символы были восприняты масонством, с его "веткой акации" и "легендой о Хираме".

АШВАТТХАМАН — "конское стойло" или "конская стойкость, сила". Один из сыновей брамина Дроны, заслуживший позорную известность в битве: он прокрался в спящий во время перемирия лагерь Пандавов и перебил там всю молодёжь. Нападение на безоружного или спящего врага считалось по тогдашним законам позорным, преступным делом.

АШВИН — "всадник", обычно в двойственном числе, олицетворение утренней и вечерней зари; А. врачеватели-ведуны, а потому — шудры, слуги; такими они и считаются среди богов. Ашвины — красивейшие из небожителей, всю красоту

они передали своим сыновьям, близнецам Пандавам: Накуле и Сахадэве.

АШРАМА — "обитель", жилище, стадия жизни. Согласно более поздним установлениям (Законы Ману) различались 4 стадии (ступени) жизни, из которых 3 были обязательными: состояние ученичества (брахмачарья), когда молодой человек находился 12 лет на обучении у Гуру, духовного учителя; в это время он соблюдал половое воздержание, отчего слово брахмачарья приобрело значение "целомудрие". По окончании ученичества наступала вторая стадия (грихастха), срок которой был менее определённым, во всяком случае, до зрелости старшего сына. Третья стадия называлась ванпрастха, или отшельничество (букв.: пребывание в лесу, пуще). Отец передавал сыну священный огонь, а с ним и всё хозяйство и уходил с женой в лес, где предавался размышлению и другим духовным подвигам. Четвёртая стадия, санньясина, или отрешённого, была самой суровой. Санньясин только в период дождей мог жить на одном месте, но вне селения; он не мог себе готовить пищу и питался подаванием, да и то неиспрошенным, а добровольно поданным. Перед вступлением в эту стадию человек совершал для себя посмертные обряды и считался как бы умершим. Санньясином можно было становиться, минуя другие стадии (ашрама), даже в отроческом возрасте.

Б

БРАМА (Brahma, м.р.) — молитва (м.р.), священный текст; имя первой ипостаси браманической троицы; имя, часто заменяемое эпитетами: "предок", "праотец мира", "Хираньягарбха", "Творец мира". В Вишнуизме Б. рождён из лотоса, выросшего из пупка Вишну-Нараяны. Вишну и Шива вытеснили Брахму с первого места, и он стал лишь их первородным сыном, сами же Вишну и Шива были объявлены тождественными друг другу, хотя в

действительности их культы остались раздельными.

БРАМИН — точная транскрипция Brahman (м.р.). Представитель варны жрецов, предъявлявших претензии на положение земных богов. Брамины — высшая, особо привилегированная варна "дважды рождённых", существовавшая за счёт других варн, в частности варны кшатриев. Для Махабхараты характерно отрицательное отношение к браминам как к касте (классу) и очень резко подчёркивается антагонизм браминов и кшатриев. Жрец, владеющий словом Брами — Ведами. Занятие брамина — изучать Веда, научать им, совершать обряды, жертвы; браминов называли певцами, т.к. они пели гимны, мантры. Брамины претендовали на монополию в религии, философии, науке; совершать ритуалы имели право только жрецы-брамины, а т.к. совершать эти ритуалы нужно было ежедневно трижды, то раджи держали домашних жрецов. При торжественных жертвоприношениях участие принимают четыре главных жреца (ритвиджа), у каждого из них есть свои обязанности в ритуале: 1) хотри — жрец-заклинатель; он совершал вызов нужных божеств и читал мантры Ригведы; 2) удатри — жрец-певец; 3) адхавью — жрец-исполнитель, занятый материальной частью ритуала по указаниям Ригведы; 4) брахман — жрец-хранитель. Брамины ведут свой род от Сомы. Отличительный признак брамина — священный шнур, одеваемый через левое плечо. Брамину получает его, когда ему исполняется шесть лет, при посвящении в варну и носит постоянно. Снятие шнура знаменует отказ от варны.

БРАХМАСУТРА — (букв. "нить Брахмо"), философский высокоавторитетный памятник, конспективно излагающий суть учения Упанишад. Авторство Б. приписывается Бадараяне. Памятник IV—III вв. до н.э. Неоднократно комментировался ведущими индийскими философами. Наиболее известны комментарии Шанкары Ачарьи (VIII в. н.э.) и Рамануджи (XI в. н.э.).

БРАХМАЧАРИН — ученик, послушник, соблюдающий правила брахмачарьи.

БРАХМАЧАРЬЯ — период ученичества (12 лет), обязательный для высших каст; правила поведения для ученика; особенно требовалось соблюдение полового воздержания; само это поведение; в дальнейшем слово часто употребляется в узком смысле: целомудрие.

БРАХМО — точная транскрипция Брахман (ср.р.). Высший философский принцип традиционной философии Индии, внеположный проявленному миру, вечный и неизречённый, т.е. определяемый лишь отрицательно ("не То"). Идея Брахмо обличается с идеей Нирваны, с одной стороны, и Атмана, абсолютного субъекта, — с другой. Основа учения о Брахмо положена Упанишадами и разработана с разных сторон философскими традиционными школами.

БРИХАСПАТИ — "Великий Владыка", — главный жрец богов. Эпитет многих божеств; как самостоятельная персонификация — планета Юпитер, "Владыка небесных слов" и великий жрец богов.

БРИХАТСАМАН — "великий гимн (саман)", название одного гимна Самаведы.

БУДДХИ (ж.р.) — синтезирующая психическая способность, разумная воля, функция которой принимать решения на основе познания, доставляемого рассудком (манасом); в системе Санкхья вторая (или третья) психическая суть (таттва), подчинённая "основе личности" (аханкара). Первая таттва Природы (Пракрити), развивающаяся по эманационному принципу. Б. — разум, но не индивидуальное сознание. Согласно эпической Санкхье, Вселенская Душа, Махан ("Великий"), сама по себе несознательная, но лишь отражающая сознание Пуруши. Познающее поле: из его Буддхи проистекает Творец личности, аханкара, из него — манас, из манаса (чувства зрения, слуха и пр.) и пять действующих: ноги, руки, речевые органы, органы переваривания и органы

выделения и произхождения. Это по линии живых организмов животных и растений, по линии же "неживой" природы аханкара (а по другому варианту — манас) производит 5 "стихий", бхутов (судей): акашу (пространство), воздух (ваю), огонь (агни), воду (апас) и землю (бхуми). Акане соответствует слух, ветру (воздуху) — осязание, огню — зрение, воде — вкус, земле — обоняние. Так разворачивается Праkritи; сворачивание происходит в обратном порядке. В индивидуальном сознании Буддхи есть решающая оценивающая способность. Хауэр подчёркивает трудность перевода этого своеобразного термина, он переводит его через "Gemut". Слово происходит от корня "budh" — "пробуждаться, бодрствовать". Т.о., "Буддхи" значит "состояние бодрствования", "сознательной деятельности" ("Йога", с. 370—371).

БХАГАВАН — "господин, владыка", аналогичный Ваалу и Адонису месопотамской культуры. В Гите образы Бхагавана и Кришны уже прочно соединены: Вишну, хотя и отождествляется с Кришной, но его роль очень небольшая, он лишь вскользь упоминается в поэме: о четвёртой ипостаси Вишну-Нараяне Гита даже не упоминает, хотя имя Нараяна известно уже Брахманам. Секта бхагаватов, почитающая имя Бхагавана, долгое время считалась еретической. Об учении бхагаватов и развитии теологии Вишнуизма см. Мокшадхарму, отдел "Нараяния".

БХАКТА — поклонник, последователь Бхакти Йоги, учащий об Освобождении силой благоговейной любви.

БХАКТИ — благоговейная любовь к высшему, Пуруше; учение этой Йоги исторически связано с Бхагавадгитой, наиболее древним памятником этого течения. Хотя Бхагавадгита возникла в Северной Индии (бассейны рек Синдха и Ганги), где зародилась и вся Махабхарата, впоследствии Бхакти Йога развивалась в Южной Индии. Философское обоснование Бхакти Йоге дали Рамануд-

жи и Виджняна Бхикшу, понимавшие под Бхакти не личные отношения личного бога и его поклонника и почитателя, но созерцательно-благоговейное стремление к высшим духовным состояниям, которые эти понимали как безличные. Экстатическую Бхакти Йогу с выраженными сексуальными моментами развили альвары (или арвары), внесшие в Бхакти Йогу черты доарийского культа Великой Матери (VIII в.н.э.), основанную на экстатической Бхакти. Позже эта Бхакти культивировалась в Бенгалии; одним из её ярких представителей был Чайтанья.

БХАРАДВАДЖА — "жаворонок"; известный риши, ученик Бхригу, философа скептического направления, высказывающего идеи дуалистической Санкхьи.

БХАРАТА — "поддерживающий" воин; "поддерживаемый" (об огне); 1) сын Шакунталы и Дутьянты, отец Куру, родоначальника рода кауравов и бхаратов; 2) имя сводного брата Рамы; 3) брат Дхритараштры, с детьми которого бхараты вели борьбу за престол. "Потомок Бхараты" — человек из племени Бхарата.

БХАСА — речь (и персонификация её); название горы.

БХИМА — второй сын Панду, по легенде сын бога ветра Ваю, прозванный за прозорливость "Волчьим брюхом" — Врикадарой.

БХИШМА — "страшный". Старший из рода Куру ко времени междоусобицы; сын Шантану и богини реки Ганги, правнук Бхараты, дед Дхритараштры и прадед Дурьодханы и братьев Пандавов. Верховный главнокомандующий войсками кауравов в битве. Махабхарата изображает его как человека высокой нравственности и мудрости. Смертельно раненный в бою, Б. силой воли поддерживает свою жизнь, лёжа на "ложе из стрел", ожидая священной половины года, когда Солнце движется на Север (см. конец VIII гл. Гиты). В ожидании своего смертного часа Б. ведёт нравоучительную беседу с Юдхистхирой об "основе Освобождения". Содержание этой беседы изложено в

кн. XII Махабхараты в отделе Мокшадхарма.

БХРИГУ — "сверкающий", "искрящийся"; название рода мифических существ, нашедших огонь и подаривших его человеку. Имя риши из этого рода, вышедшего как искра из семени Праджapati. Сын Бхригу — Шукра (планета Венера); из рода Бхригу — Маркандей, а также Парашурама. — "Рама с топором".

БХУТА — "существо" (от бху — быть), "вещество", дух стихии, сущность, суть. Санкхья насчитывает 5 бхутов, элементов, из которых строится мир: акаша (пространство), ваю — ветер, агни — огонь, апас — вода и бхуми — земля. Эти элементы происходят один из другого в перечисленном порядке при развитии мира; при пралае они растворяются один в другом в обратном порядке (см. "Буддхи"). Элементаль, стихия; злые духи из свиты Шивы.

В

ВАДЖРА — "громовая стрела" — оружие громовника Индры. Мистически это — особая сила, способствующая Освобождению. Великая мантра северных буддистов обращена к тому, у кого в руке ваджра (или дордже) — к Ваджрапани.

ВАЙНАТЕЯ — сын Винаты, дочери Дакши. Эпитет Гаруды, царя птиц, на котором летает Вишну.

ВАЙШАМПАЯНА — сын Вишампы (защитника народа), мудрец, повествующий Джанамеджае Махабхарату в целом; ремарки "В. сказал" означают текст основного повествования, куда включено множество вторичных повествований, сообщаемых другими рассказчиками (Маркандеей, Брихадлашвой и др.).

ВАЙШВАНАРА — "всемирный". Особая форма огня, огонь домашнего очага. В теле — огонь, переваривающий пищу; по учению Аюрведы, Санкхьи и Йоги, он находится в брюшной полости, выше пупка, в особом энергетическом центре (чакре); соответствует солнечно-

му сплетению. Огонь погребального костра.

ВАЙШЬЯ — представитель третьей варны, земледелец, торговец.

ВАРНА. — См. КАСТА.

ВАРУНА — "Небо". Уранос греков; один из Адитьев, старший из сыновей Адити, один из главных богов ведического периода (наряду с Митрой). Как выражение непреложной закономерности космических явлений, Варуна — олицетворение Закона, Справедливости, а значит и Суда. Преступных он вяжет своими неизбежными сетями. Позже Варуна стал "отражением самого себя, т.е. Неба" — океаном, владыкой вод, но свой атрибут сети не утратил. Слабо персонифицированный образ.

ВАРИШНЕЯ — человек, принадлежащий к народу Вришни; часто употребляется как родовое имя Кришны.

ВАСАВА — потомок Васу, эпитет Индры.

ВАСИШТХА — "богатеиший", "лучший"; имя одного мудреца из "Семи ришей".

ВАСУ — "благий", "богатый", название одного класса богов.

ВАСУДЭВА — "тот, чей бог Васу", поклонник Васу; имя царя из рода Вришни, отца Кришны; родовое имя Кришны.

ВАСУКИ — имя царя "змиев", мифических мудрецов, обитателей подземного царства — Пatalы. Об этом подробней см. в III вып. "Повесть Матали" из отдела Махабхараты "Путешествия Бхагавана".

ВАХНИ — "огонь"; см. Агни.

ВАЮ — воздух, ветер, бог ветра; мифологическое олицетворение ветра; второй из пяти "элементов" (стихий). Находясь в теле, В. осуществляет в нём течение жизненных токов, называемых пранами. Ваю-Пурана — см. Пурана.

ВЕДА — веденье. Название священных книг индийцев, сборников гимнов и обрядовых уставов. В ед.ч. с добавлением Риг-, Сама-, Яджур-, Атхарва- — название четырёх книг,

сб. ритуальных гимнов с их "дополнениями". Во мн.ч. — название трёх или четырёх из названных книг. Обычно первой и главной, наиболее авторитетной Ведой считается Ригведа, но иногда и какая-либо др. Веда, напр., Самаведа. Разные разряды жрецов исполняли в зависимости от их роли в обряде жертвоприношения гимны одной из Вед. В более древние времена насчитывалось 3 Веды: Ригведа, Самаведа и Яджурведа. Каждая Веда предназначалась особому классу жрецов: хотри, удгатри и адхварью (в порядке Вед) и делилась на 3 части: сборник гимнов (Самхита), трактатов, объясняющих смысл обрядов и дающих указания, как совершать их (Брахманы), и трактатов, предназначенных для отшельников — Араньяки. Как неразрывная часть в Араньяку каждой из Вед входили несколько Упанишад, как тайноучение той или иной школы жрецов. Широко обобщая, Веды относят к середине II тысячелетия до н.э., но Атхарваведа была создана гораздо позже, т.к. Гита не упоминает о ней. Хотя все 4 Веды считались откровением Брахмы и пользовались безусловным авторитетом, между ними отмечается антагонизм, выражающий противоречие разного ранга жрецов. Так, запрещалось одновременно исполнять гимны Ригведы и читать заклинания Яджурведы, считавшиеся нечистыми. Каждая из Вед имела свои дополнения (анга, шакха). Дополнения, касавшиеся разъяснения обрядов, назывались Брахманами; существуют дополнения, излагающие различные науки, напр., науку управления, военную науку; изучение этих дополнений вменялось в обязанность кшатриям. Но самым важным дополнением являлись философские трактаты — Араньяки, наставления отшельникам, пребывающим в лесу, и непосредственно связанные с Араньяками Упанишады, где излагается философия индийцев, основная тема которой учение об Абсолюте как безусловном Бытии (Брахмо) и абсолютном Субъекте (Атмане).

ВЕДАНТА — конец Вед; в частности философские трактаты, называемые Упанишадами.

ВИВАСВАНТ — "светоносный", "сияющий", "пламенеющий"; одна из ипостасей Солнца.

ВИДХЬЯ — название горного хребта в Гималаях.

ВИКАРНА — точный перевод сомнительен: "допоухий" — признак породистого животного или "Безухий" — имя одного из сыновей Дхритараштры.

ВИДУРА — "ведун", "мудрец"; младший брат Дхритараштры и Панду от матери-шудры, почему он не кшатрий, а более низкой касты: кшатга (кравчий). Это слово часто употребляется как эпитет Видуры.

ВИРАТА — раджа народа Матсья, тесть Абхиманью, сына Арджуны. У В. Пандавы тайно прожил тринадцатый год своего изгнания.

ВИШНУ — имя божества, мало выдающегося и слабохарактеризованного в Ведах, но в послеведическое время достигшего значения верховного божества; второе лицо браманической троицы. Основной ведический миф о нём — сказание о трёх Шагах Вишну. Явсья в виде карлика асуру, правившему тогда миром, В. просил дать ему столько пространства, сколько он может пройти тремя шагами. Получив согласие, В. превратился в великана и перешагнул через весь мир. Т.о. в Ведах В. является олицетворением Солнца, тремя шагами проходящего весь мир: с Востока через зенит на Запад. Зенит называется следом Вишну — "Вишнупада". В эпический период В. слился с образом Нараяны-Бхагавата. Хотя о Нараяне упоминают уже Брахманы, его арийское происхождение сомнительно, и тем более Кришны, имя которого ("чёрный") является намёком на его негроидное происхождение. Кришна борется с Индрой как владыкой ведических богов и побеждает, а победив, Вишну-Нараяна-Кришна становится славным богом кшатриев-вишнуитов. Об этом подробнее говорится в разделе "Нараяния" Мок-

шадхармы. Поклонение Вишну отличалось роскошью культа и было распространено преимущественно среди кшатриев, тогда как аскетический шиваизм был религией бедных классов.

Вишну неоднократно воплощался; в начале насчитывалось 9 его воплощений, из которых предпоследнее Рама, а последнее — Кришна; 10-е, грядущее воплощение, должно произойти в конце мирового периода. Основная часть Махабхараты — вишнуистская; шиваизм был внесён в поэму позже, при браминической её обработке, и многие шиваистские части легко выделяются из целого. Более того, в поэме можно видеть следы большой борьбы вишнуизма и шиваизма наряду с явными признаками борьбы классов: кшатриев и браминов. Так, битва Рамы как представителя касты кшатриев с Парашурамой как представителем касты браминов весьма показательна. Сторона пандавов, находящаяся под защитой Кришны, воплощения Вишну, явно вишнуистская. Очень замечательно, что кауравы лишь тогда наносят тяжёлый удар пандavam, когда сын Дроны, т.е. брамин Ашваттхаман, получает помощь от Шивы и его войска оборотней.

Браманизм (индуизм) с его стремлением объединить различные религиозные течения Индии позже провозгласил тождество Вишну и Шивы и включил оба соперничающие божества в браминическую триаду, Брами-Вишну-Шива, но полностью замазав антагонизм культов не удалось. В Вишнуизм входит ряд культов под видом культов различных воплощений Вишну: Рамы, Кришны, Бхагавана и др. Вишну покоится в водах Вечности на змие Ананта (Шеша) до конца миропоявления.

ВРИШНИ — "мужественный, овен" — название народа, к которому принадлежал Кришна.

ВЬЯНА — название тока тела (ан+ви — пропускать дыхание через тело). См. ПРАНА.

ВЬЯСА, или **ВЕДАВЬЯСА** — "изложение", "сопоставление"; имя

легендарного мудреца, которому приписывается изложение Махабхараты, Пуран, Веданты и множества др. памятников; сын Парашары от матери Сатьявати. Т.к. по преданию В. распределил гимны Вед по отделам, то он и назван "Вьяса" ("распределитель, редактор"). Создание канонических текстов приписывалось высшему сознанию (Браме), а люди "лишь излагали их". Эпитет В. — Кришна Двайпаяна (Островитянин, т.е. отшельник). Вьяса — физический отец Дхритараштры, т.е. предок Кауравов и Пандавов; юридический отец вследствие развратного образа жизни не мог оплодотворить своих жён и роду грозило угасание. Поэтому старшие представители рода умолили Вьясу войти к жене раджи и дать ей ребёнка, который считался бы сыном раджи (об этом подробнее см. в "Путешествии Бхагавана", III вып. "Речь Бхимы").

Г

ГАДЖАСАХВАЯ — "именуемый слонем"; Гаджапура — "Город Слона" — то же и Хастинапура.

ГАНГА — название священной реки в Индии, дочери Хималая, жены Шантану и матери Бхишмы. Ганга с помощью Шивы, принявшего её на свои плечи, чтобы она не разрушила Землю, была низведена на неё (небесная Ганга — Млечный Путь) ради блага людей и потому близка его культу.

ГАНДИВА — оружие богов; лук, сделанный из дерева ганди (название не уточнено). Владельцем этого волшебного лука называюют то одного, то другого бога (Шиву, Агни, Варуну, но чаще всего Индру). В эпизоде "Путешествие Арджуны на Небо Индры" описывается, как получил Арджуна Г. из рук своего отца — Индры.

ГАНДХАРА — "благоуханный", название страны и её царя; Гандхари — дочь царя Гандхара; особенно часто так называется жена Дхритараштры, мать Дурйодханы.

ГАНДХАРВА — небесный музыкант, служитель богов; в более

раннее время повествовалось об одном Г. (Читрататхе, но потом считалось, что есть много гандхарв. Г. — мужья апсар, водяниц и отцы лечебных корней, их знатоки.

ГАЯТРИ — "спасительная песнь", название священной формулы обращения к Савитару (Спасителю — одному из олицетворений Солнца). Брамины обязаны произносить Г. три раза в день. Остальным кастам произнесение этой формулы запрещено вплоть до угрозы смертью.

ГОВИНДА — "добывающий коров", эпитет Кришны, намекающий на происшествие, описанное в Харивамсе. Пастух Кришна угнал у Индры стадо коров, из-за чего Индра стал его преследовать. Нужно отметить близость этого мифа греческому мифу, повествующему о краже коров Аполлона Гермесом. Возможно, что миф символизирует процесс развития религии Кришны в ущерб поклонению Индре: вишнуизм не знает кровавых жертв, но всё же поклонение Кришне уменьшило число жертв, приносимых Индре. Эпитет можно понимать и так: "go" по-санскритски значит не только корова, но также и Земля; понятия эти сближаются связью: корова и Земля, обе кормят, обе кормилицы. Если принять для слова "go" значение Земля, то слово "govinda" расшифровывается как "добывающий Землю". Это значение приводит к циклу воплощений Вишну: когда Земля погрузилась в океан, Вишну, приняв вид кабана, нырнул на дно океана и вытащил оттуда утонувшую Землю (эта легенда есть в "Беседе Маркандеи", в повести "О семи лепешках для праотцов", см. вып. IV).

ГУДАКЕША — тот, чьи волосы завиты, вьются; курчавый (guda — шарообразный + kesa — волосы); индийские грамматиканы иначе расчленяют это сложное слово: gudaka+isha и толкуют его как "Владыка сна". Г. — эпитет Арджуны. Эпитеты божеств, касающиеся волос, восходят к представлению о лучистом Солнце (лучи — волосы); применительно к Арджуне и Кришне

такие эпитеты символизируют внутреннюю связь обоих.

ГУНА — "волокно", "кратность", "свойство", "качество". Санкхья различает 3 гуны, три основные качественные нити, из которых сплетается вся ткань Природы (Пракрити): саттва (ясность, гармония, чистота), раджа (движение, стремление, активность) и тама (тьма, инерция, тупость). Если гуны полностью уравновешены, то всякое проявление прекращается и наступает пралай, растворение, переход Природы в потенциальное состояние, нечто вроде энтропии по учению физики. Когда же равновесие нарушается, начинается процесс проявления. Гита считает, что "первичным двигателем" является Пурушоттама, высочайший Дух. "Классическая" Санкхья это отрицает, но своего объяснения нарушению равновесия покоящейся Природы не даёт.

ГУРУ — "важный", "почтенный", "учитель", обычно духовный; ачарья тоже учитель, но не духовный, а обучающий светским наукам. Родитель; в двойственном числе — отец и мать.

ГУРУСКАНХА — "скамья учителя"; название горы.

Д

ДАНАВА — сын Дану (мать) и Кашьяпы; данавы — враги богов, подобно Дайтьям, с которыми они часто объединяются.

ДВАЖДЫ РОЖДЁННЫЙ — т.е. получивший посвящение в касту. По закону все три первые касты считались "дважды рождёнными" и допускались, хотя и не в равной мере, к изучению Вед. Но фактически этот эпитет применялся только к браминам, так что слова "брамин" и "дважды рождённый" употребляются в Эпосе как синонимы.

ДВАРАКА — "многовратный", название столицы Кришны, на западном выступе Гусрата. По преданию, после смерти Кришны город опустился в море. Один из эпитетов

Кришны — "Владыка Дварани" (Дваракеша).

ДЖАМАДАГНИ — имя риши, отца Парашурамы. Значение слова не ясно, схолиаст толкует его как "пылающий".

ДЖАНАКА — "родитель", прославленный древний мудрец и царь (раджариши), отец Ситы, жены царевича Рамы, считающегося воплощением Вишну.

ДЖАНАРЛАПА — "угнетатель людей, или "утесняющий, побуждающий людей", эпитет Вишну-Кришны.

ДЖАХНАВИ — "дочь Джакну" — эпитет р. Ганга. Джакну — эпитет мудреца Вишвамитры, кшатрия, заслужившего аскезой браминство. Он проклял Гангу за то, что она своими разливами мешала его упражнению. По просьбе Шивы, низведшего Гангу с Неба, риши выбрал своё проклятие обратно и оживил реку, почему она и стала называться его дочерью.

ДЖАЙДРАТХА — "победная колесница" — имя раджи, сторонника кауравов; муж Духиналы, единственной дочери Дхритараштры. Убит Арджуной в сражении на поле Куру.

ДЖНАНА — знание, подразумевает сущности миропоявления, отличия духа от материи; постижение Истинной сути духа (Пуруши). Д. противоплагается "аджнана" — неведение, но не как простое отсутствие знания, а как ложное знание, заблуждение (моха).

ДЖИВА — "живой", жизненный самознающий принцип, понятие индийской философии, наиболее близкое к понятию "душа" европейской философии.

ДИТИ — "ограниченность", слабо персонифицированное женское божество, мать лайтеев, врагов суров (см. АСУРА). Д. и асуры часто отождествляются.

ДРАВИДА — название народа, уроженца Индии, живущего на восточной стороне Деканского полуострова; дравиды — негроиды, покорённые арийцами, вошли в систему их каст как шудры (каста слуг);

считалось, что это кшатрии, детгравированные до состояния слуг (покорённые воины); различалось пять племён дравидов.

ДРАУПАДИ — "дочь Драупады", общая жена Пандавов. Полиандрия — редкая форма брака в древнеиндийском обществе, признававшая 7 форм брака, в число которых полиандрический брак не входил. Собственное имя Драупады — Кришнаа, чёрная. В 18-й кн. Махабхараты сказано, что Кришнаа была воплощением Шри, жены Вишну-Нараяны, его Шакти (Шри — богиня счастья).

ДРАУПАДА — "деревянная колона", "столб", царь Панчалы, тесть Пандавов, женатых полиандрическим браком на его дочери Драупады ("дочь Драупады"); его сын — Дхриштадымна.

ДРОНА — "брамин", преподававший военное искусство братьям Пандавам и сыновьям Дхритараштры. Странное имя Д. получил оттого, что его отец, отшельник, искашаемый апсарой, не мог сдержать семени и извергнул его в калашку, где и развился зародыш. Подобный же миф рассказывается о Шукре, сыне Вьясы (Мокшадхарма, сказание о Шукре).

ДУРЙОДХАНА — "трудноодолеваемый". Старший из 101 сына Дхритараштры. Мнение, что "Дхритараштра" означает "плохосражающийся", вполне возможное филологически, неубедительно в контексте. Против мнения считающих, что это имя было кличкой, выдуманной противниками, и что сына Дхритараштры звали не Дурйодхана, а Суйодхана — "хорошо сражающийся", говорит то обстоятельство, что сторонники называют этого молодого раджу Дурйодханой, а не Суйодханой: так называют его противники (ср. "Путешествие Бхагавана" из кн. II, вып. 3), повидимому, вкладывая в это имя отрицательный смысл — "легкоодолимый". Во всяком случае в санскрите наречие "dur" не всегда обозначает "плохо", но часто "трудно", как это видно, напр., в имени Дурги, великой богини, жены Шивы. Имя

Дурга значит не "дурное поведение", а "труднодостижимая". Д. в Махабхарате изображается коварным злодеем, не останавливающимся ни перед каким способом, чтобы погубить соперников, своих двоюродных братьев. Д. был убит в великом сражении Бхимой, использовавшим запрещённый удар в низ живота.

ДХАНАНДЖАЯ — "добыватель сокровищ", "завоевывающий богатства" (духовные или материальные); эпитет Арджуны.

ДХАРМА — "держава", "основа", "долг", "закон". Д. — одно из важнейших понятий индийской философии. Это истинная реальность, основа, поддерживающая мир. Таково онтологическое понятие дхармы. Этический — это закон во всех его аспектах, правда, праведность. В более плотном понимании это правила жизни, обязанности, ритуал. В древней Индии существовала вера, что миропоявление поддерживается ритуалом, отсюда сближение ритуала и дхармы. Махабхарата среди различных формулировок понятия "дхарма" даёт и такую: "нет более высокого закона, нежели истина" — таковы две диалектические крайности в понимании Д. Гита в слово "дхарма" вкладывает смысл приведённой формулировки. В первой же главе Арджуна говорит о плотном понимании слова, как "обряде", "привязанности". Всё дальнейшее можно рассматривать как раскрытие истинного смысла дхармы.

Это понятие мифологически выражено в образе бога Дхармы; олицетворённый в Яме (Близнец), первом человеке (андрогине), ставшем судьёй и Владыкой умерших. С течением времени образы Дхармы и Ямы слились, но в Махабхарате их ещё чётко можно различить. Часто Дхарма и Яма представляются как две мифические личности, в частности, Юдхиштира всегда называется сыном Дхармы, а не Ямы. Исключения из этого правила мне не известны.

ДХАТАР — "благой", "Творец", слабо персонифицированная идея творческой силы Природы.

ДХРИТАРАШТРА — "тот, чьё царство прочно и держится крепко". Слепой раджа кауравов, старший брат Панду, муж Гандхари, отец Дурйодханы и его 99 братьев; не занимал престола, т.к. по закону человек с физическим недостатком не допускался к управлению страной. Царствовал Панду, который, умирая, оставил 5 сыновей. Старший из них Юдхиштира претендовал на престол по праву прямого наследства, а сын Дхритараштры Дурйодхана — по праву старшинства. Махабхарата характеризует Дхритараштру как безвольного человека, потакавшего во всём своему старшему сыну, злобному интригану. По милости Кришны-Двайпаяны, прозванного Вьясой, возникший Дхритараштры Санджая, получил дар ясновидения и мог видеть всё, происходящее на поле сражения. Он рассказывает радже всё, что видит. Бхагавадгита повествуется от имени Санджаи. Имя одного нага.

ДХРИШТАДЬЮМНА — "отважный или весёлый блеск". Сын Драупады, убивший Дрону и убитый его сыном Ашваттхаманом; брат Драупады-Кришны, общей жены Пандавов.

ДХРИШТАКЕТУ — "отважный стая", раджа чедийцев, шурин Накулы, старшего из близнецов, сыновей Мадри, сводных братьев Юдхиштры.

ДЭВАДАТТА — "данный богом". Богдан; имя раковины Арджуны.

ДЭВАКА — "бог" (ж.р.), богиня; мужское имя — раджи, отца Дэваки (ж.р.), матери Кришны.

ДЭВАЛА — "божественный", имя одного из ришей, слагателей гимнов, часто соединяемого в сизигию с Аситой, владыкой тьмы. В таком случае Дэвала принимается за эпитет Аситы.

ДЭВА-РИШИ — "учитель богов", божественный риши, высший класс ришей, напр., Нарада.

И

ИКШВАКУ — "огурец", собственное имя древнего (относительно времени повествования Махабхараты) раджи, о котором сложено много легенд (ср., напр., "Повесть о Галаве" в "Путешествии Бхагавана", вып. III, ряд эпизодов в "Беседе Маркандей", вып. IV).

ИНДРА — "властитель", главный бог — раджа богов позднего ведического пантеона в эпический период. И., хотя и оставался "владыкой тридцати богов", однако, по существу, уже был второстепенным богом, подчинённым браманической триаде в одном из её аспектов. Индра — громовник и борется с демонами туч (Асурами), аналогичен Зевсу греков. Постепенно имя стало нарицательным и приобрело смысл "владыка, царь". Раджи часто титулуются "Индра народа".

ИНДРИЯ — психофизиологические органы, числом 10; 5 воспринимающих соответствуют органам чувства, пять действующих соответствуют некоторым активным функциям организма (пищеварительной, двигательной, детородной и пр.). Центр индрий — манас, который получает сигналы от воспринимающих индрий и посылает импульсы к двигательным.

ИШВАРА — "владыка, Господь", эпитет многих богов. Так называется верховный бог Индуизма: реже Вишну, гораздо чаще Шива.

Й

ЙОГА — "соединение, сочетание, стягивание", "напряжение", "натяжение", средство, дело, связь, единение. Слово "Йога" имеет очень много смысловых оттенков, и в философии оно стало техническим термином для выражения идеи работы над собой, самообладания. Название древнеиндийской философской школы, учащей об осуществлении Освобождения: школа Йоги очень близка школе Санкхья. Считается, что Санкхья даёт теоретическое обоснование тому, что практи-

чески осуществляет Йога. Различают четыре основные направления в Йоге: Джнана Йога, Йога познания, считает, что для Освобождения достаточно постигнуть иллюзорность мира и реальность Атмана. К ней примыкает Раджа Йога, или Царственная Йога, выработавшая ряд физических и психических приёмов для самоуглубления (Самадхи); целью этой Йоги является полная интраверсия. Бхакти Йога, провозглашаемая Бхагавадгитой, учит, что Освобождение достигается в силу благоговейной любви к Высшему, не всегда понимаемому как личность; любовь без дела — пустой звук, а потому Бхакти требует деятельности, но совершенно бескорыстной, во имя идеи. Это и есть Карма Йога, осуществляющая то, чему учит Бхакти.

Джнана Йога учит, что всякое дело, каково бы ни было его выполнение, всегда связывает, а поэтому она считает Карма Йогу, наряду с Бхакти, низшей ступенью, нужной лишь для не знающих, только вступивших на путь Освобождения, и совершенно бесполезной для уже продвинувшихся на этом пути. Такова сущность учения Шанкары. В философских трактатах Махабхараты, особенно в Бхагавадгите, слово "Йога" чаще всего употребляется в смысле "единение" с Атманом, вышшим "Я".

ЙОГИН — адепт учения Йоги, упражняющийся в ней с целью развить в себе особые психические духовные свойства (вихрути) и так достигнуть Освобождения.

К

КАЛА — время; реже эпитет Вишну, часто Шивы, как разрушительной силы мироздания.

КАЛЬПА — мировой период, "сутки Брамь", делящиеся на "день", "ночь", утренние и вечерние сумерки. Длительность "дня" и "ночи" одинакова, как и вечерних и утренних сумерек. 360 суток образуют "год Брамь", а 100 таких лет — "век Брамь". Переводили эти пе-

риоды на земное летоисчисление в разное время по-разному, но в общем величина этих периодов всё возрастала, так что в поздних текстах Махабхараты "век Браммы" определялся в 255620000 земных лет.

КАМА — "страсть", "вожделение", особенно половое, желание, олицетворение страсти, название особого огня. Бог страсти, великий соблазнитель.

КАМАДУК — "корова желаний", мифическое существо, находящееся в мире Индры и выполняющее желания блаженных.

КАНДАРПА — имя бога любви, аналогичного Купидону греков. Он также изображается с луком, но только пять стрел его из цветов, символизирующих страсти. Сказание говорит, что Кандарпа осмелился нарушить покой аскетических упражнений самого Шивы; в гневе Шива испепелил его взглядом, но потом сжалился и оживил.

КАПИЛА — "красноватый", "рыжий", "обезьяна". Древний мудрец, создатель системы Санкхьи. Он отождествлялся с Брамой-Хираньягарбхой ("Золотым Семенем").

КАРНА — "ухо", "чуткий", имя старшего сына Кунти, рождённого ею до брака с Панду от бога Солнца, Сурьи. Родившегося сына Кунти выбросила, его подобрал возникший (сута). Жена возникшего Радха вскормила и воспитала ребенка, поэтому он и стал называться "сыном Радхи", Радхея. К. не знал о своём происхождении и был горячим сторонником Дурйодханы. Обладая сверхъестественной силой, К. был опасным противником, почему Кунти, желая спасти жизнь других своих сыновей, открывает К. тайну его рождения и предлагает стать ему на сторону своих братьев. К. резко отказывает матери, говоря, что раз она покинула его младенцем, то он ей уже не сын. К. только обещает не сражаться с другими Пандавами, но не с Арджуной. Их поединок должен быть не на жизнь, а на смерть. Во время боя Арджуна убил Карну. Беседа Кунти и К. передаётся в отд. V кн. Махабхараты, "Путе-

шествие Бхагавана" (см. III вып. серии).

КАРТАВИРЬЯ — "совершенная отвага", имя одного раджи.

КАСТА — класс, общественная группа. Древнеиндийское общество делилось на 4 основных касты: брамины, кшатрии, вайши и шудры; с течением времени касты стали подразделяться на множество подкаст. Слово "каста" португальское. По-санскритски существует два названия касты: древнее, употреблявшееся в эпический период, "варна" и позднейшее — "джата". Варна значит цвет, краска. Члены касты рисовали на лице отличительные знаки разного цвета. Принадлежащие к первым трём кастам назывались "дважды рождёнными", так как получали посвящение в касту, считавшееся вторым рождением. Хотя члены всех трёх каст имели право на эпитет "дважды рождённый", но он применялся почти исключительно к браминам. К первым трём кастам принадлежали арии, а шудры (слуги) были покорённые ариями аборигены Деканского полуострова. Касты сначала определялись по занятиям: брамины — жрецы, кшатрии — воины, вайши — земледельцы, а позже — торговцы. Уже в эпический период стал выдвигаться для определения каст наследственный момент, позже он стал единственным, определяющим кастовую принадлежность. Межкастовые браки не поощрялись, и дети от такого брака всегда относились к более низкой касте, чем каста отца, — тем ниже, чем больше кастовые расстояния родителей. Особенно отрицательно относились к бракам, в которых муж принадлежал к касте более низкой, чем каста жены. Браки с женщинами первых трёх каст для шудр были запрещены, и дети от таких браков считались внекастовыми.

КАУНТЕЯ — "сын Кунти", этот эпитет прилагался ко всем трём старшим братьям-Пандавам: Юдхиштхире, Бхиме и особенно к Арджуне; матерью двух других (из пяти) младших Пандавов была Мадри.

КАУРАВА — "потомок Куру", человек, принадлежащий к народу Куру, происходящему от Сомы (Луны); имя царя пятого поколения от Сомы — Нахуша; у его сына, Яти, было 2 сына; Яду, от которого пошёл род ядавов и к которому принадлежала и Кришна, и Пуру, давший начало роду кауравов; кауравы, парша и панчала — родственные племена. Оба брата, Дхритараштра и Панду — кауравы, но обычно под кауравами Эпос разумеет потомков Дхритараштры и их сторонников, а под бхаратами — Пандавов, потомков брата Дхритараштры — Панду и их сторонников. Впрочем это выдерживается не строго как в ту, так и в другую сторону.

КАШЬЯПА — "чёрнозубый", черепашка, мало персонифицированное божество, близкое Праджapati; во мн.ч. — название гениев, осуществляющих движение Солнца (ср. с египетским Хепра); мужское имя.

КЕШАВА — "кудрявый", или "лучистый" — эпитет Вишну-Кришны, сохранившийся с того времени, когда Вишну представлялся как олицетворение Солнца. Солнечные лучи воспринимались как его кудри (ср. "Златокудрий Аполлон" греков).

КЕШИ, или **КАШИ** — "лучезарный", древнее название города Бенареса — Ванараси; последнее название встречается в более поздних текстах Махабхараты.

КОШТХАНАМА — коштха — клад, сокровищница; нама — имя; название горы.

КРИПА — "сострадательный", имя одного раджи, сторонника Дурйодханы, шурина Дроны; брамин, участвовавший в предательском нападении на спящих Пандавов, организованном Ашваттхаманом, сыном Дроны. Один из трёх кауравов, уцелевших от войска Дурйодханы после великой битвы.

КРИШНА — "чёрный", раджа из племени вришни, 1) имя чтимого раджи из племени вришни, считавшегося 9-м воплощением Вишну; сын Васудэвы и Дэваки, внук Яду, отчего его называют Ядава, двоюрод-

ный брат и сторонник Пандавов, шурина Арджуны. 2) Кришна-Двайпаяна — мудрец, отец Дхритараштры, именуемый ещё Вьяса ("распределитель", "редактор"), т.к. ему приписывается приведение в порядок Вед, редакции Махабхараты, Пуран и мн.др. священных книг; в ж.р. — Кришнаа (в переводе Кришны), по отцу именуемая Драупади, считается воплощением богини Шри (жены Вишну), родилась на алтаре; — общая жена братьев Пандавов. В образе Кришны сливаются несколько божеств: Вишну, Бхагаван, Нараяна и пастуший бог Кришна. Само имя говорит о негроидном происхождении Кришны. По-видимому, Кришну-раджу следует отличать от Кришны-пастуха, любовника Радхи, чья жизнь описана в 19-й кн. Махабхараты. Харивамсе ("Род Хари"), произведении значительно более позднем, чем Махабхарата. В Кришне воплощён образ идеального кшатрия: отважного, благородного, мудрого. К. — носитель новой религии и новой философии. Характерно, что К. был убит волшебной палицей, пущенной в ход браминами. Это сказание — след борьбы двух господствующих варн, кшатриев и браминов, постоянно встречающейся в Махабхарате, несмотря на старание позднейших редакторов-браминов затушевать такой антагонизм. В ж.р. слово также употребляется как собственное женское имя; жену Пандавов звали Кришнаа.

КУБЕРА, или **КУВЕРА** — бог сокровищ, владыка подземных духов (см. ГУХЬЯКА), хранитель Севера; сын Вишравы, отчего по отцу называется Вайшравана; изображается с тремя зубами и тремя ногами, а потому его имя толкуется как "урод". Кубера — покровитель купцов, касты вайшьев.

КУМАРА — отрок, юноша, княжич; эпитет Сканды, а также четырёх сыновей Браммы, хранителей сторон Света.

КУНТИ — эпитет Притхи, по народу, к которому она принадлежала. К. была приёмной дочерью

царя народа Кунти. См. также КУНТИБХОДЖА.

КУНТИБХОДЖА — "кормилец Кунти", имя раджи, приёмного отца Кунти, или Притки (Широкая), матери трёх старших Пандавов. Кунти — название страны. По некоторым толкованиям имя Кунтибходжа следует понимать не как "кормилец Кунти", но как "раджа (стран) Кунти и Бходжа". Кунтибходжа — брат Драупады, отца Кришны, общей женой Пандавов.

КУРУ — значение самого слова неясно, но, повидимому, оно как-то связано с понятием "змей", что уводит нас от арьев к аборигенам Индии, т.к. культ змеев неведический. Куру был сыном Санвартана ("самоотвращающийся") от жены Тапати ("знойная"), дочери Солнца. Дхритараштра и Панду были потомками Куру, кауравы, но обычно для устранения путаницы кауравами называют линию Дхритараштры, а линию Панду — Пандавами. По линии Дхритараштры все потомки пали в битве, но линии же Пандавов сохранился Парикшит, сын Абхиманью, внук Арджуны.

КУША — название особой травы, род осоки, употреблявшейся при разных ритуалах. Йогини делали себе подстилку из этой травы, застилали её кожей чёрной лани и на таком ложе занимались своими упражнениями.

КШАТРИЯ — "воинственный", "воин", член второй касты "дважды рождённых", — касты воинов и правителей, кшатриев. Во времена Эпоса шла глухая борьба между кшатриями и браминами.

Л

ЛАКШМИ — "счастье", богиня счастья и красоты, жена Вишну.

ЛИНГА — образ, признак, знак, символ; детородный орган, в частности фаллический символ Шивы как производительной силы.

ЛОТОС — водяное растение, часто служившее религиозным символом в Индии и Египте. Лотос уходит

корнями в землю, его стебель проходит через воду, а цветок распускается на воздухе и раскрывается под лучами Солнца (огонь), так лотос проходит через пространство (акашу) и приобщается пяти стихиям. Его цветок не пятнается материей (Праkritи), поэтому лотос есть один из символов духа. Символика лотоса тесно связана с культом Великой Матери.

ЛОТОСООКИЙ — эпитет Кришны-Вишну, говорящий о форме глаз Кришны, удлинённых как лепесток лотоса; такая форма глаз считалась особенно красивой; другой его эпитет, "Радживолокана", говорит о цвете его глаз, так как "раджива" не просто лотос, а именно голубой лотос, как производительной силе.

М

МАДХАВА — "медвяный", "весенний". потомок Мадху, в частности, Ядава, предок Кришны и родоначальник ядавов — племени, к которому принадлежал Кришна. Отсюда и эпитет Кришны "Мадхава".

МАДХУ — "мёд", название первого весеннего месяца; имя предка Ядавы; имя одного Ясура, убитого Кришной.

МАДХУСУДАНА — "убийца (злого духа) Мадху", эпитет Вишну-Кришны. Легенда об этом убийстве есть в "Повести о Дундхумаре" из "Беседы Маркандей". Мадху — "мёд" и "весна", символизирует "житийские улады", соблазняющие человека, решившегося отдаться Йоге.

МАЙЯ — принцип Вселенной иллюзии, нереальности, мировая иллюзия, марево, чары; разные философские школы по-разному принимали этот принцип; в системе Веданты Шанкары Ачарьи за Майей не признавалось никакой реальности; абсолютные монисты отрицали за ним какую бы то ни было реальность; относительные монисты принимали М. за проявление Реального, его шакти (силу), относительно реальную; в Эпосе слово "Майя" встречается относительно редко и может быть сближено с понятием

Шакти — творческой силы или с понятием *Пракрити*; т.е., Эпос признаёт за Майей в той или иной степени реальность. В более обыденном смысле М. есть способность производить чары.

МАКАРА — “делающий Ма”, “произносящий Ма”, название сказочного морского чудовища. М. — последний звук священного слова, символизирующий угасание, прекращение.

МАЛАЯ — “сал”, имя одного народа; название горы в Малабаре; имя одного из сыновей Кашьяпы.

МАНАС — “рассудок”, психический орган, объединяющий индрии и подчинённый Буддхи (разуму), ум, способность осмысливания впечатлений, воспринятых через органы чувств, и способность ответа на эти впечатления через действующие индрии. Манас переживает воспринятое чувствами, которые сами не осознают воспринятого, но являются лишь простыми передатчиками, поэтому М. и есть центр эмоций, “сердце” как эмоциональный центр — в психологическом, но не в физическом смысле (т.е. не физический орган). Манаса — название горы.

МАНИПУШПАКА — “цветущая самцветами”, имя раковины Сахадэвы, младшего из Пандавов.

МАНТРА — священное изречение; заклятие, стих из Вед.

МАНУ — “мыслитель”, “человек” (ср. немецкое “Mann”); легендарный мудрец, управляющий определённым мировым периодом (манвантарой). Гита говорит о 4-х М., позже их насчитывали 10. Ману — прародитель людей, почему люди называются “мануша” (“разумный”). М. — легендарный законодатель Индии; “Законы Ману” (*Маувадхармашастра*) — основной законодательный кодекс древней Индии, памятник, относимый приблизительно к началу н.э.; считается произведением М. текущего мирового периода (манвантары).

МАРГАШИРША — “глава зверей” или “глава Зодиака”, название созвездия Козерога, в котором про-

исходит зимнее солнцестояние, с которого начинали год древние индийцы, название месяца, соответствующего второй половине ноября — первой половине декабря.

МАРИЧИ — “искра”, “световой атом”, “луч света”; имя одного из “владык существ” (Праджапати).

МАРУТА — “бог ветра, бури”. Обычно говорят о “толпе Марут”, иногда их насчитывают 7 или 9, или 10. Они сливаются с другим олицетворением ветра — Рудрой. Иногда Рудра (если он один) называется их предводителем. Позже Рудру стали отождествлять с Шивой, а марутов — с рудрами.

МАРУТА — ветер, бог ветра. Уже в более поздние ведические времена говорилось о “толпе марутов”, их начальник Рудра (Воющий); Маруты подчинены Индре и помогают ему в борьбе с данавами (тучами).

МАХАБХАРАТА — “Большое (сказание) о Бхаратах”, название огромного индийского эпоса в 10000 двустийши (шлок), фабулой которого является повествование о распри между двумя претендентами на престол — Дурйодханой и Юдхиштирой. Но не более 20% поэмы посвящено этой тематике, остальные 80% занимают мифологические, былинные, философские и социологические темы. М. — бесценный литературный памятник индийской культуры, относящийся к первой половине I тысячелетия до н.э.

МАХАДЭВА — “великий бог”, эпитет Шивы.

МАХАН АТМА. — См. МАХАТ.

МАХАТ — высшая из “судей” (таттв), признаваемых ранней Санхьей и отрицаемая поздней; Вселенская Душа, самосознующий принцип Природы (см. Введение).

МАХАТМА — “великая душа”, эпитет Буддхи, когда её рассматривают как Душу мира (Махан). Этот эпитет прилагается и к особо выдающимся, духовно развитым людям (ср. Махатма Ганди). Седьмая дочь Ангираса.

МАХЕНДРА — "Великий Индра", бог Индра; название горы.

МЕРУ — название мифической горы, уходящей далеко в Небо и погружающейся подошвой своей глубоко в бездну. М. — стержень Земли, вокруг которой вращаются Светила. Иногда представляется, что Меру поддерживает Землю, иногда — что М. находится где-то далеко в Гималаях или севернее их, иногда же М. отождествляется с самой Землёй.

МИТРА — божество ведической религии, входившее в верховную двоицу — Митра-Варуна или троицу — Митра-Варуна-Арьяман. В Индуизме значение М. практически сведено на нет, т.к. его функции перешли к Вишну и отчасти (позднее) к Шиве.

МИТХИЛА — столица Видехи, город основанный Митхилом; им управлял знаменитый царь Джанака, отец Ситы, жены Рамы.

МУНДЖА — название травы, из которой можно вытянуть стебель, окутанный листьями, — излюбленный пример отношения Пуруши и Праkritи.

МУНИ — молчаливник, мудрец, аскет.

Н

НАКУЛА — "ихневмон", "мангуста", имя четвёртого из братьев Пандавов. Ихневмон — зверёк из рода крыс, храбро сражающийся со змеями и легко их побеждающий. В этом имени можно видеть намёк (дхвани) на борьбу Накулы с браминами-шиваитами, почитающими змей как символ Шивы.

НАМАС — поклонение, ритуальный возглас.

НАРАДА — "нари"; имя знаменитого учителя богов (дэварини), потомка Канвы, самого популярного из легендарных мудрецов, изобретателя струнного музыкального инструмента "вина" (род лиры), великого бхакта, поклонника Вишну (о нём подр. см. "Путешествие Бхагавана", "Повесть о Матали", III вып. и отдел "Нараяния" в "Мокшадхарме", XII кн.).

Нарада часто соединяется с Парваной в одну пару.

НАРАЯНА — "путь людей", эпитет Вишну.

НИРВАНА — "безветренность", "бездыханность", состояние полного успокоения и отрешённости от всего преходящего. Понятие о Н. весьма растяжимо — от значения своего небытия до значения "отрешённости от всякого миропоявления", глубочайшей интраверсии, экстаза Бытия-Знания-Блаженства.

П

ПАВАКА — "очиститель", так называют все стихии, но в особенности огонь и ветер.

ПАНДАВА — "сын, потомок Панду", этим словом Махабхарата обозначает пятерых братьев: Юдхиштхиру, Бхиму, Арджуна — сыновей одной матери — Притхи-Кунти, Накулу и Сахадэву, близнецов, сыновей Мадри. Панду однажды, охотясь, убил оленя в брачный момент. Олень оказался оборотнем-риши, умирая, он проклял убийцу, сказав, что тот погибнет при подобных же обстоятельствах. Панду, опасаясь проклятия, воздерживался входить к своим жёнам и, чтобы не оказаться бездетным, велел им принести от богов. Т.о., Юдхиштхира был зачат Дхармой, а потому отличался великим благочестием, Бхима — от Ваю (Ветра) и отличался бурным характером, Арджуна — от Индры и отличался царственностью, являясь идеалом кшатрия; близнецы Накула и Сахадэва — от богов-близнецов и отличались особой красотой. Престо­ло­наследником был Юдхиштхира, остальные же братья были его верными помощниками в осуществле­нии его прав. Однажды Панду вошёл к Мадри, и тотчас же исполнилось проклятие: Панду умер и Мадри взмо­ла на смертный костёр Панду.

ПАНДУ — "светлый", "бледный"; имя отца братьев Пандавов, младшего брата Дхритараштры. После его смерти начались раздоры из-за престо­ло­наследия между его сыновьями и сыном Дхритараштры, Дурйодха-

ной. Старший брат Панду Дхритараштра был слеп и поэтому не мог занимать престола, который принадлежал ему по праву старшинства; т.о., фактически царствовал младший брат Панду. Когда он умер, между его пятью сыновьями и сыном Дхритараштры Дурйодхана, разгорелась распря: Дурйодхана претендовал на престол по праву старшинства, а Юдхиштира и его братья — по праву прямого престолонаследия.

ПАНЧАДЖАНЬЯ — "Пятиствольная", имя раковины Кришны.

ПАРАПАТА — это сложное слово можно понять двояко: утеснитель (тапа) врагов (пара) — чужой, зарубежный, враг или крайний, великий (пара) подвижник, предвещающий тапасу. Эпитет, часто встречающийся в Махабхарате.

ПАРВАТИ — гора; имя жены Шивы, дочери Химавата (по другим сказаниям, Кашьяпы) — Ума, Дурга, Сати.

ПАРИЯТРА — "кругом здесь", название горы (отовсюду видная).

ПАУНДРА — "Сахарный тростник", имя раковины Бхимы.

ПИПЛАДА — "инжир" (ягоды), "перец"; имя сына Митры и Равати.

ПРАДЖАПАТИ — "владыка существ". Это слово употребляется как эпитет некоторых верховных богов, чаще всего Браммы, или в качестве собственного имени слабо слабо персонифицированного самостоятельного божества.

ПРАДХАНА — основа ткани; существенное, основное; космическая материя, являющаяся основой Природы (Пракрити), Мироздания.

ПРАКРИТИ — Природа, материя. Классическая Санкхья утверждает полную обособленность Духа (Пуруши) и материи. Дух бездействен, он только созерцает то, что производит Природа. Это выражается известной метафорой, данной в Санкхья-Карике, основном памятнике классической Санкхьи: Пракрити как танцовщица, пляшет перед Пурушей; окончив пляску, она уходит,

говоря: "меня видели", а Дух отворачивается, говоря: "я уже видел это". Другая метафора Санкхья-Карики уподобляет Дух зрячему паралитику, а Пракрити — слепому силачу, несущему на плечах зрячего паралитика. Так они совершают общий путь, потом расстаются. Существеннейшее отличие учения Гиты о П. — это отрицание дуализма, утверждаемое в гл. XIII; в гл. IX и особенно в гл. XV выдвигается идея Пурушоттамы, как начала, объединяющего Дух и материю. В теории развития мира Санкхья придерживается эманационного принципа. П. может быть в потенциальном состоянии (Авьекта Пракрити), и тогда она называется Прадханой. Когда нарушается равновесие гуи в непроявленной П., из Прадханы исходит Буддхи, Мировой Разум, а из него эманации остальные принципы, сути Природы. Буддхи и всё, что она производит, материально и бессознательно. Т.о., Санкхья признаёт материальными все психические процессы, начиная с Буддхи. Безусловные монисты отождествляли её с Майей и считали её нереальностью, иллюзией; относительные монисты признавали относительную реальность П.

ПРАЛАЯ — "растворение"; конец мирового цикла.

ПРАНА — "дыхание", "жизнь", как общемировой процесс жизни, её принцип или же как жизненный принцип тела. Слово "Прана", употреблённое совместно с другими терминами этой категории получает частное значение — "восходящее дыхание". В теле животного различают пять основных пран, дыханий, или жизненных токов: прана, апана, (нисходящий ток), व्याна (проникающий ток) и менее определённые токи — удана и самана. Одной из задач Йоги является сознательное управление этими "жизненными токами" или "дыханиями". В узком смысле праной называется "восходящее дыхание" тела, апаной — "нисходящее дыхание".

ПРАНАЯМА — удержание дыхания. Особые йогические дыхатель-

ные упражнения, имеющие целью развить необычные телесные и психические силы. В системе восьмиступенной Йоги Патанджали П. — четвёртая ступень.

ПРАХЛАДА, или **ПРАХРАДА** — "радостное возбуждение", имя одного благочестивого царя асуров, ревностного поклонника Вишну.

ПРАЩАСТАР — "присутствующий", "свидетель", название жреца, помощника хотара (ведущего жертвоприношение жреца).

ПРИТХА — "ладонь", "широкая", эпитет Земли. Имя дочери Шуры, приёмной дочери Кунти; другое имя Кунти, жены Панду и матери трёх старших Пандавов: Юдхистхиры, Бхимы и Арджуны, которых поэтому называют Партихи, т.е. сыны Притхи; она сестра отца Кришны.

ПУРАНА — былина, был. Так назывались древние (относительно времени повествования) сказания и легенды. В Эпосе слова "Пурана" и "Итихаса" — синонимы. В III кн. Махабхараты собрано много таких повестей (напр., "Наль", "Величие супружеской верности", вып. I и др.). Позже, в VI в.н.э., слово "Пурана" приобрело более узкое значение: так назывались определённые литературные произведения более позднего происхождения, преимущественно вишнуитского направления, напр., Вишнупурана, Бхагаватапурана и пр. Есть и шиваитские П., напр., Ваюпурана. Авторитет П. стоит гораздо ниже ведической литературы. Из П. наибольшей известностью пользуется вишнуитская Бхагаватапурана. П. относятся к Смрити.

ПУРУДЖИТ — "многопобедный", раджа, сторонник Пандавов.

ПУРУША — "горожанин", человек, вообще воплотившийся в дух, "обитатель тела", душа, дух, воплощённый. Джива, живущий в теле, как в "девятитратном граде". Дух вообще, абсолютный субъект, Атман, созерцающий миропроявление ("поле"), а потому и называемый "Познающим" или "Познавшим поле". Учение о П. особенно развито шко-

лой Санкхьи, проповоствующей Дух (Пурушу) материи (Пракрити) и считающей и того, и другую безначальными и совершенно раздельными друг от друга. Бхагавад-гита не придерживается такого дуализма "классической" Санкхьи и признаёт, сохраняя традиции Упанишад, монизм, хотя и относительный ("с различением").

ПУРУШОТТАМА — Высший Пуруша, "Вселенский, Высочайший Дух". В системе эпической Санкхьи это двадцать шестая суть, соответствующая Брахмо Атману Упанишад, объединяющему индивидуальные Атманы. В гл. XV это даже двадцать седьмая суть (таттва). О системе таттв Санкхьи см. вводные статьи к IV вып. Махабхараты.

ПХАЛЬГУНА — рождённый под созвездием Пхальгуна — эпитет Арджуны.

Р

РАДЖА — князь, царь. Князь, совершивший особенно торжественное жертвоприношение коня, становился раджей-сюзереном, махараджей, великим князем.

РАДЖАС — "страстность", "влечение", "стремление", "движение"; второе из качеств Природы (Пракрити), вторая гуна (см. ГУНА).

РАКШАС — злой дух, страшилище-людоед (в ж.р. — ракшаси, в переводе — ракшаска). Р. обычно живут в лесу и постоянно вредят отшельникам, за что и бывают избиваемы разными витязями (Рамой, Пандавами и др.). Возможно, что первоначально Р. назывались дикие племена-людоеды, с которыми сражались арии.

РАМА — "чёрный", "отрадный" (в смысле красавец): 1) раджа, 8-е воплощение Вишну, сын царя Дашаратхи (кшатрий); 2) Баларама, брат Кришны; 3) Парашурама, 7-е воплощение Вишну, сын Джамадагни, брамин, враг кшатриев. О Р. см. подробнее в III вып. "Сказание о Раме".

РАТХАНТАРЫ — особые мантры и гимны (саманы) из Самаведы.

РАХУ — злой дух затмения. Когда боги добыли амриту, напиток бессмертия, Асура Раху тайком испил амриту и стал бессмертным; но Солнце и Луна заметили воровство и сказали Вишну, который отсек голову Раху; с тех пор бессмертная голова Раху, желая отомстить, гоняется за Солнцем и Луной, пытаясь их проглотить; так древние индийцы объясняли затмения.

РИГВЕДА — *Ris* значит гимн, священное изречение. Р. первая и самая священная из Вед, сб. гимнов (рич) и воззваний, произносимых жрецами первого разряда — хотарами — «заклинателями» тех богов, которым совершается жертвоприношение. Возник в середине II тыс. до н.э. (см. Веда). Р. считается главной Ведой и разделяется на 10 книг. Собранные в ней гимны — наиболее ранние памятники религиозно-поэтического творчества ариев, впрочем, наряду с очень древними, здесь есть и наиболее поздние гимны. Многие гимны Р. вошли в состав гимнов других Вед.

РИШИ — «учитель», «мудрец», «пророк», «слагатель гимнов». Времена ришей — «золотой век». Позже риши становятся сверхъестественными существами, не подверженными физическим законам: они по желанию пребывают в Небе, на Земле, в подземном царстве, поучают богов и людей, могут появляться и исчезать как духи. В зависимости от касты риши делятся на три класса: 1) дэвариши, учителя богов; 2) брахмариши, риши брамины и 3) раджариши, риши-кшатри, мудрые и праведные цари; выше всех были божественные Р. — дэвариши, к которым, напр., отбился Нарада. Особенно выделяются «семь риши» — Звезды Большой Медведицы. В Махабхарате чаще фигурируют Нарада, Канва, Бхригу, Парашурама-Джамадагнья, Парвата.

РУДРА — «ревун»; глава Марутов, богов, ветра, грозы. Ведическое божество, уже в Ведах связываемое с богами ветра Марутами; повидимо-

му, бог дикой, гористой природы, близкий к Пану и Лешему. Веды знают 10 рудр, а Шива стал одиннадцатым: вот почему одну из форм Шивы, Шиву-Столпника, изображают с 11 головами. Позже Р. был отождествлен с Шивой. Но по существу Шива и Рудра разные олицетворения. Рудра — ведический бог, предводитель марутов, он упоминается в гимнах Ригведы, посвященных марутам, тогда как Шива — божество неарийского происхождения.

С

САВИТАР — «спаситель», одно из олицетворений Солнца.

САДХЬЯ — особый вид второстепенных небожителей, святых.

САМАВЕДА — сама — гимн, а С. — вторая из Вед, сб. особых гимнов, поющих жрецами второго разряда, удгатурами (певцами), во время обрядов жертвоприношения. С. несколько менее авторитетна, нежели Ригведа. Подобно всем Ведам, в С. различают три отдела: гимны, Агамы, Араньяки (см. Веда). Многие гимны Ригведы вошли в состав С.

САМАДХИ — состояние полной интраверсии, достигаемое после целого ряда физических и психических упражнений в сосредоточенности, погружение в созерцательное раздумье. Последняя ступень йогических упражнений восьмиступенной Йоги Патанджали; различают ряд ступеней С. вплоть до полного отрыва сознания от всех внешних восприятий. Общее название различных ступеней С. — дхьяна.

САМАНА — один из видов «жизненного дыхания»; см. Прана — «общее дыхание».

САМСАРА — «проистечение», мировой поток жизни, круговорот мироправления. Праkritи в её проявлении. Пуруша, попав в этот поток, уносится им до тех пор, пока у него не появятся сила и желание выбраться из потока «на тот берег». Сказано, что мудрые переплывают

С. на корабле знания. Вишну-Кришна говорит, что он извлекает преданных ему (бхакт) из С. силой любви.

САНАТСУДЖАТА — "вечнопрекрасный", имя риши, одного из 7 духовных сынов Брами.

САНДЖАЯ — "победный", "победа"; название особого войскового построения; мужское имя, в частности, имя возникшего Дхритараштры из эпизода "Паставление Вилуры", которому С. повествует о происходящем на поле битвы, которое он видит в силу дара ясновидения, полученного им от мудреца Кришны-Джайпаы, прозываемого Вьясой (см. ВЬЯСА).

САНКХЬЯ — рассуждение, обсуждение "за" и "против", диалектика, спор умственный и физический; битва. Так называется древнейшая школа философии, одна из шести философских школ Индии, признанных ортодоксальными, т.е. признающих авторитет Вед. Принято различать три периода С.: "Этический", с намечающимся дуализмом, но сохранившим ещё, хотя и относительно, монизм Упанишад; "классический", памятником которого является Санкхья-Карика (I в. до или после н.э.), выражающая дуалистическое учение, признающее множество пуруш (атманов, монад) и пракрити, и не признающая бога атеистическая С.; поздний период (около XVI в.), относительно-монистическое и теистическое учение.

САННЬЯСА — "отречение".

САРАСВАТИ — "многоводный", в ж.р. — имя богини красноречия и науки; название реки.

САТ — "сущее, реальное, непреходящее Бытие" (ho on), субстанция в противоположении акциденции, быванию (me on).

САТТВА — "ясность", "уравновешенность", "гармония", "действительное"; название первой (высшей) из трёх гун, свойств Природы (Практи) — чистоты, уравновешенности, гармонии (см. ГУНА).

САТЬЯКА — "правдивый", отец Юютсу; Сатьяки — сын Сатьяка.

САХАДЭВА — "с богом", имя младшего из Пандавов, сына Мадри от Ашвин — близнецов.

СВАДХА — ритуальный возглас, собственное значение которого утрачено; сладкий сок (винограда), олицетворённый как богиня, дочь Дакши и жена Ангираса.

СВАСТИ — благожелательный, хвалебный возглас, нечто вроде "да здравствует".

СВАХА — ритуальный возглас, собственное значение которого утрачено; олицетворение жены Агни.

СКАНДА — "впрыснутый", сын Шивы, вечно юный (кумара) бог войны. О нём подробно см. в "Беседе Маркандеи" — "Повесть о Сканде" (см. IV вып.).

СМРИТИ — память, священное предание, — Писание, менее авторитетное, чем Шрути, Веды и Упанишад. Махабхарата относится к разряду Смрити.

СОМА — название особого священного пьянящего напитка, перебродившего сока одной травы (вероятно, эфедры, содержащей эфедрин, — тонизирующее адреналиноподобное вещество, возбуждающее симпатическую нервную систему). Напиток "Сома" употребляется при жертвоприношениях, пить его дозволяется только браминам и кшатриям. Мифологически Луна связана с влагой, жидкостью: в древности верили, что росу даёт Луна, Месяц; т.е., название Сома было перенесено и на это светило и стало его олицетворением.

СОМАДАТТА "дарованный Сомай"; раджа страны Вахлики, сторонник кауравов.

СУБХАДРА — "счастливая", имя сестры Кришны, второй жены Арджуны и матери Абхиманью. "Счастливой" называлась девочка, у которой есть брат.

СУГХОША — "хорошо звучащая", имя раковины Сахадэвы, четвертого из Пандавов.

Т

ТАМАС — тьма, темнота, тупость, инерция, название низшей из трёх гун, качества Природы (Пракрити) (см. ГУНА).

ТАПАС — нагревание, накаливание, теплота как мирозозидающее начало; изнурение плоти, аскеза.

ТАТ — "То", непознаваемая основа мира; субстанция; Брахмо (ср. с китайским "Дао").

ТАТТВА — основа ткани; индийская философия учит о 24+1 основах ткани Природы.

ТВАШТАР — "Творец", мало персонафицированное представление о сознательной силе Вселенной.

ТРИКУТАВАН — "состоящий из трёх острых веществ" (имбиря, чёрного и красного перца); название горы.

У

УДАНА — "выходящий жизненный ток" (см. ПРАНА).

УДГАТАР — жрец, возносящий хваления; особый разряд жрецов.

УМА — лен, покой; имя дочери Химавата, жена Шивы (Дурга, Парвати, Сати).

УТТАМОДЖА — "силач", "богатырь" или "великолепный"; мужское имя одного раджи, сторонника Пандавов.

УЧЧХАЙШРАВА — "наостряющий уши", имя царя лошадей, вышедшего из океана во время его пахтанья богами и асурами.

УШАНА — "заря", "зоровый", название Денницы, утренней Венеры, Люцифера; древний мудрец, сын Бхригу. У. носит и другое имя — Шукра — "светлый". Он считается семенем Шивы, как Сириус — семенем Озириса. Об этом подробно сказано в легенде о Шукре (см. XII кн. Мокшадхармы).

УШМАПА — "пьющий пар" (жертвы); особый вид назий (покойников).

Х

ХАВАНИЯ — жертвенный огонь.

ХАРИ — "светло-жёлтый", "буланный" (конь); один из эпитетов Вишну-Кришны-Нараяны, который иногда представлялся в образе буланного коня или коно-головного существа (ср. Мокшадхарма, кн. XII, отдел "Нараяния"); мужское имя.

ХАВИС — особое жертвенное возлияние топлёного масла в огонь.

ХИМАВАТА — "зимний", "снежный"; название с горного хребта — Хималая — "Область зимы".

ХОТАР — жрец особого разряда, ведущий в ритуале жертвоприношения.

ХРИШИКЕША — "лохматый", "курчавый" — так понимают слово европейские санскритологи; пандиты истолковывают иначе: "владыка чувств"; эпитет Кришны.

Ч

ЧАНДРА — месяц; мужское имя.

ЧЕКИТАНА — "понятливый", "разумный", имя одного раджи, сторонника Пандавов.

ЧИТРАРАТХА — "пёстрая колесница"; имя главы гандхарвов.

Ш

ШАБАРА, или **ШАВАРА** — "пёстрый"; название города; эпитет Шивы.

ШАЙБЬЯ — "потомок Шиби", раджа, сторонник Пандавов, Шиби — один из прославленных радж древности из рода Яяти.

ШАКРА — "мощный", эпитет Индры.

ШАЛМАЛИКА — хлопковое дерево, колючее, с красными цветами.

ШАМБХУ — "благодетельный"; название одного огня; эпитет Шивы.

ШАНКРА — "благодетельный", "умиротворяющий", эпитет Шивы; имя самого авторитетного индийского философа, создателя школы строгого монизма — Адвайты; жил в VIII

в и з. Его главные труды: комментарии к Сутрам Бадараяны, к некоторым Упанишадам и к Бхагавадгите.

ШАСТРА — священный закон, канонизированные законодательные книги. Откровение.

ШАТАКРАТУ — "стократно сильный" или "приемлющий сто жертв", эпитет Индры.

НИВЕТА — светлый, белый; название горы.

ШИВА — "благой", эфемерическое название шакала, а также страшного бога Рудры; жр. — Шиваа, имя жены Ангираса, образ которой приняла Свага, чтобы соблазнить Агни.

ШИКХАНДИ — "волосатый", имя витязя, смертельно ранившего Бхишму. Ш. в прошлом воплощении был женщиной. Она, будучи уже замужем, влюбилась в одного витязя, но тот отказал ей во взаимности, не желая нарушать закона. Оскорбленная этим отказом женщина стала совершать страшную аскезу, чтобы в будущем, став мужчиной, убить оскорбителя, т.к. в этом воплощении он не стал бы сражаться с ней, как с женщиной. В следующем воплощении витязь родился Бхишмой, а женщина — гермафродитом, который был назван Шикханди; по милости Ашвины Ш. стал полностью мужчиной, участвовал в битве на поле Куру и смертельно ранил Бхишму.

ШИНШАПА — большое, красивое дерево "Dalbergia sisso".

ШИШИРА — прохладный период года: январь — март.

ШЛОКА — двустишие, в узком смысле особый размер: 2 (8+8), основной в эпической поэзии.

ШРИ — счастье, блаженство, богиня счастья и красоты, жена Вишну; как эпитет — приставка к имени в смысле блаженный, святой (Шри Махабхарата, Шри Кришна).

ШРУТИ — "услышанное", так обозначаются "Священные Писания", "Откровения": Веды и их дополнения — Брахманы, Араньяки, Упанишады. Все другие поучительные книги (в т.ч. Махабхарата и

Рамаяна) относятся к "преданию" — Смрити. Шрути пользуются безусловным авторитетом, тогда как авторитет Смрити относителен.

ШУДРА — представитель четвертой, полусвободной касты слуг. Шудрам запрещалось изучение Вед и Веданты. Повидимому, первоначально шудрами, слугами, были покоренные арьями племена аборигенов.

Ю

ЮГА — "ито", мировой период: 4 Юги составляют манвантару, или время проявления одного мира; каждая Ю. разделяется на время "дня", "ночи" и "сумерек"; длительность Юг последовательно убывает; мировые сутки. Различают 4 Юги. 1. "Крита", совершенная Ю. ("золотой век"), длительность которой 4000 лет дня и ночи + по 400 лет утренних и вечерних сумерек, итого 4800 земных лет. 2. Вторая, "тройная" Ю., "трета", называемая так потому, что её длительность определяется в 3000 лет для дня и ночи + по 300 лет для вечерних и утренних сумерек, итого 3600 земных лет. 3. Третья "двойная" Ю., "двапара"; длительность её 2000 лет для дня и ночи + по 200 лет для вечерних и утренних сумерек, итого 2400 земных лет. 4. Четвёртая, "чёрная", бедственная, Кали Юга ("чёрная") Ю., длительность её дня и ночи 1000 лет и по 100 лет утренних и вечерних сумерек, итого 1200 земных лет. Сначала, повидимому, под годами разумелись обыкновенные человеческие года, но потом с развитием учения о "днях и ночах" Браммы (ср. Бхагавадгита, VIII, 17), в "сутках" Браммы стали насчитывать 12000 Ю., так что "век" Браммы достиг величины в 285420000 земных лет. С каждой Ю. жизнь людей укорачивается, общественные нравы падают, слабеет жизнь Природы и, наконец, приходит к растворению, пралае, когда деятельность Природы на время, равное времени четырёх Юг, прекращается. Считается, что с начала войны на поле Куру началась Кали Юга.

ЮДХАМАНЬЮ — "пыл битвы", имя одного раджи, сторонника Пандавов.

ЮДХИШТХИРА — "стойкий в битве", имя старшего из сыновей Панду, а по легенде, сына бога справедливости Дхармы-Ямы и Кунти-Притхи, поэтому особенно стойкий в соблюдении закона правды (дхармы), отчего и получил эпитет Дхармараджа (праведный раджа). Ю. является прямым соперником Дурйодханы, старшего сына Дхритараштры. За Дурйодханой было право старшинства, т.к. Дхритараштра был старше Панду, за Юдхистхирой было право прямого престолонаследия, т.к. фактически царствовал Панду, а не Дхритараштра.

ЮЮДХАНА — "жаждущий битвы", возникший Кришны, называемый также сыном Сатьяки.

Я

ЯДАВА — потомок Яду, сына Яти. Ядавы — боковая ветвь рода Пуруравы, имевшего женой апсару Урваши (ср. драму Калидасы "Пурурав и Урваши"). Другой ветвью рода были кауравы, потомки Куру. К племени Яду принадлежал Кришна, отчего он и носит эпитет Ядава. Панду был из рода Куру, т.о., братьям Пандавам (Арджуне и др.) Кришна приходится двоюродным братом.

ЯДЖУРВЕДА — (Яджус) название третьей Веды, сб. обрядовых гимнов и заклинаний. Различают "Белую" и "Чёрную" Я.; в последней много формул колдовского характера, т.е. направленных на причинение "вреда", "порчи" и пр.

ЯТИ — укрощённый отшельник; потомки риши Бхигу; некоторые комментаторы считают, что яти — настоящие аскеты; другие же, — что это лицемеры, под маской которых скрываются Асуры.

ЯТИ — (от "Ят"; славянское "яти"—соединять), имя древнего родоначальника, сына Нахуши, отца Яду и Пору, сводных братьев; общий родоначальник рода ядавов, к кото-

рому принадлежит Кришна, и рода кауравов.

ЯДЖУС — "жертвоприношение". Название третьей Веды (Яджурведа), трактующей о подробностях свершения ритуалов. Этот памятник разделяется на два: т.н. "Белая" и "Чёрная" Яджурведа. В этой Веде указываются обязанности третьего разряда жрецов (адхварью), занятых материальной частью обрядов. Разделение это Веды на "белую" и "чёрную" понимается в том смысле, что "белая" часть приведена в порядок, в то время как "чёрная" часть не отредактирована.

ЯКИША — второстепенный дух, служитель богов. Якши близки гномам, они образуют свиту владыки сокровищ Куберы; иногда они представляются в виде гениев облаков; иногда о них говорят как о воинах небесной рати.

ЯМА — "близнец", первый из людей, ушедших под землю (умерших). У Ямы была сестра Ями, которая совершала особые обряды, отдавая свою жизнь, чтобы Яма не умер. Т.о., Яма только ушёл под Землю, чтобы стать судьёй и владыкой мёртвых, а потому олицетворением и владыкой Закона, Дхармой и богом смерти, хотя в индийском пантеоне есть и женская персонафикация смерти — Мритью (ср. с египетским Осирисом). Слияние Ямы и Дхармы произошло неполностью; иногда они появляются как две отдельные личности (напр., в XVIII кн. Махабхараты) (см. "Величие супружеской верности", I вып.).

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

Баранников А. Н. Рамаяна Тульси Даса. М.-Л., 1948.

Двадцать пять рассказов Веталы. Перев. с санскрита И. Серебрякова. М., 1958.

Корш Ф. Опыт ритмического объяснения древнеиндийского эпического размера. — "Древности восточные", т. 2, вып. 1. М., 1896.

Роллан Р. Собрание сочинений, тт. XIX и XX. Л., 1941.

Сикорский И. А. Психиатрия. Киев, 1905.

Фёдоров А. О художественном переводе. Л., 1941.

Штенгели Г. Техника стиха. М., 1940.

Штайнберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936.

Штокмар Н. П. Исследования в области народного стихосложения. М., 1952.

Шербатской Ф. И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, т. 1. Л., 1932. Шербатской Ф. И. Теория поэзии в Индии. Журнал М-ва просвещения, III, 1902, июль.

Arbmann E. Rudra. Uppsala, 1922.

Avalon A. The Serpent Power. Madras—London, 1931.

Belloni-Filippi F. Ueber Bhagavadgita, II, 46, Zeitschr. f.d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch., 1909, Bd. 58, S. 370.

Belvelkar S. K. Lectures on Vedanta Philosophy, 1929 (ref. in Journ. of the Royal Asiatic Soc., 1931, No 1).

Bhandarcār R. G. Vaishnavism, Shivaism and minor. Relig. Syst. (In: Grundriss der Indo-Arisch. Philologie und Altertum Kunde. Bd. III. Strassburg, 1913).

Bopp. Arjuna's Reise in Indras Himmel. Berlin, 1854.

Boettlingk O. Bemerkung zur Bhagavadgita. Bericht. der phil.-hist. Klasse der Königl. Sächs. Gesellsch. d. Wissensch. Leipzig, 1897.

Budge E. A. Wallis. The Dwellers on the Nile. London, 1926.

Colinet Ph. La divinité personnelle dans la Bhagavadgite. Museon. 1884, vol. III, p. 127—143, 294—319, 1885, vol. IV, p. 5—11, 1886, vol. V, p. 212—332.

Colinet Ph. Etudes sur le mot Aditi. Museon, 1892, vol. XII, p. 81—90.

Coomaraswami A. Rigveda 10, 90. I. Journ. of Amer. Orient. Soc. (JS), 1946, vol. 66, p. 145—161.

Dahlmann. J. Nirvana. Berlin. 1896.

Dahlmann. J. Die Sankhya-Philosophie. Mahabharata Studien. Bd. 2, Berlin, 1902.

Dandekar. Asura Varuna. Ann. of Bhandarcār Inst., 1941.

Dasgupta S. Yoga as Philosophy and Religion. London, 1924.

Deussen P. Allgemeine Geschichte der Philosophie. Bd. I. Abt. 1—3. Leipzig, 1920.

Deussen P. Sechzig Upanishad's des Veda. Leipzig, 1921.

Dev Sushil Kumar. The Problem of Purushatama in the Gita. Calcutta Review, 1930 February.

Dumezil. Ouranos-Varuna. Paris, 1934.

Dumont. Review on Edgerton's *Bhagavadgita*. *Journ. of Amer. Oriental Society*, New Haven, 1946, vol. 66, No 1, p. 89—90.

Edgerton F. *Jnana and Vijnana*. *Festschrift für Winternitz*, 1863—1933. Leipzig, 1933, S. 217.

Elmore W. *Dravidian Gods in modern Hinduism*. *Univ. Studies printed by Univ. of Nebraska*. Vol. XV, 1915.

Great Liberation (*Mahanirvana Tantra*), Transl. by A. Avalon, Madras, 1927.

Hartmann F. *Die Erkenntnislehre der Bhagavad Gita*, Leipzig, 1897.

Hauer J. W. *Der Yoga*, Stuttgart, 1958.

Heimann A. Varuna—Rita—Karma. In "Beitrag" der Literatur Wissensch. u. Geistesgeschichte Indiens. *Festschr. H. Jacobi*. Bohn, 1926, S. 201—214.

Holtzmann A. *Mahabharata und seine Teile*, 1895.

Holtzmann A. *Ueber Mahabharata*. *Zeitschr. f.d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch.* (ZDMG), 1878, Bd. 32; 1880, Bd. 34.

Humboldt W. *Ueber die unter dem Namen Bhagavad Gita bekannte Episode des Mahabharata*. Berlin, 1826. *L'Ishvaragita*, Paris, 1933.

Jacobi H. *The Dates of Philos. Suetras of the Brahman's*. *Journ. Amer. Orient. Society*, 1911, vol. 31, No 1, p. 1—29.

Jacobi H. *Weiteres zum Bhagavadgita Problem*. *Deutsche Literaturzeitung*, 1922, No 15, S. 265—279.

Koomerasvamy K. *Hinduism and Buddhism*. New York, Philosophy Library.

Krofton. *On the Collection of a Manuscript of the Bhagavadgita*. Dublin, 1866.

Kumarappa Bharatan. *The Hindu Conception of the Deity*. London, 1934.

Lamotte E. *Notes sur la Bhagavadgita*. Paris, 1929.

Lange A. *Maha-Bharata*. Brody, 1911.

Oldenberg H. *Bemerkungen zur Bhagavadgita*. *Nachricht d. Koenig. Gesselsch. der Wissensch. zu Goettingen*, 1919, S. 321—332.

Oldenburg N. *Die Literatur des Alten Indien*. Berlin, 1903.

Oltremare P. *L'histoire des idées theosophiques dans l'Inde*. Vol. 1—2, 1906—1923.

Otto R. *Vishnu-Narayana*. Jena, 1923.

Patanjali. *Yoga-sutra* (The Aphorisms of the Yoga Philosophy of Patanjali with illustrat.). Extracts from the comment. by Bhoja Raja, 1916.

Pavolini. *Recenti lavoro sulla Bhagavadgita*. Firenze, 1912.

Prinzipien of Tantra (*Tantratattva*). P. 2. Ed. by A. Avalon. London, Allahabad, 1852.

Roy M. A. *The Bhagavad-Gita and modern Schoolarschip*. Vol. 1—3. London, 1941.

Ruben W. *Die Philosophen der Upanishaden*. Bern, 1947.

Schrader O. *Neues ueber die Bhagavadgita*. "Aus indien Kultur". *Festgabe fuer Garbe*. Erlang, 1921, S. 171—183.

Schrader O. *On the form of Bhagavadgita contained in the kashmirien Mahabharata*. *Journ. of the Asiat. Soc.*, 1935, p. 146—149.

Schrader O. *Ueber Bhagavadgita*. II, 46. *Zschr. f.d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch.*, 1910, Bd. 64, S. 334—340.

Speer. Die indische Theosophie. Leipzig, 1914.

Stherbatsky Th. The conception of the buddhist nirvana. Leningr., 1927.

Subba Row. Lectures on the study of the Bhagavadgita. Bombay, 1897.

Thibaut G. The Vedanta-sutras with comment. of Tchancaracarya. "The Sacr. Books of the East", vol. 34, 1890.

Valle-Poussin. Les Religions de l'Inde. Paris, 1905.

Vivekananda S. The Complete Works. Vol. 1—3. Calcutta, 1946.

Weber. Indische Studien. Bd. 2, 1853.

Winternitz M. Geschichte der indischen Literatur. Leipzig, 1908.

Woodroffe M. J. Shakti and Shakta. Madras, 1929.

Yoga-Mimansa. Ed. by Chrimat Kuvalayananda. Vol. 1—4, 1924—1933.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭДУАРД ШЮРЕ РАМА

ГЛАВА I. Человеческие расы и происхождение религий	3
ГЛАВА II. Миссия Рамы	15
ГЛАВА III. Исход и Победа	20
ГЛАВА IV. Завешание великого Предка	24
ГЛАВА V. Ведическая Религия	27

ЭДУАРД ШЮРЕ КРИШНА

ГЛАВА I. Героическая Индия. Сыны Солнца и Сыны Луны	33
ГЛАВА II. Царь Мадурь	37
ГЛАВА III. Дева Деваки	40
ГЛАВА IV. Юность Кришны	43
ГЛАВА V. Посвящение	49
ГЛАВА VI. Учение Посвящённых	56
ГЛАВА VII. Торжество и Смерть	59
ГЛАВА VIII. Сияние божественного Глагола	69

ЛАЛЛУ ДЖИ ЛАЛ ПРЕМ САГАР

Предисловие	72
Вступительная статья	80
*	
ГЛАВА I. Почему шри Шукадева рассказал сказание царю Парикшиту	81
ГЛАВА II. Канса хочет убить Деваки	96
ГЛАВА III. Благословение чрева	98

ГЛАВА IV. Васудева джи уносит в Гокуль shri Кришну джи	103
ГЛАВА V. Жестокое неистовство Кансы	106
ГЛАВА VI. Праздник рождения shri Кришны	108
ГЛАВА VII. Шри Кришна убивает Путну	110
ГЛАВА VIII. Яшода рани угощает жителей Браджа	112
ГЛАВА IX. Шри Кришна джи ворует масло	114
ГЛАВА X. Яшода привязывает shri Кришну джи к ступе	118
ГЛАВА XI. Освобождение от проклятия Ямала и Арджуны	119
ГЛАВА XII. Убийство Ватсасура и Бакасура	121
ГЛАВА XIII. Шри Кришна убивает Агхасура	123
ГЛАВА XIV. Брахма джи крадёт телят	124
ГЛАВА XV. Брахма возносит хвалу shri Кришне	126
ГЛАВА XVI. Баладев джи убивает асура Дхенука	127
ГЛАВА XVII. Укрощение Кали	129
ГЛАВА XVIII. Шри Кришна джи спасает от лесного пожара	131
ГЛАВА XIX. Баладев джи убивает асура Праламба	133
ГЛАВА XX. Шри Кришна вторично спасает пастухов от лесного пожара	134
ГЛАВА XXI. Описание игр в период дождей и осенью	136
ГЛАВА XXII. Гимн пастушек свирели	137
ГЛАВА XXIII. Шри Кришна похищает одежды пастушек	138
ГЛАВА XXIV. Шри Кришна джи просит пищу у брахманок	140
ГЛАВА XXV. Пуджа горе Говардхану	143
ГЛАВА XXVI. Шри Кришначандра джи держит гору на одном пальце	147

ГЛАВА XXVII. Восхваление дивного чуда шри Кришны джи	149
ГЛАВА XXVIII. Индра возносит хвалу шри Кришне	150
ГЛАВА XXIX. Шри Кришна спасает Нанду джи от Варуны показывает пастухам рай Вайкунтку . .	152
ГЛАВА XXX. Шри Кришна водит хоровод с пастушками	154
ГЛАВА XXXI. Не видя шри Кришны пастушки, ищут его	159
ГЛАВА XXXII. Пастушки воспевают чудеса шри Кришны	162
ГЛАВА XXXIII. Пастушки беседуют со шри Кришной джи	163
ГЛАВА XXXIV. Хоровод	165
ГЛАВА XXXV. Освобождение видьядхара Сударшана. Умерщвление демона Шанкхасура . . .	167
ГЛАВА XXXVI. Шри Кришна пасёт в лесу коров. Пастушки являются к Яшодe и поют, прославляя шри Кришну	170
ГЛАВА XXXVII. Умерщвление Вришабхасура . . .	171
ГЛАВА XXXVIII. Шри Кришна умерщвляет демона Кеши	175
ГЛАВА XXXIX. Акрур прибывает во Вриндаван . .	178
ГЛАВА XL. После беседы с Нандой Акрур беседует с Кришной и Баларамом	179
ГЛАВА XLI. Акрур возносит хвалу шри Кришне джи	183
ГЛАВА XLII. Акрур является на совет Кансы . . .	184
ГЛАВА XLIII. Шри Кришна исцеляет Кубджу и ломает лук Шивы	188
ГЛАВА XLIV. Шри Кришна убивает слона Кувалья	192
ГЛАВА XLV. Шри Кришна убивает Кансу	194
ГЛАВА XLVI. Освобождение из темницы Васудева и Деваки и помазание на царство Уграсены	197

ГЛАВА XLVII. Шри Кришна посылает Удхава джи во Вриндаван для утешения Нанды и других	207
ГЛАВА XLVIII. Удхав беседует с пастушками о шри Кришне	210
ГЛАВА XLIX. Шри Кришна джи с Удхавом джи посещает дом Кубджи	216
ГЛАВА L. Акрур, улышав дерзкие слова Дурйодханы, отправляется с Видуром в дом пандавов и утешает Кунти	218
ГЛАВА LI. Далее идет вторая часть сказания Война шри Кришны и Баларама с Джарасандхом .	220
ГЛАВА LII. От взора Мучукунды Калааяван обращается в пепел. Мучукунд получает избавление от рождения и смерти	226
ГЛАВА LIII. Баларам вступает в брак с Ревати. Царь Рукма собирается выдать Рукмини	230
ГЛАВА LIV. Шри Кришна похищает Рукмини . . .	239
ГЛАВА LV. Война между Шишупалом и шри Кришной	247
ГЛАВА LVI. Прадьюмна убивает Шамбарасура и возвращается в Дварку	255
ГЛАВА LVII. Сатраджит обвиняет шри Кришну в краже драгоценного камня Сьяманта, потом, убедившись в своей неправоте, выдаёт за шри Кришну свою дочь Сатьябхаму	260
ГЛАВА LVIII. Шатадханва убивает Сатраджита и, отдав камень Акруру, бежит. Шри Кришна убивает его	268
ГЛАВА LIX. Шри Кришна с пандавами отправляется на охоту. Шри Кришна вступает в брак с Калинди. Он отдаёт лес Кхандав Агни, и Арджун защищает его от Индры	276
ГЛАВА LX. Шри Кришна убивает Бхавмасура и вступает в брак с шестнадцатью тысячами ста царевнами	285
ГЛАВА LXI. Шри Кришна разгневал Рукмини джи и снова её утешил	293

ГЛАВА LXII. Брак Прадьюмны. Брак Анируддхи. Смерть Рукмы от руки Баларама джи	297
ГЛАВА LXIII. Сон Уши. Заключение Анируддхи .	303
ГЛАВА LXIV. Шри Кришна джи вступает в бой с Банасуром и побеждает его. Брак Анируддхи с Ушей	320
ГЛАВА LXV. Шри Кришна спасает царя Нрига . .	328
ГЛАВА LXVI. Баларам джи отправляется в Браджд	333
ГЛАВА LXVII. Шри Кришна убивает Васудева Павндрика	337
ГЛАВА LXVIII. Баларам джи убивает обезьяну Двивида	340
ГЛАВА LXIX. Самба увозит Лакшману. Баларам джи грозит потопить Хастинапур	342
ГЛАВА LXX. Нарада джи посещает шри Кришну с его супругами	346
ГЛАВА LXXI. Брахман приносит шри Кришне весть от двадцати тысяч царей	349
ГЛАВА LXXII. Шри Кришна с восемью царицами отправляется в Хастинапур	351
ГЛАВА LXXIII. Гибель Джарасандха от руки Бхимы	353
ГЛАВА LXXIV. Шри Кришна джи освобождает царей. Они являются ко двору царя Юдхиштхиры	361
ГЛАВА LXXV. Во время жертвоприношения раджасуи шри Кришна убивает Шишупала	363
ГЛАВА LXXVI. Унижение Дурйодханы	368
ГЛАВА LXXVII. Шри Кришна убивает Дайтью Шальву	370
ГЛАВА LXXVIII. Баларам джи убивает Сута . . .	375
ГЛАВА LXXIX. Единоборство Бхимы и Дурйодханы	378
ГЛАВА LXXX. Брахман Судама навещает шри Кришну	381

ГЛАВА LXXXI. Шри Кришна джи спасает Судаму от бедности	383
ГЛАВА LXXXII. Шри Кришна джи с ядавами посещает Курукшетру	385
ГЛАВА LXXXIII. Драупади посещает супруг шри Кришны джи	391
ГЛАВА LXXXIV. Васиштха, Вамадева и другие риши совершают жертву для Васудевы джи	392
ГЛАВА LXXXV. Шри Кришна джи возвращает из подземного мира своих шестерых братьев	394
ГЛАВА LXXXVI. Арджун похищает Субхадру. Шри Кришна отправляется в Митхилу	397
ГЛАВА LXXXVII. Беседа Нарады с джи Наранараяном	400
ГЛАВА LXXXVIII. Вишну убивает Врикасура . . .	402
ГЛАВА LXXXIX. Риши испытывают всех трёх богов и устанавливают превосходство Вишну . . .	405
ГЛАВА LC. Как жил Шри Кришна в Дварке . . .	409

МАХАБХАРАТА

БХАГАВАДГИТА	413
Примечания	521

АНУГИТА

Предисловие Б. Л. Смирнова	620
Литературный перевод	631
Примечания	716

САНАТСУДЖАТАПАРВАН

Предисловие Б. Л. Смирнова	738
Литературный перевод	742
Примечания	762

Толковый словарь Б. Л. Смирнова

к книгам Бхагавадгита, Анугита и Санатсуджатапарван	764
Библиографический указатель	786
Общая литература	788

Научное издание

ЛЕГЕНДЫ О КРИШНЕ. (Жизнь и Учение)

Эдуард ШЮРЕ. РАМА. КРИШНА

Лаллу джи ЛАЛ. ПРЕМ САГАР (Легенды о Кришне)

МАХАБХАРАТА. (Философские тексты) БХАВАДГИТА.
АНУГИТА. САНАТДЖУТАПАРВАН

Составитель
и научный редактор, проф. *В. А. Шериев*
Художественный редактор
и корректор *Л. И. Гаращенко*
Технический редактор *Н. С. Плотникова*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством

Н/Б

ЛР № 060024 от 4.07.91 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 21.12.94.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура
«Таймс». Печать офсетная. Печ. л. 25. Уч.-изд. л. 57.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 193. С 008.

ООО «НИК»

123436, Москва, ул. Маршала Бирюзова, 8/4.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинат детской литературы им. 50-летия СССР Коми-
тета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

